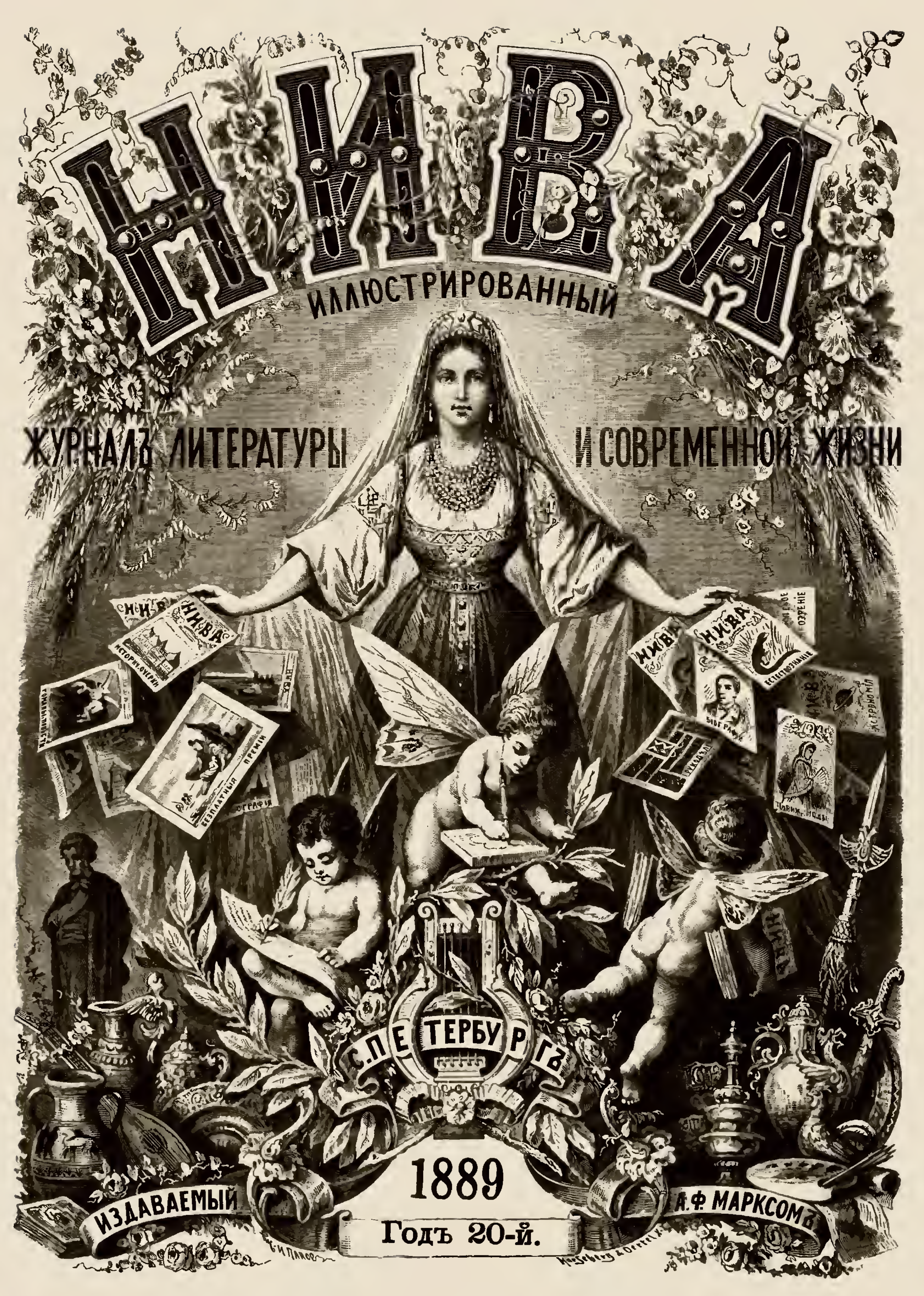


Невскій проспектъ, № 6.

XX г. № 35 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 26 августа 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Трудъ и праздность. Съ карт. Брунера, грав. Ерике.

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

V.

Владиміръ Алексѣевичъ направился въ переднюю, откуда витая лѣстница вела въ верхній этажъ, гдѣ находились контора и редакція „Столицы". Подымаясь медленно по ступенькамъ, Ратиминъ думалъ, отчего заурядный, почти ежедневно повторяющійся вопросъ жены заронилъ въ немъ непріятное чувство, какъ будто онъ скрывалъ въ себѣ намѣреніе поѣхать куда-нибудь тайкомъ... да, къ Негрѣховой. И отчего эта женщина выростаетъ передъ нимъ на концѣ каждой мысли? Онъ ея не знаетъ, видѣлъ всего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія считать ее умною или глупою, доброю или злою. Ему извѣстно лишь одно: она красива, какою-то особенно симпатичною ему красотой, является воплощенною идеализаціей его жены, нѣкогда горячо любимой.

— Нѣтъ, она добра, умна, рѣшилъ онъ. — Въ ея голосѣ дрожатъ настоящія чувства.

Не останавливаясь, прошелъ онъ черезъ контору, гдѣ человѣкъ двѣнадцать работали за длинными столами, составляя цѣлую газетную канцелярію. Разсѣянно отвѣчалъ онъ на глубокіе поклоны служащихъ, пораженныхъ тѣмъ, что *самъ* поднялся наверхъ, чего не случалось больше трехъ или четырехъ разъ въ годъ.

Владиміръ Алексѣевичъ направлялся въ дальнюю комнату, отведенную Бекину для занятій. На дорогѣ его задержалъ высокій блондинъ во фракѣ, съ воспаленными глазами и длинною всклокоченною бородой, главный хроникеръ „Столицы", Авказовъ. Выскочилъ онъ изъ-за своего стола, покрытаго грудами исписанныхъ листиковъ, вырѣзокъ изъ газетъ и распечатанныхъ конвертовъ, подлетѣлъ къ Ратимину, схватилъ его за рукавъ и началъ говорить съ невѣроятною быстротой, захлебываясь, соскальзывая съ собственныхъ мыслей:

— На вчерашнемъ балу у княгини Чавровой были французскій и нѣмецкій военные агенты и долго бесѣдовали другъ съ другомъ... Этою ночью, на Большой Морской, произведена кража со взломомъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова... Генералъ-отъ-инфантеріи Петровъ скоропостижно умеръ, въ четыре часа утра, отъ разрыва сердца... Курьерскій изъ Москвы опоздалъ на часъ и двѣ минуты... Къ первому представленію „Увлеченія" билеты всѣ проданы... Въ редакціи „Телефона" передрались всѣ фельетонисты и подаютъ другъ на друга къ мировому... Докторъ Раубгольдъ прочитаетъ лекцію о брюшномъ тифѣ...

Владиміръ Алексѣевичъ слушалъ, невольно улыбаясь, знакомый съ безобидною слабостью добросовѣстнаго и хлопотливаго хроникера. Упоминанье объ „Увлеченьи" кольнуло его въ сердце.

— Хорошо, отлично, сказалъ онъ, — я все это прочитаю въ вашей хроникѣ... Да, вотъ вы знаете все... гдѣ и какъ живетъ госпожа Негрѣхова?

Авказовъ покраснѣлъ отъ радости, что ему даютъ случай блеснуть всевѣдѣніемъ:

— Знаю, знаю, знаю... Она живетъ у Прониныхъ, въ родствѣ и дружбѣ съ его женой, а вовсе не съ самимъ Пронинымъ, какъ было ошибочно сказано въ „Телефонѣ"... Въ „Телефонѣ" постоянно врутъ; у нихъ шальной хроникеръ, ничего не понимающій и не умѣющій собирать справки... Въ этой газетѣ ничего не было сказано о громадной пальмѣ, которую баронъ Штейнъ-Штейнеръ выписалъ изъ-за границы для своего зимняго сада; а это чудесная пальма, единственная въ своемъ родѣ, просто прелесть, рѣдкость!

И Авказовъ засіялъ отъ восторга, точно ему эту пальму подарили.

Ратиминъ больше не слушалъ его. Узнавъ, что Негрѣхова живетъ у Прониныхъ, онъ заволновался, какъ будто въ немъ сталъ раздаваться голосъ, говорившій: „ну что жь, поѣзжай туда, ничего тебѣ не стоитъ... ты съ Прониными знакомъ, бывалъ у нихъ раза два въ прошломъ году, тебѣ всякій будетъ радъ..."

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ испуганъ неожиданно представившеюся возможностью увидѣть Евгенію Сергѣевну, поговорить съ ней.

„Поѣду!" рѣшилъ онъ и едва не произнесъ этого слова вслухъ. Такое нетерпѣнье его охватило, что ему показались противными и скучными часы, отдѣляющіе его отъ того времени, когда можно будетъ поѣхать съ увѣренностью застать Негрѣхову. Вечеромъ — вѣрнѣе всего. Днемъ она на репетиціи.

Отвратительно скучною представилась ему вся окружающая обстановка, особенно то, что было у него передъ глазами, холодно и сухо омеблированныя редакціонныя комнаты, груды русскихъ и заграничныхъ газетъ, столы покрытые зелеными скатертями, широкія чернильницы, гранки, стопы линованной бумаги.

Ему захотѣлось встряхнуть себя, швырнуть себѣ что-нибудь грубое въ душу, и онъ сталъ искать. Не хватило у него духа вызвать въ себѣ гнѣвъ на обѣихъ переводчицъ, сидѣвшихъ къ нему спиной, старыхъ, некрасивыхъ, словно засохшихъ надъ выписками изъ иностранныхъ газетъ.

„Разнести" Бекина? Средство выдохшееся, потерявшее силу... Вдругъ, изъ сосѣдней комнаты, въ растворенную дверь, высунулось пьяное, красноносое лицо Рашметкина, судебнаго репортера, доставлявшаго также свѣдѣнія для отдѣла „Театръ". Владиміръ Алексѣевичъ вспомнилъ что-то, рѣзко поблѣднѣлъ и подозвалъ его къ себѣ. Рашметкинъ услужливо подошелъ и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— А вотъ что: съ какихъ поръ вы считаете себя способнымъ писать музыкальныя рецензіи?..

Рашметкинъ изобразилъ сильное удивленіе, даже ярче, нежели слѣдовало.

— Я не понимаю, пробормоталъ онъ и сложилъ свое безусое лицо въ скверную гримасу.

Ратиминъ продолжалъ:

— Я видѣлъ вчера вечеромъ редактора „Воскресной Иллюстраціи". Онъ мнѣ сказалъ, что вы предлагали ему такого рода сдѣлку: моя газета будетъ хвалебно отзываться о его журналѣ, если онъ дастъ вамъ взятку, платя вамъ полтораста рублей въ мѣсяцъ за еженедѣльный музыкальный фельетонъ, при чемъ вы чрезвычайно откровенно заявили, что ничего въ музыкѣ не смыслите, будете компилировать чужія статьи, но помѣщать въ „Столицѣ" панегирики его журналу...

Рашметкинъ заметался, хотѣлъ оправдаться, но Владиміръ Алексѣевичъ выкрикнулъ только одно слово „вонъ", но выкрикнулъ такъ внушительно своимъ звучнымъ басомъ, что стекла дрогнули, переводчицы подскочили, а провинившійся репортеръ мгновенно оказался въ прихожей.

Бекинъ осторожно выглянулъ изъ своего кабинета, трепетный. Онъ такъ боялся всякихъ „исторій", словно каждое событіе, вообще, носило въ себѣ зародышъ пощечины, предназначенной для его физіономіи.

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами и облегченно вздохнулъ, неискренно, потому что у него на душѣ отъ встряски вовсе легче не стало. Напротивъ, ему не нравилось, что онъ вышелъ изъ себя. Авказовъ смотрѣлъ на него съ укоризной, за то собственно, что онъ

хозяинъ той газеты, гдѣ онъ, Авказовъ, работаетъ, и что, благодаря этому, никакъ нельзя сообщить въ „Столицѣ“ о томъ, какъ редакторъ эффектно протурилъ нечестнаго сотрудника.

Пройдя къ Бекину, Владиміръ Алексѣевичъ совсѣмъ остылъ душою, но остылъ ко всему, кромѣ мысли объ Евгеніи Сергѣевнѣ. Газета представлялась ему ежедневно повторяющимся скучнымъ урокомъ, котораго миновать нельзя. Онъ чувствовалъ, что становится къ ней въ оффиціальныя отношенія.

— Пожалуйста, сказалъ онъ Бекину, — когда будете размѣчать нумеръ, пришлите ко мнѣ смѣту, а сами не приходите. Я разстроенъ немного...

Петръ Леонтьевичъ изобразилъ испуганное соболѣзнованіе:

— Vraiment?

Но принципалъ его даже не удостоилъ отвѣта и вышелъ. Тутъ Бекинъ не выдержалъ и пустилъ ему вслѣдъ самый недружелюбный взглядъ, который ясно говорилъ: „о! если бы мнѣ твои деньги не были нужны!“

Въ былое время, Петръ Леонтьевичъ былъ почти порядочнымъ человѣкомъ, бойкимъ публицистомъ и толковымъ малымъ. Къ несчастью, вышло у него, какъ-то совсѣмъ неожиданно, крупное недоразумѣніе по поводу чужой сторублевки, недоразумѣніе выразившееся ударомъ по лицу, и это обстоятельство мгновенно его пересоздало. Попавъ въ разрядъ „битыхъ“, онъ съежился и сморщился душой, искрошился, опошлился, пустился на всякія темныя „литературныя“ дѣла, затѣялъ газету, осквернилъ ее до невѣроятія, низвелъ ее до степени шантажнаго листка и, оскандалившись, сталъ гибнуть. Выручилъ его Ратиминъ, купилъ у него „Столицу“ и оставилъ его при ней „подручнымъ“ редакторомъ. И Петръ Леонтьевичъ унижался передъ нимъ, а душонка его возмущалась, но вопросъ о насущномъ хлѣбѣ не давалъ его душонкѣ разойтись.

VI.

Вечеромъ, Владиміръ Алексѣевичъ поѣхалъ къ Пронинымъ.

До послѣдней минуты не зналъ онъ, рѣшится-ли онъ на это и, рѣшившись, едва-ли не воображалъ, что ѣдетъ не по своей волѣ, а потому что какія-то неясныя обстоятельства такъ сложились. И онъ надѣялся, что вернется домой въ совершенно спокойномъ настроеніи духа.

Ратиминъ твердилъ себѣ, что всему не трудно измѣниться, при одномъ взглядѣ на Евгенію Сергѣевну: можетъ вѣдь она ему показаться не такою необыкновенно увлекательною... увидитъ онъ, что поддался воображаемой Негрѣховой, а не ей самой, увидитъ и вернется къ женѣ, чистый сердцемъ.

— Конечно, конечно, шепталъ онъ, въ то время какъ карета останавливалась у подъѣзда того дома, гдѣ жили Пронины, — я пріѣхалъ сюда, чтобы освободить свою душу отъ лжи.

Тихо поднимаясь по лѣстницѣ до втораго этажа, онъ, такъ сказать, стягивалъ къ своему сердцу всѣ воспоминанія, могущія представить ему его жену въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Онъ хотѣлъ доказать себѣ, что онъ любитъ ее, никогда не разлюбитъ, а лишь на нѣсколько часовъ увлекся, благодаря тому, что въ немъ жизни много.

Вспомнилъ онъ безропотность жены, въ періодъ безденежнаго времени, ея молодыя, свѣтлыя улыбки, взгляды, проникнутые глубокимъ чувствомъ. Да, но всего этого теперь уже нѣтъ. Отдѣлились они другъ отъ друга. Она, отъ богатства, душевно поблѣднѣла. Качества ея зачахли, ослабѣли, не находя себѣ примѣненія.

— Должно-быть я просто никого не люблю, пробормоталъ Ратиминъ; и онъ разсердился, точно всѣ окружающіе виноваты въ томъ, что онъ ихъ не любитъ, нарочно того добивались.—Мнѣ и не нужно любви. У меня есть дѣло, освѣщающее жизнь.

Остановясь у темныхъ дверей, онъ позвонилъ, совсѣмъ хладнокровный, какъ будто его нисколько не смутило бы, еслибы прислуга отвѣтила, что господъ дома нѣтъ. И онъ даже захотѣлъ такого отвѣта; ему стало думаться, что Ратимину, редактору-издателю „Столицы“, окружившему себя какъ бы ореоломъ недосягаемости, не слѣдуетъ ѣздить безъ зова и усиленныхъ приглашеній къ драматическому писателю, котораго онъ, въ сущности, считаетъ ловкою бездарностью, принаровившеюся къ среднимъ вкусамъ средней публики.

— Дома? спросилъ Ратиминъ.

Раньше, нежели лакей успѣлъ сказать слово, раздался сочный баритонъ Пронина:

— Кого я вижу! Владиміръ Алексѣевичъ, вы-ли это! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Добро пожаловать! Душевно рады и благодаримъ за великую честь.

„Ну, вотъ, и вся твоя проза такая-же казенная, какъ и твое привѣтствіе!“ подумалъ Ратиминъ, пожимая руку драматурга, плотнаго и толстаго блондина лѣтъ сорока пяти, съ бородкой à la Dickens и полысѣвшею головой.

— Я былъ сейчасъ по дѣлу въ сосѣднемъ домѣ, сказалъ гость, — и, разсчитавъ, что у меня есть немного свободнаго времени, заѣхалъ къ вамъ. Надѣюсь, Павелъ Арсеньевичъ, вы не заняты?

„Однако, я начинаю лгать, точно трушу!“ мысленно прибавилъ онъ.

— Помилуйте, развѣ можете вы помѣшать! возразилъ Пронинъ, соображая, что ему слѣдуетъ крѣпко ухватиться за случайность и обратиться на пользу своей писательской популярности,—пойдемте въ кабинетъ.

Онъ, съ почтительною нѣжностью, взялъ Владиміра Алексѣевича подъ руку и повелъ его въ большую комнату, прилегающую къ передней. Въ этой комнатѣ, какъ хозяинъ любилъ о томъ упоминать, написалъ онъ болѣе пятидесяти дѣйствій. Кабинетъ поражалъ безвкусіемъ убранства. Видно было, что Пронинъ, быстро разбогатѣвъ, поторопился накупить всякихъ дорогихъ вещей, ни съ чѣмъ, кромѣ цѣны, не соображаясь, благодаря чему получилась терзающая какофонія стили и, сверхъ того, орѣхъ, дубъ и красное дерево грубо перемежались.

— Ну, Владиміръ Алексѣевичъ, измучился я! заявилъ Павелъ Арсеньевичъ, усадивъ своего гостя на турецкій диванъ и разваливаясь на спинку стула, украшеннаго въ русскомъ вкусѣ, — истерзался я совсѣмъ „Увлеченіемъ“! Истомили меня репетиціи, натворилъ я себѣ враговъ изо всѣхъ актеровъ, а двухъ актеровъ довелъ до обморока. Не хотятъ они вникнуть въ суть своихъ ролей, пересоздаютъ всякій тонъ по-своему, воображаютъ, что они знаютъ все лучше насъ, авторовъ. Тяжело мнѣ пришлось. Ужь вы будьте снисходительны, пожалуйста, ужь вы...

У Пронина едва не вырвалось „окажите поддержку“, но онъ во-время запнулся и сталъ покрывать своего гостя ласковымъ, искательнымъ, мягкимъ взглядомъ.

При другихъ обстоятельствахъ, Ратиминъ не выдержалъ-бы и срѣзалъ-бы его, но теперь онъ почти не слушалъ и невольно посматривалъ на двери, ведущія въ слѣдующія комнаты, стараясь угадать, дома-ли Евгенія Сергѣевна.

— Да, да, разсѣянно проговорилъ онъ въ отвѣтъ и спросилъ:—правда-ли, я слышалъ, что въ вашей піесѣ дебютируетъ одна молодая актриса, нигдѣ не игравшая?

— Какже! Негрѣхова, троюродная сестра моей жены. Ну, ужь я вамъ скажу — ею я остался доволенъ. Поразила она меня, хотя, разумѣется, я имѣлъ до сихъ поръ случай оцѣнить ея талантъ, видѣвъ, какъ она играла въ Саратовѣ, на любительскихъ спектакляхъ. Я

Панно профессора К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. Съ фот. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“), грав. Флюгель и Барановскій.

Морскіе божки.

Амуры-садовники.

горжусь ею. Я, если можно такъ выразиться, выпколилъ ее. Благодаря мнѣ, дали ей дебютъ. Сколько трудностей долженъ былъ я преодолѣть, чтобы вручить ей главную роль! За то, я вамъ скажу, она превосходна. Вы въ этомъ убѣдитесь завтра, а сегодня, если позволите, я васъ познакомлю съ нею. Вѣдь она живетъ у насъ.

Ратиминъ не зналъ, притвориться-ли ему удивленнымъ или нѣтъ. Онъ опустилъ глаза, сердце его сжалось отъ волненія,—глупаго волненія, рѣшилъ онъ.

— Очень, очень радъ буду, проговорилъ Владиміръ Алексѣевичъ, сухимъ тономъ, словно онъ боялся, что вѣжливость повредитъ ему, уронитъ его съ пьедестала. Вообще, онъ не зналъ, какъ быть, и такъ-сказать не видѣлъ себя, опасался, что его престижъ начинаетъ терпѣть ущербъ. Ему казалось, что Пронинъ не съ такимъ подобострастіемъ на него смотритъ, какъ при прежнихъ встрѣчахъ... Очевидно, всѣмъ ясно, что онъ уже не тотъ неуязвимый Ратиминъ.

„Пустяки, фантазія, глупости!“ сердито перебилъ онъ самого себя и началъ прислушиваться, съ дѣланною скучливою усмѣшкой, къ словамъ Павла Арсеньевича.

— Надъ этой піесой я работалъ довольно долго, хотя она всего въ двухъ дѣйствіяхъ, потратилъ не мало времени, но зрѣло обдумалъ ее. Смѣло могу сказать, что это одно изъ лучшихъ моихъ произведеній и...

Владиміръ Алексѣевичъ пересталъ быть внимательнымъ и захотѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, позволилъ-ли бы онъ, раньше, Пронину такъ долго распространяться въ рекламныхъ объясненіяхъ о своей собственной піесѣ, или онъ ему сказалъ-бы: „перестаньте, я все это самъ разсужу завтра, заплативъ за кресло три рубля“.

Да, навѣрно, прежде не далъ-бы онъ Павлу Арсеньевичу распространяться о своихъ типахъ и произведеньяхъ, такихъ жидкихъ, что, по мѣткому выраженію одного рецензента, сквозь нихъ Кронштадтъ былъ виденъ.

Вдругъ, онъ заволновался сильнѣе, замѣтивъ, что дверь изъ гостиной медленно отворяется. Представилось ему, что сейчасъ появится на порогѣ Евгенія Сергѣевна, и онъ откинулся немного назадъ, чтобы свѣтъ лампы не такъ ярко освѣщалъ ему лицо.

Дверь отворилась совсѣмъ. Вошла толстая краснощекая дама, казалось, задыхавшаяся, въ шелковомъ платьѣ, круглолицая сѣдѣющая брюнетка, съ дугообразными бровями, приплюснутымъ носомъ и мясистымъ ртомъ. Это была Марья Ефимовна, жена Пронина.

— Господи Боже мой! вотъ кого не ожидала увидѣть! удивилась она,—а должно быть Паша, въ самомъ дѣлѣ, умный человѣкъ, коль вы къ нему пріѣхали...

Откровенно и просто вылились у нея эти слова, грубымъ и тяжелымъ говоромъ. Проведши первыя двадцать пять лѣтъ своей жизни въ Саратовской глуши, она, вопреки всѣмъ стараніямъ мужа, никакъ не могла попасть въ столичный тонъ и осталась все тою-же черноземною помѣщицей, воспитанной по сосѣдству съ гусятами и курами.

— Ну, прибавила она,—чего вы здѣсь сидите? Пора чай пить. Пойдемте въ столовую. И тамъ о пьесѣ наговоритесь. Оказывается, Паша очень хорошую вещь написалъ.

„Сейчасъ встрѣча“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ и, дѣйствительно, едва Ратиминъ переступилъ черезъ порогъ, онъ увидѣлъ Евгенію Сергѣевну. Мгновенно исчезли всѣ его сомнѣнія. Онъ понялъ, что находится въ полной зависимости отъ ея красоты, именно отъ ея красоты, ничего въ ней не зная, кромѣ чарующей наружности. Она показалась ему еще восхитительнѣе, чѣмъ въ первый разъ, болѣе идеальною, какъ будто, вспоминая о ней, онъ былъ въ силахъ представить себѣ всю прелесть ея безупречной красоты.

Онъ пересталъ раскаиваться въ томъ, что пріѣхалъ къ Пронинымъ... Развѣ не все равно? Пусть думаютъ, что̀ хотятъ. Его только одно безпокоило: онъ не зналъ, какъ подойти къ ней. Можетъ-быть она скрыла, что была у него.

— А! самый любезный изъ редакторовъ! громко привѣтствовала она Владиміра Алексѣевича и, развязно пошедши къ нему на встрѣчу, пожала ему руку.

Ратимина такая развязность поразила, но не могла ему не понравиться. Въ его глазахъ, каждое ея движеніе и слово были очаровательны.

— Развѣ вы знакомы? удивленно освѣдомился Пронинъ.

— Да! какъ-же! засмѣялась Негрѣхова и умолкла, лукаво предоставила Ратимину объяснить „гдѣ и какъ“, угадавъ, что онъ стѣсняется.

Но онъ и не думалъ давать объясненія. Пришлось ей прибавить:

— Мы встрѣтились въ редакціи „Столицы“, куда я зашла подписать знакомыхъ.

Ея ложь обрадовала Владиміра Алексѣевича. Выходитъ, у нихъ завелась, непонятнымъ образомъ, общая тайна, сближающая ихъ.

Сѣли за столъ, заговорили о піесѣ. Пронинъ не допускалъ, въ своемъ присутствіи, другаго разговора. Ратиминъ былъ оживленъ, веселъ, любезенъ, произносилъ слова легко, но рѣшительно не могъ сообразить, то-ли онъ говоритъ, что̀ слѣдуетъ. Выбился онъ изъ колеи и понесся, какъ поѣздъ по шпаламъ, безтолково. Онъ старался слѣдить за собой, и ему казалось, что всѣ замѣчаютъ въ немъ неладность, знаютъ причину его ненормальнаго оживленія.

Но онъ ошибался. Павелъ Арсеньевичъ былъ занятъ исключительно собой, радовался тому, что нашелъ во Владимірѣ Алексѣевичѣ благосклоннаго слушателя и прикидывалъ въ умѣ, сколько лишнихъ представленій можетъ доставить его пьесѣ хвалебная статья въ „Столицѣ“. Марья Ефимовна скучала, тоскливо улыбаясь. Очень ужь ее изводили (такъ она выражалась) всякіе литературные толки, пересыпанные словами въ родѣ „психическій анализъ“, „сценарій“ и „сценическій темпераментъ“.

А Евгенія Сергѣевна методически спокойно пила чай, изрѣдка поглядывая на Ратимина, съ едва уловимой усмѣшкой.

Дразнила Владиміра Алексѣевича эта усмѣшка, оскорбительно фамильярная, дразнила и была ему пріятна, онъ самъ не зналъ отчего. Хотѣлось ему доказать Негрѣховой, что онъ совсѣмъ самостоятеленъ, свободенъ отъ ея вліянія. Мнилось ему, что она сильно въ этомъ сомнѣвается и считаетъ его неспособнымъ думать въ ея присутствіи. И онъ заговорилъ о драматическомъ искусствѣ, цитируя Лессинга, Шекспира, Шиллера. Потомъ онъ замолкъ, съ отвращеніемъ къ самому себѣ, за то, что вздумалъ произносить такія имена въ разговорѣ съ человѣкомъ неспособнымъ понять ничего, кромѣ своихъ безцвѣтныхъ произведеній, и котораго онъ, въ сущности, глубоко презираетъ.

Рѣзко шевельнулся въ немъ протестъ. Онъ увидѣлъ всю пошлость и безцѣльность своихъ поступковъ. Вѣдь онъ прекрасно сознаетъ, что дѣлаетъ ложный шагъ за ложнымъ шагомъ. Къ чему онъ захотѣлъ ее видѣть? Чего ему надо? Добиться ея любви? Зачѣмъ? Онъ связанъ и слишкомъ честенъ, чтобы измѣнить женѣ. Къ тому-же, онъ будетъ только смѣшнымъ въ глазахъ Негрѣховой. Ведетъ онъ себя, какъ мальчишка.

„Встану, уѣду, вотъ и все!“ рѣшилъ онъ, но взглянувъ на Евгенію Сергѣевну, остался, и все представилось ему въ другомъ видѣ. Ничего мало-мальски предосудительнаго онъ въ своемъ поведеніи больше не усматривалъ и утѣшалъ себя формальными разсужденіями, находя, что имѣетъ полное право поступать,

какъ ему угодно, коль скоро онъ только оживляетъ себѣ душу свѣжимъ увлеченіемъ. Снова раздалась у него въ умѣ фраза изъ оперы Чайковскаго:

Ея порывы благотворны...

И онъ сталъ мучительно томиться мыслью, что ему, пожалуй, такъ и не удастся сказать хоть нѣсколько словъ Евгеніи Сергѣевнѣ, наединѣ. Думалось ему, что тогда все станетъ ясно, установятся между ними дружественныя отношенія... ему больше ничего не надо. Она пойметъ его, перестанетъ надъ нимъ издѣваться (а теперь, навѣрно, издѣвается). Что̀ ему нужно? Видѣть ее, слышать ея голосъ. О большемъ онъ не мечтаетъ... было-бы нечестно.

Вошелъ сынъ Пронина, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, краснокожій, неуклюжій, фельдшерскаго типа; съ нимъ четверо его товарищей по гимназіи.

Ратиминъ угадалъ, что это завтрашніе хлопальщики, большерукіе, горластые, которые, несомнѣнно, будутъ приглашены въ ложу Марьи Ефимовны и сочтутъ своимъ нравственнымъ долгомъ посодѣйствовать успѣху піесы. Павелъ Арсеньевичъ встрѣтилъ ихъ съ подозрительною привѣтливостью, жена его тоже.

Владиміръ Алексѣевичъ воспользовался удобною минуткой и пересѣлъ поближе къ Негрѣховой.

— Довольны вы своей ролью? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтила Евгенія Сергѣевна,—а вы?

Ратиминъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Ну, да, объяснила она, — вы тоже играете роль, только безъ антрактовъ... Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я шучу, простите, не дѣлайте страшныхъ глазъ. Я сама знаю, что сказала глупость. Ролью я недовольна, безсмысленная роль, прибавила она шепотомъ,—увидите завтра... Вы, я надѣюсь, воспользуетесь моею взяткой и вовсе не такой сердитый, какимъ хотѣли мнѣ показаться, когда я пришла къ вамъ въ первый разъ, скромною просительницей...

Владиміръ Алексѣевичъ разсмѣялся.

— Конечно, сказа̀лъ онъ, и у него, совершенно неожиданно, вырвалась наивная фраза: — я бы желалъ, чтобы мы стали добрыми друзьями...

Евгенія Сергѣевна насмѣшливо улыбнулась. Она прикусила себѣ нижнюю губу, точно ей пришелъ въ голову слишкомъ рѣзкій отвѣтъ, и она не рѣшалась его произнести. Ратиминъ безсмысленно весело смотрѣлъ на нее, загипнотизованный чернымъ блескомъ ея сильныхъ глазъ.

Она едва замѣтно пожала плечами и проговорила:

— Ваша жена будетъ завтра въ театрѣ?

Владиміръ Алексѣевичъ вздрогнулъ. Внезапное упоминаніе о женѣ какъ будто ударило его по лицу.

— Будетъ, отвѣтилъ онъ,—но...

— Мнѣ-бы хотѣлось ее видѣть. Утверждаютъ, что я на нее удивительно похожа. Правда? скажите...

Ратиминъ пристально посмотрѣлъ на Негрѣхову, сіявшую задорнымъ оживленіемъ, и тихо произнесъ:

— Нѣтъ, сходства я не вижу, совсѣмъ.

— Повидимому, вы этимъ желаете сдѣлать мнѣ комплиментъ... Cela ne vous fait pas honneur...

И она съ откровеннымъ презрѣніемъ взглянула на Владиміра Алексѣевича, переставъ улыбаться. У Ратимина дрогнула въ глазахъ ея изящная фигура. Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— La méchanceté vous rend bien laide! быстро проговорилъ онъ.

— Что? что? О чемъ вы толкуете? торопливо вмѣшалась Марья Ефимовна, не говорившая по французски и убѣжденная во вредности всѣхъ слоиъ этого языка.

— О послѣднемъ романѣ Монассана, свободно произнесла Негрѣхова,—и мы хотимъ знать твое мнѣніе...

Пронина обидчиво надулась.

Павелъ Арсеньевичъ, услышавъ, что упомянули о Монассанѣ, прервалъ разговоръ съ гимназистами и, обратившись къ Ратимину, сталъ нападать на парижскаго романиста:

— За что̀ его превозносятъ!? Ничего въ немъ нѣтъ. О! французская литература послѣднихъ лѣтъ до крайности безсодержательна...

Владиміръ Алексѣевичъ, не возражая, дослушалъ его рѣчь до конца, потомъ всталъ. Его начали удерживать, но онъ однозвучно повторялъ:

— Мнѣ пора... мнѣ пора...

Негрѣхова едва коснулась его руки, гимназисты замотали головами, Павелъ Арсеньевичъ и Марья Ефимовна проводили его до передней.

— Ужъ вы пощадите меня, сказалъ Пронинъ, намекая на піесу,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады...

— Мнѣ даже кажется, что ваша радость обширнѣе вашего литературнаго богатства, сухо отвѣтилъ Ратиминъ и вышелъ.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сходилъ онъ съ лѣстницы, чѣмъ поднимался по ней. Ему казалось, что тамъ, наверху, въ квартирѣ Прониныхъ, душа его искрошилась. Чувства въ немъ не было. Усталость какая-то тупая налегла на его сердце, и никогда еще такъ ясно не понималъ онъ, что онъ такой-же мелкій и глупый человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и только искусственно раздулъ самого себя, вскарабкался на столъ и воображаетъ, что это пьедесталъ. Вспоминая объ Евгеніи Сергѣевнѣ, онъ сердился, но гнѣвъ его не освобождалъ сердца отъ тисковъ. Онъ теперь считалъ необходимымъ добиться отъ нея расположенія, увѣренный, что это поставитъ его, въ нравственномъ отношеніи, снова на ноги.

— И какъ только я увижу, что она сдается, не въ силахъ противиться моей волѣ, я отшвырну ее отъ себя! проговорилъ онъ и подумалъ: „она, безъ сомнѣнья, будетъ играть отвратительно. Мой отзывъ покажетъ ей, что я не такъ-то легко увлекаюсь“.

Пріѣхавъ домой, онъ направился прямо къ себѣ въ кабинетъ и нашелъ на письменномъ столѣ первую полосу „Столицы“, присланную на подпись. Бѣгло просмотрѣлъ онъ ее, разсѣянно, безъ мыслей, и подписалъ.

— А завтра утромъ будутъ это читать, съ усмѣшкой прошепталъ онъ,—вопьются въ передовую статью Бекина о Болгарскомъ вопросѣ; выдержки изъ нея передадутся по телеграфу въ провинціальныя газеты... Всѣ вообразятъ, что это мои личные взгляды, а я даже не знаю, что̀ сказано въ статьѣ... и нѣтъ охоты посмотрѣть, до того скучно...

Владиміръ Алексѣевичъ позвонилъ и приказалъ лакею, кивнувъ на полосу:

— Въ типографію...

— Дядя Володя, можно къ тебѣ? раздался голосъ Сони.

Ратиминъ удивился:

— Какъ, ты еще не спишь?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось дождаться тебя и поговорить.

Она выбрала самое удобное кресло, расположилась и, съ игривымъ видомъ шаловливаго котенка, спросила:

— Скажи пожалуйста, отчего въ тебѣ за послѣднее время такая перемѣна? Ты сегодня за обѣдомъ самъ на себя не былъ похожъ, все смотрѣлъ на часы... Торопился къ Пронинымъ... Вѣдь у нихъ госпожа Негрѣхова живетъ?

Владиміръ Алексѣевичъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на нее. Не ожидалъ онъ ничего подобнаго отъ беззаботной сестры своей супруги.

— Никакой перемѣны нѣтъ, съ чего ты взяла! неувѣренно произнесъ онъ, — развѣ Валя навела тебя на мысль... Но вѣдь и у нея не можетъ быть основаній предполагать...

— Валя, вообще, ничего не предполагаетъ. Ты зна-

ешь, какъ трудно вызвать въ ней какое-бы то ни было впечатлѣніе. И я сама ничего не знаю, но почему-то боюсь. Ты *другой*, ты не нашъ, ты...

— Напрасно, напрасно, напрасно! перебилъ Ратиминъ, — извини, мнѣ нужно заниматься... Я сегодня ничего не успѣлъ сдѣлать, хотя никого не принялъ за весь день... некогда всѣхъ принимать, некогда...

Соня встала и медленно пошла къ дверямъ.

— Дай Богъ, чтобы напрасно, сказала она протяжнымъ, не своимъ голосомъ.

VII.

Театральная зала постепенно наполнялась, подъ шумокъ піесы, назначенной для съѣзда.

Въ первыхъ рядахъ креселъ появились лица знакомыя всему читающему Петербургу, и большинству зрителей было пріятно ихъ узнавать, шептать сосѣду:

— Это тотъ, знаешь, извѣстный...

На сценѣ шла какая-то передѣлка съ французскаго, не интересовавшая публики партера и ложъ, и казалось, что рѣчи дѣйствующихъ лицъ долетали только до райка, гдѣ раздавались одобрительный хохотъ и аплодисменты.

Въ бель-этажѣ, направо, сидѣла Марія Ефимовна съ некрасивою дамой, сыномъ и тремя его товарищами. Немного дальше отъ сцены, ближе къ Царской ложѣ, виднѣлась свѣтлая фигура Валентины Петровны, въ дорогомъ и изящномъ платьѣ, полученномъ наканунѣ изъ Парижа. Соня, скромно и со вкусомъ принаряженная, казалась нехорошенькою въ большой залѣ, гдѣ пропадали мелкія черты ея оживленнаго лица. Позади сидѣлъ ея женихъ, симпатичный, но почти уродливый Михаилъ Константиновичъ Разволинъ, неуклюжій молодой человѣкъ, съ добрымъ и черезчуръ широкимъ лицомъ. Онъ былъ во фракѣ, и это его стѣсняло, конфузило, какъ будто онъ не сознавалъ себя одѣтымъ. Вообще, онъ находилъ, что въ Петербургѣ нельзя провести ни одного дня въ теченіе котораго не пришлось бы растеряться, покраснѣть, и мечталъ о томъ, какъ повезетъ свою невѣсту, послѣ свадьбы, въ деревню, надолго.

Ратиминъ усадилъ своихъ дамъ и прошелъ въ первый рядъ креселъ, кивая направо и налѣво, въ отвѣтъ на поклоны знакомыхъ. Нагорный, редакторъ одной второстепенной газеты, потратившей напрасно много остроумія на то чтобы вовлечь „Столицу“ въ полемику, и поневолѣ примирившійся съ успѣхомъ даровитаго конкурента, привсталъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Интересный спектакль предстоитъ, проговорилъ онъ.

— Да, пренебрежительно отвѣтилъ Ратиминъ и сѣлъ.

Съ нимъ происходило что-то странное. Съ утра, вплоть до пріѣзда въ театръ, онъ мучительно волновался, считалъ часы и минуты, слоняясь безъ дѣла по своему кабинету и не просматривая гранокъ, присылаемыхъ Бекинымъ. За обѣдомъ, онъ то и дѣло смотрѣлъ на часы, невпопадъ отвѣчалъ на вопросы и чувствовалъ, что Соня принялась за нимъ слѣдить, не спуская съ него пытливаго взгляда. Вообще, Соня его стѣсняла гораздо больше апатичной жены, озабоченной исключительно тѣмъ, достаточно-ли типично ея новое платье. Чего Сонѣ отъ него надо? Чтó въ немъ ее поразило? Отчего она перестала улыбаться и постоянно впивается ему глазами въ лицо? Угадать правды она не можетъ, да и вся-то правда заключается въ душевномъ шатаніи, въ томительномъ невѣдѣніи того, о чемъ и думать нельзя. Но она угадываетъ неладность и, конечно, ей не трудно сообразить, какія вообще причины могутъ сбить съ толка человѣка подобнаго ему. И она ищетъ, добивается, несносная дѣвчонка...

Встали изъ-за стола и волненье Ратимина усилилось, обратилось въ какую-то ноющую боль, занявшую все мѣсто въ его сердцѣ. За нѣсколько минутъ до отъѣзда, онъ началъ бояться, что ворвется въ его жизнь неожиданное обстоятельство и помѣшаетъ ѣхать. А между тѣмъ, ни одного опредѣленнаго чувства онъ въ себѣ не находилъ, вынесши изъ послѣдняго свиданія съ Евгеніей Сергѣевной смутное впечатлѣніе чего-то неизгладимо-оскорбительнаго, поставившаго его въ несносно-глупое положеніе.

„Это даже не увлеченье!“ думалъ онъ. „Это просто терзанье какое-то“. Не ставь онъ до сихъ поръ себя слишкомъ высоко, не считай онъ самого себя исключеніемъ среди людей, способныхъ укладывать свою совѣсть въ какую угодно рамку, какъ дорожную вещь, отъ которой требуется, чтобы она не мѣшала, — онъ равнодушно отнесся-бы къ событію, волнующему его теперь... Ну, что-жъ... увлеченье, хотя-бы и любовь... лишь бы добиться чего-нибудь не слишкомъ гласнымъ образомъ. Но нѣтъ, онъ не можетъ такъ разсуждать. Безцвѣтная жена принимаетъ въ его глазахъ яркую рельефность, задѣваетъ всякое его чувство, и чувствамъ отъ этого дѣлается какъ будто больно.

Такъ было все время, но, пріѣхавъ въ театръ, очутившись среди толпы, въ особенномъ воздухѣ, подъ каменными сводами желтоватыхъ коридоровъ, въ толкотнѣ мѣшающихъ другъ другу людей, Ратиминъ похолодѣлъ душой, успокоился, ощутилъ громадную душевную усталость. Ожидаемое представленіе перестало его интересовать. И въ немъ это вызвало даже досаду. Къ чему онъ тревожилъ и мучилъ себя!

Занавѣсъ опустился подъ звуки заключительныхъ словъ пошленькаго водевиля.

Партеръ заколыхался и заговорилъ. Ратиминъ всталъ, прислонился къ рампѣ оркестра и началъ оглядывать публику, не переставая наблюдать за своимъ равнодушіемъ.

Вокругъ него шли разговоры. Долетали отрывочныя фразы съ разныхъ сторонъ.

— Ну, да, ей дали дебютъ, потому что Савина въ отпуску.

— Протекція Пронина...

— Будетъ провалъ, смѣшно сомнѣваться...

— Вообще театральная дирекція очень податлива по отношенію къ нѣкоторымъ своимъ любимчикамъ...

— Полноте, она вовсе не хорошенькая! Я знаю навѣрно. Моя жена видѣла ея фотографическую карточку.

— Господа, я буду шикать.

Владиміръ Алексѣевичъ слушалъ и блѣднѣлъ. Недоброжелательные отзывы о Негрѣховой вызвали въ немъ чувство какой-то собачьей преданности къ Евгеніи Сергѣевнѣ. Ему казалось, что оскорбляютъ его, исключительно его, говоря, что она бездарна, некрасива и предсказывая скандалъ шумнаго неуспѣха. И онъ проклиналъ себя за то, что не познакомился заранѣе съ пьесой, не пришелъ ни на одну изъ репетицій. Ему удалось-бы дать нѣсколько добрыхъ совѣтовъ Пронину, оживить его комедію, облегчить Негрѣховой задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отлично сознавалъ, что она-то нисколько не волнуется, и даже не могъ представить себѣ Евгенію Сергѣевну боящеюся.

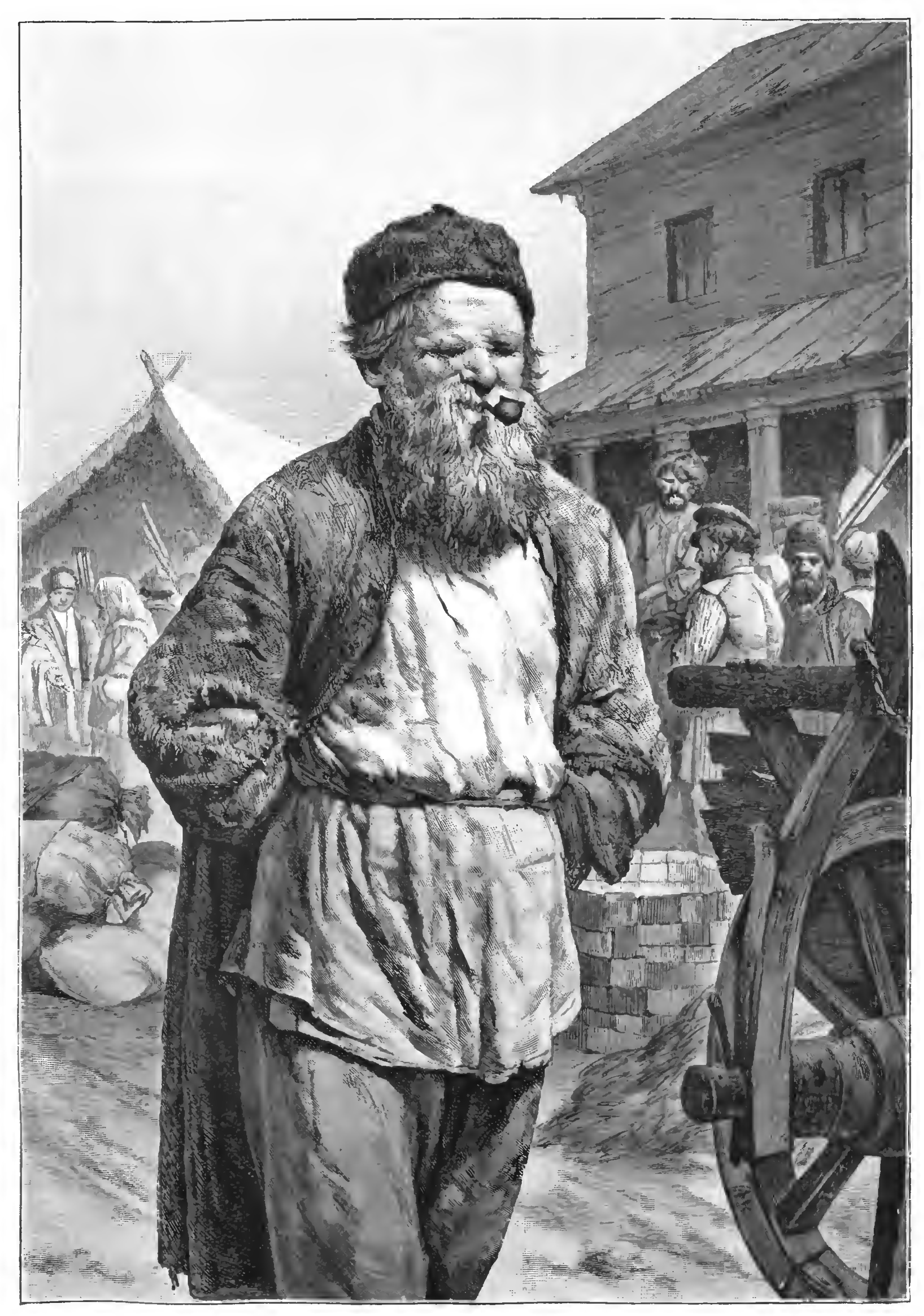
— Силы въ ней много, силы! шепнулъ онъ и вдругъ поморщился, увидавъ передъ собой лоснящееся лицо Бекина.

— Чтó вы здѣсь дѣлаете? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ,—развѣ нумеръ готовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, pas encore... Я, собственно, заѣхалъ pour un instant, посмотрѣть... Очень интересныя депеши изъ Вѣны, знаете?.. Я сейчасъ видѣлъ Рашметкина, онъ здѣсь и спрашиваетъ, можно-ли ему написать о сегодняшнемъ представленіи..

Ратиминъ разсердился.

— Во-первыхъ, театральный рецензентъ у насъ—



Все продалъ съ барышомъ. Оригин. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Кельниковъ, и Рашметкинъ существуетъ у насъ только для отзывовъ о клубныхъ спектакляхъ; во-вторыхъ, Рашметкинъ удаленъ мной изъ числа сотрудниковъ; въ третьихъ, я самъ напишу объ „Увлеченіи“, а въ четвертыхъ, не суйтесь не въ свое дѣло и отправляйтесь въ редакцію, иначе мнѣ придется, изъ-за васъ, держать корректуру въ полосахъ.

Петръ Леонтьевичъ восторженно улыбнулся и исчезъ.

Владиміръ Алексѣевичъ все еще былъ гнѣвенъ, отъ одной мысли, что какой-нибудь пройдоха Рашметкинъ покушался писать о дебютѣ Негрѣховой. Нѣтъ, положительно, Бекина слѣдуетъ удалить, а то онъ всякой дряни протекцію оказываетъ, покровительствуетъ бывшимъ сотрудникамъ прежней „Столицы“.

Тутъ взглядъ Ратимина коснулся ложи, гдѣ сидѣла его жена. Замѣтивъ, что Соня, закрывшись вѣеромъ, смотритъ на него, онъ съ неудовольствіемъ отвернулся, заговорилъ съ почти незнакомымъ человѣкомъ и выслушалъ нѣсколько глупыхъ театральныхъ замѣчаній, съ такими признаками вниманія, что его собесѣдникъ внутренно возгордился.

Антрактъ подходилъ къ концу. Музыканты стали собираться. Скрипки заныли на пробныхъ нотахъ, флейта спустилась по всѣмъ ступенькамъ гаммы, зарычалъ контръ-басъ. Прошло еще съ полминуты, и капельмейстеръ взобрался на эстраду; раздались жиденькіе звуки польки. Публика начала расходиться по мѣстамъ, освобождая проходы. Ратиминъ еще разъ взглянулъ на Соню, на жену, и дѣланно усмѣхнулся въ отвѣтъ на сонную улыбку Валентины Петровны.

Онъ сѣлъ и торопливо провѣрилъ себя, желая узнать, до начала пьесы, что̀ въ немъ преобладаетъ: волненье или усталость, и ему показалось, что душа въ немъ улеглась.

Поднялся занавѣсъ, музыка умолкла.

Сцена изображала садъ, раскинутый передъ богатой дачей. Два молодыхъ человѣка сидѣли на скамейкѣ и, подъ видомъ разговора, подробно объясняли публикѣ, въ чемъ суть комедіи. Сразу можно было понять, по аналогіи съ дюжинами однородныхъ піесъ, въ чемъ будетъ заключаться ходъ дѣйствій и чѣмъ кончится дѣло. Появился и старый лакей, критикующій поступки своихъ господъ, и маменька-генеральша, мечтающая о сановномъ женихѣ для своей дочери, и дуракъ-отецъ, имѣющій непреодолимое пристрастіе къ хорошенькимъ горничнымъ и хористкамъ Аркадіи. Дочери еще не видали, но всякій зналъ, что она окажется своенравною, умною и веселою дѣвчонкой, что она за сановника не выйдетъ, а непремѣнно обвѣнчается, и съ согласія размякшихъ родителей, съ молодымъ художникомъ, котораго она любитъ, и что именно эту любовь всѣ станутъ называть „увлеченіемъ“.

Этотъ шарманочный мотивъ убаюкивалъ публику, пріятно усыплялъ ее плавнымъ унисономъ знакомыхъ отголосковъ. Реплики слѣдовали одна за другой, предвидѣнныя всѣми, какъ цѣнь общеизвѣстныхъ цитатъ.

Вдругъ на террасѣ дачи показалась Негрѣхова, въ бѣломъ платьѣ, съ игрушечными граблями въ рукѣ. По всей залѣ пронесся одобрительный шепотъ. Ее находили прелестною. Дѣйствительно, столько радующей поэзіи было въ ея красотѣ, что трудно было, не чувствуя себя задобреннымъ, глядѣть на нее.

Изъ разныхъ угловъ театра послышались аплодисменты добровольной Пронинской клаки.

— Ш-ш-ш! зашумѣло большинство публики, не желавшей, чтобы ей портили все удовольствіе искусственнымъ успѣхомъ симпатичной актрисы.

Негрѣхова быстро сошла со ступенекъ, увѣренною и красивою походкой.

— Ахъ, оставьте меня! Я хочу посмотрѣть, какъ растетъ резеда! отвѣтила она обратившемуся къ ней актеру, и эти безсодержательныя слова были такъ мило и просто ею произнесены, что вызвали взрывъ сочувственнаго смѣха.

— Молодецъ! сказалъ кто-то въ райкѣ и мѣтко этимъ выразилъ впечатлѣніе появившееся у всѣхъ зрителей.

Неожиданное ощущеніе счастья овладѣло душою Ратимина. Теперь онъ понялъ, что страшно, до этой минуты, боялся за Негрѣхову, безсознательно боялся, и что этотъ страхъ составлялъ бо̀льшую часть его волненія. Радость замѣнила опасенія, явилось желаніе сказать кому-нибудь: „вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ“...

Никогда еще Евгенія Сергѣевна такъ сильно не очаровывала его, каждымъ движеніемъ, каждою ноткой гибкаго голоса. Казалось, она чувствуетъ себя на сценѣ, какъ дома. Она свободно водила взглядомъ по зрителямъ, слушала реплики какъ опытная актриса. Пустая роль окрѣпла и засверкала въ ея передачѣ, избитыя слова звучали ново. Въ одномъ мѣстѣ, засмѣявшись, она заставила всю публику хохотать надъ пустякомъ. Но, въ слѣдующей сценѣ, когда ей пришлось объясняться въ любви разсѣянному и глуповатому художнику, объясняться со слезами ребяческой досады,— дѣтскій плачъ ей превосходно удался, а любви не было замѣтно вовсе. Слова „я васъ люблю“ она произнесла неудачно. Ей, однако, похлопали. Очевидно, публика дала себя крѣпко захватить симпатіей къ дебютанткѣ.

Ратимину казалась она безупречна, и онъ жадно ловилъ на лицахъ зрителей одобрительныя улыбки. „Сколько людей выйдутъ отсюда влюбленными въ нее!“ подумалъ онъ, и ему стало больно отъ приступа огульной ревности ко всѣмъ.

Первое дѣйствіе кончилось. Зала зашумѣла разговорами, а въ райкѣ нѣсколько голосовъ крикнули „браво“. „автора“... Марья Ефимовна, краснѣя отъ восторга, покрывала всю публику торжествующимъ взглядомъ и готовилась принимать поздравленія многочисленныхъ пріятелей мужа.

Владиміръ Алексѣевичъ не захотѣлъ идти курить, инстинктивно боясь разговора со своими литературными знакомыми, опасаясь, что онъ выдастъ себя, если кто-нибудь вздумаетъ неодобрительно при немъ отзываться объ игрѣ Евгеніи Сергѣевны. Онъ отправился въ ложу своей жены, воображая, что не приди онъ, у Валентины Петровны немедленно явятся самыя точныя подозрѣнія. Онъ боялся этого, хотя постоянно твердилъ себѣ, что никому нѣтъ дѣла до его души, а перемѣна вѣдь ограничивается его внутреннимъ міромъ.

— Она играетъ не дурно, сказала Валентина Петровна.

— Ты, дядя Володя, знаешь ее хорошо? встрѣчалъ часто? спросила Соня.

— Да, знаю прекрасно, встрѣчалъ часто, съ невольной рѣзкостью отвѣтилъ Ратиминъ, — она удивительно талантлива и займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей драматической труппѣ.

— Нѣтъ, она не хороша, протянулъ Михаилъ Константиновичъ, уловивъ въ тонѣ своей невѣсты что-то враждебное къ Негрѣховой.

Владиміръ Алексѣевичъ не сталъ ему возражать, но взглянулъ на него съ видомъ говорившимъ: „много ты понимаешь!“

— До свиданья, сказалъ онъ, — піеса въ двухъ дѣйствіяхъ... Я поѣду въ слѣдующемъ антрактѣ домой. Надо позаняться...

И удалился, притворно лѣнивою походкой. Ему пришло на умъ, что онъ успѣетъ, пріѣхавъ къ себѣ послѣ конца „Увлеченья“, часовъ въ одиннадцать, написать статью о дебютѣ Евгеніи Сергѣевны и пустить ее въ ближайшій нумеръ, опередивъ, такимъ образомъ, всѣ прочія газеты. Эта мысль оживила и обрадовала его. Безсознательно, онъ хотѣлъ угодить Негрѣховой, и въ

головѣ его складывались фразы задуманной рецензіи, хвалебныя, полныя огня.

„А что̀ скажутъ другіе?“ подумалъ онъ и началъ безпокоиться. Онъ подошелъ къ театральному рецензенту „Петербурга“, первый заговорилъ съ нимъ о спектаклѣ.

— Она очень естественно и мило играетъ, замѣтилъ тотъ, польщенный вниманіемъ Ратимина.

Владиміръ Алексѣевичъ поправилъ:

— Скажите, что въ ней бездна таланта. Она съумѣетъ пересоздать весь нынѣшній репертуаръ...

И онъ покраснѣлъ, понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко.

„Сошелъ съ рельсовъ!“ мысленно рѣшилъ онъ, чувствуя, что окончательно пересталъ владѣть собой и впадаетъ въ Бекинскую восторженность. Надо написать посуше, построже, тѣмъ болѣе что это заставитъ ее его цѣнить. Теперь, она воображаетъ себя силой, передъ которой онъ теряется и душевно блѣднѣетъ.

Но второе дѣйствіе совсѣмъ сбило его съ толка. Пронинъ воспользовался, безо всякой застѣнчивости, удачными сценами изъ нѣсколькихъ парижскихъ новинокъ, ограбилъ Пальерона и еще кого-то и собралъ столько разнообразнаго комизма, что на долю каждаго исполнителя достались шумные аплодисменты.

Негрѣхова была неподражаема. Такъ мило дурачила она своихъ родителей, такъ прелестно подняла на смѣхъ влюбленнаго въ нее сановнаго старичка, что каждая фраза ея сопровождалась одобрительнымъ гуломъ. Къ концу піесы, ее вызвали три раза.

— Не-грѣ-хо-ву! ревелъ раекъ, и партеръ не протестовалъ.

— Автора! Автора! Автора-а! начала Пронинская партія.

— Автора! повторилось наверху.

Павелъ Арсеньевичъ выступилъ на сцену, держа за руку Евгенію Сергѣевну и актрису изображавшую ея мать.

(Продолженіе будетъ).

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXIX.

Прошла зима... Снѣга мало-по-малу поддавались теплу, радостно вѣявшему съ юга. Они бухли, сквозь просачивались, синѣли. Талыя размоины стояли въ лѣсахъ, покраснѣли сучья деревьевъ, верхушки холмовъ совсѣмъ обнажились и бѣлыми шапками стояли надъ бѣлыми еще низинами. Рѣчепка кое-гдѣ на крутыхъ быстринахъ и поворотахъ взломала ледъ... Вѣрочка жадно дышала оживляющимъ весеннимъ воздухомъ и работала долго и много, какъ не работала ни на далекомъ солнечномъ Капри, ни въ туманахъ Петербурга. Выходя, она пытливо оглядывала дали и прислушивалась, не прилетѣли-ли грачи,—но ихъ еще не было и только одни голуби да воробьи стаями снимались со стѣнъ обители и съ ея колоколенъ и весело облетали всѣ окрестности, словно повѣдывая имъ о близкомъ возвращеніи весны, этого праздника воскресающей природы. Вѣрочка съ удовольствіемъ думала о томъ что скоро чижи и зяблики слетятся въ вязы и тополи монастырскаго кладбища и въ кустахъ надъ тихими могилами каждая вѣтка и каждый листокъ заговоритъ по-своему.

Въ одинъ изъ такихъ дней, Акимка, все тотъ же несуразный, крѣпкій какъ медвѣдь и какъ медвѣдь неуклюжій, по обыкновенію принесъ изъ города газеты и письма на имя Вѣрочки. Она нарочно переписывалась съ петербургскими друзьями своими чтобы имѣть извѣстія о своемъ мужѣ. Наскоро она проглядѣла всѣ конверты и остановилась на одномъ, надписанномъ рукою Дороцкаго. Разорвавъ, она вынула тонкій лоскутокъ бумаги и, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, опустилась въ кресла и тихо заплакала.

Это были ея первыя слезы со времени возвращенія въ обитель.

„Дорогая Вѣра Васильевна,—Тяжело мнѣ писать вамъ эти строки, но дѣлать нечего, сами вы меня просили объ этомъ и я исполняю только ваше желаніе... Постараюсь быть краткомъ, потому что непріятности лучше вамъ передавать разомъ, не тянуть, не подготовлять къ нимъ рацеями и пустыми утѣшеніями, отъ которыхъ никому обыкновенно не бываетъ ни тепло, ни холодно. Гордымъ душамъ — всякое соболѣзнованіе...“

Тутъ поэтъ, не смотря на благое намѣреніе „говорить кратко“, отвлекся въ сторону и строкъ двадцать посвятилъ гордымъ душамъ вообще и своей въ особенности. Покончивъ съ этимъ, онъ разсказалъ, какъ вчера „прибѣжалъ ко мнѣ Семенъ, вернувшійся къ Александру Петровичу съ недѣлю назадъ, и съ нелицемѣрнымъ горемъ сообщилъ мнѣ о несчастіи постигшемъ барина. Старые слуги вообще...“

Слѣдовало строкъ десять посвященныхъ старымъ слугамъ вообще и Семену въ частности.

„Дѣло въ томъ“, наконецъ попалъ Дороцкій на прерванный разсказъ, „что мужъ вашъ все время это работалъ слишкомъ упорно и долго, запирался ото всѣхъ и одичалъ до того, что Семенъ едва могъ убѣдить его вставать отъ мольберта для обѣда. Понятно, что потрясенный организмъ, эта бренная оболочка великаго и безплотнаго духа, не могъ вынести такого нарушенія его законовъ... Въ послѣдніе два дня Ряднов очень жаловался на другой свой глазъ, уцѣлѣвшій, даже посылалъ за профессоромъ ***, извѣстнымъ вамъ, но съ нимъ поссорился. Профессоръ велѣлъ ему рѣшительно прекратить работу. Александръ Петровичъ вспылилъ и сказалъ ему: „вас видно подговорили мои враги?“ Профессоръ сталъ объяснять ему его положеніе, но мужъ вашъ не захотѣлъ больше его слушать. Дѣло кончилось тѣмъ, что вчера Семенъ поднялъ меня съ постели ночью и сообщилъ мнѣ что баринъ, проснувшись, потребовалъ огня. Семенъ его принесъ, Александръ Петровичъ раздраженно спросилъ: „да гдѣ же наконецъ огонь?“ „Вотъ онъ“, отвѣтилъ Семенъ. Александръ Петровичъ вскочилъ „страшный-страшный“, по словамъ человѣка, его волоса дыбомъ торчали... Вскочилъ, схватился за коробку со спичками, сталъ зажигать ихъ, и... рухнулъ посреди комнаты на полъ какъ мертвый.

„Мнѣ не надо (весьма основательно сообразилъ Дороцкій) сообщать вамъ что А. П. ослѣпъ!

„Увы! Источникъ генія угасъ и человѣчество потеряло въ немъ одного изъ своихъ свѣтильниковъ...“

Далѣе Дороцкій увѣдомлялъ что сегодня у Ряднова врачи. Профессоръ ***, боящійся чтобы А. П. не сошелъ съ ума, дежуритъ у его постели, но теперь опасаться нечего. „Съ вашимъ мужемъ совершается какой-то переломъ. Онъ страшно притихъ, присмирѣлъ и все время сидѣлъ молча, а подъ вечеръ два раза словно во снѣ проговорилъ: „Вѣрочка, Вѣрочка“.

„— Не хотите-ли я напишу къ ней сейчасъ? предложилъ я.

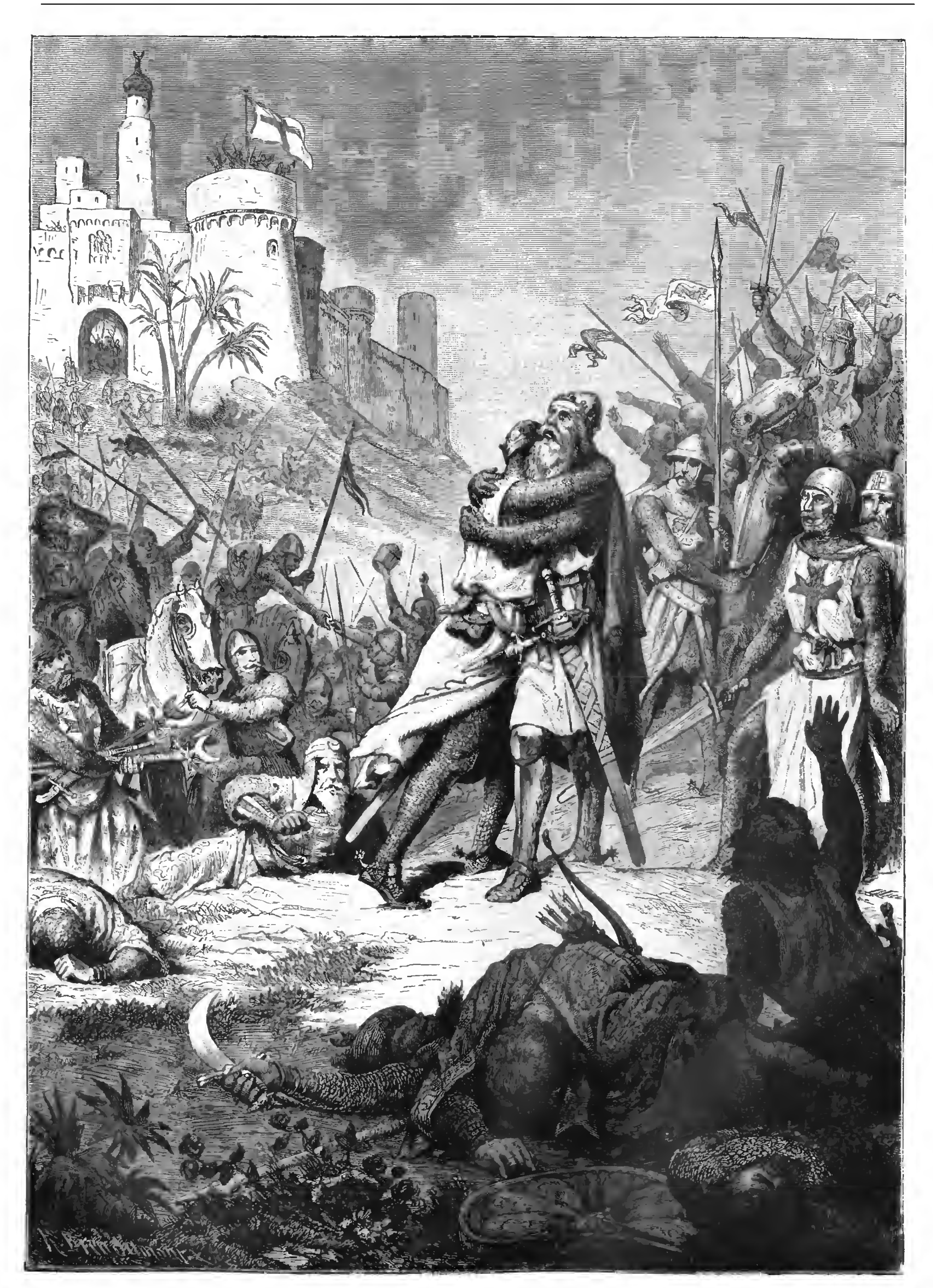
„— Нѣтъ, нѣтъ...

„И мнѣ казалось что опять знакомое жесткое выраженіе пробѣжало по его лицу, но потомъ оно сгладилось и совершенно неожиданно онъ спросилъ:

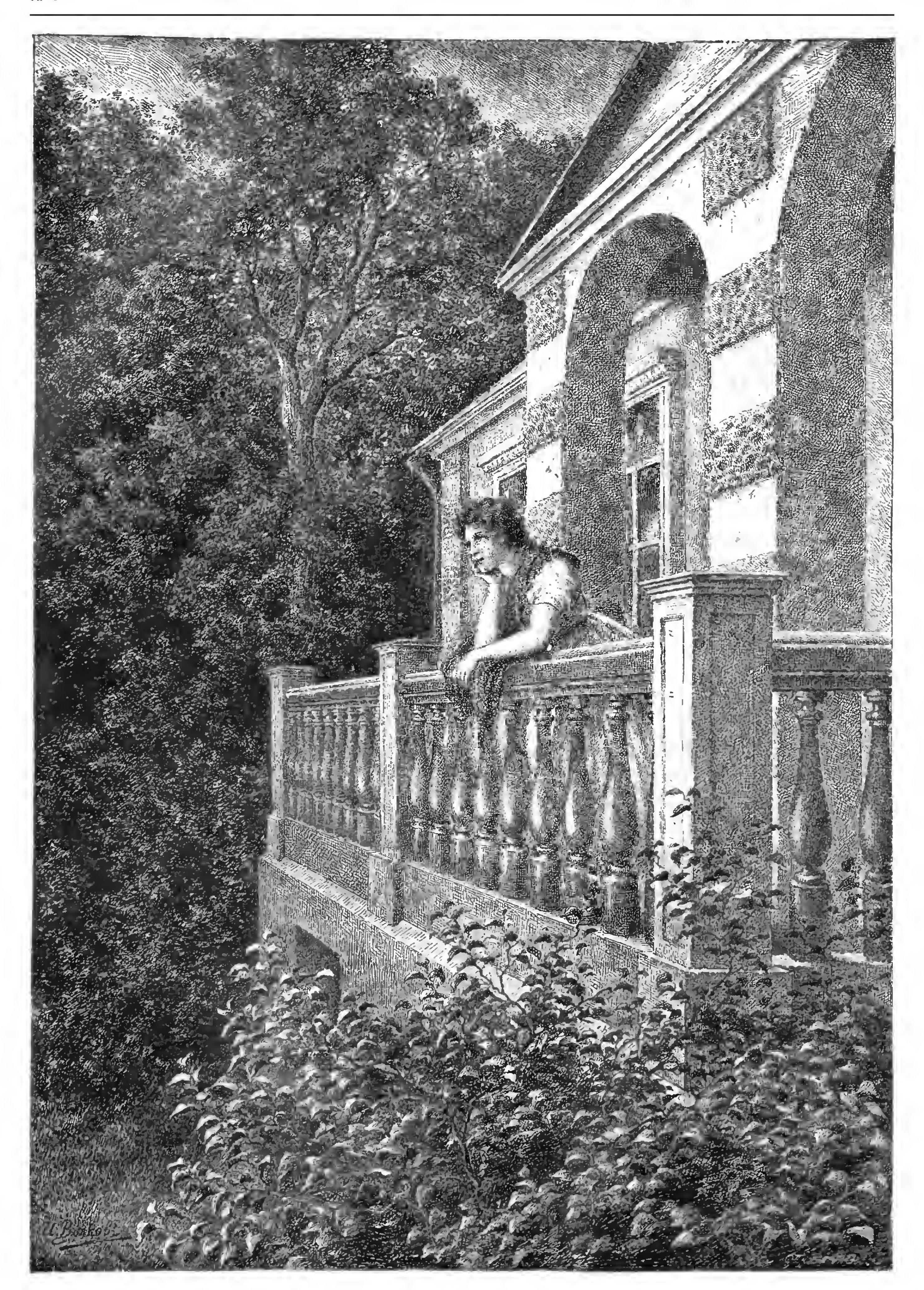
„— Кто тутъ?

„— Я.

„— Вы, Дороцкій?.. А кто еще?



Встрѣча Барбароссы съ сыномъ послѣ битвы при Иконіи. Рис. Рсcслеръ, грав. Брендамуръ.



Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ", Пушкина. Татьяна. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, грав. Ангереръ.

„— Семенъ.
„— И больше никого?
„— Никого.

„Онъ опять замолчалъ. Я думалъ, онъ спитъ и пошелъ на цыпочкахъ, но вашъ мужъ схватился съ постели со страхомъ и крикнулъ меня:

„— Ради Бога, не уходите, не уходите... Я такъ боюсь, боюсь одинъ...

„Я увѣрилъ его что не уйду. Онъ успокоился. Потомъ черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ опять.

„— Вы будете *ей* сообщать объ этомъ?

„— А вы не хотите этого?

„— Нѣтъ... впрочемъ, да... А то дѣлайте какъ находите лучшимъ. Все равно вѣдь — это не измѣнитъ положенія. Теперь мнѣ лучше даже. Я каждую минуту не зная покоя страдалъ и мучился ожидая этого несчастія. Оно пришло и я точно замеръ. Или раньше ужь перестрадалъ такъ что наконецъ не осталось совсѣмъ въ душѣ не изболѣвшаго мѣста. Только мнѣ теперь спокойнѣе гораздо чѣмъ прежде... Гораздо спокойнѣе!

„— Не хотите-ли чтобы я вамъ прочелъ что-нибудь?

„— Да, хочу.

„— Газеты?

„— Нѣтъ, ради Бога... Если вамъ не покажется страннымъ, я просилъ бы васъ прочитать мнѣ Евангеліе.

„Я разумѣется исполнилъ его просьбу и прочиталъ ему до двѣнадцати часовъ ночи.

„Въ полночь онъ всталъ, спросилъ себѣ ѣсть и очень спокойно улегся потомъ опять въ постель.

„Вернувшись къ себѣ, я пишу вамъ это письмо..."

Далѣе поэтъ сообщалъ въ весьма изящныхъ выраженіяхъ, какъ это должно бы потрясти Вѣрочку... Но она не дочитала его „прозы" и вскрыла другое письмо — оно оказалось отъ профессора.

Тотъ былъ краткокъ.

„Случилось и баста. Слѣдовало ожидать. Рядновъ не слушался и дѣлалъ глупости. Ослѣпъ — и я боялся помѣшательства, но случилась совсѣмъ необыкновенная реакція — онъ успокоился. Сегодня я ему говорилъ о васъ, онъ промолчалъ. Не дѣйствуйте очертя голову, подождите—я напишу вамъ когда его можно будетъ взять, потому что вы разумѣется возьмете его. Присмотръ за нимъ есть, но чужіе люди, сами знаете, не особенно-то усердны. Впрочемъ, у Семена золотое сердце и онъ сторожитъ А. П. какъ собака, ворча и не подпуская къ нему никого."

Сообщалъ о томъ же предметѣ и Семенъ:

„Милостивеющая государыня и барыня, добрѣющия моя Вера Васильна,—Первымъ долгомъ увѣдомляю васъ, что Господь нашъ всемилостивый посѣтилъ барина и мужа вашего и сего числа въ 2 часа пополудни, онъ пробудилъ меня неистово и когда я на сей крикъ его явился — онъ оказался уже рѣшимши глаза. Такъ всѣ мы ходимъ по суетному міру сему, не вѣдая гдѣ насъ застигнетъ несчастіе и служа со всеусердіемъ князю власти воздушныя и Бога истиннаго забываючи. Опять же говорилъ я съ ними про васъ и оное выслушали опи благополучно безъ рукомаханія и непотребныхъ восклицаній... А сегодня такъ даже пріунывши изволили воздохнуть и съ воздыханіемъ произнесли: „не проститъ она меня". На сіе я имъ изъ прологовъ сказалъ о прощающемъ мытарѣ и жестокосердомъ левитѣ и они внимательно оное прослушали и послали меня спать..."

Вѣрочка долго сидѣла обдумывая все случившееся.

Послѣ первыхъ слезъ она успокоилась скоро.

Она была давно приготовлена къ этому исходу. Но ее умилило то, что мужъ вспомнилъ о ней и можетъ быть въ глубинѣ души своей кается о всемъ содѣянномъ.

Вечеромъ она особенно усердно молилась въ церкви и вмѣстѣ съ Серафимой отслужила на другой день молебенъ о выздоровленіи мужа.

Черезъ недѣлю она получила еще письма отъ Дороцкаго и профессора.

Теперь мужъ ея постоянно говорилъ о ней и даже „*надоѣдалъ имъ*", по словамъ чудака-доктора. А еще черезъ день она получила телеграмму:

„Ради Бога—прости если можешь и пріѣзжай... Только теперь понимаю, что я надѣлалъ. Скорблю и только отъ этого сознанія страдаю и мучусь. Не пріѣдешь—умру. Не могу жить такъ дольше.

Александръ."

Въ тотъ же день Вѣра, наскоро собравшись, выѣхала въ Петербургъ.

XXX.

Лѣто въ этомъ году было жаркое. Небо большую часть дня строго смотрѣло на задыхавшуюся отъ зноя землю и только къ вечерамъ его заволакивали легкія облачка, раскалявшіяся на западѣ, гдѣ солнце тихо опускалось въ огнистый океанъ все заполонявшаго свѣта. Ночи тихія и темныя съ ярко горѣвшими звѣздами. Вѣтра не было и вязы и тополи на монастырскомъ кладбищѣ недвижно раскидывались надъ тихими могилами... Кладбищу было хорошо. Акимка цѣлые дни возилъ сюда воду и среди окружавшаго пекла только здѣсь стояла влажная прохлада, и въ тысячи глазъ смотрѣли изъ пышной и густой травы пестрые цвѣты, радуясь вёдру и солнцу. Розы на Секлетеиномъ холмикѣ старались превзойти самихъ себя. Вѣтви гнулись подъ ними, шиповникъ вокругъ „бабушки" Анфисы Кирилловны такъ напоялъ воздухъ своимъ дыханіемъ, что сюда, на небольшую дерновую скамью, каждый день съ утра забиралась Вѣрочка, ведя подъ руку блѣднаго и исхудалаго слѣпца-мужа...

Александра Петровича теперь и не узналъ бы никто.

Онъ на все смотрѣлъ ея глазами и казался самъ себѣ несчастнѣйшимъ человѣкомъ, не чувствуя ея около себя. Стоило ей отойти, какъ разсѣянный взглядъ незрячихъ глазъ безпокойно обращался во всѣ стороны и на его лицѣ появлялось мрачное, жалкое выраженіе безпріютности и одиночества. Когда она работала, Александръ Петровичъ садился около и жадно прислушивался къ шороху ея кисти, къ шелесту ея платья. Онъ старался помѣститься у открытаго окна чтобы зноемъ и свѣтомъ обдавало его, чтобы ему слышались и крики птицъ, и колыханіе встревоженныхъ ими вѣтвей. И онъ воображалъ себѣ какъ сине теперь небо, какъ красива эта колышущаяся зелень, какъ хороши эти залетные у его окна гости... Но чаще всего забывался онъ, погружаясь въ мрачную и грустную задумчивость, по лицу его бѣжали темныя тѣни, и только прикосновеніе нѣжной руки жены выводило его изъ этого состоянія.

— Что ты? наклонилась она къ Александру Петровичу.

— Нѣтъ, такъ...—Онъ съ странною боязнью удерживалъ въ своихъ рукахъ ея руку. — Такъ. Вспоминаю... какъ ты должна была страдать тогда и мучиться.

— Довольно же... Пора забыть.

— Ахъ, Вѣрочка! Ты — пострадавшая, можешь забыть и простить... А мнѣ представляется каждая минута, каждый часъ той жизни. Ужасно!.. За тебя дѣлается больно.

И оставаясь изрѣдка одинъ, онъ погружался опять въ мрачную задумчивость, повторяя про себя: „Вѣрочка, Вѣрочка." И ему какъ-то странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кстати вторили своею важною молвью монастырскіе колокола.

И тихія, горькія слезы катились по его лицу...

Онъ полюбилъ монастырскую церковь и монахини скоро привыкли къ этому преждевременно сгорбившемуся человѣку, такъ смиренно стоявшему въ уголку, рядомъ со своей женой. И когда онъ опускался на колѣни, поникая своею повинною головою передъ невидимою ему благостною Богоматерью, Вѣрочка, счастливая,

молилась за него и ей чудилось, что по ея лицу болѣе чѣмъ когда-либо скатываются бриллiантовыя слезки... Но больше всего нравилось ему сидѣть подъ тѣнистыми вязами на монастырскомъ кладбищѣ.

Она ему разсказывала какiе цвѣты поднялись въ травѣ, какъ ложатся тѣни на нее отъ деревьевъ, какъ прихотливо раскидываются кусты кругомъ, и онъ, держа въ своихъ рукахъ ея мягкую и нѣжную руку, только и повторялъ съ страшнымъ смятенiемъ тоски о прошломъ и умиленiи за настоящее:

— Вѣрочка... Вѣрочка...

Она стала не только его глазами, но свѣтомъ его жизни, душою его и единственнымъ счастiемъ его безотраднаго существованiя...

КОНЕЦЪ.

Пепсинъ и цимозинъ.

Вещества, принимаемыя нами въ пищу, лишь частью поступаютъ прямо въ соки тѣла, всасываясь стѣнками пищеварительнаго канала; бо́льшая же часть пищи подвергается предварительно физическимъ и химическимъ измѣненiямъ. Вотъ этотъ процессъ приготовленiя пищи ко всасыванiю и составляетъ пищеваренiе. Затѣмъ уже слѣдуетъ превращенiе переваренныхъ питательныхъ веществъ въ составныя части нашего тѣла: кости, мышцы и проч., и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣленiе той части пищи, которая ни непосредственно, ни послѣ упомянутыхъ измѣненiй не поступила въ тѣло.

Въ настоящей статьѣ мы коснемся лишь химическаго процесса пищеваренiя; онъ необходимо долженъ совершаться во вполнѣ опредѣленномъ направленiи, ибо въ противномъ случаѣ происходятъ тѣ-же самыя явленiя, которыя мы наблюдаемъ при гнiенiи и броженiи пищи въ любомъ сосудѣ,—и человѣкъ страдаетъ испорченнымъ желудкомъ. Уже одно это заставляетъ предположить, что переваривание пищи въ желудкѣ происходитъ отнюдь не путемъ броженiя или гнiенiя. Не трудно это подтвердить доказательствомъ. Общеизвѣстно теперь, особенно благодаря работамъ Пастера, что послѣднiе два процесса совершаются при посредствѣ мельчайшихъ организмовъ, удачно названныхъ петербургскимъ профессоромъ X. Гоби дробянками-бактерiями (Spaltpilze, Bacterien); если преградить доступъ зародышамъ этихъ простыхъ, глазомъ невидимыхъ существъ, носящихся повсюду въ воздухѣ, то даже самыя легко-измѣняющiяся вещества, какъ показалъ уже Спаланцани (Spallanzani), неопредѣленно долгое время могутъ сохраняться безъ разложенiя. Напротивъ того, вещества, дѣйствующiя въ здоровомъ желудкѣ при пищеваренiи, подъ самымъ сильнымъ увеличенiемъ не обнаруживаютъ и слѣда организацiи (образованiя клѣтокъ); поэтому эти вещества, въ отличiе отъ бактерiй, называемыхъ еще организованными ферментами, носятъ названiе неорганизованныхъ, аморфныхъ или растворимыхъ ферментовъ, а еще лучше энзимъ (Enzyme). При этомъ еще слѣдуетъ пояснить, почему эти вещества причисляются вообще къ ферментамъ. Подъ ферментомъ вообще разумѣютъ такое вещество, которое, будучи употреблено въ ничтожномъ количествѣ, можетъ, не измѣняясь само, вызывать химическое превращенiе другихъ веществъ, взятыхъ даже въ весьма большихъ массахъ, и чаще всего разнообразныхъ органическихъ нерастворимыхъ соединенiй—въ растворимыя. Ферментовъ такихъ существуетъ очень много. Такъ напр., дрожжи будутъ ферментомъ, ибо прибавленiе малаго количества ихъ заставляетъ тѣсто быстро скисать, и притомъ организованнымъ, такъ какъ уже сравнительно небольшимъ увеличенiемъ легко обнаружить, что дрожжи состоятъ изъ отдѣльныхъ овальныхъ мѣшечковъ (клѣточекъ), такъ-называемаго бродильнаго грибка (Saccharomyces), соединенныхъ подчасъ цѣпочками. Аморфнымъ ферментомъ будетъ дiастазъ, обладающiй способностью переводить большое количество крахмала (превосходящее по вѣсу въ 2,000 разъ массу прибавленнаго дiастаза) въ декстринъ и сахаръ, т. е. мало растворимое вещество въ легко растворимое. Приготовляютъ его большею частью изъ зеренъ ячменя, которымъ даютъ на тепломъ мѣстѣ нѣсколько прорости, послѣ чего ихъ осторожно высушиваютъ; въ измельченномъ видѣ эта масса извѣстна въ продажѣ подъ названiемъ солода. Водяная вытяжка изъ солода, по прибавленiи спирта, даетъ въ осадкѣ бѣлый аморфный порошокъ—дiастазъ. Въ видѣ извиненiя за такое длинное отступленiе, укажемъ нашимъ внимательно читающимъ хозяйкамъ, что тѣсто, особенно изъ ячменной муки, отъ ошпариванiя кипяткомъ становится сладкимъ, благодаря усиленному вслѣдствiе этого дѣйствiю дiастаза, заключеннаго въ небольшомъ количествѣ въ каждомъ крахмалистомъ сѣмени, и превращенiю крахмала въ сахаръ.

Упомянутыя въ заглавiи два вещества считаются самыми существенными пищеварительными средствами желудочнаго сока какъ у человѣка, такъ и у всѣхъ болѣе высоко организованныхъ животныхъ классовъ; впрочемъ, присутствiе пепсина несомнѣнно теперь доказано также и въ нѣкоторыхъ растенiяхъ, напр. въ насѣкомоядныхъ, въ нашей росянкѣ (Drosera) встрѣчающейся на топкихъ болотахъ. Желѣзки слизистой оболочки желудка, такъ назыв. желудочныя или пепсинныя (Labdrüsen), выдѣляютъ безцвѣтную кислую жидкость, смѣшивающуюся въ желудкѣ съ желудочною слизью. Эта жидкость состоитъ изъ свободной соляной кислоты (HCl) и сказанныхъ двухъ ферментовъ. Изъ нихъ цимозинъ (Chymosin) расщепляетъ заключающееся въ молокѣ и другихъ веществахъ сырное вещество (казеинъ) на трудно растворимый, а потому сейчасъ свертывающiйся творогъ, и легко растворимую сыворотку. Этотъ ферментъ, который пожалуй можетъ быть названъ очищеннымъ сычужкомъ, въ молочномъ хозяйствѣ имѣетъ не маловажное значенiе для створаживанiя молока. Пепсинъ (отъ слова pepsis—пищеваренiе) былъ открытъ Шванномъ (Schwann) около 1838 г.; въ кисломъ растворѣ обладаетъ онъ свойствомъ при температурѣ тѣла (около 29° Реомюра) быстро растворять свернувшiяся бѣлковыя тѣла. Способы его добыванiя, даже весьма простой прiемъ фонъ-Виттиха (v. Wittich), давали плохiе результаты. Послѣднiй настаивалъ въ густомъ глицеринѣ измельченные куски слизистой оболочки желудка рогатаго скота и свиней; изъ этого долго сохраняющагося безъ измѣненiй настоя, прибавленiемъ спирта, осаждался пепсинъ въ видѣ порошка. Высушенный порошокъ очищался отъ примѣсей посредствомъ промывки его въ дiализаторѣ, т. е. въ сквозномъ цилиндрѣ, дно котораго затянуто животной перепонкой. Если теперь дiализаторъ опустить въ другой сосудъ съ водою, перепонкою внизъ, и перемѣнять нѣсколько разъ или безпрестанно при помощи струи эту внѣшнюю воду, то подъ конецъ всѣ минеральныя примѣси переходятъ сквозь перепонку, между тѣмъ какъ пепсинъ, какъ вещество коллоидальное [1]), задерживается большею частью перепонкою.

Лишь благодаря работамъ мюнхенскаго профессора Сокелета (Soxhlet) пепсинъ прiобрѣлъ большее хозяйственное значенiе. Онъ настаивалъ особенно измельченный сычугъ (четвертый желудокъ молочнаго теленка) въ слабомъ растворѣ поваренной соли, вслѣдствiе чего кромѣ желудочной слизи вытягиваются также цимозинъ и пепсинъ. Однако при послѣдующемъ обработываніи вытяжки кислотою, съ цѣлью удаленiя слизи осажденiемъ, пропадаетъ и бо́льшая часть этихъ ферментовъ благодаря механическому увлеченiю ихъ въ осадокъ. Недавно патентированъ способъ доктора Ленера (Lehner) въ Аугсбургѣ, по которому при значительномъ сокращенiи времени получается наибольшее количество не только пепсина, но также и чистаго цимозина. Способъ основанъ на употребленiи угольной кислоты (CO^2) для удаленiя слизи. Пока измельченный сычугъ настаивается въ растворѣ поваренной соли (хлористаго натрiя, NaCl), отъ времени до времени черезъ жидкость пропускаютъ сильный токъ угольной кислоты, вслѣдствiе чего не только ускоряется извлеченiе, но также предотвращается гнiенiе. Полученный растворъ затѣмъ процѣживаютъ и прибавляютъ на каждую часть раствора десять частей поваренной соли; засимъ, при безпрестанномъ помѣшиванiи, въ толстостѣнномъ металлическомъ сосудѣ насыщаютъ его углекислымъ газомъ подъ давленiемъ пяти атмосферъ. При этомъ осаждается единственно вся желудочная слизь. Осадокъ процѣживанiемъ отдѣляютъ отъ раствора, къ которому снова прибавляютъ поваренной соли, но лишь на каждыя десять частей по двѣ части соли. Послѣ насыщенiя раствора снова углекислотой подъ давленiемъ пяти атмосферъ, достаточно прибавленiя ничтожнаго количества какой-нибудь крѣпкой кислоты для осажденiя всего количества химозина, такъ что въ растворѣ остается одинъ пепсинъ. Осадокъ химозина собирается и высушивается при прибавленiи сухой поваренной соли и нѣкотораго количества двууглекислаго натра или кали (соды или поташу), послѣ чего этотъ ферментъ можетъ идти въ продажу. Наконецъ выдѣляютъ изъ раствора пепсинъ прибавленiемъ спирта или другихъ извѣстныхъ осаждающихъ веществъ и высушиваютъ полученный осадокъ, смѣшивая его съ молочнымъ сахаромъ.

Чтобы оправдать свое многословiе касательно упрощеннаго способа Ленера для добыванiя пепсина, разсмотримъ теперь дѣйствiе этого фермента при процессѣ пищеваренiя.

Пища кромѣ воды состоитъ изъ азотистыхъ и безазотистыхъ соединенiй. Къ первымъ относятся разнообразныя клейковины и бѣлковыя вещества, къ послѣднимъ—жиры и углеводы, соединенiя содержащiя кромѣ углерода (C), еще водородъ (H) и кислородъ (O) въ томъ-же отношенiи, въ какомъ они находятся въ водѣ, т. е. на 2H на 0, напр. крахмалъ, клѣтчатка $C^6H^{12}O^6$. Изъ нихъ безъ существенныхъ измѣненiй всасывается только вода,

[1]) Грэмъ (Graham) нашелъ, что черезъ бычачiй пузырь и пергаментную бумагу (неклеенную бумагу, обработанную въ теченiе 2—3 минутъ холодною смѣсью купороснаго масла съ 1/2 объемомъ воды и потомъ промытую) проникаютъ свободно и быстро кристаллоиды, т. е. вещества кристаллизующiяся, выдѣляющiяся изъ растворовъ въ видѣ тѣлъ ограниченныхъ извѣстнымъ образомъ наклоненными плоскостями; напротивъ, некристаллизующiеся вещества, коллоиды (отъ слова colla—клей), задерживаются или пропускаются перепонками весьма медленно. Къ послѣднимъ принадлежатъ почти всѣ вещества, изъ коихъ состоятъ тѣла животныхъ и растенiй, напр. наша кожа—въ противномъ случаѣ изъ нашего тѣла должны были бы вытекать всѣ жидкости, кровь и проч.

неорганическія и большая часть растворимыхъ составныхъ частей принимаемой пищи. Всѣ остальныя составныя части пищи должны быть предварительно перевариваемы, за исключеніемъ тѣхъ, которыя неизмѣненными выдѣляются изъ тѣла. Таковыми будутъ нерастворимая роговая и эластическая ткань, да отчасти клѣтчатка, а изъ растворимыхъ веществъ тѣ, которыя вслѣдствіе большой массы или твердаго сложенія не могутъ быть вполнѣ растворены. Въ полости рта крахмалъ (разбухшій, такъ-называемый клейстеръ) при температурѣ тѣла превращается въ декстринъ и виноградный сахаръ, благодаря особому аморфному ферменту слюны, сходному съ діастазомъ, — птіалину (Ptyalin, Berzelius). Это превращеніе продолжается и въ желудкѣ, если ему не препятствуетъ слишкомъ большое количество кислоты, причемъ желудокъ служитъ лишь вмѣстилищемъ. Жиры проходятъ желудокъ безъ измѣненія, ихъ приготовленіе ко всасыванію слѣдуетъ лишь въ кишкахъ, преимущественно вѣроятно благодаря аморфному ферменту поджелудочной железы. Главною задачею желудка является такимъ образомъ переваривание бѣлковыхъ и клей-дающихъ веществъ. Первыя поступаютъ почти всегда въ свернувшемся, нерастворимомъ видѣ, и конечно всасываться прямо не могутъ, равно какъ и клей и клей-дающія ткани (соединительная и костная ткань). Бѣлки, разбухающіе въ желудкѣ, отъ дѣйствія кислотъ, благодаря пепсину превращаются въ растворимыя въ водѣ соединенія, въ такъ-называемые пептоны, болѣе не свертывающіеся даже при температурѣ кипѣнія воды; клей-дающія ткани въ свою очередь переходятъ въ растворы неспособные образовать студень, — желатинироваться. Пептоны разнообразны, смотря по роду бѣлковаго тѣла, изъ котораго они образовались, но измѣненія, претерпѣваемыя при этомъ бѣлками (и клей-дающими тканями) мало еще изучены. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, подъ вліяніемъ пепсина, какъ вѣроятно и большинства другихъ ферментовъ, происходитъ расщепленіе частицъ бѣлковаго соединенія на болѣе простыя, которыя при этомъ присоединяютъ воду—гидрогенизируются. Нашли также, что это превращеніе совершается въ двухъ ступеняхъ: сперва образуются пропептоны (недоваренное), а затѣмъ уже пептоны. Здѣсь необходимо также присутствіе свободной кислоты, которая въ видѣ соляной кислоты всегда находится въ небольшихъ количествахъ въ желудочномъ сокѣ. Выдѣляется она, вѣроятно, железами слизистой оболочки желудка, хотя только въ немногихъ случаяхъ удалось показать существованіе кислой реакціи въ самихъ железахъ; отчасти образуется она вѣроятно изъ употребленной въ пищу поваренной соли. Впрочемъ, она безъ вреда для пищеваренія можетъ быть замѣнена молочною кислотою, образующеюся по большей части въ желудкѣ при пищевареніи.

Однако опытами обнаружено, что свободная кислота безъ присутствія пепсина, даже при температурѣ кипѣнія воды, неспособна переводить свернувшіяся бѣлковыя соединенія въ пептоны. Если еще прибавить, что самое ничтожное количество пепсина въ присутствіи нѣсколько свободной кислоты способно переваривать уже при температурѣ тѣла (29° R.) громадныя массы бѣлковыхъ веществъ, то процессъ переваривания бѣлковъ въ желудкѣ можно себѣ представить такимъ образомъ. Если имѣющееся въ желудочномъ сокѣ количество пепсина соединилось съ извѣстною массою бѣлковъ, то мѣсто пепсина въ образовавшихся соединеніяхъ замѣняется кислотою, а освобождающійся пепсинъ переваривает опять нѣкоторое количество бѣлковъ и снова замѣщается новою кислотою и т. д.; такимъ образомъ то же самое количество пепсина растворяетъ при постоянномъ пополненіи расходуемой кислоты все новыя и новыя количества бѣлковыхъ тѣлъ, пока не вошла въ соединеніе вся свободная кислота. При недостаткѣ кислоты прекращается пищевареніе; поэтому слабое пищевареніе можно поправить принятіемъ въ водѣ нѣсколькихъ капель соляной кислоты (acidum muriaticum—медиковъ), которую врачи поэтому часто и прописываютъ.

Весь процессъ пищеваренія въ желудкѣ можно производить также и внѣ организма въ сосудѣ, въ ретортахъ химиковъ, при температурѣ тѣла, — это будетъ искусственное пищевареніе. Такимъ образомъ можно испытывать питательность разнаго рода пищи, дѣлать выводы о процессахъ совершающихся въ полости желудка, не мучая притомъ и не убивая массы животныхъ. Искусственнымъ пищевареніемъ также можно воспользоваться, чтобы приготовить лицамъ страдающимъ слабостью желудка, больнымъ вообще и выздоравливающимъ наполовину переваренную, а поэтому легко усвояемую пищу. Можно также давать пепсинъ внутрь такимъ людямъ, которые нуждаются въ усиленіи пищеварительной способности желудка. Теперь ясно и безъ разъясненій громадное значеніе легкаго и дешеваго пріема для добыванія большихъ количествъ пепсина; одна только бѣда: поступающія въ продажу пепсинныя средства, благодаря еще мало изслѣдованнымъ условіямъ, могутъ дѣлаться недѣйствующими.

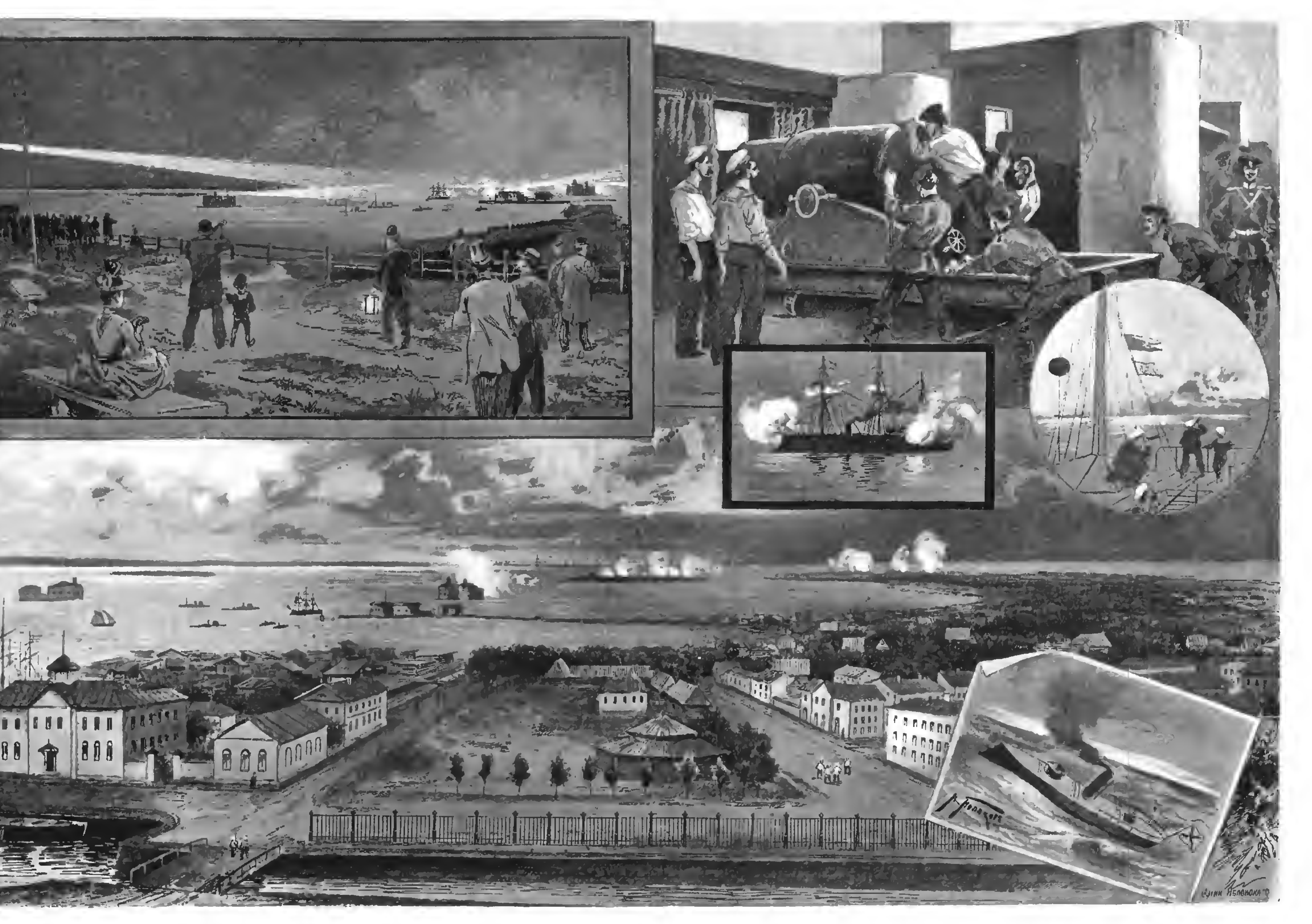
Переваренныя и разжиженныя водою питательныя вещества всасываются тѣломъ, проходя черезъ стѣнки пищеварительнаго канала. Этотъ процессъ также чисто физическій и основанъ на диффузіи (смѣшеніи двухъ разнородныхъ жидкостей, разобщенныхъ посредствомъ перепонки), — поэтому его легко повторить на опытѣ, — стоитъ лишь наполнить, напримѣръ, бычачій пузырь пептонами, да погрузить его въ воду; чрезъ нѣкоторое время удастся открыть переходъ пептоновъ во внѣшнее водовмѣстилище. Жизненными же дѣлаются всосанныя вещества лишь послѣ того, какъ они въ крови, преимущественно въ тончайшихъ кровяныхъ сосудахъ, въ волосныхъ, придутъ въ соприкосновеніе съ живыми тканями тѣла и подъ вліяніемъ содержимаго клѣточекъ протоплазмы сами въ нее превращаются, т. е. послѣ ихъ перестройки въ составныя части нашего тѣла, послѣ ихъ ассимиляціи. Протоплазма, открытая и названная такъ въ 1853 г. Гуго фонъ-Молемъ (Hugo von Mohl), не только является основаніемъ всего живущаго, но сама по себѣ есть живущее вещество. Прежде думали, что въ животной клѣточкѣ имѣется другое основное вещество, названное Дюжардэномъ (Dujardin) саркодой; но эта простѣйшая подкладка (субстратъ) животной жизни, какъ это доказалъ Максъ Шульце (Max Schultze), весьма мало, а въ морфологическомъ отношеніи въ особенности даже совсѣмъ не отличается отъ подвижнаго содержимаго растительной клѣточки, отъ протоплазмы. Протоплазма, или просто плазма, не будучи облечена азотистою оболочкой, представляетъ въ видѣ обыкновенно микроскопически малаго комочка слизи—простѣйшій организмъ—какъ животный, такъ и растительный. Изъ такихъ организмовъ амебу считаютъ животнымъ. Она не только по произволу высылаетъ и снова втягиваетъ отростки, а при болѣе твердой консистенціи множество нитевидныхъ лучей и жилокъ, но также и питается подобно животнымъ, вдавливая и постепенно обволакивая посторонніе тѣла любымъ мѣстомъ своего тѣла. У нѣсколько болѣе развитыхъ формъ, уже несомнѣнно животныхъ, напр. у наливочныхъ или инфузорій (Infusoria), различимы внутри уже нѣкоторыя обособленныя части: ядро съ ядрышками, пузырьки, часто бьющіеся, т. е. измѣняющіе свой объемъ. Также у большинства тайнобрачныхъ растеній зародыши ихъ тоже состоятъ изъ подобнаго комочка слизи, а многія водоросли на всю свою жизнь остаются, обнаруживая самопроизвольное движеніе, въ этомъ простѣйшемъ видѣ или впослѣдствіи облекаются оболочкою, чрезъ отверстія которой проходятъ мерцающія рѣснички или жгутики. Изслѣдуя всѣ другіе классы животнаго и растительнаго царствъ, нашли, что каждое живое существо построено изъ неисчислимаго количества комочковъ плазмы, разобщенныхъ между собою обыкновенно оболочками и называемыхъ клѣточками. Дальнѣйшимъ обособленіемъ послѣднихъ между собою является, содержатъ-ли онѣ ядра, пузырьки, вакуоли и еще разные другіе соки, ибо ядро и проч. обособленныя части клѣточки, по воззрѣніямъ однихъ изслѣдователей, принимаются за выдѣленія самой плазмы,—по другимъ же, что̀ и вѣроятнѣе, ядро составляетъ необходимую составную часть живой клѣточки. Но какъ бы то ни было, для насъ важно, что кирпичами нашего тѣла являются клѣточки, представляющія собою простѣйшіе организмы, какъ это мы видѣли на амебѣ, т. е. клѣткѣ, сократимости содержимаго которой не препятствуетъ никакая внѣшняя твердая оболочка.

Химическій составъ плазмы еще мало изслѣдованъ; состоитъ она изъ разнообразныхъ, весьма сложныхъ безазотистыхъ, преимущественно бѣлковыхъ соединеній; также мало извѣстно ея строеніе: уже въ безформенной массѣ амебы легко наблюдать зернистые потоки, образующіе вмѣстѣ цѣлую сѣть; поэтому плазма состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей — мельчайшихъ зернышекъ, образующихъ вѣроятно остовъ, и болѣе жидкой части, наполняющей промежутки остова. Изъ этихъ частей пепсинъ переваривает жидкую часть, между тѣмъ какъ остовъ сопротивляется искусственному пищеваренію.

Амеба питается такимъ образомъ, что, напр., бактерія (дробянка), облеченная ея тѣломъ, частью растворяется, а остатки выбрасываются; сама она вслѣдствіе питанія растетъ, т. е. употребляетъ принятую пищу на построеніе своего тѣла. Въ протоплазмѣ слѣдовательно происходитъ жизненная (по старому воззрѣнію—органическая) химія, тогда какъ пищевареніе только мертвая — неорганическая (минеральная) химія.

„Органическая“ же и „неорганическая“ химія суть выраженія имѣвшія свое значеніе до тѣхъ лишь поръ, пока не удавалось приготовить искусственно органическія, т. е. вырабатываемыя исключительно организмами, вещества, заключающія тотъ отличительный признакъ, что содержатъ углеродъ. Но когда Велеръ (Wöhler) въ 1828 г. впервые получилъ органическое соединеніе — мочевину, а за нимъ Бертело (Berthelot) и другіе химики массу другихъ, дѣйствуя различными соединеніями другъ на друга такъ-называемымъ синтезомъ, т. е. составленіемъ,—мы въ правѣ уже теперь предположить, что въ лабораторіяхъ современемъ возможно будетъ получить всѣ органическія вещества (въ томъ числѣ, конечно, всѣ нужныя для питанія и пищеваренія) изъ ихъ составныхъ частей, элементовъ. Тѣмъ не менѣе всякая химія будетъ „неорганическою“, она можетъ лишь разрушить живое образованіе, но не создать его, пока впрочемъ химику не удастся искусственно получить хотя бы каплю плазмы. Однако послѣднее предположеніе ведетъ насъ прямо къ воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ, къ ученію о гомункулѣ (homunculus) — возможности искусственнаго созданія человѣка при помощи реторты, — а подобными стремленіями наука уже задаваться не можетъ.

Э. Нидергеферъ.



Кронштадтскіе морскіе маневры 9—13 августа 1889. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полякова, цинкографія Яблонскаго.

Электрическое освѣщеніе моря съ фортовъ.
Ораніенбаумскій берегъ и Южный фарватеръ.
Обороняющаяся эскадра у фортовъ.
Форты и нападающая эскадра на горизонтѣ.
Кронштадтъ.
Дальнобойное крѣпостное орудіе.
Броненосный корабль.
На сторожевомъ суднѣ.
Сѣверный фарватеръ, коса и кронштадтскій берегъ.

Къ рисункамъ.

Трудъ и праздность. (Рис. на стр. 865).

Заграницей, и особенно въ Германіи, рослыми собаками часто пользуются для возки небольшихъ тяжестей, преимущественно на продажу въ розницу по домамъ, какъ напримѣръ, крынокъ съ молокомъ, булокъ и т. п. Продавщица, забравъ часть товара, идетъ въ домъ предлагать его или получить деньги по разсчету, а собака остается на улицѣ, сторожить свой грузъ и ни за что не подпуститъ къ нему другихъ собакъ. Къ сожалѣнію, и въ мірѣ животныхъ, миловидные и забавные представители праздности сплошь и рядомъ ведутъ болѣе пріятную жизнь, нежели труженики. Картинка Брунера представляетъ наглядный примѣръ такого собачьяго неравенства положеній. Два свѣтскіе щеголя—левретка и пинчеръ беззастѣнчиво и свысока облаиваютъ усталаго водолаза, который въ свою очередь относится къ нимъ съ добродушнымъ презрѣніемъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго: „Морскіе божки" и „амуры-садовники". (Рис. на стр. 868 и 869).

Заканчиваемъ серію этихъ изящныхъ панно, помѣщая шесть снимковъ съ картинъ, составляющихъ заднюю стѣну эстрады концертнаго зала въ домѣ г. Дервиза. На нихъ изображены такъ-называемые купидончики (les amorettes) въ роли садовниковъ и морскихъ божковъ. Первые заняты воздѣлываніемъ виноградной лозы и культурой цвѣтовъ, вторые беззаботно купаются въ водѣ и въ воздухѣ, трубя въ раковины и стрѣляя въ цѣль—по людскимъ сердцамъ.

Все продалъ съ барышомъ. (Рис. на стр. 873).

Рисунокъ г. Ижакевича изображаетъ пожилаго крестьянина, которому повезло на базарѣ: не особенно торгуясь, онъ раньше другихъ распродалъ привезенные имъ на продажу продукты и очевидно доволенъ выручкой...

Встрѣча Барбароссы съ сыномъ послѣ битвы при Коньѣ. (Рис. на стр. 876).

Въ 1187 году пронеслась по всему христіанскому Западу ужасная вѣсть о паденіи Іерусалима, такъ недавно еще освобожденнаго первыми крестоносцами, а теперь снова захваченнаго султаномъ Саладиномъ. Могучіе государи Европы рѣшили тогда двинуться на освобожденіе святаго города въ Палестину: Ричардъ Львиное Сердце изъ Англіи и Филиппъ-Августъ изъ Франціи. Но прежде ихъ устремился маститый Фридрихъ Барбаросса, императоръ Германскій. Передавъ управленіе въ своей странѣ старшему сыну Генриху (впослѣдствіи Генрихъ VI), онъ отправился со своимъ вторымъ сыномъ Фридрихомъ, герцогомъ Швабскимъ, съ Лудвигомъ Тюрингенскимъ и другими князьями во главѣ хорошо вооруженнаго войска до 100,000 человѣкъ, въ 1189 году, чрезъ Грецію въ Малую Азію. Тамъ, 25 апрѣля 1190 г. онъ разбилъ сельджуковъ, соединившихся съ полчищами сына Саладина, Алафдаля, подъ Иконіумомъ. При походѣ войско крестоносцевъ невыразимо страдало отъ жары и недостатка въ продовольствіи, пока не достигло наконецъ этого города, въ которомъ собрались главныя силы сельджуковъ, значительно превосходившія численностью армію Барбароссы. Самый городъ, нынѣ носящій названіе Коньи, былъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ центромъ одноименнаго съ нимъ государства сельджуковъ. Высокій валъ окружалъ его, а въ серединѣ возвышалась сильная крѣпость. Но сознаніе, что только побѣда можетъ быть спасеніемъ утомленныхъ долгимъ и труднымъ походомъ крестоносцевъ, воодушевляло войско. Съ разсвѣтомъ 6 марта началась рѣшительная битва. Самъ императоръ повелъ свое войско противъ сельджуковъ, расположившихся полукругомъ впереди города. Одно время, казалось, побѣда клонилась на сторону поклонниковъ Пророка, но императоръ Фридрихъ, носясь по бранному полю на конѣ, мощнымъ голосомъ поощрялъ крестоносцевъ постоять за вѣру Христову. Тогда христіане съ новыми силами бросились на враговъ и начали ихъ тѣснить, въ то самое время, когда на одной изъ башенъ городскаго вала взвилось знамя крестоносцевъ. Его поднялъ герцогъ Фридрихъ, проникнувъ со своими воинами въ городъ.

Велика была радость престарѣлаго императора, когда онъ, послѣ пораженія невѣрныхъ, встрѣтилъ своего сына и могъ обнять его. Эту трогательную встрѣчу и воспроизвелъ художникъ на нашей гравюрѣ. Сельджукскій султанъ и его полководцы, со своими сокровищами, спѣшили скрыться въ срединномъ укрѣпленіи и ожидали тамъ пощады побѣдителя. Крестоносцы, проникнувъ въ городъ, нашли въ немъ богатую добычу, но она не могла вознаградить ихъ за всѣ потери и лишенія. Славная побѣда при Иконіумѣ была послѣднею радостью Фридриха Барбароссы, утонувшаго 29 мая въ волнахъ Каликадна, на границѣ Киликіи. Картина смерти Барбароссы была помѣщена въ № 49 *Нивы* 1887 года.

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ", Пушкина. Татьяна. (Рис. на стр. 877).

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ —
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день...

А. Пушкинъ.

Кронштадтскіе морскіе маневры. (Рис. на стр. 881).

Заимствуемъ изъ *Новаго Времени* описаніе двухстороннихъ морскихъ маневровъ подъ Кронштадтомъ, имѣвшихъ цѣлью выяснить оборонительное значеніе этой твердыни Петербурга въ случаѣ нападенія непріятельской эскадры.

Въ двухстороннихъ морскихъ маневрахъ принимали участіе слѣдующія суда: въ составѣ нападающей эскадры были: броненосный корабль „Петръ Великій", фрегаты—полуброненосный „Герцогъ Эдинбургскій" и башенный „Адмиралъ Спиридовъ", двухъ-башенная лодка „Чародѣйка", клипера „Пластунъ", „Опричникъ", „Стрѣлокъ", минный крейсеръ „Лейтенантъ Ильинъ", пароходъ „Работникъ", шхуна „Славянка", канонерскія лодки „Гроза", „Бурунъ", „Дождь", „Мина", миноносцы „Луга", „Нарва", „Котлинъ", „Виндава", восемь миноносокъ и пароходъ „Ильмень". Составъ эскадры, оборонявшей Кронштадтъ, былъ слѣдующій: мониторы „Броненосецъ", „Латникъ", „Стрѣлецъ", „Перунъ", „Вѣщунъ", канонерскія лодки „Вихрь", „Буря", „Снѣгъ", „Щитъ", миноносцы „Або", „Свеаборгъ" и шесть миноносокъ, пароходы „Петербургъ", „Рыбка", „Ижора", „Полезный", „Лоцманъ", транспортъ „Красная Горка" и три портовыхъ барказа.

Утромъ, 9 августа, суда нападающей эскадры, подъ начальствомъ вице-адмирала Копытова, ушли въ море, дабы по плану маневровъ начать наступленіе съ полудня. Какъ только мачты ихъ скрылись за горизонтомъ, къ Толбухину маяку отъ оборонительной эскадры высланъ былъ наблюдательный отрядъ изъ 4 мониторовъ, трехъ канонерокъ и двухъ миноносцевъ, который долженъ былъ препятствовать возможному десанту на ораніенбаумскій берегъ. Вскорѣ послѣ полудня показалась непріятельская эскадра въ полномъ составѣ, вслѣдствіе чего наблюдательный отрядъ отступилъ подъ прикрытіе укрѣпленій, которыя немедленно открыли огонь по непріятелю изъ дальнобойныхъ орудій. Главныя силы врага расположились у Толбухина маяка, а часть нападающей эскадры, подойдя возможно близко къ ораніенбаумскому берегу, стала приближаться къ лѣвому флангу кронштадтскихъ укрѣпленій, пытаясь пройти неизслѣдованнымъ фарватеромъ. По ней былъ открытъ огонь со всѣхъ укрѣпленій Южнаго фарватера, причемъ оказалось, что въ дѣйствительномъ бою она была бы уничтожена прежде чѣмъ достигла бы фланга укрѣпленій. Такимъ образомъ выяснилась неприступность Кронштадта со стороны Южнаго фарватера и невозможность вести противъ этой крѣпости дневную атаку.

Съ наступленіемъ ночи, пасмурной и дождливой, непріятель старался уничтожить минныя и другія загражденія съ цѣлью подготовить почву для рѣшительныхъ дѣйствій слѣдующаго дня, а мелкія суда продолжали разыскивать проходъ въ тылъ укрѣпленіямъ, незамѣтно пробираясь подъ самымъ ораніенбаумскимъ берегомъ. Со стороны обороняющихся были высланы сторожевыя суда слѣдить за врагомъ, а мониторы, канонерки и миноносцы выдвинуты на линію укрѣпленій, готовые отразить нападеніе. Зажженные на фортахъ электрическіе фонари освѣщали почти весь горизонтъ, давая возможность слѣдить за непріятелемъ, котораго миноноски нѣсколько разъ пытались прорваться на рейдъ для атаки стоявшихъ тамъ судовъ, но каждый разъ попадали подъ огонь фортовъ и судовъ и возвращались безъ успѣха.

Съ разсвѣтомъ выяснилось, что непріятельскія мелкія суда успѣли пробраться довольно близко къ лѣвому флангу укрѣпленій Южнаго фарватера, выказывая намѣреніе обойти ихъ съ тыла; поэтому, послѣ усиленнаго огня съ батарей, непріятельскій обходный отрядъ былъ атакованъ превосходными силами мониторовъ, канонерокъ и миноносокъ и отброшенъ за ряжевую преграду подъ выстрѣлы нѣсколькихъ укрѣпленій лѣваго фланга, а затѣмъ подъ прикрытіемъ огня главныхъ своихъ силъ, эти мелкія непріятельскія суда отступили далеко въ море.

Видя полный неуспѣхъ флангового движенія въ тылъ крѣпости, главныя силы непріятеля повели рѣшительную атаку противъ укрѣпленій Главнаго фарватера съ цѣлью форсировать проходъ, но попытка эта не имѣла никакого успѣха и послѣ горячей перестрѣлки, главная эскадра врага въ свою очередь отступила и скрылась за горизонтомъ.

Послѣ двухдневнаго перерыва, съ вечера 12 августа начались подготовительныя движенія обѣихъ эскадръ на Сѣверномъ фарватерѣ. Кронштадтскій морской телеграфъ извѣстилъ что

съ моря идутъ непріятельскія суда *Герцогъ Эдинбургскій*, *Петръ Великій*, *Адмиралъ Спиридовъ* и *Опричникъ*, окруженныя миноносцами и миноносками, которыя и расположились на Сѣверномъ фарватерѣ внѣ огня укрѣпленій. Поэтому мониторамъ и канонеркамъ обороняющейся эскадры приказано было идти съ Восточнаго рейда на Сѣверный фарватеръ и занять мѣста за фортами для поддержки ихъ на случай атаки непріятеля. Съ заходомъ солнца и наступленіемъ темноты собралась вся непріятельская эскадра, а во второмъ часу ночи сторожевыя суда обороняющихся замѣтили одновременное движеніе мелкихъ непріятельскихъ судовъ вдоль сестрорѣцкаго и кронштадтскаго береговъ во флангъ укрѣпленій. Множество шлюпокъ съ десантомъ въ темнотѣ двигались къ батареѣ № 1, расположенной подъ кронштадтскимъ берегомъ, намѣреваясь захватить ее врасплохъ. Онѣ тотчасъ, по увѣдомленію со сторожевыхъ судовъ, были извѣщены электрическими фонарями съ фортовъ и по нимъ открытъ усиленный огонь шрапнелью, а затѣмъ онѣ попали подъ огонь батарей на косѣ и вынуждены были отступить въ безпорядкѣ къ главнымъ силамъ. Такимъ образомъ выяснилась невозможность какой-либо серіозной попытки противъ лѣваго фланга укрѣпленій Сѣвернаго фарватера.

Правый флангъ оказался также недоступнымъ для нападающей стороны, послѣ такой же безполезной попытки.

Утромъ, 13 августа, въ одиннадцатомъ часу, обороняющаяся эскадра, пользуясь отдѣленіемъ отъ главнаго непріятельскаго отряда всѣхъ мелкихъ судовъ, скрывшихся гдѣ-то за горизонтомъ, рискнула въ свою очередь атаковать четыре вышепоименованныя непріятельскія судна; мониторы, канонерки и миноносцы ея подошли къ нимъ на выстрѣлъ и открыли огонь. Завязался оживленный бой продолжавшійся около часу. Замѣтивъ приближеніе мелкихъ непріятельскихъ судовъ къ главнымъ силамъ и опасаясь быть отрѣзанною отъ укрѣпленій, обороняющаяся эскадра отступила въ порядкѣ, отстрѣливаясь отъ наседавшаго непріятеля, а послѣдній, зарвавшись, попалъ подъ сосредоточенный огонь всѣхъ семи батарей фарватера. Затѣмъ непріятельская эскадра повернула въ море, скрылась за горизонтомъ, и маневры были кончены.

Т. И. Филипповъ. (Портр. на стр. 884).

Въ концѣ истекшаго іюля мѣсяца состоялось назначеніе Тертія Ивановича Филиппова на постъ государственнаго контролера. Не говоря уже о практически свѣтломъ умѣ и большихъ способностяхъ новаго контролера, въ Филипповѣ высшее государственное управленіе Россіи пріобрѣло дѣятеля съ весьма солиднымъ образованіемъ, энергичнаго и твердаго, человѣка любящаго искренно свою родину и всегда отличавшагося своими патріотическими стремленіями. Онъ съ молодыхъ лѣтъ вращался въ кружкѣ московскихъ славянофиловъ, принадлежа въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ къ составу такъ-называемой „молодой редакціи“ Погодинскаго журнала *Москвитянинъ*, и въ этомъ кружкѣ научился любить горячо и беззавѣтно свое отечество, выработалъ тѣ политическіе взгляды, которымъ всегда оставался вѣренъ. Трудолюбивый, настойчивый въ преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей, онъ самъ создалъ свою карьеру и, начавъ ее преподавателемъ гимназіи, мало-по-малу достигъ высшихъ ступеней административной лѣстницы. Отъ общенія со славянофилами Филипповъ пріобрѣлъ любовь къ богословскимъ наукамъ, и считается у насъ большимъ знатокомъ византійскихъ историковъ и Отцовъ церкви. Онъ также любитъ музыку и церковное пѣніе, и какъ пѣвецъ-любитель обратилъ на себя вниманіе еще будучи молодымъ. Съ любовью собирая одно время памятники русскаго народнаго эпоса, онъ первый заботился о томъ, чтобы Русское Географическое Общество приступило къ собиранію русскихъ народныхъ напѣвовъ; ему первому принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ писатель, Тертій Ивановичъ извѣстенъ своими многочисленными статьями, помѣщавшимися въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Русской Бесѣдѣ*, *Москвитянинѣ*, *Днѣ*, *Гражданинѣ* и друг.; при этомъ онъ вполнѣ заслуженно пользуется славою замѣчательнаго стилиста. Однако всѣ эти достоинства, образованіе, публицистическія работы и прочія преимущества Тертія Ивановича, какъ человѣка и дѣятеля, конечно еще не давали бы ему права занять такой важный государственный постъ. Государственный контролеръ провѣряющій денежныя и хозяйственныя операціи всѣхъ вѣдомствъ, исполняющій, по смыслу закона, въ отношеніи министерства Финансовъ роль такъ-сказать постояннаго прокурора, долженъ, безъ сомнѣнія, обладать большими спеціальными познаніями, быть хорошимъ финансистомъ. Но Тертій Ивановичъ является и въ этомъ отношеніи человѣкомъ достойнымъ занять столь отвѣтственный постъ, будучи весьма солидно къ нему подготовленъ. Бывшій усердный сотрудникъ В. А. Татаринова, основателя существующей у насъ контрольной системы, занимавшій должность товарища государственнаго контролера, въ послѣдніе годы, и нерѣдко управлявшій означеннымъ учрежденіемъ, онъ пріобрѣлъ достаточный опытъ въ теченіе слишкомъ пятнадцати лѣтъ, изучивъ въ совершенствѣ правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядка, пройдя курсъ контрольнаго дѣла. Тертій Ивановичъ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто управляющаго Временною ревизіонною коммисіей, что нынѣ Департаментъ гражданской отчетности, и въ Государственный Контроль поступилъ по усиленной просьбѣ Татаринова.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тертій Ивановичъ Филипповъ родился въ Ржевѣ въ 1828 году; воспитывался въ гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1845 году кандидатомъ историко-филологическаго факультета. Послѣ этого онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ первую московскую гимназію, откуда перешелъ въ вѣдомство Св. Синода, а затѣмъ былъ приглашенъ на службу въ Контроль. Кромѣ своихъ литературныхъ и служебныхъ занятій, Филипповъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ и отъ имени комитета произнесъ слѣдующія слова въ привѣтственной рѣчи извѣстному сербскому митрополиту Михаилу, въ 1869 году: „У насъ—говорилъ г. Филипповъ—одна о васъ мысль и попеченіе, чтобы всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень и представляя изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу“. Этими словами онъ формуловалъ программу Россіи по отношенію къ славянскому вопросу, вполнѣ имъ раздѣляемую.

П. Быковъ.

Новая санаторія „Галила“ для грудныхъ болѣзней. (Рис. на стр. 884).

Въ числѣ хроническихъ болѣзней страданія легкихъ и въ особенности легочная чахотка занимаетъ безспорно первое мѣсто. По статистическому исчисленію, седьмая часть всего человѣческаго рода умираетъ отъ чахотки.

Всѣ большіе города съ тѣсно скученнымъ населеніемъ представляютъ весьма плодотворную почву для развитія этого страшнаго бича человѣчества, а между ними Петербургъ, при его особенно неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, занимаетъ видное мѣсто по степени распространенія чахотки какъ и другихъ легочныхъ болѣзней.

Долгое время всѣ медицинскія мѣры употребляемыя противъ чахотки сводились главнымъ образомъ къ одному предписанію: „Поѣзжайте на Югъ, въ теплый климатъ!“ Правда, результаты этого лѣченія „теплымъ климатомъ“ не только не соотвѣтствовали тѣмъ громаднымъ жертвамъ, съ которыми оно всегда сопряжено, а напротивъ, въ очень многихъ случаяхъ настоящая и существенная польза для больнаго сводилась просто къ нулю. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда достигалось на Югѣ нѣкоторое улучшеніе въ состояніи больныхъ, возвращеніе въ петербургскій климатъ всегда подвергало ихъ опять страшной опасности, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ первая легкая простуда вызывала рецидивъ и притомъ нерѣдко смертельный.

Вотъ почему, еще до извѣстнаго открытія туберкулёзныхъ бактерій или „бацилловъ“ д-ромъ Кохомъ, нѣкоторые врачи-спеціалисты начали лѣчить чахоточныхъ въ особо устроенныхъ для этой цѣли санаторіяхъ. Когда д-ръ Бремеръ открылъ свою санаторію въ Гёрберсдорфѣ, въ Силезскихъ горахъ, въ мѣстности съ суровымъ и холоднымъ климатомъ, то большинство врачей отнесилось къ этому дѣлу съ крайнимъ пренебреженіемъ, и продолжали посылать своихъ паціентовъ въ Ментону, Палермо, Каиръ и т. п. мѣстности.

Но вскорѣ результаты лѣченія въ Гёрберсдорфѣ самымъ блестящимъ образомъ доказали правильность взгляда д-ра Бремера. Затѣмъ возникли и другія санаторіи, подобныя учрежденію д-ра Бремера, въ другихъ мѣстностяхъ съ холоднымъ климатомъ, и успѣшно конкурировали хваленому „Югу“.

Наконецъ, послѣ открытія туберкулёзныхъ бацилловъ, вполнѣ выяснилось почему южный климатъ, т. е. высокая средняя температура атмосферы сама по себѣ не имѣетъ цѣлительнаго дѣйствія въ чахоткѣ.

Д-ръ Бремеръ доказалъ самымъ неоспоримымъ образомъ, что важна не теплота, а *чистота* воздуха и *отсутствіе въ немъ бактерій*. Этому главнѣйшему требованію больше всего соотвѣтствуетъ воздухъ со скалистою и песчаною почвою при извѣстной притомъ высотѣ надъ уровнемъ моря, которая конечно измѣняется смотря по болѣе южному или болѣе сѣверному географическому положенію мѣстности.

И такъ для страдающихъ грудными болѣзнями по новѣйшимъ правиламъ науки требуется:

1. Чистота воздуха; отсутствіе продуктовъ гніенія растительныхъ веществъ въ почвѣ и отсутствіе бактерій.
2. Возможно высшее процентное содержаніе озона въ атмосферѣ.
3. Возможно болѣе нормальное процентное содержаніе водяныхъ паровъ въ атмосферѣ. Воздухъ не долженъ быть ни слишкомъ сухимъ, ни слишкомъ сырымъ.
4. Отсутствіе вѣтра, самаго злѣйшаго врага всѣхъ чахоточныхъ.
5. Отсутствіе пыли.

Въ началѣ іюня текущаго года одинъ изъ петербургскихъ врачей, д-ръ Дитманъ, открылъ первую санаторію для груд-

ныхъ больныхъ, находящуюся вблизи отъ Петербурга. Онъ имѣлъ возможность, живя въ своемъ имѣніи „Галила", близъ станціи Новая Кирка, по Финляндской ж. д., близко ознакомиться съ почвенными и климатическими условіями Финляндіи и пришелъ къ тому убѣжденію, что при хорошемъ выборѣ мѣста для постройки санаторіи и при правильномъ устройствѣ ея Финляндія можетъ успѣшно конкурировать со всѣми заграничными санаторіями, какъ Гёрберсдорфъ, Фалькенштейнъ, Давосъ и пр.

Воздухъ въ избранномъ д-ромъ Дитманомъ мѣстѣ дѣйствительно соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ науки.

1. Песчано-гранитная почва гарантируетъ абсолютную сухость ея и отсутствіе продуктовъ гніенія растительныхъ веществъ и бактерій.

2. Сосновый лѣсъ въ соединеніи съ обиліемъ гранита самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствуетъ развитію озона въ атмосферѣ. Замѣтимъ при этомъ, что проф. Гаустеръ въ Вѣнѣ измѣреніями посредствомъ озонометра доказалъ, что самое высшее процентное содержаніе озона въ воздухѣ всегда тамъ, гдѣ почва изобилуетъ гранитомъ.

Тертій Ивановичъ Филипповъ, государственный контролеръ.
Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

3. Среднее процентное содержаніе водяныхъ паровъ близко къ нормѣ, потому что почва абсолютно суха, а находящееся близъ санаторіи озеро не допускаетъ чрезмѣрной сухости атмосферы.

4 и 5. Вѣтеръ и пыль исключены постановкою дома посреди лѣса.

Сама постройка во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Домъ, обнимающій пространство около 1,000 куб. саженъ, назначенъ для пребыванія въ немъ только 16—20 больныхъ. Поэтому всѣ комнаты, залы, коридоры и спальни—весьма крупныхъ размѣровъ. Каждая спальня, назначенная для одного больнаго, при 6 арш. вышины, имѣетъ въ длину болѣе 3-хъ, а въ ширину болѣе 2-хъ саженъ. Внутри дома нѣтъ ни обоевъ, ни штукатурки, куда набивается пыль, а всѣ стѣны покрыты деревомъ, проолифены и покрыты лакомъ. Такого совершенства въ устройствѣ ни въ одной заграничной санаторіи нѣтъ.

Нельзя не привѣтствовать это благое начина-

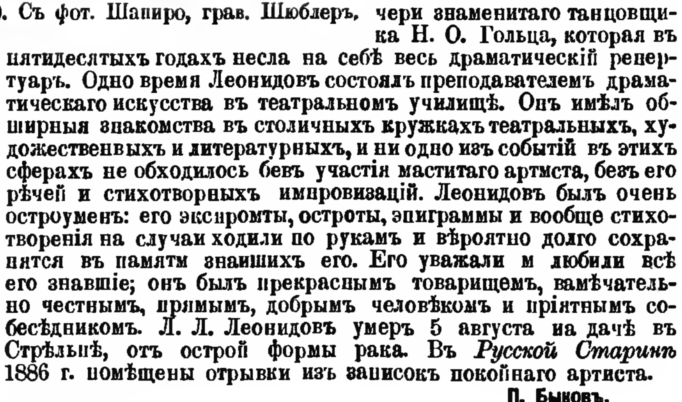
Новая санаторія „Галила" для грудныхъ болѣзней. Съ фотогр. Савельева, грав. Рашевскій.

ніе. Санаторія д-ра Дитмана даетъ больнымъ возможность серьезно и, надо надѣяться, успѣшно лѣчиться въ разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ отъ Петербурга, не разлучаясь съ семьей и родиною.

Относительно метода лѣченія, который примѣняется д-ромъ Дитманомъ, нужно замѣтить, что въ немъ важную роль играетъ новый способъ, изобрѣтенный д-ромъ Вейгертомъ въ Берлинѣ, а именно вдыханіе горячаго воздуха. Посредствомъ особаго аппарата вдыхаемый воздухъ нагрѣвается до весьма значительной теплоты, доходящей до 180° С. Больные въ большинствѣ случаевъ прекрасно переносятъ эту температуру. Цѣль этихъ вдыханій—прямое и непосредственное уничтоженіе бактерій въ легкихъ, пораженныхъ бугорчаткою.

Л. Л. Леонидовъ. (Порт. на этой стр.).

Съ небольшимъ годъ тому назадъ на сценѣ Александринскаго театра происходило скромное торжество. Праздновался юбилей пятидесятилѣтней артистической дѣятельности старѣйшаго изъ театральной семьи, Леонидова. Теперь виновникъ этого торжества скончался. Леонидовъ не обладалъ крупнымъ сценическимъ талантомъ, но съ честью занималъ амплуа героевъ, особенно въ пятидесятыхъ годахъ, пользуясь большими симпатіями публики. Онъ, „какъ артистъ и человѣкъ, хранилъ въ душѣ святое пламя, и сохранился средь друзей, какъ незапятнанное знамя давно минувшихъ, свѣтлыхъ дней.“ Въ тѣ времена, когда на русской сценѣ господствовала высокая драма, Леонидовъ имѣлъ положительный успѣхъ. При своемъ величественномъ ростѣ, прекрасной, представительной наружности, мощномъ голосѣ, онъ какъ будто былъ созданъ для высокотрагическихъ ролей; исполненіе его отличалось пріемами старой школы и большою добросовѣстностью относительно взученія ролей; въ его игрѣ былъ огонекъ. Старый трагикъ до мозга костей, Леонидовъ естественно долженъ былъ отойти на второй планъ, когда въ драматическомъ репертуарѣ бытовая комедія заняла первенствующее мѣсто. За время полувѣковаго служенія своего театру онъ переигралъ безчисленное множество ролей, исполняя въ шекспировскихъ пьесахъ: Гамлета, Отелло, Макбета, Глостера въ „Королѣ Лирѣ“, Антонія въ „Венеціанскомъ купцѣ“, Тимона Аѳинскаго, Леонато въ комедіи „Много шума изъ пустяковъ“. Участвовалъ онъ также въ пьесахъ Шиллера „Разбойники“ и „Коварство и Любовь“, въ пьесахъ „Венеціанская актриса“, „Кастильская честь“, „Бургграфы“ (Гюго) и болѣе всего въ пьесахъ Полеваго, Кукольника, Ободовскаго и друг. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, передъ оставленіемъ сцены, Леонидовъ игралъ роли Грознаго въ „Василисѣ Мелентьевой“, де-Сантоса въ трагедіи „Уріэль Акоста“ и роль дядьки въ комедіи Гольдони „Дядька въ хлопотахъ“, переведенной еще Гоголемъ. Особенно хорошую репутацію этотъ артистъ составилъ себѣ въ Москвѣ, гдѣ онъ переигралъ не мало эффектныхъ ролей, въ одно время съ знаменитымъ Мочаловымъ, продолжателемъ школы котораго московскіе театралы считали его, Леонидова.

Сынъ небогатаго чиновника, Леонидъ Львовичъ Леонидовъ родился въ Петербургѣ, 18 апрѣля 1821 года. Воспитаніе получилъ онъ въ театральномъ училищѣ и дебютировалъ въ 1838 году, ролью Адольфа въ пьесѣ Вальберха „Женщина въ тридцать лѣтъ“. Тогдашніе критики замѣтили въ дебютантѣ проблески истиннаго чувства и бойкость, несмотря на то, что эта роль рѣшительно не подходила къ молодому актеру. Послѣ этого онъ участвовалъ въ самыхъ незначительныхъ водевильныхъ роляхъ и наконецъ перешелъ на свое настоящее амплуа—молодыхъ героевъ. Въ то время такія же трагическія роли исполнялъ кумиръ тогдашней публики В. А. Каратыгинъ 1-й, и Леонидовъ волей-неволей долженъ былъ стушевываться передъ нимъ. Въ началѣ 1843 года, по распоряженію дирекціи, Леонидова перевели въ Москву. Здѣсь онъ очень выгодно зарекомендовалъ себя послѣ первыхъ дебютовъ въ пьесахъ Н. А. Полеваго „Елена Глинская“ и „Ломоносовъ“ и въ комедіи Скриба „Клевета“ и, не смотря на то, что тогда же игралъ Мочаловъ, онъ все-таки занялъ первое амплуа, а черезъ четыре года, когда умеръ Мочаловъ, весь репертуаръ знаменитаго артиста перешелъ къ Леонидову, который очень нравился публикѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ замѣстить умершаго Каратыгина, театральное начальство рѣшилось, наконецъ, выписать изъ Москвы Леонидова. 18 апрѣля 1854 г. онъ дебютировалъ въ переводной мелодрамѣ Василько-Петрова „Бенвенуто-Челлини“, имѣлъ успѣхъ и мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ почти репертуаромъ Каратыгина, завоевавъ въ теченіе сезона любовь и симпатіи публики. Тѣмъ не менѣе, по словамъ извѣстнаго стараго театрала Вольфа, артисту этому, весьма даровитому и добросовѣстному, выпала непріятная доля подвергаться безпрестанно сравненію съ умершимъ Каратыгинымъ, по образцу котораго онъ формировался. Копія послѣ оригинала не могла произвести надлежащаго эффекта. Самостоятельнаго же амплуа, сообразнаго съ новѣйшими требованіями, Леонидовъ себѣ не выработалъ и такъ на-вѣки и остался. На петербургской сценѣ онъ прослужилъ 33 года и вышелъ въ отставку въ 1888 году, отпраздновавъ свой юбилей и награжденный орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Леонидъ Львовичъ былъ женатъ на дочери знаменитаго танцовщика Н. О. Гольца, которая въ пятидесятыхъ годахъ несла на себѣ весь драматическій репертуаръ. Одно время Леонидовъ состоялъ преподавателемъ драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ. Онъ имѣлъ обширныя знакомства въ столичныхъ кружкахъ театральныхъ, художественныхъ и литературныхъ, и ни одно изъ событій въ этихъ сферахъ не обходилось безъ участія маститаго артиста, безъ его рѣчей и стихотворныхъ импровизацій. Леонидовъ былъ очень остроуменъ: его экспромты, остроты, эпиграммы и вообще стихотворенія на случаи ходили по рукамъ и вѣроятно долго сохранятся въ памяти знавшихъ его. Его уважали и любили всѣ его знавшіе; онъ былъ прекраснымъ товарищемъ, замѣчательно честнымъ, прямымъ, добрымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Л. Л. Леонидовъ умеръ 5 августа на дачѣ въ Стрѣльнѣ, отъ острой формы рака. Въ *Русской Старинѣ* 1886 г. помѣщены отрывки изъ записокъ покойнаго артиста.

П. Быковъ.

Л. Л. Леонидовъ († 5 августа 1889 г.). Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, И. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ и Вел. Кн. Ксенія и Ольга Александровны, 14 августа, въ 6 час. пополудни, изволили отбыть изъ Петергофа въ Копенгагенъ. 17 августа, король Датскій и Греческій король выѣхали навстрѣчу Ихъ Императорскимъ Величествамъ и въ два часа пополудни были приняты на бортъ яхты „Держава“, у Драгэра. Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми прибыли въ Копенгагенъ въ 3 часа 50 минутъ пополудни, были встрѣчены членами королевской фамиліи и прослѣдовали по роскошно убраннымъ улицамъ на вокзалъ, откуда отбыли въ Фреденсборгъ.

— 16 августа, на Сергіевской дачѣ князей Романовскихъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, въ $2^1/_2$ часа дня, происходило бракосочетаніе Е. И. В. князя Романовскаго герцога Лейхтенбергскаго Георгія Максимиліановича съ дочерью владѣтельнаго князя Черногорскаго, ея свѣтлостью, княжною Анастасіею Николаевною. Торжество носило семейный характеръ. Его Величество Государь Императоръ, передъ отъѣздомъ въ Данію, благословилъ высоконареченнаго жениха образомъ Спасителя. Въ самый день бракосочетанія Е. И. В. благословляли И. И. В. князь Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій Евгеній Максимиліановичъ съ принцессою Ольденбургскою Евге-

ніею Максимиліановною. Въ 2½ часа дня изъ внутреннихъ покоевъ дворца въ домовую церковь Св. Троицы, расположенную среди парка, пришелъ высоконареченный женихъ и собрались Особы Императорской Фамиліи. Въ 3 час. 40 мин. пополудни, къ церкви подъѣхала невѣста въ каретѣ, запряженной четверкою цугомъ. Образникомъ былъ сынъ флигель-адъютанта Шереметева. Въ церкви шествіе встрѣтилъ духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, который, съ двумя священниками—пресвитеромъ Соколовымъ и протоіереемъ церкви Маріинскаго дворца Делигенскимъ, совершилъ таинство бракосочетанія.

Шаферами, державшими вѣнцы надъ головами высокобракосочетавшихся были у высоконареченнаго жениха И. И. В. Вел. Князья Николай Михаиловичъ и Дмитрій Константиновичъ, у ея свѣтлости невѣсты — наслѣдный князь Даніилъ Черногорскій и князь Карагеоргіевичъ.

По совершеніи бракосочетанія, въ большой Бѣлой залѣ дворца было подано шампанское, и присутствовавшіе поздравили высокихъ новобрачныхъ. Играла музыка лейбъ-гвардіи Уланскаго полка.

Около 6 часовъ пополудни, Е. И. В. Кн. Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій Георгій Максимиліановичъ съ супругою, Княгинею Анастасіею Николаевною, отбыли съ Сергіевской дачи на станцію Старый-Петергофъ и оттуда съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги отправились въ Москву и далѣе въ свое тамбовское имѣніе, въ село Ивановку.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ отъѣзда своего вѣнценоснаго гостя, императора Австрійскаго, — императоръ Вильгельмъ снова отдался своей страсти путешествовать и покинувъ Берлинъ отправился въ западную часть своей имперіи. Повсюду вѣрноподданные горячо привѣтствовали своего государя, сопровождая пріемъ торжественными встрѣчами, процессіями, смотрами, банкетами, на которыхъ императоръ Вильгельмъ провозглашалъ тосты въ честь посѣщаемыхъ мѣстностей: въ Страсбургѣ онъ пилъ за благоденствіе своей вѣрной имперской области, а въ Мюнстерѣ, провозглашая тостъ въ честь Вестфальской провинціи, указалъ на стойкость, преданность, энергію и выдержку вестфальцевъ—качества, соотвѣтствующія основамъ его собственнаго воспитанія, такъ какъ воспитателемъ его былъ вестфалецъ. „Вестфальскій мечъ былъ всегда остеръ и я надѣюсь, что онъ окажется острымъ и впредь, если его вновь придется обнажить на защиту недавно объединенной родины", говорилъ императоръ.

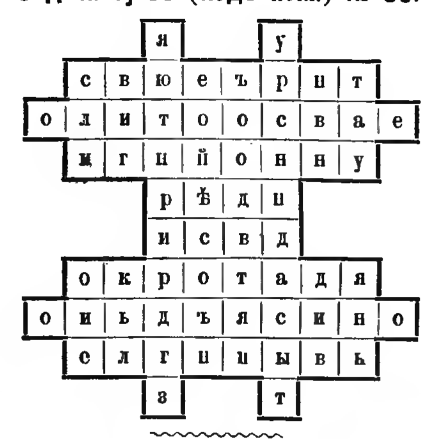
Пока императоръ совершаетъ свои странствованія, газеты продолжаютъ обсуждать значеніе двухъ послѣднихъ его свиданій съ королевой Англійскою и императоромъ Австрійскимъ. По поводу послѣдняго изъ нихъ завязалась довольно оживленная полемика между различными органами печати въ Австрійской имперіи. Чешскія газеты, а также консервативныя и клерикальныя, возстаютъ противъ расширенія австро-германскаго союзнаго договора, могущаго только повредить австрійскому единству. Протесты этихъ органовъ не остались безъ вліянія на газеты нѣмецкихъ націоналистовъ, которыя, какъ напр. *Neue Freie Presse*, теперь торопятся увѣрить, что никогда никому и въ голову не приходило возстановить германскій союзъ, въ составъ котораго вошла бы и Австро-Венгрія, но гдѣ главная роль принадлежала бы нынѣшней Германской имперіи. Относительно результатовъ осборнскаго свиданія въ берлинской *National-Zeitung* появилось слѣдующее, повидимому, оффиціозное сообщеніе: „Хотя о результатахъ путешествія императора въ Англію никакихъ положительныхъ сообщеній не дѣлается, все-таки въ наиболѣе свѣдущихъ кругахъ считается достовѣрнымъ, что въ Осборнѣ состоялось соглашеніе, благодаря которому обезпечивается единство направленія политики тройственнаго союза и политики Англіи въ европейскихъ вопросахъ и предусматриваются послѣдствія такой политики".

Во Франціи дѣятельно ведется избирательная агитація въ виду предстоящихъ выборовъ. Въ Фонтенебло уже состоялось, въ предсѣдательствѣ Карно, 16 августа, засѣданіе совѣта министровъ и президентъ подписалъ декретъ о созывѣ избирателей на 10 (22) декабря. Буланжисты употребляютъ всѣ старанія, чтобы одержать на нихъ верхъ. Разсказываютъ, что Буланже, уступивъ настояніямъ Лагерра и Деруледа, рѣшилъ вернуться во Францію за нѣсколько дней до выборовъ. Въ тотъ самый день, когда генералъ предастъ себя въ руки правосудія, онъ пріобрѣтаетъ право на избираемость, потому что необходимо будетъ судить его вторично. Буланже отправится де во Францію съ большою торжественностью. Всѣ подробности тріумфальнаго шествія осужденнаго генерала будто бы уже установлены и даже зафрахтованъ пароходъ, на которомъ онъ поѣдетъ изъ Дувра въ Калэ. Республиканскія газеты, передавая эти слухи, замѣчаютъ, что они распускаются нарочно, съ цѣлью подогрѣть усердіе сторонниковъ Буланже. Между тѣмъ въ самомъ Парижѣ *Presse* печатаетъ прокламацію Буланже, въ которой приводится списокъ буланжистскихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ избирателямъ Сенскаго департамента. Въ трехъ участкахъ нѣкоторымъ изъ этихъ кандидатовъ были уже устроены оваціи. 15 августа, вечеромъ, въ циркѣ Фернандо собралась значительная толпа буланжистовъ, помѣстившаяся частью въ самомъ циркѣ, частью на улицѣ. Полицейскихъ было откомандировано чрезвычайно много. Лагерръ пытался опровергнуть по пунктамъ обвинительную рѣчь генеральнаго прокурора по дѣлу Буланже. Затѣмъ Лэванъ поставилъ на обсужденіе собравшихся пять вопросовъ о виновности. На всѣ эти вопросы единодушно даны были отрицательные отвѣты и, согласно тому, Буланже признанъ оправданнымъ. Собравшаяся около цирка толпа кричала: „Vive Boulanger!" и бросала каменьями въ полицію. Конная гвардія сдѣлала натискъ и арестовала многихъ.

На островѣ Критѣ спокойствіе далеко еще не возстановлено. Напротивъ, газетѣ *Standard* телеграфируютъ изъ Константинополя, что султанъ не согласился на требованія критской коммисіи и турецкія войска на островѣ Критѣ наготовѣ для всякаго случая; агентству Рейтера сообщаютъ, что вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ, принятыхъ Портою, переговоры между инсургентами и Шакиромъ-пашею прекратились и послѣ нѣкотораго затишья, кровопролитныя столкновенія между инсургентами и турецкими войсками возобновились. Особенно безпокойно въ окрестностяхъ Селино, Ретимно и Гераклеона.

Въ *Times* появилось извѣстіе, что христіане острова Крита намѣрены во время пребыванія Германскаго императора въ Аѳинахъ ходатайствовать черезъ депутацію объ его покровительствѣ. На это *Post* замѣчаетъ, что императоръ во всякомъ случаѣ отклонитъ несоотвѣтственно адресованную къ нему просьбу, такъ какъ онъ не приметъ на себя никакихъ обязательствъ защиты или покровительства внутри турецкаго государства.

Задача буквъ (ходъ коня) № 56.



Ребусъ. Задача № 57.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

МАГАЗИНЪ БРОНЗЫ
К. БЕРТО
переводится съ 1 сентября с. г.
ВЪ БОЛЬШУЮ МОРСКУЮ № 27.

Въ отдѣленіи книжнаго склада **В. В. ДУМНОВА**
ПОДЪ ФИРМОЮ
„НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ"
С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 19, и въ Москвѣ, въ его же книжномъ магазинѣ, на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Обидиной,
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Изданіе десятое, подъ редакціею проф. **Н. С. Тихонравова**, въ 5-ти томахъ большаго формата (болѣе 200 листовъ), съ двумя портретами автора, снимками его автографовъ, чертежей и другими рисунками, съ примѣчаніями редактора и варіантами. Текстъ этого изданія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, произведенія и отрывки, до сего времени не помѣщенные ни въ одномъ изъ предыдущихъ изданій, свѣренъ и исправленъ проф. Тихонравовымъ по собственноручнымъ рукописямъ поэта и первоначальнымъ изданіямъ его произведеній, выходившимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Гоголя. Цѣна за 5 томовъ **8 р. 50 к.**, пересылка за 11-ть фунтовъ, по разстоянію, на счетъ покупателей. Въ настоящее время вышли I, IV, V томы, на остальные два тома выдается билетъ. До выхода въ свѣтъ всѣхъ 5-ти томовъ, желающимъ допускается подписка на слѣдующихъ условіяхъ: **городскіе** покупатели вносятъ при полученіи перваго тома **2 р. 50 к.**, а **иногородные 2 р. 50 к.** и стоимость пересылки, при полученіи-же слѣдующихъ томовъ—по **1 р. 50 к.** за каждый томъ. По выходѣ же всѣхъ 5-ти томовъ, о чемъ будетъ особо публиковано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", подписка прекращается и лица не взявшія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи слѣдуемыхъ имъ томовъ, теряютъ право на полученіе ихъ. Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ могутъ получать сочиненія Гоголя въ разсрочку, внося первоначально **2 р. 50 к.** и стоимость пересылки, а остальные взносы производить ежемѣсячно, но не менѣе **1 рубля въ мѣсяцъ**, при чемъ вышедшіе три тома будутъ высланы немедленно, а остальные по выходѣ въ свѣтъ. При разсрочкѣ этого послѣдняго рода, требованія должны присылаться на бланкѣ и съ печатью учрежденія, за подписью и ручательствомъ казначея или завѣдывающаго денежною отчетностью. По окончаніи печатанія означенныхъ 5-ти томовъ, предполагается приступить (также подъ редакціею проф. Тихонравова) къ печатанію VI тома, который поступитъ въ отдѣльную продажу. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ (напр. „Учебная книга словесности"), первоначальныя редакціи „Женитьбы" и „Ревизора" и первой части „Мертвыхъ душъ", программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. № 3990 3—2

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НОВОСТИ!
Веселыя свинки, очень интересная игра.
Вопросъ Эйфелевой башни, фокусъ съ Парижской выставки.
Цѣна за обѣ игры **1** руб. съ пересылкой.
И. Глазуновъ.
На Рождественкѣ въ Москвѣ.

Натуральная углекислая минеральная вода
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый щелочнокислый источникъ
освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
1,000000 (милліонъ) бутыл. годовой вывозъ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА".
50 №№ въ годъ и 100 листовъ отдѣльныхъ приложеній. Множество рисунковъ и чертежей всевозможныхъ образцовыхъ издѣлій по различнымъ ремесленнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ. -Моды, новости и пр. Подробная программа высылается немедленно.
Издается 5-й годъ.
За 1/2 года 4 р.; за 6 р. высылается **годовое** изданіе, начиная съ № 1.
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези"** и **сноповязалокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабля **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (8)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3925
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и вѣрное дѣйствіе, мягкій вкусъ, малая доза.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
Ц. 3934 10—8

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**
Ц. № 3767 (23).

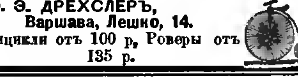
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, №. 21.
Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ.
Зубная Глицериновая паста по 75 к.
Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 к.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

САЛИЦИЛОВЫЯ
произведенія.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. № 3997
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ELIXIR DENTIFRICE DES RR. PP. BÉNÉDICTINS 1373

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.



Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бицикли отъ 100 р, Роверы отъ 135 р.

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

Вышло изъ печати:

И. КРАМЕРЪ

60 избранныхъ этюдоаъ
для фортепіано.
изданныхъ подъ редакціею

Г. фонъ-БЮЛОВА,

аъ систематичесаомъ порядкѣ, съ обозпаченіемъ апликатуры и знаковъ исполненія и съ примѣчаніями.

Новое дополненное изданіе.
Русскій нереаодъ **Г. Лароша и Н. Кашкина.**
Тетр. I, II, III, IV по 1 руб.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

ФИСГАРМОНІЯ

Прекрасный инструментъ для духовкой и свѣтской музыки.

Американскія фисгармоніи, незамѣнимо пріятные, благородные заукп которыхъ очаровываютъ каждаго слушателя, изящная отдѣлка которыхъ украшаетъ каждую залу, стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Французскія фисгармоніи: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р. № 3999

Выучиться играть на фисгармоніи очень легко; кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда. Школы и ноты для фисгармоніи аъ большомъ аыборѣ.

Иллюстрироаанный прейсъ курантъ и каталогъ нотъ для фисгармоніи—**безплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д Захарьина.

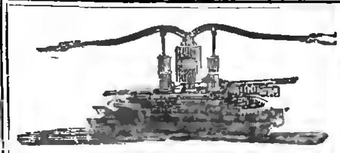
(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничк. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Рекомендую золот. глухіе дамскіе часы, заводъ безъ ключа, изящный фасонъ, **въ 45 р.**
Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по аостребоаапію безплатно. № 3947 10—5

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

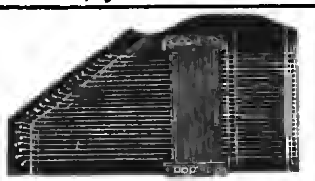
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405



БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,
НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ
молотилокъ, аѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессоаъ, плугоаъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ аѣсоаъ, **катковъ для бѣлья** и пр.
№ 3942 6—5

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по аноаь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петроака, домъ Волкоаа.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (9) Ц. № 3864
Торгоацамъ дѣлается скидка.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. №3847 6-3

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

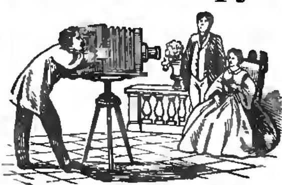
Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.**
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, **безплатно.**

CORSETS
20–19 LEOTY
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris

ТОЛЬКО 10 руб.!



Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, аиды и проч., аъ аизитн. и кабинетн. величину, съ проби. снимками и рукоаодстаомъ. Пересылка за 15 фунт. Адресъ: **С.-Петербургъ.** Складъ ноаыхъ изобрѣтеній, **4, Невскій просп., 4,** рядомъ съ Глаан. Штабомъ. **Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній** за 7 к. марку.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ
ПЛАТЬЕВЪ и ПАЛЬТО

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА
ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ СКЛАДѢ
ПОСТОЯННОЙ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

(С.-Петербургъ, Малая Итальянская ул., д. № 38): продаются брошюры религіознаго содержанія, по описанію святыхъ мѣстъ, по отечестаенной исторіи, географіи и естестаоаѣдѣнію, беллетристическія и др., всего числомъ 87.

Каталогъ высылается безплатно. № 4004 2—1

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

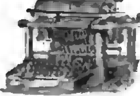
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (80) № 2946

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во асѣхъ Министерстаахъ и мног. праантельств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзыаы отъ Правительства и другихъ учрежденій, аысылается безплатно. № 3748
Единстаенный складъ для асей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

При этомъ № прилаг. 2 объявл.: 1) для гг. иногор. подп. (за искл. моск.) отъ чайн. маг. О. Корещенко въ Москвѣ; 2) для гг. гор. подп. отъ Ф. Е. Софронова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 23 августа 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XX

№ 36 | | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 сентября 1889 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1889 г., съ 32 рисунками и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 34 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Дѣдушка и внучекъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ ясный ноябрскій вечеръ, не смотря на сильный морозъ, на одной изъ немногихъ широкихъ улицъ первопрестольной Москвы происходило то, что̀ именуется Вавилонскимъ столпотвореніемъ.

По улицѣ и по всѣмъ прилегающимъ къ ней переулкамъ кишѣлъ будто человѣческій муравейникъ. Двигались, шли и ѣхали, переплетались и путались вереницы колымагъ, возковъ и всякихъ экипажей, а между ними всадники и пѣшіе.

Среди этой сумятицы высились большія каменныя палаты и сіяли всѣми окнами. Весь дворъ, столбы ограды, часть прилегающей къ нему улицы были сплошь усѣяны плошками и шкаликами, а кой-гдѣ кадушками съ горящею смолой. И отъ этого барскаго дома зарево стояло на всю Москву.

Здѣсь жилъ уже давно не то опальный, не то на покоѣ, но во всякомъ случаѣ удаленный или удалившійся отъ двора, знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ этотъ вечеръ графъ давалъ балъ буквально на всю дворянскую Москву. Съѣздъ былъ такъ великъ, что только женщины въ бальныхъ костюмахъ съ высокими мудреными прическами терпѣливо оставались сидѣть въ своихъ возкахъ или каретахъ, ожидая возможности добраться въ очередь до подъѣзда и выйти; мужчины, не смотря на необычность такого поступка, рѣшались бросить экипажъ среди улицы и шли пѣшкомъ чрезъ дворъ до крыльца дома, въ сопровожденіи своихъ лакеевъ или гайдуковъ.

Графъ Орловъ давалъ балъ, про который въ Москвѣ уже ходило по городу одно словечко: „промахнется“. Москва, и сановная, и просто свѣтская, нѣсколько дней толковала про этотъ балъ, устроенный въ огромныхъ размѣрахъ, и все повторяла то же слово. Но это выраженіе вовсе не означало того, что балъ будетъ не удаченъ, не блестящъ, не любопытенъ.

Алексѣй Григорьевичъ, при своемъ страшномъ богатствѣ и умѣньи тратить деньги, обращавшій большое вниманіе на показную сторону во всемъ, долженъ былъ, конечно, и на этотъ разъ удивить столицу великолѣпіемъ своего празднества.

Выраженіе „промахнется“ относилось совершенно къ иному обстоятельству. Произнося это слово, и сановники, и дворяне лукаво подмигивали или трясли головой. Слово это имѣло гораздо большее значеніе. Оно говорило о томъ, что у графа есть своя затаенная цѣль, и хитрая, и серьезная, которую онъ себѣ поставилъ, которой хочетъ достигнуть этимъ баломъ, а черезъ день или два—другимъ пиромъ, обѣдомъ для дворянъ, а на дворѣ для простонародья. Но москвичамъ казалось, что графъ своими празднествами этой цѣли не достигнетъ: „промахнется!“

Богатыя и изящно отдѣланныя палаты едва вмѣстили въ себя всю массу гостей. Во всѣхъ горницахъ стояли сплошныя кучи разряженныхъ дамъ, кавалеровъ штатскихъ и военныхъ. Все блестѣло, сіяло, собираясь веселиться, но повсюду, во всемъ, во всѣхъ гостяхъ будто пролилась какая-то невидимая, загадочная волна...

Танцы давно начались въ большой залѣ, но такъ какъ не достало тамъ мѣста, танцовали и въ сосѣдней гостиной. Громадный и лучшій въ Россіи оркестръ гремѣлъ такъ, что его слышно было на улицѣ черезъ двойныя рамы. Въ другихъ горницахъ за многими столами играли въ карты.

Но во всѣхъ этихъ горницахъ, на всѣхъ лицахъ, чуть-ли даже не на физіономіяхъ прислуги графской чудилось одно и то же: желаніе радоваться при полной невозможности, желаніе не веселиться, а казаться веселымъ.

Всюду было какъ бы написано, чуть не на самыхъ стѣнахъ начертано большими буквами, на подобіе таинственныхъ словъ: *Мани, Факелъ, Фаресъ*,—неизвѣстность, тревога, боязнь. И однако, хотя всякій это чувствовалъ, никто ни единымъ словомъ на вечерѣ не обмолвился.

Самъ хозяинъ, высокій, мощный въ плечахъ, черезчуръ полный, но все еще красивый, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, любезно принималъ гостей и всячески заботился о всѣхъ: дамъ разсаживалъ, сановниковъ и пожилыхъ лицъ пристраивалъ за карты, за шахматы, или за какое иное занятіе, стараясь, чтобы каждому было пріятно, а молодежь-кавалеровъ посылалъ танцовать до упаду.

При этомъ графъ изо всей силы, больше чѣмъ кто-либо на этомъ балѣ, старался показаться радостнымъ и счастливымъ до-нельзя. Но потому-ли, что онъ не умѣлъ притворяться, или на душѣ его черезчуръ кошки скребли, только всякій москвичъ, давно привыкшій къ своему Алексѣю Григорьевичу, видѣлъ по глазамъ его, что знаменитому вельможѣ далеко не до веселья.

И самъ графъ, глядя на всѣхъ другихъ, смотрѣлся въ нихъ какъ въ зеркало. Онъ видѣлъ и въ нихъ одинаковое со своимъ состояніе души, хотя въ гораздо меньшей степени. Всѣ тревожились и вопросительно взирали на него, озабоченные нѣсколько собой, но еще болѣе имъ.

Въ каждомъ взглядѣ, который графъ ловилъ на себѣ, онъ читалъ тотъ же вопросъ: „что̀ съ тобой будетъ?“ Или же онъ читалъ то словечко, которое бѣгало давно по Москвѣ: „промахнешься!“

Во все время бала, начавшагося въ девять часовъ, вплоть до полуночи длилось это странное, будто разлитое въ палатахъ настроеніе. Бальная суета и пустыя незначущія рѣчи, какъ журчанье ручьевъ, отличались на этотъ разъ лишь тѣмъ, что всѣ гости много толковали о монархинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и поминали громкія имена лицъ ярко освѣтившихъ навсегда страницы ея царствованія, долгаго и славнаго.

Однако не только въ горницахъ, гдѣ перешептывались праздно-сидѣвшіе гости, но и за карточными столами, наконецъ даже въ бальной залѣ, на устахъ у всѣхъ появлялись чаще всего четыре фамиліи. Имена эти, о которыхъ многіе тридцатилѣтніе люди почти ни разу еще ничего не слыхали, были: Аракчеевъ, Кутайсовъ, Растопчинъ, Гудовичъ.

Нѣкоторые собесѣдники заставляли себѣ повторять эти фамиліи. Въ одной маленькой гостиной, гдѣ сидѣли сплошь сановники, заслуженные генералы, или московскіе старожилы-дворяне, важные не чинами и звѣздами, а Рюриковскимъ именемъ и несмѣтнымъ состояніемъ, всего чаще повторялись эти имена. То и дѣло слышалось:

— Да откуда же онъ?

— Съ кавказскихъ предѣловъ. Это у вратъ персидскихъ, цѣлое такое княжество — Кутаисъ.

— Что̀ вы, такого нѣтъ!

— Ну, городъ что-ли! А то и посадъ. И по немъ названіе, прозвище получено...

— Плѣнный князекъ!

— Ну, батюшка, знаемъ мы этихъ плѣнныхъ князей да графовъ. Небось, просто такъ чернавкинъ мальчугашка.

— Ну, а этотъ Ракачеевъ? или Карчеевъ что-ль?

— Этотъ дворянинъ русскій. Только онъ какъ-то иначе прозывается.

— Какой чортъ: Карчеевъ. Его зовутъ Аракчеевъ.

— Ну, а Гудовича—правда что вернутъ?

— Сказываютъ: вернутъ, озолотятъ, въ графы произведутъ...

— Да за что̀?

— Тридцать шесть лѣтъ въ опалѣ былъ и такъ ни за что̀ вѣдь. А былъ первымъ любимцемъ Петра Ѳеодоровича.

— А Растопчинъ что̀ такое?

— А это уже никому неизвѣстно. Да и чудно какъ: Растопчинъ! Что-то не по-русски. Знать татаринъ.

— Да! Что-то будетъ! Что-то будетъ! кончалась всякая бесѣда припѣвомъ и вздохомъ.

— Ну, а „нашъ-то“? вѣдь не сдобровать? кивали иные на стѣны великолѣпнаго дома.

— Да, пожалуй что нонѣшній балъ—послѣдній. Не уѣхать бы ему туда же, куда ѣздили разные Меньшиковы, Бестужевы и Волынскіе.

— Волынскій никуда не ѣздилъ. Ему голову отрубили.

— Нѣтъ, это ужь много будетъ! Этому не отрубятъ. Не за что̀. А сослать—пожалуй, сошлютъ. А уже этимъ баломъ, вѣрно сказываетъ Москва, промахнется онъ.

Послѣ полуночи балъ нѣсколько оживился, но всетаки тоже странное настроеніе продолжало держать все многолюдное общество какъ бы въ тискахъ.

Балъ этотъ давалъ графъ Орловъ ради восшествія на престолъ новаго императора, Павла Петровича.

II.

Въ числѣ другихъ колымагъ, около десяти часовъ подъѣхала къ дому Орлова одна большая, желтая, раззолоченная, съ цугомъ вороныхъ коней.

Изъ нея вышелъ старикъ, свѣжій лицомъ и бодрый осанкой, хотя при этомъ онъ сильно прихрамывалъ и волочилъ ногу, опираясь на палку. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала высокая и стройная дѣвушка, но уже зрѣлыхъ лѣтъ и очень некрасивая.

Старикъ, съ ея помощью, поднимаясь медленно по парадной лѣстницѣ, остановился на площадкѣ при поворотѣ и выговорилъ тихо и сухо:

— Ну, Прасковья Андреевна, помни. Это мое послѣднее тебѣ слово—родительское и властное... Не порти мнѣ великаго радостнаго событія всероссійскаго. Либо миромъ, либо воевательствомъ кончимъ. А дочкѣ съ отцомъ не стать воевать! Да со мной оно и всякому чужому не повадливо. И генералъ тоже у новаго монарха на замѣчаніи особливомъ. Ну, а я вѣрно знаю, здѣсь, сегодня, онъ по модному тебѣ объявится самъ. Ты дѣвка старая—и не прихотничай. А хочешь коли воевать—навоюешь себѣ отъ меня келью и рясу. Вотъ тебѣ весь сказъ!

Дѣвушка слушала потупясь и не отвѣчала ни слова. Затѣмъ они поднялись еще и вошли въ гостиную.

Суровый на видъ и прихрамывающій гость, особенно любезно принятый хозяиномъ дома, сталъ весело здороваться на всѣ стороны и сразу по всему оказался исключеніемъ изъ общаго правила. Онъ одинъ глядѣлъ и бесѣдовалъ счастливый, радостный и даже какъ будто гордый своею радостью, когда всѣ лица кругомъ выражаютъ тревожное недоумѣніе. Это былъ исконный москвичъ, старожилъ, извѣстный всей столицѣ князь Андрей Ивановичъ Березопольскій.

Отличительною чертой князя была родовая гордость, доходившая часто до надменности, и если родни у него было много въ Москвѣ, то друзей почти не было. Про него выражались, что у него рука тяжела, глазъ скверный, что онъ инымъ словомъ какъ обухомъ ударитъ.

Князь никогда не сердился. Повидимому гнѣвъ ему былъ незнакомъ. И вообще въ отношеніяхъ съ людьми ниже и выше его поставленными онъ былъ чрезвычайно ровенъ, по наружности благодушенъ, но на самомъ дѣлѣ его всѣ боялись и никто не любилъ.

Иногда случалось князю тихимъ и сладкимъ голосомъ поговорить съ кѣмъ-нибудь нѣсколько минутъ и послѣ этого онъ наживалъ въ этомъ человѣкѣ себѣ врага на всю жизнь. Случалось это потому, что князь не только не щадилъ самолюбія ближнихъ, но тщательно старался направлять свои удары, мѣткіе и острые, именно на больное мѣсто. Зная, что его боятся, князь и этимъ очень гордился.

Быть-можетъ, этотъ человѣкъ былъ бы совершенно другимъ, если бы судьба его повернулась иначе. Его крутой, тяжелый и неуживчивый нравъ явился послѣдствіемъ неудачи въ молодости.

Когда-то давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, князь, начавшій службу при императрицѣ Елизаветѣ, блестящій офицеръ, многаго ожидалъ отъ восшествія на престолъ императора Петра Ѳеодоровича. И дѣйствительно, едва только скончалась дщерь Петрова, какъ Березопольскій появился въ числѣ если не любимцевъ, то ближайшихъ лицъ при молодомъ императорѣ. Онъ былъ пріятелемъ Гудовича, который, въ свою очередь, былъ другомъ и государя, и Воронцовой.

Въ первые же три мѣсяца царствованія новаго императора Березопольскій получилъ два чина одинъ за другимъ и сталъ премьеръ-майоромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кавалеромъ новаго голштинскаго ордена *Анны*, который раздавался императоромъ только приближеннымъ лицамъ.

Двадцатипятилѣтній премьеръ-майоръ князь Березопольскій, довольно видный собой, если не съ красивымъ, то съ выразительнымъ лицомъ, очень богатый человѣкъ, владѣтель двухъ большихъ вотчинъ въ Ярославской и Рязанской губерніи, могъ ожидать вскорѣ всякихъ благъ земныхъ отъ новаго императора.

Будучи въ кружкѣ Гудовича, Перфильева, Измайлова и другихъ ближайшихъ лицъ къ Петру III, князь Березопольскій, такъ же какъ и они, ничего не видѣлъ кругомъ себя изъ того, что̀ творилось, готовилось, угрожало... Всѣ они ничего не замѣчали, не предугадывали, какъ-бы ослѣпли. То, что̀ предчувствовалъ, если не зналъ и не видѣлъ, всякій петербургскій обыватель, для нихъ было покрыто тайной или какой-то чародѣйскою пеленой. Когда разразился надъ Питеромъ ударъ, они всѣ, въ томъ числѣ и князь, не вѣрили собственнымъ глазамъ. Имъ показалось страшнымъ сновидѣніемъ: канунъ Петрова дня, дѣйство гвардіи въ Петербургѣ, походъ новой императрицы въ Петергофъ и удаленіе императора въ Ропшу.

Разумѣется, черезъ нѣсколько дней Березопольскій очутился въ такомъ положеніи, что приходилось волей-неволей покидать Петербургъ.

Но этотъ ударъ честолюбію, а также разнымъ помысламъ и мечтамъ, глубоко отозвался въ душѣ Березопольскаго и повліялъ на его характеръ, на всю его жизнь. Впереди не было ничего. Единственное неотъемлемое право выслужилъ онъ у правительства: выйти въ отставку и выѣхать изъ Петербурга по-добру по-здорову въ Москву или въ какой-либо иной городъ, а не быть сосланнымъ въ вотчину.

Князь перебрался въ Первопрестольную, гдѣ еще жила его старуха-мать, давно овдовѣвшая, и гдѣ было много родни. Но затѣмъ вскорѣ онъ, не столько изъ любознательности, сколько отъ ложнаго стыда предъ москвичами, выхлопоталъ себѣ дозволеніе поѣхать за-границу.

Послѣдствіемъ путешествія и пребыванія въ королевствѣ Польскомъ явился бракъ на родовитой нѣмкѣ, съ которой князь познакомился въ Варшавѣ.

Старый баринъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Муратова,** грав. Барановскiй.

Гармоническое настроеніе. Картина Эрдмана, грав. Веберъ.

Дальше князь, конечно, не поѣхалъ, а вернулся съ женой въ Москву на жительство.

Теперь, уже старикъ шестидесяти лѣтъ, онъ былъ давно вдовъ и жилъ въ московскомъ домѣ съ единственною дочерью, наслѣдницей большаго состоянія, которую однако до сихъ поръ не удавалось ему выдать замужъ.

Дочь на рукахъ, уже зрѣлая дѣвица, отчасти тяготила князя. Отношенія между отцомъ и дочерью были странныя. Умная княжна называла обращеніе съ ней отца—„параднымъ". Оно было безукоризненно предупредительное и ледяное.

Въ этотъ вечеръ, на балъ къ графу Орлову князь явился сіяющій и счастливый, зная, что императоръ уже послалъ курьера просить Гудовича въ Петербургъ. Стало-быть тѣ кто остался отъ временъ Петра III—опять пойдутъ въ гору.

И хотя поздно теперь князю, въ его года, снова мечтать о чемъ-либо, но тѣмъ не менѣе онъ радовался. Онъ можетъ сразу изъ рукъ монарха получить все то, что̀ могъ бы выслужить за тридцатичетырехлѣтнее царствованіе Екатерины.

Княжна прошла въ бальную залу и сѣла въ углу па диванчикѣ. Хотя ее стали тотчасъ-же приглашать на разные танцы, но она всячески старалась, какъ всегда, избавиться отъ танцевъ и кавалеровъ. Она знала, что ее приглашаютъ только поневолѣ, когда не достанетъ пары или когда иному записному, отчаянному танцору все равно съ кѣмъ ни идти.

Въ этотъ вечеръ княжна, къ тому-же, была еще грустна и встревожена до крайности.

И день этотъ начался для нея не заурядно... Въ этотъ день поутру ее поздравляли всѣ въ домѣ. Поздравилъ и отецъ, но прибавилъ:

— Хотя, сударыня моя, поздравлять, по правдѣ сказать, не съ чѣмъ!

Въ этотъ день княжнѣ минуло двадцать-девять лѣтъ.

— Еще одинъ годъ, сказалъ князь, любезно кланяясь,—et vous pouvez, ma bonne, de droit—coiffer Sainte Catherine!

Князь, пріѣхавъ на балъ, уже въ третій разъ, твердо, сурово, почти гнѣвно подтвердилъ дочери не совѣтъ, а приказаніе. У него нашелся наконецъ подходящій женихъ, который уже объяснился съ нимъ, и хотя они говорили не прямо, но оба поняли другъ друга и разстались крѣпко облобызавшись, какъ будущіе родственники.

Женихъ рѣшилъ, что въ виду возраста княжны, онъ долженъ прямо и ясно переговорить съ ней самой, но почему-то хотѣлъ непремѣнно сдѣлать это не въ домѣ князя, а на Орловскомъ балѣ, во время танцевъ. Генералу-жениху казалось такое предложеніе гораздо болѣе интереснымъ, а главное—болѣе моднымъ.

Въ прежнее время засылали свахъ и сватовъ въ домъ. Потомъ хлопотали исключительно между собой родители обѣихъ сторонъ, безъ свахъ. Затѣмъ женихи стали являться лично, а родители ограничивались ролью рѣшителей судебъ. Наконецъ, за послѣднее время явилась новая мода: молодые люди изъяснялись сами въ своихъ чувствахъ непосредственно своему предмету.

III.

Княжна, озиравшаяся кругомъ себя въ залѣ, вдругъ пытливо устремила глаза къ входной двери и слегка ахнула.

Ея вниманіе привлекъ одинъ изъ гостей, стоявшій на порогѣ и глядѣвшій на танцующихъ.

Этотъ гость прежде всего поражалъ своимъ маленькимъ ростомъ при сильной тучности. Это былъ почти четырехъугольный человѣчекъ съ добродушно-круглымъ, пухлымъ лицомъ и добрыми веселенькими глазками. Особенность его лица заключалась въ томъ, что совершенно невозможно было опредѣлить его года. Ему могло быть и подъ тридцать, и всѣ пятьдесятъ.

Княжна быстро поднялась съ мѣста, прошла минуя пары танцующихъ, и подойдя къ толстому человѣчку, проговорила съ особеннымъ оживленіемъ:

— Братецъ!.. какими судьбами? когда?..

Толстякъ обнялъ подошедшую, какъ-то странно по младенчески чмокнулъ ее въ обѣ щеки пухлыми губами и, разсмѣявшись, выговорилъ:

— Вчера, ввечеру. Измучился съ пути, проспалъ чуть не до полудня! Хотѣлъ, сестрица, заѣхать среди дня, да не удалось. А вотъ сейчасъ здѣсь цѣлый часъ искалъ васъ и дядюшку, да нешто въ этой сутолокѣ найдешь кого!

— Пойдемте, пойдемте! выговорила княжна и, потянувъ за руку толстяка, пошла съ нимъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ сидѣли исключительно пожилые люди.

Усѣвшись въ углу, они оба, довольные встрѣчей, закидали другъ друга вопросами.

Толстякъ, котораго княжна называла братцемъ, былъ тоже князь Березопольскій — троюродный племянникъ ея отца.

Дружбы, какая можетъ быть между сверстниками, между ними никогда не бывало, такъ какъ разница лѣтъ оказывалась слишкомъ велика. Князю Ильѣ Петровичу было въ дѣйствительности безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, и когда княжна явилась на свѣтъ, онъ уже былъ офицеромъ. Впослѣдствіи, въ качествѣ большаго взрослаго братца, притомъ одинокаго, князь Илья Петровичъ всячески баловалъ свою крошечную сестрицу.

— Въ Москву надолго-ли? спросила княжна радостно.

— Самъ не знаю. Думаю, что въ Россію надолго.

— А теперь прямо изъ своихъ мѣстъ—изъ Франціи?

— Нѣтъ, прямо изъ Молдавіи, сестрица, изъ Яссъ.

— Когда вы уѣхали въ послѣднее-то путешествіе? Вѣдь мы что-то уже давно не видались.

— Да, уже года четыре будетъ. А вы ничего не перемѣнились, сестрица!

— А вы что-же ждали, что я похорошѣю въ эти годы? Вѣдь мнѣ сегодня почти тридцать стукнуло.

— Э, голубушка! махнулъ князь рукой.—Вижу, все та-же пѣсенка.

— Какая пѣсенка?

— Да про себя! Ваша старая пѣсенка. Дурная я, да старая, такая, сякая, не мазаная! А все это вранье! Для меня нѣтъ лица пріятнѣе вашего. Не будь мы родственники, я бы вотъ на васъ сейчасъ, не мигнувъ, женился! шепнулъ князь таинственно и весело разсмѣялся, нагибаясь къ дѣвушкѣ.

— Вотъ развѣ что *вы*, произнесла она.—Я полагаю, что васъ и силкомъ-то никогда никто бы не женилъ. А если-бъ свели связаннаго подъ вѣнецъ, вы-бы послѣ вѣнца застрѣлились.

Князь помолчалъ, вздохнулъ и выговорилъ вдругъ совершенно серьезно:

— Можетъ-быть, сестрица, можетъ-быть. Какъ подумаю я, какъ это люди женятся, какъ это они женатыми на свѣтѣ живутъ...

Онъ развелъ руками и снова вздохнулъ:

— Удивительно!

— Что̀ же вы дѣлали теперь за-границей?

— Да ничего ровнехонько. Гдѣ поживу — порисую, гдѣ поживу—поиграю. Акварель уже бросилъ, пастелью рисую, и почти что совсѣмъ не плохо. Говорятъ, даже хорошо. Прежде у меня, у всѣхъ фигуръ глаза кривые и косые выходили, а носъ всегда являлся не на мѣстѣ. А теперь все это въ порядкѣ.

Князь говорилъ такимъ добродушно-серьезнымъ голосомъ, что никогда нельзя было знать, шутитъ онъ или нѣтъ.

— А вотъ еще, сестрица, флейту новую купилъ въ

Болоньѣ. Сказываютъ ей двѣсти лѣтъ, и дорого заплатилъ. Въ Венеціи оцѣнили ее въ тысячу рублей.

— Флейту? Да вѣдь вы, кажется, на кларнетѣ играли?

— Караулъ! Отцы мои! заоралъ вдругъ князь на всю горницу. — Брысь! брысь! Что вы это! На кларнетѣ!? Я!? Нѣтъ, до этакого сраму не доживалъ никогда!

— Да не все-ли равно? удивилась княжна.

— Что вы? что вы? Вы лучше молчите! Во мнѣ музыкантъ весь затрепеталъ. Головокруженіе дѣлается... Кларнетъ и флейта—одно и то же! Да это просто кощунственныя рѣчи! На флейтѣ какой-то олимпійскій богъ игралъ. Можетъ-быть это и сплетено на его счетъ, да мнѣ такъ сказывали. А уже вотъ, что ни одинъ богъ на Олимпѣ не сидѣлъ съ кларнетомъ въ рукахъ, за это я вамъ отвѣчаю!

Бесѣда продолжалась долго о всякихъ пустякахъ, и князь Илья Петровичъ, какъ всегда всѣхъ, заставлялъ княжну невольно смѣяться. Наконецъ, она вполнѣ развеселилась—и прежняя тревога, съ которой она пріѣхала на балъ, стала уже исчезать. Но вдругъ, среди разговора, лицо княжны сразу снова потемнѣло. Она круто прервала какой-то разсказъ князя и выговорила вдругъ совершенно инымъ голосомъ:

— Пріѣзжайте завтра непремѣнно къ намъ, братецъ, и помогите мнѣ.

Князь, удивившійся перемѣнѣ въ ея лицѣ, слегка раскрылъ ротъ.

— Да, да. Мнѣ помощь ваша нужна. И даже сегодня, вотъ здѣсь, вы мнѣ немножко поможете. А завтра пріѣзжайте на цѣлый день. Батюшка выѣдетъ изъ дому. Я вамъ все разскажу... Вы мнѣ помогите...

— Да въ чемъ дѣло, сестрица? Я всячески готовъ.

— А вонъ, смотрите... Видите, стоитъ генералъ... вонъ тамъ... у колонны?

— Вижу. Да вѣдь это, кажись, мой однокашникъ, право... Да это-же вѣдь князь Орвадзе.

— Онъ самый. Вы его знаете?

— Какъ-же не знать! Шесть мѣсяцевъ въ одномъ полку были. Я вышелъ въ отставку, а онъ тоже вышелъ... только въ генералы. А вѣдь что такое былъ? Почитай нашимъ аманатомъ. Его не-то на Кубани въ плѣнъ взяли, не то въ заложники нашимъ войскамъ онъ выданъ еще маленькимъ. Такъ въ полку сказывали тогда. Помнится мнѣ, что мы его. шутки ради, всегда аманатомъ звали, а иногда „мохнатомъ“. Онъ, вишь, какой обросшій! И черенъ, какъ тѣ коты, которыхъ колдуньи уважаютъ особливо ради гаданій.

— Ну, я несказанно рада, братецъ, что вы его знаете. Вы съ нимъ переговорите за меня и не допустите...

— Да въ чемъ-же дѣло?

— У насъ въ домѣ новость лихая. Не было давно, а вотъ теперь Господь привелъ опять горе горевать. Будь жива матушка, конечно-бы этого не было, грустно произнесла княжна.

— Что это у васъ въ Москвѣ завелося? Ко всякой бесѣдѣ таинственное предисловіе дѣлать. Съ кѣмъ ни заговоришь, всякій, прежде чѣмъ до дѣла дойти, водитъ, водитъ. И слушаешь, какъ часы передъ обѣдней. Можетъ оно и нужно, да не вѣдомо зачѣмъ. Говорите, въ чемъ дѣло?

— Онъ за меня сватается. Сегодня долженъ объясниться мнѣ лично. А съ батюшкой онъ уже говорилъ...

— Этотъ дикій кабанъ! сватается! за васъ! И дядюшка согласился?.. быстро выговорилъ толстякъ, уже совсѣмъ инымъ голосомъ, сердись и оживляясь.

Княжна не отвѣтила, но ея глаза, наполнившись слезами, отвѣтили родственнику, что не только отецъ согласенъ, но и готовъ выдать ее противъ воли.

Князь молчалъ нѣсколько мгновеній, потомъ произнесъ укоризненно:

— Это-же безобразіе совсѣмъ! Вѣдь онъ мой ровесникъ. Наши товарищи теперь уже то и дѣло пируютъ на крестинахъ своихъ внучатъ. Ну, я совсѣмъ никогда не хотѣлъ жениться и не женюсь... А эта дурафья черкесская чего-же ждала? Кто-же за него теперь пойдетъ?

— Да вотъ-же... меня выдаютъ, ядовито произнесла княжна.

— Но вы, сестрица, не пойдете?

— Если свяжутъ и повезутъ въ церковь, такъ пожалуй и повѣнчаютъ, а добровольно не пойду.

— И дѣло. Нешто можно за нашего брата, стараго хрыча, замужъ выходить? Женись я въ двадцать лѣтъ, да будь у меня дочери, такъ теперь бы у меня ожидались бы уже правнучки... Такъ въ чемъ же мнѣ вамъ помочь?

— Сегодня, братецъ, не отходите отъ меня. Я вижу, онъ смотритъ, ждетъ... Это съ батюшкой у нихъ порѣшено окончательно. Онъ здѣсь, на балу, долженъ предложить мнѣ руку и сердце. Какъ вы отойдете, онъ подойдетъ.

— Вретъ, собака! Вретъ, мохнатъ! вдругъ воскликнулъ князь Илья Петровичъ и ударилъ себя обѣими руками по колѣнкамъ.—Съ мѣста не сойду! Такъ вотъ тутъ, около васъ, до зари сидѣть буду! А соберетесь домой ѣхать—я сзади пойду! Подсаживать въ карету буду дядюшку и васъ—и дверцу ему на носъ захлопну. Его бы самого прихлопнулъ, кабы права на это имѣлъ!

Княжна признательно-ласковымъ взглядомъ посмотрѣла на оживлявшагося толстяка. Его искреннее негодованіе и добродушное ожесточеніе заставили ее подумать:

„Все тотъ же... Добрый, нѣжный, мягкій нравомъ. И какъ это никто нигдѣ до сихъ поръ имъ не завладѣлъ? Дуренъ, правда, очень...“

IV.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ—и кавказецъ, бросавшій сумрачные взгляды въ сторону княжны, простился со своимъ собесѣдникомъ и двинулся къ ней.

— Вотъ онъ идетъ! выговорила княжна.

— Милости просимъ! усмѣхнулся Илья Петровичъ.— Я съ моего мѣста ни пяди. Пускай при мнѣ предложеніе дѣлаетъ! Я за васъ, сестрица, и отвѣчать даже стану.

— При васъ онъ не станетъ, а въ этомъ-то вся и сила. Хоть одинъ день выгадать. А завтра мы съ вами перетолкуемъ. Вамъ можетъ удастся усовѣстить батюшку, усовѣстить и его, какъ товарища.

Орвадзе подошелъ, поклонился, выпрямился и сталъ въ позу, произнеся только два слова:

— Мое нижайшее!

Отъ всей его фигуры повѣяло чѣмъ-то особеннымъ. Это былъ истый уроженецъ дикаго края. Если мундиръ не отличалъ его ничѣмъ отъ другихъ военныхъ, то во взглядѣ было что-то совершенно чуждое всему окружающему. Въ этихъ глазахъ, узкихъ, миндалевидныхъ, черныхъ, подъ черными мохнатыми бровями, сквозила дикость или одичалость.

Чудилось, что этотъ человѣкъ мыслитъ, чувствуетъ, смотритъ на весь міръ Божій, судитъ о самыхъ насущныхъ вопросахъ жизни не такъ, какъ всѣ другіе, а иначе, по своему.

Вмѣстѣ съ этимъ, ясно сказывалась главная особенность всей его фигуры. Это былъ молодящійся человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своей неотразимости.

Онъ взглянулъ на княжну такими глазами, какъ если-бы наканунѣ она призналась ему въ любви, какъ если-бы еще вчера она, у ногъ его, повѣдала ему о своей безумной страсти къ нему. Онъ смотрѣлъ не побѣдителемъ, а властителемъ.

Отъ одного этого взгляда лицо княжны ярко вспых-

нуло и она невольно отвернулась. Еще секунда, она пожала бы плечами, встала и отошла, но ее остановила мысль, что онъ послѣдуетъ за ней. А здѣсь, около нея, по счастію, есть стражъ.

Илья Петровичъ первый поднялся, протянулъ руку генералу, назвался и вспомнилъ прежнюю совмѣстную службу.

Орвадзе любезно и весело поздоровался съ княземъ и на минуту пересталъ быть Мамаемъ или Тимуромъ, заговорилъ проще, вспоминая о полковой жизни въ малыхъ чинахъ, объ юномъ, веселомъ времени.

Но затѣмъ, тотчасъ же усѣвшись около княжны, Орвадзе снова началъ смотрѣть величественно, знаменитымъ покорителемъ народовъ.

Илья Петровичъ замѣтилъ эту особенность въ фигурѣ кавказца и внутренно разсмѣялся: „Чистый кабанъ!“

— Я васъ буду просить, Прасковья Андреевна, заговорилъ генералъ, — сдѣлать мнѣ великую честь, позволить перемолвиться съ вами наединѣ.

— Это довольно мудрено, отозвалась сухо княжна,— на балѣ гдѣ тысяча человѣкъ, нельзя...

— Я хочу сказать не наединѣ, а отдѣльно, хотя бы вотъ и здѣсь.

Княжна молчала.

Орвадзе буквально стрѣлялъ своими піявками-глазами по князю, какъ бы говоря:

„Пойми же, глупый человѣкъ! Встань, да уйди!“

Но Илья Петровичъ, благодушно улыбаясь, вдвинулся глубже въ кресло и расположился еще покойнѣе, протянувъ ноги и положивъ пухлыя руки на бочка кресла. Принятая поза была прямымъ отвѣтомъ на молніи кавказца.

— Дѣло, о которомъ бы я хотѣлъ бесѣдовать съ вами, княжна, чрезвычайной важности, сказалъ Орвадзе.— Соизвольте попросить вашего родственника-князя оказать намъ одолженіе — оставить насъ.

— Это что̀ же такое? отозвался Илья Петровичъ.— Мнѣ уйти? Да ни за какія коврижки! ни за апельсинъ! Помилуйте, я цѣлый часъ бродилъ, да на ногахъ стоялъ! При моей-то легкотѣльности! Наконецъ выискалъ хорошее кресло около сестрицы, которую не видѣлъ невѣсть сколько годовъ, и вдругъ вы, ваше превосходительство, пожаловали, да гоните. Да еще стараго товарища.

— Въ такомъ случаѣ, Прасковья Андреевна, выговорилъ Орвадзе нетерпѣливо,—я попрошу васъ подняться и перейти въ другой уголъ горницы.

Княжна задвигалась на мѣстѣ, очевидно смущаясь, не зная что̀ сдѣлать, и украдкой взглянула въ лицо кузена, какъ бы прося помощи.

— Э-э... протянулъ Илья Петровичъ. — Дѣло-то, я вижу, дрянь! Ужь вы не собираетесь-ли предложеніе дѣлать сестрицѣ? Вы не обижайтесь пожалуйста... Я понимаю, что такое подозрѣніе съ моей стороны, относительно человѣка нашихъ съ вами лѣтъ—есть оскорбленіе до нѣкоторой степени. Въ наши годы нельзя воображать что какая-либо дѣвица за насъ замужъ пойдетъ.

Лицо Орвадзе сразу пошло пятнами.

Илья Петровичъ все видѣлъ и понялъ: но лицо его стало еще добродушнѣе.

И веселымъ голосомъ князь началъ разсказывать сестрицѣ анекдотъ про то, какъ въ Парижѣ одинъ старикъ шестидесятилѣтній вѣнчался съ дѣвушкой шестнадцати.

Илья Петровичъ весь анекдотъ выдумывалъ, путалъ, но уснащалъ всякими прибаутками, изъ которыхъ нѣкоторыя били Орвадзе какъ обухомъ по лбу.

— Да вѣдь каково животное-то, сестрица, добавилъ Илья Петровичъ. — За дѣвочкой были деньги большія, а у него-то, стараго, только родимое пятно на шеѣ изъ всего родоваго, а изъ благопріобрѣтеннаго—только краснота на носу. Мало того, что захотѣлъ подъ старость молоденькую взять, а къ тому же еще не по любви, а изъ-за денегъ.

Орвадзе слушалъ и глядѣлъ уже не Мамаемъ, а просто дикимъ кабаномъ. При этомъ онъ такъ громко и шибко дышалъ, что султанъ кивера, который онъ держалъ на колѣняхъ, шевелился какъ отъ вѣтра.

Между тремя собесѣдниками наступило мертвое молчаніе. Только Илья Петровичъ поглаживалъ себя руками по колѣнкамъ и выговаривалъ полушепотомъ:

— Охъ, дѣла, дѣла! Да, все такъ-то! Грѣхи тяжкіе!

Но это говорилось какъ бы про себя, не получило отвѣта ни отъ кого, и молчаніе длилось.

Въ эту паузу къ сидящимъ двигался самъ князь Андрей Ивановичъ. Уже минуты съ двѣ вглядывался онъ издали въ трехъ собесѣдниковъ и видѣлъ что племянникъ краснобайствуетъ, дочь молчитъ, опустивъ глаза и изрѣдка усмѣхаясь, а генералъ топорщится не только нетерпѣливо, но и досадливо.

Князь понялъ кое-что и двинулся къ дочери, ковыляя, таща за собой одну ногу и пристукивая толстою палкой по паркету. Онъ подошелъ къ сидящимъ медленною, важною и гордою походкой, не смотря на хромоту. Во всей его фигурѣ была та же осанка, то же высокомѣріе, та же надменность, что и въ кавказцѣ, но разница была огромная. Князь былъ важенъ и гордъ естественно, будто по какому-то сознаваемому праву ему дарованному, тогда какъ кавказецъ былъ важенъ неувѣренно и болѣе наружно, чѣмъ внутренно.

Вдобавокъ не очень красивое лицо князя отличалось отъ другихъ лицъ оттѣнкомъ благородства, породистости. Прежде всего это было очень умное лицо, очень пріятное когда онъ бывалъ въ духѣ, грозно-суровое когда онъ бывалъ въ дурномъ расположеніи.

При появленіи князя Андрея Ивановича, племянникъ его, конечно, тотчасъ же поднялся пыхтя съ кресла и родственники обнялись.

— Когда пожаловалъ? выговорилъ князь-дядя.

— Вчера. Простите, дядюшка, сегодня не успѣлъ у васъ быть. За то завтра явлюсь спозаранку и цѣлый день просижу. Захотите разсказовъ — разсказывать буду, захотите говорить — слушать буду! Вы меня кушать позовите, а то въ моей гостиницѣ проѣзжихъ кормятъ кипяченымъ квасомъ и жареными подошвами.

— Вѣстимо къ намъ пріѣзжай. У насъ всякій день и кушай, покуда въ Москвѣ. Да вѣдь ты, небось, денька черезъ три соберешься въ путь?

— Нѣтъ, куда же, отозвался Илья Петровичъ.

— Куда? Тебѣ всюду дорога. Ну, въ городъ Арестань.

— Такого города, дядюшка, нѣтъ на свѣтѣ.

— Врешь, есть. Какъ же мальчишки поютъ: „дождикъ, дождикъ перестань, я поѣду въ Арестань“. А то въ городъ Укатай! Въ счастливую Аравію что-ль? А то и туда, гдѣ телята Макара все быть желали, да не попали. Ну-т-ка, разскажи, теперь-то гдѣ былъ?

И князь очень ловко, взявъ племянника подъ руку, потянулъ его въ противоположную сторону.

— Нѣтъ, дядюшка, ходить не пойду! ни за что̀! воскликнулъ Илья Петровичъ.—Садитесь съ нами тутъ. Мы съ сестрицей такую бесѣду начали, что и вамъ будетъ любопытно. Объ моей женитьбѣ.

— Полно врать-то. Пустомеля! усмѣхнулся князь, нехотя садясь между дочерью и племянникомъ.

— Ей-Богу, не вру.

— На комъ тебѣ жениться! Кто за тебя пойдетъ?

— Силкомъ отдаютъ, вѣстимо, дядюшка. Я ей хуже горькой рѣдьки! И она мнѣ не по сердцу. Да денегъ у нея много... Похвалите. Что жь вы?..

— Ну, брось пустомельство! сурово отозвался князь Андрей Ивановичъ, искоса глянувъ на Орвадзе, кото-

Катюша. Картина Зейферта, грав. Веберъ.

рый вдругъ поднялся съ мѣста и отошелъ къ знакомому.

— Это ты спроста брякнулъ? спросилъ князь, косясь на племянника. — Или ужь успѣлъ стакнуться съ сестрицей?..

— Поясните, дядюшка... что-то не соображу, о чемъ спрашиваете, совершенно простодушно отвѣтилъ Илья Петровичъ.

— Ну, ладно... ладно... Мнѣ такъ почудилось... Ну сказывай, странствующая стрекоза, откуда теперь пожаловалъ?

— Изъ Молдавіи, дядюшка. Всю осень тамъ прожилъ.

— А лѣто гдѣ жь?

— Лѣто въ Италіи, въ Венеціи.

— А весну? уже насмѣшливо спросилъ князь.

— Весну?... Весну и всю зиму я въ Парижѣ прожилъ.

— Это который уже разъ, стрекоза?

— Да ужь не знаю, кажется въ седьмой.

— По-русски говорить не разучился?

— Какъ видите, дядюшка, маракую малость.

Князь замолчалъ, посидѣлъ немного и затѣмъ, не взглянувъ на дочь, поднялся и пошелъ къ кучкѣ горячо споривших гостей.

— Батюшка догадался о нашемъ заговорѣ, сказала княжна. — Онъ гнѣвается.

— За то мы спугнули филина, разсмѣялся князь. — Сегодня ужь онъ ни за что къ вамъ не подойдетъ. А я отъ васъ ни пяди, покуда не соберетесь домой.

И „братецъ“ сдержалъ слово. Орвадзе исчезъ и болѣе не появлялся. А когда князь въ часъ пополуночи собрался домой и позвалъ дочь — Илья Петровичъ проводилъ ихъ до крыльца и кареты.

(Продолженіе будетъ).

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

VIII.

Ратиминъ немедленно отправился изъ театра домой, болѣе чѣмъ когда либо проникнутый впечатлѣніемъ обаятельной красоты Негрѣховой. Онъ былъ счастливъ за нее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокоился неопредѣленнымъ томленіемъ, какъ будто у него душа закружилась и не знала куда приткнуться.

Владиміръ Алексѣевичъ не былъ въ состояніи разсуждать, онъ только чувствовалъ. Будущее рисовалось передъ нимъ хаосомъ разнорѣчивыхъ ощущеній, въ которомъ бьется счастье, ложь, укоры совѣсти и надежда.

„Пусть судьба сама рѣшаетъ!“ безпомощно подумалъ онъ, сознавая себя не въ силахъ удержать душу. Былъ онъ силенъ, пока жилъ умомъ, идеей... а надъ сердцемъ не оказалось у него власти.

Пріѣхалъ онъ, поднялся въ редакцію и прошелъ въ кабинетъ Бекина, смутивъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ сонныхъ разсыльныхъ и даже Авказова, замиравшаго надъ послѣдними строчками хроники.

— Ахъ! c'est vous! Не чаялъ въ такое время! увеселился Петръ Леонтьевичъ.

— Какой у насъ идетъ фельетонъ? спросилъ Ратиминъ.

— Музыкальный. Грушинина, семьсотъ строкъ, отвѣтилъ Бекинъ, удивленный вопросомъ: неужели Владиміръ Алексѣевичъ могъ забыть, что по средамъ постоянно идутъ музыкальные фельетоны.

— Отлично. Сократите на двѣсти строкъ, очистите мнѣ мѣсто. Я напишу статью о сегодняшнемъ спектаклѣ.

— Superbe! обрадовался Петръ Леонтьевичъ, — мы, значитъ, раньше всѣхъ... Я сейчасъ вычеркну и дамъ знать въ типографію, чтобы подождали верстать третью страницу.

Владиміръ Алексѣевичъ сталъ тутъ же, на мѣсто Бекина, и началъ писать, торопливо, безъ помарокъ, спѣша изложить всѣ мысли, толпившіяся у него въ головѣ. Никогда еще работа не давалась ему такъ легко. Удачныя выраженія точно сами вырисовывались подъ его перомъ, безостановочно скользившимъ по бумагѣ. Минутъ черезъ сорокъ, статья была готова. Не перечитавъ, онъ провелъ по ней валикомъ пропускной бумаги и отдалъ Петру Леонтьевичу:

— Въ типографію, скорѣй... Корректуру держите сами.

— А піеса хороша? освѣдомился Бекинъ.

Ратиминъ удивился.

— Піеса?.. піеса... ну, да, конечно.

Онъ вспомнилъ, что мало, очень мало, почти не коснулся комедіи Пронина, остановившись на одномъ исполненіи.

— Ну, ничего, сойдетъ...

Въ первый разъ разрѣшилъ онъ словами „ничего, сойдетъ“ сомнѣніе, относившееся до газеты.

Внизу, въ столовой, онъ засталъ жену и Соню за чаемъ. Валентина Петровна хмурилась, въ отвратительномъ настроеніи духа. Соня упорно стучала ложечкой по столу, что служило у нея признакомъ сквернаго расположенія. Владиміръ Алексѣевичъ подсѣлъ, придвинулъ къ себѣ стаканъ чая, поглядѣлъ по сторонамъ. Молчанье его угнетало.

— Что жь, понравилось? спросилъ онъ.

Валентина Петровна поморщилась:

— Это ни на что не похоже! Какихъ-то неблаговоспитанныхъ дѣвочекъ выпускаютъ на сцену... и ты восторгаешься этою Негрѣховой!

Ратиминъ приподнялъ брови, съ цѣлью выразить удивленье.

— Я восторгаюсь? протянулъ онъ, — я... конечно, она очень талантлива. Не понимаю, отчего ты на нее нападаешь... извини меня, это не совсѣмъ добросовѣстно.

Лицо Валентины Петровны стало блѣднѣе, несимпатичнѣе.

— А добросовѣстно, сказала она, — заступаться за актрису только потому, что она хорошенькая?

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами. Его сердило, что жена затѣяла разговоръ въ присутствіи своей сестры. Не удивляло его нисколько подозрѣніе, звучавшее въ ея словахъ. Онъ понималъ, что должно было такъ кончиться. Все исходитъ отъ Сони, наговорившей всякихъ небылицъ.

— Съ чего ты взяла? произнесъ онъ наконецъ, стараясь смотрѣть на жену съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Она горько улыбнулась и взглянула на Соню, словно говоря ей: „ты слышишь? Онъ еще спрашиваетъ!“

Та начала еще сильнѣе стучать.

— Высказывайся, я жду, настаивалъ Владиміръ Алексѣевичъ, раздраженнымъ голосомъ, — я прошу тебя объясниться, откровенно, прямо, безъ полунамековъ и соболѣзнующихъ переглядываній. Твоя сестра, очевидно, знаетъ, въ чемъ дѣло. Позволь и мнѣ, пожалуйста, узнать.

— Хорошо, отвѣтила Валентина Петровна, — я скажу, и пусть Соня слышитъ. Ты вздумалъ влюбиться въ Негрѣхову, вернулся домой, чтобы написать о ней

статью... не позволяешь отзываться о ней иначе, какъ панегириками, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Ты возразишь, что я не имѣю основанія утверждать навѣрно? Съ меня довольно и того, что ты, за послѣдніе дни, круто перемѣнился... я тебя знаю хорошо. Мнѣ достаточно было слышать, какъ ты произносилъ ея имя; видѣть, какъ ты смотрѣлъ на нее, не спуская бинокля.

Ратиминъ всталъ.

— На сегодня будетъ, проговорилъ онъ и пошелъ въ кабинетъ.

— Нечего сказать, нашелъ себѣ счастье, нашелъ на комъ жениться! прошепталъ онъ, съ приступомъ ненависти къ женѣ. Развѣ онъ любилъ ее когда нибудь! Нѣтъ. Вѣдь онъ считалъ ее другою, идеализовалъ ее... и все-таки, тогда, вначалѣ, ему не рисовалось въ ней и сотой доли того, что поразило его въ Негрѣховой, такъ на нее похожей. Что за глупая сцена! И она думаетъ привязать его этимъ къ себѣ! Напротивъ, она его отталкиваетъ... Ну, хорошо-же!..

IX.

На слѣдующее утро, Владиміръ Алексѣевичъ, едва вставъ, взялъ свѣжій нумеръ „Столицы" и началъ читать свою статью, не помня, собственно, что было имъ написано и не успѣвъ посмотрѣть въ полосѣ, такъ какъ типографія торопила печатаніе. Съ первыхъ-же словъ онъ испугался и съ возрастающимъ безпокойствомъ дочиталъ до конца.

— Что это? Я съ ума сошелъ? проговорилъ онъ, пораженный тѣмъ непривычнымъ ему несдержаннымъ тономъ, которымъ отличалась рецензія. Четыре столбца были полны самыхъ горячихъ похвалъ игрѣ Евгеніи Сергѣевны, о другихъ исполнителяхъ не было сказано ни одного слова, и читатель долженъ былъ придти къ заключенію, на основаніи торопливыхъ, едва доконченныхъ фразъ, разбросанныхъ по абзацамъ, что пьеса Пронина превосходна. Никогда еще Ратиминъ не писалъ такой горячей статьи.

Онъ испугался... Всякій, ознакомившись съ его отзывомъ, скажетъ: „однако, Ратиминъ увлекся, вышелъ изъ предѣловъ..." Да, да, непремѣнно такъ. Если Валентина Петровна замѣтила, съ какимъ взволнованнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за игрой Евгеніи Сергѣевны, то, разумѣется, это должно было всѣмъ броситься въ глаза, а сегодняшній коротенькій фельетонъ возбудитъ такіе толки, что многіе перестанутъ считать редактора-издателя „Столицы" безпристрастнымъ.

Остыло въ немъ чувство, обезцвѣтилось увлеченіе. Онъ покраснѣлъ, растерялся, какъ человѣкъ, оскандалившійся въ присутствіи многочисленной толпы. Ратиминъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по кабинету, нервно теребя усы.

— Опомнился, слишкомъ поздно опомнился! прошепталъ онъ и сѣлъ, точно уронилъ себя въ кресло. Яркость ощущеній, появившихся въ его жизни за послѣдніе дни, потускнѣла. Мысль о Негрѣховой зарождалась и гасла безцвѣтно въ его умѣ. Онъ видѣлъ себя сбитымъ съ толка, потерявшимъ уваженіе къ самому себѣ... Нѣтъ, онъ знаетъ, что онъ все тотъ-же, но другіе будутъ ошибочно о немъ судить. Необходимо оправдаться въ ихъ глазахъ, иначе останется пятно на его имени... И вчерашнія слова жены звучали у него въ ушахъ чѣмъ-то для него постыднымъ.

— Уѣхать, проговорилъ онъ, — исчезнуть, скрыться куда-нибудь на время; переждать, пока улягутся всѣ сплетни, и вернувшись въ Петербургъ, доказать всѣмъ, что росказни лишены всякаго основанія... Газету поведутъ безъ меня Бекинъ и Грушининъ... Грушининъ убѣжденный человѣкъ и придержитъ Бекина... Да, я такъ и сдѣлаю... На нѣсколько дней сбился съ пути, но не пропалъ.

Холодный, спокойный, сѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ за столъ съ намѣреніемъ позаняться. Онъ вспомнилъ о романѣ Зарокова и своемъ желаніи написать отзывъ объ этой книгѣ. Поработаетъ онъ часъ, или два, и окрѣпнетъ душою, — старое, испытанное средство. Но едва взялся Ратиминъ за дѣло, какъ подали ему письмо, съ громаднымъ золоченымъ *П*, выштампованнымъ на конвертѣ.

— Отъ Пронина! угадалъ онъ и, распечатавъ, прочиталъ:

„Дорогой и многоуважаемый Владиміръ Алексѣевичъ, спѣшу поблагодарить васъ за снисходительное и доброе слово о моей пьесѣ. Не заѣзжаю самъ, боясь оторвать васъ отъ занятій, но повѣрьте, что моя признательность глубока и чистосердечна".

Ратиминъ, первымъ движеніемъ, разорвалъ письмо и бросилъ его подъ столъ.

— Доброе и снисходительное! раздраженно прошепталъ онъ, — доброе и снисходительное! Коль скоро такая тупица понимаетъ, что я черезчуръ пощадилъ его, то отъ остальныхъ я могу ждать насмѣшекъ...

Всякое желаніе заниматься пропало. Благодарность Павла Арсеньевича являлась для него тупымъ оскорбленіемъ, за которымъ должны были послѣдовать другія. Ратиминъ начиналъ уже относиться враждебно къ Негрѣховой и старался убѣдить себя, что все произошло благодаря ея сходству съ его женой. Поразило его это сходство, больше ничего...

Вдругъ, сердце его сжалось. Онъ услышалъ голосъ Негрѣховой, изъ гостиной. Она говорила:

— Доложите, поскорѣй.

Владиміръ Алексѣевичъ неожиданно обрадовался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побоялся прихода жены... Встрѣтивъ Евгенію Сергѣевну, она способна затѣять нехорошую сцену. Быстро подошелъ онъ къ двери, отворилъ ее и сказалъ:

— Пожалуйте, я не занятъ...

„Господи! она еще похорошѣла", подумалъ онъ тотчасъ-же. Дѣйствительно, какая-то особенная, сіяющая улыбка освѣщала лицо Негрѣховой. Видно было, что въ ней бьется свѣжая радость, новое чувство счастія. Торопливо вошла она въ кабинетъ, захлопнула за собой дверь и, раньше нежели Владиміръ Алексѣевичъ успѣлъ опомниться, со смѣхомъ схватила его за плечи, пригнула къ себѣ, поцѣловала въ обѣ щеки и сказала:

— Спасибо!

Ратиминъ пошатнулся, голова у него закружилась.

— Спасибо?.. спасибо? За что? проговорилъ онъ.

— За приговоръ! Теперь я больше не сомнѣваюсь, я знаю, что у меня есть талантъ. Вѣдь вы не слишкомъ пересолили? нѣтъ? Ну, да перестаньте! Съ чего вы растерялись? Я васъ поблагодарила, какъ добрый товарищъ.

И она глядѣла на него, веселая, довольная. Ей было пріятно, что она и тутъ его смутила. Ратиминъ понялъ: она его ни во что не ставитъ, особенно послѣ статьи, и благодаритъ за *услугу*.

Онъ искалъ словъ, могущихъ ее „ошарашить" (такъ онъ мысленно выразился), но не находилъ ихъ. Ея безцеремонные поцѣлуи, показавшіе, до какой степени она пренебрежительно относится къ нему, поразили его, непредвидѣнные. Слѣдовало-бы сказать ей что-нибудь въ родѣ „вы не умѣете себя вести" или „можетъ-быть у опереточныхъ актрисъ такъ принято", но онъ не былъ въ силахъ это сдѣлать, смущенный. И сталъ онъ утѣшать себя мыслью о предстоящемъ отъѣздѣ, видя въ немъ спасеніе, вѣрный исходъ изъ глупаго положенія.

— Что-жь вы не сядете, замѣтилъ онъ и придвинулъ ей кресло, машинально, думая въ то же время: „а все-таки, не избавилъ я своей души отъ тебя..."

Негрѣхова сѣла.

— Я не знаю, иронически проговорила она, — можетъ-

Привалъ на маневрахъ. Съ акварели (собств. „Нивы") в Китаева, грав. Пуцъ.

На помощь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Проскурина, грав. Ангереръ.

быть мой поступокъ не совсѣмъ приличенъ... мнѣ неизвѣстно, гдѣ проходятъ границы того, что разрѣшено дѣлать русской актрисѣ (кстати, ангажементъ обезпеченъ): мнѣ болѣе знакома французская жизнь, чѣмъ русская... Пожалуй, вы находите мой пріѣздъ предосудительнымъ... Впрочемъ, мнѣ все равно. Я поступила по совѣсти. Слѣдовало поблагодарить васъ, я и пріѣхала. Но это еще не все. Павелъ Арсеньевичъ (вы получили отъ него записку?) поручилъ мнѣ просить васъ къ намъ, въ понедѣльникъ, къ обѣду, запросто. Будутъ все люди которыхъ вы знаете. Онъ, въ сущности, устраиваетъ маленькій семейный праздникъ по поводу успѣха своей піесы, и ваше присутствіе было-бы ему особенно пріятно... Видите, я даже его слогомъ говорю... Будете?

Владиміръ Алексѣевичъ положительно оторопѣлъ. Онъ никогда не предполагалъ, что ему можетъ быть сдѣлано подобное предложеніе.

„Неужели обо мнѣ стали такого мнѣнія, что считаютъ возможнымъ меня приглашать на подобные обѣды, словно какого-нибудь Бекина, способнаго написать два сочувственныхъ фельетона за каждое вкусное блюдо!“ подумалъ онъ.

— Ну?

— Я не знаю, отвѣтилъ Ратиминъ.

Она посмотрѣла на него въ упоръ.

— Я не знаю, повторилъ онъ.

Ея взглядъ сталъ крѣпче, больнѣй.

— Буду, буду, проговорилъ онъ,—понедѣльникъ, къ счастію, у меня свободенъ.

И онъ покраснѣлъ, сознавая, что ее ничѣмъ нельзя обмануть... она прекрасно читаетъ въ его душѣ и заставила его согласиться. Планъ отъѣзда выпалъ изъ его мыслей. Владиміръ Алексѣевичъ съумѣлъ убѣдить себя, что, пріѣхавъ на обѣдъ, онъ будетъ имѣть случай выказать, въ присутствіи многихъ, равнодушіе, презрѣніе къ Негрѣховой. Ему показалось, что такъ будетъ лучше. Пусть всѣ увидятъ, что она для него ничто.

— А вы не раздумали? спросила Негрѣхова, улыбаясь.

Ратиминъ опустилъ глаза. Онъ угадывалъ, что за вызывающей улыбкой таится что-то неожиданное; угадывалъ и боялся.

— Я не понимаю, проговорилъ онъ.

Она засмѣялась. Очевидно, она хорошо знала всю силу своей красоты.

— Помните, вы мнѣ сказали, что хотѣли-бы сдѣлаться моимъ другомъ? И я васъ спрашиваю: вы не раздумали?

Тутъ ея глаза немного прищурились. Взглядъ, проходя сквозь темныя рѣсницы, сталъ еще болѣе смущающимъ. Ратиминъ невольно приблизился къ ней. Вдругъ, онъ рѣшилъ, что такъ продолжать нельзя. Нужно выйти изъ неопредѣленнаго положенія.

— Послушайте, сказалъ онъ,—я вижу, что вы смѣетесь надо мной. И вы имѣете полное основаніе смѣяться, потому что, съ первой минуты нашего знакомства, я не съумѣлъ себя поставить, и съ того мгновенія все пошло не такъ. Говорю вполнѣ откровенно, и оно тѣмъ болѣе естественно, что вы сами давно все замѣтили. Ваша насмѣшливость была вызвана убѣжденіемъ, что высказаться я не посмѣю. Вы считаете меня слабымъ, безхарактернымъ, безвольнымъ; воображаете, что я такой-же пустой и глупый, какъ многіе изъ тѣхъ на кого и не стóитъ обращать вниманія. Васъ чрезвычайно радуетъ, что вы смутили меня, человѣка пользующагося уваженіемъ, создавшаго себѣ репутацію непреклонно честнаго публициста. Иначе-бы вы не рѣшились явиться съ благодарностью за статью. А вѣдь я написалъ свое мнѣніе—и нельзя благодарить меня за то, что я думалъ такъ, а не наоборотъ. Вы поняли впечатлѣніе вызванное во мнѣ вашей красотой... Да, я скажу вамъ правду: оно сильно...

Евгенія Сергѣевна перебила:

— Къ чему вы клоните?

Владиміръ Алексѣевичъ сперва разсердился, потомъ сообразилъ, что говорилъ безъ цѣли, заблудился въ недоконченныхъ мысляхъ и чувствахъ. Онъ увидѣлъ только одинъ исходъ—рѣзко выразить самое сильное изъ чувствъ бившихся въ его душѣ за эту минуту.

— Да, ну, что-жъ... я васъ люблю, сказалъ онъ, — вотъ почему я такой... Думайте обо мнѣ что̀ хотите, я дольше не могу скрывать. Теперь вы все знаете, рѣшайте.

Онъ махнулъ рукой и отвернулся, боясь глядѣть ей въ глаза, сознавая, что бóльшую изо всѣхъ глупостей онъ совершилъ теперь. Евгенія Сергѣевна посмотрѣла на него съ усмѣшкой.

— Я не понимаю, проговорила она,—что̀, собственно, я должна рѣшать? Вы меня любите? Отлично. Развѣ я въ томъ виновата? Развѣ я старалась произвести на васъ такое впечатлѣніе? Наконецъ, давала-ли я вамъ малѣйшій поводъ разсчитывать на сочувствіе съ моей стороны?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Слѣдовательно, въ чемъ же должно состоять мое *рѣшеніе*?.. Вы можетъ-быть хотите, чтобы я вамъ отвѣтила: „какъ я рада“? Вовсе я не рада тому, что человѣкъ не могущій просить моей руки—мнѣ въ любви признается. Не будь я актрисой, вы бы не посмѣли произнести такія слова. И вы еще, въ пространной рѣчи, требуете отъ меня уваженія!.. Конечно, вопреки всему что̀ я въ васъ усмотрѣла, я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ, но отнынѣ буду стараться, чтобы въ меня влюблялись исключительно только глупые люди... Вы, чего добраго, желаете, чтобы я вамъ объяснила, можете-ли вы надѣяться на... на взаимность? Если въ этомъ заключается ваша просьба, то я могу вамъ сразу объявить, что всякія надежды были-бы напрасны... Я васъ не полюблю никогда.

Владиміръ Алексѣевичъ блѣднѣлъ, неподвижный. Слова Негрѣховой падали на него градомъ терзающихъ оскорбленій.

— У васъ нѣтъ сердца, хрипло произнесъ онъ, не смѣя на нее глядѣть.

Она звонко разсмѣялась.

— Ну, вотъ еще!.. Я доказала сегодня, что признательности во мнѣ очень много, но вы требуете черезчуръ крупной благодарности, согласитесь.

Ратиминъ покраснѣлъ. Ему было стыдно; онъ не находилъ въ себѣ прежняго чувства. Въ душѣ у него было пусто, совсѣмъ пусто. Дико-искусственными показались ему ощущенія, заставившія его признаться ей въ любви. Вѣдь онъ вовсе не любитъ ея... Онъ ее ненавидитъ, презираетъ. И сталъ онъ искать такого отвѣта, которымъ-бы свиданіе закончилось съ побѣдой на его сторонѣ.

Наступило молчаніе, незамѣтное для него.

Негрѣхова не хотѣла уходить. Ей думалось, что она съумѣетъ еще больше смутить Владиміра Алексѣевича, еще больнѣе отомстить ему за то, что онъ, въ первую встрѣчу, рѣшился принять ее свысока, а потомъ сразу началъ ухаживать за нею, какъ за женщиной съ которой нечего стѣсняться. Вошла она въ свою роль, эта роль ей нравилась. Евгеніи Сергѣевнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть, какъ передъ ней обрисовывается дуракомъ человѣкъ прослывшій выдающимся дѣятелемъ.

И она пожалѣла, что некому любоваться на ея торжество. Вдругъ ей пришла въ голову блестящая мысль.

— Ну, полно сердиться, произнесла она теплымъ, немного пѣвучимъ голосомъ,—я сказала то, что̀ должна была, по совѣсти, сказать, и вы первый составили бы себѣ дурное мнѣніе обо мнѣ, если-бъ я отвѣтила иначе. Перестаньте. Пріѣзжайте въ понедѣльникъ. Можетъ быть намъ удастся побесѣдовать. Во всякомъ случаѣ, мы, со временемъ, узнаемъ другъ друга лучше и, почти навѣрно, подружимся.

Ратиминъ замѣтилъ грубо поставленную западню. Совершенно свободный сердцемъ, какъ ему казалось, онъ подумалъ: „слишкомъ полагаешься ты на себя, раскаешься“ и проговорилъ неожиданно легкимъ тономъ:

— Разумѣется, пріѣду. Я своего слова назадъ не беру.

И Владиміръ Алексѣевичъ такъ спокойно и ясно посмотрѣлъ на Негрѣхову, что она удивилась и не нашла, чѣмъ продолжать разговоръ.

— До свиданья, сказала она вставая,—Павелъ Арсеньевичъ будетъ очень радъ, когда я ему передамъ вашъ отвѣтъ...

„Только будешь-ли ты радоваться, увидѣвъ, что разсчетъ плохъ!“ мысленно прибавилъ Ратиминъ, кланяясь и провожая ее до дверей. Онъ полагалъ, что вернулъ себѣ частицу своего достоинства и считалъ это побѣдой. Когда онъ повернулся, затворивъ за Негрѣховой дверь, то невольно отступилъ немного... онъ увидѣлъ свою жену...

X.

Она стояла на порогѣ замаскированнаго входа, блѣдная, съ портящимъ ей лицо выраженіемъ обиженности, злости.

„Все подслушала!“ угадалъ Владиміръ Алексѣевичъ, и гнѣвъ охватилъ его. Вѣдь она, изъ словъ разговора, навѣрно поняла, что онъ безумно влюбленъ въ Евгенію Сергѣевну, а между тѣмъ, онъ не оставилъ въ своей душѣ слѣда былаго увлеченья.

— Ну, что̀? сердито произнесъ онъ.

— Я все слышала, начала Валентина Петровна.

Онъ перебилъ:

— Знаю, знаю... а дальше? Вѣдь ты не повѣришь, если я тебѣ скажу: „ты ошибаешься, я вовсе не влюбленъ въ эту взбалмошную дѣвчонку“... Ты не повѣришь, хотя тутъ не будетъ ни слова лжи.

Валентина Петровна пожала плечами.

— Я, право, не знаю, сказала она, — чему вѣрить, чему нѣтъ. Я вижу только одно: у меня нѣтъ мужа.

Тутъ она заплакала. Слезы посыпались по ея лицу. Она закрыла лицо платкомъ и вся заколыхалась отъ неудержимыхъ визгливыхъ рыданій. Теплая жалость наполнила сердце Владиміра Алексѣевича. Онъ подошелъ къ женѣ, обнялъ ее нѣжно.

— Перестань... клянусь, ты ошибаешься... Я обманывалъ ее, мнѣ такъ нужно было... Одно время я увлекался ею, но теперь прошло.

— Однако, ты поѣдешь, сквозь слёзы проговорила она,—ты не упустишь случая на нее посмотрѣть.

— Поѣду, конечно. Мнѣ такъ надо. Я хочу ей доказать, что я равнодушенъ къ ней, что я ее презираю. Для этого необходима еще встрѣча...

— Гораздо яснѣе докажешь ты равнодушіе, если не пойдешь, возразила Валентина Петровна.

— Тебѣ такъ кажется... Моего отсутствія было-бы недостаточно. Я долженъ окончательно лишить ее возможности считать меня увлеченнымъ ею... До сихъ поръ я велъ себя такъ, что...

Жена перестала слушать его объясненія и отстранила его, тихимъ жестомъ.

— Я не хочу, чтобъ ты ѣхалъ, рѣзко сказала она, вытеревъ глаза,—я не хочу.

Ратиминъ пожалъ плечами и отошелъ. Его сердила жена. Зачѣмъ она суется туда, гдѣ ея не надо! Онъ лучше всѣхъ знаетъ, какъ слѣдуетъ ему поступить.

— А я нахожу необходимымъ ѣхать—и поѣду, не смотря на твой плачъ. Ты знаешь, что слезы дѣйствуютъ на меня отвратительно, и ничего подобными сценами отъ меня добиться нельзя.

Валентина Петровна хотѣла сказать „я тебя прошу“, но языкъ у нея не повернулся на это. Разсерженная, обиженная, она проговорила:

— Дѣлай по своему. Я больше ни во что̀ не вмѣшиваюсь.

И пошла къ дверямъ. Ратиминъ остановилъ ее:

— Постой, зачѣмъ ты уходишь? Отчего ты прерываешь такимъ образомъ нашъ разговоръ? Тебѣ непремѣнно хочется ссоры, ряда сценъ...

Она обернулась, мертвымъ взглядомъ посмотрѣла на него и отвѣтила:

— А право я сама не знаю, чего мнѣ хочется... мнѣ ничего не хочется. Прежде у меня было постоянное сильное желаніе: видѣть тебя около меня... И я сердилась на газету, которая поглощала тебя всего, до такой степени, что мнѣ приходилось жалѣть о прежнемъ времени, когда денегъ не было. Такъ было до сихъ поръ, и я старалась утѣшить себя, развлекать тѣмъ, что много тратила... и я привыкла, была счастлива, спокойна; только это одно желаніе не покидало меня, а теперь нѣтъ его больше. Не могу я хотѣть, чтобъ ты привязался ко мнѣ, когда, я вижу, между нами порвана связь. Не мнѣ одной бросается это въ глаза. Разумѣется, я тебя еще ни въ чемъ не могу упрекнуть... Но развѣ это жизнь: бокъ-о-бокъ—врозь! Грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Володя...

Валентина Петровна вздохнула и подождала, безсознательно надѣясь, что мужъ бросится къ ней, оправдается. Но онъ даже не шелохнулся, глядѣлъ на жену съ такимъ видомъ, какъ будто она насмѣялась надъ нимъ, позлорадничала.

— Съ тобой сегодня лучше не разговаривать, сказалъ онъ, — когда пройдетъ твое теперешнее настроеніе, будь добра, прикажи мнѣ объ этомъ доложить.

Валентина Петровна вскрикнула:

— Твои насмѣшки гадки, нечестны!

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами и безмолвно пропустилъ ее мимо себя, потомъ захлопнулъ за нею дверь.

„Удовольствіе быть женатымъ!“ сердито подумалъ онъ. — „Теперь она будетъ дуться недѣли три и готова поклясться, что я превратилъ ее въ жалкую жертву своего неукротимаго звѣрства. И она увѣрена, что я влюбленъ въ ту... въ Негрѣхову.“

Ратиминъ усмѣхнулся и, сѣвъ за столъ, машинально взялъ въ руку перо. Ему пришла на умъ начатая было статья о романѣ Зарокова. Онъ принялся за работу, но слова не шли. Въ первыхъ десяти строчкахъ встрѣтились по семи разъ „былъ“ и „этотъ“. Владиміръ Алексѣевичъ съ гримасой зачеркнулъ написанное, началъ съизнова. Не клеилось; почти каждое слово исчезало подъ судорожной помаркой.

— Къ чорту! проговорилъ онъ и отшвырнулъ листъ,—развѣ можно заниматься, когда окружающіе съ утра раздражаютъ, бѣсятъ, разстраиваютъ! Почитать развѣ?

Онъ вспомнилъ, что не смотрѣлъ передовыхъ статей сегодняшняго нумера „Столицы“. Этого донынѣ никогда не случалось съ нимъ. Взялъ онъ газету и былъ пораженъ заглавіемъ первой статьи: „Еще о желѣзнодорожномъ вопросѣ“...

— Что̀ за чепуха! Развѣ съ этого начинаютъ нумеръ! Да къ тому же глупое слово „еще“...

— Владиміръ Алексѣевичъ, je ne vous dérange pas? послышался приторный голосъ Бекина.

— Войдите, сказалъ Ратиминъ, — очень кстати...

Но вилюще-радостная физіономія Петра Леонтьевича произвела на него удручающее впечатлѣніе. Бекинъ представился ему какъ бы олицетвореніемъ „Столицы“, нагналъ на него приступъ отвращенія къ газетѣ и разговорамъ о ней.

— Что̀ вамъ нужно?

У Петра Леонтьевича лицо лоснилось отъ восторга.

— Ахъ! сказалъ онъ, — интересная новость. Сейчасъ получена депеша изъ Рима. Король имѣлъ вчера вечеромъ долгое объясненіе avec notre ambassadeur, на балу, и сказалъ, entre autre, что считаетъ святою ту нравственно-религіозную связь, которая существуетъ

между Россіей и Абиссиніей... Позвольте мнѣ написать объ этомъ статью...

Владиміръ Алексѣевичъ искренно зѣвнулъ, посмотрѣлъ съ презрительной усмѣшкой на Бекина и отвѣтилъ:

— Пишите какую угодно чушь, но не заставляйте меня слушать ваши коментаріи. Не скрою отъ васъ, надоѣли вы мнѣ жестоко. Да, вотъ еще, распорядитесь, чтобы всѣхъ, кто придетъ сегодня по редакціоннымъ дѣламъ, направляли къ вамъ. Эти господа мнѣ еще хуже васъ надоѣли.

— Charmant! Charmant! захлебнулся Петръ Леонтьевичъ, словно его удостоили лестнаго комплимента, и скрылся, чрезвычайно довольный тѣмъ, что ему разрѣшили написать статью... Можно будетъ нагнать построчнаго гонорара, побольше.

Ратиминъ скучливо посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ на часы. Скоро двѣнадцать. Сейчасъ завтракъ, vis-à-vis съ женой, сосѣдство Сони.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ, — такъ невыносимо. Поѣду завтракать въ ресторанъ. Гдѣ-нибудь день проведу.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія миніатюры.

А. С. Пушкинъ.

Имя Александра Сергѣевича Пушкина — самое великое имя въ исторіи русской поэзіи. „Солнце русской поэзіи!" — сказано было о немъ въ одномъ изъ некрологовъ, вызванныхъ безвременною кончиною его. Былъ моментъ въ исторіи русскаго „развитія", когда, вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ пользѣ и значеніи поэзіи вообще, имя Пушкина пытались принизить, умалить величіе его заслугъ передъ русскимъ обществомъ. Но это не помѣшало славѣ его рости, а произведеніямъ его совершать въ обществѣ свое благотворное дѣло. Знаменитые русскіе писатели, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, открыто признавали себя учениками Пушкина, продолжателями начатаго имъ дѣла, и когда, въ началѣ нашего десятилѣтія, представители русской литературы сошлись въ древней столицѣ торжественно почтить заслуги величайшаго поэта нашего, воздвиженіемъ ему памятника, люди всѣхъ направленій и стремленій слились въ одномъ чувствѣ преклоненія передъ его памятью.

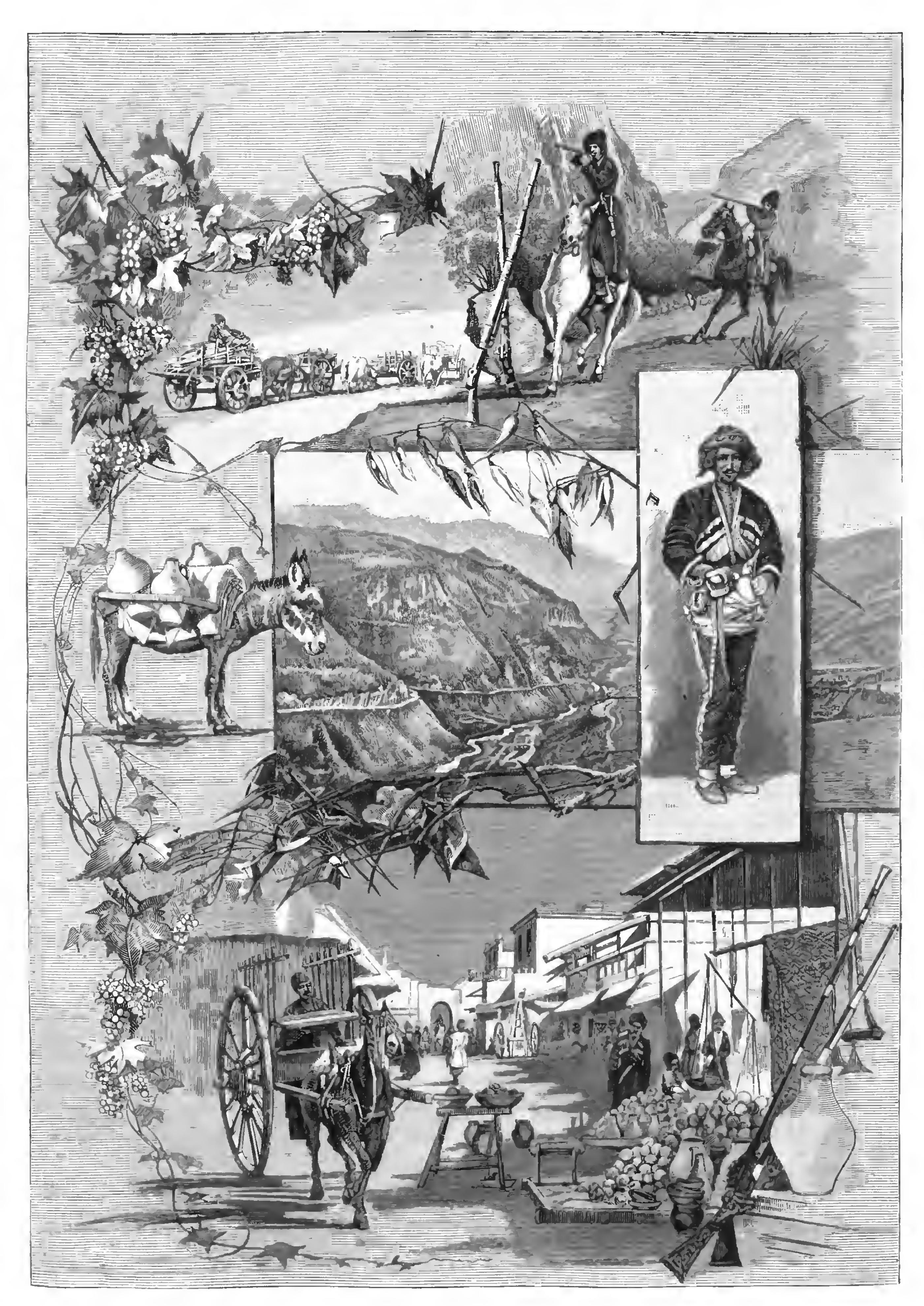
Въ чемъ же состоитъ великое дѣло Пушкина, создавшее ему такое всеобщее признаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ разъясненіи той роли, которую играетъ поэзія въ умственной жизни людей.

Велико и могущественно и въ высокой степени благотворно вліяніе поэтическихъ произведеній на человѣка. Личная жизнь его, та повседневная жизнь, которая обусловлена первыми потребностями его тѣлеснаго существованія, въ большинствѣ случаевъ стремится принизить его духовную природу, ограничиваетъ ее тѣсными предѣлами. Среди ежедневныхъ однообразныхъ дѣлъ, чувствъ и мыслей проходитъ обыкновенная жизнь, упрямо и неизбѣжно повторяющихся: купецъ считаетъ свои барыши и преисполненъ заботой о нихъ, чиновникъ сочиняетъ свои сухія, далекія отъ дѣйствительной жизни бумаги, и т. д., придавая каждый своему дѣлу преувеличенное значеніе и отдавая свой досугъ все тѣмъ же однообразнымъ развлеченіямъ. Въ этой однообразной жизни образуются особыя умственныя и нравственныя привычки, потребность упражнять извѣстныя чувства и испытывать однообразно направленныя настроенія, наподобіе того, какъ человѣкъ привыкшій къ ходьбѣ не можетъ выносить спокойнаго пребыванія дома и будетъ стремиться идти. Изъ богатой человѣческой природы, способной къ безконечно разнообразнымъ душевнымъ твореніямъ и мыслямъ, только лишь ничтожно малая часть нравственныхъ и умственныхъ сторонъ находитъ примѣненіе и развивается въ личной, въ тѣсномъ смыслѣ, жизни, особенно современнаго человѣка, а остальное, не упражняемое и не развиваемое, слабѣетъ, блекнетъ въ немъ, атрофируется въ большей или меньшей степени, какъ не рабочія руки отвыкаютъ отъ работы. Человѣкъ становится узокъ и одностороненъ, теряетъ способность понимапія необычныхъ для него чувствъ и мыслей въ другихъ людяхъ, живущихъ иначе, подъ другими условіями и впечатлѣніями. Узкая, односторонняя жизнь ума и чувства кладетъ свою неотразимую печать на человѣка съ такою силою, что люди одинаковыхъ занятій, раздѣленные огромными пространствами и казалось бы ничего общаго между собою не имѣющіе, становятся удивительно похожими другъ на друга по нравственному и умственному складу, образуютъ одинъ типъ; а съ другой стороны, люди живущіе рядомъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни, становятся совершенно различны до непониманія другъ друга. Такъ чиновникъ крайняго Сѣвера русскаго носитъ на себѣ тѣ же типическія черты, какъ и чиновникъ крайняго Юга, въ то время какъ, напр., купецъ и чиновникъ, живущіе въ своей тѣсной средѣ, въ любомъ русскомъ городѣ, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Неудержимо возникаетъ, вслѣдствіе односторонней жизни ума и чувства, раздѣленіе людей на группы, не понимающія другъ друга, чуждыя другъ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ гуманныя отношенія между людьми. Художественная литература, поэзія, и является здѣсь однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій, которыми устраняется эта односторонность, эта узость личной жизни. Читая поэтическія произведенія, человѣкъ рѣзко, сразу выступаетъ изъ тѣсной сферы чувствъ и мыслей своего ограниченнаго существованія; поэтъ развертываетъ передъ нимъ роскошный и безконечный міръ новыхъ для него чувствъ и мыслей, заставляя его самого переживать ихъ съ такою силою, какъ будто бы онъ самъ былъ тотъ „герой" произведенія, о которомъ повѣствуетъ авторъ. Поэтъ не безразлично относится къ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни, и его негодованіе на зло и влеченіе къ добру сообщается и читателю, воспитывая въ немъ гражданина и человѣка, искореняя въ немъ „къ добру и злу постыдное равнодушіе". Въ то же время поэтъ даетъ читателю богатый опытъ жизненный, открывая ему разнообразный міръ душевной жизни людей, знакомя съ ихъ страстями, слабостями и внутренней духовной красотой, присущей каждому человѣку и только пораженной духовными болѣзнями. Искусство многообразными способами объединяетъ людей, дѣлая ихъ болѣе способными понимать другъ друга и заставляя испытывать одни и тѣ же чувства. Отъ края и до края обширной страны, говорящей языкомъ поэта, разносятся его мысли и чувства, соединяя людей въ общихъ понятіяхъ и стремленіяхъ.

Очевидно изъ сказаннаго выше, что поэтъ будетъ тѣмъ значительнѣе и дѣло его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ отзывчивѣе его природа, чѣмъ онъ разностороннѣе въ чувствахъ и мысляхъ, чѣмъ, слѣдовательно, менѣе способенъ онъ подчиниться временнымъ увлеченіямъ, которыя такъ часто затемняютъ чувство истины, и остаться вѣчно свободнымъ и независимымъ созерцателемъ жизни. Таковъ именно и есть Пушкинъ. Къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены слова, сказанныя о Гёте русскимъ поэтомъ:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
„Ручья разумѣлъ лепетанье,
„И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
„И чувствовалъ травъ прозябанье;
„Была ему звѣздная книга ясна
„И съ нимъ говорила морская волна..."

Воспринявъ многообразныя впечатлѣнія въ своей тревожной и разнообразной жизни, онъ на все отзывался, что проситъ отъ сердца отвѣта, и его произведенія неизмѣримо богаты тѣмъ, что онъ самъ называлъ „впечатлѣніями бытія". Читатель находитъ въ нихъ и чарующія картины южной природы, и горныя впечатлѣнія Кавказа, и Сѣверъ встаетъ въ нихъ передъ глазами съ своею простою и суровою красотою. И жизнь людей съ неменьшею полнотой и ясностью развертывается передъ читателемъ, отъ жизни великаго царя, полнаго великими думами, до жизни хвастливаго „гусара", разсказывающаго свои фантастическія похожденія. Эта великая содержательность произведеній Пушкина, сама по себѣ уже цѣнная, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе при необыкновенномъ, не имѣющемъ другаго примѣра въ русской литературѣ, чувствѣ истины, правды, составляющей душу поэзіи великаго поэта нашего. Пушкинъ изображаетъ и природу, и людей, съ полнѣйшею, неподкупнѣйшею „объективностью", говоря старымъ терминомъ,—такъ, какъ они есть въ дѣйствительности, съ малѣйшими, имѣющими значеніе оттѣнками; въ души людей Пушкинъ заглядывалъ такъ глубоко, что отъ его умственныхъ очей не ускользало никакое душевное движеніе. Въ изображаемыхъ людяхъ Пушкинъ, по самой своей поэтической натурѣ, не видѣлъ и не могъ видѣть ни враговъ, ни друзей, ни, наконецъ, безразличныхъ, недостойныхъ поэтическаго вниманія существъ; онъ видѣлъ въ нихъ только равно достойныя изученія творенія Божія и изображалъ ихъ, не испытывая никакихъ побужденій къ пристрастному или одностороннему воззрѣнію на нихъ, со всею правдою проницательнаго наблюдателя. Великое чувство правды, одушевлявшее Пушкина, отразилось и на его неподражаемомъ языкѣ. Оно подсказывало ему, какими именно словами выражается наиболѣе точно и ясно его мысль, и послушный ему, глубоко постигнутый имъ, языкъ былъ точнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ послушна кисть великому и опытному художнику-живописцу. Ни до, ни послѣ Пушкина въ русской литературѣ не было писателя, который былъ бы такъ необычайно правдивъ въ своихъ изображеніяхъ и такъ правдивъ и простъ въ языкѣ. Недаромъ лучшіе писатели Русской земли считали Пушкина своимъ великимъ учителемъ, недосягаемымъ образцомъ. На произведеніяхъ Пушкина можно учиться, какъ смотрѣть на явленія природы и жизни съ простотою и правдою, истинно-человѣческимъ образомъ.



Кавказскіе типы и сцены. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Юмудскаго, грав. Барановскій.

Татарскія арбы. Осликъ. Горное ущелье. Улица татарскаго мѣстечка. Джигатовка. Гуріецъ.

Характеристика Пушкина, сдѣланная въ предшедшихъ строкахъ, была бы, однако, слишкомъ не полна безъ выясненія исторической роли, историческаго значенія его. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ былъ первый въ русской литературѣ, показавшій своими произведеніями, чѣмъ можетъ быть поэзія, какія колоссальныя перспективы добра и пользы для общественнаго развитія заключаются въ ней. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, сто лѣтъ назадъ, на поэзію смотрѣли у насъ какъ на „благородное", но въ сущности не важное дѣло, какъ на развлеченіе, „плоды досуга", для автора и для читателей его. И поэзія, какъ будто принаровляясь къ воззрѣніямъ времени, на самомъ дѣлѣ и не была ничѣмъ инымъ, состоя изъ одъ на разные торжественные случаи, на „тезоименитства" и обѣды, по случаю побѣдъ и т. п.; въ этомъ видѣли прославленіе русскаго имени и русскихъ людей. Вліяніе развитыхъ европейскихъ литературъ постепенно измѣняло этотъ взглядъ и русская поэзія мало-по-малу становилась содержательнѣе и цѣннѣе. Карамзинъ и Жуковскій, до Пушкина, обнаружили глубокое вліяніе на литературу, но ихъ произведенія были подражаніями и „сочиненіями", не были воспроизведеніями жизни и духа русскаго. Сантиментализмъ, фальшивая „чувствительность" были далеки отъ истиннаго чувства и естественно не могли дать представленія объ истинной поэзіи, не могли стать источникомъ поученія и истиннаго, гуманнаго развитія читателей. И вдругъ появляется Пушкинъ со своею поэзіею, полною правды и жизни. Понятенъ тотъ энтузіазмъ, то удивленіе и восхищеніе, съ которымъ современники встрѣтили это необыкновенное явленіе, понынѣ остающееся такимъ, хотя уже привычное для насъ.

Русскій человѣкъ душою, Пушкинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, однако, не могъ избѣжать вліянія европейскихъ литературъ, подобно Карамзину и Жуковскому. Но съ постепеннымъ ростомъ своего великаго дарованія, онъ освободился отъ этого вліянія. Началъ съ изображенія героевъ, чуждыхъ русскому складу ума и чувства, героевъ байроновскихъ, онъ постепенно оставлялъ ихъ; его идеалы становились проще и человѣчнѣе. Отъ „Кавказскаго плѣнника" и Алеко (въ „Цыганахъ") онъ обращается къ простымъ русскимъ картинамъ быта въ цѣломъ рядѣ произведеній, особенно въ „Капитанской дочкѣ", становится выразителемъ чисто русскаго духа и характера. Но характернѣйшею его чертою можно признать то, что онъ обладалъ великою духовною поэтическою проницательностью, становившею его выше узкой національности; оставаясь вполнѣ русскимъ умомъ, онъ изображалъ явленія чуждыхъ странъ и людей съ такою же полнотой и естественностью, какъ будто бы самъ не былъ русскимъ, а принадлежалъ къ тому народу, представителя которой бралъ героемъ своего произведенія. Въ этомъ, быть можетъ, сказалась черта, общая всему русскому народу, обладающему удивительною способностью понимать души другихъ народовъ.

„Великъ подвигъ Пушкина", скажемъ мы въ заключеніе словами знаменитаго русскаго критика. **Арсеній Введенскій.**

Къ рисункамъ.

Дѣдушка и внучекъ. (Рис. на стр. 889).

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близь осоки, втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ..
„Тянутъ, тянутъ!" закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь чай теперь поймали
И линей, и щукъ!"
Вотъ на берегѣ пологомъ
Показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,—
Нечего глядѣть!"
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки...
Дѣти весело шумѣли—
„Будетъ на денекъ".
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ. **(Никитинъ).**

Старый дѣдъ, съ трубочкой въ зубахъ, тутъ-же присѣлъ за починку сѣти, а самый любознательный изъ внучковъ немедленно вступилъ съ нимъ въ бесѣду о рыбной ловлѣ.

Старый баринъ. (Рис. на стр. 892).

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ въ преклонные годы отказываться отъ привычекъ выработанныхъ цѣлою жизнью. Старинный помѣщичій бытъ накопилъ много такихъ лишнихъ обузъ, на взглядъ современнаго, лихорадочно-подвижнаго дѣятеля. Многія изъ этихъ привычекъ были прямымъ слѣдствіемъ необходимости занять чѣмъ-нибудь многочисленную и большею частью праздную дворню. Такимъ образомъ и завелось, между прочимъ, что въ жаркое лѣтнее время, дворовые подростки обязаны были, вооружась длинною зеленой вѣткой, отгонять мухъ отъ барина или барыни, во время сна или какихъ-нибудь занятій. Должность эту исправляли такъ-называвшіеся казачки или дѣвчонки. Художникъ чрезвычайно вѣрно воспроизвелъ типъ стараго барина, который не могъ разстаться съ этой роскошью и послѣ крестьянской реформы, и благодушно дремлетъ надъ газетой, пока босоногая Приська или Машутка правитъ свою должность со всею подобающею важностью.

Гармоническое настроеніе. (Рис. на стр. 893).

Читатели *Нивы* давно знакомы съ талантомъ Отто Эрдмана, прославившагося своими жанрами изъ временъ рококо. Вотъ еще образчикъ этихъ граціозныхъ воспроизведеній давно отжившей эпохи. Составляется повидимому тріо: на клавесинѣ, віолончели и можетъ-быть на скрипкѣ, если только ея не замѣнитъ голосъ одного изъ молодыхъ исполнителей. Пока старичекъ заботливо настраиваетъ свою віолончель, молодежь пользуется минутой не менѣе гармоничнаго настроенія.

Катюша. (Рис. на стр. 897).

Хорошенькій типъ ingénue представляетъ этотъ этюдъ женской головки, которые такъ удаются Зейферту.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта, простодушна,
Какъ поцѣлуй любви, мила.

Привалъ на маневрахъ. (Рис. на стр. 900).

Послѣ труднаго дневнаго перехода по пыльной дорогѣ, солдатамъ разрѣшенъ отдыхъ; группа ихъ собралась у опушки лѣса и расположилась въ травѣ. Среди нихъ полулежитъ солдатикъ—разскащикъ и забавникъ; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ его прибаутки.

На помощь. (Рис. на стр. 901).

Ужасную, раздирающую сердце картину представляютъ гибнущіе на водѣ. Нѣтъ силъ удержать невольный порывъ броситься къ нимъ на помощь—и люди, безотчетно, не замѣчая собственной опасности, стремятся спасти своихъ ближнихъ. Нашъ рисунокъ живо передаетъ какъ нѣсколько отважныхъ моряковъ, на утломъ суденышкѣ, отчаянно борятся съ грозными волнами, спѣша на помощь погибающему кораблю. Въ настоящее время по всему свѣту разбросано вдоль береговъ морей, озеръ и рѣкъ, множество спасательныхъ станцій, гдѣ люди всегда наготовѣ двинуться по первому призыву на помощь утопающимъ и терпящимъ кораблекрушеніе. Но еще въ концѣ прошлаго столѣтія спасаніе людей отъ опасности погибнуть на водѣ было дѣломъ случая и не знало никакого правильнаго устройства.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1789 году, было учреждено первое общество спасанія погибающихъ при кораблекрушеніяхъ въ Англіи, въ Шильдсѣ (Shields). Поводомъ возникновенія его послужила страшная картина гибели корабля „Adventure", на глазахъ у жителей. На слѣдующій годъ была построена первая спасательная лодка лондонскимъ каретникомъ Lionel Lukin. Но до 1824 года дѣло спасанія на водахъ шло очень медленно, и только съ этого времени оно стало дѣлать большіе успѣхи благодаря неутомимой дѣятельности сэръ-Вильяма Галлари. Плодомъ его стараній явился въ 1850 г. союзъ всѣхъ спасательныхъ станцій въ Англіи, числомъ до 300, носящій съ тѣхъ поръ названіе „Royal National Lifeboat Institution". Съ этого времени при 5,000 случаяхъ спасено до 12,000 человѣкъ. На материкѣ Европы впервые послѣдовала примѣру англичанъ Голландія, а за нею и всѣ остальныя страны. Русское Общество спасанія на водахъ, какъ извѣстно, находится подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Кавказскіе типы и сцены. (Рис. на стр. 905).

Природа и люди, а также обстановка и костюмы послѣднихъ такъ разнообразны и разнохарактерны на Кавказѣ, что случайное сочетаніе художникомъ типовъ и сценъ, какъ то сдѣлалъ на своемъ рисункѣ Г. Юмудскій—требуетъ детальнаго разъясненія.

Наверху, налѣво, подъ № 1, изображена одна изъ знойныхъ равнинъ мусульманской части Закавказья, по которой тянется длинный транспортъ татарскихъ арбъ, запряженныхъ волами, а на крайней изъ нихъ помѣстился погонщикъ-татаринъ. Все тутъ говоритъ о палящей жарѣ и лѣни, свойственныхъ этимъ открытымъ, безплоднымъ мѣстностямъ, гдѣ солнце печетъ немилосердно.

Направо, подъ № 2, другая уже природа, имѣющая характеръ горъ Малаго Кавказа, населеннаго тоже мусульманами. На переднемъ планѣ гарцуютъ два всадника. Это татарскіе,

лихіе наѣздники, вооруженные съ ногъ до головы, сидящіе на коняхъ турецкой породы, очень цѣнныхъ по быстротѣ своего бѣга, выносливости и статности. Съ этими всадниками опасно встрѣтиться безъ конвоя, одинъ на одинъ; они не поцеремонятся съ беззащитнымъ путникомъ и онъ долженъ будетъ считать себя счастливымъ, если уйдетъ отъ нихъ живой, отдѣлавшись тѣмъ, что они оберутъ его до нитки и привяжутъ къ какому-нибудь дереву, чтобы онъ не могъ въ скорости поднять за ними погоню земской стражи.

Посрединѣ, подъ № 3, изображено горное ущелье,—а въ немъ стремительно несетъ свои воды рѣчка, имѣющая крутое паденіе. Съ правой, по теченію ея, стороны, возвышаются крутые бока горъ, по которымъ, въ видѣ карниза, проложена дорога; съ лѣвой, на одномъ изъ холмовъ, виднѣется вдали аулъ.

Налѣво отъ этого вида, подъ № 4, красуется чрезвычайно полезное и вездѣ служащее предметомъ насмѣшекъ животное—оселъ, *ешакъ* (по татарски). Это маленькое, вьючное, очень сильное и выносливое животное, неприхотливое относительно своего корма (оно довольствуется тѣмъ, что находитъ подъ ногами и не брезгаетъ даже репейникомъ), таскаетъ на себѣ огромные вьюки. Тутъ изображенъ ешакъ нагруженный кувшинами.

Направо, подъ № 5, поставленъ на особомъ полотнѣ Гуріецъ. Живописный его костюмъ состоитъ изъ куртки, чаще всего изъ краснаго сукна; шаровары, такъ же какъ и куртка, обшиты галунами; башлыкъ на головѣ свернутъ въ тюрбанъ, а поверхъ куртки и шароваръ—широкій поясъ, за которымъ заткнутъ цѣлый походный арсеналъ оружія и разныхъ вещицъ — веревокъ, огнива, иголокъ, нитокъ и т. п.—необходимыхъ его хозяину. Гурійцы, одна изъ отраслей грузинскаго племени, живутъ на берегу Чернаго моря, на границѣ Батумской области, отличаются своею красотой и высокими боевыми качествами.

Внизу, подъ № 6, изображена одна изъ улицъ татарскаго мѣстечка. Въ углубленіи виднѣются ворота прежней крѣпости, по обѣимъ сторонамъ улицы тянутся причудливаго устройства дома съ плоскими крышами. Движеніе по улицѣ самое незначительное. На первомъ планѣ, слѣва, арба въ видѣ одноколки, запряженная лошадью, затѣйливо убранною; слѣва — лавка, вѣсы и около нихъ нагромождена всякая всячина, какъ то обыкновенно встрѣчается на восточныхъ базарахъ. И чашки, и кувшины со снѣдью и напитками, и фрукты, и ковры, и ружья и пр. и пр. Около вѣсовъ сгруппировалось нѣсколько человѣкъ.

Краткій очеркъ исторіи Николаевскаго кадетскаго корпуса.

(По поводу 25-й годовщины его основанія.)

(Портр. на стр. 908).

5 сентября 1889 года исполнится 25 лѣтъ существованія Николаевскаго кадетскаго корпуса. Въ этотъ день, послѣ торжественнаго молебствія, въ 1864 году открытъ Приготовительный Пансіонъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Онъ былъ преобразованъ изъ двухъ младшихъ классовъ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; старшіе же два класса приравнены были къ военнымъ училищамъ и образовали Николаевское кавалерійское училище въ составѣ одного эскадрона. Пансіонъ имѣлъ четыре класса съ чисто воспитательнымъ характеромъ по образцу старшихъ четырехъ классовъ военныхъ гимназій. При комплектѣ во сто человѣкъ въ него принимались дѣти лицъ принадлежащихъ къ сословіямъ не обязаннымъ рекрутскою повинностью, въ возрастѣ отъ $12^1/_2$ до $15^1/_2$ лѣтъ, съ платою по 400 рублей ежегодно, исключая десяти пажей-кандидатовъ Пажескаго корпуса. Въ старшемъ классѣ воспитанники обучались верховой ѣздѣ. Самый Пансіонъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія Николаевскаго кавалерійскаго училища, на Ново-Петергофскомъ проспектѣ, а въ 1867 году перемѣщенъ въ одинъ изъ лицевыхъ флигелей, занятый до того времени квартирами офицеровъ. Пансіонъ находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника Кавалерійскаго училища, хотя и имѣлъ своего отдѣльнаго начальника.

Первымъ начальникомъ Пансіона назначенъ былъ статскій совѣтникъ Александръ Венедиктовичъ *Шакѣевъ*. Дѣятельность этого прекраснаго преподавателя исторіи, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользовалась большою извѣстностью въ столичныхъ кружкахъ педагоговъ и пріобрѣла ему уваженіе учениковъ, съ признательностью вспоминающихъ его донынѣ. Онъ скончался 13 сентября 1870 года, до послѣднихъ минутъ не покидая служебно-воспитательнаго поприща.

По смерти А. В. Шакѣева, начальникомъ Пансіона назначенъ былъ полковникъ Ѳеодоръ Карловичъ *Дитерихсъ* (1870—1873 г.), впослѣдствіи директоръ 3-й военной С.-Петербургской гимназіи, а нынѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта—директоръ Пажескаго Его Величества корпуса.

Съ 8 августа 1873 года начальникомъ Пансіона назначенъ былъ состоявшій по пѣшей артиллеріи полковникъ Яковъ Александровичъ *Дружининъ*, бывшій до того времени сначала преподавателемъ артиллеріи, а затѣмъ инспекторомъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса, и 30 августа 1873 года произведенный въ генералъ-маіоры. Эту должность онъ занимаетъ и донынѣ.

Въ 1878 г. четырехклассный Приготовительный Пансіонъ отдѣленъ отъ Кавалерійскаго училища и преобразованъ въ самостоятельное учебное заведеніе съ правами военной гимназіи, хотя названіе его не измѣнилось. Одновременно онъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе на Офицерскую улицу, въ зданіе бывшаго баталіона военныхъ кантонистовъ, затѣмъ Юридическаго училища, къ тому времени закрытаго. Директоромъ Приготовительнаго Пансіона Николаевскаго кавалерійскаго училища остался много потрудившійся при его преобразованіи Яковъ Александровичъ Дружининъ, портретъ котораго прилагается на стр. 908. Въ это военно-учебное заведеніе принимались дѣти всѣхъ сословій отъ 10 до 13 лѣтъ, съ платою по 550 рублей съ интерна ежегодно; при 200 человѣкъ интерновъ въ немъ полагалось имѣть сто экстерновъ съ платою по 200 рублей въ годъ. Въ числѣ интерновъ имѣлось 10 безплатныхъ вакансій для пажей-кандидатовъ Пажескаго корпуса. Программа заведенія вполнѣ соотвѣтствовала военнымъ гимназіямъ, съ прибавленіемъ верховой ѣзды для старшаго класса, получавшаго такимъ образомъ извѣстную привычку и подготовку къ кавалерійской службѣ. Отдѣльный Пансіонъ однако не терялъ своей связи съ училищемъ, на лошадяхъ котораго старшій классъ пансіона обучался верховой ѣздѣ, и большинство воспитанниковъ, по окончаніи курса, переходило и переходитъ юнкерами въ эскадронъ Кавалерійскаго училища.

Въ 1882 году Приготовительный Пансіонъ переименованъ, какъ и всѣ военныя гимназіи, въ кадетскій корпусъ, при чемъ за нимъ осталось наименованіе Николаевскаго кадетскаго корпуса. Существеннаго измѣненія въ учебной программѣ заведенія, съ переименованіемъ его, не послѣдовало; усилено только спеціально-военное образованіе, корпусъ раздѣленъ на двѣ роты — строевую и нестроевую, при чемъ назначены новыя должности двухъ ротныхъ командировъ; кадеты старшихъ двухъ классовъ ежегодно начали выходить въ лагерь, подъ городомъ Петергофомъ, для военныхъ упражненій.

Съ 1887 года въ корпусъ прекращенъ пріемъ дѣтей всѣхъ непривилегированныхъ сословій; правомъ поступленія въ него пользуются дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, почетныхъ граждане и купцовъ.

Въ такомъ видѣ корпусъ встрѣчаетъ день своего двадцатипятилѣтія, совпадающій съ 40-ю годовщиною служенія въ офицерскихъ чинахъ его директора. Процвѣтанію своему корпусъ всецѣло обязанъ заботливости Я. А. Дружинина; нѣтъ момента въ теченіе учебнаго времени, когда директоръ не былъ бы среди кадетъ. Всякое, даже ничтожное, обстоятельство въ жизни корпуса не обходится безъ его разумнаго и теплаго отношенія къ дѣтямъ. Кому не извѣстно, какъ комфортабельно и предусмотрительно устроена вся внѣшняя жизнь кадета Николаевскаго корпуса! Съ другой стороны, снисходительностью къ дѣтскимъ шалостямъ, разумною строгостью въ отношеніи серьезныхъ проступковъ, полною готовностью видѣть и цѣнить во всякомъ то, что въ немъ есть хорошаго, и стараніемъ исправить дурное, Дружининъ снискалъ себѣ глубокое сочувствіе какъ среди своихъ питомцевъ, такъ и среди ихъ родителей. Невольно вспоминаются слова главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанта Н. А. Махотина, сказанныя однажды Дружинину въ присутствіи служебнаго персонала: „Не хитрая вещь ухаживать за растеніемъ, которое растетъ прямо, куда труднѣе дать *кривому* растенію *прямое* направленіе“. Эта задача и есть задача жизни Я. А. Дружинина, исполняемая имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ неизсякаемымъ, любвеобильнымъ терпѣніемъ и упорною энергіей. **П. К.**

Физическіе опыты. (Рис. на стр. 909).

Французскій журналъ „La Nature“ сообщаетъ устройство интересной вѣтряной мельницы изъ соломы, изображеніе которой помѣщено на стр. 909. Берутъ довольно толстую соломенку (А) съ узломъ посерединѣ. На ней, въ верхней части соломенки, прорѣзаютъ небольшое отверстіе, въ которое вставляютъ другую тоненькую соломенку (В) съ колосомъ, который долженъ служить рулемъ или флюгаркой. На противоположный конецъ второй соломенки одѣвается мельница, сдѣланная, въ свою очередь, изъ довольно толстой соломенки (С). Ее предварительно надрѣзаютъ до половины на 4 части, которыя отгибаютъ, и онѣ служатъ крылышками мельницы. Весь этотъ соломенный приборъ надѣваютъ на новую соломенку, болѣе узкаго поперечника (D), вокругъ которой и обращается мельница.

Тамъ же, нѣкто Адріенъ Ависъ, объясняетъ устройство сифона изъ соломы и абрикосовой косточки. Въ послѣдней продѣлываютъ два отверстія, въ которыя вставляютъ двѣ соломенки, различной длины, какъ это видно на нашемъ рисункѣ. Вытянувъ воздухъ изъ нижняго конца длинной соломенки, заставляютъ переливаться жидкость изъ верхняго сосуда въ нижній.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи съ опубликованіемъ декрета о назначеніи выборовъ на 22 сентября, началась открытая избирательная борьба, которая давно уже ведется скрытыми путями. Буланже обратился къ выборщикамъ съ манифестомъ, указывая въ немъ, что предстоящіе выборы должны имѣть исключительною цѣлью образованіе такой палаты, которая могла бы рѣшить утвердительно вопросъ о пересмотрѣ конституціи особо созванпымъ для этой цѣли учредительнымъ собраніемъ, а потому слѣдуетъ подавать голоса за всѣхъ сторонниковъ пересмотра, не разбирая къ какой партіи они принадлежатъ. Графъ Парижскій также обратился къ народу съ посланіемъ объ образованіи союза консервативовъ. Указывая на попытки республиканцевъ поработить республиканскую свободу Франціи, графъ говоритъ, что ревизія конституціи прекратитъ это рабство и возстановитъ миръ республики. Поговариваютъ, что и президентъ республики собирается издать особый манифестъ къ странѣ, и что административныя мѣры противъ кандидатуръ неугодныхъ правительству приняты министромъ внутреннихъ дѣлъ, Констаномъ. Такимъ образомъ можно уже предвидѣть, что главныхъ борющихся партій будетъ двѣ, такъ-называемая „національная", которую составятъ буланжисты и присоединившіеся къ нимъ роялисты съ имперіалистами, и правительственная или республиканская. Однако въ ней уже обнаруживается разладъ между оппортунистами и радикалами. Многіе изъ послѣднихъ объявили, что они будутъ требовать пересмотра конституціи.

Въ Италію прибыла шоаская миссія. 16 августа, въ Римѣ въ присутствіи наслѣднаго принца и министровъ, король принималъ посольство. При проѣздѣ миссіи во дворецъ войска ей отдавали честь. Потомъ миссія сдѣлала визиты министру иностранныхъ дѣлъ и военному министру. Со стороны населенія встрѣча была не изъ радушныхъ; напротивъ, по извѣстіямъ изъ Рима, посольство при въѣздѣ въ столицу Италіи на желѣзнодорожной станціи было жестоко освистано собравшеюся многочисленною публикой. Причиной этого считаютъ недовольство населенія африканскою политикой Италіи. При пріемѣ во дворцѣ эѳіопскій посланникъ обратился чрезъ переводчика къ королю съ рѣчью, на которую отвѣчалъ король Гумбертъ. Въ этихъ рѣчахъ итальянская печать видитъ, что протекторатъ Италіи былъ просимъ и принятъ.

Въ той-же Италіи еще весною текущаго года сенаторъ Ячини, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей Кавура по министерству, игравшій важную роль въ министерствѣ Ла-Марморы въ 1866 году, при освобожденіи Венеціи, написалъ брошюру подъ заглавіемъ „Мысли объ итальянской политикѣ". Въ ней онъ высказываетъ убѣжденіе въ неизбѣжности франко-германскаго столкновенія, тогда какъ австро-русскія недоразумѣнія можно де разрѣшить мирнымъ путемъ. Отсюда задача державъ: ограничить угрожающій кризисъ столкновеніемъ прирейнскихъ государствъ и не дать разростись франко-германской войнѣ въ общеевропейскую. Задача эта особенно касается Италіи, такъ какъ послѣдняя занимаетъ чрезвычайно невыгодное положеніе въ тройственномъ союзѣ. Въ случаѣ, если средне-европейская коалиція одержитъ побѣду въ войнѣ съ Россіей и съ Франціей, Италія выиграетъ очень немного; если-же коалиція потерпитъ пораженіе, то Италія погибнетъ.

Только недавно газета *Post* помѣстила свой взглядъ на книгу Ячини, причемъ довольно страннымъ образомъ хочетъ разъяснить истинное призваніе Россіи и Франціи, котораго онѣ де не понимаютъ. „Рознь между Франціей и Германіей сама по себѣ не является непреодолимымъ препятствіемъ къ успокоенію Европы. *Если-бы не было на свѣтѣ Россіи, то французы давно-бы уже примирились съ Германіей.* Они не хотятъ одни начать войну съ Германіей не потому, что отчаялись въ побѣдѣ, а потому, что совершенно основательно считаютъ рискъ слишкомъ значительнымъ сравнительно съ выигрышемъ. Если-бы французы знали, что имъ придется однимъ свести счеты съ Германіей, то они тотчасъ-же сообразили-бы, что міръ достаточно обширенъ, что Франція сдѣлала уже со времени франко-прусской войны значительныя пріобрѣтенія и что для нея весьма невыгодно побуждать своею враждою Германію къ союзу со всѣми противниками Франціи. Однако, французы, разсчитывая на союзъ съ Россіей, надѣются уничтожить Германію, и въ этомъ-то именно и заключается начало опасности, угрожающей европейскому миру. Франція могла-бы тысячу разъ воспользоваться дружбой съ Германіей. Россія отвергаетъ друзей, не хочетъ быть никому ничѣмъ обязанною и думаетъ, что она въ состояніи выполнить свое призваніе собственными силами. Она принимаетъ поддержку Франціи, такъ какъ, по мнѣнію Россіи, поддержка эта не требуетъ никакой взаимности. Германія и Франція могли-бы примириться, если-бы Франція поняла свою естественную роль въ мірѣ. Россія и Германія были долгое время союзницами, до тѣхъ поръ пока Россія могла видѣть въ Германіи орудіе своей политики. Равноправныхъ помощниковъ Россія не желаетъ имѣть. Ея планы для этого слишкомъ обширны, слишкомъ расплываются. Повторяемъ, что Франція примирилась-бы съ Германіей, если-бы утратила надежду на поддержку со стороны Россіи. Что касается Россіи, то она не помирилась-бы съ нами даже и въ томъ случаѣ, если-бъ Франція провалилась сквозь землю".

Англійскій парламентъ закрылся въ этомъ году необычно поздно, а именно 18 августа. Въ произнесенной по этому случаю тронной рѣчи, между прочимъ, говорится: „Отношенія Англіи къ иностраннымъ державамъ сохраняютъ самый сердечный характеръ. Съ начала сессіи не случилось ничего такого, что могло бы ослабить высказанную тогда королевою твердую надежду на сохраненіе европейскаго мира. Единственнымъ изъятіемъ изъ общаго спокойнаго хода событій была попытка махдистовъ прорваться черезъ южную границу Египта; но попытка эта побѣдоносно отражена". Далѣе въ рѣчи упомянуто о соглашеніи относительно острововъ Самоа, которое ожидаетъ теперь утвержденія со стороны американскаго сената. Затѣмъ въ рѣчи изложено, что по почину королевы Викторіи Бельгійскій король согласился созвать осенью въ Брюсселѣ конференцію европейскихъ державъ для обсужденія нынѣшняго состоянія сухопутной и морской торговли невольниками и изысканія мѣръ къ сокращенію того зла, которое еще причиняетъ человѣчеству помянутый торгъ. Вслѣдъ затѣмъ, королева заявляетъ, что съ Франціей и Германіей заключена новая почтово-телеграфная конвенція. „Одобренные парламентомъ кредиты на усиленіе флота и системы обороны Британской имперіи—говоритъ королева—позволятъ нашимъ подданнымъ въ полной обезпеченности заниматься промышленностью и торговлей". Въ заключеніи тронной рѣчи сказано: „Счастливые признаки постепенно возростающаго благосостоянія — плодъ возобновившагося довѣрія — проявляются повсемѣстно". Послѣднія слова звучатъ нѣсколько странно въ то время, когда въ Лондонѣ происходятъ, въ докахъ, на угольныхъ верфяхъ, въ типографіяхъ забастовки рабочихъ, распространившіяся даже за предѣлы столицы. Праздныхъ рабочихъ,

Яковъ Александровичъ Дружининъ, директоръ Николаевскаго кадетскаго корпуса. (По поводу 25-й годовщины основанія корпуса).
Съ фот. Соловьева, грав. Шюблеръ.

требующихъ увеличенія заработной платы, насчитывается до 150,000, и Лондону грозитъ бѣдствіе отъ недостатка жизненныхъ припасовъ, такъ какъ нѣтъ рукъ для того чтобы выгружать прибывающіе въ городъ грузы.

Смѣсь.

Еще экспромтъ Минаева. Минаевъ шелъ однажды по Николаевской улицѣ и вдругъ увидѣлъ, что около какого-то подъѣзда собралась толпа народа. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ въ этой толпѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Страшно взволнованный, авторъ „Бѣдныхъ людей" о чемъ-то разсуждалъ съ городовымъ, придерживавшимъ за шиворотъ какого-то человѣка, повидимому мастероваго.

— Что съ вами произошло, Ѳеодоръ Михайловичъ? спросилъ у Достоевскаго Минаевъ.

— Ахъ, это вы, Дмитрій Дмитріевичъ? Представьте, какой казусъ со мною случился. Иду я по тротуару и вдругъ слышу крикъ: „прочь съ дороги!" Не успѣлъ я опомниться, какъ этотъ самый мастеровой такъ ударилъ меня по затылку, что я съ ногъ свалился. Теперь я приказалъ задержать его и отправить въ участокъ.

Сифонъ изъ соломенки и абрикосовой косточки.

Тогда Минаевъ, обращаясь къ городовому, продекламировалъ:

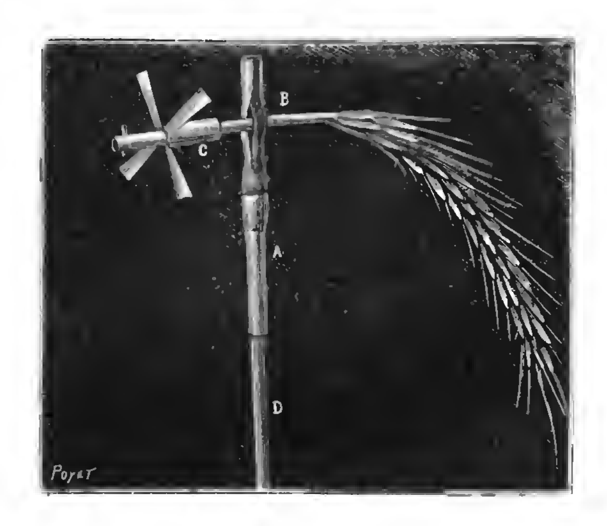
Да, на это приключеніе
Обрати-ка, братъ, вниманіе...
За такое *преступленіе*
Дай ему и *наказаніе*. (в.)

Экспромтъ поэта Бахтурина. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на литературномъ поприщѣ подвизался Константинъ Александровичъ Бахтуринъ, авторъ драмы „Кузьма Рощинъ", человѣкъ не безъ таланта. Онъ былъ гусаромъ, еще въ полку посвятилъ себя культу Бахуса, прожилъ состояніе и выйдя, поневолѣ, въ отставку, существовалъ литературнымъ заработкомъ. Писалъ онъ, по заказу, стихи, драмы, дѣлалъ переводы и, между прочимъ, говорилъ иногда удачные экспромты. Одинъ изъ пріятелей его,—разсказываетъ г. Бороздинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—пустился както урезонивать Бахтурина, прочиталъ ему чуть не цѣлую предику о вредѣ запоя, бранилъ его, наконецъ, заключилъ патетически напоминаніемъ о загробной жизни: „Подумай, братецъ, что тамъ ожидаетъ тебя, зарывшаго такъ безбожно свой талантъ!" Бахтуринъ во время длиннаго монолога пріятеля молчалъ и сидѣлъ понуря голову; но при заключительныхъ его словахъ, вдругъ какъ бы очнулся; физіономія его просвѣтлѣла, на ней показалась улыбка, глаза заблистали. „Нѣтъ! голубчикъ, скороговоркой отвѣтилъ онъ пріятелю,—на счетъ этого не безпокойся. Тамъ-то будетъ мнѣ отлично, и вотъ что будетъ:

Бахтуринъ, переплывъ чрезъ Ахеронъ,
И выпрыгнувъ изъ лодки,
Тотчасъ-же спроситъ: „Эй! Харонъ!
Гдѣ здѣсь трактиръ, чтобъ выпить водки?"
А тамъ, конечно, трактиры лучше здѣшнихъ". (в.)

Необыкновенная радуга. Въ городѣ Петрозаводскѣ, въ самомъ началѣ іюля, однажды вечеромъ наблюдалась удивительная радуга или лучше сказать четыре радуги, изъ которыхъ каждая пара шла концентрически, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣла свой особый центръ. Появленіе двухъ концентрическихъ радугъ—объемлемой и объемлющей—явленіе обыкновенное; хотя и не часто, но все-таки бываетъ видима иногда еще третья радуга, весьма слабо окрашенная, но имѣющая общій центръ съ двумя другими. Въ приведенномъ же случаѣ было нѣчто особенное. На темномъ фонѣ тучи, при довольно рѣдкомъ косомъ дождѣ, постепенно образовались радуги: двѣ обыкновенныя, имѣющія общій центръ, изъ которыхъ нижняя въ теченіе нѣсколькихъ минутъ была необыкновенно ярко окрашена, верхняя же, конечно, слабѣе, но все-таки довольно ярко. Радуги были болѣе одной восьмой окружности. Изъ тѣхъ мѣстъ, откуда, какъ казалось, начинались радуги, выходили еще двѣ радуги, центръ которыхъ находился въ верхней (второй) обыкновенной радугѣ, въ правой ея сторонѣ, между ея началомъ и срединой. Окраска этой пары дугъ была совершенно тождественна съ обыкновенными радугами. Такъ какъ центры дугъ были различны, то первая, яркая дуга (имѣвшая центръ на окружности второй обыкновенной), подымаясь кверху, пересѣкала верхнюю (обыкновенную) радугу, представляя, около мѣста пересѣченія, нѣчто въ родѣ креста; вторая же уходила, постепенно изгибаясь къ зениту. Обѣ эти необычайныя радуги терялись въ облакахъ, градусовъ на пятьдесятъ отъ горизонта. Все явленіе продолжалось, по словамъ *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей*, минутъ пять-шесть и постепенно исчезло. (в.)

Красный клеверъ и шмели. Открытое Шпренгелемъ уже въ 1793 г. перекрестное опыленіе многихъ растеній посредствомъ насѣкомыхъ, о которомъ затѣмъ вполнѣ позабыли, пока Дарвинъ въ 1862 году не подтвердилъ и не расширилъ наблюденія своего предшественника, съумѣли англичане примѣнить и на практикѣ. Введенный въ Австралію красный клеверъ давалъ весьма мало сѣмянъ, такъ что его культура оказалась весьма невыгодною. Клеверoводамъ же давно извѣстно, что лишь послѣ обильнаго посѣщенія цвѣтущаго поля краснаго клевера шмелями можно ожидать и хорошаго урожая сѣмянъ клевера. Этотъ опытъ подалъ мысль весною 1885 года вывезти изъ Англіи въ окрестности Lyttleton на Новой Зеландіи до ста штукъ шмелей, которыхъ, какъ оказывается, въ Австраліи вовсе не водится. Уже въ слѣдующемъ году шмели начали сильно размножаться и теперь они на Новой Зеландіи вполнѣ стали туземцами; вмѣстѣ съ тѣмъ и красный клеверъ даетъ теперь тамъ богатые урожаи сѣмянъ. На соотношеніе между краснымъ клеверомъ и шмелями указалъ уже Дарвинъ, причемъ замѣтилъ еще мимоходомъ, что въ извѣстномъ смыслѣ красный клеверъ и кошки другъ отъ друга зависятъ. Богатый шмелями годъ влечетъ за собой многочисленность земляныхъ мышей, такъ какъ эти животныя съ особеннымъ пристрастіемъ питаются подземными сотами шмелей, а при такомъ питаніи мыши особенно сильно распложаются. Гдѣ же мыши появляются въ большихъ массахъ, тамъ домашнія кошки отлично развиваются и въ свою очередь не позволяютъ мышамъ такъ быстро размножаться, вслѣдствіе чего опять-таки большее число шмелей можетъ вылупляться изъ сохранившихся сотовъ. (N.)



Мельница изъ соломенки.

Алмазы въ метеоритахъ. Уголь, графитъ и алмазъ являются тремя видами, въ которыхъ свободный углеродъ встрѣчается въ природѣ. Пока это единственный примѣръ въ химіи, что сдѣлали различіе между простымъ тѣломъ (т. е. веществомъ въ отдѣльности существующимъ) и веществомъ его образующимъ. Углеродъ—отвлеченное понятіе о веществѣ, которому присваивается извѣстная химическая самостоятельность и вліяніе на углеродистыя соединенія. Углю, графиту и алмазу, въ свою очередь, какъ тѣламъ наличнымъ, свойственна опредѣленная совокупность физическихъ свойствъ

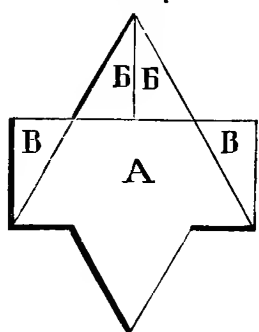
и химическихъ реакцій. Въ метеоритахъ, осколкахъ другихъ міровыхъ тѣлъ, падающихъ на нашу землю изъ небеснаго пространства, нашли сперва лишь уголь. Еще болѣе удивились, когда въ одиомъ метеоритѣ открыли кубическіе кристаллы графита; но эта находка дала основаніе искать также и алмазы. Дѣйствительно, въ метеоритѣ, который 4 сентября 1884 г. былъ найденъ въ Пензенской губ., профессора СПб. Лѣснаго института Лачиновъ и Ерофеевъ открыли углеродъ, частью въ аморфномъ (некристаллическомъ) видѣ, частью (до одного процента) въ формѣ алмазовидныхъ тѣлецъ. Въ 1885 г. въ Тундегинскомъ метеоритѣ уже нашли кристаллы, которые по формѣ походили на алмазъ, но по физическимъ свойствамъ оказались графитомъ. (N.)

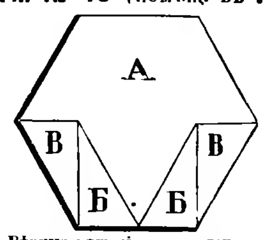
Рѣдкая долговѣчность. Въ Симферополѣ не такъ давно умеръ старожилъ-татаринъ Абла-Маметъ-Али-Сулейманъ-Ибрагимъ-Оглу. Онъ хорошо помнилъ времена послѣдняго владычества крымскихъ хановъ и, между прочимъ, присутствовалъ при въѣздѣ въ 1783 г. императрицы Екатерины II въ Перекопъ. Этому старому татарину было сто сорокъ лѣтъ. (в.)

ПОПРАВКА.

Въ № 35 *Нивы* на стр. 883, во второмъ столбцѣ, 4-я строка сверху, напечатано: *дѣйствительный статскій*, слѣдуетъ читать: *дѣйствительный тайный*.

Рѣшеніе геометрической задачи № 49 (помѣщ. въ № 29).





Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— И. Цемлеръ, И. Т. Ипполитова, В. В. Вишневскаго, П. М. Коробова, А. А. Коломенскаго. Ф. А. Боронина, А. Б. Куракина, А. В. Евтихіева, Е. В. Овечкина, А. Л. Кузминскаго, **Москва**— Н. А. Двинянинова, П. Я. Романова, К. Супранюкъ, С. Е. Зудина, П. Кикина, В. Жарковой, И. Э. Эрихсонъ, П. Волгина, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣлая Церковь**—Д. Полякова, **Бронницы**— А. Солнцева, **Бабки** — О. М. Протопоповой, **Бердянскъ** — подписчика № 57,972, **Баталпашинскъ**— А. Кирѣева, **Богородскъ** — Я. Н. Волкова, **Владикавказъ**— Р. Зинченко, **Волочекъ** — П. Г. Калугина, **Вязьма** — Л. Александрова, П. Ф. Рожаненкова, **Городея**— В. Ястржембскаго. **Грязи**— Е. Н. Миролюбовой, **Дисна**— С. А. Дубнякова, **Дмитряшевка**—В. Константинова, **Динабургъ**—М. С. Гинсбургъ, **Изюсково**—Дмитровскаго, **Екатеринославъ** — А. Авчинникова, **Евпаторія** — И. Ходжамъ, **Кіевъ**— А. П. Шульженко, Г. Е. Невзглядова, **Кагарлыкъ**—А. Осадчій, **Кишиневъ**—В. Камарницкаго, **Кобеляки** — С. И. Вакулинскаго, **Калишъ** — П. Смеричинскаго, **Луганскъ** — А. Исаенко, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Мценскъ** — Б. Г. Максимова, **Мальковичи** — С. Цеханъ, **Мелеики** — И. Герасимова, **Николаевъ** — Н. Мякишева, П. Шишкиной, **Новосиль** — А. Зѣбрева, **Одесса** — А. Стекольщика, **Перновъ** — Ф. Михель, **Пермь** — П. Матвѣева, **Плоцкъ** — М. Б., **Рига** — П. Юревича, **Ревель**—А. Серебрякова, **Рязань**—Каширинова, **Сергіевъ посадъ**—С. Н. Забогина, И. А. Строминцева, **Самара** — М. А. Смирнова, М. И. Писарева, **Судогда** — В. И. Голубева' **Севастополь**— П. Кондараки, М. М. Ландшафтъ, **Сѣнежицы**— I. Котарскаго, **Тамбовъ**—Гикель, **Токсово**—Д. Д. Лапина, **Тифлисская** — И. Рязанцева, **Терны**—В. Н. Матвѣева, **Уральскъ**— П. Сычева, **Харьковъ**— Т. Блинчикова, **Холмъ**— К. А. Котелевскаго, **Черкизово**— А. Е. Рѣщикова, **Юхновъ** — К. П. Олицкаго, **Яновъ**— А. Э., **Ярославль**— Штетка.

Рѣшеніе географической задачи № 48 (помѣщ. въ № 29).

,... тимъ 10	,.,,., енисей 1	..,., вервье 8
,.., кама 7	,., ужъ 4	,.,,., короча 11
,.... тверь 2	.,,.,. сливно 9	.., эчъ 6
,..., кимры 5	,.,., раумо 12	.. чу 3

„Не вѣрь чужимъ рѣчамъ, вѣрь своимъ очамъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— Н. Стронскаго, А. А. Поспѣева, К. Штейнъ, П. В. Кукушкина, М. Н. Кочергина, А. Соболева, М. Пизани, Ф. А. Боронина, И. А. Бабича, В. Діанина, Л. Н. Свенторжецкаго, С. Плосконнаго, Н. Рингофъ, **Москва**— В. Шкробова, И. Я. Романова, А. Соболева, М. Цвѣткова, В. Блюмъ, Н. К. Двинянинова, А. З. Шеръ, П. В. Добросердова, Н. Я. Тароватаго, А. И. Синева, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бердянскъ**—подписчика № 57,972, **Бѣлгородъ**— Ѳ. З. Мазуръ, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Варшава**— К. П. Львова, Н. А. Францева, Семевскихъ, Леонидова, **Вилькоміръ** — С. Вершилло, **Вильна**—П. М. Сомова, **Гродно**— Биб. Пермс. п., **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Задонскъ**—А. А. Шубина, **Екатеринославъ**—Африкантовой, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Ковель**—М. А. Пушакова, **Касимовъ**—А. Воскресенской, **Курскъ**— В. В. Унтидтъ, **Климовъ** — В. М. Алексѣева, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Можайскъ**— А. Филонова, **Мелеики**— И. Герасимова, **Н. Новгородъ**— В. Образцова, **Николаевъ**—С. Беклешовой, **Оренбургъ**— Миронова, **Одесса**—Д. Раппопортъ, Рейжевскаго. **Порховъ**— О. Зацкой, **Перновъ** — Ф. Михель, **Пенза**— К. А. Кудрявцева, **Россіены**—Э. Подлясской, **Рязань**—П. Постникова, **Семеновка**— Герценвицъ, **Сергіевъ посадъ**—И. А. Стромынцева, **Симферополь**—Л. С. Лусунова, **Тропово**— Ѳ. Банковскаго, **Тверь** — Н. А. Зименко, З. М. Назаровой, **Тифлисъ**— Ю. Дакшевичъ, **Уфа**— К. А. Кобякова, А. Е. Корнилова, **Харьковъ**— Л. Штаммъ, **Царское Село**—А. Головань, **Чембаръ**—Н. Григорьева-Мещеринова, **Шаргородъ**— Н. Станкевичъ, **Шацкъ**—А. Филимоновичъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 31 августа 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 37 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 сентября 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Болото. Карт. П. П. Курiаръ, грав. Шлипперъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

V.

Князь Андрей Ивановичъ Березопольскій былъ дворяниңъ очень древняго рода и очень гордился тѣмъ, что могъ доказать свое происхожденье отъ Рюриковской крови.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и на внезапную болѣзнь, отъ которой онъ лишь недавно оправился, князь былъ очень бодръ и духомъ, и тѣломъ.

Доктора увѣряли его, что нѣчто въ родѣ удара, приключившагося съ нимъ лѣтомъ, было прямымъ послѣдствіемъ не болѣзненности, а избытка здоровья, при спокойномъ и сидячемъ образѣ жизни.

Князь, пролежавъ мѣсяцъ въ постели, совсѣмъ выздоровѣлъ и поднялся, но заковылялъ и захромалъ. Доктора обѣщали вскорѣ полное поправленіе, но однако уже полгода прошло, а правая нога все еще не слушалась и волочилась.

Князь слылъ въ своей средѣ человѣкомъ „просвѣщеннымъ и любознательнымъ", потому что любилъ говорить и спорить „о матеріяхъ важныхъ".

На самомъ дѣлѣ князь вовсе не былъ образованнымъ человѣкомъ, очень мало прочелъ въ своей жизни, но былъ уменъ отъ природы, а пребываніе, и двукратное, въ столицѣ Польскаго королевства положило на него особую печать, дало особый лоскъ.

Но болѣе всего повліяла на князя его женитьба на очень умной и образованной нѣмкѣ, у которой отецъ и братъ слыли даже учеными людьми.

Сближеніе и затѣмъ родство съ этой семьей именно и сдѣлало князя, повидимому, во мнѣніи москвичей, очень просвѣщеннымъ человѣкомъ. Князь и самъ сталъ считать себя таковымъ, наивно не понимая, что нахватался вершковъ или призанялъ кой-что на вѣру отъ тестя и зятя, а потомъ отъ жены...

Онъ познакомился съ этой семьей чистокровныхъ нѣмцевъ еще въ первое свое пребываніе въ Варшавѣ, до своего паденія, но тогда не обратилъ вниманія на дочь, которая была еще почти ребенкомъ.

Поселившись же въ Москвѣ и проскучавъ въ ней зиму, онъ снова сталъ стремиться въ королевство Польское.

На этотъ разъ онъ сталъ хлопотать чрезъ питерскую родню о полученіи какой-либо должности при россійскомъ резидентѣ въ Варшавѣ.

Ему посовѣтовали явиться лично. Князь поѣхалъ, и появясь снова въ петербургскомъ обществѣ, подалъ просьбу всесильному тогда графу Григорію Орлову. Отвѣтъ, полученный княземъ, окончательно сразилъ и даже обозлилъ его на всю жизнь.

Ему было отвѣчено, что онъ не только не получитъ никакого назначенія, но будетъ наказанъ ссылкой въ вотчину, безъ права отлучки изъ нея, если еще разъ посмѣетъ лично явиться въ Петербургъ. Послѣ этого было даже опасно просить о разрѣшеніи ѣхать за-границу.

Князь прожилъ цѣлый годъ въ своей ярославской вотчинѣ, такъ какъ ему было стыдно жить въ Москвѣ, гдѣ была извѣстна его неудача. За это время умерла его мать. Наконецъ, онъ снова испросилъ себѣ разрѣшеніе и снова очутился въ Варшавѣ.

Здѣсь на этотъ разъ князь былъ какъ-то разочарованъ. Ему показалось, что Варшава стала не та: глупѣе, скучнѣе. Онъ не догадывался, что виновата во всемъ не Польша, а его личное настроеніе—его тоска, недовольство жизнью, безцѣльное существованіе.

Онъ былъ рожденъ, чтобы двигаться впередъ, выслуживаться, всячески добиваться всевозможныхъ почестей и отличій, которыя ему, Рюриковичу, были ни на что не нужны, но которыхъ невѣдомо почему жаждала его душа.

Отъ тоски-ли, праздности, или подошло такое время, но князь вдругъ, какъ-то незамѣтно для самого себя, прельстился молоденькою и умненькою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, дочерью своего прежняго знакомаго, курляндскаго барона, который всѣ зимы проводилъ въ Варшавѣ. Нѣмецкая семья была не очень богатая, но со средствами, за-то была крайне родовитая, происходя отъ рыцарей.

Баронъ Тиллингъ, его жена, двадцатилѣтній сынъ и дочь, которой еще не минуло полныхъ шестнадцати лѣтъ, отличались отъ всѣхъ какой-то особенною порядочностью и внѣшнимъ лоскомъ.

Не прошло четырехъ мѣсяцевъ послѣ вторичнаго сближенія князя съ Тиллингами, и онъ сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. А черезъ два мѣсяца послѣ этого молодые появились въ Москвѣ.

Княгиня начала усердно учиться по-русски, что давалось ей довольно легко, такъ какъ она отлично говорила по-польски.

Князь занялся пріискиваніемъ въ Москвѣ большаго пустопорожняго мѣста, чтобы строить себѣ приличныя его имени палаты. Мѣсто было найдено у Троицы въ Зубовѣ, гдѣ было еще много несрубленнаго лѣса. И князь ретиво принялся за постройку дома и разведеніе большаго сада.

Ему мечтались польскіе зàмки и парки. Черезъ годъ все было готово. Князь и княгиня поселились въ роскошныхъ палатахъ и стали давать балы и обѣды на всю Москву. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вскорѣ явилось у князя его прежнее недовольство жизнью и прежняя скука.

Молоденькая жена, хотя весьма образованная по времени, не могла составить его счастія. Вдобавокъ княгиня не долго пользовалась здоровьемъ. Вскорѣ у нихъ родился первый ребенокъ—дочь, и этому ребенку суждено было быть первымъ и послѣднимъ.

Жизнь пошла изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, все та-же однообразная и безцѣльная, та-же самая, которою были всѣ кругомъ совершенно довольны, которою всѣ москвичи жили уже сотни лѣтъ, „не мудрствуя лукаво", но которая не удовлетворяла князя.

Единственная, если не забота, то интересная прихоть, какая была у князя, это — подроставшая дочь. Дѣвочку окрестили именемъ ея бабушки—Прасковьей, но звали Полиной. Князь все ждалъ и надѣялся имѣть сына, а покуда занялся воспитаніемъ единственной дочери.

Такъ прошло болѣе десяти лѣтъ. Молодая княжна Березопольская въ эти годы, благодаря своей матери, была уже много грамотнѣе и просвѣщеннѣе, чѣмъ иныя московскія сорокалѣтнія барыни. Вдобавокъ, она отлично говорила по-нѣмецки, по-французски и по-польски. Отъ природы очень умная, она только не обѣщала быть красивой, а была даже дурна.

Часто, внимательно приглядываясь къ ея лицу, отецъ не находилъ въ немъ ни одной черты ни своей, ни жениной.

Княгиня была красива собой и если-бы не чрезвычайная худоба и тщедушность, то могла-бы считаться и красавицей. Самъ князь былъ недуренъ смолоду и только большой толстый носъ немного портилъ его.

Природа распорядилась такъ, что дѣвочка подо-

брала у отца и матери тѣ черты, что портили ихъ. У нея былъ отцовскій носъ и материнскій ротъ, и при этомъ чрезвычайно маленькіе, не глупые, но безцвѣтные и будто оловянные глаза.

Дѣвочка обожала мать; любила, но и боялась, отца. Ей съ самыхъ раннихъ лѣтъ стало мерещиться, что отецъ смотритъ на нее съ какимъ-то укоромъ, какъ будто упрекаетъ ее въ чемъ-то, чѣмъ она передъ нимъ провинилась.

Когда Полинѣ минуло тринадцать лѣтъ, давно хворавшая, какъ говорится „скрипѣвшая", княгиня скончалась. Князь отнесся къ смерти жены настолько спокойно и равнодушно, что не мало подивилъ и родню, и знакомыхъ. Москва рѣшила поэтому, что онъ вскорѣ женится опять. И такъ какъ ему было лишь за сорокъ лѣтъ, то и въ самой Москвѣ нашлись-бы невѣсты, которыя пожелали стать княгиней Березопольской.

На Полину смерть матери имѣла огромное вліяніе. Дѣвочка заболѣла, хворала трудно и долго, и поднялась съ постели совершенно иною. Все что̀ было дѣтскаго—исчезло, и въ тринадцать лѣтъ она глядѣла, двигалась и разсуждала такъ, какъ если-бы ей было за двадцать. Юности и всего съ ней связаннаго не было и слѣда. По выраженію князя: Полина „начала сразу разсуждать".

Незамѣтно прошло еще три года. Въ домѣ у Троицы въ Зубовѣ, по спискамъ московскихъ кумушекъ, уже числилась богатая невѣста—княжна. Но, увы! это была невѣста въ глазахъ лишь тѣхъ родителей, которые стремились при обѣднѣніи пристроить какого-либо изъ сынковъ па даровые хлѣба. Все что̀ было знатныхъ жениховъ въ Москвѣ, на упоминаніе о невѣстѣ, княжнѣ Березопольской, отзывалось:

— Ну, ужь какая это невѣста!

Когда княжна Полина Березопольская стала выѣзжать на всѣ балы и увеселенія московскіе, за ней установилась репутація самой умной, самой доброй и самой некрасивой изо всѣхъ московскихъ невѣстъ. Но повидимому то что̀ было у княжны—какъ бы не требовалось, а чего требовали—того у нея не было.

Несмотря на ея умъ и образованіе, извѣстную начитанность, умѣнье и охоту вести всякую серьезную бесѣду, несмотря на ея сердечную готовность всякому услужить, сказать ласковое слово, или сдѣлать какое-либо одолженіе, про княжну все-таки выражались:

— И умна, и добра, но ужь какъ дурна!

И никто не говорилъ:

— Дурна, но за-то какъ умна и добра!

Наконецъ, невѣдомо когда и какъ, невѣдомо чей злой языкъ далъ Полинѣ, въ сущности совершенно неподходящую ей, кличку, но вся Москва ее подхватила со злорадствомъ, какъ будто-бы княжна Березопольская надѣлала за одинъ годъ массу зла или досадила всѣмъ своимъ жесткимъ сердцемъ. Кто-то назвалъ ее „Полынь", и съ этой минуты всякій считалъ долгомъ говорить не княжна Полина, а княжна-Полынь.

Прозвище, хотя и не скоро, но дошло до слуха княжны и обидѣло ее, даже повліяло на нее. И ей самой вдругъ показалось, что она стала менѣе добра, болѣе сосредоточена, болѣе осторожна съ людьми.

Съ перваго выѣзда княжны въ свѣтъ и до сихъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ, и не только она не вышла замужъ, но ни разу никто не посватался за нее, если не считать двухъ претендентовъ, о которыхъ князь даже не сообщилъ дочери ничего и сватовство коихъ отрицалъ, какъ нѣчто оскорбительное.

Первый изъ нихъ былъ сановитый человѣкъ, сенаторъ, лѣтъ пятидесяти пяти, два раза вдовый, съ семью дѣтьми отъ двухъ покойныхъ женъ.

Второй былъ еще оригинальнѣе. Какой-то сомнительный графъ, не то австріецъ, не то итальянецъ.

Фамилія его вдобавокъ, быть-можетъ и очень красивая на родинѣ, странно звучала для русскаго уха. Онъ прозывался — графъ Каналетта. И изъ этого имени москвичи, ради шутки, сдѣлали разумѣется графа „Каналья-этта", чѣмъ, быть-можетъ, онъ и былъ въ дѣйствительности.

Про него знали въ Москвѣ только три вещи навѣрное. Онъ очень много и счастливо игралъ въ карты, замѣчательно красиво ѣздилъ верхомъ, гарцуя постоянно въ Москвѣ по улицамъ, и въ-третьихъ, на его пальцахъ, на его жабо и даже въ пряжкахъ на башмакахъ были брилліанты, на которые можно было купить маленькое имѣніе или домъ. А ни того, ни другаго, чудилось, у него нѣтъ на родинѣ.

И вотъ этотъ-то авантюристъ и сомнительный иностранецъ долго ухаживалъ за княжной и даже успѣлъ сильно понравиться ей, но вдругъ огорошилъ князя, ударилъ, какъ обухомъ по головѣ, сдѣлавъ предложеніе.

Князь былъ глубоко оскорбленъ этимъ предложеніемъ и рѣшилъ, что не только не будетъ пускать иностранца къ себѣ въ домъ, но будетъ немедленно уѣзжать изъ тѣхъ домовъ, гдѣ встрѣтится съ нимъ.

Но исполнить эту угрозу князю не пришлось. Итальянскій или австрійскій графъ вдругъ исчезъ изъ Москвы, высланный по распоряженію властей.

VI.

На утро послѣ бала княжна поднялась тревожная и озабоченная. Она чуяла снова приближеніе вчерашней грозы... Около полудня, когда она сидѣла у себя въ горницахъ, которыхъ было въ ея распоряженіи четыре, явился лакей и доложилъ, что князь проситъ ее пожаловать въ гостиную.

— Кто у князя? спросила Прасковья Андреевна съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ.

— Генералъ Вара... Завара... началъ лакей, но было очевидно, что фамилія генерала никогда ему не дастся.

— Генералъ Орвадзе?

— Они самые-съ. Ужь больно трудно-съ. Виноватъ. Разовъ двадцать на памяти содержалъ, а все никакъ не удержишь, фамильярно но съ оттѣнкомъ почтенія проговорилъ лакей.

— Доложи — сейчасъ приду.

Дверь затворилась за лакеемъ, а княжна осталась на томъ же мѣстѣ и стояла недвижно, сложивъ руки у пояса и опустивъ голову. Она, разумѣется, знала зачѣмъ ее просятъ. Давно ждала она этой рѣшительной минуты, готовилась къ ней, чувствовала себя способною на отчаянную борьбу, но теперь, въ послѣднюю минуту, какъ бы снова смутилась и оробѣла. Сердце упало...

Болѣе двухъ минутъ простояла Полина въ той же позѣ предъ дверью. Ей казалось, что боязнь отца какъ будто заставляетъ ее не просто уступать, а обманывать себя, убѣждать себя, что не такой же противный и ужасный человѣкъ этотъ кавказецъ. Что онъ старъ,— это все равно. Гдѣ же ей, въ ея годы, претендовать на двадцатипятилѣтняго красавца и молодца! Быть-можетъ онъ, этотъ Орвадзе, вовсе не такой злой и глупый человѣкъ, какимъ ей казался и кажется.

Но вдругъ княжна вспомнила его фигуру на балѣ, когда князь Илья Петровичъ подшучивалъ надъ нимъ. Она вспомнила освирѣпѣвшую и совершенно дикую фигуру Орвадзе, звѣриное выраженіе лица, глаза, не человѣческіе, а взбѣшеннаго животнаго, кабана, съ которымъ сравнилъ его Илья Петровичъ.

Княжна подняла голову, выпрямилась и, мысленно видя предъ собой этого полудикаго кавказца, невольно отступила на шагъ и какъ бы испугалась тѣни его, явившейся въ ея горницахъ.

— Нѣтъ, произнесла она вслухъ.—Это звѣрь! Ему ничего не сто̀итъ убить женщину—жену! Какъ убить! Этого мало! Убить ничего... Бываютъ убійства изъ любви, изъ ревности, отъ избытка страсти... Нѣтъ, этотъ

Богатый женихъ изъ купцовъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Казачинскаго, грав. Флюгель.

Незваный гость. Съ карт. М. Леблинга, грав. Доссъ.

способенъ не убить, этотъ способенъ бить жену, сѣчь нагайкой.

— Нѣтъ, батюшка, громко, на всю горницу произнесла княжна,—не пойду я за него! Я не дѣвчонка! Еслибъ меня выдали замужъ въ тѣ же годы, какъ выдавали моихъ бабушекъ, какъ выходила моя мать, то у меня у самой была бы теперь дочь почти невѣста. Мнѣ нельзя сказать, что я ничего не понимаю и не разумѣю. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Княжна подошла къ зеркалу, чтобы посмотрѣть насколько спокойно ея лицо и, увидя его пылающимъ, сѣла на ближайшій стулъ, чтобы вполнѣ успокоиться и идти.

И тотчасъ же вспомнила она, что крутой правомъ отецъ, говоря съ ней объ ожидаемомъ сватовствѣ Орвадзе раза два или три, прямо давалъ понять дочери, что противодѣйствіе ея вызоветъ, съ его стороны, какія-то крутыя мѣры.

Однимъ словомъ, князь угрожалъ дочери, въ случаѣ ея несогласія, что-то предпринять противъ нея — роковое, непоправимое...

„Но что же?“ подумала княжна. — „Чѣмъ можетъ онъ наказать меня! Какимъ наказаніемъ можетъ испугать! Только одно и есть на свѣтѣ, или вѣрнѣе у насъ въ имперіи. Грозятъ дѣвушкѣ монастыремъ и постригаютъ противъ воли. Но, во-первыхъ, покойная государыня нѣсколько разъ строго взыскивала за это съ родителей и стали бояться это дѣлать. А во-вторыхъ, что же хуже: надѣть монашеское платье и спокойно жить въ стѣнахъ глухой обители, или жить со звѣремъ?

Княжна вздохнула, странно улыбнулась и спокойною походкой вышла изъ своей горницы.

Она нашла въ гостиной отца и Орвадзе, сидѣвшихъ на большомъ диванѣ и молчавшихъ, какъ бы не имѣя о чемъ говорить, а лишь ожидая ея прибытія.

Генералъ поднялся, выпрямился, выпячивая грудь, слегка откидывая плечи назадъ и задирая голову, какъ еслибъ собирался гаркнуть команду.

Онъ былъ въ полной формѣ, съ какимъ-то прибавленіемъ въ амуниціи.

Княжнѣ показалось, что на немъ всѣ роды оружія и даже гдѣ-нибудь въ лядункѣ дюжины двѣ патроновъ съ пулями. Недоставало только ружья за плечами.

Орвадзе покровительственно и побѣдоносно смѣрилъ княжну съ головы до пятъ и улыбнулся какъ-то необыкновенно — и скотоподобно, и торжественно.

Между тѣмъ, послѣ первыхъ привѣтствій и мгновенной паузы, князь уставился глазами на дочь и заговорилъ медленно и сухо, даже холодно:

— Княжна Прасковья Андреевна, ты знаешь, что я тебя люблю. И влеченіе сердца, и долгъ мой отеческій повелѣваютъ мнѣ любить дочь и желать тебѣ всякаго благополучія. Полагаю, что въ мои годы, не будучи никогда человѣкомъ малоумнымъ, я и теперь не постарѣлъ настолько, чтобы быть склоннымъ къ какому-либо малоумію. Полагательно, что, когда я сужу, то разсуждаю здраво. Хотя ты и не первой молодости, дѣвица на возрастѣ, свой разумъ природный имѣешь, но я еще старше тебя, еще опытнѣе, къ тому же мужчина. Поэтому меня особенно удивитъ и даже оскорбитъ, если ты не пожелаешь послѣдовать моимъ совѣтамъ и будешь упорствовать въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а тѣмъ паче въ важномъ. Оскорбленіе тобой мнѣ нанесенное, княжна Прасковья Андреевна, я сочту долгомъ не оставлять безвинно. Какъ монархъ и законы караютъ подданныхъ, имѣя на то высшую власть, такъ и я, въ силу таковой же власти—святой родительской власти надъ чадами, — покараю и тебя. Больше добавлять, полагаю, нечего, ты меня уразумѣла! Ты знаешь, что князь Андрей Ивановичъ Березопольскій и дѣйствіямъ своимъ, и слову своему хозяинъ, владыка, и что двухъ словъ у него нѣту. А теперь я пойду къ себѣ въ кабинетъ, куда попрошу затѣмъ и васъ обоихъ пожаловать. Надѣюсь, что вы явитесь рука въ рукѣ и что мнѣ придется ждать васъ у того угла моей опочивальни, гдѣ стоитъ кіотъ съ нашими семейными образами.

Князь смолкъ, съ трудомъ поднялся съ кресла, опираясь на палку, и заковылялъ.

Княжна не подняла глазъ, не видѣла лица отца и, глянувъ въ его сторону, видѣла только какъ двигались его ноги, какъ одна изъ нихъ ступала просто, а другая слегка волочилась и шуршала по ковру.

Когда князь былъ за дверьми, княжна подняла глаза и взглянула на сидѣвшаго предъ ней генерала. Она невольно прислонилась къ спинкѣ кресла. Лицо ея выразило одно изумленіе. Княжна не вѣрила сама себѣ, что прочла она въ лицѣ его. А она прочла:

„Что же дѣлать, если ты безумно любишь меня и тебѣ такая честь выйти за меня замужъ? Что жъ дѣлать, я рѣшаюсь... Покоряюсь!“

И княжна, отъ природы умная, часто остроумная, совершенно наивнымъ образомъ подумала:

„Какъ смотритъ? Еслибъ у животныхъ было понятіе о томъ, что есть праздники, то какое-нибудь дикое животное непремѣнно глядѣло бы такъ въ торжественные дни. Это — быкъ, или волкъ, празднующій день своего рожденія!“

Княжна присмотрѣлась вновь и снова удивилась.

„Ну, не долго продолжится твое торжествованіе!“ слегка озлобляясь подумала она.

— Достоуважаемая княжна, заговорилъ Орвадзе басистымъ голосомъ и повышая тонъ съ каждымъ-словомъ, какъ дьяконъ на эктеніи.—Вамъ, конечно, извѣстно и понятно все происшествіе въ моей душѣ, какое чувствительное дѣйствіе всѣхъ моихъ чувствованій меня подвигаетъ — такъ выразиться подобаетъ — самосердечно, овладѣвъ всѣми моими мыслями и все такое, стало быть, непреодолимое, на всю жизнь полагательно увѣковѣченное и разсчитанное... Ну и, разумѣется, властно всей душой, всѣмъ сердцемъ, отъ полноты души и сердца...

Послѣднія слова Орвадзе произнесъ съ такимъ оттѣнкомъ въ голосѣ, какъ бы чувствовалъ, что уперся лбомъ въ стѣну, которую прошибить совершенно невозможно, какъ ни старайся.

Полина, не смотря на волненіе и смуту на сердцѣ, уже кусала себѣ губы, чтобы не разсмѣяться.

Замолчавъ, Орвадзе засопѣлъ и шипѣлъ, какъ лошадь съ сапомъ.

— Чего позволите надѣяться, ожидать съ вашей стороны? выговорилъ онъ, чувствуя, что этимъ вопросомъ онъ сразу и легко минуетъ ту стѣну, въ которую было уперся лбомъ.

— Такъ какъ я, ваше превосходительство, ни полслова не поняла изъ того, что вы изволили сказывать, то не могу и отвѣчать. Скажите просто, что вамъ угодно?

— Оно совершенно вамъ извѣстно, княжна. Да и родитель вашъ сейчасъ объяснился тоже со мной... Я имѣю честь просить васъ сочетаться со мною бракомъ.

— Благодарю васъ за честь, но мы люди такіе разные — вы и я — что сочетаться намъ невозможно. Я не могу любить васъ и не могу почитать какъ подобаетъ женѣ мужа. Мы совсѣмъ разнаго поля ягода, генералъ.

— Позвольте, княжна, вдругъ изумился Орвадзе, — я не понимаю! Стало-быть выходитъ какъ будто вы мнѣ отказываете?

— Да-съ.

— Что: да-съ? Вы отказываете? Не желаете выходить за меня замужъ?

— Совершенно вѣрно.

— Виноватъ, княжна. Я васъ не понимаю.

Полина слегка пожала плечами и не отвѣтила.

Наступила мгновенная пауза и Орвадзе выговорилъ:

— Стало-быть, то-ись, вы не хотите? Это — мнѣ отказъ? И я долженъ идти сказать князю, что вы отказали? И послѣ этого, стало-быть, что̀ же мнѣ дня черезъ три дѣлать? Опять что-ли предложеніе вамъ дѣлать? Обычаи, что-ли, у васъ такіе въ Москвѣ? По нашему одинъ разъ дѣлаютъ, съ крайнимъ недоумѣніемъ въ голосѣ говорилъ Орвадзе.

— Ахъ, Боже мой! нетерпѣливо выговорила княжна. — Должно-быть у васъ, на Кавказѣ, какіе-нибудь особые обычаи, что люди не понимаютъ самыхъ простыхъ словъ. Я вамъ сказала и повторяю: я за васъ ни за что̀, никогда не пойду! Я не дѣвочка... Меня нельзя...

— Что̀ же мнѣ теперь дѣлать? вдругъ воскликнулъ Орвадзе, разводя руками.

— Идти къ батюшкѣ и сказать ему, что я отказала. Или, если вамъ не угодно — ничего не говорите. Уѣзжайте. Я сама скажу ему.

Наступило молчаніе. Орвадзе посопѣлъ, угрюмо глядя на княжну, и наконецъ снова развелъ руками.

— Удивительно!.. протянулъ онъ.

Княжна встала и поклонилась. Орвадзе поднялся тоже и вымолвилъ быстро:

— Такъ-таки, стало-быть, что̀ называется — наотрѣзъ?

И онъ рѣзнулъ рукой по воздуху.

Княжна молчала.

— Позвольте, я спрашиваю — наотрѣзъ, стало-быть, отказываете?

— Отказываю, тихо но внушительно произнесла княжна.

И слегка поклонившись она пошла изъ комнаты. Но не успѣла она еще дойти до дверей, какъ за ней раздался голосъ Орвадзе.

— Одумайтесь, княжна! Чтобы послѣ не раскаиваться. Вы дѣвица не первой молодости. Да кромѣ того еще... Если мы когда въ жизни столкнемся въ иныхъ обстоятельствахъ — я вамъ отомщу такъ...

Княжна быстро обернулась, взглянула на генерала, хотѣла что-то выговорить, но лицо ея вдругъ прояснилось и она громко расхохоталась неподдѣльно веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ.

Хохотъ ея былъ такъ искрененъ и громокъ, что подѣйствовалъ на Орвадзе рѣшительнѣй всякихъ словъ и убѣжденій.

Княжна вернулась къ себѣ все-таки взволнованная и въ странномъ настроеніи. Вспоминая фигуру и слова Орвадзе, она невольно усмѣхалась и изрѣдка смѣялась; думая о томъ, чего ждать немедленно отъ отца, она становилась грустна и тревога охватывала сердце. Наконецъ она взяла себя за голову.

— Дуняша! Дуняша! начала звать она какъ-бы о помощи.

У княжны была горничная, ея ровесница, прежняя товарка и сообщница дѣтскихъ игръ, а теперь почти пріятельница.

Крѣпостную дѣвочку Дуняшу взяли къ княжнѣ, когда имъ обѣимъ было не болѣе десяти лѣтъ. Дуняша играла съ княжной и вмѣстѣ съ тѣмъ была поднянькой, прислуживала днемъ, а въ сумерки и по вечерамъ играла съ барышней въ разныя игры.

Съ годами Дуняша стала для княжны ближайшимъ на свѣтѣ существомъ, которому княжна повѣряла всѣ свои печали и всѣ свои радости. Дуняша, разумѣется, обожала ее и доказала ей свою любовь однажды наглядно.

Она полюбила молодаго малаго, принадлежавшаго другому барину, сосѣду по имѣнію князя. Разумѣется, и князь, и княжна согласились на ея бракъ, но желали купить ея жениха для того, чтобы Дуняша оставалась ихъ крѣпостной и при княжнѣ.

Владѣлецъ жениха не согласился продать его. А Дуняша, чтобы остаться около своей дорогой Прасковьи Андреевны, отказалась отъ любимаго человѣка, проплакала полгода, много измѣнилась, похудѣла и подурнѣла, но не измѣнила своей барышнѣ. Съ трудомъ, съ борьбой и болью пожертвовала она собою и своимъ счастьемъ.

Съ тѣхъ поръ Полина еще болѣе полюбила ее.

Разумѣется, теперь Дуняша знала все что̀ происходитъ въ домѣ. И едва только княжна позвала ее къ себѣ, какъ горничная, или, вѣрнѣе, наперсница, прибѣжала испуганная, сѣла около нея на полъ и стала разспрашивать.

Княжна объяснилась въ нѣсколькихъ словахъ.

— Что-жъ теперь будетъ, милая барышня? спросила Дуняша.—Вы сказывали, что князь грозился. Стало-быть, теперь намъ съ вами монашкины шапочки надѣвать придется? Мнѣ-то ничего, а вамъ-то каково будетъ въ келейкѣ жить, да къ заутренямъ въ пять часовъ подниматься? говорила дѣвушка совершенно серьезно.

— Тебѣ-то почему-же? удивилась княжна.

— Да вѣдь васъ постригутъ пожалуй.

— Ну, меня... А тебя-то за что-же?

— Какъ, за что-же? Коли васъ постригутъ, такъ и мнѣ надо будетъ постричься.

— Я этого не допущу.

— Что̀ вы! что̀ вы! испуганно замахала руками Дуняша.—Вѣкъ жили вмѣстѣ, а теперь прогоните. Грѣхъ это, барышня! Что-же мнѣ тогда удавиться что-ли?

Княжна положила руку на плечо дѣвушки и лицо ея стало грустно.

— Коли такъ, тихо произнесла она,—разумѣется обѣ пострижемся. Ну, да это еще впереди. А покуда поди-ка поразузнай: сидитъ-ли еще этотъ турка у князя, или ужь уѣхалъ?

Горничная вышла, вернулась черезъ нѣсколько мгновеній и объяснила, что генералъ все еще въ кабинетѣ у князя и очень громко говоритъ, расхаживая по горницѣ. А князь, должно-быть, молчитъ,—его голоса не слыхать.

Просидѣвъ молча болѣе часа, княжна снова послала Дуняшу за справками. Дѣвушка принесла извѣстіе, что генералъ уѣхалъ, далъ швейцару полтинникъ серебряный и сказалъ, не поминать его лихомъ, а что его нога больше въ этомъ домѣ не будетъ.

— Люди-то какъ всѣ обрадовались, барышня! прибавила Дуняша.—Вѣдь всѣ знаютъ, о чемъ рѣчь идетъ. Всѣ боялись этакого барина получить. Онъ, сказываютъ, у себя призоветъ шесть солдатъ, да на своихъ глазахъ прикажетъ троимъ троихъ пороть. А тамъ поротые встанутъ и порятъ этихъ троихъ. Право, ну! Люди сказывали: женится онъ на нашей княжнѣ и будетъ насъ всѣхъ этакъ-же заставлять другъ дружку перепарывать.

VII.

Княжна разумѣется стала ждать съ минуты на минуту появленія человѣка, который позоветъ ее къ князю. Прошло нѣсколько часовъ,—отецъ ее не вызывалъ.

Подошелъ часъ обѣда, уже въ сумерки, такъ какъ въ домѣ князя часы денные были распредѣлены отчасти на иностранный ладъ, не ради моды, а ради образа жизни хозяина, встававшаго поздно.

Прежде обѣдали, какъ и вся Москва, около полудня, а ужинали часовъ въ восемь, но съ тѣхъ поръ что князь былъ боленъ, онъ только поднимался около полудня и обѣдъ перенесли на сумерки.

Когда княжна уже ожидала встрѣчи съ отцомъ въ столовой, явился лакей и доложилъ, что князь выѣхалъ со двора и приказалъ княжнѣ кушать и его не ждать, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, не вернется ранѣе поздняго вечера.

И весь этотъ день для княжны прошелъ въ томительной неизвѣстности.

На другой день повторилось то же самое. Князь сидѣлъ у себя, не вызывалъ дочери, а она безъ его дозволенія уже давно перестала приходить сама. На этотъ разъ князь приказалъ подать кушать себѣ въ кабинетъ, а княжнѣ—въ ея апартаменты.

Наступилъ третій день и опять повторилось то же самое. Княжна, разумѣется, тревожилась.

Дуняша собирала всякія справки между людьми и всѣ были одного и того-же мнѣнія: „Что-й-то творится! Что-й-то готовится!“

Но что̀ предпринималъ или готовилъ баринъ-князь, конечно, никто не зналъ.

Княжна была увѣрена, что отецъ уже хлопочетъ и справляется въ какихъ-нибудь московскихъ монастыряхъ о правилахъ постриженія въ монахини.

Между тѣмъ единственный человѣкъ, который могъ теперь быть въ большую помощь княжнѣ, не появлялся въ домѣ, не смотря на свое обѣщаніе. Объ князѣ Ильѣ Петровичѣ не было ни слуху, ни духу.

И только на четвертый день послѣ бала у Орлова, княжна узнала, что „братецъ“ сидитъ у князя.

Появившійся Илья Петровичъ объяснилъ дядѣ, что былъ нездоровъ и лежалъ... Отвыкнувъ отъ сильныхъ морозовъ, онъ постоянно простужался и разумѣется клялъ климатъ россійскій и его зиму.

— То-то вотъ, странствующая ты стрекоза, сказалъ князь. — Кабы не шатался всю жизнь въ заморскихъ земляхъ, такъ былъ-бы крѣпче... А то погляди на себя: что̀ ты? Перина!

Илья Петровичъ тотчасъ замѣтилъ, что дядя настроенъ желчно и ядовито. Справившись объ здоровьѣ князя и княжны, онъ получилъ въ отвѣтъ:

— Я злюся и собираюсь куснуть... А ей, сударынѣ, что̀ дѣется!.. Она каменная... Ну, да вотъ этимъ проберу...

И князь показалъ племяннику на письменный столъ, гдѣ лежали два большія письма.

— Можешь прочитать надписи, сказалъ онъ.

Илья Петровичъ прочелъ на одномъ конвертѣ: „Въ городъ Рузу, Устиньѣ Савельевнѣ Кузьминой“. На другомъ было: „Березополье. Макару Макаровичу Трубецкому“.

Надписи эти ничего не сказали Ильѣ Петровичу.

— Это два треуха моей дочкѣ.

— За что̀, дядюшка?.. Что она васъ любитъ и желаетъ быть при васъ и не хочетъ идти замужъ за кабана... Грѣшно такъ разсуждать...

— Ну, ладно... Это лживое объясненіе. Я тоже не глупѣе тебя. Брось, племянникъ... Скажи лучше... что̀ дѣлать съ собой хочешь, „троякій якъ“, какъ тебя москвичи окрестили?

Илья Петровичъ усмѣхнулся.

— А развѣ это прозвище еще не забыто? спросилъ онъ добродушно.

— Зачѣмъ забывать. Мы свои клички помнимъ. Вотъ если женишься, другую выдумаемъ.

Про Илью Петровича уже давно сочинилъ какой-то досужій шутникъ, что такъ какъ князь—толстякъ, добрякъ и холостякъ, то стало-быть онъ „троякій якъ“.

И хотя въ этомъ прозвищѣ не было не только никакого остроумія, но и простаго смысла, тѣмъ не менѣе оно понравилось и всякій москвичъ упорно поминалъ проживавшаго всегда за границей князя не иначе какъ „троякимъ якомъ“.

Одинъ лишь князь-дядя звалъ всегда племянника—странствующей стрекозой и заморскимъ скакуномъ.

— Да, племянничекъ, началъ князь нравоучительно,—кабы женился во-время, такъ не былъ-бы заморскимъ скакуномъ. Жилъ-бы въ Москвѣ съ женой и дѣтьми. Теперь, поди, въ домѣ-то невѣсты и женихи у тебя были бы, а ты вотъ одинъ, какъ перстъ. Состарился, разбухъ... Гляди какъ разбухъ! Ишь, тебя во всѣ стороны разнесло! Гляди, рука-то! Нешто это рука? Бревно! Да, вотъ этакъ, племянничекъ, еще годиковъ пять-шесть попрыгаешь, повертишься, поскачешь, да и наскочишь, напорешься!

— На что̀? изумился простодушно Илья Петровичъ.

— Вѣстимо на женщину, или дѣвушку. Да только на такую, которая тебя посадитъ на ладошку на лѣвую, а правой-то прихлопнетъ—и только мокренько останется.

Илья Петровичъ вдругъ залился громкимъ хохотомъ и добродушно заливался долго, такъ что наконецъ слезы показались у него на глазахъ. Веселый и въ высшей степени добрый хохотъ племянника заставилъ и князя Андрея Ивановича улыбаться. Лицо его прояснилось слегка.

— Неужели вы, дядюшка, вымолвилъ удивляясь Илья Петровичъ,—въ самомъ дѣлѣ такъ полагаете, что я въ мои годы способенъ прельститься какой-нибудь бабой и что эта баба меня окрутитъ. Господь съ вами, дядюшка! Какъ-же, пятьдесятъ лѣтъ прожилъ—ни одна прелестница никакой силы на меня не имѣла и всѣ женщины были мнѣ что рядъ кочановъ капусты на грядахъ. А вы вдругъ этакое подозрѣваете! Неужто вы вѣрите въ то что̀ говорите?

— Вѣрю—не вѣрю, племянничекъ, а бываетъ такъ. Старые холостяки при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ спотыкаются. Приходятъ у нихъ желанія какихъ прежде не было — хотя-бы желаніе не быть одному, одинокому Зависть беретъ на всякую семью. У себя-то скучно, а прыгать-то уже нельзя, силы нѣту. Вотъ къ нему сейчасъ сестрица-тоска въ гости пожалуетъ, а за ней сейчасъ братецъ-охъ, да другой братецъ-вздохъ! Вотъ, туда-сюда! Какъ мнѣ быть одинокому? Да куда мнѣ головушку приклонить? Да вонъ какія милыя дѣтки бѣгаютъ на дворѣ! Вонъ людямъ какое счастіе, а у меня никакого нѣтъ! Вонъ какая тамъ хозяюшка ходитъ молодая, такая-сякая, бѣлоглазая, чернолицая, или хоть наоборотъ. А я то все одинъ, да одинъ! Скоро помирать—некому глаза закрыть! Некому состояніе передать! И стало-быть я — собака, песъ. Давай надумаемъ какъ тутъ быть, чѣмъ горю пособить. И пошелъ заглядывать въ разныя рожицы. Приглянулась какая, подумалъ-подумалъ — посватался. Хлопъ! Готово! Отказъ! „Вы-бы, говорятъ, пораньше! Время упустили!“ Другой разъ посватался, въ третій, да хоть въ десятый разъ—вездѣ люди-то живутъ зрячіе. Молодца этакого возраста какъ ты, хотя ты и князь, не сразу обожать начнетъ какая дѣвица. Развѣ уже совсѣмъ какая затхлая. Вотъ тутъ сейчасъ и пожалуйте — наемное сердечко, дешевенькую любовишку или покупное счастіе! На деньги все можно получить! И вотъ, глядишь, этакій-то старый холостякъ какъ ты мимо цыганскаго табора ѣхалъ и съ женой домой пріѣхалъ!

Илья Петровичъ захохоталъ снова.

— Цыганка-то—еще слава Богу. Хуже пріобрѣтешь, продолжалъ князь.—Не смѣйся! Вѣдьму, племянничекъ, заполучишь—настоящую, изъ Кіева, съ хвостомъ...

Бесѣда дяди и племянника длилась долго, но затѣмъ князь сурово объявилъ гостю, что обѣдать у него нельзя, такъ какъ онъ самъ уѣзжаетъ со двора. На замѣчаніе племянника, что онъ пообѣдаетъ съ княжной-сестрицей—Илья Петровичъ получилъ неожиданный отвѣтъ, отъ котораго даже лицо его слегка измѣнилось. Дядя объявилъ еще суровѣе, что не желаетъ, чтобы онъ видѣлся со своей сестрицей, такъ какъ та „сидитъ якобы подъ арестаціей!“

— Въ ея-то годы! Это по-каковски-же? По-кавказски что-ли? рѣзко вымолвилъ Илья Петровичъ.

— По-березопольски! вспыхнувъ отрѣзалъ князь.

Парижская всемірная выставка 1889. Австрійск. Худ. Отд. Музыка. Аллегорич. карт. Гиие, грав. Пааръ.

— Что-же это? Насиліе, дядюшка. Это не достойно. Сами вы сейчасъ сказывали, что только затхлая невѣста...

— А значитъ, что я баловать не позволю, перебилъ князь. — Хоть теперь и лыкомъ я шитый, да все-таки въ лапы никому не дамся. Вотъ два письма написалъ и отсылаю...

— Не пойму я ничего! негодуя и холодно произнесъ Илья Петровичъ, такъ какъ въ сущности думалъ, что уже начинаетъ догадываться въ чемъ дѣло.

— Справлялся я, племянничекъ, насчетъ порядковъ постриженія дѣвицъ, дочерей строптивыхъ, и узналъ, что законъ новый есть, отъ матушки Екатерины остался и соблюдается... Силкомъ не постригать дѣвицъ... Ну что-жь—дѣлать нечего—покорился и другое надумалъ не хуже... А что́—узнаешь вскорости...

И князь Андрей Ивановичъ вызвалъ дворецкаго, передалъ ему оба письма и приказалъ тотчасъ снарядить двухъ конныхъ гонцовъ.

— Такъ положительно не дозволите вы мнѣ повидать сестрицу? рѣзко и сухо спросилъ Илья Петровичъ по уходѣ дворецкаго.

— Сказано разъ! Не переспрашивай. Сиди со мной или уѣзжай.

— Такъ я, дядюшка, уѣду! страннымъ голосомъ выговорилъ князь Илья Петровичъ и не прощаясь вышелъ изъ кабинета, сильно взволнованный.

(Продолженіе будетъ).

За городомъ.

Стихотворенія **П. И. Вейнберга.**

I.

Благодатно-священная тишь
И въ природѣ, и въ сердцѣ моемъ.
Чудно вторятъ другъ другу они,
Торжествуя блаженство вдвоемъ.

Нѣтъ межъ ними посредниковъ здѣсь,
Нѣтъ у нихъ ни враговъ, ни друзей,
И всецѣло забылись они
Въ безпредѣльной отрадѣ своей.

II.

Я еще не освоился съ дачей,
Не привыкъ, что не въ городѣ я.
Нынче утромъ проснулся—и солнцемъ
Залита́ вся избушка моя.

Что̀ за диво? Откуда такіе
Непривычные гости? А гдѣ
Наше сѣро-свинцовое небо,
Точно мытое въ мутной водѣ?

„Это въ городѣ!“ кто-то отвѣтилъ
Съ легкимъ смѣхомъ—и тутъ въ тишинѣ
Стукъ въ окошко мое... О, Создатель,
Неужели „знакомый“ ко мнѣ?

Отворяю — зеленая вѣтка
Проползаетъ тихонько въ окно,
И листы ея шепчутъ мнѣ: „Здравствуй,
Мы тебя поджидали давно!“

А сквозь легкую чащу деревьевъ
Блещетъ вольной рѣки серебро...
Все живетъ, все поетъ, все ликуетъ,
Всюду свѣтъ, чистота и добро!..

III.

Предъ до̀микомъ моимъ, у самаго крыльца—
Двѣ ели старыя... И ростомъ, и фигурой
Такъ схожи межъ собой, что, кажется, натурой
Здѣсь рождены два близнеца.

И цѣлый день у нихъ конца нѣтъ разговорамъ.
То кротко шепчутся средь общей тишины,
Какъ будто вспомнили про годы старины,
Про первый поцѣлуй красавицы-луны,
Про первую любовь съ лазуревымъ просторомъ.

То будто бы дивясь какой-то новизнѣ,
Совсѣмъ неслыханной въ ихъ старомъ поколѣньѣ,
Съ серьезной важностью бесѣдуютъ онѣ...
Что̀ въ этой рѣчи ихъ: укоръ иль одобренье?

То сильно дрогнутъ вдругъ... Какой-то гулъ и ревъ
Пойдутъ по всѣмъ вѣтвямъ,—и въ грозномъ шумѣ этомъ
Порою слышится мнѣ благородный гнѣвъ
Дышащихъ чистотой и свѣжестью деревъ
На гнусность новую, придуманную свѣтомъ.

Такъ разговоръ идетъ у нихъ по цѣлымъ днямъ;
А юные кусты, прижавшись къ ихъ корнямъ
И глядя въ вышину, ту слушаютъ бесѣду,
Какъ внукъ почтительный внимаетъ старцу-дѣду...

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

XI.

Такъ продолжалось до понедѣльника. Владиміръ Алексѣевичъ дома не завтракалъ, не обѣдалъ, проводилъ вечера въ театрѣ, но ни разу не поѣхалъ въ Александринку, гдѣ почти каждый день давалось „Увлеченіе“. Онъ боялся, что Негрѣхова снова захватитъ его обаяніемъ вносимымъ ею въ роль, и тогда ужь не выпуститъ, захочетъ доказать ему, что она сильнѣй.

Онъ радовался своему отрезвленію, но это была холодная радость, притупленная неяснымъ сожалѣніемъ о чемъ-то необрисовавшемся, загадочномъ для него. Точно онъ мелькомъ взглянулъ на яркую картину и долженъ былъ пройти мимо.

— Ахъ! лишь бы покойно жилось! рѣшалъ онъ и сердился на жену, лишившую его возможности находить дома покой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для него мыслимо оставаться дома, видѣть передъ собой кислое лицо жены, укоризненный взглядъ Сони, этой черезчуръ много себѣ позволяющей барышни. Развѣ это жизнь! А тутъ еще требуется работать, заниматься, заботиться о серьезномъ дѣлѣ, составляющемъ остовъ его существованія!

Впрочемъ, за послѣдніе дни, газета отнимала у него мало времени. Не тянуло его къ ней. Постоянное томленіе отвлекало, не давало вдуматься, обезсиливало мысль. И онъ пришелъ къ заключенію, что надо пережидать. Все равно, въ такомъ состояніи ничего толковаго не сдѣлаешь. Лучше положиться на Бекина. Онъ достаточно вышколенъ, да и не посмѣетъ фантазировать.

Владиміръ Алексѣевичъ былъ увѣренъ, что именно такія соображенія заставляютъ его относиться поверхностно къ веденію „Столицы“. Онъ не сознавалъ, что просто упалъ въ немъ интересъ къ излюбленному изданію, упалъ благодаря тому, что душа его, какъ карточный домикъ, развалилась отъ мелкаго потрясенія. Ему теперь казалось, что все надоѣло оттого, что все гадко, а онъ одинъ хорошъ.

Въ чужія газеты онъ также перестал заглядывать... съ тѣхъ поръ какъ написалъ восторженную статью объ игрѣ Негрѣховой въ „Увлеченіи“. Сперва онъ боялся, что найдетъ въ нихъ возраженія, намеки на то, что его хваленая безпристрастность пошатнулась, а потомъ стала ему вообще мерещиться возможность недобросовѣстныхъ нападокъ... и не такъ былъ онъ настроенъ, чтобы эти нападки отражать.

Увидавъ его въ ресторанѣ, какой-то знакомый удивился:

— Что̀ вы по кабакамъ обѣдаете? съ вами этого прежде не бывало. Будь я женатъ и живи своимъ домомъ, съ какимъ бы удовольствіемъ махнулъ рукой на всѣхъ Дононовъ и Кюба!

Владиміру Алексѣевичу показалось, что его знакомый хочетъ намекнуть, сказать: „должно-быть у васъ дома не ладно... не даромъ всѣ увѣряютъ, что вы втюрились въ Негрѣхову.“

Онъ ждалъ понедѣльника, чтобы доказать всѣмъ лживость предполагаемыхъ имъ сплетенъ. Плана у него не было, но онъ все твердилъ себѣ:

— Я имъ докажу... а потомъ я опять примусь за дѣло.

Этимъ рѣшеніемъ оправдывалъ онъ себя, понимая, что нуждается въ оправданіи, въ своихъ собственныхъ глазахъ. Развѣ такъ относился онъ до сихъ поръ къ газетѣ! Теперь онъ не просматриваетъ руководящихъ статей, не провѣряетъ доставляемыхъ свѣдѣній. Ну, авось сойдетъ. Бекинъ его боится и не могъ замѣтить перемѣны въ своемъ принципалѣ.

Равнодушіе Владиміра Алексѣевича дошло до того, что, поднявшись однажды въ редакцію за справкой, по типографскимъ счетамъ, и увидавъ мелькомъ Рашметкина, онъ не прогналъ его, не крикнулъ: „я запретилъ вамъ принимать участіе въ газетѣ“, а только презрительно кивнулъ, подумавъ: „не сто̀итъ горячиться... онъ ведетъ такой мелкій отдѣлъ, что личность его не имѣетъ значенія... Въ „Публицистѣ“, говорятъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ судился за кражу, а другой еще того хуже... Изъ безукоризненныхъ людей не составишь редакціи...“

Но Владиміръ Алексѣевичъ ошибался, думая, что Бекинъ не обратилъ вниманія на охлажденіе Ратимина къ газетѣ. Петръ Леонтьевичъ, напротивъ, все усмотрѣлъ и немедленно сообразилъ, какія могутъ послѣдовать пріятныя для него удобства изъ такого положенія дѣла. И бывшіе сотрудники прежней „Столицы“, какъ голодныя собаки почуявшія падаль, приблизились, угадывая, что теперь мѣсто для нихъ найдется на столбцахъ Ратиминскаго изданія.

Они, вначалѣ, были осторожны, скромны, такъ какъ Бекинъ не рѣшался сразу подкопаться подъ главныхъ теперешнихъ сотрудниковъ, презиравшихъ его, ненавистныхъ ему.

Насталъ понедѣльникъ.

Владиміръ Алексѣевичъ ожидалъ, что Валентина Петровна особенно заволнуется въ этотъ день, пустится въ объясненія, постарается узнать, ѣдетъ-ли онъ къ Пронинымъ или нѣтъ. Ратиминъ приготовился къ непріятной сценѣ, составилъ и держалъ на-готовѣ нѣсколько спокойно-холодныхъ фразъ, которыми дастъ отпоръ. Онъ собирался даже исчезнуть изъ дома на цѣлый день, предпочитая не входить ни въ какія объясненія; но опасенія его были напрасны. Утромъ Валентина Петровна его только спросила:

— Тебя сегодня опять не будетъ? Мы завтракаемъ и обѣдаемъ однѣ?

Владиміръ Алексѣевичъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, завтракать я буду... отчего же...

Онъ зѣвнулъ притворно и прибавилъ:

— Обѣдаю у Прониныхъ.

Онъ ждалъ, что жена возмутится, но она равнодушно произнесла „А!“, точно совсѣмъ забыла и теперь вспомнила, хладнокровно. Но Соня совершенно иначе вела себя. Во время завтрака, она долго глядѣла на Ратимина враждебно и, наконецъ, не выдержала, спросила:

— Скажи, пожалуйста, гдѣ ты обѣдалъ и вообще ѣлъ все это время?

— Въ ресторанахъ, мой другъ, кротко отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Вдругъ онъ покраснѣлъ: вѣдь его жена можетъ подозрѣвать, что онъ не заходилъ въ рестораны, а отправлялся на свиданія съ Евгеніей Сергѣевной. Соня такъ взглянула на него, будто говорила: „и все ты врешь, я знаю“. Посмотрѣлъ онъ на жену, уловилъ то же выраженье. Владиміръ Алексѣевичъ разсердился и нагнулся надъ тарелкой, уходя отъ разговоровъ въ ѣду.

— А сегодня ты опять въ ресторанѣ? ехидно освѣдомилась Соня.

Ратиминъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, у Прониныхъ, отвѣтилъ онъ.

— Госпожа Негрѣхова, кажется, живетъ у нихъ?

— Тебѣ это лишь кажется? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ, съ дрогнувшимъ отъ гнѣва взглядомъ, — сдается мнѣ, что ты нисколько не сомнѣваешься...

Соня замолчала. Тихо стало за столомъ, тихо и грустно, какою-то особенною скучною грустью. Всѣ были недовольны, у всѣхъ щемило въ груди, и каждый былъ правъ, сердясь.

Нѣсколько минутъ спустя, по окончаніи завтрака, Ратиминъ ушелъ къ себѣ, заперся, велѣлъ никого не принимать. Даже Бекину было отказано, что̀ дало Петру Леонтьевичу случай взять на себя полную отвѣтственность за размѣрку нумера. Владиміру Алексѣевичу было не до него. Скверное чувство душевной неопредѣленности, огульное недовольство всѣмъ окружающимъ и невозможность придумать хоть что-нибудь могущее явиться въ жизнь свѣтлою точкой, все это лишало всякихъ желаній, вызывало въ немъ отвращенье ко всему. И онъ не зналъ, ѣхать-ли къ Павлу Арсеньевичу... Развѣ не все равно, что̀ думаетъ о немъ Евгенія Сергѣевна? Богъ съ ней, пусть продолжаетъ думать, сколько ей угодно!

Взялъ онъ книгу, потомъ другую, третью и поочередно отбросилъ ихъ, съ первною зѣвотой. Попалась ему на глаза рукопись, оставленная на просмотръ извѣстнымъ спеціалистомъ по экономическимъ вопросамъ. Владиміръ Алексѣевичъ развернулъ ее, разгладилъ и отложилъ, тоскуя. Взглянулъ онъ на кипу нетронутыхъ газетъ, но не сталъ читать, боясь чрезмѣрной скуки или непріятностей.

Наконецъ онъ началъ писать статью, старательно выводя буквы и растягивая фразы, но черезъ нѣсколько минутъ вспомнилъ, что писалъ уже на эту тему, и бросилъ перо.

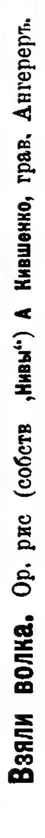
Часы пробили пять.

„Не можетъ быть!“ подумалъ Ратиминъ. „Нѣтъ, пять часовъ. Скоро надо собираться“. И ему представилось, что если онъ не поѣдетъ, жена возомнитъ себѣ, что она глава семьи.

XII.

У Прониныхъ гостей собралось достаточно. Столовая оказалась слишкомъ мала, и пришлось установить обѣденный столъ въ большой гостиной, удаливъ изъ нея всю штофную мебель, которою Марья Ефимовна гор-

Парижская всемірная выставка 1889. Русск. Худож. Отд. Могила самоубійцы. Съ карт. академика Федерса, грав. Киндъ.



Взяли волка. Ор. рис (собств „Нивы“) А Кившенко, грав. Ангерерт.

дилась не мало. Пріѣхалъ Нагорный, редакторъ „Петербурга“, толстый господинъ съ неопрятною лысиной; какой-то очень молодой поэтъ, начавшій входить въ моду съ тѣхъ поръ, какъ переложилъ посланіе къ Коринѳянамъ въ звучные амфибрахіи; малоизвѣстный художникъ Рачевичъ, похожій на Мольтке и одѣвающійся артистомъ, для рекламы; Стожниковъ и Тихонинъ, два молодыхъ писателя, изъ которыхъ первый ничего замѣчательнаго не написалъ, но подавалъ блестящія надежды, и такъ давно ихъ подавалъ, что хотѣлось ему сказать: „подайте намъ чего-нибудь другаго“; а второй прославился рядомъ пасквилей, печатаемыхъ въ разныхъ панельныхъ листкахъ и не разъ имѣвшихъ для него горькія послѣдствія. Вообще, Пронинъ не пригласилъ къ себѣ свѣтилъ литературы, довольствуясь въ этомъ отношеніи самимъ собой. Кромѣ того, появилось нѣсколько лицъ способныхъ „украсить“ любой обѣдъ: банкиръ съ жидовскимъ произношеніемъ, запасный генералъ, одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и одинъ коллежскій ассесоръ, приглашаемый всюду собственно потому, что недурно передавалъ Горбуновскіе разсказы.

Павелъ Арсеньевичъ хлопоталъ, старался быть радушнымъ хозяиномъ и принималъ поздравленія съ послѣднимъ успѣхомъ.

Владиміръ Алексѣевичъ пріѣхалъ ровно въ шесть часовъ, когда Пронинъ начиналъ уже безпокоиться и думать, что редакторъ-издатель „Столицы“ не „удостоитъ его своего появленія“.

— А! какая радость! вскрикнулъ Павелъ Арсеньевичъ, пошелъ навстрѣчу гостю и крѣпко пожалъ ему обѣ руки.

Владиміръ Алексѣевичъ съ разсѣянной любезностью отвѣчалъ на привѣтствія прочихъ гостей, ища глазами Негрѣхову, и не думая о томъ что̀ дѣлаетъ, поднесъ руки Маріи Ефимовны къ губамъ. Та зардѣлась отъ удовольствія, а Пронинъ нашелъ, что Ратиминъ положительно выхаживается.

Наконецъ показалась Евгенія Сергѣевна, и всѣ бросились къ ней съ поздравленіями, со словами въ родѣ „съ громаднымъ успѣхомъ“, „лучшее украшеніе нашей сцены“, „какъ вы прекрасно смѣялись во второмъ дѣйствіи!“

Одинъ Владиміръ Алексѣевичъ не двинулся, ждалъ. Когда другіе стали отходить, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поздоровался и сказалъ ей при Нагорномъ:

— Я такъ много написалъ о васъ, что мнѣ ничего говорить не осталось. Но вы не слишкомъ довѣряйте моей статьѣ: я написалъ ее съ плеча и нахожу, что отнесся къ вамъ черезчуръ снисходительно. У васъ, разумѣется, есть талантъ, но, буду откровененъ, пока очень небольшой, и я не думаю, чтобы вы имѣли успѣхъ въ болѣе серіозной піесѣ.

Евгенія Сергѣевна удивленно посмотрѣла на него и круто отошла съ дѣланною улыбкой. Ратимину показалось, что онъ поступилъ очень умно. Онъ подумалъ: „теперь можно быть покойнымъ, Нагорный разскажетъ всему городу, толки прекратятся“.

Негрѣхова, продолжая улыбаться и слушая любезныя слова Рачевича, дрожала отъ гнѣва на Владиміра Алексѣевича, оскорбившаго ее. Она понимала, что онъ освободился, мститъ, и она рѣшила, что слѣдуетъ наказать его какъ можно болѣе жестоко. Въ ея головѣ сверкнулъ планъ, такой вѣрный, что она поблѣднѣла отъ волненія и на минуту стала совсѣмъ бѣлою, при свѣтѣ лампъ.

За столомъ Ратимина посадили рядомъ съ Евгеніей Сергѣевной. Онъ нагнулся къ ней и спросилъ:

— Вамъ, разумѣется, непріятно имѣть меня сосѣдомъ?

Она взглянула на него съ притворнымъ смущеніемъ и отвѣтила:

— Нѣтъ, напротивъ; отчего вы такъ думаете? Конечно, ваши слова меня поразили, и мнѣ тяжело бросать всѣ надежды на будущее, но я такъ довѣряю вамъ, что исполню это безпрекословно. Только, умоляю васъ, не будьте обо мнѣ дурнаго мнѣнія—я этого не заслуживаю.

Въ душѣ Владиміра Алексѣевича исчезло всякое желаніе ехидничать. Ему стало жаль ее и онъ проговорилъ:

— Вы не такъ поняли...

Негрѣхова вздохнула, не сказала ничего и повернулась къ Нагорному. Кругомъ шли разговоры, всѣ шумно болтали, оживленные виномъ. Ратиминъ молчалъ. Щемящее чувство заставило его уйти въ себя. Онъ понялъ, что прежнее возвращается,—мягкая влюбчивость, изнѣживающая сердце.

— Увлеченіе... Увлеченіе... Увлеченіе! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Ухаживая за Пронинымъ и зная его слабость, гости говорили о его піесѣ. Нагорный привелъ около двѣнадцати сценъ, которыя ему „особенно нравились“. Стожниковъ, сотрудникъ „Петербурга“, дѣлилъ восторги своего принципала, а Тихонинъ улыбался, и его улыбка грозила: „постойте, постойте, я про васъ напишу такую штучку!“ Онъ-то ни за кѣмъ не ухаживалъ, но за нимъ ухаживали всѣ, даже запасный генералъ, заявившій ему нѣсколько разъ подъ-рядъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ печатному слову.

Къ четвертому блюду толки сдѣлались шумнѣй. Между коллежскимъ ассесоромъ, умѣвшимъ подражать Горбунову, и молодымъ поэтомъ возникъ нѣкоторый антагонизмъ, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ овладѣть вниманіемъ присутствующихъ. Наконецъ, поэтъ одержалъ верхъ, вдохновенно откинулъ жиденькіе волосы назадъ и, вставъ, началъ читать экспромтъ въ честь Павла Арсеньевича.

Такъ какъ было выпито уже бутылки четыре шампанскаго, то ему похлопали, а онъ, договоривъ, сѣлъ съ усталымъ видомъ искренняго импровизатора. Но коллежскій ассесоръ имѣлъ гораздо большій успѣхъ. Отъ него потребовали втораго и третьяго разсказа.

(Оконч. въ слѣд. №).

Листопадъ.

Э. А. Нидергёфера.

(Рис. на стр. 929).

Октябрь ужь наступилъ; ужь роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ...

„Ужь роща отряхаетъ послѣдніе листы“—для землевладѣльца листопадъ является только предвѣстіемъ наступленія для него времени отдыха, а для горожанъ, по крайней мѣрѣ для большинства,—предварительною пріятною вѣстью о зимнихъ удовольствіяхъ, и когда осенью деревья, лишенныя красоты зеленаго своего одѣянія, жалобно и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно напоминая намъ о бренности всего земнаго, простираютъ свои „нагія вѣтви“ къ небу, люди въ предвкушеніи зимняго сезона мало склонны тужить о тлѣнности лѣтней красоты, а тѣмъ болѣе отдавать себѣ отчетъ о причинахъ опаданія листьевъ.

Нѣсколько подумавъ, читатель, вѣроятно, скажетъ, что листья опадаютъ вслѣдствіе того, что ихъ убиваетъ морозъ, а еще болѣе просвѣщенный читатель прибавитъ, что листья, замѣняющіе растеніямъ легкія и поры кожи животныхъ, преимущественно же служащіе орудіями (органами) питанія, становятся не нужны деревьямъ, ибо послѣднія прекращаютъ свой ростъ, заканчиваютъ время (періодъ) своего развитія или вегетаціи къ зимѣ. Послѣднее по истинѣ такъ; однако еслибы въ самомъ дѣлѣ пониженіе температуры до точки замерзанія воды (до нуля) непосредственно вызывало листопадъ, то почему, спрашивается, теряютъ липы, клены и вишни листву еще до наступленія утренниковъ и заморозковъ, во время которыхъ дѣйствительно листья особенно обильно опадаютъ. Приходится

поэтому предположить, что холодъ лишь ускоряетъ листопадъ.

Это заключеніе, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ общеизвѣстное явленіе, что и подъ тропиками, и въ подтропическихъ странахъ происходитъ нѣчто сходное съ листопадомъ. Однако здѣсь какъ разъ наоборотъ—при наступленіи продолжительныхъ засухъ и жаровъ, слѣдующихъ послѣ короткаго періода дождей. При томъ не только многіе кустарники и деревья, но даже и нѣкоторыя кустообразныя травы сбрасываютъ листья. Этимъ обстоятельствомъ уже вполнѣ поясняется, что ни жара, ни стужа непосредственно не причиняютъ явленіе листопада, и далѣе, что оно обусловливается одною или нѣсколькими причинами, которыя вызываются равно какъ стужею, такъ и жарою.

Хотя до сихъ поръ не вполнѣ еще извѣстны всѣ обусловливающія это явленіе причины, но по крайней мѣрѣ одною изъ наиболѣе близкихъ является измѣненіе въ ходѣ испаренія воды растеніями.

Что это дѣйствительно такъ—легко усмотрѣть, если припомнимъ: откуда растеніе беретъ испаряемую имъ воду, и далѣе—отношеніе между температурою воздуха и содержаніемъ въ немъ водяныхъ паровъ, влажности. Резервуаромъ воды, очевидно, является преимущественно земля, а воздухъ тѣмъ больше можетъ насыщаться водянымъ паромъ, чѣмъ выше его температура, т. е. точка росы при повышеніи температуры воздуха повышается, и обратно. Если теперь, какъ это дѣйствительно случается въ жаркихъ странахъ, грунтъ сильно просыхаетъ и стоитъ продолжительная ведреная погода, то изъ растительнаго тѣла, преимущественно листьями, можетъ испариться больше воды, нежели всасывается корнями изъ крайне сухаго грунта, т. е. расходъ воды изъ растенія будетъ больше прихода. Усиленныя же испаренія воды способствуютъ, повидимому, насколько пока удалось подмѣтить, заложенію разъединяющаго слоя (Trennungsschicht), а разъ послѣдній образовался, листья свободно уже отрываются легкимъ порывомъ вѣтра, или же, завянувъ, сами опадаютъ. Такимъ образомъ объясняется при наступленіи засухъ и жаровъ листопадъ многихъ тропическихъ растеній, которыя притомъ (въ противоположность зимней спячкѣ древесной растительности въ холодныхъ странахъ) впадаютъ въ лѣтній сонъ.

Поясним жизненное (біологическое) значеніе этого явленія. Опаданіемъ листьевъ, наиболѣе испаряющихъ органовъ, подобныя растенія предохраняются отъ окончательнаго увяданія и остаются способными продолжать свою жизнь, вегетацію при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій — при болѣе умѣренныхъ температурахъ.

Съ перваго взгляда кажется труднѣе найти связь между наступленіемъ холоднаго періода и листопадомъ. Но если припомнить, что при пониженіи температуры воздуха охлаждается постепенно и грунтъ, и далѣе, что холодъ сильно ослабляетъ всасывающую способность нѣжныхъ корешковъ (мочекъ), то очевидно, что и въ данномъ случаѣ утрата воды (испареніемъ послѣдней въ листьяхъ) не можетъ быть вполнѣ пополняема изъ почвы — листья увядаютъ, бурѣютъ, даже чернѣютъ и кажутся какъ бы обуглившимися. Принято тогда говорить что ихъ побилъ морозъ, что они померзли. Однако это обозначеніе отнюдь не передаетъ сути явленія. Когда пробовали понизить температуру почвы, на которой росли дыни и табакъ, до нѣсколькихъ градусовъ выше нуля, то не смотря на то, что влажность земли тщательно поддерживалась и температура воздуха понижалась лишь умѣренно, всѣ листья принимали осеннюю окраску, желтѣли,—и растенія погибали.

Такимъ образомъ за главную причину осенняго листопада нужно признать ослабленную (парализованную) дѣятельность мочекъ, проводящихъ подпочвенную воду.

Приведемъ въ подтвержденіе только что высказаннаго положенія еще нѣкоторыя данныя. Въ оазахъ сѣверо-африканской песчано-пустынной полосы персиковое дерево сохраняетъ листву отъ одного періода вегетаціи до другаго; впрочемъ и у насъ на побережьѣ Чернаго моря, въ Поти, сирень (Syringa vulgaris) является вѣчно-зеленымъ кустарникомъ. Еще интереснѣе наблюденія проф. Кернера въ ложбинѣ близъ Неаполя около сольфатаръ (solfatari — паровые ключи, содержащіе смѣсь водяныхъ и сѣрныхъ паровъ, или также сѣро-водородъ и сѣрнистую кислоту), гдѣ, благодаря вулканическому состоянію материка, грунтъ круглый годъ достаточно нагрѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе болѣе низкаго положенія мѣстности также всегда умѣренно влаженъ; Кернеръ въ апрѣлѣ видѣлъ прошлогоднюю листву на нашемъ лѣтнемъ, обыкновенномъ дубѣ (Quercus pedunculata), который повсюду въ Истріи къ зимѣ теряетъ листья, еще вполнѣ зеленою и прочно прикрѣпленною къ вѣтвямъ, хотя новые листья уже начали развертываться изъ почекъ.

При листопадѣ, далѣе, деревья отнюдь не бѣднѣютъ строительнымъ (пластическимъ) матеріаломъ. Какъ у разсчетливыхъ хозяевъ, которые всякое тряпье стараются пустить въ дѣло—у растеній вмѣстѣ съ содержимымъ клѣтокъ, протоплазмою, и всѣ другія цѣнныя пластическія вещества, какъ-то углеводы (крахмалъ, сахаръ и пр.), бѣлки и жиры переходятъ изъ листьевъ въ стволъ или въ корень. Переходъ этотъ совершается довольно быстро, чему способствуютъ многочисленные сосуды, составляющіе вмѣстѣ то что называется перваціей листа. Опавшіе листья состоятъ поэтому (какъ легко видѣть подъ микроскопомъ) почти исключительно изъ системы камеръ (клѣточекъ), обыкновенно пустыхъ или набитыхъ щавелево-кислымъ кальціемъ, который является ненужнымъ остаткомъ (отбросомъ — Residuum по Саксу) при образованіи бѣлковыхъ соединеній. Къ веснѣ снова поднимаются пластическія вещества вверхъ, переходятъ изъ нерастворимаго состоянія въ растворимое, и растеніе пробуждается; въ это время травянистыя растенія вытягиваются ежедневно на нѣсколько сантиметровъ.

Интересно еще: какъ происходитъ самое отдѣленіе листа отъ вѣтвей. Въ тихій осенній день, стоя подъ клепомъ или осокоремъ и внимательно прислушиваясь, мы услышимъ то тамъ, то сямъ надъ собою легкій трескъ, хотя-бы ни малѣйшій вѣтерокъ не шелохнулъ листа. Этотъ трескъ вызывается отскакиваніемъ листа, который вслѣдъ затѣмъ и опадаетъ. Пробуя позднею осенью нѣсколько дней сряду осторожнымъ прикосновеніемъ отталкивать листья, мы замѣтимъ какъ они все легче отдѣляются отъ вѣтвей, не оставляя наконецъ даже раны, а лишь рубецъ на мѣстѣ гдѣ сидѣлъ листъ; между тѣмъ какъ лѣтомъ листъ лишь съ трудомъ и насильственно отрывается, да притомъ на мѣстѣ его прикрѣпленія остается признакъ этого насилія (отрывается часть окружающей кожицы и изъ раны вытекаетъ нѣсколько капель соку). Отпаденіе листьевъ обусловливается, какъ было говорено выше, образованіемъ такъ-называемаго разъединяющаго слоя: на мѣстѣ прикрѣпленія листа слой до тѣхъ-поръ спящихъ клѣточекъ вдругъ начинаетъ, продольными къ общей поверхности вѣтви перегородками, распадаться на болѣе или менѣе плоскія клѣточки, расположенныя рядами, обыкновенно пустыя или наполненныя бурою, мертвою массою и стѣнки которыхъ пріобрѣтаютъ свойства пробки. Такъ какъ этими признаками характеризуется пробковая ткань, то слѣдовательно разъединяющій слой нужно также причислить къ образованіямъ этой ткани, которая въ жизни растеній имѣетъ такимъ образомъ двоякое отправленіе (функцію). Въ данномъ случаѣ она обусловливаетъ или, по крайней-мѣрѣ, способствуетъ разъединенію отмирающихъ частей растеній отъ остающихся живыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напередъ залѣчиваетъ происходящія отъ этого отдѣленія раны; вотъ послѣднимъ-то обстоятельствомъ пробковая ткань и выполняетъ здѣсь свою главную функцію. Ея назначеніе именно то, чтобы подъ нею лежащую ткань предохранить отъ внѣшнихъ вліяній и преимущественно отъ высыханія, что и достигается совершенно плотнымъ смыканіемъ клѣточекъ, опробковѣвшія оболочки которыхъ непроницаемы вслѣдствіе этого ни для воды, ни для газовъ. Благодаря такому свойству, пробковая ткань покрываетъ у древесныхъ растеній наружную часть ихъ стеблей и сверхъ того появляется всегда при каждомъ пораненіи растенія, затягивая собою рану, и въ этомъ случаѣ она вполнѣ сходна съ образованіемъ струпьевъ на животномъ тѣлѣ.

Остающійся по отпаденіи листа рубецъ называется рубчикомъ листоваго слѣда; послѣдній имѣетъ для каждой породы вполнѣ характерную форму, такъ что по рубчику листоваго слѣда на безлистной вѣточкѣ возможно опредѣлить породу дерева.

Замѣтимъ еще, что у сложныхъ листьевъ (состоящихъ изъ отдѣльныхъ листиковъ), напримѣръ у дикаго или конскаго каштана (Aesculus hippocastanum), также и на верхушкѣ листоваго черешка, у основанія каждаго пальчато-расположеннаго листочка образуется по разъединяющему слою, такъ что послѣдніе отдѣльно сдуваются вѣтромъ, между тѣмъ какъ черешки долго еще одиноко торчатъ на вѣтвяхъ.

Кстати приведемъ еще довольно новое наблюденіе, доказывающее безусловную необходимость образованія разъединяющаго слоя. Въ Германіи, начиная съ 1879 г., около Гамбурга, на громадномъ пространствѣ перестала родиться вишня; по изслѣдованію Франка, это явленіе обусловливалось грибкомъ (Gnomonia erythrostoma) поселяющимся на листьяхъ. Признаковъ зараженія вишневаго дерева гномоніею или „часовою стрѣлкою“ (такъ-называемою благодаря виду сумочекъ, въ которыхъ образуются споры) является то, что листья не опадаютъ къ зимѣ, вслѣдствіе того что они погибаютъ до появленія разъединяющаго слоя. Грибокъ перезимовываетъ такимъ образомъ на самомъ деревѣ и поэтому средствомъ его истребленія оказывается срываніе не опавшихъ зимою листьевъ. (Подробности этого заболѣванія вишенъ приведены въ VI выпускѣ „Лѣснаго журнала“ за 1888 г.; считаю притомъ не лишнимъ обратить вниманіе сельскихъ хозяевъ на эту болѣзнь, которая уже и у насъ появляется).

Отдѣленіе листьевъ у нѣкоторыхъ породъ совершается въ теченіе нѣсколькихъ дней, у другихъ-же длится недѣлями. Ясно далѣе, что не всѣ породы деревъ и не всѣ деревья того-же рода вполнѣ успѣваютъ сбрасывать листву; на ясени, ольхѣ, кленѣ, тополѣ обыкновенно не остается ни одного листа, тогда какъ даже на верхушкѣ старыхъ дубовъ и грабовъ всегда сохраняется незначительное число листьевъ — послѣдніе именно засохли прежде, нежели успѣлъ образоваться разъединяющій слой (который именно у дуба и граба образуется очень медленно).

Листопаду обыкновенно предшествуетъ измѣненіе въ цвѣтѣ листьевъ, сообщающее нашимъ лѣсамъ ту грустную прелесть, ко-

торой уступаютъ, по свидѣтельствамъ всѣхъ путешественниковъ, даже лѣса тропиковъ. Желтый цвѣтъ является притомъ въ осеннемъ нарядѣ лѣсовъ господствующимъ. Особенно яркимъ, почти померанцевымъ, бываетъ онъ у бука (Fagus sylvestris); у березы-же (Betula alba) цвѣтъ только свѣтложелтый; у другихъ породъ онъ то болѣе, то менѣе переливается въ красный, а на дикой вишнѣ листья окрашиваются въ довольно чистый, яркій карминово-красный цвѣтъ; всего мрачнѣе смотритъ дубъ, когда листва его еще на деревѣ побурѣла; наименѣе печально выглядываетъ ольха (Alnus glutinosa et alba), которая совсѣмъ не измѣняетъ зеленаго цвѣта.

Переходъ листьевъ въ осеннія цвѣта совершается обыкновенно равномѣрнымъ измѣненіемъ окраски по всей пластинкѣ листа, такъ что весь листъ всё болѣе желтѣетъ, или-же—послѣдовательнымъ по частямъ замѣщеніемъ зеленаго цвѣта; при этихъ измѣненіяхъ на листьяхъ нерѣдко являются красивые узоры, какъ напр. у березы и у остролистнаго клена, гдѣ ходъ измѣненій цвѣта обусловливается распредѣленіемъ главныхъ боковыхъ нервовъ. Наконецъ у ясеня, бука и орѣшника (Corylus avellana) всегда наблюдается, что измѣненіе въ цвѣтѣ идетъ съ основанія шатра къ его верхушкѣ, а у липы (Tilia), ивовыхъ (Salices) и тополей (Populus spec.), какъ разъ въ обратномъ направленіи.

Что касается причины самаго перехода листо-зелени (хлорофилла) въ постепенные оттѣнки отъ изжелта-сѣраго до ярко-краснаго, то онъ вызывается превращеніемъ листо-зелени въ желтое красящее вещество (пигментъ) и присутствіемъ особаго химическаго вещества (антоціана или антокіана, anthocyan—собственно цвѣточная синь). Это вещество образуется повсюду, гдѣ происходитъ движеніе соковъ; оно пока еще мало изслѣдовано: извѣстно только, что въ присутствіи свободныхъ органическихъ кислотъ въ клѣткахъ антоціанъ краснаго цвѣта, при щелочной реакціи клѣточнаго сока—синяго. Относительно его физіологическаго значенія пока только извѣстно, что антоціанъ укрываетъ отъ разрушающаго вліянія свѣта пластическій матеріалъ при его перекочевываніи изъ листьевъ въ стволъ.

Смотря по относительному содержанію разрушеннаго хлорофилла, т. е. желтаго пигмента, и краснаго или синяго антоціана, и получаются различные оттѣнки осенней окраски листвы.

Парижская всемірная выставка 1889. Англійскій Худож. отдѣлъ. Діана и Эндиміонъ. Картина Вотса.

Къ рисункамъ.

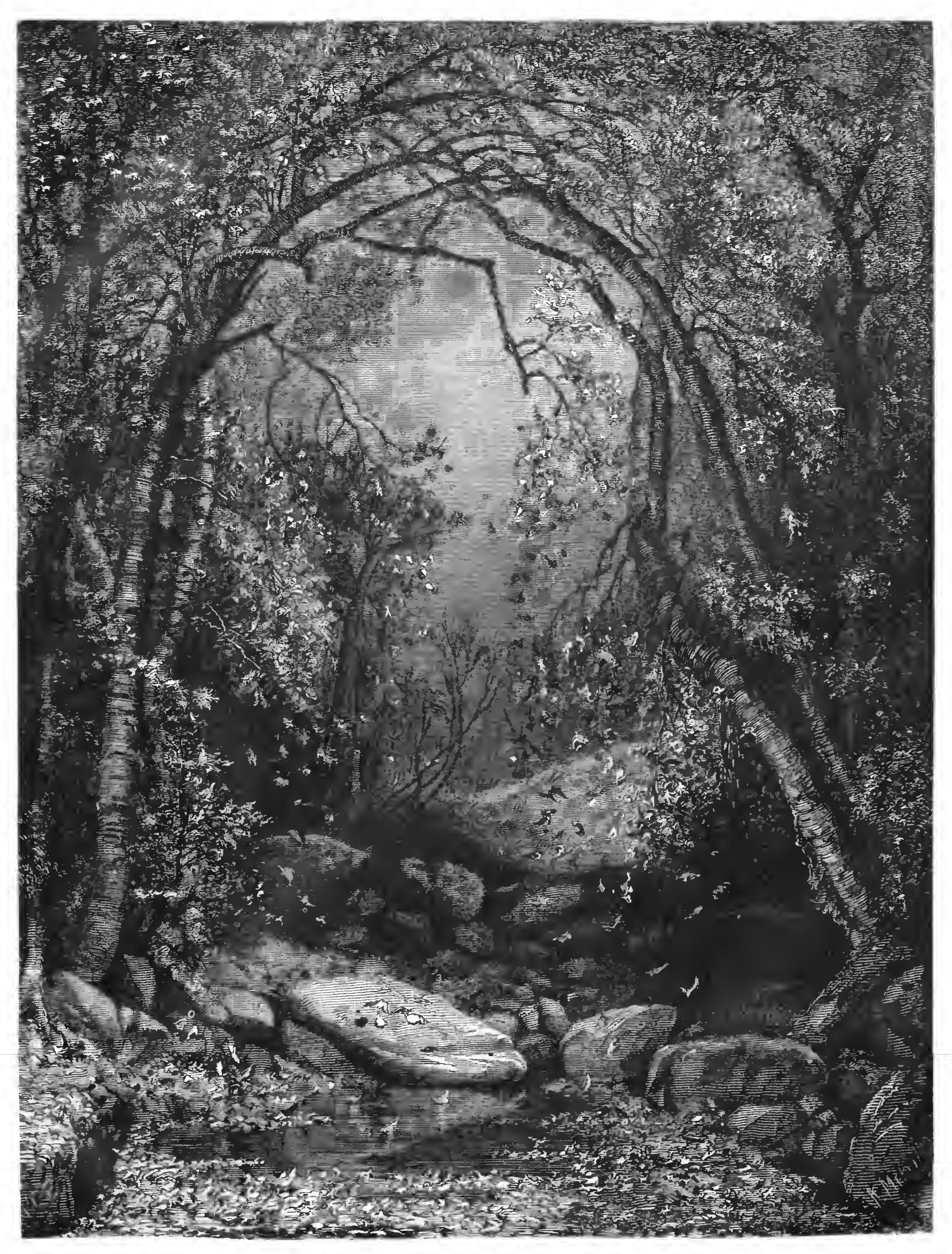
Болото. (Рис. на стр. 913).

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ;
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньѣ!...

(А. Н. Майковъ).

Богатый женихъ изъ купцовъ. (Рис. на стр. 916).

Въ небогатой, но когда-то зажиточной чиновничьей семьѣ пораспстроились дѣла. Старшую дочь, невѣсту давнымъ-давно на выданьѣ, вывозили года четыре подъ-рядъ, тратились, не щадили ничего, но налаживавшаяся было свадьба такъ и не состоялась, поглотивъ только бездну денегъ на туалеты. Надежда семейства, сынъ и продолжатель рода, внезапно проигралъ въ полку значительную сумму на честное слово — отцу пришлось войти въ долги, которые, благодаря ужасающимъ процентамъ, стали втягивать его какъ въ омутъ. Кредиторы насѣдаютъ со всѣхъ сторонъ — послѣ одной неотразимой атаки со стороны



Листопадъ. Рис. Моранъ, грав. Луисъ.

самаго назойливаго изъ заимодавцевъ, глава семейства, не видя ни откуда спасенія, сталъ ужъ было подумывать о временномъ позаимствованіи изъ ввѣренной его попечсніямъ казенной кассы,—какъ вдругъ, словно снѣгъ на голову, навертывается богатый женихъ — изъ купцовъ, недавно овдовѣвшій Андрей Титычъ Брусковъ. Онъ видѣлъ сосѣдку разъ въ церкви, другой разъ въ театрѣ, перемолвился словечкомъ явившись въ домъ подъ какимъ-то дѣловымъ предлогомъ, влюбился по обыкновенію „скоропалительно", и теперь готовъ „жизни рѣшиться" если не поставитъ на своемъ. Посѣдѣвшій до-бѣла Титъ Титычъ сталъ теперь гораздо сговорчивѣе и съ первыхъ словъ обѣщалъ будущему тестю сына заплатить всѣ его долги. Остается уломать невѣсту, чтобъ она принесла себя въ жертву всей семьѣ. И вотъ устроено что-то въ родѣ смотринъ. Женихъ расточаетъ предъ своимъ недоступнымъ „предметомъ" цвѣты рядскаго краснорѣчія; обѣ матушки, купчиха и чиновница, подаютъ за стуломъ насмурной красавицѣ какіе-то таинственные телеграфическіе знаки, вѣроятно убѣждая ее быть поласковѣй; а старички ведутъ нерѣшительную бесѣду въ ожиданіи благополучнаго результата.

Незваный гость. (Рис. на стр. 917).

Вѣрная жучка, только-что позавтракавъ со своими мальцами, собиралась предаться благодушному far-niente, какъ вдругъ откуда ни возьмись жадный гусенокъ, завѣдомо цѣлый день слоняющійся и всюду заглядывающій, отыскивая съѣстнаго въ жертву своей ненасытной утробѣ. Замѣтивъ чашку съ собачьимъ кормомъ и не особенно дружелюбно встрѣченный хозяевами, онъ мигомъ принялъ усвоенную въ гусиномъ кругу боевую позицію и съ сиплымъ свистомъ двинулся на приступъ... Маленькая Фиделька видимо сробѣла, но за то братья храбро вступились за фамильную честь и отстаиваютъ се самымъ визгливымъ лаемъ...

Парижская всемірная выставка. Художественный отдѣлъ. (Рис. на стр. 921, 924 и 928).

Въ громадномъ „Дворцѣ искусствъ", наружный видъ котораго былъ помѣщенъ въ № 24 нашего журнала за текущій годъ, собрана замѣчательная коллекція художественныхъ произведеній, не только французскихъ, но и иностранныхъ. Подобной выставки, содержащей въ себѣ картины, рисунки и изваянія за цѣлое минувшее столѣтіе, считая съ 1789 года, не было видано донынѣ. Кромѣ туземныхъ экспонентовъ, 27 иностранныхъ государствъ прислали произведенія своихъ живописцевъ и ваятелей. Прилагаемые въ нынѣшнемъ № *Нивы* снимки съ картинъ взяты нами изъ отдѣловъ австро-венгерскаго, русскаго и великобританскаго. Австро-венгерскій отдѣлъ заключаетъ 157 нумеровъ, изъ которыхъ 7 принадлежатъ кисти А. Гине. Кромѣ 2 портретовъ и 2 проектовъ декоративныхъ украшеній театровъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, имъ выставлены „Весна", „Поэзія" и „Музыка", съ которой гравюру читатели найдутъ на стр. 921. Картина Юлія Богдановича Феддерса, въ русскомъ отдѣлѣ, изображаетъ могилу самоубійцы за кладбищенскою оградой (стр. 924); ее хорошо помнятъ посѣтители весенней академической выставки прошлаго 1888 года. Картина „Эндиміонъ и Діана" принадлежитъ кисти англійскаго художника Вотса (рис. на стр. 928).

Джоржъ-Фредерикъ Вотсъ, извѣстный историческій живописецъ и портретистъ, родился въ 1818 г. въ Лондонѣ. 19-ти лѣтъ онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ картономъ: „Карнавалъ въ Римѣ". Позднѣйшія его работы еще болѣе прославили молодаго художника. Съ 1871 года членъ академіи въ Лондонѣ, онъ сталъ знаменитъ картинами, въ которыхъ замѣтно основательное изученіе старинныхъ венеціанцевъ. Изображенный на его картинѣ Эндиміонъ, сынъ Зевса и Калики, славился своею красотою и былъ возлюбленнымъ Діаны или Селены (луны). Когда онъ, утомленный охотою, засыпалъ на горѣ Латмѣ въ Каріи, она снисходила къ нему и цѣловала спящаго красавца. По просьбѣ Эндиміона, Зевсъ даровалъ ему вѣчный сонъ съ безсмертіемъ и неувядаемою юностью. Въ миѳѣ о любви Діаны и Эндиміона нѣкоторые видятъ изображеніе заходящей луны, погружающейся въ море.

Взяли волка. (Рис. на стр. 925).

Помѣщаемъ второй изъ пріобрѣтенной нами серіи рисунковъ псовой охоты г. Кившенка, изображающій тотъ моментъ, когда борзыя „взяли" волка. Какъ извѣстно, во время общей травли, волкъ принадлежитъ тому изъ охотниковъ, чья собака первая „одержала" его, т. е. схвативъ заставила остановиться на нѣсколько мгновеній и такимъ образомъ дала время подоспѣть остальнымъ собакамъ. Здѣсь-же дѣло вышло еще несомнѣннѣе: первая борзая впилась звѣрю въ горло такъ-называемою „мертвою хваткой".

Храмъ на мѣстѣ событія 17 октября 1888 года.

(Рис. на стр. 932).

21 августа 1889 года, на 277 верстѣ Азовской желѣзной дороги, мѣстѣ чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ, а вмѣстѣ и всей Россіи отъ величайшей опасности, торжественно освященъ храмъ во имя Нерукотвореннаго Спаса въ новоустроенномъ Спасовомъ Святогорскомъ скиту.

Новоосвященный храмъ производитъ наилучшее впечатлѣніе, какъ снаружи, такъ и внутри, отличаясь простотой и изяществомъ и дѣлая честь искусству составителя плана и фасада, архитектора Никитина. Храмъ сооруженъ весь изъ бревенчатаго лѣса въ древнерусскомъ стилѣ и вмѣщаетъ около 600 молящихся. Работами руководилъ архитекторъ Нѣмкинъ; работали московскіе плотники, также монастырскіе, числомъ до ста душъ, два мѣсяца. Весь лѣсной матеріалъ былъ доставленъ изъ Москвы. Иконостасъ рѣзной, изъ липоваго дерева, работы Жирнова; особенно удались царскія врата; образа работы Шокарева, тоже москвича. Азовская дорога приняла на себя ремонтъ храма и постройку шоссе отъ платформы до скита и пожертвовала на его благолѣпіе всю выручку съ пассажировъ за перевозку ихъ до Спасова скита. Рабочіе вагонныхъ мастерскихъ пожертвовали серебряные вызолоченные напрестольный крестъ и чашу. Въ Спасовомъ скиту теперь десять келій съ монахами и послушниками.

Торжество освященія удалось во всѣхъ отношеніяхъ. Былъ ясный, не жаркій день; на всей площади занятой скитомъ расположились прибывшіе на вокзалъ пѣшкомъ селяне изъ окрестныхъ уѣздовъ и горожане прибывавшіе весь день на особо снаряжаемыхъ поѣздахъ; за оградой установилась временная ярмарка. Число собравшагося народа превышало двадцать тысячъ.

Торжество освященія храма началось въ половинѣ десятаго часа утра. По прибытіи поѣзда съ высшимъ духовенствомъ, начальствующими и приглашенными лицами, освященіе, божественную литургію и молебствіе совершалъ архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Амвросій съ епископомъ Владикавказскимъ Петромъ, настоятелемъ Святогорскаго монастыря архимандритомъ Германомъ и городскимъ духовенствомъ, въ присутствіи оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и статсъ-секретаря А. Я. Гюббенета, управляющаго канцеляріей Св. Синода В. К. Саблера, начальника губерніи и др. лицъ.

Въ храмѣ помѣщалось свыше семисотъ молящихся; на хорахъ расположены были воспитанницы мѣстнаго женскаго епархіальнаго училища. Архимандритъ Германъ съ крестнымъ ходомъ отправился на мѣсто крушенія Царскаго поѣзда, на насыпь, гдѣ отслужилъ молебствіе.

По окончаніи богослуженія оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву были поднесены хлѣбъ соль и образъ Божіей Матери отъ Нововодолажскаго крестьянскаго общества, Валковскаго уѣзда.

Въ покояхъ ново-отстроеннаго монастырскаго зданія были сервированы чай и закуска. Трапеза была предложена приглашеннымъ на торжество лицамъ еще въ неготовомъ зданіи гостиницы; первый тостъ за здравіе Государя Императора провозгласилъ архіепископъ Амвросій; тостъ былъ встрѣченъ громогласнымъ *ура* всѣхъ присутствующихъ.

Въ роскошно убранномъ зеленью, флагами и цвѣтною матеріей павильонѣ желѣзнодорожной платформы оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ составилъ телеграмму о торжествѣ на имя Государя Императора. Чтеніе этой телеграммы вызвало горячій восторгъ и клики *ура* слушателей.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму Государь Императоръ соизволилъ прислать на имя оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода слѣдующую телеграмму:

„Сердечно благодарю васъ и г. Гюббенета за телеграмму. Счастливы, узнавъ, что церковь на мѣстѣ Нашего спасенія уже освящена. Благодаримъ всѣхъ отъ глубины сердца".

„АЛЕКСАНДРЪ".

Отправленная оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевымъ и министромъ Путей Сообщенія А. Я. Гюббенетомъ телеграмма на французскомъ языкѣ, была слѣдующаго содержанія:

„Несмѣтныя толпы народа молятся за Ваши Величества на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ спасъ Васъ для нашего счастья. Погода прекрасная, церковь освящена, торжество великолѣпное. Всѣ отъ архіепископа до послѣдняго крестьянина привѣтствуютъ Ваши Императорскія Величества отъ глубины любящихъ и преданныхъ Вамъ до смерти русскихъ сердецъ".

Политическое обозрѣніе.

Осень — время маневровъ и смотровъ войскъ. Повсюду происходятъ провѣрки успѣховъ сдѣланныхъ за лѣто вооруженными силами, чтобы убѣдиться насколько приготовлены державы къ войнѣ ради сохраненія мира. Въ Англіи окончились большіе морскіе маневры, доказавшіе, между прочимъ, что прибрежные многолюдные и богатые торговые города Великобританіи легко доступны внезапному нападенію и бомбардированію, а также, что въ громадномъ аглійскомъ флотѣ

не особенно много быстроходныхъ судовъ, причемъ и число офицеровъ на судахъ нерѣдко бываетъ недостаточнымъ.

Въ Германіи императоръ и императрица, вмѣстѣ съ королемъ и королевою Саксонскими, присутствовали 25 августа на смотру войскъ 12-го армейскаго корпуса въ Ошатнѣ, въ Саксоніи, а 29 августа императоръ Вильгельмъ прибылъ въ Минденъ, чтобы присутствовать на маневрахъ. Императоръ Францъ-Іосифъ былъ на маневрахъ въ Галичинѣ, Чехіи и Венгріи. Пребываніе въ первой изъ этихъ мѣстностей было омрачено печальнымъ случаемъ нападенія неизвѣстныхъ влоумышленниковъ на двухъ австрійскихъ офицеровъ, лейтенанта Шуберта и поручика Доната, которые и были изрублены ихъ-же собственными саблями. Одинъ изъ офицеровъ, Донатъ, умеръ, а другой — при смерти. Въ предположеніяхъ о причинахъ злодѣянія нѣтъ недостатка. Наряду съ предположеніями, что оно совершено съ цѣлію грабежа, высказываются, что убійство совершено не безъ политической цѣли. Такъ *Neue Freie Presse* сообщаетъ, что относительно нападенія на офицеровъ въ Ярославѣ существуютъ два предположенія. Говорятъ, что на мѣстѣ, гдѣ палъ лейтенантъ Шубертъ, найдено письмо, неизвѣстный авторъ котораго бранитъ Австрію и угрожаетъ прибѣгнуть къ насилію. Другіе полагаютъ, что поводомъ къ преступленію была месть, такъ какъ отношенія между офицерами и жителями всегда были очень натянуты.

Въ Чехіи Австрійскому императору представлялся новый намѣстникъ ея графъ Тунъ-Гогенштейнъ. По увольненіи барона Крауса, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отъ должности богемскаго намѣстника, на его мѣсто назначенъ, приказомъ 26 августа, графъ Тунъ, который при этомъ произведенъ въ тайные совѣтники. Графъ Тунъ принадлежитъ къ консервативной партіи крупныхъ землевладѣльцевъ и держался до сихъ поръ въ Чешскомъ сеймѣ партіи старочеховъ. Въ прошломъ году онъ обратилъ на себя вниманіе рѣчью, въ которой выразилъ желаніе, чтобы императоръ короновался короною Св. Вячеслава. Въ послѣдней сессіи делегацій графъ былъ докладчикомъ коммисіи по иностраннымъ дѣламъ. Назначеніе графа Туна, многіе полагаютъ, можетъ произвести благопріятное впечатлѣніе не только на чеховъ, или на старочеховъ, къ партіи которыхъ онъ принадлежитъ, но и на всѣхъ славянъ, подданныхъ Австрійскаго императора. Насколько вѣроятно послѣднее предположеніе—лучше всего видно изъ политической программы тѣхъ-же старо-чеховъ, которую изложилъ депутатъ Цуккеръ предъ собраніемъ избирателей Хотеборша: Чехи относятся холодно къ союзу Австріи съ Германіей, но они вынуждены его придерживаться, такъ какъ, по словамъ оратора, въ противномъ случаѣ открылась-бы возможность союза между Германіею и Россіею, при немедленномъ исключеніи изъ союза Италіи, что имѣло-бы угрожающія послѣдствія для Австріи и для Чешскаго народа.

Почти одновременно съ этимъ событіемъ, австрійскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ графъ Сечени и графъ Кальноки вошли съ представленіями къ императору Францу-Іосифу о возможныхъ послѣдствіяхъ внутренней политики, совершенно благопріятной для славянъ, которая не только должна задѣвать дружбу Германіи, но и будто бы побуждаетъ славянскій народъ, преданный своимъ національнымъ вождямъ, къ явному панславизму. При австро-русскомъ столкновеніи „избалованное“ славянство монархіи представитъ де еще бо́льшія опасности, какъ считающее себя угнетеннымъ народомъ. Австрійскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ обратилъ вниманіе императора на „заносчивость“ славянства и на притѣсненіе нѣмцевъ, а также и на вытекающія оттуда послѣдствія.

Интересныя стороны избирательной борьбы въ Венгріи открылись при судебномъ разбирательствѣ въ Пештѣ по дѣлу объ управляющемъ канцеляріею министерства торговли, Кокау, обвиняемомъ въ растратѣ государственныхъ суммъ. Кокау показалъ, что статсъ-секретарь неоднократно приказывалъ ему выдавать чиновникамъ ссуды изъ государственной казны и что даже министръ Сечени получилъ изъ этой кассы 10,000 гульденовъ на расходы по избирательной агитаціи въ свою пользу. Разоблаченія эти произвели сильное впечатлѣніе; по поводу ихъ будетъ произведено судебное слѣдствіе.

Но еще лучше средства избираютъ для той же цѣли во Франціи. *Temps* сообщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Констанъ, пригласилъ префектовъ не принимать отъ Буланже, Рошфора и Дильона никакихъ заявленій о выступленіи ихъ кандидатами на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ, такъ какъ лица эти формально лишены гражданскихъ правъ и поэтому не могутъ подходить подъ требованія закона о многократныхъ кандидатурахъ. Впрочемъ, это распоряженіе было вскорѣ отмѣнено, такъ какъ министромъ юстиціи Тавенэ было указано, что судьею въ правильности избранія можетъ быть только палата, въ которую депутатомъ избрано лицо не имѣющее избирательныхъ правъ. Самъ генералъ Буланже въ письмѣ къ министру-президенту Тирару изъявляетъ готовность явиться предъ „законнымъ“ судомъ, по дѣлу о растратѣ казенныхъ денегъ. Такимъ компетентнымъ судомъ онъ считаетъ военный судъ или апелляціонную палату, а не верховный судъ. Въ заключеніе письма Буланже присовокупляетъ, что отказъ Тирара онъ истолкуетъ въ томъ смыслѣ, что французскія высшія сферы боятся безпристрастія военнаго суда и тогда онъ предоставитъ дѣло верховному рѣшенію, которое будетъ объявлено 10 (22) сентября на парламентскихъ выборахъ. Отвѣта отъ министра-президента до сихъ поръ не послѣдовало. Насколько это можетъ отозваться неблагопріятно—покажутъ теперь уже близкіе выборы въ палату.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Состояніе здоровья Е. И. В. В. К. Маріи Павловны настолько хорошо, что бюллетени прекращены съ 27 августа.

Правительственныя распоряженія.

— Обнародовано положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (Высочайше утверждено 9 іюля 1889 года).

— Судъ въ Дерптскомъ университетѣ и должность синдика упразднены, съ передачею лежащихъ на нихъ обязанностей по судебной, нотаріальной, опекунской и полицейской частямъ, по принадлежности, общимъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ.

— Входящія въ составъ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленій общія присутствія, а также временныя отдѣленія уѣздныхъ полицейскихъ управленій повелѣно упразднить, оставивъ лицъ, занимающихъ должности непремѣнныхъ и сельскихъ засѣдателей изъ дворянъ и чиновниковъ за штатомъ, на общемъ основаніи.

— Государственный банкъ будетъ взимать въ С.-Петербургѣ, впредь до измѣненія, по учету векселей на сроки 6 мѣсяцевъ — 6% и на сроки свыше 6-ти, но не болѣе 9-ти мѣсяцевъ — 6½% годовыхъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— На крымскихъ соляныхъ промыслахъ уже приступлено къ выволочкѣ соли, чему вполнѣ благопріятствуетъ хорошая погода. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, будетъ собрано въ нынѣшнемъ году на всѣхъ крымскихъ промыслахъ свыше 10 милл. пудовъ соли.

— Въ Ярославлѣ, 27 августа, мѣстнымъ отдѣломъ Имп. общества садоводства открыта выставка огородничества и плодоводства.

Искусства изобразительныя.

— Въ Самарѣ, 30 августа, въ присутствіи властей и множества народа, торжественно открытъ памятникъ Императору Александру Второму, сооруженный на средства города и пожертвованія, по проекту академика Шервуда.

— 16 августа, состоялось въ Пятигорскѣ открытіе памятника Лермонтову, по программѣ, заранѣе объявленной для общаго свѣдѣнія. По прибытіи процессіи къ памятнику, хоръ музыки Тенгинскаго полка исполнилъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Когда покрывало съ памятника упало, воспитанники пятигорскихъ учебныхъ заведеній запѣли народный гимнъ: „Боже, Царя храни“. Затѣмъ представителями различныхъ учрежденій и обществъ были произнесены рѣчи и возложены вѣнки.

Музыка.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе международнаго музыкальнаго конкурса на преміи изъ процентовъ пожертвованнаго директоромъ Спб. консерваторіи Имп. русскаго музыкальнаго общества, д. ст. сов. Рубинштейномъ капитала, въ двадцать пять тысячъ рублей, и на присвоеніе этимъ преміямъ наименованія жертвователя.

Пути сообщенія.

— Товарищество Стороженко открыло товаро-пассажирское пароходное сообщеніе между Геническомъ, Бердянскомъ, Ростовомъ, Таганрогомъ и Маріуполемъ.

Изъ губерній и областей.

— 24 августа, въ Верхнихъ Торговыхъ Рядахъ, въ Москвѣ, производились своднымъ саперно-кавалерійскимъ эскадрономъ 1-й кавалерійской дивизіи опыты взрывовъ частей зданія пироксилиновыми патронами.

— 28 августа произошло крушеніе пассажирскаго поѣзда юго-западной желѣзной дороги между станціями Одесса-Портъ и Куяльницкимъ лиманомъ. Паровозъ, сойдя съ рельсовъ, зарылся въ песчаномъ грунтѣ выше колесъ; разбиты два переднихъ вагона; пассажиры отдѣлались незначительными ушибами, ранены тяжело одинъ и легко четыре кондуктора.

— Въ Митавѣ, 30 августа. Мѣстное латышское населеніе, при участіи 30 пѣвческихъ хоровъ и депутацій всѣхъ курляндскихъ и латышскихъ обществъ, торжественно праздновало 72-ю годовщину освобожденія курляндскихъ латышей отъ крѣпостной зависимости.

— Въ Эчміадзинъ, 31 августа, прибылъ Персидскій Шахъ. У воротъ монастыря его привѣтствовало высшее духовенство. Подъ роскошнымъ балдахиномъ и предшествуемый архіепископами, Шахъ направился по красному сукну, покрытому дорогою парчею и цвѣтами, въ соборъ, гдѣ его привѣтствовалъ католикосъ Макарій. Въ честь Шаха въ патріаршемъ домѣ былъ сервированъ завтракъ. При произнесеніи тостовъ не было рѣчей. До завтрака Шахъ и патріархъ имѣли совѣщаніе. Послѣ завтрака Шахъ отбылъ изъ Эчміадзина. Патріархъ провожалъ его до воротъ монастыря.

— 28 августа, въ 8 ч. утра, въ Ташкентѣ ощущался подземный ударъ съ продолжительнымъ гуломъ.

— Въ Нерчинскѣ, 27 августа, въ день двухсотлѣтія Нерчинскаго трактата Россіи съ Китаемъ, подписаннаго въ шатрѣ на лугу при сліяніи Нерчи съ Шилкою, и переименованія тогда острога въ городъ, отслужена въ старогородской церкви литургія и панихида по почившимъ дѣятелямъ, а на церковномъ лугу—молебенъ. Въ память двухсотлѣтія открыта подписка на учебныя стипендіи. На берегу Нерчи, близъ мѣста подписанія трактата, былъ завтракъ.

— Согласно протоколу осмотра, произведеннаго 28 и 29 августа въ городѣ Бухарѣ и его окрестностяхъ, оказалось, что господствующая болѣзнь—болотная лихорадка (малярія) въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, усилившаяся отъ крайне неблагопріятныхъ мѣстныхъ гигіеническихъ условій, а равно отсутствія правильнаго лѣченія. Общая цифра смертности въ трехмѣсячный періодъ не превышаетъ 7,000 случаевъ. Теперь въ городѣ Бухарѣ смертность почти нормальна. Среди европейцевъ не было ни одного смертнаго случая.

Смѣсь.

Отто Кирхнеръ въ СПБ. (Малая Морская, № 141) издалъ на русскомъ языкѣ альбомы для собиранія почтовыхъ марокъ (въ двухъ форматахъ: in-quarto цѣною 1 р. 50 к., in-8 цѣною 60 к.), которые при дешевизнѣ и изяществѣ изданія несомнѣнно найдутъ обширное распространеніе среди любителей этого рода коллекцій. Каждый отдѣлъ (по странамъ) украшенъ портретомъ царствующаго въ странѣ государя и изображеніями всѣхъ употребительныхъ въ ней марокъ.

Новый способъ добыванія алюминія. Открытый Велеромъ уже въ 1817 году, алюминій лишь съ 1854 года пріобрѣлъ техническое значеніе, когда французскій химикъ Сенъ-Клеръ Девилль на средства Наполеона III нашелъ болѣе дешевый способъ полученія этого бѣлаго, нѣсколько болѣе сѣраго чѣмъ серебро, металла. Особенно важною оказывается его чистота отъ примѣсей (особенно отсутствіе желѣза и кремнія), такъ какъ ими значительно обусловливаются свойства, какъ самаго металла, такъ и его сплавовъ (съ мѣдью получается такъ-назыв. алюминіевая бронза, похожая на золото): преимущественно цвѣтъ, устойчивость противъ атмосферныхъ вліяній и въ значительной степени также гибкость и вязкость, которыми отличается металлъ. Для техники требуется обыкновенно чистота въ 98 до 99 процентовъ. Но такъ какъ оказывается невозможно вторичнымъ очищеніемъ удалить послѣднюю примѣсь изъ разъ полученнаго алюминія, то издавна старались его добывать изъ возможно чистыхъ уже химическихъ соединеній. Послѣднее мало удавалось, ибо съ одной стороны наиболѣе употребительный для сего минералъ, кріолитъ (соединеніе фтористаго алюминія съ фтористымъ натріемъ $AlNa^3F^6$) содержитъ болѣе или менѣе желѣзо и кремній, а съ другой—при плавленіи кріолита при температурахъ бѣлаго каленія сильно разрушаются пламенныя печи и плавильники. Наконецъ, продажа кріолита, который исключительно вывозится изъ Гренландіи (хотя найденъ и у насъ на Уралѣ), сдѣлалась монополіею, почему и до сихъ поръ цѣна чистаго алюминія высока (первоначально килограммъ обходился до 1000 франковъ, а въ настоящее время все еще около 40 фр.). При только что патентованномъ способѣ Л. Грабау въ Ганноверѣ получается алюминій не только гораздо болѣе дешевый, но и болѣе чистый (содержаніе примѣсей не болѣе 0,6 процента). Вмѣсто кріолита употребляется фтористый алюминій, который легко получается довольно чистымъ и дешево раствореніемъ глинозема (безводной окиси алюминія) въ плавиковой кислотѣ и послѣдующимъ накаливаніемъ этого раствора. Получаемый при этомъ фтористый алюминій въ красно-калильномъ состояніи насыпается на расплавленный натрій. Вслѣдствіе этого получается весьма сильная реакція—сильное вскипаніе и накаливаніе до бѣло-калильнаго жара, причемъ натрій, образуя искусственный кріолитъ, вытѣсняетъ часть алюминія изъ его соединенія, а выдѣленный алюминій осаждается на днѣ плавильнаго горшка въ видѣ красиваго металлическаго королька. Потеря натрія незначительна, ибо послѣдній весьма скоро покрывается слоемъ фтористаго алюминія, который и препятствуетъ дальнѣйшему вліянію воздуха, между тѣмъ какъ при другихъ способахъ натрій плаваетъ поверхъ, а поэтому и сильно разлагается. Остроумнымъ приспособленіемъ плавильный горшокъ покрытъ внутри охлажденнымъ слоемъ искусственно приготовленнаго чистаго кріолита, благодаря чему осаждающійся алюминій не можетъ грязниться. Получающійся чистый кріолитъ снова употребляется для полученія фтористаго алюминія. Изъ другихъ матеріаловъ, кромѣ натрія, разрабатываются еще лишь квасцы (сѣрнокислый алюминій) и плавиковый шпатъ; изъ нихъ первые для приготовленія безводной окиси алюминія, а второй—для добыванія плавиковой кислоты. Очевидно, что дешевизна полученія алюминія при способѣ Грабау преимущественно обусловли-

Храмъ во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго образа, въ Спасовомъ Святогорскомъ скиту.
Грав. Флюгель.

вается цѣною натрія (для полученія килограмма алюминія расходуется около 3 килогр. натрія). Семилѣтняя неутомимая работа Грабау и въ этомъ отношеніи увѣнчалась успѣхомъ и уже теперь на заводѣ Nienburg добывается натрій изъ поваренной соли по его способу. Такимъ образомъ и этотъ матеріалъ упадетъ въ цѣнѣ (пока продажная цѣна килограмма натрія около 12 франк., вслѣдствіе его приготовленія изъ болѣе дорогой соды или ѣдкаго натра накаливаніемъ съ углемъ). Слѣдуетъ еще упомянуть, что получаемый этимъ способомъ металлическій королекъ алюминія покрытъ пока неизвѣстными кристаллами, и далѣе, что при продолжительномъ кипяченіи его въ перегнанной водѣ блестящій цвѣтъ нисколько не ослабляется, между тѣмъ какъ всѣ другіе продажные сорта при этомъ болѣе или менѣе тускнѣютъ. (N.)

Бакинскіе нефтяные ключи. Количество нефти непрестанно уменьшается. Цѣна керосина въ Батумѣ недавно возвысилась на 25 процентовъ, а нефти даже на 100. Требованіе нефти какъ на нашихъ, такъ и на заграничныхъ рынкахъ въ текущемъ году простирается до 3.225,800 t., между тѣмъ какъ наивысшее количество добываемой въ Баку сырой нефти не превышаетъ 1.612,900 t. Пока мало и съ небольшимъ успѣхомъ заботились о буреніи новыхъ нефтяныхъ ключей, такъ что при настоящемъ положеніи дѣла не только Баку можетъ потерять свое значеніе, но также въ значительной степени и Каспійское море и городъ Одесса. По слухамъ, правительство намѣрено, для уменьшенія вывоза, наложить пошлину на вывозимую нефть, которая до сихъ поръ была безпошлинна. Скорое осуществленіе этого слуха было бы весьма желательно, ибо утверждаютъ, что нѣкоторыя нефтяныя паровыя баржи грузили нефть для отправки черезъ Атлантическій океанъ. (N.)

Электрическая почта. Electro Automatic Transit Company въ Балтиморѣ намѣревается воспользоваться проектомъ Вимза для отправленія какъ почты, такъ и легко подверженныхъ порчѣ веществъ электрическимъ способомъ. Полотно дороги состоитъ изъ двухъ другъ надъ другомъ лежащихъ рельсовъ: на нижнемъ катятся колеса вагона; точно такъ же, во избѣжаніе схожденія съ рельсовъ, и за верхніе рельсы забираютъ колеса, снабженныя по краямъ двумя возвышенными полосками. Вагоны, длиною въ 6 метр. и 60 сант. въ поперечникѣ, имѣютъ видъ обоюдо-заостренной сигары съ узкими отверстіями исключительно на мѣстахъ колесъ. При соединеніи вагоновъ, задній конецъ одного вагона отвинчивается и второй вдвигаютъ въ первый такъ, чтобы вѣтеръ нигдѣ не могъ спираться. Остроумнымъ приспособленіемъ, завѣдывающій движеніемъ чиновникъ, глядя на лежащую передъ собою доску, въ которой отражается движеніе пущенныхъ поѣздовъ, не только имѣетъ возможность слѣдить за ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ и во всякое время можетъ уменьшить или ускорить движущую силу, смотря по тому, поднимается или спускается мѣстность. Пробная ѣзда на 3200 метр. (наибольшее пробное разстояніе для поѣздовъ Вимза) давала при крутыхъ поворотахъ и постепенномъ подъемѣ, быстроту въ 3200 метровъ въ минуту, а на ровныхъ пространствахъ—4800 метр., между тѣмъ какъ паровые скорые поѣзда самое большее проходятъ 1600 метр. Такимъ образомъ электрическій поѣздъ Вимза отъ Нью-Йорка до Санъ-Франсиско потребуетъ меньше сутокъ. (N.)

Высокое положеніе уха человѣка относительно глазъ у нѣкоторыхъ темнокожихъ племенъ, подобно какъ у обезьянъ, не можетъ служить доказательствомъ происхожденія человѣка отъ послѣднихъ. На послѣднемъ антропологическомъ съѣздѣ въ Вѣнѣ проф. Ранке изъ Мюнхена, докладывая по этому вопросу, указалъ на существенныя различія въ положеніи отверстія уха относительно глазъ у человѣка и обезьянъ. Онъ принимаетъ высокое положеніе уха у человѣка за случай переобразованія (Ueberbildung), какъ бы переступленіе границы развитія, указывая на то, что у дѣтей всегда ухо находится ниже чѣмъ у взрослыхъ. Уже раньше, изслѣдуя также ходъ развитія до и послѣ рожденія человѣка, Ранке доказалъ, что и глазъ монголовъ не указываетъ на питекоидныя (напоминающія обезьяну) свойства мало развитыхъ человѣческихъ племенъ. (N)

Новѣйшій способъ погребенія умершихъ. Сжиганіе умершихъ еще не успѣло привиться, какъ уже приступили къ новому способу—вмѣсто кремаціи (cremation) одно общество въ Нью-Йоркѣ предлагаетъ высушиваніе, десиккацію (desiccation) труповъ. Существеннымъ условіемъ разложенія является влажность; поэтому если быстро удалить изъ трупа водныя составныя части, то послѣдній сохраняется.

Это общество намѣревается выстроить сушильные подмостки въ наземныхъ помѣщеніяхъ, герметически закупориваемыхъ при посредствѣ толстостѣнной стеклянной двери. Въ каждое такое помѣщеніе ведутъ двѣ трубы: одна изъ нихъ приводитъ безпрестанный токъ сухаго теплаго воздуха, а другая—газоотводная. Какъ только гробъ поставленъ, начинаютъ черезъ первую трубу впускать сухой воздухъ изъ печи помѣщенной въ подвалахъ зданія, вслѣдствіе чего сразу перемѣняется воздухъ въ гробу и уносятся выдѣляющіеся изъ трупа газы и жидкости, которые газоотводною трубою втягиваются въ топку, гдѣ большею частью сгораютъ, а затѣмъ уже въ безвахучемъ и безвредномъ для здоровія состояніи черезъ длинную дымовую трубу отводятся въ воздухъ. Зданіе предполагаютъ выстроить изъ конкретума, смѣси изъ лучшаго портландскаго цемента, песку и измельченныхъ камней, такъ сказать изъ одного куска, безъ кладки и швовъ; снаружи и внутри для украшенія зданіе будетъ обшито гранитными плитами, которыя легко закрѣпить въ еще не затвердѣвшей массѣ конкретума. Крышу наконецъ выстроятъ изъ толстаго стекла. Такимъ образомъ этому зданію по прочности значительно уступитъ даже пирамида Хеопса и въ своемъ родѣ оно будетъ несокрушимо. При этомъ способѣ устранятся также и опасность мнимой смерти, такъ какъ сухой воздухъ обязательно разбудитъ мнимо мертваго и дастъ ему возможность привести въ дѣйствіе электрическій снарядъ, который ставится временно въ помѣщеніе, пока высушиваніе трупа не прекратилось. Къ тому же, стеклянная дверь позволяетъ примѣтить малѣйшее движеніе лежащаго въ гробу тѣла. Не указывая на другія преимущества этого способа погребенія, упомянемъ еще, что при всемъ этомъ плата за мѣсто будетъ значительно дешевле чѣмъ на нашихъ кладбищахъ. (N.)

Видимость тѣни земли внѣ мѣсяца. Объ этомъ феноменѣ, къ которому были приготовлены болѣе ранними наблюденіями д-ра Клейна, сообщаетъ въ Astronom. Nachricht астрономъ Порро изъ Турина. Чтобы избѣжать по возможности неблагопріятнаго вмѣшательства воздуха, онъ избралъ высоту надъ моремъ въ 2070 метр. вблизи Colle de Sestrières и наблюдалъ частное лунное затменіе 12 іюля черезъ телескопъ Доллонда, діаметромъ въ 10 мм., съ увеличеніемъ въ 56 разъ, и два другія безпристрастныя лица съ легкостью видѣли, что небесное пространство внутри тѣни земли было темнѣе чѣмъ снаружи. Притомъ это явленіе возможно было прослѣдить на довольно далекомъ разстояніи отъ мѣсяца во все время затменія; къ концу же послѣдняго, когда тѣнь земли только касалась мѣсяца, и еще позже — ничего не удавалось больше наблюдать. Сомнительнымъ поэтому дѣлается снова объясненіе этого феномена чѣмъ-нибудь отражающимъ свѣтъ вблизи мѣсяца. Въ Прагѣ и Кіевѣ, гдѣ условія наблюденія были гораздо менѣе благопріятны, не удалось подмѣтить тѣни внѣ мѣсяца. (N.)

Сто двадцать километровъ (112 верстъ) въ часъ. На Парижско-Средиземной желѣзной дорогѣ, на части полотна, соотвѣтственно укрѣпленной и усиленной, удалось со скорыми (курьерскими) паровозами проѣхать въ часъ до 112 верстъ, причемъ ходъ вагоновъ также былъ весьма спокойный. При введеніи паровоза A. Beothy достигаемъ вѣроятно еще большія скорости. Большая скорость въ существенномъ обусловливается у паровоза большими колесами. Пока не рѣшились послѣдними дать въ поперечникѣ болѣе 2,10 м., чтобы не уменьшить стойкость (Stabilität) машины вслѣдствіе черезчуръ слишкомъ высокаго положенія ея центра тяжести. Beothy, снабжая свой паровозъ двумя другъ надъ другомъ лежащими котлами, между которыми помѣщаются оси колесъ, могъ увеличить ихъ поперечникъ до трехъ метровъ ($4^1/_2$ арш.). Для преодолѣнія напора воздуха, его паровозъ почти до самыхъ рельсовъ одѣтъ спереди заостренною стальною обшивкой. Машинистъ стоитъ впереди и черезъ врѣзанное въ обшивкѣ окошко можетъ наблюдать за полотномъ, а кочегары съ нимъ сообщаются ходомъ между котломъ и означеннымъ щитомъ. (N.)

Переселеніе муравьевъ. Любопытное явленіе наблюдалось въ началѣ лѣта нынѣшняго года въ Нерубаевскомъ лѣсу, въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Огромное полчище муравьевъ прослѣдовало черезъ лѣсъ, въ направленіи съ юга (отъ границы Херсонской губ.) на сѣверъ. Двигались муравьи въ образцовомъ порядкѣ, ровною лентой, шириною въ полъ-аршина, а длиною въ 53 аршина, что по приблизительному исчисленію составляетъ полчище въ 600,000 недѣлимыхъ. Армія шла безостановочно и равномѣрно, черезъ кочки и другія препятствія, со скоростію двѣнадцати вершковъ въ минуту, неуклонно держась принятаго направленія. Передніе ряды этого полчища шли безъ груза, муравьи-же заднихъ рядовъ, почти поголовно, тащили муравьиныя яички, зерна, маленькія соломинки и прочую обстановку муравейниковъ. По уходѣ этой странной арміи пробовали раскапывать нѣсколько муравейниковъ въ лѣсу: они оказались пустыми. Подобныя полчища муравьевъ прослѣдовали и черезъ смежные лѣса; они двигались въ томъ-же направленіи: съ юга на сѣверъ. Мѣстные старожилы не запомнятъ подобнаго энтомологическаго явленія. (в.)

Сохраненіе свѣжей рыбы. Теперь разгаръ уженья рыбы. Зачастую счастливые удильщики, возвратясь съ рыбной ловли съ трофеями, опасаются какъ бы рыба не испортилась отъ жары. Вотъ недорогой способъ ея сохраненія. Вскрыть брюшную полость рыбы, сдѣлавъ разрѣзъ вдоль всего брюха до нижней челюсти, вынуть жабры и всѣ внутренности, обтереть всю полость на-сухо, такъ чтобы не оставалось и слѣда крови или влаги, затѣмъ обложить полость пропускной бумагой, заранѣе пропитанной салициловой кислотою и высушенной, и завернуть каждую рыбу отдѣльно въ сухую ветошку. Другой способъ сохраненія рыбы, лѣтомъ, на продолжительное время, напримѣръ, на цѣлую недѣлю, состоитъ въ слѣдующемъ. На дно деревяннаго ящика насыпаютъ хорошо измельченный древесный уголь, слоемъ въ 5—6 сантиметровъ; затѣмъ на уголь кладутъ слой мелко изрубленнаго льда, на который кладутъ рыбу. Ее, кромѣ того, обкладываютъ тоже измельченнымъ льдомъ, а ледъ хорошенько покрываютъ плотною и грубою матеріей, на которую, наконецъ, насыпаютъ слой мелко истолченнаго древеснаго угля. (в.)

Врачебное содѣйствіе. До сихъ поръ никому и въ голову не приходило, что миссія врачей имѣетъ своей цѣлью также и „содѣйствіе въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ“. Но теперь имѣется на это оправдательный документъ. Староста одного села въ Сибири, желая блеснуть слогомъ, настрочилъ слѣдующую бумагу: „Его благородію, господину земскому доктору. Покорнѣйше прошу пріѣхать въ село Старо-Никольское для содѣйствія въ нанесеніи побоевъ крестьянину Александру Бурсакову“. (б.)

2-й заемъ 1866 года. 47-й тиражъ 1-го сентября 1889 года.

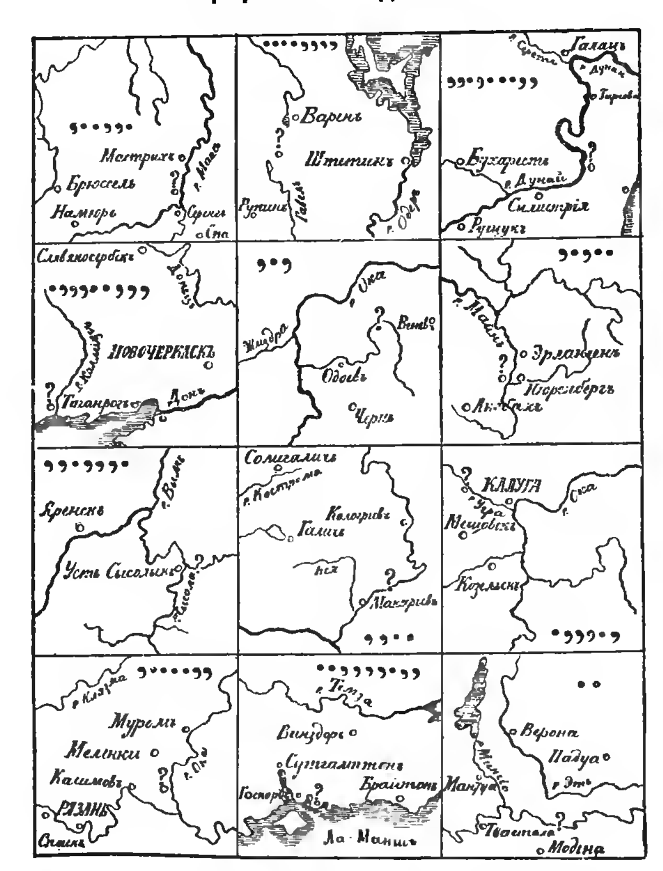
ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
83	45	500	2152	25	500	4788	42	500	7285	37	500	9961	49	500	12761	28	1000	14843	8	500	17436	27	500
91	38	500	2219	3	1000	4794	16	1000	7415	5	500	10051	18	500	12788	19	500	15025	29	500	17445	27	500
155	5	500	2219	27	500	4797	30	500	7505	7	500	10072	38	500	12865	49	8000	15067	23	500	17460	3	500
159	50	500	2812	22	500	4911	3	1000	7640	13	500	10136	31	500	12922	15	500	15069	43	500	17467	34	500
315	14	500	2326	11	500	5016	12	500	7674	6	500	10234	1	500	12977	14	500	15347	28	500	17502	47	500
322	45	500	2327	22	500	5110	16	500	7744	9	1000	10251	38	500	12986	8	500	15362	49	500	17509	26	500
326	41	8000	2340	48	1000	5124	38	500	7747	23	500	10371	37	500	13102	50	500	15389	4	500	17635	3	500
330	40	500	2363	18	500	5313	32	500	7749	14	5000	10414	15	500	13215	37	500	15398	47	500	17650	1	500
335	11	500	2394	28	500	5373	48	500	7798	45	500	10557	8	1000	13239	11	500	15433	1	500	17658	30	500
352	38	500	2438	12	500	5443	45	500	7859	15	500	10746	21	500	13246	49	500	15164	15	5000	17687	36	500
365	31	500	2529	49	1000	5488	25	1000	7873	40	500	10757	49	500	13307	20	500	15559	3	500	17833	42	500
365	41	500	2538	34	500	5518	41	500	7891	7	500	10803	6	200000	13338	40	500	15659	23	500	17873	23	500
399	38	500	2544	13	500	5663	13	500	7968	12	500	10841	42	500	13361	46	500	15734	42	500	17885	37	500
447	24	500	2617	6	1000	5774	17	500	8046	45	500	10948	32	500	13371	12	500	15884	10	500	17901	25	500
545	40	500	2638	26	500	5948	13	500	8154	14	500	10974	50	1000	13382	49	500	15930	13	500	17914	26	500
574	26	500	2732	21	500	5952	16	500	8422	5	500	11057	10	500	13521	2	500	16008	42	500	17924	37	5000
632	14	500	2803	33	500	5960	4	500	8658	44	500	11075	17	500	13541	20	500	16013	47	500	17997	20	500
712	17	500	2900	49	500	6104	50	500	8679	42	500	11334	32	500	13561	30	500	16108	27	5000	18094	22	500
732	45	500	2929	14	500	6114	46	75000	8710	15	500	11457	22	500	13593	20	8000	16116	29	1000	18129	38	10000
762	35	500	2964	37	500	6117	43	500	8761	49	500	11458	23	500	13626	20	500	16200	49	500	18151	23	500
768	8	500	2980	2	500	6309	26	500	8764	39	500	11466	22	500	13669	34	500	16267	25	500	18168	19	500
824	40	500	3013	35	8000	6325	20	5000	8806	7	500	11523	38	500	13702	38	1000	16340	12	500	18277	43	500
922	19	500	3067	4	500	6331	3	500	8811	33	500	11580	49	500	13733	4	500	16382	8	500	18385	41	500
954	38	500	3213	47	500	6334	29	500	8847	15	500	11644	41	500	13871	35	500	16438	18	500	18387	33	500
1039	9	500	3257	1	500	6429	41	500	8914	11	500	11651	6	1000	13890	44	500	16456	9	500	18711	13	500
1355	33	1000	3418	22	500	6474	31	500	8950	49	500	11818	37	10000	14004	33	500	16488	41	40000	18771	26	500
1366	23	500	3421	34	500	6700	33	500	9159	13	500	11985	37	500	14067	41	500	16511	40	500	18833	37	500
1559	39	500	3449	20	500	6707	1	500	9200	29	500	12082	21	500	14248	14	500	16541	34	500	18938	31	500
1573	19	500	3618	27	500	6847	2	500	9216	35	500	12135	13	1000	14308	5	1000	16709	27	1000	19155	9	8000
1586	8	500	3676	38	500	6869	15	500	9380	1	1000	12154	36	500	14374	1	500	16768	13	1000	19247	6	500
1597	16	500	4079	34	500	6972	29	500	9430	47	500	12181	18	500	14551	32	500	16773	25	500	19368	6	5000
1747	15	500	4160	17	500	7010	30	500	9509	49	500	12226	38	500	14606	3	500	16945	6	500	19619	45	500
1850	10	500	4167	24	500	7042	24	500	9520	4	500	12284	44	500	14693	20	500	17003	1	5000	19624	9	500
1940	27	500	4292	24	500	7062	8	500	9522	32	500	12363	34	500	14714	29	500	17052	23	500	19629	38	500
1940	40	500	4341	42	25000	7083	19	500	9762	43	500	12364	20	500	14719	36	500	17185	43	500	19782	41	500
1983	49	500	4513	12	500	7115	18	500	9850	8	500	12629	25	500	14746	21	500	17410	1	500	19926	26	500
2006	34	500	4613	7	500	7136	41	500	9850	41	500	12687	49	500	14759	23	500	17433	15	5000	20000	26	500
2026	30	10000	4656	36	500	7162	23	500	9874	45	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

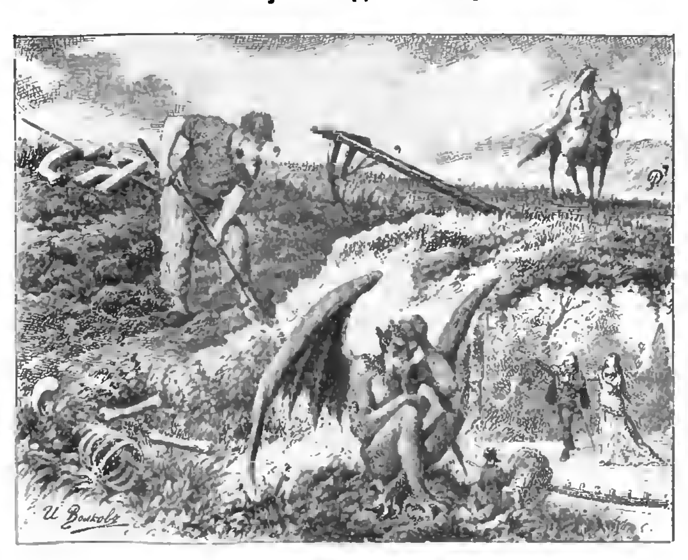
221, 521, 871, 1023, 1100, 1130, 1271, 1278, 1338, 1418, 1875, 2272, 2380, 2434, 2700, 2852, 2888, 2892, 2966, 3150, 3210, 3638, 3620, 3848, 3854, 4107, 4781, 5582, 5715, 6206, 6288, 6363, 6433, 6589, 7018, 7029, 7248, 7668, 7869, 7962, 8231, 8387, 8713, 9005, 9438, 9523, 9723, 9893, 10113, 10206, 10458, 10675, 10696, 11506, 11512, 12063, 12252, 12297, 12674, 12978, 13021, 13093, 13184, 13517, 13575, 13597, 13671, 13907, 15417, 15944, 16145, 16221, 16223, 16309, 16328, 16734, 17387, 17412, 17876, 17970, 18054, 18231, 18264, 18319, 18699, 18889, 18953, 19307, 19308, 19337.

Географическая задача № 58.



Найти по атласу городъ или рѣку не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ запятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

Ребусъ. Задача № 59.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

($14^3/_4$ вершк. вышины и **полтора аршина** ширины).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы и въ этомъ году заготовили рамы **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый только изъ золоченаго багета, а второй и третій—изъ **золоченаго** и **чернаго** полированнаго. Размѣръ и цѣны рамъ, **со вставленными въ нихъ картинами** (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго **золоченаго** багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. $1^3/_8$ вершк.) по **3 руб.**, съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ** по **4 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же **золоченаго** или **чернаго**, но болѣе красиваго и широкаго, багета (шир. въ діам. 2 вершка) **по 4 руб.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ по 5 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. $2^8/_{10}$ вершк.): золоченыя **6 р.**, и черныя **5 р. 50 к.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р.** (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, **по полученіи слѣдуемыхъ за нихъ денегъ**, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Такъ какъ при выдачѣ преміи (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премію въ рамѣ, НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору **свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года**, а гг. иногороднихъ просимъ высылать печатные адреса подъ которыми получается ими „Нива“.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить **премію въ рамѣ также теперь**, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: **№ 1**—по **4 руб.**, **№ 2**—золоченыя и черныя—по **5 руб.** и **№ 3**—золоченыя **7 р.**, черныя **6 р. 50 к.**

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

Основанные въ 1882 году

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ

Программы выдаются и высылаются безплатно.

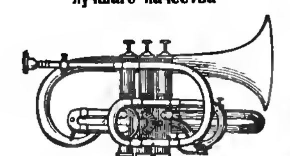
СПБургъ, Малая Морская, д. № 7. Пріемъ ежедневный въ теченіе всего сентября съ 10 ч. утра до 7 час. веч.

СОСТАВЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: **ПѢНІЕ:** проф. Е. Ф. Цванцигеръ, З. И. Гренингъ-Вильде, г-жа Нардуччи и г-нъ Гропелло. **ФОРТЕПІАНО:** А. К. фонъ-Дрейеръ, П. П. Фоссъ, А. И. Полетика, Е. П. Рапгофъ, г. Горнике, В. В. Мауреръ, г-жи Ярмушъ, Диллонъ, Горячева и другіе. **СКРИПКА:** гг. Поповъ и Радике. **ВІОЛОНЧЕЛЬ:** г-нъ Потаповъ. **ФЛЕЙТА:** Э. Келеръ. **ВАЛТОРНО:** г-нъ Франкъ. **ТЕОРІЯ:** К. фонъ-Бахъ, г-нъ Липпольдъ и Н. Соколовъ. **СОЛЬФЕДЖІО:** М. А. Данилевская. **ИТАЛЬЯНСК. ЯЗЫКЪ** г-нъ Нардуччи. **МИМИКА и ТАНЦЫ:** г-нъ Аистовъ. **КЛАССЪ ПЕДАГОГИКИ ФОРТЕПІАННОЙ ИГРЫ:** Евг. Павл. Рапгофъ. **КЛ. ДРАМ. ИСКУССТВА:** С. М. Сосновскій.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотря по предмету и по курсу отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. | Всѣ дополнительные предметы преподаются безплатно. Директоръ курсовъ **Евген. Павл. Рапгофъ.**

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

лучшаго качества



въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор. Школа-самоучитель Баганца въ 1½ и 3 р.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Школа-самоучитель Келера въ 1½ и 3 р.

Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества в по дешевымъ цѣнамъ.

Иллюстрир. прейскурантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо №4019 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

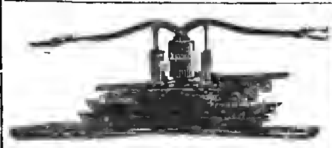
исполненными знаменитыми граверами: Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405



БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,

НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ

молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, катковъ для бѣлья и пр. № 3942 6—6

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ **БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.**

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2. Москва, Мясницкая, д. Виноградова. Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.

ЦВѢТОЧНЫЙ

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ИЗОБРѢТЕННЫЙ

БРОКАРЪ и К°.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. №4025 8—1

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (25).

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина **СЪ КОЛЕСОМЪ** и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдэкотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.

Въ Нижегородской ярмаркѣ: Бразильскій пассажъ, № 58. № 4023

Ф. Ѳ. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14.

Бициклы отъ 100 р. Ронеры отъ 135 р.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА ИСТОЧНИКА „ГУНІАДИ-ЯНОСЪ“

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и вѣрное дѣйствіе, мягкій вкусъ, малая доза.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 3934 10—7

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 2 рублей. Изъ массивнаго никкелина отъ 4 руб.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовлены къ немедленн. употребленію.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la Républ., 4.

Складъ для Россіи: въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 4011 2—2

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

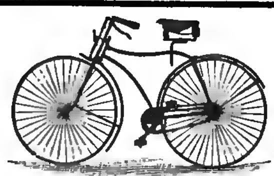
Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ — ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ № 2

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

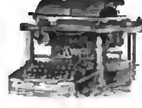
Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (82) № 2946

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. ценэур., СПБ., 6 сентября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 38 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 сентября 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Императорсній театръ въ Вѣнѣ. Рис. Кизль, грав. Клосъ.

Барыни-крестьянки.

Историческiй романъ

графа Е. А. Салiаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженiе).

VIII.

Рязанская вотчина князей Березопольскихъ была хорошо извѣстна въ губернiи. Она не поражала особенно красивымъ мѣстоположенiемъ или какими-либо особенно богатыми постройками, но отличалась отъ всѣхъ сосѣднихъ дворянскихъ имѣнiй какою-то особенною, порядливою внѣшностью, чистотой, даже изяществомъ и общимъ благоустройствомъ.

Вотчина эта создалась не случайно, безъ плана, въ силу приспособленiя къ мѣсту, или по прихоти какого-либо владѣльца, строившагося наобумъ. Лѣтъ шестьдесятъ назадъ она еще и не существовала.

Князь Иванъ Ильичъ Березопольскiй, покинувъ Петербургъ по собственной волѣ, во дни наибольшей власти Бирона, прiѣхалъ въ рязанскую вотчину и нашелъ большой, но неуклюжiй, холодный и разрушающiйся домъ.

А съ нимъ была семья—молодая жена и младенецъ-сынъ.

Князь, человѣкъ умный, по своему времени очень образованный, ненавидѣвшiй праздность и лѣнь, не зналъ куда дѣваться отъ скуки, очутившись въ добровольной ссылкѣ.

Жить въ домѣ было невозможно. Приходилось поневолѣ строить другой. Зрѣло обдумавъ все до мельчайшихъ подробностей, князь Иванъ Ильичъ рѣшилъ соединить полезное съ прiятнымъ: найти себѣ ежедневное серьезное занятiе, начавъ строиться вновь.

Съ перваго-же года онъ увлекся своимъ занятiемъ. Онъ выбралъ въ верстѣ отъ усадьбы мѣсто около маленькой рѣчки, гдѣ былъ лѣсъ, въ которомъ, по счастiю, оказались всѣ породы деревьевъ и много дубовъ. И вотъ, по заранѣе начертанному плану, началось созиданiе новой вотчины.

Чтобы не быть стѣсненнымъ въ средствахъ, князь сократилъ всѣ свои расходы, и три четверти ежегоднаго дохода со всѣхъ имѣнiй было посвящено на это дѣло. Кромѣ того, князь продалъ дальнее имѣнiе, на границѣ Казанской губернiи, и крупную вырученную сумму положилъ тоже на стройку.

Возникъ вопросъ, какъ именоваться новой вотчинѣ.

И усадьбѣ на новомъ мѣстѣ было дано то же имя, какимъ именовался родъ князя.

Первою постройкой, къ которой приступили, была простая крестьянская изба съ тремя горницами. Ее поставилъ князь для себя, чтобы жить около своего дѣла. И затѣмъ, изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, даже зимой, за исключенiемъ декабря и января, шло созиданiе. И длилось оно всю жизнь князя.

Между годомъ когда была поставлена изба и годомъ когда закончился постройкой ткацкiй дворъ—послѣднее дѣло князя—прошло около двадцати лѣтъ.

Въ итогѣ появилась: вотчина красивая, а главнымъ образомъ единственная въ своемъ родѣ. Все въ ней было правильно, все въ ней было симметрично. Небольшой домъ, съ колоннадой и террасами по бокамъ, стоялъ на возвышенiи между обширнымъ дворомъ, съ одной стороны, и цвѣтникомъ, съ другой. Налѣво шелъ большой садъ; направо — вначалѣ молодая, едва замѣтная, а теперь уже старая березовая роща, посаженная княземъ.

Всѣ службы, церковь, большой конный дворъ, оранжереи и даже перенесенное сюда село — все соединялось съ домомъ березовыми аллеями. Домъ стоялъ собственно въ центрѣ всего владѣнiя. Село разрослось въ первыя-же семь лѣтъ, такъ какъ князь постоянно покупалъ крестьянъ и селилъ ихъ у себя. Даже изъ двухъ сосѣднихъ своихъ деревень перевелъ онъ души тоже въ Березополье. Теперь на большомъ селѣ было около 800 душъ.

Самымъ любопытнымъ предметомъ въ Березопольѣ считалось теперь, по мнѣнiю сосѣдей, нѣчто находившееся невдалекѣ отъ дома, въ началѣ березовой рощи, и огороженное заборомъ.

Это была та самая изба, въ которой когда-то поселился князь при началѣ своего дѣла.

Онъ оставилъ ее нетронутою, какъ она была, въ видѣ воспоминанiя, прося сына не трогать избу и въ свою очередь завѣщать, чтобы она прожила свой вѣкъ, т. е. чтобы избу не поправляли и не трогали, дабы она, какъ все на свѣтѣ, сгнила своимъ собственнымъ концомъ.

Поэтому теперь между палисадникомъ и рощей за заборомъ виднѣлась уже убогая избушка, сѣренькая, покосившаяся, съ прогнившимъ тесомъ на крышѣ. Этой старушкѣ было теперь около 60-ти лѣтъ.

Разумѣется, на всемъ остальномъ лежалъ совершенно иной отпечатокъ. Все было ново, свѣжо, такъ какъ все поддерживалось усердною и искусною рукой.

Въ Березопольѣ, куда никогда почти не заглядывалъ князь Андрей Ивановичъ, гдѣ только разъ прогостила недолго княжна, оставалось однако все въ такомъ видѣ, какъ если-бъ владѣльцы никогда не выѣзжали.

Было это потому, что въ вотчинѣ проживалъ человѣкъ который всѣмъ завѣдывалъ, отъ важнѣйшихъ дѣлъ до мельчайшихъ мелочей. Но, когда этому человѣку говорили слово „управитель" или „управляющiй", то онъ отзывался:

— Помилуй Богъ! Это неправда. Я—дворянинъ!

Этотъ человѣкъ, имѣвшiй обыкновенiе начинать рѣчь словами „помилуй Богъ", былъ душою Березополья, былъ душою всего округа. Трудно-бы было найти гдѣ-либо, верстъ на двѣсти кругомъ, кого-либо кто-бы его не зналъ и кто-бы отнесся къ нему иначе, какъ съ величайшимъ уваженiемъ.

Прошло уже около пятнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ личность эта появилась въ Березопольѣ и завѣдывала всею вотчиной.

Князь Андрей Ивановичъ познакомился въ Москвѣ съ небогатымъ дворяниномъ, который только что вынужденъ былъ, ради долговъ отцовскихъ, продать маленькое имѣньице и не зналъ чѣмъ существовать и куда себя дѣвать.

Это былъ Макаръ Макаровичъ Трубецкой—самый честный, правдивый и кротко-строгiй человѣкъ, какого можно было только встрѣтить. Замѣчательною чертой его было то, что онъ никогда не сердился ни за что́, кромѣ одной вещи. Онъ слегка сердился, когда на заявленiе его, что онъ Трубецкой, у него спрашивали:

— Князь, или нѣтъ?

Только въ этомъ случаѣ Макаръ Макаровичъ поджималъ губы и говорилъ:

— Почему-же непремѣнно князь? Будто ужь нельзя быть Трубецкимъ и не быть княземъ?

Такъ какъ вопросъ этотъ за его жизнь ему предложили нѣсколько тысячъ разъ, а можетъ быть и сто тысячъ, то кончилось тѣмъ, что это обстоятельство его раздражало. Впрочемъ, въ послѣднiе годы самъ Макаръ Макаровичъ шутя рекомендовался:

— Трубецкой, только не князь.

На приглашеніе князя Березопольскаго быть управителемъ, Макаръ Макаровичъ гордо отвѣтилъ, что дворянинъ въ управители идти не можетъ. Но кончилось тѣмъ, что онъ согласился жить въ Березопольѣ и „завѣдывать“ всѣмъ. Въ письмахъ къ князю по дѣламъ, онъ всегда подписывался: „Вашъ довѣренный“.

Благодаря Макару Макаровичу, никуда не выѣзжавшему, ни разу не побывавшему за все время въ Москвѣ, но за то часто навѣщаемому сосѣдями, Березополье не только сохранило свой прежній, красивый и изящный видъ, но казалось все какъ-бы съ иголочки. А всег новѣе и изящнѣе была церковь.

По отношенію къ храму Божьему Макаръ Макаровичъ былъ особенно внимателенъ. Часто случалось ему вызвать сельскаго батюшку изъ его дома, вести къ церкви и показывать какое-нибудь пятнышко на стѣнѣ, или пятнышко на куполѣ—и на другой-же день утромъ уже появлялись рабочіе.

Не мудрено поэтому, что проѣзжіе, глядя на церковь Березопольскую, произносили зачастую:

— Ай да храмъ! Вотъ такъ храмъ!

Вдобавокъ на колокольнѣ этого храма появился недавно новый, звучный, пѣвучій колоколъ, но не на счетъ владѣльца, а на деньги скопленныя за много лѣтъ изъ своего жалованья самимъ Трубецкимъ.

И теперь, когда раздавался первый ударъ на колокольнѣ къ заутренѣ, или къ обѣднѣ, Макаръ Макаровичъ крестился съ особеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Это мой крестничекъ! говорилъ онъ.

И давно всѣмъ было извѣстно это выраженіе. Крестьяне тоже повторяли:

— Это, слышь, крестничекъ Макара Макаровича! Его дѣтище! Въ колоколѣ во всемъ нѣтъ ни полушки княжеской.

Вслѣдствіе постояннаго отсутствія владѣльца, дворня и крестьяне на селѣ такъ сжились и свыклись съ Трубецкимъ, что въ качествѣ дворянина стали его звать давно: „нашъ баринъ“.

Посторонніе часто бывали вводимы въ заблужденіе, и нѣкоторые, пріѣзжавшіе издалека, обращались къ Трубецкому считая его княземъ Трубецкимъ и самимъ владѣльцемъ Березополья.

— Помилуй Богъ! отзывался Макаръ Макаровичъ.— Я не владѣлецъ и не управитель, я—довѣренное лицо.

Но какихъ-нибудь ребятишекъ на селѣ было-бы крайне мудрено заставить повѣрить, что баринъ Макаръ Макаровичъ—не ихъ баринъ. Вдобавокъ всѣхъ ребятишекъ отцы и матери часто пугали:

— Вотъ погоди, пріѣдетъ нашъ московскій-то баринъ-князь, онъ тебѣ задастъ!

И въ умѣ всякаго мальчугана деревенскаго существовало два барина: одинъ — добренькій, живущій тутъ, а другой—гдѣ-то тамъ, на рѣчкѣ, или въ лѣсу, или за полемъ, страшнѣющій, и коли набалуешь, онъ сейчасъ шаркнетъ сюда.

Послѣ этого, конечно, не было ничего мудренаго, что, когда однажды князь Андрей Ивановичъ пріѣхалъ въ Березополье и молва объ этомъ прошла по селу, то парни и дѣвки, съ дѣтства относившіеся къ нему на извѣстный ладъ, попрятались по избамъ и не мало насмѣшили стариковъ.

Трубецкой помѣщался около дома, въ отдѣльномъ флигелькѣ, гдѣ у него было четыре горницы. Онъ былъ совершенно одинокій человѣкъ. Но былъ-ли онъ холостъ, или былъ вдовъ, этого никто не зналъ, такъ какъ на этотъ вопросъ Макаръ Макаровичъ всегда отвѣчалъ уклончиво.

— Помилуй Богъ! неужто все сказывать! Иное и про себя хочется подержать. Ну, холостъ, такъ холостъ, а вдовъ, такъ вдовъ. Ни хуже, ни лучше я отъ этого не буду! Ну пусть я — вдовый холостякъ!

Вообще про свое прошлое онъ никогда, никому, ничего не передавалъ, и самые лучшіе его знакомые ничего объ этомъ не знали. А знакомыхъ этихъ и даже пріятелей у Трубецкаго было много.

Не было почти ни единаго человѣка, который бы относился къ нему враждебно. Всякому Трубецкой чѣмъ-нибудь услужилъ, а если не пришлось услужить, то такъ встрѣчалъ и провожалъ, такія говорилъ слова, что невольно у всякаго являлась мысль:

„Хорошій это человѣкъ!“

Въ затрудненіи-ли какомъ, въ бѣдѣ, въ нуждѣ, въ трудно-разрѣшимомъ дѣлѣ, при какомъ-либо особенномъ обстоятельствѣ, всякій — и старъ, и младъ — тотчасъ мысленно цѣплялись за Трубецкаго.

— Надо къ Макару Макаровичу! было первое слово.

И каждый разъ оказывалось, что не даромъ обращались къ Макару Макаровичу. Онъ и поможетъ чѣмъ въ силахъ, и разсудитъ, и надоумитъ, но проситъ потомъ „не отбояриваться“.

Это выраженіе имѣло особаго рода значеніе.

Когда Трубецкаго кто-либо благодарилъ за что-нибудь, то онъ отвѣчалъ:

— Ну вотъ, сейчасъ стали отбояриваться!

При этомъ онъ объяснялъ, что благодарить не надо, что всякій человѣкъ обязанъ всячески помочь ближнему и благодарности не ждать и не требовать. Благодарность есть отплата. Часто благодарность происходитъ изъ гордости, изъ желанія поквитаться и, стало-быть, отъ одолжившаго въ нравственномъ смыслѣ отбояриться.

— Вотъ не благодарите и буду я знать, что вы ко мнѣ что-нибудь питаете. А какъ вы меня отблагодарили на всѣ лады, такъ я и знаю, что вы отплатить захотѣли и отъ меня сердцемъ отбояриться.

Разсужденіе это, темное, было ясно только для самого Трубецкаго. Но и весь складъ его разума былъ таковъ. Все хорошо, сердечно, разумно, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ какой-то пеленой.

Всѣ разсужденія Трубецкаго — а онъ очень любилъ философствовать — носили на себѣ отпечатокъ той же темноватости.

Сельскій батюшка — человѣкъ недалекій — часто бесѣдуя съ пріятелемъ Макаромъ Макаровичемъ, постоянно смущался.

— Ужь очень вы „глыбко“ захватываете, говорилъ онъ.

IX.

Однажды, въ концѣ ноября, когда Макаръ Макаровичъ сидѣлъ у себя ввечеру и читалъ старый нумеръ журнала „Зеркало свѣта“, прислуживавшій ему пятнадцатилѣтній мальчуганъ явился въ горницу съ многозначительно-улыбающимся лицомъ.

Мальчикъ, или скорѣй юноша, по росту и сложенію, именемъ Сенька, былъ малый смѣтливый, шустрый, отчасти избалованный Трубецкимъ, но, разумѣется, привязанный къ нему искренно.

— Чему смѣешься, глупая голова? кротко спросилъ Макаръ Макаровичъ, снимая очки, кладя ихъ на книгу и поворачиваясь на стулѣ, лицомъ къ Сенькѣ.

Онъ сразу прочелъ и догадался по фигурѣ своего слуги, что онъ явился съ чѣмъ-нибудь особеннымъ.

— Гривенничекъ за вами, Макаръ Макаровичъ.

— Врешь, помилуй Богъ!

— Сейчасъ издохнуть — гривенничекъ за вами!

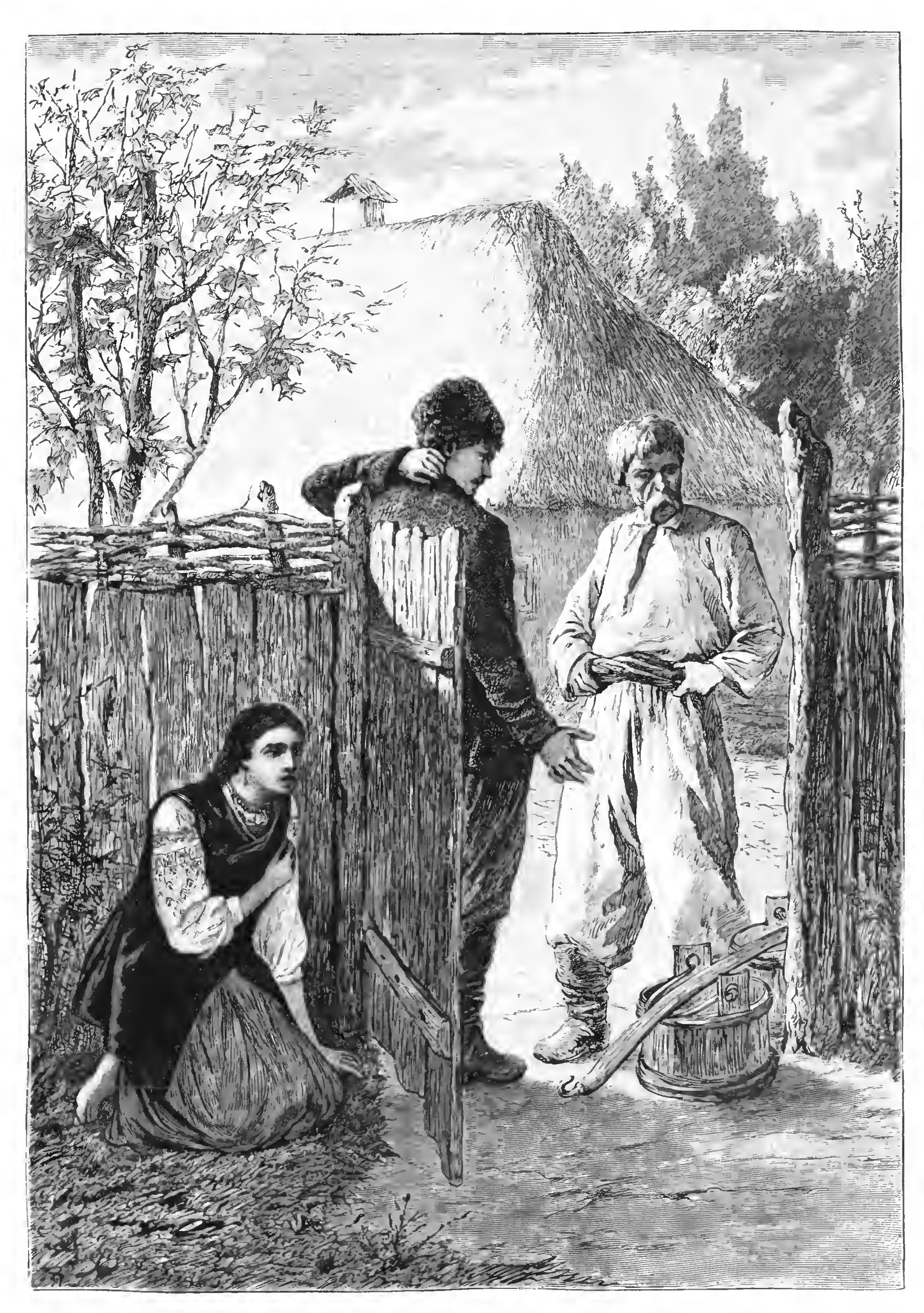
— Тьфу!.. Сколько разовъ тебѣ сказывать чтобъ бросилъ эту дурацкую прибаутку! Что за глупыя такія слова! Неужто другихъ словъ нѣтъ?

— Виноватъ, Макаръ Макаровичъ.

— Виноватъ, виноватъ! Только и знаешь, что виноватъ! А ты брось! Ну, въ самомъ дѣлѣ помрешь собачьей смертью? Хорошо будетъ?! Ну, въ чемъ дѣло-то?

— А дѣло такое — гривенничекъ, а то и два за вами.

Подслушиваетъ. Карт. К. Мюкке, грав. Киризе.



Прерванное свиданіе. Ориг. рис. (собств. „Нивы") К. Трутовскаго, грав. Флюгель.

— Да ну, говори! нетерпѣливо уже отозвался Трубецкой.

— Конный!.. Макаръ Макаровичъ. И отъ кого конный-то? Прямо отъ князя изъ Москвы!

— Что ты! взволновался Макаръ Макаровичъ и тотчасъ же поднялся съ мѣста. — Гдѣ онъ?

— А вотъ тутъ, за дверями.

— А ты лясы точишь... Зови скорѣй!

Сенька шмыгнулъ въ дверь, а „завѣдующій“ Березопольемъ стоялъ нѣсколько смущенный.

Князь присылалъ коннаго, или, какъ стали уже называть, „штафетку“, только въ крайне важныхъ случаяхъ,—обыкновенно пріѣзжала подвода.

„Что такое можетъ быть?“ задалъ себѣ вопросъ Макаръ Макаровичъ—и ума не могъ приложить для отгадки.

„Здѣсь все благополучно“, думалъ онъ. „Развѣ тамъ что случилось? Лишь бы только меня въ Москву не требовалъ—безъ ножа зарѣжетъ.“

Послѣдняго пуще всего боялся всегда Макаръ Макаровичъ.

Въ эту минуту вошелъ толстый и высокій малый, поклонился управляющему въ поясъ и, разстегнувшись, началъ доставать изъ-за пазухи то, что онъ привезъ. Наконецъ появился большой, завернутый въ замасленную тряпку, предметъ. Когда тряпка была развернута, прибывшій подалъ молча нѣсколько измятый пакетъ.

Макаръ Макаровичъ взялъ его, повертѣлъ и сѣлъ къ столу.

— Ну, а ты съ Богомъ ступай! вымолвилъ онъ. — Поужинай, да завались спать. Назадъ когда приказано быть?

— Ничего не указано, Макаръ Макаровичъ. Стало-быть, какъ вы порѣшите: тутъ-ли ждать, или завтра назадъ.

— Ну, вотъ прочту, увижу...

Когда княжескій посолъ вышелъ, Макаръ Макаровичъ заперъ дверь на задвижку и съ нѣкоторымъ волненіемъ, надѣвъ очки, началъ читать довольно пространное письмо. Посланіе князя было написано писарскою рукой и лишь подписано имъ.

Прочитавъ первыя строки, Макаръ Макаровичъ ахнулъ и чуть не привскочилъ снова. Изъ первыхъ же строкъ онъ узналъ, что въ Березополье пріѣзжаетъ сама княжна Прасковья Андреевна на жительство. На сколько времени — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, вплоть до будущаго лѣта.

— Что такое, помилуй Богъ! Что за притча? Спаси и сохрани! проговорилъ Макаръ Макаровичъ вслухъ.

И онъ перестал читать далѣе, будто предчувствуя, что важнѣе этого уже больше ничего не узнаетъ.

— Всякія загадки княжія разгадывалъ, пробурчалъ онъ, — а вотъ эту должно быть никогда не разгадаю! Что-же ей въ Москвѣ-то нешто надоѣло, чтобы къ намъ въ глушь ѣхать! Дѣвицѣ! Одной. Ну что-же, спаси Богъ! Не мое то дѣло...

И Макаръ Макаровичъ началъ читать письмо. Оно было полно распоряженій насчетъ пребыванія княжны въ Березопольѣ.

Князь писалъ подробно какіе аппартаменты приготовить, вычистить и вытопить; какіе аппартаменты запереть совсѣмъ и не топить. Кого назначить въ услуженіе княжнѣ. Почти всѣхъ людей князь переименовывалъ и между прочимъ назначалъ дочери въ ближайшія прислужницы двухъ старухъ, изъ коихъ одна уже съ недѣлю какъ умерла, а другая настолько ослабѣла отъ старости за послѣднюю зиму, что ее тоже трудно было приставить къ услугамъ княжнѣ.

— Степанида теперь Господу Богу ужь служитъ, пробурчалъ Макаръ Макаровичъ.—А Лукерья Егоровна такъ одряхлѣла, что куда ужь ей горничною или сѣнною дѣвушкой быть. Въ два дня въ постель сляжетъ. Поди, княжна наша, съ позволенія сказать, и чихнуть сама не можетъ. Приказаній сто-двѣсти въ день отдастъ. Къ ней надо кого помоложе...

И продолжая читать различныя мелкія приказанія князя, Макаръ Макаровичъ сопровождалъ ихъ своими замѣчаніями вслухъ. Но послѣднее что приказывалъ князь—вдругъ поразило Трубецкаго настолько, что онъ протянулъ вслухъ многозначительно:

— Что-о-о!..

Этотъ приказъ князя показался ему оскорбительнымъ, и поэтому не удобоисполнимымъ.

— Что-жъ я за сыщикъ дался ему! Да и какъ-же я могу все знать! Что-же я въ замочную скважину подглядывать буду! Да и нехорошее какое занятіе! Я довѣренное лицо по имѣнію, а подглядывать, да подслушивать и наушничать... нѣтъ ужь, ваше сіятельство, другаго кого найдите, а я вотъ что...

Макаръ Макаровичъ всталъ и началъ ходить по горницѣ.

— Да-съ, ваше сіятельство, вотъ что-съ! проговорилъ онъ опять вслухъ еще болѣе взволнованнымъ голосомъ.

Затѣмъ, пройдясь еще нѣсколько разъ, онъ снова сѣлъ, перечелъ окончаніе письма и выговорилъ:

— Нѣтъ-съ.. Спаси Богъ, достоуважаемый князь Андрей Ивановичъ. Я въ наушники не пойду...

Приказаніе князя заключалось въ томъ, чтобы Трубецкой имѣлъ княжну подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ и еженедѣльно отписывалъ князю все что она дѣлаетъ, говоритъ и кого видитъ, и наипаче, чтобы подробно описывались ея знакомства, свиданія, визиты, или пріемъ сосѣдей.

Такимъ образомъ Трубецкому приходилось сдѣлаться настоящимъ надзирателемъ надъ княжной и доносителемъ обо всѣхъ ея дѣйствіяхъ.

Макаръ Макаровичъ задумался и долго сидѣлъ, не двигаясь. Лицо его потемнѣло и стало грустно. Мысль его ужь пошла гораздо дальше.

Онъ уже мысленно прощался съ Березопольемъ, гдѣ прожилъ мирно и тихо пятнадцать лѣтъ и куда въ дѣлѣ управленія положилъ всю свою душу. Онъ уже рѣшилъ что отписать князю, уже мысленно получилъ и прочелъ отвѣтъ князя и уже видѣлъ себя укладывающимся и уѣзжающимъ куда-то...

Но куда?—вотъ вопросъ.

Помогая направо и налѣво изъ собственныхъ средствъ, Макаръ Макаровичъ, за всѣ годы что управлялъ богатою вотчиной, не отложилъ на черный день ни единаго гроша, а что и скопилъ, то пошло на колоколъ церковный.

Правда, было двѣсти рублей вновь скопленныхъ, но онъ считалъ ихъ не своими. На нихъ онъ обѣщался соорудить два оклада на два образа въ храмѣ Березопольскомъ. Взять ихъ себѣ въ наступившій черный день онъ теперь не считалъ возможнымъ.

Да и что-же двѣсти рублей! Долго-ли на нихъ проживешь безъ всякаго мѣста и жалованія. Да и куда дѣваться? Идти опять въ управители! къ кому?.. Ѣхать въ Москву обивать пороги и просить! Ни къ чему не поведетъ. Во всѣхъ вотчинахъ, кромѣ самыхъ большихъ богачей, управляютъ простые бурмистры, старосты или дворовые управители. Рѣдко у кого есть довѣренное лицо изъ дворянъ.

Черезъ часъ Макаръ Макаровичъ нѣсколько успокоился, хотя накрѣпко рѣшилъ, что кривить душой не станетъ. Но прежде чѣмъ отписывать князю, надо будетъ переговорить обо всемъ съ самою княжной. Прямо ей повѣдать про это приказаніе князя.

„Помилуй Богъ! Это первое дѣло“, думалъ Макаръ Макаровичъ. „А то мнѣ ей совѣстно будетъ въ глаза глядѣть, хотя и не буду я наушникомъ. Первое дѣло ей надо сказать, а тамъ съ ней вмѣстѣ и разсудимъ,

какъ быть. Пускай князь другаго кого пришлетъ. Что̀ я ему за Ванька-Каинъ достался!“

Макаръ Макаровичъ легъ спать, но всю ночь вертѣлся съ боку на бокъ и изрѣдка вздыхалъ.

Наконецъ ему приснилось, что кто-то его тащитъ за воротъ, суетъ лбомъ въ дверь и кричитъ:

— Смотри въ дырочку! Гляди, сказывай, что̀ тамъ дѣлается!

И Макаръ Макаровичъ проснулся весь въ поту отъ кошмара. Онъ перекрестился три раза и вымолвилъ:

— Спаси Богъ! И во снѣ-то была неохота наушникомъ быть, а ужъ на яву-то и совсѣмъ не смогу.

Проснувшись рано утромъ, „завѣдующій“ Березопольемъ тотчасъ-же принялся за хлопоты.

X.

Не прошло часу времени, какъ всѣ въ домѣ и въ службахъ зашевелились. Дворовыхъ въ вотчинѣ было болѣе полусотни, мужчинъ и женщинъ. Всѣ они жили въ полной праздности, всѣ облѣнились.

Впрочемъ, дворня эта отличалась тѣмъ, что въ ней значительно преобладали старики и дѣти. Почти во всѣхъ семьяхъ были бабушки, дѣдушки и внучата.

Все что было людей возмужалыхъ и не вполнѣ пожилыхъ, все это было въ Москвѣ, въ услуженіи у князя. Въ отчинѣ оставались, какъ-бы на покоѣ, старики, а равно и дѣти московскихъ лакеевъ и горничныхъ.

Тѣ кто были помоложе, двадцати пяти и тридцати лѣтъ, были все люди необходимые въ имѣніи: слесаря, столяры и вообще всякаго рода мастеровые или знавшіе какое-либо дѣло или ремесло. Благодаря имъ Макаръ Макаровичъ и могъ содержать всю усадьбу въ такомъ видѣ, что она казалась какъ-бы съ иголочки.

Извѣстіе, что черезъ нѣсколько времени надо ждать въ имѣніе самое княжну, да вдобавокъ еще на всю зиму, произвело такую сумятицу среди обитателей, какой давно не бывало.

Черезъ полчаса вѣсть уже облетѣла всѣ службы, конный дворъ, ткацкій корпусъ, оранжереи и перелетѣла на село. Въ избахъ тоже началось волненіе, хотя менѣе сильное, чѣмъ въ усадьбѣ.

Разумѣется, всякій отъ мала до велика спрашивалъ и гадалъ:

— Что̀ за притча? Княжна-дѣвица, а не какая-либо старая барыня, вдругъ пріѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину, одна, безъ родителя!

И гласъ народа—гласъ Божій—разсудилъ дѣло тотчасъ-же, догадался скорѣй, чѣмъ Макаръ Макаровичъ.

Гласъ народа сказалъ, что княжна провинилась и пріѣзжаетъ какъ-бы въ наказаніе въ уединенное жительство.

Когда это умозаключеніе княжихъ рабовъ дошло до Трубецкаго, онъ воскликнулъ:

— Помилуй Богъ, врёте!

По за то черезъ нѣсколько минутъ и самъ онъ сталъ вѣрить въ эту догадку.

Три дня прохлопоталъ Макаръ Макаровичъ и ни разу не присѣлъ. Прежде всего аппартаменты, которые назначилъ князь для дочери, были тщательно вычищены и вымыты. Мебель выносили, выбивали и опять вносили. Рамы мыли. Во всѣхъ печахъ трещали дрова и уже распространялся сыровато-гнилостный и ѣдкій запахъ угара.

Печи въ усадьбѣ, и то только нѣкоторыя, топились изрѣдка, не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ зиму.

Князь былъ врагомъ рубки лѣсовъ, а покупать дрова считалось постыднымъ, и поэтому въ Березопольѣ у дворни и крестьянъ было всего вдоволь, кромѣ дровъ. Это былъ единственный предметъ, въ которомъ всѣ нуждались и который скупо отпускался.

Однажды, около полудня, Трубецкой пришелъ домой пообѣдать, и въ то-же время велѣлъ послать къ себѣ дворовую дѣвушку Евгенію.

Когда Макаръ Макаровичъ сидѣлъ за гречневой кашей, Сенька доложилъ:

— Пришла-съ. Впустить?

— Кто?

— А самая эта Евденья Степановна...

— Ну, зови.

Въ комнату вошла молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати на видъ. Только по платью ея можно было узнать, что это простая дворовая.

Евгенія или Евденья, какъ звали ее всѣ, была высокая, стройная дѣвушка. Правильныя черты замѣчательно бѣлаго лица съ легкимъ румянцемъ давали изящный и даже граціозный профиль, а большіе сѣрые, но съ зеленоватымъ отблескомъ глаза поражали всякаго...

Глаза эти имѣли какое-то загадочное, сразу неуловимое выраженіе, сосредоточенно жестокое и „себѣ на умѣ“. Ко всему прибавлялась еще, необыкновенная для простой крѣпостной, прическа, дѣлавшая изъ нея какъ-бы „барышню“.

Волосы ея были острижены съ годъ назадъ, послѣ какой-то трудной болѣзни, и теперь вились локонами. Какъ ни приглаживала и ни причесывала ихъ дѣвушка ради приличія, они завивались и затѣйливыми кудрями падали кругомъ головы ея, красиво обрамляя лицо.

Но ни одинъ человѣкъ изъ дворовыхъ, ни сама дѣвушка не догадывались, что прическа эта краситъ ее.

— Чистая шавка! говорила про нее дворня.

Но однако поневолѣ мысленно сознавалась, что эта шавка—самая красивая во всемъ Березопольѣ.

Евгенія, которой минуло 22 года, была дочерью прежняго главнаго садовника усадьбы, уже давно умершаго.

Садовника Степана всѣ еще помнили. Онъ пользовался когда-то и любовью, и особымъ уваженіемъ всѣхъ обитателей, хотя считался человѣкомъ не очень добрымъ и злопамятнымъ.

Всѣ хорошо помнили, какъ баловалъ онъ свою единственную дочь, будучи вдовцомъ, и какъ онъ мечталъ откупиться и выйти на волю, ради своей любимицы, чтобы приписаться куда-либо въ мѣщанское общество и устроить получше судьбу красивой дочери, выдавъ ее замужъ за какого-нибудь свободнаго человѣка, пожалуй и купца.

Но однажды, тому уже лѣтъ восемь, при уборкѣ деревьевъ и цвѣтовъ по оранжереямъ въ холодную осень, онъ простудился и черезъ мѣсяцъ былъ на томъ свѣтѣ.

Круглая сирота, Евгенія стала баловнемъ всего Березополья, ради памяти объ ея отцѣ. Когда она осиротѣла, дѣвочкѣ было четырнадцать лѣтъ, но съ тѣхъ поръ отношенія всѣхъ обитателей измѣнились, ибо дѣвушку менѣе любили. И виною этому была она сама.

Богъ вѣсть почему и по какой причинѣ, быть-можетъ потому что послѣ жизни въ холѣ у отца, дѣвушка вдругъ очутилась въ семьѣ чужихъ людей, получивъ лишь одинъ уголъ и два платья, но въ характерѣ ея замѣтили перемѣну, дурную и рѣзкую.

Она была менѣе добродушна, часто раздражалась и начала препираться со всѣми. Какъ умная и находчивая, она умѣла зачастую ловко и колко отвѣчать, умѣла, какъ говорится, сдачи дать и безъ ножа отрѣзать такъ, что иной человѣкъ сразу становился, если не врагомъ ея, то ужъ во всякомъ случаѣ недругомъ.

— Эхъ! языкъ у дѣвки! часто говаривали Березопольцы.—Ножикъ-языкъ!

И, правда, трудно было рѣшить теперь, добрая-ли дѣвушка Евгенія и только вспыльчивая, или просто злая.

Все-таки главною отличительною чертой ея было то, что она не давала себя никому въ обиду и на одно

слово отвѣчала десятью. За то не было въ Березопольѣ ни одного человѣка, который-бы хоть разъ не былъ слегка обиженъ ею мѣткимъ словомъ или насмѣшкой.

Макаръ Макаровичъ покровительствовалъ Евгеніи только потому, что она была сирота. Онъ ей прощалъ все что́ могъ. И когда бывали у нея ссоры съ дворовыми, Макаръ Макаровичъ всегда считалъ долгомъ выгораживать ее и, по возможности, брать ея сторону.

Иногда это бывало очень мудрено и, примиряя враждующихъ, Макаръ Макаровичъ всегда говорилъ:

— Спаси Богъ! Сирота вѣдь круглая! Не будь сиротка—и я бы не такъ восудилъ.

И это увѣщаніе дѣйствовало на всѣхъ. Всѣ повторяли то же самое и извиняли Евгенію за все—ея сиротствомъ.

Однако кто-то изъ болѣе умныхъ замѣтилъ однажды въ отвѣтъ Трубецкому:

— Позвольте, Макаръ Макаровичъ, доложить, что кабы много у насъ въ усадьбѣ такихъ сиротокъ развелось, какъ Евгенья, такъ добрымъ людямъ и при родителяхъ жить было-бы нельзя—загрызли-бы онѣ всѣхъ. Вѣдь поди и промежъ волковъ сироты и бобыли тоже есть!

— Ну, Евгенія, выговорилъ Макаръ Макаровичъ, когда дѣвушка, поклонившись, стала предъ нимъ,—скажу я тебѣ такое диковинное, что ты и не ждешь. Ты не пугайся! Не такъ страшенъ „онъ“, какъ его малюютъ! Помилуй Господи! Я тебя поставлю къ княжнѣ въ горничныя,—при ея особѣ состоять будешь.

Евгенія улыбнулась, глаза ея блеснули, и видно было что она не только не испугалась, а напротивъ обрадовалась и польщена этой новостью.

— Не боишься? вымолвилъ Трубецкой.

— Чего-же, Макаръ Макаровичъ? Я помню княжну. Давно-ли она была у насъ! Она барышня добрая. СамоAccording ручно никогда никого не ударила! А мнѣ-бы только одно отъ господъ своихъ, чтобы меня въ лицо не били, какъ вотъ по сосѣдству вездѣ водится. Я услужить спачала, вѣстимо, не съумѣю, ну а тамъ привыкну. При ней кто-нибудь да есть изъ московскихъ. Поди, вѣроятнѣе, все та же Авдотья, какъ бишь, по батюшкѣ-то, забыла. Дуняшей звать. Вотъ она и обучитъ. Нѣтъ, я такъ думаю, Макаръ Макаровичъ, что я заслужу. Да и надоѣло мнѣ сидѣть, сложа руки. Шитво не дается, вязать не умѣю... Въ ткацкій корпусъ сами вы меня опредѣлить не пожелали. Сижу я вѣки-вѣчные, сложивши руки. Просто смерть! Лѣтомъ, сказывается, хоть мухъ ловить можешь, а зимой и того нельзя. Нѣтъ, я очень довольна. Спасибо вамъ.

— Ну и слава Богу! Я такъ и думалъ. Полюбитъ тебя княжна, одѣнетъ сейчасъ, дастъ тебѣ платье изъ своихъ,—ты на чиновницу смахнешь. А касательно сего предмета, усмѣхнулся Макаръ Макаровичъ, подмигивая,—ты, кажется, охотница.

Евгенія весело разсмѣялась, но зеленоватые глаза ея не смѣялись, а только вспыхнули огонькомъ.

— Да, я это запримѣтилъ. Каждый праздникъ, смотришь, ты какую-нибудь обнову нацѣпишь на себя. Бываетъ инъ невѣдомо откуда у тебя что̀. Заподозрѣвалъ я, что изъ городскихъ кто навѣдывается и тебя даритъ. То-то!

Евгенія покраснѣла слегка, но не опустила глазъ, а стала смотрѣть въ окно.

— Что̀-же? Не ворую, дарятъ.

— Да кто даритъ-то, сиротинушка моя? Съ какими видами даритъ? Небось, городскіе? Небось энтотъ — Петрушка, что изъ лавочки съ провизіей пріѣзжаетъ?

— Нѣтъ, Макаръ Макаровичъ, твердо отозвалась Евгенія.—Онъ точно имѣлъ мысли, но я его еще объ осень такъ осадила, что онъ у меня, какъ ошпаренный котъ, покатилъ отсюда.

— Такъ кто-жь бы такой? А вѣдь дарятъ тебя, сама говоришь?

— Увольте, Макаръ Макаровичъ. Худаго тутъ ничего нѣтъ. Да и что-же вы видали? Ленточку какую, а то платочекъ, а то бездѣлуху какую потѣшную. Платьевъ никто мнѣ не дарилъ, все вотъ въ этомъ...

И Евгенія небрежнымъ, совсѣмъ не крестьянскимъ, а нѣсколько изящнымъ жестомъ, тронула пальцемъ свое сѣренькое платьице, ставшее отъ мытья тоненькимъ, какъ батистъ.

— Тебѣ теперь надо будетъ состроить новое платье, рѣшилъ Трубецкой подумавъ. — Коли поступишь къ особѣ княжны, то въ этомъ нельзя. Подумаемъ, увидимъ... Ну, такъ вотъ все... Ступай. Богъ съ тобой.

— Спасибо премногое, Макаръ Макаровичъ, поклонилась Евгенія, радостно улыбнувшись, и снова блеснули ярко ея зеленоватые глаза.

XI.

Дѣвушка быстро вышла изъ флигеля и направилась было въ тотъ корпусъ дома, гдѣ жила, но затѣмъ остановилась, круто повернула и пустилась бѣгомъ въ противоположную сторону.

Невдалекѣ отъ главнаго дома, на дорогѣ обсаженной березами, которая вела къ церкви, виднѣлся маленькій каменный домикъ въ четыре горницы, выходившій заднею стороной въ господскій цвѣтникъ, гдѣ теперь лишь высился сугробъ.

Евгенія быстро добѣжала до этого домика именовавшагося „первымъ“ по своему разстоянію отъ барскаго дома. Войдя съ крылечка въ маленькія сѣнцы, дѣвушка сняла съ себя теплую куцавейку и двинулась въ первую горницу.

Здѣсь у окошка, на креслѣ, сидѣла маленькая сморщенная, но благообразная старушка и тихо вязала чулокъ.

— А, Евденьюшка! ласково произнесла она и опустила работу со спицами на колѣни. — Ну, садись! А Егорушки нѣту. Въ домъ чинить чтой-то позвали.

— Лукерья Егоровна, диво-дивное! Смотрите-ка какая у меня рожа!

— У тебя, Евденьюшка, не рожа, сама знаешь. Ты пригожая! Вотъ только язычекъ у тебя всему порча.

— Нѣтъ, вы смотрите, Лукерья Егоровна, какое у меня лицо? Грустное, печальное?

— Нѣтъ, радуешься! Ну, говори, чему радуешься? И я буду тоже...

— А вотъ чему, слушайте.

И Евгенія, усѣвшись противъ старушки, начала быстро разсказывать свою новость, немножко видоизмѣняя все, что слышала отъ Макара Макаровича. По ея словамъ, она должна была сдѣлаться вскорѣ чуть не главной горничной при княжнѣ Прасковьѣ Андреевнѣ.

— Стало быть, въ Москву ѣдешь? спросила старушка, но прибавила тотчасъ: — Ахъ, Создатель! Я ужь забыла! Княжна сама пріѣзжаетъ сюда. Эка память стала у меня...

Старушка, къ которой явилась Евгенія, была личностью, которую наиболѣе уважали всѣ въ Березопольѣ. Хотя она была и дворовая женщина, но какъ-то уже давно обстоятельства поставили ее въ совершенно иное положеніе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ.

Лукерья Егоровна Милованова была вдовой крѣпостнаго музыканта-скрипача.

Когда-то въ домашнемъ оркестрѣ князя Ивана Ильича онъ былъ первой скрипкой. И будучи человѣкомъ весьма талантливымъ, артистомъ въ душѣ, страстно любившимъ музыку, онъ выдѣлился изъ всѣхъ остальныхъ музыкантовъ. Наконецъ, сталъ дирижеромъ оркестра, но не надолго, такъ какъ давнишняя болѣзнь—чахотка свела его въ могилу.

Музыкантъ и жена его — теперешняя старушка—

Подъ осень. Картина Рафаэля Джанетти, грав. Веберъ.

жили душа въ душу, но жили печально, такъ какъ у нихъ всѣ дѣти, числомъ девять, умирали одинъ за другимъ. Остался въ семьѣ, переживъ роковые годы — десятилѣтній возрастъ — лишь одинъ ребенокъ — сынъ.

Теперь старушка жила вмѣстѣ съ этимъ сыномъ, двадцатипятилѣтнимъ молодцомъ, котораго, конечно, безумно любила.

Всѣ въ Березопольѣ, а равно нѣкоторые сосѣди и городскіе знакомые, относились сердечно къ старухѣ Миловановой и къ ея сыну Егору.

Этотъ Егоръ былъ для всѣхъ и не въ одномъ Березопольѣ Егоромъ Ивановичемъ. Что касается сосѣднихъ помѣщиковъ-дворянъ, то всѣ они. хотя и звали молодца просто по имени, безъ прибавленія отчества, но обращались съ нимъ особенно ласково и внимательно.

Часто, выписывая его къ себѣ, съ дозволенія Макара Макаровича, сосѣдніе дворяне, оставляя Егора по нѣскольку дней у себя въ усадьбѣ, не равняли его съ прислугой, посылали ему обѣдъ отъ своего стола, давали отдѣльную комнату, приказывали ключницѣ или дворецкому угощать его.

Егоръ былъ нужный человѣкъ во всякой усадьбѣ. И если бы князь вздумалъ продавать Егора, то, конечно, покупщиковъ нашлось бы много.

Причина была та, что Егоръ унаслѣдовалъ даровитость и талантливость своего отца. Но искусство его отца было выше, больше уважалось и было нужнѣе. Музыкантъ могъ хорошо устроить свое существованіе, оставаясь крѣпостнымъ; дарованіе Егора было совершенно иное и какъ бы не находило себѣ приложенія. Онъ понималъ это, часто грустилъ и даже упрекалъ обожаемую мать, зачѣмъ она не обучила его играть на скрипкѣ.

Онъ тѣмъ болѣе могъ сожалѣть объ этомъ, что самоучкой выучился порядочно пиликать на скрипкѣ, оставшейся послѣ отца.

Егора съ дѣтства, по приказанію князя, котораго ослушаться никто не посмѣлъ, выучили столярному дѣлу. И молодой малый до семнадцати лѣтъ былъ исключительно занятъ тѣмъ, что столярничалъ въ усадьбѣ: чинилъ и клеилъ мебель. Когда же приходилось ему вновь придѣлывать къ какому-нибудь креслу или дивану цѣлый кусокъ, то Егоръ радовался возможности состряпать что-либо болѣе хитрое, чѣмъ сколачивать перегородки, двери и рамы.

Но съ тѣхъ поръ прошло уже много времени. Теперь Егору было уже двадцать пять лѣтъ и онъ уже года съ четыре совсѣмъ бросилъ строгать доски, такъ какъ для грубой столярной работы завелся другой столяръ, благодаря покровительству Макара Макаровича. А Егоръ положилъ всю свою душу на иное дѣло, болѣе хитрое и мудреное.

Имѣя возможность, съ разрѣшенія Трубецкаго, ѣздить къ сосѣдямъ и работать у нихъ, Егоръ скопилъ немного денегъ и на нихъ, опять-таки благодаря тому же Трубецкому, выписалъ себѣ изъ Москвы отличный англійскій инструментъ, необходимый для того дѣла, къ которому теперь у него была страсть.

А теперь его исключительнымъ занятіемъ было такое, которому въ деревнѣ и названія еще не придумали. Изъ разныхъ сортовъ деревъ, иногда изъ орѣха и дуба, Егоръ своимъ инструментомъ дѣлалъ разныя фигуры.

Словомъ, онъ былъ рѣзчикъ по дереву, но долго всѣ считали его занятія однимъ баловствомъ и только недавно перестали подсмѣиваться...

Годъ тому назадъ, Егору удалось нѣчто, о чемъ долго толковали и въ Березопольѣ, и въ одной сосѣдней вотчинѣ барина-генерала. Баринъ пожелалъ на какой-то шкафъ о двухъ львахъ, придѣлать третьяго льва и для этого выписалъ мастера изъ Москвы.

Мастеръ, дорого обошедшійся, состряпалъ такого льва, что генералъ сначала разсердился, прогналъ мастера и отправилъ обратно въ столицу, а затѣмъ, поставивъ произведеніе его у себя на подоконникѣ, показывалъ сосѣдямъ. И много хохоту возбуждалъ этотъ левъ!

И дѣйствительно, деревянный левъ походилъ на все что угодно, только не на льва.

Генералу посовѣтовали послать за искусникомъ Егоромъ Миловановымъ въ Березополье. Генералъ отнесся къ этому недовѣрчиво и даже презрительно. Но затѣмъ, рѣшивъ, что „попытка—не шутка, а спросъ—не бѣда“, выпросилъ у Трубецкаго, недѣли на двѣ времени, его столяра.

Егоръ взялъ заказъ. Въ награду попросилъ: „что пожалуете“, вернулся домой съ кускомъ дуба, который далъ генералъ, и въ первые дни по возвращеніи ходилъ такой странный, что напугалъ даже мать.

Старушка стала бояться, что ея Егорушка хвораетъ. Онъ ходилъ взволнованный, съ лихорадочно-блестящими глазами, мало ѣлъ, бродилъ по усадьбѣ и по селу, будто искалъ что потерянное. Вообще какъ-то свихнулся. Изрѣдка онъ говорилъ матери:

— Матушка, зачѣмъ я взялся! Меня лихорадка треплетъ, какъ подумаю объ этомъ заказѣ.

— Осрамиться боишься? спрашивала старушка.

— Нѣту. Что мнѣ срамъ? Это-же—не грѣхъ какой и не соблазнъ людей! А во мнѣ будто что бурлитъ! Будто какіе бѣсы во мнѣ застряли. Одинъ сказываетъ: „дѣлай—сдѣлаешь!“ А другой сказываетъ: „врешь, ничего не выйдетъ!“ И вотъ, вмѣсто того чтобы работать, я, какъ шалый, и бѣгаю.

Благодаря усовѣщеванію и успокоиванію того-же вездѣсущаго и вѣчно-кроткаго Макара Макаровича, его любимецъ Егоръ принялся наконецъ за работу. Благодаря поощренію и похваламъ Макара Макаровича, черезъ нѣсколько дней онъ страстно втянулся въ работу. И чѣмъ дальше подвигалась она, тѣмъ болѣе сіяло счастьемъ и восторгомъ его лицо.

А лицо его, этого столяра, ставшаго рѣзчикомъ благодаря дарованію, было еще болѣе извѣстно въ околоткѣ, чѣмъ его искусство. Егоръ былъ чрезвычайно красивъ собой, какъ говортяъ въ народѣ: „писаный красавецъ“.

Онъ былъ высокъ, строенъ, мягокъ въ движеніяхъ, съ чистымъ, пожалуй, черезчуръ блѣднымъ лицомъ, съ черными какъ смоль длинными кудрями, съ черными задумчивыми глазами, подъ тонкими будто нарисованными бровями. Небольшой съ горбинкой носъ былъ замѣчательной правильности, а немного толстыя, изящнаго очертанія губы и замѣчательные зубы, которымъ-бы обрадовалась всякая красавица, — обрамлялись красиво вьющимися черными усами и бородкой клинушкомъ.

Егоръ былъ настолько незаурядно красивъ, что часто, когда онъ бывалъ гдѣ-либо въ сосѣднихъ вотчинахъ, вызванный для работы, господа призывали его подъ предлогомъ поговорить о работѣ, но собственно, съ цѣлію показать его какой-нибудь пріѣзжей гостьѣ. И всегда всѣ единогласно рѣшали, что онъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ-парень. Хоть-бы дворянину подъ-стать!

Лукерья Егоровна, знавшая, что сынъ красавецъ, и гордившаяся этимъ, часто объясняла своему Егорушкѣ откуда онъ таковъ уродился.

— Родитель твой былъ изъ себя не казистъ, а ты, Егорушка, выходитъ, потрафился въ моего отца. А мой отецъ диковинный изъ себя былъ! Помнится, сказывали, была единожды въ Москвѣ одна богатѣющая графиня, разбитная да веселая вдова. И вотъ она, увидѣвъ его, стала покупать его у барина и стала давать пятьдесятъ рублей, а тамъ двѣсти, и дошла, сказывали, до пятисотъ, только чтобъ получить его себѣ въ скороходы. Да баринъ не продалъ и такъ сказалъ: „Поди-ка, сударыня, другаго такого красавца поищи на Русіи,

а я помогать твоимъ блажнымъ затѣямъ ни за какія деньги не стану. И это ему не на счастье будетъ...“

И старушка прибавляла съ восторженной гордостью:

— Ну, а ты, Егорушка, весь въ него уродился,—какъ я его помню. И посмотри вотъ—и въ тебя какая помѣщица можетъ всѣмъ сердцемъ вклеиться. Только избави Господь отъ этакаго...

(Продолженіе будетъ).

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Окончаніе).

Ратиминъ чувствовалъ себя совсѣмъ потеряннымъ за этимъ обѣдомъ. Ему казалось, что всѣ недоумѣваютъ по поводу того, зачѣмъ онъ здѣсь и только мѣшаетъ другимъ, не вмѣшиваясь въ общій разговоръ, стараясь сохранить достоинство.

Евгенія Сергѣевна съ нимъ больше не говорила, почти отвернулась отъ него, и это его мучило. Онъ подумалъ: „лучше бы я не пріѣзжалъ... осталось бы во мнѣ равнодушіе къ ней, а то я теперь опять не спокоенъ и, пожалуй, всѣ припишутъ мою молчаливость томной влюбленности!“

Онъ сталъ пить, чтобы вызвать въ себѣ искусственное оживленіе, и, послѣ трехъ бокаловъ шампанскаго, почувствовалъ себя способнымъ участвовать въ разговорахъ. Прежде всего онъ затѣялъ съ Нагорнымъ споръ. Тотъ утверждалъ, что газета должна имѣть въ виду всякую публику, образованную, среднюю и чуть-ли не малограмотную, и ссылался на то, что подъ видомъ угожденія всѣмъ, можно успѣшно проводить благія идеи, приносить пользу. Ратиминъ возсталъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ,—это не вѣрный взглядъ на дѣло. Скажу болѣе: это взглядъ не вполнѣ честный, извините меня. Писатель, создавая романъ, не долженъ заботиться о томъ, чтобы его произведенье пришлось по вкусу его старшему дворнику или кому-нибудь изъ критиковъ трактирной прессы. Онъ долженъ имѣть въ виду тѣхъ двухъ или трехъ читателей изъ его знакомыхъ, которыхъ онъ считаетъ наиболѣе литературно развитыми и чуткими. Относительно газеты, скажу то же самое: пиши правду, пиши ее честно и опрятно, даже если бы было выгоднѣе излагать ее въ тонѣ „портерныхъ“ разговоровъ. Отъ изданія, такъ же какъ отъ человѣка бывающаго въ обществѣ, требуется особенная порядочность, безупречная нравственная опрятность. Если писать для пошляковъ, то не трудно самому пошлякомъ сдѣлаться.

— Ну, знаете, газета такое предпріятіе, что зависитъ не отъ одного главы, но и отъ сотрудниковъ. Ихъ много, выдержать тонъ невозможно и, поэтому, приходится брать за образецъ Парижскій „Figaro“, поставившій себя каѳедрой откуда можетъ говорить всякій, о чемъ и какъ угодно. И я о себѣ прибавлю, что не считаю возможнымъ отвѣчать за каждую строчку своихъ сотрудниковъ. У всякаго свой тонъ, свой образъ мыслей. Публикѣ именно это и нравится. Немыслимо, въ отношеніи тона, привести всѣхъ къ одному знаменателю.

— Какъ немыслимо? воскликнулъ Владиміръ Алексѣевичъ,—развѣ я не справился съ этой задачей?

Нагорный промолчалъ. Ратиминъ, не уловивъ на его лицѣ едва замѣтной усмѣшки, подумалъ, что убѣдилъ оппонента. Вообще, онъ не замѣчалъ, что почти всѣ посматриваютъ на него съ загадочнымъ выраженіемъ не то ироніи, не то грустнаго сочувствія.

Онъ еще выпилъ и обвелъ глазами присутствующихъ, ища, съ кѣмъ бы поспорить, и, совершенно неожиданно для самого себя, началъ возражать запасному генералу, утверждавшему, что новыя прусскія магазинки не дадутъ ожидаемыхъ блестящихъ результатовъ.

Запасный генералъ ничего не отвѣтилъ на его возраженія. Это показалось обиднымъ Ратимину, тѣмъ болѣе, что Тихонинъ особенно улыбнулся. Тогда онъ захотѣлъ сказать ему какую-нибудь колкость, но, къ счастью, встали изъ-за стола, перешли кто въ маленькую гостиную, кто въ кабинетъ Павла Арсеньевича.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, шепнула Владиміру Алексѣевичу Негрѣхова.

Его толкнуло въ грудь отъ ея взгляда. Никогда еще не смотрѣла она на него съ такой волнующей нѣжностью.

— Гдѣ? когда? спросилъ онъ, съ трепетомъ въ сердцѣ.

— Подождите, я найду время.

И она вошла въ толпу гостей, со смѣхомъ отвѣчая на обращенныя къ ней фразы.

Ратиминъ чувствовалъ, что душа въ немъ снова пошатнулась, отъ одного ея взгляда. Оживленіе, вызванное виномъ, усилило внезапную влюбленность, заставило забыть обо всемъ, что̀ могло бы охладить, сдержать его порывы. Ему казалось, что онъ любитъ Евгенію Сергѣевну до безумія, всегда любилъ ее, и, если бы ему сказали: „ни на что̀ не надѣйся“, онъ сталъ бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ. „Скоро-ли? скоро-ли?“ думалъ онъ и страшно разсердился на дѣйствительнаго статскаго совѣтника, потому что тотъ завязъ въ безконечныхъ восторгахъ по поводу игры Негрѣховой, распинался передъ ней, задерживалъ; а банкиръ слушалъ и автоматично повторялъ, потирая стриженные бакенбарды:

— Даже очень, даже очень...

Владиміръ Алексѣевичъ переходилъ изъ угла въ уголъ, отъ группы къ группѣ, боясь, что его затянутъ въ бесѣду. Къ счастью, Пронинъ началъ разсказывать о своихъ первыхъ шагахъ „на литературномъ пути“, любезные слушатели окружили его, и Евгеніи Сергѣевнѣ удалось подойти къ Ратимину.

— Ну, что? спросилъ онъ, волнуясь.

Онъ былъ увѣренъ, что отъ ея словъ зависитъ его судьба. Все опьяненіе перешло въ чувство. Ему трудно было дышать, сердце въ немъ ныло. Негрѣхова замѣтила, въ какомъ онъ состояніи.

— Вы меня любите? спросила она, такимъ тономъ, что онъ съ радостной поспѣшностью отвѣтилъ:

— Да.

— За что?

Владиміръ Алексѣевичъ смутился.

— Я не знаю, проговорилъ онъ,—но я васъ люблю...

— А жена ваша?

— Жена... Право, я о ней не думаю!

— Но вспомните о ней и тогда съумѣете меня разлюбить...

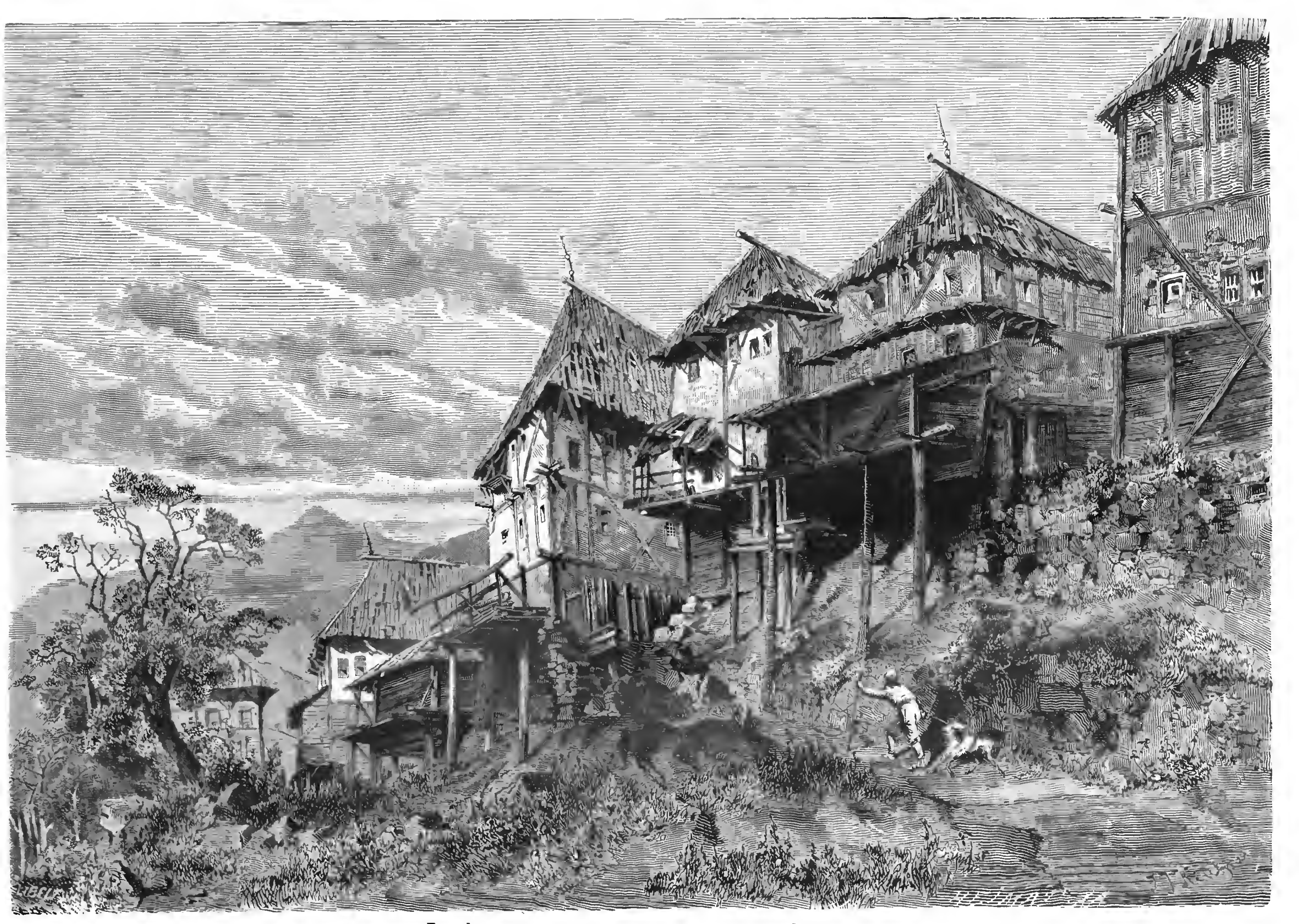
— Никогда!

Это слово вырвалось у него съ горячностью, испугавшей его самого. Онъ увидѣлъ всю рѣзкость своего увлеченія и рѣшилъ, что ничего противъ такой силы подѣлать нельзя и что воля, сверкавшая въ глазахъ Евгеніи Сергѣевны, его скрутила.

— И вы хотите, чтобы я васъ любила? продолжала Негрѣхова.

Онъ остался безъ словъ. Смутно сознавалъ онъ, что за ними могутъ наблюдать, что онъ не долженъ давать волю чувствамъ, позволять имъ выражаться на лицѣ. Молча, глазами, онъ клялся въ любви.

— И вы увѣрены, что я васъ не люблю? настаивала Евгенія Сергѣевна.



Боснійская деревушка. Рис. Кирхнеръ, грав. Либельтъ.

Отдыхъ валаамскихъ иноковъ на сѣнокосѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Муратова, грав. Флюгель.

Ратиминъ сильно поблѣднѣлъ, однако не непосредственно, а сперва подумавъ, что подобная фраза должна страшно взволновать.

— Вы... вы... неужели? прошепталъ онъ въ душевномъ хмѣлю.

— Да! рѣшительно произнесла Негрѣхова, съ пронизывающимъ взглядомъ, — да, я васъ люблю... Если вы разведетесь, я согласна быть вашей женой...

Слова „если вы разведетесь" показались Ратимину совершенно естественными. Ея голосъ могъ все смягчить. Охваченный безумнымъ порывомъ, онъ сказалъ:

— Хорошо! и протянулъ руку.

Ея холодные пальцы коснулись его руки.

— Не раздумаете? спросила Негрѣхова.

Владиміръ Алексѣевичъ повторилъ:

— Никогда.

Евгенія Сергѣевна подумала: „Хорошъ! Заставлю я тебя поломаться!" и отвернулась, шепнувъ:

— Довольно... иначе обратятъ на насъ вниманіе...

Отошла она, подсѣла къ Марьѣ Ефимовнѣ, спокойная, точно ни въ чемъ не бывало. Ратиминъ, отуманенный восторгомъ, въ забытьи приступа влюбленности, залюбовался ея профилемъ. Онъ былъ точно подавленъ тѣмъ счастіемъ которое выпало ему на долю... Она его любитъ!.. и сердце его сжалось до невыносимаго страданья.

— Рѣшено, рѣшено! шепталъ онъ, не зная о чемъ, но понимая, что обрываетъ въ себѣ что-то, и обрываетъ съ дикимъ наслажденіемъ, какъ будто вся жизнь его была создана для этой минуты. Горячность новыхъ ощущеній мѣшала ему думать о подробностяхъ предстоящей перемѣны жизни, то есть сама перемѣна представлялась ему чѣмъ-то удивительно простымъ и легкимъ, а обстоятельства, мельчайшія, ожидаемаго счастья рисовались передъ нимъ съ поразительной отчетливостью. Опьяненный, онъ, однако, понялъ, что способенъ выдать себя при людяхъ, которые будутъ очень рады поднять его на смѣхъ.

Онъ пошелъ прощаться. Павелъ Арсеньевичъ обидѣлся: ему пришлось прервать начатый разсказъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Марья Ефимовна назвала Владиміра Алексѣевича непосѣдой, а Нагорный сказалъ:

— Вы, положительно, слишкомъ жертвуете собой для газеты.

И видъ у него, при этомъ, былъ самый двусмысленный, такъ что Ратиминъ не зналъ, улыбнуться-ли ему или шугануть.

Евгенія Сергѣевна шепнула, съ очаровательной угрозой:

— Извольте помнить.

— Буду помнить, вѣчно! отвѣтилъ онъ, почти вслухъ, и попросилъ хозяевъ не безпокоиться, не провожать его.

XIII.

На улицѣ, морозъ сразу отрезвилъ его. Шелъ мелкій снѣгъ, колкій, билъ въ лицо. На перекресткахъ горѣли костры, бросая качающійся свѣтъ на угрюмые фасады большихъ зданій. Люди грѣлись у огня, протягивая руки поближе къ пламени, перетаптываясь съ ноги на ногу. Метель кружила снѣжинки, швыряла ихъ во всѣ стороны, точно со злостью.

Ратиминъ пришелъ въ себя, ужаснулся. Все окружающее приняло въ его глазахъ странный видъ. Все казалось ново, сухо, чуждо.

— Господи! До чего я дошелъ! прошепталъ онъ, — до чего я дошелъ!

Онъ точно зашелъ, относительно самого себя, съ другой стороны и видитъ въ себѣ то, чего прежде замѣтить не могъ. Острая страсть къ Негрѣховой сверлила ему сердце, а мозгъ работалъ самостоятельно и указывалъ ему: „ты въ пропасть направляешься, ты губишь себя!"

Мелькнуло передъ нимъ заплаканное лицо жены, не такое, какъ обыкновенно, когда она ударяется въ слезы, нѣтъ... Отъ воображаемаго выраженія ея глазъ замирало сердце. Представилась ему Соня, по-дѣтски строгая, и не разсердила его, а испугала.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя! проговорилъ онъ и удивленно посмотрѣлъ на своего кучера, подававшаго карету. — А? что? Поѣзжай домой, не надо! приказалъ Владиміръ Алексѣевичъ, — я пойду пѣшкомъ.

„Вѣдь все рѣшить надо!" чуть-ли не плаксиво подумалъ онъ, точно враждебно относящіеся къ нему люди нарочно поставили его въ невозможное положеніе и заявили ему: „вотъ тебѣ десять минутъ срока, найди исходъ...

Проходили люди, закутанные въ шубы, толкали его. На переходахъ черезъ улицы, онъ два раза чуть-чуть не попалъ подъ лошадь; извощики провожали его бранью.

— Нѣтъ, такъ нельзя! повторилъ онъ, — необходимо что-нибудь придумать.

И мысль о разводѣ наполнила его душу тоской. Понемногу онъ началъ понимать, что въ немъ не было ни на минутку любви, что толкало его увлеченіе и что теперь это увлеченіе не выдержало, ибо слишкомъ многаго потребовали отъ него.

Болѣзненное ощущеніе стыда наполнило все его существо. Онъ самъ себя презиралъ и душевно метался, не зная, какъ доказать себѣ, что онъ не одного презрѣнья достоинъ. Но всѣ минуты послѣднихъ дней, позорныя, точно стѣною сплотились вокругъ его мыслей. Онъ не видѣлъ исхода, страдалъ.

Пронеслась конка, съ дребезжаніемъ и стукомъ. Раздался, откуда-то, раздирающій женскій крикъ...

Городовой, застывшій на посту, очнулся и зашагалъ.

Былъ одиннадцатый часъ. Прохожіе на улицахъ рѣдѣли. У воротъ чернѣли глыбообразныя фигуры дворниковъ, закутанныхъ въ тулупы. На Невскомъ электрическій свѣтъ усиливалъ впечатлѣніе холода.

Владиміръ Алексѣевичъ шелъ медленно, нерѣшительною походкой, помня, что ему нужно сперва придти къ какому-нибудь заключенію, а потомъ уже прибыть домой. У подъѣзда какого-то ресторана, средней руки, онъ остановился и вошелъ.

Въ длинной залѣ, уставленной небольшими столами, народу было много. Офиціанты въ бѣлыхъ передникахъ, съ кружками пива въ рукахъ, шныряли, ловя заказы и отвѣчая „сейчасъ"... Волнистое облако табачнаго дыма плавно качалось подъ потолкомъ, синѣя.

Ратиминъ сѣлъ въ дальнемъ углу, у окна, придвинулъ къ себѣ столикъ и расположился поудобнѣе.

— Кружку пива, приказалъ онъ офиціанту, увидѣвъ, что предъ всѣми другими посѣтителями ресторана пиво стоитъ. Шумъ неумолкающаго говора гуломъ раздавался въ его ушахъ. Звонъ стакановъ и тарелокъ пріятно дразнилъ.

— Ну, теперь, подумаю...

Провѣривъ, Владиміръ Алексѣевичъ не нашелъ въ себѣ никакого чувства къ Негрѣховой. Онъ увидѣлъ весь ходъ своего увлеченія, какъ глупо и безпричинно оно зародилось въ немъ, и горечь наполнила ему сердце. Угадалъ онъ, что Евгенія Сергѣевна смѣялась надъ нимъ, задалась цѣлью его дурачить, и онъ, человѣкъ считавшій себя исключительно честнымъ и умнымъ, едва не поддался... нѣтъ, поддался совсѣмъ, очнулся слишкомъ поздно, истрепавъ душу, потерявъ возможность уважать себя.

Будь онъ одинъ—онъ заплакалъ бы, до того ему скверно сдѣлалось. Возмутилось въ немъ все, что являлось отголоскомъ его прежней безупречности. До сихъ поръ, онъ жилъ собою, уваженіемъ къ самому себѣ... до сихъ поръ.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Надо круто порвать.

Владиміръ Алексѣевичъ потребовалъ перо, чернилъ и бумаги.

„Добрѣйшая Евгенія Сергѣевна“, написалъ онъ,— „ушелъ я, забывъ сказать вамъ слѣдующее: ваша шутка до того меня удивила, что я не сразу нашелъ отвѣтъ. Онъ очень простъ,— перестаньте шалить и не взыщите за то, что я, изъ любопытства, далъ вамъ довести свою шутку до конца! В. Ратиминъ.“

Онъ понималъ, что поступаетъ глупо, но ему нужна была крайность, хоть искусственно вызванная,— рѣзкая нотка въ безцвѣтномъ хаосѣ его внутренняго міра. Ему надо было ясно демонстрировать себѣ, что онъ отталкиваетъ Негрѣхову; провести грань, чтобы свободно вздохнуть.

XIV.

Отправивъ письмо, Владиміръ Алексѣевичъ не ощутилъ облегченія. Напротивъ, еще болѣе гадкимъ и мелкимъ увидѣлъ онъ себя. Да, онъ, въ концѣ концовъ, не поддался; но развѣ это дѣлаетъ ему честь? Другой— тотъ Ратиминъ, которымъ онъ привыкъ было себя считать — не допустилъ бы себя до такого душевнаго шатанія, не увлекся бы первою встрѣчною красотой, не заволновался бы при видѣ хорошенькой интригантки, никогда. Какимъ пошлымъ представилось ему его былое самообожаніе, и какъ стыдился онъ того, что прежде былъ гордъ!

Мысль о женѣ заставила Владиміра Алексѣевича густо покраснѣть. Вотъ женщина преданная ему. Нужды нѣтъ, что его дѣло не близко ея сердцу; этого нельзя было и требовать. Но она никогда не обманывала мужа, всегда была отраженіемъ своей собственной души... И онъ, часъ тому назадъ, былъ готовъ поступить съ ней какъ съ самымъ презрѣннымъ человѣкомъ!.. Мимолетная фальшь все осквернила. Теперь уже не будетъ того, что̀ было раньше... За послѣднее время, онъ такъ остранилъ отъ себя Валентину Петровну, что отнынѣ мыслимы только холодныя отношенія недовольныхъ другъ другомъ супруговъ... Не придетъ она къ нему, не скажетъ „брось газету!..“ Напротивъ, она будетъ благодарить Бога за то, что мужъ ея занятъ и далекъ отъ нея, нелюбимый. Вѣдь нельзя любить человѣка показавшаго себя такимъ мелкимъ и достойнымъ презрѣнія. Ничего нельзя къ нему чувствовать, кромѣ гадливости.

И холодное уныніе легло на Ратимина ярмомъ. Безрадостность предстоящей жизни его пугала. Онъ не ощущалъ въ себѣ силы, энергіи... Ласки ему хотѣлось, такой ласки, какой онъ давно не зналъ,—материнской.

— Нѣтъ, ничего не надо, рѣшилъ Владиміръ Алексѣевичъ, почти вслухъ.— Къ чему гнаться за тѣмъ, чего лишился? Зачѣмъ мечтать о семейномъ счастіи, когда мое постыдное увлеченіе разрушило послѣднія развалины того, что̀ могло окрѣпнуть и семейнымъ счастьемъ стать... Есть у меня дѣло, хорошее, честное,— отдамся ему.

Кругомъ, толпа густѣла. Всѣ столы были заняты. Говоръ становился громче и сплошнѣй. Папиросный и сигарный дымъ застилалъ верхнюю половину залы. Торопливѣе бѣгали офиціанты, поспѣшнѣе наливали пиво въ кружки, изъ нарядныхъ искусственныхъ бочекъ, вдѣланныхъ въ стѣну, за спиной толстой буфетной дамы.

Владиміръ Алексѣевичъ увидѣлъ около себя на подоконникѣ газету, взялъ и развернулъ ее. Это былъ нумеръ „Публициста“. Поразилъ его заголовокъ фельетона: „*Честная* редакція“. Онъ сталъ читать и, съ первыхъ же строкъ, поблѣднѣлъ, ужаснулся... статья направлена, съ бранью, противъ него, противъ „Столицы“... Говорилось о Вратимовѣ, редакторѣ „Города“, разсказывали, что это человѣкъ всюду кричащій о своихъ собственныхъ добродѣтеляхъ, что̀ не помѣшало ему продать себя актрисѣ Непороковой, если не за рубль, то за милостивое расположеніе...

Говорилось, что „честный“ (такъ и было напечатано въ ковычкахъ) Вратимовъ не продаетъ своихъ отзывовъ, но что имѣется у него товарищъ, рыжій разбойникъ Ослабекинъ, который за него беретъ взятки и оставляетъ себѣ треть за коммисію... Сообщалось, что дѣльные сотрудники, Боронскій, Крушининъ и Кольниковъ ушли, возмущенные, такъ какъ Вратимовъ нашелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей поручить всѣ отдѣлы Ослабекину и Рахметкину, которые не то чтобы на руку не чисты, а просто жулики.

...Указывалось на передовую статью о Болгаріи, составленную изъ фразъ, безъ измѣненій понадерганныхъ изъ обозрѣній „Времени“ и „Петербурга..“ Подъ конецъ, красовались два столбца пошлаго глумленія надъ Вратимовымъ, и стояла подпись „Молодецъ“, извѣстный псевдонимъ журналиста, всегда пишущаго свои статьи въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ садился за работу получивъ предварительно пощечину.

Дочитавъ, Владиміръ Алексѣевичъ вытеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу.

— Дайте газеты, какія у васъ есть! приказалъ онъ офиціанту.

Ему принесли „Время“, „Вѣсти“, „Петербургъ“ и „Столицу“. Въ первыхъ двухъ, о немъ не упоминали,— игнорировали, очевидно. Въ „Петербургѣ“, въ отдѣлѣ „Наши газеты“, было всего нѣсколько словъ о немъ, но въ этихъ нѣсколькихъ словахъ было столько ехидства, что Ратиминъ увидѣлъ, до какой степени онъ уронилъ себя. Надъ нимъ глумились, какъ надъ отпѣтымъ человѣкомъ; отзывались о „Столицѣ“ съ какимъ-то новымъ торжествующимъ злорадствомъ.

Владиміръ Алексѣевичъ схватилъ свою газету и, въ первый разъ за полторы недѣли, прочиталъ ее. Онъ не узналъ „Столицы“. Вся первая страница была покрыта Бекинскимъ слогомъ; на второй ширился никогда не существовавшій раньше фельетонъ „изъ петербургской жизни“, несомнѣнно принадлежавшій Рашметкину и составленный въ духѣ трактирныхъ листковъ. Рядъ восторженныхъ библіографическихъ замѣтокъ о третьестепенныхъ изданіяхъ также, очевидно, былъ написанъ имъ-же. О послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Парижа было помѣщено два столбца, склеенныхъ изъ статей „Figaro“, навѣрно. На третьей страницѣ было напечатано неуклюжее юмористическое стихотвореніе на кафешантанныя темы, вставленное, несомнѣнно, на затычку.

Владиміръ Алексѣевичъ швырнулъ газету подъ столъ, оглянулся... Кругомъ сидятъ добродушные нѣмцы, ни одного знакомаго нѣтъ... А то бы онъ сгорѣлъ со стыда...

— Вотъ до чего дошелъ я! Даже тупица Бекинъ замѣтилъ, что нечего больше стѣсняться... Да, но я его протурю, каналью, сегодня-же, не дамъ себя позорить! прошепталъ Ратиминъ.

И ему вспомнились слова, сказанныя Петромъ Леонтьевичемъ наканунѣ: „у насъ значительно поднялась розничная продажа...“

— Еще-бы!.. Каналья! Прогнать его надо, немедленно...

„Да, а потомъ что̀?“ подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ и не нашелъ отвѣта. И онъ внезапно увидѣлъ, что порвалась связь, существовавшая между нимъ и „Столицей“. Онъ любилъ въ ней себя, прежде всего, любилъ въ ней ея честность. Теперешняя „Столица“ ничего не вызывала въ немъ, кромѣ отвращенія. Не ощущалъ онъ въ себѣ охоты поправить все, энергія пала, остыла...

— Да, что-жь... прогоню всю эту шайку, а потомъ... потомъ... ахъ! Да развѣ мнѣ не все равно!

Владиміръ Алексѣевичъ совершенно хладнокровно обсудилъ свое положеніе. У него больше ничего нѣтъ.

Семья испорчена, дѣло разбито. Будетъ онъ продолжать машинально, безъ вѣры въ себя, зная, что никто не захочетъ вѣрить ему, какъ бывало. Отнынѣ, онъ не можетъ оглядываться съ гордостью назадъ и смотрѣть съ надеждой на будущіе годы.

Владиміръ Алексѣевичъ взглянулъ на часы. Первый въ началѣ. Пора домой, ждетъ нумеръ. Онъ прочитаетъ его, конечно не подпишетъ, велитъ разобрать. Черезъ два дня выступитъ онъ съ новымъ составомъ редакціи; но развѣ это можетъ и должно радовать его?

Ресторанная зала начинала пустѣть. Чаще и чаще раздавались крики „zahlen!" и шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Одинъ господинъ, совсѣмъ пьяный, заснулъ, положивъ голову на столъ. Свѣтъ газоваго рожка весело отражался на его лысинѣ. Сосѣди кивали на него, посмѣивались.

Когда Ратиминъ сходилъ съ лѣстницы, неожиданно вспомнились ему строки:

Любви всѣ возрасты покорны...
Ея порывы благотворны...

Литературно-критическія миніатюры.

Лирика Пушкина.

Лирическія стихотворенія, въ ряду художественныхъ произведеній, занимаютъ, какъ извѣстно, свое особое мѣсто. Они — плодъ мгновенныхъ, минутныхъ настроеній душевныхъ. Уже вслѣдствіе этого они должны отличаться большимъ разнообразіемъ, могутъ быть противорѣчивы другъ другу. Все что переживаетъ своею душою поэтъ—все это онъ можетъ передать въ лирическихъ произведеніяхъ. Сегодня онъ веселъ и смотритъ на міръ Божій радостно — онъ пишетъ стихотвореніе полное радости и живыхъ ощущеній жизни; завтра ему грустно, тлѣнными и скоропреходящими представляются ему радости жизни, — и это, противоположное первому настроеніе, онъ передаетъ звучными стихами. Для лирической поэзіи, говоря вообще, нѣтъ предѣловъ, нѣтъ ограниченій, въ нее входитъ все, что не чуждо душевной жизни человѣка. Лирика поэта есть лѣтопись духовнаго существованія его, въ нее заноситъ онъ все, что его поразило, тронуло, что такъ или иначе взволновало его духовную природу, его умъ и сердце. И единственнымъ разумнымъ требованіемъ отъ поэта будетъ то, чтобы онъ съ возможною искренностью и полнотой передавалъ полное и искреннее чувство, чтобы „отъ избытка сердца говорили его уста."

Напрасно было бы искать какой-то особенной непосредственной пользы отъ произведеній поэта, особенно произведеній лирическихъ. Если для насъ полонъ высокаго поучительнаго смысла простой прозаическій разсказъ о жизни выдающагося человѣка, т. е. его біографія, то тѣмъ вліятельнѣе, тѣмъ болѣе облагораживающее значеніе имѣетъ исторія душевной жизни поэта, разсказанная имъ самимъ въ лирическихъ произведеніяхъ. Тамъ, въ біографіи, вамъ говорятъ, что герой ея испыталъ такое-то и такое-то чувство—жалости, презрѣнія, негодованія,— и болѣе ничего сказать не могутъ. А поэтъ разскажетъ вамъ не только, *какое* чувство испыталъ онъ, но и *какъ* испыталъ, представитъ вамъ его въ формѣ осязательно ясной, и заставитъ самихъ васъ испытать его. Исторія душевной жизни поэта пройдетъ передъ вами не въ сухой формѣ перечня душевныхъ волненій, а вы сами переживете жизнь поэта. И если принять во вниманіе, что истинный поэтъ всегда такъ-сказать „натура центральная", наиболѣе впечатлительный и чуткій человѣкъ своего времени, то указываемое значеніе его возрастаетъ до высокой степени. Обыкновенный, менѣе чуткій человѣкъ отзовется только на часть мыслей и чувствъ которыя волнуютъ современниковъ; другой изъ этихъ обыкновенныхъ людей отзовется на другое, такъ или иначе захватывающее, волнующее его; третій — на третье. Но чуткая натура поэта объединитъ въ себѣ всѣхъ ихъ, отзовется на всѣ вопросы времени, на всѣ чувства и мысли интересныя для его современниковъ. Въ его лицѣ — все время со всѣми его характеристическими особенностями; онъ—истинное зеркало духовной жизни цѣлаго періода времени. Это придаетъ поэту какъ бы временное преимущественно значеніе. Но великій нѣмецкій поэтъ выразилъ великую и истинную мысль, сказавъ: „кто жилъ для своего времени, тотъ жилъ для всѣхъ временъ". Потому что истинно человѣческое свойственно всѣмъ временамъ и всѣмъ людямъ; мѣняются только формы, частію содержаніе чувствъ и мыслей, но сущность остается та же. Всегда люди любили и будутъ любить, всегда ненавидятъ, всегда волнуются новыми задачами и вопросами ихъ жизни. И вся разница въ томъ, что сегодня они стремятся, напр., къ общему благу однимъ путемъ, а чрезъ десятки лѣтъ поймутъ иначе свою задачу; но самое стремленіе останется вѣчно юнымъ и прекраснымъ, и всегда будетъ понятно людямъ, всегда они отзовутся на него. Пусть читатель иного времени и не найдетъ въ поэтѣ того, что составляетъ особенность его времени, но онъ самъ замѣнитъ современное поэту своимъ современнымъ, лишь бы поэтъ передалъ въ своей поэзіи то, что было дѣйствительно общечеловѣческаго въ современномъ ему. Такъ, тысячелѣтія спустя, мы способны волноваться страстями героевъ великой эпопеи паденія Трои, хотя насъ совсѣмъ не касаются стремленія ихъ, ихъ подвиги и вымыслы.

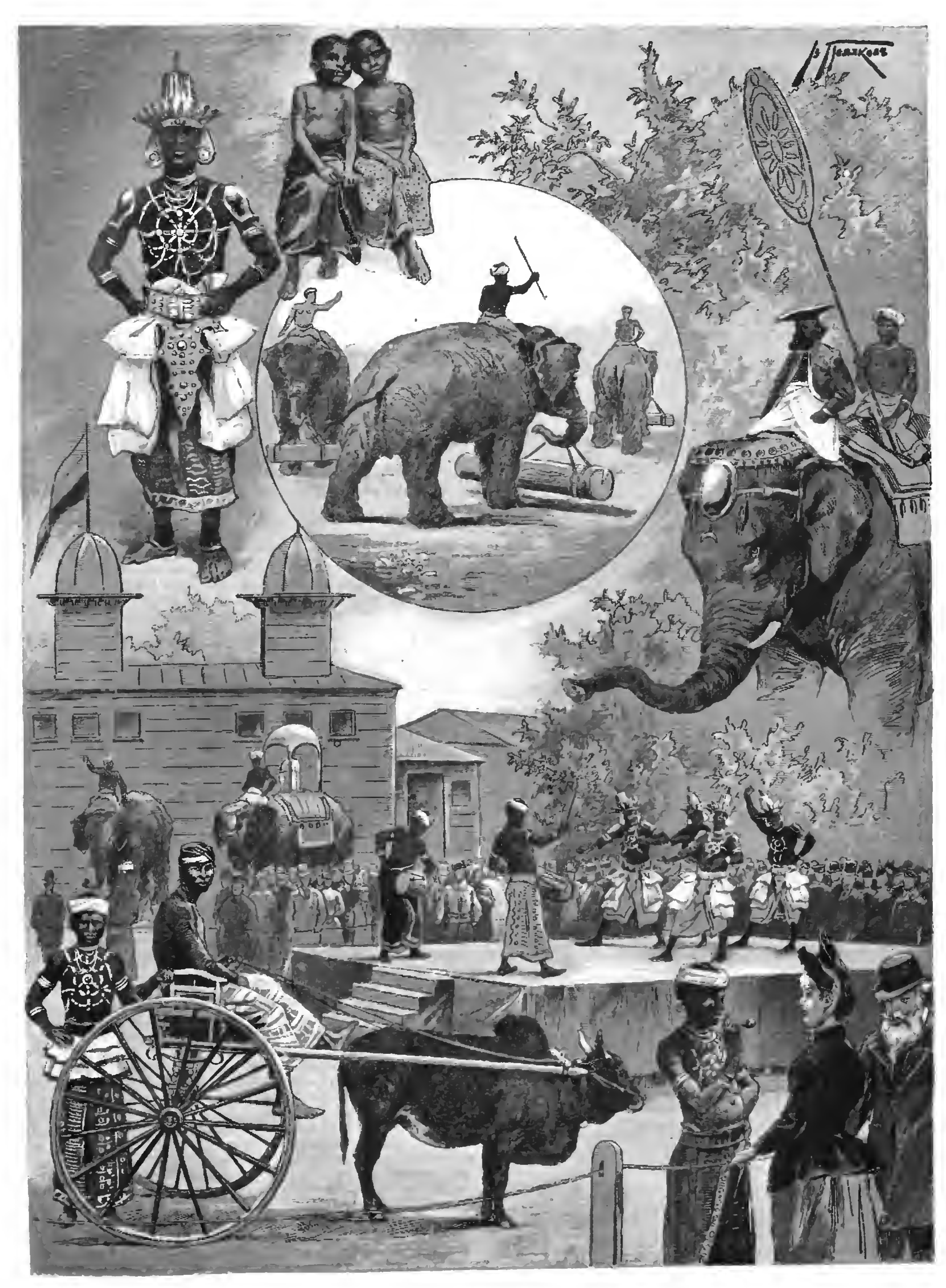
Все вышесказанное почти въ идеальной степени примѣнимо къ Пушкину. Пушкинъ былъ именно такимъ поэтомъ, который, живя для своего времени, жилъ для всѣхъ временъ. Въ его лирѣ нѣтъ пристрастій, возникшихъ подъ вліяніемъ условій жизни того времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ пристрастій, онъ отозвался на все, что не чуждо человѣку. Въ его стихотвореніяхъ вы найдете и самое обыкновенное, повседневное, чѣмъ не могъ не жить ни онъ, ни его современники; а рядомъ съ этимъ, передъ читателемъ возникаютъ и тревожнѣйшіе, важнѣйшіе по времени, даже иногда по минутѣ, вопросы времени. Въ немъ не было односторонности, онъ искренно отражалъ въ стихахъ и свои личныя чувства, и тревожнѣйшія чувства, исходившія изъ вопросовъ общественныхъ. Сегодня онъ воспѣвалъ свою любовь, завтра обращался къ важнѣйшему тогда вопросу объ отношеніяхъ Славянства съ его внутренней борьбой къ Западной Европѣ („Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская Годовщина", напр.). Въ этомъ разнообразіи, въ этой разносторонности сказалась богатая поэтическая натура, въ ней—доказательство геніальности поэта.

Есть мнѣніе, что многое въ поэзіи Пушкина, какъ и другихъ поэтовъ, не нужно, излишне, представляетъ „красивыя бездѣлки". Есть чувства и волненія, говорятъ намъ, которыя достойны пера поэта, и есть чувства которыя поэтъ можетъ, такъ сказать, оставить про себя: весьма естественно, если поэтъ вдохновляется вопросами народнаго блага, но кому нужно знать, кого онъ любилъ, что онъ чувствовалъ во время товарищескаго пира и т. п.? Ничего не можетъ быть фальшивѣе такого требованія отъ поэта. Личная жизнь, въ ея, конечно, общечеловѣческихъ свойствахъ, чувства любви, дружбы и пр. и пр., въ жизни человѣчества играютъ не меньшую, а гораздо бо́льшую роль, чѣмъ исключительныя высокія стремленія и волненія. Представлять эти чувства въ идеальныхъ, лучшихъ свойствахъ ихъ, какъ это дѣлаетъ поэтъ, — великое дѣло, облагораживающее мысли и чувства читателей. Повседневное, кажущееся незначительнымъ, въ сущности составляетъ самую основу жизни. Развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который бы жилъ исключительно и нераздѣльно одною идеею, напр. славы?—такой человѣкъ былъ бы ненормаленъ психически. Идеи не мѣшаютъ ни любить, ни ненавидѣть, ни дружиться, ни веселиться и печалиться и пр. Точно также и поэтъ, отражающій искренно свою душевную жизнь, не можетъ оставаться въ средѣ только высокихъ общественныхъ идей. Да если бы и было это возможно, вмѣсто ожидаемой пользы получился бы вредъ, потому что высокія общественныя чувства и стремленія возникаютъ на почвѣ личныхъ; напр., чтобы умѣть любить родину и честь родины, нужно сначала выучиться любить мать, близкихъ и уважать ихъ. Поэзія, игнорируя личную жизнь, личныя чувства, не развивая и не поддерживая ихъ, строила бы зданіе съ крыши, а не съ фундамента.

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ зналъ и чувствовалъ это. Онъ свободно отдавался своему вдохновенію, куда бы оно ни вело его. И когда къ нему обращалось требованіе „полезныхъ" произведеній, онъ, въ извѣстномъ сонетѣ „Поэту", совѣтовалъ „не дорожить любовію народной", потому что поэтъ „самъ свой высшій судъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ ту „пользу", которую онъ приноситъ, сказавъ въ „Памятникѣ", что къ его нерукотворному памятнику „не заростетъ народная тропа", потому что онъ „чувства добрыя возбуждалъ".

Будучи искреннимъ, Пушкинъ оставилъ намъ множество стихотвореній касающихся прямо его индивидуальной жизни. Въ нихъ, съ лицейской скамьи и до смерти, онъ передавалъ все, что западало ему въ душу. Мы находимъ въ нихъ и его негодованіе противъ неправды въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ, и его мысли о неизбѣжномъ концѣ („Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ"), и его радости и печали по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ, и порывы его любви и пр. Богатая, геніальная природа поэта развертывается передъ вами въ пышной, ослѣпительной красотѣ и силѣ.

Пушкинъ чутко отзывался въ своей поэзіи на тогдашніе общественные вопросы. При неясности, при невыработанности идей этого рода, вопросы эти въ то время носили совсѣмъ особый характеръ, для насъ уже нѣсколько чуждый. Пушкинъ выразилъ въ „Демонѣ" сущность этого общественнаго настроенія. Когда ему еще новы были всѣ „впечатлѣнія бытія", вмѣстѣ съ „взорами дѣвъ и шумомъ дубравы", онъ отмѣчаетъ то, что



Цейлонцы въ СПБ. Зоологическомъ саду. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Полякова, фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПБ.

Каттадія—служитель дьявола. Цейлонскія дѣти. Слоны на работѣ. Слонъ изъ торжественной процессіи Перра-Герра.
Бычокъ зебу, впряженный въ хакери. Пляска каттадіевъ.

ему сладко волновало кровь. Это были: „возвышенныя чувства, свобода, слава и любовь, и вдохновенныя искусства". И эта святая вѣра его получаетъ яркое отраженіе въ его стихотвореніяхъ. Какое высокое представленіе о „вдохновенныхъ искусствахъ" въ его „Пророкѣ"! какая боль за рабство въ его „Анчарѣ"! и какое высокое представленіе о „славѣ", когда онъ совѣтуетъ „не дорожить любовію народной"!

Пушкину, въ пору зрѣлости его таланта, знакомы были, однако, и сомнѣнія въ истинности его идеаловъ. Въ „Демонѣ" онъ ярко отразилъ эти сомнѣнія, которыя позже въ обществѣ получили большую силу. Демонъ Пушкина „вдохновенье презиралъ", „не вѣрилъ любви, свободѣ, на жизнь насмѣшливо глядѣлъ". Въ этомъ стихотвореніи нѣчто пророческое, оправдавшееся впослѣдствіи цѣлыми общественными теченіями и показывающее, какъ далеко видѣли впередъ проницательныя очи великаго поэта. Въ пору зрѣлости генія своего Пушкинъ обнаружилъ также необыкновенно геніальную способность лирически воспроизводить не свое, а чужое для него душевное настроеніе съ силою поражающею (какъ напр. въ стихотвореніи „Гусаръ"). Въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ" передъ читателемъ раскрывается дивное древне-русское содержаніе, полное прелести необыкновенной.

Мы говорили до сихъ поръ болѣе о содержаніи поэзіи Пушкина. Но „форма" поэзіи,—то, *какъ, какими средствами* поэтъ выражаетъ это содержаніе,—не второстепенный элементъ въ поэзіи, а наиболѣе важный. Можно и хорошую идею испортить дурною формою, сдѣлать ее непонятною, неясною. Но формы Пушкинской поэзіи неподражаемы.

Пушкинъ обладалъ въ этомъ смыслѣ свойствомъ почти исключительнымъ, состоящимъ въ томъ, что при страстномъ чувствѣ онъ остается недостижимо простъ. Прочтите любое его стихотвореніе, и вы никогда, ни одного слова не найдете у него, которое было-бы „эффектно". Пушкинъ былъ исключительно страстный человѣкъ. Но въ его стихотвореніяхъ свѣтится такое простое, обыкновенное, повидимому совсѣмъ не выдающееся чувство! Ни однимъ звукомъ не подчеркиваетъ онъ силы. Естественно, что вы слышите эту чарующую искренность, и если вы не испорчены стремленіями къ громкому, трескучему, то вы невольно преклонитесь передъ великимъ геніемъ Пушкина. Притомъ всякая мысль и чувство облекается у Пушкина въ „образъ", простой и реальный, что дѣлаетъ идею ощутительною совершенно. Чувство правды и мѣры всюду господствуетъ въ лирикѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи онъ остается понынѣ безъ соперниковъ въ русской литературѣ. **Арсеній Введенскій.**

Къ рисункамъ.

Императорскій театръ въ Вѣнѣ. (Рис. на стр. 937).

Послѣ 14-ти-лѣтней постройки, 2 октября прошлаго года открылся новый придворный драматическій театръ въ Вѣнѣ, который не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ нъ техническомъ, архитектурномъ и художественномъ отношеніи и по всей справедливости можетъ быть названъ образцовымъ театромъ. Большія денежныя средства, которыя были въ распоряженіи, дали возможность руководившему постройкой зодчему Карлу фонъ-Газенауеру, по рисункамъ Земпера и при содѣйствіи вѣнскихъ художниковъ, создать въ своемъ родѣ нѣчто вполнѣ законченное. Самое подробное описаніе, снабженное множествомъ рисунковъ, не дало бы полнаго представленія о новомъ театрѣ; поэтому мы ограничиваемся помѣщеніемъ только изображенія внѣшняго вида его. Великолѣпная постройка, въ стилѣ современнаго возрожденія, возвышается противъ новой ратуши и представляетъ, благодаря выступающей полукруглой своей части по срединѣ, къ которой примыкаютъ съ боковъ двѣ пристройки,—своеобразный архитектурный характеръ, производящій, при богатыхъ украшеніяхъ, орнаментальныхъ и скульптурныхъ, впечатлѣніе зданія, блестящаго и великолѣпнаго въ высшей степени. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается когда вступаешь во внутрь театра. Повсюду мраморъ, живопись, позолота. Обѣ лѣстницы, ведущія къ ложамъ, изъ мрамора. Фойе также по стѣнамъ облицовано сѣрымъ и красноватымъ мраморомъ и украшено живописью и люстрами съ канделябрами изъ золоченой бронзы. Зрительная зала, бѣлая съ темновишневымъ и позолотою, вмѣщаетъ 2000 человѣкъ. Императорская ложа справа, и эрцгерцогская слѣва, а также парадная ложа посрединѣ, отдѣльными коридорами и лѣстницами соединены между собою и снабжены особыми для каждой аванзалами. Великолѣпіе ихъ не поддается описанію. Сцена, вся изъ желѣза, построена по новой системѣ. Всѣ превращенія на сценѣ, провалы и т. п. происходятъ почти безшумно посредствомъ гидравлическихъ приспособленій. Не менѣе удивительны вентиляція, отопленіе и освѣщеніе. Безчисленныя картины на плафонѣ и по стѣнамъ, фрески, изваянія, статуи и пластическіе орнаменты не поддаются описанію въ краткой замѣткѣ. Стоимость этого чудеснаго зданія простирается до 7 милліоновъ гульденовъ.

Подслушиваетъ. (Рис. на стр. 940).

Хорошенькая картинка Карла Мюкке переноситъ зрителя въ голландскій или фризскій рыбачій домикъ. Въ отворенную дверь видна влюбленная парочка въ просторной кухнѣ, отличающейся тою голландскою чистотой и опрятностью, которыя вошли въ пословицу. Увлеченные рѣчами, значенье которыхъ, по словамъ поэта, „темно иль ничтожно", но которымъ нельзя внимать безъ волненья, они не замѣчаютъ, что ихъ воркованье осторожно, но съ большимъ вниманіемъ подслушиваетъ миловидная голландка, быть-можетъ соперница счастливой влюбленной, а скорѣе, просто случайная свидѣтельница, любопытная, какъ и всѣ дочери Евы.

Прерванное свиданіе. (Рис. на стр. 941).

Картинки академика Трутовскаго изъ малорусской жизни всегда отличаются необыкновенно вѣрнымъ изображеніемъ быта и типичностью фигуръ. Вотъ передъ вами зажиточный, сѣдой уже крестьянинъ, изъ лучшихъ домохозяевъ на всемъ хуторѣ, взявшій къ себѣ въ батраки красиваго паробка. Дочкѣ домохозяина приглянулся паробокъ, и самъ не прочь взять ее замужъ, но старый (отецъ) зорко слѣдитъ за нею, не желая такой mésalliance своего рода, т. е. по деревенскимъ понятіямъ. Тѣмъ не менѣе молодежь ищетъ случая перекинуться словечкомъ—пошла Оксана за водой и, встрѣтивъ Грица у калитки на задворкахъ, только что поставила ведра на-земь, чтобъ поболтать, какъ вдругъ отецъ шасть съ задняго крыльца. Какъ тутъ быть? Присѣла дѣвушка на корточки за калитку, а предательскія ведра и выдаютъ ея близкое присутствіе. И вотъ дѣло пошло на то, кто кого перехитритъ.

Подъ осень. (Рис. на стр. 945).

Изящная картинка Джанетти изображаетъ молодую дѣвушку, прогуливающуюся по саду въ началѣ листопада и слегка кутающуюся въ прохладѣ начинающихся утренниковъ.

Отдыхъ валаамскихъ иноковъ. (Рис. на стр. 948).

Валаамская братія, какъ извѣстно, ведетъ трудовую жизнь, обработывая свои земельные участки, занимаясь рыболовствомъ и т. д. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ иноковъ, отдыхающихъ за чайкомъ на монастырскомъ покосѣ.

Боснійская деревушка. (Рис. на стр. 949).

Нѣкогда часть турецкаго вилайета, Боснія—вмѣстѣ съ Герцеговиной—занята съ 1878 года Австро-Венгріей, въ количествѣ 945,2 квадратныхъ миль. Расположенная къ сѣверу отъ Черногоріи и къ западу отъ Сербіи, Боснія сплошь покрыта горами и населена славянами, сербскаго происхожденія, которыхъ вмѣстѣ съ евреями, осѣдлыми цыганами и другими народностями насчитывается болѣе 1.158,000. Въ отличіе отъ настоящихъ сербовъ, жители называются босняками, говорятъ на сербскомъ языкѣ, сохранившемся въ Босніи совершенно чистымъ и полнымъ. Живетъ населеніе, кромѣ 43 городовъ и 31 мѣстечка, въ 5054 деревняхъ, одну изъ которыхъ изображаетъ нашъ рисунокъ, по наброску Шмарда, австрійскаго оберъ-лейтенанта оккупаціонныхъ войскъ, занявшихъ Боснію и Герцеговину.

Цейлонцы въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 953).

Въ концѣ августа въ зоологическій садъ Роста прибылъ караванъ цейлонцевъ или сингалезовъ, въ 36 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, со слонами и зебу. На родинѣ число собственно цейлонцевъ простирается до 1.670,000. Они произошли отъ смѣшенія исконныхъ обитателей острова „Дравида" съ многочисленными пришельцами-индусами съ материка, что ясно доказываетъ ихъ языкъ „Элу". Роста сингалезы средняго, не выше 2½ аршинъ, съ тонкими и правильными чертами лица и красивымъ тѣлосложеніемъ. Женщины ихъ племени часто бываютъ поражающей красоты. Цвѣтъ кожи сингалезовъ измѣняется отъ свѣтло-коричневаго или оливковаго почти до чернаго; глаза часто бываютъ свѣтло-каріе, но волосы всегда черные, длинные и шелковистые. Полигамія среди нихъ встрѣчается рѣдко. Женятся очень рано, безъ особенныхъ торжественныхъ обрядностей, и легко разводятся. Одежда простая, изъ яркихъ пестрыхъ тканей. Пища почти вся растительная. Спиртныхъ напитковъ они изъ религіозныхъ убѣжденій избѣгаютъ, хотя цивилизація коснулась уже пріѣзжихъ гостей, и они не столь воздержны какъ ихъ земляки на родинѣ. На Цейлонѣ они живутъ въ хижинахъ или на деревьяхъ. Умершихъ хоронятъ, а не сжигаютъ, какъ индусы. По религіи они придерживаются буддизма, который распространился среди нихъ въ IV вѣкѣ до Р. Х.

Прибывшіе въ Петербургъ цейлонцы ходятъ босикомъ, въ живописныхъ костюмахъ, въ сергахъ, бусахъ и съ заплетенными косами. Мужчины по поясъ обнажены; женщины, числомъ 4, въ яркихъ платьяхъ. Всѣ они почти не выпускаютъ изо рта трубки или сигары. Они очень общительны, подвижны и простодушны. Съ собой они привезли слоновъ, зебу, телѣжки и

цѣлый обозъ крайне интересныхъ предметовъ обихода — кувшины, палки, барабаны и всякаго рода другіе музыкальные инструменты. На большой эстрадѣ, посрединѣ сада передъ открытой сценой, они даютъ свое представленіе. Тутъ и танцы, и хожденіе по канату, и пѣніе, и ѣзда на крошечныхъ быкахъ — зебу, и упражненія со слонами! Особенно интересны танцы: религіозные и національные; всѣ они очень характерны. Въ особенности нравится зрителямъ танецъ каттадіевъ—такъ-называемыхъ служителей дьявола.

Катастрофа въ Антверпенѣ. (Рис. на стр. 956 и 957).

25 августа (6 сентября), въ два часа пополудни, ужасающій взрывъ поколебалъ весь городъ Антверпенъ (въ Бельгіи) и заставилъ столкнуться между собою самые большіе корабли стоявшіе въ гавани: это взлетѣла на воздухъ патронная фабрика, устроенная за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ близь бассейновъ. Почти безъ перерыва вслѣдъ затѣмъ громадный столбъ яркаго пламени, увѣнчанный густымъ чернымъ облакомъ дыма, вырисовался на голубомъ небѣ: это вспыхнули резервуары нефти, такъ-называемые *танки*, расположенные въ 15 саженяхъ отъ патронной фабрики и воспламенившіеся отъ взрыва.

Паника населенія была неописуема: обезумѣвшіе жители выбѣгали на улицы, усѣянныя разбитыми стеклами, выбитыми оконными рамами, сорванными съ петель дверьми, снесенными трубами и вывѣсками. На Биржѣ стеклянная крыша посыпалась мельчайшими дребезгами на толпу собравшихся тамъ купцовъ. Взрывъ ощущался въ самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Антверпена, превращая въ дребезги самыя толстыя оконныя стекла. Надъ патронною фабрикой, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, волновалось громадное бѣлое облако, густое и принимавшее то форму снопа, то аэростата безъ гондолы: это былъ результатъ вспышки 600,000 фунтовъ пороха и фульмината (пистоннаго воспламенительнаго состава въ патронѣ). Облако это было видимо въ теченіе четверти часа, такъ что фотографъ *Illustration* успѣлъ его фотографировать (см. рис. на стр. 956). Остальные рисунки даютъ понятіе объ ужасающемъ зрѣлищѣ въ различныхъ частяхъ города послѣ катастрофы. Здѣсь обезумѣвшая толпа тѣснится въ густомъ туманѣ взрыва; тамъ пожарные стараются отстоять складъ бочекъ съ нефтью, принадлежащій торговому дому Ритъ, обливая эти толстыя бочки охлаждающими струями воды.

Жертвъ катастрофы насчитываютъ сотни. На фабрикѣ работало 114 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей; ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Обрушившіяся въ окрестностяхъ зданія, загорѣвшіеся дома, пули свиставшія во всѣхъ направленіяхъ, вырвали еще 200—300 жертвъ, изъ коихъ вѣроятно около половины были убиты на мѣстѣ. Отъ самаго склада патроновъ, его службъ и персонала найдены были лишь изуродованные остатки: добровольцы изъ гражданъ и солдаты-саперы вытаскивали изъ дымившихся развалинъ—кто оторванную ногу, кто руку, кто голову... Рисунокъ на стр. 957 лишь отчасти передаетъ эти ужасы.

Возлѣ самаго мѣста взрыва находилась группа сельскихъ домиковъ, составлявшая старинную мызу Ауструвиль, вошедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ черту города: эти дома имѣютъ видъ подвергшихся настоящему бомбардированію. Нѣсколько зданій при бассейнахъ, какъ напр. такъ-называемые „Гидравлическіе дома“ совершенно разрушены. Къ счастію еще, вѣтеръ относилъ пламя и дымъ на Шельду: иначе скученные въ бассейнахъ корабли неминуемо стали-бы жертвою нефти, которая горѣла въ теченіе 36 часовъ.

Утверждаютъ, что на патронной фабрикѣ, принадлежавшей французу Корвилену, было до 50 милліоновъ патроновъ, скупленныхъ имъ какъ бракъ по дешевой цѣнѣ у испанскаго правительства для переработки на порохъ, причемъ болѣе половины оставались еще неразряженными. Противъ Корвилена начато судебное преслѣдованіе на томъ основаніи, что онъ не принялъ всѣхъ мѣръ предосторожности, предписанныхъ ему при разрѣшеніи основать фабрику въ чертѣ города.

На самомъ мѣстѣ фабрики образовалась огромная впадина почвы, которая заставляетъ спеціалистовъ предполагать что въ числѣ патроновъ были и динамитные.

Политическое обозрѣніе.

Никогда Данія не принимала столько высокихъ гостей, какъ въ настоящее время.

17 августа прибыли въ Копенгагенъ Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми. Король Датскій и Греческій король выѣхали навстрѣчу Августѣйшимъ гостямъ и въ два часа пополудни были приняты на бортъ яхты „Держава“, у Драгера. Въ 3 часа 50 минутъ пополудни, Государь Императоръ съ Императорскою фамиліею были встрѣчены членами королевской фамиліи въ столицѣ Датскаго королевства, откуда, прослѣдовавъ по роскошно убраннымъ улицамъ на вокзалъ, отбыли въ Фреденсборгъ.

24 августа въ Копенгагенъ прибыла герцогиня Кумберландская и была встрѣчена членами Императорской и королевской фамилій на яхтѣ „Данеброгъ“. Батареи и русскія военныя суда произвели пушечный салютъ. Съ пристани Высочайшія Особы прослѣдовали чрезъ роскошно украшенный городъ на вокзалъ и отбыли въ замокъ Фреденсборгъ, привѣтствуемыя восторженными кликами жителей. Кромѣ того въ Копенгагенъ прибудутъ вдовствующая императрица Викторія съ тремя дочерьми, а также ожидается пріѣздъ Шведскаго короля.

Въ замкѣ Фреденсборгѣ русская Августѣйшая семья проводитъ время въ своемъ кругу; оффиціальныхъ празднествъ никакихъ не было до 30 августа, когда, по случаю тезоименитства Государя Императора, Особы Императорской и королевской фамиліи присутствовали на молебствіи въ русской церкви, а затѣмъ, среди орудійныхъ салютовъ, отбыли на яхту „Держава“, гдѣ сервированъ былъ завтракъ. Городъ, а также русскія и датскія военныя суда убраны флагами. Огромныя толпы народа оглашали воздухъ восторженными кликами. Послѣ завтрака на Императорской яхтѣ „Держава“, Высочайшія Особы, среди восторженныхъ кликовъ собравшейся массы публики, отбыли изъ гавани на вокзалъ и съ экстреннымъ поѣздомъ отправились въ Фреденсборгъ. Вечеромъ „Держава“ была великолѣпно иллюминована, а на судахъ датской броненосной эскадры сожженъ былъ фейерверкъ. На берегу народъ собрался огромными массами.

На слѣдующій день Ихъ Императорскія Величества и другія Высочайшія Особы прибыли въ полдень въ Копенгагенъ и завтракали у принца Вальдемара. Затѣмъ состоялся обѣдъ въ королевскомъ дворцѣ Амаліенборгъ. Передъ обѣдомъ въ замкѣ Амаліенборгѣ, Государь Императоръ съ принцемъ Вальдемаромъ Датскимъ и король Христіанъ съ Государынею Императрицею прогуливались по улицамъ города. Въ 9 часовъ вечера герцогиня Тира Кумберландская уѣхала изъ Копенгагена на датской королевской яхтѣ „Данеброгъ“, послѣ чего Августѣйшія Особы вернулись въ Фреденсборгъ. Во время нахожденія Высочайшихъ лицъ въ гавани, на Императорской яхтѣ „Держава“, великолѣпно иллюминованной, игралъ хоръ музыки.

Того-же числа Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился, для присутствованія на маневрахъ въ Германіи, на императорской яхтѣ „Царевна“ изъ Корсера въ Киль, куда и прибылъ благополучно въ 3¹/₄ часа пополудни. Фортовыя батареи и военныя суда произвели салютъ. На пристани Его Высочество былъ встрѣченъ командующимъ адмираломъ, всѣми офицерами кильскаго гарнизона и барономъ Фредериксомъ, прибывшимъ изъ Петербурга, чтобы состоять при Особѣ Его Высочества. Всѣ зданія украшены флагами. Въ 4 часа 35 минутъ Его Высочество отбылъ въ Ганноверъ. Въ бытность свою въ Килѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ съ визитомъ въ замкѣ у супруги принца Генриха Прусскаго, гдѣ и обѣдалъ. Населеніе встрѣчало Его Высочество самымъ радушнымъ образомъ.

Въ Ганноверъ Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ десятомъ часу вечера и былъ встрѣченъ на вокзалѣ императоромъ Вильгельмомъ и другими, находящимися въ Ганноверѣ царственными лицами. Его Высочество былъ въ мундирѣ своего прусскаго гусарскаго полка, а императоръ — въ мундирѣ своего русскаго полка. Императоръ нѣсколько разъ обнималъ Высокаго гостя. Поздоровавшись съ другими принцами и обойдя фронтъ почетнаго караула, Наслѣдникъ Цесаревичъ, вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ, въ открытой коляскѣ четверкою отправился въ замокъ, гдѣ Его Высочество сердечно былъ привѣтствованъ императрицею Августою-Викторіею и супругою принца Альбрехта Прусскаго. На пути слѣдованія Высочайшаго гостя въ замокъ, дома были великолѣпно убраны и войска были поставлены шпалерами. Населеніе привѣтствовало Его Высочество восторженными кликами „ура!“. 1 сентября, Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился съ генераломъ Гольцомъ въ коляскѣ шестеркою на мѣсто парада. Народъ привѣтствовалъ Его Высочество восторженными кликами; Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчалъ на привѣтствія поклонами. Во время парада Его Высочество, верхомъ на великолѣпномъ конѣ, находился рядомъ съ императоромъ Германскимъ и внимательно слѣдилъ за движеніями войскъ. По окончаніи парада, Наслѣдникъ Цесаревичъ, вмѣстѣ съ императоромъ, ѣхалъ верхомъ во главѣ войскъ. Въ 5 часовъ пополудни состоялся въ замкѣ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовала Германская императорская чета, другія царственныя лица и генералитетъ. При шествіи къ столу императрица Августа-Викторія шла объ руку съ Его Высочествомъ. За столомъ Его Высочество занялъ мѣсто между императрицею и принцемъ Георгіемъ Саксонскимъ. Вечеромъ былъ парадный спектакль. Во время спектакля въ блестяще освѣщенномъ театрѣ, Государь Наслѣдникъ занималъ мѣсто рядомъ съ императрицею. Шла пьеса „Testament des Grossen Kurfürsten“.

2 сентября, въ 8 часовъ утра, Его Высочество съ императоромъ отправились въ экипажѣ, четверкою, на маневры въ лагерь, куда также прибыла верхомъ императрица. Маневры прошли въ полномъ порядкѣ. При обсужденіи результатовъ маневровъ, Его Высочество находился возлѣ императора Вильгельма, который ему и объяснялъ всѣ подробности.

По окончаніи маневровъ Наслѣдникъ Цесаревичъ вернулся изъ лагеря съ императоромъ въ экипажѣ. Затѣмъ былъ обѣдъ гражданскихъ властей. Вечеромъ парадная заря, въ которой участвовало 17 хоровъ музыки, въ общемъ 380 человѣкъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и императоръ Вильгельмъ слушали зарю изъ окна зимняго сада. На слѣдующее число утромъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и ихъ величества присутствовали на молебствіи, отслуженномъ на площади Ватерлоо, а послѣ полудня посѣтили офицерскія скачки 10-го армейскаго корпуса. 4 числа Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ утромъ съ императоромъ Вильгельмомъ въ Ширинге на кавалерійскіе маневры, откуда отбылъ къ гусарскому своего имени полку.

На маневрахъ императоръ Вильгельмъ командовалъ двумя кавалерійскими дивизіями; Наслѣдникъ Цесаревичъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ дѣйствій и ѣздилъ съ войсками въ нѣсколько аттакъ. Императоръ провелъ предъ Его Высочествомъ всю кавалерію (въ составѣ 70 эскадроновъ) галопомъ. Затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ провелъ предъ императоромъ полкъ Своего имени, и, какъ командиръ, выразилъ удовольствіе по поводу блестящихъ дѣйствій полка. По окончаніи маневра Его Высочество уѣхалъ съ императоромъ въ экипажѣ въ охотничій замокъ Ширинге. 5 сентября, Наслѣдникъ Русскаго престола простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Разставаніе было проникнуто задушевностью; императоръ проводилъ Его Высочество до поѣзда и при прощаніи поцѣловалъ его. Прощаясь, Его Высочество нѣсколько разъ выразилъ удовольствіе по поводу своего посѣщенія. Вся почетная стража провожала Наслѣдника Цесаревича въ Киль.

Антверпенская катастрофа. Дымное облако надъ мѣстомъ взрыва. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПБ.

Въ 4 часа утра прибылъ въ Киль съ экстреннымъ поѣздомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи почетной стражи и былъ встрѣченъ гофмаршаломъ Зекендорфомъ. Съ вокзала Его Высочество направился пѣшкомъ къ Іензенбрюке, гдѣ съ нимъ простились германскіе сановники, командующій адмиралъ графъ Гольцъ и офицеры флота. Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ на лодкѣ къ яхтѣ „Царевна“, которая около 5 час. ушла въ Данію. Всѣ извѣстія о пребываніи Наслѣдника Цесаревича въ Германіи свидѣтельствуютъ, что императоръ Вильгельмъ все время относился къ Его Высочеству съ особенною сердечностью. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ единственнымъ изъ царственныхъ гостей, который вмѣстѣ съ императоромъ занималъ покои въ тѣсномъ охотничьемъ замкѣ Ширинге. Германскія газеты, описывая пребываніе Наслѣдника Цесаревича въ Германіи, не высказываютъ никакихъ политическихъ соображеній.

Избирательная борьба во

Антверпенская катастрофа. Пожарные отстаивающіе складъ Рита. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПБ.

Франціи ведется безъ особеннаго задора и шума, но упорно и настойчиво. До 1 сентября во всей Франціи выставлено 1,610 кандидатовъ, т. е. не болѣе 3 кандидатовъ на каждый избирательный округъ. Противники правительственной партіи и сторонники пересмотра конституціи дѣйствуютъ съ большимъ тактомъ и внѣшнимъ спокойствіемъ. Распадаясь собственно на 3 группы: исконныхъ республиканцевъ, примирившихся съ республикою и желающихъ пересмотра конституціи, они насчитываютъ въ своей средѣ не только буланжистовъ, орлеанистовъ и монархистовъ, но даже радикаловъ и многихъ лицъ изъ другихъ политическихъ фракцій, стремящихся къ одной главной цѣли: пересмотру конституціи. Дѣйствуютъ эти партіи чрезвычайно единодушно. Предлагая до 450 кандидатовъ, изъ которыхъ около половины буланжисты, они почти повсюду выставляютъ кандидатами не болѣе одного человѣка въ одномъ и томъ же округѣ, тогда какъ противныя имъ группы, забывая общаго имъ врага, вступаютъ въ состязаніе между собою. А врагъ не дремлетъ, и безъ шума проявляетъ кипучую дѣятельность. Такъ однѣхъ газетъ сторонники пересмотра конституціи выпускаютъ ежедневно около 1½ милліона. Какіе плоды — принесетъ эта агитація—покажутъ недалекіе выборы.

На Критѣ все еще безпокойно. Аѳинскія оффиціозныя газеты сильно осуждаютъ строгость Шакира-паши противъ предводителей критскихъ инсургентовъ. По мнѣнію газетъ, Порта прибѣгла къ самымъ неумѣстнымъ мѣрамъ для достиженія на Критѣ продолжительнаго спокойствія.

Антверпенская катастрофа. Розыскъ труповъ въ развалинахъ патронной фабрики. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПБ.

Смѣсь.

СПБ. фирма Оскаръ Лессеръ доставила намъ изготовленный къ предстоящему 50-лѣтнему юбилею А. Г. Рубинштейна портретъ юбиляра (въ профиль) вытѣсненный рельефомъ изъ бѣлаго атласа, на темномъ фонѣ картона (форматъ будуарнаго портрета) съ золотымъ fac-simile его подписи и такою же юбилейною виньеткой. Портретъ снабженъ картонною подставкой для установки на столѣ, но можетъ быть повѣшенъ и на стѣну въ изящной рамкѣ, которыя заготовлены тою же фирмой по весьма доступнымъ цѣнамъ. Цѣна же самаго портрета, отличающагося большимъ сходствомъ, болѣе чѣмъ дешевая, всего 1 р. 50 коп. Фонъ портрета исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Отзывъ леди Чёрчиль о русскихъ женщинахъ. Гостившая въ прошломъ году въ Петербургѣ леди Чёрчиль, помѣстила недавно въ англійскомъ *Новомъ Обозрѣніи* интересную статью о русскомъ обществѣ, и о русскихъ женщинахъ отзывается слѣдующимъ образомъ: „Онѣ говорятъ на многихъ языкахъ, много читаютъ и мыслятъ, и производятъ чарующее впечатлѣніе“.

Антверпенская катастрофа. Пожаръ нефтяныхъ резервуаровъ. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПБ.

Она удивляется, однако, что столь богато одаренныя природою, съ отличнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, русскія женщины не только не вліяютъ на дѣятелей въ высшихъ сферахъ, но даже стараются менѣе обращать на себя вниманія и не вызывать въ другихъ зависти. Если авторъ правъ, то все это дѣлаетъ честь русской женщинѣ. (в.)

Жемчужный промыселъ въ Россіи. Нѣкто Котляревскій доставилъ на Парижскую выставку коллекцію жемчуга добытаго у насъ, и тѣмъ какъ-бы напомнилъ о существованіи въ Россіи этого промысла. Русскій жемчугъ добывается во многихъ рѣкахъ, между прочимъ въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и въ Архангельской въ особенности. Болѣзненные наросты, извѣстные подъ названіемъ жемчуга, на раковинахъ, водящихся въ русскихъ рѣкахъ, не столь велики, ровны, гладки и круглы, какъ наросты цейлонскихъ раковинъ, но все-таки русскій жемчугъ довольно цѣненъ. Жемчужный промыселъ въ Россіи, однако, совсѣмъ въ забросѣ, благодаря невѣжеству нашихъ крестьянъ. Они не знаютъ, что маленькія жемчужины, находимыя въ раковинахъ нашихъ рѣкъ, цѣнятся отъ 1 р. до 20 руб. за штуку. Кое-гдѣ на Сѣверѣ есть, впрочемъ, мелкіе промышленники, которые скупаютъ у крестьянъ жемчугъ за безцѣнокъ и наживаютъ большіе барыши. (в.)

Рѣшеніе алгебраической задачи № 53 (помѣщ. въ № 31).

1) a $a + f = b$	$a = 5 =$ **Д**
2) b $c + d = 3g$	$b = 6 =$ **Е**
3) c $i + k - g = 2n$	$c = 15 =$ **Н**
4) d $q + r - x = p + o + e - c - f$	$d = 30 =$ **Ь**
5) e $\sqrt{s + n} = b$	$e = 5 =$ **Д**
6) f $\sqrt[3]{y - \frac{p}{3}} = m - 1 + 1$	$f = 1 =$ **А**
7) g $\frac{c}{d} = \frac{g}{y}$	$g = 15 =$ **Н**
8) h $f + l = o + p - 1$	$h = 16 =$ **О**
9) i $i = \frac{s + x + p}{2}$	$i = 25 =$ **Ч**
10) k $p = \sqrt{m + n + i + g}$	$k = 30 =$ **Ь**
11) l $\sqrt{h} + \sqrt{p} + b + f - e = \frac{30}{4}$	$l = 19 =$ **С**
12) m $r - s = q - c$	$m = 21 =$ **У**
13) n $o = \sqrt[6]{2.985,984}$	$n = 20 =$ **Т**
14) o $\sqrt{y - a + h - c} = \frac{o}{2}$	$o = 12 =$ **К**
15) p $m = x$ изъ урав.: $\sqrt{x + 4} + \sqrt[8]{x^2 - 185} = 7$	$p = 9 =$ **И**
16) q $a + b = \frac{k}{3} + 1 - r$	$q = 17 =$ **П**
17) r $h + i = s + x$	$r = 18 =$ **Р**
18) s $o + p = b + g$	$s = 16 =$ **О**
19) x $d + f + h = k + q$	$x = 25 =$ **Ч**
20) y $y + x + s = k + l + o + 2e$	$y = 30 =$ **Ь**

„День да ночь, сутки прочь“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—К. Конюхова, П. Г. Панкова, А. А. Поспѣева, **Москва**—П. Я. Романова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Ковно**—А. Э. Бартельсенъ, **Бѣлгородъ**—Θ. З. Мазуръ, **Нѣжинъ**—Г. Я. Волкова, **Одесса**—Рейжеаскаго, Д. Раппопортъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 52 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.	Черные.
1) К c6—e5	h 6 — h 5
2) К e5—g4	h 5 — g 4
3) Ф b3—g3	какъ угодно.
4) h3—g4 Ф g3—h3, Ф g3—g2++	
1)	Кр. h1—h2 (или какъ угодно).
2) К e5—g4+	Кр. h2—h1
3) К g4—f2+	Кр. h1—h2
4) Ф b3—b8++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. А. Поспѣева, **Москва**—А. Эйхбаумъ, П. Верхоустинскаго, **Вознесенскъ**—П. П. Самаржи, **Елецъ**—Х. Розенфельдъ, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Ржевъ**—Патрикѣева, **Ревель**—Θ. П. Штернъ, **Саратовъ**—П. В. Бѣлопольскаго, **Царское Село**—П. Горайскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 51 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлыя.	Черныя.
1) g 3 — f 4	1) d 6 : e 1
2) h 2 — g 3	2) h 4 : f 2
3) d 8 — c 7	3) f 6 : h 4
4) d 2 — h 6	4) b 4 : d 2
5) h 6 : b 4	5) a 3 : e 3
6) c 7 — g 3	6) f 2 — g 1
7) a 5 — c 7	7) h 4 — f 2
8) c 7 — h 2	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—С. Т. Грибова, Ф. А. Боронина, **Москва**—Н. П. Смирнова-Садовина, С. Преображенскаго, П. Верхоустинскаго, А. Матрина, **Бѣлгородъ**—Θ. З. Мазуръ, **Гродна**—С. В. Писарева, **Одесса**—Н. Банкетова, **Пермь**—П. Ф. Матвѣева, **Чембары**—Григорьева.

Рѣшеніе ребуса № 50 (помѣщеннаго въ № 31).

„Гнѣва не пугайся, на ласку не кидайся“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

($14^3/_4$ вершк. вышины и **полтора аршина** ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №.№. „Нивы“).

РОСКОШНЫЯ
ГАРМОНІИ
ДЕШЕВО

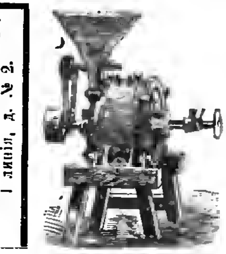
ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПАВЕЛЪ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.
Большой выборъ часовъ собственной фабрики.
Мужскихъ и дамскихъ карманныхъ золотыхъ, серебряныхъ, металлическихъ и стальныхъ черно-оксидированныхъ часовъ, а также стѣнныхъ, кабинетныхъ, столовыхъ и будильниковъ.
С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. № 4032 2—1

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ.
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, д. № 2. — Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.



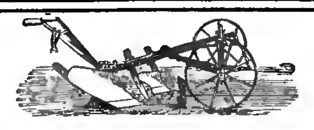
обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на **мукомольныя мельницы „ТРІУМФЪ"** съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строимъ 3 размѣр.
ЛОКОМОБИЛИ
3, 4 и 6 силъ (спеціальность).
Большой выборъ ручныхъ и конныхъ
МОЛОТИЛОКЪ,
ВѢЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.
Иллюстрир. каталоги по востребованію.

НОВЫЕ ДУХИ
Всемірной Парижской Выставки
въ 1889 году
„БУКЕТЪ ГВОЗДЬ"
(BOUQUET-CLOU)
СОСТАВЛЕННЫЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ
ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ
(Измайловскій проспектъ, 21).

Парижская Всемірная Выставка 1889

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, № 32, д. Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18 — 54, д. Шредера
(Оптовая и розничная продажа).
Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ. Pt. № 4018 3—2

НОВОСТЬ
ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!
Только 15 руб.
Настоящая электрическая столовая лампа для освѣщенія комнатъ
(не смѣшивать съ электрическими огнивами). Очень удобный, переносный аппаратъ. Пересылка за 20 фунтовъ. С.-Петербургъ, 4, Невскій проспектъ
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.
Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за почтовую марку въ 7 коп.



ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Кº.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтонв и Шутлевортв** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези" и сноповязвлокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (11)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, быш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПОБѢДА
надъ дороговизною топлива.
Удешевляютъ отопленіе жилыхъ помѣщеній аппараты, патентованные во Франціи. Описаніе ихъ съ адресомъ—откуда выписать, высылается за двѣ 7 коп. марки, адресованныя: въ **Ростовъ на Дону.** Въ контору аппаратовъ Ф. К. Траилина

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (26)

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ
отъ 12 р. до 30 р.
Никел. отъ 6 руб. до 15 руб.
Серебр. отъ 12 р. до 50 руб.
Золот. отъ 25 р. до 500 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
ЭДУАРДА БУРХАРДА,
СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Отдѣл.: Вознесенск. пр., у Синяго м., № 68/3.
Прейсъ-куранты высылаю безплатно.
Гг. иногороднымъ высылаю съ наложеннымъ платежемъ. Mt. № 4030 2—1

ДЛЯ НАСАЖДЕНІЯ ЛѢСОВЪ однолѣтки невымерзающего американскаго ясеня—Fraxinus americana, сибирскіе дички яблонь и привави на нихъ можно получать изъ Москвы отъ **Александра Кондратьевича Грелль.** Воздвиженская ул., въ концѣ Плющихи, д. № 23. Каталогъ высылается безплатно. П. № 4029

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**

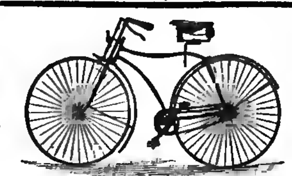
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (83) № 2946

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ

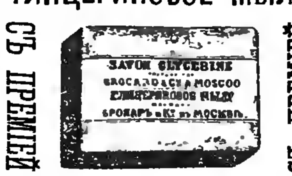
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: **Свифтъ, Виниетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль** и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ. ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2
= 150 руб. =
Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
СЪ ПРЕМІЕЙ — СЪ ПРЕМІЕЙ



БРОКАРЪ и Кº.
Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8—1

БЕЗПЛАТНО
раздается и высылается новый значительно пополненный
КАТАЛОГЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ
съ удешевленными цѣнами
МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ
А. ГУТХЕЙЛЬ,
поставщика Двора Его Императорскаго Величества.
П. № 4015 3—2
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Юннера, 10.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco.*
Іог. Заксъ и Кº.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

EAU DE SUEZ — **ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ**
Депо въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — А. Сіу и Кº., Тверская, д. Варгина.
Pt. № 3887 Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13 — 6

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1867 ГОДА.

Весенній сезонъ

ОБЪЯВЛЕНІЕ

1889—90 года.

О СВѢЖИХЪ ПЕРВОСБОРНЫХЪ КЯХТИНСКИХЪ ЧАЯХЪ,

поступившихъ въ складъ съ 1-го августа 1889 года,

ТОРГОВАГО ДОМА Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ, ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, бл. Красныхъ воротъ, собств. домъ, бывш. І. Кумбергъ.

Въ наше время всевозможныхъ фальсификацій, и въ особенности теперь, послѣ знаменитаго процесса извѣстныхъ московскихъ чаеторговцевъ, вопросъ о пріобрѣтеніи хорошаго, **неподдѣльнаго чая** составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ каждой семьи и каждаго хозяйства. Если житель столицы можетъ располагать услугами большихъ магазиновъ и выбирать себѣ ту или иную фирму, то иногородній потребитель чая, наоборотъ, долженъ довольствоваться мелкими мѣстными продавцами, рѣдко торгующими чаями высокаго качества. Въ виду этого является необходимость выписывать чай изъ большихъ торговыхъ центровъ, отъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и солидныхъ торговыхъ фирмъ.

Продавать всѣ чаи исключительно кяхтинскіе, 1-го весенняго сбора, безъ всякихъ посторонныхъ примѣсей, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ, на выгодныхъ условіяхъ для гг. покупателей, при безукоризненно аккуратномъ и добросовѣстномъ исполненіи заказовъ и, главное, достичь полнаго довѣрія и рекомендаціи гг. потребителей,—всегда составляло главную цѣль и основаніе торговаго дома **„Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ"**. Только благодаря такому строгому принципу, наша фирма достигла тѣхъ блестящихъ результатовъ и значительныхъ оборотовъ, дающихъ ей возможность уже цѣлый рядъ годовъ вести обширную торговлю во всѣхъ концахъ **Европейской и Азіатской Россіи и за-границею.** Пріобрѣтая товаръ за наличный разсчетъ, мы имѣемъ возможность добывать лучшіе сорта **первосборнаго кяхтинскаго чая**, стоящаго по своимъ качествамъ неизмѣримо выше чая **кантонскаго.** Собираемый въ апрѣлѣ-мѣсяцѣ, **первосборный чай весенняго сезона** поступаетъ въ наши склады около 1-го августа каждаго года.

Весна нынѣшняго года была особенно благопріятна для произрастанія чайныхъ плантацій, и, благодаря низменному теченію рѣки **Янъ-Тзе-Кіанга**, расположенная по его берегамъ провинція **Ханъ-Янгъ** дала особенно выдающійся урожай необыкновенно хорошаго, **душистаго и ароматическаго чая.** Мы увѣрены, что этимъ чаемъ, нынѣшняго весенняго сезона, мы пріобрѣтемъ особенное расположеніе, вниманіе и благодарность нашихъ постоянныхъ покупателей, и несомнѣнно, пріобрѣтемъ огромное число новыхъ кліентовъ, которые воспользуются представившимся случаемъ покупать **недорогой и высочайшаго качества первосборный кяхтинскій чай.**

Это особенно важно для гг. **иногороднихъ покупателей**, которые поставлены въ необходимость вполнѣ довѣриться фирмѣ, отъ которой они выписываютъ чай. Независимо отъ нашего постояннаго личнаго стремленія угодить покупателю, вновь полученный первосборный чай нашъ, **самъ по себѣ**, уже удовлетворитъ самому изысканному требованію любителей и знатоковъ хорошаго чая. Мы допускаемъ у себя лишь хорошіе сорта чая; и тѣ низкіе сорта, которые оказываются неудовлетворительными, бываютъ совершенно изъяты изъ продажи въ нашемъ складѣ.

Ко всѣмъ благопріятнымъ условіямъ по закупкѣ нами первосборнаго чая присоединился еще и **хорошій курсъ нашего рубля,** дающій намъ возможность сдѣлать и гг. **торговцамъ большую скидку, при оптовой покупкѣ.**

Мы посовѣтовали-бы гг. иногороднимъ покупателямъ выписывать чай не по почтѣ, а черезъ **транспортныя конторы или желѣзныя дороги.** При этомъ способѣ можно получать **всѣ сорта чая,** между тѣмъ какъ по почтѣ, глядя по разстоянію, **нѣкоторые сорта чая** пересылать рѣшительно невозможно.

Изъ всей партіи первосборнаго чая **по тонкости вкуса и ароматичности** мы **рекомендуемъ** господамъ любителямъ особенно старательно слѣдующіе **выдающіеся,** по своимъ необыкновенно высокимъ качествамъ, сорта: **„ЦАРСКАЯ РОЗА"**—въ 2 р., **„ХАНЪ-ЯНГЪ"**—2 р. 20 коп., **„ИНДѢЙСКАЯ РОЗА"**—2 р. 40 коп. за фунтъ и **„ЧЕРНЫЙ ЛЯНСИНЪ"** 3 р. 20 коп. за фунтъ.

Въ заключеніе, мы должны остановить вниманіе покупателей на отсутствіи въ нашемъ объявленіи тѣхъ заманчивыхъ обѣщаній **разнаго рода премій,** въ которыхъ **такъ усердно упражняются нѣкоторые чаеторговцы.** Въ самомъ дѣлѣ, публика давно поняла, что премію нельзя давать даромъ и что покупка ея магазинщикомъ должна быть **наверстана съ продажной цѣны чая.** Такимъ образомъ выдача преміи прямо ухудшаетъ сортъ чая, и вотъ почему мы всегда воздерживаемся отъ этого недостойнаго солидной фирмы пріема.

Въ виду того, что въ ближайшемъ будущемъ предполагается ввести обандероливаніе чая, что **въ значительной степени возвыситъ его стоимость,** запасаться чаемъ теперь уже въ большемъ количествѣ—должно быть цѣлью каждой экономной и солидной хозяйки дома.

За достоинство чая и отсутствіе въ немъ постороннихъ примѣсей торговый домъ ручается и отвѣтствуетъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1889 ГОДЪ

свѣжимъ, отборнымъ, ароматическ., кяхтинскимъ, фучанскимъ, байховымъ чаямъ перваго весенняго сбора сезона 1889—90 г., поступившимъ въ оптово-розничную продажу.

ВСѢ ЧАИ НОВАГО ПОЛУЧЕНІЯ СЕЗОНА 1889—90 Г. ИЗЪ ПРОВИНЦІИ „ХАНЪ-ЯНГЪ".

ЧЕРНЫЕ АРОМАТИЧЕСКІЕ ЧАИ.

	Цѣна за ф. Р.	К.
Отборный букетъ **фучана** *)	1	60
Императорскій нѣжно-пріятнаго вкуса и аромата **царскій букетъ** *)	1	80
Императорскій жемчужный пріятнаго вкуса и аромата, **царская роза**	2	—
НОВОСТЬ! Въ первый разъ полученъ черный чай **душистый ханъ-янгъ**	2	20
Нѣжно-ароматичный **индѣйская роза**	2	40
Единственные 3 сорта для любителей и знатоковъ, замѣчательные по своему вкусу и аромату: **фучанъ Китая**	2	60
сарпеха	2	75
черный перлъ	3	—
Новость! Въ первый разъ полученъ чай особенно нѣжнаго вкуса **черный лянсинъ**	3	20
Рекомендуемъ любителямъ и знатокамъ: Употребляемый при китайскомъ дворѣ особенный сортъ чая **какъ рѣдкость**	3	50

ЦВѢТОЧНЫЕ АРОМАТИЧЕСКІЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ.

	Цѣна за ф. Р.	К.
Инкекъ серебряныя иголки	2	50
Ароматичный **лунмишань**	3	—
Отборный сортъ **фунлонью**	4	—
ИМПЕРАТОРСКІЕ ЛЯНСИНЫ — ВЫСОКІЕ ОТБОРНЫЕ СОРТА.		
Сильнаго аромата **ташу бѣлый перлъ**	5	—
Какъ рѣдкость изъ фузы **сонланмоу**	7	—
Для любителей рекомендуемъ замѣчательный лянсинный чай **букетъ китайскихъ розъ**	10	—
ИМПЕРАТОРСКІЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ		
Отборный высокій сортъ	8	—
ИМПЕРАТОРСКІЙ ЖЕЛТЫЙ ЧАЙ		
Отборный высокій сортъ	10	—

ШТУЧНЫЕ ЛЯНСИН. ХАНСКІЕ БУКЕТН. БѢЛЫЕ ЧАИ

	Цѣна Р.	К.
Лянсинъ ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ . . . вѣса ½ ф.	2	50
Лянсинъ ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ . . . вѣса 1 ф.	5	—
Высшій ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ. . . вѣса ½ ф.	5	—
Высшій ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ. . . вѣса 1 ф.	10	—

КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ ВЪ ЦИБИКАХЪ

черный ароматическій **имѣется въ продажѣ высокаго качества** въ ящикахъ, вѣсу отъ 100 фунт.

На разныя цѣны.

УСЛОВІЯ ПРОДАЖИ ЧАЯ:

ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ.

6% Пересылку чая принимаемъ на свой счетъ, сверхъ того ДѢЛАЕМЪ УСТУПКУ 6% СЪ РУБ. всѣмъ выписывающимъ на разстояніи отъ Москвы:

Отъ 300 вер. до 1000 вер. на 25 р.
„ 1000 „ „ 2000 „ „ 50 „
„ 2000 „ „ 3000 „ „ 75 „

Затѣмъ выписывающимъ отъ 3000 в. и съ цѣны 2 р 40 к. пересылка принимается на нашъ счетъ, но уступки не дѣлается.

*) Чай цѣною 1 р. 60 коп. высылается черезъ почту со скидкою % только до 1000 верстъ и ⅓ часть всего заказа.

Чай цѣною 1 р. 80 коп. высылается черезъ почту со скидкою % только до 2000 верстъ и ⅓ часть всего заказа.

Желающіе выписывать чай по желѣзнымъ дорогамъ (при требованіи не менѣе 20 фунт.) и съ вышеуказанной уступкой могутъ выписывать чаи всѣхъ сортовъ, за исключеніемъ чая въ 1 р. 60 к., котораго должно быть только ⅓ всего заказа.

Требованія чая черезъ почту исполняются не менѣе 10 р.

ДЛЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ.

Выписывающимъ по желѣзнымъ дорогамъ и чрезъ конторы транспортовъ:

при требованіи чая на сумму не менѣе 100 р.

УСТУПКИ ДѢЛАЕМЪ съ чая цѣною въ 1 р. 60 к. 12% съ руб.
„ „ „ „ 1 „ 80 „ 16% „ „
А со всѣхъ остальныхъ по 20% „ „

ПРОВОЗЪ ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.

Чай развѣшивается на 1 ф., ½, ¼ и ⅛.

*) Чай цѣною 1 р. 60 к. высылается только половина всего заказа.

Пересылаемый чай развѣшивается чистый, безъ бумаги, завертывается въ пергаментную бумагу и печатный этикетъ за пломбой фирмы, укладывается въ прочные ольховые ящики, тщательно упаковывается и на другой день по полученіи заказа сдается по назначенію.

КЪ СВѢДѢНІЮ. Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ—высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрахъ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію, при полученіи товара на мѣстѣ назначенія. Съ 1-го января 1888 г. также съ наложеннымъ платежемъ высылается и чрезъ почту при полученіи отъ требователя задатка 10%, остальная сумма 90% уплачивается на мѣстѣ, съ приплатою 2% за переводъ денегъ въ почтовой конторѣ.

ОТДѢЛЬНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. иногородніе покупатели съ требованіями благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: **въ контору Торговаго Дома Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ, Москва, Мясницкая, собственный домъ.**

Ц. № 4033

Дозвол. цензур., СПБ., 13 сентября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8 -10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис).
Выданъ 23 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Аванпосты кубанскихъ казаковъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XII.

Въ московскомъ домѣ князя Березопольскаго было попрежнему томительно мирно, будто душное затишье предъ грозой...

Наконецъ однажды, еще до полудня, въ горницы княжны, работавшей за пяльцами, вбѣжала Дуняша какъ помѣшанная и съ такимъ лицомъ, что перепугала свою барышню на смерть...

Княжна вскочила съ кресла и онѣмѣла. Дуняша не могла долго выговорить ни единаго слова.

— Барышня! дорогая! барышня! начала она задыхаясь.

— Что такое? выговорила княжна дрожащимъ голосомъ.

— Пріѣхала! пріѣхала! повторяла Дуняша.—Ничего не понятно... Всякіе сундуки несутъ... Весь домъ верхъ дномъ. Въ горницахъ покойной барыни—мебельщики нѣмецкіе... и такое все... Помилуй Богъ! Устраиваютъ у покойной княгини...

И не сразу княжна заставила Дуняшу разсказать порядкомъ, и еще дольше не могла она понять въ чемъ дѣло. потому что когда она сообразила все, то разумъ ея отказывался понимать... Неужели въ этомъ заключалась угроза и месть отца?

Въ домѣ князя появилась очень красивая, никому неизвѣстная женщина лѣтъ двадцати пяти. Вслѣдъ за ней пріѣхали возы съ поклажей, много сундуковъ, какъ если-бы привезли приданое.

Женщина эта—Устинья Савельевна—являлась совершенно какъ снѣгъ на голову, невѣдомо откуда. Но тотчасъ-же дворня узнала, или почуяла, что Устинья Савельевна „простаго званія", и хотя писанная красавица, бѣлоручка, но совсѣмъ на барыню не похожа ни рѣчами, ни дѣйствіями.

Разумѣется, сразу всѣ поняли, что въ домѣ завелся соблазнъ на весь городъ.

Дворня была поражена такъ, какъ если-бъ всѣмъ имъ сказали, что ихъ князь пойманъ въ воровствѣ, или какомъ злодѣйствѣ.

Всѣ они знали и привыкли знать, что ихъ князь — уважаемый баринъ на всю столицу, что во всемъ его существованіи нѣтъ и не было „ни сучка, ни задоринки". А теперь будетъ совѣстно имъ всѣмъ „въ люди глаза показать".

Княжна была, конечно, гораздо болѣе поражена извѣстіемъ о появленіи въ домѣ невѣдомой красивой женщины, чѣмъ если-бы отецъ послалъ ее къ какой-либо игуменьи толковать о своемъ постриженіи. Думая о монастырѣ, или о чемъ-либо подобномъ, княжна впередъ уже почти рѣшила, какъ ей поступить. Въ данномъ случаѣ она совершенно растерялась, ничего не понимала, и на возникавшій предъ нею вопросъ: что̀ изъ всего этого будетъ? не могла ничего отвѣтить.

Однако, вѣроятно. княжна уродилась въ своего отца. Послѣ нѣсколькихъ часовъ смущенія и раздумья, она не расплакалась, какъ сдѣлала-бы всякая другая, а озлобилась, чувствовала себя оскорбленною и готовою на отпоръ.

Когда наступилъ вечеръ, часто выбѣгавшая и сновавшая по дому Дуняша, ради доставленія барышнѣ вѣстей, вернулась, быть-можетъ уже въ тридцатый разъ, и объяснила растерянным голосомъ, что ей не приказано ходить и навѣдываться на половину новоявленной Устиньи Савельевны.

Княжна, рано улегшаяся, всю ночь не могла глазъ сомкнуть. Была одна мысль, которая застряла у нея въ головѣ, какъ гвоздь вонзилась въ сердце и заставляла ее страдать, — мысль, что невѣдомая женщина, купленная крѣпостная, или мѣщанка, во всякомъ случаѣ женщина не порядочная, расположилась, по приказанію отца, въ комнатахъ ея покойной матери.

Это возмущало ее, оскорбляло всѣ чувства.

Полинѣ казалось, что если-бы отецъ ударилъ ее въ лицо, избилъ-бы собственными руками — ей было-бы легче. А подобный поступокъ со стороны князя былъ развѣ только подъ-стать ея спроваженному жениху, дикому кавказскому кабану.

На утро, когда княжна поднялась разстроенная, почти больная, ее ожидала новость тоже оскорбительная, но показавшаяся ей пустою и ничего незначущею послѣ всего, что̀ она перечувствовала за ночь.

Она узнала отъ Дуняши, что Устинья Савельевна съ утра взяла въ руки все хозяйство. Князь всѣхъ направлялъ къ ней съ докладами. Поваръ отправился тоже за приказаніями. Дворецкій докладывалъ все касающееся по дому. Ключница, отпустивъ провизію, снесла къ ней всѣ три связки ключей.

Но этого было мало. Устинья Савельевна, узнавъ, что у княжны въ горницахъ свой собственный чайный сервизъ, самоваръ, сахаръ и чай, объявила, что отнынѣ княжнѣ будутъ приносить чай въ чашкѣ на подносѣ изъ буфета.

Княжна тотчасъ поняла по этой первой мелочи, что все идетъ отъ князя, что ее умышленно начнутъ оскорблять и крупными, и мелкими дрязгами, чтобы просто издѣваться надъ ней.

— Да, выговорила она вслухъ.—Но „онъ" не понимаетъ должно-быть, что послѣ того какъ эта женщина расположилась въ комнатахъ матушки, то онъ меня хоть даже наряди въ посконную рубаху, пошли съ метлой дворъ мести,—мнѣ это уже не будетъ чувствительно и оскорбительно. Онъ началъ неумѣло съ самаго крѣпкаго и остраго удара, а если изводить человѣка, такъ надо было начать съ меньшаго и кончить бо̀льшимъ.

Княжна была убѣждена, что пойдутъ мелкія оскорбленія, которыя на нее подѣйствовать не могутъ. Ей и на умъ не приходило, что ей предстоитъ еще пущее униженіе.

Прошло дня три. Устинья Савельевна невидимо овладѣла всѣмъ въ домѣ, хотя почти не выходила изъ своихъ комнатъ. Князь сидѣлъ у себя, княжна—тоже. Обѣдъ подавался отдѣльно въ разныя горницы. Все остальное шло какъ-бы на старый ладъ.

Только была одна обидная новость.

Отъ зари до зари появлялись гости: пріѣзжали, уѣзжали. И княжна понимала причину этихъ визитовъ москвичей.

Все обширное знакомство князя было очевидно поражено вѣстью, которая обѣжала всю Москву. И всѣ стремились лично удостовѣриться въ истинѣ пробѣжавшаго слуха. Разумѣется, никто изъ гостей не рѣшился спросить у самого князя. Но всѣ на одинъ и тотъ-же ладъ опрашивали швейцара, приблизительно одной и той-же фразой:

— Правда, будто у васъ барыня завелась?

Швейцаръ, кисло ухмыляясь, отвѣчалъ, разводя руками, что дѣйствительно:

— Приключился такой грѣхъ!

Изо всѣхъ этихъ гостей только двѣ барыни пожелали повидаться съ княжной. Но она отказалась и велѣла сказать, что ей нездоровится и она принять не можетъ.

Прошло еще три дня. Новаго не было ничего, но для княжны оказался еще ударъ, поразившій ее: — отношеніе людей къ Устиньѣ Савельевнѣ. Полина съ ужасомъ убѣдилась со словъ кое-кого изъ лакеевъ и даже замѣтила въ своей Дуняшѣ, что подданные рабы—истые холопы—уже привыкли къ мысли, привыкли къ совершившемуся факту, который на-дняхъ ихъ устыдилъ, соблазнялъ...

У нѣкоторыхъ людей, которые появлялись въ горницахъ княжны, а затѣмъ и у Дуняши, все-таки передававшей барышнѣ толки въ домѣ, появилось извѣстнаго рода удовлетвореніе и спокойствіе. Появились слова, которыя поразили княжну и ударили какъ ножомъ.

Одинъ изъ людей, мѣнявшій свѣчи въ ея горницахъ, а затѣмъ истопникъ, приходившій топить печи, отворять и закрывать вьюшки и душники, объяснили княжнѣ почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ одно и то же, установившееся въ домѣ, общее мнѣніе:

— Богъ дастъ не хуже прежняго будетъ! Барынька-сударушка, кажись, добрая, сердобольная. Микитѣ приказала выдать кумачу на рубаху. Акульку такъ обласкала, что та по сю пору ахаетъ и крестится.

И это, вдругъ возникшее въ домѣ, сердечное отношеніе холоповъ къ нежданной госпожѣ поразило Полину такъ-же сильно, какъ первое извѣстіе объ ея появленіи.

На утро княжну ожидало большее, но за то и послѣднее оскорбленіе.

Около десяти часовъ, княжна, выпивъ чашку чаю, принесенную ей Дуняшей, но доставленную въ ея горницы буфетчикомъ, сѣла за пяльцы, тщетно стараясь занять себя и прервать ходъ тревожныхъ мыслей.

Не прошло получасу, какъ Дуняша вдругъ вбѣжала къ ней и выговорила:

— Идетъ! идетъ! Вотъ ужь тутъ!..

Княжна выпрямилась и изумляясь смотрѣла въ лицо горничной, боясь понять ея слова.

Но въ ту-же минуту отворилась настежь дверь и на порогѣ комнаты появилась высокая, полная и красивая женщина—русская красавица въ полномъ смыслѣ слова. Она остановилась на порогѣ, яснымъ взоромъ окидывая горницу и добродушно улыбаясь.

Если сразу можно было замѣтить, что она красавица, то сразу тоже видно было, что она въ высшей степени добрая женщина.

Княжна сидѣла, выпрямившись, недвижно и какъ приросшая къ мѣсту. Черезъ мгновеніе она хотѣла подняться, но почувствовала, что ноги у нея отнялись. Понемногу руки ея начали дрожать. Дрожь эта прошла по всему тѣлу и княжна сама не понимала, что̀ творится въ ней. Въ глазахъ ея мутилось... Красавица, стоящая на порогѣ, представлялась ей какимъ-то громаднымъ чудищемъ, задавившимъ всю комнату, придавившимъ и ее въ креслѣ.

Женщина двинулась и пѣвучимъ голосомъ произнесла что-то, приближаясь. Она протянула руку, стоя уже шагахъ въ трехъ отъ пялецъ. Этотъ жестъ былъ будто ударомъ.

Княжна поднялась и толкнула, отшвырнула пяльцы. Они опрокинулись и упали на полъ между ней и этой женщиной, которая сразу перестала быть чудищемъ, сдѣлалась снова только красивою и полною женщиной, затѣмъ стала какъ-будто меньше, ниже, худѣе, мизернѣе.

Княжна все смотрѣла на нее сверху внизъ и ей казалось, что эта женщина все уменьшается, будто таетъ...

„Сейчасъ она будетъ такая маленькая, что ее можно будетъ просто раздавить ногой!“

И наконецъ, какъ бы на половину придя въ себя, княжна произнесла тихо какое-то слово, но она сама почти не сознавала, что̀ говоритъ. И разъ, и два, и три повторила она это слово, но громче, и стала сама понимать, что́ произноситъ.

Она произноситъ такое слово, которое за всю свою жизнь никогда не выговаривала, а только слыхала его въ устахъ людей. Она кричитъ его наконецъ и такъ какъ никогда за всю жизнь не кричала ни на кого... На всѣ горницы раздается и повторяется:

— Гадина!

Красавица давно перестала улыбаться и лицо ея измѣнилось. Она что-то говоритъ, но княжна уже вполнѣ сознательно повторяетъ:

— Вонъ отсюда, гадина!

И такъ какъ женщина не двигается, не двинулась, то княжна провела руками по лицу, потомъ шагнула, миновавъ поваленные пяльцы, и быстро выбѣжала изъ своихъ комнатъ.

Когда и какъ очутилась она въ передней, гдѣ всегда сидѣло до десятка лакеевъ, княжна не помнила, но, остановясь на порогѣ въ дверяхъ, она вскрикнула:

— Идите ко мнѣ. Гоните ее вонъ!

Люди повскакали съ мѣстъ,—одни, не понимая въ чемъ дѣло, другіе — понимая и не двигаясь съ мѣста, а только робко переминаясь.

— Я вамъ приказываю! Идите туда. Гоните изъ моихъ комнатъ эту гадину!

Нѣсколько человѣкъ тронулись, прошли мимо нея, трусливо направляясь къ ея комнатамъ. Но въ то же время княжна увидѣла уже идущую по коридору красавицу.

— Вотъ она! воскликнула Полина, указывая пальцемъ и съ дрожью во всемъ тѣлѣ. — Берите ее... гоните ее... Я не могу... не хочу!

Она не договорила и не знала даже, что̀ было послѣ этого.

Только спустя нѣсколько времени она увидѣла себя уже лежащею на своей постели. Ей слегка ломило плечо и руку. Около нея хлопотала Дуняша и еще двѣ горничныя.

Княжна поняла, что съ ней почти впервые въ жизни приключился обморокъ, что она упала и ее принесли безъ чувствъ въ ея горницу.

— Въ комнатахъ матушки! тотчасъ же прошептала княжна какъ бы себѣ самой. — Она!.. эта гадина...

И она тихо заплакала, чувствуя что воля, твердость, всѣ силы душевныя покидаютъ ее...

XIII.

Въ домѣ князя было смущеніе и волненіе среди его обитателей. Въ палатахъ и надворныхъ службахъ помѣщалось до ста человѣкъ дворовыхъ всякаго рода. Княжьи холопы раздѣлились теперь на два лагеря: двѣ трети были одного мнѣнія о недавнемъ происшествіи; одна треть, и даже менѣе, робко выражала *свое* мнѣніе.

Это меньшинство толковало втихомолку:

— Зачѣмъ ей было къ княжнѣ ходить! Расположилась въ домѣ, забрала все въ руки, начала приказывать, ну и сиди и приказывай. А передъ княжной не ломайся и къ ней не ходи!

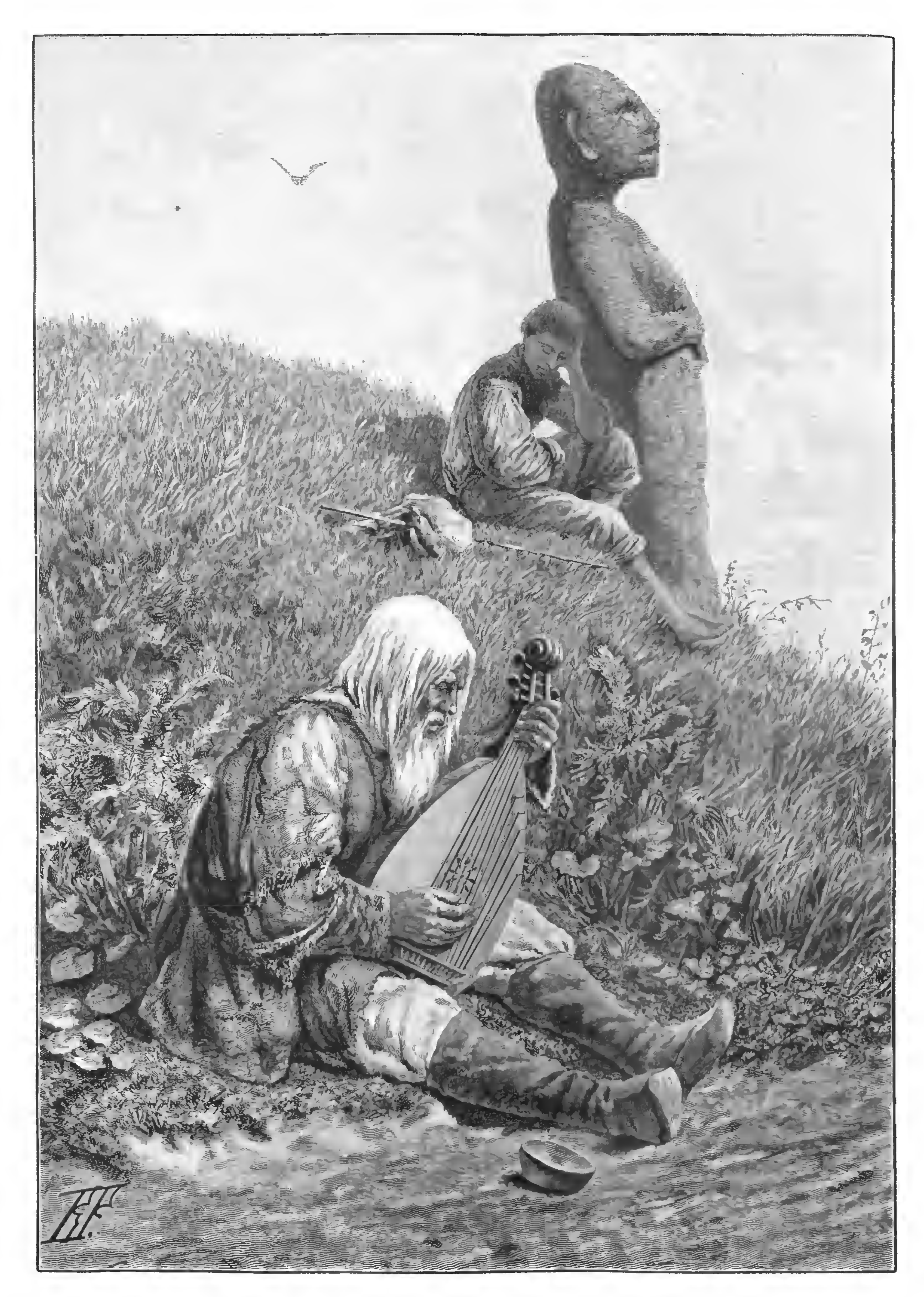
Большинство негодовало:

— Какъ же такъ! Что̀ она ей сдѣлала? Пришла съ ласковымъ словомъ, спознакомиться, посидѣть, чайку что-ли попить. А княжна ее въ шею! За что же? Она все-таки добрая! Вонъ Игнаткѣ сапоги заказала, а у него еще и старые не худы. Нѣтъ, она все-таки сердобольная. Захотѣла бы, мало бы что̀ могла! Драть бы всѣхъ учла! А барышня на нее: „Гони вонъ! Въ шею! Въ толчки ее! Валяй ее, треклятую!“ Чѣмъ она треклятая? Неправда! И не хорошо.

На всѣ эти разсужденія дворовыхъ изрѣдка раздавался иной голосъ, говорившій со вздохомъ:

— Эхъ, народецъ! полно вамъ врать-то! Ничего вы то-ись не смыслите, а судите. Холопы вы, хамы!

— А ты не хамъ?



У каменной бабы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Рашевскій.

Судный день XVII в. въ Мюнхенѣ. Съ ориг. рис. И. Пушкина, грав. Кирмзе.

— Хамъ-то хамъ. Того же поля, да другая вишь ягодка. Въ эфтихъ дѣлахъ намъ помалкивать надо. Подь-ка вотъ спроси у батюшки приходскаго, какъ онъ про все это судитъ. А то ступай къ графскимъ людямъ, у нихъ спроси, какъ тамъ все это разсудили. Нашего-то, можетъ, теперь иной дворянинъ къ себѣ на порогъ не пуститъ за обиду учиненную своей единокровной дочери.

На второй же день волненіе въ домѣ усилилось, такъ какъ стало извѣстно распоряженіе князя, чтобы на утро была готова дорожная карета шестерикомъ и лошади на три подводы для поклажи. Четверымъ людямъ было указано готовиться въ отъѣздъ изъ Москвы на долгій срокъ.

Кто и куда ѣдетъ на утро—было неизвѣстно. Дворня тотчасъ рѣшила, что князь отправляетъ Устинью Савельевну куда-либо изъ Москвы изъ-за того, чтобы не было столкновеній между ней и княжной.

И въ этотъ вечеръ холопское общественное мнѣніе единогласно одобрило предполагаемое рѣшеніе князя.

— Вѣстимо! Какъ же можно—въ одномъ домѣ! Покоя не будетъ! Нѣтъ-нѣтъ и сцѣпятся! Да и не годно оно! Какая ни есть добрая, а все-жъ-таки ей тутъ не мѣсто. Будь онъ одинокъ, иное дѣло.

Только княжна и Дуняша знали, кто на утро уѣзжаетъ изъ Москвы.

На другой день послѣ срамнаго происшествія въ домѣ, княжна получила отъ отца письмо или, вѣрнѣе, сложенный листъ бумаги съ исписанною первою страницей. Посланіе, принесенное дворецкимъ на подносѣ, было слѣдующаго содержанія:

„Не любезная, ибо непочтительная дочь, княжна Прасковья Андреевна! Не на то дѣти родятся на свѣтъ, чтобы, придя въ возрастъ, перечить своимъ родителямъ и омрачать своими поступками ихъ земное существованіе. Печася о твоемъ добрѣ и благополучіи жизни, я разсудилъ сочетать тебя бракомъ съ достойнымъ человѣкомъ. Въ твои годы такой супругъ — находка. Ты расположила оставаться въ дѣвицахъ и, будучи по моему разсужденію уже въ зрѣлости, имѣешь право соблюсти свою жизнь на свой ладъ, хотя этотъ твой ладъ и совсѣмъ не ладенъ. Твое это дѣло, Богъ тебя прости! Живи какъ хочешь. Но дозволь, княжна Прасковья Андреевна, и родителю твоему начать жить какъ онъ хочетъ, тоже на свой ладъ. Мнѣ опостылѣла моя одинокая судьба на подобіе ученаго дрозда въ клѣткѣ. Пространнѣйшихъ разсужденій не почитаю благоприличнымъ излагать своей дочери-дѣвицѣ. Будемъ отнынѣ—я самъ по себѣ, а ты сама по себѣ. Я найду мои радости и мои утѣшенія въ особѣ мнѣ преданной. Ты ищи себѣ свои пользы. Не нуждаешься — совсѣмъ не ищи. Сиди да посиживай въ старыхъ дѣвкахъ! Но поелику намъ подъ одной кровлей тѣсно и тошно, предлагаю я тебѣ, Прасковья Андреевна, собираться и, захватя всѣ свои лично тебѣ соотвѣтствующіе пожитки, на утро выѣзжать на жительство въ нашу Рязанскую вотчину. Покуда я живъ и покуда ты не замужняя, тамъ тебѣ и жить. Когда помру, твори свою волю. Все будетъ твое. Но знай, княжна, и заруби себѣ на носу два понятія. Первое понятіе будетъ: у меня къ тебѣ родительскихъ чувствій ни на алтынъ. А второе понятіе будетъ: ни единаго родоваго клока, ни единой крѣпостной душенки, ниже младенческой, отъ меня насторону ни продажей, ни даромъ не уйдетъ. И изъ всего княжьяго-Березопольскаго имущества родоваго и мною пріобрѣтеннаго, ни щепотки неприличнымъ дворянину способомъ на вѣтеръ не пойдетъ. Все отъ ложки до плошки, отъ нитки до свитки перейдетъ къ тебѣ по закону наслѣдія. Коли же перепадетъ отъ меня какая подачка на-сторону, то будетъ она не изъ иждивенія отцова и дѣдова, а моя пріобрѣтенная, кою я кому хочу, тому и дамъ... Ну, прости, до свиданія предъ Судомъ Господнимъ. Отецъ твой князь Андрей.“

Перечитавъ нѣсколько разъ это посланіе, княжна взволновалась и не знала, какъ отнестись къ распоряженію отца. То ей чудилось, что ссылка въ деревню на невѣдомый срокъ еще хуже и тяжелѣе жизни въ какомъ-либо московскомъ монастырѣ, то казалось ей, что отецъ распорядился сравнительно милостиво.

Въ вотчинѣ ожидало ее однообразное, тоскливое существованіе, но все-таки жизнь не будетъ вполнѣ испорчена. Все-таки на ней не будетъ монашескаго одѣянія. Она не будетъ заживо погребена.

А сколько можетъ продлиться эта ссылка? Лѣтъ около пятнадцати. Отцу теперь шестьдесятъ лѣтъ. Онъ еще очень бодръ, отъ послѣдней болѣзни поправляется замѣтно. Онъ легко можетъ прожить еще двадцать лѣтъ. Когда она станетъ свободна, то будетъ почти старухой. Да, но въ будущемъ, когда-нибудь она станетъ все-таки свободна! А еслибъ отецъ постригъ ее теперь, то въ будущемъ уже ничего не жди. Она бы тотчасъ же была заживо погребена.

Княжна ничего не отвѣтила, не написала отцу, и сидѣла въ углу своей спальни, то понурившись подъ гнетомъ мыслей обо всемъ происшедшемъ, то, успокоившись вдругъ, смотрѣла бодрѣе и мечтала о томъ, что въ богатой и красивой вотчинѣ—Березопольѣ, гдѣ домъ полонъ какъ чаша, гдѣ великолѣпные сады, оранжереи, конскій заводъ, до тысячи крѣпостныхъ, великолѣпный храмъ сооруженный дѣдомъ и наконецъ сосѣдство — жить можно не тоскуя.

Княжна знала, что тамъ много сосѣдей-дворянъ средней руки, которые живутъ постоянно, круглый годъ. Когда-то, лѣтъ пять тому назадъ, она провела тамъ немного времени, но сравнительно не дурно, пожалуй даже пріятнѣе, нежели въ иную зиму въ Москвѣ.

„Одного надо желать“, прибавила мысленно княжна, „чтобы это распоряженіе не было отягчено другимъ и чтобы мнѣ тамъ тоже не приказали приносить чашку чаю изъ буфета.“

Размышленіе княжны было прервано Дуняшей.

— Барышня, милая, ничего не пойму... Скажите, ради Создателя! Мнѣ сейчасъ — строжайшій указъ всѣ ваши платьица ежеденныя и все самое потребное укладывать. Ѣдемъ, что-ли, мы куда?

— Ѣдемъ, Дуняша, въ Березополье.

— Ахъ ты Господи! воскликнула Дуняша и начала креститься. — Вотъ хорошо-то! И на долго?

— Нѣтъ, Дуняша, не на долго. Такъ на пятнадцать, или на двадцать...

И княжна умышленно не договорила.

— Дёнъ? добавила Дуняша опечалившись.

Княжна улыбнулась.

— Пятнадцать или двадцать лѣтъ, Дуняша. Вернемся мы съ тобой оттудова—двѣ старухи.

— Слава Тебѣ Господи! воскликнула дѣвушка и начала опять креститься.

— Чему же ты радуешься?

— А вы-то развѣ не радуетесь? А въ Страстной монастырь, или въ Дѣвичій лучше бы было?

Княжна не отвѣтила.

Дуняша съ сіяющимъ лицомъ стояла, думала о чемъ-то и изрѣдка принималась креститься. Радость дѣвушки подѣйствовала на княжну. Лицо ея также прояснилось. Она встала и выговорила бодро:

— Ну, давай укладываться!

На зарѣ во всемъ домѣ было уже извѣстно, что выѣзжаетъ изъ дому не Устинья Савельевна, а высылаютъ на житье въ деревню самое княжну. И то же холопское общественное мнѣніе разсудило дѣло сразу:

— Подѣломъ! Не озорничай! Противъ родителя не ходи! Его власть родительская.

XIV.

Рано утромъ у подъѣзда появилась дорожная карета, привезенная двумя лошадьми, которыхъ тотчасъ отпрягли, такъ какъ карету привезли для укладки. Все утро домъ былъ на ногахъ. Кто носилъ всякую поклажу изъ горницъ княжны въ карету и на подводы, стоявшія на дворѣ, а кто просто сновалъ по горницамъ безъ дѣла, ради ротозѣйства.

Выѣздъ предполагался около полудня, но, какъ всегда, не могъ состояться. Не все было готово. Да и поваръ съ дорожною провизіей запоздалъ. Устинья Савельевна приказала такое дорожное заготовить, что въ цѣлыя сутки не успѣешь состряпать: и жаркое, и вареное, и копченое, и печеное.

Въ сумерки княжна медленною походкой прошлась по своимъ опустѣлымъ горницамъ. Все было уложено. Вездѣ былъ безпорядокъ, соръ и слѣды какъ бы прошедшаго урагана. Мебель сдвинута съ мѣстъ, выдвижной ящикъ изъ комода спальни оказался на письменномъ столѣ кабинета. Простая метла стояла въ гостиной, приткнутая къ дивану. Зачѣмъ она тутъ появилась, какая въ ней оказалась нужда—трудно было и угадать. Теплое дорожное платье лежало на доскахъ пустой кровати. Въ углу рабочей горницы княжны бросилась ей въ глаза книжка, очевидно забытая и оброненная на полъ. Ея библіотечку, томовъ въ полтораста, носилъ съ утра и укладывалъ въ отдѣльный ящикъ какой-то дворовый. Началъ онъ еще на зарѣ, и въ полутемнотѣ вѣроятно потерялъ эту книгу.

Княжна подошла, уже было наклонилась, но вдругъ ей пришла странная мысль:

„Какая это книжка? Загадаю я на нее! О чемъ она толкуетъ—такова будетъ и жизнь моя въ Березопольѣ.“

Княжна нагнулась, подняла книгу, развернула и увидѣла, что это переводный съ французскаго романъ, который она нѣсколько разъ собиралась прочесть, но никакъ не могла найдти. Она не видѣла его на полкѣ. Очевидно, онъ завалился куда-нибудь, а теперь оказался одинъ, когда всѣ книги уложены.

Княжна раскрыла и прочла: *„Безуміе отъ любви*, описаніе превратностей жизни аббата Сенъ-Дидье.“ Не зная романа, княжна не знала какой отвѣтъ получаетъ она на загаданное.

— Безуміе отъ любви! прошептала княжна, стоя съ книгой въ рукахъ. — Такого быть у меня не можетъ! Не только безумія, но и просто любви никогда я не чувствовала ни къ кому. Не такова, знать, уродилась!

Княжна вздохнула, но въ то же мгновеніе будто посторонній голосъ зашепталъ ей на ухо:

„Неправда, не лги! Ты готова была любить не разъ. Вспомни! Но что̀ остановило тебя? Полная увѣренность, что ты не найдешь отвѣта, что на твое большое, сильное чувство не получишь ничего, кромѣ пренебреженія и шутокъ, или еще больше уязвляющія сердце — чувства уваженія и почтенія. Нѣтъ, ты можешь любить! Еще сможешь и въ будущемъ! Да и почемъ знать? Свѣтъ не клиномъ сошелся. Березополье тотъ же міръ Божій. Тамъ есть люди такіе же, какъ и въ Москвѣ. Тѣ же дворяне. Но тамъ народъ менѣе испорченный, болѣе простой и искренній. Быть-можетъ именно тамъ ты и найдешь свое счастье!“

Но въ отвѣтъ на этотъ тайный голосъ, княжна гордо выпрямилась, какъ бы вдругъ оскорбленная, и выговорила вслухъ:

— Какой вздоръ! Какъ не стыдно! Пора бы, кажется, ужь перестать! Хуже всякой дѣвчонки размечталась! И когда же? Когда надо садиться въ карету и отправляться въ ссылку по указу родительскому.

Въ сумерки все было окончательно готово, но передъ тѣмъ чтобы впрягать шестерикъ сытыхъ коней въ дорожную карету, люди какъ бы сговорясь, начали повторять одно и то же:

— Какъ же теперь выѣзжать? Солнце на закатѣ. Стемнѣетъ сейчасъ. Какой же это выѣздъ въ дальній путь?

Дѣйствительно, по давнему обычаю, никто никогда не выѣзжалъ къ вечеру. Было принято и изъ Москвы, и изъ вотчинъ выѣзжать рано утромъ, почти еще ночью, ѣхать весь день если возможно и если есть подстава, но, по большей части, въ сумерки останавливаться на ночлегъ.

Покуда люди толковали объ этомъ, князь, сидя у себя и уже давнымъ-давно не видавшій дочь въ глаза, былъ занятъ тѣмъ же вопросомъ. Но кромѣ того онъ былъ озадаченъ и другимъ: проститься-ли съ дочерью?

Раза два онъ приподнимался съ мѣста, бралъ свою палку и прихрамывая шелъ къ столовой, черезъ которую надлежало пройти, чтобы навѣстить дочь. И онъ каждый разъ невольно останавливался передъ дверьми.

„Что̀ я ей скажу? Что̀ она будетъ говорить? Къ чему это поведетъ?“ начиналъ онъ мысленно разсуждать. „Она ослушница воли родительской и виновата. А я, старый хрѣнъ, соблазнъ на всю Москву пустилъ. Тоже виноватъ и пуще всѣхъ передъ дочерью. Кому же у кого прощенія просить? О чемъ же намъ говорить? А поцѣловаться трикраты, какъ христосуются на Пасхѣ съ приходскимъ пономаремъ, — лучше не надо. Прости, дочка. На томъ свѣтѣ увидимся и тамъ насъ разберутъ — кто правъ и кто виноватъ былъ въ этой юдоли.“

И князь возвращался на мѣсто. Въ сумерки, по докладу дворецкаго, что все готово и будетъ-ли приказаніе закладывать лошадей, князь послалъ спросить у дочери: „какъ ей угодно, выѣзжать-ли тотчасъ, или переночевать и выѣхать на утро, пораньше.“

Княжна смущаясь встрѣтила посланнаго. Она ждала, что отецъ позоветъ ее прощаться, хотя тоже боялась свиданія, не зная о чемъ имъ заговорить. Да и заговорить-ли? Но проститься все-таки бы слѣдовало... У него одна дочь! Вотъ къ чему привели ихъ „парадныя“ отношенія съ отцомъ.

Когда дворецкій, вмѣсто приглашенія пожаловать къ князю, спросилъ по княжему указу „какъ ей угодно, выѣзжать-ли тотчасъ, или на утро,“—княжна выпрямилась и выговорила сухо:

— Доложи батюшкѣ: выѣду какъ имъ угодно.

Минуты черезъ три дворецкій появился снова и доложилъ барышнѣ:

— Князь приказали сказать: какъ вамъ угодно.

— Поди, скажи князю, что я сдѣлаю, какъ имъ угодно, сухо выговорила она.

Дворецкій вышелъ, но черезъ двѣ минуты явился рысью обратно на порогъ горницы и произнесъ болѣе тревожнымъ голосомъ:

— Князь приказали сказать: какъ вамъ угодно.

— Поди, скажи князю: какъ имъ угодно! точь-въ-точь такъ же сухо отозвалась княжна.

Дворецкій, сообразивъ, что̀ предстоитъ ему, не двигался и мялся на мѣстѣ, жалостливо поглядывая.

— Что же ты! повелительно произнесла княжна.

— Слушаю-съ! робко вымолвилъ тотъ и исчезъ въ дверяхъ.

Но онъ не пошелъ къ князю, а пройдя нѣсколько горницъ, вышелъ въ переднюю. Тамъ онъ сѣлъ на лавку и вымолвилъ вслухъ:

— Что̀ же мнѣ дѣлать? Вѣдь это наконецъ того выбѣгаешь себѣ бѣду, нарвешься на рожонъ.

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній, дворецкій однако сообразилъ, что онъ этакъ все-таки попадетъ въ отвѣтъ, и тотчасъ же трусливо направился въ кабинетъ князя.

Когда онъ появился у отворенной двери, собираясь разинуть ротъ, чтобы повторить снова и снова ту же фразу, князь по лицу холопа догадался, что̀ именно онъ услышитъ. И не дожидаясь, крикнулъ нетерпѣливо:

— Вонъ!

Дворецкій выскочилъ улыбающійся и радостный. Гроза и въ чужомъ пиру похмѣлье — минули его, а его путешествію былъ положенъ предѣлъ.

Прошло около часу—и на вопросъ кучеровъ, закладывать-ли наконецъ, дворня отвѣчала:

— Не знаемъ! надо спросить...

На вопросъ дворни дворецкій отвѣчалъ:

— Не знаю!

На вопросъ другихъ Дуняша отвѣчала то же слово и, обратясь къ барышнѣ за разъясненіемъ вопроса, получила отъ княжны отвѣтъ:

— Не знаю, какъ князю угодно.

Наступилъ вечеръ. Лошадей не закладывали. А у княжны въ спальнѣ Дуняша снова устраивала постель на ночь.

Въ домѣ всѣ уже знали, что на зарѣ лошади должны быть готовы и состоится выѣздъ. Но кто такъ приказалъ—было неизвѣстно. Собственно, никто не приказалъ.

Княжна легла спать рано, но взяла въ руки найденную на полу книжку, чтобы чтеніемъ на сонъ грядущій разогнать тяжелыя думы. Прошло часа два, а она не тушила свѣчи и все читала. „Безуміе отъ любви аббата Сенъ-Дидье“ было мало интересно само по себѣ; но вѣдь княжна загадала на содержаніе этой книги. Княжна должна была отвѣтить ей—какая жизнь начнется для нея тамъ въ Березопольѣ, въ глуши трущобы.

И съ первыхъ же главъ отвѣтила прямо... Такъ по крайней мѣрѣ показалось княжнѣ.

XV.

Въ первыхъ числахъ декабря, за два дня до Николина дня, въ Березопольѣ было съ утра замѣтно особенное движеніе среди населенія усадьбы, а равно и на деревнѣ.

День занялся ясный, сверкающій, веселый, но за то на дворѣ было до тридцати градусовъ морозу.

Все Березополье имѣло праздничный, оживленный видъ. Много крестьянъ сновало между селомъ и усадьбой; приходили на барскій дворъ справляться въ одиночку и гурьбой. Дворня тоже мало сидѣла по горницамъ и часто появлялась на дворѣ и на дорогѣ въ аллеѣ между домомъ и церковью.

Благодаря морозу, все что̀ появлялось на улицѣ, двигалось шибко. Снѣгъ, будто кованный изъ алмазовъ, сверкалъ, и звучно, почти весело скрипѣлъ подъ ступнею каждаго. У всякаго гуляющаго, а тѣмъ паче бѣгущаго, вырывался изо рта дымокъ, видимый издалека. Всѣ были румяны.

Всѣ бородатые, и пожилые, и молодые, равно, ходили сѣдыми дѣдушками съ бѣлыми усами. У мальчугановъ тоже была сильная сѣдина на кудряхъ, которыя выбивались изъ-подъ шапокъ. Даже красныя дѣвицы ходили съ сѣдыми бровями и рѣсницами.

Всѣхъ расшевелилъ государь-морозъ и всѣ будто радовались ему,—только носамъ да ушамъ было обидно отъ нещадныхъ щипковъ его.

У всѣхъ березопольцевъ было одно на умѣ и на языкѣ.

Одни говорили:

— Наша барышня!

Другіе повторяли:

— Прасковья Андреевна.

Въ это утро, по разсчету Макара Макаровича, должна была прибыть изъ Москвы княжна. Еще наканунѣ распорядился онъ всѣмъ для пріема владѣлицы Березополья. Все было приготовлено къ торжественной встрѣчѣ.

Еще съ вечера былъ отправленъ умный малый, верхомъ, верстъ за 15 на Рязанскую дорогу, чтобы при видѣ экипажа княжны скакать маршъ-маршемъ съ вѣстью. Но за шесть верстъ отъ усадьбы выѣхалъ на зарѣ и сталъ на дорогѣ другой конный, который долженъ былъ, перехвативъ вѣсть, скакать еще шибче прямо въ Березополье.

Такимъ образомъ Трубецкой разсчитывалъ, что 15 верстъ двое конныхъ по очереди проскачутъ не болѣе 35 минутъ. А на то же разстояніе для дорожной кареты княжны понадобилось бы не менѣе какъ часъ съ четвертью.

Надо было выиграть время, чтобы успѣть распорядиться торжественною встрѣчей.

Около полудня Макаръ Макаровичъ уже нетерпѣливо бродилъ по своимъ горницамъ. Уже раза три побывалъ онъ въ домѣ и обошелъ аппартаменты приготовленные для княжны. Разъ десять отворялъ онъ заслонки печей и все нюхалъ, нѣтъ-ли угару. Затѣмъ онъ ворочался къ себѣ, садился, но тотчасъ же вставалъ и волнуясь опять сновалъ по своимъ маленькимъ комнатамъ.

Одна мысль, выразившаяся въ четырехъ словахъ, не покидала его, и наконецъ Трубецкой сталъ повторять вслухъ:

— Запоздаетъ! Обида! Все пропало!

Дѣйствительно, если княжна явится въ Березополье ввечеру, то все пріуготованное управителемъ торжество будетъ невозможно и придется отложить его на утро.

Когда на стѣнныхъ часахъ Макара Макаровича стрѣлки стали приближаться къ двумъ часамъ, онъ не выдержалъ:

— Спаси Богъ, какъ обидно! воскликнулъ онъ. — Вѣдь часа еще черезъ два темнѣть начнетъ!

И не зная что̀ ему дѣлать, куда дѣваться отъ нетерпѣнія, Трубецкой быстро вышелъ и направился на конный дворъ. Еще быстрѣе, у себя на глазахъ, приказалъ онъ заложить рысака въ маленькія бѣговыя санки и, захвативъ кучеренка, стрѣлой понесся по аллеѣ къ церкви, мимо которой шла дорога въ городъ.

Макаръ Макаровичъ, миновавъ храмъ, выѣхалъ по дорогѣ, извивавшейся черезъ голую бѣлую равнину. Здѣсь онъ остановился и долго тщетно вглядывался пристально впередъ. Нигдѣ не видно было ни единой живой души.

Мѣсто было высокое и отсюда во всѣ стороны разстилалась безконечная панорама, россійская, незатѣйливая: бѣлая безконечная простыня съ темными пятнами, образуемыми лѣсомъ или деревушками. Чрезъ часъ Трубецкой вернулся нехотя домой и пригорюнился...

Что̀ онъ предчувствовалъ — то и случилось, но еще хуже... Уже было почти совсѣмъ темно на дворѣ и нѣсколько звѣздочекъ замигали въ темнѣющихъ небесахъ, когда въ усадьбѣ появился экипажъ шестерней, а за нимъ три подводы на тройкахъ, съ поклажей. У Макара Макаровича, глянувшаго въ окошко, ноги подкосились отъ изумленія и обиды. Конныхъ никакихъ не бывало, а княжна уже въ усадьбѣ. Нахлобучивъ шапку, управитель бросился бѣгомъ изъ дому въ догонку за проѣхавшими мимо него во дворъ усадьбы.

— Что̀ за притча! гдѣ же конные? прозѣвали, разбойники! Или она ихъ не допустила впередъ упредить меня? бормоталъ старикъ, вбѣгая въ ворота.

Усадьба и дворъ уже были не тѣ, преобразились...

Экипажъ, колокольчики, ржаніе лошадей, говоръ пріѣзжихъ и суета будто вдохнули жизнь, душу въ вѣчно пустой и какъ бы одичалый дворъ усадьбы. Паръ густыми облаками шелъ по морозу отъ всѣхъ коней, а среди этихъ облаковъ сновали люди и гудѣли веселые голоса.

Дружба. Рис. Леференца, грав. Бонгъ.

Дверцы кареты уже растворились, когда Макаръ Макаровичъ подбѣжалъ къ ней. Опоздай онъ на одно мгновеніе—и княжна вошла бы на подъѣздъ безъ него. Старикъ чуть не задохся, чуть не упалъ, ибо раза два поскользнулся несясь рысью черезъ дворъ къ этой каретѣ; но все-таки поспѣлъ во-время.

Едва переводя дыханіе, онъ протянулъ руки и сталъ высаживать княжну. Не смотря на сумракъ и смущеніе, Макаръ Макаровичъ сразу разглядѣлъ лицо владѣлицы и сразу сообразилъ многое.

Лицо княжны было, дѣйствительно, настолько грустно, что эта грусть во всѣхъ чертахъ его, невольно бросалась въ глаза.

Княжна молча вышла на подъѣздъ. Молча вошла въ большую освѣщенную швейцарскую и остановившись выговорила не обращаясь ни къ кому:

— Куда? Гдѣ мнѣ приготовлено?

Побѣжавшіе впередъ съ огнемъ двое людей показали ей направленіе, и она двинулась.

— Подите, попросите ко мнѣ господина Трубецкаго, выговорила княжна.

— Я... вотъ онъ-съ... Спаси Богъ... вотъ я-съ... проговорилъ Макаръ Макаровичъ страннымъ голосомъ.

За эти нѣсколько мгновеній Трубецкой былъ уже обиженъ и смущенъ. Вышедшая при его помощи изъ экипажа, княжна поднялась по ступенямъ и вошла въ домъ, не только не сказавъ ему ни слова, но даже не поглядѣвъ на него.

Но за то теперь Макаръ Макаровичъ вдругъ зарумянился. глаза его стали влажны отъ готовыхъ выступить слезъ.

Но едва онъ выговорилъ свою фамилію, какъ та же неприступная и суровая княжна ахнула, положила руку ему на плечо и вымолвила ласково и съ оттѣнкомъ радости:

— Простите, Макаръ Макаровичъ, не узнала въ темнотѣ. Да и вы перемѣнились! А я выходила изъ кареты и думала: что же это нѣту моего дорогаго Макара Макаровича? Вѣдь мы съ вами друзья были! Помните... когда я здѣсь была.

Трубецкой началъ было говорить что-то, произнесъ съ трудомъ: „спа-а-си Боже", но дальше не выговорилъ ни слова. Голосъ его дрогнулъ, судорога стянула горло.

Давно, очень давно никто такъ ласково не обращался къ нему, ни въ чьемъ голосѣ изъ говорившихъ съ нимъ, не звучало того, что̀ онъ услышалъ и почувствовалъ теперь въ голосѣ этой пріѣзжей. А кто это? Сама княжна. И за что̀ же? Чѣмъ онъ ей услужилъ? Въ ея прошлый пріѣздъ они, правда, частенько бесѣдовали, но онъ тогда не замѣтилъ, чтобы княжна относилась къ нему сердечно.

Между тѣмъ, покуда сладкая тревога бушевала въ груди старика, онъ не слыхалъ того что̀ спрашивала княжна и ничего не отвѣчалъ ей.

— Спаси Богъ! безсознательно повторялъ онъ на все то, что̀ говорила она и чего онъ не понималъ отъ смущенія и радости.

Княжна двинулась впередъ, и Макаръ Макаровичъ ясно разслышалъ:

— Пойдемте!

Они вошли въ горницы приготовленныя ей, числомъ семь или восемь, весь правый уголъ дома, съ окнами на дорогу къ церкви, а другими — въ цвѣтникъ, теперь укрытый высокими сугробами.

Обойдя горницы, молча, княжна подавила вздохъ, не ускользнувшій отъ пытливаго взгляда Трубецкаго. Снявъ капоръ и теплое платье, она сѣла въ кресло у окошка и сразу глубоко задумалась.

Макаръ Макаровичъ глянулъ на нее искоса, тоже подавилъ въ себѣ вздохъ соболѣзнованія и почтительно, почти на цыпочкахъ, вышелъ въ другую горницу.

А между тѣмъ, повсюду въ этой половинѣ дома началась уже полная сумятица. Таскали вещи, но вмѣстѣ съ тѣмъ голосили весело и радостно. Часто раздавались громкіе поцѣлуи и восклицанія. Одно изъ нихъ даже достигло слуха княжны:

— Дуняша, голубушка! Какъ ты захирѣла, постарѣла! Да и барышня-то княжна тоже. Совсѣмъ вдовье лицо у нея. Вотъ вамъ и московская ваша жисть!

Отъ этихъ простыхъ словъ, княжна, сидя за двѣ горницы, вздрогнула, обернулась на раскрытыя настежь двери и стала прислушиваться. Больно коснулись эти слова ея сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное чувство шевельнулось въ ней,—какое-то ѣдкое желаніе услыхать что-нибудь такое же, даже худшее.

Пускай скажутъ сейчасъ, что она страшно подурнѣла, стала старухой, что она зла, какъ чортъ!

Но ничего уже явственно не доносилось до нея, только сплошной гулъ голосовъ и шуршанье тяжелыхъ ступней у носившихъ ящики и сундуки.

(Продолженіе будетъ).

Амру.

Поэма **В. Величко.**

„Сотворилъ Богъ разумъ, свѣтъ отъ свѣта Своего, и сказалъ ему: Я ничего не сотворилъ лучше, красивѣе, совершеннѣе тебя; ради тебя человѣчество получитъ благословеніе, тобою буду Я признанъ, тобою прославленъ!". .

Хадисы (преданія) Магомета.

I.

„Великъ Аллахъ! Великъ его Пророкъ!"
Какъ тучи грозныя, какъ вихрь, какъ Божья кара,
Несутся полчища по манію Омара
На обезсиленный дремотою Востокъ
И на владѣнія развратной Византіи.
И Газу, и Дамаскъ, и градъ святой Мессіи —
Все взялъ, все затопилъ бушующій потокъ!
Персидскія войска, разбивъ при Медаинѣ, [1])
Въ долину чудную пришли сыны пустыни,
Гдѣ къ Тигру мощному струи несетъ Евфратъ.
Непобѣдимый вождь, Амру, краса ислама,
На западъ меркнущій повелъ дружину прямо
Чрезъ горы и пески—и древній взялъ Фустатъ, [2])
Гдѣ сфинксы, окруживъ священный храмъ Изиды,
Навѣки замерли, гдѣ молча пирамиды
Вѣка величія и прахъ царей хранятъ.
Но что̀ величіе предъ истиной Корана?!...
Какъ солнце—неба царь,—пронзая мглу тумана,
Всесильно гонитъ ночь блестящимъ сонмомъ стрѣлъ,—
По зыбкому песку, по грудамъ вражьихъ тѣлъ
Несется рать Амру впередъ, къ Александріи.
Все рушится предъ нимъ! Кто знаетъ, гдѣ предѣлъ
Стремленью мощному взволнованной стихіи?
Самума грознаго задержитъ кто полетъ?
Кто можетъ одолѣть воспрянувшій народъ,
Внезапно хлынувшій на мощный кличъ Корана,
Какъ лава жгучая изъ темныхъ нѣдръ волкана?!..

II.

День покинулъ пустыню, объятую сномъ
И повитую влажнымъ туманомъ.
Звѣзды ярко не блещутъ на небѣ ночномъ
И не кажутъ пути караванамъ.
Остороженъ Амру: выждать утра велитъ,
Хоть близка уже цѣль—и вокругъ пирамидъ
Стало войско арабское станомъ.
По приказу вождя, всѣ спѣшатъ поскорѣй
Снять съ верблюдовъ тюки, разнуздать лошадей
И Аллаху предъ сномъ помолиться.
Приготовленъ ночлегъ: поднялися шатры
И во мглѣ непроглядной рядами костры

1) Медаинъ—мѣстечко въ Месопотаміи, недалеко отъ возникшаго впослѣдствіи Багдада.
2) Фустатъ—арабское имя Мемфиса.

Стали ярко пылать и дымиться,
Отражаясь на шлемахъ и копьяхъ стальныхъ.
Вокругъ стана разставлена цѣпь часовыхъ,
Прозвучало послѣднее слово молитвы—
И покой воцарился... На завтра походъ,
Чуть заря алой кровью сводъ неба зальетъ:
Надо силы набраться для битвы!
Много витязей въ райскія двери войдутъ,
Не спасутъ ихъ ни шлемы, ни брони...
Богатырски заснулъ утомившійся людъ;
Только слышно, какъ жвачку верблюды жуютъ,
Да порою зафыркаютъ кони,
Словно чуютъ они приближенье враговъ;
Но враговъ не видать.. Меркнетъ пламя костровъ,
Задремали давно часовые,
Опершись на копье... Тишь нѣмая и мгла
Черной тучей на лагерь уснувшій легла.
Снятся воинамъ сны золотые...
Да не снится имъ только въ полуночный часъ,
Что съ несмѣтною ратью спѣшитъ Могавгасъ, [1])
Совершивъ черезъ Нилъ переправу;
Что труслив и коваренъ, какъ подлый шакалъ,
Византіецъ туманную ночку избралъ,
Чтобъ къ арабамъ придти на расправу...
Вотъ, сливаясь съ тумана густой пеленой,
Словно тѣни безшумныя, греки толпой
Подползаютъ къ ночлегу какъ змѣи,—
И оружье измѣнниковъ—лютый кинжалъ
Ужь надъ лагеремъ спящимъ во тьмѣ засверкалъ.
Пиръ кровавый свершаютъ злодѣи!..
И смятенье прервало предательскій сонъ.
Кони бѣшено ржутъ, слышенъ раненыхъ стонъ
И предсмертные дикіе крики.
Встрепенулись бойцы грозной стаей орловъ,
Зашумѣло кипучее море головъ,
Будто волны въ часъ бури великой.
Начался безпощадный, неистовый бой:
Раздаются во тьмѣ непроглядной ночной
Лязгъ оружія, скрежетъ, проклятья...
Все смѣшалось, повсюду погибель и адъ,
Безъ разбору звенящія сабли разятъ,
Не видать гдѣ враги и гдѣ братья...
Заметался Амру, какъ воспрянувшій левъ.
Словно бури грохочущей яростный ревъ,
Будто колоколъ грозный набатный,
Слышенъ голосъ вождя: „Да погибнетъ нашъ врагъ!
„Бей! гони! не щади! Намъ поможетъ Аллахъ,
„Богъ побѣды, Богъ силъ благодатный!“...
И въ тотъ мигъ освѣтилась небесъ вышина:
Сквозь туманную мглу изъ-за тучи луна
Просіяла внезапно, какъ чудо,
Озаряя забрызганныхъ кровью бойцовъ,
Пирамидъ силуэты, рядъ бѣлыхъ шатровъ,
Мертвыхъ тѣлъ безобразныя груды.
„Мусульмане впередъ! Самъ Всевышній за насъ!“—
Съ новой силой нещадная битва зажглась,—
Византійцы разбиты, бѣжитъ Могавгасъ,
Дикимъ страхомъ объятъ,—и въ погоню
Побѣдителей грозныхъ стремится потокъ...
Легче вихря несутся, взрывая песокъ,
По пустынѣ ретивые кони...
Все исчезло, все скрылъ темной дымкой туманъ,
Опустѣлъ и стихаетъ покинутый станъ,
Удаляется бѣшеный топотъ...
Лишь задавленный стонъ раздается порой,
Да прерветъ тишину шумъ безсвязный, глухой,
Будто моря далекаго ропотъ...

III.

Въ Александрію поутру
Вступалъ торжественно Амру
Съ побѣднымъ знаменемъ Пророка.
Еще въ туманѣ, издалёка
Виднѣлась города краса:
Колонна стройная Помпея
Вершиной древнею своею
Уходитъ гордо въ небеса,
И башня—свѣточъ Клеопатры [2]),
Соборы, портики, театры,
И Нилъ, и моря полоса,
И въ синей бухтѣ мачтъ лѣса—
Предстали въ утреннемъ сіяньи
Какъ радужной мечты созданье,
Какъ въ сказкѣ или въ чудномъ снѣ,
Какъ марево среди пустыни...
Амру, гарцуя на конѣ,
Могучемъ, бѣломъ исполинѣ,
Велъ молча вѣрныхъ мусульманъ.
На шишакѣ бѣлѣлъ тюрбанъ,
Какъ снѣгъ на голубой вершинѣ;
Качался за спиной колчанъ,
Блистала на груди кольчуга,
И сабля, вѣрная подруга,
Красою грозною своей
Въ десницѣ витязя сверкала;
Ее одна изъ чудныхъ фей
Во дни Халимскихъ войнъ [1]) сковала
Изъ мѣсяца стальныхъ лучей...
Какъ мести геній-разрушитель,
Угрюмъ арабовъ повелитель,
Во взорахъ молніи блестятъ...
Скажи, ты видѣлъ, какъ таррадъ, [2])
Съ толпою волнъ косматыхъ споря,
Несется надъ пучиной моря?
Ты видѣлъ кедръ, что въ холмъ крутой
Впился желѣзными корнями,
Долину осѣнилъ вѣтвями,
Небесъ коснулся головой?—
Таковъ воитель величавый,
Таковъ Амру, избранникъ славы...
И вотъ: у городскихъ воротъ,
Какъ урожай, серпомъ сраженный,
Предъ нимъ, колѣнопреклоненный,
Стоитъ трепещущій народъ
Александріи побѣжденной.
Къ ногамъ его кладутъ ключи
Отъ опустѣвшей цитадели,
Знамена, копья и мечи,
Жемчужныхъ горы ожерелій,
Кладутъ висонные плащи,
Янтарь, алмазы, кучи злата,—
Все, чѣмъ столица ихъ богата,
Все, чѣмъ извѣстна ихъ земля;
Рыдаютъ горестно, моля,
Чтобъ вождь имъ даровалъ пощаду.
Но непреклоненъ и суровъ,
Амру отвѣтилъ: „Намъ не надо
„Презрѣнныхъ роскоши даровъ!
„Пророкъ, посланникъ вѣщій Бога,
„Чуждаться повелѣлъ намъ строго
„Нечистой жизни бренныхъ благъ,
„Созданій пышности растлѣнной!
„Къ тебѣ, лукавый, низкій врагъ,
„Я несъ его завѣтъ священный,
„Корана свѣтъ! Избравши мракъ,
„Подкрался гнусною гіеной,
„Вроломъ, засадою, измѣной
„Хотѣлъ сразить мою ты рать?!—
„Я мстить пришелъ, пришелъ карать!
„На мракъ той ночи рать Омара
„Отвѣтитъ заревомъ пожара!
„Презрѣнный скрылся Могавгасъ,
„Несется по морю въ фелукѣ [3]).
„Но имъ заслуженныя муки,
„Кровь жертвъ его—падетъ на васъ!
„Все уничтожу, сокрушу я,
„Какъ дикій ураганъ, бушуя,
„Въ потокахъ крови и огня!“
Такъ грекамъ, трепетомъ объятымъ,
Сказалъ—и по дарамъ богатымъ
Направилъ вѣрнаго коня
Въ Александрію вождь суровый,
Топча презрительно подковой
Все то, чѣмъ жалкій людъ плѣненъ:
Алмазы, пурпуръ и виссонъ...

IV.

По городу Амру съ дружиной разъѣжаетъ
Межъ храмовъ и дворцовъ, межъ стройныхъ колоннадъ
И зелени садовъ... Приковывая взглядъ,
Все жителя пустынь невольно поражаетъ
Доселъ невиданной, чарующей красой.
Но вотъ увидѣлъ вождь: на площади большой,
Пышнѣе всѣхъ дворцовъ, стоитъ Библіотека,
Поднявши съ гордостью торжественный фронтонъ.
—„Кто здѣсь живетъ?“ спросить поторопился онъ.
—„Наука,“ былъ отвѣтъ: „Пріютъ себѣ отъ вѣка
„Нашли тутъ знаніе и мудрость человѣка.
„Все то, чего трудомъ и мыслью онъ достигъ,

[1]) Намѣстникъ Александріи.
[2]) На этой башнѣ былъ извѣстный маякъ; при халифѣ Османѣ его погасили.

[1]) Въ Аравіи сохранилось преданіе, будто бы въ глубокой древности, задолго до Магомета, во время войнъ, названныхъ Халимскими, на полѣ битвы находили сабли съ удивительной рѣзьбой. Арабы думали, что онѣ сдѣланы были феями изъ лучей мѣсяца.
[2]) Таррадъ—арабское названіе большаго корабля.
[3]) Фелука—арабское названіе небольшаго судна, соотвѣтствовавшаго теперешнимъ шхунамъ; фелука была любимымъ судномъ пиратовъ, вслѣдствіе легкости и быстроты хода.

Поморцы острова Рюгена (Померанія). Рис. К. Арендтъ и Гофманъ Фаллерслебенъ, грав. Геданъ.

Литературный альбомъ. „На горахъ", Мельникова. Встрѣча хлѣбушка въ праздникъ Дожинокъ 15 августа.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Шюблеръ.

„Здѣсь воплотилося въ страницахъ пыльныхъ книгъ—
„И генія рукой начертано на нихъ
„Безсмертной истины сверкающее слово".
—„Безсмертенъ только Богъ!" сказалъ Амру сурово,
„Двухъ истинъ въ мірѣ нѣтъ, и чрезъ Пророка данъ
„Къ единой истинѣ единый ключъ—Коранъ!
„Коль разумъ этихъ книгъ съ Пророка словомъ друженъ,
„То лишнія онѣ—и этотъ домъ не нуженъ;
„А коль иное въ нихъ, то всѣ онѣ вредны, [1]
„Какъ нечестивый плодъ навѣтовъ сатаны—
„И этотъ пышный домъ построила гордыня,
„Гордыня червяковъ, что роются въ пыли!
„Что-жъ это капище дало сынамъ земли,
„Коль чтимо греками, какъ нѣкая святыня?
„И рабство, и корысть, и пышность, и развратъ,
„И трусость низкая, и ложь, и вѣроломство—
„Не это-ль далъ землѣ, не это-ль дастъ потомству
„Кичливой мудрости благоуханный садъ?!!—
„Но нѣтъ! Я, Божій рабъ, повелѣваю нынѣ
„Все сжечь—и пепелъ книгъ развѣять по пустынѣ!"
Такъ молвилъ грозный вождь—и гнѣвною рукой
Дружинѣ указалъ на знанья домъ высокій.
Но только произнесъ онъ приговоръ жестокій,
Какъ вдругъ очамъ его предсталъ боецъ сѣдой,
Со знаменемъ въ рукахъ, съ Пророка бѣлымъ стягомъ,—[2]
Войсками чтимый шейхъ Джафаръ-Абу-Халитъ.
Онъ доблестью своей давно былъ знаменитъ,
Пренебреженіемъ къ мірскимъ ничтожнымъ благамъ,
Любовью къ истинѣ и кротостью души.
Виднѣлися ему порой, въ ночной тиши,
Дѣла грядущихъ дней изъ-за туманной дали—
И прозорливцемъ—*аль-уáли*
И праведнымъ его благоговѣйно звали.
Пророка самого приверженецъ и другъ,
Въ Медину вмѣстѣ онъ бѣжалъ во дни гоненій;
Дѣлилъ его труды, опасности сраженій
И сладостныхъ бесѣдъ живительный досугъ.
При Бедрѣ [3] видѣлъ онъ, какъ средь жестокой сѣчи
Явились ангелы блестящіе съ небесъ, [4]
Онъ видѣлъ какъ Пророкъ,—о, чудо изъ чудесъ!—
Лишь горстію песку враговъ прогналъ далече.
И въ Мекку древнюю съ Пророкомъ онъ вступалъ,
Въ день воцаренія и торжества Корана.
И славу онъ стяжалъ и доблестныя раны,—
Но почести одной въ награду пожелалъ:
Лишь знаменщикомъ быть, носителемъ святыни.
Въ сраженьи, будто левъ, безстрашнѣйшій боецъ,—
Незлобивъ, какъ дитя, въ дни мира былъ мудрецъ
И размышленья часъ любилъ среди пустыни.
Устами вѣщими Коранъ онъ разъяснялъ
И все, что Магометъ свершилъ или сказалъ.
Народъ его считалъ сокровищницей знаній,
Хранителемъ святыхъ преданій...

V.

И вотъ премудрый шейхъ Джафаръ-Абу-Халитъ,
Воздвигнувъ бѣлый стягъ передъ Библіотекой,
Владыкѣ грозному безстрашно говоритъ:
„Теченье дней твоихъ пускай Аллахъ продлитъ,
„Въ сіяньи подвиговъ, отъ вѣка и до вѣка!
„Привѣтствую тебя, возлюбленный амиръ! [5]
„Ты блещешь надъ землей, какъ яркій лучъ Востока,
„Какъ роза пышная, царишь въ саду Пророка,
„Ты—слава избранныхъ, ты праведниковъ миръ,
„Наперсникъ, лучшій другъ великаго Омара
„И нечестивыхъ кара.
„О, выслушай меня! Я старый мугаджиръ, [1]
„И въ бой за истину, какъ ты, вступилъ я рано,
„Нещадно поражалъ противниковъ Корана—
„И я въ стремленіи потворствовать врагу
„Быть заподозрѣннымъ, надѣюсь, не могу.
„Повѣрь, въ меня такимъ безсмысленнымъ укоромъ
„Не кинетъ злѣйшій врагъ. Внемли-жъ моимъ мольбамъ—
„И пощади, амиръ, познанья свѣтлый храмъ!
„Не омрачай исламъ печалью и позоромъ,
„Науку не гони жестокою рукой!
„Она не сатаной дана семьѣ людской.
„То говорю не я—то рѣчи Магомета:
„Щедрѣе всѣхъ Господь, источникъ свѣта!
„Онъ въ мысли темныя, какъ яркій лучъ проникъ,
„Онъ людямъ знанья далъ и пишущій тростникъ— [2]
„И какъ два свѣточа, такъ вѣра и познанье
„Сіяютъ надъ людьми, народамъ кажутъ путь,
„Какъ маяки, во мглѣ земнаго ихъ скитанья.
„И тщетно иногда старается задуть
„Ихъ ураганъ страстей, въ порывѣ злобы дикой—
„Хоть искра да блеститъ въ кромѣшной тьмѣ великой:
„Свѣтъ истины неугасимъ.
„И въ дни сомнѣнія, коль не путемъ однимъ
„Порою свѣточи священные проходятъ,—
„Повѣрь, ихъ Промыселъ на время лишь разводитъ:
„Начало имъ одно, одинъ конецъ имъ данъ.
„Такъ иногда протокъ, съ рѣкою разлучаясь,
„Стремится снова къ ней, тревогой обуянъ—
„И, какъ съ возлюбленной, волнами обнимаясь,
„Несется въ дальній океанъ...
„Что лучше? путь рѣки или русло протока?—
„Тотъ путь, гдѣ жизнь кипитъ средь пѣсенъ и труда,
„Гдѣ межъ садовъ и нивъ несутся въ даль суда.
„Гдѣ истины русло? Внемли словамъ Пророка!—
„Онъ говоритъ: въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей
„Красуется луна свѣтлѣе звѣздъ небесныхъ;
„Отшельниковъ благихъ, для Бога и людей,
„Дороже тотъ, кто жизнь въ трудахъ проводитъ честныхъ
„На пользу истины и родины своей. [3]
„Кто любитъ ближняго, въ комъ свѣтлыхъ знаній много,
„Тотъ славенъ, какъ пророкъ, въ томъ блещетъ искра Бога!.. [4]
„Такъ изъ семьи племенъ всѣхъ выше тотъ народъ,
„Что свѣточи земли во мглѣ вѣковъ несетъ,
„И, путь земной свершивъ, потомству завѣщаетъ.
„Грядущіе года невѣдомы, темны,
„Но взоръ моей души въ ихъ тайну проникаетъ:
„Я вижу дни, когда умолкнетъ шумъ войны—
„Какъ съ появленіемъ чарующей весны,
„Все жизнью расцвѣтетъ, польются пѣсенъ звуки—
„И землю озаритъ сіяніемъ науки
„Побѣдоносная дружина мусульманъ,
„Не саблей, не огнемъ, а разумомъ воюя,—
„И въ человѣчества безбрежный океанъ
„Вольетъ струю свою живую!.."
И отвѣчалъ Амру: „Ты правъ, Абу-Халитъ!
„Рѣчь истины самой въ устахъ твоихъ звучитъ,
„Неотразимою волной мнѣ льется въ душу.
„Ты правъ!— И яростью безумной ослѣпленъ,
„Я домъ премудрости великій не разрушу. [5]
„Пусть гордо высится надъ бездною временъ,
„Средь шума бурь земныхъ, твердыней величавой,
„Какъ свѣтлый памятникъ былой и нашей славы!.."

Старинныя русскія одежды.

П. Н. Полевого.

Рис. на стр. 977).

II.

Верхнія одежды бояръ: охобни, однорядки, шубы разныхъ родовъ.—Разнообразіе головныхъ уборовъ.—Дорогія украшенія (низанье).—Приличія и обычаи въ употребленіи одежды.—Одежда женская и особыя понятія объ ея покроѣ.—Разные виды одеждъ.—Обувь и головные уборы.—Кузня ларечная (украшенія).—Косметики и притиранія.

Въ первой нашей статьѣ о старинныхъ русскихъ одеждахъ, мы говорили преимущественно объ одеждѣ царской и боярской, и о тѣхъ именно видахъ ея, которые слѣдуетъ считать одеждой придворною или выходною.

Въ настоящей статьѣ перейдемъ къ описанію одежды *верхней*, которая надѣвалась при выѣздахъ изъ дома, и преимущественно зимою или вообще въ холодное, ненастное время года. Такихъ одеждъ, главнымъ образомъ, было три: *охобень, однорядка* и *шуба*.

Охобень или охабень, по своему покрою, походилъ на ферезь, но такъ какъ онъ на ферезь надѣвался, то его обыкновенно дѣлали гораздо шире и длиннѣе ферези. Подъ рукавами, очень длинными, дѣлали прорѣзы (или прорѣхи) для рукъ, такъ что рукава можно было или надѣвать, собирая ихъ на руку, или откидывать назадъ, за плеча, при чемъ иногда эти рукава связывались, перекидываясь одинъ черезъ другой, и висѣли за спиною, концами ниже пояса. Необходимою принадлежностью

1) По нѣкоторымъ источникамъ, слова эти приписываются халифу Омару.
2) У Магомета, по преданію, было два знамени: бѣлое и черное; это послѣднее, говорятъ, хранится въ Стамбулѣ подъ именемъ *Санджакъ-шерифъ*. Особенно любилъ пророкъ бѣлый цвѣтъ. Зеленый же цвѣтъ принятъ лишь впослѣдствіи потомками Фатимы, его дочери, бывшей замужемъ за Али.
3) Бедръ — городъ въ Аравіи.
4) См. Коранъ гл. III, сурата 119.
5) Амиръ — начальникъ, вождь.

1) Мугаджирами назывались приверженцы Магомета, бѣжавшіе съ нимъ въ 622 г. въ Медину изъ Мекки.
2) См. Корана гл. XCVI, сурата 1.
3) Хадисы (преданія) Магомета.
4) Книга „Джаміа-Сагиръ".
5) Домомъ премудрости арабы называли академіи и библіотеки.

охабня былъ четвероугольный, откладной воротникъ, который висѣлъ позади, почти до половины спины, иногда и ниже, и притомъ расшивался и украшался, подобно *козырю*, золотомъ и жемчугомъ. Спереди охабень, какъ и ферезь, застегивались петлицами на пуговицы.

Однорядка походила покроемъ на охабень, но съ тою разницею, что у нея не было ни откладнаго воротника за спиною, ни откидныхъ рукавовъ. Изъ этого сравненія однорядки съ охабнемъ, конечно, уже слѣдуетъ заключить, что охабень былъ одеждою болѣе нарядною, нежели однорядка. Поэтому охабни и дѣлались изъ болѣе цѣнныхъ матерій — изъ объяри, атласа, бархата, даже изъ парчи; а однорядки — изъ менѣе цѣнныхъ матерій и менѣе подверженныхъ порчѣ: изъ сукна, изъ каразеи (матеріи въ родѣ камлота). Иностранцы, посѣщавшіе Москву въ XVI и XVII в.в., говорятъ, что *однорядка* (Honoratkey—какъ они ее называютъ) надѣвалась часто поверхъ *охабня* (Althaben) во время ненастной погоды и дальнихъ поѣздокъ царей и бояръ.

Третьею верхнею (преимущественно зимнею) одеждою была *шуба*—одежда подбитая мѣхомъ и опушенная мѣхомъ-же. На исподъ шубы употреблялись мѣха: бѣличій, песцовый, лисій, куній, соболій, бобровый и горностаевый; на покрышку—бархатъ, атласъ, камка, сукно и другія шелковыя, плотныя и дорогія матеріи. Для украшенія пришивались къ ней *кружева* (т. е. тканыя и плетеныя узорочныя нашивки изъ золотой нити); а для застегиванья пуговицы и петли или шнуры съ кистями. По покрою различали три рода шубъ: *шубы русскія*, *шубы турскія* и *шубы польскія*.

Русскія шубы, походя въ общемъ покроѣ на охабень, отличались отъ него только отложнымъ мѣховымъ воротникомъ, который начинался отъ груди и покрывалъ плеча и часть спины. По обѣ стороны подола шубы дѣлались прорѣхи, отчасти для того, чтобы удобнѣе было ходить; отчасти, чтобы видны были украшенія, нашитыя на сапоги.

Турскія шубы отличались отъ русскихъ шубъ только рукавами, которые дѣлались у нихъ *двойные*: одни, короткіе, не доходившіе до локтя, въ которые продѣвались руки; другіе, очень длинные, висѣли сзади и служили только для украшенія и были дѣйствительно очень красивы на ходу.

Въ такой именно турской шубѣ изображенъ на нашей таблицѣ рисунковъ (фиг. 1 внизу слѣва) государевъ стольникъ Потемкинъ, шествующій съ тростью въ рукѣ.

Польскія шубы, вмѣсто отложнаго, имѣли узенькій, пришивной воротникъ, просторные, сборчатые рукава и застегивались только въ одномъ мѣстѣ, у шеи, запонкою съ крючкомъ. Вслѣдствіе этого, ихъ нельзя было запахивать, полá-на-полу, а приходилось носить на распашку. По воротнику, подолу и обѣимъ поламъ, точно такъ же, какъ и на рукавахъ, *польскія* шубы опушались мѣхомъ. Въ такой шубѣ изображенъ на нашей таблицѣ рисунковъ (фиг. 2 внизу справа) государевъ шуринъ, Левъ Кирилычъ Нарышкинъ. Мы полагаемъ, что эти шубы, какъ одна изъ первыхъ модъ, занесенныхъ къ намъ съ польскаго Запада, явились у насъ не ранѣе XVI вѣка, когда, вслѣдъ за Глинскими, при Дворѣ Василія III должны были явиться и польскіе обычаи, и польскія одежды.

О шубахъ слѣдуетъ замѣтить, что шубы нерѣдко выдавались вельможамъ изъ царской казны въ награду за тѣ или другія заслуги государственныя и были тѣмъ богаче (и по верхней покрышкѣ, и по мѣховому исподу), чѣмъ больше была заслуга и чѣмъ выше стоялъ при Дворѣ тотъ стольникъ, которому шуба жаловалась государемъ.

Въ ношеніи верхней одежды соблюдался извѣстнаго рода придворный этикетъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVII вѣка, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, вышелъ указъ, по которому „не велѣно *никого въ охабнѣ пускать* не только во дворецъ, но даже и въ Кремль". Въ то же время, строго опредѣлено, въ какіе дни года и въ какіе праздники слѣдовало пріѣзжать ко Двору боярамъ и другимъ придворнымъ въ *золотыхъ*, въ какіе—въ *бархатныхъ*, и въ какіе—въ *суконныхъ* ферезяхъ. Смотря по этимъ нарядамъ, назначались придворнымъ и мѣста въ крестныхъ ходахъ и другихъ торжествахъ. Но такъ какъ иногда, въ особенности во время пріемовъ иностранныхъ посольствъ, московскіе цари старались поразить пріѣзжихъ иноземцевъ великолѣпіемъ и блескомъ своего Двора, то въ кладовыхъ царской казны хранилось множество запасныхъ кафтановъ и ферезей изъ золотой парчи, которые и выдавались на руки придворныхъ въ торжественныхъ случаяхъ, и иновь отбирались отъ нихъ по миновании надобности. По извѣстіямъ иностранцевъ, кладовыя съ запаснымъ *золотымъ* платьемъ занимали въ Кремлѣ цѣлую улицу, близь царскихъ хоромъ.

Намъ остается только еще добавить нѣсколько словъ къ тому, что сказано было нами о мужской одеждѣ, а именно—упомянуть о головныхъ уборахъ и объ украшеніяхъ, употреблявшихся на мужской одеждѣ. Выше мы уже упоминали о *горлатныхъ высокихъ боярскихъ шапкахъ*, которыя составляли необходимую принадлежность боярской одежды; мы упоминали также и о *тафьяхъ*, которыми прикрывали голову въ домашнемъ быту и цари, и бояре, и всѣ принадлежавшіе къ высшему слою общества. Но *шапка* вообще, которою всѣ прикрывали голову выходя изъ дома, ничего не имѣла общаго ни съ тафьей, ни съ горлатною шапкой. Большею частью шапка имѣла видъ или округлый, плоскій, съ мѣховою опушкою, или видъ колпака, высокаго, съ *заломомъ* на бокъ, или же видъ колпака закругленнаго, съ широкимъ мѣховымъ отворотомъ. Молодежь особенно любила *шапки-мурмолки*, съ высокою, нѣсколько съуженною тульею и плоскимъ верхомъ. Такія шапки дѣлались изъ бархата или парчи и обшивались широкою мѣховою лопастью съ разрѣзомъ спереди и сзади. Эти отвороты пристегивались къ шапкѣ богатыми петлицами и украшались драгоцѣнными запонами. Въ такой шапкѣ-мурмолкѣ изображенъ на нашемъ рисункѣ (фиг. 1 внизу слѣва) Потемкинъ.

Выше мы уже видѣли, что одежды мужскія украшались золотымъ кружевомъ и *низаньемъ* изъ жемчуга; еще болѣе обычны были на верхнихъ одеждахъ нашивки изъ жемчуга, такъ-называемыя *запоны* (иногда съ драгоцѣнными камнями), которыя переносились съ одного платья на другое и съ одной шапки на другую. Точно также поступали и съ драгоцѣнными пуговицами, — золотыми, жемчужными, коралловыми или осыпанными каменьемъ, или-же украшенными цвѣтною эмалью. Сверхъ всего этого, наиболѣе обычными украшеніями мужчинъ-бояръ и царей были: серги (въ одномъ ухѣ), кольца и перстни, цѣпи золотыя, которыя носили на шеѣ (по одной и по нѣскольку) или же надѣвали по двѣ черезъ плечо такъ, что онѣ крестъ-на-крестъ сходились на груди. Необходимою принадлежностью знатнаго человѣка (а тѣмъ болѣе царственной особы) была также и трость съ драгоцѣннымъ, золотымъ, хрустальнымъ или инымъ набалдашникомъ. Кстати замѣтимъ, что всѣ блестящія украшенія одежды и всякое *низанье* могли быть употребляемы только при обычномъ нарядѣ, домашнемъ или выходномъ; но платье *смирное* (траурное) надѣвалось безъ всякаго украшенія.

Переходя къ старинной одеждѣ женской, которую было въ обычаѣ носить въ древней Руси, мы прежде всего должны указать на тѣ главныя, основныя понятія древне-русскаго общества, которыми обусловливался покрой женской одежды у нашихъ предковъ XVI и XVII вѣка. Въ этомъ смыслѣ, понятія нашихъ предковъ совершенно расходились съ нынѣшними нашими воззрѣніями на женскую одежду. Въ настоящее время женская одежда вполнѣ подчинена условіямъ моды или тѣмъ прихотливымъ видоизмѣненіямъ вкуса, которыя мы такъ охотно перенимаемъ съ Запада; принимая эти измѣненія и слѣпо имъ подчиняясь, современная намъ русская женщина никогда не обращаетъ вниманія даже и на то, что нѣкоторыя моды оказываются некрасивыми, неизящными, несогласованными съ нашимъ климатомъ и даже, до нѣкоторой степени, не совсѣмъ приличными. Покрой платья измѣняется не по нуждѣ, не по убѣжденію въ необходимости того или другаго измѣненія, а по предписанію моднаго журнала, хотя многое изъ парижскихъ модъ оказывается крайне неумѣстнымъ у насъ, при нашихъ особыхъ условіяхъ жизни, совершенно чуждыхъ французамъ. По требованіямъ модныхъ журналовъ, юбки дамскихъ платьевъ шьются шире или уже, убираются различными украшеніями въ большей или меньшей степени, а лифы дѣлаются длиннѣе или короче, и вырѣзаются болѣе или менѣе, угломъ или прямоугольникомъ. Но какъ бы то ни было, а главнымъ основаніемъ для всѣхъ измѣненій моды является желаніе непремѣнно выставить формы женскаго тѣла съ наиболѣе выгодной стороны и придать этимъ формамъ, при помощи наряда, какъ можно болѣе граціи и привлекательности. Вотъ въ этомъ-то именно смыслѣ воззрѣнія нашихъ предковъ совершенно и расходились съ современными воззрѣніями на женскую одежду:—по понятіямъ русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ, формы женскаго тѣла слѣдовало *непремѣнно скрывать* отъ всякаго нескромнаго, посторонняго взгляда, а потому и самой одеждѣ придавать такой широкій, просторный покрой, который бы вполнѣ ограждалъ женскую стыдливость... Широкія, волнистыя, величавыя складки старинныхъ русскихъ женскихъ одеждъ, дѣйствительно, вполнѣ скрывали женщину, сглаживая ея формы и облекая ея станъ неприступнымъ величіемъ, вынуждая ее къ тихимъ, размѣреннымъ движеніямъ, къ условнымъ позамъ или къ полной неподвижности. Покрой женской одежды былъ выработанъ вѣками; никакія отступленія или измѣненія въ немъ не допускались обычаемъ, а всякое нарушеніе обычая считалось не только неприличіемъ—почти грѣхомъ... И—надо сказать правду—несмотря на такое коренное различіе во взглядахъ на женскій нарядъ и одежду, русская женщина XVI и XVII вѣковъ, если вѣрить иноземцамъ, посѣщавшимъ въ это время Россію, ничутъ не уступала въ красотѣ современной русской женщинѣ и такъ же хорошо умѣла пользоваться своимъ нарядомъ для украшенія своей внѣшности, какъ и нынѣшнія наши красавицы, пользующіяся для той же цѣли журнальными модами.

По обычаю, преоблáдавшему безусловно въ то отдаленное время, одежда женщины замужней различалась отъ одежды дѣвушки нѣкоторыми подробностями, но, главнымъ образомъ, уборомъ головы.

Дѣвушкѣ главнымъ украшеніемъ головы служили ея волосы и дѣвичья коса, широко заплетенная мудреною рѣшеткою, украшенная золотыми нитями и жемчугомъ, а на концѣ — богатымъ *косникомъ* съ лентою, тоже украшеннымъ жемчугами и каменьями.

Иногда, при такой заплетенной косѣ, часть переднихъ волосъ дѣвушки распускалась по плечамъ, завитая въ локоны; иногда эти локоны поддерживались обвязанною вокругъ головы *перевязочкою* или *чолкою*—лентою, низанною жемчугомъ. При богатыхъ нарядахъ, выходныхъ, дѣвушки-царевны или дѣвушки-боярышни надѣвали на голову *повязки* или *вѣнцы*, къ которымъ прикрѣплялась *фата* (покрывало), какъ это изображено на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 3 и 4 вверху справа). Эти вѣнцы иногда дѣлались и золотые, зубчатые, украшались каменьями и жемчужными *рясками* (подвѣсками), прикрывавшими лобъ. Иногда вѣнцамъ дѣвичьимъ придавалась форма нынѣшнихъ высокихъ вѣнчальныхъ вѣнцовъ, и тогда они назывались *корунами*. Такіе вѣнцы обыкновенно носили царевны при церковныхъ торжествахъ или семейныхъ празднествахъ.

Замужнія женщины, въ противуположность дѣвицамъ, тщательно прятали свои волосы, накрывая ихъ легкой шапочкой, которая называлась *подъ-убрусникомъ*, а сверху этой шапочки повязывая *убрусомъ*, т. е. полотенцомъ изъ легкой шелковой или кисейной ткани, и притомъ такъ, чтобы расшитые концы убруса свѣшивались по бокамъ головы и ниспадали на плеча (см. фиг. 1 слѣва вверху). Поверхъ убруса надѣвалась *кика* или *кичка*, постоянный женскій уборъ, формою напоминавшій корону, но не открытую, а закрытую сверху. Такою *кикою* накрыта на нашемъ рисункѣ голова царицы (фиг. 1), только къ этой кикѣ еще придѣланъ высокій верхъ съ крестомъ, для ношенія при томъ торжественномъ *первомъ* нарядѣ, въ которомъ царица здѣсь изображена. Иногда, вмѣсто кики, женщины носили высокія, съуживающіяся кверху шапки, такъ-называемые *столбунцы* изъ бархата или парчи, прикрывавшіеся жемчужною сѣткою.

Зимою, при шубахъ, накрывали голову *каптуромъ*, мѣховою шапкою въ родѣ нынѣшняго капора (см. фиг. 2 вверху рисунка). Наконецъ, въ лѣтнее время, во время дальнихъ поѣздокъ за городъ (по монастырямъ и подмосковнымъ селамъ), царица, царевны и всѣ сопровождавшія ихъ боярыни и боярышни надѣвали низенькія круглыя поярковыя шляпы съ широкими полями, защищавшими лица ихъ отъ солнца. Эти шляпы были украшены шнуромъ съ кистями, подбиты шелковой матеріей и подвязывались шелковыми лентами у подбородка.

Ознакомившись съ головнымъ уборомъ русскихъ женщинъ высшаго класса, перейдемъ къ описанію ихъ одеждъ и того порядка, въ которомъ эти одежды обыкновенно предписывалось носить, по установившемуся обычаю.

По порядку *первою* одеждою, или *бѣльемъ*, была *бѣлая сорочка* изъ полотна, которая надѣвалась прямо на тѣло. Другаго бѣлья, кромѣ чулокъ, русскія женщины не знали и не носили. Поверхъ этой, *бѣлой сорочки* надѣвалась *сорочка верхняя* или *красная* (въ смыслѣ *каздовая)*, которая замѣняла домашнее платье. Эта верхняя сорочка, которая шилась изъ тонкихъ и легкихъ матерій, надѣвалась также черезъ голову и отличалась отъ нижней только тѣмъ, что рукава у нея были довольно широкіе и необыкновенно длинные (въ 4, 5 и даже 6 аршинъ). Длинными дѣлались они для того, чтобы ихъ можно было собрать въ мелкія складки, которыя, пышно облегая руку, скрывали бы ея форму. Около кисти руки рукавъ верхней сорочки удерживался широкимъ низаннымъ запястьемъ или наручавьемъ. Эта верхняя сорочка обыкновенно опоясывалась *поясомъ*; но въ ней считалось неприличнымъ не только показываться въ люди, а даже и дома выходить изъ своей комнаты. Необходимо было на эту верхнюю сорочку накинуть вторую одежду, и самою обыкновенною изъ такихъ вторыхъ одеждъ была *тѣлогрѣя*.

Тѣлогрѣя была распашная, длинная, почти до пятъ; она сходилась около ворота, закрывая плеча и грудь, и спереди, отъ верха и до подола, застегивалась на петли и пуговицы. Рукава у тѣлогрѣи были длинные и узкіе, разрѣзные, такъ что сборчатые рукава сорочки изъ-подъ нихъ выставлялись болѣе чѣмъ до половины, а рукава тѣлогрѣи висѣли по бокамъ и упадали позади рукъ или перекидывались и связывались сзади, за спиною, какъ рукава мужскаго охабня.

Тѣлогрѣи шились изъ тканей болѣе тяжелыхъ и дорогихъ и украшались по обѣимъ поламъ (около петель и пуговицъ) кружевомъ золотымъ или шелковымъ. Въ такихъ тѣлогрѣяхъ, прикрытыхъ верхнимъ платьемъ, на нашей таблицѣ изображены—царица Наталья Кирилловна (фиг. 2) и двѣ другія женщины (боярышня, фиг. 3, и боярыня, фиг. 4).

Въ тѣлогрѣѣ, надѣтой поверхъ верхней сорочки, женщина почиталась одѣтою и могла показываться въ люди у себя дома и даже выходить изъ дома на улицу и въ церковь. Другими, столь-же обычными одѣяніями русскихъ женщинъ были: шубка, лѣтникъ и ферезь, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей нашей статьѣ.

Къ рисункамъ.

Аванпосты кубанскихъ казаковъ. (Рис. на стр. 961).

Какъ извѣстно, кубанское или черноморское казачье войско ведетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ запорожцевъ, которые по уничтоженіи Сѣчи были переселены на берега Таманскаго полуострова и на лиманы къ устью Кубани. Въ постоянной борьбѣ, безпрерывныхъ тревогахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ съ горцами, изъ казаковъ выработались тѣ воины, подвиги которыхъ отличаются почти легендарнымъ характеромъ и всегда высоко цѣнились въ военномъ мірѣ. Можно сказать что черноморскіе казаки на своихъ плечахъ вынесли болѣе чѣмъ полувѣковое дѣло покоренія Кавказа. Такъ-называемые *пластуны*, отчаянные смѣльчаки, которыхъ сами черкесы не отличали отъ природныхъ горцевъ, изумляли своими невѣроятными подвигами французовъ и англичанъ при защитѣ Севастополя. Наконецъ въ послѣднюю турецкую войну, кубанское войско отличалось на обоихъ театрахъ войны. Рисунокъ г. Кравченко изображаетъ передовой постъ кубанскихъ казаковъ у развалинъ болгарской хаты.

У каменной бабы. (Рис. на стр. 964).

Каменными бабами, „дѣвками каменными“, какъ извѣстно, называются грубо-высѣченныя изъ камня статуи, встрѣчающіяся преимущественно въ степныхъ мѣстностяхъ Малороссіи, Новороссіи, низовьевъ Волги, Крыма, Сибири и др. частей Россіи. Онѣ представляютъ людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, въ различныхъ положеніяхъ (сидячемъ, полусидячемъ, прямомъ и т. д.). По всей вѣроятности, это памятники какого-нибудь вымершаго народа Чудскаго племени, въ разныя эпохи его развитія и переселеній. На рисункѣ нашего художника у подножія такой бабы изображенъ также вымершій уже въ наше время типъ украинскаго *кобзаря* (пѣвца былинъ, аккомпанирующаго себѣ на кобзѣ), котораго слушаетъ молодой нарóбокъ, пріютившійся отъ солнца въ тѣни бабы.

Судный день въ Мюнхенѣ въ XVII вѣкѣ. (Рис. на стр. 965).

У древнихъ германцевъ, а также и въ началѣ среднихъ вѣковъ, судебныя разбирательства безъ исключенія были устными и происходили публично. Позднѣе, подъ вліяніемъ римскаго права, они стали негласными и тайными. Но и въ то время, исполненіе приговоровъ происходило всенародно, и не только казни, которыя по всей справедливости носили названіе кровавыхъ (Blutbann), но и такъ-называемыя позорныя наказанія происходили всенародно и на публичныхъ мѣстахъ. Эти наказанія, чрезвычайно разнообразныя и многочисленныя, отличались нерѣдко грубымъ издѣвательствомъ и юморомъ, какъ то доказываютъ многія изъ предметовъ наказанія, сохранившіеся до нашихъ дней. Такъ, напримѣръ, при посѣщеніи Баварскаго національнаго музея можно найти на полу и по стѣнамъ, въ первыхъ уже помѣщеніяхъ, снаряды и приборы, иногда загадочнаго и непонятнаго устройства. Тамъ, рядомъ со снарядами для пытокъ, находятся предметы, служившіе для приведенія въ исполненіе такихъ наказаній. Нашъ рисунокъ на стр. 965 изображаетъ примѣненіе различныхъ изъ этихъ приборовъ на судномъ днѣ въ Мюнхенѣ за 200 лѣтъ. Эти судные дни происходили на торговой площади баварской столицы и всегда во время ярмарокъ или торговыхъ дней, чтобы пріѣзжающій по этому случаю народъ устрашить или предостеречь видомъ наказуемыхъ. Такъ, на первомъ планѣ нашего рисунка виденъ приговоренный къ ношенію позорной мантіи. Эта мантія или плащъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ большою бочкою, обращенной кверху дномъ, съ отверстіемъ посрединѣ, чрезъ которое наказуемый долженъ былъ продѣть голову. Въ такой бочкѣ онъ прогуливался опредѣленное время среди насмѣхавшейся толпы. На бочкѣ были намалеваны картины, по которымъ можно было судить, въ чемъ онъ провинился. Далѣе—цѣлый рядъ масокъ служилъ наказаніемъ тѣмъ, кто клеветалъ, поносилъ или вздорилъ. Чаще всего это былъ родъ шлема съ забраломъ въ видѣ фантастической физіономіи и притомъ нерѣдко съ высунутымъ языкомъ. Для усиленія наказанія, провинившихся усаживали на деревяннаго осла, какъ тѣхъ двухъ побранившихся женщинъ, которыя изображены на нашемъ рисункѣ. На-лѣво, на заднемъ планѣ его, виденъ еще провинившійся у позорнаго столба, на которомъ, а также на шеѣ преступника, висятъ надписи, гласящія о дѣяніяхъ осужденнаго. Это было самымъ употребительнымъ наказаніемъ и выставленіе у позорнаго столба существовало въ Мюнхенѣ еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Дружба. (Рис. на стр. 969).

Картинка Леференца не требуетъ поясненій. Все значеніе ея въ изяществѣ рисунка и тонкости гравюры.

Поморцы острова Рюгена (Померанія). (Рис. на стр. 972).

Островъ Рюгенъ, пространствомъ въ 17,38 квадратныхъ миль, лежитъ всего въ 2-хъ-верстномъ разстояніи отъ померанскаго берега Пруссіи, противъ города Стральзунда. Нашъ рисунокъ изображаетъ часть юго-восточнаго полуострова на немъ „Мёнхс-

Старинныя русскія одежды XVII в. По рис. Древностей Государства Россійскаго, грав. Ольшевскій.

Одежда царицъ. Одежда боярышни и боярыни.

Выходное и полевое платье боярина. Обыкновенная боярская одежда.

гута“ (Mönchsgut), сохранившаго до сихъ поръ не мало стариннаго и самобытнаго въ языкѣ, одеждѣ и нравахъ его обитателей. При первомъ взглядѣ кажется, что живописная сцена удачной рыбной ловли происходитъ гдѣ-нибудь въ Фрисландіи.

Картина, съ которой мы помѣщаемъ гравюру, представляетъ совмѣстную работу двухъ живописцевъ. Конрадомъ Арендтсомъ написаны фигуры поморцевъ, а кисти Гофмана фонъ-Фаллерслебена принадлежитъ ландшафтъ.

Литературный альбомъ. „На горахъ“, Мельникова.

(Рис. на стр. 973).

Вотъ въ какихъ яркихъ и живыхъ краскахъ рисуетъ авторъ старинные обычаи которыми сопровождалось окончаніе уборки хлѣба или праздникъ „дожинокъ“ въ доброе старое время:

Три праздника въ одинъ день сошлись: Велика-Пречиста — разговѣнье, сельскій храмовой праздникъ и „дожинки“. Наканунѣ еще бабы и дѣвки покончили яровое, а послѣ обѣдни, обвивъ серпы молодой соломой, а нивя оставшимися на поляхъ и лугахъ цвѣтами, и высоко держа тѣ серпы надъ головами, гурьбой повалили на барскій дворъ. Еще выше несли онѣ на рукахъ „послѣдній снопъ“, одѣтый въ красный сарафанъ, разукрашенный разноцвѣтными лентами. Снявъ шапки, слѣдомъ за женщинами чинно выступали мужчины—старые, малые, женихи и подростки. Все село сошлось, пришли даже толпы изъ окольныхъ деревень,—всякому въ охоту было сытно поѣсть, пьяно попить на барскомъ пиру-угощеньи.

Распахнулись ворота, и первыми на господскій дворъ жнеи вошли. Хозяинъ, Андрей Александрычъ, въ сношеньяхъ съ крестьянами строго соблюдавшій народные обряды, вышелъ на встрѣчу жнеямъ. Былъ онъ безъ шапки, а въ рукахъ держалъ покрытое расшитымъ полотенцемъ деревянное блюдо съ большимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ новой пшеницы. Завидѣвъ Андрея Александрыча, громко закричали жнеи:

— Съ двумя полями сжатыми, съ третьимъ засѣяннымъ поздравляемъ васъ, государь нашъ батюшка!

Перекрестился Андрей Александрычъ, низко поклонился жнеямъ и молвилъ:

— Жнеи молодыя, серпы золотые, милости просимъ покушать, новаго хлѣба порушать.

И звалъ тутъ Андрей Александрычъ сельщину-деревенщину въ саду покушать, попраздновать. И повалилъ туда толпами радостный, веселый народъ.

„Послѣдній снопъ“ на особомъ столѣ поставили, а вкругъ его положили цвѣтами и соломой обвитые серпы. Отецъ Прохоръ благословилъ ястіе и питіе и окропилъ столы Святою водой. Поднесли всѣмъ по стаканчику водки, а непьющимъ ренскаго. Потомъ ставили на столы мясныя варева: щи со свѣжиной, лапшу со свининой, пироги, разныя каши, яблоки и кислое молоко съ толокномъ, что зовется „деженемъ“. Безъ дежени на Пречистую, какъ безъ кулича на Пасху, и столъ не въ столъ. Подавались въ перемежку красоули зелена вина и стаканы браги сыченой, а ядренаго квасу, на трехъ солодахъ ставленнаго, было на столахъ столько, что хоть купайся въ немъ.

Кончилась трапеза сельщины-деревенщины. Все время кругомъ ся стояли наѣзжіе гости, а хозяева угощали пирующихъ. Встали наконецъ крестьяне изъ-за столовъ, Богу помолились, хозяевамъ поклонились и пошли въ дальній садъ на широкую луговину. До поздняго вечера доносились оттуда веселыя пѣсни успенскихъ хороводовъ:

Закатилось красно солнышко
За зеленъ виноградъ,
Цѣлуемся, милуемся—
Кто кому радъ.

До „перваго огня“ пѣлись эти пѣсни. Въ Успеньевъ день въ первый разъ послѣ лѣта вздуваютъ по избамъ огни.

...Нѣтъ теперь больше добрыхъ старорусскихъ обрядовъ, даже и по дальнимъ захолустьямъ нѣтъ. Все потерялось въ наплывѣ чуждыхъ обычаевъ и вновь создавшихся отношеній. Что ни день, то больше новшествъ, а извѣчные порядки умаляются — все отрывается отъ стараго корня.

Парижская всемірная выставка 1889 года. Дворецъ машинъ. (Рис. на стр. 980).

На всѣхъ предшедшихъ всемірныхъ выставкахъ помѣщенія машинъ носили скромное названіе машиннаго отдѣла—въ 1889 году является *дворецъ*. Изумительный, почти неправдоподобный дворецъ, точно вышедшій изъ кузницъ Вулкана и Кабировъ! Подавляющій храмъ промышленности, покрывающій собою поверхность въ пять десятинъ,—чудовищная постройка въ двѣсти саженъ длины, 57 саж. ширины и 22 саж. вышины, въ которой могутъ умѣщаться шести-этажные дома, Вандомская и Июльская колонны и т. п.; зала въ которой выстроятся цѣлыя арміи. Каждый изъ основныхъ столбовъ, поддерживающихъ желѣзныя арки, выноситъ давленіе въ 25,000 пудовъ. Одного металла на эту постройку пошло болѣе 250,000 пудовъ. Но и этого громаднаго пространства оказалось недостаточно для того, чтобы вмѣстить всѣ чудеса современной механики. Потребовалось пристроить къ главному зданію еще двѣ галереи въ 200 саж. длины и 7 ширины, что дало еще поверхность въ 12,000 метровъ.

На этомъ громадномъ пространствѣ собрано все что представляетъ современная механика, какъ видно уже изъ поверхностнаго взгляда на прилагаемый рисунокъ. Здѣсь между прочимъ выставлены 4 громадныя машины, въ нѣсколько саженъ длины, для выдѣлки писчей бумаги (изъ нихъ двѣ въ работѣ), до сотни типографскихъ скоропечатныхъ машинъ разныхъ системъ, машины для обработки дерева ,колоссальные подъемные краны и т. д. и т. д. Все это въ полномъ ходу и результаты производства получаются на глазахъ зрителей. Мѣсяцъ и два можно ежедневно посѣщать этотъ отдѣлъ—и все-таки не осмотришь его въ подробности.

Новый фонографъ Эдисона. (Рис. на стр. 981).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ впервые стало извѣстно о новомъ замѣчательномъ приборѣ, который, уловивъ и отмѣтивъ человѣческую рѣчь или вообще звуки, передастъ ихъ, какъ они были произнесены. Изобрѣтателемъ этого замѣчательнаго прибора, названнаго фонографомъ, былъ американецъ Эдисонъ. Звуки отмѣчались на цилиндрѣ, покрытомъ тонкою свинцовою пластинкой, посредствомъ штифтика, прикрѣпленнаго къ тонкой перепонкѣ, дрожавшей отъ дѣйствія на нее звуковъ. Когда затѣмъ, въ свою очередь, перепонка приводилась въ колебаніе отъ движенія штифтика по слѣду вызванному на свинцовой пластинкѣ звукомъ, то прислушиваясь къ дрожаніямъ ея можно было слышать прежде изданные звуки.

Въ № 5 нашего журнала за 1878 г. было помѣщено подробное описаніе фонографа.

Со времени перваго появленія Эдисонова фонографа, геніальный изобрѣтатель неутомимо продолжалъ трудиться надъ усовершенствованіемъ прибора, и фонографъ въ настоящемъ его видѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нынѣ мы опишемъ эти позднѣйшія и самыя главныя его усовершенствованія. Они касаются, главнымъ образомъ, трехъ вещей. Прежде всего, часть фонографа, предназначенная для того чтобы подъ вліяніемъ голоса или инструмента воспроизводить отмѣтки на цилиндрѣ и вызывать затѣмъ звуки при вращеніи цилиндра — нынѣ раздвоена, т. е. одна перепонка воспринимаетъ звуки, а другая ихъ повторяетъ. Затѣмъ, въ новомъ приборѣ отпечатываніе движеній перепонки или діафрагмы производится при помощи штифта, остріе котораго устроено такъ, что оно вдавливаетъ и разсѣкаетъ то вещество, которое обрамляетъ новые цилиндры. Теперь получается отъ дѣйствія пишущаго штифта отпечатокъ величайшей тонкости и на цилиндрѣ остается слѣдъ, передающій самыя нѣжныя движенія перепонки, которая колеблется при дѣйствіи на нее звука.

Въ то время какъ пишущій штифтъ устроенъ такимъ образомъ, что производитъ насколько возможно рѣзче и крѣпче слѣдъ отъ движеній колеблющейся перепонки, штифтъ и перепонка воспринимающіе звукъ, напротивъ, приспособлены такъ, чтобы получать изъ этого слѣда свои движенія не портя его; и Эдисонъ достигъ этой цѣли настолько удачно, что можно воспроизводить почти безграничное число разъ запечатлѣнные на цилиндрѣ слѣды звуковъ не портя ихъ.

Замѣна свинцоваго листика на цилиндрѣ веществомъ пластическимъ, которое можно рѣзать съ большею точностію и безъ значительнаго усилія, также очень удачна.

Третье усовершенствованіе касается движеній. Въ прежнемъ фонографѣ перемѣщался пишущій цилиндръ. Въ новомъ приборѣ передвигается аппаратъ съ перепонками и штифтами. Движенія передаются при посредствѣ электричества. Особый регуляторъ позволяетъ получать различныя скорости и, вслѣдствіе того, воспроизведеніе звуковъ болѣе или менѣе быстрое.

Фонографъ, кажется, болѣе всего способенъ воспроизводить съ поражающей точностью рѣзкіе звуки; но и басовые оттѣнки голоса передаются очень хорошо. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Эдисонъ старался достичь въ своемъ новомъ приборѣ возможной отчетливости въ полученіи звуковъ, а не силы ихъ: потому-то, чтобы лучше слышать звуки, издаваемые фонографомъ, употребляютъ акустическія трубки. Особенно интересно, что фонографъ отмѣчаетъ и затѣмъ передаетъ не только всѣ звуки музыкальной скалы или звуки всевозможныхъ языковъ и нарѣчій, но также звуки цѣлаго оркестра, отмѣчаемые всѣ заразъ.

Отмѣченные на цилиндрѣ звуки могутъ быть пересылаемы изъ одного мѣста въ другое вмѣстѣ съ цилиндромъ, вынутымъ изъ прибора, и нынѣ фонограммы (говорящія письма) обмѣниваются между Европой и Америкой.

Задача передавать искусственно человѣческій голосъ—одна изъ самыхъ удивительныхъ, какія только могъ себѣ поставить человѣкъ. Геній Эдисона разрѣшилъ ее; имя его будетъ благословляемо потомками, которымъ придется услышать изъ фонографа голоса предковъ, навсегда утраченныхъ. Но заслуги фонографа не только въ сохраненіи человѣческой рѣчи,—онъ наглядно открываетъ намъ удивительныя свойства эластическихъ пластинокъ и можетъ послужить важнымъ приспособленіемъ для теоретическихъ наблюденій въ акустикѣ и молекулярной механикѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Съ Высочайшаго разрѣшенія, на сооруженіе въ СПБ. памятника въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, открыта подписка: въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи (въ СПБ. и въ Москвѣ); въ управленіяхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи; въ канцеляріяхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и проч.

— 12 сентября, въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня, Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна выѣхала изъ Павловска на Александровскую станцію Варшавской желѣзной дороги (въ Царскомъ Селѣ), и затѣмъ вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ, Королевичемъ Христофоромъ, прослѣдовала заграницу на курьерскомъ поѣздѣ.

Дѣла церкви.

— 8 сентября, въ СПБ. происходила, при торжественной обстановкѣ, закладка церкви подворья Андреевскаго аѳонскаго скита, въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшею Семьею отъ опасности, угрожавшей Ихъ жизни, во время крушенія поѣзда 17 октября 1888 года, на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ.

Военное и морское дѣло.

— 30 августа, въ высокоторжественный день Тезоименитства Его Величества Государя Императора, въ гор. Уральскѣ происходило торжественное освященіе Всемилостивѣйше пожалованнаго Уральскому войску походнаго храма, доставленнаго въ Уральскъ 26 августа. Съ виду храмъ похожъ на большой двухстѣнный шатеръ, украшенный сверху золотымъ крестомъ, и по сторонамъ—черными нашивными крестами. Онъ сооруженъ изъ твердой непромокаемой матеріи. Внутренность храма отличается особеннымъ изяществомъ: деревянный складной иконостасъ поражаетъ великолѣпіемъ рѣзной работы и письмомъ иконъ; вся церковная утварь и одежда священно-церковныхъ служителей вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему убранству храма.

— Въ Севастополѣ, 6 сентября, въ Морскомъ собраніи, севастопольскіе моряки чествовали роскошнымъ обѣдомъ своихъ французскихъ гостей, офицеровъ парохода „Петрель“. За обѣдомъ командиръ Севастопольскаго порта контръ-адмиралъ Кумани провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе французской націи и за здоровье президента французской республики. Звуки „марсельезы“ и „ура“ сопровождали этотъ тостъ. Командиръ парохода „Петрель“ отвѣчалъ тостомъ за здоровье Государя Императора. „Боже Царя храни“ и восторженное „ура“ раздались за словами графа Карфорта. Французскіе офицеры возложили вѣнки на могилу воиновъ убитыхъ въ Крымскую войну.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Собранныя за послѣднее время свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, между прочимъ, показываютъ, что нынѣ заводчики обращаютъ особенное вниманіе на качество свекловицы; они стремятся возвысить содержаніе въ ней сахара и уменьшить содержаніе постороннихъ веществъ.

— Въ Саратовѣ, 6 сентября, открыта для публики земская сельско-хозяйственная и кустарнопромышленная выставка.

— Въ средѣ заключенныхъ въ смоленскомъ тюремномъ замкѣ развилось производство лыковыхъ издѣлій. Зимою нынѣшняго года, въ смоленское исправительное арестантское отдѣленіе поступилъ одинъ крестьянинъ, который предложилъ своимъ товарищамъ по заключенію плести по колодкѣ изъ мелкихъ лыкъ сначала лапти, а затѣмъ и разные другіе предметы. Когда арестанты уразумѣли суть дѣла, то эта работа заинтересовала ихъ и они занимаются теперь ею въ числѣ 20 человѣкъ.

По образцу смоленскихъ издѣлій заниматься теперь плетеніемъ и въ Самарѣ. Тамошній помѣщикъ г. Павловскій, преслѣдуя чисто коммерческую цѣль, посылалъ лыковыя издѣлія за-границу—въ Берлинъ, откуда получилъ большой заказъ; имъ доставлено также нѣсколько экземпляровъ лаптей на Всемірную парижскую выставку, гдѣ эти лапти обращаютъ на себя вниманіе иностранцевъ.

— 8 сентября, въ зоологическомъ саду въ Москвѣ происходило открытіе пятаго очередного конкурса птицъ и принадлежностей птицеводства, устроеннаго обществомъ акклиматизаціи животныхъ и растеній. Эти конкурсы, по своей основной задачѣ, должны способствовать развитію домашняго птицеводства и распространенію лучшихъ породъ домашней птицы между любителями птицеводства и сельскими хозяевами.

Торговля.

— За время съ 10 августа по 1 сентября сего года, на русскихъ рынкахъ обороты съ сахаромъ были незначительны и цѣна на сахарный песокъ подверглась пониженію. Особенно потерялъ въ цѣнѣ наличный товаръ, съ которымъ сдѣлки производились лишь повагонно. На заграничныхъ рынкахъ въ это время продолжалось дальнѣйшее пониженіе цѣнъ. Есть мнѣніе, что какъ происходившее весной быстрое вздорожаніе за границею сахара было вызвано спекуляціею, такъ и послѣдовавшая затѣмъ реакція есть результатъ спекуляціи, и что въ недалекомъ будущемъ цѣны улучшатся и на рынкахъ возстановится болѣе нормальное положеніе.

— Въ Москвѣ, распоряженіемъ губернатора запрещена продажа маргариноваго масла подъ видомъ коровьяго.

Спортъ.

— Недавно, членъ московскаго общества велосипедистовъ - любителей, г. Гроссманъ, какъ сообщаютъ *Моск. Вѣдом.*, совершилъ поѣздку на велосипедѣ изъ Москвы въ деревню Веззо, Эстляндской губерніи, близъ Финскаго залива, сдѣлавъ дистанцію въ 960 вер. Въ первый день г. Гроссманъ проѣхалъ 106 вер., въ седьмой день — до города Іеве, Эстляндской губерніи — 163 версты отъ Краснаго Села и на восьмой прибылъ къ цѣли своего путешествія, въ деревню Веззо.

— Нынѣшнею осенью въ окрестностяхъ Петербурга (къ великому удовольствію охотниковъ) шелъ весьма обильный пролетъ дупелей, какого уже давно не было (два послѣдніе года дупелей, на осеннемъ пролетѣ, подъ Петербургомъ не было почти вовсе).

Некрологъ.

— 30 августа скончался въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, извѣстный писатель, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

— Въ Вильнѣ, 7 сентября скончался старѣйшій изъ виленскихъ священниковъ, сотрудникъ митрополита Іосифа въ возсоединеніи уніатовъ, протоіерей Гомолицкій.

Политическое обозрѣніе.

По возвращеніи Наслѣдника Цесаревича 6 сентября въ Данію, на яхтѣ „Царевна“, столица Датскаго королевства принимала Шведскаго короля и вдовствующую Германскую императрицу Викторію. Императрица Викторія въ сопровожденіи своихъ трехъ дочерей прибыла въ Копенгагенъ того же числа вечеромъ и тотчасъ отправилась въ Фреденсборгъ. Въ Гіедзеръ выѣхали на встрѣчу императрицѣ Греческій королевичъ, братъ его Георгій, германскій посланникъ и назначенныя состоять при императрицѣ лица. Въ фреденсборгскомъ вокзалѣ встрѣтили императрицу Датскій и Греческій короли, а въ замкѣ всѣ прочіе члены королевской фамиліи сердечно привѣтствовали высокихъ гостей. На другой день Шведскій король и Шведскій наслѣдный принцъ были въ гостяхъ въ Фреденсборгѣ. Въ 4 часа пополудни высокіе гости уѣхали обратно.

Сербская королева Наталія, послѣ слишкомъ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Россіи, отправилась въ Бѣлградъ, чтобы повидаться со своимъ вѣнценоснымъ сыномъ. Посѣщеніе это не могло раньше состояться по болѣзни королевы, а также по политическимъ соображеніямъ, которыя, казалось, теперь были устранены, какъ вдругъ, телеграфъ снова принесъ извѣстіе, что попытки правительства убѣдить Милана разрѣшить королевѣ по прибытіи въ Бѣлградъ свиданіе съ сыномъ остались безуспѣшными. Миланъ непреклоненъ и извѣщаетъ, что явится защищать отцовскія права самъ, если ихъ не защититъ правительство. Дабы отклонить неминуемое столкновеніе супруговъ, могущее неблагопріятно отразиться на странѣ и ихъ царственномъ сынѣ, правительство рѣшило держаться прежнихъ условій, а именно: королева, равно какъ и Миланъ, пріѣзжаютъ для свиданія съ сыномъ дважды въ годъ, причемъ пріѣздъ королевы назначается въ декабрѣ.

Выборы въ палату депутатовъ во Франціи прошли 10 сентября спокойно во всей странѣ, и даже въ самомъ Парижѣ. Только вечеромъ произошло въ немъ нѣсколько буланжистскихъ манифестацій на бульварахъ и въ кварталѣ биржи. По требованіямъ полиціи, группы, однако, расходились и никакихъ серьезныхъ инцидентовъ не было. По сообщенію министерства внутреннихъ дѣлъ, извѣстны слѣдующіе результаты 560 избраній: изъ 576 выбрано 244 республиканца, въ томъ числѣ 167 умѣренныхъ и 57 радикаловъ. Противниковъ республики выбрано 159, въ томъ числѣ 86 роялистовъ, 51 бонапартистъ и 21 буланжистъ. Перебаллотировокъ 177; изъ нихъ 135 благопріятны и 42 неблагопріятны для республиканцевъ. Въ заключеніи министерскаго сообщенія сказано, что въ будущей палатѣ будетъ 369 республиканцевъ и 201 противникъ ихъ. Всѣ газеты дѣлаютъ видъ, будто довольны результатами выборовъ. Республиканскія газеты констатируютъ побѣду республиканцевъ и надѣются, что новое большинство предастъ забвенію старыя разногласія. *Journal des Débats* выражаетъ удовольствіе по поводу неудачи буланжизма, но не довѣряетъ новому большинству. Противники республики надѣются, что меньшинство въ новой палатѣ достигнетъ 225 голосовъ, а министерская партія полагаетъ, что оно составитъ всего 200 голосовъ.

Также полагаютъ, что новая палата не будетъ созвана раньше среднихъ чиселъ ноября, чтобы дать успокоиться волненію, вызванному избирательнымъ періодомъ. При возобновленіи парламентской дѣятельности кабинетъ подастъ, вѣроятно, въ отставку, чтобы предоставить палатѣ полную свободу дѣйствія.

Частная телеграмма изъ Лондона передаетъ разговоръ одного англійскаго журналиста съ Буланже, который заявилъ, что не отказывается вѣрить въ будущее, причемъ выразилъ мнѣніе, что новою палатою, составленною изъ многихъ неопытныхъ лицъ, трудно будетъ руководить, вслѣдствіе чего она не будетъ въ состояніи предпринять что-нибудь полезное.

Спустя три дня, коммисія префектуры департамента Сены

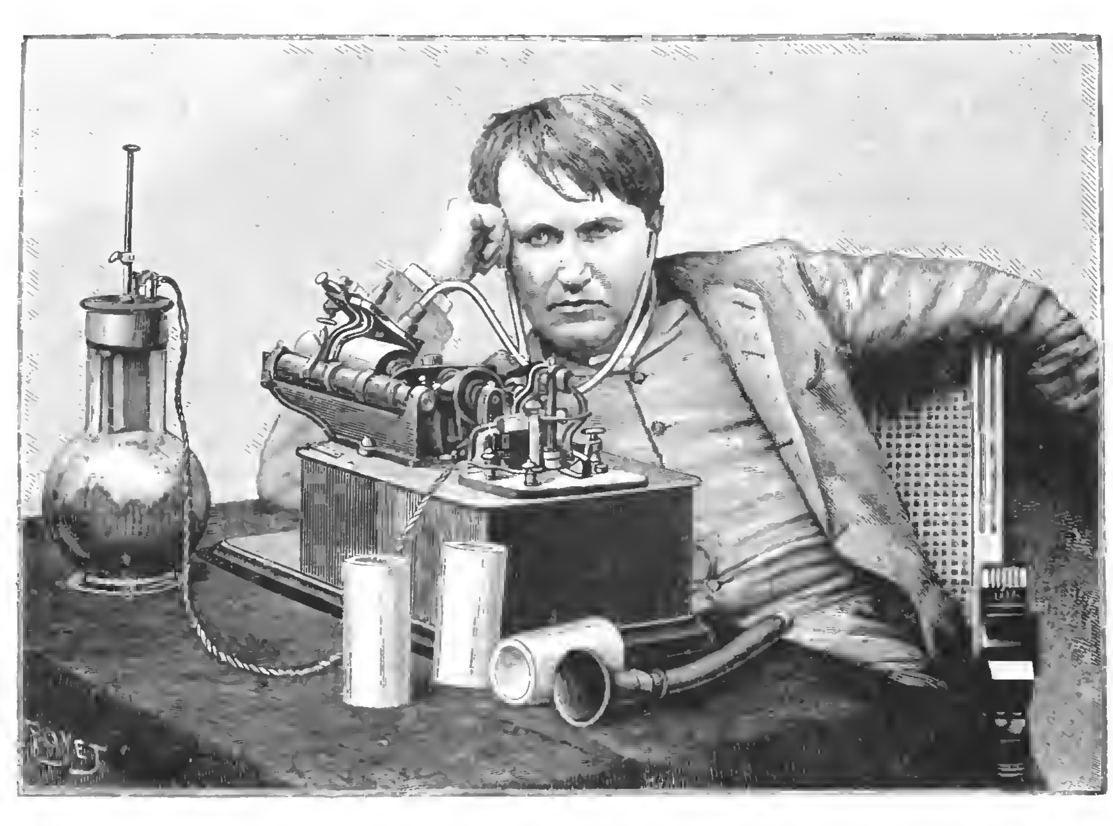
Парижская всемірная выставка 1889 года. Дворецъ машинъ. Грав. М. Рашевскій.

по счету голосовъ обнародовала результаты выборовъ въ департаментѣ. 8,367 бюллетеней, поданныхъ за Буланже, признаны недѣйствительными и депутатомъ отъ Монмартра объявленъ Жоффренъ, получившій 5,500 голосовъ. 3,841 бюллетень, поданные за Рошфора, также признаны недѣйствительными на бельвильскихъ выборахъ. Напротивъ того, коммисія по счету голосовъ въ Морбиганѣ объявила графа Диллона избраннымъ.

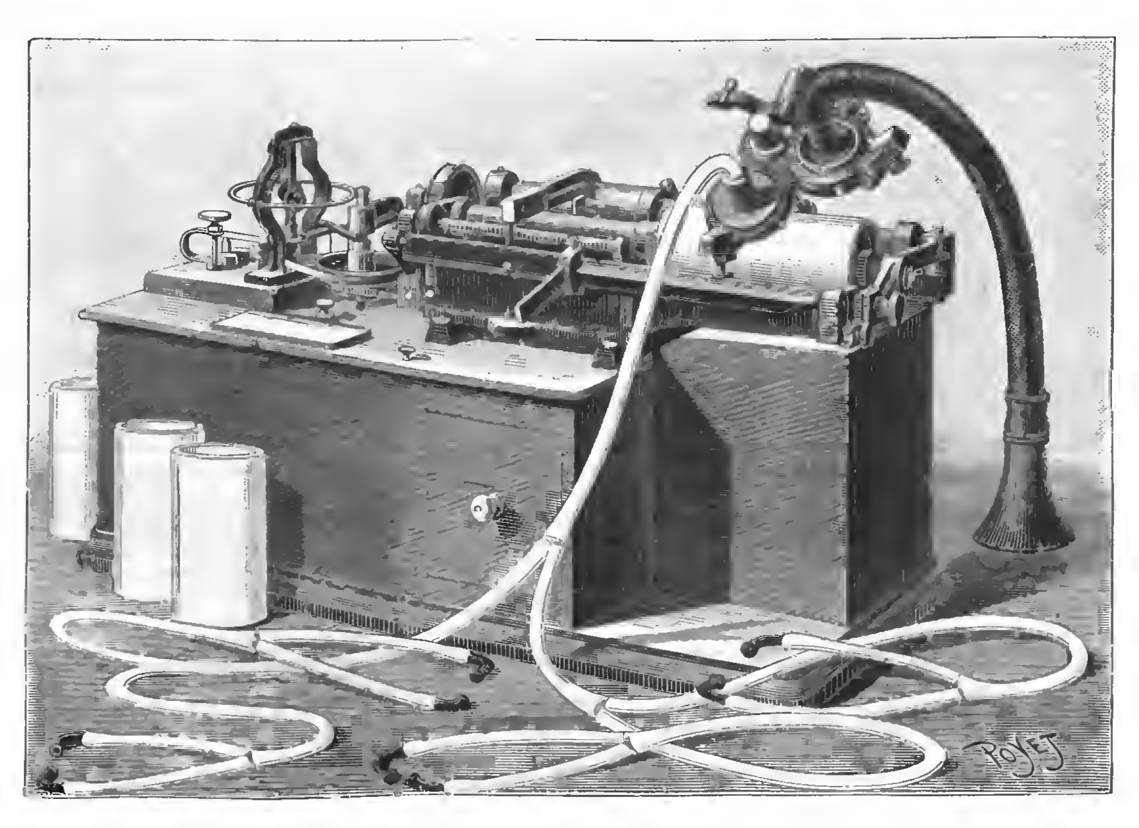
Вообще, успѣхъ буланжистовъ самый ничтожный. Изъ выдающихся сторонниковъ Буланже избраны Деруледъ въ Ангулемѣ и главный редакторъ *France* Лалу—въ Дюнкирхенѣ. Наке, Обефъ, Мерменксъ и Лоръ подлежатъ баллотировкѣ. Въ Тулузѣ одержалъ побѣду буланжистъ Сусини надъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Констаномъ, получившимъ 888 голосами менѣе и подлежащимъ перебаллотировкѣ. Изъ другихъ неудачъ достойно вниманія пораженіе на выборахъ главы оппортюнистовъ, Жюля Ферри въ Сенъ-Дизье. Кромѣ того изъ политическихъ дѣятелей потерпѣли неудачу Мартенъ Фелье, Кловисъ-Гюгъ, Камескасъ и одинъ изъ главныхъ вождей бонапартистовъ баронъ Дюфуръ. За то изъ противниковъ правительственной партіи избрано много монархистовъ. Изъ прежнихъ депутатовъ 116 вовсе не выступали кандидатами, а 74 провалились, именно: 39 республиканцевъ и 34 консерватива. Такимъ образомъ, уже по теперешнимъ свѣдѣніямъ, въ палатѣ будетъ 190 „новыхъ людей“. Особенно знаменателенъ фактъ, что департаменты Сѣверный, Уазы, Нижней Сены, Лота и Эры, гдѣ до сихъ поръ преобладали бонапартисты и монархисты, избрали на этотъ разъ преимущественно республиканцевъ.

Въ Лондонѣ, по свѣдѣніямъ *Агентства Рейтера*, маркизъ Солсбери и г. Каталани подписали англо-итальянскую конвенцію противъ торга невольниками. Постановленіе конвенціи строже всѣхъ предшествовавшихъ по этому предмету соглашеній. Торгъ невольниками объявляется актомъ морскаго разбойничества и занимающіяся имъ суда лишаются права охраны ихъ національнаго флага. Дѣйствіе конвенціи на Средиземное море не распространяется.

За-то на Средиземномъ морѣ встрѣчается другой видъ морскаго разбойничества. Такъ, депеша изъ Танжера сообщаетъ, что шедшая въ Малагу испанская баржа была захвачена близъ Альгусемаса марокканцами; взяты въ плѣнъ капитанъ, четыре матроса и одинъ пассажиръ. Происшествіе съ захватомъ судна не признается въ Мадридѣ за явленіе случайное; напротивъ того, въ немъ хотятъ видѣть будто Марокскій султанъ питаетъ враждебныя къ Испаніи чувства. Разсказываютъ, что дервиши проповѣдуютъ священную войну и настаиваютъ на томъ, чтобы султанъ потребовалъ отъ Испаніи возвращенія военной контрибуціи, уплаченной Марокко послѣ неудачной войны 1859 г. Присовокупляютъ, что самонадѣянность марокканцевъ объясняется отчасти тѣмъ, что вооружен-



Эдисонъ, слушающій фонограмму.



Новый фонографъ Эдисона.

ныя силы ихъ гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ 1859 г. и что 10,000 чел. вооружены магазинками. Испанское правительство, однако, не замедлило послать Мароккскому султану ноту, въ которой требуетъ удовлетворенія за случившееся. На эту ноту Мароккскій султанъ отвѣтилъ, что близь Альгусемаса испанская баржа была захвачена по подозрѣнію, что грузъ ея состоялъ изъ военной контрабанды. Султанъ потребовалъ дальнѣйшихъ донесеній по этому дѣлу, а пока идутъ эти донесенія, *Correo* сообщаетъ о новомъ инцидентѣ въ Марокко. Туземцы стрѣляли въ испанскую канонерскую лодку „Crocodilo“, которая отвѣчала выстрѣлами же и разрушила нѣсколько жилищъ.

Смѣсь.

Султанъ Садыкъ. Сыръ-Дарьинскій областной статистическій комитетъ издалъ въ Ташкентѣ любопытную книгу о султанахъ Кенисара и Садыкъ. Вотъ что разсказывается, между прочимъ, о султанѣ Садыкѣ, не такъ давно бившемся ожесточенно съ русскими войсками при завоеваніяхъ нашихъ Средней Азіи, а теперь мирно проживающемъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ, на р. Арькѣ, верстахъ въ 6 на сѣверъ отъ сартовскаго села Карабулакъ, близъ развалинъ Ханъ-Кургана, бывшаго когда-то ставкою его предка хана Киргизскаго, Аблай-Хана. Теперь Садыкъ занимается скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, близь своей зимовки, проводя досуги за чтеніемъ и въ молитвѣ. Это совершенно бодрый, средняго роста, человѣкъ, лѣтъ 55; смуглое лицо киргизскаго типа съ черною, небольшою, съ легкою просѣдью, бородою, оживлено замѣчательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорціонально сложенная фигура съ мягкими контурами лица, маленькими женскими руками, манера держать себя, спокойствіе, даже нѣкоторая застѣнчивость въ разговорѣ, все это изобличаетъ въ немъ человѣка, пожившаго при средне-азіатскихъ ханскихъ дворахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кровнаго тюркскаго аристократа, „бѣлую кость“. При первомъ взглядѣ на этого задумчиваго, спокойнаго человѣка, какъ-то не вѣрится, что это именно тотъ наѣздникъ Садыкъ, съ именемъ котораго всегда соединялось понятіе объ отчаянномъ степномъ разбойникѣ и самомъ упорномъ, изворотливомъ партизанѣ; что это тотъ Садыкъ, который наводилъ въ 70-хъ годахъ страхъ на наши передовыя линіи въ Туркестанѣ, являясь всегда неожиданно на слабыхъ мѣстахъ и нападая болѣе смѣло и энергично, чѣмъ другіе предводители киргизскихъ и туркменскихъ партій. Но когда въ разговорѣ оживится его лицо, потечетъ быстрая, выразительная рѣчь, разгорятся глаза, то впечатлѣніе смирнаго, задумчиваго человѣка исчезаетъ совсѣмъ. Предъ вами является другой человѣкъ: живой, энергичный и безусловно талантливый, съ „Божьей искоркой“ и юностью души,—качествами столь неотразимо дѣйствующими на рядовыхъ людей и на народныя толпы. Становится понятнымъ его успѣхъ, какъ сановника и совѣтчика въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ при ханахъ Бухары, Хивы и Кашгара и его умѣнье держать въ рукахъ полудикихъ, своевольныхъ наѣздниковъ и энергично двигать ихъ нестройныя толпы на убійственные залпы туркестанской линейной пѣхоты, дѣлать съ ними огромные и быстрые переходы въ мертвой Кизылкумской пустынѣ и падать, какъ снѣгъ на голову, на прозѣвавшаго непріятеля, пріобрѣтая этимъ отъ него незаслуженный эпитетъ „степнаго разбойника“. (б.)

Почтовый адресъ въ стихахъ. Въ московскомъ почтамтѣ нашли, по словамъ одной мѣстной газеты, письмо съ небывалымъ адресомъ. Онъ былъ написанъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Во Московской, во столицѣ,
Рядомъ съ улицей Мясницкой,
Пролегаетъ небольшой
Переулочекъ прямой,
Подъ названіемъ Армянскій,
Стало-быть — не итальянскій.
Въ переулкѣ въ этомъ самомъ
На боку, кажись, на правомъ
Домъ стоитъ такой старинный
И не то чтобъ очень длинный,
Фабриканта, гражданина,
Композитора Микини.
Въ этомъ домѣ многолюдномъ
Наверху, на мѣстѣ чудномъ,
Мой знакомый поживаетъ
Письмо это прождаетъ,
Передать его желаю
Бондаренко Николаю.

Желаніе метромана было любезно исполнено. Письмо доставлено по адресу. Не перевелись еще „шутники“ Островскаго. (б.)

Новый электрическій минералъ. Найденный на островѣ Лабуанѣ въ Бирмѣ черный, весьма твердый и удѣльнаго вѣса почти платины, минералъ, по Рональду Книгу, даетъ въ электрическомъ соединеніи довольно сильный токъ, причемъ мало разрушается—послѣ продолжительнаго даже употребленія отдѣлялось отъ поверхности камня лишь нѣсколько сѣраго порошка. Въ настоящее время въ лабораторіи Книга, отъ куска длиною въ 5 дюймовъ и шириною въ 4,3 д., получается достаточно электричества для питанія двухъ лампъ накаливанія. (N.)

Шашечная задача № 60.
В. Шошина.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Шахматная задача № 61.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Геометрическая задача № 62.

Данную фигуру раздѣлить на 5 частей, изъ которыхъ требуется составить правильный кругъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ФИСГАРМОНІИ

лучшихъ французскихъ и американскихъ фабрикъ въ 100, 110, 130, 150, 160, 175 200, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Играть на фисгармоніи можно легко выучиться. Кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда.

Школа для фисгармоніи въ 3 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ инструментамъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо №4038

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

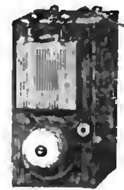
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ

ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

8 руб.



для квартиръ, конторъ, фабрикъ и проч.

Состоящіе изъ вновь **усовершенствованной** вѣрно дѣйствующ. баттареи, звонка, провода и кнопки. Проводить его по прилагаемому способу можетъ каждый, безъ помощи спеціалиста.

Весь аппаратъ помѣщается въ хорошемъ черномъ ящикѣ. Торговцамъ уступка. В. № 4046 5—1

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

К. И. ФРЕЛАНДТА.

Невскій просп., домъ Учетнаго Банка, № 30—16, входъ съ Екатерининскаго канала.

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

Вышли: НОВОЕ 15-е ИЗДАНІЕ (56 тысяча)

L'ENFANT PIANISTE.

Часть I. Уменьшенная цѣна 1 рубль.

L'ENFANT PIANISTE.

Часть II. Уменьшенная цѣна 1 рубль.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА.

С.-Петербургъ у I. ЮРГЕНСОНА.

Варшава—Г. ЗЕННЕВАЛЬДЪ. П. №4041

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Д-ръ Михаёлисъ med. pract. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у **В. Ауриха** въ **С.-Петербургѣ,** Колокольная 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12—1

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА,** съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста". Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много)—хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ..."

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и вѣрное дѣйствіе, мягкій вкусъ, малая доза.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 3934 10—8

Поступило въ продажу **новое** изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

СЕЛЬСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1890 г.

Я. АБРАМОВА. Цѣна 20 коп. Склады изданія: въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Луковникова, Москвѣ—у Салаевыхъ, Нижнемъ—у Духовскаго, Казани—у Дубровина, Харьковѣ—въ земскомъ книжномъ складѣ и Одессѣ—у Распопова. Выписывающіе отъ составителя (СПб., Пески, 7 ул., д. 8) не менѣе 100 экз. пользуются безплатной пересылкой, или платятъ по 15 р. за каждую сотню, прилагая за пересылку по разстоянію (3 экз. съ укупоркой вѣсятъ 1 ф.). Mt. № 4050

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (84) № 2946

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 62 прот. Имп. Публ. Библіотеки.

Оптовая и розничн. продажа.

Спеціалистъ хронометровъ.

Никел. открыт. часы	отъ	7	руб. и дороже.
Стальн. черные	„	14	„ „ „
Серебрян. закр.	„	15	„ „ „
Зол. дамск. закр.	„	30	„ „ „
Зол. мужск. закр.	„	50	„ „ „

Ручательство на 2 года.

Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—7

ЖЕЛТУЮ ШЕЛКОВУЮ

КЛЕЕНКУ

высшаго качества, для 2—1

КОМПРЕССОВЪ

предлагаетъ по Р.С. 3.25 коп. за кусокъ, фабрикантъ **С. О. КЛЕЙНЪ, Москва,** Нижняя Хапиловская улица, д. Шмелева. Ц. № 4044

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:

съ 3 подалями по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (11) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

CORSETS LEOTY

adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine, Paris.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Торговый Домъ

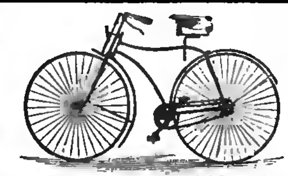
Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ № 2

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

EAU DE SUEZ — **ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ**

Депо въ С.-Петербургѣ — **А. М. Рузановъ,** Гостиный Дворъ, № 40.

Въ Москвѣ — **А. Сіу и К°.,** Тверская, д. Варгина.

Pt. № 3387 **Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.** 13—7

Дозвол. цензур., СПБ., 20 сентября 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | № 40 — г. XX | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рвзн. рис. рукод. рпботъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 сентабря 1889 г. — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Церковь гетмана Мазепы въ селѣ Ивановскомъ (Курск. губ.). Рис. Кондопуло, грав. Рашевскій.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Долго-ли просидѣла княжна въ задумчивости—она не знала, и пришла въ себя отъ голоса стоявшей предъ ней Дуняши.

— Барышня, люди просятся къ вамъ. Сказываютъ, по своему, съ вами желаютъ поздоровкаться.

Княжна подняла глаза на Дуняшу и увидѣла веселое, оживленное, почти счастливое лицо своей любимицы.

Дѣвушка радовалась всю дорогу, что ѣдетъ на житье въ Березополье, и теперь сіяла отъ радости.

— Позволите допустить?

— Нѣтъ, Дуняша, нѣтъ! Уже вечеръ, темно. Скажи—завтра поутру всѣхъ... Попроси ко мнѣ Макара Макаровича, если онъ здѣсь.

— Здѣсь, здѣсь! Распоряжается. Да что же вы такъ пріуныли, барышня? Неужто же вы Москву эту злющую жалѣете? Сами вы дорогой сказывали, что и она бѣлокаменная, и люди въ ней живутъ каменные, безъ нутра, безъ жалости. А здѣсь, поглядите, все свои люди и много добрыхъ людей. А ужъ васъ-то тутъ какъ любить будутъ! Вотъ такъ же, какъ и я...

И Дуняша, съ сіяющимъ лицомъ, вдругъ опустилась на колѣни предъ княжной и начала цѣловать руки ея, безсильно и тоскливо сложенныя на колѣняхъ.

Княжна вздохнула, улыбнулась и нѣсколько оживилась.

— Правда твоя, Дуняша. Тутъ не хуже будетъ. Вѣдь и тамъ тоже ничего не было. День за днемъ, годъ за годомъ. Только и разницы, что иной день увидишься въ зеркалѣ, да новыхъ два-три сѣдыхъ волоса найдешь.

И княжна вдругъ разсмѣялась, но какимъ-то странно звенящимъ смѣхомъ.

— Дай мнѣ мою книжку.

— Какую? все ту же, дорожную?

— Да.

— Да вѣдь вы же ее прочли уже два раза! удивилась Дуняша.

— Хочу въ третій разъ посмотрѣть, уже весело разсмѣялась княжна.

— Вотъ даже какъ!

— Ну, дай мнѣ ее, да позови Макара Макаровича. Трубецкой явился тотчасъ же.

Идя въ горницу, онъ не утерпѣлъ, развернулъ книжку, которую сунула ему горничная, и прочелъ заглавіе: „Безуміе отъ любви“. Умный старикъ и изъ этой пустой мелочи вывелъ свое заключеніе.

„Да, вотъ какая книжка-то!“ подумалъ онъ. — „Не Четія-Минея! Да что ужъ? Ей—Богъ съ ней—тридцать годовъ. Пора бы давно матерью семейства быть. А тутъ у насъ и жениховъ совсѣмъ нѣтъ. За кого тутъ пойдетъ княжна Березопольская — богатѣющая невѣста? Тутъ монастырь. А жаль мнѣ тебя! Добрая ты, хорошая! Спаси Богъ, будь я колдунъ, сейчасъ бы что-нибудь настряпалъ: царевича бы какого-нибудь изъ сѣраго волка досталъ. Волковъ-то такихъ у насъ въ лѣсу много, да только изъ нихъ царевичей-то не понадѣлаешь.“

Макаръ Макаровичъ подалъ княжнѣ ея дорожную книжку и отступилъ на шагъ, прибавивъ:

— Чтò приказать изволите?

— А вотъ присядьте-ка.

— Простите, если изволите чтò приказывать, то позвольте на ногахъ остаться. Такой у меня обычай. Вы ужь не взыщите. Когда бесѣдовать соблаговолите, по вашему дозволенію буду садиться. А какъ только чтò касающееся до распоряженій и приказаній, такъ стоять буду. Завсегда этакъ поступалъ я съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ, такъ и съ вами буду. Помилуй Богъ!

— Ну, хорошо! добродушно и уже вполнѣ оживившись отозвалась княжна. — Такъ я поскорѣй скажу про дѣло, а затѣмъ вы и садитесь. Дѣло такое, Макаръ Макаровичъ: теперь поздно, да и я устала. Скажите людямъ, что завтра утромъ я со всѣми поздороваюсь. Пускай и крестьяне придутъ, кто захочетъ.

— Какъ кто захочетъ? Всѣ захотятъ. Малолѣтки, парнишки махонькіе на селѣ—и тѣмъ рубахи приготовлены, и тѣ прибѣгутъ! Ни души нигдѣ не останется. Не знаю, какъ умѣстятся. Вѣстимо, дворню впустимъ, а крестьянъ на дворѣ оставимъ. Я все пріуготовлялъ, ожидая васъ днемъ. И батюшка нашъ съ утра въ ожиданіи былъ. Ткацкіе всѣ съ утра распущены были чтобы васъ встрѣчать.

— Ну, такъ вотъ, Макаръ Макаровичъ, завтра утромъ попросите батюшку и весь народъ. Я поздороваюсь со всѣми.

— И молебенъ позволите?

— Конечно! еще бы! И надо бы дворовыхъ чѣмъ угостить.

— Все мной, княжна, пріуготовлено. Завтра увидите. Торжественно будетъ. Чтò еще прикажете?

— А еще теперь прикажу — садитесь! улыбнулась княжна, ласково заглядывая въ лицо старика.

— Спаси Боже! Съ великимъ удовольствіемъ! выговорилъ Трубецкой, садясь на стулъ противъ нея.

Княжна закидала его вопросами и заставила разсказать себѣ все, чтò можно было узнать о Березопольѣ. Проживъ когда-то здѣсь очень недолго, въ ненастную осень, княжна мало знала обитателей усадьбы. А если кого и помнила прежде, то теперь совершенно забыла.

Однако, узнавъ отъ Трубецкаго, что старуха, назначенная ей въ услуженіе, умерла, а другая старуха едва таскаетъ ноги и что Трубецкой поставилъ ей молодую дѣвушку — Евгенію, княжна вспомнила и вымолвила:

— Ахъ, эта бѣлокурая? красавица? сиротка, про которую мнѣ кто-то говорилъ? Я ее помню.

— Эта самая.

— Очень красивая... задумчиво произнесла княжна.

— Не скажу. Ничего такого особливаго! А у насъ, вѣстимо, изо всѣхъ дѣвицъ — самая красивая. Вотъ все одно что Егоръ. Впрочемъ, спаси Боже! Егоръ и на всю губернію будетъ красавцемъ.

— Какой Егоръ?

— А столяръ. Сынокъ этой самой Лукерьи Егоровны, которую князь назначалъ вамъ въ услуженіе. Да гдѣ ей! Она совсѣмъ, спаси Боже, еле ноги таскаетъ. Стара, да и прихварываетъ.

— Не помню вовсе, отозвалась княжна.—Ни Лукерьи, ни ея сына совсѣмъ не помню.

— Егора-то, можетъ, вы и не знаете. Мнѣ сдается, онъ въ ту пору, что вы были здѣсь, былъ посланъ въ Москву, перечинить мебель городскую. А какъ вы поѣхали обратно, онъ наоборотъ сюда вернулся. Сдается мнѣ, помилуй Богъ, сказывалъ онъ, что ѣдучи изъ Москвы сюда повстрѣчалъ князя и васъ въ пути. А вотъ старуху-то его вы навѣрно видали. Такая махонькая, сухощавая, чисто грибокъ! А славная женщина, богобоязненная. Самая у насъ изо всѣхъ почтенная.

И перебравъ всѣхъ обывателей и всякаго рода новости березопольскія, Полина узнала отъ Макара Макаровича разныя бѣды... Лѣтомъ пожаръ былъ на селѣ; съ мѣсяцъ назадъ на грунту въ оранжереѣ погибло

отъ мороза три дерева шпанскихъ вишенъ; затѣмъ всѣмъ въ округѣ извѣстный Иванъ Ивановичъ, наконецъ, отъ старости издохъ прошлой осенью. Княжна очень удивилась рѣзкости выраженія, но вдругъ вспомнила, что „Иванъ Ивановичъ“ было прозвище дворнаго огромнаго пса, котораго она видѣла и котораго настоящее имя было: „Солдатъ“.

Макаръ Макаровичъ сидѣлъ у княжны съ такимъ чувствомъ на сердцѣ, какого давнымъ-давно не бывало въ немъ.

Почудилось старику, что вдругъ среди ненастнаго и сумрачнаго дня прорвало черныя тучи на небѣ и яркій солнечный лучъ сверкнулъ на все Березополье, позолотивъ всѣхъ и все. Ему чудилось, что теперь отъ присутствія княжны вся усадьба преобразилась.

И онъ не ошибся. То же чувство было во всѣхъ обитателяхъ.

Но если для однихъ усадьба измѣнилась отъ присутствія владѣлицы-княжны, то для Макара Макаровича все приняло иной ласковый и привѣтливый видъ не въ силу одного появленія княжны, а благодаря ея взгляду, ея улыбкѣ, ея словамъ и еще чему-то, что̀ звучало въ ея голосѣ.

А звучала доброта, искренность, звучало чувство. При этомъ однако Макару Макаровичу неотразимо чудилось противъ воли, что княжна потому такъ привѣтлива, что на сердцѣ у нея и на душѣ темно и тяжело.

XVII.

Въ тѣ самыя минуты, когда Трубецкой бесѣдовалъ съ княжной, на противуположной сторонѣ дома, въ нетопленной гостиной былъ свѣтъ.

Въ углу около большаго кресла стоялъ на полу шандалъ со свѣчей. Около шандала лежалъ инструментъ, и тутъ-же рядомъ стоялъ на колѣняхъ, нагнувшись, молодой малый и разсматривалъ сломанный бочекъ кресла.

Его блѣдное, будто мраморное лицо, освѣщаемое въ темнотѣ тусклымъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи, казалось не только красиво, но даже сказочно-красиво. Большіе черные глаза, внимательно устремленные на работу которою онъ былъ занятъ, сіяли чуть не больше самой свѣчки.

Если-бъ кто-нибудь, никогда не бывавшій въ Березопольѣ, вошелъ теперь въ эту горницу и увидѣлъ въ полуосвѣщенномъ углу эту фигуру и это блѣдное лицо, окаймленное черными локонами длинныхъ волосъ и клинообразной бородкой, то, конечно, удивился-бы и быть-можетъ даже ахнулъ.

Этотъ молодой малый, поистинѣ красавецъ, былъ тотъ самый столяръ и даровитый рѣзчикъ Егоръ Миловановъ, о которомъ въ эти же самыя мгновенія говорилъ Макаръ Макаровичъ съ пріѣзжей княжной.

Егоръ явился сюда, чтобы поскорѣй починить надломленное кресло, такъ какъ оно было парное — точь-въ-точь такое-же, на какомъ въ эту минуту сидѣла княжна.

Макаръ Макаровичъ забылъ о немъ и теперь послалъ Егора поскорѣй исправить.

Егоръ уже заклеилъ, гдѣ слѣдовало, подправилъ, прибавивъ недостающій кусокъ, подкрасилъ его и, наконецъ, окончивъ работу, сталъ собирать съ полу свой инструментъ.

Въ эту минуту скрипнула дверь. Кто-то выглянулъ, присмотрѣлся, потомъ тихонько вошелъ, затворилъ за собой дверь и быстро подбѣжалъ къ Егору.

— Егорушка, точно сердце сказало! Не чаялось, и не знала... Сердце сказало... Такъ вотъ и толкало сюда. А ты и тутъ!

И едва молодецъ поднялся на ноги, какъ фигура обхватила его, обняла и прижалась къ нему съ поцѣлуемъ.

— Сердце-то, можетъ, не при чемъ... отозвался Егоръ,—все-жъ таки и свѣтъ въ щель увидѣла и догадалась, что я тутъ стряпаю.

— Ей Богу, не видала! Чуялось...

И дѣвушка, крѣпко и страстно обнимая молодца, нѣсколько разъ поцѣловала его въ щеки, лобъ и глаза.

Это была Евгенія.

— Ну, будетъ тебѣ... Съѣла всего. Уйдемъ, выговорилъ черезъ мгновеніе Егоръ.—Ну, какъ войдетъ кто, какъ разъ въ эту пору! Вѣдь теперь надъ нами барская рука. Это не Макаръ Макаровичъ! Погляди-ка—теперь мудренѣе будетъ. Всѣмъ будетъ мудренѣе. Не было виноватыхъ, а теперь всякій день найдутся. Подъ господами жить—лихое дѣло. А ужъ такому, какъ мнѣ, бѣда! Заставитъ она меня теперь ручки да ножки приклеивать, а то двери дѣлать. А то просто пошлетъ дрова рубить. Нужно было ей сюда пріѣзжать!

Все это Егоръ проговорилъ раздраженнымъ и глухимъ голосомъ. Видно было, что онъ высказалъ неотступную и томившую его мысль.

— Нѣтъ, Егорушка. Она, сдается, добрая. Всѣ говорятъ, Макаръ Макаровичъ всѣмъ сказывалъ: „такой барышни, говоритъ, другой въ Россіи нѣту.“

— Онъ добрый самъ-то, вотъ ему всѣ ангелами и представляются. А она, поди, — злющій чортъ. Вѣдь всѣ старыя дѣвки — злющія. Таковъ законъ. Что-жъ, такъ и будетъ... При ней будешь состоять?

— Да, при ней.

— Не радуйся, Евгенья. Ты это по глупости. Сказываю тебѣ — ничего хорошаго нѣтъ въ близости отъ господъ. Посмотри, черезъ недѣлю выть начнешь. Какая ни есть добрая, а все-таки барышня и княжна, и стало-быть прихотница и спрощица. Угодить будетъ нельзя, а не угодишь ты—и наше дѣло не выгоритъ. Вотъ какъ-бы знать-то, Евгенія, такъ проситься-бы намъ вѣнчаться прежде, чѣмъ она сюда нагрянула. Заглазно-то бы князь разрѣшилъ. Макаръ Макаровичъ отписалъ-бы, что ты свободная, безъ должности, сирота неумытая,—князь-бы дозволеніе и прислалъ. Ему что̀! Какой-то, молъ, столяръ на какой-то сиротѣ жениться захотѣлъ. Имъ одна забота — тягло да оброкъ! А вотъ теперь ты у нея въ горничныхъ, и она, гляди, чудить и мудрить начнетъ. Разныя препятствія выищетъ...

— Что̀ ты? Полно, полно... вдругъ со слезами въ голосѣ выговорила Евгенія.—Что̀ ты каркаешь! Ничего такого не будетъ! Три тебѣ типуна на языкъ!

Но вмѣстѣ съ этимъ она снова обвила руками голову Егора и снова прильнула къ его лицу страстнымъ поцѣлуемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Оба вздрогнули.

Евгенія бросилась къ дверямъ, а Егоръ потушилъ свѣчу и спрятался за уголъ большаго шкафа.

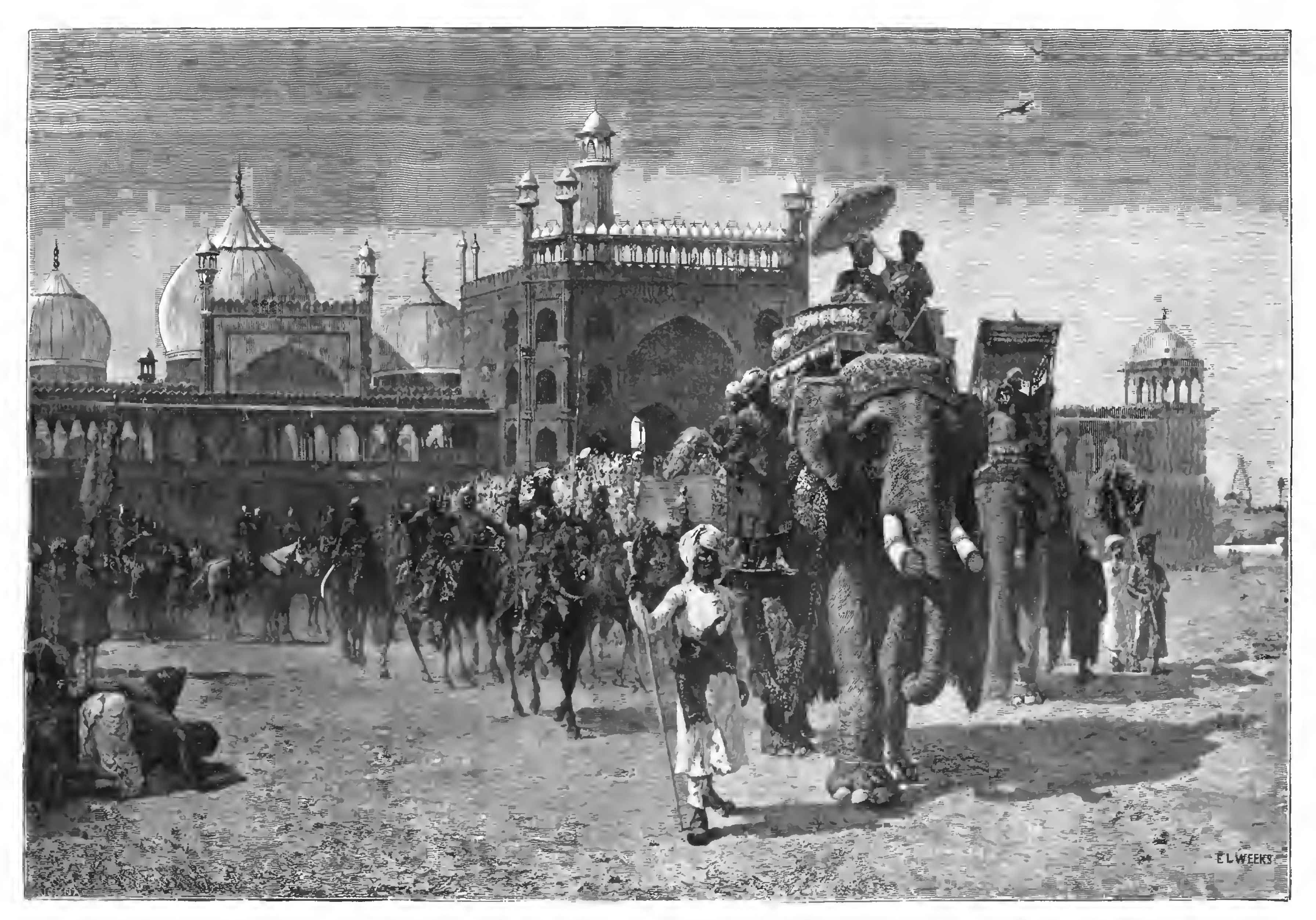
Но черезъ мгновеніе дѣвушка выглянула въ дверь и проговорила сильнымъ шепотомъ:

— Иди... никого...

— Уходи ужъ ты впередъ. Я послѣ выйду! отозвался онъ.

Дверь затворилась. Молодой малый остался одинъ, вышелъ на средину горницы, но остановился и стоялъ задумавшись среди полной темноты.

— Чудно! Диковинно! началъ онъ шептать.—Или я таковъ уродился—безсердечный? Вѣдь вотъ всю душу прозакладывать готова, на погубленіе себя готова идти. А я какъ осиновый какой, березовый, либо каменный! Что есть Евгенія, что нѣту—мнѣ одно. А вотъ приди, да скажи: брось, молъ, въ печку да сожги своего звѣря крылатаго, что будто живой у меня изъ дерева вылѣзать теперь сталъ, — ни за что̀ не брошу. Стало-быть мнѣ моя работа—дурацкій звѣрь, изъ дерева долбленный—дороже дѣвицы, которая меня любитъ. Ну вотъ и есть ты, Егорка, деревянный человѣкъ! Дай тебѣ



Шахъ-Джеганъ на пути изъ великой мечети въ Дели. Рис. Э. Виксъ, грав. Жонаръ.

У парома. Съ картины **П. Грузинскаго** (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч. принадлежитъ „**Нивѣ**"), грав. Рашевскій.

хоть десять, хоть сто красавицъ писанныхъ — и отъ всѣхъ красавицъ всесвѣтныхъ откажусь, только оставь ковырять инструментомъ по дереву. Вотъ такъ-то, сказываютъ, и тятя мой со скрипкой, бывало. Разъ пожаръ былъ. Всѣ кричатъ, Бога призываютъ, мечутся... Одинъ въ окно выскочилъ и убился. А тятя мой сидитъ да на скрипицѣ что-то чувствительное выпиливаетъ. И не видитъ ничего и не слышитъ. Улетѣлъ куда-то своими мыслями и не знаетъ, что огонь и дымъ подступаютъ со всѣхъ сторонъ. Да. Смѣялись вотъ всѣ этому случаю, а я тутъ вотъ чую, на сердцѣ, что это вѣрно и такъ должно быть. Помнится, когда льва выдалбливалъ я генералу, тоже вотъ: что ни случись — ничего не вижу и не слышу. Матушка захворала—сидѣть-бы около нея, прислуживать; а у меня только и на умѣ, что одно ухо у моего льва длиннѣе другаго, да глазъ одинъ глядитъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Просто грѣхъ! окаянство! Вотъ такъ-то и Евгенія: деревяннаго звѣря съ крылами—и того я не могу промѣнять на нее. Да, чудно! Диковинно! Либо колдовство, либо уродство какое! Родятся-же люди съ пятномъ на щекѣ чернѣе сажи, ну, а я вотъ ковырялкой по дереву уродился!

Молодой малый вздохнулъ глубоко, будто очнулся, и тихо пошелъ изъ горницы. Когда онъ поворачивалъ изъ столовой въ прихожую, на него сверкнулъ свѣтъ изъ горницъ занятыхъ княжной.

Въ настежь растворенныя двери и черезъ снующій людъ, таскавшій вещи, Егоръ увидѣлъ близь двухъ свѣчей, поставленныхъ на столикѣ, женскую фигуру, какихъ не было въ Березопольѣ.

„Она сама!“ подумалъ онъ и пристально сталъ смотрѣть черезъ три горницы.

Княжна виднѣлась ему въ профиль. Предъ ней сидѣлъ Макаръ Макаровичъ и что-то говорилъ, сопровождая слова жестами. Княжна сидѣла, положивъ руку на бочекъ кресла, точь-въ-точь такой-же, какой сейчасъ чинилъ онъ.

Она глубоко сидѣла въ креслѣ, прислонившись спиной, и голова ея была слегка закинута назадъ. Во всей позѣ издали было что-то особенное, непріятно задѣвшее Егора.

Черезчуръ горделивою и надменною показалась ему эта женская фигура.

„Ишь разсѣлась!“ подумалъ онъ. „Экъ, голову-то задираетъ! И какъ это у нихъ, у господъ, много всегда о себѣ мыслей. Иной на самого чорта смахиваетъ, другая — чистая вѣдьма, а поглядишь—ни-вѣсть что̀ изъ себя вывертываютъ, будто царь, либо царица сама. Вотъ теперь и пойдешь ты тутъ чудить и ломаться надъ нами,“ чуть не выговорилъ Егоръ вслухъ, не спуская глазъ съ фигуры княжны. „Теперь дымъ коромысломъ будетъ. Ишь голову-то деретъ! Еще... еще...“

И наконецъ Егоръ не выдержалъ и вымолвилъ громко, вслухъ:

— Еще задери!

И будто очнувшись, онъ махнулъ рукой, разсмѣялся и быстро выскочилъ въ прихожую.

XVIII.

На другой день, съ самаго ранняго утра все Березополье ожидало „здоровканья“ съ княжной. Всѣ въ усадьбѣ и на селѣ уже принарядились. Семейные собирались придти вмѣстѣ съ дѣтьми, такъ что даже на ребятъ надѣвали новыя рубашенки и платьица.

Макаръ Макаровичъ, тоже спозаранку поднявшійся, уже хлопоталъ и распоряжался, распредѣляя гдѣ кто долженъ стоять, какъ по-очереди подходить къ княжнѣ и какъ цѣловать ручку.

Часовъ въ девять Макаръ Макаровичъ явился справиться какъ пропочивала княжна; но узналъ, что барышня еще почиваетъ.

Черезъ часъ, пославъ своего Сеньку въ барскій домъ, управитель получилъ тотъ-же отвѣтъ.

Такъ прошелъ еще часъ.

Макаръ Макаровичъ удивлялся, но вспомнилъ наконецъ, что вѣдь это такой особый московскій ладъ — вставать тогда, когда люди уже обѣдаютъ.

Около полудня къ нему постучалась сама Дуняша и объявила отъ барышни-княжны, что она плохо почивала ночь и проситъ отложить все до завтрашняго дня, благо завтра большой праздникъ.

— Очень она васъ проситъ, Макаръ Макаровичъ, прибавила Дуняша.—Нездоровится ей!

— Какъ-же такъ, голубушка моя, — „проситъ?“ Я что-то и не пойму. Хотите сказать: „приказываетъ?“

— Нѣтъ-съ, я говорю, какъ она сказала.

— Совсѣмъ, помилуй Богъ, неприлично! выговорилъ Макаръ Макаровичъ.—Ласка—лаской, а вѣдь тоже можетъ выйти...

И онъ не договорилъ.

— Такъ доложите, голубушка, княжнѣ, что я ея приказаніе въ точности исполню. Не важность, что одѣлись! Ну, раздѣнутся. А завтра и безъ того имъ одѣваться къ обѣднѣ.

Все населеніе Березополья было однако озадачено. Многіе стали поговаривать и во дворѣ, и на селѣ, что, должно-быть, такъ „здоровканья“ никакого и не будетъ. Просто одинъ „отводъ“ княжнинъ...

Однако березопольцы были неправы.

Княжна съ вечера долго не ложилась спать, разбираясь въ той комнатѣ, которую предназначала себѣ рабочею. Затѣмъ она легла, уже поздно, и всю ночь глазъ не смыкала.

Этотъ большой домъ, въ которомъ ей было удѣлено нѣсколько горницъ и гдѣ оставалось еще, по крайней мѣрѣ, десятка два пустыхъ, темныхъ и холодныхъ комнатъ, произвелъ на княжну тяжелое впечатлѣніе. Покуда народъ сновалъ въ сосѣднихъ горницахъ—было еще ничего. Но когда всѣ разошлись, все стихло и когда она осталась вдвоемъ съ Дуняшей, а въ сосѣдней комнатѣ — дѣвичьей — сидѣли еще двѣ дѣвушки, одна пожилая, другая молоденькая и красивая, княжнѣ показалось какъ-то мертво въ этомъ домѣ.

Когда-же она велѣла отпустить вновь приставленныхъ горничныхъ, а затѣмъ черезъ часъ отпустила спать и свою любимицу, то ей стало совершенно жутко. Въ домѣ и кругомъ дома воцарилась буквально гробовая тишина.

И вдругъ этотъ домъ показался ей именно какимъ-то громаднымъ гробомъ, въ который ее силою положили и захлопнули.

Она не могла сказать, что особенно любитъ Москву и что жизнь ея тамъ проходила безпечно и весело. Когда-то она немного веселилась, но это было очень давно. Послѣдніе года четыре ея жизнь въ Москвѣ очень походила на жизнь въ глуши, въ усадьбѣ. Она мало съ кѣмъ видалась. Прежнія ея сверстницы, съ которыми она когда-то веселилась на вечерахъ и балахъ, повышли замужъ и съ ними со всѣми отношенія прекратились.

Одна изъ нихъ вскорѣ умерла. Другая все хворала, опустилась, постарѣла и между нею и княжной не было уже ничего общаго. Двѣ или три, тоже вышедшія замужъ, разъѣхались: одна—въ Петербургъ, другія—въ свои вотчины.

У княжны осталась только одна пріятельница, но и то онѣ видались не болѣе разу въ мѣсяцъ, такъ какъ отецъ-князь почему-то не долюбливалъ ее и даже, Богъ вѣсть почему и за что̀, прозвалъ умную дѣвушку Гришкой Отрепьевымъ.

Слѣдовательно, жизнь предстоявшая княжнѣ въ Березопольѣ собственно ничѣмъ не отличалась отъ московской. Здѣсь было у нея то же количество комнатъ,

даже одною или двумя больше. Съ нею пріѣхали всѣ ея вещи, вся ея библіотечка, ея пяльцы, ея альбомы и рисунки.

И здѣсь она могла точно такъ же и читать, и вышивать, и рисовать. Послѣднее было любимымъ занятіемъ княжны. И она, сама того не зная, рисовала недурно и карандашемъ, и тушью, и акварелью.

Какъ въ Москвѣ жизнь проходила однообразно, безцвѣтно, заурядно, изо-дня-въ-день, такъ все должно было наладиться и здѣсь.

Цѣлую ночь княжна обдумывала будущее свое житье здѣсь и убѣждала себя, что ей будетъ тутъ лучше и тише житься, не такъ мудрено и не такъ тревожно.

И тѣмъ не менѣе, какой-то тайный голосъ говорилъ ей, что этотъ, на двѣ трети пустой, темный и холодный домъ смахиваетъ на громадный гробъ или, по крайней мѣрѣ, на тюрьму, въ которую ее заперли.

Здѣсь уже, конечно, никоимъ образомъ не случится того что̀ желалось, чаялось, чудилось ей, чего безсознательно и противу воли требовало ея сердце. И вопреки разуму, оно ждало постоянно, ежедневно, даже ежеминутно. Но это „нѣчто“, чего ждало сердце и нетерпѣливо требовало, и во что̀ вѣрило, было сокровеннѣйшею тайной княжны, которой она не только никогда никому не довѣряла, но въ которой и сама себѣ боялась признаться.

Тайна была очень простая.

Почти тридцатилѣтняя дѣвушка, именно вопреки всѣмъ своимъ здравымъ размышленіямъ, вѣрила, ждала и надѣялась, что вотъ вдругъ, завтра, быть-можетъ сегодня, быть-можетъ сейчасъ, явится предъ ней тотъ, кого страстно полюбитъ она и кто полюбитъ и ее.

За послѣдніе годы мечта какъ бы воплотилась. Княжна какъ будто уже любила ясно являющагося въ мечтахъ человѣка. Она будто видѣла его смутно, слушала его подъ-часъ, чувствовала его присутствіе, а затѣмъ спрашивала себя: не сходитъ-ли она съ ума.

Часто между страницей книги и ея глазами, или застилая канву въ пяльцахъ, застилая рисунокъ на бумагѣ, являлся чей-то образъ и чудными, властными надъ ней глазами смотрѣлъ на нее... И карандашъ или игла выпадали изъ рукъ.

Но никогда никто не слыхалъ отъ княжны объ этомъ ни единаго слова. Когда Дуняша начинала разговоръ мало-мальски подходящій къ ея грёзамъ и мечтамъ, княжна строго и холодно отвѣчала:

— Какъ тебѣ не стыдно! Ты моя ровесница, а не дѣвчонка. Какъ можно о такихъ глупостяхъ говорить! Неужели нельзя прожить, никого не любя и ни за кого замужъ не выходя!

И говорилось это такъ естественно, просто, такимъ голосомъ, съ такимъ надменнымъ видомъ и равнодушнымъ взглядомъ, или презрительной улыбкой, что Дуняша дивилась.

— Какъ же, барышня? отзывалась она. — Всякой дѣвицѣ кто-нибудь хоть разъ да приглянется, а вамъ — никто.

На это княжна могла бы отвѣтить, что и съ ней бывало нѣчто подобное.

Разъ ей приглянулся гвардейскій петербургскій офицеръ, который въ одну зиму вскружилъ голову всѣмъ московскимъ невѣстамъ и затѣмъ уѣхалъ не женившись ни на комъ.

Въ другой разъ княжнѣ нравился мѣсяца два или три, и сильно нравился, молоденькій чиновникъ изъ земскаго суда, появлявшійся у князя по какому-то дѣлу съ бумагами; но съ нимъ она не сказала ни слова. Съ нимъ князь и не знакомилъ ее, отозвавшись о чиновникѣ, что онъ — „самодѣльный“ дворянинъ.

Наконецъ Полинѣ слегка нравился и сомнительный графъ Каналетта, красивый, блестящій, плѣнительно дерзкій. Но объ этой своей склонности княжна сама стыдилась вспоминать...

Помимо этихъ трехъ случаевъ легкаго увлеченія, — въ жизни княжны не было ничего.

А между тѣмъ „онъ“, этотъ невѣдомый и чаемый ею, часто являлся въ ея грёзахъ, чаще всего вечеромъ, или среди ночи, и склонялся къ ней, къ ея изголовью... И она, въ безсонницѣ, какъ бы отбивалась отъ наплыва мечтаній, а иногда кончала и слезами.

То же отчасти случилось и теперь, въ эту первую ночь, что она провела подъ кровлей хотя и роднаго, но совершенно чуждаго ей дома. Не смотря на усталость отъ дороги, княжна провела безсонную ночь. Что-то томило ее... Будущее существованіе здѣсь казалось ей таинственнымъ, загадочнымъ.

А „онъ“ явился еще яснѣе, еще опредѣленнѣе... Еще ближе склонялся къ ней, мучая и терзая своимъ присутствіемъ.

Ужъ подъ утро княжна заснула крѣпкимъ сномъ и не мало удивилась при пробужденіи, узнавъ отъ Дуняши, что скоро полдень. Первыя слова ея были объ Макарѣ Макаровичѣ.

— Не обидѣлся онъ? спросила она Дуняшу.

— Нѣтъ-съ. Говорилъ только зачѣмъ вы приказали „просить“. Это, говоритъ, не годится. „Приказывать“ слѣдъ ему, а не просить. Чудно̀й онъ!

И вставая, одѣваясь, княжна долго думала объ управителѣ, который пришелся ей по душѣ.

— Онъ правда чудно̀й! улыбнулась она наконецъ. — Но онъ мнѣ нравится. И милая привычка у него все прибавлять: спаси Богъ, да помилуй Богъ!

Весь этотъ первый день прошелъ для княжны незамѣтно и не скучно. Она раскладывалась и устраивала свои горницы, прежде всего свою рабочую. Повидавъ поутру двухъ новыхъ горничныхъ, княжна поговорила съ обѣими.

Пожилая женщина — Мареа — оказалась самою обыкновенною дворовою, почти крестьянкой. Единственною оригинальною чертой Мареы была постоянная печаль, не сходившая съ лица. Причины этого никто не зналъ, да и сама она не понимала.

А причина была простая.

У Мареы былъ мужъ, двое взрослыхъ сыновей, братъ и старикъ-отецъ; при этомъ двѣ сестры. Но никого изъ нихъ не было въ Березопольѣ. Не только отца, или братьевъ, но даже мужа и сыновей давно взяли въ Москву въ дворню — и всѣ они жили тамъ постоянно, появившись въ Березопольѣ раза два за десять лѣтъ времени.

Подобнаго рода разлука была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но на другихъ, быть можетъ, оно не имѣло такого вліянія, какъ на эту женщину.

Любя мужа и обожая двухъ сыновей, красивыхъ молодцовъ, Мареа жила вѣкъ здѣсь, въ Березопольѣ, а они жили вѣкъ въ Москвѣ. И существованіе ея проходило такъ, какъ еслибы она была одинокая на свѣтѣ.

Однако, когда случалось Мареѣ заговаривать съ кѣмъ-либо въ усадьбѣ о горестной жизни врозь съ мужемъ и дѣтьми, то она получала отъ всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— И, родимая, есть о чемъ тужить! Завсегда такъ... Мы не господа. Все-жъ-таки ты съ мужемъ и сыновьями — одного барина-князя. А вонъ погляди-ка, бываетъ, цѣлую семью распродастъ иной баринъ въ разныя руки.

И Мареа — женщина недалекая — соглашалась мысленно, что желаніе жить вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми есть, конечно, баловничество. Да сердце-то ея не соглашалось съ этимъ.

Послѣдствіемъ этого и явилась на лицѣ женщины печать грусти, тусклый взглядъ и въ странную складку сомкнутыя губы.

Ей не было еще пятидесяти лѣтъ, а волосы сильно посѣдѣли. Голова была всегда слегка наклонена и вмѣстѣ съ тѣмъ она была самою несловоохотливою, молчаливою женщиной. Она давно уже привыкла только отвѣчать, сама почти никогда ни съ кѣмъ не заговаривая.

Впечатлѣніе, произведенное Маргой на княжну, было таково, что она спросила женщину, не хворая-ли она.

— Никакъ нѣтъ-съ, слава Богу! отозвалась Марөа.

— Не хочешь при мнѣ состоять? снова спросила княжна, глядя на угрюмое лицо.

— Какъ можно, матушка-княжна! Мнѣ это въ честь великую.

Но княжна не спросила того что̀ хотѣла: почему у женщины такое скорбное лицо.

А лицо это тѣмъ болѣе удивило княжну, что рядомъ съ нимъ она увидѣла другое — сіяющее, радостное, красивое, полное жизни, огня и еще „чего-то", что̀ ярко блестѣло въ глазахъ... быть-можетъ — счастія. Эта другая дѣвушка была Евгенія.

Княжна какимъ-то таинственнымъ, еще неразгаданнымъ человѣческимъ чутьемъ узнала, что стоящая предъ ней красивая дѣвушка именно — счастлива. Она — ея противоположность. Она не живетъ просто, а будто торжествуетъ что-то, что̀ случилось съ ней на-дняхъ, или случится завтра.

Молодость, сила, красота и ожиданіе, а можетъ-быть уже и владѣніе полнымъ счастьемъ—вотъ чѣмъ повѣяло отъ Евгеніи на княжну. И вмѣсто того чтобы произвести хорошее впечатлѣніе, дѣвушка произвела на нее тяжелое.

Княжна вздохнула, потупилась и тотчасъ подумала:

„Неужели я завидую ей? Завидую и лицу ея, и тому, что жизнь ея радостная?"

Во всякомъ случаѣ, Евгенія съ первой же минуты заинтересовала ее, и княжна разспросила ее обо всемъ до нея касающемся. Узнавъ, что Евгенія сирота круглая, княжна удивилась.

— Но ты веселая! произнесла она, желая сказать совершенно иное.

— Ничего-съ, бойко отозвалась дѣвушка.

— Небось, всѣ любятъ да балуютъ?

— Нѣтъ-съ... Меня не любятъ въ Березопольѣ.

— Отчего?

— Говорятъ, языкъ у меня дурной. Не могу я никому спустить. Тому, другому что̀ скажешь, вотъ и косятся, и облаютъ, когда могутъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать третій идетъ.

— Что̀ ты! удивилась княжна. — Я бы тебѣ больше восьмнадцати не дала. Какъ же ты до сихъ поръ не замужемъ?

Евгенія вспыхнула и потупилась.

— Чего же стыдишься?.. Странно, что тебя до сихъ поръ ни за кого не выдали. Ужь тебѣ лѣтъ пять слѣдовало бы замужемъ быть. Почему же такъ вышло?

— Не могу знать-съ... Иногда, бывало, Макаръ Макаровичъ собирали меня, да я просилась ослобонить.

— Не хочешь замужъ идти?

Евгенія молчала, переминаясь на мѣстѣ.

— Или отдавали тебя не за того, за кого хотѣлось?

Евгенія собиралась было отвѣтить, двинула губами, но не вымолвила ни слова.

— Да ты скажи мнѣ по правдѣ. Есть у тебя какой на примѣтѣ человѣкъ? Тогда мы можетъ-быть это и уладимъ. Я отпишу батюшкѣ... или не я, спохватилась княжна,—Макаръ Макаровичъ отпишетъ. Князь навѣрное разрѣшеніе дастъ. Коли есть что̀ такое. ты мнѣ скажи.

— Если позволите... выговорила Евгенія слегка дрожащимъ голосомъ и уже съ пылающимъ лицомъ, — то я буду проситься...

— Ну, хорошо. Вотъ какъ-нибудь на праздникахъ я тебя позову, разспрошу и мы увидимъ, что̀ дѣлать. Вѣдь онъ здѣсь... твой... ну, сердечный, что-ли? Здѣсь, въ Березопольѣ?

— Здѣсь, произнесла Евгенія, но такъ тихо, что княжна не разслышала.

— Не здѣсь? Онъ не нашъ крѣпостной?

— Вашъ... выговорила Евгенія громче.

— Живетъ-то гдѣ же онъ?

— Здѣсь! снова тише выговорила Евгенія.

Княжна разсмѣялась полному смущенію дѣвушки и выговорила:

— Ну, вотъ какъ-нибудь мнѣ во всемъ покаешься и своего сердечнаго покажешь. Мы все вмѣстѣ и сладимъ. Что̀ онъ — красивый?..

— Красавецъ — какихъ нѣтъ! оживилась вдругъ Евгенія.

— Вотъ какъ! разсмѣялась снова Полина и, отпустивъ Евгенію, подумала:

„Воображаю... что̀ по вашему здѣсь — красавецъ! Только если человѣческое подобіе есть—сейчасъ ужь будетъ красавцемъ!.."

XIX.

Наступилъ Николинъ день, ясный и яркій...

Въ столовой барскаго дома ожидалъ выхода княжны приглашенный ею Макаръ Макаровичъ. Онъ слегка волновался и былъ, насколько могъ, не въ духѣ. Его непріятно удивило, что въ такой большой праздникъ ему не дали возможности отправиться, какъ всегда, одному изъ первыхъ къ обѣднѣ и явиться въ храмъ одновременно съ батюшкой. Княжна вытребовала его къ себѣ, очевидно для какихъ-нибудь приказаній.

„Стали жить на Руси по-басурмански, спаси Боже!" думалъ теперь про себя Трубецкой.

Послѣ очарованія, которое произвела на него пріѣзжая княжна, Макаръ Макаровичъ теперь уже начиналъ какъ бы разочаровываться.

„Ласкова, ласкова," думалось ему, „а жить не умѣетъ. Я нынѣ лѣсныхъ сторожей и тѣхъ молиться отпустилъ, ради праздника. Пущай порубка будетъ какая — не бѣда! Пущай Богу молятся. А она меня держитъ тутъ на стулѣ, когда добрые люди уже въ храмѣ Божьемъ."

Однако черезъ нѣсколько мгновеній Макаръ Макаровичъ уже не хмурился, а съ сіяющимъ лицомъ помогалъ княжнѣ садиться въ экипажъ и садился вслѣдъ за ней, но послѣ долгаго спора. Онъ упирался, представляя княжнѣ всю неумѣстность того, что онъ— простой „завѣдующій" вотчиной—поѣдетъ внезапно съ ней вмѣстѣ въ каретѣ къ обѣднѣ. Но княжна настояла на своемъ, ласково упорствуя.

Вся церковь, паперть и погостъ были полны народомъ. Вся усадьба и все село собрались здѣсь ради любимаго праздника. Кромѣ того, былъ народъ изъ сосѣднихъ деревень.

Сквозь густую толпу подъѣхалъ экипажъ къ паперти. Княжна раскланивалась на обѣ стороны. Трубецкой тоже кланялся и горделиво озирался, а на него тоже съ удивленіемъ поглядывали березопольцы, понимая всю важность событія, что ихъ любимецъ Макаръ Макаровичъ сидитъ рядомъ съ княжной въ экипажѣ.

Обѣдня длилась долго. Наконецъ княжна снова, но уже одна, двинулась домой.

Теперь вся аллея отъ церкви до дома и вся улица по усадьбѣ, всѣ дорожки соединявшія барскій домъ со службами, съ ткацкимъ корпусомъ,—все переполнилось народомъ. Затѣмъ густая толпа нахлынула и залила, какъ черныя волны, весь барскій дворъ.

Вскорѣ пріѣхали вмѣстѣ Макаръ Макаровичъ и батюшка, а за ними причтъ. Въ столовой, гдѣ былъ уже накрытъ въ углу столикъ и поставлены образа, начался молебенъ.

Этюдъ. Съ картины Ѳ. Чумакова, грав. Пааръ.

Княжна стала впереди, невдалекѣ отъ нея помѣстился Трубецкой и выдвинулъ предъ собой Дуняшу.

— Я за вами, Макаръ Макаровичъ, шептала дѣвушка.

— Непристойно, Дуняша. Вы—любимица, спаси Богъ, а она одна-одинехонька! Ближе васъ къ ней никого нѣту, ближе вы и стоять должны. А я княжнѣ еще человѣкъ, почитай, чужой.

И Дуняша стала шагахъ въ двухъ за княжной.

За управителемъ рядами выстроились самые пожилые или самые важные дворовые. А впереди всѣхъ появился, сѣдой какъ лунь, сгорбленный старикъ съ длинными желтыми волосами, которые падали до плечъ, съ длинною, клиномъ, бѣлою какъ снѣгъ бородой и съ такими же почти бѣлыми выцвѣтшими глазами. Желтоватое, какъ воскъ, худое, не сморщенное, чистое лицо было старчески благообразно. Только сильно провалившійся отъ беззубья ротъ и загнувшійся надъ верхней губой носъ — придавали этому лицу нѣсколько забавный, будто птичій профиль. Это былъ самый старый обитатель Березополья, и никому не было извѣстно, сколько ему лѣтъ. Всѣ говорили, что ему сто лѣтъ и, быть можетъ, ошибались не на много. При этомъ, хотя имя старика было Сергѣй Сидоровъ, но его всѣ звали въ глаза: Сергѣй Сидорычъ, а за глаза никто никогда не называлъ иначе какъ Азовскій.

Что̀ означало это морское прозвище, мало кто зналъ. Старикъ, однако, могъ объяснить это.

Онъ явился въ Березополье прямо изъ-подъ Азова, гдѣ работалъ по наряду во времена царя Петра Алексѣевича. По одному этому факту Макаръ Макаровичъ разсчиталъ, что старику, прозвищемъ Азовскому, было, конечно, около ста лѣтъ. Настоящая фамилія его, которую старикъ быть-можетъ и самъ уже позабылъ, была та же, что и столяра Егора. Но никто не звалъ, что Азовскій и Егоръ—однофамильцы.

Разумѣется, Азовскій проводилъ жизнь, въ маленькой горницѣ, успокоенный отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ дворовыхъ, по милости Трубецкаго. И лишь въ самые торжественные случаи и въ самые большіе праздники столѣтній старецъ иногда выползалъ на свѣтъ Божій.

Теперь, узнавъ о пріѣздѣ княжны и о томъ, что будетъ молебенъ и „здоровканье“ въ барскомъ домѣ, Азовскій кое-какъ, при помощи двухъ женщинъ, рѣшился доползти и поглядѣть на барышню-княжну. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ которомъ онъ жилъ, онъ уже выбился изъ силъ и сѣлъ на дорогѣ прямо на снѣгъ.

Вернувшійся изъ церкви Макаръ Макаровичъ, узнавъ, что Азовскій сидитъ на морозѣ, домой нейдетъ, а до барскаго дома силъ не хватаетъ доползти, тотчасъ же послалъ за старикомъ свои сани. И Азовскій появился въ столовой впереди другихъ.

Но едва только начался молебенъ, какъ онъ опустился на колѣни, а затѣмъ сѣлъ на поджатыя ноги. Фигура его поразила княжну и она нѣсколько разъ взглядывала на старика съ любопытствомъ. Изрѣдка крестясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подремывая, просидѣлъ такъ Азовскій весь молебенъ.

(Продолженіе будетъ).

Перепутала.

Фарсъ въ одномъ дѣйствіи

Северина (М. И. Мердеръ).

ЛИЦА:

Иванъ Николаевичъ Павловъ, 30 лѣтъ.
Юлія Александровна—его жена, 22 лѣтъ.
Дмитрій Ивановичъ Балавинъ, 26 лѣтъ.
Маша—горничная, 25 лѣтъ.

(Гостиная въ квартирѣ Павловыхъ, нарядная обстановка).

Явленіе I.

Юлія *одна.*

(*Въ утреннемъ дезабилье, выходитъ изъ двери направо*). Первый часъ... Что̀ это писемъ до сихъ поръ нѣтъ!.. (*Подходитъ къ камину съ часами, а затѣмъ къ этажеркѣ и замѣчаетъ на ней газеты въ бандероляхъ и письма*). А! вотъ куда Маша положила! Вѣчно умничаетъ, сколько разъ приказывала я ей класть письма на столъ... (*Перебираетъ письма*). Что-жъ это? Отъ Jean ничего нѣтъ... Ну да, это отъ сестры.. (*Пробѣгаетъ письмо*). А это отъ Анны Дмитріевны... (*Берется за другое*). Зоветъ вѣрно съ собой въ театръ... Такъ и есть. Можетъ ѣхать одна, мнѣ сегодня не до оперы. Еслибъ даже самъ Мазини пѣлъ, я и то не поѣхала-бы его слушать... Сегодня судьба всей моей жизни рѣшается... Странно, однако, что отъ Jean ничего нѣтъ... (*Ищетъ между газетами*). Неужели онъ мнѣ ничего не напишетъ, не потребуетъ объясненій? Нѣтъ, нѣтъ, быть этого не можетъ! Письмо вѣрно осталось у швейцара. (*Звонитъ*).

Явленіе II.

Юлія *и* **Маша.**

Юлія. Писемъ больше нѣтъ?

Маша. Всѣ тутъ-съ.

Юлія. Можетъ быть у швейцара остались, поди, посмотри. Я жду письма изъ Москвы.

Маша. Отъ барина? Отъ нихъ письма еще быть не можетъ-съ.

Юлія *(раздражаясь)*. Почемъ ты знаешь? Дѣлай что̀ тебѣ приказываютъ.

Маша. Да вѣдь заказное-то имъ только вчера отправлено: они его, значитъ, и получить-то еще не успѣли.

Юлія. Не вчера, а третьяго дня.

Маша. Позвольте, сударыня, мнѣ лучше знать, вѣдь письмо-то я относила на желѣзную дорогу, мнѣ стало быть нельзя не помнить. Я еще оттуда, въ суровскую за тифтикомъ забѣгала...

Юлія. Ахъ, Боже мой, какая ты несносная!

Маша. Да какъ-же, сударыня, вы вотъ изволите говорить, что третьяго дня письмо послано, а я знаю, что вчера. Съ меня въ той лавкѣ за тифтикъ-то двадцать копѣекъ запросили, я пошла въ другую и по восемнадцати купила...

Юлія (*запальчиво*). Да послушаешься-ли ты наконецъ! Я приказываю тебѣ идти къ швейцару и спросить: нѣтъ-ли у него для меня писемъ.

Маша. Иду, иду. (*Про себя направляясь къ двери*). Напрасно только по лѣстницѣ взадъ и впередъ пройдусь. Нѣтъ у него для насъ больше писемъ. *(Уходитъ)*.

Явленіе III.

Юлія *одна.*

Вчера! Увѣряетъ, что письмо отправлено вчера! Мнѣ-ли не знать когда оно отправлено! Я и сегодняшнюю ночь не спала и вчерашнюю... *(Задумывается)*. Что-то онъ мнѣ напишетъ? Интересно. Очень даже интересно. Разсердится вѣрно и струситъ немножко. Этого-то мнѣ и нужно, чтобъ онъ струсилъ. Выразить не могу, какъ онъ меня раздражаетъ своимъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью. Убѣжденъ вѣдь, что ничѣмъ его удивить нельзя, прошу покорно! Увидимъ, милостивый государь, увидимъ. Да онъ въ первую минуту такъ ошалѣетъ, что ничего не пойметъ, я думаю... Вѣдь Балавинъ за мной раньше не ухаживалъ; онъ зачастилъ къ намъ только послѣ отъѣзда Jean, а въ любви признался только третьяго дня... И какъ пылко! какъ страстно! Точно въ романѣ... Онъ объявилъ, что застрѣлится, если я не выслушаю его до конца... Согласитесь, что надо сильно любить, чтобъ рѣшиться на такую крайность. И какое у него было лицо при этомъ! Блѣдный, глаза горятъ, весь дрожитъ... Упалъ передо мной на колѣни и такъ припалъ губами къ моимъ рукамъ, что насилу я высвободила ихъ у него. Ну, какъ тутъ было не расчувствоваться? Всякая на моемъ мѣстѣ расчувствовалась-бы и позволила-бы себя поцѣловать... Но я была тверда, я думала объ Jean: что̀ бы онъ сказалъ, еслибъ увидѣлъ эту сцену? Какая досада, что некому даже посплетничать на меня! Если я ему разскажу, онъ не повѣритъ. Онъ вѣчно смѣется надъ моимъ воображеніемъ и убѣжденъ, что я все преувеличиваю... Ну, вотъ онъ теперь увидитъ, преувеличиваю я или вѣтъ. Когда Балавинъ ушелъ, я сѣла ему писать. Цѣлый часъ сочиняла я это письмо и такое оно у меня вышло эффектное, что хоть сейчасъ въ печать. Не даромъ-же получала я всегда двѣнадцать балловъ за сочиненіе въ гимназіи. А при выпускѣ мнѣ дали медаль... Да еще золотую. Да, письмо вышло эффектное. Начинается оно такъ: „ваше признаніе подняло цѣлую бурю въ моей душѣ..“ А дальше: „О, зачѣмъ не встрѣтила я васъ раньше, когда была свободна...“ А затѣмъ: „Есть души, для которыхъ личнаго счастья не существуетъ...“ Это мѣсто у меня особенно хорошо вышло, такъ возвышенно и благородно. Дальше я очень удачно привожу нѣкоторыя изъ его выраженій: „Вы называете меня лучезарною звѣздой, озарившею вашъ жизненный путь...“ Очень красиво. Никогда Jean не говорилъ мнѣ ничего подобнаго. Даже когда дѣлалъ мнѣ предложеніе. „Хотите быть моей женой?“ такъ, кажется, онъ выразился? И безъ всякаго страха, спокойно и самоувѣренно. Потомъ я узнала, что онъ уже раньше переговорилъ съ maman и что она ему

дала слово за меня. Можно себѣ представить, какъ меня оскорбило это открытіе! Къ несчастью, было уже поздно, мы были обвѣнчаны и онъ ужь называлъ меня своей мордашкой... Мордашка! Слышать не могу равнодушно этой клички! А онъ нарочно, чтобъ меня дразнить... Ну вотъ, когда письмо было написано, я стала думать о томъ, какъ-бы сдѣлать, чтобъ мой мужъ его прочелъ. Думала-думала и придумала наконецъ—перепутать адресы. Остроумно, не правда-ли? И ужь обличить меня въ плутовствѣ никакъ нельзя: мало ли какой можно сдѣлать промахъ, когда находишься въ волненіи! А мнѣ было отъ чего волноваться... *(Оборачивается къ Машѣ, которая входитъ съ письмомъ въ рукахъ)*. А! вотъ и письмо! Давай скорѣе!

Явленіе IV.

Юлія и Маша.

Маша. Это посыльный принесъ. Отъ господина Балавина, ждетъ отвѣта.

Юлія *(съ досадой)*. Отъ Балавина? Скажи, что отвѣта не будетъ.

Маша. Да вы прочитайте прежде, можетъ нужное что-нибудь. Они вчера два раза заѣзжали.

Юлія *(разрываетъ конвертъ)*. Чтò тутъ читать! Я и такъ знаю. Желаетъ меня видѣть вѣрно... *(Читаетъ)*. Такъ и есть! и въ какихъ отчаянныхъ выраженіяхъ! *(Читаетъ съ улыбкой)*. Сумасшедшій! Какъ онъ влюбленъ! *(Складываетъ письмо)*. А все-таки я не могу его видѣть сегодня... Скажи что меня дома нѣтъ...

Маша. А если спроситъ: когда вы вернетесь?

Юлія. Скажи, что я на цѣлый день уѣхала... въ Царское Село или Гатчино... ну, выдумай что-нибудь... Не могу я его принять пока не получу письма изъ Москвы... Да ступай-же, чтò ты стоишь? *(Маша поворачивается къ двери и сталкивается съ Балавинымъ)*.

Явленіе V.

Тѣ-же и Балавинъ.

Маша. Вотъ они сами-съ. *(Уходитъ)*.

Юлія. Дмитрій Ивановичъ, вы таки ворвались?

Балавинъ *(бросаетъ шляпу на стулъ. Страстно)*. Ворвался! Да, ворвался! Я васъ третьи сутки не вижу... Ну можно-ли такъ мучить человѣка, какъ вы меня мучаете? Вчера я два раза къ вамъ заѣзжалъ.

Юлія. Я и сегодня не могу васъ принять, уходите пожалуйста.

Балавинъ. Да сжальтесь-же надо мною, сжальтесь! Дайте мнѣ одну минуту! только одну минуту!

Юлія *(идетъ къ двери)*. Если вы не уйдете, я сама уйду.

Балавинъ *(съ отчаяніемъ)*. Такъ вы не хотите меня выслушать? Значитъ все кончено? *(Молчаніе; а затѣмъ мрачно)*. Ну хорошо, я теперь знаю, чтò мнѣ остается дѣлать. *(Отрывисто)*. Прощайте, будьте счастливы! *(Нахлобучиваетъ шляпу на голову и идетъ къ двери)*.

Юлія *(въ испугѣ)*. Дмитрій Ивановичъ! *(Онъ останавливается)*. Куда вы?

Балавинъ *(мрачно)*. Да вѣдь вы меня выгнали! *(Стоитъ насупившись)*.

Юлія. Не дѣлайте глупостей, ради Бога! *(Молчаніе)*. Я васъ не выгоняю, но мнѣ сегодня неудобно съ вами бесѣдовать. *(Молчаніе)*. Приходите завтра. *(Молчаніе)*. Развѣ вамъ не все равно?

Балавинъ *(рѣшительно)*. Прощайте, Юлія Александровна.

Юлія *(въ сторону)*. Ну, чтò мнѣ съ нимъ дѣлать? *(Вслухъ)*. Развѣ у васъ ужь такое спѣшное дѣло до меня?

Балавинъ. Я васъ люблю. *(Снимаетъ шляпу)*.

Юлія. Ахъ, ты Боже мой! да я ужь это знаю.

Балавинъ *(постепенно воодушевляясь)*. Нѣтъ, вы не знаете! Вы не можете знать! Я вамъ и сотой доли не высказалъ, чтò я къ вамъ чувствую... *(Приближается къ ней и пытается взять ея руку)*. Словъ такихъ вѣтъ на человѣческомъ языкѣ, словъ такихъ нѣтъ!

Юлія *(въ сторону, отстраняя его)*. Опять начинаетъ фамильярничать! *(Вслухъ)*. Дмитрій Ивановичъ, я вамъ уже сказала, что не могу отвѣчать на ваше чувство.

Балавинъ *(страстно)*. А я не могу жить безъ вашей любви.

Юлія. Вѣдь я замужемъ.

Балавинъ. Дайте мнѣ умереть въ такомъ случаѣ! *(Хочетъ идти)*.

Юлія *(въ сторону)*. Вотъ положеніе-то! *(Вслухъ)*. Послушайте, вѣдь это просто безуміе съ вашей стороны! *(Онъ быстро оборачивается и падаетъ передъ нею на колѣни)*.

Балавинъ. Юлія! жизнь моя!.. божество!.. радость моя! Не отталкивай меня! *(Прижимается губами къ ея рукамъ)*.

Юлія. Нѣтъ, я не могу этого позволить! Встаньте!

Балавинъ. Одинъ только поцѣлуй! Только одинъ! *(Хочетъ ее обнять)*.

Юлія *(твердо)*. Встаньте, Дмитрій Ивановичъ; я уйду если вы не встанете!

Балавинъ *(поднимается)*. Не уходите! Ради Бога не уходите! Дайте мнѣ хоть издали вами любоваться.

Юлія *(въ сторону)*. Вотъ такъ-то лучше! Этакъ я гораздо покойнѣе.

Балавинъ *(страстно)*. Я только тогда и живу когда вижу тебя, когда слышу твой голосъ.

Юлія. Не говорите мнѣ *ты*, Дмитрій Ивановичъ, я не могу это позволить.

Балавинъ *(не слушая ее)*. Я измучился эти два дня. Истерзался! Вы обѣщали мнѣ написать...

Юлія. Я вамъ написала...

Балавинъ. Написали? когда-же? Я не получилъ вашего письма.

Юлія. Я написала вамъ третьяго дня.

Балавинъ *(озадаченъ)*. По почтѣ?

Юлія. Да, по почтѣ. Вы должны были получить это письмо въ тотъ-же день.

Балавинъ *(растерянно)*. Я ничего не получалъ.

Юлія *(со смѣхомъ)*. Быть не можетъ! Вы, вѣрно, забыли.

Балавинъ. Забылъ? Чтобы я забылъ, что получилъ отъ васъ письмо? Вы шутите, Юлія Александровна,—это жестоко съ вашей стороны.

Юлія *(продолжаетъ смѣяться)*. Я не шучу; припомните хорошенько. *(Въ сторону)*. Можетъ и въ самомъ дѣлѣ письмо затерялось. Хорошо, что я послала Jean заказнымъ. *(Вслухъ)*. Вы ничего не получали, ни вчера, ни третьяго дня?

Балавинъ *(въ недоумѣніи)*. Позвольте... вчера утромъ я получилъ вотъ это... *(Вынимаетъ изъ кармана конвертъ)*.

Юлія *(съ трудомъ удерживается отъ смѣха)*. Ну вотъ, это же и есть мое письмо. Конвертъ надписанъ моей рукой!

Балавинъ *(Разглядывая надпись на конвертъ)*. Вашей рукой? Это вы писали?

Юлія. Я. *(Въ сторону)*. Вотъ потѣха-то!

Балавинъ *(все больше и больше волнуясь)*. Но тутъ письма нѣтъ.

Юлія. Какъ нѣтъ? Что же въ этомъ конвертѣ?

Балавинъ. А вотъ что-съ *(читаетъ)*: „За починку жилета 3 руб. 50 коп. За пиджачную пару 85 руб. За починку зимняго пальто, переборку собольихъ лапокъ и новый воротникъ 110 руб.“. И подписано: „портной Загвоздкинъ“. Вотъ что-съ. Это кто-то по ошибкѣ прислалъ. Никакого Загвоздкина я не знаю и пальто на собольихъ лапкахъ отъ роду не носилъ. Но вы говорите, что адресъ надписанъ вашей рукой, и я ужь теперь ровно ничего не понимаю... ровно ничего.

Юлія. Я вѣрно перепутала письма.

Балавинъ. Какъ это перепутали письма?

Юлія. Очень просто. Счетъ вложила въ конвертъ съ вашимъ адресомъ, а письмо къ вамъ...

Балавинъ *(съ испугомъ)*. Кому послали вы мое письмо?

Юлія. Мужу. Это счетъ его портнаго.

Балавинъ. Вы послали вашему мужу письмо написанное мнѣ?

Юлія. Да, я ошиблась.

Балавинъ. Ошиблись! Да развѣ можно такъ ошибаться.

Юлія *(въ сторону)*. Онъ, кажется, выговоръ мнѣ дѣлаетъ. *(Вслухъ)*. Должно-быть можно.

Балавинъ *(волнуясь)*. И васъ не пугаютъ послѣдствія вашей опрометчивости?

Юлія *(въ сторону)*. Вотъ присталъ-то! *(Вслухъ)*. Оставьте меня въ покоѣ, пожалуйста.

Балавинъ *(волнуясь)*. Изъ этой путаницы чортъ знаетъ чтò можетъ выйти!

Юлія. Это до васъ не касается.

Балавинъ. Какъ не касается? Да кого же это касается, если не меня?

Юлія. Мнѣ некогда, Дмитрій Ивановичъ, сегодня. Я вамъ уже сказала, что не могу долго бесѣдовать съ вами. *(Хочетъ идти къ двери, онъ ей загораживаетъ путь)*.

Балавинъ. Ну, нѣтъ-съ, я васъ не пущу...

Юлія. Не пустите? *(Въ сторону)*. Вотъ нахалъ-то!

Балавинъ. У меня родители есть, Юлія Александровна, я не какой-нибудь бездомный бродяга; у меня имѣніе въ Саратовской губерніи, я отлично иду по службѣ, меня скоро въ статскіе совѣтники произведутъ... *(Хватаетъ ее за руку)*.

Юлія. Да мнѣ-то чтò до этого? Отстаньте вы отъ меня.

Балавинъ *(не выпуская ея руки)*. У меня мать, бабушка, двѣ тетки...

Юлія *(вырываетъ у него руку)*. Да хоть бы у васъ ихъ было десять!

Балавинъ. Моя жизнь имъ дорога... и если меня убьютъ...

Юлія. Убьютъ? кто же васъ хочетъ убить?

Балавинъ. Кто? вашъ мужъ конечно...

Юлія *(въ сторону)*. Вотъ онъ чего боится! А я этого и не сообразила!

Балавинъ. Онъ можетъ потребовать у меня удовлетворенія... дуэль—это такая рискованная штука, никогда нельзя впередъ знать кто будетъ убитъ. *(Ходитъ въ волненіи по сценѣ)*.

Юлія. И это вы ужь впередъ волнуетесь? *(Хохочетъ)*.

Балавинъ. А вамъ смѣшно? Вы, какъ женщина, ничего въ этомъ не смыслите, для васъ вопросы чести не существуютъ.

Юлія *(запальчиво)*. Какъ это не существуютъ? Какъ вы смѣете мнѣ говорить такія дерзости?

Балавинъ *(шагаетъ по сценѣ, не слушая ее)*. Вамъ бы только кокетничать, завлекать мужчинъ, да вѣтренничать...

Юлія. Да вы съ ума сошли!

Балавинъ. Извините-съ, я еще не дошелъ до того, чтобъ перепутывать адресы на письмахъ, посылать одному то, чтò назначено другому... *(Останавливается передъ нею. Отрывисто)*. Чтò вы мнѣ писали въ этомъ письмѣ?

Юлія *(въ сторону)*. Такъ я и сказала! *(Вслухъ, сухо)*. Не помню.

Балавинъ. Не помните? *(Строго)*. Вы должны припомнить!

Юлія. Должна? Чтò за тонъ!

Балавинъ. Если вы выражались въ немъ слишкомъ страстно...

Юлія *(внѣ себя)*. Страстно? Вы осмѣливаетесь думать, что я вамъ буду страстныя письма писать?

Балавинъ *(обрадованный)*. Такъ значитъ вы мнѣ тамъ про свою любовь ничего не говорите?

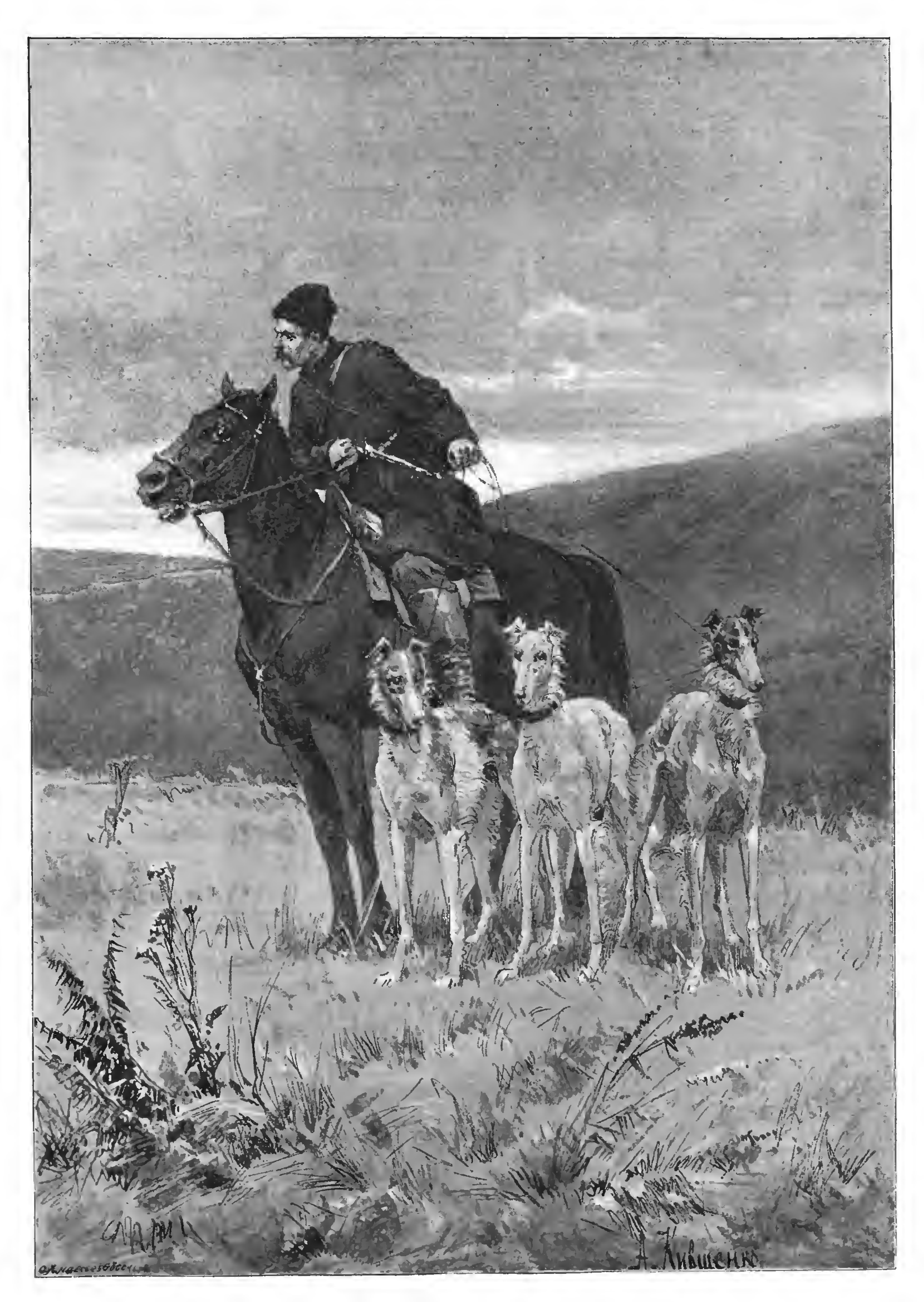
Юлія. Про какую любовь? Да съ чего вы это взяли? Я васъ терпѣть не могу!

Балавинъ. Тѣмъ лучше.

Юлія. Вы мнѣ противны!

Балавинъ. Отлично! Стало-быть особен-

Поздравители. Рис. Энгель, грав. Бонгъ.



На лазу́. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Кившенко,** грав. Ангереръ.

ныхъ нѣжностей въ этомъ письмѣ нѣтъ?

Юлія (*задыхаясь отъ гнѣва*). Хуже, отвратительнѣе васъ никого нѣтъ на свѣтѣ! Я васъ видѣть не могу... оставьте меня... уйдите... и никогда, никогда не возвращайтесь! Слышите-ли вы — никогда!

Балавинъ. Такъ это было не любовное письмо? Ну и хорошо, значитъ безпокоиться нечего. (*Беретъ шляпу, натягиваетъ перчатки. Она стоитъ отвернувшись отъ него*).

Юлія (*прерывающимся отъ гнѣва голосомъ*). Мнѣ гадко вспомнить, что мы были знакомы... я бы желала, чтобъ васъ совсѣмъ на свѣтѣ не было...

Балавинъ (*въ сторону*). А все-таки мнѣ хотѣлось бы знать, что именно писала она мнѣ. (*Вслухъ*). Юлія Александровна, вы увѣрены въ томъ, что вы мнѣ никакихъ нѣжностей не писали?

Юлія (*гнѣвно выпрямляясь, указываетъ ему на дверь*). Если вы сію минуту не уйдете, я позову людей и велю васъ выгнать вонъ!

Балавинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, должно-быть не писала. (*Уходитъ*).

Явленіе VI.

Юлія *одна.*

Ушелъ наконецъ! (*Падаетъ въ изнеможеніи въ кресло*). Ну, выдержала сцену, нечего сказать! Вотъ ужь не ожидала-то! Да со мной даже и мужъ никогда не позволяетъ себѣ такъ обращаться! (*Молчаніе*). И это послѣ того, какъ онъ грозился застрѣлиться отъ любви ко мнѣ!.. (*Молчаніе*). Неужели всѣ мужчины таковы? Черствые матеріалисты какъ Jean, для котораго идеальная любовь недоступна, или подлые трусы какъ этотъ Балавинъ? Бѣдныя мы женщины! бѣдныя! (*Задумывается*).

Явленіе VII.

Юлія *и* **Маша.**

Маша. Сударыня, письмо изъ Москвы.

Юлія. Письмо? (*Въ сторону*). Я и забыла совсѣмъ.

Маша. Заказное. Потому поздно и принесли.

Юлія. Давай сюда. (*Съ письмомъ въ рукахъ задумывается*). Иди себѣ, Маша, что ты тутъ стоишь.

Маша (*въ сторону*). Что жь это она письмо-то не читаетъ? А вѣдь какъ ждала-то! Вотъ ужь можно сказать, что семь пятницъ на недѣлѣ! Ужь эти барыни! Дѣлать-то имъ нечего, вотъ и привередничаютъ. (*Уходитъ*).

Явленіе VIII.

Юлія *одна.*

(*Раздумчиво*). Да, мнѣ ужь теперь все равно, что бы онъ мнѣ ни написалъ. Его гнѣвъ, ревность, отчаяніе, все, что такъ еще недавно хотѣлось пробудить въ его душѣ, ко всему этому я теперь равнодушна. (*Молчаніе*). Во всемъ я разочаровалась: и въ жизни, и въ людяхъ. (*Вздыхаетъ*). Однако письмо-то надо все-таки прочесть. Онъ вѣрно требуетъ объясненій... (*Вздыхаетъ*). Заварила кашу, приходится расхлебывать... Какъ-то я вывернусь? Надо половчѣе, чтобъ онъ не догадался, что это была только мистификація съ моей стороны... (*Развертываетъ письмо и читаетъ*). „Другъ мой, Юлія..." Странное начало. Никогда не называлъ онъ меня своимъ другомъ, это въ первый разъ. (*Читаетъ съ возрастающимъ волненіемъ*). „Твоя откровенность сдѣлала меня... счастливѣйшимъ изъ людей..." (*Срывается съ мѣста*). Что это значитъ? Счастливѣйшій изъ людей!.. Да чѣмъ же онъ счастливъ? (*Читаетъ*)... „узнавши нечаянно твою тайну... я могу... смѣло сознаться въ томъ... что и я съ своей стороны... люблю... и тоже терзался сознаніемъ, что не могу любить... Спѣшу тебѣ это сообщить... чтобъ успокоить и обрадовать такъ, какъ и ты меня обрадовала"... (*Голосъ ея обрывается. Молчаніе*). Да что жь это такое? Что жь это такое? Онъ тоже въ кого-то влюбился... въ кого? когда? (*Читаетъ*)... „хороша и добра какъ ангелъ... созданы другъ для друга..." (*Со слезами въ голосѣ*). Созданы другъ для друга, прошу покорно! А я-то? я-то? Что же я буду дѣлать? (*Читаетъ*). ...„ее тянетъ ко мнѣ какъ розу къ солнцу..." Тянетъ! Ее тянетъ къ нему... очень мнѣ нужно это знать! Да какъ онъ смѣетъ!.. (*Захлебываясь отъ слезъ, читаетъ*)... „въ объятіяхъ ея..." Ужь до объятій дошло! (*Читаетъ*)... „И ты съ Балавинымъ..." (*Гнѣвно комкаетъ письмо и бросаетъ его*). Не хочу читать дальше! (*Рыдаетъ*). И откуда взялась у него такая страсть, такая нѣжность?.. Можетъ, значитъ, любить! (*Рыдаетъ*). И когда же я это узнала? Когда ужь поздно... когда онъ ужь потерянъ для меня, навсегда потерянъ! (*Плачетъ*).

Явленіе IX.

Юлія *и* **Маша.**

Маша (*вбѣгаетъ впопыхахъ и таинственно шепчетъ, пригибаясь къ ней*). Сударыня, баринъ пріѣхалъ!

Юлія (*срываясь съ мѣста*). Баринъ?

Маша. Ей-богу-съ! Позвонили, я пошла отворить, а они и стоятъ передо мною.

Юлія. Да гдѣ же онъ? Что жь онъ сюда нейдетъ?

Маша. Дожидаются въ прихожей. Приказали узнать: можете-ли вы ихъ принять.

Юлія. Что такое? Могу-ли я его принять? Вотъ новости-то! (*Опомнившись*). Да что же я... Разумѣется, ему теперь нельзя ко мнѣ безъ доклада... Мы теперь чужіе... (*Вытираетъ платкомъ глаза*). Дай мнѣ воды, Маша. (*Маша идетъ къ столу съ графиномъ и наливаетъ воду въ стаканъ и подаетъ*). Ну да, мы теперь чужіе.

Маша. Они къ намъ точно въ гости пріѣхали. Я спросила: чемоданъ изволили у швейцара оставить? Нѣтъ, говоритъ, вещи мои въ гостиницѣ.

Юлія. Онъ остановился въ гостиницѣ?

Маша. Точно такъ-съ. Прикажете ихъ позвать?

Юлія. Нѣтъ, еще подожди, надо оправиться. (*Подходитъ къ зеркалу, оправляетъ прическу и платье. Молчаніе*). Маша!

Маша. Чего изволите?

Юлія. Онъ очень сердитъ? (*Въ сторону*). Только бы мнѣ не расплакаться! только бы не расплакаться!

Маша. Ни крошечки даже не сердиты, веселые такіе. Спросили про ваше здоровье и какъ мы тутъ безъ нихъ поживали. Я имъ сказала, что у насъ каждый день Дмитрій Ивановичъ бывалъ, они засмѣялись...

Юлія (*отрывисто*). Очень нужно было болтать!

Маша. Да я, сударыня, не знала.

Юлія. Я готова, проси сюда Ивана Николаевича. (*Маша уходитъ*).

Явленіе X.

Юлія *одна, а потомъ* **Павловъ.**

Юлія. Онъ веселъ... счастливъ... (*Сквозь слезы*). Ну, и я буду весела. Пусть думаетъ, что и я тоже счастлива... (*Прислушивается*). Это онъ... я узнаю его шаги... Какъ сердце бьется! (*Садится на диванъ и старается принять непринужденную позу. Павловъ входитъ въ перчаткахъ, со шляпой въ рукѣ одѣтъ какъ для визитовъ*).

Павловъ (*протягивая ей руку, весело*). Здравствуйте, Юлія Александровна. (*Она въ смущеніи еле дотрогивается до его руки, и отвертываясь въ сторону, опускаетъ глаза, чтобъ не встрѣтиться съ его взглядомъ*). Вы меня не ждали?

Юлія. Да... вѣдь вы хотѣли еще двѣ недѣли пробыть въ Москвѣ...

Павловъ. Правда, но такія вышли обстоятельства... Вы здоровы, я надѣюсь? (*Пристально и съ улыбкой смотритъ на нее*).

Юлія. Здорова. (*Отвертывается еще больше*).

Павловъ. Очень радъ. Я вамъ не мѣшаю?

Юлія. Нѣтъ. (*Въ сторону*). „Юлія Александровна"... „вы"... Ну, и я такъ же съ нимъ буду.

Павловъ. Въ такомъ случаѣ я посижу у васъ немножко, если позволите... (*Садится, держитъ шляпу на колѣняхъ*).

Юлія (*исподлобья взглядывая на него, въ сторону*). Что-жь онъ это? Все такъ и будетъ сидѣть, со шляпой въ рукахъ и въ перчаткахъ?

Павловъ. Я васъ долго не задержу, у меня пропасть дѣлъ сегодня. (*Молчаніе*). Надо еще съ господиномъ Балавинымъ повидаться. Я ужь у него былъ, но не засталъ дома. Вы не знаете, въ которомъ часу онъ возвращается со службы?

Юлія. Не знаю. (*Въ сторону*). Да онъ, кажется, воображаетъ... Я этого не хочу... не надо, чтобъ онъ это думалъ...

Павловъ. Вы что-то сказали?

Юлія. Я говорю... (*Въ сторону*). Ну, какъ мнѣ ему объяснить?.. (*Вслухъ*). Вы... остановились въ гостиницѣ? (*Въ сторону*). Что я надѣлала! Что я надѣлала! Онъ ужь теперь мнѣ ни за что не повѣритъ!

Павловъ. Да, въ гостиницѣ. У Краснаго моста, тамъ очень хорошо. (*Молчаніе*). И столъ не дуренъ. Конечно, не то, что въ Москвѣ, но вѣдь я сюда на такое короткое время пріѣхалъ... (*Молчаніе*). Вы получили мое письмо, Юлія Александровна?

Юлія. Получила. (*Мелькомъ взглядываетъ на него; въ сторону*). Какъ онъ счастливъ! Такъ и сіяетъ!

Павловъ (*весело*). Намъ стало-быть объясняться нечего. (*Посматривая по сторонамъ*). Вы, значитъ, отлично устроились. Вы нашли себѣ человѣка по сердцу, я — тоже... Позволите курить?

Юлія. Курите. (*Хочетъ позвонить*).

Павловъ. Не безпокойтесь, я знаю гдѣ спички. (*Идетъ къ камину. Она смотритъ ему вслѣдъ*).

Юлія (*въ сторону*). Какой онъ элегантный! Сейчасъ видно, что влюбленъ, туалетомъ своимъ сталъ заниматься. И бороду обстригъ короче, и волосы подвиты.

Павловъ (*не найдя спичекъ, забывается и сердито возвышаетъ голосъ*). Вѣчно у васъ безпорядокъ! Ни пепельницы, ни спичекъ не найти. Какая вѣтреница эта Маша!..

Юлія (*съ живостью*). Это вовсе не ея дѣло, гостиную вашъ Василій убираетъ, а не она.

Павловъ. Вы и Василія избаловали такъ, что онъ ни къ чорту не годится. (*Поспѣшно идетъ къ двери налѣво, но, спохватившись, останавливается*). Извините пожалуйста, я совсѣмъ забылъ, что не имѣю больше права здѣсь распоряжаться... по привычкѣ, чуть было къ вамъ въ будуаръ не забрался... извините.

Юлія. Спички на письменномъ столѣ. (*Онъ идетъ къ письменному столу, заваленному разбросанными въ безпорядкѣ листками бумаги*).

Павловъ (*въ сторону, отыскивая спички*). Бумаги-то, бумаги-то сколько навалено! Сейчасъ видно, что сочинительствомъ занимались. (*Возвращается къ прежнему мѣсту и закуриваетъ папиросу*).

Юлія (*въ сторону*). Какъ онъ спокоенъ! Даже и не замѣчаетъ, что я плакала. (*Вздыхаетъ*).

Павловъ (*забывшись, бросается на диванъ рядомъ съ ней и хочетъ ее обнять, но, опомнившись, пересаживается на кресло*). Какая теперь прелесть въ Москвѣ, еслибъ вы знали! Тепло, сухо, просто не выѣхалъ бы оттуда. И ужь зелень есть, фіалки цвѣтутъ. (*Куритъ, откинувшись на спинку кресла*).

Юлія (*раздумчиво*). Давно вы ее знаете?

Павловъ. Да вѣдь я тамъ родился и выросъ.

Юлія (*съ досадой*). Я у васъ не про Москву спрашиваю.

Павловъ. А про что же?

Юлія (*въ сторону*). Отлично знаетъ и притворяется, чтобъ меня дразнить. (*Вслухъ*). Я у васъ спрашиваю про ту особу... которую вы любите.

Павловъ. А, вы вотъ про кого! Что же вамъ угодно про нее знать?..

Юлія. Давно вы съ нею знакомы?

Павловъ. Да съ тѣхъ поръ какъ и вы познакомились съ господиномъ Балавинымъ. Вѣдь онъ къ намъ, кажется, съ прошлаго года повадился?

Юлія. И вы... очень ее любите?

Павловъ (*съ чувствомъ и глядя на нее*). Очень.

Юлія (*въ смущеніи отвертывается*). Что же въ ней особеннаго?

Павловъ. Ничего особеннаго, но мнѣ она нравится.

Юлія. Однако, вы писали... что она красавица?

Павловъ. Въ моихъ глазахъ—да, красавица. (*Смотритъ на нее съ улыбкой*).

Юлія. И... очень умна?

Павловъ. И умна. (*Помолчавъ*). Да, она умна. (*Пригибается къ ней и въ забывчивости поправляетъ бантикъ на ея груди*).

Юлія. Вы какъ будто не совсѣмъ въ этомъ увѣрены?

Павловъ. Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ, но только...

Юлія (*съ живостью*). Что такое?

Павловъ (*смѣется*). Она часто глупости дѣлаетъ... Но я все-таки безъ ума ее люблю. (*Поднимается*).

Юлія. Вы ужъ уходите?

Павловъ. Пора. Я написалъ господину Балавину, что буду дома въ три часа. (*Вынимаетъ часы*). А теперь половина четвертаго. Онъ меня вѣрно ждетъ.

Юлія. Ну, и пусть его ждетъ. (*Съ досадой отвертывается*).

Павловъ. Нѣтъ, зачѣмъ-же. Вѣдь я собственно сюда только для того и пріѣхалъ, чтобъ съ нимъ повидаться.

Юлія. Только для этого?

Павловъ. Ну, да, чтобъ его обрадовать и успокоить. Воображаю, какъ онъ будетъ счастливъ узнать, что вы свободны... Я даже и присутствіемъ своимъ васъ стѣснять не стану.... Господинъ Балавинъ здѣсь служитъ, ему нельзя оставить Петербургъ, а мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Москвѣ... Видите, какъ все отлично устроилось. (*Молчаніе*). Господинъ Балавинъ...

Юлія. Ахъ, перестаньте, ради Бога! Слышать не могу про него!

Павловъ. Но почему-же? Я не понимаю.

Юлія (*прерывающимся отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ*). Вы ничего не понимаете... вы не можете понимать... Вы никогда, никогда меня не понимали...

Павловъ (*пожимая плечами*). Не имѣю на это претензіи. Чужая душа—потемки.

Юлія (*въ сторону*). Чужая!

Павловъ (*прошелся по сценѣ*). Да, Юлія Александровна, это большое счастіе, что мы расходимся съ вами такъ мирно... спокойно.... (*Останавливается у стола съ журналами и перелистываетъ ихъ*).

Юлія (*въ сторону*). Спокойно! Я никогда еще не была такъ взволнована, какъ теперь!

Павловъ. Безъ сожалѣнія, безъ упрековъ...

Юлія (*въ сторону*). Въ томъ-то и горе мое, что я не могу тебя упрекать!

Павловъ. Я не умѣлъ васъ цѣнить.

Юлія (*порывисто*). Разумѣется не умѣли! Совсѣмъ, совсѣмъ даже не умѣли меня цѣнить!

Павловъ (*спокойно*). А вы не умѣли меня понимать.

Юлія (*горячась*). А она, ваша возлюбленная... она васъ понимаетъ... цѣнитъ?

Павловъ. О, да! Столько же, сколько и васъ господинъ Балавинъ.

Юлія (*иронически*). Въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ, поздравляю. (*Злобно смѣется*).

Павловъ. Его признанія (*съ паѳосомъ*) поднимаютъ цѣлую бурю въ вашей душѣ...

Юлія (*въ сторону*). Это онъ изъ моего письма!

Павловъ. Вы жалѣете, что не встрѣтились съ нимъ раньше... Какъ это у васъ сказано? (*Декламируетъ*). „О! зачѣмъ не встрѣтила я васъ, когда была свободна!..“ Такъ кажется?

Юлія. Да перестаньте-же наконецъ!

Павловъ. А дальше. (*Декламируетъ*). „Я васъ люблю, къ чему лукавить? Но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна...“ Да нѣтъ, что же я! Это изъ „Евгенія Онѣгина“, а не изъ вашего письма. У васъ это прозой сказано. Но точно такъ же возвышенно и прекрасно. Да и понятно, господинъ Балавинъ не могъ не вдохновить васъ своею любовью, вы для него лучезарная звѣзда...

Явленіе XI.

Тѣ-же и Балавинъ.

Вмѣстѣ { **Юлія** (*въ сторону*). Опять онъ! **Павловъ** (*въ сторону*). Прилетѣлъ! И въ какомъ видѣ! (*Отходитъ къ окну*).

Юлія (*запальчиво*). Зачѣмъ вы пришли?

Балавинъ (*взволнованъ, не замѣчаетъ Павлова*). Я пришелъ васъ предупредить.... (*Понижаетъ таинственно голосъ*). Вашъ мужъ здѣсь... онъ остановился въ гостиницѣ... я сейчасъ нашелъ у себя его карточку.

Юлія (*запальчиво*). Я вамъ запретила показываться мнѣ на глаза.

Павловъ (*въ сторону*). Точно съ цѣпи сорвался!

Балавинъ. Вы меня обманули, вы мнѣ сказали, что въ письмѣ вашемъ нѣтъ никакихъ нѣжностей... я успокоился... а теперь оказывается...

Юлія (*внѣ себя*). Да оставите-ли вы меня въ покоѣ! Вотъ наказаніе-то!

Балавинъ. Да-съ, именно наказаніе. Наказаніе за вашу опрометчивость! То, чего я боялся, случилось: вашъ мужъ вызываетъ меня для объясненій...

Юлія. Уйдете-ли вы наконецъ?

Балавинъ. Вотъ посмотрите сами, если не вѣрите... (*Вынимаетъ карточку и читаетъ*). „Остановился въ гостиницѣ у Краснаго моста...“ (*Мѣняя тонъ на умоляющій*). Ну, скажите же мнѣ, скажите откровенно, что было въ этомъ несчастномъ письмѣ?

Павловъ (*въ сторону*). Да онъ препотѣшный!

Юлія (*внѣ себя*). Я вамъ повторяю, что ненавижу васъ и презираю.

Павловъ (*въ сторону*). Ого!

Балавинъ. Это я ужъ слышалъ. А еще что? Припомните пожалуйста, все припомните!

Юлія. Вы... дуракъ и нахалъ! (*Падаетъ въ кресло и рыдаетъ*).

Балавинъ (*подступаетъ къ ней*). Правда? Вы говорите правду?

Павловъ (*выступаетъ на авансцену*). Правда, Дмитрій Ивановичъ, правда, будьте спокойны.

Балавинъ (*въ сторону отступая въ изумленіи*). Онъ былъ тутъ! (*Вслухъ*). Иванъ Николаевичъ... я.... тутъ вышло недоразумѣніе.... (*Все дальше отступаетъ къ двери*).

Павловъ. Именно недоразумѣніе. Письмо это было вовсе не для васъ написано... (*Оглядывается на Юлію, которая срывается съ мѣста и бѣжитъ къ нему*).

Юлія. О, да! вовсе не для него! Оно было написано...

Павловъ (*пригибаясь къ ней съ улыбкой, тихо*). Для меня?

Балавинъ (*въ сторону*). Однако.... это чортъ знаетъ что за положеніе! Они, кажется, смѣются надо мною... (*Юлія прижимается къ мужу*).

Юлія (*нѣжно и тихо мужу*). Да, для тебя!

Балавинъ (*въ сторону*). Я этого не потерплю!

Павловъ (*женѣ, тихо*). Чтобъ возбудить мою ревность?

Балавинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, я этого не допущу... я... я... лучше уйду. (*Уходитъ быстро*).

Явленіе XII.

Юлія и Павловъ.

Павловъ (*обнимая жену*). Чтобъ заставить меня объясниться тебѣ въ любви?

Юлія. Да, да, только для этого! Только для этого.

Павловъ. Ну, и я тоже только для этого сочинилъ мой романъ. И какъ видишь, онъ мнѣ лучше удался, чѣмъ тебѣ — ты ему повѣрила.

Занавѣсъ.

Литературно-критическія миніатюры.

Поэмы Пушкина.

Поэтическія произведенія достигаютъ различными способами — различныхъ цѣлей. Если лирическія стихотворенія имѣютъ своею задачею передать читателю душевныя состоянія поэта, а чрезъ то и наиболѣе сильныя и характерныя душевныя состоянія его современниковъ, то „эпосъ“, произведенія эпическія, напротивъ, стремятся изобразить жизнь въ ея общемъ теченіи, въ дѣйствіи, со всѣми ея подробностями. Отсюда само собою ясно, что лирическое произведеніе будетъ тѣмъ выше, чѣмъ оно ярче изобразитъ личную душевную жизнь поэта, т. е. чѣмъ оно „субъективнѣе“, а произведеніе эпическое (поэма, романъ, повѣсть и пр.) будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ вѣрнѣе и независимѣе отъ настроенія автора оно отразитъ дѣйствительную жизнь, т. е. чѣмъ оно будетъ „объективнѣе“. Когда поэтъ вамъ изображаетъ свое личное чувство и настроеніе, вы его, конечно, и ищете въ произведеніи; а когда поэтъ изображаетъ вамъ жизнь, для васъ важнѣе не то, какъ поэтъ смотритъ на нее, а какова она есть въ дѣйствительности; и чѣмъ проще и вѣрнѣе отразилась въ душѣ поэта и передана имъ дѣйствительность, тѣмъ и изображеніе ея поучительнѣе и важнѣе для читателя. Въ наше время, впрочемъ, всѣ подобныя раздѣленія поэзіи на роды утратили въ значительной степени свою силу.

Но ко временамъ Пушкина вошелъ въ обычай, въ моду, если хотите, особый родъ эпоса, небольшія „поэмы“, формы и содержаніе которыхъ были превосходно разработаны Байрономъ. И эти „поэмы“ въ сущности совершенно отступили отъ цѣлей и обычнаго до того времени содержанія „эпическихъ“ произведеній. Сжатыя и сильныя изображенія какого-нибудь факта—жизненнаго или возникшаго въ воображеніи поэта—въ такихъ поэмахъ принимали характеръ не простой передачи ихъ, а скорѣе изложенія чувствъ и мыслей автора по поводу ихъ. „Поэмы“ въ сущности были распространенными лирическими произведеніями,—субъективность, личное настроеніе авторовъ, было въ нихъ совершенно необходимымъ свойствомъ, безъ котораго и само произведеніе не имѣло-бы значенія. Возьмемъ, напр., „Кавказскій плѣнникъ“, Пушкина. Изображенія дѣйствительности, собственно, тутъ нѣтъ и быть не могло; голое описаніе того, что русскій попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и освободился

благодаря любви къ нему черкешенки, не представляло бы интереса; а слѣдовательно, главное содержаніе всей этой поэмы только и заключается въ горячемъ чувствѣ автора ея, вызванномъ этимъ столкновеніемъ равнодушія и разочарованной пресыщенности образованнаго европейца съ непосредственнымъ, живымъ и сильнымъ чувствомъ дикарки, воспитаннымъ на почвѣ естественной жизни среди природы.

Въ русской литературѣ Пушкинъ является, строго говоря, единственнымъ геніальнымъ представителемъ этого рода поэзіи; только у него „поэмы" достигаютъ той силы и выразительности чувства, безъ которой „поэма" перестаетъ быть значительною, и если можно назвать рядъ хорошихъ произведеній этого рода, созданныхъ русскими поэтами, то ихъ источникъ, первообразъ ихъ формъ и содержанія—въ непревзойденныхъ ими поэмахъ Пушкина.

Какъ извѣстно, Пушкинымъ, въ теченіе его недолгой, но плодотворной жизни, написаны поэмы: „Русланъ и Людмила" (въ 1817—20 г.), „Кавказскій плѣнникъ" и „Братья-разбойники" (1821), „Бахчисарайскій фонтанъ" (1822), „Цыганы" (1824), „Полтава" (1828) и „Мѣдный всадникъ" (1833). Это—списокъ только самыхъ крупныхъ и значительныхъ поэмъ; въ него не вошли шуточные, хотя и превосходные стихотворные разсказы „Графъ Нулинъ" и „Домикъ въ Коломнѣ", да болѣе мелкія вещи, какъ „Галубъ" и т. п., которыя по своему характеру могутъ быть отнесены къ „поэмамъ". Посмотримъ теперь, что же сказалъ Пушкинъ каждою изъ этихъ своихъ поэмъ.

„Русланъ и Людмила" написана Пушкинымъ еще въ пору его юности и крайней молодости его геніальнаго таланта. Обыкновенно произведенію этому и не придаютъ особаго значенія; говорятъ, что это—прелестная вещь, но что-то въ родѣ „шалости". Нѣтъ болѣе странной ошибки: „Русланъ и Людмила", какъ бы содержаніе этой поэмы ни казалось несерьезнымъ, играетъ весьма большую роль и въ исторіи нашей литературы, и, такъ сказать, для нашего настоящаго момента. Какъ мы выше выяснили, „поэмы" совсѣмъ не эпическія произведенія въ точномъ смыслѣ, а занимаютъ середину между произведеніями лирическими и эпическими. Вся разница между лирическимъ стихотвореніемъ и „поэмой" Пушкинской, въ отношеніи отраженія въ нихъ личности поэта, заключается въ томъ, что въ лирическихъ стихотвореніяхъ отражаются мимолетныя, преходящія, противоположныя другъ другу и смѣняющія другъ друга настроенія, а въ болѣе крупной по объему поэмѣ отражается настроеніе поэта болѣе общее, болѣе постоянное направленіе его ума и чувства. Но если мы будемъ искать въ „Русланѣ и Людмилѣ" такого общаго настроенія, то тотчасъ найдемъ его: въ широкомъ и яркомъ теченіи, оно захватываетъ нашу душу невольно и *учитъ* насъ, не давая сознавать и ощущать этого. Дѣло въ томъ, что въ „Русланѣ и Людмилѣ", конечно, не нужно искать ни какихъ-либо отвлеченныхъ идей, поучительныхъ мыслей, ни отраженія дѣйствительности,—ничего подобнаго. Но въ этой поэмѣ есть нѣчто болѣе важное, — въ ней „русскій духъ", въ ней „Русью пахнетъ", какъ сказалъ самъ Пушкинъ въ „прологѣ", приписанномъ имъ къ поэмѣ позже, въ 1828 г. Дѣйствительно, нѣтъ въ русской литературѣ ничего болѣе „русскаго", ничего такого, гдѣ бы болѣе „Русью пахло", тою сказочною Русью, которая отражаетъ мечты народныя. И если простыя сказки, не смотря на то, что въ нихъ тоже нѣтъ ни дѣйствительности, ни прямо бросающихся въ глаза „идей", мыслей, — такъ могущественно воспитательно дѣйствуютъ на душу, то такое же вліяніе обнаруживала и обнаруживаетъ понынѣ „Русланъ и Людмила". Современники не даромъ встрѣтили появленіе поэмы съ такимъ восторгомъ; до нея „Русью не пахло" въ русской литературѣ, и понынѣ читающее юношество учится въ поэмѣ тому неуловимому „родному русскому" настроенію, которое въ мысль и чувство вноситъ свой живой и дѣятельный элементъ. И позже Пушкина никто не возвышался до подобной поэмы. Конечно, подобное произведеніе было дѣломъ въ то время слишкомъ новымъ и необыкновеннымъ, и неудивительно найти въ немъ слѣды вліяній европейскихъ (напр. Аріоста).

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" и въ „Цыганахъ" мы находимъ настроеніе, навѣянное Байрономъ. Англійскій поэтъ, разочарованный въ силѣ своей родной цивилизаціи, естественно отражалъ это настроеніе въ своихъ великихъ произведеніяхъ съ тою искренностью и увлеченіемъ, которыя увлекли за нимъ много поэтическихъ силъ Европы. Въ Россіи собственно и не было ни того просвѣщенія, которое зналъ въ своей странѣ Байронъ, ни тѣхъ золъ, которыя вызывали его горькіе и страстные протесты; но за то все наше образованіе тогда шло такимъ образомъ, что не способствовало знанію русской дѣйствительности, а напротивъ сближало съ душевною жизнью чуждыхъ народовъ. Въ обществѣ появлялись даже и разочарованные,—не окружающею ихъ картиной русской жизни, которой они не знали, а такъ-сказать безпредметно, по примѣру европейцевъ. Естественно, что великій русскій поэтъ, подъ вліяніемъ Байрона, отразилъ это свое и общее настроеніе въ своихъ названныхъ поэмахъ. Но русское чувство, чувство „русскаго духа", съ такой силой выразившееся въ „Русланѣ и Людмилѣ", спасало Пушкина отъ простой подражательности въ изображеніи характеровъ разочарованныхъ героевъ: и Кавказскій плѣнникъ, и Алеко въ „Цыганахъ"—не французы, не англичане, не нѣмцы, а русскіе люди, отражающіе не западно-европейское разочарованіе, а просто скорѣе раздумье передъ тѣмъ, нѣтъ ли въ приходившей на нашу родину образованности европейской такихъ свойствъ, которыя уступаютъ въ нравственности и правдѣ самымъ примитивнымъ нравамъ простой, естественной жизни какихъ-нибудь черкесовъ или цыганъ. Въ молодомъ обществѣ, каково русское, еще начинавшемъ дѣло своего образованія, только такое раздумье и могло возникнуть подъ вліяніемъ Байрона и европейскихъ разочарованій вообще.

Но рядомъ съ этими навѣянными содержаніями, Пушкинъ началъ создавать и другія, которыя показывали здоровый ростъ мысли въ направленіи живомъ, ничего общаго съ разочарованностью не имѣвшемъ. Въ одномъ году съ „Кавказскимъ плѣнникомъ" Пушкинъ написалъ „Братья-разбойники", а въ слѣдующемъ—„Бахчисарайскій фонтанъ", въ которыхъ преобладаютъ простыя человѣчныя мысли. Въ „Братьяхъ-разбойникахъ" Пушкинъ съ удивительною силой таланта показалъ намъ душу разбойника въ ея сущности, а не въ звѣрскихъ проявленіяхъ; показалъ, что и въ ней „дремлетъ совѣсть", которая „проснется въ черный день". И опять Пушкинъ въ этой области простой человѣчной мысли почти не имѣетъ предшественниковъ, имѣя столько послѣдователей. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ"—въ другой формѣ, но гуманная же мысль, вызываемая трагическими событіями, созданными страстями человѣческими.

И что всего поразительнѣе въ Пушкинѣ, что показываетъ всю необычайную великость его генія,—въ этихъ разнообразныхъ темахъ, которыя онъ избираетъ, онъ остается всюду свободенъ и простъ. Берется онъ описать бытъ кавказскаго горца—и передъ читателемъ развертывается прелестная, исполненная жизни картина, если и не полная (не могъ же Пушкинъ знать подробно бытъ черкесовъ!), то рѣшительно запечатлѣнная духомъ именно кавказской жизни, носящая *ея* характеръ и ничей другой. Восточный-ли гаремъ передъ нами съ его повелителями—и передъ вами *та* жизнь, не русская, и не иная, а именно жизнь гарема, опять не полная, но съ ея особенностями. Цыганы-ли передъ вами — и ихъ именно духъ и характеръ возникаютъ передъ вашими умственными очами.

„Полтава" и „Мѣдный всадникъ" показываютъ намъ Пушкина, въ пору зрѣлости его ума и таланта, проникнутымъ думами о родинѣ, о будущности и прошломъ нашего отечества. Мы видимъ воочію величавый геній преобразователя нашей жизни, Великаго Петра, въ великомъ созданіи Пушкина — „Полтава". Подвигъ великаго царя, конечно, былъ и не могъ не быть связанъ со страшными жертвами, которыхъ онъ требовалъ во имя будущаго. Во времена Пушкина уже являлось осужденіе великаго преобразователя якобы за страданія народа, которыми сопровождались пріобрѣтенія моря и благъ цивилизаціи, образованности европейской. И вотъ, въ „Мѣдномъ всадникѣ" этотъ протестъ противъ Петра, по поводу бѣдствія, въ которомъ онъ играетъ роль косвенно виновнаго, — представляется безумнымъ заблужденіемъ; оно наказывается страшною иллюзіей — страхами передъ скачущимъ мѣднымъ великаномъ, памятникомъ Петра...

Въ поэмахъ Пушкина мы видимъ послѣдовательный ростъ его идей, постепенный переходъ отъ западно-европейскихъ вліяній къ своему, русскому. Тотъ „русскій духъ", который сказался въ поэтѣ вначалѣ, въ „Русланѣ и Людмилѣ", получилъ полное преобладаніе и въ концѣ его поэтической дѣятельности.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Церковь гетмана Мазепы въ селѣ Ивановскомъ (Курской губ.). (Рис. на стр. 985).

Едва-ли найдется еще одинъ дѣятель новѣйшей исторіи, съ именемъ котораго было-бы связано столько легендъ, какъ съ преданнымъ церковному проклятію именемъ измѣнника Мазепы. Насколько легендарно самое появленіе его на Украйнѣ, куда онъ будто бы занесенъ былъ нагой и привязанный на спинѣ дикой лошади, въ наказаніе за измѣну и оскорбленіе чести какого-то вельможнаго польскаго пана, при дворѣ короля Іоанна-Казиміра, у котораго онъ служилъ пажемъ по окончаніи своего воспитанія іезуитами въ Варшавѣ, — настолько же легендарна и смерть его: по однимъ преданіямъ, онъ умеръ въ Бендерахъ отъ яда, который принялъ, узнавъ, что Петръ I, послѣ бѣгства Мазепы изъ-подъ Полтавы въ Турцію, требуетъ его выдачи у султана; по другимъ преданіямъ, онъ нѣсколько лѣтъ спустя пришелъ подъ чужимъ именемъ въ Кіевскую лавру и долго прожилъ тамъ въ иночествѣ и подвигахъ покаянія, открывъ свое имя лишь духовнику предъ смертью. За-то несомнѣнно извѣстно, что родился онъ въ селѣ Мазенинцахъ, Кіевской губерніи, близъ Бѣлой Церкви, въ семьѣ издавна жившей въ Малороссіи. Путемъ различныхъ происковъ

Аннамо-Тонкинскій павильонъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

Перекатный мостъ Бона и Люстремона во „дворцѣ машинъ“ на Парижской всемірной выставкѣ. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

и доносовъ, между прочимъ на благодѣтеля своего, гетмана Самойловича, у котораго онъ былъ учителемъ дѣтей, Мазепа достигъ высокаго положенія и въ 1687 году былъ сдѣланъ гетманомъ Малороссіи. Осыпанный милостями Петра за Азовскіе походы, гетманъ былъ страшно богатъ. Въ числѣ прочихъ владѣній, ему принадлежало и село Ивановское, Курской губ., Льговскаго уѣзда, впослѣдствіи, послѣ измѣны гетмана, пожалованное Меньшикову за взятіе Батурина, а въ послѣдніе годы находившееся во владѣніи кн. А. И. Барятинскаго. Построеніе церкви въ этомъ селѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ, приписывается Мазепѣ.

Шахъ-Джеганъ на пути изъ великой мечети въ Дели. (Рис. на стр. 988).

Дели — главный городъ цѣлаго округа въ 264 квадратныя мили поверхности, съ почти двухмилліоннымъ населеніемъ — лежитъ въ индійской провинціи Пенджабъ. Нѣкогда величайшій городъ Индіи, Дели еще къ концу XVII вѣка превосходилъ величиною и числомъ жителей — Лондонъ, теперь-же сильно опустѣлъ и опустился, но все еще является однимъ изъ самыхъ значительныхъ индійскихъ городовъ и, вслѣдствіе своихъ замѣчательныхъ развалинъ, носитъ названіе „азіатскаго Рима“. Нынѣшній Дели, основанный шахомъ Джеганомъ, насчитываетъ 173,000 жителей, изъ которыхъ больше половины индусовъ, а остальную часть составляютъ магометане. Онъ расположенъ на правомъ берегу Джамны, нѣсколько выше стараго Дели или Индрапраста. Шахъ Джеганъ, основатель новаго Дели, царствовалъ съ 1628 по 1658 годъ. Изъ многихъ замѣчательныхъ сооруженій шаха въ Дели, особеннаго вниманія достойны дворецъ великаго могола и великая мечеть. Нашъ рисунокъ изображаетъ выѣздъ славнаго владыки изъ этого великолѣпнаго зданія. Великая мечеть или мечеть Джамны—лучшая изъ 40 мечетей Дели. Она возвышается на четыреугольномъ фундаментѣ, вышиною болѣе 13 аршинъ, шириною и длиною болѣе 65 саженъ, построенномъ изъ краснаго песчаника. Сама мечеть сооружена изъ того-же камня и бѣлаго мрамора.

Къ главному входу ведетъ широкая и великолѣпная лѣстница, по обѣимъ сторонамъ которой расположены 5 другихъ входовъ. Крышу мечети составляютъ 3 мраморныхъ купола, бѣлыхъ съ черными полосами. На каждомъ углу возвышается по минарету въ 21 сажень высоты.

Изображеніе этого чудеснаго зданія, при живописной обстановкѣ поѣзда шаха Джегана, и послужило содержаніемъ для прекрасной картины американскаго художника Э. Л. Викса. Виксъ родился въ 1849 году въ Бостонѣ, и, подобно многимъ изъ своихъ соплеменниковъ, обучался живописи въ Парижѣ, подъ руководствомъ Жерома и Бонна. Пропутешествовавъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Востоку, онъ черпаетъ изъ этого неизсякаемаго источника, всегда интереснаго для европейцевъ, темы для произведеній своей талантливой кисти.

У парома. (Рис. на стр. 989).

Обычная сцена по тѣмъ русскимъ трактамъ, которыхъ не коснулись еще желѣзныя дороги. На берегу рѣки, у большаго, повидимому торговаго села, остановилась тройка съ проѣзжающимъ по казенной надобности офицеромъ, дожидаясь переправы. Одинъ изъ паромщиковъ подаетъ голосъ на другой берегъ, гдѣ замѣшкался паромъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 993).

Заграницей встрѣчается не мало талантливыхъ художниковъ извѣстныхъ какъ искусные рисовальщики красивыхъ женскихъ головокъ. Но среди русскихъ живописцевъ, кромѣ К. Е. Маковскаго и Харламова, едва-ли кого можно поставить въ этомъ родѣ живописи рядомъ съ Чумаковымъ, произведенія котораго уже не разъ появлялись на страницахъ *Нивы*. Каждый его рисунокъ или этюдъ какъ-будто служитъ иллюстраціей къ тому или другому образу, воспѣтому поэтомъ или описанному писателемъ. Такъ и помѣщенный на стр. 993 этюдъ Чумакова прекрасно передаетъ кистью стихи Лермонтова:

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана...

Поздравители. (Рис. на стр. 996).

Художникъ Джонъ Фредъ Энгель, по происхожденію нѣмецъ, съ дѣтства переселившійся въ Сѣверную Америку, извѣстенъ какъ даровитый изобразитель сценъ изъ охотничьей или рыбачьей жизни. Нѣкоторая мягкость и гладкость его кисти несовсѣмъ шла къ суровымъ фигурамъ рыбаковъ и крестьянъ; зато она оказалась какъ нельзя болѣе умѣстною въ его картинѣ, помѣщенной на стр. 996. На ней изображены двое дѣтей, изъ богатой и знатной семьи, начала нынѣшняго вѣка, собирающихся войти по круглымъ ступенямъ увеселительнаго замка въ стилѣ рококо, чтобы принести владѣтельницѣ его поздравленіе. Какъ мила маленькая дѣвочка, въ длинномъ шелковомъ платьѣ съ широкимъ шарфомъ, съ букетомъ въ рукѣ, боязливая въ виду предстоящаго принесенія пожеланій и вся сосредоточенная на тѣхъ словахъ, какимъ ее научили! Братъ ея болѣе спокоенъ и увѣренъ. Съ легкимъ покровительствомъ онъ старается ободрить свою трусливую сестричку.

На лазу. (Рис. на стр. 997).

Лазомъ у псовыхъ охотниковъ называется то мѣсто, по которому всего вѣроятнѣе побѣжитъ изъ лѣсу звѣрь, выгнанный оттуда гончими. Такихъ лазовъ бываетъ нѣсколько — это проложенныя звѣремъ тропы, по которымъ онъ ходитъ кормиться, на водопой и т. п. Гонимый гончими, звѣрь всегда выбираетъ одну изъ привычныхъ ему дорогъ, почему такъ-называемые лазы и занимаются охотниками въ самомъ началѣ охоты, какъ только гончія пущены въ островъ (отдѣльно стоящій лѣсъ). Рисунокъ г. Кившенко изображаетъ такого охотника, насторожившагося въ ожиданіи звѣря и готоваго спустить борзыхъ.

Аннамо-Тонкинскій павильонъ Парижской выставки 1889 г. (Рис. на стр. 1001).

Ничего не можетъ быть живописнѣе этого павильона, облицованнаго разноцвѣтнымъ фаянсомъ, съ громадными полукруглыми окнами, черепичными крышами, приподнятыми по угламъ на китайскій ладъ, и громадными дверями изъ рѣзнаго дерева. Центръ четырехугольнаго павильона занимаетъ дворъ, на которомъ высится колоссальная статуя Будды въ двѣ сажени вышины, отлитая въ Ганоѣ (Китай) въ половинѣ XVII в. Одна изъ дверей, какъ-бы охраняемая двумя громадными каменными драконами, ведетъ въ Тонкинскій отдѣлъ, коего стѣны и потолокъ покрыты драгоцѣнными тканями и коврами или расшитыми причудливымъ узоромъ шелковыми матеріями; въ воздухѣ качаются огромные китайскіе фонари, испещренные надписями. По лѣвую сторону выставлена мебель съ инкрустаціей изъ слоновой кости. Далѣе—бронза. Посрединѣ залы—*жертвенникъ предковъ* богатаго семейства. По правую сторону—*курильня опіума* со всею обстановкой. Далѣе лакированныя издѣлія; образчики различныхъ сортовъ дерева и хлопка.

Въ задней галереѣ—рѣзное дерево, цѣлые трофеи различнаго тонкинскаго оружія, паланкины и т. п.

Въ послѣдней галереѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя коллекція туземныхъ судовъ—джонокъ, сампановъ и проч.

Перекатный мостъ во „дворцѣ машинъ“ на Парижской выставкѣ 1889 г. (Рис. на стр. 1001).

Публика Парижской выставки съ удовольствіемъ переносится изъ конца въ конецъ „дворца машинъ“ на перекатныхъ мостахъ, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ. И въ самомъ дѣлѣ, далеко не все равно: пѣшкомъ или въ этомъ оригинальномъ экипажѣ совершить прогулку по колоссальной галереѣ въ 200 саженъ, на протяженіи коихъ разставлены всѣ чудеса механики. Кромѣ того, образованная часть публики испытываетъ особенное удовольствіе при мысли о томъ, что движущею силою въ этомъ воздушномъ путешествіи является электричество, передача энергіи коего на дальнее разстояніе — эта недавно еще задача будущаго — нынѣ разрѣшена въ обширныхъ размѣрахъ.

Подвижные мосты играютъ большую роль на нынѣшнихъ машиностроительныхъ заводахъ. Для удовлетворенія постоянно возрастающихъ потребностей промышленности, инженеры все увеличиваютъ размѣры различныхъ машинъ и ихъ частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же пропорціи расширяются и размѣры мастерскихъ, въ которыхъ онѣ вырабатываются, и какое-нибудь громадное колесо, начиная съ его отливки и кончая полировкой, должно совершить цѣлое путешествіе по мастерской, переходя въ процессѣ выработки отъ одной машины — строгающей его, къ другой — сверлящей, третьей—выравнивающей втулку, и т. д. Первая забота машиностроителя при этомъ заключается въ томъ, чтобы обработываемая часть, подвигаясь съ одного конца мастерской на другой, не возвращалась на пути своемъ обратно, во избѣжаніе потери времени и силы, а также пересѣченіи пути другимъ частямъ за нею слѣдующимъ. При передвиженіи частей незначительной величины и малаго вѣса, легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто, установить такой порядокъ легко; при крупныхъ и тяжеловѣсныхъ частяхъ для передвиженія ихъ требуются различныя механическія приспособленія, какъ-то: рельсы, подъемные краны, перекатные мосты и т. п.

Устройство и размѣры перекатныхъ мостовъ весьма различны. Небольшіе могутъ быть передвигаемы силой одного человѣка, для болѣе значительныхъ до сихъ поръ требовались паровыя машины, наконецъ на Парижской выставкѣ примѣнено для этой цѣли электричество. Самый мостъ можетъ быть устроенъ на высокихъ устояхъ, которые двигаются по рельсамъ на полу мастерской; или занимая всю ширину поперекъ мастер-

ской, двигается на колесахъ по продольнымъ балкамъ; или наконецъ, какъ на Парижской выставкѣ, гдѣ для передачи движенія трансмиссіонныя балки тянутся въ нѣсколько рядовъ вдоль галереи, эти балки могутъ служить и рельсами для моста.

Во „дворцѣ машинъ“ четыре ряда трансмиссіонныхъ балокъ, поддерживаемыхъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, литыми металлическими колоннами (на рисункѣ видно только два ряда, на которыхъ и двигается мостъ съ публикой). Г. Вигрё, завѣдующій механическою и электрическою службами на выставкѣ, возымѣлъ счастливую мысль воспользоваться этими балками для устройства на нихъ подвижныхъ мостовъ, которые первоначально должны были служить для передвиженія и установки различныхъ машинъ, доставляемыхъ на выставку экспонентами. Два моста, построенные одинъ гг. Бономъ и Люстремономъ, а другой—Базаномъ, Межи и Экеверріа, имѣютъ не менѣе 8 саженъ длины (между рельсами) и $2^1/_2$ саженъ ширины, представляя такимъ образомъ поверхность въ 20 квадратныхъ саженъ. Естественнымъ образомъ, по установкѣ машинъ, явилась мысль воспользоваться этими мостами для того чтобы катать публику съ одного конца галереи на другой, на высотѣ четырехъ саженъ надъ поломъ галереи, для болѣе удобнаго обзора ея сокровищъ.

На нашемъ рисункѣ видны 32 человѣка, совершающіе одновременно такую воздушную прогулку, между тѣмъ какъ другая толпа въ 27 человѣкъ дожидается своей очереди на платформѣ.

Князь-Владимірскій соборъ. (Рис. на стр. 1004).

Еще верстъ за десять отъ Петербурга со стороны взморья, среди очертаній столицы, въ сѣверо-восточной ея части, рѣзко предъ глазами выдѣляется стройная бѣлая колокольня съ голубымъ куполомъ. Это колокольня Князь-Владимірскаго собора, одного изъ старинныхъ памятниковъ столицы, находящагося на Петербургской сторонѣ, на берегу малой Невы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ соборъ, въ 1712 году, среди болотъ и лѣсовъ, была заложена, по повелѣнію Петра Великаго, мазанковая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, съ двумя придѣлами, во имя Св. Николая и Предтечи Господня Іоанна. Въ 1719 году церковь была освящена сподвижникомъ Петра I—Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и наименована соборомъ. Великій основатель Петербурга любилъ посѣщать этотъ храмъ и нерѣдко самъ участвовалъ въ богослуженіи на клиросѣ.

Неблагопріятныя климатическія условія, частыя наводненія разрушительно дѣйствовали на непрочную мазанковую постройку, и церковь сравнительно быстро пришла въ ветхость. Необходимость храма въ этой мѣстности вынудила императрицу Анну Іоанновну заложить новый храмъ, который и былъ заложенъ въ 1740 г. около старой церкви.

Но смерть Анны Іоанновны и тяжелое правленіе Бирона помѣшали дальнѣйшей постройкѣ, и только въ царствованіе Елисаветы Петровны храмъ былъ доведенъ до куполовъ. Съ этого времени постройка опять осталась забытою до царствованія Екатерины II, которая, обративъ на все вниманіе, поручила достроить соборъ, по чертежамъ архитектора Ринальди, полковнику Дьякову.

12 іюня 1772 г. старая церковь сгорѣла, отчасти повредивъ и новую, которая была вскорѣ исправлена и 1 октября 1789 г. освящена, но уже не въ честь Успенія Пресвятой Богородицы, а во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Соборъ снаружи представляетъ собою величественное зданіе, византійской архитектуры, въ Елисаветинскомъ стилѣ, и своими размѣрами, а также и легкостью архитектуры, превосходитъ подобныя ему постройки. Украшенный пятью главами, изъ которыхъ высота главной достигаетъ 21 саж., а колокольня 27 саж., храмъ вмѣщаетъ въ себѣ 3000 богомольцевъ. Свѣтлое, радостно-молитвенное настроеніе духа возбуждаетъ внутренность собора, устроенная въ стилѣ Возрожденія, а прекрасный резонансъ, во время служенія, дополняетъ это впечатлѣніе.

До 1873 года окружающая мѣстность представляла жалкій видъ, а частая прибыль воды, доходившая до стѣнъ собора, дала храму въ народѣ названіе „Николы мокраго“. Но въ 1873 году, стараніями покойнаго настоятеля-протоіерея Алексѣя Свѣтлова, окружающая мѣстность поднята, обращена въ прекрасный скверъ, а соборъ обнесенъ металлическою рѣшеткою.

Изъ древностей, находящихся въ соборѣ, между прочимъ замѣчательны: Евангеліе, напечатанное въ 1697 году, при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, благословеніемъ послѣдняго патріарха Адріана; Евангеліе, напечатанное въ 1689 г., въ большой александрійскій листъ, въ серебряно-вызолоченныхъ доскахъ, жертвованіе императрицы Елисаветы Петровны.

Икона Иверскія Божія Матери, списанная съ чудотворной иконы, находящейся на Аѳонѣ.

Въ иконостасѣ находятся 2 иконы замѣчательной работы: Спасителя и Успенія Божіей Матери, въ серебряныхъ ризахъ, цѣною около 8 тысячъ рублей, пожертвованныхъ, какъ говорятъ, графиней Орловою-Чесменскою.

Люстра въ древнемъ византійскомъ стилѣ и проч.

22 сентября соборъ ежегодно празднуетъ день учрежденія кавалерскаго ордена Св. Князя Владиміра, а въ прошломъ 1888 году въ немъ столица торжественно праздновала день 900-лѣтія крещенія Руси. 1 октября настоящаго года исполняется столѣтіе со дня освященія собора. **А. Зыбинъ.**

Шарль Леру. (Рис. на стр. 1005).

12 сентября телеграфъ принесъ изъ Ревеля извѣстіе, что извѣстный воздухоплаватель Шарль Леру при благопріятной погодѣ поднялся на высоту до 5,000 футовъ, причемъ въ моментъ спуска сильный морской вѣтеръ, незамѣтный на мѣстѣ поднятія шара, погналъ шаръ и парашютъ въ море, Леру упалъ въ воду вмѣстѣ съ парашютомъ и утонулъ.

Въ половинѣ минувшаго лѣта Шарль Леру прибылъ въ Россію и въ различныхъ городахъ совершалъ свои отчаянные прыжки съ воздушнаго шара. Достигнувъ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ, онъ сбрасывался внизъ держась за парашютъ, благодаря которому и опускался благополучно на землю.

Парашютъ, т. е. родъ зонта для задержки быстраго паденія (parer à chute) былъ извѣстенъ воздухоплавателямъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Изобрѣтеніе его относятъ къ 1784 году и первый публичный опытъ съ парашютомъ былъ произведенъ въ 1797 году Гарнереномъ (Garnerin). Но неудачное примѣненіе прибора и нерѣдко печальный исходъ паденія съ парашютомъ заставили, было, отказаться отъ него. Лишь изрѣдка отчаянные попытки примѣнить парашютъ, въ томъ или другомъ видѣ, вызывали его изъ забвенія. Въ недавнее время цѣлый рядъ удачныхъ опытовъ паденія съ парашютомъ Т. С. Балдвина снова обратилъ на этотъ приборъ вниманіе воздухоплавателей. Опыты Балдвина были описаны въ № 50 *Нивы* за 1888 годъ. Кромѣ этого смѣльчака и другія лица начали публично показывать свои головоломные прыжки съ воздушнаго шара на землю при помощи парашюта. Въ ихъ числѣ былъ и Шарль Леру. Уроженецъ города Вартерберга въ сѣверо-американскомъ штатѣ Конектикутъ, онъ еще въ 1887 году задумалъ спускаться подъ парашютомъ съ воздушнаго шара. Но его затѣя была встрѣчена вначалѣ съ недовѣріемъ, и фабрикантъ, къ которому онъ обратился съ заказомъ парашюта, принялъ его за сумасшедшаго. Тѣмъ не менѣе ему удалось осуществить свою мечту, и до прибытія въ Россію онъ совершилъ болѣе 200 полетовъ.

Въ Россію Шарль Леру былъ приглашенъ г. Парадизомъ, который и завѣдывалъ устройствомъ его полетовъ. Объѣхавъ много городовъ, онъ прибылъ въ Ревель, чтобы совершить 12 сентября свой 238-й полетъ. По словамъ очевидцевъ, погода была прекрасною. Когда шаръ, вмѣщающій до 14,000 кубич. футовъ, былъ наполненъ (около половины пятаго) 11,000 кубич. футовъ газа, было найдено возможнымъ приступить къ полету, и Леру въ присутствіи громаднаго числа зрителей, сидя на трапеціи подъ шаромъ, слегка покачиваясь, быстро взлетѣлъ на воздухъ. Достигнувъ послѣ $2^1/_2$ минутъ высоты около 5,000 футовъ (хотя по вычисленіямъ знающихъ людей разстояніе отъ земли не достигало и 2,000)—Леру, держась за веревки парашюта, сбросился внизъ и вскорѣ послѣ того парашютъ распустился. Вначалѣ онъ опускался вертикально, но затѣмъ его начало раскачивать и качанія эти настолько были сильны, что иногда Леру, вмѣстѣ съ парашютомъ, принималъ горизонтальное положеніе. Послѣ 5 минутъ онъ приблизился къ поверхности воды. Къ мѣсту его спуска направились лодки, но воздухоплавателя нигдѣ не было видно, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ былъ отличный пловецъ и предпочиталъ опускаться въ воду, какъ менѣе опасное паденіе. Въ это время прибылъ въ городъ купецъ Беръ, который сообщилъ ужасное извѣстіе, что Леру потонулъ. Находясь на берегу у Екатериненталя, онъ видѣлъ, что Леру, опускаясь въ разстояніи около версты отъ него, отъ сильнаго раскачиванія ударился о воду съ такою силою что брызги взлетѣли сажени на 3—4 въ высоту, и затѣмъ болѣе не появлялся на поверхности моря. Всѣ поиски въ тотъ день были тщетными, и только 13 сентября нашли тѣло несчастнаго Леру на глубинѣ 2 саженъ. На тѣлѣ не было замѣтно никакихъ особенныхъ повреждeній. Нѣсколько согнутыя ноги и приподнятыя руки придавали умершему видъ человѣка собирающагося спрыгнуть съ парашюта. Вскрытіе тѣла показало, что Леру захлебнулся, а не умеръ отъ удара о воду, какъ это предполагали.

Свѣдѣнія о самомъ полетѣ указываютъ на большія упущенія, при отсутствіи которыхъ, быть-можетъ, полетъ не имѣлъ бы столь печальнаго исхода. Такъ, пробныхъ шаровъ для опредѣленія направленія спуска парашюта не было пущено ни одного. Затѣмъ г. Парадизъ, зная, что Леру спустится въ море, не нанялъ для помощи ни одной шлюпки, а понадѣялся на стороннюю помощь. Оттого-то, шлюпки и пароходы, по словамъ г. Бера, прибыли на мѣсто катастрофы болѣе чѣмъ десять минутъ спустя послѣ паденія Леру въ воду. Узнавъ объ ужасной и преждевременной смерти Леру, г. Парадизъ поторопился сдать имущество покойнаго и скрыться изъ Ревеля. Но, по слухамъ, г. Парадизъ все-таки будетъ привлеченъ къ суду за непринятіе надлежащихъ мѣръ предосторожности при устройствѣ полета.

Политическое обозрѣніе.

Сербская королева Наталія прибыла въ Бѣлградъ. Пріѣздъ ея совпалъ съ окончаніемъ выборовъ въ скупщину, которые повсемѣстно прошли при полномъ порядкѣ. Изъ Ясъ августѣйшая родительница юнаго Сербскаго короля выѣхала 14 сентября при торжественной обстановкѣ. Королева прибыла изъ замка Стинки на вокзалъ желѣзной дороги въ экипажѣ, везомомъ четверкою лошадей. У подъѣзда вокзала королеву встрѣтилъ русскій консулъ въ парадномъ мундирѣ. Въ Бѣлградъ она уѣхала въ сопровожденіи князя Георгія Гики. Къ принятію королевы Наталіи были замѣтны въ столицѣ Сербіи большія приготовленія. Городъ украшался флагами, и *Народный Дневникъ* вышелъ въ день пріѣзда королевы съ ея портретомъ. Въ то же время правительство выражало надежду, что королева Наталія, въ интересахъ Сербіи, своего сына и своихъ собственныхъ, приметъ предлагаемыя ей извѣстныя условія и тѣмъ устранитъ препятствія къ ея свиданію съ королемъ Александромъ теперь же. Требованія же Милана относительно того, чтобы первое свиданіе было отложено до декабря, правительство не поддерживало. Но когда стало извѣстнымъ, что королева отвѣтила молчаніемъ на эти требованія, появилось правительственное сообщеніе о томъ, что при встрѣчѣ королевы король, регенты и министры будутъ отсутствовать и *Одъекъ* обнародовалъ весь ходъ переговоровъ правительства съ королевою. Въ газетѣ говорится, что правительство, предлагая условія, имѣло въ виду не обострять и безъ того уже натянутыхъ отношеній къ королевской семьѣ, которыя могли бы вредно повліять на воспитаніе короля-отрока и пагубно отразиться на судьбахъ династіи и на будущности Сербіи. Въ тотъ же день, 17 сентября, королева Наталія прибыла въ Бѣлградъ въ 4 часа пополудни и была восторженно привѣтствована несмѣтною массою народа, который провожалъ ея величество до дома Вучевича, гдѣ для нея приготовлены аппартаменты. Встрѣча королевы Наталіи имѣла чисто народный характеръ; оффиціальный міръ совершенно отсутствовалъ. Берегъ и главныя улицы были переполнены массами народа; такого огромнаго стеченія не запомнятъ и старожилы. При появленіи королевы начались оваціи, принявшія колоссальные размѣры. Дѣвушки осыпали королеву цвѣтами и вѣнками; народъ оглашалъ воздухъ восторженными кликами „живіо!“. Экипажъ королевы слѣдовалъ шагомъ; дѣти цѣплялись за него со всѣхъ сторонъ. Толпы народа не расходились до поздняго вечера, возглашая передъ занятымъ королевою помѣщеніемъ „ура“ и „живіо!“ Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Князь-Владимірскій соборъ въ СПБ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Тотчасъ по прибытіи королевы, русскій посланникъ и всѣ состоящіе при русской миссіи расписались у королевы, а министры оставили свои карточки. 18 сентября члены русской миссіи были приняты въ аудіенціи. Ея величество выразила горячую благодарность за гостепріимство, оказанное ей Россіею. Юный король до сего времени не имѣлъ еще свиданія съ королевою-матерью. Это объясняется письмомъ Милана, который запретилъ сыну посѣщать родительницу или принимать ея визитъ. Въ то же время Миланъ Обреновичъ, вмѣсто того чтобы появиться въ Бѣлградѣ, чѣмъ онъ угрожалъ въ своихъ посланіяхъ, предпочелъ отправиться изъ Карлсбада въ Швейцарію на дополнительный курсъ лѣченія. Затѣмъ онъ намѣренъ ѣхать въ Парижъ.

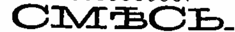
Въ виду того, что королева не приняла условій относительно свиданія съ сыномъ, правительство рѣшило сохранить status quo до собранія скупщины, которая созывается на 1 октября. Оно увѣрено, что рѣшеніе скупщины, не нарушая законныхъ правъ родителей короля, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать интересамъ Сербіи и ея престола. По поводу прибытія королевы Наталіи въ Сербію *Journal de St.-Pétersbourg* пишетъ: „Телеграммы изъ Бѣлграда, сообщая о возвращеніи королевы Наталіи, удостовѣряютъ фактъ восторженной встрѣчи, устроенной населеніемъ этой государынѣ, и въ то же время передаютъ, что по этому случаю никакихъ безпорядковъ не было. Поэтому можно надѣяться, что Сербія, только что совершившая при полномъ спокойствіи выборы въ скупщину, будетъ и впредь пользоваться полнымъ внутреннимъ миромъ и займется безъ всякихъ преградъ важными законодательными трудами, предстоящими ея вновь избраннымъ представителямъ.“

На Критѣ все еще неспокойно. Изъ Аѳинъ получаются постоянно тревожныя извѣстія о смутномъ положеніи дѣлъ на

островѣ. Особенно стали замѣтны выраженія неудовольствія по поводу чрезмѣрныхъ строгостей со стороны властей къ христіанамъ. По телеграммѣ *Агентства Гаваса*, греческое правительство, дѣлавшее до сихъ поръ видъ, что не придаетъ значенія критскимъ событіямъ, теперь, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, какъ будто начинаетъ относиться съ большимъ интересомъ къ этимъ событіямъ. Эволюція эта, подчеркиваемая оффиціозными газетами, имѣетъ цѣлью выиграть время и предупредить враждебныя императору Вильгельму манифестаціи, которому Греческій народъ ставитъ въ упрекъ его поѣздку въ Константинополь я пристрастіе къ Турціи. Греческія газеты всѣхъ оттѣнковъ наполнены жалобами и разсказами о приписываемыхъ туркамъ звѣрствахъ. Греческій повѣренный въ Канеѣ имѣлъ свиданіе съ Шакиръ-пашой и обратилъ его вниманіе на жестокость турокъ. Шакиръ-паша отозвался невѣдѣніемъ и обѣщалъ произвести серьезное дознаніе.

Великое торжество мирнаго и плодотворнаго труда приближается къ окончанію, хотя всемірная парижская выставка не скоро еще будетъ закрыта. На-дняхъ во дворцѣ промышленности происходила раздача наградъ, присужденныхъ экспонентамъ на парижской выставкѣ. Собравшаяся многочисленная публика привѣтствовала президента республики радостными возгласами. Министръ Тираръ сообщилъ, что число экспонентовъ превышаетъ 60,000, и что испытательные комитеты присудили всего 33,139 наградъ, въ томъ числѣ 903 высшихъ наградъ (grands prix), 5,153 золотыхъ, 9,690 серебряныхъ и 9,323 бронзовыхъ медалей, а также 8,070 почетныхъ отзывовъ. Министръ, выражая свою благодарность всѣмъ экспонентамъ и надежду, что иностранные гости сохранятъ о Франціи пріятное воспоминаніе, заявилъ, что Франція желаетъ жить въ добромъ согласіи со всѣмъ міромъ, но ничѣмъ не жертвуя въ ущербъ своимъ интересамъ и своему достоинству. Президентъ Карно также поблагодарилъ экспонентовъ и высказалъ увѣренность, что выставка 1889 года откроетъ во Франціи эру умиротворенія, и что гости Франціи, хорошо съ нею ознакомившіеся, унесутъ съ собою правильное о ней представленіе, что не останется безъ вліянія на отношенія народовъ между собою. По словамъ *Новаго Времени*, изъ общаго числа 625 русскихъ экспонентовъ, награды получили 602 экспонента; 17 получили награду первой степени, 119—золотыя медали, 162—серебряныя, 186—бронзовыя, 118—похвальные отзывы.

Шарль Леру, изобрѣтатель новаго парашюта. † 12 сентября 1889 года. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.



СМѢСЬ.

Крестница императора Александра I. Въ августѣ мѣсяцѣ въ Новочеркасскѣ скончалась въ весьма преклонныхъ лѣтахъ вдова полковника Екатерина Алексѣевна Полякова, урожденная Ягодина. Она была крестницей императора Александра Благословеннаго и фрейлиной двора, и вела знакомство едва-ли не со всѣми писателями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Особенно близко она была знакома съ Пушкинымъ. Е. А. Полякова пользовалась репутаціей весьма образованной особы, разсказывавшей много интереснаго про старину. (в.)

Кіево-Софійскій соборъ въ настоящее время, по Высочайшему повелѣнію, сильно реставрируется. Реставрація эта имѣетъ цѣлью, уничтоживъ позднѣйшія пристройки и поправки, возстановить по возможности первоначальный, древній видъ храма. Такимъ образомъ будетъ возстановленъ древній видъ крышъ, причемъ откроются малые купола; задѣланныя или уменьшенныя окна въ куполахъ будутъ приведены тоже въ прежній видъ, отчего увеличится количество свѣта въ придѣлахъ. При производствѣ работъ открыты древнія фрески, современныя сооруженію храма, на средней внѣшней аркѣ сѣвернаго придѣла. Фрески изображаютъ кресты, одинъ въ кругу, и медальоны съ поясными изображеніями святыхъ. (в.)

До нѣкоторой степени чудо произошло не такъ давно у одного изъ мировыхъ судей Казанской губерніи. Въ его камеру явился какой-то цеховой—глухо-нѣмой отъ рожденія. Въ копіи съ рѣшенія мироваго судьи, полученной этимъ цеховымъ, между прочимъ, значилось: „*Глухонѣмой* такой-то, явившись въ камеру, заявилъ слѣдующую *словесную* жалобу“. (в.)

Послѣдній полетъ Шарля Леру, 12 сентября 1889 (моментальная фотографія въ Ревелѣ). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Предсмертный спускъ на парашютѣ (моментальная фотографія въ Ревелѣ) 12 сентября 1889. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

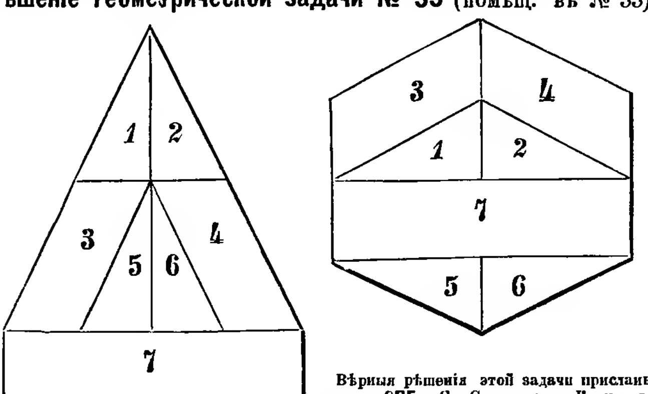
Паденіе аэролита. Въ селеніи Мигіѣ, Ольвіопольскаго уѣзда, по донесенію полицейской власти, не такъ давно упалъ аэролитъ. Вечеромъ, послѣ незначительнаго дождя съ грозой, въ воздухѣ послышался сильный шумъ съ грохотомъ, напоминающимъ отдаленные и учащенные выстрѣлы. Затѣмъ, въ виду нѣсколькихъ человѣкъ работавшихъ вблизи экономическихъ построекъ землевладѣльцевъ Скаржинскихъ, на баштаны за селомъ сталъ быстро опускаться, окруженный яркимъ свѣтомъ, горящій предметъ, при паденіи котораго на землю послѣдовалъ трескъ, какъ бы выстрѣлъ изъ пушки. Дня черезъ три одинъ изъ хозяевъ баштана замѣтилъ, что нѣсколько подсолнечниковъ точно закопчены. Вспомнивъ про бывшую грозу и паденіе горящаго предмета, онъ сталъ всматриваться вокругъ и скоро нашелъ камень, обгорѣлый, почти обуглившійся, неправильной формы, вѣсомъ полпуда слишкомъ. Поверхность камня со всѣхъ сторонъ гладкая, самый камень легко поддается ножу; при долбленіи камня получается нѣчто въ родѣ черной глины, легко растирающейся между пальцами. Камень отдаетъ кислотой и сѣрой. (б.)

Абиссинскій маэстро. Этимъ именемъ въ шутку называли въ шестидесятыхъ годахъ одного отставнаго военнаго, Лазарева, который сочинилъ двѣ музыкальныя какофоніи „Сотвореніе міра“ и „Страшный судъ“ и придавалъ имъ чуть не міровое значеніе. Лазаревъ устроилъ концертъ въ залѣ СПБ. Дворянскаго собранія, передъ которымъ выпустилъ громадныя афиши (простыни, какъ ихъ тогда называли), и чудовищной величины, и чудовищнаго содержанія. На афишѣ были поставлены на первомъ планѣ симфонія, соч. Лазарева, и рядомъ съ нею одна изъ симфоній Бетховена. Причемъ было сказано, что концертантъ сдѣлалъ это для того, чтобы публика, прослушавъ оба произведенія, „во ушію“ могла убѣдиться, что симфонія Лазарева, если не выше, то нисколько не хуже симфоніи Бетховена. Извѣстный Даргомыжскій — разсказывается въ однихъ воспоминаніяхъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*—былъ на генеральной репетиціи этого концерта и хохоталъ до слезъ, разсказывая о ней. Соскучившись сидѣть и слушать ужасную чепуху Лазаревской композиціи, авторъ „Русалки“ сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, мимо эстрады. Случайно остановившись около фаготовъ, онъ заглянулъ въ ноты музыкантовъ и увидѣлъ, что у нихъ ничего нѣтъ, все паузы, а они все-таки что-то играютъ. Даргомыжскій полюбопытствовалъ спросить у нихъ. „Да вѣдь надоѣло сидѣть сложа руки и слушать эту галиматью, отвѣчали ему,— вотъ мы и играемъ, что вздумается: все равно этимъ ничего не испортишь“. Даргомыжскій сталъ прислушиваться: одинъ музыкантъ игралъ изъ *камаринской*, другой—изъ *краснаго сарафана*, или что-то въ этомъ родѣ, а Лазаревъ слушалъ, махалъ палочкой и ничего не замѣчалъ. Въ другой разъ Лазаревъ влетѣлъ неожиданно въ квартиру Даргомыжскаго, у котораго гости въ это время ужинали. Не поклонившись никому, даже хозяину, Лазаревъ сталъ шагать по комнатѣ въ волненіи и по временамъ восклицалъ: „Нѣтъ, вѣдь это ужасно!.. это невыносимо... Какой позоръ для насъ, русскихъ!..“ Наконецъ Даргомыжскій спросилъ абиссинскаго маэстро о причинѣ его волненія. Тотъ объяснилъ ему, что онъ сейчасъ изъ итальянской оперы. Давали „Севильскаго цирюльника“ и „Представьте себѣ, воскликнулъ Лазаревъ,—эта жалкая пѣвица Нантье-Дидье въ сценѣ урока пѣнія осмѣлилась пѣть... какой-то гнилой, завалящій романсъ „Люби меня“. Вѣдь это дерзость, нахальство, полное неуваженіе къ такому генію, какъ Россини!“—„Ну, а что-же публика?“ хладнокровно спросилъ Даргомыжскій. Лазаревъ отвѣтилъ, что публика въ восторгѣ, аплодировала, кричала „bis“. При этомъ Лазаревъ неистово бранилъ публику. Даргомыжскій, не моргнувъ глазомъ, посовѣтовалъ Лазареву написать объ этомъ Россини. „Я такъ и сдѣлаю, прервалъ Даргомыжскаго Лазаревъ,—завтра-же напишу къ нему, что вотъ, caro amico, какъ тебя понимаютъ и цѣнятъ въ Россіи!“ И съ послѣднимъ словомъ абиссинскій маэстро какъ бомба вылетѣлъ изъ комнаты—и былъ таковъ. Позднѣе этотъ композиторъ бросилъ музыку, и устроилъ хромолитографію. Онъ печаталъ олеографіи, духовнаго содержанія, наклеивалъ ихъ на холстъ и выдавалъ за образа, писанные будто-бы новымъ способомъ масляными красками. Исторія съ этими иконами вызвала такой-же скандалъ, какъ и знаменитый концертъ Лазарева, когда въ маэстро бросали съ хоръ подушками, а изъ креселъ свистали, шикали и проч. (б.)

Изобрѣтательность волжскихъ капитановъ. Стояли на Казанской пристани два парохода, отходящіе въ Свіяжскъ. На одномъ масса пассажировъ, на другомъ—2 или 3 человѣка, не болѣе. Въ 11 час. отходитъ первымъ нагруженный публикой пароходъ, а спустя минуты двѣ отваливаетъ и второй. Между пароходами начинается отчаянная гонка. Капитанъ перваго парохода видитъ, что ему не придти въ Свіяжскъ ранѣе соперника, тогда какъ это необходимо для того, чтобы захватить всѣхъ пассажировъ. И вотъ онъ придумалъ слѣдующее. Приказалъ прислугѣ изъ рогожи и мѣшка сдѣлать подобіе человѣческой фигуры, помѣстить на конецъ ея небольшую тяжесть и сверху прикрѣпить шляпу. Въ такомъ видѣ куклу осторожно опустили съ кормы въ воду. Кукла поплыла принявъ вертикальное положеніе и голова ея была видна на поверхности рѣки, что обратило вниманіе капитана догонявшаго парохода. Пароходъ пріостановили, спустили лодку и мнимый утопленникъ былъ вытащенъ. А тѣмъ временемъ „Свіяжскъ“, соперничавшій съ другимъ пароходомъ, продолжалъ идти, не уменьшая хода, и пришелъ первымъ. (б.)

Къ характеристикѣ князя Потемкина. Камергеръ Г. П. Алексѣевъ, бывшій предводитель дворянства Екатеринославской губерніи, передаетъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* слѣдующій эпизодъ изъ жизни знаменитаго князя Тавриды, разсказанный Алексѣеву его дѣдомъ, служившимъ въ канцеляріи этого могущественнѣйшаго въ свое время вельможи. Однажды онъ пришелъ утромъ въ Таврическій дворецъ съ докладомъ. Вся пріемная была биткомъ набита множествомъ высокопоставленныхъ лицъ, терпѣливо ожидавшихъ появленія князя. Очень нескоро онъ, наконецъ, показался въ дверяхъ, въ шлафрокѣ и туфляхъ на босую ногу, и сталъ громкимъ голосомъ звать своего камердинера. Всѣ знатныя особы мигомъ бросились отыскивать княжескаго лакея. Докладчикъ-же остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, съ портфелемъ подъ мышкою, боясь не только шевельнуться, но и моргнуть глазами. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ, что Потемкинъ грозно посмотрѣлъ на него и удалился. Одѣвшись въ полную парадную форму и окончивъ пріемъ, князь подозвалъ молодаго чиновника и сказалъ ему: „Прежде нежели я займусь твоими бумагами, я имѣю спросить тебя: скажи мнѣ, Алексѣевъ, знаешь-ли ты, сколько въ моемъ таврическомъ саду находится деревьевъ?“ И на отрицательный отвѣтъ чиновника, князь приказалъ Алексѣеву сосчитать немедля всѣ эти деревья. Алексѣевъ опрометью бросился исполнить приказаніе князя и до самаго вечера занимался этимъ страннымъ порученіемъ. Когда Алексѣевъ явился къ князю и сказалъ ему число сосчитанныхъ деревьевъ, Потемкинъ остался доволенъ и прибавилъ: „А знаешь-ли зачѣмъ я далъ тебѣ это порученіе? Затѣмъ, чтобы научить тебя быть проворнѣе, ибо я замѣтилъ, что ты сегодня утромъ, когда я крикнулъ, чтобы позвать моего камердинера, и когда всѣ присутствовавшіе въ залѣ генералы и прочія знатныя особы бросились отыскивать его для меня, ты-же, молокососъ, даже не двинулся съ мѣста, чтобы исполнить свой долгъ. Ступай и будь впередъ расторопнѣе. Все это да послужитъ тебѣ урокомъ! За докладомъ же своимъ и бумагами зайди завтра утромъ, ибо сегодня я не расположенъ заниматься ими. Прощай!“ (б.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 55 (помѣщ. въ № 33).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—С. Селиванова, Калистратова, Ф. А. Боронина, Н. Е. Иванова Кузнецова, Н. Г. Наикова, Ф. Михель, А. С., П. Т. Ипполитова, А. Н. Кузнецова, А. А. Коломенскаго, Е. Коневой; **Москва**—И. И. Волгина, Ф. А. Куликова, Ф. Прозоровскаго, **Алексинъ**—Н. Губина, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бабки**—О. М. Протопоповой, **Бѣлая Церковь**—С. Д. Адлеръ, **Вагаршапатъ**—А. Мушегіанцъ, **Валдай**—Е. И. Глаголевскаго, К. А. Дьячкова, **Владикавказъ**—Р. Зинченко, **Гулькевичи**—В. Богатько, **Динабургъ**—Л. И. Кляцкина, О. Гинзбургъ, **Екатеринославъ**—Ф. Ильяшевича, **Кременчугъ**—Е. Е. Добровицкаго, **Коломна**—И. Бережнова, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Луганскъ**—А. Исаенко, **Лебедянь**—В. Н. Чурилина, **Мальковичи**—С. Цеханъ, Г. Соврукъ, **Мценскъ**—Б. Г. Максимова, **Минскъ**—В. Ярмолоевича, **Нарва**—Т. А. Плаеской, **Одесса**—Л. Н. Никитина, С. Рейжевскаго, Д. Рапопортъ, **Орѣхово-Зуево**—А. С. Трофимова, **Пермь**—Н. Матвѣева, **Рязань**—П. Постникова, **Смѣла**—Готлибоймъ, **Сергіевъ-Посадъ**—И. А. Стромынцева, С. Н. Заботина, **Самара**—М. А. Смирнова, **Сигнахъ**—Н. Кирпичникова, **Сергіевское**—П. М. В., **Сапожокъ**—Н. С. Нероева, **Трудомировка**—М. Уварова, **Тула**—М. А. Шишкина, **Ченстоховъ**—В. Древингъ, **Шацкъ**—А. Филимоновича, **Юхновъ**—К. Н. Олицкаго.

Рѣшеніе музыкальной задачи № 54 (помѣщ. въ № 33).

1) Мелодія называется **„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.**
2) Высчитывается черезъ четыре ноты пятая.
3) Начинается отъ Sol (1/4), стоящаго послѣ низкаго Do (3/4).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ В. К. Терскаго въ **Б. Коровино** и С. В. Кондрахина въ **Нижне-Уральскѣ**.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Рамы для преміи „НИВЫ" 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ"

(14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №.№. „Нивы").

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ (за исключен. московск.) объявл. отъ книжн. магаз. И. Л. Тузова въ СПБ.

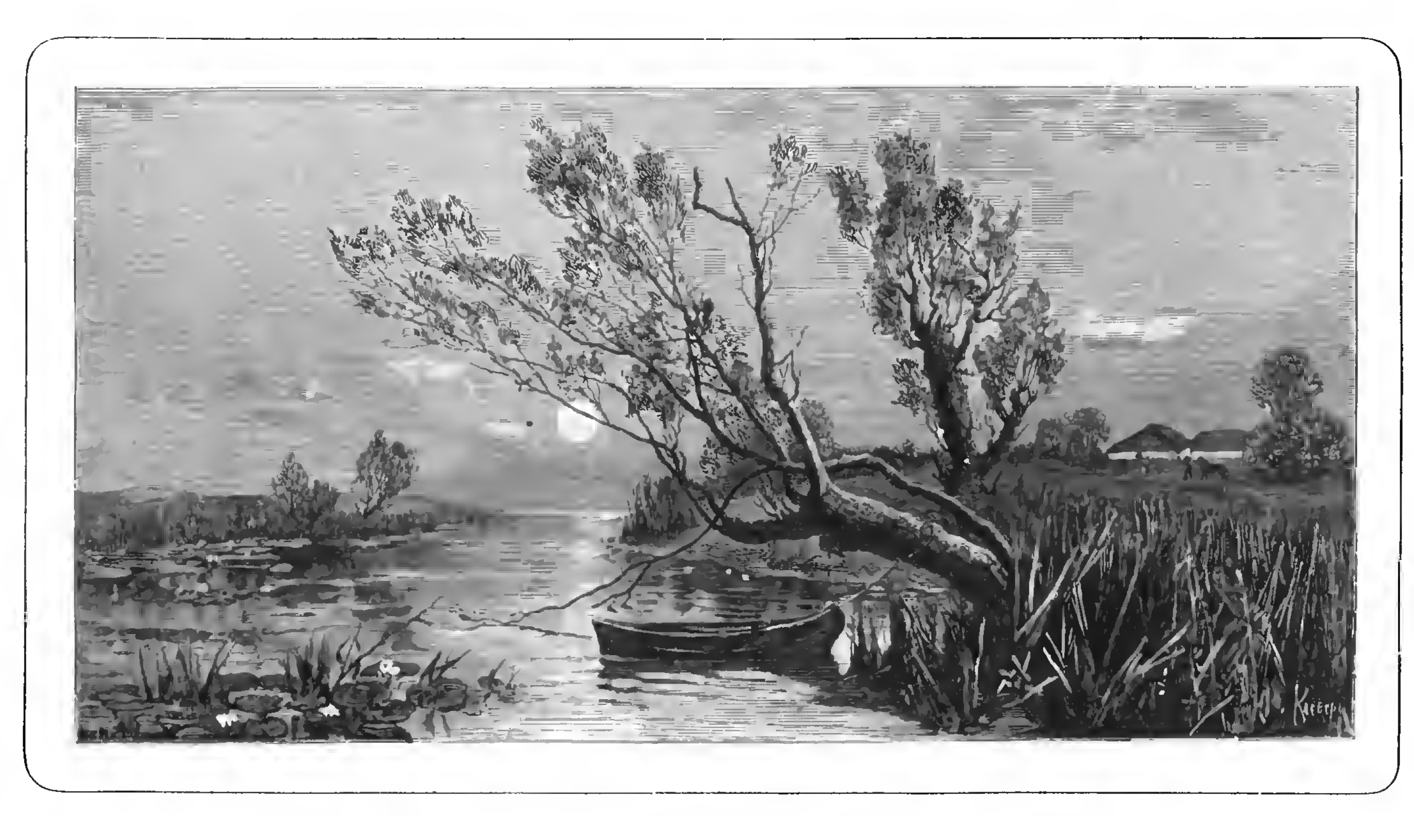
Дозвол. цензур., СПБ., 27 сентября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XX

№ 41 — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рязи. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 октября 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Хуторокъ лѣтомъ. Съ картины (собств. г. Ульмана) профес. Юл. Клевера, грав. Рашевскій.

О разсылкѣ главныхъ премій „НИВЫ“ на 1889 годъ.

При слѣдующемъ №. 42-мъ будетъ разослана обѣщанная гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“

1-я ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ

большая картина извѣстнаго нашего художника, профессора В. Д. ОРЛОВСКАГО, печатанная красками ($14^3/_4$ верш. вышины и полтора арш. ширины)

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

Въ случаѣ **неполученія** кѣмъ-либо при №. 42 преміи, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ №. 43.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ **безъ доставки въ С.-Петербургѣ или Москвѣ**, будетъ выдана эта премія при №. 42 **въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.**

☛ Обращаемъ вниманіе на предупрежденіе (въ 3-мъ листѣ этого №.) относительно осторожности при вскрытіи преміи. ☚

☛ 2-я же ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ (сверхъ обѣщанной) ☚

БОЛЬШОЙ ТОМЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

убористой печати, содержащій въ себѣ около 480 страницъ самаго интереснаго чтенія (произведенія извѣстныхъ русскихъ писателей), и стоющій въ отдѣльной продажѣ 2 руб., будетъ разослана въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Нивы“.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Послѣ Креста, батюшка окропилъ святою водой княжну и присутствующихъ, и по обычаю прошелъ по всѣмъ горницамъ, при чемъ Макаръ Макаровичъ самъ несъ впереди чашу со святой водой.

Затѣмъ княжна попросила священника пройти въ слѣдующую горницу, чтобы позавтракать, а сама стала въ углу неподалеку отъ стола, гдѣ стояли иконы.

Макаръ Макаровичъ уже явился и сталъ возлѣ владѣлицы, чтобы называть по именамъ тѣхъ изъ ея подданныхъ, которые обратятъ на себя ея вниманіе.

Трубецкой замѣтилъ, что княжна какъ бы разсѣянно посматриваетъ на все и на всѣхъ, а глаза ея все бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, скользя по лицамъ и головамъ, будто она ищетъ кого, или просто занята собственными мыслями, чуждыми всему окружающему.

Отчасти княжна была дѣйствительно далеко отсюда мысленно; но главная причина ея разсѣяннаго вида не могла быть отгадана Трубецкимъ, такъ какъ сама Полина, столичная барышня и княжна, еще не вполнѣ созналась себѣ въ томъ, что̀ ее нѣсколько поразило здѣсь за молебномъ. Она сама еще не могла уловить разсудкомъ и опредѣлить, что̀ именно творится съ ней. Что́ въ ней? удивленье? любопытство женское подстрекнуто? Или просто обманъ, ошибка... такъ что-то померещилось! Взглянуть ближе—и смѣшно станетъ, что могла она до такой степени ошибиться. Къ тому же, Полина была отчасти близорука.

„Здоровканье" длилось долго... Народъ, старики и молодые, дворовые и крестьяне, ткацкіе парни и дѣвки, бабы съ ребятишками — въ очередь надвигались на княжну и вереницей проходили мимо, кланяясь въ поясъ и цѣлуя ручку.

Княжна Березопольская, родившаяся, воспитанная и прожившая безвыѣздно въ Москвѣ, никогда почти не бывавшая въ деревнѣ и не сносившаяся съ простымъ народомъ, не знала теперь какъ и что́ сдѣлать или сказать... Она видѣла, что производитъ на всѣхъ впечатлѣніе нѣсколько иное, чѣмъ желалось бы ей... А какъ быть?

Она взглядывала иногда то на Трубецкаго, то на Дуняшу, какъ бы прося совѣта...

Изрѣдка Макаръ Макаровичъ закусывалъ верхнюю губу и украдкой вздыхалъ. Это значило, что онъ не доволенъ, но примиряется...

„Помилуй Богъ, не умѣютъ они... Просто не умѣютъ", думалось ему. „Что́ стоитъ сказать тепленькое словечко... А человѣкъ это словечко запомнитъ, якобы за пазуху спрячетъ бережно и домой унесетъ. Вотъ я когда былъ помѣщикомъ. . развѣ такъ?.. Не по-барски, да и не по-христіански..."

Иногда, не вытерпѣвъ отъ этого молчаливаго протягиванія руки для цѣлованія, которое автоматически продѣлывала княжна, Макаръ Макаровичъ называлъ подходившаго по имени, объяснялъ его общественное положеніе въ усадьбѣ или вотчинѣ, надѣясь на „тепленькое" словечко... Но княжна въ отвѣтъ произносила только со страннымъ неопредѣленнымъ оттѣнкомъ:

— Ахъ, да-а?..

Удивилась она или вспомнила, или сообразила что-то свое — отгадать было нельзя по этому однообразному и однозвучному восклицанію.

— Сорокинъ, главный ткачъ, искусникъ... говорилъ Макаръ Макаровичъ.—Безъ него пропало бы все дѣло. Онъ обучаетъ тѣхъ, что вновѣ поступаютъ... Староста березопольскій, Евграфъ, уже двѣнадцать годовъ состоитъ... У князя въ Москвѣ три раза былъ для личнаго свиданія и спасибо заслужилъ... Кирсанъ, главный конюхъ, еще дѣдушкѣ вашему форейторомъ служилъ... Степанида Никифоровна, всегда для московскаго дома варенье варитъ, уже лѣтъ съ тридцать...

А княжна улыбалась, протягивая руку, и выговаривала вопросительно:

— Ахъ, да-а?!.

Наконецъ въ числѣ послѣднихъ приблизились къ княжнѣ: старикъ столѣтній, ведомый шестидесятилѣтнею женщиною Улитой, за нимъ мѣстный портной, рябоватый Захаръ, и высокій. статный молодецъ съ блѣднымъ лицомъ и черными какъ смоль кудрями...

— Азовскій... Петру Алексѣевичу Великому служилъ, объяснилъ Трубецкой. — Внучка его, хоть и старая сама́, Улита. Захаръ Демьяновъ. Все Березополье обшиваетъ. Егоръ Миловановъ, столяръ, но удивительно по дереву рѣжетъ... Его мать хвораетъ, не могла придти. Просить онъ будетъ позволенія вашего продолжать...

Княжна на мгновеніе глянула пристальнѣе на столяра, протянула ему руку и вспыхнула, но сухо, гордо, какъ бы вдругъ прогнѣвавшись, выговорила, отводя глаза отъ его лица:

— По дереву?.. Да... пускай...

И она быстро двинулась въ гостиную, гдѣ сидѣлъ священникъ.

XX.

Въ сумерки того же дня во всей усадьбѣ было шумно; повсюду было особенное движеніе, смѣхъ и говоръ веселый и праздничная суета.

Только въ одномъ барскомъ домѣ было сравнительно мертво-тихо. Княжна сидѣла одна у себя, а ея любимица въ дѣвичьей вполголоса бесѣдовала съ Мароой и Евгеніей, разсказывая имъ о Москвѣ и о московскомъ житьѣ-бытьѣ.

Но въ такъ-называемомъ „первомъ" домикѣ было еще тише, чѣмъ въ барскомъ домѣ.

Здѣсь, въ угловой горницѣ лежала на постели Лукерья Егоровна. Это была единственная личность, которая сегодня не побывала въ церкви и на молебнѣ. Съ вечера старушку разломило совсѣмъ, а ночью начались ея обыкновенныя боли въ ногахъ. Она приготовлялась теперь, какъ всегда бывало, прохворать и пролежать дня три. Но при этомъ старушка не раздѣвалась и лежала на постели одѣтая, поверхъ одѣяла.

У окна сидѣлъ Егоръ, нагибаясь къ рамѣ, съ чѣмъ-то въ рукахъ, что̀ онъ всячески вертѣлъ и разглядывалъ. Держалъ онъ небольшую, въ полъ-аршина, куколку, или фигуру наполовину отдѣланную, а наполовину въ видѣ простаго комка. Фигура эта была изъ воску. Онъ, не спѣша, маленькимъ инструментомъ, въ родѣ долота, а иногда большой иглой, старательно работалъ надъ ней. Кусокъ воска уже начиналъ принимать опредѣленный видъ. Можно было догадаться, что это будетъ вскорѣ фигура съ сложенными на груди руками и съ распущенными крылами,—очевидно, ангелъ.

Подобнаго рода занятіе Егоръ не считалъ работой и позволялъ себѣ лѣпить изъ воску или замазки разныя куколки только въ праздники, или же въ часы отдыха. Онъ называлъ это баловствомъ.

Живи онъ въ столицѣ, попадись со своей работой на глаза какому-нибудь просвѣщенному человѣку, или знатоку, Егоръ очень удивился бы, узнавъ, что его занятіе далеко не блажь и имѣетъ свое прозвище—ваяніе. Но здѣсь, въ Березопольѣ, былъ только одинъ Макаръ

Макаровичъ, который пе подсмѣивался надъ подобнаго рода баловствомъ Егора.

Трубецкой разсуждалъ такъ, что рѣзьба по дереву, конечно, дѣло серьезное, а эти всѣ Егоровы куколки изъ замазки, или изъ тѣста, или изъ воску — одно ребяческое времяпровожденіе; но все-таки всѣ эти куколки выходили у Егора хорошенькія. У Макара Макаровича стояли на столѣ двѣ такія фигурки, работы Милованова. Одна изображала солдата съ ружьемъ, а другая — какого-то удивительнаго господина, въ огромной шляпѣ съ перомъ на головѣ, съ широкимъ поясомъ, въ ботфортахъ, съ крестомъ на груди и съ епанчей за спиной. Эту фигурку Егоръ скопировалъ съ одной изъ картинъ барскаго дома, и сходство было поразительное между обѣими, хотя одна была нарисована, а другая вылѣплена изъ воску.

Теперь, не смотря на это сумеречное и праздничное занятіе, мысли Егора были далеко отъ этой работы. Онъ уже не первый разъ передумывалъ все то, съ чѣмъ вернулся изъ барскаго дома къ себѣ домой.

А думалъ онъ о княжнѣ, объ ея пріемѣ дворовыхъ и крестьянъ, о томъ какъ она стояла и глядѣла, и наконецъ о томъ, что̀ сказала ему. И Егоръ, правдивый и совѣстливый отъ природы, мысленно винясь и укоряя себя за прежнее строгое сужденіе о княжнѣ, повторялъ теперь:

— Она не злая, а важная. И словно не счастливая...

Онъ уже успѣлъ передать матери свое впечатлѣніе и подразнить шутя старушку тѣмъ, что̀ узналъ отъ барышни.

А узналъ онъ, что ему не будетъ никакого запрещенія заниматься своимъ рѣзаньемъ по дереву, которое старушка постоянно все хаяла и бранила. Одно слово бросила княжна. Но это слово было дозволеніемъ. И онъ былъ счастливъ.

На дворѣ совершенно уже стемнѣло, и Егоръ долженъ былъ поневолѣ прекратить работу, такъ какъ зажигать огонь было рано. Онъ поставилъ своего маленькаго ангела на подоконникъ и, глубоко вздохнувъ, задумчиво вымолвилъ шепотомъ:

— Охъ, дѣла! Все разно. Все этакъ-то! Люди и звѣри. Господа и холопы. Птицы и букашки... Все разное...

Дремавшая старушка открыла глаза и тоже вздохнула, но отъ ломоты въ ногахъ.

— Егорушка, ты тутъ? произнесла она.

— Здѣсь, матушка. Чего тебѣ?

— Что же сидишь? Праздникъ... Пошелъ бы на улицу, а то во дворъ... тамъ, поди, всѣ теперь сидятъ „ушки на макушкѣ“, угощаются. А ты тутъ со старой сидишь. Тоска тебѣ. Шелъ бы...

Егоръ молчалъ.

— Что̀ же ничего не говоришь? Ступай. Ну, къ Савеловымъ ступай... Они—люди хорошіе. У нихъ всегда въ праздникъ все порядливо. Будь я здорова, тоже бы пошла.

— Память-то у тебя, матушка, какъ коротка стала! Вѣдь ты, инъ бываетъ, десять разовъ въ день одно и то же скажешь. Вѣдь ты мнѣ про Савеловыхъ съ самаго обѣда начала говорить. Отвѣтишь тебѣ что̀, а ты забудешь и опять учнешь.

Егоръ проговорилъ это кротко и ласково подсмѣиваясь. И перейдя тотчасъ отъ окна, онъ сѣлъ на постели около матери.

— Зачѣмъ же нейдешь?

— Да вѣдь ужъ говорилъ я тебѣ, матушка, что незачѣмъ мнѣ туда идти. Что̀ мнѣ тамъ дѣлать? Они люди хорошіе, да скучно мнѣ съ ними. Я вотъ тутъ своего ангелочка поковырялъ опять, анъ уже у меня второе-то крыло и готово. Да и волосъ я ему прибавилъ,—теперь у него до спины завитушки всякія. Эхъ, кабы мнѣ дали воску, пудовъ бы десять что-ли...

— И куда это? Господь съ тобой! вымолвила Лукерья Егоровна, шире раскрывая глаза. — Сто куколъ что-ли попадѣлать?

— Нѣтъ, матушка. Я бы изъ этого всего воску одну сдѣлалъ.

— Изъ десяти-то пудовъ?

— Да. Одну бы куклу сдѣлалъ во весь ростъ человѣчій, настоящій. Вотъ хоть бы этого самаго ангела. Взялъ бы вотъ этакого сдѣлалъ... съ меня ростомъ. Такъ онъ у меня былъ бы живой! Диво-дивное былъ бы! А то что жь онъ? Осьмивершковый...

Черезъ нѣсколько мгновеній Лукерья Егоровна заговорила вновь:

— Ну, такъ какъ же? Ласкова, сказываешь?

— Со всѣми стало-быть здоровалась. Ну стало... что-жъ? Вѣстимо ласкова.

— Красавица?

— Какъ можно! Что это ты, матушка? Уже разъ шестой то же спрашиваешь? Ужь я тебѣ съ полдюжины разовъ отвѣчалъ, что совсѣмъ она не красавица. Совсѣмъ у нея этого и въ поминѣ нѣту. Надо говорить—просто дурная...

— Ну что̀ ты врешь! И какъ ты смѣешь этакое выскивать! Она наша помѣщица-княжна. Ты у меня — неотесанный совсѣмъ мужикъ. Какъ этакъ про княжну свою сказывать! разсердилась старушка.

Наступило молчаніе. Въ комнатѣ постепенно стало совершенно темно.

— Пора и огонь зажечь, вымолвилъ наконецъ Егоръ. — Вѣдь къ намъ сейчасъ гости будутъ.

— Какіе еще гости! Евденья одна. Вотъ и всѣ гости, проворчала старушка. — Ну, зажигай.

Когда комната освѣтилась сальною свѣчей, Лукерья Егоровна, кряхтя, повернулась на бокъ и вымолвила совершенно инымъ голосомъ:

— Зачѣмъ бы ей къ намъ ходить въ нонѣшній день! Праздникъ. Ей бы тамъ во дворѣ быть, гдѣ народъ... Чего ей тутъ дѣлать? Дѣвка молодая, гдѣ пѣсни, тамъ ей и плясать.

— Стало-быть, у насъ ей лучше.

— То-то, да! Часто бѣгать стала. И все чаще. Что же? Правду говорю, аль нѣтъ?

Егоръ, сидѣвшій у стола, гдѣ горѣла свѣча, ничего не отвѣтилъ.

— Аль, не слышишь? громче произнесла старушка.— Нешто не часто?

— Часто. Что же изъ того?

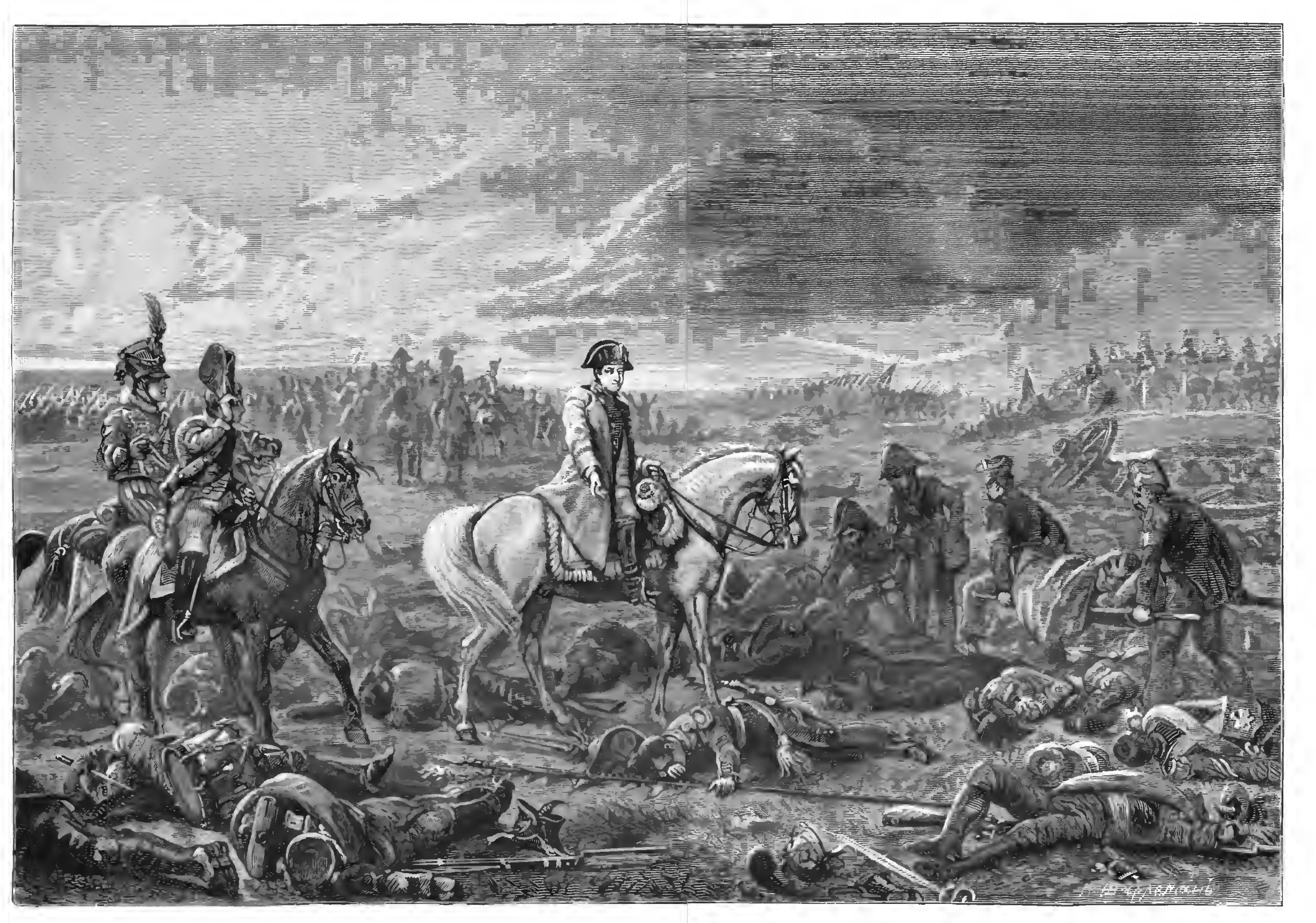
— Что? Самъ знаешь. Я стара. Мнѣ гдѣ же управиться съ тобой! Да и слушаться ты не станешь! А все-таки скажу: я тебѣ мать. Твое дѣло, а я все вотъ говорю и буду говорить. Кабы этакъ-то люди все дѣлали, никакого бы на свѣтѣ толку не было.

И помолчавъ, старушка заговорила:

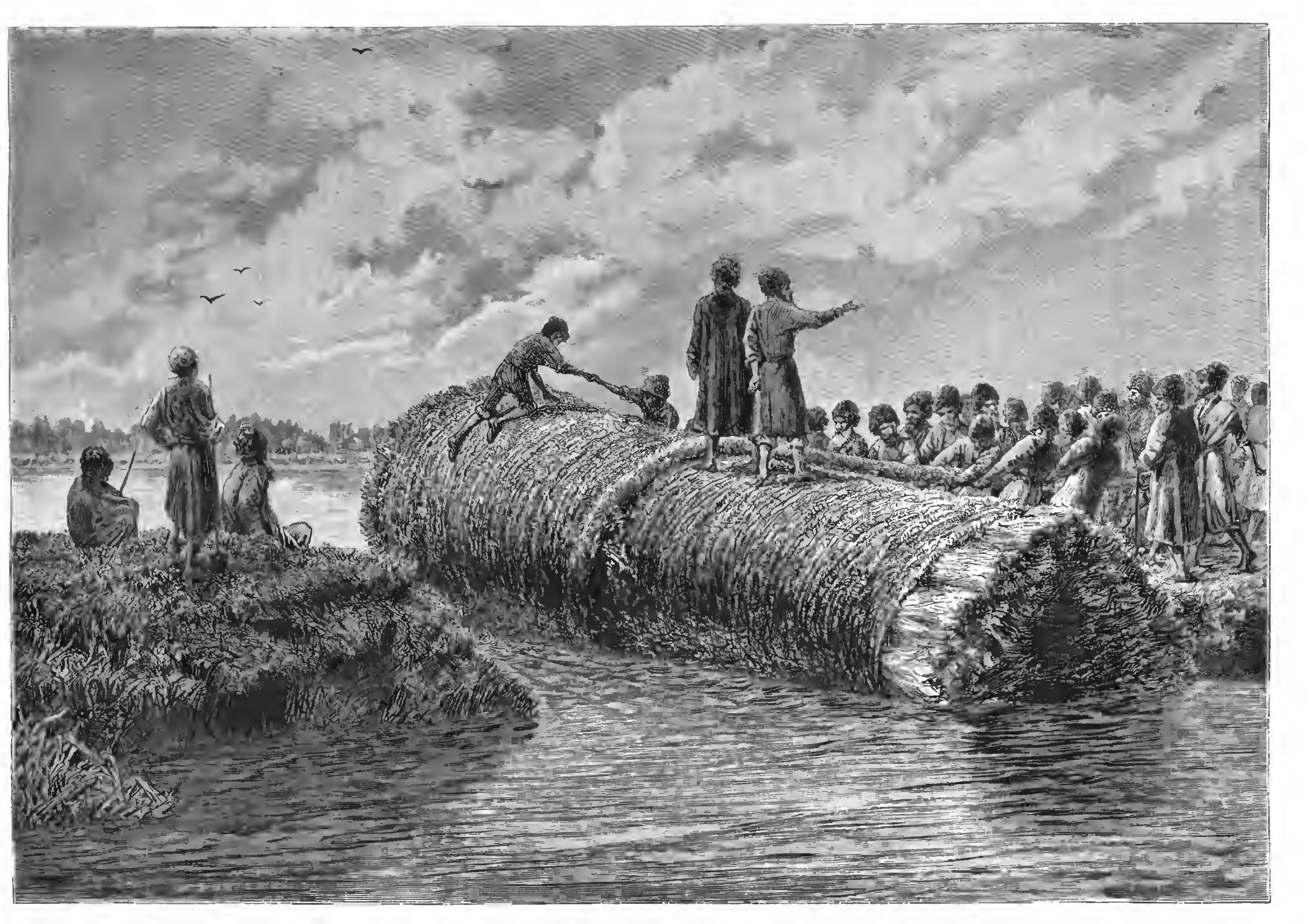
— Невидаль! Сиротка. Одно платьишко... Ни матери, ни отца, даже ни единаго сродственника во всей вотчинѣ нѣтъ. А есть дѣвицы, за которыми три сундука дадутъ биткомъ набитые. А мы вотъ сиротъ собирать будемъ по дорогѣ. И вотъ тебѣ по совѣсти и слѣдъ бы сказать дѣвкѣ: не бѣгай, молъ, сюда. Ни ты мнѣ, ни я тебѣ — не пара! А ты юлишь! Нешто не юлишь?

Егоръ взглянулъ и снова промолчалъ.

— И когда это у васъ зачалось? Кто васъ свелъ? разсуждала старушка, какъ бы сама̀ съ собой. — Когда васъ бѣсъ веревочкой свилъ! Самъ онъ, проклятый, прости Господи, не знаетъ. Да и не будетъ она для меня почтенною. Шустрая дѣвка! Ругаться будетъ, а то и прибьетъ. А прибьетъ,—ты только поглядишь, да промолчишь. Это мы видали. Лиха свекровь — лихое дѣло, а лиха молодуха — пропащее дѣло. Заѣстъ! И скажи ты мнѣ, Егорушка, чѣмъ она тебя околдовала? Что лицо-то чистое, да глаза прыгаютъ. Такъ что-же? Только у злыхъ людей глаза завсегда прыгуны. Чѣмъ она тебя взяла? Колдованьемъ?



Литературный альбомъ. „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстого. „Вотъ славная смерть!“
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Шарлеманя, грав. Ю. Барановскій.



Текинскіе инженеры. Устройство плотины на Мургабѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. М. Рашевскій

— Э-эхъ, матушка! вдругъ нетерпѣливо выговорилъ Егоръ, стукнувъ слегка по столу.—Какое тутъ колдовство! Ужь говорить по правдѣ: я ее нехотя околдовалъ. А она для меня... ужь и самъ не знаю... Ничего!

— Неправду говоришь.

— Чего неправду? Вотъ какъ передъ Богомъ. Виснетъ дѣвка. Ну что-же мнѣ ее кулакомъ что-ли? А я вотъ знаю вѣрно, кто меня околдовалъ... за кого я душу положу хоть сейчасъ...

— Кто-же такой? тревожно выговорила Лукерья Егоровна, двигаясь на кровати. — Аль, другая опять? Еще того хуже, поди!

— Да, другая. Только эта будетъ помудренѣе. Эта у меня въ мысляхъ застряла на-вѣки. Да и па сердцѣ-то она же. И ходишь-то съ ней! и спишь-то съ ней! И во снѣ мерещится.

— Да кто-же такая?

— А ея еще нѣту, матушка, отчасти грустно выговорилъ Егоръ.

— Не родилась еще? Чтó путаешь?

Егоръ невольно улыбнулся словамъ матери, но улыбка его была невеселая.

— Она еще будетъ. Вотъ какъ раздобуду денегъ, куплю себѣ воску, пудовъ, говорю, десять, ну хоть и того половину. И сдѣлаю!.. Безъ ногъ, стало-быть.

— Что ты, сердешный, очумѣлъ что-ли? вымолвила старуха. — Будь не ты, Егорушка, подумала бы я,—пьяный со мной разсуждаетъ.

— А вотъ увидишь сама. Какъ остальныя деньги съ генерала дополучу за своего энтого звѣря крылатаго, такъ сейчасъ въ городъ. Привезу, говорю, пудовъ десять воску и начну топить. А тамъ ужь не по праздникамъ, а и въ будни за работу примусь. И ты, гляди, сама ахнешь, какая у меня невѣста выйдетъ! Краше ея на свѣтѣ нѣтъ. А ужь къ тебѣ будетъ она, матушка, смирная, тихая! Грубить тебѣ не станетъ. Будетъ у меня вотъ тутъ въ углѣ стоять.

— Это ты опять про свое ковырянье?

Егоръ не отвѣтилъ, но послѣ минутнаго молчанія заговорилъ горячо:

— Чтò мнѣ всѣ живыя дѣвицы какія есть въ Березопольѣ, или хоть бы даже и въ городѣ! Чего мнѣ въ нихъ! И вотъ эта опять Евденья... Напрасно ты ее осуждаешь. Она дѣвушка хорошая. А что сирота и нѣтъ у нея ничего—не важность. Я вонъ теперь за работу все больше денегъ получаю. Намъ и дѣвать некуда! А къ тебѣ она была бы уважительная, смирная. За это я голову кладу. Никому я не дамъ тебѣ слова сказать худаго, а тѣмъ паче женѣ. Но только сказываю, что неправду ты думаешь. Не околдовала она меня. Коли любитъ — хорошо; завтра приди она, скажи: разлюбила, я тоже скажу — хорошо. Потому, у меня не то на умѣ. А вотъ приди завтра Макаръ Макаровичъ, объяви отъ княжны: не смѣть больше Егору затѣйничать, а пущай Егоръ мебель чинитъ, двери да ящики сбиваетъ да строгаетъ, да склеиваетъ! Вотъ тогда я и побѣгу топиться.

— Нѣтъ, ужь ты, Егорушка, ради праздника большаго, замолчи лучше, разсердилась старушка. — Не серди ты меня! Ей-Богу, замолчи. Грѣхъ одинъ! Ковырялка ты — одно слово...

XXI.

Въ то же самое время княжна сидѣла у себя, также въ темнотѣ, и не зажигала огня.

Лицо ея было задумчивѣе чѣмъ когда-либо, но не печально, а какъ-то встревожено, будто она получила какія новыя вѣсти, и худыя. На колѣняхъ ея лежала книга—та же, которую нашла она, уѣзжая изъ Москвы, на полу, на содержаніе которой она загадала и затѣмъ, двинувшись въ дорогу на разсвѣтѣ, тотчасъ же начала читать.

Съ тѣхъ поръ она перечитала эту книгу раза три, снова пересмотрѣла нѣсколько разъ и наконецъ знала чуть не наизусть. Теперь, думая о ней, она добавляла кой-что собственнымъ воображеніемъ, присочиняла и выдумывала разныя подробности, которыхъ не было въ книгѣ.

Пріѣхавъ въ Березополье, княжна снова взяла книжку и, перелистывая ее, задумалась, поникнувъ головой. Странный отвѣтъ на ея загадку былъ въ этомъ сочиненіи: „Безуміе отъ любви“.

Загадала она: чтò будетъ съ нею въ новомъ житьѣ-бытьѣ? И книжка отвѣчала, что она полюбитъ человѣка котораго нельзя любить, не слѣдуетъ, и который тоже не имѣетъ права любить.

Злополучныя приключенія аббата Сенъ-Дидье были описаніемъ борьбы двухъ лицъ съ окружающими людьми и обстоятельствами, и борьбы каждаго съ самимъ собой.

Молодая женщина, владѣтельница замка, богатая и родовитая, отданная когда-то насильно замужъ за старика и не любившая мужа, вдругъ овдовѣла. Нежданно-негаданно очутилась красавица на свободѣ, съ большимъ состояніемъ, окруженная почетомъ и уваженіемъ знатнаго общества, окруженная толпой жениховъ и претендентовъ. И эта еще не жившая, алчущая жить и любить женщина, сама не зная какъ, страстно полюбила молодаго аббата, уже предназначеннаго стать вскорѣ духовнымъ лицомъ и, не смотря на молодость, быть настоятелемъ монастыря.

Весь романъ заключался въ описаніи борьбы героини съ собою, съ аристократическими предразсудками, съ родней своею и родней покойнаго мужа. Съ другой стороны, ярко описывалась борьба съ самимъ собой идеально-добраго, красиваго и прямодушнаго молодаго человѣка, собиравшагося посвятить свою жизнь на подвиги самоотверженія.

Онъ тоже страстно полюбилъ,—внезапно, за какой-нибудь мѣсяцъ до дня назначеннаго чтобы облачиться на всю жизнь въ иную одежду — роковую во всякомъ существованіи. Аббатъ былъ какъ громомъ пораженъ тѣмъ, чтó негаданно-нежданно подсказало ему его собственное сердце, но рѣшилъ бороться съ дьяволомъ-искусителемъ во образѣ красавицы-женщины, недавно появившейся въ ихъ околоткѣ.

Романъ кончался трагически: погибелью обоихъ любовниковъ. Молодой человѣкъ не счелъ возможнымъ измѣнить клятвѣ данной Богу, и обрядъ посвященія состоялся. Чрезъ годъ послѣ этого, молодая, все таявшая женщина лишилась разсудка и была отвезена въ домъ сумасшедшихъ. Новый игуменъ не выдержалъ этого несчастія, имъ причиненнаго. Онъ отправился миссіонеромъ въ Африку, гдѣ въ концѣ концовъ погибъ, убитый кафрами или готтентотами.

Княжнѣ случилось конечно прочесть много такихъ романовъ, и давно она перестала любить это чтеніе. Если и случалось ей, когда-то, лѣтъ семь назадъ, проливать слезы надъ нѣкоторыми страницами подобныхъ сочиненій, то за послѣдніе годы она уже иногда, читая нѣкоторыя сцены, гдѣ слѣдовало бы плакать, улыбалась и качала головой.

Ей казалось, что въ дѣйствительной жизни такихъ ужасныхъ приключеній не бываетъ. Жизнь идетъ проще, а въ ней все происходитъ скорѣе, грубѣе и какъ-то понятнѣе.

Но теперь значеніе этой книжки для нея было совершенно иное. Княжна не переставала думать о ней, перелистывать ее, и чаще всего повторяла:

— Зачѣмъ я загадывала! Не загадай я, такъ и не дочла бы, пожалуй. Всякій тутъ вздоръ! А вотъ загадала. Чтó же такое можетъ со мной быть? Что же и я, что-ли, въ какого-нибудь монаха влюблюсь? Нѣтъ, если этотъ романъ отвѣтилъ мнѣ на мои мысли, то

надо понимать иначе. Я стало-быть встрѣчу человѣка который полюбитъ меня, который будетъ и мнѣ дороже всего на свѣтѣ, но мы будемъ совсѣмъ не пара.

Разумѣется, впечатлѣніе, произведенное на княжну содержаніемъ книги, случайно найденной на полу и прочитанной въ дорогѣ, зависѣло отъ того, что она, сама того не зная, или не вполнѣ сознавая, была въ это время въ исключительномъ положеніи. Жажда иной жизни, жажда любви сказывалась непреоборимѣе чѣмъ когда-либо. Кромѣ того, у Полины всегда играли большую роль всякія предчувствія, всякія странныя совпаденія, которыя для инаго разума показались бы совсѣмъ незначущими.

По той или другой причинѣ, но тридцатилѣтняя дѣвушка была глубоко убѣждена, что эта книжка, случайно выроненная лакеемъ, когда онъ укладывалъ ея библіотечку, и случайно затѣмъ попавшая ей въ руки на дорогу — все было дѣломъ не простымъ, а имѣющимъ огромное значеніе. Все это даромъ не пройдетъ. Во всемъ есть пророческій смыслъ.

И теперь, сидя съ этой книгой на колѣняхъ въ темнотѣ и глубоко задумавшись, она глядѣла въ окно на поляну, сплошь укрытую серебристыми сугробами. Но она ничего не видѣла. Предъ нею ясно вырисовывалось совершенно иное... Не сугробы и не оголенныя деревья видѣла она, не красный закатъ съ розоватымъ отблескомъ на всей окрестности... Предъ ней былъ, ясно и отчетливо вырисовываясь, уголъ столовой съ накрытымъ скатертью столомъ, на которомъ стоятъ иконы. Предъ нимъ фигура священника, спиной къ ней, а направо съ боку — двѣ-три фигуры причта, а за ними высокій, стройный „кто-то“. Она его не знаетъ и видитъ первый разъ.

Обитатель-ли онъ Березополья? Дьячокъ, пѣвчій, или просто дворовый, подпѣвающій во время молебна? Или, наконецъ, пріѣзжій какой-нибудь мѣщанинъ изъ города? Или родственникъ священника? И она думаетъ объ этомъ безъ конца. Она ждетъ, что вотъ-вотъ кончится молебенъ—и она узнаетъ... Непремѣнно спроситъ. Почему? зачѣмъ? Такъ... любопытство простое... Нѣтъ, это ложь!.. Его присутствіе тяготитъ ее... угнетаетъ.

Батюшка и причтъ поютъ слова молебна, люди крестятся и колыхаются кругомъ нея. Она сама машинально кладетъ на себя и повторяетъ крестное знаменіе, но въ то же время совершенно не думаетъ о томъ что̀ дѣлаетъ и что̀ творится въ столовой... Она думаетъ свое...

Глаза ея то и дѣло, какъ бы противъ воли, косятся на этого незнакомца, статнаго красавца, и вмѣсто словъ молитвы, она повторяетъ мысленно:

„У Макара Макаровича спрошу... Онъ долженъ всѣхъ знать... Можетъ-быть сейчасъ и уѣдетъ! Что же!?“

И затѣмъ эта картина смѣняется въ ея воображеніи другою. Къ ней, въ очередь, въ толпѣ, движется и близится все тотъ же незнакомецъ. Фигура его, которая тяготила ее во время молебна, и теперь тяготитъ. Къ ней подходятъ, кланяются, цѣлуютъ ея руку всякіе дворовые и крестьяне, мужчины и женщины, и проходятъ далѣе. Онъ подвигается все ближе и смотритъ на нее... А она, волей-неволей, искоса и украдкой, вскинувъ на него глазами, тотчасъ потупляетъ ихъ. Ей будто неловко, совѣстно... Нѣтъ, ей непріятно... Онъ ей страшно не нравится... Въ немъ есть что-то гнетущее... Не желала бы она его часто видать! Стоять подъ его взглядомъ ей невыносимо! Авось онъ сейчасъ же, въ качествѣ заѣзжаго городскаго мѣщанина, уѣдетъ, и никогда она его больше не увидитъ.

А въ эти мгновенья кто-то, около нея, невидимый, стоитъ и повторяетъ однозвучно:

— Ложь! Ложь! Ложь!..

Наконецъ, его очередь. Онъ сталъ предъ ней, поклонился. И ему протягиваетъ она руку, но съ трепетомъ на сердцѣ. Онъ нагнулся, поцѣловалъ руку. А княжна дернула ее, будто отъ обжога. Макаръ Макаровичъ что-то сказалъ ей. Она что-то отвѣтила и быстро двинулась. Подальше отъ него двинулась... И отойдя, вздохнула свободнѣе.

„Столяръ... крѣпостной... Егоръ... По дереву?.. что̀ такое по дереву?“ думается ей или повторяются чужія слова.

И вотъ теперь, въ ея воспоминаніяхъ за нынѣшній день, спустя нѣсколько часовъ, въ темной горницѣ, гдѣ она давно сидитъ одна, снова чередуются эти двѣ картины, какъ два отдѣльныя сновидѣнія объ одномъ и томъ же.

И много разъ, давно уже, не двигаясь изъ кресла и безсознательно глядя въ окно, повторила княжна сама себѣ:

— Что̀ же это?.. что̀ же все это? Совсѣмъ непонятно... Даже понять нельзя...

И будто тотъ же невидимка, стоявшій около нея въ столовой и строго ей на ухо повторявшій слово: „ложь“, теперь опять каждый разъ шепчетъ ей въ отвѣтъ:

„Нѣтъ, понятно! совсѣмъ понятно! Давно поняла и лжешь...“

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда княжны Полины. Дни шли и тянулись какіе-то сѣренькіе, беззвучные, будто глухо-нѣмые.

Полина сидѣла безвыходно дома, и только два раза вышла прогуляться до церкви съ Дуняшей.

По дорогѣ любимица показала барышнѣ на маленькій домикъ и объяснила, что онъ чудно̀ называется „первымъ“. Въ немъ отдѣльно живетъ одна старуха съ сыномъ, благодаря покровительству Трубецкаго. Княжна спросила:

— Кто именно?..

И узнавъ, стала суровѣе, молчаливѣе...

Устроившись вполнѣ въ своихъ горницахъ, Полина начала жизнь такую же, какую вела въ Москвѣ. Она читала, вышивала въ пяльцахъ, рисовала. Но ничто не ладилось у нея, какъ бывало прежде. Она чувствовала себя подъ гнётомъ безсмысленныхъ мечтаній, въ которыхъ стыдно было сознаться.

Но время шло и, наконецъ, приближались уже и Рождественскіе праздники и всякое веселье.

Въ Березопольѣ, гдѣ числилось до восьмисотъ душъ, была одна отличительная черта отъ другихъ вотчинъ и заключалась въ томъ, что здѣсь было до сотни людей особаго сорта, съ особымъ отпечаткомъ. Это были такъ-называемые „ткацкіе“ обоего пола.

Хотя ткачи и ткачихи набирались изъ крестьянъ и изъ дворовыхъ, за исключеніемъ не болѣе дюжины человѣкъ вольнонаемныхъ, но все, что̀ работало день-деньской за станками, не походило ни на дворню, ни на крестьянъ.

Почему ткацкіе были сами по себѣ въ Березопольѣ, со своими характерными особенностями, объяснить было мудрено. Они и ходили, и говорили, глядѣли какъ-то не такъ, какъ дворня. Въ нихъ было больше смѣлости, ухарства. Правда, это были люди на подборъ—умные, ловкіе, прыткіе на всѣ руки...

Насколько дворовые существовали праздно, настолько ткацкіе были заняты цѣлый день, и поэтому въ часы отдыха, въ полдень и въ сумерки, они веселою, говорливою гурьбой появлялись на улицѣ. Въ праздники это были коноводы всякихъ затѣй, игръ и всякаго веселья. Два-три человѣка изъ ткацкихъ молодцовъ, происхожденіемъ мѣщане изъ сосѣдняго города, были главными руководителями, затѣйниками, придумывавшими въ праздникъ всякія развлеченія.

Съ разрѣшенія Макара Макаровича, по воскресеньямъ и праздникамъ, не только лѣтомъ, но и зимой, бывали большія, гульливыя сборища на большомъ дворѣ

ткацкаго корпуса. Здѣсь водили хороводы и пѣли пѣсни, иногда до поздней ночи.

Часто хороводы смѣнялись бѣганьемъ, играми въ коршуна и въ горѣлки, или въ городки, въ лапту, въ бабки, въ свайку.

Только одну орлянку строго преслѣдовалъ Трубецкой.

Разумѣется, къ ткацкимъ по праздникамъ присоединялись и дворовые, иногда кое-кто изъ села.

Но парни и дѣвки съ слободы допускались съ выборомъ, такъ какъ это почиталось большою честью.

Наоборотъ, были обитатели Березополья, которые не считали возможнымъ участвовать въ общихъ играхъ съ ткацкими, ибо считали свое положеніе, какъ дворовыхъ, нѣсколько высшимъ.

Приближеніе праздниковъ оживило ткацкихъ. Сначала они опасались, что присутствіе княжны будетъ помѣхой всякому веселью; но затѣмъ, получивъ черезъ Макара Макаровича разрѣшеніе княжны, собирались вскорѣ отвести душу на разные лады.

Княжна не только не запретила обыкновеннаго, вошедшаго въ привычку, веселья, но даже однимъ своимъ распоряженіемъ какъ-бы поощрила ихъ праздничныя затѣи.

Видя, что морозы обѣщаютъ быть ужасными и, конечно, за все время святокъ послужатъ помѣхой для хороводовъ и всякаго рода игръ ткацкихъ рабочихъ, княжна обсудила вопросъ вмѣстѣ съ Макаромъ Макаровичемъ и сама придумала нѣчто новое. хотя и простое.

Княжна и не воображала, какое впечатлѣніе произведетъ въ Березопольѣ то что̀ она придумала и разрѣшила, а между тѣмъ, послѣ этого только и было толку, что о золотой, сердечной барышнѣ-княжнѣ.

Княжна посовѣтовала Макару Макаровичу, въ виду предстоящихъ праздниковъ и отдыха, очистить отъ станковъ, столовъ и лавокъ одну изъ самыхъ большихъ горницъ ткацкаго корпуса.

На эту очистку надобилось только сутки, а веселиться ткацкимъ предстояло двѣ недѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошелъ слухъ, которымъ возгордились всѣ ткацкіе. Они узнали, что на праздникахъ сама княжна собирается придти поглядѣть, какъ они веселятся, какъ хороводы водятъ и пѣсни играютъ.

Но покуда березопольцы ожили, ожидая праздниковъ и бо̀льшаго чѣмъ когда-либо веселья, благодаря очищенію горницы или залы въ ткацкомъ корпусѣ,— подъ двумя кровлями, въ барскомъ домѣ и въ „первомъ“, было попрежнему мертво-тихо.

Наконецъ наступило Рождество, святки, гаданья, и все Березополье пошло ходуномъ, благодаря ткачамъ. Дворовые присоединились къ нимъ охотно, такъ какъ все долженствовало происходить не на морозѣ, а въ теплѣ, по выдумкѣ барышни-княжны.

Но сама княжна въ продолженіе первыхъ трехъ дней, съ самаго утра Рождества, съ самой обѣдни въ храмѣ, была въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи,—какъ будто бы тамъ, въ церкви, случилось съ ней что-либо.

Теперь по цѣлымъ днямъ сидѣла она одна, только изрѣдка разговаривая съ Дуняшей, и только разъ пригласила къ себѣ на чашку чаю Макара Макаровича.

Дуняша, зная свою дорогую барышню, приписывала странное настроеніе княжны тому, что она сожалѣетъ о своемъ московскомъ житьѣ и скучаетъ въ вотчинѣ.

Макаръ Макаровичъ, почти не знавшій княжны, разумѣется, подумалъ, что она всегда такова. Задумчива, по временамъ печальна, какъ-бы съ усиліемъ весела, а минутами тревожна и какая-то диковинная. Спроситъ что̀ и не слушаетъ отвѣта. Говоритъ что-нибудь и бросается мысленно. Броситъ одинъ предметъ и заговоритъ о другомъ. И вдругъ, отъ какого-нибудь его пустаго слова, огнемъ вспыхнетъ. А то разсмѣется, и этотъ смѣхъ какой-то недобрый. Не то, чтобы смѣхъ злаго человѣка, а какой-то будто умышленный, ложный, къ тому же совсѣмъ не веселый, холодный.

Ворочаясь отъ княжны, Макаръ Макаровичъ недоумѣвалъ и разсуждалъ:

— Чудна̀я она! Много я, спаси Богъ, людей—баръ и господъ перевидалъ всякихъ, и захудалыхъ, и саповитыхъ. Самъ дворянинъ! Своего брата — дворянина, помилуй Богъ, знать и понимать могу. А вотъ эту дѣвицу — никакъ не разгадаешь. Что-то въ ней такое, запрятанное есть. Будь она не княжной Березопольской, а дворовою дѣвицей, право бы, на юродивую смахивала. Нѣтъ-нѣтъ, спаси Господи, и озадачитъ!

И Макаръ Макаровичъ сознавался себѣ, что онъ не знаетъ, какъ ему иной разъ быть съ этою княжной.

— Разногласіе, помилуй Богъ! рѣшилъ онъ.—Никакъ подъ нее не потрафишь мыслями и словами. Не по себѣ ей... Такъ и сдается, что тревожится она о томъ, что вотъ сейчасъ прискачетъ къ ней конный изъ Москвы и такія вѣсти получитъ она, что пришибетъ ее! Прямо сказать, помилуй Богъ, тревожная барышня, растревоженная дѣвица.

Макаръ Макаровичъ, конечно, не могъ знать, что до пріѣзда въ Березополье княжна такою не была. Онъ не могъ знать, что сама княжна, оставаясь одна, бывала смущена перемѣной въ ней.

Она сама себя смущала, сама себя силилась разгадать и объяснить. Она знала и чувствовала, что въ ней происходитъ нѣчто нежданное и страшное, не обѣщающее ничего добраго. Но назвать по имени то, что вдругъ овладѣло ею, она не могла, или, вѣрнѣе сказать, боялась.

На четвертый день праздниковъ, ввечеру, пригласивъ къ себѣ Макара Макаровича, княжна объявила, что хочетъ обойти всю усадьбу, всѣ службы и строенья, а главнымъ образомъ осмотрѣть жилье дворовыхъ, чтобы знать, какъ кому живется.

Макаръ Макаровичъ очень обрадовался этой мысли. Ему было пріятно похвастать, въ какой чистотѣ и опрятности содержится все въ Березопольѣ.

— Помилуй Богъ, осчастливите всѣхъ... А гдѣ найдете безпорядокъ какой, спаси Богъ, мы тотчасъ исправимъ по вашему приказанью.

— Нѣтъ, Макаръ Макаровичъ, это не мое дѣло. Вы знаете, что батюшка мнѣ не далъ никакого права распоряжаться въ вотчинѣ. Я сама сюда пріѣхала противъ воли, какъ бы въ наказаніе. Вы здѣсь главное лицо, довѣренный человѣкъ князя. И я сама какъ бы у васъ подъ началомъ. Если я что̀ найду, то готова быть вашей совѣтчицей и, разумѣется, скажу вамъ. Но это будетъ не указъ, а совѣтъ. Я вѣдь здѣсь не владѣлица, а ссыльная.

Макаръ Макаровичъ, уже давно собиравшійся облегчить свою душу, заговоривъ съ княжной о пресловутомъ письмѣ князя Андрея Ивановича, при этомъ объясненіи княжны сразу рѣшился не упускать подходящаго случая.

— Если ужь, помилуй Богъ, объ этомъ рѣчь зашла, то дозвольте мнѣ по душѣ побесѣдовать съ вами, началъ Трубецкой.

И какъ ребенокъ, смущаясь, запинаясь, оттягивая слова, онъ передалъ княжнѣ, въ какую должность надумалъ князь поставить его. Долго искалъ Трубецкой выраженія, чтобы объяснить должность, навязанную ему въ письмѣ, но не нашелъ его и вымолвилъ:

— Выходитъ, спаси Господи, я долженъ быть сыщикомъ и наушникомъ. Воля князя, а я на такое не годенъ. Я не уродился Ванькой-Каиномъ.

Княжна, узнавъ неожиданно объ этомъ приказаніи отца въ письмѣ, касающемся ея жизни въ Березопольѣ, задумалась и долго молчала.

Божій человѣкъ. Съ картины (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч., принадлежитъ „Нивѣ“) А. Кошелева, грав. Шюблеръ.

Ей казалось, что если-бъ она узнала объ этомъ въ Москвѣ, или въ день пріѣзда въ Березополье, то отнеслась-бы къ этому со смѣхомъ и вполнѣ равнодушно. Что ей за дѣло, будетъ-ли кто-либо за ней слѣдить и отписывать князю обо всемъ, что она дѣлаетъ. Но теперь это распоряженіе отца пугало ее.

„Почему же именно „теперь?“ спросила себя мысленно княжна, налегая на послѣднее слово. И она не захотѣла сама себѣ отвѣтить.

Однако, подумавъ немного, она попросила Макара Макаровича не отказываться отъ должности надзирателя надъ ней. Она стала доказывать добродушно и ласково, что если онъ не согласится отписывать князю еженедѣльно о томъ, какъ живется ей въ вотчинѣ, то князь-отецъ тайно выберетъ другаго наушника на нихъ обоихъ, и дѣло будетъ гораздо хуже.

Макаръ Макаровичъ упорно отказывался, но наконецъ долженъ былъ согласиться.

— Послушайте, Макаръ Макаровичъ, выговорила княжна, положивъ руку ему на плечо.—Мы съ вами вмѣстѣ будемъ сочинять эти отписки. У васъ на совѣсти и будетъ спокойно. Я даже, пожалуй, сама буду сочинять, а вы только подписывайте посланіе.

— Вотъ это, спаси Богъ, дѣло! разсмѣялся добродушно Трубецкой. — Вотъ на это мое согласіе полное! Благослови Богъ. Такъ и будемъ дѣлать. Вы про себя все отпишите, я перепишу и подпишу. Сами вы за собой сыскъ и чините! И справедливо будетъ, и диковинно!

XXIII.

На другой день около полудня Дуняша доложила барышнѣ, что къ ней явилась представиться старуха Лукерья Милованова, которая хворала и не могла придти ранѣе. Княжна тотчасъ вышла въ дѣвичью и увидѣла двоихъ пришедшихъ. Сынъ привелъ мать, слабо державшуюся на ногахъ. Княжна насупилась, сухо поздоровалась со старушкой, и почти не сказавъ ни слова, отпустила ее. Затѣмъ она вернулась къ себѣ и сѣла къ окну, безъ дѣла, сумрачная и тревожная.

Дуняша, взглянувъ на барышню, сразу замѣтила перемѣну въ лицѣ ея и освѣдомилась объ ея здоровьѣ.

— Ничего, сурово отозвалась Полина.—Съ чего ты взяла? Напротивъ, я совершенно здорова.

Но Дуняша не повѣрила отвѣту, такъ какъ по одному голосу барышни она могла догадаться, что ея предположеніе совершенно вѣрно: княжнѣ не по себѣ...

Посидѣвъ, Полина прошла въ другую горницу, которая именовалась теперь рабочею, гдѣ были ея книги, пяльцы и столъ со всѣми принадлежностями для рисованія. Она вдругъ заперлась на ключъ, затѣмъ стала среди горницы, закрыла себѣ лицо руками и долго простояла не двигаясь.

— Что же это? выговорила она шепотомъ.—То, во что я не вѣрила... надъ чѣмъ смѣялась... Это самое названіе этой книжки. Три слова рядомъ, которыя мнѣ чудились совсѣмъ неподходящими... И вотъ оно будто приключилось! „Безуміе отъ любви!“ Да, конечно, до безумія не далеко! Но любовь?.. не знаю. Неужели это—любовь? Неужели она такъ начинается? И неужели она возможна при такихъ обстоятельствахъ? Тотъ, аббатъ—дворянинъ, ровня, онъ только далъ обѣтъ постриженія, но онъ—человѣкъ не другаго рода и не другаго состоянія. Онъ не крѣпостной, не холопъ... Нѣтъ! Это ужъ тутъ не безуміе отъ любви и не любовь! Это—только одно безуміе. И, конечно, оно не можетъ длиться. Все пройдетъ. Зачѣмъ батюшка послалъ меня сюда! Уѣзжать надо въ другое имѣніе. Да, я напишу ему, я буду проситься въ нашу маленькую вотчину въ Воронежской губерніи. Тамъ будетъ лучше.

И княжна съ ужасомъ сама тотчасъ созналась, что послѣднее выраженное ею желаніе противорѣчило всему, ея увѣренности въ себѣ, увѣренности что „все пройдетъ“, всему чѣмъ старалась она успокоить себя.

Побродивъ безъ цѣли и безсознательно по горницѣ, княжна подошла къ небольшому шкафу, гдѣ были разставлены ея книги, отворила дверку и стала смотрѣть на нее. Она еще вчера замѣтила нѣчто въ этой дверкѣ. Простой пустякъ. Но этотъ пустякъ имѣлъ свое значеніе. Онъ даже пришелъ ей на умъ съ вечера, а проснувшись ночью, она думала объ этомъ опять.

Въ этой дверкѣ цѣлая половина, изъ толстой дубовой доски, отстала и покоробилась. Образовалась щель, въ которую можно было легко просунуть руку.

„Это надо поправить!“ думалось ей.

Полина постояла нѣсколько мгновеній, глядя на отдувшуюся покоробленную половинку дверки и уже собиралась снова затворить шкафъ. Но вдругъ рука ея просунулась въ отверстіе и она нажала быстрымъ, будто невольнымъ, движеніемъ, но нажала сильно, слегка даже ссадивъ себѣ руку. Доска, скрыпнувъ, вывалилась вонъ и загремѣла на полу, а княжна вздрогнула какъ бы отъ выстрѣла.

Но въ ту же минуту, она рѣшительными шагами перешла въ уголъ горницы, къ комоду, на которомъ было поставлено большое зеркало въ деревянной рамѣ, съ тонкой рѣзьбой кругомъ. Съ минуту простояла предъ нимъ княжна—и точно такъ же руки ея схватились, наконецъ, за рѣзьбу и отломили нѣсколько кусковъ.

Затѣмъ, уже съ пылающимъ отъ стыда лицомъ, она стала осматриваться въ горницѣ, и въ ней повторялся, независимо отъ ея воли, вопросъ:

— Еще что?.. Надо больше...

Сердце ея билось какъ если-бъ она уже совершила два преступленія. И, какъ истинный преступникъ, въ отчаяніи отъ совершеннаго, готовъ уже на все, такъ и княжна искала сломать еще что-нибудь. Въ ней копошилось чувство, какъ бы говорившее: все равно—семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Но, однако, она простояла неподвижно нѣсколько мгновеній, потомъ отошла отъ комода, сѣла и глубоко задумалась.

Прошло около получасу. Она вполнѣ успокоилась, лицо ея прояснилось. Она отворила дверь и кликнула Дуняшу. Въ эту минуту она снова слегка тревожилась. Лицо ея не умѣло лгать этой дѣвушкѣ, съ которой годами сжились онѣ. Какъ ни простовата была горничная, но всякій разъ, что теперь Дуняша приглядывалась къ лицу барышни, княжнѣ становилось неловко. Ей чудилось, что любимица можетъ прочесть легко и свободно все совершающееся у нея на душѣ.

На зовъ княжны никто не отвѣтилъ, и когда она снова позвала, а затѣмъ переступила порогъ, то лицо ея слегка прояснилось. Дуняши не было, а къ ней навстрѣчу шла Евгенія.

— Авдотья Михайловна ушли, доложила горничная.

— Такъ сбѣгай, Евгенія, къ Макару Макаровичу и скажи ему чтобы онъ мнѣ послалъ...

Княжна запнулась, но вдругъ гордо выпрямилась, какъ еслибъ ей сказали что-нибудь обидное, и прибавила болѣе сурово:

— Кого-нибудь изъ столяровъ. Тутъ надо поправить, починить, заклеить... Вѣдь у насъ есть столяры?

— Точно такъ-съ... А что именно-съ? опросила Евгенія. — Что поправить?

— Это не твое дѣло! рѣзко отозвалась княжна.

Евгенія смутилась и произнесла, какъ бы извиняясь и объясняя:

— Если что простое, вѣстимо всякій можетъ... А коли что мудреное, то Егора пошлютъ.

Княжна догадалась и выговорила быстро:

— Да, конечно! Мое московское зеркало. Конечно, нельзя дать какому-нибудь простому плотнику... Такъ поди скажи Макару Макаровичу и... ну, пускай этого Егора пошлютъ!

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ **А. Зарина.**

I.

Былъ жаркій іюньскій полдень. Лѣтнее солнце ярко горѣло на безоблачномъ небѣ, и горячіе лучи его быстро высушивали петербургскія мостовыя, обильно поливаемыя дворниками, а легкій вѣтерокъ тотчасъ поднималъ мелкую, ѣдкую пыль и кружилъ ее по улицамъ, заставляя прохожихъ чихать и жмуриться. У Балтійскаго вокзала было необыкновенное оживленіе. Къ подъѣзду то и дѣло прибывали извозчичьи пролетки и изящные экипажи; со всѣхъ сторонъ шли мужчины, женщины, подростки въ мундирахъ, подростки безъ мундировъ — и вся эта масса народа шумѣла, торопилась и, раздѣлившись на-двое, широкими потоками текла въ подъѣздъ и подъ ворота вокзала. Городовые, раскраснѣвшіеся отъ духоты и усилій, растерянно бѣгали по площади, неистовыми криками и маханіемъ шашекъ отгоняя остановившихся извозчиковъ.

Хмуровъ слѣзъ съ имперіала подъѣхавшей конки и, отирая вспотѣвшее лицо платкомъ, шелъ къ вокзалу, поминутно отскакивая отъ налетавшихъ со всѣхъ сторонъ экипажей.

— Алексѣй Константиновичъ!.. Алексѣй Константиновичъ! услыхалъ онъ крикъ въ два голоса. Онъ оглянулся. На подъѣздѣ, расплачиваясь съ извозчикомъ, стоялъ средняго роста блондинъ и неистово махалъ рукою. На немъ была мягкая, съ широкими полями, порыжѣлая шляпа и мышинаго цвѣта пальто, раздуваемое вѣтромъ.

— Сюда, сюда! кричалъ онъ Хмурову. Рядомъ съ нимъ стояла худощавая женщина съ ястребинымъ носомъ и карими глазами навыкатъ. Она улыбалась и кивала головою Хмурову, причемъ яркія перья на ея шляпѣ величественно колыхались, а птичья голова, помѣщенная между перьями, неистово клевала носомъ, словно хотѣла продолбить темя хозяйки.

Хмуровъ оживился и ускорилъ шаги.

— И вы, и вы? визгливо заговорила женщина, хватая его за руку, — вотъ отлично! вотъ весело будетъ! Вы только насъ слушайте! назидательно окончила она.

— Одолжите папиросочку, если есть! пожимая руку, сказалъ блондинъ,—позабылъ взять съ собою,—и, закуривъ папиросу, засуетился: — надо билеты брать, а то не застанемъ мѣста. Вы вѣдь на скачки? да? закивалъ онъ головою, не дожидаясь отвѣта Хмурова,—ну, такъ я и вамъ... вы постойте съ женою... Послѣ, послѣ! замахалъ онъ руками, когда Хмуровъ сталъ было доставать деньги, и быстро побѣжалъ въ ворота, причемъ полы пальто его приподнялись и затрепетали по вѣтру.

— А мы за нимъ, ухватила Хмурова подъ руку жена блондина, — тамъ и подождемъ его! все скорѣе!

Хмуровъ послушно пошелъ съ нею, а она, переходя дворъ вокзала, говорила таинственнымъ полушепотомъ:

— Вы только насъ слушайте—мы ужъ старые воробьи! Ни одного раза не пропускаемъ; всѣхъ знаемъ, а вѣдь тутъ главное разсчетъ; можно навѣрное играть, если знаешь.

— Вы развѣ всегда съ Василіемъ Карловичемъ? спросилъ Хмуровъ.

— Всегда, всегда, отвѣтила она, махая зонтикомъ, — онъ одинъ куда угодно, но на бѣга или скачки безъ меня — не смѣетъ! Мы всегда вмѣстѣ, а играемъ врозь, окончила она.

Они подошли къ деревянной платформѣ со двора.

— Вотъ тутъ и станемъ, остановилась она.

Передъ ними, на дворѣ, у маленькой будочки толпилась кучка народу, беря билеты. Въ толпѣ стоялъ Василій Карловичъ, дожидаясь очереди и, замѣтивъ жену съ Хмуровымъ, началъ подавать имъ какіе-то сигналы головою и руками.

— Еще успѣемъ, отвѣтила жена на эти сигналы.

Мужъ словно услыхалъ и успокоился.

— Какъ же вы попали сюда? интересовалась она, — говорятъ, вы такой серьезный, безъ увлеченій, настоящій Хмуровъ! сказала она и засмѣялась.

Хмуровъ улыбнулся тоже.

— Я вѣдь такъ только, посмотрѣть, отвѣтилъ онъ.

— А играть не будете? почти вскрикнула она.

— Нѣтъ, не разсчитываю, сказалъ Хмуровъ.

Жена Василія Карловича въ изумленіи даже выпустила его руку.

— Теперь садиться, садиться! торопливо подбѣжалъ Василій Карловичъ и быстро пошелъ къ вагонамъ, поминутно оглядываясь на свою жену съ Хмуровымъ и торопя ихъ знаками. Почти всѣ вагоны были полны, хотя до отхода поѣзда оставалось еще полчаса. Едва-едва нашли они мѣсто.

— Вообрази себѣ, обратилась жена къ мужу,—Алексѣй Константиновичъ ѣдетъ смотрѣть только, а играть не хочетъ!

Василій Карловичъ широко улыбнулся:

— Не хочетъ! пріѣдетъ — захочется! — и вдругъ онъ нахмурился: — Афишку-то купила, а?

— Нѣтъ, съ испугомъ отвѣтила жена,—вѣдь ты же хотѣлъ!

— Я... я! обозлился онъ, — все я!

Онъ быстро шмыгнулъ изъ вагона и черезъ минуту вернулся съ афишей.

— Дай, дай! потянулась жена.

Онъ отдернулъ афишу:

— Успѣешь!

— Ты хоть вслухъ читай, попросила она.

— Еще чего! мотнулъ онъ головою и обратился къ Хмурову:—Одолжите папиросочку!

Хмуровъ одолжилъ. Василій Карловичъ закурилъ и погрузился въ чтеніе. Жена жадно глядѣла ему черезъ плечо. Черезъ минуту у нихъ начался горячій споръ:

— Ужъ знаю, на „Карлоса“ поставишь, замѣтила она.

— Поставлю, угрюмо отвѣтилъ мужъ.

— И проиграешь, какъ прошлый годъ.

— А все-таки поставлю! „Карлосъ“ это не то, что твоя „Клара“.

— У „Клары“ — сила, она только заскакиваетъ, горячо заговорила она,—а твой „Карлосъ“ ни въ гладкой, ни съ барьерами; заносится, засѣкаетъ, барьеры не беретъ...

— Ну, ставь на кого хочешь, а меня оставь въ покоѣ! почти закричалъ мужъ.

— Совсѣмъ скверная лошадь, окончила жена, причемъ птица на ея шляпкѣ иронически мотнула головою.

Публики набиралось все больше и больше.

Скамейки были всѣ заняты. Входившіе становились между скамеекъ и на площадки вагоновъ, а публика все набиралась и набиралась.

— Кондукторъ, кондукторъ! кричалъ кто-то, — уберите этого нахала! Мѣста нѣтъ, а онъ лѣзетъ!

— У меня билетъ, и я знать ничего не хочу! гудѣлъ упрямый голосъ.

— Господа, потѣснитесь немножко! упрашивалъ кондукторъ.

Поѣздъ тронулся.

— Полетитъ кубаремъ,—не моя вина, ворчалъ недовольный.

— Какъ бы сами не полетѣли! гудѣлъ упрямый.

Поѣздъ шелъ, прибавляя ходу.

II.

Василій Карловичъ Славинъ и Алексѣй Константиновичъ Хмуровъ служили вмѣстѣ въ управленіи одной желѣзной дороги. Славинъ былъ однимъ изъ тѣхъ, что живутъ не думая о завтрашнемъ днѣ. Онъ всегда искалъ случая занять, никогда не имѣлъ своихъ папиросъ, ходилъ неряшливо, и въ то же время, любилъ кутнуть, поазартничать въ стуколку или на тотализаторѣ, хвастнуть какою-нибудь вещицею, которую тотчасъ „спускалъ“ товарищу за полцѣны. Жена ни въ чемъ не уступала ему.

Хмуровъ, напротивъ, считался человѣкомъ положительнымъ и солиднымъ, отчасти благодаря своей женѣ, женщинѣ благоразумной-и рачительной, воздерживавшей его отъ всякаго сумасбродства. Онъ жилъ скромно, почти затворникомъ, на 60 руб. жалованья; любилъ почитать, заняться политикою, поговорить объ отвлеченностяхъ, и только сегодня рѣшился поѣхать въ Петергофъ, больше изъ любознательности. На службѣ уже двѣ недѣли только и было толковъ, что о скачкахъ. Хмуровъ не имѣлъ о нихъ никакого понятія и рѣшился полюбопытствовать.

— Боже тебя упаси — увлечься! провожала его жена, снабдивъ пятью рублями.

— Что ты, Настя, улыбнулся онъ, цѣлуя ее, — развѣ я ребенокъ! Да и не раскутишься на это, прибавилъ онъ, пряча ассигнацію.

— Смотри у меня! смѣясь, погрозила пальцемъ Настасья Сергѣевна. Это была женщина высокая, худощавая, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ.

Хмуровъ очень обрадовался, встрѣтивъ Славина. Среди толкотни онъ совсѣмъ бы растерялся; Славинъ же былъ человѣкъ опытный.

— Во все, во все посвящу, весело говорилъ онъ, выучивъ, наконецъ, афишу и передавъ ее женѣ.

Та вынула карандашъ и что-то отмѣчала имъ, читая афишу.

— Четвертый годъ ужъ хожу, батенька, продолжалъ Славинъ: — всѣ порядки знакомы!

— На „Демона“ будешь ставить? перебила жена.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и продолжалъ: — я бы и вамъ поиграть совѣтовалъ. Рубликъ что? пустякъ! а на него можно 5 выиграть! Что пять! увлекся онъ, — бываетъ, что 20 р. выигрываютъ! Помнишь, Аня? обернулся онъ къ женѣ.

Та молча кивнула головою, погруженная въ чтеніе.

— А сегодня интересно будетъ, горячо заговорилъ Славинъ,— первый день, новичковъ много, лошадей не знаютъ. Будутъ большія выдачи...

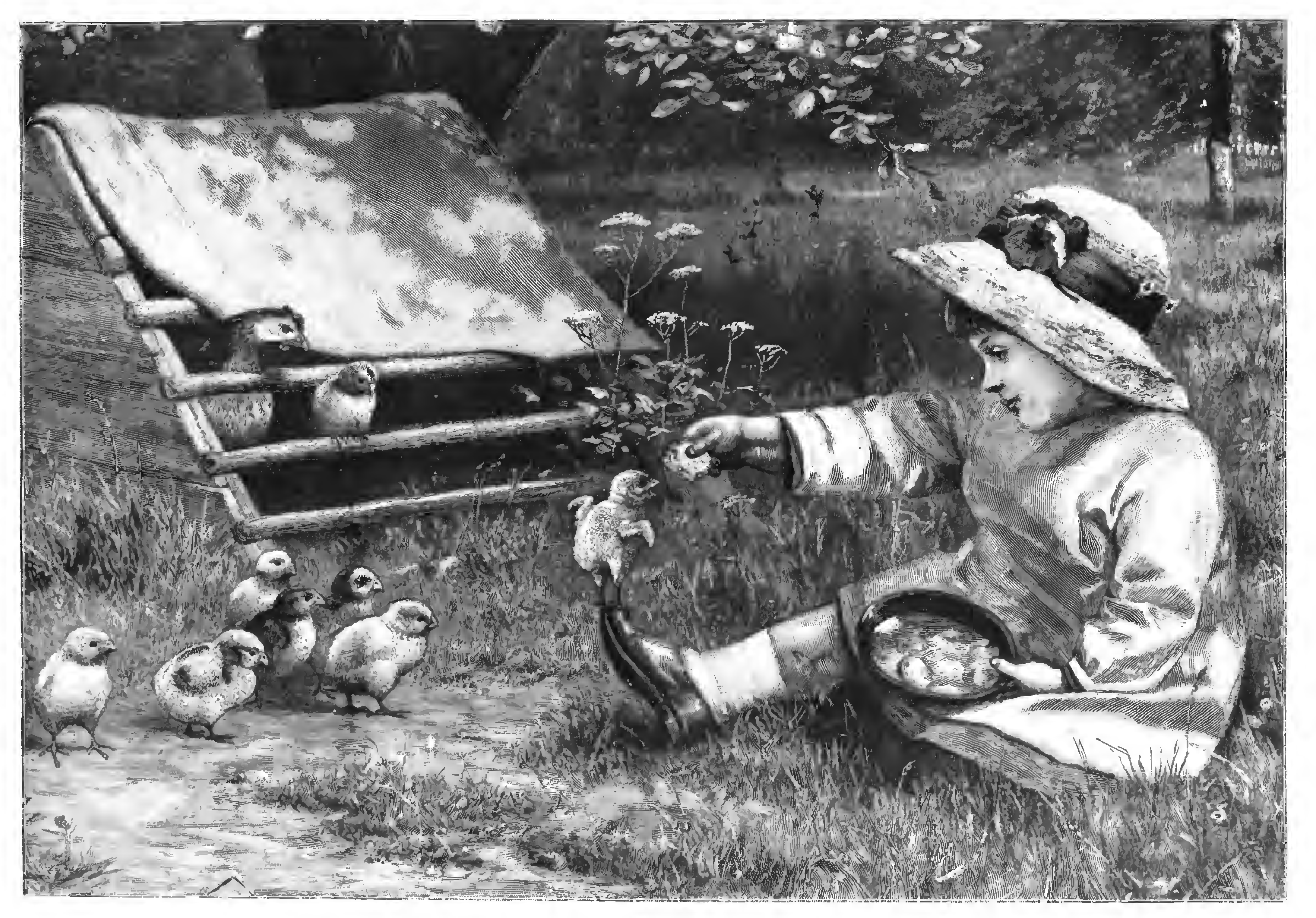
Публика освоилась со своими мѣстами, и до Хмурова со всѣхъ сторонъ доносился разговоръ о лошадяхъ.

— Позвольте, позвольте! авторитетно говорилъ какой-то старецъ:—правда, въ прошломъ сезонѣ онъ заносилъ, но вѣдь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ! Годъ! вѣдь его объѣзжали, учили!

— Совершенно вѣрно, ввязался въ бесѣду безусый юнецъ,— это своего рода воспитаніе, школа, а лошадь прелестная, сильная. Она навѣрное будетъ брать призы.

— Что же я-то говорю, что же я-то?.. горячо заговорилъ сту-

Неужели утонулъ?! Картина Батона, грав. Шевалье.



Кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ. Съ картины Доллмана, грав. P. N.

дентъ.— Я то же говорю, но прибавляю: если не будетъ заносится, если не будетъ...

— Годъ ученія! поймите, годъ ученія! твердилъ старецъ.

— Теперь ты скажи мнѣ, приставали смазные сапоги къ засаленному картузу,— кто противъ его устоитъ можетъ?

— Хлопушкинъ можетъ, заявилъ картузъ.

— Хлопушкинъ! подхватили сапоги,—да ему въ вѣсѣ и то не сравняться. Опять ноги! Вѣдь онъ, что жердь вытянулся. Худой, тонкій, жилистый и вѣсу 3 пуда, а Хлопушкинъ-то съ брюшкомъ, батя, вотъ что!

— Ужъ и съ брюшкомъ? усомнился картузъ.

— Вѣрно! ликовали сапоги,— теперь противъ его ни одного ѣздока не найдешь!

— Нѣтъ, дорогая моя, будемъ ужь, какъ дома условились, упрашивала дворянская фуражка гарусную накидку:— ты на „Жениха", я на „Вдову".

— Охотникъ до вдовъ! смѣялась гарусная накидка, стрѣляя глазами.

— Господа, такъ мы въ долѣ! радостно кричалъ юнецъ, только что бесѣдовавшій со старцемъ.

— И вы не будете играть? спросила Славина съ укоромъ, обращаясь къ Хмурову.

— Подумаю, отвѣтилъ нерѣшительно Хмуровъ.

— Что думать! почти закричалъ Славинъ,—на рубль, батенька, пять, десять, двадцать получить можно!

— Господа, билеты! вошелъ кондукторъ со щипцами въ рукѣ.

Поѣздъ подходилъ къ Петергофу.

III.

Какъ изъ мѣшка горохъ, посыпалась публика изъ вагоновъ, едва поѣздъ подошелъ къ платформѣ петергофскихъ скачекъ.

— Скорѣе, скорѣе, торопилъ Славинъ. Онъ нахмурился и видимо волновался, нехотя отвѣчая на вопросы.

— Сюда, сюда! крикнула Славина, хватая Хмурова за рукавъ.

Они вышли на платформу. Разноцвѣтною, живою лентою публика тянулась по узкой дорогѣ къ мѣсту скачекъ. Оживленія тутъ было больше, чѣмъ на вокзалѣ въ Петербургѣ. Два красивыя, высокія зданія были разцвѣчены флагами. Навстрѣчу публикѣ гремѣла музыка. Передъ зданіями тѣснилась толпа; поминутно подкатывались роскошныя ландо и коляски; на площадкѣ стояли пожарные въ блестящихъ каскахъ; вмѣсто жандармовъ гарцовали въ красивыхъ бешметахъ конвойные съ нагайками въ рукахъ; на всю эту пеструю толпу, сновавшую взадъ и впередъ, свѣтило яркое іюньское солнце, играя золотомъ на каскахъ пожарныхъ, отливая серебромъ на гладкихъ стволахъ ружей конвоя и заливая своимъ ослѣпительнымъ блескомъ и зданія, и людей, и золотистыми столбами поднимающуюся по дорогѣ пыль.

Хмуровъ, увлеченный общимъ оживленіемъ, весело улыбался, оглядываясь по сторонамъ.

Они проходили мимо растворенныхъ воротъ; за воротами, по зеленой лужайкѣ, другъ за другомъ ходили жокеи, водя подъ уздцы лошадей.

— Это что? спросилъ Хмуровъ.

— Три рубля, три рубля, суетливо отвѣтилъ Славинъ,—намъ туда надо!— И онъ торопливо пошелъ дальше. Славина была не такъ взволнована и объяснила, что это трехъ-рублевыя мѣста, гдѣ находится судейская трибуна и гдѣ проводятъ лошадей, предназначенныхъ къ скачкѣ.

— Мы въ рублевыя ходимъ. То же самое, только приготовленій не видно! окончила она.

Они подошли къ кассѣ и, дождавшись очереди, взяли билеты. Славины вдругъ куда-то запропали, и Хмуровъ толпою былъ внесенъ въ рублевыя мѣста.

Высокое, деревянное зданіе, крытое крышею, переднимъ фасадомъ выходило на скаковое поле и представляло амфитеатромъ уставленныя скамьи. Публика сходила внизъ, поднималась кверху, сидѣла, стояла на скамейкахъ или выходила впередъ и становилась на площадкѣ у низкаго барьера, отдѣляющаго мѣста отъ скаковаго поля. Задняя сторона зданія была занята маленькими будками, надъ которыми были надписи: „двойной 10 руб.", „двойной 5 руб.", „3 руб.", „одинъ рубль", „одинъ рубль", „пріемъ закладовъ", „выдача выигрыша".

„Это и есть тотализаторъ", подумалъ Хмуровъ и подошелъ ближе къ одной изъ будокъ. У каждой стояла оживленная толпа и изъ будки раздавался голосъ:

— Одинъ второй, два первыхъ, одинъ четвертый!—при каждомъ возгласѣ звонко щелкала какая-то машинка, и подходившіе къ будкѣ возвращались съ билетомъ въ рукѣ.

„Взять что-ли?" мелькнуло у Хмурова, но онъ тотчасъ остановился:—„ничего не знаю, даже какія лошади побѣгутъ".

Онъ оглянулся, ища глазами Славина, но того не было видно. Раздался звонокъ. Публика отхлынула отъ тотализатора и бросилась къ скамейкамъ. Хмуровъ пошелъ за всѣми.

„Чего всѣ такъ волнуются?" подумалъ онъ, оставаясь совершенно равнодушнымъ.

Онъ взошелъ на лѣстницу амфитеатра и сталъ оглядываться. Всѣ волновались, искали мѣста, откуда повиднѣе, и готовили бинокли. Вокругъ огромнаго луга эллипсисомъ, почти кругомъ, лежала плотно убитая дорога. На серединѣ луга красовалось нѣсколько экипажей, и подлѣ нихъ гарцовали всадники, перекидываясь словами и улыбками съ сидѣвшими въ экипажахъ.

Раздался второй звонокъ.

Изъ другаго зданія вышелъ офицеръ съ солдатомъ, несшимъ красный флагъ.

Они сѣли на извозчика и по лужайкѣ отъѣхали немного въ сторону.

Изъ воротъ выѣхало нѣсколько всадниковъ.

Красивыя лошади горячились, фыркали и били ногами, встряхивая гривами. Всадники въ военныхъ мундирахъ, поодиночкѣ выѣзжали на дорогу и легкою рысью направлялись къ офицеру съ флагомъ.

— Хлопушкинъ—„Святополкъ!" объяснялъ кто-то, называя всадника и лошадь.—Синицынъ—„Клара"; Кривцовъ—„Пуля"; Куне—„Секунда".

— Гдѣ, гдѣ Куне? заволновался кто-то.

— Сѣрая лошадь, бѣлая фуражка.

— Молодецъ! вскрикнула дама съ краснымъ зонтикомъ, когда мимо, бѣшенымъ аллюромъ, пронесся Синицынъ на „Кларѣ".

— Всегда заморитъ до времени! произнесъ чей-то голосъ.

Хмуровъ, ничего не понимая, оставался равнодушенъ.

Отъѣхавшій на извозчикѣ офицеръ теперь стоялъ у дороги съ флагомъ въ рукѣ. Подъѣхавъ къ нему, четыре всадника, сдерживая лошадей, нѣсколько мгновеній уравнивались и вдругъ сорвались съ мѣста. Офицеръ взмахнулъ флагомъ, звякнулъ звонокъ.

— Пошли! пронесся шопотъ.

Кругомъ настала тишина, только слышался мѣрный топотъ четырехъ несущихся лошадей. Какъ молнія, пронеслись онѣ мимо Хмурова. Впереди, стоя на стременахъ и мѣрно наклоняясь, несся кавалергардъ въ бѣлой фуражкѣ. Лошадь его вытянулась почти въ прямую линію. За нимъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, скакалъ молоденькій офицеръ; онъ потерялъ фуражку и поминутно взмахивалъ головою, отбрасывая падавшие на лицо волосы.

Хмурова охватило легкое волненіе; онъ сталъ слѣдить за обоими всадниками.

— Всегда заморитъ, а потомъ посылаетъ! рѣзко сказалъ чей-то голосъ подлѣ него.

— Кто? на мгновеніе обернулся Хмуровъ.

— Да вонъ! брезгливо махнулъ головою высокій, плотный господинъ.

Послѣднимъ, еле поспѣвая, скакалъ толстый, усатый кавалеристъ, нещадно хлыща свою лошадь.

— Кто это? спросилъ Хмуровъ.

— Синицынъ, на „Кларѣ", отвѣтилъ господинъ.

„Та, которую Славина хвалила!" припомнилъ Хмуровъ.

Всадники обогнули кругъ и неслись теперь прямо къ зданію.

— „Пуля", „Пуля!" неистово кричалъ юноша, поднимаясь на носкахъ.

— „Секунда!" кричалъ чей-то изступленный голосъ.

Всадники приближались. Тѣмъ-же аллюромъ, съ тою-же самой посадкой несся кавалергардъ, мѣрно колыхаясь на стременахъ. Рядомъ съ нимъ скакалъ офицеръ безъ фуражки; теперь онъ выпрямился и билъ лошадь хлыстомъ, полуобернувшись на сѣдлѣ.

— „Пуля!" „Секунда!" „Секунда", браво! „Пуля!" Браво, Кривцовъ! кричали сотни голосовъ, перебивая другъ друга. Оставалось нѣсколько саженей. Толпа вдругъ замерла. Кавалергардъ колыхнулся, и голова „Секунды" выдвинулась; еще два скачка, и она была впереди на полъ-корпуса.

Звонокъ звякнулъ.

— Куне, браво! Браво, Куне! крикнула толпа и побѣжала внизъ.

— Кто взялъ? Кто? спрашивали не разобравшіе крика.

— „Секунда", третій нумеръ!

Хмурова толкали со всѣхъ сторонъ.

— Интересно, улыбнулся онъ.

Мимо него шли два юнца.

— Я говорилъ тебѣ—на него ставить! Не слушалъ: „Пуля", „Пуля!" нападалъ одинъ.

— На двойномъ будутъ давать, оправдывался другой.

— На двойномъ! Вѣдь ты не ставилъ!

— Вотъ тебѣ и „Клара", ругался какой-то цилиндръ,—всегда загоняетъ до времени!

— „Пуля" взяла-бы, если-бъ онъ ее со старта пустилъ, а то сперва сдерживалъ, а потомъ посылать сталъ! горячился сѣдой офицеръ.

— Нѣтъ-съ! безъ хлыста! Каково! восторгался студентъ,— какъ началъ, такъ и кончилъ!

И всѣ шли внизъ къ тотализатору, толкая Хмурова со всѣхъ сторонъ, и снова изъ будокъ послышались возгласы:

— Одинъ третій, два вторыхъ!—и защелкала машинка.

— Сколько выдаютъ? налетѣла на Хмурова высокая барыня въ синихъ золотыхъ очкахъ.

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Какъ я счастливо поставила! объяснила она,—я, собственно, не на лошадь, а на Куне ставила. Сколько даютъ? бросилась она къ проходившему картузу, укладывавшему въ кошелекъ деньги.

— Три-сорокъ, отвѣтилъ тотъ.
— Недурно, улыбнулась она въ сторону Хмурова.
Тотъ отвѣтилъ ей улыбкою.

IV.

Зазвенѣлъ звонокъ и публика опять отхлынула къ мѣстамъ. Второе отдѣленіе для Хмурова было еще интереснѣе, потому что скачка была съ препятствіями. Лошади неслись тѣмъ-же бѣшенымъ карьеромъ, но передъ препятствіемъ пріостанавливались, на моментъ застывали, повиснувъ въ воздухѣ, и снова неслись такъ-же бѣшено.

Съ непривычки у Хмурова замирало сердце при видѣ страшнаго прыжка лошади, и снова начинало биться тревожно, когда лошадь опускалась на землю. Послѣ каждаго отдѣленія толпа устремлялась къ тотализатору и снова со всѣхъ сторонъ слышались споры, возгласы, а тотализаторъ выкрикивалъ:
— Два первыхъ, одинъ третій, четыре вторыхъ!
Хмурова увлекло это общее волненіе.
„Поставлю", подумалъ онъ: „одинъ разъ не бѣда. Куда ни шелъ рубль!" И онъ подошелъ къ господину съ афишею.
— Будьте добры сказать: кто поѣдетъ теперь?
Господинъ обязательно улыбнулся и, водя по афишѣ пальцемъ, прочелъ имена лошадей.
— На „Перуна", рѣшилъ Хмуровъ, услыхавъ это имя, и поблагодарилъ господина.
— На „Перуна", подалъ онъ рубль.
Стоящій за прилавкомъ равнодушно бросилъ рубль въ ящикъ и крикнулъ:
— Одинъ второй!
Другой щелкнулъ машинкой, и на доскѣ, противъ № 2 выскочила цифра 9 вмѣсто бывшей 8; третій повторилъ:
— Одинъ второй! и тяжелой машиной выбивъ клеймо на билетѣ, бросилъ его на прилавокъ. Хмуровъ взялъ билетъ и почти побѣжалъ на мѣста. Звонокъ уже прозвенѣлъ, и всадники строились.
„Который „Перунъ?" подумалъ Хмуровъ и растерянно оглядѣлся. Подлѣ него стоялъ военный докторъ.
— Не знаете-ли, который „Перунъ?" спросилъ его Хмуровъ.
— „Перунъ", „Перунъ", повторилъ офицеръ,—сейчасъ,—и онъ сталъ смотрѣть на афишу:—ѣздокъ Семеновъ, ахтырскаго драгунскаго полка, прочелъ онъ и сталъ смотрѣть на всадниковъ. Они уже неслись.
— Шутъ ихъ знаетъ! пожалъ плечами докторъ: — владимірскій драгунскій, псковскій драгунскій, ахтырскій драгунскій, кто ихъ различитъ!
Хмуровъ уже не слушалъ. Онъ смотрѣлъ на несшихся всадниковъ и съ тоскою думалъ:
„Который?"
Они растянулись линіей, и только два спорили между собою.
„Который изъ нихъ, или можетъ быть задній?" томился Хмуровъ.
Скачка кончилась. Толпа хлынула къ тотализатору.
— Который взялъ? спросилъ Хмуровъ у перваго встрѣчнаго и замеръ въ волненіи.
— Второй, торопливо отвѣтилъ онъ и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.
„Мой, мой!" счастливо улыбнулся Хмуровъ и вздохнулъ съ облегченіемъ.
Словно гора свалилась съ его плечъ.
— Сколько выдаютъ? обратился онъ къ другому.
— Не знаю! рѣзко отвѣтилъ тотъ, видимо раздраженный, — подите справьтесь!
— Э! раздался подлѣ него голосъ,—и вы тутъ!
Хмуровъ увидѣлъ подлѣ себя Зыбина. Это былъ тоже его сослуживецъ, отчасти даже начальство, и Хмуровъ глубоко уважалъ его за умъ, опытность и добродушный юморъ.
Высокаго роста, сѣдой, онъ съ доброй улыбкой пожалъ руку Хмурова.
— Что, и вы играете?
— Играю, засмѣялся Хмуровъ.
— И счастливо?
— Да, вотъ выигралъ.
— Молодецъ! похвалилъ Зыбинъ.—А тутъ я Славина встрѣтилъ. Продулся вдребезги.
Хмуровъ засмѣялся.
— Теперь поставите? спросилъ Зыбинъ.
— Хочу.
— На кого?
— Не знаю: кто пойдетъ?
— Вотъ, я вамъ прочту!
Зыбинъ вынулъ афишу и прочелъ названія лошадей:
— „Принцъ", „Карлосъ", „Геро", „Миражъ", „Карменъ."
— На „Геро!" рѣшилъ Хмуровъ.
— Алексѣй Константиновичъ! гдѣ вы, батенька, пропадали? я васъ ищу, ищу! взялъ его за локоть Славинъ. Шляпа его съѣхала на затылокъ, и онъ растерянно улыбался.
— Говорятъ, проигрались? улыбнулся Хмуровъ.
Славинъ махнулъ рукою и заговорилъ съ азартомъ:
— Въ конецъ! и все она со своей „Кларой!" Надо было влюбиться въ дрянь такую! Заноситъ, упряма, слаба! Вы видали, какъ онъ загналъ ее?
Хмуровъ кивнулъ головою.
— Ну, а она на двойномъ 10 руб., а потомъ на „Жениха" 5 руб.; а тамъ на „Вдовѣ" я да она по 3 руб. Эхъ! махнулъ онъ рукою и торопливо заговорилъ:—Я вѣдь, батенька, за долгомъ къ вамъ. За проѣздъ-то я заплатилъ, пожалуйте...
— Ахъ да! спохватился Хмуровъ:—сколько?
— Семьдесятъ копѣекъ! отвѣтилъ Славинъ и, когда получилъ ихъ, слабо улыбнулся: — у меня есть еще тридцать копѣекъ — вотъ рубль и поставлю на „Карлоса"; онъ отошелъ.
— А я на „Геро", сказалъ Хмуровъ.
Славинъ вернулся.
— Голубчикъ, милый, поставьте на „Карлоса!" Что вамъ? на „Геро"—проиграете!
— Нѣтъ, я на „Геро", засмѣялся Хмуровъ.
— И я то-же, вставилъ Зыбинъ.
— А на „Перуна" сколько даютъ? спохватился Хмуровъ.
Славинъ съ завистью посмотрѣлъ на него:
— Неужели взяли? 5 р. 20 даютъ; 5 р. 20! счастливецъ!—и онъ побѣжалъ брать билетъ на „Карлоса".
— Съ выигрышемъ! улыбнулся Зыбинъ.
Хмуровъ счастливо смѣялся.
— Пойдемте брать, а то опоздаемъ.
— Вы ужъ на три рубля возьмите, посовѣтовалъ Зыбинъ.
Хмуровъ остановился.
— А что, рискнуть? спросилъ онъ.
— Понятно, рискните! Новичкамъ везетъ!
— Ну, куда ни шло! рѣшился Хмуровъ.
Онъ получилъ 5 рублей 20 копѣекъ и поставилъ на „Геро" 3 рубля.
„Что-то будетъ, что-то будетъ!" пошелъ онъ къ мѣстамъ, и сердце его заныло въ предчувствіи. Первый звонокъ уже былъ данъ. Офицеръ съ флагомъ уѣхалъ почти на противоположную сторону. Изъ воротъ выѣхали всадники.
— Который „Геро?" обратился Хмуровъ къ сосѣду.
— На немъ Купе, отвѣтилъ сосѣдъ.
Хмуровъ радостно улыбнулся.
„Купе—лучшій наѣздникъ", подумалъ онъ: „и слѣдить легко: бѣлая фуражка". Онъ отыскалъ среди всадниковъ Купе и впился въ него глазами.
Длинный, сухой Купе выдѣлялся изъ всѣхъ всадниковъ своею смѣлою, увѣренною посадкой и бѣлою фуражкой. Подъ нимъ рвался и прыгалъ „Геро", то осаживая назадъ, то вскидываясь на дыбы. Купе легко сдерживалъ его и шагомъ приближался къ офицеру съ флагомъ.
„Какъ хорошъ, какъ хорошъ!" трепеталъ уже въ волненіи Хмуровъ, съ нетерпѣніемъ ожидая начала.
Всадники выровнялись. Офицеръ взмахнулъ краснымъ флагомъ, звякнулъ звонокъ, и всадники рванулись нестройной толпой.
— Пошли! вскрикнулъ, не въ силахъ удержаться, Хмуровъ.

(Продолженіе будетъ).

Кое-что о Персіи.

Вновь повторенное, недавнее посѣщеніе нашего отечества правителемъ Персіи усиливаетъ, конечно, наше любопытство относительно этой древней и странной земли, и весьма умѣстно будетъ сообщить нѣкоторыя данныя о нравахъ и обрядахъ персовъ, которыя намъ по большей части лично удалось наблюдать при нашихъ путешествіяхъ.

Что касается общественной жизни вообще и сношенія отдѣльныхъ классовъ между собою, то въ Персіи уже наблюдаются зачатки тѣхъ торжественныхъ и нѣсколько мелочныхъ обрядовъ, которые далѣе на востокъ, въ задней Индіи, въ Китаѣ и преимущественно въ Японіи достигаютъ высшаго предѣла. Отношеніе подчиненности министра къ шаху такъ же строго выражено церемоніаломъ, какъ между рабомъ и хозяиномъ. Подобно тому какъ сынъ никогда не смѣетъ сѣсть въ присутствіи отца, такъ и самый знатный персіянинъ, не исключая наслѣдника, при шахѣ. Послѣднее разрѣшается лишь нѣкоторымъ родственникамъ шаха и, по древнему обычаю, стихотворцамъ, ученымъ и отмѣнно набожнымъ мужамъ, равно и иностраннымъ посланникамъ, причемъ почетное мѣсто всегда съ лѣвой руки.

Не меньшее значеніе въ этикетѣ имѣетъ въ Персіи кофе и табакъ. Смотря по тому, какъ предлагаются эти любимыя освѣжительныя средства, чувствуешь себя уваженнымъ или оскорбленнымъ. Каждый оттѣнокъ внимательности или уваженія хозяина къ гостю можно этимъ выразить. Если гость высшаго чина чѣмъ хозяинъ, то послѣдній самъ долженъ предлагать, напримѣръ, кальянъ (т. е. общеизвѣстный стеклянный сосудъ съ мягкимъ чубукомъ, при чемъ дымъ предварительно проходитъ чрезъ воду и такимъ образомъ попадаетъ охлажденнымъ въ ротъ); однако онъ лично не смѣетъ курить, пока

этого не прикажетъ гость. Если оба того же чина, то кальяны мѣняются или хозяинъ передаетъ первую чашку кофе гостю, а позлѣ стоящую беретъ себѣ. Если гость болѣе низкаго званія, и хозяинъ желаетъ ему оказать нѣкоторое почтеніе, то онъ позволяетъ ему затянуться нѣсколько разъ изъ своего кальяна, а лакей подноситъ кофе. Если разница въ чинахъ значительна, то хозяинъ сидитъ въ умѣренномъ отдаленіи и сперва беретъ кофе, а затѣмъ, махнувъ рукою, даетъ этимъ приказаніе слугѣ угостить и гостя.

Не смотря на этотъ формализмъ, персы весьма умный и веселый народъ. Они большіе любители разныхъ общественныхъ увеселеній, и всякое развлеченіе, каждый отдыхъ весьма цѣнится, благодаря тому стѣсненію, которому персы должны подчиняться во многихъ случаяхъ. Недостаетъ только женщины, которая вполнѣ исключена изъ общественной жизни. Увеселенія у персовъ весьма разнообразны. Дома и на улицѣ, на мѣстахъ общаго стеченія народа, убиваютъ время игрою въ шахматы и разными карточными играми, причемъ тонкія деревянныя пластинки замѣняютъ наши бумажныя карты; или же прислушиваются къ разсказчикамъ повѣстей и сказокъ, либо къ чтецамъ. Послѣдніе образуютъ распространенный по всѣмъ городамъ Востока особый классъ, представители котораго этимъ живутъ, переходя по большей части изъ одного города въ другой, хотя есть и осѣдлые.

Хотя персы большіе любители музыки, пѣнія и пляски, однако никто изъ имѣющихъ малѣйшее притязаніе на образованность и воспитанность не занимается этими искусствами, въ особенности пляскою. Приглашаютъ лишь труппы музыкантовъ или танцовицъ на домъ, либо для увеселенія въ андерумѣ хозяина съ его женами, либо гостей на пирахъ. Плясками преимущественно пантомимно изображаются разныя происшествія, напримѣръ, смерть несчастно-влюбленнаго, покупка или продажа въ мелочной лавочкѣ, домашній туалетъ съ раздѣваніемъ, да притомъ еще съ причудливыми глумленіями. Пѣсни весьма удачно подобраны, плясовыя, въ которыхъ ведущая хороводъ танцовица каждый разъ запѣваетъ одну или двѣ строфы, послѣ чего всѣ одноголосно повторяютъ припѣвъ.

При другихъ пляскахъ танцуютъ одни мальчики въ длинныхъ платьяхъ разукрашенныхъ разноцвѣтными бантиками. Музыка при томъ состоитъ обыкновенно изъ гитары, особаго рода скрипки о трехъ струнахъ, и одного или нѣсколькихъ пѣвцовъ, которые кричатъ что есть духу. Такимъ образомъ музыка, хотя и держитъ тактъ, но значительно походитъ на такъ-называемую кошачью.

Персы очень любятъ охоту съ борзыми и соколами. Охотятся преимущественно на антилопъ, причемъ охотники собираются вмѣстѣ въ равнинѣ или въ степи. Изъ нихъ каждый на кулакѣ держитъ сокола, а собакъ ведутъ на сворѣ. Лишь только высмотрѣна антилопа, охотники осторожно къ ней подкрадываются; но пугливое животное, завидѣвъ своего непріятеля, сейчасъ пускается въ бѣгъ и сначала съ невѣроятною быстротой. Охотники этого только и ожидаютъ, чтобы спустить собакъ и пришпорить лошадь въ погоню. Въ то же время, если звѣрь одинъ, пускаютъ также и сокола; если же подняли цѣлую стаю, то ждутъ пока собаки не выдѣлятъ одну антилопу, а затѣмъ уже подбрасываютъ сокола. Послѣдній сейчасъ же наноситъ ударъ въ голову и съ такой силой, что звѣрь часто падаетъ ошеломленный и можетъ быть схваченъ собаками. Если же первый ударъ сокола неудаченъ, то онъ его повторяетъ до тѣхъ поръ, пока бѣдное животное не падаетъ, что впрочемъ часто случается и отъ изнеможенія антилопы, которая хотя и бѣжитъ замѣчательно быстро, но силы ея скоро ослабѣваютъ, такъ что послѣ одного, двухъ часовъ она неминуемо попадаетъ въ пасть собакъ. При рвеніи, съ которымъ соколы нападаютъ, нерѣдко случается, что они натыкаются на острые рога антилопъ. Борзыя—персидской породы, свѣтлорусой масти съ длинно-волосатыми ушами. Отдѣльно съ ними охотятся преимущественно на зайцевъ, шакаловъ и лисицъ; но такъ какъ борзыя не обладаютъ чутьемъ гончихъ, то охотникъ самъ долженъ выслѣживать. Лишь только онъ завидѣлъ шакала или зайца, пришпориваетъ лошадь и мчится въ сторону бѣгущаго звѣря; вслѣдствіе этого и собаки обыкновенно замѣчаютъ звѣря и послѣ короткой угонки скоро его догоняютъ.

Въ извѣстное время года на Майданѣ устраиваютъ травлю барановъ, для чего ихъ нарочно воспитываютъ.

Персидскіе дома весьма легкой постройки, съ немногими комнатами, которыя открыты съ сѣвера, то есть стѣну здѣсь замѣняетъ большое окно изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Ночью окно это запирается, днемъ же всегда открыто. Комнаты убраны массою маленькихъ карнизовъ и нишъ (углубленій) въ стѣнахъ, которыя у бѣдныхъ выбѣлены или не окрашены совсѣмъ, а у богатыхъ разукрашены и исписаны цвѣтами и узорами или даже выложены золотомъ. Въ каждой комнатѣ имѣется, большею частью противъ окна, по камину. Полъ каменный и у богатыхъ покрытъ коврами, а у бѣдныхъ цѣновками.

Персіянинъ сидитъ подогнувъ подъ себя ноги, а туфли оставляются у двери. Кушанье подается на подносѣ, и если хозяинъ не пожелаетъ переночевать въ андерумѣ, то ему приносятъ подушку и спитъ онъ на томъ же мѣстѣ гдѣ и ѣлъ. Персы не гуляютъ и находятъ гулянie смѣшнымъ, даже низкимъ. Если видятъ человѣка ходящимъ взадъ и впередъ, то предполагаютъ, что онъ что-то желаетъ принести или найти, а если этого не оказывается, то просто думаютъ, что человѣкъ съ ума сошелъ. По ихъ обычаю, нужно быть на копѣ, если собираешься сдѣлать хоть шагъ изъ дому. Дома нужно сидѣть у окна, какъ можно безпечнѣе, и отъ времени до времени кричать: „кальянъ!“ прислугѣ, которая цѣлый день съ разинутыми ртами и ожидаетъ приказанія хозяина. Между прочимъ замѣтимъ, что прислуга пользуется лучшими глотками дыма, ибо имѣется особая прислуга для закуриванія кальяна. Если приходятъ гости, то приносятъ нѣсколько кальяновъ; нѣкоторые даже бываютъ изъ золота и осыпаны драгоцѣнными камнями. Въ промежуткахъ подаются кофе, гэнджебінъ (охлаждающій напитокъ изъ меда, тамарисковъ, уксуса, леденца и воды), конфекты и фрукты. При этомъ гости говорятъ хозяину разныя вѣжливости. Такъ, напр., его увѣряютъ, что онъ такой-же красный какъ его яблоки, такой-же блестящій какъ солнце, такъ-же добръ какъ мѣсяцъ, и просятъ его сохранить имъ свою благосклонность, съ пожеланіемъ чтобы въ саду его судьбы всегда цвѣли розы счастья. Хозяинъ въ свою очередь благодаритъ радостнымъ киваніемъ головы и отвѣчаетъ такими-же картинными пожеланіями, послѣ чего снова принимаетъ свою небрежную осанку и, часто позѣвывая, ждетъ заката солнца, чтобы совершить молитву. Уходящіе между тѣмъ гости отыскиваютъ въ сѣняхъ свои туфли и еще долго другъ передъ другомъ разсыпаются относительно того, кому первому выйти; самый богатый или знатный гость наконецъ уступаетъ и, непрестанно кивая головою, садится на лошадь. Разные праздношатающіеся окружаютъ его лошадь и таращатъ этого большаго господина домой; на дворѣ принцевъ и знатныхъ лицъ собирается подъ-часъ нѣсколько сотъ разнаго люда, который цѣлыми часами таращитъ глаза на гостей, чтобы послѣ этого счастья съ довольною душою идти домой.

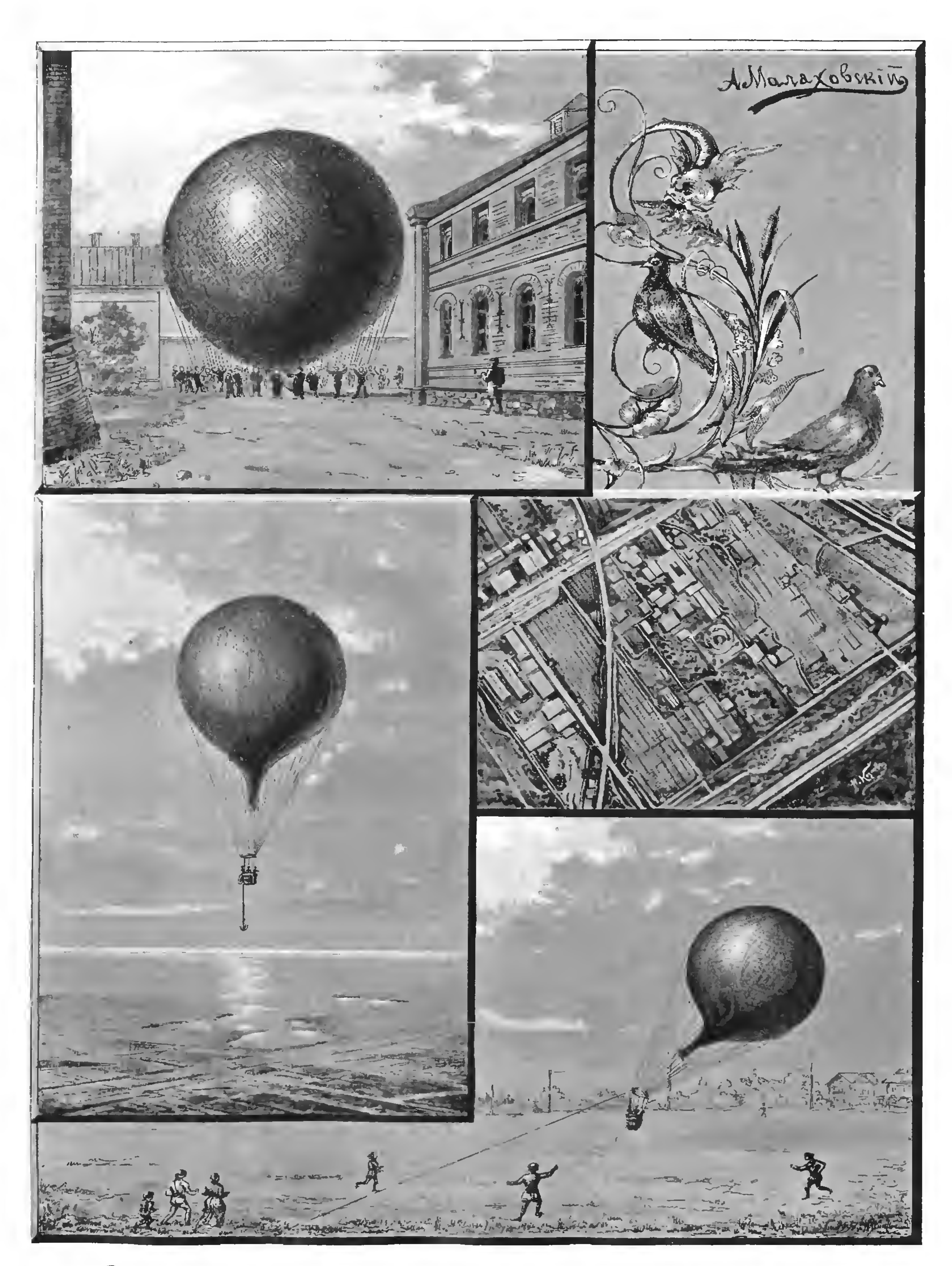
Что касается ѣды и питья, то мы не станемъ объ этомъ распространяться, ибо въ одномъ изъ предшедшихъ нумеровъ „Нивы“ уже была помѣщена статья относительно того, какъ пьютъ и ѣдятъ на Востокѣ. Укажемъ лишь похвальную заботливость персовъ объ ихъ зубахъ, которые чистятся твердыми щетками, причемъ въ полоскательную воду бросаютъ кусочки богородичной травы (Thymus). Изъ послѣдней у насъ добывается извѣстный алкалоидъ тимолъ (Thymol), который теперь въ зубоврачебномъ дѣлѣ получаетъ все большее значеніе. Чѣмъ меньше гость ѣстъ, тѣмъ болѣе считаютъ его знатнымъ; но, по правдѣ, и трудно бываетъ на обѣдахъ хоть что-нибудь съѣсть. Прислуга съ невѣроятною быстротой нагромождаетъ цѣлую гору разныхъ блюдъ передъ каждымъ гостемъ—такъ и боишься либо на себя или на полъ опрокинуть эту цѣлую постройку изъ блюдъ. Подаютъ притомъ все въ большихъ массахъ. Послѣ уборки, для мытья рукъ подается вода, всегда безъ полотенца — персы сушатъ свои руки на воздухѣ.

Еще два слова о врачебной наукѣ персовъ. Знаніе средствъ обыкновенно передается отъ отца къ сыну. Трудъ хакими (hakim означаетъ: мудрецъ, имя это присваивается врачамъ) вообще плохо оплачивается, и хотя нельзя отрицать, что нѣкоторыя изъ ихъ средствъ (особенно утоляющіе боль пластыри) имѣютъ большое цѣлебное значеніе, но въ общемъ шарлатанство съ ничтожными познаніями преобладаетъ. Имѣются даже операторы глазъ, которые однако сѣраго бѣльма, напр., не могутъ излѣчить; они просто отодвигаютъ его, для чего употребляются грубый ланцетъ и шило. Большинство болѣзней опредѣляется по языку и пульсу, по которому считаютъ возможнымъ узнавать даже всякое скрытое страданіе. Опіумъ и мускусъ играютъ у нихъ видную роль, главную составную часть такъ-называемой золотой пилюли составляетъ именно этотъ послѣдній. Волоса и ногти окрашиваютъ порошкомъ особаго растенія (Lawsonia) въ красный цвѣтъ; кромѣ того имѣютъ и черный порошокъ для окрашиванія волосъ. Этимъ, какъ увѣряютъ, корни волосъ укрѣпляются. Н.

Къ рисункамъ.

Хуторокъ лѣтомъ. (Рис. на стр. 1009).

Главную прелесть пейзажей проф. Клевера составляетъ всегда присущая имъ печать поэтической задумчивости, свойственной природѣ нашего отечества, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи. Вотъ передъ нами малороссійскій хуторокъ, гдѣ-нибудь на берегахъ Псла или Ворсклы, въ вечернемъ освѣщеніи, съ раскидистыми ветлами надъ тихимъ зеркаломъ рѣки, заросшимъ кое-гдѣ водяными лопухами купавокъ (кувшинокъ) и очеретомъ (камышомъ), у котораго привязана къ дереву лодка. Двѣ низенькія хатки выглядываютъ въ густой зелени вишневыхъ садовъ на взлобьѣ берега. Какое затишье! Сколько чарующей поэзіи въ этомъ безлюдномъ просторѣ!..



Въ облакахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Малаховскаго, фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

Наполненіе воздушнаго шара газомъ на Газовомъ заводѣ. Почтовые голуби бельгійской породы.

Свободный полетъ шара. Фотографическій снимокъ И. Козлова съ шара, удостоенный серебр. медали.

Спускъ шара въ Импер. паркѣ Царскаго Села.

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстаго. (Рис. на стр. 1012).

Напомнимъ эту сцену изъ знаменитой русской эпопеи, происходившую на другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія:

На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ древкомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей Болконскій, истекая кровью, и, самъ не зная того, стоналъ тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ...

Къ вечеру онъ перестанъ стонать и совершенно затихъ. Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ онъ опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ жгучей и разрывающей что-то боли въ головѣ...

Онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ звуки приближающагося топота лошадей и звуки голосовъ, говорившихъ по-французски. Онъ раскрылъ глаза, надъ нимъ было опять все то же высокое небо съ еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которыя виднѣлась синѣющая безконечность. Онъ не поворачивалъ головы и не видалъ тѣхъ, которые, судя по звуку копытъ и голосовъ, подъѣхали къ нему и остановились.

Подъѣхавшіе верховые были Наполеонъ сопутствуемый двумя адъютантами. Бонапарте, объѣзжая поле сраженія, отдавалъ послѣднія приказанія объ усиленіи батарей, стрѣлявшихъ по плотинѣ Аугеста, и разсматривалъ убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

— Батарейныхъ зарядовъ больше нѣтъ, ваше величество, сказалъ въ это время адъютантъ, пріѣхавшій съ батарей, стрѣлявшихъ по Аугесту.

— Велите привезти изъ резервовъ, сказалъ Наполеонъ, и отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился надъ княземъ Андреемъ, лежавшимъ навзничь съ брошеннымъ подлѣ него древкомъ знамени (знамя уже, какъ трофей, было взято французами).

— Вотъ прекрасная смерть! сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго.

Князь Андрей понялъ, что это было сказано о немъ, и что говоритъ это Наполеонъ. Онъ слышалъ, какъ называли „ваше величество“ того, кто сказалъ эти слова. Но онъ слышалъ эти слова, какъ бы слышалъ жужжаніе мухи. Онъ не только не интересовался ими, но онъ и не замѣтилъ, а тотчасъ же забылъ ихъ. Ему жгло голову; онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ надъ собою далекое, высокое и вѣчное небо. Онъ зналъ, что это былъ Наполеонъ—его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками. Ему было совершенно все равно въ эту минуту, кто-бы ни стоялъ надъ нимъ, что бы ни говорилъ о немъ; онъ радъ былъ только тому, что остановились надъ нимъ люди, и желалъ только, чтобъ эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасною: потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобъ пошевелиться и произвести какой-нибудь звукъ. Онъ слабо пошевелилъ ногою и произвелъ, самого его разжалобившій, слабый, болѣзненный стонъ.

— А! онъ живъ, сказалъ Наполеонъ. — Поднять этого молодаго человѣка и снести на перевязочный пунктъ!

Текинскіе инженеры. (Рис. на стр. 1013).

Забота о хлѣбѣ насущномъ въ средне-азіятской низменности, гдѣ почти вовсе не бываетъ дождя, заставила населеніе во что-бы то ни стало изыскать искусственное средство для орошенія полей, и этотъ вопросъ еще въ глубокой древности былъ разрѣшенъ съ изумительнымъ успѣхомъ въ Ферганѣ, — колыбели хлѣбопашества, какъ называетъ ее проф. Миддендорфъ, давшій намъ прекрасныя изслѣдованія этой области Туркестанскаго края. Оттуда, по всей вѣроятности, текинцы Ахала и Мерва позаимствовались основными началами ирригаціи и приспособили ихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Двѣ рѣки нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи, Мургабъ и Теджень, были обращены ими въ оросительные каналы и, путемъ послѣдовательныхъ гидравлическихъ работъ, были выведены изъ своего естественнаго русла на болѣе высокую линію, давшую возможность пользоваться болѣе широкими уклонами для орошенія лежащихъ на немъ полей и плантацій.

Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ по своей оригинальности запруды, или плотины, устраиваемыя этими инженерами крайне быстро и дешево. Быстрота теченія названныхъ рѣкъ, берущихъ свои воды въ довольно высокихъ горахъ, казалось-бы, сильно должна была мѣшать этимъ работамъ, но текинцы ухитрились—и это кажущееся препятствіе сослужило имъ незамѣнимую службу. Плотины устраиваются въ видѣ пробки такихъ размѣровъ, какіе требуются шириною и глубиною рѣки. Эта пробка сворачивается на берегу изъ камыша и колючаго кустарника при помощи поперечныхъ канатовъ изъ того-же матеріала. Когда пробка готова, одинъ конецъ ея, нижній (по теченію рѣки), прикрѣпляется кольями къ берегу, другой опускается въ воду и, попадая въ быстрое теченіе, относится къ противоположному берегу, двигаясь на прикрѣпѣ, какъ на шарнирѣ. На другомъ берегу устроена тоже прикрѣпа, въ которую и упирается свободный конецъ пробки и закрѣпляется рабочими окончательно. Разъ концы этой пробки укрѣплены, рѣка додѣлываетъ плотину уже сама собою, благодаря глинисто-песчаному грунту русла: поднятый быстрымъ теченіемъ песокъ заполняетъ пробку до степени полной непроницаемости, и плотина готова. Надо замѣтить, что всѣ эти работы производятся всѣмъ населеніемъ, представляя собою видъ обязательной натуральной повинности, и надо видѣть порядокъ, какой царствуетъ въ тысячной иногда толпѣ, управляемой немногими распорядителями этихъ работъ, такъ-называемыми арыкъ-саксакалами.

Божій человѣкъ. (Рис. на стр. 1017).

Картина академика Кошелева изображаетъ одного изъ тѣхъ „простыхъ сердцемъ и разумомъ“, которые донынѣ еще не перевелись на Руси, и попрежнему возбуждаютъ благоговѣйное уваженіе простаго народа и насмѣшки людей мнимо просвѣщенныхъ, одного изъ тѣхъ

... что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ что просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,
А тишины и радости духовной...

„Божіими людьми“ зовутъ ихъ въ народѣ.

Неужели утонулъ?.. (Рис. на стр. 1020).

Передъ нами драма сплошь и рядомъ повторяющаяся въ рыбачьихъ селеніяхъ на морскомъ берегу. Ватага рыбаковъ съ утра ушла на лодкахъ въ море за добычей... Къ обѣденному времени мало-по-малу стали возвращаться рыболовы... Лодка за лодкой причаливала къ пристани... Вернулись и самые запоздалые, а кормильца семьи, изображенной на картинѣ Батона, все нѣтъ какъ нѣтъ... „Неужели утонулъ?“ съ отчаяніемъ въ душѣ думаетъ бѣдная жена и мать, не тая уже своего горя передъ малютками, быть-можетъ осиротѣвшими на-вѣкъ... Къ счастью, печальный исходъ этотъ сравнительно рѣдокъ. Мало ли что можетъ задержать рыбака на взморьѣ?.. Какая-нибудь мель, на которой пробьешься нѣсколько часовъ въ одиночествѣ, особенно счастливый уловъ, встрѣча и т. п.

Кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ. (Рис. на стр. 1021).

Англійскіе художники неподражаемы въ изображеніяхъ дѣтей и друзей ихъ, домашнихъ животныхъ. Сколько изящества, напр., въ этой малюткѣ, которая кормитъ такихъ же крошекъ изъ пернатаго міра!.. Съ какою жизненною правдой написанъ этотъ цыпленокъ, что, соскучась ждать своей очереди, не вытерпѣлъ, осмѣлился и вскочилъ на ботинку маленькой хозяйки... И вотъ лучшій кусочекъ—награда смѣльчаку.

Парижская Всемірная выставка 1889 года. Бой быковъ. (Рис. на стр. 1028).

На Парижской всемірной выставкѣ сосредоточилось столько разнообразныхъ зрѣлищъ, какъ напр. танцы яванокъ, марокканскій концертъ, аннамскій театръ и т. п., что весьма естественно подумали и о боѣ быковъ, до котораго такъ страстно охочи испанцы и жители Юга Франціи. Но, какъ и всегда когда этотъ вопросъ возникалъ на французской почвѣ, печать единогласно возстала противъ устройства настоящихъ испанскихъ боевъ, оканчивающихся кровавымъ зрѣлищемъ смерти быка. Къ агитаціи присоединилось и Общество покровительства животнымъ, основываясь на такъ-называемомъ законѣ Граммона. Поэтому и разрѣшенные для выставки *корриды* (бои) обходятся безъ кроваваго финала, т. е. быка не убиваютъ на самомъ дѣлѣ, хотя и наносятъ ему фиктивный ударъ по всѣмъ правиламъ искусства, черезъ рога, т. е. съ опасностью жизни для эспады (наносящаго ударъ). Всѣ-же прочія перипетіи боя, дразненіе быка конными пикадорами и пѣшими бандерильерами продѣлываются точь-въ-точь такъ какъ и при настоящемъ боѣ. Зрѣлище это столько разъ описывалось въ *Нивѣ* прошлыхъ годовъ, что повторять это описаніе считаемъ излишнимъ. На нашемъ рисункѣ изображена арена, окруженная амфитеатромъ съ толпою зрителей и наполненная всѣми участниками боя. Громадный циркъ этотъ находится неподалеку отъ выставки, въ Булонскомъ лѣсу.

Уилки Коллинзъ († 11 сент.). (Портр. на стр. 1029).

Англійская литература потеряла недавно одного изъ своихъ крупныхъ представителей. 11 (23) сентября умеръ Уилки Коллинзъ, извѣстный романистъ, другъ Диккенса, одинъ изъ достойныхъ его продолжателей, произведенія котораго пользовались большимъ успѣхомъ и у насъ, въ Россіи, гдѣ переведены почти всѣ его романы, сколько-нибудь замѣчательные. Сынъ извѣстнаго художника Вильяма Коллинза, прославившагося своими прекрасными лѣсными и морскими пейзажами и женатаго на миссъ Карпентеръ, сестрѣ портретистки, — крестникъ другаго художника, въ честь котораго онъ носитъ его имя,— Уилки Коллинзъ родился въ Лондонѣ, въ 1824 году, и воспитывался въ одной частной школѣ. Ему было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ отправился съ отцомъ путешествовать по Италіи,

жилъ въ Пизѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, а также въ Швейцаріи, и это путешествіе, среди котораго онъ учился живописи и скульптурѣ и знакомился на мѣстѣ съ классическимъ міромъ, имѣло сильное вліяніе на развитіе воображенія и умственныхъ способностей молодаго Коллинза. Постоянная жизнь среди художниковъ не могла не отразиться на его литературной дѣятельности, и въ его первыхъ опытахъ постоянно попадаются герои изъ родного Коллинзу художественнаго круга. Возмужавъ, Коллинзъ сперва думалъ посвятить себя коммерческому дѣлу и занимался въ чайной торговлѣ, потомъ изучалъ право, но, неудержимо влекомый къ литературѣ, оставилъ эти занятія и весь отдался творчеству. На литературное поприще онъ выступилъ съ біографіей его отца—„Жизнь Вильяма Коллинза" и затѣмъ съ романомъ „Антонина, или паденіе Рима", отзывающимся подражаніемъ отчасти „Мученикамъ" Шатобріана, а отчасти произведенію Бульвера „Послѣдній день Помпеи". Далѣе слѣдовали романы изъ современной жизни „Базиль", „Hide and Seek" и друг. Но эти первыя произведенія, грѣшащія неловкостью изложенія, исключительностью главныхъ персонажей и обиліемъ лицъ изъ художественнаго круга, весьма непопулярнаго въ Англіи, почти не имѣли успѣха. За то съ особеннымъ интересомъ читались коротенькіе разсказы Коллинза, печатавшіеся въ журналѣ Диккенса *Household Words*, и одинъ изъ нихъ, „Страшная кровать", произвелъ настоящую сенсацію. Изложеніе этого разсказа могло соперничать съ манерой знаменитаго Эдгара По, въ его самыхъ страшныхъ произведеніяхъ, и послѣ необычайнаго успѣха „Страшной кровати", Коллинзъ понялъ свое настоящее призваніе и обратился къ тому роду романа, который прославилъ его имя и на родинѣ, и далеко за ея предѣлами. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ любимцемъ публики, основавъ беллетристическую школу такъ-называемыхъ сенсаціонистовъ. Особенно сталъ популяренъ Коллинзъ послѣ выхода въ свѣтъ его романа „Мертвая тайна" (The dead secret), необыкновенная увлекательность котораго держится на исторіи утаеннаго завѣщанія. Прекрасно понявъ, что главная сила его таланта заключается въ способности поддерживать чисто внѣшній интересъ, въ изображеніи не героевъ повседневной жизни, а людей выведенныхъ изъ всегдашней житейской колеи сцѣпленіемъ потрясающихъ событій, Коллинзъ, однако, не впалъ въ кровавую мелодраму. Въ такомъ духѣ и направленіи написаны всѣ романы Коллинза, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуются: „Женщина въ бѣломъ", „Безъ роду и племени" (No name), „Въ тѣни" (After Dark), „Бѣдная миссъ Финчъ", „Лунный камень", „Миртовая комната", „Миссъ или мистриссъ?", „Мужъ и жена", „Армадэль", „Новая Магдалина" и друг. Коллинзъ—врагъ сантиментальности, ненавистникъ ложнаго пуританизма и меркантилизма, и считаетъ долгомъ обнажать язвы современнаго англійскаго общества. Но тенденцію и мораль онъ, подобно своему учителю Диккенсу, умѣетъ замаскировать внѣшнимъ интересомъ, спрятать подъ затѣйливою, хитро сплетенною интригой. Въ молодости Коллинзъ принадлежалъ къ одному артистическому и литературному кружку, участвовалъ съ успѣхомъ въ его спектакляхъ и написалъ для него драму „Маякъ"; ему также принадлежатъ драматическія произведенія „Ледяная пучина" (The Frozen deep) и „Новая Магдалина", передѣланная изъ романа, имѣвшія огромнѣйшій успѣхъ на сценѣ. Коллинзъ былъ женатъ на дочери Чарльза Диккенса, въ сотрудничествѣ съ которымъ написалъ извѣстный романъ „Безъ выхода".

П. Быковъ.

Въ облакахъ.

(Рис. на стр. 1025).

Хотѣлось бы себѣ на память записать ощущенія и впечатлѣнія при первомъ моемъ полетѣ на воздушномъ шарѣ Императорскаго Техническаго Общества.

4 сентября, отправясь утромъ изъ дому, я сперва поѣхалъ къ завѣдующему воздухоплавательною командой, поручику А. М. Кованько, по поводу голубей, которыхъ нужно было взять изъ военно-почтовой голубиной станціи, а затѣмъ—на газовый заводъ, гдѣ, въ ожиданіи шара, долженствовавшаго прибыть изъ воздухоплавательнаго парка, началъ укладывать инструменты, которые мы брали съ собою для наблюденій. Вскорѣ въ воротахъ показался фургонъ съ шаромъ, который вмѣстѣ съ повозкой былъ тотчасъ поставленъ на вѣсы для опредѣленія его груза, послѣ чего повозка двинулась дальше на средній дворикъ, гдѣ обыкновенно происходитъ наполненіе аэростатовъ. Въ это время пріѣхалъ инженеръ-полковникъ Н. А. Козловъ, одѣтый въ кожаные куртку и рейтузы, въ высокихъ сапогахъ. Сейчасъ-же вмѣстѣ съ нимъ мы приступили къ взвѣшиванію инструментовъ и аппаратовъ, какіе мы рѣшили захватить съ собою. Наконецъ, явился и С. Ф. Вроблевскій,—тогда мы втроемъ помѣстились на вѣсахъ для опредѣленія нашего вѣса.

Между тѣмъ на дворъ газоваго завода постепенно начали съѣзжаться знакомые офицеры воздухоплавательной команды. Наполненіемъ шара завѣдывалъ поручикъ В. А. Семковскій. Здѣсь же присутствовали предсѣдатель VII отдѣла Техническаго Общества генералъ-лейтенантъ Боресковъ, члены Техническаго Общества и много другихъ знакомыхъ; сюда же начали собираться представители печати и масса посторонней публики. Разостлавъ брезентъ и положивъ шаръ съ надѣтою на него сѣткой, начали наполнять его газомъ, но къ этому времени сталъ накрапывать дождь, и пришлось пріостановить наполненіе шара, предварительно накрывъ его брезентами, дабы онъ не намокъ и этимъ не увеличился въ своемъ вѣсѣ. Послѣ небольшаго перерыва, шаръ совершенно наполнился. Натянувъ сѣтку, концы которой удерживались мѣшками съ песочнымъ баластомъ, въ рукахъ у солдатъ воздухоплавательной команды, немедленно приступили къ прикрѣпленію корзины. Въ это время мы, всѣ участвующіе въ полетѣ, начали собирать наши инструменты, которые прикрѣплялись къ веревкамъ надъ корзиной; я же отправился за голубями, сидѣвшими въ корзинкѣ, и затѣмъ помѣстился въ корзину, въ которой уже былъ Козловъ; послѣднимъ взошелъ Вроблевскій. Все было готово, и къ моменту нашего подъема, направленіе вѣтра опредѣлено пробнымъ шаромъ; но по случаю вѣтра крѣпившаго нашъ шаръ на стѣнку газгольдера, насъ, по распоряженію завѣдывавшаго нашимъ подъемомъ А. М. Кованько, отнесли на первый дворикъ. Размѣстившись въ корзинѣ поудобнѣе и взявъ на всякій случай въ руки по мѣшку баласта, мы ждали момента подъема. Наконецъ раздалась команда „отпускай!" Насъ сразу рвануло и потащило по землѣ на стѣну зданія завода, разгоняя на пути публику; мы ждали толчка о зданіе, но раздалась команда „держи!", и закопошившаяся моментально масса солдатъ подхватила насъ и оттащила обратно. Это случилось такъ скоро, что мы не успѣли даже дать себѣ отчета о той опасности, какой мы подвергались, вполнѣ углубленные каждый въ свое дѣло. Сбавивъ нѣсколько мѣшковъ песку, мы по вторичной командѣ „отпускай!" плавно понеслись къ зданію завода и чуть не зацѣпили за крышу, но во время брошенный мѣшокъ баласта заставилъ облегченный шаръ вынести насъ благополучно. Когда мы выглянули за бортъ корзины, намъ представилась чудная картина. Масса публики, махая шляпами, посылала намъ пожеланія благополучнаго путешествія. Съ неимовѣрною быстротой эта толпа народа начала уменьшаться и наконецъ совсѣмъ пропала,—уже нельзя было отличить человѣческой фигуры. Мы неслись все выше и выше; предъ нами открылась чудная панорама. Вдали мерцалъ кой-гдѣ освѣщенный солнцемъ Петербургъ; зданія казались какими-то маленькими коробочками, и только золоченые купола церквей съ ихъ колокольнями разнообразили чудный видъ столицы. Направо сверкнула излучистою темносинею лентой Нева, со своими рукавами; вдали за ней, подернутая голубоватой дымкой, зеленѣла даль. Истокъ Невы съ Ладожскимъ озеромъ намъ не былъ виденъ, такъ какъ былъ покрытъ темными тучами. Невдалекѣ рядомъ съ нами плыло чудное бѣлое кучевое облако. Налѣво виднѣлась часть Финскаго залива, Морской каналъ, Кронштадтъ, Петергофъ, а даль была закрыта темно-свинцовыми облаками, повисшими надъ Финскимъ заливомъ. Подъ нами разстилался чудный коверъ зелени съ разнообразными узорами, образующимися отъ зданій, дорогъ, деревьевъ, тропинокъ; все это было покрыто свѣтло-голубымъ тономъ тумана.

Мы несемся довольно быстро. Съ боку отъ Петербурга стелется струйка дыма, за которымъ чернѣетъ движущаяся змѣйка; мы ее обгоняемъ—это поѣздъ идущій въ Царское-Село. Каждую минуту видъ измѣняется, картины слѣдуютъ одна за другой. Нѣтъ возможности отдать себѣ отчета въ испытываемомъ ощущеніи. Тишина въ заоблачныхъ сферахъ нарушается издали гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ пробныхъ орудій съ Обуховскаго заводскаго полигона. Чистымъ воздухомъ дышется какъ-то особенно легко. Глазъ прикованъ къ чудно раскинувшейся панорамѣ, самъ находишься въ какомъ-то очарованномъ состояніи,—кажется никогда бы не оторвался отъ созерцанія; но, къ сожалѣнію, необходимость заставляетъ приняться за дѣло. У меня за спиной Козловъ уже давно, стоя передъ инструментами, занятъ метеорологическими наблюденіями—онъ такъ углубленъ въ свое дѣло, что не обращаетъ вниманія на пораненую при началѣ путешествія руку, съ которой струится кровь, и не чувствуетъ боли; моментально прилѣпленный пластырь не отрываетъ его отъ занятій. Вроблевскій, наблюдая за управленіемъ и полетомъ шара, чрезъ каждую минуту сообщаетъ намъ показаніе барографа. Съ лихорадочною поспѣшностью и я принимаюсь за дѣло: начинаю провѣрять кой-какіе инструменты, но вспоминаю, что моя главная программа заключается совсѣмъ въ другомъ, и приспособливаю камеру къ снимкамъ. Свѣточувствительность, вслѣдствіе сильной туманности, по фотометрическимъ наблюденіямъ слишкомъ мала, на матовомъ стеклѣ очень слабо и туманно рисуется топографически мѣстность; но не теряю надежды, дѣлаю нѣсколько снимковъ, вкладываю ихъ въ свѣтонепроницаемыя оболочки, вынимаю перваго почтоваго голубя, прикрѣпляю къ нему пелликюль (футлярчикъ), записываю на ней высоту баро-

графа—и почталіонъ готовъ. Сажаю его на бортъ корзины; но ручной голубь не показываетъ ни малѣйшаго желанія съ нами разстаться, прыгаетъ во внутрь корзины и путается между нашими ногами. Вторично сажаю его на бортъ корзины и слегка подталкиваю,—на этотъ разъ голубь бросается въ пространство и направляетъ свой полетъ къ Петербургу.

Затѣмъ идутъ дальнѣйшія работы; на время Козловъ прерываетъ свои наблюденія и помогаетъ мнѣ провѣрить фотографическую камеру; дѣлаемъ еще снимки. Барографъ показываетъ, что шаръ начинаетъ падать; нѣсколько горстей брошеннаго песку останавливаютъ это пониженіе. Мы все несемся съ тою же быстротою. Передъ нами открываются изъ-подъ облаковъ разныя деревушки, а вдали, сквозь разорванныя тучи, открывается на горизонтѣ видъ Царскаго-Села. Мы опускаемся ниже облаковъ, начинаемъ оріентироваться; послѣ нѣсколькихъ наблюденій по картѣ, мы опредѣляемъ наше мѣстоположеніе. Небо проясняется отъ облаковъ—и предъ нами видъ залитаго яркимъ солнцемъ царскаго дворца. Нашъ шаръ, послѣ часоваго полета, замѣтно начинаетъ приближаться къ землѣ; приходится расходовать баластъ. Г. Вроблевскій дѣлаетъ намъ вопросъ: сколько у насъ мѣшковъ баласту; начинаемъ осматривать борта корзины, но, увы!—за бортомъ нѣтъ ни одного мѣшка, исключая того, что подъ руками; а панорама и видъ сверху такъ чудны, что нѣтъ ни малѣйшаго желанія опускаться на землю. Но благоразуміе беретъ верхъ: мы начинаемъ укладывать наши инструменты; я подвѣшиваю своихъ крылатыхъ почтарей, дабы избавить ихъ отъ толчка при спускѣ; одного изъ голубей снова пускаю съ фотографическимъ снимкомъ.

При плавномъ полетѣ, замѣчаемъ какъ быстро земля приближается къ намъ: мы начинаемъ различать уже болѣе мелкія зданія и человѣческія фигуры, видимъ вдали мирно пасущихся коровъ. До насъ начинаютъ долетать отдѣльные звуки: лай собакъ и крики людей, которые, завидя насъ, быстро несущихся надъ полями, криками изъявляютъ свое изумленіе. Царское-Село все ростетъ. Проносясь надъ полемъ, мы видимъ передъ собою какого-то крестьянина пашущаго землю; невдалекѣ отъ него стоитъ повозка съ лошадью. Г. Вроблевскій вытравливаетъ гайдропъ (веревку), который начинаетъ касаться земли. Мы ясно уже видимъ какъ мужикъ, бросивъ соху и лошадь, схватываетъ конецъ веревки, но сила полета шара повергаетъ его, онъ падаетъ на землю, подымается, и все-таки бѣжитъ. Мы кричимъ ему сверху чтобы онъ угналъ лошадь съ пути нашего полета, дабы ее не захлестнуть волочащейся веревкой. Въ это время на шоссе парка остановилось ландо съ сѣдоками; мы кричимъ кучеру чтобы онъ отъѣзжалъ поскорѣй, дабы нашимъ приближающимся шаромъ не испугать лошадей и не произвести какой-нибудь кутермы. Кучеръ поспѣшно улепетываетъ. Баластъ расходуется правильно: остается только $^3/_4$ мѣшка. Передъ нами поляна, вдали телеграфные столбы; мы рѣшаемся спуститься не перелетая черезъ телеграфную проволоку. Приготовленный якорь виситъ на борту корзины; горизонтъ подымается; минута — якорь брошенъ, мы приготовляемся къ остановкѣ; якорь, зацѣпивъ за кочку, зарывается, выбрасывая большія глыбы земли, корзина касается земли, мы повисли на веревкахъ. Первый толчокъ о землю—облегченный шаръ подымаетъ насъ на нѣкоторую высоту и снова падаетъ внизъ; толчки паденія очень слабы. Схватываемъ веревку отъ клапана и помогаемъ газу выйти изъ шара; якорь, крѣпко зарывшись въ землю, останавливаетъ насъ на мѣстѣ, но мы не выходимъ изъ корзины, пока шаръ, еще накренившись въ воздухѣ, не начинаетъ клониться къ землѣ. На встрѣчу къ намъ со всѣхъ сторонъ спѣшитъ народъ, завидя нашъ спускъ; шумъ, говоръ толпы заглушаетъ наши распоряженія; нѣсколько человѣкъ ухватились за края нашей корзины. Шаръ касается земли, напоръ вѣтра помогаетъ быстро улетучиваться газу изъ аэростата. Мы выходимъ изъ корзины, наши впечатлѣнія и ощущенія перемѣшаны и перепутаны. Мы на землѣ. Управлявшій шаромъ, г. Вроблевскій, начинаетъ распоряжаться уборкою его; масса предложенныхъ услугъ заставляетъ его обратиться къ выборному порядку; выбираемъ старосту, который беретъ подъ свое начальство 10 человѣкъ; тѣ помогаютъ управиться съ уборкою и нанять подводу. Въ это время насъ любезно приглашаютъ отдохнуть на Императорскую ферму и подкрѣпить наши силы. Мы дѣйствительно чувствуемъ себя утомленными, ноги болятъ отъ неловкаго стоянія въ корзинѣ. Приготовляемъ депешу, вынимаемъ изъ корзины почтаря, который, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по воздуху, направляется къ Петербургу съ извѣщеніемъ о нашемъ благополучномъ спускѣ. Шаръ убранъ; все въ исправности; инструменты въ цѣлости. Отправивъ подводу, мы идемъ къ управляющему Императорской фермой, г. Гольсту, гдѣ намъ предлагаютъ роскошный сельскій завтракъ. Результаты нашего полета сводятся и можемъ резюмировать ихъ; метеорологическія наблюденія по утвержденной программѣ Императорскаго Техническаго Общества исполнены; всѣ опыты съ голубями, принимая во вниманіе первый ихъ полетъ съ неизвѣстной имъ мѣстности, удались блистательно.

А. Малаховскій.

Парижская Всемірная выставка. Бой быковъ. По моментальной фотогр. грав. Тиріа.

Политическое обозрѣніе.

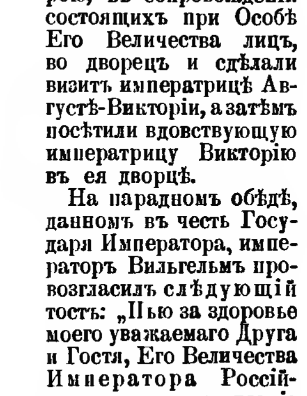
Телеграфъ передаетъ слѣдующія подробности Берлинскаго свиданія. 29 сентября, разстановка войскъ шпалерами вдоль улицы отъ Лертскаго вокзала къ Альзенскому мосту, по Королевской площади, Аллеѣ Побѣды и по улицѣ „Unter den Linden" окончилась въ началѣ десятаго часа утра. На общественныхъ, королевскихъ и многихъ частныхъ домахъ выставлены

были флаги; многолюдная толпа ожидала на улицахъ прибытія Императоровъ. Пріемный залъ Лертскаго вокзала былъ убранъ множествомъ флаговъ русскихъ, германскихъ, мекленбургскихъ и ольденбургскихъ цвѣтовъ. Входъ въ царскіе покои былъ украшенъ роскошными растеніями, а выходъ, подъѣздъ и пурпурный балдахинъ—золотою бахромой. Въ вокзалѣ собрались высшія гражданскія и военныя власти, высшіе гражданскіе и придворные сановники въ полной парадной формѣ; кромѣ того, тутъже были многіе принцы и высокія особы. Германскій императоръ былъ въ мундирѣ Выборгскаго пѣхотнаго своего имени полка.

Въ 10 час. утра русскій Императорскій поѣздъ вошелъ въ вокзалъ; музыка заиграла русскій народный гимнъ, а почетный караулъ, для салюта, преклонилъ знамя. Императоръ Вильгельмъ подошелъ къ вагону-салону, у открытаго окна котораго стоялъ Государь Императоръ въ мундирѣ прусскаго гвардейскаго гренадерскаго Имени Своего полка. Государь Императоръ, привѣтствуя императора Вильгельма, нѣсколько разъ обнялъ его, а князю Бисмарку пожалъ руку. Послѣ обхода по фронту почетнаго караула и прохожденія этого караула, оркестръ котораго исполнилъ русскій народный гимнъ, Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ прослѣдовали въ посольство, въ коляскѣ четвернею, въ сопровожденіи эскорта изъ кирасировъ и улановъ, между расположенныхъ шпалерами войскъ; коляска ѣхала на рысяхъ. Стоявшія на улицахъ густыя толпы народа восторженно привѣтствовали Ихъ Величествъ. При проѣздѣ императорскаго экипажа через Бранденбургскія ворота, послѣдовалъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. По прибытіи къ зданію русскаго посольства, Ихъ Величества, остановившись передъ порталомъ посольства, присутствовали при прохожденіи войскъ гвардейскаго корпуса, которое продолжалось три четверти часа. Когда прохожденіе войскъ кончилось, Ихъ Величества прослѣдовали, при восторженныхъ возгласахъ толпы народа, въ отель посольства, направившись въ находящуюся въ первомъ этажѣ Бѣлую залу, гдѣ сервированъ былъ завтракъ. Когда полкъ имени Императора Александра внесъ свое знамя въ покои своего Августѣйшаго шефа, Ихъ Величества еще разъ показались народу въ окнѣ, причемъ толпа вновь огласила воздухъ восторженными привѣтствіями.

Уилки Коллинзъ († 11 сентября 1889). Фотохемиграфія Яблонскаго.

На завтракѣ, данномъ въ зданіи русскаго посольства графомъ Шуваловымъ, присутствовали императоръ Вильгельмъ и всѣ высокія особы. Графъ Шуваловъ, поднявъ бокалъ, привѣтствовалъ Государя Императора съ прибытіемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества. Игравшій во время завтрака хоръ гвардейскаго гренадерскаго Имени Александра полка исполнилъ при этомъ русскій народный гимнъ. Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ провозгласилъ по-французски краткій тостъ за здоровье императора Вильгельма. Въ продолженіе завтрака оба Монарха проявляли въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ величайшую задушевность. Государь Императоръ еще ранѣе изволилъ выразить окружающимъ удовольствіе по поводу пріема.



Послѣ завтрака, около 12 час. 45 мин., Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ поѣхали въ коляскѣ, парою, въ сопровожденіи состоящихъ при Особѣ Его Величества лицъ, во дворецъ и сдѣлали визитъ императрицѣ Августѣ-Викторіи, а затѣмъ посѣтили вдовствующую императрицу Викторію въ ея дворцѣ.

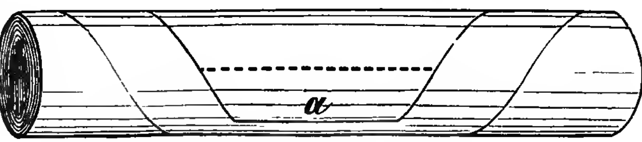
На парадномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Государя Императора, императоръ Вильгельмъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: „Пью за здоровье моего уважаемаго Друга и Гостя, Его Величества Императора Россійскаго, и за продленіе дружбы, болѣе ста лѣтъ существующей между нашими Домами; дружбу эту я рѣшилъ заботливо поддерживать, какъ наслѣдіе, перешедшее ко мнѣ отъ моихъ предковъ“. Государь Императоръ поблагодарилъ по-французски за выраженныя императоромъ Вильгельмомъ дружественныя чувства и провозгласилъ тостъ за здоровье императора и императрицы Германскихъ. Затѣмъ Государь Императоръ выпилъ за здоровье имперскаго канцлера, который при этомъ всталъ и стоя осушилъ бокалъ и низко поклонился. Потомъ императоръ Вильгельмъ предложилъ тостъ за здоровье графа Шувалова, который тоже осушилъ бокалъ стоя и сдѣлалъ низкій поклонъ.

Во время параднаго обѣда играла музыка гвардейскаго лейбъ-гусарскаго и гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полковъ. Государь Императоръ изволилъ быть за обѣдомъ въ мундирѣ прусскаго уланскаго полка, котораго Его Величество состоитъ шефомъ.

Необходимое предупрежденіе.

При вскрытіи преміи, разсылаемой при № 42 „Нивы“, необходимы слѣдующія предосторожности, дабы не испортить картины.

Здѣсь изображенъ чертежъ средней части запакованной преміи. **Для вскрытія надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точками**, т. е. выше линіи наклейки а; далѣе бумага уже развертывается сама собою.



Чертежъ средней части запакованной преміи въ уменьш. видѣ.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевою стороною кнаружи, **не слѣдуетъ ее свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо лакъ можетъ потрескаться и картина испортиться.** Слѣдуетъ, вынувъ, просто **разложить картину на столѣ**, наложивъ на края какія-нибудь пресъ-папье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

Смѣсь.

Съ 1 января будущаго года въ Москвѣ будетъ издаваться Н. М. Боборыкинымъ, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей князя Д. Н. Цертелева, литературно-политическій журналъ *Русское обозрѣніе*.

Журналъ будетъ выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками по 15 листовъ.

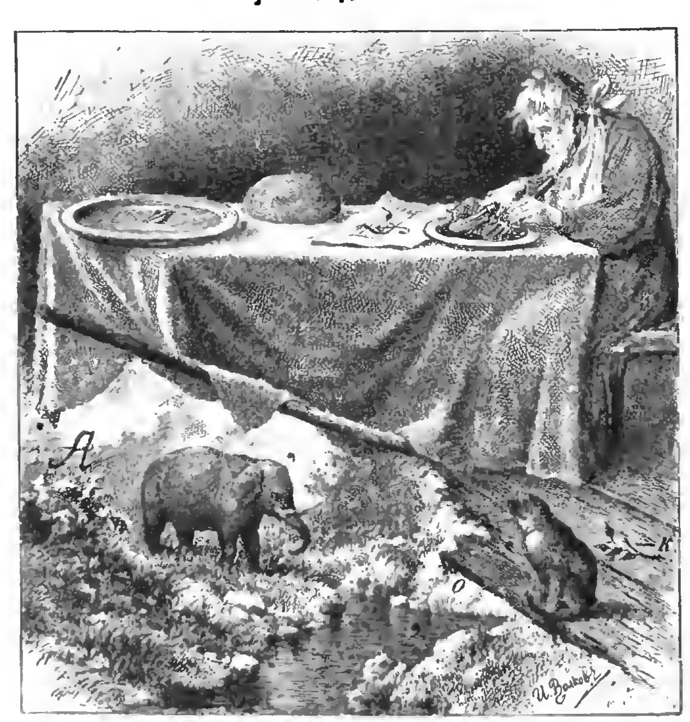
Цѣна изданія за годъ безъ пересылки и доставки 15 р.

Кустарный промыселъ. Въ послѣдніе годы въ Конотопскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, сильно развилось производство среди крестьянъ удобоперевозимыхъ и несложныхъ машинъ и орудій. Этотъ кустарный промыселъ существуетъ и въ уѣздахъ Орловской губерніи. Машины и орудія крестьянской работы весьма несложны, при поломкѣ могутъ исправляться домашними средствами и, главное, дешевле фабричныхъ. Сельскіе хозяева всего охотнѣе покупаютъ молотилки конотопскихъ кустарей, по цѣнамъ отъ 75 до 150 руб. Эти машины и орудія распродаются въ большомъ количествѣ въ уѣздахъ Сѣвскомъ, Трубчевскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ, Глуховскомъ и Новгородсѣверскомъ. Но они отправляются и въ отдаленныя мѣстности имперіи, напримѣръ на Кавказъ, въ Томскую, Уфимскую и Тобольскую губерніи, гдѣ они находятъ всегда хорошій сбытъ. (в.)

Царская невѣста Марія Хлопова. Въ очеркахъ г. Пыляева „Старая Москва" разсказывается извѣстная исторія дѣвицы Маріи Хлоповой, сдѣлавшейся жертвою интригъ придворныхъ. Она была подруга дѣтства царя Михаила Ѳеодоровича, по вступленіи его на престолъ, была выбрана имъ себѣ въ невѣсты и жила уже въ „верху". Но вслѣдствіе непріятныхъ отношеній родственниковъ Хлоповой къ Салтыковымъ, послѣдніе рѣшились погубить царственную невѣсту во что̀ бы то ни стало. Будущую царицу окружили всякими предосторожностями, но ея враги достигли своей цѣли. По преданію, въ селѣ Покровскомъ, куда ѣздилъ царь съ невѣстой на гулянье, онъ вручилъ Маріи на прощанье ларецъ съ сахарными леденцами и заѣдками, зная, что она ихъ любитъ; но одна изъ подкупленныхъ женщинъ подмѣнила нѣкоторые изъ нихъ отравленными. Марія, не подозрѣвая ничего, поѣла; ночью у нея явилась ужасная боль въ желудкѣ, а затѣмъ рвота и ослабленіе силъ. Недоброжелатели ея встревожили дворъ словами „черная немочь, черная немочь!" И этого было достаточно для нагубы Хлоповой. Слухи эти были приговоромъ для Маріи, нареченной по тогдашнему обычаю другимъ именемъ, Анастасіей. Тотчасъ вышло распоряженіе сослать нареченную Анастасію „съ верху", а затѣмъ послѣдовалъ и указъ о ссылкѣ несчастной вмѣстѣ съ родственниками въ Сибирь, въ Тобольскъ. Здѣсь Марія провела четыре года; послѣ чего она была перемѣщена, по царскому указу, въ Верхотурье, гдѣ ей дано хорошее помѣщеніе въ половинѣ воеводскаго дома. Затѣмъ Хлопову перемѣстили, тоже по указу царя, изъ Верхотурья въ Нижній-Новгородъ. Посылая послѣдній указъ, государь тайно вручилъ посланцу письмо къ Настасьѣ и нѣсколько подарковъ. Царь Михаилъ опять объявилъ царицѣ-матери, что онъ хочетъ вступить въ бракъ съ Хлоповой, но послѣдняя ему на то согласія не дала; назначенный осмотръ невѣсты подтвердилъ, что Анастасія во всемъ здорова. Салтыковы же, признанные въ этомъ дѣлѣ виновными, были удалены въ ссылку и подверглись опалѣ патріарха Филарета Никитича. Послѣ этого былъ уже посланъ въ Нижній бояринъ Шереметьевъ, который и объявилъ отцу Хлоповой, что царь взять ее себѣ въ супруги не изволилъ. И повелѣно Хлоповой со всѣмъ семействомъ жить въ Нижнемъ и велѣно давать имъ кормъ противъ прежняго болѣе и ежегодно отпускать значительную сумму денегъ. Марія вскорѣ умерла, боготворимая всѣми за свою кротость и любовь къ ближнимъ. (в.)

Средства остановить носовое кровотеченіе. Одно популярно-научное медицинское изданіе совѣтуетъ слѣдующія средства, наиболѣе испытанныя. Прежде всего больной долженъ сѣсть, наклонить голову къ груди, чтобы кровь не потекла въ гортань и не причинила кашля, тошноты и рвоты. Руки и ноги помѣстить въ теплую воду, сильно перевязать руки въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно дѣлаютъ перевязку при кровопусканіи. По мѣрѣ уменьшенія кровотеченія, повязки ослаблять и, наконецъ, совсѣмъ развязать ихъ. Если руки не въ ваннѣ, то во время кровотеченія полезно поднять ихъ кверху такъ, чтобы ладонями охватить затылокъ. Помогаютъ также опрыскиваніе и обмываніе лица холодной водой, втягиваніе и впрыскиваніе въ носъ холодной воды простой или смѣшанной съ уксусомъ, небольшимъ количествомъ спирта или водки, отвара дубовой и ивовой корки. Полезно также жевать пробку, бумагу и дерево, класть горчичникъ на затылокъ, привязывать тертый хрѣнъ съ уксусомъ у кисти рукъ, спереди. При сильномъ кровотеченіи надо вложить въ ноздрю кусочекъ губки или корпіи, смоченный крѣпкимъ виннымъ спиртомъ или растворомъ мѣднаго купороса (синяго камня) въ водкѣ. Если и это не поможетъ, тогда сбить хорошенько яичный бѣлокъ, смочить имъ кусочекъ корпіи, посыпать его порошкомъ, состоящимъ изъ равныхъ частей, истолченныхъ въ муку, сахара, квасцовъ и синяго купороса, и вложить въ ту ноздрю, изъ которой идетъ кровь. При этомъ внутрь дается больному вода съ уксусомъ и съ кремартартаромъ, полагая чайную ложку кремартартара на стаканъ воды. Наконецъ хорошо, при неособенно усиленномъ кровотеченіи, взять въ руки какой-нибудь твердый предметъ изъ камня или металла и стиснуть его крѣпко въ кулакъ. (в.)

Ребусъ. Задача № 63.



Алгебраическая задача № 64.

Одна русская пословица состоитъ изъ 18 буквъ; если эти буквы замѣнить числами соотвѣтственно мѣстамъ алфавита русской азбуки, то между ними получатся слѣдующія соотношенія:

1) Кубичный корень изъ восемнадцатаго равенъ четвертому.
2) Квадратный корень изъ десятаго равенъ одиннадцатому.
3) Сумма тринадцатаго и четвертаго равна разности восьмаго и третьяго.
4) Девятое равно первому.
5) Четвертое относится къ десятому, какъ тринадцатое къ восемнадцатому.
6) Сумма крайнихъ равна суммѣ среднихъ.
7) Семнадцатое равно суммѣ третьяго и втораго.
8) Шестнадцатое равно суммѣ семнадцатаго и двѣнадцатаго.
9) Разность пятнадцатаго и шестаго равна разности перваго и девятаго.
10) Квадратный корень изъ суммы семнадцатаго и четырнадцатаго равенъ разности втораго и одиннадцатаго.
11) Пятое болѣе седьмаго въ четыре раза.
12) Второе вдвое менѣе четырнадцатаго.
13) Третье относится къ шестому, какъ двѣнадцатое къ пятнадцатому.
14) Сумма пятаго и четырнадцатаго равна суммѣ девятаго, восьмаго и тринадцатаго.
15) Двѣнадцатое относится къ тринадцатому, какъ третье къ четвертому.
16) Седьмое относится къ половинѣ втораго, какъ треть восьмаго къ четверти пятаго.
17) Первое относится къ девятому, какъ сумма семнадцатаго и восемнадцатаго къ разности шестнадцатаго и втораго.
18) Произведеніе пятаго на одиннадцатое равно четырнадцатому.

Шарада. Задача № 65.

Унылой, мертвенной зимой,
Надъ лѣсомъ, надъ поляной снѣжной,
Услышишь звукъ *начальный* мой
Ты вмѣсто пѣсни пташекъ нѣжной.
И хилый старецъ, и юнецъ,
Не соблюдая осторожность,
Найти въ моемъ *концѣ* конецъ
Имѣютъ полную возможность.
А *все*—искусства результатъ,
Предметъ изысканный, красивый;
Мы скажемъ больше: *имъ* богатъ
Подписчикъ давній нашей „Нивы".

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

($14^{3}/_{4}$ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №№ „Нивы“).

Дозвол. цензур., СПБ., 4 октября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. — № 42 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XX — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис).
Выданъ 14 октября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Страшныя сказки. Съ картины Зейферта, грав. Шульце.

Гг. годовымъ подписчикамъ „**Нивы**“ при этомъ № разсылается обѣщанная главная **ПРЕМІЯ на 1889 годъ: большая картина, печатанная масляными красками—съ оригинала извѣстнаго художника, профессора В. Д. ОРЛОВСКАГО, исключительно для „Нивы“ исполненная,** подъ названіемъ

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

По вскрытіи преміи необходимо соблюдать слѣдующую предосторожность: для распрямленія не слѣдуетъ скатывать картину изображеніемъ внутрь, т. е. въ противоположную сторону: картина скатана лицевою стороною кнаружи и поэтому лакъ можетъ потрескаться при обратномъ скатываніи. Надобно разложить картину на столѣ, лицевою стороной кверху, наложивъ на края что-нибудь тяжелое (прессъ-папье)—картина черезъ день распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. (Смот. „**НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ**“ въ прошломъ № 41).

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Княжна вернулась въ свою горницу, начала тихо ходить изъ угла въ уголъ и наконецъ произнесла, какъ бы вдругъ озлобясь на самоё себя:

— Это безсмысленно!.. Это скука, глушь захолустья, праздность. Или временное безуміе! Что̀ это такое? Это, наконецъ, срамъ. Мнѣ стыдно самой себя. Я не дѣвчонка! Наконецъ, я не мѣщанка, не крестьянская дѣвка! Что жъ я, съ ума что-ли схожу?!

И вмѣстѣ съ тѣмъ она думала, или будто кто-то говорилъ ей:

„Да вѣдь что̀ же тутъ особеннаго? Вѣдь только видѣть. На нѣсколько минутъ. Поговорить. Убѣдиться, что я ошиблась... Увидѣть, что простой дворовый принялъ чужой образъ въ моемъ воображеніи. Это бываетъ. Издали предметы кажутъ совсѣмъ не такими, какъ вблизи... Да и что̀ же за бѣда повидать, поговорить... На ворѣ шапка горитъ!“

Долго-ли разсуждала княжна, споря сама съ собой, она не помнила. Ее привели въ себя шаги въ сосѣдней комнатѣ; она тотчасъ же умышленно стала къ дверямъ спиной, и только сердце ея стукнуло, когда взизгнулъ дверной замокъ. Вошедшій стоялъ на порогѣ, а княжна продолжала оставаться къ нему спиной и у нея будто не хватало силы обернуться.

— Что́ прикажете? раздался наконецъ почтительный голосъ Макара Макаровича.

Княжна быстро обернулась и смущаясь подошла къ управителю. Въ ней произошло что-то особенное, такъ какъ сейчасъ въ ея воображеніи, въ одно мгновеніе, стоящій на порогѣ человѣкъ преобразился въ другаго. Не Макаръ Макаровичъ чудился было ей тамъ, за ея плечами. Не его ждала она увидѣть...

Княжна быстро, нервно объяснила Трубецкому, что ей нужно починить шкафъ и рѣзьбу на зеркалѣ.

— Слушаю-съ. Помилуй Богъ, не мудрено. Но развѣ прикажете сейчасъ?

— Да, если можно.

— Извольте-съ. Я только пойду клею растоплю и сейчасъ явлюсь.

— Вы сами! изумляясь, вымолвила княжна.

— Да-съ. Помилуй Богъ, не безпокойтесь! Я сдѣлаю. Я тоже когда-то токаремъ былъ. А то, помилуй Богъ... Время такое... дни особые... Позвольте я самъ сейчасъ...

— Я не понимаю, Макаръ Макаровичъ... вымолвила княжна вопросительно, глядя въ лицо Трубецкому. — Зачѣмъ же вы... Развѣ нѣтъ столяра?

— Праздники, княжна. Не хорошо! Грѣхомъ считается. Народъ глупъ, не понимаетъ. Иному же обидно: всѣ веселятся, а онъ работай. Да я, будьте спокойны, Господи благослови, не хуже Егора сдѣлаю.

— Нѣтъ! произнесла вдругъ княжна.

Но это одно слово было такъ сказано, что Макаръ Макаровичъ вдругъ вскинулъ глаза на княжну и пытливо, пристально присмотрѣлся къ ней. Старику почудилось отъ этого одного слова, что предъ нимъ стоитъ не княжна, а явился вдругъ самъ князь Андрей Ивановичъ.

Это слово: „нѣтъ“ было сказано голосомъ князя, манерой князя. Это было такое „нѣтъ“, противъ котораго никто не пойдетъ. Послѣ такого слова хоть лбомъ стѣну прошиби — перемѣны не будетъ.

— Какъ угодно, вымолвилъ Трубецкой, повидимому обиженный.

— Нѣтъ, повторила Полина мягче и прибавила: — Я не хочу васъ утруждать. Я подожду... Пройдутъ праздники, примутся люди за работу и тогда пришлите... кого-нибудь.

И это послѣднее слово прозвучало особенно, отдѣльнымъ звукомъ отъ всѣхъ прочихъ. Говоря это слово, Полина отвела глаза отъ лица управителя.

— Да ужъ больше Егора некого... отозвался Макаръ Макаровичъ.

— Все равно... Да, Егора... этого...

Трубецкой вышелъ, а княжна долго стояла все на томъ же мѣстѣ. Наконецъ она двинулась и произнесла:

— Ужасно глупо... Ребячество... Нѣтъ, не то... Къ шалостямъ дѣтскимъ не прибавляется такого чувства... тяжелаго, горькаго... Это скорѣе—безуміе съ мучительствомъ... Но все-таки нуженъ конецъ, тотъ или другой.. Увидѣть ближе — и увидѣть чему быть. Если это не ошибка, то идти дальше... На что̀ идти?—дальше... А тамъ, что̀ Богъ дастъ.

Княжна, не зная чѣмъ себя занять, сѣла за столикъ, гдѣ были у нея всѣ принадлежности рисованія и гдѣ лежалъ начатый рисунокъ тушью, изображавшій голову Лаокоона.

Едва только взяла она тушь, какъ шевельнулся замокъ и дверь тихо отворилась. На порогѣ появился Егоръ. Полина вспыхнула и тотчасъ испугалась той краски на щекахъ, которую почувствовала. И лицо ея сразу потемнѣло, насупилось, стало холодно и гордо...

— Что̀ ты? вымолвила она черезъ силу. — Тебя послали?

— Точно такъ-съ. Макаръ Макаровичъ приказалъ взять починить чтой-то... произнесъ тихо Егоръ, слегка смущаясь.

— Но вѣдь теперь праздники! Зачѣмъ... Не надо... Послѣ...

По голосу княжны не трудно было догадаться, что она только стѣсняется, но желала бы противнаго.

— Помилуйте, какая же это работа!.. Да я все равно и въ праздникъ безъ дѣла не сижу... Что́ прикажете взять?

Княжна встала и показала на дверку шкафа и на зеркало. Егоръ осмотрѣлъ и то, и другое... Взглядъ на рѣзьбу зеркала, изображавшую листья и цвѣты, заставилъ его сразу перемѣниться въ лицѣ... Онъ вдругъ улыбнулся, глаза засіяли, блеснули, всѣ черты лица ожили, и оно стало еще красивѣе... Княжна, искоса глядя на него, замѣтила все и стала вдругъ смотрѣть еще холоднѣе, суровѣе, почти надменно... И за этимъ холодомъ, повѣявшимъ отъ всей ея фигуры, будто спряталось поспѣшно и боязливо то, что̀ шевельнулось вдругъ на ея сердцѣ съ новою силою, порывистою, бурною... Она хотѣла заговорить, спросить что-нибудь, но молчала и выпрямлялась все горделивѣе, точно ожидая и боясь оскорбленья...

Егоръ глянулъ на княжну, смутился ея грознаго лица и подумалъ:

„Я кажись ничего такого не сказалъ. Чего это она?“

— Ты самъ рѣзать умѣешь дерево? выговорила княжна.

— Точно такъ-съ. Если чего тутъ не хватаетъ — я добавлю.

— Кто тебя обучилъ? тише и мягче спросила она.

— Самъ сталъ... охота. Радъ бы поучиться, да не у кого... Такъ вотъ, что̀ увидишь, стараешься подладиться. Случается и сдѣлаешь. Макаръ Макаровичъ, спасибо ему, дозволяетъ это... Даже похваляетъ иной разъ.

И Егоръ просто, наивно, свободно, хотя съ оттѣн-

комъ почтенія въ голосѣ, разсказалъ подробно, какъ онъ работалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ и что́ дѣлалъ... Онъ упомянулъ вскользь и о своемъ „ковыряньи“ изъ воска и замазки...

— Какъ? Что? воскликнула княжна, будто забывшись, и закидала его вопросами. Она забыла про свою маску, за которую пряталась нѣсколько минутъ назадъ. Лицо ея оживилось, было привѣтливо, ласково, стало какъ-будто даже красивѣе.

Егоръ удивился вновь, глядя на княжну, и вновь подумалъ:

„Чего это она? Теперь совсѣмъ другая.“

Разспросивъ Егора о всѣхъ его „куклахъ“, какъ онъ называлъ свои статуэтки изъ воска, Полина пожелала видѣть хоть одну или двѣ изъ нихъ.

Егоръ просіялъ сразу, и глаза его такъ сверкнули на барышню, что княжна Березопольская не выдержала этого взгляда, опустила глаза и снова прибѣгла къ маскѣ, снова выговорила холодно и сухо:

— Принеси мнѣ что-нибудь показать... Это любопытно.

— Когда прикажете?..

— Какъ хочешь... нерѣшительно произнесла княжна, такъ какъ ей хотѣлось сказать: „сейчасъ“. А смѣлости на это не было у нея.

Егору смерть хотѣлось сказать: „Позвольте сейчасъ принесу“, но онъ запнулся, боясь такой дерзкой выходки.

И оба замолчали, не зная что̀ сказать, что́ сдѣлать...

Еще мгновеніе—и быть-можетъ княжна приказала бы ему сейчасъ принести что-нибудь своей работы. Но въ горницу вошла Дуняша и остановилась въ удивленіи.

— Ну, возьми это... выговорила княжна холодно, указывая на зеркало и на обломки рамы.

И отвернувшись, она отошла.

Егоръ забралъ все и вышелъ, молча поклонившись.

Послѣднія слова и послѣдній взглядъ княжны опять обдали его холодомъ барской спеси, чуть не презрѣнія.

„Что отъ господъ дальше — то лучше“, разсуждалъ Егоръ, идя къ себѣ въ „первый“ домикъ подъ впечатлѣніемъ двухъ разныхъ барышень-княженъ, добрѣющей и злющей.

„Или дальше отъ него... совсѣмъ не видать; или все кончено. Я потеряю разсудокъ и погублю себя!“ думала Полина, оставшись одна и вспоминая съ трепетомъ на сердцѣ и воодушевленное лицо, и восторженный взглядъ, и звучный, мягкій, милый голосъ этого крѣпостнаго столяра... холопа ея отца.

XXIV.

Въ одной восточной сказкѣ бѣдный старикъ-рыбакъ вытащилъ изъ моря на паутинкѣ кита—и разбогатѣлъ. Рыбакъ увидѣлъ паутинку на берегу, догадался и къ себѣ ее потянулъ, за ней оказалась ниточка; вытянувъ нитку изъ воды, онъ нашелъ на концѣ привязанную къ ней тесемочку; за ней уже веревка пошла въ руки, за веревкой цѣлый канатъ оказался, за нимъ появилась цѣпь... А на цѣпи былъ китъ. Цѣпь была крѣпка, китъ былъ силенъ, а рыбакъ старъ и слабосиленъ. Испугавшись, хотѣлъ онъ бросить цѣпь. Глядь, а она прилипла къ рукамъ. Удача могла кончиться бѣдой. Однако рыбакъ вытащилъ морское юдо. Если вначалѣ ему помогла догадка, а потомъ силы, то подъ конецъ помогли... люди и обстоятельства.

Княжна Березопольская не побоялась взяться за паутинку и потянуть... „будь что́ будетъ!“ И все пошло какъ въ сказкѣ. Скоро цѣпь была тоже у нея въ рукахъ... Но она сама оказалась тоже прикованною къ ней.

На утро, послѣ первой бесѣды со столяромъ-рѣзчикомъ, княжна послала Дуняшу за Лукерьей Егоровной, ради того чтобы переговорить объ дѣлѣ. Это была — паутинка...

Старушка приплелась къ барышнѣ, но такъ какъ она съ трудомъ стояла на болѣющихъ ногахъ, то княжна усадила ее у себя въ рабочей горницѣ и стала говорить о томъ, что ея сыну слѣдъ бы учиться рѣзать по дереву. Лукерья Егоровна сомнительно качала головой и называла занятіе сына „баловничествомъ“, которому не надо потакать.

Чрезъ часъ пошла ниточка... Егоръ, вызванный къ барышнѣ, принесъ двѣ куколки, что сдѣлалъ для Трубецкаго. Затѣмъ принесъ разную рѣзьбу... а съ ними захватилъ и ангела изъ воска. Княжна была изумлена, но что̀ всего удивительнѣе показалось и старушкѣ, и столяру — княжна была радостная, сіяющая... будто кладъ нашла.

„Что̀ значитъ добрѣющая-то душа!“ думала Лукерья Егоровна.

На утро княжна, обойдя съ управителемъ кой-кого изъ дворовыхъ для осмотра ихъ помѣщеній, зашла и въ „первый“ домикъ. Но здѣсь она задержалась надолго, ради бесѣды съ хорошею старушкой... ради осмотра одной большой работы Егора, цѣлаго деревяннаго звѣря, вырѣзаннаго изъ дуба для сосѣда-помѣщика.

Съ этого дня княжна и Миловановы, мать и сынъ, видались постоянно. Какъ-то такъ все нечаянно выходило... И уже канатъ показывался изъ волнъ морскихъ.

Между тѣмъ прошло около двухъ недѣль, прошли Рождественскіе праздники. Березопольцы, навеселившись вдоволь, вернулись къ будничной жизни. Все вошло въ обычную колею, зажило по-старому.

Но одно существо въ Березопольѣ было выбито изъ колеи. Для княжны не вернулось то же, что̀ было до праздниковъ. Въ ней за это короткое время совершился нравственный переломъ. Она съ ужасомъ, со слезами, но страстно и пылко созналась себѣ окончательно въ томъ, что давно смутно чувствовала.

„Да, я люблю его! Не смотря ни на что̀ — люблю“.

Но полюбить—княжнѣ Березопольской—крѣпостнаго, двороваго человѣка и столяра, это казалось все-таки самой ей такимъ невѣроятнымъ, ужаснымъ и даже позорнымъ происшествіемъ, что ей теперь чудилось, какъ будто она совершила возмутительное преступленіе, украла или зарѣзала кого-нибудь... А вмѣстѣ съ тѣмъ, будто опьяненная страшнымъ дѣяніемъ, она не пугалась тѣхъ призраковъ, которые вставали предъ ней на пути въ ближайшемъ будущемъ. Будь что̀ будетъ!

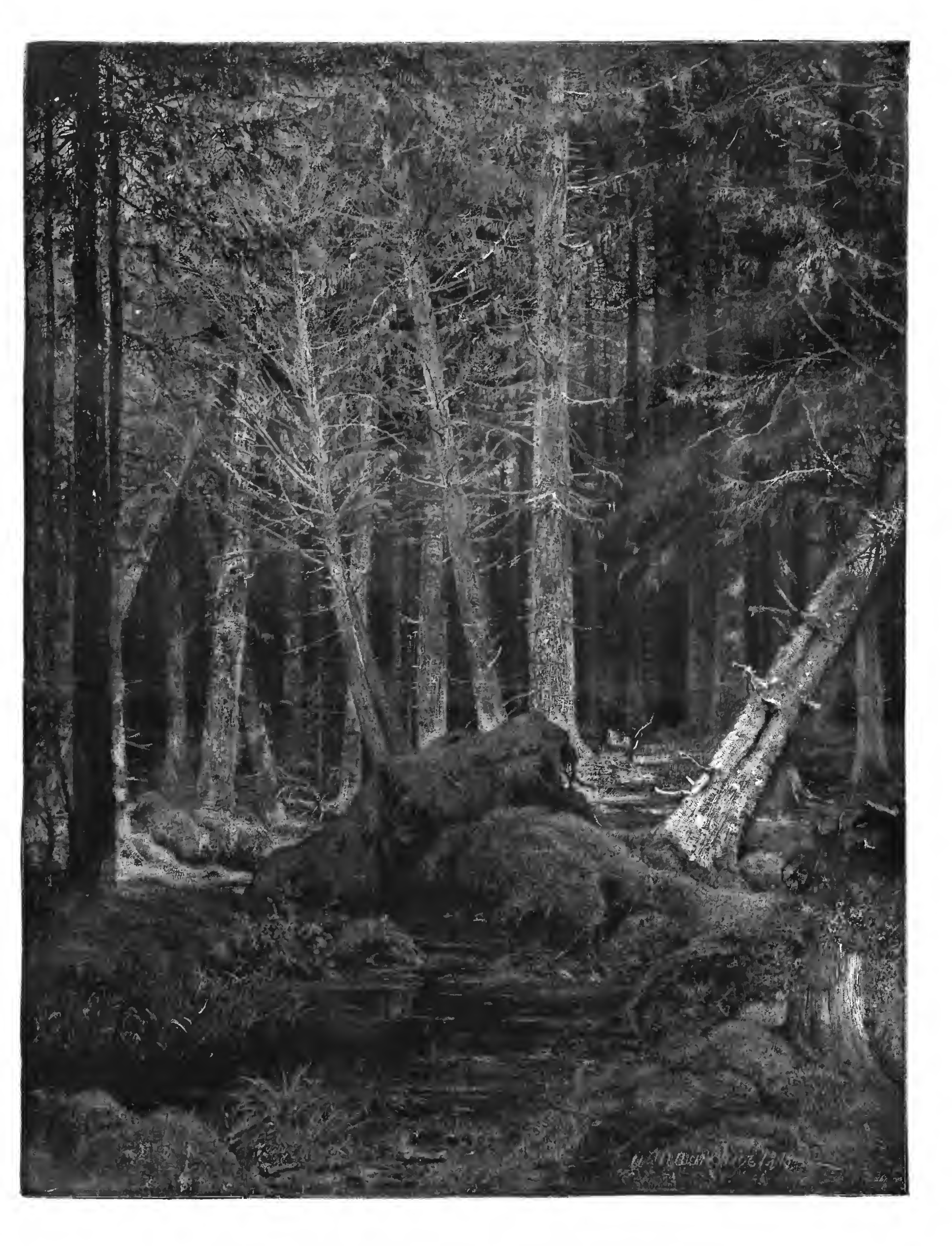
И Полина сама себя не узнавала. Она понимала только, что стала другимъ человѣкомъ. Чувство впервые сказавшееся въ ней—сказалось упорно, бурно и могуче.

Разумѣется, изрѣдка она спрашивала себя тоскливо: „Къ чему же все это приведетъ?“ Вѣдь она не свободна. Она шагу ступить не можетъ безъ разрѣшенія и согласія своего отца. Однако жгучій вопросъ—чѣмъ разрѣшится ея ужасное положеніе, рѣдко занималъ ее глубоко и надолго.

Она чувствовала въ себѣ вдругъ возникшую и со страшною быстротой окрѣпшую силу воли, силу нрава, ума, сердца, которую даже не предполагала возможною въ ея положеніи.

Княжна не знала, что въ ней сказывался теперь характеръ ея отца и всѣ родовые, унаслѣдованные ею оттѣнки нрава князей Березопольскихъ. Она не знала, что ея дѣдъ и ея прабабка имѣли тоже въ свой чередъ драму жизни. Она не слыхала и не могла знать, какъ поступили они когда-то. А между тѣмъ, она собиралась поступить теперь именно такъ, какъ поступили они.

Чѣмъ болѣе разгоралась въ ней страсть, чѣмъ глубже пускало корни первое глубокое чувство, тѣмъ крѣпче, сильнѣе и смѣлѣе сознавала она себя. Да, она чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, и разумомъ, и сердцемъ, что она готова на самую упорную и самую отчаянную борьбу, готова и пойдетъ твердо на все.



Въ лѣсу. Собственноручный офортъ профессора И. И. Шишкина для „Нивы“ (собств. редакціи).

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Ліясь блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно какъ гать лежащей въ немъ.

Вкругъ теменъ лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ, здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я...

И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,
И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдавленъ и смущенъ.

А Майковъ.

Что ни придумывала Полина, чтобы напугать себя,— она тотчасъ же отвѣчала горькою улыбкой.

Бѣжать! Сдѣлаться бѣглою, безписьменною, но только вмѣстѣ съ нимъ! Очутиться въ предѣлахъ татарскихъ или польскихъ, жить поденною работой, но только вмѣстѣ съ нимъ! Сдѣлаться, пожалуй, хоть холопкой, какою-нибудь горничной, ключницей по найму у какого-нибудь маленькаго помѣщика, но только съ нимъ вмѣстѣ! Идти въ Сибирь на поселеніе—и подавно! Далеко отъ людей! Но онъ будетъ съ ней и замѣнитъ ей всѣхъ и все!

Иногда княжна восклицала среди безсонной ночи:

— Боже мой! Какъ, однако, люди любятъ! Какъ люди могутъ любить!

И въ эти мгновенія она относилась къ себѣ совершенно какъ бы посторонняя. Она сама изумлялась громадности того чувства, которое охватило ее всю. Она спрашивала себя: чего бы она не сдѣлала для того, чтобы завоевать его у людей, и мысленно—совершала безумные поступки.

Она представляла себя въ простомъ сѣренькомъ платьицѣ, какой-нибудь ключницей въ чьей-нибудь усадьбѣ, по найму, съ фальшивымъ паспортомъ подъ именемъ жены столяра. Ею помыкаютъ, какъ простою дворовою женщиной, ее оскорбляютъ на каждомъ шагу, относятся къ ней презрительно и высокомѣрно.

Но одновременно—въ ея воображеніи—простая горница, крошечная, почти убогая, но въ этой горницѣ она живетъ съ нимъ, съ мужемъ. Здѣсь вечеромъ она забываетъ и свое платье дворовой женщины, и всѣ оскорбленія, вынесенныя днемъ.

Словомъ, страсть, самая бурная, неотразимая, охватила ее всю, и всѣ ея помыслы были прикованы къ нему. Все сосредоточилось на одномъ желаніи увидѣть его, поговорить съ нимъ.

Каждый разъ, что онъ появлялся предъ ней, сердце замирало, будто падало и не билось. И когда онъ уходилъ, одна мысль провожала его:

„Когда я опять увижусь съ нимъ?“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ была и забота, серьезная, мудреная, гдѣ нужно было приложить много искусства, много ума. А именно: нужно было съумѣть скрыть свое чувство отъ всѣхъ.

Какой ужасъ, еслибы вдругъ березопольцы догадались, что произошло въ душѣ княжны! Поэтому она, отъ зари до зари, играла роль, притворялась и всячески охраняла свою любовь, какъ дорогое дѣтище, на которое нападаетъ толпа непріязненныхъ людей, замышляющихъ на его жизнь.

Болѣе всѣхъ тяготила княжну ея любимица Дуняша, а затѣмъ Макаръ Макаровичъ.

И странныя бываютъ стеченія обстоятельствъ въ жизни! Такъ какъ эта подруга дѣтства могла и умѣла читать многое на лицѣ своей дорогой барышни, то теперь эта прежняя любимица стала почти ненавистнымъ существомъ для княжны.

Признаться ей во всемъ было немыслимо. Дуняша была дѣвушка глуповатая, болтливая и поэтому неосторожная.

А между тѣмъ, княжна видѣла, что Дуняша часто присматривается къ ней пытливо, какъ бы вопрошаетъ, недоумѣваетъ, и уходитъ, смущенная, не разрѣшивъ той странной загадки, которая бросалась ей въ глаза.

Макаръ Макаровичъ отчасти тоже стѣснялъ княжну. Онъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы подозрѣвать всю истину, но старику, все-таки наученному опытомъ жизни, казалось, что красавецъ Егоръ слегка приглянулся дѣвицѣ на возрастѣ.

„Отъ тоски какая прихоть не придетъ на умъ!“ думалъ онъ. „А Егорушка—малый хорошій, добрый, умный, съ дарованіемъ. Не какой-нибудь простой столяръ. Въ глазахъ его есть что-то дворянское. Въ лицѣ есть какое-то благородство. Да и, наконецъ, ужь больно онъ красивъ. Пройти около такого красавца, хотя бы и барышнѣ-княжнѣ, нельзя равнодушно. Невольно всякая присмотрится съ удовольствіемъ. А тутъ, къ тому же, у насъ—трущобная глушь, гдѣ всякаго тоска возьметъ. Хуже инаго монастыря! Ну, вотъ и зоветъ она его къ себѣ, то склеить, то прирѣзать, то придѣлать, то раздѣлать. А сама къ старухѣ его побѣжитъ...“

Трубецкой мало-по-малу рѣшилъ, что у княжны есть къ Егору что-то въ родѣ прихоти сердечной.

И эта прихоть казалась Макару Макаровичу все-таки не совсѣмъ благопристойною. Онъ приходилъ къ убѣжденію, что всякая барышня, даже и ея лѣтъ, легче намудритъ и начудитъ, нежели замужняя, ибо каждая дѣвица должна быть при родителяхъ, которые бы руководили ею.

Это подозрѣніе, что княжна не относится къ столяру Егору вполнѣ равнодушно, заставляло Макара Макаровича глядѣть въ глаза княжны особеннымъ образомъ. Наконецъ, онъ давно замѣтилъ, что при упоминаніи имени Егора, княжна или опускаетъ или отводитъ глаза въ сторону, а голосъ ея вдругъ дѣлается надменнымъ, недобрымъ.

Прошло еще нѣсколько дней и Макаръ Макаровичъ сталъ окончательно убѣждаться, что онъ угадалъ, что у княжны завелись какія-то странныя отношенія съ Егоромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Дуняша тоже задумывалась чаще, и уже говорила иногда себѣ:

„Нешто это возможное дѣло! Эка я дура, что выдумала! Кабы знала княжна, что я о ней соображаю, какъ бы она на меня обидѣлась! Любви бы своей лишила! Прогнала бы!.. Скучно ей, а онъ болтунъ. Сидитъ, ковыряетъ по дереву, да болтаетъ. Вонъ тотъ разъ сказку какую-то, кажись, разсказывалъ про какого-то нищаго, что не нищій былъ, а царевичъ въ отрепьяхъ, ряженый ради обману своихъ царедворцевъ.“

Разумѣется, нашлось въ Березопольѣ одно существо, которое уже давно, раньше Дуняши и Макара Макаровича, пытливыми, почти испуганными глазами, слѣдило за Егоромъ и за княжной. Это была дѣвушка Евгенія.

XXV.

Въ Евгеніи не разумъ отгадалъ загадку и проникъ сокровенную тайну княжны. Въ ней сердце сразу все ясно увидѣло. Разумъ ея противорѣчилъ ей, краснорѣчиво доказывалъ, что она ошибается. Но сердце тревожилось, робко и боязливо трепетало и видѣло все— какъ на ладони.

За это время Егорушка ея нисколько не измѣнился къ ней. Былъ такъ же ласковъ, такъ же говорилъ изрѣдка о томъ, что надо обождать, что старушка-мать противъ его женитьбы; попрежнему, если не горячо и не бурно, то тихо, тепло относился къ дѣвушкѣ, которая его давно любитъ.

Разумѣется, было не разъ, что Евгенія рѣшалась прямо сказать возлюбленному, что провидитъ и чуетъ ея сердце и чего боится. Но всякій разъ Егоръ отвѣчалъ на это равнодушнымъ молчаніемъ или изумленными глазами отвѣчалъ на догадки дѣвушки и смотрѣлъ всегда честно, прямо, съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— Голубка моя! разъ сказалъ онъ уже съ упрекомъ. — Всѣ дѣвки на одинъ покрой! Недаромъ говорятъ, что наша Акулька мужа своего, кучера, къ его конямъ ревнуетъ. Пойдетъ онъ поглядѣть ихъ ночью, все-ли въ порядкѣ, а она бранится: „коней любишь,—жену не любишь!“ Вотъ такъ-то и ты! Ну, можно-ль было этакое выискать, чтобы барышня-княжна ко мнѣ сердцемъ льнула. Отъ тоски ей дѣлать нечего, вотъ она и зоветъ меня, да заставляетъ разныя фигуры рѣзать. И можно-ль этакій срамъ на барышню взво-

дить! Чтобы ей крѣпостной человѣкъ да вдругъ приглянулся.

— Да вѣдь ты красавецъ! горячо возражала Евгенія.

— Это тебѣ, глупая, такимъ я кажусь. Здѣсь, въ Березопольѣ, не мудрено за красавца прослыть!

— Не ври! не ври! восклицала Евгенія съ горечью.—Самъ сказывалъ, что и въ Москвѣ на тебя разныя барышни зарились.

— Ну, и сказывалъ! Вралъ, хвасталъ!

Но Евгенія не успокаивалась. Зрячее сердце говорило ей все, что̀ ясно видѣло между княжной и милымъ.

Однако тотъ же Егоръ самъ задумывался иногда, сидя у себя, глубоко и тревожно. Ему въ душу тоже запало что-то... Конечно, не отъ подозрѣній и тревогъ Евгеніи, конечно, не отъ шуточекъ и подмигиваній Макара Макаровича, что онъ княжнѣ приглянулся; конечно, не отъ странныхъ взглядовъ Дуняши, которые онъ изрѣдка сталъ ловить на себѣ.

Что̀ думаютъ посторонніе люди—ему было все равно. Всякій человѣкъ можетъ ошибаться и невѣсть что̀ выдумаетъ. Его тревожило то, что̀ онъ чувствовалъ самъ, то, что̀ онъ угадывалъ, а иногда и прямо ясно видѣлъ въ самой княжнѣ. Ея взглядъ, когда они встрѣчались глазами, говорилъ ему нѣчто, что̀ его сначала озадачивало, а теперь стало пугать.

И вотъ прошло немного времени, и онъ сталъ относиться къ ней какъ-то особенно. Она не нравилась ему лицомъ и не могла нравиться, но онъ любилъ ея взглядъ, любилъ ея голосъ, ея рѣчи... Онъ часто съ восторгомъ вспоминалъ, сидя у себя, слово въ слово, все, что̀ слышалъ отъ нея.

Все это будто раскрывало вокругъ него новый Божій міръ. И міръ этотъ, свѣтлый и чудесный, расширялся, расходился все болѣе во всѣ стороны. А въ немъ самомъ росло и выростало что-то. Или самъ онъ сталъ будто выше, или разумъ его сталъ дальше и шире уноситься.

Когда-то бесѣды съ Макаромъ Макаровичемъ волновали Егора, открывая ему новыя дали. Теперь же бѣсѣды съ княжной производили на него чарующее впечатлѣніе. И все, что̀ онъ слышалъ отъ нея, все, что̀ онъ уносилъ въ памяти, тѣсно сливалось съ ея образомъ, некрасивымъ, но уже милымъ ему.

„Сказывается“, думалось Егору, — „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Не казиста съ лица наша княжна, а какая она всяческая красавица, теперь мнѣ сдается!“

Вопросъ, дѣйствительно-ли есть къ нему у княжны что-либо въ сердцѣ, не приходилъ ему на умъ. Оно будто не нужно было ему. Вопросъ о томъ, что̀ можетъ выйти изъ подобнаго диковиннаго случая—и подавно никогда не приходилъ Егору на умъ. Ему представлялось, что будетъ онъ, вотъ такъ, изо-дня-въ-день видѣть княжну, дѣлать разныя работы по ея приказанію, слушать что̀ она разсказываетъ и уходить къ себѣ домой въ какомъ-то особенномъ состояніи, въ которомъ онъ прежде никогда не бывалъ.

На душѣ чудно, сладко, хорошо... Сядетъ онъ въ углу и слышитъ ея голосъ... И снова повторяетъ она около него, невидимкой, то же, что̀ днемъ говорила. И про Петербургъ, и про заморскія земли, и про разные дары Господа Бога, которые Онъ посылаетъ, не разбирая, холопъ-ли, дворянинъ-ли, и про великое счастье имѣть такой даръ, и про то, что человѣкъ обязанъ, какъ сказано въ Евангеліи, не зарывать въ землю полученнаго таланта... Да и мало-ли что̀ случалось княжнѣ говорить! И все это снова звучало надъ Егоромъ, когда онъ сидѣлъ у себя въ углу своей горницы. А однажды ввечеру случилось съ нимъ и нѣчто особенное: онъ вдругъ простоналъ тяжело...

Лукерья Егоровна пригладѣлась къ сыну, который уже давно сидѣлъ, понурившись, въ углу, ничего не дѣлая и глубоко задумавшись, и невольно ахнула.

— Егорушка! Да что же совсѣмъ она тебѣ защемила сердечко? Скажи ты мнѣ правду? воскликнула старушка.

— Кто?.. испуганно отозвался онъ.

— Вѣстимо кто! Евденья.

— О-охъ, матушка! воскликнулъ Егоръ, двинулся и отмахнулся съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такой досадой, что старуха удивилась.

— Что ты? чего окрысился?

А Егоръ въ это мгновеніе не окрысился, а просто испугался. И разсердился на самого себя, что могъ испугаться.

— Да ты скажи правду. Коли въ самомъ дѣлѣ номираешь отъ нея, таешь, такъ что же... я... Проситесь у княжны, а то князю отпишите, да и женитесь. Что же, Богъ съ вами! Только бы она со мной была не лиха. Да мнѣ и жить-то немного остается... Я только того и боюсь, что Евденья меня бить учнетъ, забравши тебя въ ежовыя рукавицы.

— О, Господи! досадливо воскликнулъ Егоръ.

Затѣмъ тотчасъ быстро поднялся онъ съ мѣста, всталъ предъ матерью и выговорилъ горячо:

— Кто о чемъ, матушка, а ты все съ этою Евгеніей! Ты въ нее втюрилась! Тебя она околдовала, что все ты о ней думаешь, да поминаешь. А я, вотъ тебѣ Христосъ, въ день-то ни разу о ней не вспомню...

— Какъ такъ?! изумилась Лукерья Егоровна и раскрыла свой беззубый ротъ.

— Такъ. Можетъ и было прежде... да кажись, и прежде ничего не было! А коли было, такъ теперь...

Егоръ запнулся, но прибавилъ, тряся головой:

— Теперь, ей Богу же, ничего нѣтъ! Теперь такія чудеса въ рѣшетѣ, что ни этихъ чудесъ, ни этого рѣшета ни понять, ни пояснить, ни распознать—ничего нельзя! Крутится, вертится, тычется, инъ бываетъ, въ голову коломъ лѣзетъ, то будто ножомъ сверлитъ. А тамъ съ головы-то, да по сердцу рѣзнетъ, будто пополамъ перешаркнетъ его. И въ жаръ, и въ холодъ ударитъ! И всѣ мысли въ клубокъ какой-то перепутаются, будто ворохъ тесемокъ...

— Что? что? что? три раза произнесла Лукерья Егоровна и вытаращила глаза на сына. — Что ты застудился что-ли? Вонъ тотъ разъ къ княжнѣ съ куклой по какому морозу безъ шапки бѣгалъ... Застудился. Такъ надоть сейчасъ теплаго испить. У Макара Макаровича горчицы попросить, да на спину... Что̀ у тебя въ головѣ-то, горитъ что-ли?

— Горитъ! воистину горитъ! только не застудился я, матушка. Хуже...

— Да вѣдь ты не въ своемъ разумѣ! Что ты сейчасъ такое тутъ плелъ? Какую канитель тянулъ? Прямо, можетъ, у тебя горячка, сказываютъ, бѣлая... Ну, вотъ у пьяныхъ случается. Я побольше тебя на свѣтѣ жила, всякое видала. Вотъ этакъ-то у меня братъ родной послѣ Свѣтлаго праздника заговорилъ какъ ты. Пилъ, пилъ отъ зари до зари, да на Ѳоминой недѣлѣ точію вотъ этакое какъ ты затянулъ.

Егоръ вздохнулъ, потомъ нагнулся и поцѣловался съ матерью.

— Нѣту, родная, ты не тревожься. Я не застудился. По праздникамъ, знаешь, я не пьянствую. Этого за мной не водилось, да и водиться не можетъ. Сталъ я говорить такое, чего самъ не разумѣю. Ну вотъ слова диковинныя съ языка и сорвались. Стану я опять о томъ же говорить, опять такая же канитель пойдетъ. А лучше мы бросимъ объ этомъ бесѣдовать. Ты только помни: я о твоей Евгеніи коли разъ въ сутки вспомню, такъ уже это много. Да и когда вспоминаю, то больше совѣсть меня беретъ, что обманно поступаю. Она ко мнѣ съ любовью, а у меня къ ней серд-

це лежитъ-ли, не лежитъ-ли—самъ я не знаю... А теперь сдается, что нѣтъ, не лежитъ.

— Ну, что же, и слава Богу, Егорушка! Она тебѣ не пара.

— Да! усмѣхнулся Егоръ. — Она мнѣ не пара! А вотъ вдругъ приключится такое, что я самъ въ кого вклеюсь, да буду самъ не парой...

— Уже это развѣ кто изъ городскихъ, разсудила Лукерья Егоровна.

— Да, ужь это, матушка, будетъ кто почитай изъ столичныхъ, усмѣхнулся Егоръ грустно.

И не смотря на разспросы старухи о томъ, что̀ творится съ сыномъ, Егоръ не сознался ни въ чемъ.

Да онъ и себѣ самому еще не сознался вполнѣ...

Но съ этого дня дворовый крѣпостной столяръ сталъ избѣгать частыхъ свиданій съ барышней-княжной. Изъ пяти разъ, что приходила Дуняша звать его къ барышнѣ, онъ только два раза пошелъ, а три раза сказался хворымъ.

Съ лица и всѣмъ унылымъ видомъ своимъ, онъ дѣйствительно могъ прослыть за больнаго.

Такъ прошло недѣли двѣ...

XXVI.

Княжна не тревожилась о болѣзни Егора. Она не вѣрила ей. Она вѣрила тому, что̀ отгадывала въ немъ. И не тревога, а безумная радость сверкала въ ея глазахъ, когда она думала о немъ.

Однажды княжну ожидала иная, неожиданная радость. Едва только она успѣла утромъ переговорить о чемъ-то съ Макаромъ Макаровичемъ и сѣла было за пяльцы, какъ на дворѣ раздались бубенчики.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней вбѣжала Дуняша, прыгая и крича:

— Барышня, вотъ диво-то! Гости! А кто гость... догадайтесь! Ужь идетъ... тутъ вотъ... Идетъ!

Княжна вскочила съ мѣста и выговорила тревожно:

— Говори скорѣй, не пугай!

— Обрадуетесь, а не испугаетесь!

— Говори скорѣй, выговорила княжна, боясь сама не зная чего.

— Князь Илья Петровичъ! Прямо съ Москвы. Небось вѣстей сколько привезъ! Вы разспросите его, барышня, про нашихъ. Что наши какъ?

Но княжна не слушала и уже шла навстрѣчу.

Черезъ столовую двигался „троякій якъ“, переваливаясь съ ноги на ногу, утиною походкой. При видѣ княжны онъ звонко разсмѣялся на весь домъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Что, сестрица, не ждали! Анъ, вотъ я. Незваный гость хуже татарина, сказываютъ. А вотъ я нежданный и незваный, а татариномъ, знаю, что не буду.

И князь обнялъ сестрицу-пріятельницу и толстыми губами чмокнулъ ее три раза въ обѣ щеки.

— Господи, какъ я рада! воскликнула княжна.

— Знаю, сестрица, что рады. Только прежде всего скажу: не просто въ гости—дѣло есть. Свое, важное. Ахнете когда узнаете. Самъ себѣ не вѣрю и ахаю.

— На долго-ли, по крайней мѣрѣ?..

— А уже и не знаю. День, два, недѣлю... Все-жъ-таки отведите мнѣ хорошую горницу. Да только, чуръ, чтобы угару не было! Коли я лягу въ угарной комнатѣ на ночь, то на утро у васъ тутъ похороны будутъ.

— Что̀ вы, братецъ! Охота этакъ шутить.

— Что̀ дѣлать! Не охота, да правда. Мнѣ, сестрица, угаръ страшнѣе самого чорта. Ей Богу! Вотъ какъ скажу: узнай я достовѣрно, что въ аду будетъ угарно—и какой изъ меня, сестрица, сейчасъ праведникъ выйдетъ! То-ись ни единаго бы я грѣха на душу не взялъ, только изъ опаски не попасть въ угарное мѣсто... да еще на-вѣки...

Разумѣется, весь этотъ день, съ минуты прибытія князя и до вечера, прошелъ для княжны незамѣтно. Она ожила, встрепенулась...

Князь Илья Петровичъ, подробно, пересыпая шутками и остротами, разсказалъ ей все про Москву, главнымъ образомъ про дядю, у котораго онъ однако самъ ни разу не былъ, какъ обѣщалъ.

Въ Москвѣ, по словамъ его, много шумѣли, толковали и казнили князя, больше заглазно, а кто и въ глаза, за его поступокъ съ дочерью. Соблазнъ прошелъ по всей Москвѣ и соблазномъ остался. Вся Москва равно и единогласно признавала, что князь прогналъ дочь изъ-за того, что она не хотѣла выходить замужъ за какого-то дербентскаго генерала, и что не слѣдъ было пускать къ себѣ въ домъ какую-то Устинью Савельевну, когда есть дочь-дѣвица.

Затѣмъ князь разсказалъ подробно, какъ по его наущенію одинъ его хорошій пріятель три раза посѣтилъ князя-дядю. Видѣлся онъ и съ Устиньей Савельевной и вынесъ то впечатлѣніе, что она изъ дяди, безъ всякаго старанія со своей стороны и безъ всякихъ ухищреній, просто, что̀ называется, веревочки вьетъ.

— И добрая, говоритъ онъ. Кроткая! Она и ему приглянулась. И красивая, говоритъ, и толстая, и добрая... Вотъ въ родѣ меня! Толстый человѣкъ—всегда добрый, и наоборотъ, добрый —толстъ.

Распространившись подробно о житьѣ-бытьѣ дяди съ Устиньей Савельевной, князь сталъ говорить серьезно, что княжнѣ нечего опасаться какого-либо грабежа съ ея стороны.

Общій голосъ былъ тотъ, что она наблюдаетъ за каждою копѣйкой и таровата только на подарки холопамъ княжьимъ. А сама себѣ съ тѣхъ поръ, что въѣхала въ домъ, ничего не купила, никакой обновки не завела.

Всѣмъ въ Москвѣ было извѣстно, что, когда князь однажды привезъ ей великолѣпныя брилліантовыя серги, то она отказалась надѣть ихъ и заставила его свезти ихъ обратно въ магазинъ, увѣряя, что ей такія серги „не по рылу“. Про нее даже разсказывали, часто произносимыя ею слова:

„Въ чемъ хотите—я ваша слуга, а подарковъ и денегъ я отъ васъ брать не хочу. И если хоть одинъ вашъ грошъ попадетъ ко мнѣ въ сундукъ, то душенька моя пропала. Живу я у васъ—все имѣю; копить и откладывать не хочу, не нужно. Какая я вошла въ вашъ домъ, такая и выйду... не воровка!“

Затѣмъ князь объяснилъ сестрицѣ что пріѣхалъ не къ ней собственно въ гости, а лишь заѣхалъ по дорогѣ. А явился князь затѣмъ, чтобы купить имѣніе у нихъ по сосѣдству, поселиться—и за-границу ни ногой.

— Не вѣрю! не вѣрю! воскликнула княжна смѣясь.— Не усидите.

— Ей Богу, сестрица. Ни ногой никуда. Вы же вотъ живете... не померли. Даже смотрите веселѣе и счастливѣе чѣмъ прежде.

И князь сталъ выспрашивать сестрицу о ея житьѣ-бытьѣ въ Березопольѣ.

Многое бы могла отвѣтить на все это княжна. Многое ужасное, подъ-часъ душу леденящее, могла бы она повѣдать, но объ этомъ она вслухъ и себѣ боялась говорить. А помимо этого разсказать было нечего.

— Самъ день проходитъ, а не я его провожу, сказала княжна. — Подымется солнышко, посвѣтитъ и зайдетъ. Я встану съ постели, попью, поѣмъ, почитаю, порисую, пошью въ пяльцахъ, и спать лягу. Вотъ и вся жизнь!

— А сосѣди?

— Какіе тутъ сосѣди! Я сначала было и думала познакомиться, да потомъ раздумала. Что̀ мнѣ въ нихъ! Утѣхи не будетъ никакой, а непріятности, пожалуй, будутъ. Да и потомъ я разрѣшенія батюшки на зна-

Этюдъ. Съ карт. (собств. „Нивы“) академика Ѳ. Чумакова, грав. Пааръ.

комство не имѣю. Совсѣмъ не знаю ничего, что̀ мнѣ разрѣшено, что̀ заказано. Вѣдь вы знаете, какъ мы съ нимъ разстались.

— Знаю, знаю... Слышалъ! Не то что не простились, а, кажись, недѣлю цѣлую не видались предъ отъѣздомъ. Крутъ онъ, дяденька-то! Крутенекъ! Да это что̀! У насъ съ вами, сестрица, былъ одинъ прапрадѣдушка, такъ этотъ, сказываютъ, пятигодовалыя березки въ жгутъ свивалъ, да этимъ жгутомъ всѣхъ, кто ни попадись, подхлестывалъ. Супругу свою уходилъ, двухъ дѣтей до родимчиковъ напугалъ, одного дьякона изъ ружья подстрѣлилъ, двухъ сосѣдей изъ сосѣдства сжилъ, невѣдомо какъ. Подъ судомъ былъ... Одного судью чѣмъ-то испортилъ. Да какъ! Тотъ потомъ всю жизнь овцой блеялъ. Вотъ какіе люди бывали у насъ въ роду. Такъ ужь дядюшка-то послѣ этакихъ кроткимъ покажется! Вотъ только вы да я такими уродились, что не намъ бить, а насъ всѣ бьютъ.

Прошли три дня съ пріѣзда князя, а онъ и не вспомнилъ о томъ дѣлѣ, по которому пріѣхалъ.

Пріятели братецъ и сестрица съ утра до вечера говорили безъ конца, безъ умолку. Князь умѣлъ занять всякаго собесѣдника... Наконецъ, однажды княжна навела бесѣду на свое больное мѣсто, на любовь... На взаимное „святое“ чувство двухъ существъ на землѣ...

Лицо князя стало сразу сурово, онъ вздохнулъ и заговорилъ тихо и медленно:

— Да, сестрица, вотъ вы какъ-то сказали: моя жизнь безмятежная! Правда, горя у меня не было за всю жизнь. Видалъ я, какъ другіе плакали, самъ никогда не плакалъ. Видалъ, какъ другіе горько убивались, а я и понять не могъ, что̀ такое горе людское. А знаете ли что̀ еще, сестрица? Есть пословица: „не познаешь ты горя, не познаешь и счастья!“ Такъ вотъ оно со мной и было. Не только счастія, самой самомалѣйшей радости у меня никогда не было!.. Жизнь прошла безмятежная, да за то и безрадостная.

И лицо Ильи Петровича стало вдругъ настолько сумрачно, даже печально, что княжна изумленно поглядѣла на братца. Никогда не видѣла она его съ такимъ выраженіемъ и даже не предполагала возможнымъ, чтобы этотъ „троякій якъ“, вѣчный хохотунъ и шутникъ, могъ вдругъ смотрѣть такъ грустно.

— Да, продолжалъ князь, задумчиво. — За всю-то жизнь... А сколько мнѣ теперь годовъ, подумайте! Полъ-ста. И не единой-то радости не было! Ни разочка сердчишко мое не подпрыгнуло! Никто мнѣ никогда любовнаго слова не сказалъ... А кто и говорилъ, такъ лгалъ... Ласки эти были платныя, покупныя. И я зналъ, чуялъ, что онѣ купленныя. А что это за ужасное чувствованіе, сестрица, вы ни знать, ни понять не можете. Представьте себѣ, что васъ обнимаютъ, ласкаютъ васъ на всѣ лады — вы на минутку въ обманъ дались, а вдругъ васъ тутъ же начинаютъ просить на счетъ дѣльца, подарка, одолженія... Такъ, кстати пришлось... Или якобы случайно на умъ пришло.

— Неужели же никогда вы не встрѣтили ни одной женщины которая бы безкорыстно полюбила васъ? спросила княжна.

— Разъ было... Было разъ... глухо продолжалъ князь.— Но это продолжалось два мѣсяца... Только два мѣсяца. И была это — дружеская любовь, не успѣла перейти въ другую... А могла перейти... Да не судьба!

— Почему? Что̀ же случилось?..

— Смерть, сестрица. Сама матушка-смерть проскочила между нами, и ее у меня изъ рукъ вырвала въ два дня. Она скончалась отъ паденія съ лошади. А кромѣ того, не помню я, чтобы кто-нибудь меня, князя Илью Березопольскаго, приласкалъ, меня—за меня, за то, что вотъ я — я, а не я—богатый князь, не за мои алтыны, а вотъ, поймите, именно меня—вотъ эту бочку, которая предъ вами сидитъ. Чтобы это вотъ было...

И князь, отчаянно ткнувъ себя въ грудь, крикнулъ:

— Никогда этого не было, да и не будетъ никогда!

— Почему же не будетъ? Можетъ и будетъ, произнесла княжна участливо и съ чувствомъ въ голосѣ.

— Не будетъ! воскликнулъ Илья Петровичъ.

— А будетъ если... прибавилъ онъ, помолчавъ,—коли да будетъ, то такое, сестрица, будетъ, что и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а этакого, что натворитъ Илья Петровичъ князь Березопольскій, вотъ сія бочка самая, этого свѣтъ не видалъ и не увидитъ.

— Вы хотите что̀ же сказать? Вы будете безмѣрно счастливы? спросила Полина.

— Вотъ что̀ хочу сказать. Я съ вами теперь невѣдомо съ какого чорта по душѣ говорю, на ладонкѣ вамъ подаю самое свое донышко сердечное, все что̀ на немъ есть. Вотъ я и сказываю: приди завтра добрый человѣкъ, да не въ сюртукѣ или камзолѣ, а вотъ въ этакой юбкѣ, что на васъ надѣта. Да пускай этотъ добрый человѣкъ полюбитъ меня, да почувствую я, что онъ вправду меня любитъ, увѣрую я въ него... Ну, тогда, сестрица... тогда... прощайте!

Илья Петровичъ взмахнулъ отчаянно обѣими толстыми руками, встряхнулъ этимъ движеніемъ все свое толстое туловище и выговорилъ тихо:

— Ложись, да и помирай! Тогда знаете что̀ будетъ? Пріѣдетъ къ вамъ въ гости раскрасавица двоюродная сестрица. Пріѣдетъ она къ примѣру въ телѣжкѣ, парой. Сама правитъ. Въ корню это идетъ рысакъ, не хуже тѣхъ, что есть у графа Алексѣя Григорьевича Чесменскаго. А на пристяжкѣ-то, у нея подъ кнутомъ, въ постромкахъ, калачомъ выгибается и прыгаетъ — самъ Илья Петровичъ, вашъ этотъ... вашъ братецъ. И ужь нажариваетъ она его кнутомъ! А ужь онъ-то радъ! Насилу-то дожилъ до того, что есть дорогая, родная рука, которая новый кнутъ на немъ соблаговолила испробовать... Ну, да что жь про это! вдругъ прибавилъ князь другимъ голосомъ.—Про это лучше и не говорить. Попадется добрый человѣкъ—ничего не будетъ страшнаго, а попадется человѣкъ недобрый, крутой нравомъ, то какъ я ни толстъ, а отъ меня только мокренько останется. Ну, да авось, Господь милостивъ, и ничего такого не приключится! Какъ жилъ бобылемъ, одиночкой такъ и помру. Да оно и лучше.

Весь этотъ день князь былъ угрюмъ и молчаливъ. Вечеромъ, придя изъ своей горницы, онъ принесъ маленькій футляръ, и усѣвшись противъ сестры, вымолвилъ тихо:

— А вотъ вамъ иллюстрація къ исповѣди, портретъ героини. Я его никогда никому не казалъ. Только вамъ, сестрица, рѣшаюсь...

Князь вынулъ миніатюру на слоновой кости, художественно исполненную, которая изображала бѣлокурую и красивую женскую головку. Полина долго любовалась на портретъ и наконецъ вымолвила покачавъ головой:

— Какъ это странно... хотя бываетъ часто... Она вѣдь не русская, братецъ?.. Вы за границей встрѣтились?

— Въ Голландіи, сестрица. Въ Роттердамѣ. Она была сестрой бургмейстера... Ее звали Оттилія Ванъ-Оккенъ. Теперь она была бы княгиней Березопольской, еслибъ не плохія подпруги у дамскаго сѣдла... Да, вотъ отчего зависитъ иногда наше существованіе!.. грустно добавилъ князь.

— Странно... а положительно есть что-то... произнесла Полина какъ бы про себя. — Скажите, братецъ, вы видѣли у меня дѣвушку здѣсь... Евгеніей звать?

— Видѣлъ. Бѣлокурая. Вы находите что-то общее въ лицѣ. Вѣрно, сестрица. Но это такъ сдается только... У Оттиліи вся прелесть была въ веселыхъ, чудныхъ глазахъ, вѣчно будто смѣявшихся. А ваша горничная глядитъ, какъ будто зарѣзала кого, или сама ждетъ быть зарѣзанною. Даже непріятно глядѣть на нее. Все лицо фуріи или вѣдьмы.

— Она не всегда такая... Она, напротивъ, очень веселая. Это вотъ только недавно съ ней приключилась какая-то перемѣна... А вѣдь неправда-ли есть сходство? Ну, вдругъ вы влюбитесь въ мою Евгенію изъ-за сходства?..

Князь расхохотался громко и добродушно.

— Нѣтъ, сестрица... Я не Андрей Ивановичъ, дяденька... Для меня эти Евгеніи, Устиньи да Матрены — не женщины. Происхожденіе должно быть равное, чтобы чувство было возможно. Влюбитесь въ лакея, въ кучера... попробуйте... То-то вотъ... Ну и я такъ-то сужу. Красавицы Устиньи Савельевны не по мнѣ...

Княжна не отвѣтила ни слова, но лицо ея потемнѣло...

„Если бъ ты зналъ!" подумалось ей съ ужасомъ.

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ **А. Зарина.**

(Продолженіе).

V.

Всадники летѣли прямо на Хмурова. Впереди всѣхъ несся какой-то драгунъ, почти рядомъ съ нимъ скакалъ Куне, трое остальныхъ растянулись линіей. Всадники быстро приближались къ барьеру.

Разъ!—и ихъ лошади взвились на дыбы. Сердце у Хмурова упало.

Два! — и они снова мчались по ровной поверхности. Теперь Куне отсталъ замѣтно.

— „Карлосъ", „Карлосъ!" что говорилъ вамъ? вотъ онъ, вотъ!! съ искривленной улыбкой, горящими глазами шепталъ Славинъ, дергая безпрестанно Хмурова. Хмуровъ сталъ падать духомъ.

Разъ, два! разъ, два! — подымались и опускались лошади черезъ барьеры и неслись далѣе. „Карлосъ" былъ впереди, но Куне настигалъ его.

— Какъ взялъ веревку, каналья, такъ и не выпускаетъ! замѣтилъ сосѣдъ.

— Куне вырветъ! возразилъ кто-то.

Оставалось полкруга.

Разъ, два! — взвились и опустились лошади, и Куне уже былъ впереди.

— Браво, Куне! Смѣлѣй, Хлопушкинъ! раздались голоса. На трехъ остальныхъ никто не обращалъ вниманія. Весь интересъ сосредоточился на „Геро" и „Карлосѣ".

Разъ, два! взвилась лошадь Хлопушкина и понеслась дальше. „Геро" былъ впереди. Оставалось послѣднее препятствіе и нѣсколько саженей до мѣста. Вдругъ „Куне" повернулъ своего „Геро" и поскакалъ назадъ.

— Что это, что это? растерялся Хмуровъ.

— Что такое? пронеслось въ толпѣ.

— Наше, наше! почти кричалъ Славинъ.

Хлопушкинъ несся одинъ, приближаясь къ послѣднему препятствію.

— „Карлосъ" взялъ! Браво, Хлопушкинъ!

— Куне обошелъ препятствіе! крикнулъ кто-то, и въ ту же минуту все замерло. Куне доскакалъ до пропущеннаго препятствія, взялъ его и теперь летѣлъ въ догонку Хлопушкину. Хлопушкинъ былъ уже подлѣ послѣдняго барьера.

Разъ, два! — взвилась его лошадь, и почти рядомъ съ нею поднялся надъ барьеромъ „Геро".

Куне стоялъ на стременахъ съ поднятымъ хлыстомъ.

Разъ, два! — и Куне быстро сталъ настигать Хлопушкина. Тотъ обернулся, но уже было поздно. Голова „Геро" выдвинулась впередъ, еще, еще, и, весь опѣненный, дрожа отъ злости, „Геро" выдвинулся у звонка почти на весь корпусъ. Звонокъ ударилъ. Куне небрежно откинулся на сѣдло и безсильно опустилъ руку съ хлыстомъ. Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи, и вдругъ оглушительное „браво!" раздалось со всѣхъ сторонъ.

Хмуровъ не помнилъ себя отъ волненія и старался перекричать другихъ. Даже Славинъ забылъ свой проигрышъ и неистово кричалъ:

— Браво, Куне, браво, браво!

— Нѣтъ, вы видѣли? обернулся, задыхаясь отъ волненія, Хмуровъ къ своему сосѣду.

Тотъ не смотрѣлъ на него и махалъ шляпою небрежно кивавшему головою Куне. Подъ нимъ злобно фыркалъ, перебирая ногами, опѣненный „Геро".

— Нѣтъ, что же это! воскликнулъ Хмуровъ,—вѣдь это чортъ знаетъ что такое, вѣдь это...

— А, каковъ, каковъ, каковъ! махалъ руками Славинъ,—лучшій ѣздокъ! герой! Это не видано, не упомню!

— Куне, браво! оралъ юнецъ, махая платкомъ,—сколько теперь выдадутъ? обернулся онъ къ товарищу.

— Вѣдь, изъ-подъ носу вырвалъ! а!

Оживленная толпа шумѣла у тотализатора.

— Что, говорилъ тебѣ! укоряли смазные сапоги засаленный картузъ.—Хлопушкинъ! ну, гдѣ ему? Видалъ?

— Оно точно, согласился картузъ.

— Ты смотри: повернулъ и взялъ, все же взялъ! Вотъ онъ! И сапоги махали руками прямо передъ носомъ картуза.

— Ну, выиграли? подошелъ Зыбинъ къ Хмурову.

— Да, да, выигралъ, смѣялся Хмуровъ, — но какъ хорошо, какъ хорошо!

Азартъ охватилъ его, и онъ еще дрожалъ отъ волненія.

— Сколько выдаютъ? подошелъ къ нему молодой человѣкъ въ пенс-не.

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ и вдругъ окликнулъ: — Барсовъ, вы какъ?

— А, это вы, простите, не узналъ! обернулся Барсовъ,—играете?

— Какже, какже, заволновался Хмуровъ,—и теперь выигралъ. Видѣли?

— Чортъ знаетъ что! развелъ руками Барсовъ, — это такая штука, хоть сейчасъ поэму! Не правда ли? обернулся онъ къ Зыбину.

Зыбинъ съ улыбкою кивнулъ головою. Хмуровъ поспѣшилъ ихъ познакомить.

— Вы, кажется, уѣхать хотѣли, въ Кіевъ, что-ли? заговорилъ Хмуровъ, когда его восторгъ нѣсколько утихъ.

Барсовъ кивнулъ головою:

— Хотѣлъ въ Кіевъ, теперь передумалъ, на Волгу ѣду. На будущей недѣлѣ получу деньги за повѣсть и качу!

Онъ улыбнулся, показавъ бѣлые зубы.

— А сюда какъ? спросилъ Зыбинъ.

— Да помилуйте, писатель въ нѣкоторомъ родѣ, а на скачкахъ ни разу не былъ; дай, думаю, хоть разъ зайду, и не раскаиваюсь, не раскаиваюсь!

— Играли?

— Да, поморщился Барсовъ,—несчастливо только; всего вотъ и выигралъ что на „Геро!" Однако-же получить надо! Не знаете, сколько?

— Три пятьдесятъ, три-пятьдесятъ, словно выросъ подлѣ нихъ Славинъ,—идите получать, Алексѣй Константиновичъ,—и съ завистливою улыбкою прибавилъ: — счастливецъ!

Хмуровъ получилъ за три рубля 10 р. 50 к. и у него составилось всего 14 р. 70 к.

„Это съ пяти рублей," радостно думалъ онъ, идя къ платформѣ, „да еще тратилъ. Правда, счастливо!"

Въ вагонахъ было гораздо просторнѣе.

Онъ сѣлъ опять съ Славиными. Барсовъ и Зыбинъ остались въ Петергофѣ. Поѣздъ тронулся.

VI.

— Выиграли? со слащавою улыбкою спросила его Славина, и перья на ея шляпѣ качнулись налѣво.

— Да! засмѣялся Хмуровъ,—не хотѣлъ—и вдругъ такъ счастливо!

— Скажите! удивилась она, и перья ея качнулись направо,—новичкамъ всегда счастье!

— Мы бы не проиграли... вздохнулъ Славинъ и обернулся къ Хмурову:—одолжите папиросочку.

Тотъ одолжилъ.

— Если бы что? вдругъ съ азартомъ обернулась жена, и перья на шляпѣ заколыхались во всѣ стороны, а птица грозно клюнула.

— Если бы ты не ставила на дурацкую „Клару"! буркнулъ Славинъ.

— „Клара", „Клара" виновата! а кто на „Вдову" ставилъ? кто на клячу—„Карлоса" ставилъ? загорячилась она.

— А кто на „Жениха"? махалъ незакуренною папиросой Славинъ.

— „Женихъ" — лошадь, не то что водовозный „Карлосъ"! уязвила жена.

— „Карлосъ" не лошадь? грозно спросилъ Славинъ.

— Кляча твой „Карлосъ"! кляча, кляча, кляча! вотъ что! почти прокричала она.

— „Карлосъ"?!

— „Карлосъ"! передразнила она.

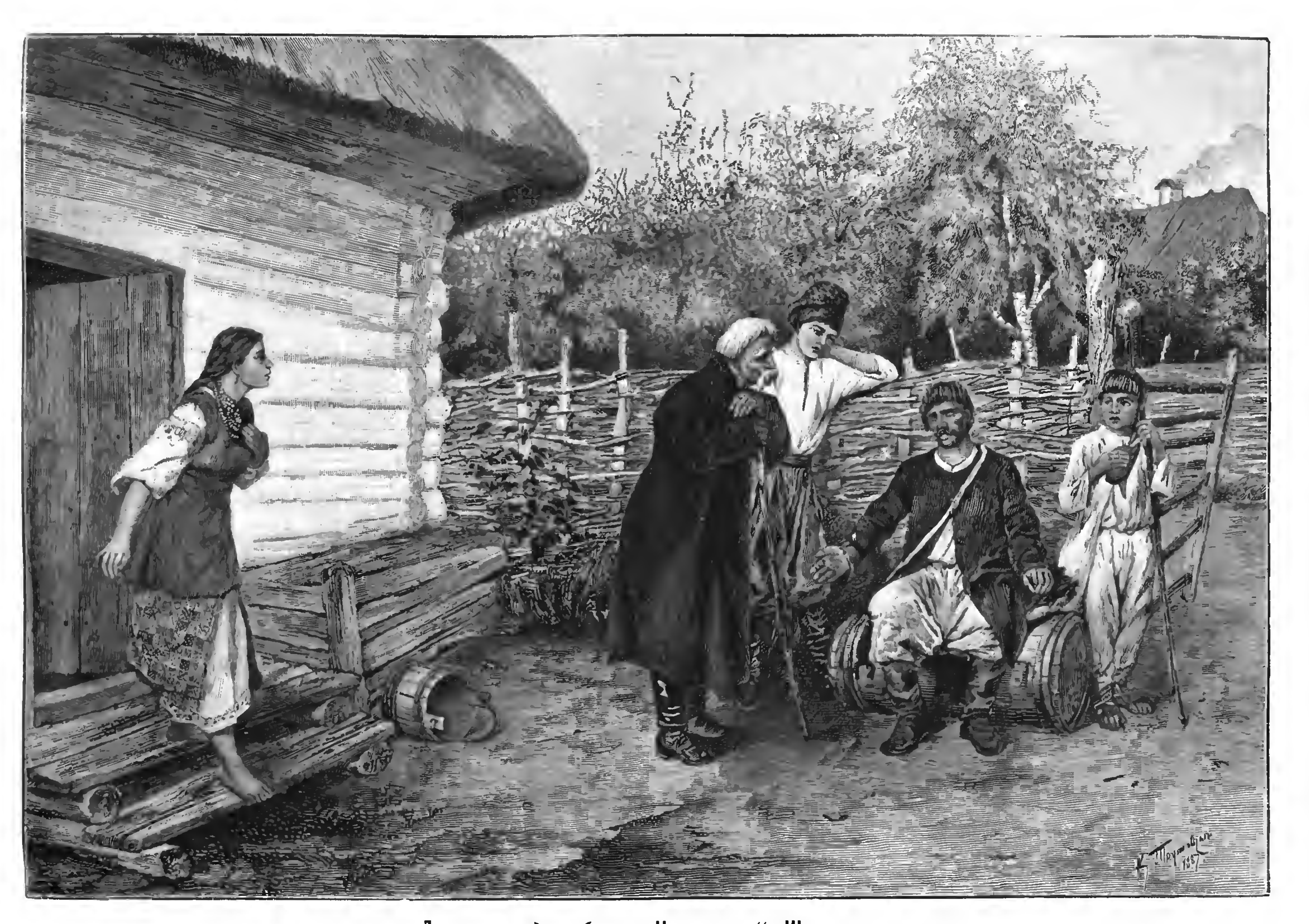
Они всю дорогу вздорили. Хмурова сперва забавляло это, потомъ наскучило, и онъ предался своимъ счастливымъ мыслямъ. „Вотъ Настя удивится! Взялъ 5 р., принесу 14 р. 70 к., почти 15, въ три раза; если бы 10 взялъ, принесъ бы 30! Вотъ это игра и занимательно. Отдамъ ей деньги, но въ слѣдующее воскресенье возьму; могу назадъ 42 привезти..."

Въ такомъ настроеніи онъ вернулся домой.

— Не обѣдалъ? спросила жена, едва онъ вошелъ, и улыбнулась, видя его сіяющее лицо.

— Не обѣдалъ, но знаешь, что я тебѣ...

Кахетія. Печеніе хлѣба въ „торнѣ“ (пекарнѣ). Ориг рис. (собств. „Нивы“) **О. Шмерлинга**, грав. Шюблеръ.



Литературный альбомъ. „Невольникъ“, Шевченка.

Съ картины К. Трутовскаго (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Флюгель.

— Сейчасъ, подожди немного... остановила она и вышла распорядиться. Черезъ нѣсколько минутъ Хмуровъ сидѣлъ за обѣдомъ и разсказывалъ свои подвиги, а жена слушала его съ доброю, снисходительною улыбкою.

— Да ты ѣшь! изрѣдка прерывала его она.

— Нѣтъ, ты слушай! восклицалъ Хмуровъ и продолжалъ: — Славина съ женою тамъ встрѣтилъ, они все проиграли и ругались всю дорогу; встрѣтилъ Зыбина, Барсова...

— Это кто Барсовъ?

— Да молоденькій, въ пенсне, пишетъ разсказы, помнишь, у Кастрыгиныхъ? напомнилъ Хмуровъ.

— Ахъ, знаю, знаю! закивала жена.

— Такъ помни, Настя, смѣялся Хмуровъ, отдавая ей деньги,—это мои деньги, въ воскресенье все возьму. Вотъ!

Она свернула бумажки и опустила ихъ въ портмоне.

— А все-таки не хорошо это, тихо проговорила она и, улыбнувшись, сказала:—знаешь, Леша, я бы была больше довольна, если бы ты проигралъ!

— Ну, вотъ, поморщился Хмуровъ, — что же ты думаешь, увлечься могу, что-ли?

— Можешь, увѣренно сказала она, опуская портмоне въ карманъ.

— Не знаешь ты меня, съ упрекомъ проговорилъ Хмуровъ и тутъ же въ душѣ почувствовалъ, что она, пожалуй, права.

На другой день Хмуровъ со службы принесъ газету и послѣ обѣда вслухъ прочелъ женѣ отчетъ о скачкахъ, объясняя ей всѣ подробности. Онъ опять, задыхаясь отъ восторга, разсказалъ ей подвигъ Куне, и не утерпѣлъ прибавить:

— Взялъ изъ дому 5 р. и принесъ почти пятнадцать, не считая расходовъ, Настя, не считая расходовъ!

— Леша, да ты ужь увлекся! воскликнула жена.

— Ну, вотъ! смущенно улыбнулся онъ,—съ твоимъ благоразуміемъ все покажется увлеченіемъ.

На службѣ онъ только и говорилъ что о скачкахъ. Зыбинъ подсмѣивался:

— Я, знаете, совѣтую намъ съ собою жену брать.

— А что?

— Такъ, деньги цѣлѣе будутъ, похлопалъ онъ его по плечу, переставъ улыбаться.

— Что, говорилъ я?.. говорилъ? радостно вскрикивалъ Славинъ, слушая Хмурова,—это, батенька, такое удовольствіе!—Онъ поцѣловалъ пальцы.—И, кромѣ того, нажива!

Хмуровъ улыбался; Славинъ взялъ его подъ-руку и заговорилъ тихо:

— Теперь я уговорился съ женою: она сама по себѣ, я самъ по себѣ. У ней есть деньги. А то чортъ знаетъ, на „Клару"... ну кто-бы поставилъ на „Клару"? а она...

И онъ пожалъ плечами.

Воскресенье приближалось. Хмуровъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ и въ то же время успѣлъ замѣтить, что женѣ непріятны его разговоры о скачкахъ. Она не перебивала его, но нетерпѣливо хмурила брови и сжимала губы, едва онъ заговаривалъ съ нею объ этомъ.

— Вотъ поѣду послѣ-завтра одинъ, а въ слѣдующій разъ ужь съ тобой поѣдемъ, попробовалъ онъ умаслить жену, — будетъ 21-е число—мы какъ разъ съ деньгами, сказалъ онъ ласково.

— Больше проиграть можно, прибавила жена.

— Ну, вотъ! пожалъ онъ плечами,—съ чего ты... ну чего ты дуешься? Вѣдь я ничего еще не проигралъ...

— Успѣешь, не торопись! грустно усмѣхнулась она.

Хмуровъ махнулъ рукою. Воскресенье наконецъ наступило. Сверхъ ожиданія Хмурова, жена, не дожидаясь его просьбы, вынула 14 руб. и отдала ему.

VII.

Первый, кого встрѣтилъ Хмуровъ, былъ Барсовъ.

— А! Алексѣй Константиновичъ! подошелъ тотъ къ нему.

— Что же вы... еще не уѣхали?.. Деньги получили? спросилъ, здороваясь, Хмуровъ.

— Все сполна. Двѣсти съ хвостикомъ!.. да думаю, въ воскресенье скачки, схожу еще разъ, а тамъ и маршъ!

Хмуровъ улыбнулся. Барсовъ тоже показалъ свои бѣлые зубы.

— Да что! ударилъ онъ тросточкой о землю,—прошлый разъ проигралъ. Дай, думаю, попробую отъиграться; обидно безъ боя отдавать.

— А если и сегодня проиграете?

— Тогда ѣду. Ну ихъ къ шуту! Теперь кто пойдетъ?

Онъ вынулъ афишу и сталъ смотрѣть. Хмуровъ тоже былъ съ афишею. Къ будкѣ тотализатора, колыхая перьями, подходила Славина. Увидѣвъ Хмурова, она широко улыбнулась и закивала головою.

— Опять пришли? понравилось! поздоровалась она и оживленно заговорила:—теперь я одна играю; я ему сказала, пусть даже у другой будки беретъ, иначе я не согласна. По крайней мѣрѣ на такую лошадь, какъ „Карлосъ", не поставлю. Ужь не поставлю! Вы на кого? перебила она себя.

— На „Жениха", думаю, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Не ставьте, не ставьте, не совѣтую! закачала она головою.—Поставьте на „Зосю" лучше; я на „Зосю"!—и она громко сказала у прилавка:—одинъ четвертый!

— Одинъ четвертый! повторилъ стоящій за прилавкомъ.

— Одинъ второй! подошелъ Хмуровъ.

— Шесть третьихъ! раздался подлѣ него голосъ.

Онъ оглянулся. Безусый юноша, тотъ самый, что говорилъ со старцемъ, протягивалъ небрежно снятыя бумажки.

— Ого, какъ играетъ юнецъ-то! проговорилъ вполголоса Барсовъ.

— Поставилъ четвертную и баста! объяснилъ засаленный картузъ смазнымъ сапогамъ.

— Я только красненькую на „Женишка" кинулъ, отвѣтили смазные сапоги.

— Пять четвертыхъ! подошла женщина въ золотыхъ очкахъ.

— А знаете? обернулся Барсовъ къ Хмурову: — мы вѣдь балуемся только! слышите, какъ играютъ? Вонъ, замухрышка, сторожъ вѣрно, а 25 рублей ставитъ! а мы съ вами по рублику. Поставимте-ка еще!

— Нѣтъ, съ меня довольно, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Ну, а я такъ еще.

И Барсовъ отошелъ отъ Хмурова.

Ударилъ звонокъ. Хмуровъ съ замирающимъ сердцемъ пошелъ на мѣста.

Выигралъ № 3-й. Хмуровъ проигралъ. Онъ проигралъ и во второй, и третій, и четвертый разъ, и совсѣмъ упалъ духомъ.

— Одолжите папиросочку, подошелъ къ нему Славинъ и заговорилъ:—ну, какъ играете?.. плохо? Ничего, поправитесь; я тоже проигрываю... Теперь на кого взяли?

Хмуровъ сказалъ.

— Фью! опять продуете... подлая лошадь!

И Славинъ отошелъ отъ него.

Хмуровъ растерянно улыбнулся.

— Везетъ сегодня! услышалъ онъ позади себя голосъ. — Ни разу не ошибся. 60 рублей ужь наигралъ. Что-то теперь: пятнадцать поставилъ!

Хмуровъ обернулся. Поставивъ одну ногу на скамейку и играя тросточкой, безусый юноша хвастался передъ молоденькимъ офицеромъ.

„Везетъ ему", съ завистью подумалъ Хмуровъ, „а какъ крупно играетъ"!

Ему стало стыдно передъ юнцомъ; онъ пошелъ и еще поставилъ 2 руб., но выигрывать ему не было суждено.

— Ну, и отыгрался я! кисло улыбаясь, подошелъ Барсовъ,— двѣнадцати рублей уже не хватаетъ.

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ. Въ эту минуту скакали лошади— и его № шелъ въ самомъ хвостѣ, не смотря на то, что всадникъ неистово работалъ хлыстомъ.

— Проигралъ, вздохнулъ Хмуровъ и пошелъ внизъ, не желая и досматривать. Процессъ скачекъ его уже не интересовалъ.

— Продулись? подошелъ къ нему Зыбинъ.

Его добродушное лицо привѣтливо улыбалось. Хмуровъ обрадовался ему.

— Да, все, отвѣтилъ онъ возможно спокойнѣе, — а вы какъ тутъ? Я васъ не видѣлъ.

— Такъ зашелъ. Я вѣдь живу въ Петергофѣ. А вы бросьте играть! вдругъ серьезно сказалъ онъ.

Хмуровъ удивленно поднялъ на него глаза.

— Право бросьте, а то вовсе втянетесь. Я и не думалъ, что вы такой азартный!

Хмуровъ смущенно улыбнулся.

„Какое ему дѣло?" подумалъ онъ и поспѣшилъ откланяться. Онъ шелъ къ платформѣ, мрачно опустивъ голову. Не то, чтобы онъ жалѣлъ проигранныя деньги, но ему досадна была самая неудача и, кромѣ того, онъ предвидѣлъ разговоры съ женою.

— Продулись мы съ вами, Алексѣй Константиновичъ, догналъ его Барсовъ.

Хмуровъ не отвѣчалъ.

— И вообразите себѣ: въ *Вѣстяхъ* все вѣрно предсказано! Вотъ, смотрите, онъ вынулъ изъ кармана скомканную газету и прочелъ: — „Миражъ", „Пуля", „Ксантиппа", „Чортъ", „Карменъ"—видите, все вѣрно!

— Отчего же вы не ставили? удивился Хмуровъ и тутъ же рѣшилъ: „въ слѣдующій разъ надо купить."

Почти въ пустомъ вагонѣ, куда вошли Барсовъ и Хмуровъ, сидѣлъ юноша и считалъ деньги.

Барсовъ не утерпѣлъ:

— Много выиграли? спросилъ онъ.

Юноша нахмурился и поднялъ голову, но не выдержалъ и оживленно заговорилъ:

— 82 руб. съ копѣйками. Удивительно везло! А вы?

Барсовъ мотнулъ головою.

— Я по *Глашатаю*, тамъ все предсказано было, и сегодня во мнѣ увѣренность была. Вотъ въ прошлый разъ я 45 руб. проигралъ—не везло!

„Вретъ!" подумалъ Хмуровъ.

— Я, могу сказать, знатокъ въ лошадяхъ! Четыре года играю, но все-таки вижу, что тутъ нужно одно только счастіе.

Онъ сидѣлъ, вытянувъ короткія, тонкія ноги, обтянутыя въ сѣрыя брюки; на немъ былъ клѣтчатый, модный пиджачекъ и хитрый галстучекъ, заколотый коралломъ. Шляпа котелкомъ съѣхала у него на затылокъ и открыла приглаженные волосы.

Онъ говорилъ, небрежно играя тросточкой и щипля верхнюю губу.

Хмуровъ и Барсовъ проболтали съ нимъ всю дорогу. Онъ съ важностью говорилъ о себѣ: о своихъ привычкахъ, знакомыхъ и о какихъ-то вельможныхъ родственникахъ.

Разставаясь съ ними, онъ приподнялъ котелокъ и рекомендовался:

— Колнинъ! объявилъ онъ свою фамилію.

Хмуровъ и Барсовъ подали ему руки.

— Господа, не хотите-ли вечерокъ въ „Аркадіи" провести? я угощаю! предложилъ онъ хвастливо.

Хмуровъ и Барсовъ отказались.

— Жаль, сказалъ онъ,—а то бы кутнули. Я такъ не могу сидѣть дома. Днемъ скачки, обѣдъ у Палкина, вечеръ въ „Аркадіи"... Это мое обыкновеніе!

Онъ еще разъ пожалъ имъ руки и пошелъ отъ нихъ.

— Пропащій! вздохнулъ Барсовъ, глядя вслѣдъ Колнину, который подошелъ къ извозчику и не торгуясь сѣлъ на пролетку.

VIII.

Сверхъ ожиданія Хмурова, жена отнеслась къ его проигрышу совершенно равнодушно.

Какъ и въ прошлый разъ, она его встрѣтила вопросомъ:

— Обѣдалъ?

— Гдѣ-же мнѣ обѣдать было? угрюмо сказалъ входя Хмуровъ.

Настасья Сергѣевна вскинула на него удивленно глазами и, ничего не отвѣтивъ, пошла распорядиться.

Хмуровъ мрачно, угрюмо, не произнося ни слова, началъ ѣсть. На него непріятно подѣйствовалъ проигрышъ, а теперь къ этому чувству примѣшалась досада на свою рѣзкую фразу.

— Проигралъ? тихо улыбнулась Настасья Сергѣевна, прерывая молчаніе.

Положивъ голову на руки, сложенныя на столѣ, она прямо смотрѣла въ глаза мужу и тихо улыбалась. Онъ увидѣлъ улыбку жены и улыбнулся тоже. Непріятное настроеніе его прошло сразу.

— Проигралъ, Настя, все проигралъ! такая неудача! А большія выдачи были! окончилъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Это всегда такъ, отвѣтила жена, — сначала повезетъ, а потомъ все проиграешь.

— Просто неудача была! оживился Хмуровъ.—Мнѣ, напримѣръ, хотѣлось на „Пулю" поставить,—нѣтъ, поставилъ на „Жениха", а выдавали 9 р. 80 к. Это на рубль-то, Настя! Хотѣлъ на „Миражъ"—на „Вдову" поставилъ! и все такъ!

Глаза его разгорѣлись. Онъ положилъ ножикъ съ вилкою и говорилъ, ударяя пальцемъ по столу. Настасья Сергѣевна не сводила съ него глазъ.

— Ты ѣшь! улыбнулась она,—отыграешься, Богъ дастъ!

Хмуровъ удивленно взглянулъ на нее.

— Въ слѣдующій разъ возьми меня съ собою, какъ обѣщалъ, можетъ и повезетъ, окончила она и встала.

„И ее увлекъ," улыбнулся про себя Хмуровъ и заговорилъ весело: — Конечно, отыграюсь. Я теперь уже, Настя, присмотрѣлся къ лошадямъ. Теперь у меня ужь есть навыкъ. Я даже термины знаю, хвастливо окончилъ онъ, вставая отъ стола: — „мертвый финишъ", „пойти со старта", „на хлыстѣ", почти все знаю! весело засмѣялся онъ и, довольный, обнялъ жену.

Хмуровъ совсѣмъ ожилъ. Онъ уже не жалѣлъ о своемъ проигрышѣ и вкушалъ заранѣе удовольствіе предстоящей игры. Дома, разговаривая съ женой, онъ постоянно переходилъ на воспоминаніе о прошломъ воскресеньи или на проекты выигрыша въ слѣдующее.

— Я тебя тамъ со многими познакомлю. Увидишь Славина съ женою. Вотъ потѣха!—И онъ смѣялся, передавая ихъ азартъ, ссоры и волненія. — Барсовъ тоже навѣрное будетъ. Онъ, кажется, уже не поѣдетъ на Волгу.

— Отчего? спросила жена.

— Отыграться хочетъ. Впрочемъ, это мнѣ кажется такъ, пояснилъ онъ.

— Боже, какой ужасъ! вздохнула Настасья Сергѣевна.

— Что ужасъ?

— Азартъ такой, сказала она.

— О, да, азартъ страшный. Я удивляюсь даже, какъ можно такъ увлекаться, Настя...

— Милый ты мой! засмѣялась она и обняла его.

— Вообрази, Настя, мальчуганъ лѣтъ восемнадцати играетъ. Я познакомился съ нимъ. Онъ прошлый разъ 82 руб. выигралъ! И съ какимъ шикомъ! презабавный фатишка! вспомнилъ онъ Колнина.

— Бѣдная мать! опять вздохнула она.

— Да, тамъ есть что посмотрѣть, Настя, задумчиво окончилъ Хмуровъ.

На другой вечеръ онъ мечталъ:

— Можно рублей двадцать пять выиграть, какое! —пятьдесятъ, сто можно! восторженно увѣрялъ онъ.

— Ужь не тысячу-ли? смѣялась жена.

— Нѣтъ, я не смѣюсь; если бы, напримѣръ, прошлый разъ играть безъ проигрыша. Сначала поставить три рубля. Назадъ получилъ бы...

И по его разсчету онъ могъ бы вернуться домой съ 420 рублями.

— Это съ трехъ рублей, Настя, съ трехъ рублей! восклицалъ онъ.

— Ну, а ты безъ гроша вернулся, улыбнулась Настасья Сергѣевна.

— Неудача! пожалъ онъ плечами,—что подѣлаешь! Но теперь я по газетѣ играть буду. Знаешь, *Вѣсти* и *Глашатай* всѣхъ лошадей предсказали! Я куплю и по нимъ играть буду. Отыграемся съ лихвой! хвастливо окончилъ онъ, цѣлуя жену.

На службѣ тоже Хмуровъ не находилъ другаго разговора, кромѣ скачекъ. Онъ былъ всего еще два раза, но азартъ уже успѣлъ охватить его и закружилъ ему голову.

— Одолжите папиросочку, подбѣгалъ къ нему Славинъ.

Хмуровъ одалживалъ и тотчасъ начиналъ бесѣду:

— Нѣтъ, вы откажитесь отъ „Карлоса", уговаривалъ онъ Славина,—лошадь хорошая, но вовсе не тренирована.

Ему нравилось вставлять въ рѣчь термины и при этомъ онъ самодовольно улыбался.

— Чудная лошадь! восторгался Славинъ. — Ни на что не промѣняю, хоть тысячи давайте!—И онъ съ жаромъ начиналъ расхваливать „Карлоса", словно эта лошадь была его собственная. — Посмотрите: ноги — стаканчики точеные; затѣмъ сила, батенька, сила! А какъ барьеры беретъ! не то что „Женихъ"!

— Ну, про „Жениха" не скажите, перебилъ Хмуровъ,—онъ немного забрасываетъ, но это отъ ѣздока больше; посадите-ка на него Купе!

— Что это вы, совсѣмъ въ спортсмэны записались? подошелъ къ нему Зыбинъ.

— Такъ, поприглядѣлся, самодовольно улыбнулся Хмуровъ.

— Такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ, словно изъ конюшни вышелъ! похлопалъ его по плечу Зыбинъ и, перемѣнивъ шутливый тонъ на серьезный, сказалъ: — Будь я женой вашей, снялъ бы въ воскресенье съ васъ сапоги, да и заперъ! Право! кивнулъ онъ головою.

— Я и жену увлекъ, засмѣялся Хмуровъ, — въ воскресенье со мной ѣдетъ.

Зыбинъ даже отошелъ на шагъ.

— Шутите! чтобы Настасья Сергѣевна малодушествовала!.. Не вѣрю!

Хмуровъ обидѣлся.

— Вѣдь и сами играете, а всегда съ моралью!

— Я... я—другое дѣло. Я разъ съиграю, двадцать разъ нѣтъ. Неужели же правда, поѣдетъ? переспросилъ онъ.

— Пріѣзжайте, увидите, сухо отвѣтилъ Хмуровъ.

— Да мнѣ чего ѣхать, сказалъ Зыбинъ,—тамъ живу. Приду, подивлюсь, непремѣнно приду.—И онъ еще разъ пожалъ плечами.

Хмуровъ смѣясь передалъ эту бесѣду женѣ. Она вспыхнула и улыбнулась:

— А онъ играетъ?

— Какое! махнулъ рукою Хмуровъ: — я даже не видывалъ такой флегмы. Что на службѣ, что тамъ—даже непріятно, словно безъ нервовъ человѣкъ!..

Воскресенье приближалось. Настала суббота, и Хмуровъ принесъ жалованье.

— Сколько же для скачекъ отдѣлить? спросила жена, и брови ея слегка дрогнули.

Хмуровъ смутился. Денегъ всего было 60 руб. на весь мѣсяцъ.

— Отдѣлить 15 руб., а? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Ну, хорошо, согласилась она и вдругъ подошла къ нему.

— Алеша, только исполни мою просьбу, обняла она его.

— Какую? спросилъ Хмуровъ.

— Вотъ что,—она поцѣловала его и усѣлась къ нему на колѣни: — если мы проиграемъ эти деньги, ты дай слово бросить играть...

— Что за глупости! попытался улыбнуться Хмуровъ, — я же не маленькій, самъ увижу, когда довольно.

— Нѣтъ, дай, дай! цѣловала его жена.

— Пусти, Настя! смѣясь отбивался онъ, — ну, даю, ну Богъ съ тобой!

— Честное слово?

— Честное, честное! ну пусти же!

Она разжала объятія и весело засмѣялась:

— Помни же, слово далъ.

— И смѣшная же ты! неужели я ребенокъ, что меня словами связывать надо?

— Мнѣ такъ спокойнѣе, уже серьезно сказала Настасья Сергѣевна.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія миніатюры.

„Евгеній Онѣгинъ".

Среди произведеній Пушкина, „Евгеній Онѣгинъ", романъ въ стихахъ, имѣетъ совершенно особенное значеніе. Художественныя созданія приносятъ неизмѣримую пользу человѣку уже и тѣмъ, что „добрыя чувства" возбуждаютъ въ немъ и,

отражая душу, дѣлаютъ его опытнѣе, даютъ ему знаніе жизни и людей. Но помимо этой общей пользы, произведеніе литературы можетъ имѣть и болѣе частное и опредѣленное назначеніе—отразить тѣ перемѣны, которыя происходятъ въ духовной жизни общества, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій, — отразить и такимъ образомъ дать ихъ понять, сознать. Въ этомъ смыслѣ литература есть не только могущественное средство для общественнаго самосознанія, но и, такъ сказать, совѣсть общества, общественная исповѣдь. Въ литературѣ своей извѣстный народъ или извѣстное общество, устами наиболѣе чуткаго и впечатлительнаго и наиболѣе умѣющаго выразить свои мысли и чувства поэта, разсказываетъ передъ глазами всѣхъ и каждаго свои достоинства и свои пороки, отражаетъ глубоко скрытыя и быть-можетъ еще не вполнѣ сознанныя свои стремленія,—и, слѣдовательно, не только говоритъ о настоящемъ, но до нѣкоторой степени даетъ понять и будущее, зарождающееся въ стремленіяхъ общества. Поэтъ—въ извѣстномъ смыслѣ есть, дѣйствительно, „пророкъ", и какъ учитель общества, и какъ проницательный умъ, обладающій силой глубоко проникать въ будущее. Въ этомъ именно смыслѣ „Евгеній Онѣгинъ" и занимаетъ въ русской литературѣ необыкновенно высокое положеніе.

Въ тѣ дни, когда талантъ Пушкина развертывалъ свои могучія силы, въ обществѣ русскомъ возникалъ особый родъ людей, особый „типъ", свидѣтельствовавшій о чемъ-то болѣзненномъ въ умственной жизни русской. Въ то время какъ люди не выдававшіеся изъ своей среды—естественно и просто жили по рутинѣ, соображаясь съ обстоятельствами, и этимъ путемъ все-таки такъ или иначе приноровлялись къ жизни, узнавали ее и становились въ ней дѣятелями, иногда весьма полезными,—въ это самое время люди повидимому богато одаренные, несомнѣнно умные, притомъ получившіе, сравнительно съ другими русскими людьми того времени, значительное европейское образованіе, оказывались совершенно безполезными членами въ русскомъ обществѣ, тягостью для него, а не пріобрѣтеніемъ. Нужно сказать, что типъ этотъ „возникалъ" еще только, какъ мы сказали, и общество русское еще не знало его, а если и видѣло его, то смотрѣло на него безъ вниманія, не понимало его. Непониманіе это было вполнѣ естественно и понятно, потому что самое явленіе было ново, еще не успѣло выясниться, и когда, въ лицѣ героя романа, въ Евгеніи Онѣгинѣ, появилось литературное изображеніе этого типа, о немъ возникли самые разнообразные толки. Даже много спустя, знаменитый въ то время критикъ, Бѣлинскій, не далъ дѣйствительнаго пониманія его, и только впослѣдствіи понято было, что въ лицѣ Онѣгина изображенъ русскій „недугъ", умственная болѣзнь русская.

Понятно отсюда, какая великая заслуга Пушкина въ томъ, что онъ своимъ проницательнымъ умственнымъ взоромъ съумѣлъ подмѣтить, а потомъ изобразить новое, важное явленіе русской умственной жизни. И заслуга эта тѣмъ значительнѣе, что въ русской литературѣ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" въ первый разъ сказалось такое отношеніе литературы къ жизни общественной. Правда, еще до Пушкина, преимущественно въ Фонъ-Визинѣ, въ его комедіяхъ „Недоросль" и „Бригадиръ", литература брала уже на себя общественныя задачи. Но тамъ еще не было соединенія художественности, истинности воспроизведенія жизни, съ общественнымъ содержаніемъ; тамъ въ лицѣ Простаковыхъ и имъ подобныхъ осмѣивалось невѣжество, а въ лицѣ Цифиркиныхъ хвалилось просвѣщеніе, но эти Простаковы и Цифиркины не были живыми людьми, а только изображеніями съ предвзятою цѣлію, которымъ авторъ по произволу придавалъ свойство и складъ мыслей. Въ Евгеніи-же Онѣгинѣ въ первый разъ (если не считать комедіи „Горя отъ ума" Грибоѣдова, почти одновременно съ „Онѣгинымъ" появившейся) передъ читателемъ былъ изображенъ совершенно живой человѣкъ, въ которомъ не были выставлены на передній планъ извѣстныя свойства для осмѣянія ихъ или для восхваленія; все въ немъ было просто и естественно и вызывало на размышленія, но что такое онъ представлялъ собою—было нѣсколько неопредѣленно, загадочно, какъ это и бываетъ всегда въ дѣйствительности. Пушкинъ въ высокой степени правдиво изобразилъ въ Онѣгинѣ образованнаго человѣка своего времени; понимать его было-бы, вообще говоря, не трудно, если-бы не встрѣчалось къ тому препятствія въ самыхъ условіяхъ жизни и понятіяхъ общества. Во всякомъ случаѣ образованный Онѣгинъ привлекалъ многими своими сторонами; видѣть въ немъ зло, умственную болѣзнь, было не сродно обществу, когда кругомъ „здоровые" были не лучше, а хуже Онѣгина. И самъ Пушкинъ, конечно, не думалъ изобразить въ Онѣгинѣ худшую сторону русской жизни, и просто воспроизвелъ замѣченное имъ явленіе. По всему этому въ лицѣ Онѣгина Пушкинымъ поставленъ былъ нѣкоторый вопросъ, требовавшій разрѣшенія,—вопросъ о томъ, почему образованіе не давало Онѣгину ни силы, ни желанія дѣлать въ обществѣ благотворное дѣло, гдѣ причины страннаго отсутствія воли и опредѣленности стремленій въ его героѣ.

И этою своею стороною Пушкинъ совершилъ великое дѣло въ русской литературѣ, давъ ей цѣлое направленіе. Съ тѣхъ поръ и почти до настоящаго момента вопросъ, поставленный Пушкинымъ, сдѣлался живѣйшимъ вопросомъ всей русской литературы. Рядъ русскихъ великихъ писателей неизмѣнно стремился къ тому, чтобы изобразить и осмыслить, разъяснить этотъ загадочный типъ людей, который изображенъ былъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Гоголь изобразилъ тотъ-же типъ въ Тентетниковѣ, въ „Мертвыхъ душахъ", Лермонтовъ въ Печоринѣ, въ „Героѣ нашего времени", Герценъ—въ Бельтовѣ, въ романѣ „Кто виноватъ", Тургеневъ—въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда", въ Чулкатуринѣ („Дневникъ лишняго человѣка"), въ „Рудинѣ", въ Лаврецкомъ („Дворянское гнѣздо"), Гончаровъ въ „Обломовѣ" и проч. и проч. до гр. Л. Н. Толстого, гдѣ этотъ типъ является въ многообразныхъ развѣтвленіяхъ. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что эта работа литературы принесла огромную пользу общественному русскому самосознанію, и творцу „Евгенія Онѣгина" Пушкину, который первый открылъ и показалъ ему плодотворный путь, принадлежитъ и первая слава среди русскихъ писателей.

Но что-же такое представлялъ собою Евгеній Онѣгинъ? Мы выше сказали, что сначала онъ понятъ современниками не былъ, а впослѣдствіи былъ признанъ изображеніемъ „умственнаго недуга" русскаго. Этотъ фактъ любопытенъ и самъ по себѣ: онъ показываетъ, что самосознаніе общества, начатое Пушкинымъ, развивалось постепенно. Еще Бѣлинскій, какъ опять замѣчено выше, считалъ нужнымъ защищать всякія безнравственныя дѣйствія Онѣгина,—убійство Ленскаго, пренебреженіе къ окружающимъ и въ томъ числѣ къ радушно встрѣтившей его семьѣ Лариныхъ, неумѣстное высокомѣріе передъ Татьяной въ деревнѣ и еще менѣе умѣстную его любовь, питаемую тщеславіемъ, къ той-же Татьянѣ въ Петербургѣ, и пр.; онъ защищалъ Онѣгина, какъ человѣка „образованнаго", что онъ и выражаетъ категорически. Другой, нѣкогда гремѣвшій критикъ, Добролюбовъ, между тѣмъ, прямо записалъ Онѣгина въ разрядъ просто дармоѣдовъ, а знаменитый романистъ Гончаровъ называетъ его „паразитомъ". Все явленіе, выраженное Онѣгинымъ, многіе, и между ними Достоевскій, прямо называютъ „недугомъ", умственною болѣзнью. Люди различныхъ воззрѣній сошлись на этомъ мнѣніи.

Въ чемъ же состоитъ эта болѣзнь, этотъ недугъ? На этотъ вопросъ уже давно данъ отвѣтъ, если не всѣми признанный и раздѣляемый, то наиболѣе вѣроятный, наиболѣе близкій къ истинѣ. Было въ Россіи умственное направленіе, представители котораго назывались „почвенниками", и среди нихъ былъ замѣчательнѣйшій критикъ, Аполлонъ Григорьевъ. Почвенники эти утверждали, и конечно справедливо утверждали, что всякое образованіе только тогда получитъ общественную цѣнность, только тогда можетъ быть полезно людямъ, когда оно стоитъ въ тѣсной связи съ „почвой", на которой суждено дѣйствовать человѣку въ жизни. Образованіе, которое не имѣетъ корней въ почвѣ, естественно должно засохнуть, поблекнуть безъ слѣда, безъ плода для будущаго. Между тѣмъ все русское образованіе тогда было именно безпочвенно, и люди получившіе его были поистинѣ безпочвенными. И таковъ именно и былъ Онѣгинъ со всѣми своими потомками: Обломовымъ, Печоринымъ, Рудинымъ и проч. Все это почвенники своими идеями освѣтили ярко и просто.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите, какое направленіе образованія было у насъ во времена Пушкина, до него и послѣ. Ребенокъ прежде всего поступалъ въ вѣдѣніе иностранныхъ гувернантокъ, обыкновенно исполненныхъ презрѣнія къ русской жизни, и онъ выучивался отъ нихъ думать на чужомъ языкѣ и презирать родной языкъ и родную жизнь какъ низшіе. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, онъ подвергался вліянію родной природы и родныхъ людей, которые умѣряли это иностранное вліяніе, но не уничтожали его. Ребенокъ росъ, а обстоятельства не измѣнялись. Гувернантку замѣнялъ гуверперъ, „monsieur Abbé, французъ убогій", по выраженію поэта, но онъ, конечно, не былъ лучше по своему вліянію, чѣмъ гувернантка. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, интереса къ родной жизни не возникало. При томъ-же образованный человѣкъ того времени принадлежалъ къ классу высшему, онъ былъ окруженъ крѣпостными и вообще такимъ строемъ жизни, который не могъ не вызывать въ немъ чувства собственнаго превосходства и не вселять сознанія, что русская жизнь есть дѣйствительно нѣчто низшее. Потомъ, въ пору серьезнаго развитія, за несуществованіемъ русской литературы и русской науки, человѣкъ того времени, естественно, жилъ интересами умственными не русскими, читалъ иностранныя литературы, зналъ иностранныхъ ученыхъ,—и вся Русь представлялась ему лишенною живаго ума страною. Образованный человѣкъ тогдашняго времени былъ всѣмъ чѣмъ угодно, но только не русскимъ человѣкомъ, по своимъ понятіямъ и представленіямъ; онъ былъ совершенно оторванъ отъ русской почвы, отъ русской дѣйствительности, и ему выборы французской деревушки были несравненно интереснѣе, чѣмъ вся жизнь его родной деревни во всей своей цѣлости. Языкъ, понятія, бытъ—все было чуждо ему въ родной странѣ, а чужбина была все-таки чужая.

Вотъ въ этой-то пустынѣ душевной возникалъ такой душевный строй въ человѣкѣ, что онъ былъ лишнимъ всюду, и лишнимъ для себя самого. Человѣкъ есть существо общественное по природѣ, и все, что онъ дѣлаетъ, онъ стремится дѣлать для своихъ ближнихъ и со своими ближними. Но что могли значить, къ чему

Памятникъ Императору Александру II въ Самарѣ. Съ фотогр. Н. Жданова, грав. Шюблеръ.

служить теоретическія, изъ иностранныхъ книжекъ почерпнутыя, мнѣнія объ общественномъ устройствѣ, когда съ ними человѣкъ являлся въ русскую глухую деревню. И вотъ у человѣка умъ „кипѣлъ въ дѣйствіи пустомъ", по выраженію Пушкина въ томъ-же „Евгеніи Онѣгинѣ". Интереса къ окружающей жизни нѣтъ—и скука, и метаніе съ мѣста на мѣсто являются естественными результатами. Словомъ, всѣ свойства Онѣгина являются прямымъ слѣдствіемъ его оторванности отъ родной жизни.

Въ то время и долго послѣ, образованіе европейское было идеаломъ и цѣлію стремленій русскаго общества. Естественно, что критическаго отношенія къ этому „великому и святому" дѣлу не могло быть. Какъ же, слѣдовательно, велико дѣло Пушкина, который своимъ поэтическимъ прозрѣніемъ угадалъ и такъ удивительно художественно и истинно изобразилъ отрицательныя стороны русскаго образованія на европейскій ладъ, указавъ на то, что въ немъ было ненормальнаго и опаснаго!

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Страшныя сказки. (Рис. на стр. 1033).

Сказки имѣютъ громадное воспитательное значеніе. Своимъ элементомъ чудеснаго онѣ представляютъ богатый матеріалъ для развитія воображенія дѣтей. Занимательность разсказа и соотвѣтствіе его понятіямъ дѣтей, составляетъ важнѣйшее условіе каждой недагогической книги: такому разумному требованію вполнѣ соотвѣтствуютъ сказки. Потребность жить воображеніемъ у дѣтей такъ велика, что за отсутствіемъ регулирующаго ее матеріала—сказокъ—они сами выдумываютъ фантастическія исторіи и приключенія, въ которыхъ будто бы они принимали участіе, и тѣмъ нерѣдко повергаютъ въ тревогу своихъ родителей. Сказки даютъ здоровое направленіе работѣ воображенія, такъ какъ онѣ всегда исполнены глубокаго смысла и нравственнаго чувства, и такимъ образомъ подготовляютъ будущую дѣятельность ума. Достаточно припомнить, что и западно-европейская цивилизація, которой многіе у насъ такъ завидуютъ, зиждется для каждаго юнаго поколѣнія въ теченіе долгаго ряда вѣковъ—на какихъ-нибудь пяти-шести сказкахъ, каковы: „Котъ въ сапогахъ", „Мальчикъ-съ-пальчикъ", „Спящая красавица", „Рауль синяя борода" и т. п., а затѣмъ на классической школѣ. Одну изъ такихъ страшныхъ сказокъ и разсказываетъ изображенная на картинѣ старушка дѣтямъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 1041).

Насколько искусно и разнообразно изображаетъ Ѳ. Чумаковъ женскіе типы, можно судить по помѣщаемой за послѣднее время третьей его работѣ, представляющей совершенную противуположность его двумъ прежнимъ произведеніямъ. У молодой дѣвушки, изображенной на стр. 1041, въ улыбкѣ устъ такъ много

И прелести, и грусти милой;
Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
Подъ ихъ рѣсницею пушистой,
Такъ много блеску, что сейчасъ
Во слѣдъ за радостію чистой,
Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.
Но грусть души младой и гибкой
Была не бурная гроза...

Торня (пекарня) въ Кахетіи. (Рис. на стр. 1044).

Торня, рисунокъ которой помѣщенъ на стр. 1044, интересна въ этнографическомъ отношеніи тѣмъ, что представляетъ примѣръ упорнаго культурнаго „переживанія": не смотря на свою первобытность, неудобства и пр., она до сихъ поръ не только уживается на Кавказѣ со всѣми новѣйшими системами печей и плитъ, но повидимому и не намѣрена уступать имъ преимущество въ приготовленіи особаго рода прѣсныхъ хлѣбовъ — чурековъ. Устройство торни будетъ совершенно ясно, если мы припомнимъ устройство печей у дикарей (индійцевъ) и у охотниковъ американскихъ степей. Чтобы сжарить кусокъ мяса, дикарь вырываетъ въ землѣ небольшую яму, кладетъ въ нее хворость, сжигаетъ его и затѣмъ, выбросивъ лишнія головни, кладетъ въ яму мясо и зарываетъ его горячими углями и золой. По мѣрѣ того какъ дикарь переходитъ отъ чисто бродячей жизни къ бродячеосѣдлой и чисто осѣдлой—и эта печь-яма претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія: она улучшается, становится прочнѣе: стѣнки ямы сначала просто обкладываются камнями; потомъ эти камни дикарь начинаетъ скрѣплять между собою глиной или иломъ. Далѣе является торня. Въ торнѣ вмѣсто камней употребляется уже большой, до 2½ аршинъ въ діаметрѣ, толстостѣнный глиняный кувшинъ, наполовину, и даже болѣе, врытый въ землю. Накаливъ его сжиганіемъ дровъ, пекарь сильно и ловко бросаетъ на его стѣнки рукою или при помощи лопатки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—особой кожаной подушки, куски тѣста, и закрываетъ его. Черезъ нѣкоторое время (15—20 минутъ) чурекъ—продолговатый, неправильной формы, утончающійся отъ одного конца къ другому хлѣбъ—готовъ. На нашемъ рисункѣ собственно торня, оплетенная хворостомъ, находится въ центрѣ; справа помѣщается корыто съ тѣстомъ, а слѣва, на скамейкѣ—уже испеченные чуреки.

Литературный альбомъ. „Невольникъ" Шевченка.

(Рис. на стр. 1045).

Это одна изъ лучшихъ поэмъ Шевченка. Степанъ, молодой сирота, воспитанный добрымъ человѣкомъ вмѣстѣ съ родною дочерью и затѣмъ помолвленный съ нею, оставляетъ невѣсту на годъ съ тѣмъ, чтобы погулять по бѣлу свѣту, людей посмотрѣть, себя показать, уму-разуму научиться, и отправляется съ этой цѣлью въ тогдашній университетъ казацкой молодежи — въ Запорожскую сѣчь. Проходитъ годъ, другой и третій, прошли и всѣ пять лѣтъ—молодая невѣста, Арина, все ждетъ своего Степана... И вотъ однажды приходитъ къ ихъ хатѣ слѣпой молодой кобзарь и начинаетъ имъ пѣть про турецкую неволю, какъ молодой казакъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, какъ не выдержалъ неволи, разбилъ кандалы и бѣжалъ, какъ настигли его янычары и выкололи ему ясныя очи, и какъ онъ вторично освободился... Арина и старикъ-отецъ ея узнаютъ въ этомъ кобзарѣ своего Степана. Счастливая и тѣмъ, Арина выходитъ замужъ за слѣпца и посвящаетъ ему всю свою жизнь. Картина Трутовскаго изображаетъ моментъ встрѣчи слѣпаго кобзаря и его невѣсты.

Памятникъ императору Александру II въ Самарѣ.

(Рис. на стр. 1049).

Памятникъ Царю-Освободителю въ Самарѣ воздвигнутъ по мысли гласнаго Л. Н. Ященко, единогласно принятой самарскою думой, на добровольныя пожертвованія жителей города Самары и Самарской губерніи, по Высочайше утвержденному 16 апрѣля 1887 г. проекту академика В. О. Шервуда. Закладка памятника совершена 8 іюля 1888 г., а оконченъ онъ сооруженіемъ въ началѣ августа 1889 г. и открытъ 30-го числа.

Почившій Царь-Освободитель изображенъ въ военной шинели и фуражкѣ. На четырехъ углахъ пьедестала помѣщены фигуры олицетворяющія четыре величайшія событія царствованія императора Александра II: освобожденіе крестьянъ, покореніе Кавказа, освобожденіе славянскихъ племенъ и завоеванія въ Средней Азіи. Событія эти выражены въ слѣдующихъ фигурахъ:

1) Крестьянинѣ, осѣняющемъ себя крестомъ; на хартіи въ рукѣ его начертано: „19 февраля 1861". Подъ фигурой надпись: „Освобожденіе крестьянъ".

2) Черкесѣ, сломавшемъ свою шашку. Подъ фигурой надпись: „1859—1864".

3) Болгарской женщинѣ, держащей разорванную цѣпь въ рукахъ, обратившей благодарный взоръ къ небесамъ и попирающей турецкое знамя. Подпись: „1877—1878".

4) Сартянкѣ, которая лѣвой рукой открываетъ свое лицо, сдвигая чадру, а правою повергаетъ корону средне-азіатскихъ властителей къ стопамъ императора. Подъ этой фигурой подпись: „Ташкентъ 1865; Бухара 1868; Хива 1873; Коканъ 1875—76; Ахалъ-Теке 1881".

На лицевой сторонѣ памятника, подъ императорскою короной, на порфирѣ помѣщенъ щитъ съ надписью золотыми буквами: *Александру II, Царю Освободителю. 1889 г.* На противоположной сторонѣ гербъ города Самары. На остальныхъ двухъ сторонахъ также помѣщены щиты съ надписями, напоминающими прочія событія и реформы прошлаго царствованія.

Колоссальная статуя памятника, фигуры и орнаменты вылѣплены акад. В. О. Шервудомъ и отлиты на заводѣ товарищества А. М. Постникова въ Москвѣ. Пьедесталъ памятника изъ финляндскаго гранита, исполненъ А. А. Захаровымъ, а канделябры вокругъ памятника и фонтанъ въ немъ—заводомъ братьевъ Бромлей, въ Москвѣ-же. Этотъ фонтанъ бьетъ съ четырехъ сторонъ памятника и разливается по устроеннымъ изъ туфа склонамъ, повитымъ зеленью. Памятникъ имѣетъ высоты 4 саж. 2 арш.; статуя же—1 саж. 2 арш. На сооруженіе памятника съ разведеніемъ вокругъ него сквера и проч. израсходовано около 74,000 руб. (въ томъ числѣ добровольныхъ приношеній 41,948 и 32,052 руб. отъ городской думы).

Городской фильтръ въ СПБ. (Рис. на стр. 1052).

Процѣживаніе (фильтрація) извѣстно человѣчеству со временъ глубокой древности, но только нашей эпохѣ исполинскихъ сооруженій и всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій—принадлежитъ грандіозная мысль о процѣживаніи такъсказать цѣлыхъ рѣкъ для водоснабженія громадныхъ городовъ. Открытый на-дняхъ городской фильтръ въ Петербургѣ у водопроводной башни, находящейся на набережной Невы, на мѣстѣ такъ-называемаго Ковша (въ концѣ Шпалерной улицы), занимаетъ площадь въ 5,200 квадратныхъ саженъ, подъ которой и размѣщены подземные подвалы фильтровъ. Въ свое время

мы дали подробное описаніе этой башни, а потому нынѣ ограничимся лишь описаніемъ самаго фильтра.

На берегу Невы находится машинное отдѣленіе съ пятью громадными насосами, черпающими воду изъ рѣки и нагнетающими ее въ сѣточное отдѣленіе. Черпается вода изъ глубокаго колодца, лежащаго на одномъ уровнѣ съ дномъ Невы и снабженнаго нѣсколькими люками, въ глубинѣ которыхъ помѣщены крупныя металлическія сѣти для задерживанія крупной рыбы и комьевъ грязи. Такимъ образомъ въ сѣточное отдѣленіе вода проводится уже очищенною отъ крупныхъ примѣсей.

Въ сѣточномъ же отдѣленіи вода, нагнанная насосами въ громадный бакъ, падаетъ съ высоты трехъ аршинъ каскадами на частыя латунныя сѣти въ 900 узелковъ на квадратный дюймъ. На этихъ сѣтяхъ осаждаются цѣлые слои водорослей, мелкихъ личинокъ, червей, мелкой рыбешки и т. п.; все это прежде попадало въ наши водопроводныя трубы, теперь же сносится въ расположенные подъ сѣтями цинковые желоба. Затѣмъ вода, освобожденная отъ большей части примѣсей, за исключеніемъ мельчайшихъ, устремляется винтомъ изъ бетонной цистерны внизъ, въ подвалы фильтровъ.

Эти подвалы-фильтры суть подземныя помѣщенія со сводами на гранитныхъ колонкахъ, сплошь оштукатуренныя непроницаемымъ для воды цементомъ и освѣщаемыя электричествомъ. Въ потолкѣ устроены круглыя отверстія для воздуха, выводящія коническими трубами на поверхность земли. Полъ же состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ: мелкаго желтоватаго песка, подъ нимъ крупнаго песка, далѣе щебня и наконецъ булыжника, подъ которымъ находится твердый цементный полъ. Напущенная въ подвалъ вода и процѣживается сквозь эту четырехслойную почву, а затѣмъ въ совершенно очищенномъ видѣ сбѣгаетъ по канальцамъ твердаго цементнаго пола. Оставшіеся же на верхнемъ слоѣ песка илъ и наносная мелкая грязь до дюйма толщины сгребаются рабочими — и фильтръ очищенъ для новаго напуска воды.

Въ настоящее время 7 такихъ фильтровъ даютъ ежедневно до 11 милліоновъ ведеръ чистой воды, которая отсюда машинами и насосами толкается въ водонапорную башню.

Неподалеку отъ машиннаго находится зданіе для промывки нужнаго для фильтровъ песка, также производящейся посредствомъ паровыхъ двигателей. Здѣсь промывается до 10 кубич. сажень песку въ сутки.

Все сооруженіе обошлось городу въ $1^1/_2$ милл. руб.

Академикъ И. Н. Шредеръ. (Портр. на стр. 1053).

Иванъ Николаевичъ Шредеръ, изъ дворянъ Витебской губерніи, родился въ 1835 году. Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, былъ выпущенъ оттуда въ 1853 году въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ походъ 1853—56 года. Военная служба не была сферою Шредера, и выйдя по возвращеніи изъ похода въ отставку, онъ поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ въ классъ профессора-скульптуры Н. С. Пименова.

Успѣшно окончивъ курсъ Академіи, молодой талантливый художникъ обратилъ на себя вниманіе своими работами, относящимися къ отдѣлу монументальной скульптуры. Первою пробою его силъ на этомъ поприщѣ было участіе въ сооруженіи памятника Тысячелѣтія Россіи, въ исполненіи коего Шредеру принадлежитъ значительная часть. За этотъ трудъ Шредеръ Всемилостивѣйше былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. и пожизненною пенсіею, Академіею-же Художествъ удостоенъ степени академика (1862 г.). Изъ послѣдующихъ работъ Шредера отмѣтимъ: модель памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Царскомъ-Селѣ; памятникъ адмиралу Белингсгаузену въ г. Кронштадтѣ; памятникъ адмиралу Крузенштерну въ СПБ. (противъ Морскаго училища); два памятника въ г. Петрозаводскѣ императорамъ Петру I и Александру II; памятникъ графу Бобринскому въ г. Кіевѣ; 12 бюстовъ севастопольскихъ героевъ для Московскаго музея и наконецъ открытый нынѣшнею весной въ Петербургѣ, противъ Маріинской больницы, памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Высокохудожественная простота исполненія, широкозадуманная идея, реальность и сходство—вотъ тѣ отличительные признаки, которые ставятъ Шредера въ ряду первыхъ современныхъ художниковъ-скульпторовъ.

Б. Салтыковъ.

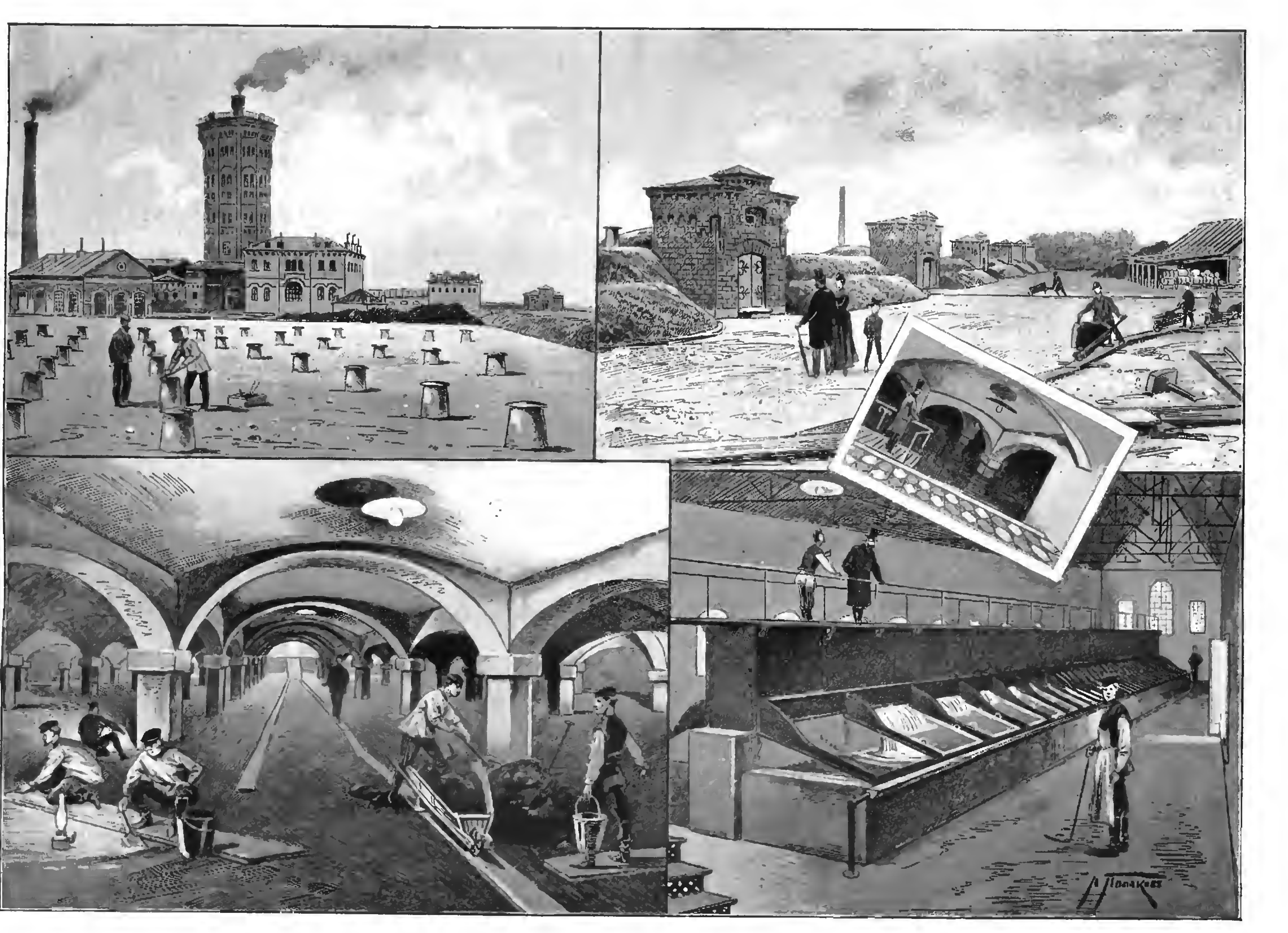
Политическое обозрѣніе.

Вниманіе всей Европы продолжаетъ быть сосредоточеннымъ на Берлинскомъ свиданіи. *Имперскій Указатель*, посвящая прибытію Государя Императора особую привѣтственную статью, говоритъ: „Русскій Императоръ прибылъ сегодня утромъ, чтобы отдать визитъ, который сдѣланъ былъ Его Величеству въ прошломъ году императоромъ Вильгельмомъ. Высокій Гость былъ привѣтствованъ въ столицѣ Германской имперіи съ тою глубокою почтительностью, которая подобаетъ Монарху великой имперіи, издавна находящейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пруссіей и Германіей и которая соотвѣтствуетъ дружественнымъ узамъ существующимъ между обоими Монархами и перешедшимъ къ нимъ отъ ихъ предковъ. Германскій народъ присоединяется къ пожеланію, чтобы нынѣшнее высокое посѣщеніе послужило ко благу обѣихъ націй“. Другія газеты переполнены подробностями пребыванія Русскаго Царя въ Берлинѣ. Между прочимъ, въ дополненіе къ извѣстному уже, онѣ сообщаютъ, что послѣ параднаго обѣда въ день пріѣзда Государя Императора, въ честь Его Величества былъ данъ парадный спектакль въ оперномъ театрѣ. Въ 8 часовъ 20 минутъ Ихъ Величества вошли въ большую императорскую ложу, причемъ вся приглашенная блестящая публика встала со своихъ мѣстъ. Государь Императоръ занялъ мѣсто между императоромъ Вильгельмомъ и императрицею. По окончаніи спектакля Государи простились. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича, вернулся въ домъ русскаго посольства, а Германская императорская чета—въ замокъ. Многотысячная публика почтительно привѣтствовала возвращавшихся изъ театра Государей.

На слѣдующій день Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ, который заѣхалъ за своимъ вѣнценоснымъ гостемъ въ домъ русскаго посольства, отправились, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича и немногочисленной свиты, въ $7^1/_4$ час. утра, съ экстреннымъ поѣздомъ въ Эберсвальдъ, а оттуда въ экипажѣ въ Губертусштокъ на охоту. По приказанію императора Вильгельма, въ охотничьемъ замкѣ Губертусштока были приготовлены для Государя Императора тѣ самыя комнаты, которыя обыкновенно занималъ покойный императоръ Вильгельмъ и которыя со времени его кончины оставались безъ употребленія. Въ Губертусштокѣ Ихъ Величества пересѣли вмѣстѣ въ охотничій экипажъ и охотились на оленей и дикихъ козъ. Охота Государей продолжалась съ перерывомъ почти до 5 часовъ, причемъ Государь Императоръ убилъ крупнѣйшаго оленя о двѣнадцати отросткахъ, а Великій Князь Георгій Александровичъ — оленя о десяти отросткахъ. На обратномъ пути съ охоты выстроились сотни дѣтей со смоляными факелами. Мѣстности, по которымъ слѣдовали Ихъ Величества, были иллюминованы и населеніе привѣтствовало Монарховъ восторженными кликами. По возвращеніи съ охоты, въ 9 часовъ вечера, Государь Императоръ присутствовалъ на ужинѣ у вдовствующей императрицы Викторіи. Ужинъ происходилъ въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу. Въ $11^1/_4$ ч. Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ вернулись въ открытомъ экипажѣ въ домъ русскаго посольства.

1 октября Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ отправились въ 9 час. 30 мин. въ открытомъ экипажѣ, парою, въ Шарлоттенбургъ — и тамъ, въ мавзолеѣ, возложили великолѣпный лавровый вѣнокъ съ бѣлыми розами на гробъ императора Вильгельма I. Пробывъ въ мавзолеѣ четверть часа, Государь Императоръ и Великій Князь возвратились въ 10 час. 30 мин. въ русское посольство. Въ 11 час. въ посольской ви отслужена обѣдня въ присутствіи Государя Императора, Великаго Князя и ближайшихъ лицъ.

Въ 11 час. 50 мин. прибылъ въ русское посольство императоръ Вильгельмъ, а въ 12 час. оба Императора отправились въ парадномъ экипажѣ четверней въ казармы полка имени Императора Александра, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича, членовъ свиты и состоящихъ при Особѣ Государя Императора лицъ. При въѣздѣ Императоровъ во дворъ казармы, батальоны гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полка, построенные развернутымъ фронтомъ, встрѣтили Ихъ Величествъ звуками русскаго народнаго гимна. По обходѣ по фронту войскъ, началось, при звукахъ Александровскаго марша, церемоніальное прохожденіе войскъ. Затѣмъ Ихъ Величества, въ сопровожденіи свиты, состоящихъ при Государѣ Императорѣ лицъ и офицеровъ, отправились въ офицерское казино и заняли мѣста за сервированнымъ для завтрака столомъ. Государь Императоръ изволилъ помѣститься между императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Альбрехтомъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ командиромъ полка въ честь Августѣйшаго Шефа; вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ выразилъ почтительнѣйшую благодарность за милость, оказанную полку нынѣ, какъ и всегда, Императоромъ Александромъ. Вскорѣ послѣ того Государь Императоръ, поднявшись съ мѣста, изволилъ выразить признательность за приглашеніе и провозгласилъ тостъ за здоровье императора Вильгельма; при этомъ Его Величество изволилъ чокнуться съ императоромъ, принцемъ Альбрехтомъ и командиромъ полка. Императоръ Вильгельмъ, со своей стороны, провозгласилъ тостъ за русскую армію въ слѣдующихъ, приблизительно, словахъ: „Въ такой день какъ нынѣшній, полку, имѣющему столь выдающуюся исторію и удостоившемуся чести видѣть у себя своего Высокаго Шефа, подобаетъ вспомнить о прежнихъ временахъ — о тѣхъ временахъ, когда императоръ Вильгельмъ I былъ молодымъ человѣкомъ и, подъ градомъ пуль, заслужилъ подъ Баръсюръ-Обомъ Георгіевскій крестъ и званіе шефа Калужскаго полка“. Далѣе императоръ упомянулъ о тѣхъ дняхъ, когда русскія и прусскія войска дрались и проливали кровь бокъ-о-бокъ, какъ подъ Ларотьеромъ; затѣмъ императоръ упомянулъ



Петербургскій городской фильтръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Полякова, фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

Водокачалка и поверхностная площадь фильтра съ надпочвенными отверстіями подземныхъ подваловъ.
Одинъ изъ подваловъ фильтра и очистка его послѣ напуска воды.

Входы въ подвалы фильтра.
Одинъ изъ подваловъ фильтра наполненный водою.
Бакъ съ невскою водой, падающей на сѣть.

о войскахъ, которыя мужественно защищали Севастополь и штурмовали Плевну. Въ заключеніе императоръ сказалъ: „Пьемъ за здоровье нашихъ товарищей въ русской арміи. Да здравствуетъ, да здравствуетъ, да здравствуетъ русская армія!“ Присутствующіе восторженно подхватили этотъ тостъ. Затѣмъ, Государь Императоръ, поднявшись съ мѣста, произнесъ по-нѣмецки: „Ich trinke auf das Wohl meines tapferen Grenadier-Regiments Alexander. Hurrah! Hurrah! Hurrah!“ Послѣ тоста за здоровье полка, Государь Императоръ выпилъ также за офицерскій корпусъ и провозгласилъ въ честь его „ура!“. Ихъ Величества оставались довольно долгое время въ кругу офицеровъ. Завтракъ окончился въ началѣ 3-го часа пополудни, послѣ чего, около половины третьяго, Государь Императоръ возвратился съ императоромъ Вильгельмомъ въ русское посольство. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ Германскій императоръ поѣхалъ во дворецъ, куда въ 3 часа 15 минутъ изволилъ прибыть и Государь Императоръ, чтобы проститься съ царствующей императрицей, и съ императрицей Викторіей. Послѣ этого Государь Императоръ отправился прямо въ Лертскій вокзалъ. Тамъ оба Императора сердечно простились и нѣсколько разъ обнялись. Большей части присутствовавшихъ Государь Императоръ изволилъ пожать руки. Въ 4 часа 12 мин. Императорскій поѣздъ отошелъ въ Людвиглусть.

При отъѣздѣ Государя Императора имперскій канцлеръ не присутствовалъ и его замѣнялъ сынъ его, графъ Гербертъ Бисмаркъ. Императоръ Вильгельмъ, проводивъ Государя Императора, поѣхалъ прямо къ имперскому канцлеру, у котораго провелъ продолжительное время.

Почтенный имперскій канцлеръ, какъ сообщаютъ депеши, нарочно прибывшій въ Берлинъ по случаю Императорскаго визита, во все время пребыванія Государя Императора въ столицѣ Германской имперіи, былъ предметомъ особой внимательности со стороны Его Величества. Между прочимъ Государь Императоръ послалъ князю Бисмарку и его сыну чрезъ графа Воронцова-Дашкова по изящной табакеркѣ со своимъ портретомъ. Съ своей стороны, императоръ Вильгельмъ пожаловалъ графу Воронцову-Дашкову орденъ Чернаго орла, генералу Рихтеру—большой крестъ ордена Краснаго Орла.

Академикъ И. Н. Шредеръ. Съ фот. Лоренца, грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Къ предстоящему юбилею А. Г. Рубинштейна въ художественномъ заведеніи А. Ф. Маркса изготовленъ большой офортный портретъ юбиляра (3/4 натуральной величины), произведеніе молодаго офортиста, Гуго Струка, стяжавшаго почетную извѣстность какъ высоко-даровитый peintre-graveur. Портретъ, воспроизведенный по лучшимъ фотографіямъ А. Г. Рубинштейна, отличается поразительнымъ сходствомъ и широкою свободною манерой исполненія. На-дняхъ онъ поступитъ въ продажу въ магазинахъ Фельтена, Беггрова и Даціаро въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а именно: 1) 50 оттисковъ épreuve d'artiste на китайской бумагѣ съ лавровою вѣтвью, по 40 р. за экземпляръ; 2) 50 оттисковъ avant la lettre, также на китайской бумагѣ, по 20 р., и наконецъ 3) 100 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ съ подписью, по 5 р. Факсимиле подписи А. Г. Рубинштейна воспроизведено на всѣхъ оттискахъ.

Считаемъ нелишнимъ, для людей незнакомыхъ съ офортною манерой и смѣшивающихъ офорты съ обыкновенными гравюрами на мѣди, вкратцѣ изложить способъ приготовленія первыхъ.

Главное отличіе состоитъ въ томъ, что обыкновенная гравюра на мѣди есть рабское подражаніе оригиналу, тогда какъ офортъ въ большинствѣ случаевъ требуетъ свободнаго творчества. Другими словами, граверъ можетъ быть добросовѣстнымъ ремесленникомъ, офортистъ непремѣнно долженъ быть художникомъ.

Самый способъ воспроизведенія офортовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Хорошо отполированная мѣдная доска, слегка нагрѣтая, равномѣрно покрывается тонкимъ слоемъ воска, такъ называемымъ восковымъ грунтомъ, и затѣмъ коптится до-черна факеломъ изъ нѣсколькихъ тонкихъ свѣчей. На воспроизводимую оригинальную картину или фотографію накладывается прозрачная желатиновая бумага и на ней острою иглой тщательно обводятся контуры рисунка (снимается калькъ), причемъ остріе иглы вырѣзываетъ тончайшіе штрихи въ желатинѣ. Штрихи эти заполняютъ порошкомъ какой-нибудь краски (обыкновенно красной), кладутъ калькъ этою стороной на закопченую поверхность восковаго грунта, и надавливая по противоположной сторонѣ калька планиромъ, оттискиваютъ красные штрихи калька на восковомъ грунтѣ. По переводѣ калька на грунтъ, начинается собственно рисованіе и гравированіе иглами по восковому грунту, причемъ изображеніе получается обратное и притомъ свѣтлыми штрихами обнажаемой мѣдной доски на черной копоти восковаго грунта. Такимъ образомъ вырисовывается вся картина со всѣми тѣнями до самыхъ свѣтлыхъ тоновъ.

Затѣмъ начинается травленіе мѣдной доски кислотой, крѣпкой водкой (eau-forte). Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кислота не должна касаться доски, послѣдняя покрывается асфальтовымъ лакомъ, причемъ прежде всего покрываются самыя свѣтлыя мѣста. Вокругъ всей доски дѣлаются низенькія закраины изъ воска и на нее наливается кислота, которая и выѣдаетъ обнаженную иглами поверхность мѣди, т. е. различные штрихи картины. Протравивъ, кислоту смываютъ водою, затѣмъ снимаютъ воду пропускною бумагой, и покрываютъ асфальтовымъ лакомъ тѣ мѣста, которыя уже достаточно протравлены. Такимъ же порядкомъ протравливаются менѣе свѣтлыя мѣста, и такъ далѣе до самыхъ глубокихъ тѣней, каждый разъ покрывая лакомъ достаточно протравленныя мѣста. При оригинальныхъ рисункахъ на восковомъ грунтѣ и большой опытности, доску иногда удается протравить сразу. Когда же дѣло идетъ о точномъ воспроизведеніи оригинала (картины, гравюры или фотографіи) со всѣми мельчайшими оттѣнками, требуются два-три послѣдовательныя травленія. Если и затѣмъ на пробномъ оттискѣ замѣчаются неровности въ картинѣ, темныя или свѣтлыя пятна, то ихъ обработываютъ на доскѣ такъ-называемою холодною иглой, грабштихелемъ (burin) и планиромъ, доводя такимъ образомъ офортъ до совершенства.

Американская реклама. „Въ Балтиморѣ,“ разсказываетъ авторъ „Across the Atlantic“, „посѣтилъ я кладбище, богатое изящными и великолѣпными памятниками, одинъ изъ которыхъ, необыкновенною своею художественностью, обратилъ на себя особенное мое вниманіе.

„Похороненный тутъ, думалъ я, навѣрно былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ граждамъ города. Я началъ разбирать надпись, золотыя буквы которой гласили, по обыкновенію, о хорошихъ качествахъ умершаго John Brown; но меня поразилъ странный пробѣлъ: время его смерти не было обозначено. „Отчего же это?“ спросилъ я своего проводника. „Дѣло очень простое, отвѣчалъ онъ,—этотъ господинъ еще живъ и здоровъ, а памятникъ онъ себѣ поставилъ пять лѣтъ тому назадъ, въ день своей свадьбы и открытія своего торговаго дома“.—„Кто же этотъ чудакъ?“ спросилъ я. „Видите-ли что, отвѣчалъ мнѣ проводникъ,—единственное желаніе этого господина то, чтобы иностранцы, посѣщающіе наше прекрасное кладбище, обращали вниманіе на памятникъ и спрашивали: чей онъ? Это мистеръ Brown въ улицѣ Puffstreet, № 42, фабрикующій лучшія въ Балтиморѣ сапожную ваксу и мыло“.

Памятникъ стоилъ большихъ денегъ, но онѣ приносятъ хорошіе проценты.

О пребыванiи императора Александра I въ Черниговѣ, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, между прочимъ, сообщается нѣсколько весьма интересныхъ подробностей, характеризующихъ простоту тогдашнихъ нравовъ. Старожилы разсказываютъ, что когда, въ 1817 г., императоръ Александръ I прибылъ въ Черниговъ, губернаторомъ въ это время былъ А. П. Бутовичъ, человѣкъ необыкновенно добродушный, доступный, простой, сохранившiй всѣ привычки былыхъ дней. Говорилъ на мѣстномъ нарѣчiи, носилъ внѣ службы малороссiйскiя рубахи, подпоясывался простымъ поясомъ. Во время общаго представленiя государю начальствующихъ лицъ, императоръ обратился къ Бутовичу съ вопросомъ: „Какъ-же у васъ въ губернiи идутъ дѣла?" Бутовичъ отвѣтилъ: „То такъ, то сякъ, ваше императорское величество". Государь, не удовлетворившись такимъ лаконизмомъ и думая, что Бутовичъ не понялъ вопроса, переспросилъ его: „Что у васъ здѣсь дѣлается?" Но Бутовичъ опять отвѣтилъ: „То тее, то сее, ваше величество", и при этомъ поднесъ всеподданнѣйшiй рапортъ о состоянiи губернiи и проч. Государь, сочтя губернатора за великаго чудака, обратился къ другимъ лицамъ губернiи. „Чѣмъ вы въ Черниговѣ ведете торговлю?" спросилъ государь городскаго голову Гриба. Голова, слыша отвѣты Бутовича и считая ихъ совершенствомъ краснорѣчiя, отвѣтилъ: „То тымъ, то сымъ, ваше величество". Государь послѣ много смѣялся и указалъ сопровождавшему его доктору-французу на Бутовича и Гриба какъ на великихъ чудаковъ. Однако, прочтя потомъ рапортъ Бутовича, императоръ увидѣлъ, что этотъ чудакъ одинъ изъ дѣльнѣйшихъ людей, и государь вскорѣ перевелъ его въ Витебскую губернiю, гдѣ необходимъ былъ энергичный и добросовѣстный администраторъ для искорененiя безпорядковъ. (б.)

Томскiя раскопки, производящiяся теперь въ мѣстныхъ курганахъ, дали прекрасные результаты. Изъ найденныхъ вещей, особеннаго вниманiя заслуживаютъ: бронзовый боевой топоръ и большое копье, кольцо изъ четырехграннаго бруска золота, подобное найденному археологомъ Шлиманномъ въ Микенахъ, желѣзныя бусы весьма тонкой работы и проч. Большой интересъ, помимо всего, представляютъ и найденные слѣды погребенiя по способу полнаго и неполнаго сожженiя, причемъ прахъ отъ трупа мертвеца сложенъ не въ урну или горшокъ, а высыпанъ прямо на дно могилы. (б.)

Къ статистикѣ русскихъ изобрѣтенiй. Одинъ изъ членовъ Русскаго техническаго общества собралъ интересныя данныя о сдѣланныхъ у насъ за послѣднее десятилѣтiе изобрѣтенiяхъ. Оказывается, что въ теченiе этого перiода число ихъ возрасло на 10%, причемъ только на половину этихъ изобрѣтенiй испрашиваются привилегiи. Примѣненiе къ дѣлу изъ общаго количества изобрѣтенiй получаетъ не болѣе ¼. Большая часть изобрѣтенiй приходится на долю иностранцевъ, живущихъ въ Россiи. За послѣднее время выдающееся мѣсто занимаютъ по своему числу изобрѣтенiя, относящiяся къ желѣзнодорожной техникѣ и различнымъ видамъ примѣненiя электричества, а затѣмъ уже слѣдуютъ изобрѣтенiя, касающiяся различныхъ отраслей мануфактурной промышленности.

Предохраненiе рогатаго скота отъ заразы. Нижеслѣдующимъ составомъ мажутъ, во время эпизоотiи, у рогатаго скота холку, рога ближе къ корню и крестецъ. Надобно истолочь два фунта ассафетиды и одинъ фунтъ камфоры какъ можно мельче, смѣшать и прибавить тридцать цѣльныхъ головокъ чесноку, предварительно приведенныхъ въ состоянiе масляной массы посредствомъ тренiя въ металлической ступкѣ. Потомъ подливать понемногу чистый деготь, всего въ количествѣ пятнадцати фунтовъ, пока все не соединится и не превратится въ мазь ровнаго цвѣта. Средство это дѣйствуетъ прекрасно потому, что скотъ, будучи вымазанъ такой мазью, дышетъ воздухомъ очищеннымъ отъ мiазмовъ.

Искусственное приготовленiе изумруда. Чистые, вполнѣ обособленные кристаллы этого драгоцѣннаго камня наконецъ удалось получить Hautefeuille и Perrey. Они накаливали въ платиновомъ сосудѣ въ теченiе двухъ недѣль, при температурѣ въ 800 градусовъ, опредѣленныя количества кремневой кислоты, глинозема, окиси берилiя и цитiоимолибдата; при охлажденiи, до 80 процентовъ смѣси оказалось выкристаллизованными въ видѣ изумрудовъ. Такимъ образомъ теперь возможно искусственно получить, кромѣ рубиновъ, опаловъ, даже алмазовъ, еще и изумруды. Конечно, пока ихъ полученiе имѣетъ исключительно научный интересъ, такъ какъ способы добыванiя этихъ драгоцѣнныхъ камней весьма не дешевы. (N.)

Рѣшенiе задачи буквъ (ходъ коня) № 56
(помѣщенной въ № 35).

			26			9			
	25	20	31	28	11	14	3	8	
19	30	27	24	21	4	7	10	13	2
	23	18	29	32	15	12	1	6	
			22	17	48	5			
			49	51	33	16			
	38	35	44	47	50	58	55	64	
36	45	42	39	34	52	63	60	57	54
	40	37	46	43	59	56	53	62	
			41			61			

Не попусту въ народѣ говорится: „не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться".

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—А. А. Поспѣева, Панкова, Ф. Михель, Т. Широкова, **Москва**—Н. Я. Романова, **Бузулукъ**—А. Громова, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бахчисарай**—Е. В. Начаджи, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Вилькомiръ**—С. П. Вершилло, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Орѣхово-Зуево**—А. П. Совѣтова, **Рязань**—П. Постникова.

Рѣшенiе ребуса № 57 (помѣщеннаго въ № 35).

Что городъ—то норовъ; что деревня—то обычай.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.
СКРИПКИ въ $2^1/_2$, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, $1^1/_2$, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.
ФУТЛЯРЫ въ $3^1/_2$, 5, 7, 12, 16 и 30 р.
СКРИПКИ $^3/_4$, $^1/_2$ и $^1/_4$ величины для дѣтей.
Школа Баганца въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.
АЛЬТЫ и ВІОЛОНЧЕЛИ.
Гитары въ $3^1/_2$, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по $1^1/_2$ и $2^1/_2$ р.
Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.
Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 4075
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

БѢЛЬЕ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

ГОТОВОЕ и на ЗАКАЗЪ

мужское, дамское, столовое, постельное, туалетное, также чулки, носки, фуфайки, кальсоны, платки и полное

ПРИДАНОЕ.

Элегантный фасонъ, изящная работа, товаръ лучшаго качества.

Цѣны весьма умѣренныя.

Гг. иногороднымъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ГАРМСЕНЪ и К°.

С.-Петербургъ, Гост. Дворъ, 144.

Фирма существ. съ 1640 г.

РУКОВОДСТВО

КЪ ОБУЧЕНІЮ

ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ

СЪ ПРАВИЛАМИ И УКАЗАНІЯМИ.

1) Какъ самому научиться играть на скрипкѣ по нотамъ. 2) Какъ преподавать нотную азбуку къ пѣнію въ школѣ. 3) Какъ обучать дѣтей церковному пѣнію по слуху и по нотамъ. 4) Какъ изъ учениковъ школы организовать для церкви хоръ въ 3 голоса: басъ и альтъ съ дискантомъ. 5) Какъ давать голосомъ тонъ хору съ помощью камертона при хоровомъ стройномъ исполненіи словъ и напѣва пѣснопѣній изъ службъ Православной Россійской церкви. № 4078

Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкой.

Адресъ автора-издателя: **Кіевъ, учителю Николаю Даниловичу Абламскому.**

Только что вышла въ свѣтъ

МЕТОДИКА РУЧНАГО ТРУДА.

По Саломону изложилъ **В. Фармаковскій.** Цѣна 75 коп.

Главный складъ у книгопродавца **Е. П. Распопова,** въ Одессѣ. № 4081

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

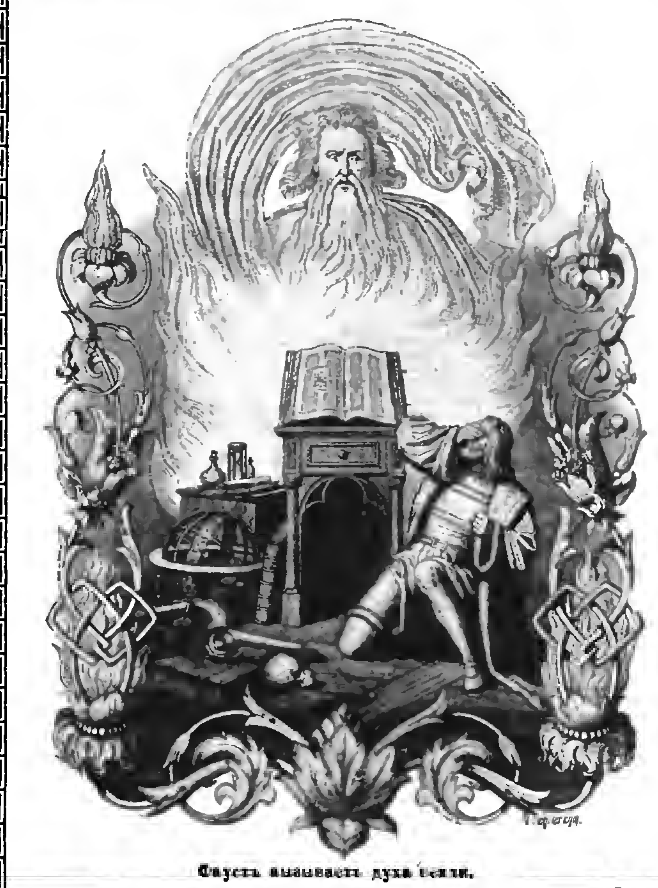
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ.	**С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.



Фаустъ вызываетъ духа земли.

Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ", Гёте.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста".

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ" **Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.,** за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА", СПБ., Невскій пр., № 6.

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ

Соч. Л. Бух. Цѣна 50 коп. № 4079

Изданіе Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° въ Москвѣ.

ВЫШЕЛЪ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

АЛЬБОМЪ КОПІЙ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Стрячій", **В. Е. Маковскаго;** 2) „Самозванецъ и Ксенія", **Н. В. Неврева;** 3) „Зима", **Н. Н. Дубовскаго;** 4) „Школьники", **Г. Ѳ. Рыбакова;** 5) „Поѣздка царя на богомолье", **В. Г. Шварца;** 6) „Стадо", **Н. Л. Эллерта.**

Продается въ складѣ: Никольская, д. Чижовыхъ, и у книгопродавцевъ.

Тамъ-же продается ПЕРВЫЙ выпускъ того-же альбома, премированный на Парижской всемірной выставкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Варка варенья", **В. Е. Маковскаго;** 2) „Сватовство", **Н. В. Неврева;** 3) „Разлучница", **Н. А. Трутовскаго;** 4) „Меншиковъ въ Березовѣ", **В. И. Сурикова;** 5) „Жестокій романсъ", **И. М. Прянишникова;** 6) „Бабушка и внучка", **Н. Е. Рачкова.**

Альбомы исполнены хромолитографскимъ способомъ, подъ акварель, въ собственныхъ мастерскихъ Товарищества, и каждый изъ выпусковъ состоитъ изъ шести картинъ, размѣромъ $7^1/_2 \times 9^1/_2$ вершк. съ полями, въ **изящной иллюстрированной папкѣ.**

1-й ВЫПУСКЪ имѣлъ большой успѣхъ и обратилъ на себя вниманіе какъ столичной, такъ и провинціальной прессы.

Цѣна по **5** р. за каждый выпускъ. На пересылку прилагается за **3** ф. по разстоянію, за каждый выпускъ.

Тамъ же продаются **хромолитографическія картины русскихъ типовъ, видовъ, иллюстрацій къ сочиненіямъ русскихъ писателей,** въ пакетахъ по 50 коп. и 75 коп. каждый пакетъ содержитъ 12—14 картинъ. — Для подарковъ дѣтямъ. № 4080 2—1

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ **выставкахъ.**	Приготовленіе и продажа мыла **РАЗРѢШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ **Врачебнымъ Управленіемъ,**

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и К°.

въ Москвѣ. П. № 4059 4—2

Оптовая продажа:	Розничная продажа:
Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ.	Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

СЪ ПРЕМІЕЙ — СЪ ПРЕМІЕЙ

SAVON GLYCERINE BROCARD & C° MOSCOU
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
БРОКАРЪ и К° въ МОСКВѢ

БРОКАРЪ и К°.

Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8—3

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ.	**С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ **единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Импеѣріалъ и пр.**

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ.

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ № 2

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

EAU DE SUEZ

Депо въ С.-Петербургѣ — **А. М. Рузановъ,** Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — **А. Сіу и К°.,** Тверская, д. Варгина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Рt. № 3887 **Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.** 13—10

Дозвол. цензур., СПБ., 10 октября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 октября 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

М. Н. Герсевановъ.

Нынѣшній директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, тайный совѣтникъ Герсевановъ (изъ дворянъ Харьковской губ.), имя котораго не безъизвѣстно въ наукѣ, родился въ 1830 году. Первоначальное образованіе получилъ онъ дома, и затѣмъ въ 1845 году поступилъ въ Главное Инженерное Училище (нынѣ Николаевское Инжен. Учил. съ Николаевск. Инжен. Академіей), гдѣ въ 1851 году кончилъ полный курсъ наукъ по первому разряду, съ чиномъ военнаго инженеръ-поручика, и записанъ на почетной мраморной доскѣ Академіи. Затѣмъ состоялъ на службѣ въ Кіевской крѣпости, откуда въ 1856 году былъ приглашенъ на учебную службу въ Инжен. училище, съ командировкой для усовершенствованія за-границу. По возвращеніи осенью 1857 г., онъ состоялъ репетиторомъ по предмету строительнаго искусства, а съ 31 марта 1862 г. былъ назначенъ по особымъ порученіямъ къ генералъ-адъютанту Тотлебену и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ (17 апр.) въ капитаны. Въ 1867 г. Герсевановъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ Николаевской Инж. Академіи, но уже въ маѣ 1868 г., по приглашенію статсъ-секретаря барона Николаи, тогдашняго начальника Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, онъ былъ назначенъ, въ чинѣ инженеръ-полковника, на вновь созданную должность главнаго инспектора сооруженій на Кавказѣ, въ которой прослужилъ 15 лѣтъ, до упраздненія этой должности въ 1883 году. По прибытіи на Кавказъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ образовавшагося тогда же Кавказскаго Отдѣленія Имп. Русск. Технич. Общества, которымъ руководилъ во все время своей службы на Кавказѣ. При этомъ имъ издано было 14 томовъ Записокъ Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Технич. Общества, въ которыхъ затронуты главнѣйшіе мѣстные техническіе вопросы. Въ теченіе службы своей на Кавказѣ подъ главнымъ начальствомъ бывшаго

Михаилъ Николаевичъ Герсевановъ, директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

намѣстника Кавказскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, М. П. Герсевановъ, кромѣ руководства технической частью гражданскаго вѣдомства въ губерніяхъ Кавказскаго края (теперь отошедшею въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ), завѣдывалъ также постройкой какъ Тифлисо-Гомборской и Тифлисо-Мангліоской шоссейныхъ дорогъ, такъ и дорогъ отъ Тифлиса до Эривани и отъ сел. Делижана чрезъ Александрополь до крѣпости Карса, первоначально называвшихся транзитными, но во время турецкой войны 1877—78 г. получившихъ скорѣе значеніе военныхъ дорогъ. Такимъ образомъ имъ построено въ Закавказскомъ краѣ до 500 верстъ шоссейныхъ дорогъ, большая часть которыхъ въ 1881 г., по ихъ окончаніи, перешла въ завѣдываніе Кавказск. Округа Путей Сообщенія. Въ то же время Герсевановъ успѣвалъ участвовать почти во всѣхъ коммисіяхъ въ Тифлисѣ по разрѣшенію мѣстныхъ техническихъ вопросовъ; въ его председательствѣ, напр., весною 1879 г. состоялась важная коммисія по разрѣшенію вопросовъ о Черноморскомъ побережьѣ.

Въ началѣ 1877 г. Герсевановъ, по особому Высочайшему повелѣнію, былъ переведенъ въ число инженеровъ Путей Сообщенія. и по его возвращеніи въ Петербургъ, въ 1883 г., тотчасъ же былъ приглашенъ министромъ Путей Сообщенія, генералъ-адъютантомъ Посьетомъ, на мѣсто скончавшагося въ концѣ 1882 года, директора Института Инженеровъ Путей Сообщенія, тайн. сов. Соболевскаго. И на этомъ поприщѣ онъ успѣлъ не мало сдѣлать, состоя съ 10 февраля 1883 г. директоромъ этого высшаго учебнаго заведенія; уже въ 1884 г., по его ходатайству, министромъ Путей Сообщенія было разрѣшено изданіе при означенномъ институтѣ такъ-называемаго *Сборника Института*; послѣдняго до конца 1888 года вышло уже 15 выпусковъ, преимущественно съ трудами профессоровъ и преподавателей Института, служащими матеріаломъ для печатанія институтскихъ руководствъ. Точно также съ 1885 г., почти одновременно съ его выборомъ въ вице-предсѣдатели Временной Коммисіи при М-вѣ Путей Сообщенія по устройству коммерческихъ портовъ, Герсевановъ руководитъ редакціею *Журнала М-ва Путей Сообщенія.* Наконецъ, съ 30 марта 1885 г. онъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя Высочайше утвержденнаго 22 апрѣля 1866 г. Имп. Русск. Техническаго Общества, почетнымъ членомъ котораго онъ уже съ 1877 г. и сверхъ того однимъ изъ основателей.

Переходя къ литературной дѣятельности Герсеванова, нужно замѣтить, что она весьма многообразна и притомъ весьма плодовита. Большая часть его трудовъ помѣщена въ *Инженерномъ журналѣ* (Военнаго вѣдомства), постояннымъ сотрудникомъ котораго онъ состоялъ съ возвращенія изъ-за границы въ 1857 г. Не мало статей и трудовъ, а также и переводовъ имъ было помѣщено въ журналахъ М-ства Путей Сообщенія и въ Записках Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Технич. Общества. Первый изъ его болѣе крупныхъ трудовъ, въ то же время первый въ русской литературѣ по этой отрасли строительнаго искусства — это лекціи о морскихъ сооруженіяхъ, читанныя въ Николаевской Инженерной Академіи и напечатанныя въ 1861—62 г. при *Инженерномъ журналѣ* (415 стр. съ атласомъ чертежей). Этотъ трудъ былъ удостоенъ 5 іюня 1863 г. половинной Демидовской преміи и нѣкоторое время служилъ руководствомъ какъ въ означенной Академіи, такъ и въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. Извлеченія и переводы этого капитальнаго труда помѣщены въ австрійскомъ военномъ журналѣ (Mittheilungen über Gegenstände der Ingenieur- und Kriegswissenschaften. 1865. Wien). Второй изъ трудовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, это—разборъ сочиненія знаменитаго германскаго гидротехника Хагена (Hagen), подъ заглавіемъ: Handbuch der Wasserbaukunst. Seeufer & Hafenbau. За этотъ трудъ (305 стр. текста), также напечатанный въ *Инженерномъ журналѣ* за 1865—66 г., автору Техническимъ Комитетомъ Главнаго Инженернаго Управленія также присуждена отъ 8 апрѣля 1867 г. премія. Главные труды относящіеся къ его дѣятельности на Кавказѣ суть: *Очеркъ положенія ирригаціи въ Закавказьѣ* въ 1882 г., составляющій приложеніе въ 146 стр. съ 3 чертежами къ XIV тому записокъ Кавказскаго Отд. Имп. Р. Технич. Общества, и *Очеркъ гидрографіи Кавказскаго края,* напечатанный въ журналѣ Министерства Пут. Сообщ. за 1886 г., а также брошюрою въ 119 стр. и съ двумя картами. Въ этихъ двухъ трудахъ заключается множество свѣдѣній, которыми, къ сожалѣнію, воспользовались еще слишкомъ мало, но впослѣдствіи эти очерки несомнѣнно сдѣлаются немаловажнымъ подспорьемъ для подобныхъ работъ. Наконецъ, послѣднимъ трудомъ являются *Общія понятія о портовыхъ сооруженіяхъ,* написанныя въ началѣ 1888 г., какъ краткое руководство по одной части обширной программы строительнаго искусства для техниковъ Путей Сообщенія, учрежденію которыхъ онъ не мало также способствовалъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXVII.

Съ Березопольемъ случилось однако волшебное превращеніе. Барскій домъ. въ которомъ всегда бывало глухо, тихо и даже тоскливо, теперь ожилъ, какъ еслибы въ него пріѣхало человѣкъ десять гостей. Произошло же это отъ присутствія одного князя-братца, постепенно и незамѣтно...

„Троякій якъ“, какъ звала его Москва, или „путешествующая стрекоза“, какъ прозвалъ племянника князь Андрей Ивановичъ, былъ такой человѣкъ, который повсюду вмѣстѣ съ собой вносилъ если не веселье, то добродушное, безпечное настроеніе. Быть вмѣстѣ съ нимъ и быть въ то же время чѣмъ-либо озабоченнымъ—не ладилось. Онъ какъ-то умѣлъ всякаго человѣка растормошить и заставить думать и говорить о пустякахъ, смѣяться безъ повода.

Добрый, привѣтливый и крайне простой въ обращеніи, Илья Петровичъ былъ при этомъ большой охотникъ разсказывать. Видѣлъ онъ много. Весь просвѣщенный міръ, Западъ, онъ зналъ наизусть, а это было по времени большою рѣдкостью.

Русскихъ изъѣздившихъ вдоль и поперекъ всю Европу—было крайне мало. Нѣкоторые, какъ знаменитый Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, однимъ этимъ дѣлали себѣ блестящую карьеру. Правда, Шуваловъ и ему подобные, были помимо того люди по своему времени весьма образованные, начитанные.

Князь Илья Петровичъ, не получившій никакого воспитанія, одолѣвшій только букварь и часословъ, хотя и сталъ изрядно говорить по-французски, по-нѣмецки и немного по-итальянски, не умѣлъ однако, или не хотѣлъ, съ какой-либо пользой употребить знаніе языковъ. Онъ смолоду относился къ чтенію и занятіямъ съ какимъ-то особеннымъ отвращеніемъ. На всякую книжку, лежавшую около него, онъ смотрѣлъ, какъ иной сталъ бы смотрѣть на какого-нибудь опаснаго, спящаго звѣря, котораго будить не слѣдуетъ — лучше отойти прочь.

Когда-то, правда уже давно, лѣтъ двадцать пять назадъ, князь Илья Петровичъ былъ глубоко убѣжденъ, что если взять книжку и начать читать ее шиворотъ-на-выворотъ, начавъ съ послѣдней страницы и кончая первою, то выйдетъ все то же.

Но то, чего не дало ему чтеніе, было восполнено путешествіями. И теперь вѣчно праздная, „путешествующая стрекоза“, толково, умно и даже увлекательно говорилъ обо всемъ.

Но главною отличительною чертой Ильи Петровича, которою онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, была безграничная простота въ обращеніи, въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, каково-бы ни было ихъ общественное положеніе. Онъ даже былъ, притомъ совершенно безсознательно и неумышленно, гораздо болѣе ласковъ и добродушенъ съ людьми ниже его. а не выше стоящими.

Ему часто случалось рѣзко поглядывать и смотрѣть букой на высокопоставленныхъ лицъ, любезно къ нему относившихся. И наоборотъ, случалось. Богъ вѣсть почему. не только ухаживать но почти заискивать расположенія людей средняго круга, иногда и совсѣмъ сѣренькихъ, убогихъ.

„Какъ бы не обидѣть!“ думалъ князь и, пересоливъ, уже заискивалъ.

Затѣмъ крупною чертой его простодушной натуры было влеченіе къ искусству. Илья Петровичъ любилъ все: и музыку, и живопись, и театръ. При этомъ онъ

самъ рисовалъ и былъ изряднымъ музыкантомъ. Только литературы не любилъ онъ, потому что тутъ нужно было своими руками по цѣлымъ часамъ книжку держать, своими глазами читать, да еще, вдобавокъ, соображать.

Именно ему отчасти была обязана княжна тѣмъ, что когда-то, будучи шестнадцати лѣтъ, стала серьезно относиться къ рисованію. Къ музыкѣ она не пристрастилась. Но это случилось не по его винѣ и не по отсутствію въ ней склонности. Княжнѣ надоѣла та музыка, которой обучали молодыхъ дѣвушекъ кругомъ нея въ барскихъ домахъ. Во всѣхъ этихъ танцахъ и разныхъ завывательныхъ романсахъ ей чудилось что-то чуждое ей и фальшивое. А она думала, что музыка на этомъ кончается, вся въ этомъ и состоитъ. Иной она никогда не слыхала, такъ какъ князь самъ далѣе нѣжныхъ и печальныхъ романсовъ не шелъ.

— Есть музыка серьезная, говорилъ онъ, — но для меня эти два слова вмѣстѣ—то же, что сухой дождь.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, князь рѣшилъ вдругъ приступить, не откладывая, къ дѣлу, по которому пріѣхалъ.

Однажды утромъ, по совѣту княжны, онъ вызвалъ къ себѣ Макара Макаровича, и они стали разсуждать главнымъ образомъ о томъ имѣніи, про которое уже зналъ князь и имѣлъ въ виду, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о другихъ сосѣднихъ усадьбахъ, которыя можно было купить.

Макаръ Макаровичъ оказался полезнымъ совѣтникомъ и помощникомъ. Онъ взялся тайно навести справки, чтобы искусно, стороною, все разузнать и не прошибиться въ цѣнѣ.

— Спаси Богъ, спѣшить не надо, сказалъ Трубецкой,—за что̀ деньги швырять! Мы можетъ-быть, вмѣсто пятидесяти тысячъ, за тридцать купимъ.

Князь привезъ съ собой описаніе усадьбы, которая продавалась, но куда-то засунулъ его, не могъ найти теперь въ вещахъ и обѣщался прислать. Въ описаніи этомъ мѣстоположеніе опредѣлялось какъ самое красивое, даже извѣстное своей красотой во всей губерніи.

— Я вамъ пришлю, какъ найду, воскликнулъ князь.— Сказано: просто Швейцарія!

Князь — путешественникъ и меломанъ — конечно прежде всего считалъ нужнымъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла. А усадьбу, при его средствахъ, онъ могъ въ два года выстроить по своему вкусу, хотя бы въ видѣ средневѣковаго за̀мка.

Отпустивъ управителя, князь нашелъ инвентарь имѣнія, а перевернувъ листъ, на послѣдней страницѣ увидѣлъ нѣчто, отъ чего радостно ахнулъ. На листѣ по линейкамъ оказался набросокъ нотъ.

— Вотъ удача-то, скажи на милость! воскликнулъ князь. — Шарилъ-шарилъ въ Москвѣ, все перерылъ, думалъ потерялъ, а оно вонъ гдѣ! На инвентарѣ намахалъ. Будто браслетъ на свиньѣ—вышло!

Набросокъ этотъ былъ не что̀ иное, какъ собственное сочиненіе князя для флейты.

Илья Петровичъ не считалъ себя серьезнымъ музыкантомъ. Онъ слишкомъ былъ добродушенъ для того, чтобы что-либо въ себѣ оцѣнить какъ слѣдуетъ. Но порой, въ иныя минуты, въ часы уединенія, на добряка-толстяка, съ виду только пустаго и пошлаго, нападало какое-то, ему самому дорогое, но мало понятное, состояніе.

Являлись, безъ всякаго повода, какіе-то припадки тоски безъименной, безпричинной, безпредметной. Ноетъ душа, міръ Божій кажется лишь половиной, лишь четвертью того міра который грезится душѣ, который былъ бы возможенъ, который быть-можетъ и существуетъ.

И въ минуты такихъ припадковъ тоски на душѣ князя начинало будто звучать что-то. Надъ его ухомъ едва слышно раздавался голосъ, который не говорилъ, а пѣлъ.

И въ немъ тотчасъ являлась потребность сѣсть и набрасывать на бумагу то, что̀ слышалось, что́ проникало въ сердце и оттуда просилось уже на бумагу въ видѣ линеечекъ и крючечковъ. Часто, набросавъ что-нибудь, князь тотчасъ же разъигрывалъ на флейтѣ.

И хорошо-ли было это сочиненіе, дурно-ли, онъ не зналъ. Но все это, свое собственное, прошедшее черезъ горнило сердца, говорило ему всегда больше, чѣмъ что-либо знаменитое, дивное, но чужое. Въ этомъ онъ не могъ не сознаться себѣ.

Случалось князю восторженно цѣлый день наигрывать на флейтѣ свой набросокъ безъ конца, придѣлывать къ нему разныя варіаціи и, дѣйствительно, наслаждаться. Случалось также, что посторонній человѣкъ, слушатель, восторгался и выражалъ свое удивленіе князю, но толстякъ уныло вздыхалъ и трясъ головой.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то... Вотъ кабы я могъ какъ слѣдуетъ разыгрывать... Такъ, какъ оно вотъ здѣсь! показывалъ онъ на сердце.—Да не могу. Чуется-то мнѣ одно, чудодѣйственное, а задудишь въ свою палочку дырявую совсѣмъ другое. Одно тетеревиное токованье выходитъ.

Пробѣжавъ снова глазами описаніе имѣнія, носившаго странное названіе: сельцо Прачешное, князь собрался послать листъ управителю, но остановился.

— А моя баркарола... Ну, потеряетъ онъ?..

Переписывать князю было лѣнь. Онъ рѣшилъ идти къ Трубецкому, самому передать бумагу и предупредить, что при инвентарѣ есть нѣчто для него дорогое.

„Кстати и визитъ сдѣлаю добрѣйшему *Спаси-Богу*. Онъ хорошій человѣкъ!“ подумалъ князь и двинулся въ прихожую.

Проходя чрезъ столовую, князь увидѣлъ сидѣвшую на стулѣ горничную своей кузины. Онъ уже нѣсколько разъ встрѣчалъ ее, но ни разу не заговаривалъ. Дѣвушка сидѣла глубоко задумавшись, даже какъ будто подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей. Она не замѣтила проходившаго князя, не встала и оставалась какъ окаменѣлая, безсмысленно глядя передъ собой.

Князь удивился и остановился глядя на нее.

„Нѣтъ, ты не фурія“, подумалось ему. „У тебя большое горе... Да. А вѣдь что-то есть общее въ лицѣ... Чудно!“

Илья Петровичъ приглядѣлся еще и смутился. Въ эти минуты горничная напоминала ему положительно ту женщину, которую когда-то, давно любилъ онъ и потерялъ.

Онъ постоялъ минуту, хотѣлъ позвать дѣвушку, но забывъ ея имя, сталъ вспоминать. Ему чудилось, что и имя ея имѣетъ нѣкоторое подобіе съ именемъ дорогаго ему когда-то существа. Ту звали: Оттилія, а эту?..

„Кажется, Эмилія,“ подумалъ князь.

Онъ вздохнулъ и, не разбудивъ дѣвушку отъ ея столбняка, прошелъ въ швейцарскую.

Чрезъ нѣсколько времени князь сидѣлъ уже въ гостяхъ у Макара Макаровича и говорилъ снова объ имѣніи Прачешное. При этомъ онъ передалъ ему описаніе усадьбы, и прибавилъ, что проситъ не затерять.

— Помилуй Богъ, зачѣмъ терять! отозвался Трубецкой, и взглянувъ на три исписанныя страницы, перевернулъ листъ.

Увидя набросокъ нотный, управитель вдругъ вытаращилъ глаза, вытянулъ руки съ листомъ и проговорилъ будто испуганно:

— Спаси Богъ! Да что́ же это такое?..

— Что̀ вы? удивился князь.—Никогда нотъ не видали? Это ноты. Та же грамота для музыкантовъ. По нимъ играютъ, какъ книгу кто читаетъ.

И видя изумленіе Макара Макаровича, князь весело

Бракосочетаніе Лжедимитрія и Марины Мнишекъ въ Москвѣ въ 1605 г. Съ современной картины, находящейся въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ въ СПБ., грав. Флюгель.

разсмѣялся и сталъ объяснять, что этотъ набросокъ есть маленькая пѣсенка.

Макаръ Макаровичъ устремилъ наконецъ глаза на князя и поглядѣлъ такъ странно, что князь даже опѣшилъ. Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ старика сказалось самолюбіе, гордость, а вмѣстѣ съ тѣмъ будто и упрекъ за незаслуженную обиду.

„Я не хуже васъ", говорили глаза его. „Я тоже дворянинъ! Почему же вы полагаете, что доступное для васъ, мнѣ недоступно".

— Это для флейты... заговорилъ князь мягче.

— Чье же это? вымолвилъ наконецъ Макаръ Макаровичъ какъ-то сухо. — Вы развѣ, ваше сіятельство, играете на флейтѣ?

— Да. Чуть не двадцать пять лѣтъ какъ обучился— это мой любимый инструментъ. Да и подходящій, по груди...

— Да, для этого инструмента и руки нужны тоже...

И Макаръ Макаровичъ сталъ снова смотрѣть на князя тѣмъ же обиженнымъ взглядомъ, съ упрекомъ, укоромъ. Затѣмъ онъ вздохнулъ, и не промолвивъ ни слова, отошелъ отъ князя, положилъ листъ бумаги нотами вверхъ на маленькій столикъ и сталъ доставать ключи, чтобы, какъ думалъ Илья Петровичъ, запереть листъ въ ящикъ.

— Ну-съ, прощайте, выговорилъ онъ вставая.—Пойду къ сестрицѣ. Обѣщался ей цѣлый листикъ въ пяльцахъ вышить. Я вѣдь на всѣ руки! Прощайте.

Макаръ Макаровичъ обернулся, приподнялъ голову, почти закинулъ ее назадъ, горделиво и важно глянулъ своими добрыми глазами на князя, опять точь-въ-точь такъ же, какъ за мгновеніе назадъ, и выговорилъ голосомъ строгаго судьи, который угрожаетъ чѣмъ-то:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, погодите!

Князь удивился и лицу, и голосу.

— Нѣтъ, помилуй Богъ, такъ нельзя! укоризненно уже выговорилъ Макаръ Макаровичъ. — Погодите. Я, хотя и маленькій человѣкъ, а все-жь таки нельзя мнѣ вамъ спустить. Ужь извините! Впредь будете осторожнѣе...

Князь стоялъ, изумляясь и даже растопыря руки.

Трубецкой полѣзъ въ ящикъ, досталъ оттуда большой футляръ, приставилъ стулъ и сѣлъ. Когда онъ раскрылъ футляръ, князь ахнулъ на всю квартиру.

Онъ увидѣлъ складную, красивую флейту.

— Макаръ Макаровичъ! закричалъ князь.

— То-то, спаси Господи! Да я знаю, что я Макаръ Макаровичъ. А вотъ вы присядьте-ко...

Но князь не сѣлъ, а сталъ забрасывать старика вопросами.

Откуда флейта? Играетъ-ли онъ? Давно-ли? Какимъ образомъ? Какъ могло подобное случиться? Какое странное совпаденіе!

Но Макаръ Макаровичъ не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ и только одинъ разъ выговорилъ:

— Присядьте, ваше сіятельство.

И князь, улыбаясь, повиновался.

Сложивъ отдѣльные куски вмѣстѣ, изъ которыхъ образовалась старинная длинная флейта, Макаръ Макаровичъ взялъ ее въ руки, приставилъ къ губамъ, но не игралъ. Глаза его пытливо разбирали нотный набросокъ.

— Неправильность одна.... прошепталъ онъ самъ себѣ.—Тутъ слѣдуетъ не то... Надо вотъ бы что̀...

И черезъ мгновеніе раздались звуки флейты.

Лицо автора при первыхъ же звукахъ измѣнилось. Трудно было-бы и предположить, что „троякій якъ" можетъ, по временамъ, имѣть такое выраженіе лица. Оно ожило, воодушевилось, засіяло. Въ глазахъ заблестѣлъ огонекъ, котораго обыкновенно никогда не бывало.

Макаръ Макаровичъ проигралъ все, прибавилъ какую-то ритурнель и началъ съизнова, но на этотъ разъ прибавилъ двѣ-три маленькія варіаціи, и въ общемъ вышло нѣчто такое мелодичное, граціозное, за душу хватающее, что глаза князя вдругъ стали влажны.

Онъ слышалъ свое, родное, то, что̀ когда-то вырвалось вдругъ изъ его сердца, и вдобавокъ, не самъ онъ играетъ, а другой, маленькій человѣчекъ, негаданно и нежданно говоритъ или поетъ ему нѣчто пережитое его сердцемъ. И оно теперь является какимъ-то очаровательнымъ откликомъ на то, что̀ онъ чувствовалъ, когда сочинялъ эту вещь.

Макаръ Макаровичъ кончилъ, вздохнулъ и сталъ раздѣлывать флейту.

— Стойте! стойте, Макаръ Макаровичъ! Долгъ платежемъ красенъ! Давайте сюда!

Толстякъ почти вырвалъ изъ рукъ Трубецкаго флейту, и на этотъ разъ Трубецкой, въ свою очередь, долженъ былъ слушать и умиляться.

— Да, и вы изрядно играете на флейтѣ, сказалъ онъ, когда князь кончилъ.

— Изрядно! воскликнулъ князь.—Злодѣй! Душегубъ! Да чье вы сейчасъ проиграли? Вѣдь это мое сочиненіе! А вотъ вамъ другое...

И князь началъ свою любимую, длинную пьесу, написанную въ бытность въ Неаполѣ. Она вся цѣликомъ уподоблялась карману вора, возвращающагося ввечеру домой послѣ цѣлаго рабочаго дня... грабежа.

Пьеса была вся цѣликомъ составлена изъ чужихъ кусочковъ и клочечковъ, но при этомъ, конечно, похищенныхъ безсознательно, безъ вѣдома автора. А въ результатѣ, сколоченные вмѣстѣ воровскіе кусочки составили нѣчто прелестное и будто самостоятельное. И если бы эту пьесу позволительно было назвать музыкальнымъ винегретомъ, то князь заслуживалъ за него всяческой похвалы. Воровать звуки надо тоже умѣть.

Разумѣется, когда Илья Петровичъ кончилъ, Макаръ Макаровичъ добродушно разсмѣялся и выговорилъ:

— Вотъ такъ денекъ выпалъ! И я васъ, и вы меня удивили! Вотъ мнѣ теперь и надо васъ любить и уважать, а тѣмъ паче, что виноватъ я предъ вами. И, спаси Господи, исповѣдуюсь. Посудилъ я васъ по пріѣздѣ и по знакомствѣ съ вами совсѣмъ неправильно. И вижу, что вы совсѣмъ, помилуй Богъ, не тотъ человѣкъ, какимъ я васъ во мнѣніи своемъ поставилъ.

Разумѣется, князь засидѣлся еще около часу, бесѣдуя съ хозяиномъ исключительно о музыкѣ. А затѣмъ оба рѣшили, что ввечеру Макаръ Макаровичъ придетъ въ домъ, и они попробуютъ сыграть что-нибудь вмѣстѣ, каждый на своей флейтѣ.

Уже прощаясь, князь вымолвилъ тѣмъ открыто-прямодушнымъ голосомъ, которымъ отличался:

— Ну, Макаръ Макаровичъ, отнынѣ мы съ вами друзья. Въ этакой трущобѣ, да сошлись два флейтиста! Да это, говоря по вашему, спаси Господи, диковина!

XXVIII.

Вернувшись въ домъ, князь прошелъ прямо къ кузинѣ и, разумѣется, тотчасъ же повѣдалъ о неожиданномъ приключеніи.

Княжна тоже удивилась. Она также не воображала, чтобы порядливый, скромный и вѣжливый, до смѣшнаго, старичекъ могъ быть виртуозомъ.

— Мало того, сестрица, заговорилъ князь, весело смѣясь, — что онъ инструментъ въ рукахъ держитъ, да губы складывать умѣетъ и дуть въ дырочку можетъ. Это что̀! Не въ одной флейтѣ музыка у него. А въ душѣ у него музыка — вотъ что̀ важно. Давно я не встрѣчалъ, съ Италіи не встрѣчалъ, никого, кто бы такъ мое мнѣ сыгралъ. Вотъ что̀ диковинно. Да, вонъ оно, какъ бываетъ на свѣтѣ! Въ Березопольѣ! Въ глуши! Скажи на милость! Пошелъ по малину, а малины-

то нѣтъ, а на мѣсто ея—красная дѣвица сидитъ, раскрасавица. Малина-то сторицею обернулась. Ѣхалъ я сюда, думалъ одна тутъ сестрица, а кругомъ-то медвѣди да волки. А вонъ гдѣ, бываетъ, люди-то отыскиваются! Вѣдь какой у него даръ! Истинно, Божій даръ! Вы непремѣнно его заставьте нынче же сыграть.

Князь долго говорилъ и охалъ на всѣ лады, а княжна, глубоко задумавшись, смотрѣла ему въ лицо, но не слыхала и половины его словъ. Между тѣмъ, думая, она какъ бы отвѣчала князю, ибо мысленно говорила:

„Не такъ бы ты ахнулъ, еслибы увидѣлъ другаго человѣка въ этой же глуши. То не Макаръ Макаровичъ, не добренькій и хиленькій старичекъ, порядливый и вѣжливый. Тотъ инаго рода человѣкъ. Въ томъ истинный даръ Божій; но при этомъ дарѣ — умъ, молодость и чарующая красота. Тамъ все... Если ты увидишь его, то не такъ ахнешь. Да, правду ты говоришь: вотъ гдѣ люди находятся, а не только въ столицахъ, да за границей!“

И когда князь успокоился и усѣлся, княжна вдругъ, Богъ вѣсть почему, рѣшилась заговорить съ братцемъ о томъ человѣкѣ, которымъ была полна теперь ея жизнь.. Но главное, что̀ было странно и удивило самоё княжну, — она заговорила совершенно спокойно и прямо глядя въ глаза братца.

Откуда взялась ея смѣлость, она сама не понимала. Она объяснилась твердымъ голосомъ и спокойно, просто.

Разумѣется, на заявленіе кузины о даровитомъ рѣзчикѣ по дереву, простомъ дворовомъ, князь отозвался недовѣрчиво и шутливо.

Княжна замѣтила это и, перейдя въ уголъ горницы, взяла что-то со шкафчика и принесла князю. Это была фигурка въ полъ-аршина, слѣпленная изъ воску, изображающая ангела, летящаго со скрещенными на груди руками и съ распущенными крыльями. Она была тщательно отдѣлана.

— Это что̀ же такое? произнесъ князь, взявъ фигурку въ руки.

— А вотъ посмотрите. Мнѣ изъ Петербурга прислали въ подарокъ. Работа какого-то нѣмца, профессора Академіи Художествъ.

Князь, съ видомъ знатока, повертѣлъ фигурку въ рукахъ, потомъ вытянулъ съ ней руку и, взглянувъ издали, выговорилъ:

— Прелестно! А вѣдь вотъ вы, сестрица, поди, самой прелести-то и не видите, въ чемъ она заключается! Это надо быть художникомъ, чтобы уловить...

Лицо княжны сразу несказанно оживилось. И счастіе, и гордость преобразили лицо ея настолько, что она казалась красивою.

— Скажите, что̀ такое? вымолвила она съ волненіемъ, даже дрожью въ голосѣ.

— А вотъ, глядите!

Князь снова оттопырилъ руку съ фигуркой предъ княжной и произнесъ:

— Что̀ это такое? Ангелъ стоящій на мѣстѣ съ поднятыми крыльями, или ангелъ который летитъ? Ну-т-ка, сестрица? Вы сами рисуете, можете уразумѣть, что̀ я сказываю.

— Да, да, правда, правда! воскликнула княжна почти восторженно. — Правда. Летитъ!

— Молодецъ, сестрица! А почему? Въ чемъ тутъ секретъ?

— Не знаю, повинилась княжна, но повинилась со счастьемъ въ голосѣ.

— А вотъ, глядите. Вся сила въ томъ, какъ эти крылушки развернулись. Будь они вотъ такъ, были бы просто они подняты. А вотъ этотъ вашъ, бестія профессоръ, человѣкъ со страстью и даромъ Божіимъ въ душѣ, невѣдомо какъ, съумѣлъ такъ развернуть оба крыла, что вамъ чудится будто и впрямь ангелъ летитъ. А какъ это? почему это? въ чемъ тутъ вся сила? Этого мы, зрители, объяснить не можемъ. Мы вотъ только чуемъ, что оно такъ, какъ слѣдуетъ. Сердцемъ чуемъ! А какъ это сдѣлано—спросите у того кому Господь въ душу послалъ даръ отгадывать эти загадки искусства.

Князь опустилъ руку съ фигуркой ангела и, довольный своей рѣчью, горделиво поглядѣлъ на кузину.

Княжна взяла ангела, подняла его въ рукѣ надъ головой и, глядя на князя торжествующимъ взоромъ, спросила громко и горячо:

— Такъ летитъ онъ, говорите вы?

— Летитъ, сестрица! полуудивляясь, полузабавляясь, выговорилъ князь.

— Ну, вотъ, стало-быть и я буду вѣрить въ себя и... во все! Стало-быть, я не ошиблась. И въ будущемъ не ошибусь.

Но въ эту минуту холодный разсудокъ, какъ будто покинувшій княжну на нѣсколько мгновеній, вернулся къ ней. Она испугалась, что зашла слишкомъ далеко, что быть-можетъ выдала вдругъ, нежданно и чужому человѣку, все, что̀ таилось въ ней, глубоко скрытое ото всѣхъ. Она сразу смутилась, какъ бы слегка съежилась, и приняла видъ виноватой, пойманной...

— Будетъ, однако, баловаться! произнесла она умышленно-презрительнымъ голосомъ.—Точно мы малые ребята! Я расшалилась... Не сто̀итъ того. Это все пустяки. Знаете-ли вы, въ чемъ дѣло, братецъ? Это тотъ крѣпостной столяръ и рѣзчикъ, про котораго я вамъ сказывала... Ну? поняли? Онъ и есть этотъ нѣмецъ-профессоръ изъ академіи. Это онъ сдѣлалъ...

— Что-о! прокричалъ князь вставая и опять сѣлъ выпуча глаза.

— Да, это онъ изъ воску слѣпилъ. И прибавьте, не забудьте, что онъ самоучка.

— Нѣтъ, ужь увольте, сестрица. Хоть я васъ во лжи никогда не ловилъ, а на этотъ разъ, извините, не повѣрю. Это, говоря словами Макара Макаровича, спаси Господи, надувательство. Вретъ, мерзавецъ! Укралъ онъ ее, а не сдѣлалъ.

— Зачѣмъ же браниться! вырвалось вдругъ у княжны сухо и укоризненно.

— Да какъ же не браниться?! Мошенникъ онъ! Стащилъ гдѣ-нибудь, въ городѣ купилъ, да за свое выдаетъ! Васъ надуваетъ, а вы другихъ... Шутовство!

— Въ уѣздномъ-то городѣ? Статуэтку изъ воску? Поѣзжайте — купите!.. Наконецъ, онъ при мнѣ кончилъ это...

Князь, убѣдясь поневолѣ, что кузина не обманываетъ его и не обманута сама, снова взялъ фигурку въ руки, снова сталъ разглядывать ее и наконецъ произнесъ шутливо:

— Что̀ же это такое? Вѣдь это колдовство какое-то! Что же ваше Березополье — нечистое мѣсто, что-ли? Я теперь не удивлюсь, коли вдругъ окажется сейчасъ здѣсь какой-нибудь удивительный пѣвецъ-теноръ, или какой-нибудь такой танцоръ, какихъ въ Парижѣ никогда не бывало. Окажется, что вотъ этотъ Ѳерапонтъ, котораго приставили за мной ходить, такъ протанцуетъ какую-нибудь матрадуру или тарантеллу, или другой танецъ, что ахнешь. А тамъ вдругъ окажется, что вашъ форейторъ, самый плюгавый изъ всѣхъ, картину представитъ имъ намалеванную масляными красками. Тьфу! Прости Господи!

И князь принялся весело хохотать. Княжна вторила ему съ совершенно счастливымъ лицомъ.

Тотчасъ же было рѣшено ими, что вечеромъ явится Макаръ Макаровичъ со своей флейтой, а затѣмъ будетъ позванъ и столяръ Егоръ Миловановъ, чтобы показать и доказать князю, какъ рѣжетъ онъ по дереву и какъ лѣпитъ изъ воску.

— Безподобно! вотъ такъ финтъ! восклицалъ князь.—

Вотъ тебѣ и Березополье! Академическій вечеръ устроимъ. Погодите. А Ѳерапонта мы забыли!

Не смотря на то, что князь самъ сыпалъ остротами, болталъ безъ умолку и хохоталъ не переставая, онъ, однако, вдругъ замѣтилъ, что сестрица его сама не своя отъ счастія. Она странно преобразилась, лицо стало другое, иначе смотритъ она и иначе улыбается. Она восторгается и наслаждается, празднуетъ и торжествуетъ.

„Что за притча?“ думалось князю. „Не отъ моихъ же смѣхотворныхъ прибаутокъ? Нѣтъ, тутъ видно есть un dessous de cartes.“

XXIX.

На утро не одну княжну, но и князя ожидало нѣчто новое и неожиданное, еще не приключавшееся въ ихъ жизни.

Княжна приказала позвать къ себѣ Егора съ клеемъ, чтобы починить ножку у пялецъ. Егоръ явился... Пяльцы, гдѣ было впялено вышиванье, конечно нельзя было нести къ себѣ въ домикъ. Надо было работать въ комнатѣ княжны. Егоръ оглядѣлъ внимательно поломку и доложилъ, что перебитая отъ сильнаго удара ножка не будетъ держаться на одномъ клею и нужно прибавить еще два винта.

— Больше часу провозишься надъ ней.

— Такъ что же? тебѣ не хочется? Тогда оставь. Я приневоливать тебя не хочу, страннымъ голосомъ сказала княжна.

— Какъ можно, ваше сіятельство, развѣ я смѣю! смутился Егоръ. — Я говорю насчетъ того, чтобы не обезпокоить васъ здѣсь. Позвольте снести пяльцы къ себѣ. Все будетъ въ сохранности.

— Ты мнѣ не мѣшаешь... И чѣмъ дольше ты проработаешь здѣсь, выговорила Полина твердо, но глядя въ сторону,—тѣмъ лучше... Мнѣ скучно. Я все одна. Я рада поговорить съ тобой, то-ись вообще съ кѣмъ-либо... Работай и разскажи мнѣ что-нибудь.

— Какъ прикажете, отозвался Егоръ.

И разложивъ по полу весь свой арсеналъ столяра, онъ тоже сѣлъ на полъ на подогнутыхъ ногахъ.

Наступила пауза. Миловановъ былъ шагахъ въ пяти отъ сидѣвшей въ креслѣ княжны, и его лицо, обращенное къ ней профилемъ, слегка освѣщенное лучемъ зимняго солнца, скользившаго въ окно, было на этотъ разъ еще красивѣе. Вдобавокъ онъ былъ на этотъ разъ особенно смущенъ, сердце билось. А смущеніе всегда придавало его лицу, большимъ глазамъ и правильному очертанію губъ—какое-то чрезвычайно милое выраженіе, если не совсѣмъ дѣтское, то юношески наивное.

„Что же это я? Чего она мнѣ?“ думалось Егору. „Неужто сердце мнѣ защемила?.. Холопу?.. Княжна?..“

Полина задала Егору нѣсколько вопросовъ; онъ отвѣчалъ кратко, оборачиваясь конфузливо каждый разъ лицомъ къ ней и прерывая свое дѣло. Она объяснила это смущеніе по своему. Ей почудилась тутъ только одна покорность неудобству такой работы, невольно сказывающаяся въ его фигурѣ. И княжна тоже смутилась, не зная продолжать-ли такую какъ бы навязчивую бесѣду. Она смолкла...

Водворилось молчаніе и длилось около получасу. Вдругъ среди полной тишины открылась дверь, и въ горницу быстро вошла Евгенія. Ревность толкнула ее сюда—и она такъ внезапно влетѣла, что задумавшаяся княжна даже вздрогнула. Взглянувъ гнѣвно на горничную, она даже съ удивленіемъ спросила, зачѣмъ та вдругъ является безъ зову.

— Платочекъ свѣжій подать, отвѣтила Евгенія, подавая носовой платокъ; но при этомъ она потупилась. И лицо, и голосъ ея лгали.

Княжна недоумѣвала по поводу этого необычнаго поступка горничной и уже собиралась сказать: „Ты съ ума сошла“.

Но въ эту минуту Егоръ и Евгенія переглянулись... Глаза ихъ встрѣтились на мгновенье, даже менѣе... А между тѣмъ княжна успѣла сразу невольно поймать нѣчто въ ихъ глазахъ. Она поняла или угадала, или просто почувствовала что-то ударившее ее въ сердце... Изумленіе и ужасъ проникли въ нее сразу, вмѣстѣ, какъ молнія.

„Любятся!“ чуть не сорвалось вслухъ съ ея губъ.

Княжна, почти не помня себя, приказала что-то, тихо, кратко, рѣзко... И она видѣла затѣмъ, какъ обѣ фигуры исчезли,—сначала Евгенія, а за ней и Егоръ. Княжна ихъ выслала. И не могла теперь вспомнить—какъ, какими словами... Буря забушевала въ ней. Новая, незнакомая дотолѣ... Ревность!...

Но князь Андрей Ивановичъ въ юбкѣ вскорѣ овладѣлъ и собой, и своими новыми помыслами, что явились вдругъ угрожать ей.

— Такъ отвоюй! холодно и твердо сказала она себѣ какъ строжайшій приказъ, и вдругъ успокоилась, и даже улыбнулась надменно.

А въ это время въ сосѣдней комнатѣ, вышедшій отъ себя Илья Петровичъ засталъ Егора и Евгенію, горячо объяснявшихся. Дѣвушка была смущена, тревожна, пунцовая... Егоръ взволнованъ и казалось даже взбѣшенъ... Они мгновенно разошлись при видѣ князя. Лишь одна фраза Егора долетѣла до слуха Ильи Петровича.

— Шалая ты дѣвка! Что ни день, то дурнѣй!

Егоръ ушелъ, а Евгенію князь позвалъ и остановилъ. Давно уже собирался онъ перекинуться съ этой красивой дѣвушкой нѣсколькими не простыми словами.

— Евгенія... погоди... Поди сюда...

— Что прикажете? сухо отозвалась та, приближаясь вновь.

— А вотъ я все собирался... поболтать хотѣлъ съ тобой...

Князь сѣлъ на стулъ и сказалъ ласково:

— Садись!

Евгенія сдѣлала видъ, что даже не слышитъ.

— Садись. Посиди со мной. Поговоримъ.

— Покорнѣйше благодарю. Ни сидѣть, ни болтать мнѣ съ вами не къ лицу. И времени нѣтъ, и...

— И охоты нѣтъ? усмѣхнулся князь.

— Нѣтъ.

— Что нѣтъ?

— Охоты, сами сказали.

— Злая какая. Скажи: влюблена ты въ кого-нибудь или ни въ кого?

— Не ваше это дѣло. Вы не баринъ мой и не отецъ духовный. А впрочемъ... вдругъ вызывающе и озлобляясь выговорила Евгенія съ загорѣвшимся взглядомъ: — Да! влюблена... Что жъ?

— Жаль. А я было... князь засмѣялся не искреннимъ, дѣланымъ смѣхомъ и вымолвилъ шутя, но конфузясь какъ юноша: — Я бы тебя выкупилъ на волю...

— Спасибо, ваше сіятельство, не извольте безпокоиться...

И Евгенія разсмѣялась настолько грубо-насмѣшливо, почти презрительно, что князя всего покоробило, и онъ вспыхнулъ.

— Ну, прости... Я вѣдь пошутилъ, выговорилъ онъ виновато.

— Знаю. Не дура же я... мягче отозвалась дѣвушка и, повернувшись, бѣгомъ исчезла изъ комнаты.

XXX.

Княжна уже была въ положеньи старика-рыбака, когда онъ вытащилъ цѣпь изъ моря, и хотѣлъ бросить ее, и не могъ. Но обстоятельства помогли и ей... Явился братецъ.

Въ усадьбѣ началась новая эра мира, радости, даже просто счастья. И все это совершилъ Илья Петровичъ.

„Троякій якъ“ заставилъ и двоюродную сестру, и управителя, и столяра Егора иначе думать, иначе чувство-

Послѣдній красный денекъ. Съ карт. Менцлера, грав. Пейне.

вать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была одна личность, къ которой приковалось вниманіе веселаго и добродушнаго князя, но объ этомъ никто не догадывался, не помышлялъ и не заботился.

Илья Петровичъ, проведшій почти всю жизнь въ заморскихъ земляхъ, чувствовавшій себя счастливымъ только на улицахъ Парижа, только на берегу Средиземнаго моря, помышлявшій о жизни въ Россіи, въ деревнѣ, какъ о чемъ-то похожемъ на заточеніе въ Бастилію, вдругъ теперь почувствовалъ себя въ этомъ березопольскомъ домѣ мирно-довольнымъ, спокойнымъ, радостнымъ. Еще немножко, и онъ почувствуетъ себя счастливымъ, чего давно не бывало. Сознавая это странное явленіе, князь со вздохомъ объяснилъ его:

„Старость! Пріѣзжай я сюда лѣтъ десять назадъ, удралъ бы безъ оглядки на утро же. А вотъ теперь—сестрица, Макаръ Макаровичъ, шустрый ковырялка по дереву, съ несомнѣннымъ даромъ Божіимъ въ душѣ, да вотъ эта треклятая дѣвчонка, что смахиваетъ на Оттилію, — всего этого для старой подошвы, какою я сталъ, и достаточно.“

Вскорѣ Илья Петровичъ незамѣтно, какъ бы безсознательно, перемѣнилъ всѣ порядки въ домѣ.

Рѣшила-ли княжна не перечить гостю-братцу, угождать ему всячески, покуда онъ у нея въ гостяхъ, или нововведенія братца были ей по сердцу, но только Полина, судя по ея лицу, изо всѣхъ счастливыхъ въ Березопольѣ была теперь самою счастливою.

Часы вставаній, обѣда, прогулокъ, ужина—все перевертѣлось. И самый незамѣтный, простой фактъ, не стоющій вниманія, имѣлъ наибольшее значеніе для княжны:

Князь имѣлъ забавную привычку, манію—всѣхъ всему учить. Наивно и простодушно считая себя если не мастеромъ, то полумастеромъ всякаго дѣла, онъ, разумѣется, и тутъ принялся всѣхъ обучать.

Сестрицу преслѣдовалъ онъ совѣтами и указаніями, какъ рисовать и какъ вышивать въ пяльцахъ,—даже когда и какъ читать. Макара Макаровича князь часто заставлялъ играть на флейтѣ, но тоже училъ. Слесарное дѣло, которое давно старикъ бросилъ, тоже вновь появилось, и князь тоже училъ и давалъ массу совѣтовъ.

Наконецъ, что̀ было совершенно наивно, но важно для княжны, онъ взялся учить Егора рѣзать по дереву и лѣпить изъ воску.

И съ этого дня Егоръ, съ десяти утра и часовъ до трехъ-четырехъ, работалъ въ комнатѣ князя. Князь тоже ковырялъ надъ кускомъ дерева, тоже пачкался въ воскѣ, дѣлалъ Богъ знаетъ что̀, но важно, громко, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно, совѣтовалъ Егору и совѣтовалъ.

Разумѣется, многіе совѣты князя удивляли Егора, какъ неподходящіе. За-то другіе имѣли для него огромное значеніе.

Князь, какъ человѣкъ просвѣщенный, видѣвшій всѣ галереи Европы, могъ, конечно, иногда сказать самородку-художнику такое слово, которое было для него, образованнаго человѣка, азбукой искусства, а для Егора было цѣлымъ открытіемъ, цѣлымъ возникновеніемъ новаго, сокровеннаго дотолѣ міра.

Случалось, что отъ какого-либо указанія или замѣчанія князя, Егоръ вспыхивалъ какъ молодая дѣвушка. Безумная страсть къ своему призванію откликалась въ немъ сразу и заставляла крѣпко забиться сердце.

На первыхъ же дняхъ этихъ занятій князь, глядя какъ Егоръ выковыривалъ при помощи лопатки и иглы какую-то фигурку изъ воску, вдругъ произнесъ добродушно:

— И охота тебѣ съ воскомъ возиться, да все мелочь, куколки разныя стряпать! Вѣдь это даже, братецъ мой, много мудренѣе. Что ты, Бенвенутой Челлини, что-ли, собираешься быть? Ты бы большія статуи, ну, куклы, что-ли, большія, изъ глины бы попробовалъ лѣпить! Во весь ростъ... Оно и легче.

По вопросамъ Егора, по изумленію его, оказалось, что крѣпостной артистъ не понялъ ни слова изъ рѣчи князя. Илья Петровичъ объяснился подробнѣе.

На этотъ разъ Егоръ вспыхнулъ болѣе чѣмъ когда-либо. Глаза его засверкали, и пунцовое лицо, движеніе рукъ, которыя вдругъ замерли въ воздухѣ, сказали ясно, что князь одной фразой открылъ ему новый міръ.

Разумѣется, черезъ два дня въ горницѣ была уже глина, но составить ее, какъ слѣдуетъ, было некому. Возни было много, пачкотни еще больше. Фигура, которую началъ лѣпить Егоръ, ломалась, сохла, разсыпалась, а затѣмъ, исправленная, вылѣпленная изъ другаго состава, таяла, какъ если бы была изъ жидкой грязи.

Егоръ, чуявшій, что это дѣло—настоящее дѣло, приходилъ въ отчаяніе, что вся сила за пустяками — за неумѣніемъ составить настоящую глину.

Но княжна не дремала. Однажды, когда князь и Егоръ съ отчаяніемъ бились, какъ состряпать настоящую глину для лѣпки, княжна, тайно отъ всѣхъ, послала гонца съ письмомъ въ Москву къ художнику, который когда-то давалъ ей уроки рисованія. Онъ долженъ былъ или прислать подходящее сочиненіе, или написать, какъ пособить горю.

Черезъ три дня послѣ того что Егоръ сталъ работать въ кабинетѣ князя, стала одновременно являться и княжна. Сначала она приходила, сидѣла, стараясь больше смотрѣть на братца, а не на двороваго. Она только изрѣдка рѣшалась вскользь глянуть на красивый профиль склоненной надъ работой головы.

Но затѣмъ, тоже стряпавшій что-то, князь предложилъ сестрицѣ читать что-нибудь вслухъ. Такъ какъ онъ тоже усердно и усиленно то рѣзалъ по дереву, то вылѣплялъ невѣроятныя вещи изъ глины, и лишь изрѣдка подходилъ къ своему ученику, давая ему совѣты, то въ горницѣ царила унылая тишина. На просьбу братца, Полина согласилась тотчасъ.

И если князь, ковыряя, строгая и шумливо пыхтя, мало слушалъ чтеніе, то другой, работавшій тутъ, иногда безсознательно дѣлалъ свое дѣло и весь превращался въ слухъ, слушая такія исторіи, такія описанія чувствъ, такіе разговоры, которые тоже открывали предъ его нравственнымъ взоромъ новыя дали.

Не прошло пяти дней, какъ княжна, окончивъ небольшую итальянскую новеллу въ очень плохомъ переводѣ, съ тяжелыми, едва понятными выраженіями, рѣшилась вдругъ на такое дѣло, что сама себѣ изумилась.

Однажды, около полудня, усѣвшись въ кресло около двухъ работавшихъ — князя-братца и крѣпостнаго-двороваго, княжна отчасти сдавленнымъ голосомъ, съ легкимъ смущеніемъ на лицѣ и со страшной тревогой на сердцѣ, назвала заглавіе той новой книжки, которую собралась имъ прочесть.

Заглавіе было: „Безуміе отъ любви“.

И съ перваго же дня чтенія, только одинъ вопросъ наполнялъ душу чтицы:

„Пойметъ-ли онъ?..“

На второй же день чтенія лицо Егора, вдругъ бросившаго работу, и его глаза, упорно устремленные на княжну, сказали ей ясно, что онъ начинаетъ боязливо чуять нѣчто, начинаетъ понимать ее. Взглядъ его говорилъ:

„Я думалъ, что я одинъ безумствую!.. Неужели... и ты?!..“

По вечерамъ всякій день являлся Макаръ Макаровичъ со своей флейтой, и начинались концерты.

Княжна играла на старомъ, разбитомъ фортепіано, два флейтиста ей аккомпанировали, а Егора изрѣдка

заставляли пѣть. И, разумѣется, всѣ отправлялись кто въ лѣсъ, кто по дрова, но почти не замѣчали этого и были очень довольны. Наконецъ, въ неопредѣленные часы, иногда утромъ, иногда вечеромъ, князь, явно начавшій покровительствовать Евгеніи, звалъ ее къ себѣ учить читать и писать.

Все, что творилось въ домѣ, конечно, казалось диковиннымъ дворнѣ. Но что горничная учится у барина-князя грамотѣ — это навело уже полный соблазнъ на всѣхъ березопольцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта затѣя братца не нравилась и княжнѣ, но дѣлать было нечего. Не ей было судить другихъ. Она была сама виновата. Тѣ же затѣи князя сдѣлали ее сугубо-счастливою. Возможно-ли было помѣшать той изъ его затѣй, которая, очевидно, была ему наиболѣе по сердцу. Но ей думалось:

„Какъ бы это сходство Евгеніи съ его голландкой бургомистершей Оттиліей не повело къ чему-нибудь заурядному, но глупому и непристойному.“

И затѣмъ тотчасъ же совѣсть ея заговаривала и отвѣчала:

„Да, къ такому же непристойному и глупому, какъ и твое собственное чувство! Но онъ—мужчина. И онъ не первый и не послѣдній примѣръ русскаго барина-помѣщика, который увлекается крѣпостною дѣвушкой. А вотъ твое положеніе — невѣроятно-безпримѣрное! Такого не слыхано и не видано на Руси! Если гдѣ-либо когда и приключалось, то было скрыто отъ людей“.

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

IX.

Настасью Сергѣевну поразила суета на вокзалѣ. Всѣ спѣшили съ угрюмыми, сосредоточенными лицами къ кассѣ и, взявъ билеты, почти опрометью бросались къ вагонамъ, которые быстро наполнялись одинъ за другимъ.

— Скорѣе, скорѣе, Настя, побѣжалъ съ билетами Хмуровъ,— а то мѣста не будетъ!

Она машинально послѣдовала за нимъ.

Мѣста въ вагонѣ не было. Какой-то господинъ потѣснился и освободилъ край скамейки для Настасьи Сергѣевны. Хмурову пришлось стоять подлѣ. Настасья Сергѣевна усѣлась и, взглянувъ на мужа, улыбнулась. Изъ кармана его пальто торчала пачка газетъ; самъ онъ, едва тронулся поѣздъ, развернулъ афишу и углубился въ чтеніе ея, дѣлая на поляхъ отмѣтки карандашемъ.

Онъ прочелъ афишу два раза и наконецъ поднялъ глаза.

— Можетъ тебѣ скучно, Настя,—у меня газеты есть!

И онъ вытащилъ пачку.

— Тутъ *Вѣсти, Глашатай, Листокъ* и *Газета!*

Настасья Сергѣевна улыбнулась опять и взяла газеты. Со всѣхъ сторонъ слышались разговоры о скачкахъ. Позади горячо спорили, впереди дружно восхищались, съ боку мирно дѣлились впечатлѣніями предшедшихъ скачекъ. Настасья Сергѣевна развернула газету и, просматривая ее, время отъ времени съ тревогою взглядывала на мужа. Прислонившись спиною къ двери, онъ опять смотрѣлъ въ афишу и озабоченно хмурилъ брови, дѣлая уже новыя отмѣтки на поляхъ.

— Ты бы на кого поставила? наклонился онъ вдругъ къ ней, — побѣгутъ: „Принцъ“, „Пуля“, „Миражъ“ и „Зося“? а?

Онъ серьезно вопросительно взглянулъ на жену.

— Ни на кого, отвѣтила она.

— Да ты такъ, Настя, скажи только, растерянно улыбнулся онъ, услыхавъ ея сухой отвѣтъ.

— И говорить не хочу, отвернулась она, — ставь на кого хочешь, твое дѣло. Я смотрѣть ѣду, а не играть.

И она опустила глаза въ газету. Хмуровъ вздохнулъ и выпрямился...

— Куда они? удивилась Настасья Сергѣевна, когда поѣздъ остановился у платформы и публика почти бѣгомъ устремилась по дорожкѣ къ полю.

Хмуровъ тоже волновался, но старался сдержать себя.

— Боятся опоздать, улыбнулся онъ, — идемъ же, Настя! тутъ же поторопилъ онъ ее.

Она взяла его подъ руку, и они пошли. Ихъ перегоняло множество людей, на площади сновали экипажи, гарцовали всадники. Недвижно стояли пожарные, сверкая на солнцѣ своими касками. У воротъ высокаго зданія, кучка офицеровъ оживленно разговаривала. Двое изъ нихъ были съ хлыстами.

— Куне, Куне, зашепталъ взволнованно Хмуровъ, показывая женѣ на одного изъ офицеровъ съ хлыстомъ.

Она равнодушно взглянула на офицера. Длинный, сухопарый, съ желтымъ, вытянутымъ лицомъ, съ тупымъ взглядомъ, стоялъ онъ, куря сигару и похлопывая хлыстомъ по носку сапога.

— Что же онъ? спросила Настасья Сергѣевна.

— Какъ! зашепталъ Хмуровъ, — лучшій ѣздникъ. Это вѣдь онъ тогда на „Геро“, помнишь?

И, проходя мимо, онъ почти съ благоговѣніемъ взглянулъ на долгоногаго Куне.

Они взяли билеты и вошли въ мѣста.

— Ты иди туда! указалъ Хмуровъ женѣ дорогу въ мѣста, — а я сейчасъ!

И онъ оставилъ ее, протискиваясь къ тотализаторской будкѣ.

Настасья Сергѣевна остановилась на мѣстѣ. Кругомъ ея мелькали женскія, мужскія, молодыя, старыя взволнованныя лица и со всѣхъ сторонъ слышались однообразныя фразы:

— Вы на кого?

— Посмотримъ, какъ сегодня „Женихъ“ отличится!

— Говорятъ, прошлый разъ Хлопушкинъ сильно ушибся?

— Пустяки!

— Прошлый разъ не везло, можетъ сегодня...

Она растерянно оглядывалась во всѣ стороны и вдругъ радостно улыбнулась: къ ней подходилъ Зыбинъ, издали кивая головою.

— Ай да барынька! пожалъ онъ ей руку: — я думалъ, Алексѣй Константиновичъ шутитъ, анъ правда! Неужели и вы? окончилъ онъ серьезно.

Настасья Сергѣевна разсмѣялась:

— Какъ видите! Нѣтъ, перестала она смѣяться,—я собственно на него посмотрѣть хотѣла.

Зыбинъ кивнулъ головою:

— Я такъ и думалъ.

Хмуровъ бѣжалъ къ нимъ, махая руками:

— Что же вы, что же вы! ужь звонокъ былъ. Идите, а то опоздаемъ!

Онъ побѣжалъ впередъ но лѣстницѣ, поминутно оглядываясь.

— Я на второй поставилъ, объяснялъ онъ по дорогѣ, — всѣ хвалятъ, хотя на него мало ставятъ!

— Ну и проиграете, усмѣхнулся Зыбинъ.

— Нѣтъ, почему же? испугался Хмуровъ, — а вы на кого?

— Я безъ денегъ пришелъ.

Хмуровъ пожалъ плечами.

— Вотъ сюда сядь, Настя, отсюда виднѣе, усадилъ онъ жену.

Зыбинъ сѣлъ рядомъ. Хмуровъ вставалъ, садился и снова вставалъ. Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Лошади понеслись.

— Проигралъ, проигралъ! поблѣднѣлъ Хмуровъ, увидѣвъ свою лошадь почти въ хвостѣ и, не дожидаясь окончанія, побѣжалъ внизъ.

Ему не везло: на кого онъ ни ставилъ, всѣ проигрывали. Настасья Сергѣевна его почти не видѣла. На минуту, когда бѣжали лошади, онъ появлялся блѣдный съ горящими глазами и тотчасъ исчезалъ снова, шепча съ отчаяніемъ: „проигралъ!“ На жену и Зыбина онъ не обращалъ вниманія.

Настасья Сергѣевна съ тревогой слѣдила за нимъ, но губы ея не переставали улыбаться.

— Не ожидалъ я отъ него, со вздохомъ произнесъ Зыбинъ, когда Хмуровъ, на минуту появившись, исчезъ снова.

— О! а я такъ была увѣрена, отвѣтила Настасья Сергѣевна, — онъ такой увлекающійся. Вѣдь онъ и въ карты не играетъ, потому что боится. Я предчувствовала это.

— Это бѣда, хмуро сказалъ Зыбинъ.

— Нѣтъ, я даже довольна, что онъ проигрываетъ. Я взяла съ него слово: если проиграетъ — бросить.

И она съ улыбкою обернулась къ Зыбину.

— Ну, это ужь напрасно! покачалъ онъ головою, — только горечи прибавите. Ужь началъ, такъ лучше ждать. Развѣ помогутъ слова?

— Нѣтъ, онъ сдержится, горячо заговорила Настасья Сергѣевна, — ему только разъ воздержаться—я его знаю!

— Смотрите! покачалъ головою Зыбинъ.

Они говорили о Хмуровѣ какъ о больномъ, и съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ, когда онъ появлялся.

Настасью Сергѣевну занимали больше люди, чѣмъ лошади. Ей не нравилась картина скачекъ, и она не понимала азарта. Лошади, напрягаясь изо всѣхъ силъ, длинныя, сухія, далеко выбрасывая ноги, были болѣе похожи на зайцевъ; ѣздоки некрасиво подпрыгивали на сѣдлахъ и поминутно рисковали сломать шею, перескакивая барьеры. Все это не нравилось Настасьѣ Сергѣевнѣ. Ее интересовали болѣе люди. Всѣхъ словно охватывала въ минуту скачекъ лихорадка. Горящими глазами слѣдили они за лошадьми, выкрикивая то одно, то другое имя, то крича „браво!“, то шикая, то замирая въ волненіи.

Литературный альбомъ. „Тартюфъ“, Мольера. Съ карт. академика Бонча-Томашевскаго, грав. Пястушкевичъ.

Реставрированное зданіе „Сорбонны" въ Парижѣ. Рис. Норманъ, грав. Левассеръ.

Когда скачка кончалась, раздавались неистовые крики, потомъ всѣ бѣжали со своихъ мѣстъ, словно спасаясь отъ непріятеля, крича, споря, перегоняя другъ друга, и черезъ полчаса густою толпою возвращались назадъ.

— Это что! сказалъ Зыбинъ, когда она передала ему свои впечатлѣнія, — пойдемте-ка къ тотализатору—тамъ-то что!

И когда окончилось отдѣленіе, онъ повелъ Настасью Сергѣевну внизъ. Едва они зашли за стѣну, на нихъ налетѣлъ Барсовъ. Не разбирая ихъ лицъ, онъ тревожно спросилъ:

— Какой № взялъ?

Зыбинъ улыбнулся:

— Пятый.

— Опять проигралъ! всплеснулъ Барсовъ руками и повернулся.

— Monsieur Барсовъ, остановила его Настасья Сергѣевна:— мужа не видѣли?

Барсовъ словно очнулся:

— Ахъ, Настасья Сергѣевна, извините! не узналъ! раскланялся онъ.

— Гдѣ же тутъ! вставилъ Зыбинъ.

— Мужъ вашъ тамъ, указалъ Барсовъ въ сторону будокъ,— тоже проигралъ.

— Я слыхала, вы на Волгу ѣдете? спросила Настасья Сергѣевна.

Барсовъ махнулъ рукою.

— Послѣ, послѣ, теперь поставить надо!

И онъ, повернувшись, бросился бѣжать къ будкѣ.

— Настенька, съ растерянною улыбкою подошелъ Хмуровъ,— укажи на кого поставить. Говорятъ, новичкамъ везетъ. Укажи!

— Самъ ставь, сухо отвѣтила она.

— Голубушка, укажи! просилъ онъ.

— Вы, Алексѣй Константиновичъ, по газетамъ поставьте! сказалъ Зыбинъ.

— Эхъ, что газеты! почти крикнулъ Хмуровъ, — спутали только! Безъ нихъ бы я, непремѣнно, на „Миража" поставилъ. 8 рублей давали!

— Ну, какъ знаешь, такъ и ставь! нетерпѣливо оборвала Настасья Сергѣевна и повернула въ сторону.

Зыбинъ вздохнулъ.

— Видѣли?

— Это ужасно, ужасно!

Со всѣхъ сторонъ слышались оживленные разговоры.

— Нѣтъ, теперь шабашъ! плакался чей-то молодой голосъ,— мамаша не даетъ больше денегъ, а достать не откуда!

— А ты часы по-боку! совѣтовалъ со смѣхомъ другой голосъ.

— А отецъ?..

— Все просадилъ, чтобъ тебѣ пусто было! прохрипѣли смазные сапоги.

— Съ выигрышемъ, Савва Митричъ! захохоталъ засаленный картузъ.

— Чего зубы-то скалишь; самъ нарвешься! огрызнулись сапоги...

— Ужасно, ужасно, твердила Настасья Сергѣевна, ища тревожно глазами своего мужа.

Зазвонилъ звонокъ. Публика повалила на мѣста.

— Идемте, предложилъ Зыбинъ.

— Нѣтъ, не хочу, отказалась она.

— Ну такъ здѣсь подождемъ, согласился Зыбинъ.

И они стали ходить по опустѣвшей площадкѣ.

— Смотрите, смотрите! шепнулъ Зыбинъ, указывая глазами. Вдоль стѣны неровнымъ торопливымъ шагомъ взадъ и впередъ ходилъ Барсовъ.

Они подошли къ нему.

— Что же вы не смотрите? спросилъ его Зыбинъ.

— Не могу, не могу! Тамъ моя лошадь бѣжитъ! У меня сердце выскочитъ!

И онъ прижалъ руку къ сердцу.

Зыбинъ свистнулъ:

— Ну!.. Волга ваша тутъ и останется!

Настасья Сергѣевна съ состраданіемъ глядѣла на Барсова.

Съ поля раздались крики, топотъ и площадка стала наполняться.

Первымъ почти выбѣжалъ Хмуровъ.

— Которая? подскочилъ къ нему Барсовъ.

— Третья, отвѣтилъ Хмуровъ и обернулся къ женѣ: — все проигралъ, одинъ рубль остался, смущенно улыбнулся онъ.

— Опять проигралъ! вскрикнулъ Барсовъ, топнувъ ногою.

— Ты помнишь условіе, ласково взяла Настасья Сергѣевна подъ руку Хмурова.

Тотъ вздрогнулъ и угрюмо опустилъ голову.

— Господа! весело заговорилъ Зыбинъ, — проголодались, чай? Я тутъ неподалеку. Идемте ко мнѣ! Напою и накормлю. Настасья Сергѣевна за хозяйку. Согласны?

Настасья Сергѣевна согласилась, Барсовъ тоже, и всѣ двинулись къ выходу.

X.

— Душечка! съ этимъ возгласомъ налетѣла на Настасью Сергѣевну Славина и бросилась цѣловать ее, — играли, душечка? счастливо, вѣрно?

Настасья Сергѣевна холодно освободилась изъ ея объятій:

— Я смотрѣть приходила.

— Смотрѣть! скажите, какая твердость! заколыхала Славина перьями, — я не смогла бы. Ну, а вы счастливо? обернулась она къ Хмурову.

Тотъ мотнулъ головою.

— Одолжите папиросочку, подошелъ самъ Славинъ, — изъ-за нея продулся! мрачно кивнулъ онъ на жену и тотчасъ пояснилъ: — самая дурная примѣта, если назадъ вернешься. Ухитрилась зонтикъ забыть, ворочаться пришлось. Ну и продули!

Онъ злобно выпустилъ струю дыма.

— Не идти же мнѣ было безъ зонтика! возразила Славина, и птица на ея шляпѣ подняла клювъ кверху.

— Не велика бѣда и безъ зонтика. Хуже не стала бы! Слоновую кость отъ желтизны нарочно на солнце кладутъ!

— Дуракъ! со злобою отвѣтила она и зашептала Хмуровой:— смотрите, смотрите, вонъ тотъ мужланъ при мнѣ сегодня сто десять рублей выигралъ!

И она завистливымъ взглядомъ проводила засаленный картузъ, который весело ухмылялся въ свою рыжую бороду.

Зыбинъ съ гостями повернулъ налѣво. Славинымъ надо было идти прямо. Они раскланялись и быстро пошли по дорогѣ къ платформѣ; онъ, что-то объясняя, горячо размахивалъ руками, и полы его мышинаго пальто сердито раздувались, она— грозно трясла перьями, и птица на ея шляпѣ злобно клевала синій воздухъ.

— Монстры! засмѣялся Зыбинъ.

— Несчастные! прошептала Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ молчалъ. Барсовъ шелъ, что-то напѣвая себѣ подъ носъ.

Зыбинъ занималъ отъ дачниковъ двѣ комнаты окнами въ небольшой, тѣнистый садикъ.

— Милости просимъ! ввелъ онъ своихъ гостей и тотчасъ началъ хлопотать.

Онъ жилъ одиноко, по полнымъ хозяйствомъ. Изъ сѣней пришла горничная, чинно, не торопясь постлала скатерть на столъ, вынула посуду, поставила бутылку вина, водки, закуску и затѣмъ скрылась.

— Самоваромъ поторопитесь, Груша, крикнулъ ей вслѣдъ Зыбинъ и обратился къ гостямъ:

— Господа, къ чаю!

Всѣ подсѣли къ столу.

Мало-по-малу языки развязались. Груша внесла самоваръ.

— Настасья Сергѣевна, за хозяйку! обратился Зыбинъ къ Хмуровой.

Та, улыбаясь, сѣла у самовара. Разговоръ оживился.

— Мнѣ что Волга! разошелся Барсовъ,—еще двадцать разъ успѣю! а тутъ такая масса впечатлѣній; въ десять разъ скорѣе живешь! а потомъ сколько видишь, наблюдаешь — романъ написать можно!

— Вы-то наблюдаете? замѣтилъ смѣясь Зыбинъ,—дрожитъ за заборомъ и на лошадей не смотритъ!

— Это сегодня только; я не знаю, что со мною сталось, смущенно улыбнулся Барсовъ.

— Да, посмотрѣть есть что, сказала Настасья Сергѣевна, — какое глупое увлеченіе, азартъ, даже страшно!

— Для человѣка холоднаго, равнодушнаго это глупо, но у кого есть кровь, эстетическое чувство — тому эти волненія не покажутся глупыми. Я, по крайней мѣрѣ, не испытывалъ еще такихъ ощущеній, и мнѣ они и пріятны, и понятны! горячо возразилъ Хмуровъ и чуть не злобно взглянулъ на жену.

Та не замѣтила его взгляда.

— Да! съ восторгомъ подхватилъ Барсовъ,—словно съ горы летишь. Сердце упадетъ и ноетъ-ноетъ, а потомъ вдругъ легко станетъ... А, наконецъ, эта картина, когда лошади мчатся во весь опоръ, черезъ рвы, ограды...

— Смотрѣть непріятно: вдругъ упадетъ! сказала Настасья Сергѣевна.

— Словно зайцы скачутъ, прибавилъ Зыбинъ.

— Упадетъ! подхватилъ Хмуровъ,—слова одни! при мнѣ два раза падали и ничего; одинъ только зубы вышибъ!

— Только! съ упрекомъ повторила Настасья Сергѣевна.

— Да что, Богъ съ ними, Настасья Сергѣевна, съ охотниками! сами хотятъ, сами и шею ломаютъ, сказалъ Зыбинъ, — а вотъ когда наемный жокей разбиваетъ голову—вотъ тутъ драма. Изъ-за куска хлѣба рискуетъ! А публика еще разсердится, если онъ полетитъ, потому что ея рубли пропали...

— Ну ужъ вы! махнулъ рукою Хмуровъ.

— Что я? я это видѣлъ своими глазами.

— Все-же чудное зрѣлище, воскликнулъ Барсовъ.

— Только потому и чудное, что тотализаторъ есть: не будь его, и не пошли-бы! отвѣтилъ Зыбинъ.—Просто жажда наживы!

Настасья Сергѣевна взглянула на мужа. Тотъ нахмурился.

— Рулетка своего рода: красный, черный! почему-же такъ и увлекаются. откуда и азартъ!

— Положимъ, отчасти... согласился Барсовъ.

— Вѣрьте, что такъ, оживился Зыбинъ,—я ужъ успѣлъ присмотрѣться. А кто выигрываетъ? одинъ тотализаторъ! Въ концѣ концовъ всѣ проигрываютъ—за азартомъ и не видитъ этого! Мальчишки, старцы, мужчины, женщины—всѣ азартничаютъ, а въ результатѣ подлогъ, обманъ, воровство, самоубійство...

Настасья Сергѣевна вздрогнула.

— Ну, ужъ это слишкомъ мрачно!

Зыбинъ улыбнулся.

— У насъ еще не дошло до этого, а въ Парижѣ, Лондонѣ, даже въ Москвѣ—это постоянные спутники тотализатора.

Въ садикѣ послышались дѣтскіе голоса.

— Ты на Ваську, а я на Марусю! сказалъ одинъ.

— И я на Ваську! крикнулъ другой.

— Ну, я противъ двоихъ на Марусю!

— Вотъ-съ вамъ азартъ, съ торжествомъ указалъ Зыбинъ на окошко. Всѣ подошли къ окну.

Въ концѣ прямой дорожки садика стояли гимназистъ съ ученикомъ Коммерческаго училища въ коротенькой курточкѣ и держали въ рукахъ по кошкѣ. На другомъ концѣ дорожки стояла дѣвочка.

— Пускайте! крикнула она. Мальчики выпустили кошекъ и захлопали въ ладоши. Кошки, поднявъ хвосты, стремительно пустились къ дѣвочкѣ.

— Маруся! Маруся! закричала дѣвочка, ухватывая въ объятія рыжую кошку.

— Моя взяла! моя взяла! закричалъ гимназистъ.

— Вотъ-съ! засмѣялся Зыбинъ, — тотализаторъ на кошкахъ устраиваютъ—повальная зараза!

Всѣ разсмѣялись, даже Хмуровъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Это остроумно! хохоталъ Барсовъ, — ей Богу остроумно! непремѣнно опишу ихъ!

— Вотъ вы на Волгу не поѣхали, заговорилъ опять Зыбинъ,— Славины дѣтей забросили, другой службу, третій жену забылъ— и все изъ-за того чтобы пять рублей выиграть!

Всѣ стали собираться домой.

— Вы меня совсѣмъ разстроили, простилась съ нимъ Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ сталъ еще мрачнѣе.

XI.

Онъ всю дорогу былъ мраченъ и упорно молчалъ, иногда искоса взглядывая на жену. Онъ былъ недоволенъ и собою, и ею, и всѣмъ прошедшимъ днемъ. Непріятно было, что онъ проигралъ; еще непріятнѣе было, что она видѣла его проигрышъ, что это-же видѣлъ и Зыбинъ, толковавшій съ нею навѣрное объ его увлеченіи, что они видѣли его волненіе, котораго онъ не могъ никакъ скрыть и, наконецъ, что онъ далъ такое глупое обѣщаніе женѣ и теперь она торжествуетъ. Въ глубинѣ души онъ начиналъ сознавать нравственное превосходство жены и еще болѣе раздражался. Въ эту минуту къ нему закрадывалась мысль, что лучше-бы было имѣть не расчетливо-разумную жену, а такую, какъ Славина,—„а еще лучше", подумалъ онъ, взглянувъ на безпечно смѣющагося Барсова,—„быть совсѣмъ свободнымъ!" И онъ почти съ ненавистью взглянулъ на свою жену.

Она сидѣла, повидимому внимательно перелистывая газеты, но ему казалось, что по ея губамъ мелькаетъ торжествующая улыбка.

— Что ты такой мрачный? прижалась къ его рукѣ Настасья Сергѣевна, когда они вышли изъ вагона, — неужели отъ проигрыша?

— Нѣтъ, такъ, отвѣтилъ онъ нехотя и сейчасъ-же прибавилъ:—я думаю, проиграть четверть жалованья—обидно!

— А я такъ рада, весело тряхнула головою Настасья Сергѣевна,—по крайней мѣрѣ послѣднія!

— Вотъ это ужасно глупо, даже пріостановился Хмуровъ,— что я мальчишка, что-ли? послѣднія! Что-же ты думаешь, что я удержаться не могъ-бы, красть-бы сталъ, какъ тамъ твой Зыбинъ разглагольствовалъ?!

— Я не одного проигрыша боюсь, прижала его руку Настасья Сергѣевна,—а мнѣ и тебя жалко: ты такъ волнуешься!

— Пожалуйста, не жалѣй! перебилъ ее раздражительно Хмуровъ,—если я не такая рыба, судакъ замороженный, какъ ты— такъ это еще не опасность! И потомъ вѣдь я волнуюсь—ты-то при чемъ?

Она грустно опустила голову и замолчала.

— Словно опека! съ раздраженіемъ заговорилъ Хмуровъ,— меня жалко! не играй, не волнуйся, того не дѣлай, другое гадко! Чортъ знаетъ что такое! До меня никому нѣтъ дѣла! рѣзко закончилъ онъ и замолчалъ.

Настасья Сергѣевна ничего не отвѣтила. Они молча дошли до дому, молча напились чаю и, не говоря другъ съ другомъ, легли спать. Въ первый разъ между ними произошло недоразумѣніе. Хмуровъ быстро заснулъ, а Настасья Сергѣевна еще долго, лежа на спинѣ, смотрѣла широко раскрытыми глазами въ темноту ночи, думая о прошедшемъ днѣ:

„Что же будетъ дальше," думала она, „если теперь уже до такой степени взволновался! Это онъ на данное обѣщаніе сердится. Можетъ-быть правъ Зыбинъ, что я дурно сдѣлала. Но что-же дѣлать, что дѣлать?" И она продолжала думать, упорно смотря въ темноту ночи.

— Нѣтъ, я права, наконецъ прошептала она.

Хмуровъ былъ мраченъ и на другой, и на третій день; на службѣ онъ угрюмо занимался своимъ дѣломъ, избѣгая Славина и Зыбина; дома нехотя разговаривалъ съ женою, притворяясь занятымъ книгою, газетою или безцѣльнымъ глазѣніемъ въ окно на улицу.

Настасья Сергѣевна старалась показать видъ, что не замѣчаетъ его настроенія, но въ душѣ страдала и готова была освободить его отъ даннаго ей слова. Но Хмуровъ мало-по-малу успокоился. Благоразуміе одержало верхъ.

„И безъ всякаго слова не пошелъ-бы", думалъ онъ,—„и такъ 15 рублей проигралъ, осталось 45 рублей; изъ нихъ 19 за квартиру, да Матренѣ 4 рубля, за чай, да сахаръ 5 рублей,— остается на мѣсяцъ 17 рублей, изъ чего тутъ играть?" вздохнулъ онъ и въ этотъ день ласково заговорилъ съ женой.

— Поганыя скачки! сказалъ онъ, — съ того дня ты все хмуришься!

Настасья Сергѣевна улыбнулась и подошла къ нему.

— Ты хмурился, а не я, обняла она его.

— Я немного, Настя; непріятно, что проигралъ! сознался онъ.

— Что-же изъ этого? весело сказала она, — радуйся, что только пятнадцать, вонъ несчастный Барсовъ навѣрное все тамъ оставилъ.

— Не скажи, Настя, серьезно сказалъ онъ, — можно много выиграть, можно состояніе сдѣлать...

Лицо Настасьи Сергѣевны стало опять печально.

— Я знаю, что ты проигралъ, проигралъ и Славинъ, и Барсовъ, и всѣ вы, сказала она.

— Что-же, если не везетъ?

— Ахъ, оставь это, мнѣ тяжело тебя слушать.

— Ну хорошо, хорошо, довольно! обнялъ онъ ее,—теперь я здоровъ, вылѣчился! засмѣялся онъ и сталъ цѣловать ее.

— А правда, я думала, что ты захворалъ, счастливо улыбнулась она, жмурясь отъ его поцѣлуевъ.

— Въ родѣ этого, задумчиво сказалъ онъ.

Миръ снова водворился между ними.

— Въ это воскресеніе не буду на скачкахъ, сказалъ Хмуровъ Славину и улыбнулся, увидѣвъ его изумленіе.

— Отчего?

— Все проигрываю, денегъ нѣтъ. И надоѣло! прибавилъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

Славинъ развелъ руками.

— А я не могу такъ. Меня тянетъ-тянетъ, и я не могу не пойти! Молодецъ вы! окончилъ онъ съ завистью.

— Неужто совсѣмъ? усмѣхнулся Зыбинъ, услыхавъ его рѣшеніе.

— Совсѣмъ, улыбнулся Хмуровъ.

— Вотъ хвалю! съ чувствомъ пожалъ Зыбинъ ему руку и потомъ прибавилъ:—золото у васъ, а не жена!

Хмуровъ повидимому успокоился, но чѣмъ ближе подходило воскресенье, тѣмъ онъ началъ сильнѣе волноваться, а когда наконецъ оно наступило, Хмуровъ не находилъ себѣ мѣста. По мѣрѣ того какъ часовая стрѣлка приближалась къ тремъ четвертямъ перваго, онъ ощущалъ все сильнѣйшее желаніе ѣхать. Онъ замиралъ въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ уйдетъ безъ него поѣздъ, и едва удержался, чтобы не спросить у жены денегъ. Стрѣлка подошла къ часу, и онъ немного успокоился. Жена сидѣла у окна и шила; онъ лежалъ на диванѣ, читая книгу. Часы звонко пробили два раза.

— Пошли! сказалъ Хмуровъ и глубоко вздохнулъ.

— Кто? подняла глаза отъ шитья Настасья Сергѣевна.

— Лошади пошли! объяснилъ Хмуровъ и, не въ силахъ преодолѣть волненія, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— А, лошади! усмѣхнулась Настасья Сергѣевна, и опять замелькала иголка.

Хмуровъ перенесся мыслью въ Петергофъ. Онъ видѣлъ, какъ скачутъ лошади, какъ одушевляется толпа; шумъ, движеніе, большія выдачи тотализатора — и волновался все сильнѣе и сильнѣе.

— Скоро у насъ обѣдъ будетъ? съ раздраженіемъ вдругъ обернулся онъ къ женѣ.

— Я думала, еще рано, подняла она глаза.

— Думала, думала! повторилъ Хмуровъ.

Та пожала плечами, спокойно встала, сложила работу и пошла распорядиться.

„Можетъ сегодня-бы счастливо игралъ", думалъ за обѣдомъ Хмуровъ, со злобою отламывая кусокъ хлѣба.

— Разбуди меня въ 7 часовъ, рѣзко сказалъ онъ женѣ, вставая изъ-за стола, и пошелъ въ спальню.

Заснуть онъ сразу не могъ. Онъ долго ворочался съ боку на бокъ, злясь, что не присутствуетъ на скачкахъ.

„Взялъ-бы пять рублей и могъ-бы играть", думалъ онъ теперь.

Настасья Сергѣевна молча убрала со стола и сѣла опять къ окошку за работу.

„Что-же это? опять съ нимъ началось?" думала она, все ниже наклоняясь къ шитью, и по ея губамъ скользнула горькая усмѣшка,—„развѣ его удержишь?"

Пробило 7 часовъ. Хмуровъ быстро всталъ съ постели.

— Просилъ разбудить и не могла! съ упрекомъ вышелъ онъ изъ спальни.

— Да вѣдь ты всталъ? удивилась она.

— Всталъ, а если-бы спалъ еще? вспыхнулъ онъ.

— Ну, тогда-бы я разбудила, спокойно отвѣчала жена.

— Разбудила-бы, повторилъ онъ и пошелъ въ переднюю.

— Я къ чаю приду, послышался его голосъ.

— Ты куда? спросила Настасья Сергѣевна.

Онъ опять разсердился, но, растворивъ дверь, отвѣтилъ:— къ Славину!

Онъ торопился узнать о скачкахъ.

Славины жили въ ротахъ Измайловскаго полка, на четвертомъ этажѣ огромнаго каменнаго дома.

— Во дворъ, подъѣздъ направо, показалъ метлою дворникъ дорогу Хмурову.

Тотъ пошелъ по узкой, вонючей лѣстницѣ съ желѣзными перилами.

На первой площадкѣ изъ отворенной двери валилъ на лѣстницу паръ отъ вскипяченаго бѣлья и пахло мыльною водою; выше, надъ пролетомъ лѣстницы, растрепанная баба съ яростью колотила по периламъ фланелевой юбкой, подымая облако пыли; на самомъ верху неистово лаяла собака.

— Здѣсь живетъ Славинъ? вошелъ въ отворенную дверь на четвертомъ этажѣ Хмуровъ.

Навстрѣчу ему выскочили два мальчика и маленькая дѣвочка. Всѣ трое сосали конфекты, а въ рукахъ держали по прянику.

— Здѣсь, сейчасъ вернулись, вышла грязная кухарка и, замахнувшись рукою на ребятъ, крикнула:—пошли въ комнаты!

— Папа на скачкахъ выигралъ! пролепетала дѣвочка, вынимая изо рта конфетку и убѣгая въ комнаты.

— Кто тамъ? раздался изъ комнатъ голосъ Славина.

— Я, Хмуровъ! отвѣтилъ Хмуровъ, снимая пальто.

— А! Алексѣй Константиновичъ, идите сюда, здравствуйте, батенька!—и въ переднюю выскочилъ Славинъ безъ сюртука и на босую ногу.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія миніатюры.

Драматическія произведенія Пушкина.

Драма считается высшимъ родомъ словеснаго искусства. И мнѣніе это вполнѣ основательно. Въ романѣ, въ повѣсти, и вообще во всякомъ другомъ литературномъ произведеніи авторъ обладаетъ многочисленными и разнообразными средствами передать читателю свою мысль и разъяснить характеръ дѣйствующаго лица. Если воображеніе автора не даетъ образа, выражающаго его мысль, онъ можетъ сказать ему эту мысль просто, ослабивъ этимъ, но не уничтоживъ ея силу; если ему не удастся *изобразить* характеръ дѣйствующаго лица, представить его въ дѣйствіи, онъ можетъ предложить читателю свое пониманіе этого характера въ формѣ весьма прозаическаго разъясненія, не нарушая тѣмъ силы и значенія своего произведенія. То, что происходитъ въ душѣ дѣйствующаго лица, черты его душевной жизни, въ повѣсти или романѣ преимущественно разъясненіями и передается, да въ большинствѣ случаевъ и не можетъ быть иначе передано: авторъ просто говоритъ, что такое-то дѣйствующее лицо чувствовало то-то и то-то, испытывало такія-то мысли, имѣло такія-то намѣренія и желанія. Совершенно иныя условія представляетъ произведеніе драматическое. Въ немъ авторъ стѣсненъ самою формою его, въ его распоряженіи—только разговоры самихъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ дѣйствія въ данный моментъ. Здѣсь авторъ уже не можетъ, для объясненія свойствъ дѣйствующаго лица, сослаться на его прошлое, на разныя посторонпія данному моменту обстоятельства,—все должно быть включено здѣсь въ *дѣйствіе*, происходящее передъ глазами зрителя (или читателя). Въ драмѣ, въ комедіи, въ трагедіи—нѣтъ ничего, кромѣ настоящаго момента, и если авторъ вынуждается познакомить зрителя съ обстоятельствами посторонними, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, причемъ онъ ежеминутно рискуетъ впасть въ неестественность,—въ то, что разъясненіе этихъ обстоятельствъ будетъ казаться некстати вложеннымъ въ уста дѣйствующаго лица. Характеры дѣйствующихъ лицъ здѣсь выражаются уже съ гораздо большею трудностью, преимущественно въ ихъ рѣчахъ, и потому каждое слово, сказанное персонажемъ, должно быть взвѣшено авторомъ. Въ драмѣ нельзя, напр., сказать, что такое-то дѣйствующее лицо—человѣкъ мнительный, самолюбивый и т. п., а нужно, чтобы мнительность и самолюбіе эти ясны были изъ словъ и поступковъ его. Драматическое произведеніе имѣетъ цѣлью изобразить жизнь такъ, какъ она происходитъ въ дѣйствительности, какъ она совершается *передъ глазами* наблюдателя. Но только въ сценахъ дѣйствительности многое можетъ оставаться для васъ непонятнымъ, необъясненнымъ; а въ драмѣ дѣйствительность должна быть скомбинирована такимъ образомъ, чтобы не только въ ней не оставалось чего-нибудь недоговореннаго, но чтобы тай-

Къ нашимъ читателямъ.

При слѣдующемъ № 44 „НИВЫ“ будетъ разослана

ВТОРАЯ ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ

БОЛЬШОЙ ТОМЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

содержащій въ себѣ слѣдующія произведенія:

„ЗАГОВОРИЛО“, разсказъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

„МНИМАЯ ЛЮБОВЬ“, романъ **кн. М. Н. Волконскаго.**

„ЛИЗОЧКА“, посмертная повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева).**

„ЕГО МАТЬ“, повѣсть **Эммы Виттеманъ**, переводъ *С. Никитенко.*

Въ прошломъ году, въ видѣ опыта, мы приложили къ «Нивѣ» небольшой томикъ разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, разсчитывая преимущественно на тѣхъ подписчиковъ, которые предпочитаютъ литературныя приложенія живописнымъ. Блестящій успѣхъ этой книжки побудилъ насъ не останавливаться на этомъ пути. Постоянно заботясь прежде всего о расширеніи нашего журнала въ интересѣ нашихъ подписчиковъ, мы рѣшились въ нынѣшнемъ году на значительную жертву въ этомъ направленіи и, независимо отъ разосланной уже главной преміи, картины проф. Орловскаго, прилагаемъ нынѣ, **СВЕРХЪ ОБѢЩАННАГО, ВТОРУЮ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:** большой томъ литературнаго сборника (стоющій въ отдѣльной продажѣ 2 руб.), заключающій въ себѣ **ОКОЛО 500 СТРАНИЦЪ ИНТЕРЕСНАГО ЧТЕНІЯ** и составленный изъ произведеній **ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при этомъ № прилагается **подписной бланкъ** и **конвертъ** съ адресомъ редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на журналъ „Нива“ въ **1890** году.

Памятникъ Гейбелю въ Любекѣ. Рис. Кольбъ, грав. Клоссъ.

ный смыслъ явленій дѣйствительности, ея „идеи“, смотрѣли изъ нея. Ясно, какъ много силы таланта, воображенія, какъ много обдуманности, знанія жизни, пониманія ея—нужны для созданія истинно-художественнаго драматическаго произведенія.

Необходимо, однако, сказать слѣдующее. Трудность созданія истинно художественныхъ драматическихъ произведеній стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ современнымъ развитіемъ театровъ, съ ихъ постоянною потребностью все въ новыхъ и новыхъ піесахъ. И, какъ извѣстно, театральныхъ піесъ, ежедневно появляющихся,—огромное множество. Легкость, съ которой онѣ производятся, повидимому, не свидѣтельствуетъ о какихъ либо трудностяхъ. Но піесы, назначаемыя для театра, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ не только къ художественнымъ произведеніямъ, но даже и вообще къ литературѣ. Авторы ихъ обыкновенно не заботятся о созданіи типовъ, характеровъ, а придумываютъ только извѣстныя положенія и столкновенія обстоятельствъ, которымъ и придаютъ форму удобную для сцены. Въ подобныхъ піесахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, т. е. главное въ драматическомъ произведеніи, нерѣдко совершенно безцвѣтны и незначительны; характеровъ, поэтому, нѣтъ, о типахъ авторы и не заботятся. Въ нихъ—все возлагается на актеровъ, которымъ самою безцвѣтностью дѣйствующихъ лицъ дается широкій просторъ въ изображеніи на сценѣ. И хорошій актеръ, знающій жизнь, можетъ придать живую физіономію совершенно мертвому лицу, поставленному въ піесѣ. Такія чисто театральныя произведенія очень удобны для обычныхъ представленій; художественная піеса требуетъ, чтобы актеръ передалъ мысль автора, изобразивъ характеръ данный имъ, а это гораздо труднѣе, чѣмъ играть по своему усмотрѣнію роль, которую авторъ оставилъ недостаточно опредѣленною. Но, повторяемъ, подобныя піесы принадлежатъ театру, а не литературѣ, и напротивъ, есть много высоко-художественныхъ драматическихъ произведеній, которыя на сценѣ мало удобны; таковъ, напр., „Фаустъ“ Гёте, и таковы, нужно сказать, и всѣ драматическія произведенія Пушкина.

Пушкинъ былъ приведенъ къ мысли создать нѣсколько драматическихъ произведеній прежде всего изученіемъ Шекспира, этого величайшаго представителя драматической поэзіи, соединявшаго въ себѣ геніальный умъ съ геніальнымъ художественнымъ талантомъ и давшаго рядъ столь удивительныхъ произведеній, глубокихъ и поучительныхъ какъ сама жизнь. Самъ Пушкинъ писалъ, что „изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало ему мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“, и въ 1825 году онъ написалъ своего „Бориса Годунова“. Произведеніемъ этимъ онъ былъ доволенъ. Убѣжденный, что публикою оно понято не будетъ, Пушкинъ съ „отвращеніемъ рѣшался выдать его въ свѣтъ“, но могъ сказать, что „c'est une oeuvre de bonne foi“. „Писанная мною въ строгомъ уединеніи—говорить онъ—вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены всѣ усилія...“ „Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые!.. Труды мои были ревностны и добросовѣстны...“

Такъ писалъ Пушкинъ, и внутреннее чувство не обманывало его,—„Борисъ Годуновъ“ былъ свидѣтельствомъ зрѣлости и высокой серьезности его таланта. И то, что онъ сказалъ объ этомъ великомъ произведеніи своемъ, есть дѣйствительная и лучшая характеристика. Въ немъ мы находимъ и „великое и широкое изображеніе характеровъ“, подобное Шекспировскому, и „необыкновенное составленіе типовъ“, и поистинѣ геніальную „простоту“, и „свѣтлое развитіе происшествій“, и „образъ мыслей, и языкъ, угаданный по лѣтописямъ“. Достаточно остановиться на одномъ типѣ лѣтописца, всѣмъ своимъ недолгимъ присутствіемъ въ піесѣ ярко освѣтившемъ цѣлую огромную сторону тогдашней (да частію и теперешней) русской жизни. Онъ пишетъ „еще одно, послѣднее сказанье“, видя въ этомъ „долгъ, завѣщанный отъ Бога“, и его цѣли, его надежды въ томъ исключительно, что

Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, *безъименный;*
Засвѣтитъ онъ, какъ *я*, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій *отряхнувъ,*
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ...“

Какія простыя, и въ то же время характерныя, многознаменательныя слова! Въ нихъ Пушкинъ собралъ черты, плѣнившія его въ старыхъ лѣтописяхъ; „умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, совершенное отсутствіе суетности“—вотъ, по словамъ Пушкина, что составляетъ самыя существенныя свойства изображеннаго имъ лѣтописца, какъ и всѣхъ вообще русскихъ „драгоцѣнныхъ памятниковъ временъ давно минувшихъ“. И это сложное душевное содержаніе исчерпано Пушкинымъ въ немногихъ строкахъ рѣчи лѣтописца, раздумчиво бесѣдующаго съ собою надъ своимъ трудомъ. Нужно было глубоко заглянуть въ душу человѣка другаго времени, чтобы создать такую простую и величавую сцену. Пушкинъ, конечно, изображаетъ время самозванцевъ такъ, какъ его можно было понимать *тогда*, при тогдашнемъ состояніи исторической науки; мы можемъ теперь нѣсколько иначе понимать, по крайней мѣрѣ, частности тѣхъ событій, иное нѣчто видѣть въ самозванцѣ, — но художественный, психологическій смыслъ произведенія Пушкина отъ того не измѣняется и не умаляется.

Большая или меньшая степень совершенства изображенія присуща и всѣмъ характерамъ дѣйствующихъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ лицъ. Не сценическія достоинства составляютъ главное въ „трагедіи“ Пушкина; едва-ли на сценѣ могли-бы производить то же впечатлѣніе эти исполненныя мысли, требующія строгаго вниманія рѣчи дѣйствующихъ лицъ, по которымъ можно изучать душу человѣка. По именно то, что составляетъ и высокое совершенство, и трудность драматическаго произведенія — полное и ясное отраженіе душевныхъ свойствъ множества разнообразныхъ лицъ въ ихъ рѣчахъ, присутствуетъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ въ поражающей степени.

„Борисъ Годуновъ“, какъ извѣстно, въ сущности единственное цѣлое драматическое произведеніе Пушкина. Впослѣдствіи (1830—1832) Пушкинымъ написано нѣсколько драматическихъ вещей, или отрывочныхъ, или неоконченныхъ. Но ихъ внутреннее достоинство такъ необычайно велико, что они, напр. „Скупой рыцарь“, не уступаютъ „Борису Годунову“. Прочитайте первую же сцену этого удивительнаго созданія генія. Вся борьба разнообразныхъ чувствъ рыцаря, угнетаемаго болѣзненною скупостью отца, съ такой полнотой проходитъ передъ вами, что кажется, вы давнымъ-давно знаете его, понимаете его прошлое, не ошибетесь въ его будущемъ. Въ одномъ монологѣ онъ все выдаетъ вамъ, всю свою благородную душу съ ея отвращеніемъ къ низости и вынужденной мелкой заботѣ о шлемѣ, конѣ—о деньгахъ вообще, какъ источникѣ всего этого. А монологъ отца его въ подвалѣ, передъ открытыми сундуками золота! Душа скупца, въ ея мельчайшихъ изгибахъ, вся раскрывается передъ вами. Нѣтъ ничего поучительнѣе художественнаго созданія, отражающаго съ такою полнотой душу человѣка въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сказанное нами о совершенствахъ вышеназванныхъ драматическихъ произведеній Пушкина, вполнѣ примѣнимо къ другимъ, изъ которыхъ каждое, однако, отличается своеобразностью удивительною и по формѣ, и по содержанію. Пушкинъ беретъ картины душевной жизни изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ. Въ „Моцартѣ и Сальери“ изображается зависть таланта къ генію, доводящая до преступленія; въ „Пирѣ во время чумы“ передъ читателемъ страшная картина внѣшняго разгула, которымъ люди хотятъ прикрыть и отъ себя, и отъ другихъ чувства страха и отчаянія, вызываемыя близкою, даже обратившеюся въ привычку, опасностью смерти; въ „Русалкѣ“ изображена такая трогательная и трагическая картина любви и гибели отъ нея, а съ другой стороны — мученій преступной совѣсти, и т. д., и т. д. Даже въ прозаическихъ „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“, необработанныхъ и отрывочныхъ, драматическій геній Пушкина сказался съ великою силой въ томъ смыслѣ, что при чтеніи этихъ сценъ читателя охватываетъ духъ средневѣковыхъ рыцарскихъ временъ съ ихъ оригинальными доблестями и своеобразными жестокими пороками.

Если въ „Скупомъ рыцарѣ“, въ „Сценѣ изъ Фауста“, въ „Пирѣ во время чумы“, въ „Моцартѣ и Сальери“, въ „Каменномъ гостѣ“ и пр. геній Пушкина развертываетъ свои силы въ смыслѣ проникновенія въ душу человѣка вообще, изображенія общечеловѣческихъ душевныхъ свойствъ; то, скажемъ въ заключеніе, въ „Борисѣ Годуновѣ“ и въ „Русалкѣ“ отражается преимущественно русская душа, русскій народъ, въ лѣтописной старинѣ: въ первомъ произведеніи — въ его исторической дѣятельности, а въ послѣднемъ—въ его будничной дѣйствительности. И то, и другое произведеніе должны быть изучаемы съ указываемой точки зрѣнія,—въ нихъ средство и источникъ проникновенія въ родную духовную дѣйствительность.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Бракосочетаніе Лже-Дмитрія I съ Мариною Мнишекъ, въ Москвѣ. (Современная картина).

(Рис. на стр. 1060 и 1061).

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно Царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ, были пріобрѣтены на Волыни, въ одномъ изъ старинныхъ мѣстныхъ польскихъ замковъ, древнія историческія картины, по характеру письма очевидно принадлежавшія началу XVII

вѣка. Картины—различныя по величинѣ и формату—представляли собою сцены изъ воцаренія въ Москвѣ Лжедмитрія I, его торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу, его вѣнчаніе на царство и бракосочетаніе съ Мариною Мнишекъ. На двухъ, меньшихъ картинахъ, изображены—портретъ Лжедмитрія и портретъ Марины, по всѣмъ признакамъ схожіе и притомъ писанные бойкою, умѣлою кистью. Надписи, помѣщенныя, по обычаю времени, въ медальонахъ на самомъ полѣ картины, указываютъ на то, что картины были писаны въ 1606 г.; а подробности, обозначенныя на картинахъ, изобличаютъ въ живописцѣ современника, хотя и иноземца, но довольно близко знакомаго съ нравами и обычаями Московіи, а главное—очевидца событій... Эти драгоцѣнныя пріобрѣтенія, сильно пострадавшія отъ времени и всякихъ невзгодъ (картины были отысканы на чердакѣ, покрытыя толстымъ слоемъ грязи и птичьяго помета), были тщательно очищены и реставрированы извѣстными братьями Сидоровыми — художниками-реставраторами Императорскаго Эрмитажа. Тогда-же Государю Наслѣднику благоугодно было дать разрѣшеніе сотруднику нашему—Н. Н. Полевому—снять копію съ портретовъ Лжедмитрія и Марины и съ огромной картины ихъ бракосочетанія. Эти копіи были художественно выполнены фотографомъ Императорской Академіи Наукъ В. Классеномъ. Одну изъ нихъ мы и прилагаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*.

По особенно-счастливой случайности, отъ Смутнаго Времени, въ числѣ актовъ, сохранился, довольно-большой „отрывокъ брачнаго обряда", какъ онъ былъ совершенъ при Лжедмитріевой свадьбѣ. Этотъ драгоцѣнный отрывокъ даетъ намъ полную возможность—пояснить подробности любопытной исторической картины, которая живо возстановляетъ передъ нами отдаленную старину. Все поле картины искусственно подраздѣлено художникомъ на двѣ неровныя половины плоскою полуколонною. По лѣвую сторону отъ этой полуколонны изображено торжественное шествіе Лжедмитрія и Марины изъ дворца въ Успенскій соборъ. По правую сторону—главный сюжетъ картины: коронованіе Марины во время бракосочетанія въ соборѣ. Въ первой половинѣ картины мы видимъ, какъ поѣздъ новобрачныхъ выходитъ изъ дверей дворца и идетъ по богатымъ узорчатымъ коврамъ черезъ дворцовый государевъ дворъ къ Успенскому собору. Впереди идутъ поѣзжане изъ знатнѣйшихъ бояръ, въ богатѣйшихъ золотыхъ и парчевыхъ кафтанахъ и высокихъ боярскихъ шапкахъ; за поѣзжанами слѣдуютъ рынды съ золочеными топорами на плечахъ. За рындами идетъ государевъ дружка, съ мечемъ въ правой рукѣ,—тотъ самый дружка, который обязанъ былъ, по древнему русскому обычаю, цѣлую ночь ѣздить подъ окнами опочивальни новобрачныхъ, на конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ, „для береженья". За дружкою слѣдуетъ самъ Лжедмитрій, поддерживаемый подъ правую руку тестемъ своимъ, воеводою Сендомирскимъ, Юріемъ Мнишкомъ; а по лѣвую руку отъ Лжедмитрія идетъ *тысяцкій свадебный*—князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Лжедмитрій идетъ въ царскомъ вѣнцѣ на головѣ, такъ какъ онъ былъ коронованъ почти за годъ до своей свадьбы; а Марина, слѣдующая за Лжедмитріемъ, идетъ безъ вѣнца, такъ какъ ей предстояло короноваться въ соборѣ, во время бракосочетанія. Подъ лѣвую руку ведетъ Марину боярыня, супруга князя Ѳедора Мстиславскаго. Изъ-за Марины видна фигура мужчины, въ польской одеждѣ; вѣроятно—это братъ Марины, одинъ изъ сыновей воеводы Мнишка. По обѣ стороны свадебнаго поѣзда идутъ богато-одѣтые государевы тѣлохранители—его дворцовая стража, набранная изъ поляковъ и иноземцевъ. „Рыцари и драбанты со своими капитанами"—какъ сказано въ описаніи брачнаго обряда—стоятъ по обѣ стороны двора, въ богатомъ вооруженіи, со знаменами и значками. Около нихъ, въ правомъ углу картины, помѣстились думные дворяне и дьяки.

Въ правой половинѣ картины изображено коронованіе Марины. Лжедмитрій и она—сидятъ на особыхъ „стульцахъ", на „чертожномъ мѣстѣ", обитомъ багрецовыми сукнами и устланномъ коврами. По правую руку отъ Лжедмитрія стоятъ главные его поѣзжане—тысяцкій и дружка; по лѣвую сторону отъ Марины—ея отецъ и двое братьевъ; за ними помѣщаются бояре и „пріятели" (т. е. свита) воеводы Сендомирскаго. Четверо рындъ и прочіе поѣзжане помѣщены живописцемъ передъ чертожнымъ мѣстомъ. По правую руку отъ Лжедмитрія, за дружкой и тысяцкимъ, виденъ протопопъ соборный съ крестомъ; еще правѣе—духовныя власти и боярыни. Между Лжедмитріемъ и Мариною помѣщенъ патріархъ, возлагающій на главу Марины царскій вѣнецъ. Тутъ живописецъ нѣсколько отступилъ отъ истины, вѣроятно, изъ желанія польстить Мнишкамъ. По сохранившемуся намъ описанію, извѣстно, что Лжедмитрій и Марина *не сидѣли, а стояли* во время возложенія на Марину царскаго вѣнца, который поднесли патріарху митрополитъ Ростовскій и Новгородскій. Извѣстно также, что, во время поднесенія царскаго вѣнца, „свахи государыни" сняли съ нея вѣнецъ вѣнчальный и „на время призакрыли ее покровцами низаными". И только уже послѣ возложенія вѣнца царскаго и благословенія Марины митрополитами, государь, принявъ государыню за правую руку, „посадилъ ее и самъ сѣлъ". Очевидно, что этотъ сложный и трудный моментъ былъ упрощенъ художникомъ и представленъ такъ, какъ ему было легче и удобнѣе, по его художественнымъ воззрѣніямъ. Точно такъ же поступилъ онъ и по отношенію къ русскимъ одеждамъ, и по отношенію къ архитектурѣ дворцовыхъ зданій и той церкви, которая видна изъ соборнаго (очень большаго) окна, направо отъ Лжедмитрія. Но эти небольшія неточности—быть-можетъ даже и невольныя—ни мало не уменьшаютъ достоинствъ картины, которая принадлежитъ несомнѣнно къ числу драгоцѣнныхъ нашихъ историческихъ памятниковъ.

Надпись, помѣщенная въ медальонѣ, на самой серединѣ картины, гласитъ по-латыни:

„Марія Мнишковна, Георгія изъ Великихъ Кончицъ Мнишка—воеводы Сендомирскаго—дочь, супруга-же Дмитрія Императора Московскаго, коронуется Императрицею Московскою чрезъ архіепископа греческаго закона, въ городѣ Москвѣ, столицѣ Московитской Имперіи, въ присутствіи посла Польскаго короля, Николая Олесницкаго, въ 1605 году".

Послѣдній красный денекъ. (Рис. на стр. 1065).

На прощанье предъ долгой разлукой, золотое солнышко шлетъ дремучему лѣсу послѣдніе теплые лучи. Неподвижно и величаво стоитъ онъ въ своемъ осеннемъ уборѣ. Золотомъ и рубиномъ теперь переливается его нарядъ. Точно золотые мотыльки, кружатся въ воздухѣ опадающіе листья. Изъ-подъ ковра ихъ едва примѣтна кое-гдѣ еще зеленая мурава, вся усыпанная блестящею обильною росою. Тихая грусть о минувшемъ невольно закрадывается въ душу при видѣ умирающей природы, но нѣтъ силъ уйти отъ нея въ тихій и солнечный осенній денекъ.

Литературный альбомъ. „Тартюфъ" Мольера.

(Рис. на стр. 1068).

Имя Мольера извѣстно всему образованному міру. Первый и едва-ли не величайшій творецъ новѣйшей комедіи, онъ писалъ въ славный вѣкъ Людовика XIV. Въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ не только тонкое чувствованіе смѣшнаго, схватывающее смѣхотворную сторону лицъ и вещей, которымъ блестящее драматическое воображеніе съумѣло придать жизненность, но и увлекательный слогъ, и глубокій, можно сказать, философскій взглядъ на жизнь, во всѣхъ ея хитросплетеніяхъ, среди которыхъ авторъ искусно отличалъ и выбиралъ истинный двигатель дѣйствій и создавалъ типы.

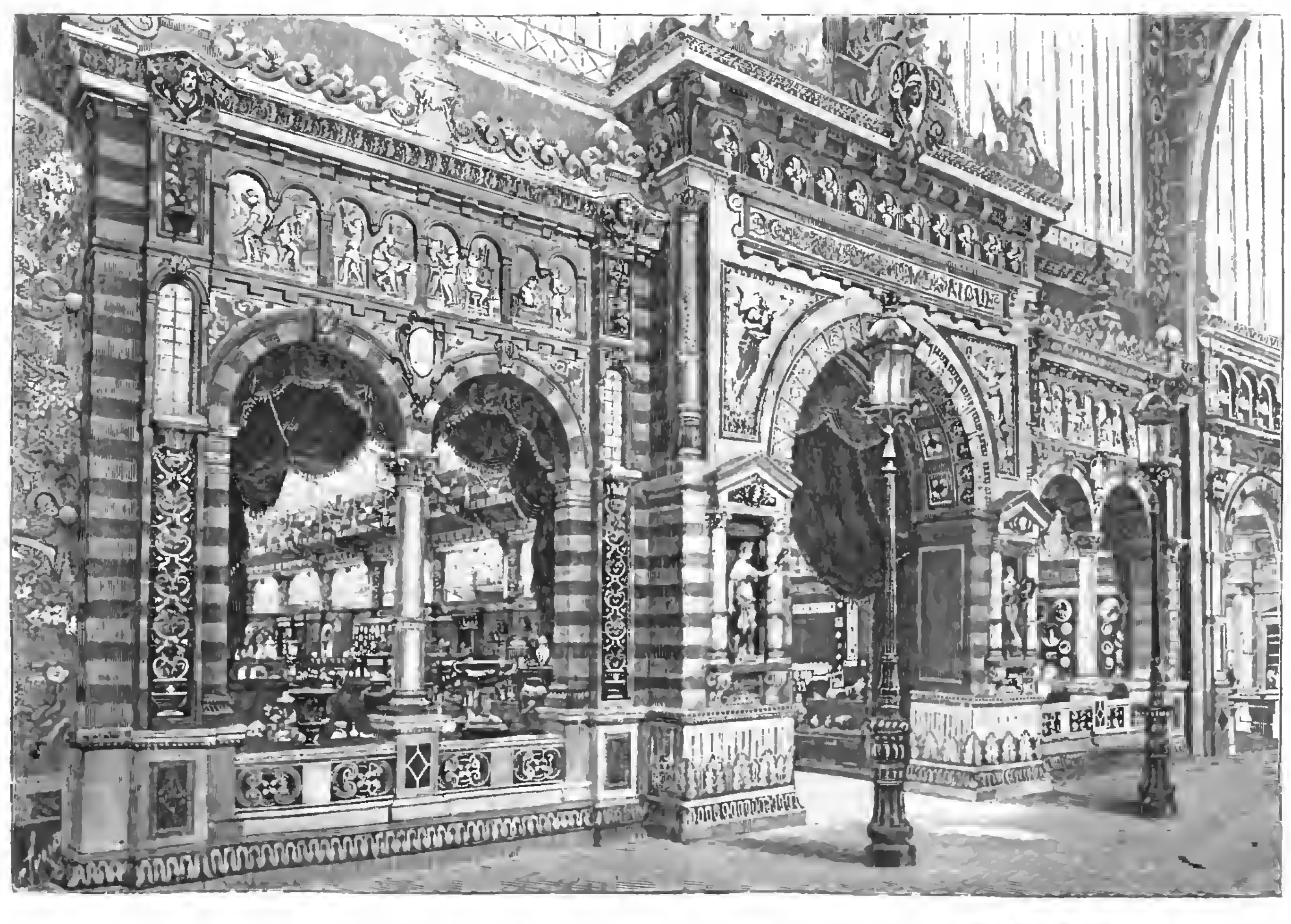
Сынъ королевскаго обойщика, благодаря замѣтному влеченію къ наукамъ, Покеленъ, какъ его въ дѣйствительности звали, былъ отданъ въ Клермонтскую коллегію и позже, подобно Корнелю, сталъ адвокатомъ (1645 г.). Но любовь къ театру сдѣлала изъ него актера, а затѣмъ и писателя-драматурга. Подъ именемъ Мольера, которое стало теперь знаменитымъ, Покеленъ съ 1646 по 1658 годъ разъѣзжалъ по провинціи съ труппою актеровъ, разыгрывавшихъ преимущественно его піесы. По возвращеніи въ Парижъ, его поэтическая дѣятельность еще болѣе расширилась, и имъ написано до 30 произведеній, въ которыхъ Мольеръ преимущественно самъ исполнялъ главныя роли. Изъ нихъ наиболѣе совершенными и извѣстными считаются „Мизантропъ", „Ученыя женщины" и „Тартюфъ". Послѣдняя комедія, по словамъ самого Мольера, вызвала особенно много шума и была долго преслѣдуема, по той причинѣ, что лица, которыя были выведены въ комедіи, оказались болѣе сильными во Франціи, чѣмъ всѣ тѣ которыхъ до того изображалъ Мольеръ въ своихъ комедіяхъ. „Маркизы, доктора, обманутые мужья, кокетки—всѣ они молчали, когда ихъ выводили на сценѣ. Казалось, они забавлялись вмѣстѣ съ другими зрителями, видя какъ я ихъ изображалъ. Но лицемѣры не захотѣли выслушивать насмѣшекъ". Трижды приходилось бѣдному Мольеру обращаться къ королю за заступничествомъ и съ ходатайствомъ, чтобы „Тартюфъ" могъ быть безпрепятственно поставленъ на сценѣ. Нашъ рисунокъ на стр. 1068 передаетъ одну изъ сценъ безсмертной комедіи, гдѣ ханжа и лицемѣръ Тартюфъ, по собственнымъ его словамъ „все-таки человѣкъ изъ тѣла и костей", объясняется въ горячей любви Эльмирѣ, супругѣ своего „брата", какъ онъ называетъ Оргона, въ домѣ котораго онъ нашелъ пріютъ и покой.

Новое зданіе Сорбонны. (Рис. на стр. 1069).

Именемъ Сорбонны въ старину въ Парижѣ называли богословскій факультетъ и зданіе, гдѣ онъ помѣщался. Вначалѣ это было общежитіе для студентовъ-богослововъ, основанное въ XIII вѣкѣ Робертомъ изъ Сорбонны, ученымъ докторомъ и капеланомъ Людовика IX. Съ XIV по XVII вѣкъ Сорбонна гремѣла по всему просвѣщенному міру и имѣла рѣшающій голосъ во многихъ богословскихъ спорахъ. Въ началѣ XVII вѣка, при Ришелье, Лемерсье перестроилъ Сорбонну, послѣ чего самый характеръ ученаго учрежденія также нѣсколько измѣнился. Но коренное преобразованіе Сорбонны произошло во времена революціи, и въ 1808 году сорбонскія зданія были переданы университету. Постоянно расширявшемуся кругу дѣятельности университета не соотвѣтствовала тѣснота Сорбонны и уже давно ощущалась потребность передѣлать и расширить ея зданія.

Для новаго зданія Сорбонны былъ объявленъ конкурсъ французскихъ архитекторовъ въ апрѣлѣ 1882 года. Въ числѣ условій поставлены были не только увеличеніе помѣщенія и перестройка

Парижская всемірная выставка 1889 г. Павильонъ пастельныхъ живописцевъ. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.



Парижская всемірная выставка 1889 г. Входъ въ отдѣлъ керамики. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

зданія въ границахъ имъ занимаемаго пространства, сравнительно небольшаго, но и возстановленіе старинной Сорбонны, работы Жака Лемерсье, представлявшей замѣчательный образчикъ архитектуры великаго вѣка. Въ декабрѣ того же года побѣдителемъ на этомъ конкурсѣ оказался г. Нено (Nenot). По его проекту, зданіе Сорбонны остается, за немногими измѣненіями, въ прежнемъ своемъ видѣ и новыя постройки должны быть возведены только для церкви и для помѣщенія ректора.

Наша гравюра представляетъ главный фасадъ зданія, выходящій на улицу Школъ (Rue des Ecoles). Онъ украшенъ аллегорическими изображеніями и статуями, изображающими различныя отрасли наукъ, преподаваемыхъ на обоихъ факультетахъ Сорбонны: физику, математику, географію, исторію и др. Надъ входами размѣщены гербы французскихъ городовъ, въ которыхъ, подобно Парижу, находятся высшія учебныя заведенія: Дижона, Ліона, Монпелье и т. д. Этими внѣшними знаками хотѣли выразить связь, которая должна существовать между учрежденіями, преслѣдующими одну высокую цѣль высшаго народнаго образованія. Но не только внѣшній видъ обращаетъ на себя вниманіе. Внутреннія помѣщенія замѣчательны по удобству расположенія и роскоши. На послѣднихъ ежегодныхъ выставкахъ картинъ въ Салонѣ всѣмъ посѣтителямъ памятны великолѣпныя картины, предназначенныя для Сорбонны и теперь въ ней помѣщенныя. Тамъ находятся работы Франца Фламенга, изображающія: „Вѣкъ возрожденія", „Ришелье закладывающаго первый камень Сорбонны" и др., а также работы де-Шаванна, Констана, Коллена и многихъ другихъ.

Нынѣ окончено около трети всѣхъ построекъ и перестроекъ, и освященіе „Новой Сорбонны" при торжественной обстановкѣ происходило 25 іюля настоящаго года.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и невѣста его, принцесса Софія Прусская. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Памятникъ Гейбелю. (Рис. на стр. 1073).

25 марта 1884 года скончался, послѣ продолжительной болѣзни, на 69 году, Эмануилъ Гейбель, самый плодовитый, значительный и остроумный нѣмецкій лирикъ позднѣйшаго времени, чьи стихотворенія распространены въ Германіи въ сотняхъ изданій. Родившись 6 (18) октября 1815 года, въ семьѣ проповѣдника, онъ изучалъ сперва богословіе въ Боннѣ и Берлинѣ, затѣмъ принялся за классическую филологію, и благодаря поощреніямъ со стороны Шамиссо, Гауди и Франца Куглера, съ которыми онъ сблизился въ Берлинѣ, онъ началъ писать. Долголѣтнее пребываніе въ Аѳинахъ не мало способствовало обогащенію его новыми познаніями, такъ что, по возвращеніи, въ 1840 году, въ Германію, онъ вадумалъ было занять какое-нибудь мѣсто въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Между тѣмъ его поэтическія произведенія получили такое распространеніе, что онъ оставилъ всѣ научныя стремленія. Призванный въ 1851 году Максимиліаномъ II въ Мюнхенъ, онъ сталъ средоточіемъ и главой того поэтическаго кружка, который собирался въ то время въ баварской столицѣ подъ высокимъ покровительствомъ короля. Послѣ смерти послѣдняго, въ 1868 г., онъ возвратился въ свой родной городъ Любекъ, гдѣ и умеръ и гдѣ ему нынѣ воздвигнутъ памятникъ. Памятникъ построенъ по проекту профессора Фольтца изъ Карлсруэ, одобренному на конкурсѣ. Поэтъ представленъ сидящимъ въ сюртукѣ, покроя современнаго ему. Плащъ упалъ съ его плечъ широкими складками. Туловище слегка согнуто впередъ. Лѣвая рука опирается на бедро локтемъ, а правая покоится на колѣнѣ, держа книжку и карандашъ. Голова приподнята, и во взглядѣ видна поэтическая дума. Статуя высится на четырехугольномъ гладкомъ цоколѣ, носящемъ годъ 1815—1884. У подножія дремлющій геній съ лирою, какъ символомъ лирики, и маскою — эмблемою драматической поэзіи. Памятникъ открытъ при блестящей обстановкѣ 6 октября. Открытію предшествовала торжественная процессія, въ которой приняли участіе свыше 2000 лицъ. Весь городъ былъ изукрашенъ по праздничному и въ особенности дома, въ которыхъ родился и умеръ Гейбель.

Парижская Всемірная выставка 1889 года. Павильонъ пастельной живописи и отдѣлъ керамики.

(Рис. на стр. 1076).

Архитекторъ, строившій этотъ павильонъ, Жакъ Эрманъ, напалъ на счастливую мысль, украсить фасадъ его орнаментомъ, который напоминалъ бы посѣтителямъ замѣчательныхъ пастельныхъ мастеровъ прошлаго вѣка, имена коихъ и красуются на карнизѣ. Самый павильонъ выстроенъ въ стилѣ Людовика XV, котораго женственная грація какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ характеромъ выставленныхъ въ немъ произведеній. Такъ какъ освѣщается павильонъ сверху, то за отсутствіемъ оконъ, архитекторъ украсилъ фасадъ рядами плоскихъ нишъ, съ архитектурными деталями XVIII вѣка. Все зданіе выкрашено зеленоватою краской въ два тона, во вкусѣ Регентства.

Изображенный на рисункѣ входъ въ отдѣлъ керамики вы-

строенъ архитекторомъ Марселемъ Делиньеромъ изъ тѣхъ самыхъ матеріаловъ, для выставки коихъ онъ предназначенъ. Это фаянсъ, полива, мозаика, терракотты матовыя и глазированныя, лавы и т. п., производящія своеобразно изящный и въ высшей степени гармоничный эффектъ.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и Софія, принцесса Прусская. (Портр. на стр. 1077).

На-дняхъ состоится бракосочетаніе наслѣдника Греческаго престола, герцога Спартанскаго, съ сестрою императора Германскаго, Вильгельма II, принцессой Софіей. Высоконареченный женихъ, сынъ короля Греческаго Георга и супруги его Ольги Константиновны, дочери Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, родился 21 іюля 1868 г. въ Аѳинахъ. Онъ носитъ титулъ герцога Спартанскаго, такъ много напоминающій о великомъ прошломъ Греціи. Воспитаніе молодаго принца было возложено на полковника Колокотрони и доктора Людерса, извѣстнаго филолога. Послѣ курса наукъ въ Аѳинахъ, пройденнаго подъ руководствомъ профессоровъ Аѳинскаго университета, наслѣдникъ Греческаго престола уѣхалъ въ Германію, гдѣ занимался преимущественно государственными науками, исторіей и археологіей въ Лейпцигѣ. Затѣмъ, для окончанія своего военнаго образованія, онъ отправился въ Берлинъ и служилъ тамъ во 2-мъ гвардейскомъ полку.

Принцесса Софія Прусская, вторая сестра императора Вильгельма II, на два года моложе своего жениха. 2 іюля ей исполнилось 18 лѣтъ. Молодая принцесса была любимою дочерью своего славнаго родителя, и говорятъ, что покойный императоръ Фридрихъ III, незадолго до своей смерти, помолвилъ свою дочь съ ея нынѣшнимъ женихомъ. Дай Богъ, чтобы трогательная память объ усопшемъ страдальцѣ послужила залогомъ будущаго счастія молодыхъ супруговъ.

Бракосочетаніе ихъ будетъ отличаться небывалою роскошью и великолѣпіемъ. Вѣковыя Аѳины не запомнятъ столько высокихъ гостей въ своихъ стѣнахъ. На предстоящихъ торжествахъ будутъ присутствовать Наслѣдникъ Русскаго престола, Датская королевская чета, императоръ Германскій съ супругою, вдовствующая Германская императрица съ дочерьми, принцъ Вельсскій съ семействомъ и множество другихъ царственныхъ особъ. О числѣ прибывшихъ гостей можно судить уже по тому, что свиту Германскаго императора составляютъ 130 человѣкъ.

В. Я. Буняковскій. (Портр. на стр. 1080).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ со времени занятія извѣстнымъ математикомъ Буняковскимъ вице-президентскаго кресла въ нашей Академіи Наукъ. Это дастъ намъ поводъ познакомить читателей нашихъ съ жизнью и дѣятельностью маститаго юбиляра академика, которому теперь пошелъ восемьдесятъ пятый годъ. Викторъ Яковлевичъ Буняковскій родился 4 декабря 1804 года, въ мѣстечкѣ Баръ, Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, гдѣ тогда находился его отецъ, подполковникъ конно-польскаго уланскаго полка. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ сыномъ графа Тормасова, съ которымъ отправился, въ 1820 году, и за границу, сперва въ Кобургъ, гдѣ онъ бралъ частные уроки, а потомъ въ Парижъ, въ то время славившійся своими математиками. Здѣсь онъ довершилъ спеціальное свое образованіе подъ руководствомъ Лапласа, Пуасона, Лежандра, Фурье, Лакруа, Біо, Араго, Гей-Люссака, Ампера, въ особенности много работая у Огюстена Коши, математика замѣчательнаго по глубинѣ и многосторонности изслѣдованій. Защитивъ двѣ диссертаціи по части механики и механической теоріи теплоты, въ 1824—25 гг., Буняковскій удостоенъ былъ званія баккалавра-лиценціата, а потомъ степени доктора математическихъ наукъ Парижскаго университета. Пробывъ шесть лѣтъ за границей, Буняковскій вернулся на родину и посвятилъ себя педагогической дѣятельности; сперва онъ состоялъ преподавателемъ въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ читалъ тотъ же предметъ въ Офицерскихъ классахъ и другихъ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Пажескомъ корпусѣ, профессоромъ въ Горномъ институтѣ и въ институтѣ инженеровъ Путей Сообщенія и, наконецъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ въ 1846 г. По отзывамъ учениковъ Буняковскаго, его преподаваніе отличалось ясностью и увлекательностью, и самъ онъ умѣлъ заслужить и уваженіе, и любовь воспитанниковъ своимъ умомъ, дарованіемъ, трудолюбіемъ, добротой и постоянною готовностью служить всѣмъ и каждому. Добросовѣстность и аккуратность его, какъ преподавателя, видна, между прочимъ, изъ того, что онъ никогда не пропускалъ ни одной лекціи, не опаздывалъ. Труднѣйшія математическія истины умѣлъ онъ передавать съ поразительною ясностью, изяществомъ изложенія заинтересовывая слушателей. Еще въ 1828 г., имѣя всего 24 года отъ роду, Буняковскій удостоился избранія въ адъюнкты Академіи Наукъ, спустя два года избранъ экстраординарнымъ академикомъ, въ 1841 г. былъ уже ординарнымъ членомъ Академіи, а съ 1864 г. состоялъ въ званіи вице-президента, оставивъ лишь въ это время преподавательскую дѣятельность. Впрочемъ уже въ 1859 г., оставивъ, по разстроенному здоровью, университетскую каѳедру, Буняковскій почти исключительно посвятилъ себя кабинетнымъ занятіямъ и лишь состоялъ главнымъ наблюдателемъ по преподаванію математическихъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по смерти М. В. Остроградскаго, съ 1861 по 1863 годъ.

Учено-литературная дѣятельность Буняковскаго относится къ началу его педагогической дѣятельности. Сперва онъ помѣщалъ статьи на французскомъ языкѣ въ спеціальныхъ изданіяхъ, потомъ перевелъ сочиненіе Коши о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, снабдивъ его своими примѣчаніями, и составилъ, по порученію министерства Народнаго Просвѣщенія, нѣсколько руководствъ для учебныхъ заведеній по своему предмету. Въ 1839 г. Буняковскій издалъ первый томъ лексикона чистой и прикладной математики,—къ сожалѣнію, по недостатку средствъ, доведеннаго лишь до буквы Д.—которымъ, по выраженію Бредихина, составитель способствовалъ установленію русской математической терминологіи, давъ богатый матеріалъ для многосторонняго историческаго изученія различныхъ вопросовъ математической науки. Труды эти и послѣдующіе обнаружили обширную математическую эрудицію нашего ученаго, ясность изложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тонкій филологическій тактъ, столь рѣдко встрѣчающійся даже у самыхъ проницательныхъ математиковъ, отличающихся глубиною воззрѣній; но настоящая извѣстность Буняковскаго началась со времени выхода въ 1846 г. его сочиненія „Основанія математической теоріи вѣроятностей". Этотъ трудъ его—одно изъ важнѣйшихъ и самыхъ капитальныхъ пріобрѣтеній русской математической литературы: до появленія этого замѣчательнаго трактата у насъ не было ни одного руководства для изученія помянутаго отдѣла математики. Буняковскій пошелъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ Эйлера и Гольдбаха, а также и Коши, присоединивъ новыя рѣшенія трудныхъ вопросовъ, и далъ трактату такую прекрасную форму, изящную и удобопонятную, что по сочиненію Буняковскаго, чисто спеціальному, Гаусъ и Біенеме выучились по-русски. Буняковскій, такимъ образомъ, является первымъ изъ русскихъ ученыхъ, работавшимъ самостоятельно и плодотворно въ области теоріи чиселъ, соперничая въ своихъ изслѣдованіяхъ съ извѣстными западно-европейскими геометрами. Обогативъ литературу классическимъ сочиненіемъ по теоріи вѣроятностей и водворивъ эту науку у насъ, Буняковскій не ограничился чисто теоретическими изысканіями и старался приложить теорію къ практикѣ, законы ея и заключенія къ рѣшенію важнѣйшихъ задачъ нашей государственной и общественной жизни. По свидѣтельству академика Савича, къ числу замѣчательнѣйшихъ приложеній теоріи вѣроятностей принадлежатъ изслѣдованія Буняковскаго о народонаселеніи Россіи, смертности и средней продолжительности жизни людей различныхъ возрастовъ. Буняковскому принадлежитъ главная заслуга научной разработки задачъ объ русскихъ эмеритальныхъ кассахъ. Выведя въ 1869 г. эмпирическій законъ о смертности, онъ тѣмъ упростилъ разрѣшеніе вопросовъ касающихся страхованія капиталовъ и пожизненныхъ доходовъ. Въ 1873—1874 гг. Буняковскій напечаталъ „Антропо-біологическія изслѣдованія и ихъ приложеніе къ мужскому населенію Россіи", опредѣливъ наличный составъ мужскаго населенія по возрастамъ, основываясь на аналитическомъ сопоставленіи метрическихъ данныхъ за послѣдніе годы; въ 1875 г., также въ „Академическихъ Запискахъ", онъ помѣстилъ статью „О вѣроятной численности контингентовъ русской арміи въ 1883—1885 годахъ", которая сослужила большую службу при рѣшеніи вопросовъ всеобщей воинской повинности. Буняковскому принадлежитъ множество статей въ спеціальныхъ журналахъ и общелитературныхъ, множество отдѣльныхъ книгъ и брошюръ. В. Я. Буняковскій за свои ученые и педагогическія заслуги былъ неоднократно награждаемъ; онъ состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ 1875 и 1878 гг. праздновались юбилеи его, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со времени полученія имъ степени доктора математическихъ наукъ Парижскаго университета и по поводу пятидесятилѣтія академической научной дѣятельности Буняковскаго. Не ограничиваясь строгонаучными занятіями, Буняковскій урывалъ, въ молодые годы, время для „удовлетворенія высшихъ потребностей души", увлекался поэзіей Байрона, изъ котораго перевелъ нѣсколько стихотвореній и помѣстилъ нѣкоторые переводы въ журналахъ сороковыхъ годовъ.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Недавнее посѣщеніе Государемъ Императоромъ—императора Вильгельма вызвало цѣлый рядъ предположеній о значеніи только что совершившагося свиданія. На ряду съ сообщеніями, что встрѣча Русскаго Императора съ императоромъ Вильгельмомъ не имѣла политическаго характера, а также, что свиданіе монарховъ никакихъ политическихъ результатовъ имѣть не будетъ, какъ о томъ сообщаетъ берлинскій корреспондентъ *Journal des Débats*,—встрѣчается не мало извѣстій, что результаты Берлинскаго

свиданія оказались гораздо важнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и что встрѣча двухъ Императоровъ будетъ имѣть вскорѣ важныя послѣдствія, такъ какъ многочисленныя недоразумѣнія съ той и другой стороны разъяснены и въ Берлинѣ пріобрѣтена увѣренность въ дѣйствительномъ миролюбіи Русскаго правительства. „Встрѣча двухъ Императоровъ, пишетъ брюссельскій *Nord*, состоялась при условіяхъ, изъ коихъ можно вывести заключеніе, что дружескія отношенія, связывающія такъ давно Русскій и Прусскій царствующіе дома, останутся неизмѣнными. Это такой рѣшающій элементъ умиротворенія, что противъ него ничего не подѣлаютъ самые отважные политическіе круги и органы печати.“ На чьей сторонѣ истина—лучше всего покажетъ время.

Проводивъ своего Вѣнценоснаго Гостя, императоръ Вильгельмъ съ императрицею отправился въ Аѳины для присутствія при бракосочетаніи своей сестры, принцессы Софіи Прусской, съ герцогомъ Спартанскимъ, наслѣдникомъ Греческаго престола. На этомъ бракосочетаніи будутъ присутствовать двадцать девять царственныхъ особъ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ уже прибылъ въ Аѳины. 5 октября Его Императорское Высочество пріѣхалъ вмѣстѣ съ Датскою королевскою четою въ Мюнхенъ, откуда послѣ завтрака отправился далѣе въ Бриндизи и Пирей. Въ Пирей Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ 8 октября въ 4 часа пополудни на крейсерѣ „Адмиралъ Корниловъ“. Греческая королевская семья на паровомъ баркасѣ выѣхала на рейдъ для встрѣчи Его Высочества. Принявъ на пристани привѣтствіе отъ военныхъ и гражданскихъ властей, Наслѣдникъ Цесаревичъ вскорѣ выѣхалъ въ Аѳины. Въ Аѳинахъ, въ пятомъ часу, пушечный салютъ возвѣстилъ о пріѣздѣ Высочайшаго Гостя. На станціи Его Высочество встрѣтили митрополитъ, министры, члены дипломатическаго корпуса и греческіе сановники. Изъ вокзала Наслѣдникъ Цесаревичъ и члены королевской фамиліи, сопровождаемые кавалерійскимъ конвоемъ, отправились во дворецъ; въ первой коляскѣ справа отъ короля сидѣлъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, а напротивъ ихъ — Греческій наслѣдникъ. Громадныя толпы народа стояли на улицахъ и привѣтствовали Высочайшихъ особъ восторженными возгласами. Вечеромъ во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, къ которому были приглашены члены русскаго посольства и русскіе флотскіе офицеры.

Чрезъ 2 дня въ Аѳины прибыла послѣ полудня Датская королевская чета, и вслѣдъ за нею ожидается прибытіе императора Германскаго съ императрицею. Изъ Потсдама Германская императорская чета выѣхала 5 октября чрезъ Монцу въ Геную, гдѣ 9 октября императоръ Вильгельмъ переѣхалъ на броненосецъ „Kaiser“, а императрица—на яхту „Hohenzollern“, послѣ сердечныхъ прощаній съ Итальянскимъ королемъ и г. Криспи. На другой день императоръ Вильгельмъ II съ супругою отплыли въ Пирей при пушечныхъ салютахъ германской и итальянской эскадръ и фортовъ.

Въ тотъ-же день въ Берлинѣ рейхстагъ открытъ тронною рѣчью, въ которой цѣлью настоящей сессіи ставится обезпеченіе внѣшняго и внутренняго мира. Дѣло идетъ теперь также о содѣйствіи рейхстага усиліямъ направленнымъ къ установленію боевой готовности арміи, для того будто-бы чтобы придать надлежащее воздѣйствіе стремленіямъ Германіи къ сохраненію мира. Въ рѣчи извѣщается о внесеніи закона касательно новаго распредѣленія арміи. Изъ этого, равно какъ изъ соотвѣтствующаго дальнѣйшаго развитія морскихъ силъ, вытекаетъ требованіе большихъ расходовъ и немалое увеличеніе матрикулярныхъ взносовъ. Далѣе объявляется о предстоящемъ внесеніи закона о соціалистахъ, банковаго закона, а также проектовъ дальнѣйшихъ кредитовъ на расходы въ восточной Африкѣ и на учрежденіе колоніальнаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ въ тронной рѣчи выставляется на видъ, что выраженныя при открытіи послѣдняго рейхстага надежды относительно сохраненія мира не только осуществились, но, благодаря личнымъ отношеніямъ императора къ союзнымъ и дружественнымъ монархамъ сосѣднихъ государствъ, пріобрѣли еще болѣе положительный характеръ. Отношенія эти послужили де къ упрочсніо довѣрія иностранныхъ государствъ къ искреннему миролюбію германской политики и даютъ основаніе вѣрить въ то, что въ будущемъ году миръ будетъ сохраненъ на основаніи существующихъ договоровъ.

Въ этомъ засѣданіи рейхстага князь Бисмаркъ не присутствовалъ.

За два дня до изложеннаго событія состоялось торжественное открытіе скупщины въ Бѣлградѣ. На открытіи присутствовали митрополитъ Михаилъ, высшее духовенство, регенты, министры, члены государственнаго совѣта, дипломатическій корпусъ. Тронную рѣчь прочелъ Ристичъ. Въ ней сказано, что король Миланъ отрекся отъ престола, предоставивъ странѣ новую конституцію, лучше прежняго обезпечившую права граждан. Страна встрѣтила отреченіе короля какъ патріотическую жертву и привѣтствовала юнаго короля по случаю его коронаціи. Далѣе въ посланіи заявлено, что Сербія при этомъ случаѣ получила доказательства благоволенія великихъ державъ, за что и изъявляетъ свою признательность. Рѣчь далѣе указываетъ на законопроекты, которые будутъ внесены въ скупщину для достиженія сбереженій въ государственномъ бюджетѣ, для установленія правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ, законопроекты относительно возстановленія милиціи, съ сохраніемъ теперешнихъ кадровъ, какъ постоянной арміи, и относительно другихъ внутреннихъ преобразованій.

За нѣсколько дней до открытія скупщины состоялось свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ. Вслѣдствіе вмѣшательства регентства и правительства, Миланъ выразилъ, 30 сентября, по телеграфу согласіе на свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ. Тотчасъ по полученіи телеграммы король, въ сопровожденіи своего воспитателя Докича, отправился къ королевѣ-матери. Свиданіе состоялось въ $11^{1}/_{2}$ час. утра. Въ иностранныя газеты телеграфировали изъ Бѣлграда, что свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ происходило безъ всякихъ свидѣтелей, такъ какъ воспитатель короля Докичъ, по желанію королевы, удалился на время свиданія въ сосѣднія комнаты.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 6 октября, въ 10 час. 28 мин. вечера, прибыли изъ-за границы, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ Гатчину Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и И. И. В. Вел. Князья Георгій и Михаилъ Александровичи и Вел. Княжны Ксенія и Ольга Александровны.

— Высочайше повелѣно числящемуся по армейской кавалеріи, генералъ-маіору Гельмерсену—быть попечителемъ при Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣѣ Михаиловичѣ.

— Высочайше повелѣно наложить при Высочайшемъ дворѣ трауръ на 24 дня, по случаю кончины его величества Дона-Луиса, короля Португальскаго.

Финансы.

— Государственный Контроль представилъ къ 1 октября Государственному Совѣту отчетъ объ исполненіи государственной росписи доходовъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1888 года. Изъ отчета усматривается слѣдующее:

1) Обыкновенныхъ доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ) поступило 898.531,000 руб., вмѣсто исчисленныхъ по росписи 854.357,000 руб., слѣдовательно, получилось превышеніе въ 44.174,000 руб. Причемъ, необходимо имѣть въ виду, что въ настоящій отчетъ не введены доходы, поступившіе за счетъ росписи 1888 г. послѣ 1 января 1889 года (т. е. въ теченіе льготнаго срока).

2) Обыкновенныхъ расходовъ исполнено и предстоитъ исполнить въ счетъ росписи 1888 года 840.419,000 руб., вмѣсто назначенныхъ по росписи 853.832,000 руб. и такимъ образомъ достигнуто сбереженіе въ 13.413,000 р.

3) По обыкновеннымъ расходамъ открыто кредитовъ не предусмотрѣнныхъ въ росписи 2.886,000 р. и переведено изъ суммъ, назначенныхъ на чрезвычайные расходы, 471,000 р.; закрыто кредитовъ на 13.474,000 р. и переведено въ смѣту чрезвычайныхъ расходовъ 3.296,000 р. Недостатокъ кредитовъ по нѣкоторымъ смѣтамъ на упомянутую сумму 2.886,000 р. покрытъ сбереженіями по другимъ смѣтамъ, вслѣдствіе чего не только не потребовалось какихъ-либо ассигнованій изъ источниковъ сверхъ росписи, но еще образовался указанный выше остатокъ въ 13.413,000 р.

4) Вмѣсто ожидавшагося по росписи избытка обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 525,000 р., получился избытокъ въ 58.112,000 р., не считая въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, составившихъ 7.535,000 руб.

5) Чрезвычайныхъ рессурсовъ поступило 5.372,000 р., вмѣсто исчисленныхъ по росписи 33.725,000 р., т. е. менѣе на 28.353,000 р., главнѣйше вслѣдствіе того, что 25.080,000 р. отъ реализаціи 4% внутренняго займа 1887 года, помѣщенные поступленіемъ въ роспись 1888 года, дѣйствительно поступили въ 1887 году, почему и вошли въ отчетъ Государственнаго Контроля за 1887 годъ.

6) Чрезвычайныхъ расходовъ на устройство желѣзныхъ дорогъ и портовъ исполнено на сумму 36.848,000 р., болѣе противъ назначенія по росписи (34.250,000 руб.) на 2.598,000 р., которые покрыты переводомъ кредитовъ изъ обыкновеннаго бюджета. Кредитовъ же, въ которыхъ не оказалось надобности по чрезвычайному бюджету, закрыто на сумму 227.000 руб.,—и

7) За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, въ поступленіяхъ 1888 года вмѣстѣ съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ образовалось превышеніе надъ расходами въ 34.171,000 руб.

Смѣсь.

Слухи, будто бы знаменитая фортепьянная фабрика Беккера ликвидируетъ свои дѣла вслѣдствіе бывшаго на ней пожара, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Пожаръ, бывшій лѣтомъ, уничтожилъ главный корпусъ фабрики, множество готовыхъ инструментовъ и часть машинъ, но не тронулъ ни одного изъ флигелей, гдѣ помѣщались разныя мастерскія, относящіяся къ про-

изводству, не тронулъ и склада матеріаловъ, что особенно важно, такъ какъ лѣсъ, употребляемый для инструментовъ, сушится годами. Послѣ пожара, работы на фабрикѣ были перенесены въ упомянутые флигеля, затѣмъ нанято огромное помѣщеніе, стоявшее свободнымъ по сосѣдству со сгорѣвшимъ зданіемъ, а съ весны владѣльцы фабрики приступятъ къ постройкѣ новаго корпуса на мѣстѣ сгорѣвшаго. Полный кадръ старыхъ и опытныхъ рабочихъ сохранился во все время перерыва работъ. Теперь выписаны и частью уже получены всѣ машины, которыя замѣнятъ испорченныя. Словомъ, фабрика продолжаетъ дѣйствовать какъ прежде, и въ скоромъ времени слѣды постигшаго ее бѣдствія будутъ окончательно изглажены.

Замѣчательное кольцо. Въ замкѣ князя Шварценберга, въ Вѣнѣ, открыта была, въ половинѣ апрѣля сего года, выставка самыхъ замѣчательныхъ драгоцѣнныхъ издѣлій, всѣхъ временъ и странъ. Между прочимъ здѣсь находится великолѣпная камея, изображающая голову римскаго диктатора Суллы (ум. въ 78 г. до Р. Х.). Исторія этой камеи, не говоря уже о ея высокомъ художественномъ достоинствѣ, очень замѣчательна. Наполеонъ Бонапарте, бывши еще консуломъ французской республики, во время своего пребыванія въ Египтѣ въ 1798 г., находился однажды съ генераломъ Андреосси на мѣстѣ развалинъ могущественнаго въ древнія времена города Пелузіума, гдѣ въ 525 г. до Р. Х. Персидскій царь Камбизъ, сынъ Кира, послѣ жестокой борьбы, побѣдилъ властителя Египта—Псаммепита. Консулъ поспорилъ съ генераломъ о томъ, въ какую эпоху построенъ былъ домъ на развалинахъ котораго они обстояли. Наполеонъ полагалъ что домъ построенъ былъ въ римскую эпоху; Андреосси оспаривалъ это, какъ вдругъ Наполеонъ, рывшій мусоръ концомъ своей шпаги, нашелъ ярко блестѣвшій предметъ, оказавшійся, послѣ подробнаго осмотра, камеею, изображающею голову вышеназваннаго римскаго диктатора. Камея замѣчательна не только какъ доказательство справедливости мнѣнія Наполеона, но и тѣмъ, что сходство въ чертахъ Суллы съ Наполеономъ было поразительное. Наполеонъ былъ суевѣренъ и счелъ эту находку предзнаменованіемъ счастія, котораго онъ искалъ въ Египтѣ, тѣмъ болѣе, что кругомъ головы Суллы ясно были видны буквы „F. E. L. I. X.“ (счастливый). Сначала Наполеонъ оставилъ камею при себѣ, съ намѣреніемъ носить ее какъ талисманъ. Но вскорѣ подарилъ ее своей супругѣ Жозефинѣ, которая велѣла оправить ее въ кольцо. Вскорѣ и она рассталась съ драгоцѣнностью, подаривъ ее своему секретарю, графу Гаэтано Брунетти. Послѣдній рѣшилъ съ кольцомъ никогда не разставаться, носилъ его всю жизнь и завѣщалъ, чтобы кольцо это послѣ его смерти причислено было къ семейнымъ, потомственнымъ драгоцѣнностямъ. Какъ заповѣдное, кольцо это долго, даже до нашихъ дней, хранилось въ палаццо Брунетти въ Болоньѣ, и безъ вышеупомянутаго повода никогда не предстало бы на глаза публики. (А.)

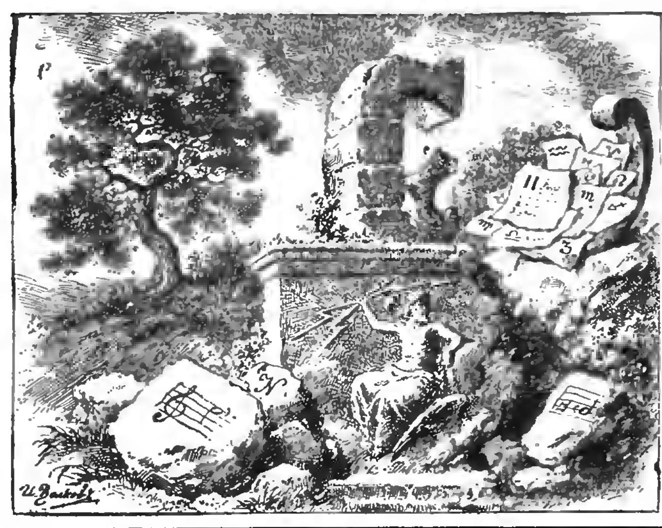
В. Я. Буняковскій. Съ современнаго портрета, грав. Шюблеръ.

Культура хлопчато-бумажника въ Туркестанской области. По *Туркестанскимъ вѣдомостямъ* первый высѣвъ американскихъ сѣмянъ хлопчато-бумажника былъ произведенъ въ 1885 г., но лишь съ 1887 года принялись за его разведеніе и сразу въ большихъ размѣрахъ, такъ что въ 1888 г. было засѣяно уже 15,000 десятинъ въ Маргеланскомъ уѣздѣ, 20,000 дес. въ Андижанскомъ, 10,000 дес. въ Наманганскомъ, наконецъ по 1000 дес. въ Кокандскомъ и Ошскомъ. Въ настоящемъ году еще болѣе расширили хлопчато-бумажныя плантаціи и по оффиціальнымъ извѣстіямъ ожидаютъ хорошаго урожая. До 1886 г. существовала лишь одна фабрика для чистки хлопка, а именно въ городѣ Коканѣ. Въ 1887 г., во второмъ, третьемъ и четвертомъ изъ означенныхъ уѣздовъ, были открыты еще по одной фабрикѣ; въ слѣдующемъ году—дальнѣйшія восемь, а именно, по одной въ Кокандскомъ и Маргеланскомъ уѣздахъ, и по три въ Андижанскомъ и Наманганскомъ. Къ предстоящему урожаю въ центрѣ производительности хлопчатой бумаги, въ Андижанѣ, выстраиваютъ еще пять фабрикъ. Ходжентская дорога, которая изъ Ферганской области ведетъ къ Закаспійской желѣзной дорогѣ, начиная съ города Кокана, загромождена транспортами хлопчатой бумаги. (N.)

Дешевые фильтры. Взять два цвѣточныхъ горшка, у одного изъ нихъ заткнуть отверстіе внизу губкою и насыпать до половины горшка легкаго древеснаго угля, а сверху накрыть фланелью; другой горшокъ повѣсить надъ первымъ такъ, чтобы онъ касался фланели; потомъ подставить подъ дно горшка миску или кадку и налить воды въ верхній горшокъ. Еще проще фильтруется вода слѣдующимъ образомъ. Старую салфетку или кусокъ чистаго холста свернуть въ видѣ воронки, чтобы нижній конецъ ея былъ совершенно острый, сшить концы, привязать веревочки къ концамъ верхней части салфетки, вставить вверху обручъ, чтобы раздвинуть верхніе края воронки и повѣсить ее на гвоздь или на крючокъ. Потомъ всыпать въ воронку хорошаго древеснаго угля, лучше всего березоваго, въ видѣ крупнаго порошка и кусочковъ величиною съ горошину или въ лѣсной орѣхъ. Затѣмъ, подставивъ подъ воронку посуду, постепенно лить въ воронку воду. Чѣмъ больше взято угля, тѣмъ чище будетъ вода, которой можно очистить нѣсколько ведеръ въ день этимъ способомъ. (в.)

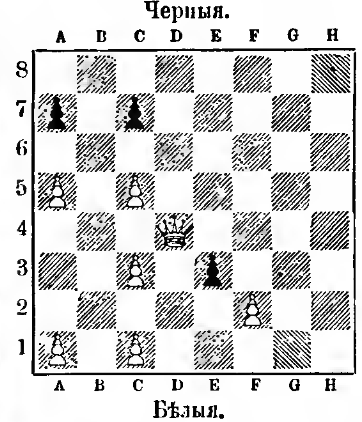
Новая корнеплодная овощь Stachys tuberifera. Это растеніе, принадлежащее къ губоцвѣтнымъ (Labiatae), извѣстно въ Англіи и во Франціи подъ названіемъ Crosnes, по мѣстечку около Парижа, гдѣ его разводятъ уже въ большомъ количествѣ для рыночной продажи. Въ Парижѣ, въ аристократической кухнѣ, crosnes скоро получили ходъ; притомъ ихъ культура весьма доходна, такъ какъ къ почвѣ это растеніе очень не взыскательно, давая въ тоже время обильные урожаи. При тщательной культурѣ вѣроятно удастся получить болѣе крупные клубни, которые пока имѣютъ толщину лишь въ дюймъ. Клубни варятъ, тушатъ и пекутъ; по вкусу они напоминаютъ орѣхи. (N.)

Ребусъ. Задача № 66.



Шашечная задача № 67.

Черныя.

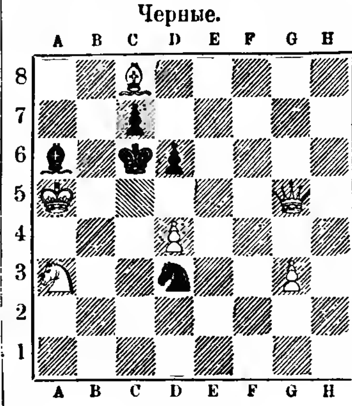


Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Шахматная задача № 68.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года

„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бицвкли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 падалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіямъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый лягкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

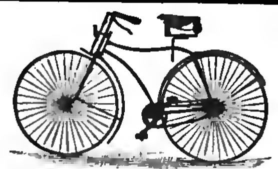
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прайсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (13) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва,	С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ.	Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и др.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Произведенія моей фабрики удостоены на Парижской Всемірной Выставкѣ

•БОЛЬШОЮ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЬЮ.•

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ часовъ моей фабрики высылается по требованію безплатно. № 4089
С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.

ПАВЕЛЪ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА.

Органъ Имп. Росс. Общества Садоводства
на **1890** годъ
подъ редакціею **В. Н. Кутузова**
(СПБ. Лѣсной Институтъ).

Подписка принимается у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ) и въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6). Цѣна 8 рублей за годъ (на другіе сроки подписка не принимается). Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКІЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9—2

46, Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Изданіе Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° въ Москвѣ.

ВЫШЕЛЪ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ АЛЬБОМЪ КОПІЙ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Стряпчій“, В. Е. Маковскаго; 2) „Самозванецъ и Ксенія“, Н. В. Неврева; 3) „Зима“, Н. Н. Дубовскаго; 4) „Школьники“, Г. Ѳ. Рыбакова; 5) „Поѣздка царя на богомолье“, В. Г. Шварца; 6) „Стадо“, Н. Л. Эллерта.

Продается въ складѣ: Никольская, д. Чижовыхъ, и у книгопродавцевъ.

Тамъ-же продается ПЕРВЫЙ выпускъ того-же альбома, премированный на Парижской всемірной выставкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Варка варенья“, В. Е. Маковскаго; 2) „Сватовство“, Н. В. Неврева; 3) „Разлучница“, К. А. Трутовскаго; 4) „Меншиковъ въ Березовѣ“, В. И. Сурикова; 5) „Жестокій романсъ“. И. М. Прянишникова; 6) „Бабушка и внучка“, Н. Е. Рачкова.

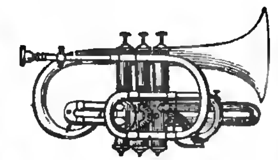
Альбомы исполнены хромолитографскимъ способомъ, подъ акварель, въ собственныхъ мастерскихъ Товарищества, и каждый изъ выпусковъ состоитъ изъ шести картинъ, размѣромъ $7\frac{1}{2}\times9\frac{1}{2}$ вершк. съ полями, въ изящной иллюстрированной папкѣ.

1-й ВЫПУСКЪ имѣлъ большой успѣхъ и обратилъ на себя вниманіе какъ столичной, такъ и провинціальной прессы.

Цѣна по 5 р. за каждый выпускъ. На пересылку прилагается за 3 ф. по разстоянію, за каждый выпускъ.

Тамъ же продаются хромолитографическія картины русскихъ типовъ, видовъ, иллюстрацій къ сочиненіямъ русскихъ писателей, въ пакетахъ по 50 коп. и 75 коп., каждый пакетъ содержитъ 12—14 картинъ. — Для подарковъ дѣтямъ. № 4080 2—2

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ



въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Самоучитель Бёганца по $1\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ р.
Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы, геликоны.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Самоучитель Келера по $1\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ р.
Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 75 р.
Самоучитель Китцара по $2\frac{1}{2}$ и 4 р.
Гобои, Фаготы и пр.
Литавры, Барабаны, Тарелки и пр.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. № 4090
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Никел. открыт. часы	отъ	7	руб.	и дороже.
Стальн. черныя	„	14	„	„
Серебрян. закр.	„	15	„	„
Зол. дамск. закр.	„	30	„	„
Зол. мужск. закр.	„	50	„	„

Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—9

ЦВѢТОЧНЫЙ

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ИЗОБРѢТЕННЫЙ

БРОКАРЪ и К°.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8—4

БЕЗУСЛОВНО БЕЗОПАСНЫЙ

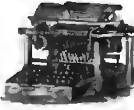
НОЧНИКЪ.

Необходимая принадл. дѣтск. и спальн. комн. Приспособленъ для сгор. тяж. мин. невоспл. масла „Файноль“ (Fine oil). При горѣніи не даетъ ни копоти, ни запаха.

Продается во всѣхъ ламп. и аптек. магаз. Москвы и др. городовъ. Ц. № 4063 3—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва	С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ.	Б. Морская, 21.

Дозвол. ценсур., СПБ., 18 октября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 44 | 1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖ. „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. руход. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 окт. 1889 г. Цѣна этого № безъ Сборника 15 к., съ перес. 20 к., а со Сборникомъ 2 р. 15 к.

Осенняя перекочевка. Съ карт. Генке, грав. Гейеръ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXXI.

Такъ прошелъ почти цѣлый мѣсяцъ. Егоръ уже сталъ мѣстнымъ ваятелемъ. Онъ уже слѣпилъ изъ настоящей, хорошей глины, цѣлую большую фигуру, скопировавъ свою же куколку ангела.

Полина и Егоръ уже окончательно поняли другъ друга, но оставались въ тѣхъ же просто привѣтливыхъ отношеніяхъ. Князь ничего не видѣлъ, ибо самъ былъ почти влюбленъ въ свою ученицу, несмотря на ея ледяное обращеніе съ нимъ. Евгенія страдала, но перестала тяжко задумываться, перестала даже приставать къ Егору съ княжной, такъ какъ онъ избѣгалъ уже ея, отдалялся...

Однажды, около полудня, въ Березопольѣ появилась кибитка тройкой и остановилась середи улицы. Пріѣзжій разспросилъ встрѣчнаго, въ которомъ домѣ живетъ управитель Трубецкой. Затѣмъ кибитка подъѣхала къ крыльцу домика, а пріѣзжій вышелъ и черезъ минуту былъ уже принятъ хозяиномъ.

Это оказался человѣкъ лѣтъ сорока, съ характернымъ лицомъ, повидимому восточнаго типа—грузинъ или армянинъ, если только не еврей.

Съ первыхъ же словъ Макаръ Макаровичъ почуялъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ умнымъ, энергичнымъ. И одновременно Трубецкой почуялъ, что появленіе этого гостя имѣетъ огромное значеніе. Онъ будто сразу прочелъ какую-то роковую вѣсть въ глазахъ прибывшаго.

И старикъ не ошибся.

Гость, снявъ теплое платье и войдя въ первую горницу управителя, удивилъ его какою-то спокойною важностью, рѣшительностью въ словѣ, взглядѣ и жестѣ.

Макаръ Макаровичъ предложилъ гостю чаю и тотчасъ же распорядился.

На вопросъ хозяина, чему онъ обязанъ удовольствіемъ видѣть у себя пріѣзжаго, тотъ отвѣтилъ спокойно:

— А вотъ позвольте. Обогрѣюсь—поясню. Дѣло важное и — простое.

И не смотря на нетерпѣніе Макара Макаровича, гость спокойно напился чаю, обогрѣлся и затѣмъ еще спокойнѣе и медленнѣе досталъ изъ боковаго кармана письмо и передалъ его Трубецкому.

Письмо оказалось отъ князя изъ Москвы.

Умолчаніе пріѣзжаго, что онъ является посланцемъ отъ владѣльца имѣнія, его спокойно-рѣшительный видъ и, наконецъ, это письмо, окончательно смутили Макара Макаровича. Разрывая пакетъ и развертывая листъ бумаги, онъ уже зналъ впередъ, или предчувствовалъ, что прочтетъ что-нибудь чрезвычайное.

И дѣйствительно, краткое, въ нѣсколько словъ, посланіе князя было роковымъ.

Макаръ Макаровичъ прочелъ, поблѣднѣлъ и прислонился спиной къ креслу. Руки его съ листомъ опустились на колѣни.

— Почему же это?... Что̀ же случилось?.. глухо выговорилъ онъ, поднимая мутный взглядъ на пріѣзжаго.

— Это не мое дѣло-съ, отозвался гость.—Мнѣ только приказано въ порядкѣ все отъ васъ получить, дать вамъ во всемъ росписки и послать гонца князю съ увѣдомленіемъ, въ какомъ видѣ перешло ко мнѣ все управленіе.

— Но позвольте... За что̀ же меня выгонять? Почему же меня, честнаго человѣка, управлявшаго здѣсь пятнадцать годовъ, заставлять выѣхать въ трое сутокъ. Въ трое сутокъ всего и не сдашь! Да и это посрамленіе мнѣ... Это, стало быть, меня выгоняютъ!.. Чтобы черезъ трое сутокъ и духу моего здѣсь не было. За что̀ же это?

— Это все, почтеннѣйшій Макаръ Макаровичъ, не мое дѣло. Мнѣ приказано въ трое сутокъ все отъ васъ получить и послать гонца къ князю объ исполненіи его приказанія.

Наступило мертвое молчаніе. Макаръ Макаровичъ сидѣлъ понурившись и тяжело дышалъ. Но однако, понемногу, спокойствіе возвращалось къ нему.

„Вѣдь не погибъ же я! Не пропалъ же я совсѣмъ!“ думалъ онъ. „Стыдно! Срамъ! Всѣ здѣсь, на сто-двѣсти верстъ кругомъ знаютъ меня. Никто не повѣритъ, что меня гонятъ за воровство, за упущеніе... Не даромъ я здѣсь заслужилъ ото всѣхъ уваженіе и довѣріе, и любовь...“

Тяжелыя мысли Трубецкаго были прерваны спокойно-холоднымъ вопросомъ пріѣзжаго:

— Когда предполагаете, Макаръ Макаровичъ, начать сдачу управленія?

— Да хоть сейчасъ! встрепенулся Трубецкой, поднялся съ мѣста, выпрямился и гордо глянулъ на своего гостя.

Но это былъ уже не гость, а былъ, въ силу приказа князя, уже то, чѣмъ столько лѣтъ пробылъ здѣсь Трубецкой.

— Позвольте васъ попросить, холодно произнесъ Макаръ Макаровичъ,—обождать полчаса. Я сейчасъ отлучусь, вернусь и мы приступимъ къ дѣлу. А вотъ покуда вамъ три книжки для вашего любопытства.

Макаръ Макаровичъ досталъ три толстыя книги изъ стола и передалъ ихъ пріѣзжему. Слегка дрожащею рукой накинувъ теплое платье и нахлобучивъ шапку, онъ двинулся изъ дому и быстрыми шагами направился въ барскій домъ.

Черезъ минуту и княжна, и Илья Петровичъ уже знали все объ удивительной новости. Княжна смутилась и тотчасъ же поняла то, что̀ ускользнуло отъ соображенія управителя и братца-князя.

„Но, если догадка моя вѣрна“, подумалось княжнѣ, „то вѣдь это только начало. Надо ждать дальнѣйшихъ распоряженій.“ Стало-быть, князю-отцу многое, а быть-можетъ и все извѣстно. А если все извѣстно, если онъ подозрѣваетъ то, что̀ она скрывала здѣсь отъ всѣхъ и быть-можетъ не съумѣла скрыть,—что̀ же будетъ тогда?..

Послѣ долго длившагося молчанія, первый заговорилъ Илья Петровичъ и тотчасъ же началъ смѣяться.

— Вѣдь это дядюшка мнѣ въ руку играетъ! Ей Богу! И не просилъ я его, а онъ мнѣ одолженіе дѣлаетъ, подарочекъ. Вѣдь все на свѣтѣ къ лучшему, Макаръ Макаровичъ. Неужто вы не поняли, какое происхожденіе дѣла будетъ? Вѣдь вамъ отсюда переѣзжать придется всего-то за двадцать верстъ.

— Какъ же такъ? удивился Трубецкой.

— Ужъ будто и не догадываетесь? Да вѣдь Прачешное, благодаря вашимъ же хлопотамъ и заботамъ, должно не нынѣ—завтра законнымъ порядкомъ перейти въ мое владѣніе. А что же, я самъ, что-ли, управлять имъ буду? Я и такъ цѣлыхъ два дня думалъ, да раздумывалъ, кто у меня всѣми дѣлами займется. А тутъ дядюшка какъ разъ мнѣ послугу и надумалъ. И вотъ вы, золотой мой, уложитесь и переѣдете въ Прачешное. И будете вы тамъ хозяйничать, какъ настоящій хозяинъ. Я у васъ буду въ повиновеніи, а не вы у меня. Вы будете настоящимъ бариномъ-владѣльцемъ. А я вѣдь, не ровенъ часъ, опять улечу въ Италію, ли-

бо во Францію. Такъ подумайте, гдѣ же вамъ въ концѣ концовъ лучше: тутъ или тамъ?

— Спасибо вамъ, князь. Только я въ управители больше не пойду. Я не хочу, помилуй Богъ, чтобы меня могъ кто-либо такъ гонять: нынче хорошо, а завтра—въ шею. Какъ-будто вора какого... Спаси Боже!

— Ну, это, родимый мой, дудки! Я васъ свяжу и по рукамъ, не спаси Боже, и по ногамъ, да и отправлю туда. Теперь вы поѣдете въ городъ съ моей довѣренностью уплачивать деньги, кончать, а тамъ сейчасъ вводъ во владѣніе, а тамъ и управленіе. А на жительство возьмете вы себѣ половину барскаго дома. Мнѣ, одинокому, и половины довольно. И будете вы не управитель мой, а то что̀ вы теперь: мой уважаемый другъ-пріятель, меня невѣдомо за что̀ полюбившій и мною за свое сердце золотое любимый.

Макаръ Макаровичъ вздохнулъ, не отвѣтилъ, но глаза его стали влажны. И когда Илья Петровичъ протянулъ руки Трубецкому, старикъ схватился за нихъ и крѣпко сжалъ.

Не смотря на то, что пріѣздъ новаго управителя касался непосредственно одного Трубецкаго, тѣмъ не менѣе все въ Березопольѣ разстроилось. Порядокъ дня измѣнился. Занятія и свиданія тотчасъ прекратились, и всѣ ходили смущенные.

Князь какъ-то совѣстился и мало улыбался. Ему чудилось, что это онъ, сюда пріѣхавъ, наглупилъ и бѣду накликалъ. Дядюшка будто исправилъ его мальчишескую ошибку, будто выговоръ прислалъ въ видѣ смѣщенія управителя.

Княжна была молчалива, но въ сильномъ волненіи и день, и ночь. Объяснить приказъ отца было невозможно иначе, какъ она объяснила его. Образъ жизни въ Березопольѣ дошелъ до свѣдѣнія князя Андрея Ивановича, и первая мѣра его говорила ясно, что будутъ и другія, сильнѣйшія.

Егоръ не былъ смущенъ, но былъ за то сильно опечаленъ судьбою Трубецкаго, котораго онъ искренно любилъ. Евгенія ожила, глаза ея опять заблестѣли какъ бывало...

Что касается прочаго населенія, то дворовые и крестьяне ходили какъ въ воду опущенные. Для нихъ перемѣна управителя имѣла громадное значеніе. Вся ихъ личная жизнь, ихъ горе и радости, счастіе и злополучіе — все было въ рукахъ этого, вновь прибывшаго, неизвѣстнаго и на видъ не добраго человѣка.

— Черномазый! На чорта схожъ! говорили всѣ.

Болѣе всего испугало березопольцевъ именно то обстоятельство, что пріѣзжій оказался наполовину русскій, и хотя православный, но какого-то инаго, чѣмъ они, происхожденія. Фамилія его — Джаншіевъ — тоже смутила всѣхъ и во двору, и на селѣ.

Вдобавокъ не нашлось во всемъ Березопольѣ ни единаго человѣка, которому бы лицо, взглядъ и голосъ новаго управителя были по сердцу. На всѣхъ равно, однимъ своимъ видомъ уже нагналъ онъ страхъ. Самое спокойствіе его, невозмутимость были загадочно страшны. Если въ тихомъ омутѣ — черти водятся, то въ этой тишинѣ, которая лежала во всей фигурѣ Джаншіева, чудился самъ сатана.

Черезъ трое сутокъ всѣ дѣла по управленію были сданы, а всѣ вещи Макара Макаровича, при помощи Егора, были уложены. Въ сумерки вокругъ домика, гдѣ столько лѣтъ прожилъ общій любимецъ и благодѣтель, стояла туча народу. Въ домахъ и флигеляхъ усадьбы, въ избахъ на селѣ остались только дряхлые старики и ребятишки. Все явилось сюда прощаться съ Макаромъ Макаровичемъ...

XXXII.

Когда народъ, проводивъ своего благодѣтеля до самой церкви, возвращался тучей назадъ и разсыпался по службамъ усадьбы и по селу, новый управитель явился въ барскій домъ и велѣлъ доложить о себѣ княжнѣ.

Въ эту минуту у нея сидѣлъ Илья Петровичъ и они, конечно, обсуждали и осуждали распоряженіе князя относительно Трубецкаго. Илья Петровичъ снова смѣялся и шутилъ, но Полина попрежнему была смущена и задумчиво-тревожна. При имени господина Джаншіева, произнесеннаго лакеемъ, они переглянулись и удивились.

— Ке се ке сé ке са? шуточно ломая французскій языкъ, выговорилъ князь.

— Кто такой? спросила княжна.

— Пріѣзжій. Новый управитель, доложилъ лакей.

— А!.. Такъ вотъ какъ онъ прозывается!

— Да! прибавилъ князь. — Повѣяло чѣмъ-то отъ Ирана и вообще азіатскихъ предѣловъ.

Княжна хотѣла было выговорить: „проси!“, но запнулась и сказала:

— Позови!

Черезъ минуту въ комнату явился смуглый, мрачный и спокойный восточный человѣкъ. Сдѣлавъ шага три къ княжнѣ, онъ поклонился. Глаза его быстро задвигались изъ стороны въ сторону и, казалось, что въ одну секунду онъ оглядѣлъ всю горницу, не упустивъ ни единаго предмета. Затѣмъ эти глаза съ какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ выраженіемъ остановились на княжнѣ, и сразу непріятно подѣйствовали на нее.

— Имѣю честь представиться вашему сіятельству, выговорилъ онъ чрезвычайно тихо, но не смущенно.

— Очень рада, сухо выговорила княжна. — Я уже давно жду, что вы сочтете не лишнимъ явиться ко мнѣ, хотя бы для того, чтобы передать мнѣ вѣсти о здоровьѣ батюшки.

— Я дѣйствую на основаніи точныхъ и строгихъ приказаній князя Андрея Ивановича. А мнѣ указано представиться вамъ послѣ принятія всѣхъ дѣлъ по управленію. Причина тому, ваше сіятельство, собственно та, что намъ надо будетъ побесѣдовать. А бесѣда эта должна быть такого рода, что я могу ее вести только въ качествѣ человѣка уже вступившаго въ управленіе Березопольемъ.

Княжна не нашлась что-либо отвѣтить и только смѣрила новаго управителя съ головы до пятъ и гордо, и презрительно.

— Позвольте просить васъ, удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ разговора съ вами наединѣ. Я не могу и не имѣю дозволенія говорить при постороннихъ.

— Тре жоли! воскликнулъ Илья Петровичъ, хлопая себя ладонями по толстымъ колѣнамъ.—Sehr gut! Просто, сестрица, траги-балетъ начинается! Нѣчто въ родѣ „Ифигеніи въ Тавридѣ“, съ казачкомъ.

— Но позвольте вамъ замѣтить, произнесла княгиня, — что родственниковъ не называютъ посторонними.

— Для меня князь — посторонній человѣкъ, отозвался Джаншіевъ.

— Ахъ, для васъ?.. Это очень мнѣ грустно слышать, сказалъ князь и, добродушно смѣясь, онъ поднялся и, переваливаясь съ ноги на ногу, двинулся къ дверямъ. Но затѣмъ онъ обернулся къ управителю и выговорилъ серьезно и даже морща брови:

— Вы только, господинъ Шехерезадовъ, пожалуйста, „спаси Боже“, сестрицу не прирѣжьте тутъ за мое отсутствіе, будьте такъ добры.

Джаншіевъ спокойно смѣрилъ князя своими угольными глазами и не отвѣтилъ ничего, даже бровью не двинулъ.

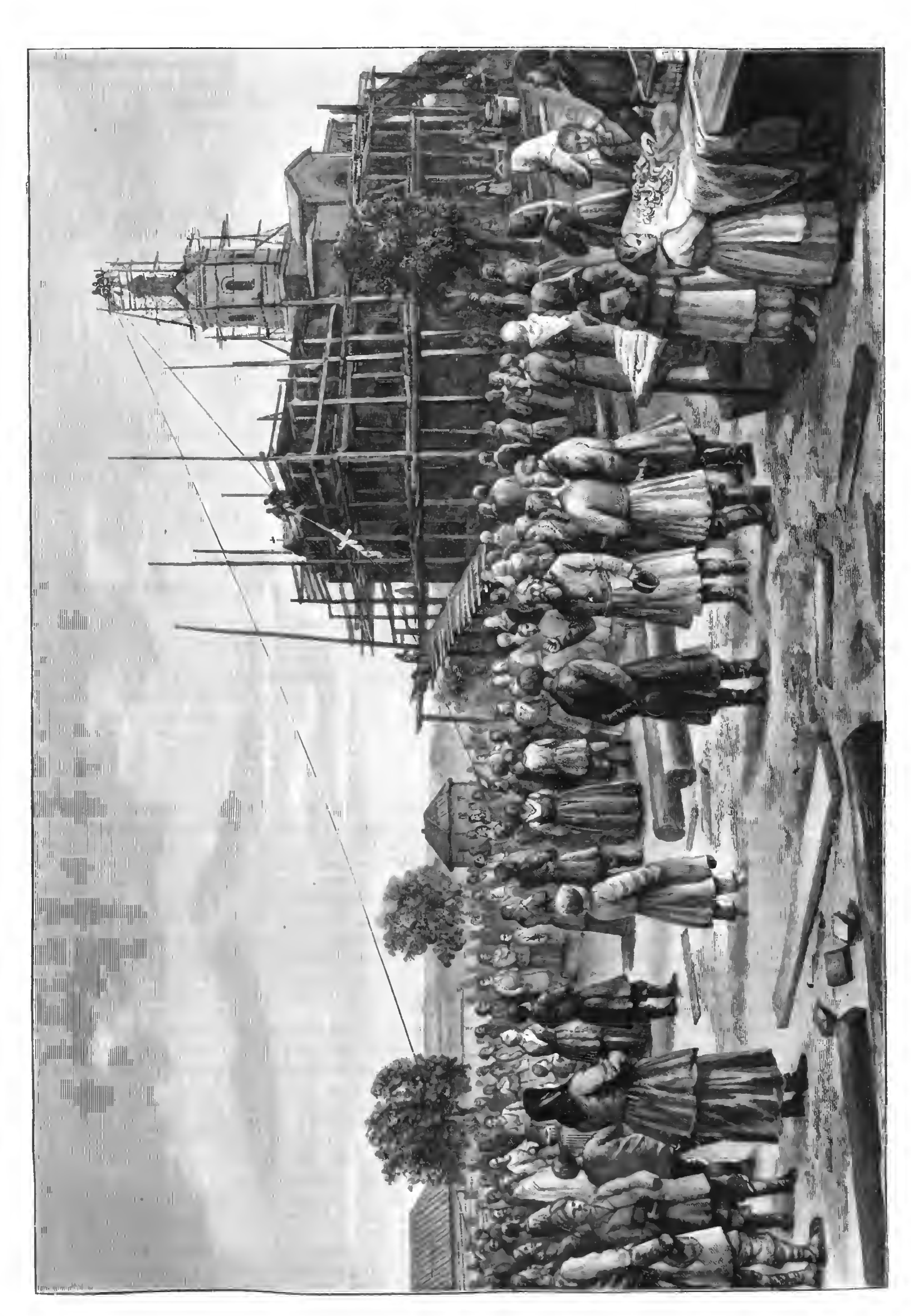
Когда дверь затворилась за княземъ, Джаншіевъ сдѣлалъ еще два шага и, очевидно, ждалъ чего-то. Княжна догадалась, но смотрѣла въ сторону и молчала. Такъ какъ пауза длилась, то она, наконецъ, выговорила:

— Извольте говорить. Я васъ слушаю.

— Извините, княжна, но я попрошу у васъ позволенія сѣсть. Оно мнѣ приличествуетъ, такъ какъ имѣю

Умерщвленіе плѣнныхъ русскихъ князей послѣ битвы при Калкѣ (1224 г.).

Съ карт. (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч. принадлежитъ „Нивѣ“) акад. Н. Кошелева, грав. Шюблеръ.



Поднятіе креста всѣмъ народомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **А. Земцова,** грав. **Шюблеръ.**

честь вамъ доложить, что я, въ нѣкоторомъ родѣ, дворянинъ.

— Очень пріятно это узнать, отозвалась княжна, невольно усмѣхаясь. — Я до сихъ поръ не знала, что есть на свѣтѣ особый сортъ дворянъ „въ нѣкоторомъ родѣ“.

Джаншіевъ, не дожидаясь приглашенія княжны, сѣлъ на то кресло, съ котораго только что поднялся князь. Но, однако, онъ сѣлъ почти на кончикъ кресла въ довольно почтительной позѣ и началъ говорить тѣмъ же своимъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ княжнѣ, что ея родитель прислалъ его, Джаншіева, на смѣну Трубецкому ради возстановленія порядка не столько на селѣ, во дворѣ и вообще во всей усадьбѣ, сколько въ самомъ барскомъ домѣ, гдѣ бываютъ неприличныя сборища дворовыхъ дѣвокъ и мастеровыхъ и „всякое при семъ безобразіе“.

Княжна вспыхнула при этихъ словахъ и обернулась къ Джаншіеву съ тѣмъ, чтобы выразиться крайне рѣзко. Быть-можетъ, она собиралась даже приказать ему немедленно выйти вонъ, но вдругъ, Богъ вѣсть, какая мысль промелькнула въ ея головѣ. Она опустила голову, вздохнула и отвернулась. И во всей фигурѣ ея было видно, что она рѣшилась сразу покориться всему, что̀ услышитъ или увидитъ.

Джаншіевъ продолжалъ говорить тѣмъ же голосомъ, но собственно повторялъ все то же самое. Только одно замѣтила княжна, такъ какъ оно поразило ее.

Джаншіевъ намекнулъ о какихъ-то дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ, которыя указаны ему княземъ.

— Но это все будетъ не тотчасъ, а по мѣрѣ надобности, добавилъ Джаншіевъ. — И я, искренно признаюсь, желалъ бы, чтобы вы, и князь Илья Петровичъ, и „иные люди“, выразительно вставилъ онъ, — своимъ поведеніемъ избавили меня отъ необходимости исполнять указанное княземъ Андреемъ Ивановичемъ.

Княжна снова быстро обернулась къ говорящему, голова ея снова поднялась и даже закинулась назадъ. Она не выдержала принятой роли.

— Прежде всего скажите мнѣ, было-ли у васъ, хотя бы словесное приказаніе батюшки говорить со мной дерзко и грубо, или вы сами рѣшаетесь на это? Если сами, то скажите почему: по прирожденной вамъ грубости, неблаговоспитанности, или просто вслѣдствіе крайней... крайней наглости?

— Извините, княжна, если какое слово мое кажетъ вамъ грубымъ и оскорбительнымъ. Намѣренія обидѣть васъ у меня не было и быть не можетъ. Я просто человѣкъ не любящій замѣнять одни слова другими. Какъ думается, такъ я и говорю. Какъ могу я назвать, напримѣръ, поведеніе неприличное инымъ словомъ? Чѣмъ мнѣ замѣнить слово: „поведеніе“ и чѣмъ мнѣ замѣнить слово: „неприличное“? Я могу сказать, пожалуй: „обращеніе“ со своимъ крѣпостнымъ, которое „неприличествуетъ“ дѣвицѣ-княжнѣ. Въ концѣ концовъ выйдетъ то же самое и, пожалуй, въ этомъ видѣ оно еще грубѣй покажется вамъ. Я полагаю, что самое лучшее тогда, если я буду просто исполнять мою обязанность, не безпокоя васъ бесѣдами...

— И своимъ посѣщеніемъ, конечно?

— Посѣщеніемъ? Извините, княжна. Я долженъ буду являться къ вамъ всякій день и въ разные часы, чтобы знать, чѣмъ вы изволите заниматься.

— Что?! воскликнула княжна.

— Точно такъ-съ. Это строжайшій указъ князя, чтобы я ежедневно навѣдывался и лично убѣждался въ томъ, что̀ вы изволите дѣлать и какъ вы изволите проводить вашъ день. Я долженъ всякую недѣлю отсылать князю подробное донесеніе о вашемъ времяпровожденіи.

— Но я не позволю вамъ! Я не буду пускать васъ! Я прикажу... воскликнула княжна, но вдругъ поднялась съ мѣста, закрыла лицо руками и замерла на мѣстѣ.

Джаншіевъ поднялся тоже и выговорилъ настолько тихо, что голосъ его казался нѣжнымъ шепотомъ:

— Не гнѣвайтесь, княжна, и не тревожьтесь. Я всячески буду стараться, чтобы вамъ было оно не обидно: я буду входить сюда на одно мгновеніе, лишь бы исполнить указанное мнѣ. Войдите въ мое положеніе: я—человѣкъ нанятой, подневольный. Мнѣ деньги платятъ.

— Уйдите!.. уйдите!.. проговорила Полина.

И ей самой невольно вспомнилась почти такая же сцена тамъ, въ Москвѣ, когда появилась у нея въ комнатѣ Устинья Савельевна.

Прошло нѣсколько мгновеній. Княжна отняла руки отъ лица и хотѣла выговорить еще громче:

— Уйдите!

Но, оглядѣвшись, увидѣла, что она одна.

Джаншіевъ исчезъ, какъ тѣнь; или она была настолько потрясена, что не слыхала его шаговъ и запираемой двери.

XXXIII.

Надъ Березопольемъ легъ какой-то гнетъ. Все будто замерло и въ усадьбѣ, и въ барскомъ домѣ. Разумѣется, Егоръ не являлся къ князю работать. Такъ прошло три или четыре дня. Илья Петровичъ рѣшился, переговоривъ съ Полиной, уѣхать, и только ждалъ увѣдомленія отъ Трубецкаго изъ города, что всѣ формальности покупки имѣнія исполнены.

Княжна не удерживала братца, но объяснила, что она часто, раза три въ недѣлю, будетъ ѣздить къ нему въ Прачешное.

Въ бесѣдахъ съ сестрицей князь, отчасти шутя, но во всякомъ случаѣ съ раскаяніемъ, сознавался, что самъ все напуталъ.

— Все-таки, говорилъ онъ,—Егоръ—крѣпостной человѣкъ, а мы его сажали при себѣ, да еще романы ему читали. Да и Евгенія — дворовая, горничная... Мы съ вами, сестрица, вели себя не по-княжески... Ну, вотъ намъ и нахлобучка. И дядя, ей Богу, правъ! Будь мы помоложе, слѣдовало бы насъ обоихъ приказать посѣчь маленечко.

Однажды за чаемъ, Полина, долго молчавшая, вдругъ заговорила съ братцемъ совершенно упавшимъ голосомъ:

— Да, все это такъ. Глупо, неприлично... что угодно... Но все-таки, братецъ, я васъ попрошу...

Голосъ княжны задрожалъ, и она не договорила.

— Что̀ угодно? Я для васъ съ крыши спрыгну.

— Я васъ попрошу, начала княжна нерѣшительно и робко, но вдругъ выпрямилась и проговорила рѣзко и даже какъ будто строго:—Я васъ попрошу сегодня послѣ обѣда вызвать къ себѣ Егора и заставить его докончить... ну, тамъ не знаю, что-нибудь... Мнѣ нужно видѣть его...

Голосъ и выраженіе лица Полины страшно поразили Илью Петровича. Его собственная фигура сразу стала такою серьезною, какою почти никогда не бывала.

Только теперь будто вдругъ понялъ или угадалъ нѣчто добродушный князь. И по своему простодушію, по своей привычкѣ говорить „что̀ на умѣ, то и на языкѣ“, онъ выговорилъ:

— Неужто же это... этакъ не спросту? Скажите, сестрица: что я—совсѣмъ оголтѣлый дуракъ? выдумщикъ я всякой чертовщины? Или и впрямь страшную загадку вы мнѣ загадали?

Княжна молчала, потупившись, но руки, державшія носовой платокъ на колѣнахъ, замѣтно дрожали.

— Сестрица, коли что этакое... Страшно даже вымолвить! Коли я, какъ песъ, брешу, скажите скорѣй, чтобы я не брехалъ! А коли все этакое воистину правда...

тоже говорите, тоже душу выложите мнѣ вотъ на ладонь. Со мной можно! Говорите же: навралъ я мысленно про васъ, насочинительствовалъ?

— Нѣтъ... едва слышно выговорила княжна.—Нѣтъ...

— Что значитъ *нѣтъ*?.. Такъ правда?.. Случилось необычайное? Было тутъ у меня подъ носомъ, а я прозѣвалъ, не почуялъ. Чрезвычайно ваше положеніе теперешнее?.. Трагическое оно?..

— Да, воистину, братецъ, трагическое! воскликнула княжна и, приложивъ платокъ къ лицу, она слегка отвернулась.

Наступило молчаніе. Князь усиленно сопѣлъ.

— Сестрица, слезами не поможешь! выговорилъ онъ черезъ мгновеніе слегка хриплывымъ голосомъ.

Но княжна быстро отняла руки отъ лица, повернулась къ братцу и вымолвила, закинувъ голову:

— Я!? Я не плачу!

Илья Петровичъ невольно разинулъ ротъ. Это сказала не его сестрица. Это сказалъ самъ Андрей Ивановичъ, который вдругъ очутился тутъ предъ нимъ, сидящій и одѣтый въ женское платье.

— И тѣмъ лучше! однозвучно и безсмысленно выговорилъ Илья Петровичъ, а самъ думалъ:

„Ну, вижу чѣмъ тутъ пахнетъ! Вотъ чудно! По двумъ-тремъ словамъ можно предвидѣть все, что можетъ съ человѣкомъ произойти. Дока на доку! Два Андрея Ивановича сцѣпятся здѣсь вскорости. Времяпрепровожденіе будетъ батальное!“

— Какъ же это могло случиться? выговорилъ князь вслухъ.

— Нѣтъ, ради Бога! Я говорить объ этомъ не могу! Не стану... Или стану, съ вами только, съ вами, но не теперь... Вѣдь все-таки вы будете пріѣзжать и я буду ѣздить къ вамъ. Вѣдь нѣтъ же у него приказа меня держать здѣсь взаперти?.. И съ вами, дорогой мой, я поговорю когда-нибудь по душѣ. Мало этого: вы поможете мнѣ...

— Тутъ помочь, сестрица, нельзя. Какая помощь въ этакомъ дѣлѣ быть можетъ? Тутъ положеніе безпомощное. Знаете вы сочиненіе нѣмецкаго поэта Гёте, прозывается „Фаустъ“? Такъ вотъ тамъ говоритъ кто-то такой... Сдается мнѣ — самъ господинъ Мефистофель, сирѣчь сказать, чортъ... Спрашиваетъ онъ кого-то, а можетъ быть и его кто спрашиваетъ, не упомню. Такъ вотъ спрашиваютъ: „ты, простой человѣкъ, здѣсь на землѣ живущій, можешь-ли ты соединить вмѣстѣ, сочетать воду и огонь?“ Такъ вотъ и у васъ то же самое. Либо огонь потухнетъ, либо вода въ паръ обратится и улетитъ. Какъ же мнѣ вамъ тутъ помочь? Тутъ призвать самого господина Мефистофеля, то и онъ ретируется. Скажетъ: „извините, это, молъ, дѣло намъ совсѣмъ неподходящее!“

Все это произнесъ князь такимъ грустнымъ голосомъ, какъ еслибы собирался плакать.

— Я знаю это сочиненіе, рѣзко и гордо произнесла княжна.—Я немножко по-нѣмецки училась. Да мнѣ моя пріятельница читать помогала. Признаюсь, много-много чего я не поняла тамъ. Но я поняла и помню хорошо одно: Фаустъ продалъ свою душу, чтобы получить все желаемое. И отъ этого все ему и далось. Ну, вотъ и я скажу, братецъ: такъ какъ я готова сто разъ прозаложить или продать свою душу, стало-быть многое будетъ и мнѣ возможно. Когда вы узнаете, на что я готова, давно рѣшилась, то вы увидите, что помочь мнѣ вы можете больше Мефистофеля, а именно... деньгами, выговорила княжна.

— Деньгами?!

— Да, деньгами. Только большими деньгами, но которыя я вамъ возвращу, когда стану... когда... ну, вы понимаете... когда я буду одна, когда я буду законною наслѣдницей. Вѣдь могу же я надѣяться прожить дольше отца! Одно страшно, что онъ можетъ лишить меня наслѣдства... Но, вѣдь тогда все будетъ ваше. Онъ ни за что не отдастъ родоваго имѣнія въ постороннія руки. А если все будетъ ваше, то, въ числѣ прочаго, вы получите уплату моего долга.

— Не понимаю, сестрица, ничего. Деньги! Что же вы съ ними сдѣлаете?

— А понять не мудрено, братецъ. Въ три недѣли, въ мѣсяцъ, я могу очутиться въ такихъ предѣлахъ, гдѣ и вы, не смотря на ваши дальнія путешествія, никогда не бывали. И не одна... Поймите!

— Да, вотъ что! Стало-быть, это очень важно? Стало-быть, вы на все идете?

— На все, братецъ, хоть на преступленіе, хоть на край свѣта! выговорила княжна тихо, но въ ея голосѣ опять почудилась Ильѣ Петровичу интонація голоса ея отца.

Снова наступило молчаніе и длилось долго.

— Да, вздохнулъ князь,—есть вотъ въ галереяхъ картинныхъ батальный родъ живописи. И я вамъ доложу, что ваше приключеніе и будущее происхожденіе всѣхъ обстоятельствъ съ батюшкой-родителемъ будетъ именно времяпрепровожденіе батальное.

— Скажите, братецъ, поможете вы мнѣ, хотя бы даже черезъ недѣлю, смотря по обстоятельствамъ? Можетъ-быть и черезъ полгода. Я не спѣшу. Я ничего не знаю. Когда? я не знаю! Но что когда-нибудь непремѣнно я рѣшусь на...

Княжна не договорила.

— Поможете-ли вы? прибавила она.

— Деньгами?! Господь съ вами! Половина того, что у меня есть—ваше, сестрица! А коли запутешествуете въ Америку, что-ли, то, Богъ вѣсть, можетъ-быть и я съ вами пристроюсь. Сопровождать васъ буду. Я, отродясь, не путешествовалъ вмѣстѣ съ другими. Признаюсь вамъ...—Князь развелъ руками.—Такъ это удивительно, такъ это поразительно! Такая это каша, что ее расхлебать будетъ мудрено. Хватитъ-ли у васъ силъ? Не много-ли вы на себя надѣетесь?

И въ отвѣтъ на это князь услышалъ такой неподдѣльно-счастливый смѣхъ, что невольно снова разинулъ ротъ.

Полина протянула руки братцу, пожала его руки и опять засмѣялась.

И по этому смѣху, веселому, довольному, но вмѣстѣ съ тѣмъ металлически-сухому, князь понялъ и сразу убѣдился, что до сихъ поръ положительно обманывался въ своей сестрицѣ, не зналъ ее.

— Вотъ чудно! выговорилъ онъ задумчиво.

— Да, хорошо если... этакъ вотъ... А что бы вы сдѣлали, сестрица, вдругъ серьезно спросилъ князь,—еслибы нѣкто вамъ отвѣтилъ: „Я, ваше сіятельство, люблю другую, а васъ я не могу и не хочу любить?“

— Я бы тоже стала воевать и отвоевала бы у соперницы... Сначала такъ и было. Я вообразила себѣ этакое. Но оно оказалось вздоромъ.

— Отвоевать? Да... кто можетъ. Кто молодъ и уменъ. А если кто старъ и глупъ?.. задумчиво произнесъ князь.

— Ужь не влюблены-ли вы въ самомъ дѣлѣ, братецъ?

— Господь съ вами! Къ лицу ли мнѣ этакое...

Князь быстро поднялся.

— Я пойду укладываться. Мнѣ чудится, что мое пребываніе здѣсь для васъ хуже. Дядюшка будетъ зорче глядѣть, думая, что это я васъ на худое толкаю...

Княжна не отвѣтила. Илья Петровичъ вышелъ и пошелъ къ себѣ.

XXXIV.

Черезъ два дня Илья Петровичъ и шутя, и грустя, и смѣясь, и со влажными отъ слезъ глазами, но и со всякими прибаутками, простился съ кузиной и выѣхалъ въ свое новое имѣніе, гдѣ уже ожидалъ его „новый старый управитель“.

Княжна одѣлась и вышла на крыльцо проводить единственнаго своего родственника, котораго любила и прежде, а теперь, за короткое время жизни вмѣстѣ, вполнѣ оцѣнила и полюбила искренно. Въ этомъ чувствѣ къ князю была не малая доля благодарности, хотя онъ, самъ того не зная и невольно былъ ей въ помощь. Разумѣется, въ случаѣ какой-либо катастрофы, Илья Петровичъ могъ быть сочтенъ главнымъ виновникомъ и попустителемъ невѣроятно мудренаго сочетанія обстоятельствъ. Но теперь—онъ устроитель ея счастія.

Когда князь усѣлся въ простую кибитку и послалъ ей поцѣлуй, Полина вымолвила рѣшительно:

— Послѣ-завтра же буду въ Прачешное!

— Въ какой прачешной? удивился князь и воскликнулъ:—тьфу! прости Господи! забылъ! Я къ тому времени, сестрица, названіе это замѣню другимъ. Глупое прозвище! Милости просимъ въ Ильинское, либо въ Соснополье. Тамъ сосны много. А то еще лучше—Осинополье! Въ воспоминаніе того, что я велъ себя въ Березопольѣ какъ настоящая осина.

— Нѣтъ, вы вели себя какъ ангелъ.

— Но не летящій, а спящій или зѣвающій... Прощайте.

Полина вернулась въ домъ, проводивъ глазами кибитку, и обойдя всѣ горницы, сѣла за пяльцы, унылая и грустная. Опять казался ей этотъ домъ настоящимъ гробомъ. Отсутствіе Макара Макаровича и князя сказывалось теперь во всемъ. Но за то невдалекѣ отъ дома, гдѣ виднѣлся маленькій каменный домикъ съ окнами, выходящими въ палисадникъ, было для нея нѣчто, сосредоточивавшее на себѣ всѣ ея помыслы.

„Какъ же теперь видаться? Нельзя звать чинить всякій день какую-нибудь мелочь въ домѣ. И нельзя встрѣчаться всякій день гуляя.“

И цѣлыхъ два дня послѣ отъѣзда князя, Полина промучилась съ одной мыслью въ головѣ:

„Какъ повидаться?“

На третій день она узнала отъ Дуняши нѣчто простое, но глубоко возмутившее ее. Любимица передала своей барышнѣ, что, не смотря на сильный морозъ, градусовъ въ двадцать, новый управитель приказалъ Егору, какъ простому плотнику, перечинить ворота и калитки на конномъ дворѣ.

Сердце княжны больно сжалось. Съ тѣхъ поръ, что она была здѣсь, въ Березопольѣ, въ первый разъ ей приходилось отнестись къ Егору съ жалостью, болѣть за него. И она тотчасъ поняла и догадалась, что приказаніе новаго управителя есть собственно начало предстоящаго гоненія. И, конечно, по приказу князя.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно обрадовалась. Эта работа давала ей возможность видѣться съ Егоромъ. Полина тотчасъ же одѣлась и, вмѣстѣ съ Дуняшей, вышла прогуляться по усадьбѣ.

— Гдѣ онъ работаетъ? спросила она.

— Въ главныхъ воротахъ коннаго двора. Мы вотъ мимо пойдемъ, отозвалась Дуняша угрюмо.

— Что онъ—обиженъ? не слыхала?

— Я его сама видѣла. Не то чтобы обиженъ, а очень опечалился. Этотъ лѣшій объявилъ, чтобы Егоръ Ивановичъ больше не смѣлъ изъ дерева рѣзать. Сказалъ, что все это—баловничество. Да еще сказалъ: коли узнаю, что по вечерамъ упрямишься и глупство это не бросилъ, то отниму инструментъ.

Княжна ничего не отвѣчала, но пройдя нѣсколько шаговъ, вздохнула и выговорила себѣ самой:

„Что̀ же это будетъ?.. Стало-быть спѣшить надо?“

Вопросъ этотъ относился къ тому, что̀ пришло ей на умъ. Все это, на что̀ рѣшалась она, все, что̀ находила въ себѣ силу исполнить, не пугало, а лишь занимало ее, какъ посторонняго человѣка.

— Что̀ же это будетъ? вдругъ усмѣхнулась она ядовито.

Еще за нѣсколько шаговъ отъ коннаго двора и главныхъ воротъ, Полина увидѣла Егора въ полушубкѣ, съ топоромъ и съ доской въ рукахъ. Онъ прилаживалъ доску и задѣлывалъ отбитый край.

При видѣ подошедшей княжны, Егоръ снялъ шапку, поклонился и быстро, украдкой взглянулъ ей въ лицо. Богъ вѣсть что̀ сказалъ его взглядъ, но княжна, рѣдко въ жизни плакавшая, почувствовала, что глаза ея наполнились слезами.

Сразу отчаянная рѣшимость наполнила ея сердце. Она вдругъ приблизилась къ Егору почти вплотную, какъ никогда не приближалась, и выговорила то, о чемъ и не помышляла за мгновеніе назадъ.

— Сегодня, передъ полуночью, когда всѣ лягутъ спать, приходи ко мнѣ...

И послѣ мгновенной паузы прибавила:

— Въ столовую...

— Увидятъ, княжна... бѣда будетъ! У него тутъ уже три человѣка отряжены подглядывать за всѣмъ и доносить.

— Все равно. Нужно... приходи непремѣнно... Такъ нельзя!.. надо переговорить... Надо порѣшить что-нибудь! дрожащимъ голосомъ произнесла Полина.

Егоръ молчалъ.

— Ты боишься?

— За васъ, вѣстимо. А мнѣ что̀ же? Мнѣ одинъ конецъ.

— Все вздоръ. Надо порѣшить... Что-нибудь надумать... Приходи...

— А увидятъ, донесутъ?..

— Приходи, сдавленнымъ голосомъ повторила Полина.—Не придешь—хуже будетъ. Меня погубишь. Я приду къ вамъ. Придешь?

— Вѣстимо, если этакъ...

Княжна отвернулась и быстро пошла домой.

Безконечно длиненъ показался обоимъ этотъ день. Но не одинаково ждали они вечера. Полина ждала того, о чемъ мечтала съ давнихъ поръ, съ юности... Все, что̀ грезилось ей еще въ шестнадцать лѣтъ—должно было стать дѣйствительностью. Она знала, что это ночное свиданье будетъ первымъ и послѣднимъ, роковымъ для ея жизни. Она знала это, потому что твердо рѣшила, что таковымъ оно будетъ по ея волѣ, хотя бы вопреки его слабой волѣ.

И княжна была спокойна и почти холодна.

Егоръ ждалъ свиданія съ трепетомъ и ужасомъ, скитаясь по двумъ горницамъ домика, какъ узникъ въ тюрьмѣ, ожидающій минуты назначенной казни. Онъ боялся, какъ никогда въ жизни. Ему представлялось, что случатся неминуемо три вещи одна за другой... Важное по своимъ послѣдствіямъ свиданіе, на утро его истязаніе на конюшнѣ, а затѣмъ его самоубійство.

Онъ зналъ, что послѣднее убьетъ его старуху-мать, но утѣшался тѣмъ, что если Богъ проститъ его великій грѣхъ, то они съ матерью будутъ опять вмѣстѣ...

И предстоявшее свиданье съ княжной являлось его разуму настоящею казнью...

— Конецъ! шепталъ онъ.—А я думалъ, поживу еще на свѣтѣ... Лѣтъ чрезъ десять откуплюсь отъ господъ, буду вольный, переѣду въ городъ. А вотъ оно что̀ вышло. И самъ виноватъ. Не въ свои сани не садись. Шутка-ли, что̀ потрафилось!

Около одиннадцати часовъ ночи, когда все Березополье уже спало глубокимъ сномъ, Егоръ вышелъ изъ домика, сталъ на крыльцѣ лицомъ къ церкви, снялъ шапку и помолился. Затѣмъ онъ двинулся.

Черезъ нѣсколько минутъ, пройдя дворъ, онъ тихо вошелъ въ темный домъ. Двери изъ передней въ слѣдующую комнату были отворены. Всюду была полная тишина, только въ углу коридора раздавалось чье-то сопѣніе. Это былъ спавшій дежурный лакей. Осторожно миновавъ первую горницу, Миловановъ остановился. Сердце его стучало молотомъ.

Ожиданіе. Съ картины Швенингера младшаго, грав. Пейне.

„Охъ, не гоже...“ подумалъ онъ. „Губишь себя...“

Онъ готовъ былъ повернуться и бѣжать.

Среди темноты, едва видимая фигура очутилась около него. Онъ вздрогнулъ и отступилъ.

— Это я... послышался шепотъ княжны.

Она приблизилась, взяла его за руку и тихо повлекла за собой чрезъ притворенную дверь. Рука ея слегка дрожала. Отворивъ слѣдующую дверь, она впустила его впередъ, а сама прислушалась и вошла потомъ.

Очутившись въ рабочей горницѣ княжны, при свѣтѣ двухъ свѣчей, Миловановъ сталъ, потупившись, какъ потерянный... Ему казалось, что онъ и она творятъ что-то очень смѣшное и гибельное вмѣстѣ... А главное—не нужное...

Миловановъ почти не помнилъ, какъ очутился на маленькомъ диванѣ около княжны... Прикосновеніе ея къ его рукаву около локтя и ея взволнованный голосъ, полный страсти и тревоги—какъ бы разбудили его.

Она заговорила тихо, но отчеканивая горячо каждое слово, что имъ надо рѣшить что́ дѣлать, надо спасаться, бѣжать изъ Березонолья... Бѣжать обоимъ, если онъ этого хочетъ тоже.

— Хочешь-ли ты? Отвѣчай же!..

— Зачѣмъ вамъ-то уходить?.. едва слышно отозвался онъ.

— Я безъ тебя жить не могу. Скажи мнѣ... скажи прямо... Вѣдь я все-таки почти не знаю... Я прямо отъ тебя никогда ничего не слыхала... Скажи мнѣ, Бога ради, правду... любишь ли ты меня?

— Вы—княжна, помѣщица, а я...

— Это я слышала сто разъ... Говори мнѣ: могъ-ли бы ты полюбить меня, еслибъ я была дворовая?.. Не противна я тебѣ, какъ дурная?.. Вѣдь я дурна и уже не молода .. Говори... что же ты молчишь? Скажи. Скажи правду.

Съ трудомъ выговаривая каждое слово, отъ чувства сдавившаго ей горло, княжна наклонилась ближе и положила руку къ нему на плечо.

— Скажи... Любишь-ли? шепнула она.

— А что̀ будетъ... Погибель ваша...

— Отвѣчай! Одно слово отвѣчай... Ну!..

— Вѣстимо вы мнѣ... Что-жь сказывать?.. Не надо...

Миловановъ потупился, сдерживая глубокое дыханіе, и согнулся, но этимъ движеніемъ невольно приблизился къ ней. Другая рука ея тихо поднялась и легла ему на плечо. Она пытливо смотрѣла ему въ лицо.

— Лжешь ты! рѣзко шепнула наконецъ княжна.— Кабы любилъ, такъ не сидѣлъ бы теперь какъ деревянный... Противна я тебѣ, а сказать это мнѣ совѣстишься...

Миловановъ вдругъ выпрямился, взглянулъ ей въ лицо вспыхнувшимъ взглядомъ и вымолвилъ:

— Ахъ, что̀ вы говорите... Ахъ, Господи!..

И княжна очутилась вдругъ въ его порывисто и крѣпко стиснувшихъ ее объятіяхъ и прильнула губами къ его губамъ.

XXXV.

Прошла недѣля послѣ тайнаго свиданія окончательно порѣшившаго судьбу Полины, а она не предпринимала ничего, хотя мучилась ежечасно.

Рѣшиться на чрезвычайный роковой шагъ безъ всякаго прямаго повода, безъ всякаго толчка извнѣ, мудрено и мужчинѣ съ твердою волей. Нѣчто постоянно заставляетъ откладывать и ждать. Тѣмъ мудренѣе было Полинѣ, въ ея положеніи, сразу, вставъ однажды поутру, безъ всякаго насилія извнѣ, рѣшиться съѣздить къ Ильѣ Петровичу, съ цѣлью просить немедленнаго исполненія обѣщаній.

„Подожду немного...“ думалось ей.

Когда она была у князя въ гостяхъ, то нѣсколько разъ собиралась спросить, сколько времени понадобится братцу, чтобы передать ей тысячъ двадцать пять взаймы, съ отдачей Богъ вѣсть когда. А Илья Петровичъ, какъ нарочно, въ разговорѣ съ Трубецкимъ по поводу плановъ его и проектовъ, раза два отвѣтилъ:

— Теперь не могу, денегъ нѣтъ. Вотъ кабы не заплатили чистоганомъ, выговорили бы разсрочку платежа, тогда были бы деньги!

И Полина не рѣшилась даже заговорить объ его обѣщаніи. Теперь, проводя весь день и вечеръ подъ какимъ-то нравственнымъ гнетомъ ожиданія чего-то, она не могла себѣ сказать, когда рѣшится на тотъ шагъ, который рѣшенъ мысленно.

Однажды утромъ, Полина, сидя за пяльцами, была вдругъ испугана какимъ-то отчаяннымъ воплемъ въ сосѣдней горницѣ. Она невольно вздрогнула, сердце замерло. Крикъ этотъ будто предсказывалъ, что случилось въ Березонольѣ нѣчто касающееся и до нея, до *него*, до ихъ счастія.

Она встала, быстро перешла горницу, отворила дверь въ дѣвичью и увидѣла у постели въ полулежачемъ положеніи Евгенію, которая задыхалась и, схвативъ себя за волосы, тихо стонала. Около нея стояла горничная Мареа и старалась, очевидно, успокоить ее.

— Что́ случилось? выговорила княжна, быстро подходя къ горничнымъ.

Евгенія вскочила, бросилась на колѣни передъ княжной, схватила ее за платье, почти повисла на немъ и закричала, задыхаясь отъ рыданія:

— Въ солдаты!.. везутъ! Спасите его! изъ-за васъ же все!..

По нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ, хотя имя не было названо, княжна догадалась, перемѣнилась въ лицѣ и зашаталась.

Овладѣвъ собой, черезъ мгновеніе она повернулась къ Мареѣ и приказала ей немедленно позвать къ себѣ управителя.

Вернувшись къ себѣ и опустившись на кресло близь окошка, Полина ни о чемъ не думала. Мысли въ головѣ помутились. Все путалось и въ мысляхъ, и предъ глазами, и на сердцѣ. Она чувствовала себя среди какого-то страшнаго круговорота, гдѣ вихремъ несутся и предметы, и собственныя ощущенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ-то на глубинѣ души, поднималось какое-то странное, дикое чувство радости, что вотъ „оно случилось“ и заставитъ ее сдѣлать роковой шагъ.

„Такъ и конца бы не было“, думалось ей. „А теперь вотъ онъ — конецъ! Какой ни будь! Все-таки конецъ!“

Княжна прождала управителя довольно долго и была рада, такъ какъ успѣла немного успокоиться. Она успѣла убѣдить себя, что если Илья Петровичъ не обманетъ, то все въ ея рукахъ.

„Человѣкъ рѣшающійся на все безъ исключенія“, думалось ей, „владѣетъ обстоятельствами его окружающими. И если не погибаетъ, то побѣждаетъ. Но вѣдь безъ борьбы—та-же погибель! Такъ во сто кратъ умнѣе погибнуть въ борьбѣ.“

Джаншіевъ переступилъ порогъ горницы, какъ всегда спокойный, и тихо приближаясь къ ней своими степенными, беззвучно мягкими шагами, подползъ какъ змѣя. Полина была уже сравнительно спокойна и только сурова и холодна.

— Садитесь, выговорила она.

— Увольте, княжна. Мнѣ не время. Сейчасъ ѣду въ городъ. Что̀ прикажете?

— Правда-ли, я слышала, заговорила Полина и удивилась своему равнодушному голосу, — будто бы столяра Егора сбираются сдавать въ солдаты?

— Точно такъ-съ. По указу князя, полученному нынѣ поутру съ гонцомъ, и указано не мѣшкая свезти въ городъ для сдачи. Сейчасъ ѣдемъ.

— Что?.. хотѣла воскликнуть Полина, но слова за-

мерли на ея поблѣднѣвшихъ губахъ. Она только двинула ими.—Сейчасъ? выговорила она чрезъ мгновеніе.

— Точно такъ-съ. Собираемся. Лошадей закладываютъ.

— Да развѣ такъ можно? выговорила она, почти не понимая того, что̀ говоритъ.—Развѣ это вдругъ такъ? Сейчасъ и солдатъ?

— Это дѣло простое, произнесъ Джаншіевъ умышленно любезно.—Одна формальность. Въ полъ-дня времени—и на всю жизнь готово! А мнѣ указано княземъ расходовъ не жалѣть и чтобы въ нѣсколько часовъ все было обдѣлано. Сами знаете, у насъ въ городѣ дать кое-кому какой подарочекъ, то всякаго крѣпостнаго человѣка не только въ солдаты забрѣютъ, а хоть сквозь строй прогонятъ.

Княжна сидѣла помертвѣлая, смутно сознавая то что̀ она слышитъ, а Джаншіевъ говорилъ слегка наклоняясь и равнодушно тихимъ, почти ласковымъ голосомъ, какъ если бы докладывалъ ей нѣчто весьма для нея пріятное.

Затѣмъ управитель поклонился и уже двинулся къ дверямъ. Полина пришла въ себя, быстро поднялась съ мѣста и выговорила сухо:

— Мнѣ нужно послать верховаго къ князю въ Прачешное. Прикажите кому-нибудь быть готовымъ.

— Слушаю-съ, отозвался Джаншіевъ и вышелъ вонъ.

Княжна сѣла, и быстро, дрожащею рукой, кое-какъ, почти безъ связи, написала Ильѣ Петровичу о томъ что̀ случилось и умоляла его немедленно пріѣхать къ ней. Она кончила письмо словами:

„Вы должны спасти меня, или я лишу себя жизни. Не думайте, что это—глупая угроза! Я слишкомъ уважаю себя, чтобы такъ лгать, или пугать людей мнѣ близкихъ. Я твердо рѣшилась. Или вы поможете мнѣ, или я покончу съ собой.“

Когда письмо было написано и запечатано, княжна, собиравшаяся позвать горничную, остановилась въ нерѣшительности.

„А если этотъ ненавистный азіатъ перехватитъ письмо, прочтетъ его, пошлетъ отцу? Вѣдь тогда ужь навѣрное все погибло. Посмѣетъ-ли онъ это сдѣлать? Почему же нѣтъ? Онъ понимаетъ и видитъ въ какомъ я положеніи. Онъ за это будетъ только награжденъ.“

И въ одинъ мигъ княжна подошла къ печкѣ и бросила письмо среди горящихъ дровъ. Но затѣмъ тотчасъ же она бросилась въ дѣвичью и стала кликать Дуняшу такъ, какъ если бы въ ея горницахъ случился вдругъ пожаръ.

— Дуняша! Скорѣе! Бога ради скорѣе! кричала она, озираясь, какъ потерянная.

Дуняша была въ прихожей, но услыхала голосъ барышни и прибѣжала перепуганная. Полина схватила любимицу за плечи и выговорила:

— Дѣлай, какъ хочешь, доставай подводу, ступай на село, найми... Выѣзжай сейчасъ въ Прачешное... Скажи князю, чтобы пріѣзжалъ сюда... Скажи—я умираю... Скажи что̀ хочешь... Чтобы сейчасъ ѣхалъ сюда... Пусть къ вечеру будетъ здѣсь, а не завтра. Къ вечеру! Поняла? можешь?

— Слушаю-съ! Слушаю-съ! повторила Дуняша.—Будьте спокойны. Все сдѣлаю. Успокойтесь.

Любимица ея выбѣжала исполнять приказаніе, а сама Полина сѣла на ближайшій стулъ и вдругъ зарыдала...

XXXVI.

Въ первомъ домикѣ и около него творилось нѣчто необычайное. Вокругъ крылечка стояло болѣе десятка человѣкъ дворовыхъ. Одни уходили, другіе появлялись на ихъ мѣсто. При этомъ нѣкоторые заходили въ самый домикъ. Тихій говоръ, недоумѣніе и сумрачное озлобленіе были на всѣхъ лицахъ.

Въ домикѣ было спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ горницѣ, гдѣ была постель, лежала на ней Лукерья Егоровна, съ измѣнившимся лицомъ и какъ бы въ полузабытьи. Около нея сидѣлъ Егоръ, держа мать за руку, мертво-блѣдный, но на видъ спокойный.

Въ углу, на стулѣ, скорчившись какъ въ клубокъ, положивъ локти на колѣни и голову на руки, сидѣла Евгенія, и уже давно, не двигаясь, замерла въ этой позѣ.

Входившіе дворовые заговаривали съ Егоромъ, охали, прощались, но онъ почти не отвѣчалъ никому ни слова и только кивалъ головой. На полу, среди горницы, стоялъ ящикъ съ кое-какими вещами и узелъ.

Егоръ собрался въ полчаса времени, предполагая сдѣлать очень недалекое путешествіе. Онъ твердо порѣшилъ въ себѣ самомъ, сейчасъ же послѣ формальностей сдачи его въ солдаты, не пробовать и начала этой новой жизни, длящейся двадцать-пять лѣтъ, а покончить съ собой при первомъ удобномъ случаѣ.

Единственно, что̀ мучило его теперь, была невозможность проститься, какъ слѣдуетъ, съ матерью, такъ какъ старушка очевидно не успѣетъ окончательно придти въ себя.

Егоръ былъ убѣжденъ, что когда мать, послѣ его отъѣзда, очнется, то, при вернувшемся сознаніи, она не выдержитъ горя и умретъ.

„Ну, что же“, думалось ему, „вмѣстѣ и предстанемъ предъ Господомъ Богомъ“.

Лукерья Егоровна была однако не въ простомъ обморокѣ, а въ какомъ-то странномъ состояніи. Вѣсть о томъ, что ея сына увозятъ сдавать въ солдаты, разразилась надъ ней такъ внезапно, что старушка только чуть вскрикнула и зашаталась. Сынъ поддержалъ ее, донесъ и положилъ на кровать. И съ этой минуты Лукерья Егоровна лежала съ безсмысленно-испуганнымъ лицомъ.

Она удивленно взглядывала на секунду, потомъ закрывала глаза и подолгу лежала, не двигаясь и не глядя. На нѣсколько вопросовъ, обращенныхъ къ ней сыномъ, она только раскрывала глаза, но не отвѣчала, очевидно не понимая ни слова изъ того, что̀ онъ говоритъ. Егоръ, между тѣмъ, каждую минуту ожидалъ появленія кого-либо отъ управителя, съ приказаніемъ собираться въ путь.

Наконецъ, среди полной тишины въ домикѣ, послышалось движеніе на крыльцѣ, какое-то оживленіе, нѣсколько голосовъ заразъ. Егоръ вздрогнулъ. Это была, очевидно, минута разставанья.

Дверь растворилась настежь, пахнуло холодомъ, затѣмъ дверь опять заперлась. А Егоръ сидѣлъ, не оборачиваясь, не глядя, и только ожидая приказанія встать, взять вещи и выходить. Но вмѣсто этого, онъ услышалъ голосъ заставившій его встрепенуться, вздрогнуть и сразу вскочить съ постели.

Въ горницѣ стояла сама княжна, съ измѣнившимся лицомъ, ярко, но гнѣвно сверкавшими глаза̀ми.

Княжна стояла среди горницы въ такой странной, гордой позѣ, какъ еслибы пришла сюда вмѣсто управителя для какого-нибудь жестокаго, безпощаднаго распоряженія.

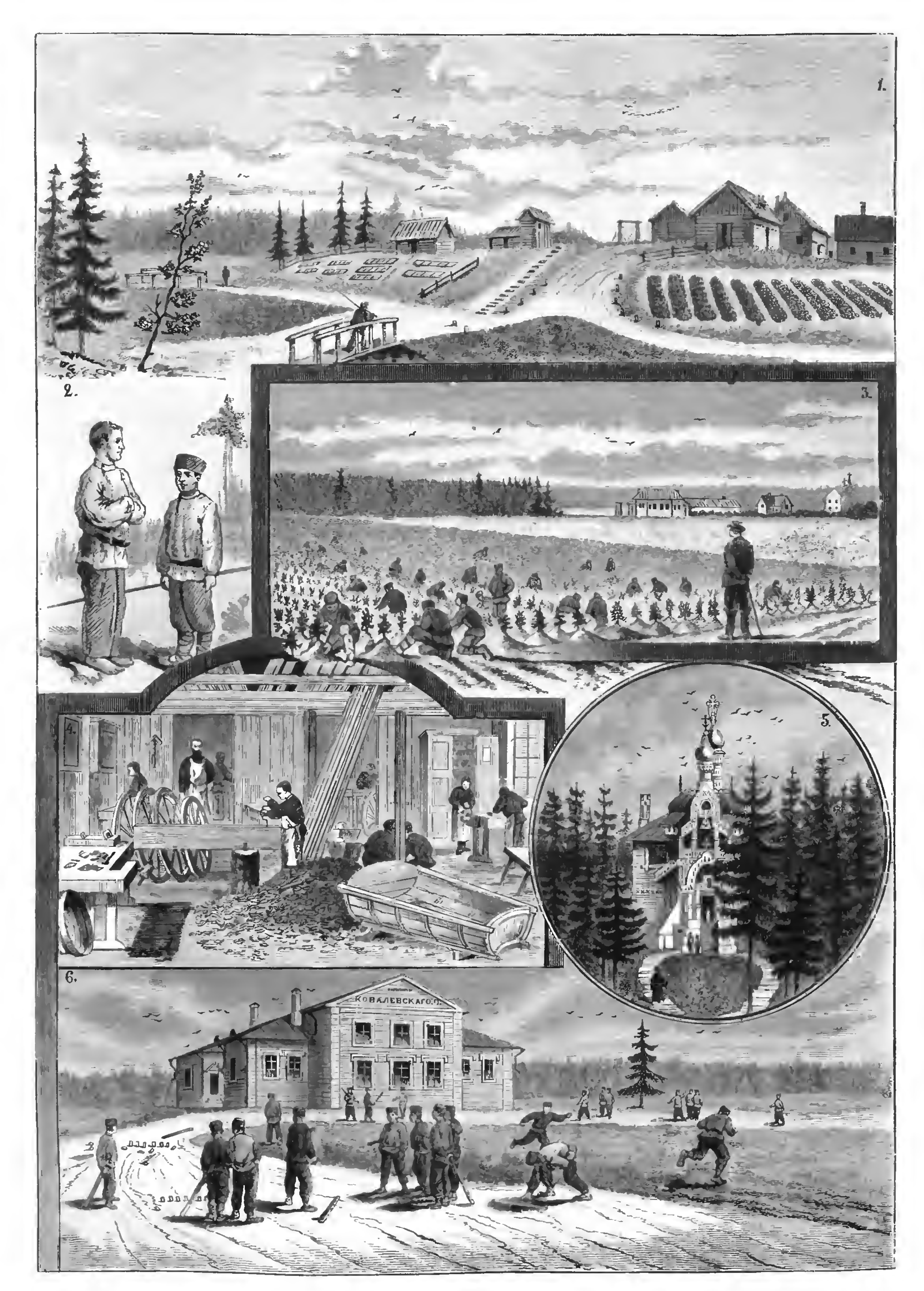
Егоръ, глянувъ на нее, смутился и не понималъ ничего.

Озлобленіе, сказывавшееся во всей фигурѣ княжны, было для него необъяснимымъ. Онъ не зналъ, какъ встрѣчаютъ горе и удары судьбы такія натуры, какою была княжна.

— Вели ей выйти! выговорила тихо и сухо Полина, показывая глазами на скорчившуюся въ углу фигуру Евгеніи, которая даже не замѣтила ея появленія.

Егоръ двинулся, взялъ Евгенію за плечо и не сразу могъ привести ее въ себя. Она поднялась, оглянулась мутными глазами, увидѣла стоявшую княжну и улыбнулась вдругъ почти звѣрски дикою улыбкой.

Типы инородцевъ. Еврей-коробейникъ Витебской губ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Р. Штейна**, грав. Ольшевскій.



Петербургская колонія малолѣтнихъ преступниковъ, близь Пороховыхъ заводовъ.

Ориг. рис. (собств. „НИВЫ“) Шамоты, грав. Рашевскій.

1. Ферма. 2 Типы воспитанниковъ. 3. Полевыя работы. 4. Телѣжная мастерская. 5. Церковь. 6. Спальный павильонъ Ковалевскаго и игры.

Столько злобы и ненависти, столько яда было въ этой улыбкѣ, что княжна невольно отвела глаза отъ лица дѣвушки.

Егоръ шепнулъ что-то раза два. Евгенія поглядѣла на него и выговорила рѣзко:

— Ладно!

Проходя мимо барышни къ наружной двери, она опустила глаза, но поблѣднѣла, и княжнѣ показалось, что она бормочетъ чуть слышно:

— Не бывать...

Едва только дверь затворилась за дѣвушкой, княжна сдѣлала два шага впередъ и, взявъ Егора за руку, вымолвила чуть слышно, но твердо:

— Этого ничего не будетъ! Ты не будешь солдатомъ... Сдадутъ тотчасъ же, но потомъ я все раздѣлаю... Я на все пойду... Они за себя дѣйствуютъ, а мы за себя постоимъ. Посмотримъ еще, чья возьметъ. Завтра же утромъ я буду тоже въ городѣ, буду хлопотать и платить... И ничего изъ твоей сдачи не выйдетъ. Будешь ты считаться солдатомъ, но останешься на жительствѣ гдѣ-нибудь по сосѣдству. А я и солдаткой не побоюсь быть. Помни... Знай это.

— Оставьте, такъ тому и слѣдъ быть! выговорилъ Егоръ тверже.— Любить я васъ все-таки буду... Оставьте!

— Нѣтъ, не оставлю. А тутъ я пришлю къ Лукерьѣ Егоровнѣ мою Дуняшу, ходить за ней. И сама буду приходить по два раза на день и успокою ее. Она перестанетъ бояться за тебя и сразу оправится.

Княжна замолчала, глядѣла упорно въ блѣдное лицо Егора, стоявшаго передъ нею съ опущенными глазами, и какъ будто собиралась ближе двинуться къ нему, будто собиралась положить руки ему на плечи, собиралась проститься...

Но прошло нѣсколько мгновеній въ перѣшимости... На крыльцѣ раздались голоса и кто-то брался за ручку двери... Княжна отступила сразу. Егоръ встрепенулся. Въ горницу выглянулъ кто-то изъ дворовыхъ и произнесъ громко, почти весело:

— Егоръ Ивановичъ, выходи! Управитель прислалъ. Ждетъ!

Говорившій хотѣлъ притворить дверь, но вслѣдъ за нимъ вошло еще два человѣка и, поклонившись княжнѣ, обратились къ Егору съ тѣми же словами:

— Выходи, Егоръ Ивановичъ! Это, что-ли, съ собой берешь?

И они взялись за вещи.

Княжна подавила глубокій вздохъ, оглядѣлась, какъ бы не зная что́ дѣлать, и наконецъ вымолвила слегка дрожащимъ голосомъ:

— Прощай, Егоръ! Не надолго.

И быстро вышла изъ домика.

Егоръ стоялъ какъ бы въ какомъ-то туманѣ, едва сознавая окружающее. Наконецъ онъ шевельнулся, подошелъ къ матери, нагнулся, поцѣловалъ ее трижды, какъ спящую, потомъ перекрестился и двинулся на крыльцо.

Здѣсь, около подводы, набралось уже человѣкъ до тридцати дворовыхъ. Всѣ они полѣзли прощаться. Со всѣми перецѣловался Егоръ, но не помнилъ, что́ дѣлаетъ...

Затѣмъ онъ сѣлъ въ сани, и двигаясь вдоль улицы, кланяясь и кивая головой направо и налѣво, подъѣхалъ къ дому управителя.

Джаншіевъ сидѣлъ уже въ другихъ саняхъ, и при видѣ подъѣхавшаго, велѣлъ трогать. Поѣздъ двинулся по дорогѣ къ церкви.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

XII.

Комната, куда вошелъ Хмуровъ, раздѣлялась на-двое ситцевою занавѣской, которая была теперь вскинута па веревку, и онъ увидѣлъ помятую постель съ грудою грязныхъ подушекъ и ситцевымъ одѣяломъ. На другой сторонѣ стоялъ столъ и диванъ. У окна, за швейной машинкой работала сама Славина, въ грязной блузѣ, съ разстегнутымъ воротомъ.

— А, Алексѣй Константиновичъ! встала она, придерживая одною рукою воротъ и протягивая другую Хмурову. — Отчего сегодня не были? какъ занимательно было!

— Вообразите, мы выиграли! проговорилъ радостно Славинъ, сбрасывая со стульевъ на диванъ массу жилетовъ изъ сѣрой грубой матеріи.

Хмуровъ сѣлъ на освободившійся стулъ. Передъ нимъ выстроились дѣти и, сося конфекты, разглядывали его съ любопытствомъ.

— Идите въ кухню! прогнала ихъ Славина.— Погодите, на-те вамъ!

И она дала имъ по грушѣ изъ разсыпанныхъ по столу яблокъ, грушъ и сливъ.

— Да, выиграли, перебила она мужа.—Все большія выдачи были, а намъ везло.

— На „Принца“ 10 руб. 50 выдавали, перебилъ Славинъ,—на „Зосю“ четырнадцать, на „Сокола“...

— Новая лошадь, вставила Славина, не отпуская руки отъ горла.

— Прелесть! восхитился Славинъ и продолжалъ:—двѣнадцать! на „Славу“ шесть, на „Красавца“ 4 руб. 80!

— И всѣ выиграли! Всѣ! съ улыбкою вскрикнула Славина.

— Сколько-же? завистливо улыбнулся Хмуровъ.

— 97 руб., батенька! 97 руб.!.. съ торжествомъ побѣды отвѣтилъ Славинъ.

„И я бы выигралъ“, съ злобою подумалъ Хмуровъ.

— Барсовъ, вашъ знакомый, опять проигралъ, замѣтила Славина, возвращаясь къ машинѣ.

Черезъ минуту она уже неистово стучала ею.

— Да, была игра! можно сказать! говорилъ Славинъ, — жалѣлъ я, что васъ не было, шутка-ли — 97 рубликовъ, а поѣхали мы съ двѣнадцатью!.. Съ двѣнадцатью, Аня? спросилъ онъ жену.

Та кивнула головою.

— Вотъ на этихъ жилеткахъ заработала! На Сѣнную шьетъ, пояснилъ онъ,—всего и денегъ было. На обѣдъ даже не оставили, а теперь богачи стали... Вотъ она игра-то! ударилъ онъ себя по колѣнкѣ.

— Ѣды-то купить што-ли? спросила кухарка, войдя въ комнату и смотря куда-то въ сторону.

— Да, да, сорвался съ мѣста Славинъ,—вѣдь не обѣдали!—и давая ей деньги, заговорилъ:—ветчинки купи, колбаски купи, селедочку, хлѣба тоже, лимончикъ... Ахъ, да, водки не забудь, водки!

— Пусть купитъ шоколаду дѣтямъ, обернулась Славина, стуча машиною.

— Да, да, шоколаду купи, сказалъ Славинъ.

— Ничего не ѣвши, да шоколадъ лопать! проворчала кухарка, беря ассигнацію и поворачиваясь къ выходу.

— Ну ты, ты! возвысилъ голосъ Славинъ, одергивая свой жилетъ.

Хмуровъ всталъ. Что́ ему нужно было узнать, онъ узналъ. Выдавали большіе куши, и онъ не былъ, а эти „идіоты“ выиграли. Ему стало ужасно тяжело.

— Куда же вы? встрепенулся Славинъ.

— Попили бы чаю, обернулась, схватываясь за горло, Славина.

— Нѣтъ, жена ждетъ, отговорился Хмуровъ и пошелъ къ передней.

— А въ воскресенье будете? крикнула вслѣдъ Славина.

— Непремѣнно, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Приходите, приходите, уговаривалъ его въ передней Славинъ,—вѣрно опять будутъ большія выдачи. Мы съ женою увеличиваемъ ставки. Теперь опять вмѣстѣ играемъ, окончилъ онъ, прощаясь.

Хмуровъ ушелъ отъ Славиныхъ совершенно разозленный: безъ него была такая большая игра, всѣ выиграли, а онъ, какъ мальчишка, сидѣлъ дома изъ-за какого-то слова. Взялъ бы 5 руб. и принесъ бы домой рублей 50—60, а тутъ проскучалъ дома, не игралъ, и только испортилъ весь свой день. Жена воображаетъ себя разсудительною женщиной и торжествуетъ. Онъ почти прибѣжалъ домой и, сидя за чаемъ, съ напускнымъ хладнокровіемъ сказалъ женѣ:

— Въ слѣдующее воскресенье я пойду на скачки. Приготовь мнѣ 10 руб.

Она не донесла чашку чая до рта и поставила ее на столъ. Глаза ея сверкнули, но она сдержалась отъ вспышки.

— Можешь все взять—у меня 14 руб. осталось.

— Мнѣ десять надо!—и лицо его дрогнуло.

— Ахъ, дѣлай какъ знаешь! рѣзко отвѣтила она, отходя отъ стола.—Вотъ тебѣ деньги!

И она кинула портмоне на столъ.

— Ты меня не испугаешь этими сценами, искривилъ ротъ усмѣшкою Хмуровъ.—Не воображай, что ты имѣешь дѣло съ мальчишкой. Я хочу—и я пойду, твои сцены не остановятъ меня, возвысилъ онъ голосъ.

— Да развѣ я говорю что-нибудь? широко открыла глаза Настасья Сергѣевна. Ея лицо нѣсколько поблѣднѣло. — Иди, сдѣлай милость. Только въ другой разъ, прибавила она,—осторожнѣе честныя слова давай.

Хмуровъ вспыхнулъ.

— Я могу безъ твоихъ совѣтовъ обойтись. Хочу дамъ, хочу возьму—тебѣ что за дѣло? Нашлась разумница, мужа воздерживать! Да мужъ твой какъ лошадь работаетъ, и въ воскресенье отдохнуть, развлечься хочетъ, а она съ честными словами! съ воздержаніемъ! Руководить мною вздумала!

— Я ничего не говорю тебѣ, остановила его жена, и въ голосѣ ея прозвучали рѣзкія ноты.

Хмуровъ смолкъ и только изрѣдка ворчалъ: „честное слово, точно мальчишка!"

Между ними произошла полная ссора, они перестали даже говорить другъ съ другомъ, и ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ попытки къ примиренію.

XIII.

Хмуровъ въ душѣ раскаивался въ своей выходкѣ, но боялся заговорить о мирѣ: это было бы съ его стороны уступкою, слѣдомъ за которою, пожалуй, опять придется отказаться отъ игры на скачкахъ, и чѣмъ ближе подходило воскресенье, тѣмъ тревожнѣе билось его сердце.

Онъ сознавалъ себя неправымъ и ему тяжело было спросить у жены денегъ изъ 14 руб. для игры, можетъ-быть для проигрыша, но въ то же время ему еще тяжелѣе было отказаться отъ возможности поиграть, и онъ мучился, стараясь примирить свое желаніе съ совѣстью.

„Всего 14 руб., теперь вѣрно ужъ 11 руб., а до двадцатаго почти три недѣли", мучился онъ, „придется и такъ прибѣгнуть къ закладамъ, а тутъ я еще проигрывать хочу — просто нечестно!.. А вдругъ выиграю", тутъ же успокаивалъ онъ себя, „и потомъ я всего 7 руб. возьму. Если проиграю, заложу часы, призайму; до двадцатаго кое-какъ дотянемъ. Всего три недѣли осталось!"

Но черезъ минуту его опять волновали сомнѣнія:

„Вѣрнѣе всего проиграю, а жить надо почти мѣсяцъ!"

А желанье играть брало опять верхъ.

— Пойдете завтра? спросилъ на службѣ Славинъ.

— Не знаю, нерѣшительно отвѣтилъ Хмуровъ.

— Идите, идите! заволновался Славинъ, — навѣрное будетъ большая игра. Новыхъ лошадей много,—идите!

— Пойду, рѣшилъ наконецъ Хмуровъ. — Безъ риска и игры нѣтъ!

Въ воскресенье, едва онъ проснулся, какъ тотчасъ подумалъ о скачкахъ и, быстро одѣвшись, вышелъ къ чаю. У самовара сидѣла жена, задумчиво мѣшая ложечкой въ чашкѣ. Онъ даже не подошелъ къ ней и взглянулъ на часы. Было почти одиннадцать часовъ.

„Какъ бы не опоздать", подумалъ Хмуровъ, присаживаясь къ столу.

— Дай мнѣ чаю! сказалъ онъ сухо, и вдругъ сердце его замерло.

Онъ вспомнилъ, что надо еще взять денегъ и спросить ихъ надо у жены. Ему это показалось тяжелою пыткою.

— Настя, сколько у насъ денегъ? упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— 10 руб., сухо отвѣтила она, не поднимая головы.

Хмуровъ растерялся. Сумма была очень незначительна.

— Какъ десять, только десять? растерянно произнесъ онъ.

— Только десять, какъ эхо повторила Настасья Сергѣевна.

— Какъ же это, въ воскресенье было... началъ онъ.

Настасья Сергѣевна подняла глаза и, холодно взглянувъ на него, медленно сказала:

— Въ воскресенье было четырнадцать, недѣлю мы прожили— теперь осталось у насъ десять. Да тебѣ что? спросила она наконецъ, — играть хочется? Возьми всѣ и иди съ Богомъ!

Она облегчила ему задачу.

— Да, кивнулъ онъ,—только теперь дай мнѣ 6 руб., съ меня шести довольно.

Настасья Сергѣевна молча вынула деньги и, отсчитавъ 6 руб., положила ихъ на столъ.

Хмуровъ не смогъ сдержать улыбки удовольствія при видѣ денегъ, но тутъ же смутился, почувствовавъ на себѣ холодный, ироническій взглядъ жены.

„Гадко, малодушно", покраснѣлъ онъ, но все-таки спряталъ деньги въ карманъ и сталъ торопиться.

Передъ уходомъ ему страстно хотѣлось поцѣловать жену, но ея серьезное, грустное лицо было такъ холодно и спокойно, что онъ не рѣшился подойти къ ней и съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ на улицу. На вокзалъ онъ пріѣхалъ рано, купилъ афишу, билетъ и, грустный, недовольный собою, усѣлся въ углу пустаго вагона, равнодушно просматривая афишу. Страстное желаніе быть на скачкахъ, разгораясь при сопротивленіи, теперь перешло въ равнодушное спокойствіе, и онъ готовъ былъ даже бросить билетъ, афишу и вернуться успокоить свою Настю; но вагонъ мало-по-малу началъ наполняться; со всѣхъ сторонъ стали доноситься разговоры о лошадяхъ, горячіе споры, азартныя пари, и Хмурова незамѣтно охватила атмосфера тотализатора. Онъ развернулъ афишу и жадно сталъ вчитываться въ нее, прислушиваясь къ толкамъ окружающихъ. Когда же поѣздъ подошелъ къ платформѣ и Хмуровъ вышелъ на воздухъ съ оживленною, пестрою толпою, онъ забылъ о всѣхъ своихъ недочетахъ и ускорилъ шаги, томясь мыслью:

„Что-то будетъ: проиграю или выиграю?"

Онъ вошелъ въ мѣста и чѣмъ-то дружественнымъ, роднымъ показались ему и мѣста, и люди, и оживленные разговоры, и суетливая толкотня толпы. Словно онъ вернулся въ кружокъ старыхъ, дорогихъ друзей. Онъ весело улыбался и осматривался по сторонамъ. Почти всѣ лица были ему знакомы. Вонъ, у десяти-рублеваго тотализатора, терпѣливо дожидаясь очереди, стоитъ женщина въ золотыхъ очкахъ, говорившая съ нимъ въ первый день скачекъ. Вонъ смазные сапоги считаютъ деньги, а рядомъ засаленный картузъ что-то горячо толкуетъ, махая афишкою; сѣдой офицеръ, плотный господинъ, студентикъ,—все это было знакомо Хмурову, и онъ весело улыбался. А вонъ и юнецъ Колпинъ. Колпинъ тоже замѣтилъ Хмурова и подошелъ къ нему. Они поздоровались.

— На кого? спросилъ Колпинъ, стараясь говорить басомъ и небрежно играя тросточкой.

— Еще не ставилъ, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Я на „Джигита" поставилъ... Не везетъ мнѣ чертовски!—и онъ махнулъ тросточкой.—Помните, съ того раза, какъ я выигралъ—все проигрышъ и проигрышъ!

— А я васъ не видѣлъ тутъ? вспомнилъ Хмуровъ.

— Да, я, видите, игралъ крупно, такъ ходилъ въ трехъ-рублевыя мѣста—и все продулъ, все, рублей за 150 будетъ. Теперь рѣшилъ, если проиграю—баста! До Царскаго Села откладываю.

И онъ, словно ставя точку, ударилъ тросточкой въ землю.

„Ишь щенокъ", съ завистью подумалъ Хмуровъ, „едва отъ земли видно, а 150 руб. спустилъ; я же и шести проиграть не могу, по совѣсти!"

— Гэ, другъ, гдѣ вы пропадали? налетѣлъ на Хмурова Барсовъ.—Я думалъ, что ужъ покончили, Зыбинъ напугалъ. Какъ онъ тогда-то, помните? обнажилъ зубы Барсовъ.

Хмуровъ кивнулъ головою.

— Продулся въ тотъ разъ и струсилъ, отвѣтилъ онъ.

— Эхъ, волковъ бояться... Я всѣ разы продулся, да иду на проломъ. Волгу по боку и—играю! Прошлый разъ азартная игра была, большія выдачи, продолжалъ Барсовъ. — Ваши-то, Славины, выиграли!

— Знаю, знаю! отвѣтилъ Хмуровъ,—вы ставили?

— Нѣтъ еще. Вы на кого?

— Не знаю, я на удачу! отвѣтилъ Хмуровъ и пошелъ къ будкѣ тотализатора.

Онъ рѣшилъ поставить на тотъ же №, на который поставятъ передъ нимъ.

— Два вторыхъ! спросилъ стоящій передъ нимъ.

— Одинъ четвертый! подошелъ Хмуровъ.

Онъ вдругъ передумалъ и почему-то поставилъ удвоивъ № предъидущаго.

— А, пришли! раздался позади его голосъ, и Славина закачала своими перьями.—Мы съ Васей теперь увеличили ставки и опять врозь играемъ. Я думаю, лучше врозь? а?..

— Не знаю, улыбнулся Хмуровъ.

— Лучше, лучше! заклевала птица на шляпкѣ Славиной.

— Одолжите папиросочку! подошелъ ея мужъ.—Ты на кого поставила? обернулся онъ къ женѣ.

— Не скажу, не скажу—мое дѣло! заволновалась она.

— Э, дура! выпустилъ Славинъ струю дыма. — Зыбина не видали? спросилъ онъ Хмурова.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Хмуровъ и обрадовался въ душѣ, что не видалъ его.

„Всегда съ наставленіями или шуточками", подумалъ онъ.

Раздался звонокъ. Всѣ бросились къ мѣстамъ.

Начались скачки.

XIV.

Хмуровъ игралъ безъ проигрыша. Счастье на этотъ разъ улыбнулось ему, и онъ безъ всякаго соображенія и разсчета ставилъ на тѣхъ лошадей, которыя выигрывали.

— Неужели вы на „Бегемота" поставили? изумился Славинъ.—Вѣдь это, батенька, деньги на вѣтеръ кидать!

— На „Бегемота", отвѣтилъ смѣясь Хмуровъ, и выигралъ.

— Везетъ вамъ! съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и горящими глазами подскочилъ Колпинъ,—а мнѣ все неудача, все неудача... Проклятіе какое-то!

И онъ, чуть не плача, билъ тросточкою по землѣ.

— Не вы одни, и я сегодня съ выигрышемъ! къ концу скачекъ подошелъ къ Хмурову Барсовъ.

— Ну-у? притворно изумился Хмуровъ.

— Да-съ! не шутите, 30 рублевъ домой несу! весело хлопнулъ себя по карману Барсовъ. — Кутну сегодня, куда ни шло! Зальюсь на всю ночь! и перемѣнивъ тонъ, заговорилъ серьезно:—Правда, радъ! За все время я только проигрывалъ, рублей 100 спустилъ, да тамъ: долги, квартира, обѣдъ—всего оста-

лось рублей 40 у меня. Я вѣдь 215 получилъ, съоткровенничалъ онъ,—вотъ и вся Волга тутъ! Сталъ проигрывать—ужасъ охватилъ, что будетъ! Ну, а сегодня вдругъ фортуна-то и обернулась лицомъ! искренно радъ! окончилъ онъ.

Поблѣднѣвшее лицо его вспыхнуло румянцемъ, и онъ задумчиво опустилъ голову, повидимому позабывъ о планѣ „залиться" на всю ночь.

Они молча продолжали идти къ платформѣ. Хмуровъ въ умѣ дѣлалъ разсчетъ выигрыша:

„Кажется, рублей 20 у меня въ карманѣ!" рѣшилъ онъ и улыбнулся: „съ шести рублей!"

— Вотъ тебѣ и увеличила ставки! раздался за ними сердитый голосъ Славина.

— Да вѣдь не я одна—и ты! въ тонъ отвѣтила жена.

— Я—другое дѣло, а ты чего лѣзешь, не понимаю!

Они догнали Хмурова и Барсова.

— Помилуйте, обернулся къ нимъ Славинъ, — все продули! Одолжите папиросочку.

Барсовъ одолжилъ.

— Все, что выиграли! закурилъ Славинъ.—Изъ девяноста семи какихъ-нибудь 10 руб. на себя потратили, остальное все тутъ оставили!

— Да, все! сокрушенно мотнула головою Славина.

— Да, все! злобно передразнилъ Славинъ. — Заладила, какъ ворона: врозь, врозь, да и ставила чортъ знаетъ на кого! сжалъ онъ кулаки.

Славина разсердилась.

— Ты не говори такъ! закричала она,—самъ не понимаешь ничего, а тоже лѣзешь! ты выигралъ хотя грошъ? Я вотъ на „Бегемота" взяла, а ты только зубы щерилъ! То-то! тряхнула она перьями и величественно вошла въ вагонъ.

— Выиграли сегодня? смущенно улыбаясь, обратился Славинъ къ Хмурову.

— Я что! засмѣялся Хмуровъ,—а вотъ кто выигралъ! указалъ онъ на Барсова.

— Ну-у? изумился Славинъ. Барсовъ хохоталъ.

— И много? съ завистью спросила Славина.

— За сто, отвѣтилъ Барсовъ и еще громче расхохотался.

— За сто! въ одинъ голосъ воскликнули Славины, — счастливецъ!

— Одолжите папиросочку по этому случаю, протянулъ руку Славинъ.

Въ вагонъ вошелъ Колпинъ. Онъ театрально швырнулъ на лавку тросточку и шляпу и, отирая лицо платкомъ, обратился къ Хмурову.

— Баста! Теперь уже въ Царскомъ увидимся. Сюда не пріѣду больше.

— Что такъ? улыбнулся Барсовъ.

— Канальски не везетъ! до ушей вздернулъ плечами Колпинъ,—все продулъ, рублей до двухсотъ будетъ.

— Сколько-же вы сегодня проиграли? спросилъ съ удивленіемъ Хмуровъ.

— Рублей 45, небрежно проговорилъ Колпинъ.

— Богатенькій, вѣрно? шепотомъ спросилъ Хмурова Славинъ. Хмуровъ пожалъ плечами:—Не знаю!

— Да, продолжалъ Колпинъ, — я не играю на рублевомъ; 5 руб., 10 руб.—вотъ это ставки; или проигралъ, или выигралъ—разсчетъ есть! а рубль—не стоитъ мараться!

Онъ вынулъ папироску, поколотилъ ею о крышку портсигара и закурилъ, небрежно положивъ тонкія ноги на противоположную скамейку.

Хмуровъ, радостный, возвращался домой. По дорогѣ онъ купилъ банку варенья и успѣлъ счесть деньги — 19 рублей съ копѣйками.

— 10 рублей ей отдамъ, 9 на слѣдующій разъ оставлю, рѣшилъ онъ и спѣшилъ домой, думая обрадовать жену и помириться съ нею.

Когда онъ вошелъ въ комнату, Настасья Сергѣевна не встрѣтила его обычнымъ вопросомъ, хотя на столѣ было все приготовлено для обѣда. Онъ увидѣлъ то-же грустное, холодное лицо жены, старательно работавшей у окна иголкой. При его входѣ она подняла глаза отъ работы и, окинувъ его сіяющую фигуру съ банкой варенья въ рукахъ, равнодушно устремила ихъ опять на работу.

Хмуровъ нѣсколько смутился. Онъ молча поставилъ на столъ банку и вынулъ 10 руб.

— Получи назадъ, кинулъ онъ бумажку на колѣна жены, стараясь казаться равнодушнымъ. Та молча сложила ее и, вынувъ портмоне, спрятала деньги.

Хмуровъ былъ слишкомъ доволенъ выигрышемъ. Ему нуженъ былъ теперь миръ, и онъ не могъ спокойно обѣдать, чувствуя за своей спиной жену, грустную, холодную по виду, навѣрно страдающую въ душѣ. Онъ бросилъ ложку, всталъ отъ стола и тихо подошелъ къ ней.

— Настя, перестань, моя радость, чего ты хмуришься? обнялъ онъ ее,—ну, я не утерпѣлъ, пошелъ, что-же дѣлать? а теперь я и деньги вернулъ тебѣ, съ лихвой даже.

Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ея грустные глаза.

— Мнѣ развѣ денегъ жалко? тихо сказала она.

— Чего-же ты сердилась?

— Чего? она вдругъ подняла озарившееся улыбкою лицо свое и крѣпко обняла Хмурова,—сердилась на то, что ты удержаться не можешь, что увлекся такъ, что меня изругалъ, что характера у тебя не оказалось, Леша! Вотъ что! а деньги — что мнѣ!

— Дорогая моя, отвѣтилъ онъ на ея поцѣлуи,—ты говоришь про характеръ, да развѣ въ этомъ онъ? неужели ужъ такъ нужно воздерживать себя отъ малѣйшаго увлеченія? Вѣдь только ими и жизнь красна! не аскеты-же мы, Настя!

— Но если это опасное увлеченіе?

— Э, брось, Настя, опасное! ну, я проигралъ-бы 6 рублей. Непріятно это, но опасности никакой нѣтъ. А ты готова, кажется, думать, что я непремѣнно въ результатѣ красть стану.

Настасья Сергѣевна окончательно успокоилась и развеселилась. Глаза ея блеснули ласкою, губы невольно складывались въ улыбку и она весело сказала:

— Ну, ну, философъ, я знаю, что увѣрить во всемъ можно! иди ѣсть лучше: супъ простылъ!

— Не съ супомъ жить, а съ добрыми людьми, засмѣялся Хмуровъ и сѣлъ снова къ столу.

— Много выигралъ? подсѣла къ нему жена.

— 19 рублей! отвѣтилъ Хмуровъ, опуская ложку съ супомъ,—10 тебѣ далъ, 9 на слѣдующій разъ оставилъ.

— Да ѣшь-же ты! крикнула смѣясь Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ снова взялся за ложку.

— Барсовъ выигралъ, говорилъ онъ между ѣдой,—ужь какъ радъ, говоритъ — все проигрывалъ... Славины проиграли, Колпинъ проигралъ. Я, знаешь, главное на „Бегемотѣ" выигралъ... Никто не ставилъ, давали 7 руб. 30 коп. — и онъ передавалъ ей всѣ впечатлѣнія прошедшихъ скачекъ.

Она слушала его съ улыбкою и думала:

„Чего я такъ волновалась? ну выигралъ, проигралъ онъ,—не все-ли равно? за то какъ онъ оживленъ и доволенъ!.."

(Продолженіе будетъ).

Петербургская колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Очеркъ **П. В. Быкова.** (Рис. на стр. 1097).

Подъ Петербургомъ, верстахъ въ трехъ отъ Охтенскаго порохового завода и не далѣе версты въ сторону отъ Рябовскаго заводскаго шоссе, тянется густой сосновый лѣсъ на пространствѣ двухсотъ шестидесяти десятинъ. Среди лѣса, на протекающей въ немъ небольшой рѣчкѣ Лупѣ, на горѣ виднѣется большая площадь съ нѣсколькими красивыми домиками, въ русскомъ вкусѣ, отстоящими довольно далеко одинъ отъ другого, съ хозяйственными постройками и небольшою новенькою церковью. Подъ горкой раскинулись огороды, возлѣ которыхъ копошится маленькій народецъ. Это такъ-называемая „Земледѣльческая колонія и ремесленный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ". Отсутствіе часовыхъ и какой бы то ни было стражи, отсутствіе заборовъ, затворовъ и всего похожаго на тюремное заключеніе—придаютъ колоніи веселый, привлекательный видъ и заставляютъ рѣшительно забывать о томъ, что здѣсь живутъ лишенные свободы, по приговору суда, удаленные изъ общества порочные члены его. Здѣсь отовсюду вѣетъ миромъ и тишиной. Юные колонисты веселы, привѣтливы, спокойны и невольно располагаютъ въ свою пользу каждаго изъ посѣтителей этого, въ высшей степени благодѣтельнаго, учрежденія. А между тѣмъ сюда поступали дѣти изъ самыхъ ужасныхъ притоновъ, оборванныя, полуголодныя, ожесточенныя, развращенныя послѣ пребыванія своего въ острогахъ. Разумная обстановка, старательный педагогическій уходъ, человѣчное обращеніе, бытъ на семейныхъ началахъ, прекрасное вліяніе и добрый примѣръ — все это примирило дѣтей съ жизнью и почти переродило ихъ. По крайней мѣрѣ эти добродушные ребята, работающіе на открытомъ воздухѣ, трудящіеся съ увлеченіемъ въ разныхъ мастерскихъ, учащіеся грамотѣ или затѣвающіе игры, ровно ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, искренныхъ дѣтей. На лицахъ колонистовъ не видно ни озлобленія, ни наглости, ни лицемѣрной покорности. Напротивъ, они говорятъ о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, о непринужденности, которыя существуютъ въ колоніи между дѣтьми и тѣми лицами которымъ порученъ бдительный надзоръ за питомцами.

Колонія малолѣтнихъ преступниковъ существуетъ уже восемнадцать лѣтъ. Мысль объ основаніи подобнаго учрежденія возникла еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Нѣсколько просвѣщенныхъ лицъ, глубоко сочувствуя дѣлу спасенія несчастныхъ дѣтей, вовлеченныхъ въ преступленія чаще всего безпріютностью, нищетою, невѣжествомъ, дѣтей рано лишившихся родителей или брошенныхъ на произволъ судьбы, соединились, въ числѣ 275 человѣкъ, въ общество и выработали „Уставъ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ", который и былъ утвержденъ пра-

Парижская всемірная выставка 1889 г. Индійскій дворецъ на Марсовомъ полѣ.

Внутренній видъ Индійскаго дворца на Марсовомъ полѣ.

вительствомъ 15 января 1870 года. Своею цѣлью Общество поставило содѣйствовать улучшенію участи несовершеннолѣтнихъ обоего пола, впавшихъ въ пороки и преступленія, а также безпріютныхъ сиротъ и малолѣтнихъ нищихъ, которые, по бѣдности и вредному вліянію окружающей среды, не могли получить правильнаго образованія, знанія какого-либо ремесла и потому не могутъ зарабатывать себѣ пропитаніе и лишены возможности вести трудолюбивую и честную жизнь. Для достиженія такой цѣли Общество и рѣшило основать на первый разъ земледѣльческую колонію съ ремесленнымъ пріютомъ, гдѣ ввести правильное физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей, заключающееся въ преподаваніи питомцамъ элементарнаго образованія, въ обученіи ихъ земледѣлію и ремесламъ, во внушеніи добрыхъ правилъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свѣдущихъ сельскихъ работниковъ и ремесленниковъ и тѣмъ обезпечить имъ въ будущемъ средства къ существованію. Для устройства этой колоніи Общество вошло съ ходатайствомъ къ министру Государственныхъ Имуществъ объ уступкѣ ему подъ колонію лѣснаго участка изъ Охтенской казенной дачи. Ходатайство было уважено, и Общество получило прекрасный кусокъ земли, по своему мѣстоположенію, качеству почвы и обилію лѣснаго матеріала, представлявшій большія выгоды для хозяйства колоніи. По съемкѣ, произведенной въ 1883 году, оказалось въ этомъ участкѣ 460 дес. и 2350 саж., изъ которыхъ подъ лѣсомъ разнаго возраста 249 дес. 1960 саж., подъ прогалинами 30 дес. 870 саж., подъ пашней, сѣнокосомъ и прочими угодьями 56 дес. 320 саж., подъ усадьбою, рѣкою, дорогами и неудобною землей 124 дес. 1600 саж. Расчистивъ поляну и выкорчевавъ пни, изъ срубленнаго тутъ лѣса на первый разъ построили четыре красивыхъ двухъэтажныхъ домика и кое-какія службы, заимствовавъ систему построекъ французской колоніи Метрэ. Колонія открылась оффиціально 18 ноября 1871 года. Въ нее поступило сперва одиннадцать мальчиковъ, которые и составили одну семью. Къ январю 1873 года число питомцевъ возросло до 53 человѣкъ. Они были раздѣлены на ремесленниковъ и колонистовъ: первые, изъ горожанъ, учились кузнечному и столярному мастерствамъ; вторые, изъ деревенскихъ, обрабатывали землю. Тѣ и другіе обучались грамотѣ, закону Божію, родному языку и ариѳметикѣ. Сперва земледѣльческая колонія какъ-бы отдѣлялась отъ ремесленнаго пріюта и имѣла свое особое хозяйство, свои распорядки, но потомъ они смѣшались, и въ настоящее время хозяйство у нихъ нераздѣльное. Первымъ директоромъ земледѣльческой колоніи былъ извѣстный педагогъ А. Я. Гердъ, первымъ директоромъ и воспитателемъ пріюта Ѳ. Ѳ. Резенеръ. Оба они учили питомцевъ грамотѣ и прочимъ наукамъ—въ спальняхъ на раскидныхъ столахъ, такъ какъ сначала особыхъ классныхъ комнатъ не было. Не было также при колоніи и мастерскихъ, и воспитанники занимались работой въ лѣсу, вывозили бревна для зданій, пилили обрубки на дрова, вечеромъ чинили платье и бѣлье, затѣмъ устраивали парники, обрабатывали огородъ, учились пахать и сѣять, косили сѣно и жали. Къ 1873 году открылись мастерскія: кузница, тележная и переплетная. Таковы исторія возникновенія колоніи и состояніе ея въ первые годы существованія этого въ высшей степени полезнаго учрежденія.

Въ настоящее время колонія пережила свою переходную пору и разныя колебанія, вполнѣ установилась, разрослась и находится въ истинно цвѣтущемъ состояніи, подъ вѣдѣніемъ директора И. А. Тютчева. Докторъ химіи, бывшій профессоръ университета Св. Владиміра, Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института и потомъ директоръ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Иванъ Артамоновичъ Тютчевъ вступилъ въ завѣдываніе колоніей въ 1881 году, и мало-по-малу ввелъ новые порядки, послужившіе ко благу учрежденія, о которомъ онъ неусыпно заботится. Не смотря на свои 65 лѣтъ, этотъ совсѣмъ сѣдой, почтенный старикъ удивительно бодръ и духомъ, и тѣломъ. Онъ неутомимъ въ своихъ хлопотахъ и по хозяйственной части, и по надзору за питомцами, которые и любятъ, и уважаютъ его, и боятся. Онъ горячо относится къ своему дѣлу, сжился съ нимъ и не перестаетъ заботиться о благосостояніи колоніи. Будучи превосходнымъ педагогомъ, онъ умѣетъ благотворно вліять на воспитанниковъ, обращается съ ними чрезвычайно человѣчно, кротко, ласково, просто, по-отечески, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ безусловнаго повиновенія и подчиненія строгимъ порядкамъ. За то онъ и достигъ весьма благопріятныхъ результатовъ.

Въ колоніи теперь до 120 человѣкъ, которые живутъ семьями въ пяти домикахъ. Въ концѣ 1884 г. сгорѣлъ одинъ изъ двухъэтажныхъ домиковъ, вмѣсто котораго выстроены два одноэтажные. Въ каждомъ домикѣ помѣщаются мастерскія, классныя комнаты, столовая и квартиры. Одинъ изъ домиковъ занятъ подъ больницу съ аптечкой и съ квартирой для прислуги. Всѣхъ мастерскихъ шесть: портняжная, сапожная, слесарная, столярная, тележная и ткацкая. Была еще и корзиночная, но ее пришлось закрыть вслѣдствіе несостоятельности ея содержателя. Ремесламъ воспитанники обучаются подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ-спеціалистовъ, въ большинствѣ случаевъ работаютъ съ увлеченіемъ, интересуются дѣломъ и дѣлаютъ успѣхи. Весною 1885 года колонія представила на Петербургскую Ремесленную выставку произведенія тележной, слесарной и столярной мастерскихъ и получила за нихъ дипломъ на бронзовую медаль. Портняжная и сапожная мастерская изготовляютъ одежду и обувь для питомцевъ: кромѣ того, за произведенія слесарной и другихъ мастерскихъ колонія выручаетъ въ годъ до 500 рублей. Школа посѣщается нынѣ лишь тѣми питомцами которые не занимаются изученіемъ какого-либо ремесла, но до изученія ремесла не допускаются всѣ вновь поступающіе до тѣхъ поръ, пока не познакомятся съ курсомъ школы, то есть, не выучатся толково читать, сносно писать и хотя немного счисленію. По окончаніи лѣтнихъ полевыхъ работъ, всѣ воспитанники раздѣляются на два отдѣленія: старшее и младшее: въ старшее помѣщены всѣ тѣ, которые принесли съ собою въ колонію нѣкоторое знакомство съ грамотой и ариѳметикой. Въ младшее попадаютъ едва умѣющіе читать и совершенно безграмотные. Занятія въ школѣ продолжаются ежедневно 3 часа для старшаго отдѣленія и 4—для младшаго. Преподаваніемъ занимаются настоятель церкви при колоніи и учитель. Священникъ знакомитъ питомцевъ со священною исторіей, вѣроученіемъ православной церкви и богослуженіемъ; учитель обучаетъ ихъ чтенію, письму, грамматическимъ правиламъ и ариѳметикѣ.

Всѣ вновь поступающіе въ колонію составляютъ ея новиціатъ и мастерскихъ не посѣщаютъ. Они исключительно занимаются хозяйственными работами, пиленьемъ и колкой дровъ, уходомъ за огородными овощами, уборкой сѣна, посадкой картофеля, сборомъ овса и проч. Они и помѣщаются отдѣльно, въ одномъ изъ вновь отстроенныхъ послѣ пожара деревянныхъ домиковъ, получившемъ названіе „дома въ память Михаила Евграфовича Ковалевскаго, сенатора и самаго усерднаго радѣтеля Общества земледѣльческихъ колоній“. Въ отдѣльномъ зданіи, достаточно удаленномъ отъ прочихъ, помѣщаются также и слишкомъ порочные питомцы, трудные въ воспитательномъ отношеніи, которыхъ въ колоніи обыкновенно считается до 10%. Они живутъ подъ особымъ надзоромъ, и для нихъ съ конца 1885 г. устроена особая мастерская—ткацкая. Въ этомъ случаѣ колонія Петербургская послѣдовала примѣру Бехтеленской колоніи въ Швейцаріи, гдѣ, по отзывамъ директора и разныхъ спеціалистовъ тюремнаго дѣла, занятія ткацкимъ мастерствомъ имѣли несомнѣнно благодѣтельные результаты въ смыслѣ перевоспитанія испорченныхъ дѣтей. Забота о воспитаніи колонистовъ всецѣло лежитъ на воспитателяхъ, которые трудятся подъ руководствомъ директора. Воспитатель завѣдуетъ семьей при содѣйствіи помощника или дядьки, обыкновенно отставнаго солдата, заслуженнаго и въ нравственномъ отношеніи безупречнаго. Воспитатели, за исключеніемъ воспитателя пятой семьи, дежурятъ въ колоніи по очереди. На обязанности дежурнаго лежитъ общій надзоръ за порядкомъ въ колоніи, отправка въ больницу заболѣвшихъ, присмотръ за исправнымъ посѣщеніемъ школы и мастерскихъ. Дежурный воспитатель слѣдитъ за отпускомъ провизіи на кухню, ведетъ книгу дежурства, налагаетъ взысканія состоящія въ лишеніи чая, замѣнѣ обѣда или ужина хлѣбомъ и водою, запрещеніи играть и стояніи у койки. Болѣе тяжкое наказаніе — заключеніе въ карцеръ—налагается только директоромъ. На воспитателяхъ лежитъ также обязанность оцѣнки поведенія воспитанниковъ и доведеніе до свѣдѣнія директора о важныхъ нарушеніяхъ обычнаго порядка въ колоніи. Дядьки разводятъ питомцевъ по работамъ, по мастерскимъ, присутствуютъ при обѣдѣ, ужинѣ, чаепитіи и играхъ питомцевъ и спятъ въ одномъ помѣщеніи съ ними, словомъ, находятся при семьяхъ почти неотлучно.

Полное понятіе о жизни дѣтей въ колоніи можетъ дать распредѣленіе часовъ будничнаго дня. Встаютъ питомцы въ 6 часовъ утра: полчаса имъ дается на уборку своихъ постелей, на умыванье (причемъ мыло отпускается имъ въ достаточномъ количествѣ) и на молитву. Послѣ этого они идутъ въ столовую пить чай со ржанымъ хлѣбомъ, на что дается имъ также полчаса. Окончивъ чаепитіе, они расходятся по мастерскимъ, часть идетъ въ школу, новички отправляются на работы по хозяйству. Въ 8, 9, 10 и 11 часовъ раздаются звонки, это — смѣняются различныя отдѣленія, посѣщающія школу. Въ полдень звонокъ призываетъ всѣхъ къ обѣду, передъ которымъ питомцы поютъ молитву; ихъ пѣніе отличается чрезвычайной стройностью; есть прекрасные, чистые, звучные голоса, и это дѣтское пѣніе дѣйствительно умиляетъ душу. Ни криковъ, ни шума, ни брани за обѣдомъ не слышится; обѣдаютъ чинно, опрятно, съ аппетитомъ, но безъ алчнаго набрасыванія на пищу. Послѣ обѣда до 2 часовъ питомцы играютъ на дворѣ въ мячъ, въ лапту, въ городки и проч. или въ помѣщеніяхъ своихъ семей. Съ 2 до 7 час. опять работаютъ въ мастерскихъ, кромѣ пятой семьи, новичковъ, трудящейся по хозяйству; зимой она, конечно, работаетъ пока свѣтло. Въ 7 час. ужинъ, въ 9 ложатся спать. Лѣтомъ послѣ ужина до 9 часовъ имъ дозволяется играть на дворѣ. Суббота нѣсколько разнится отъ прочихъ дней тѣмъ, что послѣ обѣда питомцы уже не работаютъ, а приводятъ въ порядокъ помѣщенія свои, идутъ въ баню, и затѣмъ въ свою церковь къ вечернѣ или ко всенощной. Въ воскресенье и въ праздникъ дѣти встаютъ въ 8 час., идутъ къ обѣднѣ; работъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ, не производятъ. Послѣ обѣда имъ дается въ 4 часа вечерній чай. Пища питомцевъ простая, но вкусная, сытная и обильная: на обѣдъ, кромѣ среды, пятницы и трехъ недѣль Великаго поста, готовится супъ или щи съ полуфунтомъ

мяса на человѣка и каша гречневая или пшенная; на ужинъ— тоже, но безъ мяса. Въ праздникъ каша замѣняется пирогомъ съ рисомъ, морковью или съ брусничнымъ вареньемъ; по воскресеньямъ вмѣсто мяса даютъ жареную телятину. Въ постъ готовятъ супъ съ рыбой, горохъ или кашу. Иногда даютъ рѣдьку, брюкву, а лѣтомъ частенько молоко, когда его достаточно. Одежда колониста состоитъ изъ кафтана, суконныхъ брюкъ, замѣняемыхъ лѣтомъ тиковыми, сапогъ или пеньковыхъ лаптей (лѣтомъ) и бѣлья; поверхъ рубахъ надѣваются блузы изъ пестряди и фартуки, необходимые при занятіяхъ въ мастерскихъ. Спятъ питомцы на желѣзныхъ кроватяхъ съ тюфяками и подушками, набитыми свѣжей соломой, и байковымъ одѣяломъ.

Относительно обученія питомцевъ слѣдуетъ еще добавить, что наиболѣе способные получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи; желающимъ преподавалось съ 1884 г. рисованіе. Всѣ почти питомцы обучаются также хоровому пѣнію по цифровой методѣ.

Въ колонію попадаютъ по приговорамъ мировыхъ судей и съѣздовъ, осужденные окружнымъ судомъ присылаемые изъ Воспитательнаго Дома и по распоряженію Комитета общества земледѣльческихъ колоній. Колонія не отказывала въ пріютѣ и тѣмъ питомцамъ, которые, отбывъ въ ней срокъ, возвращались сюда, тѣснимые нуждой; такихъ случаевъ однако было немного. По сословіямъ питомцы колоніи распредѣляются такъ: болѣе всего дѣтей крестьянъ, уроженцевъ Петербургской и Ярославской губерній; затѣмъ слѣдуютъ солдатскія дѣти, дѣти мѣщанъ, питомцы Воспитательнаго Дома, дѣти лицъ привилегированныхъ сословій и духовнаго званія и, наконецъ, не причисленныхъ ни къ какому сословію. Предѣльный возрастъ колониста — восемнадцатилѣтній.

Хозяйство земледѣльческой колоніи образцовое. На фермѣ отличныя коровы, лошади для домашняго обихода, большой сѣнникъ, наполненный сѣномъ съ собственныхъ луговъ, погребъ для картофеля и овощей, прекрасная молочная, огороды съ замѣчательными овощами, съ капустой огромной величины. Этою необычайною величиной овощи колоніи обратили на себя общее вниманіе, когда появились на выставкѣ садоводства въ Петербургѣ, осенью 1885 г. Обозрѣніе колоніи можетъ доставить много интереса каждому просвѣщенному человѣку, тѣмъ болѣе что оно не сопряжено ни съ какими формальностями. Любезный и предупредительный директоръ, И. А. Тютчевъ бываетъ душевно радъ каждому посѣтителю, интересующемуся колоніей. И надо видѣть съ какою любовью онъ все показываетъ, все объясняетъ до мельчайшихъ подробностей, какъ воодушевляется бесѣдуя о питомцахъ своихъ, о мѣрахъ къ возвращенію на путь истинный бѣдныхъ, заблудшихъ дѣтей, ранѣе нерѣдко жившихъ „безъ понятій о Богѣ, о правѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“...

Къ рисункамъ.

Осенняя перекочевка оленей. (Рис. на стр. 1085).

Олени предпочитаютъ гористыя мѣстности ровнымъ и особенно охотно держатся въ большихъ сплошныхъ лѣсахъ, преимущественно лиственныхъ. Здѣсь они собираются въ болѣе или менѣе крупныя стада, которыя лѣтомъ поднимаются на самыя вершины горъ средней величины; къ зимѣ-же стада спускаются съ горъ въ долины, а мягкіе весенніе рога заставляютъ его держаться въ низкомъ кустарникѣ.

Татары, пирующіе послѣ Калкской битвы. (Рис. на стр. 1088).

Въ 1224 г. впервые услышали русскіе князья, что въ степяхъ явился страшный и дикій народъ, какіе-то *Татары*, которые побиваютъ и гонятъ передъ собою всѣхъ остальныхъ степныхъ кочевниковъ. Половецкіе ханы обратились къ русскимъ князьямъ съ мольбами. „Спасите насъ, помогите намъ“, просили они русскихъ князей, — „не поможете, такъ вамъ же будетъ хуже... Татары насъ побьютъ, и на ваши земли нахлынутъ.“ И вотъ собрались всѣ южно-русскіе князья, подъ главнымъ начальствомъ храбраго князя, Мстислава Удалаго, и пошли на встрѣчу татарскимъ полчищамъ, которыя двигались къ низовьямъ Днѣпра. На рѣкѣ Калкѣ (нынѣ Калецъ, притокъ Кальміуса, въ Екатеринославской губ.) русское войско сошлось съ татарами. На бѣду въ русскомъ войскѣ началось несогласіе; одни князья настаивали на томъ, что слѣдуетъ нападать немедленно, не ожидая натиска враговъ; другіе утверждали, что слѣдуетъ засѣсть въ укрѣпленномъ станѣ и ожидать подкрѣпленій, которыя уже были въ пути. Пока длились эти споры, татары стремительно ударили и смяли половецкіе полки, присоединившіеся къ русскому войску. Половцы побѣжали и разстроили русскій боевой порядокъ. Произошла страшная, кровопролитная битва, въ которой на каждаго русскаго приходилось по десяти враговъ. Какъ ни бились русскіе — татары ихъ одолѣли и обратили въ бѣгство. Очень немногіе князья, и въ томъ числѣ Мстиславъ Удалый, успѣли спастись бѣгствомъ съ поля битвы. Тѣ же изъ князей, что засѣли въ укрѣпленномъ лагерѣ, были отовсюду окружены татарами, которые голодомъ и жаждою вынудили ихъ къ сдачѣ, а взявъ въ плѣнъ, подвергли страшнымъ истязаніямъ. Этихъ несчастныхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, положили рядами, накрыли досчатымъ помостомъ, а на этомъ помостѣ татары засѣли пировать: ѣли, пили и плясали до тѣхъ поръ, пока князья, лежавшіе подъ досками, не задохлись въ жестокихъ мукахъ. Лѣтописецъ, разсказывая объ этомъ несчастномъ исходѣ Калкской битвы, добавляетъ любопытную подробность: онъ говоритъ, что въ этой битвѣ *„одних богатырей* погибло болѣе семидесяти“.

Поднятіе креста на церковь. (Рис. на стр. 1089).

При построеніи каждаго храма, воздвигаемаго въ селѣ или въ городѣ, бываетъ три важныхъ торжества: 1) закладка храма, 2) поднятіе креста на главу храма, 3) освященіе новопостроеннаго и вполнѣ законченнаго зданія храма.

При построеніи храма въ селѣ или при построеніи его на новомъ мѣстѣ, для образованія новаго прихода, — всѣ эти три торжества привлекаютъ массу народа изъ окрестностей ближнихъ и дальнихъ, и присутствованіе на этихъ торжествахъ принимается даже за нѣкотораго рода духовный подвигъ, который ближайшіе сосѣди (считая близкимъ сосѣдствомъ 20-тиверстное разстояніе) поставляютъ себѣ въ непремѣнную обязанность, наравнѣ съ присутствованіемъ при богослуженіи въ извѣстные, важнѣйшіе праздники. При каждомъ изъ подобныхъ торжествъ, мѣстные поселяне стараются не только присутствовать и принимать въ немъ молитвенное участіе, но также и оказывать *дѣятельную* помощь, принимая на себя какой-нибудь физическій трудъ, выполняя извѣстнаго рода работу для пользы строющагося храма, въ родѣ носки кирпичей, размѣшиванья извести, установки лѣсовъ, накатыванья бревенъ и т. д.

Изображенное на нашей гравюрѣ поднятіе креста происходило въ одномъ изъ глухихъ и дальнихъ приходовъ Новгородской губерніи. Храмъ былъ достроенъ до маковицы надъ главнымъ куполомъ; недостроенною оставалась только колокольня. На торжество былъ приглашенъ благочинный и духовенство съ причтомъ изъ двухъ сосѣднихъ приходовъ. Съ западной стороны храма настланъ былъ невысокій помостъ, среди котораго водруженъ былъ крестъ, предназначенный къ поднятію и утвержденію на маковицѣ храма. Древо креста было обмотано кусками чистаго холста, и сверхъ этихъ холстовъ охлестнуто глухою петлею веревки, пропущенной однимъ концомъ въ блокъ, на маковицѣ храма; другой же конецъ той же веревки переданъ былъ въ руки охотниковъ изъ прихожанъ, которые взялись поднимать крестъ. Главный подрядчикъ при стройкѣ и двое рабочихъ помѣстились на особыхъ подмосткахъ около маковицы, подъ крышею храма.

Торжество началось молебномъ, въ которомъ вся толпа принимала усердное участіе, подпѣвая слова молитвъ, возглашаемыхъ пѣвчими; затѣмъ крестъ былъ окропленъ Св. водою и, по знаку данному благочиннымъ, „двинулся“ вверхъ. Вся толпа, крестясь и твердя молитву, слѣдила за поднятіемъ креста, который, покачиваясь, медленно двигался вверхъ, по мѣрѣ того какъ прихожане дружно тянули одинъ конецъ веревки пропущенной въ блокъ, а духовенство осторожно отпускало другой конецъ. Вотъ крестъ поднялся до подмостковъ, черезъ которыя его бережно перевели рабочіе, потомъ пошелъ выше, выше, и наконецъ очутился у маковицы. Тамъ приняли его на руки подрядчикъ и двое его помощниковъ и водрузили въ томъ гнѣздѣ, которое для него было приготовлено. Еще нѣсколько минутъ, и крестъ укрѣпили, освободили отъ холщевой покрышки — и онъ засіялъ надъ храмомъ. „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ слышалось отовсюду въ толпѣ.

Когда церковное торжество было окончено, староста будущаго храма пригласилъ духовенство въ избу, гдѣ угостилъ ихъ легкою закуской; а затѣмъ собралъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ постройкѣ храма, и сборщиковъ, собиравшихъ на храмъ, и предложилъ имъ обѣдъ на чистомъ воздухѣ. Народъ долго еще молился около новаго храма, украшеннаго новымъ крестомъ, и усердно раскупалъ бублики, леденцы и другія лакомства у мелкихъ торговцевъ, съѣхавшихся на мѣсто, гдѣ должно было происходить поднятіе креста.

Ожиданіе (изъ Шиллера). (Рис. на стр. 1093).

Чу! скрыпнули дверцей садовой?
Чу! брякнула ручка замка?
Нѣтъ, то въ тополѣ махровой
Слышенъ лепетъ вѣтерка.

. . . .

Чу! Кто это тамъ торопливо
Скользитъ, шелестя по кустамъ?
Нѣтъ, то птица боязливо
Пропорхнула по вѣтвямъ.

. . . .

О, сердце, полно ждать! Къ чему мечту пустую,
Тѣнь счастія въ душѣ своей ласкать?
Мечтой не остудить мнѣ грудь мою больную
И призрака руками не обнять... (Л. Мей).

Типы инородцевъ. Еврей-коробейникъ Витебской губерніи.

(Рис. на стр. 1096).

Въ Витебской губерніи насчитывается до 63,000 евреевъ. Большинство изъ нихъ живетъ въ городахъ, и, какъ повсюду, занимается торговлею и промыслами. Интересный типъ торговца, переѣзжающаго со своею лавочкою изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, изображенъ на нашемъ рисункѣ. Чего только у него нѣтъ въ его сундукахъ, ящикахъ и связкахъ! Матерія, обувь, всевозможный прикладъ, лакомства, духи и всякая другая всячина навязчиво предлагается юркимъ торговцемъ покупателю, который, иногда безъ всякой надобности, покупаетъ какую-нибудь вещь, чтобы только отвязаться отъ назойливаго торгаша.

Парижская всемірная выставка 1889. Индійскій дворецъ.

(Рис. на стр. 1101).

На Марсовомъ полѣ возвышается обширное зданіе, выстроенное по плану Пордона, завѣдующаго индійскими коллекціями Саутъ-Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ, и представляющее точную копію дворца Панчъ-Магалъ построеннаго въ 1556 г. въ Агрѣ.

Внутренность его представляетъ крестообразную галерею съ колоннами буддійскаго стиля въ центрѣ, оригиналы коихъ украшали ахмедабадскій храмъ въ концѣ XV вѣка. Надъ этими колоннами возведенъ куполъ, отъ котораго справа и слѣва тянутся до концовъ зданія меньшіе купола. Монументальный порталъ, увѣнчанный двумя минаретами съ балкономъ, служитъ главнымъ входомъ. По всей длинѣ фасада тянется низенькая веранда, поддерживаемая колонками съ широкими капителями.

Въ центральной ротондѣ, изображенной на второмъ рисункѣ, индусы въ національныхъ костюмахъ и англичанки подаютъ желающимъ индійскій чай, начинающій конкурировать съ китайскимъ.

Михаилъ Самойловичъ Зеленскій. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

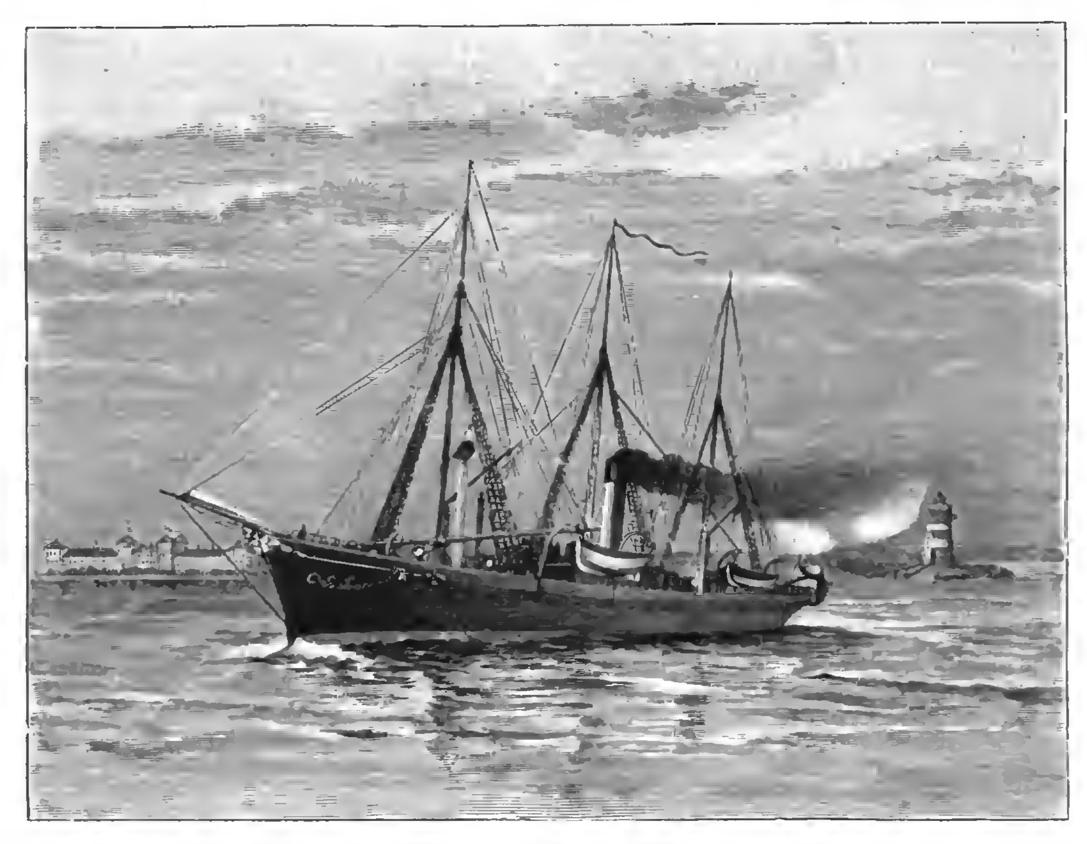
М. С. Зеленскій.

(Портр. на стр. 1104).

Среди нашихъ медицинскихъ дѣятелей, всецѣло посвятившихъ себя, всѣ силы и способности благому дѣлу облегченія страждущаго человѣчества, большою популярностью пользуется ученый врачъ Зеленскій, спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Безъ малаго сорокъ лѣтъ занимается онъ врачебною практикою и научными изслѣдованіями по своей спеціальности, исполняя свои обязанности честно, добросовѣстно и съ полнымъ самоотверженіемъ. Не разъ приходилось ему рисковать своимъ здоровьемъ и даже жизнью. Такъ, однажды, будучи штатнымъ ординаторомъ больницы для чернорабочихъ, нынѣ назы-

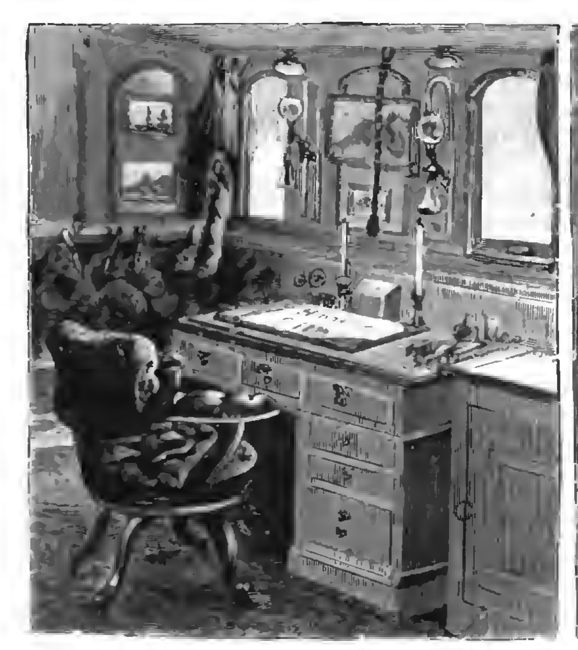
Бракосочетаніе наслѣднаго принца Греческаго. Видъ королевскаго дворца и окрестностей его въ городѣ Аѳинахъ, и фейерверкъ на Акрополѣ 14 октября. Грав. Флюгель.

вающейся Александровскою, онъ заразился тифомъ, былъ уже приговоренъ къ смерти—и только сильная натура да искусство лѣчившаго его профессора Немерта вернули его къ жизни. Послѣ этого докторъ Зеленскій все-таки продолжалъ службу въ той же больницѣ цѣлыхъ четыре года, имѣя множество трудныхъ больныхъ на рукахъ, занимаясь вскрытіемъ



Императорская яхта „Царевна“. По рис. I. Z., грав. Рашевскій.

умершихъ нерѣдко отъ самыхъ заразительныхъ болѣзней. Не смотря на свои многочисленныя служебныя занятія и обширную практику, — докторъ Зеленскій въ качествѣ дѣтскаго врача пользуется большимъ авторитетомъ — онъ находилъ еще время и для ученыхъ изслѣдованій. Онъ еще только



Рабочій кабинетъ Государя Императора на яхтѣ „Царевна“. По рис. I. Z. грав. Рашевскій.

Гостиная на Императорской яхтѣ „Царевна“. По рис. I. Z. грав. Рашевскій.

начиналъ свою медицинскую дѣятельность, когда его крайне интересовалъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, любопытныхъ и вмѣстѣ самыхъ трудныхъ вопросовъ — вопросъ объ узловатой системѣ и особенно о діагностикѣ болѣзней въ ея области. Доктору Зеленскому пришлось не мало поработать надъ нимъ, какъ изучая литературу по этой части, такъ и дѣлая собственные опыты и наблюденія. Результатомъ этихъ занятій была изданная имъ въ 1856 году интересная книга подъ заглавіемъ „О признакахъ и распознаваніи нервныхъ болѣзней въ области узловатой системы“. Она представляла тогда довольно цѣнный вкладъ въ медицинскую литературу, трудъ весьма почтенный. Авторъ далъ въ ней возможно-полную монографію общей патологіи узловатой нервной системы, сведя и сравнивъ въ ней значительную часть изысканій французскихъ и нѣмецкихъ физіологовъ Биша̀, Браше, Флурана, Лонже, Биддера, Вагнера, Кёлликера, Аксмана, Ромберга и друг. Эту книгу молодаго тогда автора прочли съ интересомъ не одни спеціалисты. Результатомъ его изслѣдованій въ области гигіены, преимущественно дѣтской, явились нѣсколько его статей, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно. Таковы, напримѣръ, статьи: „Дѣтская гигіена“, помѣщенная въ приложеніи къ русскому переводу „Популярной гигіены“ Реклама; „Къ вопросу о школьной гигіенѣ“ (на-

печатана въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*), „Наши тряпочникв“, изслѣдованіе одного изъ главныхъ источниковъ заразы, — въ *Вѣстникѣ Европы*. Кромѣ того, имъ напечатанъ цѣлый рядъ сочиненій строго-научнаго содержанія: „Общій взглядъ на особенности дѣтскихъ болѣзней“, „Семіотика и діагностика болѣзней спиннаго мозга“, „О мускульной раздражительности“ (Zur Frage v. d. Muskelirritabilität) въ извѣстномъ *Архивѣ* Вирхова, „Дифтеритъ“. Критическій этюдъ для врачей и родителей, „Научный методъ для опредѣленія значенія вѣса тѣла, какъ признака здоровья или болѣзни организма“, масса добавленій къ русскому переводу „Дѣтскихъ болѣзней“ проф. Фогеля, составившихъ почти цѣлый томъ и проч.

Докторъ медицины, ст. сов. Михаилъ Самойловичъ Зеленскій родился въ октябрѣ 1829 года, на Южномъ берегу Крыма, гдѣ родители его жили временно на дачѣ. Когда ему исполнилось 9 лѣтъ, онъ былъ принятъ въ классическую гимназію, по окончаніи курса которой поступилъ въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ, на медицинскій факультетъ, на семнадцатомъ году. Отсюда, сдавъ экзамены по естественнымъ наукамъ, онъ перешелъ въ петербургскую Медико-Хирургическую Академію на 3-й курсъ въ качествѣ эминента, т. е. лучшаго студента, и оказалъ огромные успѣхи. Еще на пятомъ курсѣ онъ написалъ сочиненіе на академическую тему „О распознаваніи болѣзней первныхъ центровъ“, за которое получилъ первую золотую медаль, причемъ его имя, какъ лауреата, было помѣщено на мраморной доскѣ Академіи. Передъ выпускомъ Зеленскій желалъ держать экзаменъ прямо на доктора, но ему было отказано въ этомъ по причинѣ его молодости лѣтъ. Окончивъ блестяще академическій курсъ, въ теченіе котораго, кстати сказать, онъ терпѣлъ такую нужду, что по цѣлымъ суткамъ не имѣлъ обѣда, Зеленскій поступилъ ассистентомъ къ Н. И. Пирогову въ Максимиліановскую лечебницу и штатнымъ ординаторомъ въ больницу для чернорабочихъ, гдѣ прослужилъ съ 1855 по 1860 г. Степень доктора онъ получилъ въ 1853 году, по защитѣ диссертаціи, на латинскомъ языкѣ, о діагностикѣ заболѣванія спиннаго мозга. Во время службы своей въ больницѣ чернорабочихъ, онъ изъ труднаго и долгаго опыта вынесъ убѣжденіе, что въ его спеціальномъ образованіи имѣется достаточно пробѣловъ. Это заставило Зеленскаго отправиться въ 1860 году за-границу, гдѣ онъ и слушалъ лекціи въ различныхъ университетахъ и главнымъ образомъ въ Берлинѣ, работая у Рудольфа Вирхова, Фридриха Фрерихса, Траубе и другихъ медицинскихъ свѣтилъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за-границей, Зеленскій возвратился въ Петербургъ и, послѣ пробной лекціи, получилъ мѣсто приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Медико-Хирургической Академіи, которое занималъ вплоть до 1887 года, когда принужденъ былъ отказаться отъ чтенія лекцій. Въ 1864 году Зеленскій былъ назначенъ директоромъ школы Женскаго Патріотическаго Общества и занимаетъ эту должность по настоящее время, кромѣ того, состоя врачемъ-консультантомъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ настоящее время, не смотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, Михаилъ Самойловичъ Зеленскій полонъ силъ и энергіи и продолжаетъ неутомимо трудиться и какъ врачъ-практикъ, и какъ ученый спеціалистъ, живо интересуясь вопросами современной науки и жизни.

П. Быковъ.

Аѳины и фейерверкъ на Акрополѣ. (Рис. на стр. 1104).

Столица Греческаго королевства торжественно отпраздновала 15 октября настоящаго года бракосочетаніе послѣдняго принца Греческаго, герцога Спартанскаго Константина съ Прусскою принцессою Софіею, и много-вѣковой городъ не запомнитъ подобнаго настоящему стеченія высокихъ посѣтителей и великолѣпныхъ празднествъ. Не только новый городъ принималъ въ нихъ горячее участіе, но и античныя развалины старыхъ Аѳинъ, живо напоминающія о славномъ прошломъ погибшей Эллады, были также средоточіемъ всеобщаго ликованія. Между прочимъ на Акрополисѣ былъ сожженъ блестящій фейерверкъ, какъ это можно видѣть въ медальонѣ нашего рисунка. Самый городъ, занимающій остальную часть гравюры, съ виднѣющимися за нимъ величавыми развалинами на Акропольской горѣ и по ея скатамъ, былъ подробно описанъ въ нашемъ журналѣ за 1881 годъ, въ № 17. Величавое затишье античной части Аѳинъ представляетъ совершенную противоположность новому городу съ широкими улицами, окаймленными нарядными зданіями, среди которыхъ первыя мѣста занимаютъ королевскій дворецъ античной формы и университетъ изъ бѣлаго камня и пентеликскаго мрамора.

Императорская яхта „Царевна“. (Рис. на стр. 1105).

Въ противоположность Императорской яхтѣ *Держава*, предназначенной болѣе для цѣлей оффиціальнаго представительства, меньшая по размѣрамъ яхта *Царевна* составляетъ излюбленный пріютъ Императорской фамиліи во время лѣтнихъ морскихъ прогулокъ въ финляндскихъ шхерахъ. Соотвѣтственно этому и помѣщенія на яхтѣ *Царевна* отличаются сравнительною простотой и меньшимъ великолѣпіемъ. Рабочій кабинетъ Его Величества Государя Императора, расположенный на палубѣ съ видомъ изъ оконъ на море, какъ разъ вмѣщаетъ въ себѣ письменный столъ, кресло и диванъ. Подпалубная каюта Ея Величества Государыни Императрицы убрана въ видѣ небольшаго будуара. Самымъ обширнымъ помѣщеніемъ является гостиная, занимающая приблизительно центръ яхты и служащая вмѣстѣ съ тѣмъ столовою. Посрединѣ ея стоитъ большой овальный столъ. По двумъ стѣнамъ устроены полки для небольшой библіотеки; у третьей поставлены каминъ и піанино. Стѣны декорированы лентами съ отпечатанными на нихъ именами и другими надписями, съ которыми соединяются какія-либо воспоминанія; главная стѣна украшена портретомъ Государыни Императрицы.

Корпусъ *Царевны* весьма изященъ и представляетъ красивыя линіи. Яхта вмѣщаетъ 734 тонны и имѣетъ паровую машину въ 800 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ. Длина яхты 204 фута, ширина 28, подводная часть $12^1/_2$ фут. Экипажъ 70 человѣкъ.

Политическое обозрѣніе.

Бракосочетаніе Греческаго королевича съ сестрою Германскаго императора состоялось при блестящей обстановкѣ, 15 октября. Высоконареченная невѣста со своею родительницею, вдовствующею императрицей Викторіей, и съ сестрами, прибыли въ Аѳины 13 октября, въ 4 ч. пополудни, и прослѣдовали во дворецъ среди густой толпы народа. Городской голова привѣтствовалъ императрицу и принцессу Софію рѣчами на греческомъ и французскомъ языкахъ. Городъ убранъ флагами и щитами съ соединенными вензелями „К“ и „С“. На другой день пріѣхалъ императоръ Вильгельмъ. Всѣ высочайшія особы выѣхали къ нему на встрѣчу, король и королева отправились привѣтствовать императора на яхтѣ „Hohenzollern“. Императоръ произвелъ смотръ флотскимъ экипажамъ, послѣ чего городской голова произнесъ привѣтственную рѣчь и поднесъ императрицѣ букетъ съ лентою германскихъ національныхъ цвѣтовъ. Встрѣча со стороны населенія была спокойная, но привѣтственные клики усилились, когда императоръ и король вышли на балконъ въ сопровожденіи принцевъ. О своемъ путешествіи и пребываніи въ столицѣ Греческаго королевства Германскій императоръ отправилъ имперскому канцлеру слѣдующую депешу, опубликованную въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*: „Послѣ очаровательной поѣздки я прибылъ въ древнія, прелестныя Аѳины. Вслѣдъ за превосходнымъ пріемомъ со стороны государя и народа, первымъ привѣтствіемъ съ родины была ваша телеграмма. Сердечно благодарю за нее. Первымъ словомъ моимъ на родину пусть будетъ привѣтствіе вамъ изъ города Перикла, изъ-подъ колоннъ Пареенона, возвышенное зрѣлище которыхъ производитъ на меня глубокое впечатлѣніе“. 15 октября, царственныя особы выѣхали изъ дворца въ церковь въ 11 часовъ и были привѣтствуемы кликами народа. Бракосочетаніе было обставлено большою торжественностью. Вѣнцы надъ женихомъ и невѣстою держали Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Генрихъ Прусскій. Пушечный салютъ извѣстилъ о совершившемся бракосочетаніи. По возвращеніи Высочайшихъ особъ во дворецъ происходило вѣнчаніе по евангелическо-лютеранскому обряду. На данномъ въ тотъ же день парадномъ обѣдѣ, король Эллиновъ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье новобрачныхъ и своихъ Августѣйшихъ Гостей. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ тостомъ на нѣмецкомъ языкѣ за здоровье новобрачныхъ, короля и королевы Греческихъ и за Греческій народъ, который оказалъ ему такой горячій пріемъ. „Я счастливъ — прибавилъ императоръ — что моя сестра будетъ жить въ Греціи, и надѣюсь, что Греческій народъ усыновитъ ее своею любовью.“

Послѣ Аѳинъ императоръ Вильгельмъ собирается посѣтить Константинополь, и эта поѣздка вызываетъ множество предположеній. Не мало интересуетъ нѣкоторыхъ странствованіе принца Фердинанда Кобургскаго. Выѣхавъ изъ Болгаріи на двѣ недѣли, самозванный князь продолжаетъ еще наслаждаться своимъ путешествіемъ по Европѣ и не особенно торопится къ „своему возлюбленному народу“, несмотря на то, что со дня на день откладывается за его отлучкой открытіе „Народнаго Собранія“. Цѣлью его экскурсіи нѣкоторыя газеты считаютъ проекты принца жениться, а также навѣстить своихъ многочисленныхъ знатныхъ и богатыхъ родственниковъ и помириться съ ними, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ не одобряютъ поѣздки его въ Болгарію.

Въ Сербіи все вниманіе сосредоточено на скупщинѣ. Отвѣтъ ея на рѣчь встрѣченъ страною восторженно. Скупщина радостно констатируетъ, что Сербіи, послѣ упорной борьбы, удалось освободиться отъ антинаціональной политики, и заявляетъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы рядомъ реформъ вывести страну изъ тяжелаго положенія.

Франція совершенно успокоилась послѣ выборовъ и терпѣливо ожидаетъ открытія палатъ, созываемыхъ декретомъ президента Карно на 12 ноября.

Зато Англія вся поглощена происходящими выборами, въ которыхъ значительнымъ успѣхомъ пользуются гладстоніанцы.

Ихъ маститый глава, несмотря на преклонные годы, попрежнему дѣятеленъ и неутомимъ. 11 октября въ Саутпортѣ была многолюдная сходка либеральной партіи. Гладстонъ произнесъ на ней рѣчь, въ которой вкратцѣ коснулся иностранной политики. Ораторъ указалъ на послѣдніе слухи о серьезныхъ неурядицахъ на островѣ Критѣ и въ Арменіи и замѣтилъ, что непрекращающееся дурное управленіе Турціи можетъ сдѣлаться для Европы постоянною угрозою. Относительно внутреннихъ вопросовъ Гладстонъ сказалъ, что онъ не имѣетъ возможности изложить планъ будущаго либеральнаго правительства; что же касается программы либеральной партіи, то въ общихъ чертахъ она уже извѣстна. Ирландскій вопросъ попрежнему преобладаетъ де надъ всѣми другими вопросами; послѣдніе избирательные успѣхи служатъ поощреніемъ для либеральной партіи и предостереженіемъ консерваторамъ и указываютъ имъ, что Англія въ концѣ-концовъ удовлетворитъ ирландскія требованія. Свой взглядъ на иностранную политику высказалъ вслѣдъ за нимъ лордъ Дерби въ рѣчи, произнесенной 13 октября въ Ливерпулѣ. Въ ней онъ распространился о видахъ Европы на миръ и сказалъ, что виды эти внушаютъ большія надежды по слѣдующимъ основаніямъ: Австрія имѣетъ всѣ поводы избѣгать войны, а въ Россіи главнымъ залогомъ мира является личный характеръ Государя Императора. Что касается Германіи, то она ничего не выиграла бы даже отъ успѣшной войны. Французы, по словамъ лорда Дерби, вѣроятно не могли бы устоять противъ соблазна принять участіе въ борьбѣ, которая обѣщала бы имъ отвоеваніе Эльзасъ-Лотарингіи, но сами не начали бы ее.

Смѣсь.

Случай изъ жизни императора Николая Павловича. Въ одной изъ южныхъ газетъ разсказанъ интересный случай, характеризующій императора Николая Павловича со стороны его добродушія. Какому-то богатому саратовском упомѣщику захотѣлось непремѣнно увидѣть государя. Для этого онъ, недолго думая, прикатилъ въ Петербургъ. Гуляя около Зимняго дворца, весь полонъ мыслью о государѣ, помѣщикъ однажды встрѣтилъ статнаго высокаго роста мужчину въ офицерской формѣ и плащѣ, и принявъ его за одного изъ служащихъ при Дворѣ, просилъ у него совѣта, какъ увидѣть государя. Незнакомцу онъ подробно разсказалъ при этомъ о своемъ общественномъ, семейномъ и матеріальномъ положеніи и проч. „Я живу сорокъ лѣтъ на свѣтѣ, говорилъ помѣщикъ,—но еще не видалъ нашего батюшку-царя“. Незнакомецъ спросилъ у него, не имѣетъ-ли онъ какого-нибудь прошенія къ государю. Помѣщикъ обозвалъ его чудакомъ и повторилъ, что онъ пріѣхалъ единственно затѣмъ, чтобы увидѣть государя и по возвращеніи на родину разсказать землякамъ о своихъ впечатлѣніяхъ. „А позвольте спросить, кто вы такой?“—„Я—русскій императоръ“, отвѣтилъ улыбаясь Николай Павловичъ, съ которымъ дѣйствительно повстрѣчался саратовскій помѣщикъ. „Ну, если вы русскій, такъ я, должно быть, китайскій императоръ,—захохотавъ, возразилъ помѣщикъ:—полно шутить!.. Скажи, братъ, откровенно, по-русски, кто ты такой и посодѣйствуй мнѣ“. Николай Павловичъ отвѣтилъ помѣщику, что онъ пошутилъ, что онъ флигель-адъютантъ государя, и обѣщалъ устроить дѣло. Помѣщикъ чуть не обнялъ его отъ радости мнимаго адъютанта. „Давно бы такъ, сказалъ онъ,—ты меня, братъ, не стѣсняйся: я вѣдь съ губернаторомъ знакомъ“. Государь обѣщалъ ему прислать своего товарища для обозрѣнія сперва Петербурга и окрестностей, а затѣмъ и для того, чтобъ свезти помѣщика во дворецъ. Дѣйствительно, на другой день пріѣхалъ къ помѣщику флигель-адъютантъ государя и цѣлую недѣлю показывалъ ему всѣ достопримѣчательности столицы, а потомъ приглашалъ пріѣхать во дворецъ къ мнимому товарищу. Помѣщикъ благодарилъ, но сомнѣвался. „Да какъ-же я поѣду къ нему, если я и фамиліи его не знаю“.—„Это ничего: подъѣзжай, братъ, прямо ко дворцу и на первый вопросъ, кто ты такой, отвѣчай, что „китайскій императоръ“. Помѣщикъ хохоталъ и на слѣдующій день былъ во дворцѣ. Внутренній караулъ встрѣтилъ его барабаннымъ боемъ, отдавъ ему честь. Помѣщикъ испугался, и его насилу ввели въ кабинетъ государя, еще неодѣтаго въ то время. „Что вы надѣлали? сказалъ ему помѣщикъ,—за такія шутки насъ съ вами въ Сибирь сошлютъ, и мнѣ не удастся видѣть царя“.—„Неужели ты думаешь, что Николай такой строгій?..“ Помѣщикъ стоялъ на своемъ. „Прикажи-ка для успокоенія подать водки,“ сказалъ онъ. Водку подали. Помѣщикъ пріободрился, а тѣмъ временемъ государь облекся въ полную парадную форму и повелъ помѣщика къ императрицѣ, которой представилъ его, сказавъ: „Саша, рекомендую тебѣ новаго китайскаго императора“. Помѣщикъ расшаркался, подбѣжалъ къ ручкѣ и съ восхищеніемъ говорилъ, что отродясь не видалъ такого шутника, но что все-таки боится, какъ бы не узналъ Николай Павловичъ. Помѣщикъ былъ въ духѣ и велъ самый непринужденный разговоръ съ государемъ и государыней, разсказывая о сосѣдяхъ, о губернской знати, о сплетняхъ, обнаруживъ чисто русскую душу,—на распашку. Подали завтракъ, который шелъ очень оживленно, но въ концѣ, офиціантъ, на какое-то приказаніе государя, доложилъ: „Исполнено, ваше императорское величество“. Тогда помѣщикъ прозрѣлъ. Онъ упалъ на колѣни и просилъ у государя прощенія. „Не только не сержусь, но и очень радъ. Садись, кончай завтракъ, а поѣдешь къ своимъ, разскажешь, что не только видѣлъ русскаго царя, но съ нимъ и его семействомъ завтракалъ“, успокоилъ его государь. Теперь языкъ у помѣщика прилипъ къ гортани. Послѣ завтрака онъ откланялся и уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу. А когда на другой день за нимъ послали, чтобы онъ явился во дворецъ, то его уже не оказалось. Быстро собравъ всѣ пожитки, онъ укатилъ въ Саратовскую губернію. (в.)

„Военныя сообщенія съ переложеніемъ сраженій на шахматную доску“, Вильна, 1889 г. Одному изъ шахматистовъ въ Вильнѣ пришла оригинальная мысль утилизировать шахматную игру для изученія выдающихся военныхъ дѣйствій и битвъ; съ этой цѣлью имъ издана недавно брошюра подъ приведеннымъ выше заглавіемъ (авторъ—М. Г.) Въ ней помѣщенъ рядъ описаній изъ иностранной и преимущественно русской военной исторіи текущаго столѣтія: Ульмской операціи Наполеона I и сраженія подъ Аустерлицемъ (1805 г.), Кульмскаго боя (1813 г.), сраженія при Кулевчѣ (1829 г.), кавалерійскаго боя при Бюзанси (1870 г.), разгрома арміи Мухтаръ-паши подъ Аладжой, плѣненія турецкой Шипкинской арміи Вессель-паши и сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ (1877 г.). Послѣдовательность хода каждой битвы передана съ исторической вѣрностью соотвѣтствующими передвиженіями фигуръ на шахматной доскѣ, и въ заключеніе приведено стихотвореніе, въ которомъ, подчасъ довольно удачно, выставлены сходныя черты между внутренними сторонами шахматной игры и военнаго боя или битвы. Къ брошюрѣ, въ концѣ ея, приложены чертежи разобранныхъ сраженій. Трудъ этотъ—первый опытъ сопоставленія шахматной игры съ пріемами стратегіи — заслуживаетъ вниманія еще и оригинальностью вклада въ нашу, относительно небогатую, литературу по шахматамъ.

Достаточно наглядное изложеніе военныхъ дѣйствій даетъ возможность любителямъ-шахматистамъ ознакомиться съ ними легчайшимъ способомъ. Особенно эта брошюра можетъ быть рекомендована для упражненій въ шахматной игрѣ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и юнкеровъ военныхъ училищъ; не мало интереса представитъ она также и для разныхъ дежурныхъ и караульныхъ офицеровъ, которые, не имѣя партнера для игры, могутъ съ пользою употребить время своего досуга [1]).

Мастерская музыкальныхъ инструментовъ. Недавно, посѣтивъ извѣстный музыкальный магазинъ Юлія Генриха Циммермана, мы невольно подивились тому, какіе громадные успѣхи сдѣлала въ послѣднее время техника въ связи съ теоріей гармоніи. Начнемъ съ оркестровыхъ инструментовъ: такъ какъ при магазинѣ находятся и мастерскія, то посѣтителю представляется возможность ознакомиться съ главными членами оркестровой семьи, какъ-то: скрипками, віолончелями, кларнетами, флейтами, трубами и проч., съ самаго момента ихъ возникновенія до окончательной выдѣлки. Всѣ эти инструменты изготовляются теперь у насъ въ Россіи въ такомъ совершенствѣ, что могутъ вполнѣ конкурировать съ заграничною фабрикаціей. При этомъ нужно отмѣтить, что мѣдные и деревянные духовые инструменты производства Циммермана пользуются отличною репутаціей у всѣхъ здѣшнихъ музыкантовъ-артистовъ и во многомъ даже превосходятъ заграничные. Очень богатъ также отдѣлъ любительскихъ струнныхъ инструментовъ: цитръ, гитаръ, мандолинъ и др.; каждый въ своемъ родѣ чаруетъ васъ своеобразными звуками. Переходя-же къ голосовымъ инструментамъ, мы и тутъ находимъ массу новыхъ усовершенствованій. Главное мѣсто занимаетъ конечно *фисгармонія*. Этотъ инструментъ многимъ еще не такъ знакомъ, но стоитъ послушать лишь нѣсколько аккордовъ и вы сразу дружитесь съ нимъ и увлекаетесь богатствомъ его гармоніи и пріятными, нѣжными звуками. Главное преимущество фисгармоній предъ другими клавишными инструментами заключается въ свойствѣ ихъ игры съ выраженіемъ (expression), при чемъ регистры въ отдѣльности замѣняютъ человѣческіе голоса, а въ совокупности цѣлый хоръ. Нельзя не упомянуть также объ *англійскомъ концертино*—инструментѣ небольшомъ по величинѣ и весьма удобномъ для переноски. Онъ обладаетъ чрезвычайно пріятнымъ и благороднымъ тономъ, несмотря на небольшой размѣръ, и имѣетъ объемъ полной хроматической гаммы, отъ 48 до 56 тоновъ, т. е. $3^1/_2$ и 4 октавы. Легкость съ которою можно нюансировать и извлекать на немъ послѣ недолгаго упражненія прекрасные музыкальные эффекты, даетъ ему полное право занимать почетное мѣсто въ семьѣ музыкальныхъ инструментовъ. Поразительнѣе всего отдѣлъ механическихъ музыкальныхъ инструментовъ. Чего только тутъ не придумано! Вы слышите полныя оперы, увертюры, танцы и прочія пьесы, исполняемыя механическими инструментами съ разнообразнѣйшими оттѣнками. Стоитъ только попросить, и вамъ сыграютъ на роялѣ любую сонату Бетховена или Венгерскую рапсодію Листа посредствомъ піаниста-автомата, или на піанино съ органомъ. Изъ механическихъ инструментовъ новѣйшаго выпуска особенно выдѣляется оркестръ-манопанъ; на этомъ инструментѣ, посредствомъ нотъ, изготовленныхъ изъ особаго картона разной величины, можно играть очень большой репертуаръ пьесъ разнаго характера. Длинныя пьесы, какъ напр. увертюры, попурри, цѣлые вальсы и друг. складываются въ видѣ книжечки, такъ что занимаютъ очень мало мѣста. Инструментъ этотъ обладаетъ чрезвычайно звучнымъ и

[1]) Складъ брошюры въ С.-Петербургѣ, Пантелеймонская улица, д. 5, кв. 14. Цѣна экземпляру 60 коп.

пріятнымъ тономъ и цѣна его (80 р.) сравнительно не высокая, почему можно заключить, что въ недалекомъ будущемъ онъ пріобрѣтетъ себѣ право гражданства и вытѣснитъ всѣ другіе механическіе инструменты старыхъ конструкцій.

Обработка пера и пуха. Всѣ мы употребляемъ пуховики или перины и подушки, а межъ тѣмъ не знаемъ, какъ обрабатывается перо и пухъ до поступленія въ дѣло или на продажу. На фабрикахъ, въ особенности заграничныхъ, перо и пухъ подвергаются большой обработкѣ. Сперва перья сортируютъ, затѣмъ очищаютъ въ большихъ мѣдныхъ пріемникахъ паромъ, который ихъ нагрѣваетъ, смачиваетъ и промываетъ; лопатки, приводимыя въ движеніе паровикомъ, постоянно поворачиваютъ перо. Когда оно достаточно смочено, его переносятъ въ большіе мѣдные сушильные цилиндры, вокругъ которыхъ проведенъ паръ. Черезъ нѣсколько минутъ, благодаря высокой температурѣ цилиндровъ и сильному дѣйствію механическихъ вилъ, колотящихъ перо, оно просыхаетъ совершенно. Теперь въ немъ уничтожены малѣйшіе зародыши червей, и оно вполнѣ предохранено отъ моли. Далѣе перо, при помощи особыхъ вентиляторовъ, отдѣляютъ отъ пуха, послѣ чего оно сортируется по величинѣ и толщинѣ болѣе сильными вентиляторами. Пухъ очищаютъ отъ пыли при помощи аппарата и снова сортируютъ вентиляторами. (в.)

РЕБУСЪ-ШАРАДА НА ПРЕМІИ, № 69.

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначается 18 премій, состоящихъ изъ слѣдующихъ книгъ. на сумму 165 рублей, а именно: **2 экз. „Фауста", Гёте,** съ рисунками Зейбертца, въ кожаныхътти сненыхъ переплетахъ, **цѣна по 40 руб. за экз.** (1 экз. для городск. подписчик. и 1 для иногородныхъ); **3 экз. Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова,** 3 тома, въ коленкоров. переплет., **цѣна по 8 руб.** (1 экз. для городск. подп. и 2 иногородн.); **5 экз.** книги **Гнѣдича: „Исторія Искусствъ",** въ роскошн. перепл., **цѣна по 7 руб.** (2 экземпл. для городск. и 3 для иногородн. подп.); **4 экземпл.** романа графа **Е. А. Саліаса: „Въ старой Москвѣ",** въ коленк. перепл., **цѣна по 3 р. 50 к.** (1—для городск. и 3—иногородн. подп.); **4 экз.** книги: **Шесть разсказовъ Н. Морскаго (Н. Лебедева),** съ рисунк., въ коленк. перепл., **цѣна по 3 руб.** (1 для городск. и 3 для иногородн. подп.).

Всѣ полученныя до 22 ноября 1889 г. вѣрныя рѣшенія ребуса пронумеруются по порядку ихъ поступленія (городскія и иногородныя отдѣльно) и затѣмъ, **по брошенному жребію,** будутъ распредѣлены между ними преміи. Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса лицъ, на рѣшенія которыхъ пали преміи (съ обозначеніемъ названія ихъ), напечатаются въ № 49 „Нивы".

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1889 г.

ТОРГОВОМУ ДОМУ

ВЛАДИМІРЪ ЛЕВИСОНЪ

на Всемірной Парижской выставкѣ присуждена высшая награда **ЗА ИЗДѢЛІЯ БѢЛЬЯ и ВЫШИВАНІЕ.**

ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ.

Кузнецкій Мостъ, домъ князя Гагарина, въ Москвѣ. Телефонъ 52.

КВАРТИРЫ

5 комн. 27 р., 29 р., 4 комн. 24 р., 30 р. 2 комн. 13 р., 15 р. съ водопр. и ватерк.. Васил. Остр., 10 лин., д. 37, рядомъ съ Высш. женск. курс. Мимо идетъ конка на Невскій

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

нѣсколько имѣній отъ трехъсотъ десятинъ до десяти и болѣе тысячъ десятинъ. Адресовать: Харьковъ, около Биржи, **Константинову.**

Н. И. СВИРИДОВЪ

НА ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1889 ГОДА

получилъ высшую награду

ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ

ЗА КОНТОРСКІЯ КНИГИ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

МАГАЗИНЪ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ и ПИСЬМЕНН. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Ильинна, ВЪ МОСКВѢ, д. Хлудова.

ВСЕГДА **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ** ГОТОЗАГО ПЛАТЬЯ ВЪ МАГАЗИНѢ **ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО** Тверская, д. Шаблыкина ВЪ МОСКВѢ.

и ИЗЯЩНО. и ИЗЯЩНО. ДЕШЕВО ДЕШЕВО

Исполненіе всевозможныхъ заказовъ. Продажа безъ запроса. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 4115 2—1

POUDRE VELOUTINE

ESSENCE „NONPAREIL“

можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Главное Депо: у **Алекс. ТИССЪ и К°.**, Пушкинская, № 4. № 4103

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ.

d'Angleterre.

Рекомендую господамъ проѣзжимъ **мою увеличенную и заново отдѣланную гостинницу.**

Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6—2

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

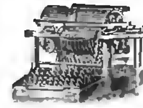
CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (32)

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.



Прейсъ-курантъ, содерж. многочислен. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ **уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:**

„ТАЙНА ГАНСОМЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англіи и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, печатался въ **„Русскомъ Курьерѣ“** и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. **Цѣна: съ пересылкой на города—1 р., въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ убористаго и четкаго шрифта.** Романъ этотъ можно имѣть во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10—1

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы **МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,** вмѣщающіе въ себѣ **всѣ безъ исключенія** предметы изъ обширной области **модъ, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей,** въ состояніи удовлетворить всему, что **опытомъ** признано **удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.**

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ разсчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при выпискѣ товаровъ имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается **почтой съ наложеннымъ платежомъ.** Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма **МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ** придерживается правила, чтобы по всѣмъ отраслямъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦІИ.

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4106 3-1

ВРАЧЕБНО-ГИМНАСТИЧЕСКОЕ И МАССАЖНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Д-ра ГАЛЬБЕРШТАМА,

Михайловская площадь, д. Жербина, 2—3, кв. 25.

Врачебная, ортопедическая гимнастика и массажъ. Заведеніе открыто: для мужчинъ и дѣтей 9—10½ час. утра, 3½—5½ час. дня, для дамъ и дѣтей 11—2 час. дня.

Д-ръ мед. М. Гальберштамъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА Н. Н. КАРАЗИНА:

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА

17-го ОКТЯБРЯ 1888 года. № 4117

Вслѣдствіе поступившихъ много требованій отъ дирекцій народныхъ училищъ и разныхъ другихъ учрежденій, напечатано 3-е изданіе картины и высылается за **2 р. 50 к.** за экземпл. съ пересылкою. Гг. торговцамъ дѣлается уступка. Съ требованіями обращаться къ издателю **П. А. Разживину. Новскій пр., № 66,** противъ Аничкова дворца.

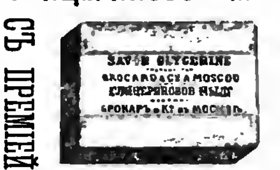
EAU DE SUEZ — ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Депо въ С.-Петербургѣ — **А. М. Рузановъ,** Гостиный Дворъ, № 40. Въ Москвѣ — **А. Сіу и К°.**, Тверская, д. Варгина.

Pt. № 3887 **Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.** 13-12

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

СЪ ПРЕМІЕЙ

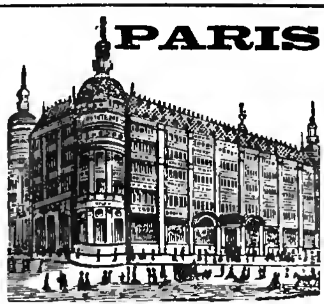


СЪ ПРЕМІЕЙ

БРОКАРЪ и К°.

Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8—4

PARIS



GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le catalogue général illustré renfermant **580 Gravures** (modèles inédits) pour la **SAISON d'HIVER**, dont l'envoi est fait *gratis* et *franco* contre demande affranchie adressée à

MM. Jules Jaluzot & Cie

PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. Mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Le Catalogue indique les conditions pour l'envoi *franco de port et de douane*.

Interprètes dans toutes les Langues

à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

A. № 4087 3-2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 67, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3925

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

въ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3527 6 4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются **и всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, **безплатно.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

УДОСТОЕНА

„ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ“

на Парижской Всемірной Выставкѣ въ 1889 году **за доброкачественность ея косметическихъ произведеній.**

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.

2) Невскій проспектъ, у Аничкина моста, № 66.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18—54 **(Оптовая и розничная продажа).**

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ. Pt. № 4074 2—2

Контора и оптовый складъ въ С.-Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, домъ № 21,

„С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ“.

„ПРИРОДА И ОХОТА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается съ 1873 года.

На годъ съ перес. 14 р., на полгода 8 р.

Адресъ редакціи: **Москва,** Б. Дмитровка, д. Шаблыкина.

Ред.-изд. **Л. П. Сабанѣевъ.**

Журналъ **„Природа и Охота“** въ 1890 году будетъ выходить книгами большаго формата, на веленевой бумагѣ, съ 2—3 отдѣльн. художественно-выполненными картинами и съ рисунками въ текстѣ. Въ журналѣ помѣщаются: Охотничьи разсказы и очерки, путешествія охотниковъ и зоологовъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, подробныя описанія способовъ ружейной, псовой и рыболовной охотъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, оригинальныя и переводныя статьи объ оружіи, охотничьихъ и рыболовныхъ принадлежностяхъ, о воспитаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ и объ акклиматизаціи животныхъ; отчеты о выставкахъ, садкахъ и пр., а также корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Россіи.

Лица, подписавшіяся до 15-го ноября въ редакціи (не черезъ книжные магазины) на годъ, получаютъ безплатно и немедленно художественно выполненную большую олеографію съ картины Маккарта: „Діана и Актеонъ“. П. № 4107

ФАБРИКА

МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 4111 3—1

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 коп. **Б. Гостонскій,** г. Кіевъ, Рейтарская, 17.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco.*

Іог. Заксъ и К°.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. №3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

И. М. ХАЙНОВСКАГО,

Москва, Волхонка, противъ храма Спасителя.

Училищу присвоены всѣ права казенныхъ Реальныхъ Училищъ. Ученики принимаются приходящими, полупансіонерами и пансіонерами. Здѣсь-же П. № 4098 2—2

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСІОНЪ,

въ которомъ ученики готовятся къ поступленію въ Реальное Училище и прочія учебныя заведенія и вольноопредѣляющимися въ полки; пріемъ учениковъ въ теченіи цѣлаго года.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ** и **локомобилей Клейтона** и **Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези“** и **снопොвязалокъ Макъ Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (14)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.

Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія **„универсальнаго бинокля“.**

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.

Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дороже.

Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4113

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.

Е. КРАУСЪ и К°.

въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ., 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

Фаустъ и Вагнеръ на прогулкѣ.
Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, **„Фаустъ“ Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ-БЕЗПЛАТНО

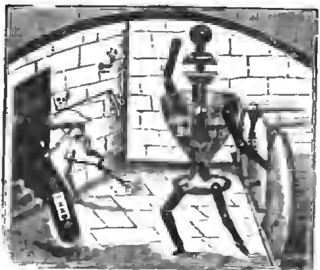
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

✻СЪ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!✻

9 р. **ДРОБИЛКИ** стальныя съ регуляторомъ помола, винтами для привинчиванія, масленкой — мелетъ овесъ, ячмень, горохъ и под. въ кормъ лошадей, воловъ. Уменьшаютъ расходъ зерна въ 1½ раза, очень важно для хозяевъ и очень дешевы — 9 рублей! Одесса, складъ машинъ инженера **Н. Мельникова.** № 4095 2—2

ПОДДѢЛКА ВИНЪ.



Аппаратъ, которымъ легко узнать поддѣлку виноградныхъ винъ.

2—1 **Цѣна 2 рубля.** № 4119

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С.-Петербургъ. Складъ фотографическихъ принадлежностей.

У Казанск. моста, входъ съ Екатерининскаго канала, № 30—16.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ**

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года

„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: **ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.**

Дешевыя Изданія

Въ 4-мъ изданіи вышло изъ печати

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАРИЖСКУЮ ВЫСТАВКУ.

Большое юмористическое попурри изъ 60 самыхъ модныхъ и любимѣйшихъ мотивовъ въ легкой аранжировкѣ, сост. Jules de St. Clou, съ прелестною виньеткой (башня Эйфеля) на обложкѣ. Съ перес. 1 р. 75 к. **2.030 экземпл. были распроданы въ теченіи 2-хъ недѣль.**

ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Спеціальность: Дешевыя Изданія. Исполненіе заказовъ гг. иногородныхъ покупателей на всѣ изданія. Каталоги высылаются безплатно. № 4118

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ **выставкахъ.**

Приготовленіе и продажа мыла **РАЗРѢШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ **Врачебнымъ Управленіемъ,**

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и К°.

въ Москвѣ. П. № 4059 4—3

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ.
Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

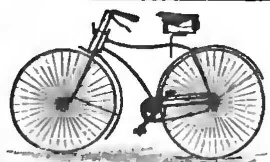
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Вишетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Дозвол. цензур., СПБ., 25 октября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. № 45 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис). и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 ноября 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Ноябрь 1889 г. съ 25 рис. и отд. листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 38 рис. рукодѣльн. работъ.

И. П. Клюшниковъ.

Недавно истекло пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности послѣдняго оставшагося въ живыхъ представителя Станкевичевскаго кружка. Въ числѣ членовъ этого московскаго кружка сороковыхъ годовъ, весьма видную роль игралъ одинъ кандидатъ Московскаго университета, филологъ, чрезвычайно остроумный, владѣвшій несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ. Бѣлинскій припоминаетъ, какой фуроръ производили его стихотворенія, читавшіяся въ кружкѣ, какимъ они являлись событіемъ, какіе безконечные споры и разсужденія поднимались изъ-за нихъ. Самъ молодой поэтъ являлся въ кружкѣ въ различныхъ настроеніяхъ, отъ философской рефлексіи до ѣдкаго сатирическаго остроумія и наконецъ до мистицизма. Обладавшій живостью ума, онъ былъ въ кружкѣ своего рода Мефистофелемъ и весьма зло и ѣдко подсмѣивался надъ крайнимъ идеализмомъ своихъ товарищей, между которыми онъ былъ

И. П. Клюшниковъ (по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

всѣхъ старше лѣтами. „Онъ игралъ между друзьями почти такую-же роль, какую одно время занималъ Меркъ въ кругу Гете... Часто страдалъ ипохондріей, но жертвы его насмѣшливаго расположенія любили его и за веселость, и за живой умъ, и за доброе сердце“. Онъ между прочимъ написалъ въ стихахъ обозрѣніе всемірной исторіи, въ высшей степени остроумное, и другое шуточно-литературное обозрѣніе, которое дало матеріалъ Бѣлинскому для извѣстной его статьи „Литературныя мечтанія“. Это былъ Иванъ Петровичъ Клюшниковъ, который промелькнулъ яркою звѣздочкой на поэтическомъ небосклонѣ сороковыхъ годовъ. Большинству читающей публики имя И. П. Клюшникова совсѣмъ незнакомо, во-первыхъ потому, что этотъ даровитый поэтъ, въ блестящую пору своей дѣятельности, подписывался исключительно псевдонимомъ, а во-вторыхъ потому что онъ очень недолгое время появлялся въ печати и затѣмъ удалился въ деревенскую глушь, иногда лишь черезъ десятки лѣтъ напоминая о себѣ

нѣсколькими стихотвореніями, появлявшимися въ какомъ-нибудь изданіи, и снова умолкая. Но истинные любители поэзіи, знакомые съ произведеніями не однихъ только ея корифеевъ, имена которыхъ сдѣлались всеобщимъ достояніемъ, прекрасно знали, кто скрывается подъ псевдонимомъ ѳиты между двумя тире (—Ѳ—) и выучивали наизусть многія стихотворенія печатавшіяся за этой надписью въ *Московскомъ Наблюдатель* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній стали очень популярны и перепечатывались въ хрестоматіяхъ и сборникахъ (Галахова, Щербины, Гербеля и др.). Такова, напримѣръ, полная мысли и поэтической прелести піеса „Жизнь", которую въ публикѣ долго приписывали митрополиту Филарету (маститому іерарху принадлежали другіе тождественные стихи), вѣроятно потому, что она проникнута религіознымъ чувствомъ. „Даръ мгновенный, даръ прекрасный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?" спрашиваетъ авторъ словами Пушкина и отвѣчаетъ, что назначеніе жизни заключается въ познаніи всего прекраснаго, слѣдовательно въ Богопознаніи: „Познавать Его въ твореньѣ, видѣть духомъ, сердцемъ чтить— вотъ въ чемъ жизни назначенье, вотъ что́ значитъ въ Богѣ жить." Стихи И. П. Клюшникова носятъ на себѣ характеръ удивительной задушевности и теплоты, они запечатлѣны какой-то грустью, покорностью судьбѣ и вообще меланхолическимъ настроеніемъ. Мысль и чувство въ нихъ всегда находятся въ самой тѣсной гармоніи, причемъ поэтъ старается внести въ жизнь духъ примиренія. Въ послѣднемъ невольно сказывается направленіе „примирять противоположности и разрѣшать диссонансы", развившееся подъ вліяніемъ тогдашняго изученія философской системы Гегеля. Вообще же въ поэзіи И. П. Клюшникова до извѣстной степени отразился тонъ мыслей господствовавшихъ въ кружкѣ Станкевича, когда въ немъ окончательно установилось влеченіе къ философскимъ занятіямъ и когда подъ вліяніемъ этихъ занятій явилась возможность „объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда, пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума". Почти всѣ члены кружка Станкевича были поглощены стремленіемъ „утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія человѣка". Этимъ стремленіемъ былъ долго проникнутъ и поэтъ-философъ кружка, являвшійся въ печати подъ таинственной подписью — Ѳ — и, мимоходомъ сказать, отрѣшившійся въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ отъ того юмора, которымъ онъ оживлялъ ранѣе пріятельскія бесѣды. Бѣлинскій, искренній почитатель таланта И. П. Клюшникова, придававшій ему большой вѣсъ и значеніе и нерѣдко писавшій подъ внушеніемъ этого даровитаго человѣка, даетъ хотя и неполную, но довольно вѣрную характеристику его поэзіи. „Стихотворенія подъ фирмою — Ѳ —, говоритъ критикъ, отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо нихъ безъ душевнаго участія; находящіеся въ томъ же самомъ состояніи духа, естественно преувеличатъ ихъ достоинства; люди же или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностью. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія — Ѳ — принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію." Этотъ отзывъ помѣщенъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 года. И позднѣе Бѣлинскій отзывался о стихахъ И. П. Клюшникова съ тѣмъ же сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, даровитый поэтъ тогда уже бросилъ литературу и уѣхалъ въ свое Сумское имѣнье, Харьковской губерніи.

Здѣсь же, въ помѣстьѣ его отца, служившаго начальникомъ отдѣленія Артиллерійскаго департамента въ Петербургѣ, И. П. Клюшниковъ и родился въ 1811 году. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, и затѣмъ поступилъ въ Московскую первую гимназію, а въ 1831 году, принятъ въ число студентовъ Московскаго университета по словесному факультету. По выходѣ изъ университета со степенью кандидата и съ чиномъ 9-го класса, въ 1835 г., молодой ученый занялся педагогическою дѣятельностью, преподавая въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, исторію и словесность, и въ 1838 году получилъ мѣсто учителя исторіи въ Московскомъ Дворянскомъ институтѣ, но пробылъ здѣсь всего годъ съ небольшимъ. Какъ разъ въ это время онъ началъ печататься и, отдавшись литературѣ, оставилъ свою преподавательскую дѣятельность навсегда. Первыя стихотворенія его: „Элегія", „Половодье", „Я не люблю тебя" и „Мѣдный Всадникъ" появились въ *Московскомъ Наблюдатель* 1838 года, когда Станкевичъ уже уѣхалъ за границу и когда кружокъ его распался. Затѣмъ въ теченіе 1839—1840 гг. онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ томъ же *Московскомъ Наблюдатель, Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ* и нѣкоторыхъ альманахахъ. Всего напечаталъ онъ тридцать съ небольшимъ піесъ и послѣ появленія въ 6-й книжкѣ *Отечеств. Записокъ* 1841 года стихотворенія „Воспоминаніе", замолкъ очень надолго, вскорѣ уѣхавъ совсѣмъ изъ Москвы. Только черезъ сорокъ лѣтъ, навѣстивъ Москву и стараго товарища своего, покойнаго М. Н. Каткова, онъ напечаталъ рядъ стихотвореній въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1882 и 1886 г.г., если не считать двухъ-трехъ піесъ, которыя появились въ *Недѣлѣ* и *Еженедѣльномъ Новомъ Времени* 1879 г. Въ настоящее время И. П. Клюшникову 78 лѣтъ. Онъ живетъ въ своемъ Сумскомъ хуторѣ, на лонѣ украинской природы, вспоминая, конечно, счастливые годы юности, здѣсь проведенные, когда, говоря его же словами „въ радужныхъ лучахъ жизнь передъ нимъ роскошно разстилалась, взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ— лишь радость новой радостью смѣнялась..."

П. Быковъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

I.

Въ тотъ же вечеръ, предъ полуночью, вслѣдъ за управителемъ, который повезъ крѣпостнаго столяра для сдачи въ солдаты, выѣхала изъ Березополья простая кибитка тройкой, а въ ней сидѣла княжна рядомъ съ братцемъ.

Илья Петровичъ явился тотчасъ по вызову своей кузины и нашелъ ее въ такомъ состояніи, что оставалось только повиноваться ей.

Полина объяснила братцу, что отъ него зависитъ сдѣлать ее счастливою на всю жизнь или погубить тотчасъ. Она рѣшила спасти Егора отъ солдатства и скрыться вмѣстѣ съ нимъ, бѣжать и... вѣнчаться.

Отговаривать княжну было совершенно напрасно. Лицо ея и голосъ ея, все въ ней, говорило ясно, что она твердо и безповоротно рѣшила свою участь. Князь вызвался проводить ее въ городъ, чтобы помочь въ хлопотахъ, а главное достать денегъ для передачи кузинѣ, такъ какъ своихъ свободныхъ у него не было.

Княжна быстро уложилась, собравъ нѣсколько вещей въ сундукъ, и оглядѣвшись въ своей рабочей горницѣ, сказала нѣсколько смущенному Ильѣ Петровичу:

— И конечно въ этомъ домѣ ноги моей больше не будетъ... Если я его не спасу и онъ станетъ на двадцать пять лѣтъ солдатомъ, то я стану солдаткой.

На утро они были уже въ городѣ. Княжна тотчасъ повидалась съ какимъ-то чиновникомъ, и подьячій, по имени Иванъ Леонтьевичъ Скоровъ, взялся за дѣло. Князь тоже повидался кое съ кѣмъ изъ обывателей, которые были нужны и для противодѣйствія сдачѣ въ солдаты, и для займа крупной суммы денегъ. Княжна дорогой рѣшила, что вѣрнѣе всего—оттянуть эту сдачу и, бѣжавъ, вмѣстѣ укрыться гдѣ-либо по близости въ деревнѣ, а по полученіи денегъ отъ братца ѣхать за границу, обвѣнчавшись какъ и гдѣ придется...

Управитель былъ страшно пораженъ пріѣздомъ княжны. Онъ тотчасъ явился на постоялый дворъ и велѣлъ о себѣ доложить.

Сначала Полина думала не принимать его, но затѣмъ разсудила, что свиданіе будетъ даже полезно. Надо узнать отъ этого человѣка что-нибудь.

Джаншіевъ вошелъ на этотъ разъ въ горницу не такъ, какъ бывало въ Березопольѣ. Онъ былъ менѣе спокоенъ и не могъ скрыть своего волненія. Глаза его бѣгали, а вмѣсто обыкновенной почтительности онъ стоялъ и сидѣлъ выпрямившись и говорилъ громче и

быстрѣе. Онъ, очевидно, былъ просто перепуганъ, а чѣмъ именно—Полина не могла себѣ объяснить.

Она не знала, что онъ мысленно повторяетъ одно и то же:

„Проморгалъ! прозѣвалъ! Вылетишь изъ управителей неминуемо!"

При отъѣздѣ своемъ изъ имѣнія, управитель распорядился на всякій случай, имѣя на то полномочіе, не давать лошадей и не запрягать никакого экипажа въ случаѣ приказанія княжны. Ему не пришло на умъ, что можетъ явиться Илья Петровичъ.

Войдя и сѣвъ противъ княжны, Джаншіевъ быстро, вопреки своей привычкѣ, выговорилъ:

— Прежде всего позвольте узнать, что̀ вы желаете дѣлать? Я не вѣрю ни глазамъ, ни ушамъ. Когда мнѣ сказали, что вы прибыли, я подумалъ, что мнѣ это грезится.

— И мнѣ тоже, отозвалась княжна,—кажется, что все это происходитъ не на яву. Зачѣмъ я сюда пріѣхала — скажу вамъ прямо, такъ какъ вы, вѣроятно, все равно узнаете это черезъ нѣсколько часовъ. *Я* пріѣхала съ княземъ-братцемъ всячески помѣшать сдачѣ въ солдаты несчастнаго человѣка ни въ чемъ неповиннаго и мнѣ дорогаго... Поняли?.. Вы вѣроятно оклеветали его предъ моимъ отцомъ, или вмѣшивались въ то, что̀ не подлежитъ вѣдѣнію управителя.

— Я не клеветалъ князю. Позвольте. Я былъ обязанъ доносить письменно обо всемъ. О чемъ я донесъ, вы, вѣроятно, догадываетесь... Неужели вы полагаете, что во всемъ Березопольѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы давно не зналъ, что̀ происходитъ? Сначала никто не вѣрилъ возможности такого непристойнаго и неблагоприличнаго обстоятельства, но теперь, поневолѣ, у всѣхъ глаза раскроются.

— Тѣмъ лучше, если всѣ все знаютъ, вымолвила княжна. — Какъ бы оно удивительно и непристойно ни было, тѣмъ не менѣе все это — истина. Я не скрываюсь и буду здѣсь бороться съ вами. Я одарю большими деньгами здѣсь всѣхъ, чтобы помѣшать вашему дѣлу.

— Нелѣпо будетъ, княжна. Нельзя помѣшать. Отсрочить вы можете. Здѣсь народъ — грабители. Деньгами все можно сдѣлать. А я безъ разрѣшенія князя не могу конечно истратить больше того, что̀ вы можете разбросать при помощи Ильи Петровича. Онъ вотъ уже теперь занимаетъ, какъ мнѣ донесли, тысячи три рублей. Если это все на сутягъ и на взятки, то, понятное дѣло, мнѣ не одолѣть. У меня съ собой всего семьдесятъ рублей. Стало-быть, въ долгій ящикъ отложить вы можете, но въ концѣ концовъ все-таки ничего вы не подѣлаете. Да и кромѣ того, гонецъ мною уже посланъ сейчасъ къ князю Андрею Ивановичу, съ донесеніемъ, что вы явились сюда спасать Милованова. А сейчасъ я пошлю другаго и отпишу князю, что вы даже мнѣ, безъ всякаго стыда, совсѣмъ не по-княжески, объяснили, какъ взираете на своего крѣпостнаго холопа. Не извольте гнѣваться! Этакого слова никакимъ другимъ замѣнить нельзя. Да вѣдь оно же и истинно.

— Больше намъ говорить не о чемъ. Вы дѣлайте свое, а мы—свое, произнесла княжна сухо и поднялась съ мѣста.

Управитель всталъ, поклонился и быстро вышелъ изъ горницы.

Разумѣется, Полина прежде всего стала стараться повидать Егора хотя на минуту, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Джаншіевъ буквально заперъ его въ томъ домѣ, гдѣ они остановились, и приставилъ къ нему въ караулъ двухъ мужиковъ.

Всѣ посланцы Полины вернулись съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, что доступа къ привезенному дворовому нѣтъ никакого.

Между тѣмъ Илья Петровичъ вернулся въ духѣ. Онъ уже успѣлъ занять три тысячи рублей. Черезъ нѣсколько дней ему обѣщали еще семь, а недѣли черезъ двѣ — десять.

— Стало-быть, сестрица, всѣ двадцать—и все какъ по маслу. Теперь мы истратимъ всего-то одну тысячу на кого нужно. Потомъ выкупимъ или выкрадемъ нашего „аббата", и начнется настоящій романъ: „Безуміе отъ любви". Бѣгите, куда хотите! Послѣ-то все, сестрица, будетъ очень мудрено. А теперь-то все просто... Главное, самую сдачу и разныя бумагописанія надо попридержать. А какъ напишутъ разныя бумажки, да подмахнутъ ихъ разные власти да стрекулисты, дѣло будетъ много труднѣе. Въ случаѣ какого вашего путешествія, его будутъ ловить, какъ бѣглаго солдата.

На другой день и князь, и Полина убѣдились, что поступили по-ребячески. Надо было соблюсти бо̀льшую осторожность. Во всякомъ случаѣ не пріѣзжать самимъ, а подослать кого-либо, чтобы обдѣлать дѣло гораздо тише. Отчаянные взяточники и грабители бываютъ крайне смущены, когда ихъ заставляютъ дѣлать привычное имъ дѣло не на ихъ ладъ, слишкомъ откровенно и прямо. Одинъ изъ этихъ стрекулистовъ городка и заявилъ князю:

— Помаленечку да потихонечку и десять рублей радъ всякій взять, а при такомъ трубномъ гласѣ отъ сотенной откажешься. Какъ же вы такъ-то кричите на всю Ивановскую: „на вотъ тебѣ двѣсти рублей!" А вы скажите на ушко: „возьми, братецъ, въ подарочекъ двадцать пять рублей", всякій предпочтетъ послѣднее. Вѣдь это всякій малый ребенокъ понимаетъ.

Однако, къ вечеру втораго дня и на третій день, хотя у смущеннаго неудачей князя никто не хотѣлъ брать деньги, которыя онъ совалъ пригоршнями, онъ все-таки замѣтилъ, что дѣло ладится, потому что очевидно затягивается. Пуще всего не смутила его, а обрадовала озлобленная и тревожная фигура Джаншіева, который явился уговаривать его не поднимать позорнаго дѣла.

— Вѣдь только задержите дѣло, а сдѣлать вы ничего не можете. Князь — владѣлецъ своего холопа, а я его управитель съ довѣренностью. Что̀ же вы можете подѣлать? Только хлопотъ мнѣ прибавите. Ну, на недѣльку отсрочите...

Князь ничего не отвѣтилъ, но подумалъ про себя:

„Какого чорта на недѣльку! Намъ только бы еще денька три-четыре—и тогда крѣпостной „аббатъ" ускачетъ за тридевять земель вмѣстѣ со своей нареченною."

II.

На четвертый день къ вечеру на постояломъ дворѣ появился Иванъ Леонтьевичъ, главный подьячій, тоже взявшійся хлопотать по дѣлу пріѣзжихъ, и объяснилъ кратко:

— Забритъ!

Князь взволновался, попросилъ чиновника обождать и прошелъ къ сестрицѣ.

Послѣ двухъ-трехъ словъ объясненія, княжна вскрикнула и схватилась за голову.

— Какъ?! сданъ?! воскликнула она.

— Сданъ, сестрица, сданъ! Все обдѣлано... Все подписано... Коли лобъ забритъ, стало все кончено на бумагѣ. Теперь коли бѣжать, такъ и шапку не снимай.

— Зачѣмъ лобъ?.. какой лобъ?.. безсмысленно проговорила Полина.

— А ужь это завсегда! обычай! Ради именно того, чтобы не сбѣжалъ. Всѣ волосы надо лбомъ вершка на два сбриты. Оповѣстятъ. Начнутъ ловить и какъ найдутъ, шапку снимутъ—и поклонъ: ваше, молъ, солдатское служивство, пожалуйте во фронтъ, на царскую службу.

— Что̀ же дѣлать теперь? воскликнула Полина.

— Ужь не знаю, сестрица. Этотъ негодяй насъ

Уменьшенная копія 1-й главной преміи „Нивы" на 1890 годъ. Сосновый лѣсъ.
Карт. профессора И. И. Шишкина (собств. „Нивы"), грав. Шюблеръ.

Уменьшенная копія 2-й главной преміи „Нивы“ на 1890 годъ. Запущенный паркъ.

Карт. профессора И. И. Шишкина (собств. „Нивы“), грав. Рашевскій.

перехитрилъ. Завтра на зарѣ везутъ его въ Рязань. Ужь онъ, такъ сказать, не княжескій теперь, не Березопольскій, а государственный человѣкъ; не крестьянинъ, а сдаточный...

— Я поѣду за нимъ...

— Куда?

— Куда его повезутъ.

Князь ничего не отвѣтилъ, вернулся къ Ивану Леонтьевичу, дожидавшемуся его, и сталъ выспрашивать подробно, какія есть средства поправить дѣло.

Стрекулистъ только ежился и отвѣчалъ на все, что дѣло пропащее, лучше бросить. По его словамъ, теперь только бѣгство осталось, но это бѣгство повело бы къ наказанію, пожалуй, сквозь строй. Да не сдобровать и помощникамъ.

— Какъ то-нсь? отозвался князь, и лицо его измѣнилось, стало вдругъ настолько серьезно, какъ, быть-можетъ, бывало только разъ въ году.—Какимъ помощникамъ?

Чиновникъ подробно объяснилъ князю, что онъ и барышня-княжна являются какъ бы пособниками. И въ случаѣ бѣгства солдата Милованова, имъ придется тоже быть подъ судомъ.

— И что же намъ тогда сдѣлаютъ? выговорилъ князь совершенно серьезно.

— Ужь не могу вамъ доложить! А что-нибудь очень неподходящее.

— Да вѣдь не высѣкутъ же?

— Сѣчь не станутъ, а судить—строго осудятъ. И страсть дорого обойдется. Богатому судъ — бѣда!

— Вотъ тебѣ и здравствуйте, выговорилъ князь. — Вещь глупая, а на умъ мнѣ не приходила. Вдругъ это я, князь Илья Петровичъ Березопольскій, да подъ судомъ буду! Вотъ что значитъ, все путешествовалъ по заморскимъ землямъ—самыхъ простыхъ вещей на Руси не знаю!

— Это точно-съ, прибавилъ чиновникъ, хотя князь относился не къ нему, а вслухъ разсуждалъ.—А главное дѣло, ваше сіятельство, что если васъ и не присудятъ, то все-таки засудятъ... разорятъ.

На утро, когда чуть брезжилъ свѣтъ, княжна уже собралась. Лошади были заложены. Она только ждала извѣстія, что поѣздъ съ новымъ солдатомъ двинулся въ Рязань, чтобы спустя часъ двинуться вслѣдъ за нимъ.

О приличіи и соблюденіи какихъ-либо осторожностей, княжнѣ ни разу и на умъ не приходило. Она знала и помнила только одно: быть около Егора и стараться до послѣдней возможности спасти его и себя. Освободить его и скрыться вмѣстѣ съ нимъ куда бы то ни было, хоть въ простую деревушку — было еще возможно. А какъ только князь пришлетъ ей крупную сумму денегъ, то немедленно выправлять какіе ни на есть подложные письменные виды и выѣзжать за границу— казалось ей еще легче.

Все это представлялось княжнѣ совершенно простымъ дѣломъ. Ей даже казалось иногда, что это легко до смѣшнаго. Да и все легко.

Около десяти часовъ, когда княжна Прасковья Андреевна, совсѣмъ одѣтая по дорожному, сидѣла у окна и глядѣла на готовую тройку съ кибиткой, стоявшую около воротъ, вмѣсто ожидаемаго ею посланца, появилась фигура управителя.

— Зачѣмъ опять этотъ негодяй? Не пускайте его! воскликнула княжна, отчасти отъ злобы, отчасти отъ какого-то суевѣрнаго страха.

Ей будто показалось, что этотъ управитель имѣетъ власть остановить ее и не дозволить двинуться въ путь.

Она вскрикнула такимъ голосомъ, что Илья Петровичъ, бывшій въ сосѣдней горницѣ, прибѣжалъ отчасти перепуганный.

— Онъ сюда идетъ... Не пускайте его... я не хочу его видѣть! И остановить онъ меня не можетъ! Я не крѣпостная и надо мною онъ не властенъ! Никто не властенъ. Мнѣ тридцать лѣтъ. По счастью...

Но покуда князь собирался выйти изъ горницы, понявъ, что дѣло идетъ о Джаншіевѣ, управитель уже снялъ шубу и появился въ дверяхъ.

— Что вамъ нужно? воскликнула Полина. — Я не желаю видѣть васъ, не желаю говорить съ вами! Извольте выдти. Уходите!

— Простите, ваше сіятельство, я исполняю долгъ свой... Я исполнялъ приказанія князя, какъ честный человѣкъ, и готовъ такъ же служить теперь и вамъ...

— Уходите вонъ! вскрикнула княжна.

— Слушаю-съ... И знаю, что кромѣ вашей ненависти ничего заслужить у вашего сіятельства не могъ. Но позвольте васъ просить прочесть сіе письмо, полученное мною сію минуту.

— Никакого мнѣ письма не нужно. Уходите вонъ!

— Убѣдительно прошу, ваше сіятельство. Это письмо отъ извѣстной вамъ женщины, Устиньи Савельевны. Въ немъ всего нѣсколько строчекъ...

И Джаншіевъ, приблизясь къ Полинѣ, протянулъ ей развернутый листъ бумаги.

Княжна отступила, и не глядя на бумагу, выговорила:

— А отъ такой женщины я и въ руки не возьму письма! Да и зачѣмъ мнѣ это...

Джаншіевъ обернулся къ князю, почтительно передалъ ему письмо и вымолвилъ:

— Такъ потрудитесь вы прочесть и передать содержаніе ея сіятельству.

Князь взялъ листъ въ руки, и едва глаза его пробѣжали нѣсколько строкъ, какъ онъ вскрикнулъ и поднялъ руки вверхъ. Лицо его измѣнилось.

— Что такое? невольно выговорила Полина, смущаясь. — Вѣдь не въ Сибирь же меня ссылаютъ? Не въ монастырь же стащутъ сейчасъ и постригутъ насильно?

— Сестрица, выговорилъ Илья Петровичъ, приблизясь и взявъ Полину за руки, — прежде всего, пожалуйте сюда, извольте сѣсть. Я бабью природу, простите... женскую... знаю. Извольте сѣсть.

Полина, недоумѣвая и уже сильно робѣя, повиновалась.

— А теперь, сестрица, извольте выслушать чрезвычайное извѣстіе...

— Монастырь?..

— Нѣтъ, сестрица! И худое извѣстіе, и пожалуй... не то что хорошее, а удивительное. Дяденька Андрей Ивановичъ, вашъ отецъ... началъ князь и запнулся.— Представьте себѣ, что вы теперь совсѣмъ полная владѣтельница и Березополья, и всѣхъ иныхъ вотчинъ. И полная распорядительница собственной своей судьбы.

— Какимъ образомъ?. Я ничего не понимаю, тихо и спокойнѣе выговорила Полина.

— Поймите, сестрица, всѣ люди смертны... всѣ подъ Богомъ ходимъ...

Княжна вдругъ приподнялась съ мѣста, схватила князя за руку, взяла листъ бумаги и повернула къ себѣ. Глаза ея упали прямо на послѣднюю строчку, въ которой она прочла:

„И волею Божіею сего числа къ вечернямъ приказалъ долго жить.“

— Приказалъ... выговорила Полина тихо и спокойно, какъ бы совершенно не понимая значенія произносимаго слова.

— Да, сестрица. Скончался...

— Батюшка?.. скончался?.. снова выговорила Полина, глядя на князя, затѣмъ перевела глаза на управителя.

И только тутъ, по фигурѣ Джаншіева она сообразила и поняла то что ей говорили, и то что она про-

чла. Она выронила письмо, закрыла лицо руками и не прислонилась, а просто упала на спинку дивана.

— Ну, такъ и есть! не даромъ сажалъ! Эй! кто-нибудь!.. Воды! олухи, воды тащи! закричалъ князь на весь домъ.

Но Джапшіевъ былъ уже въ сосѣдней горницѣ и вернулся съ графиномъ и стаканомъ.

Княжна, послѣ легкаго обморока, пришла въ себя. Лицо ея было блѣдно, глаза сверкали, и она черезъ силу выговорила:

— Оставьте меня!.. Уйдите!..

Двѣ женщины постоялаго двора стали хлопотать около княжны, а Илья Петровичъ и управитель вышли въ сосѣднюю горницу.

— Чтó же это? Какъ же это случилось? воскликнулъ князь.

— Очень просто, отозвался Джапшіевъ. — Полагать надо, что отъ моего письма. Я все описалъ князю, чтò происходило. Описалъ, какъ княжна сама мнѣ почитай во всемъ призналась. И полагаю, что это все князя и уложило. Вѣдь это все не шуточное дѣло. Княжна дѣвица—и въ крѣпостнаго своего... А у князя ужь былъ одинъ ударъ; ну, а второй, знаете ли, бываетъ потуже. Стало-быть, такъ-ли, сякъ-ли, а княжна Прасковья Андреевна и вы тоже—изволили вмѣстѣ всячески постараться и на всѣ лады поспѣшествовать кончинѣ дядюшки.

И послѣ паузы Джапшіевъ прибавилъ:

— А позвольте спросить, какъ вы полагаете, княжна Прасковья Андреевна тотчасъ меня отправитъ, или я могу еще немного питать надежду, что я...

— Что вы?! какъ можно, господинъ Джапшіевъ! Сестрица не изъ такихъ барынь. Смѣю васъ увѣрить, что вы получите абшидъ свой или въ три шеи... минутъ чрезъ десять... Какъ только сестрица въ чувства придетъ, такъ сейчасъ же чувствительно васъ отблагодаритъ.

И князь залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, глядя на кислую фигуру Джапшіева.

III.

Со дня извѣстія о внезапной смерти князя, отъ удара, прошло около двухъ недѣль, но за это время въ Березопольѣ не только по поговоркѣ „много воды утекло“, а можно было сказать: все старое утекло—и новое, нежданное и диковинное, его замѣнило.

Въ воскресный день, около полудня, въ яркую, теплую погоду, чуть не весеннюю, благодаря оттепели, всѣ березопольцы были на ногахъ. Можно было бы подумать, что день этотъ большой праздникъ. Въ дѣйствительности, празднество было исключительно мѣстное. Весь народъ усадьбы и села поднялся, чтобы снова встрѣчать свою владѣлицу, Прасковью Андреевну, но уже совершенно при иныхъ условіяхъ.

Барышня-княжна пробыла все это время въ Москвѣ, ради похоронъ своего отца въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей. И теперь она возвращалась обратно туда, куда еще такъ недавно пріѣзжала поневолѣ, какъ въ ссылку. Но теперь ей показалось бы ссылкой и нравственною тюрьмой всякое иное мѣсто, помимо Березополья.

Сюда спѣшила она всячески, и среди сборовъ и хлопотъ, по поводу пышныхъ похоронъ отца, мало думала объ окружающемъ ее. Всѣ помыслы ея, вся душа, будто оставались въ вотчинѣ.

За эти двѣ недѣли въ Березопольѣ тоже было большое волненіе. Многіе подняли головы, многія надежды воскресли, многіе соединяли съ возвратомъ „добрѣющей“ барышни Прасковьи Андреевны, скорое осуществленіе давнишнихъ собственныхъ мечтаній о счастіи.

Врядъ-ли когда березопольцы переживали болѣе радостные дни. Всѣ были довольны и веселы.

Въ небольшомъ флигелѣ, гдѣ когда-то столько лѣтъ прожилъ ихъ общій любимецъ и былъ вдругъ изгнанъ и замѣненъ ненавистнымъ для всѣхъ человѣкомъ, снова помѣщался тотъ же Макаръ Макаровичъ. Все было въ его горницахъ въ такомъ видѣ, какъ еслибы онъ и не выѣзжалъ никогда. Не даромъ всѣ дивились и всѣ повторяли, что приключеніе съ Макаромъ Макаровичемъ кажется будто сновидѣніемъ. Какъ былъ онъ всегда, такъ и есть теперь на своемъ мѣстѣ.

Въ первомъ домикѣ попрежнему очутились вмѣстѣ ожившая отъ счастія старушка Лукерья Егоровна и ея обожаемый сынъ, выкупленный изъ солдатства.

Миловановъ былъ возвращенъ домой изъ Рязани. И чтò было невозможно по закону, стало совершенно возможнымъ въ силу хлопотъ княжны Березопольской и въ силу денегъ раздаренныхъ въ губернскомъ городѣ.

Егоръ тоже сначала едва глазамъ вѣрилъ—такъ чудно повернулась его судьба. Въ ту минуту, когда онъ въ Рязани уже серьезно собирался покончить съ собой, онъ узналъ, что не только свободенъ, снова возвращается въ Березополье, но что помимо этого есть и еще нѣчто. Тó, о чемъ онъ когда-то боялся думать, въ чемъ боялся сознаться себѣ самому, вдругъ стало общимъ достояніемъ. Сокровенная тайна стала будто извѣстна всѣмъ, и объ ней всѣ тихо перешептываются. Ей не мало дивятся. Кое-кто не вѣритъ. Но тѣмъ не менѣе, молва бѣгаетъ и прошла уже далѣе Березополья. Молва обѣжала и губернскій городъ, и уѣздный городокъ и, наконецъ, вдругъ какъ бы перестала быть молвой. Стала дѣйствительностью, дѣломъ всему міру извѣстнымъ.

Вернувшійся въ Березополье Миловановъ прочелъ на лицахъ всѣхъ обитателей вотчины нѣчто, чтò смутило его. Онъ не испугался, а ему стало стыдно, какъ будто его обвиняли въ чемъ, какъ будто онъ виноватъ въ чемъ. И всѣ эти взгляды дворовыхъ, и даже кое-кого изъ мужиковъ съ села, заставляли Милованова опускать глаза или отворачиваться.

Ему было стыдно и стыдно. И онъ не могъ внутренно рѣшить вопроса, чтó съ нимъ приключилось. Чтò свалилось съ неба: большое счастіе или большая вина? Ему чудилось, что лица его сожителей, дворовыхъ, укоряютъ его: то чудилось, что надъ нимъ всѣ насмѣхаются и за глаза всюду ругаютъ. Иногда же ему чудилось, что кое-кто говоритъ съ нимъ съ такимъ почтеніемъ, столько заискиваетъ и льститъ, чтò ему становилось гадко.

И въ скромномъ, прямодушномъ Егорѣ являлось мгновеньями диковинное желаніе убѣжать куда-нибудь, такъ какъ тò, чтò онъ нашелъ въ Березопольѣ по отношенію къ себѣ, гнетомъ легло ему на душу. Онъ чувствовалъ всею душой неестественность, ложность своего положенія.

Вслѣдствіе этого, по возвращеніи въ Березополье, онъ сказался нездоровымъ и почти не выходилъ никуда изъ дому. Но за то онъ былъ счастливъ въ другомъ отношеніи. Его мать отъ нежданнаго свиданія съ нимъ ожила, въ два-три дня оправилась совсѣмъ и снова была бодра, насколько могла.

Разумѣется, Лукерья Егоровна тоже мучила сына наивными вопросами. До нея, видавшей кое-кого, дошли темные слухи, которые тревожили ее. Эти слухи казались старушкѣ чудовищными и могли опять навлечь на сына какую-нибудь бѣду, еще худшую.

Слабый отъ преклонныхъ лѣтъ разсудокъ ея не могъ совладать съ чрезвычайностью того, о чемъ ей нашептывали разныя кумушки насчетъ княжны и ея сына. И старушка изрѣдка вечеромъ начинала осторожно, издалека, намеками, пытать сына. Она думала, что приступаетъ къ этому чрезвычайно тонко и хитро, но дѣлала это, разумѣется, наивно.

Сынъ убѣждалъ старушку, что березопольцы—вралй извѣстные, что этакого диковиннаго быть не можетъ. Но лицо и глаза его говорили матери ясно, что онъ лжетъ.

Но это бы еще ничего. Было иное что́ смущало ее. Старушка видѣла и чувствовала, что сынъ самъ находится постоянно въ тревогѣ, которую не можетъ побороть. Она замѣчала, что онъ иногда, по ея выраженію, мечется какъ угорѣлый, не находя себѣ мѣста. Его преслѣдуетъ что-то. Начнетъ работать, задумается и броситъ. Соберется гулять, но вдругъ злобно броситъ шапку въ уголъ и останется дома. Иногда сядетъ въ углу комнаты на стулъ, положитъ голову на руки и просидитъ какъ окаменѣлый часа два, не слыша ея вопросовъ и не отвѣчая ни слова.

Вскорѣ послѣ вторичнаго переѣзда Макара Макаровича въ свой прежній домикъ, съ которымъ онъ сроднился, Миловановъ просидѣлъ у него цѣлый вечеръ и вернулся къ себѣ, очевидно, потрясенный до глубины души той бесѣдой, которая была у него съ Трубецкимъ. Цѣлую ночь пробродилъ онъ въ своей горницѣ и не ложился спать.

Съ этого дня онъ сталъ будто избѣгать Трубецкаго. Когда управитель звалъ его къ себѣ черезъ какого-нибудь двороваго, онъ приказывалъ сказать, что ему нездоровится, и не шелъ.

Два раза Макаръ Макаровичъ самъ приходилъ къ нему. Въ первый разъ Егоръ сидѣлъ едва отвѣчая на вопросы управителя и повѣсивъ носъ, какъ виноватый.

Въ другой разъ, заслышавъ голосъ Трубецкаго на крыльцѣ, онъ кинулся опрометью въ сосѣднюю горницу и приказалъ матери сказать управителю, что онъ хвораетъ и спитъ.

И старушка опять начала хворать отъ тревоги, боязливо глядя на ликованіе березопольцевъ. Имъ хорошо! А ей чудилось, что уже идетъ бѣда и много худшая. Спокойно и безбоязненно размыслить, и обсудить это диковинное дѣло, о которомъ нашептывали ей кумушки и которое случится по возвращеніи княжны—она была совершенно не въ состояніи.

Если-бы Лукерьѣ Егоровнѣ сказали, что сынъ ея будетъ не нынче—завтра царемъ въ какомъ-нибудь „нѣкоторомъ царствѣ, не нашемъ государствѣ“ и что къ нему не нынче—завтра явятся посланцы въ золотыхъ кафтанахъ просить его ѣхать на царство, то быть-можетъ она была-бы менѣе поражена. О такихъ оказіяхъ въ жизни „Иванушекъ-дурачковъ“ она слыхала, а такого случая, о какомъ перешептываются березопольцы, еще не видано и не слыхано.

IV.

Помимо Миловановыхъ, было тяжело еще одному существу среди ликованія въ Березопольѣ.

Въ одной изъ горницъ барскаго дома, гдѣ когда-то помѣщалась Дуняша, теперь уѣхавшая съ барышней въ Москву, лежала на постели трудно-больная.

Докторъ изъ уѣзднаго города навѣщалъ больную каждые два дня, но уѣзжалъ всегда покачивая головой и объясняя пожилой Марѳѣ, что дѣло плохо совсѣмъ...

Больная была Евгенія.

Захворала она очень просто. „Застудилась“, какъ говорили во двору. Дѣйствительно, Евгенія простудилась и лежала въ горячкѣ, была безъ сознанія въ продолженіе пяти дней, потомъ пришла въ себя, но оставалась въ такомъ положеніи, что врачъ не могъ сказать, поправляется-ли дѣвушка, или близится къ смерти.

И только теперь, когда уже ждали возвращенія княжны изъ Москвы, Евгеніи стало нѣсколько лучше. Но ее едва возможно было узнать, настолько перемѣнилась и исхудала она.

Больную многіе навѣщали. Раза два кое-какъ пришла къ ней и Лукерья Егоровна. Она-бы могла бывать и чаще, но не ходила по особой причинѣ.

Каждый разъ Евгенія, плача и цѣлуя старушку, умоляла ее попросить къ ней Егора Ивановича. Но старушка обѣщать не могла, такъ какъ Егоръ наотрѣзъ отказался повидаться съ Евгеніей. Онъ поручилъ матери сказать дѣвушкѣ, что всему прежнему наступилъ конецъ, что и думать нечего о томъ, о чемъ прежде были у нихъ разговоры.

Егоръ совершенно не зналъ, такъ-же какъ и всѣ березопольцы, какимъ образомъ заболѣла дѣвушка. Болѣзнь ея пришла не просто, но Евгенія одна знала, какъ заболѣла.

Въ тотъ день, когда въ Березополье пришло извѣстіе, что князь Андрей Ивановичъ скончался, что княжна самостоятельная владѣлица всего состоянія, что Егоръ Миловановъ уже возвращается изъ Рязани и, конечно, не будетъ солдатомъ, а въ скоромъ времени все Березополье ахнетъ отъ того, что́ произойдетъ,—Евгенія не выдержала...

Одинъ недавній случай смерти въ усадьбѣ пришелъ ей на умъ. Поздно вечеромъ Евгенія отправилась въ баню и, переждавъ покуда нѣсколько запоздавшихъ дѣвушекъ вымылись, одѣлись и ушли, объявила, что хочетъ тоже мыться

Оставшись одна и пролежавъ около получасу на полкѣ въ духотѣ и жару пара, она совершенно потная выбѣжала на морозъ и среди полной тьмы ночи легла въ снѣгъ. Не двигаясь, пролежала она тутъ въ сугробѣ до тѣхъ поръ, пока не окостенѣла совершенно. Тогда черезъ силу вернулась снова въ баню, кой-какъ одѣлась, двинулась въ барскій домъ, но уже по дорогѣ почувствовала себя будто схваченною въ тиски. Съ ней начало твориться что-то невѣроятное. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до крыльца, она свалилась среди двора. Здѣсь, случайно, тотчасъ увидѣли ее и въ состояніи полуобморока перенесли въ горницу Дуняши.

На другой день она была уже при смерти. Но объ этомъ никто не зналъ. Миловановы тоже не знали. Пріѣхавшій Макаръ Макаровичъ увидѣлъ дѣвушку, понялъ все и погналъ верховаго въ городъ за докторомъ...

Теперь выздоравливающая Евгенія стала совсѣмъ другою дѣвушкой. Она сама чувствовала, что жизнь, возвращаясь къ ней, находитъ ее не тою-же... Одна болѣзнь прошла, но явилась будто другая. И эта другая болѣзнь—душевная — припадками злобы и отчаянія хватаетъ ее за горло, стучитъ въ вискахъ, заставляетъ порывисто крѣпкими ударами биться ея сердце. Если это—не болѣзнь, думалось дѣвушкѣ, а сильное человѣческое чувство, то его надо назвать дьявольскимъ наущеніемъ.

Сначала у Евгеніи чередовалось два чувства. То озлоблялась она, то приходила въ отчаяніе, начинала плакать, и наплакавшись до-сыта, снова приходила она въ какое-то ожесточеніе, садилась на постель, дико озиралась въ горницѣ, мысленно грозилась, мысленно рѣшалась на такое дѣло, которое конечно и самое княжну и всѣхъ березопольцевъ перепугало-бы на смерть. Но затѣмъ снова наступало отчаяніе, слабость и горькія слезы.

Наконецъ насталъ и день торжественной встрѣчи княжны. Посланцы, поставленные на дорогѣ Трубецкимъ, какъ когда-то прежде, должны были его извѣстить по крайней мѣрѣ за полчаса до появленія поѣзда изъ Москвы. Но разница была та, что теперь человѣкъ двадцать на лошадяхъ вызвались сторожить поѣздъ.

Въ церкви, мимо которой надлежало ѣхать княжнѣ, священникъ и причтъ ждали въ полномъ облаченіи, чтобы послѣ встрѣчи отслужить въ храмѣ молебенъ. Вокругъ храма толпилась куча народу, но вся громада, по приказанію Макара Макаровича, осталась ожидать княжну близь барскаго дома.

И снова все населеніе, отъ мала до велика, за исключеніемъ младенцевъ и дряхлыхъ стариковъ, было на ногахъ, разодѣтое по праздничному, а главное съ праздничными лицами.

Съ чего ходить? Картина Швенингера, грав. Кренеръ.

Только двое обывателей, на все Березополье, здѣсь не присутствовали. Больная Евгенія и совершенно здоровый, но душевно хворающій Егоръ Миловановъ. Два раза посылалъ къ нему Макаръ Макаровичъ сказать, что ему болѣе всѣхъ приличествуетъ быть съ другими при встрѣчѣ княжны. Но Миловановъ не отвѣтилъ посланному ничего.

Лукерья Егоровна тоже была около барскаго дома, стояла рядомъ съ Макаромъ Макаровичемъ, но задумчивая, тревожная, печальная, съ мыслями о сынѣ, который упрямо остался дома.

А самъ Егоръ сидѣлъ у окна, которое выходило па улицу. Изъ него хорошо была видна вся дорога къ храму, гдѣ двигался взадъ и впередъ народъ.

Миловановъ былъ блѣденъ, глаза его лихорадочно горѣли. Онъ то садился къ окну, то вставалъ, ходилъ, почти метался по маленькой горницѣ и снова садился. Что̀ съ нимъ происходило, онъ самъ не зналъ. И только одна мысль ясная одолѣвала его: желаніе бѣжать, желаніе спастись отъ того, что̀ представлялось ему не бѣдой, а чѣмъ-то худшимъ, ибо непонятнымъ и чудовищнымъ...

Бѣгство какъ можно подальше отъ Березополья— теперь еще яснѣе представлялось ему какъ единственное спасеніе. Изрѣдка онъ бралъ себя за голову и произносилъ шепотомъ:

— Мучительство!.. Истинное мучительство!.. Ужь лучше-бы въ солдатахъ быть.

Наконецъ на дорогѣ отъ храма показалась темная, сплошная толпа, двигавшаяся къ усадьбѣ, и среди нея шагомъ ѣхавшій экипажъ.

Миловановъ увидѣлъ, вздрогнулъ и отошелъ отъ окошка въ глубину горницы, какъ если-бы ему представилось что-то страшное.

И вдругъ дикая и нелѣпая мысль пришла ему въ голову:

„Что еслибы въ эту минуту по дорогѣ шло похоронное шествіе? Что еслибы хоронили ее, княжну Прасковью Андреевну? Было-ли бы это лучше? Для него?“

И на это Егоръ отвѣтилъ себѣ просто и искренно, а потому—вѣрно.

— Оно было-бы проще, прошепталъ онъ, стоя въ углу горницы и боясь даже взглянуть на гудѣвшую толпу и на проѣзжавшій шагомъ возокъ, гдѣ сидѣла княжна Прасковья Андреевна.

V.

Миловановъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ княжнѣ и черезъ два часа вернулся смущенный, но не тревожный... На слѣдующее утро онъ снова ушелъ къ барышнѣ, пробылъ у нея весь день и вернулся къ матери спокойно радостный, счастливый. Съ этого дня онъ безвыходно сидѣлъ въ барскомъ домѣ.

Такъ прошла недѣля послѣ пріѣзда барышни Прасковьи Андреевны, а въ Березопольѣ вдругъ снова все стало готовиться къ отъѣзду и къ проводамъ.

За это время жизнь въ вотчинѣ шла на особый ладъ. Въ барскомъ домѣ было ликованье. Безмѣрно счастливая и радостная владѣлица вліяла, очевидно, на своихъ окружающихъ. За то среди дворовыхъ замѣтна была угрюмость, недовольство, почти ропотъ. Село относилось безстрастно и безучастно, но и тамъ нѣкоторые крестьяне поумнѣе сходились и толковали о томъ, что лихая бѣда повисла надъ головами.

Всѣмъ въ Березопольѣ, отъ мала до велика, было извѣстно, что на-дняхъ рѣшился очень важный вопросъ. „Важнѣющее“ дѣло было, какъ говорится, рѣшено и подписано. Всѣ это знали, всѣ между собой говорили объ этомъ, но не громко, не открыто. Всякій дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Казалось, что дѣло идетъ о чемъ-то противозаконномъ, о замышляемомъ преступленіи, въ которомъ каждый чувствовалъ себя пособникомъ.

Березопольцы, дворовые и крестьяне, уже болѣе недѣли какъ знали диковинное рѣшеніе, принятое ихъ владѣлицей-княжной. И это былъ уже не слухъ...

А владѣлица-княжна и дворянка стариннаго рода, съ трудомъ поборовъ упорство своего возлюбленнаго, его смущеніе и робость предъ роковымъ и диковиннымъ шагомъ, поборовъ равно безсмысленный ужасъ его старухи-матери, твердо и окончательно рѣшилась сочетаться бракомъ со своимъ собственнымъ крѣпостнымъ столяромъ.

— Не видано и не слыхано!.. ахнули березопольцы.

— Срамъ и противозаконіе, шепнулъ батюшка.

Но съ тѣхъ поръ, что вѣсть объ этомъ, какъ о дѣлѣ порѣшенномъ, обѣжала Березополье, ни барышня-княжна, ни самъ Миловановъ не показывались почти никуда. Ихъ было не видно.

— Стыдно-ста въ люди глаза показать!..

Княжна не выходила изъ дому, даже не прогуливалась, какъ прежде, по двору и по дорогѣ. Миловановъ предъ полуднемъ быстрыми шагами проходилъ изъ флигеля въ барскій домъ и возвращался только поздно вечеромъ. Раза три и его старушка-мать черезъ силу проковыляла къ барышнѣ и тоже пробыла у нея нѣсколько часовъ. Одинъ разъ сама княжна явилась въ гости къ Лукерьѣ Егоровнѣ.

Прямо, открыто ничего не было повѣщено рабамъ княжны Прасковьи Андреевны, но всѣ знали, что диковинное дѣло рѣшено безповоротно. Когда ждать свадьбы и будетъ-ли пиръ горой, объ этомъ конечно никто не говорилъ.

Толковали все больше объ одномъ: коли Егоръ станетъ бариномъ, то что̀ изъ этого будетъ? Человѣкъ онъ добрый, ласковый, разумный, тихій. Да вѣдь это въ прежнемъ состояніи. А каковъ онъ будетъ, какъ бариномъ станетъ?

Затѣмъ прошелъ слухъ, что свадьбы никакой не будетъ въ вотчинѣ, что барышня собирается уѣзжать въ Москву вмѣстѣ со своимъ нареченнымъ и отпразднуетъ свое бракосочетаніе въ столицѣ. Кто говорилъ, что женихъ и невѣста стыдятся своихъ людей, затѣявъ неслыханное дѣло: а кто говорилъ, что княжна должна ѣхать въ столицу просить разрѣшенія царскаго выходить замужъ за своего холопа.

Говорили тоже, кто поглупѣе, что прежде всего надо сдѣлать Егора дворяниномъ, а потомъ уже за него замужъ выходить. Другіе, поумнѣе, объясняли, что дворяниномъ сдѣлать Егора нельзя. На это нуженъ царскій указъ. А захочетъ-ли царь этакое сдѣлать?

Толковъ и пересудовъ было, конечно, много, но все сводилось къ одному: къ извѣстію вѣрному объ отъѣздѣ княжны со своимъ нареченнымъ.

Вскорѣ на барскомъ дворѣ уже таскали въ переднюю уложенные сундуки, уже толковали о подводахъ и о подставахъ по Рязанской дорогѣ.

Но если на дворѣ шелъ говоръ таинственный и осторожный, иногда тайный ропотъ, а въ числѣ дворовыхъ были угрюмыя и озабоченныя лица, то въ барскомъ домѣ происходило совершенно обратное.

Въ домѣ жили на прежній ладъ, какъ жилось когда-то, до смѣщенія Макара Макаровича и назначенія новаго управителя.

Князь Илья Петровичъ снова жилъ безвыѣздно у сестрицы. Макаръ Макаровичъ снова являлся со своей флейтой. Вмѣстѣ съ ними снова съ утра до вечера бывалъ тутъ Миловановъ, но уже никто не называлъ его Егоромъ безъ прибавленія „Ивановичъ“.

Тутъ все пошло по старому—весело и много веселѣе, радостнѣе, чѣмъ прежде.

Наконецъ, однажды вечеромъ дворовые вдругъ узнали, что Егоръ Миловановъ вмѣстѣ съ матерью и Макаромъ Макаровичемъ выѣхалъ въ ночь по Рязанской дорогѣ. На другой день было приказано закладывать и

подавать карету княжны, которая выѣзжала тоже, вмѣстѣ съ братцемъ.

О проводахъ не было никакого распоряженія, спросить было не у кого за отсутствіемъ управителя, какъ бы тайкомъ выѣхавшаго вдругъ. И не имѣя къ кому обратиться за разъясненіями, березопольцы сразу почувствовали себя какъ-то непривычно, въ мудрено-ложномъ положеніи, и ходили какъ въ воду опущенные.

Около полудня изъ вотчины выѣхалъ возокъ, въ которомъ сидѣла княжна и князь Илья Петровичъ, а за ними кибитка, въ которой была Дуняша.

Отъѣздъ этотъ, видѣнный десяткомъ людей вблизи и полсотней людей издали, былъ какой-то странный. Всѣ покачивали головами и вздыхали.

— Не княжеское дѣло затѣяла—не по княжески и изъ вотчины уѣзжаетъ! рѣшили дворовые.

Экипажъ владѣлицы скрылся изъ глазъ немногихъ проводившихъ ее, и надъ Березопольемъ на нѣсколько дней будто опустилось и нависло какое-то невидимое, но ощущаемое всѣми, облако, или темная пелена будто покровомъ прикрыла всѣхъ и все въ усадьбѣ. Но покровъ этотъ былъ чудной. Нежданные, на всѣхъ лицахъ, растерянность, недоумѣніе и стыдъ. Всѣ будто совѣстились, всѣ будто пережили какой-то стыдъ и незаслуженную обиду.

По отъѣздѣ владѣлицы, а равно и любимца-управителя, во всей вотчинѣ наступила мертвая тишь. Всѣ обыватели будто дали себѣ слово ходить медленно, какъ можно меньше говорить и не ухмыляться. Барскій домъ, опустѣлый, стоялъ запертой, но къ этому березопольцы давно привыкли. Пустота и тишь во флигелѣ управителя, такая же тишь въ первомъ домикѣ—вотъ что̀ какъ-будто дѣйствовало на всѣхъ.

Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ сказывалась жизнь, былъ ткацкій корпусъ, но и тамъ все не ладилось и все не клеилось. И работа шла черезъ пень колоду, и говору не было обычнаго, не только смѣху. Только разъ пошутилъ кто-то:

— Ай да баринъ будетъ у насъ! Стамесочный!

Разумѣется, теперь только и было говору и соображеній, что о будущемъ возвращеніи владѣлицы, уже замужней, и новаго барина, котораго повезли производить въ купцы-ли, въ дворяне-ли. Но когда надо ожидать пріѣзда господъ—никто не зналъ, даже и приблизительно. Объ этомъ не было никакихъ слуховъ. Никто ничего не зналъ и предполагать даже не могъ.

Наконецъ чрезъ мѣсяцъ ожиданья въ Березополье вернулся Макаръ Макаровичъ съ Лукерьей Егоровной, а съ ними и горничная Дуняша. На всѣ вопросы и опросы они не пожелали ничего отвѣчать...

— Обождите малость — все узнаете, отзывался Трубецкой сумрачно.

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ **А. Зарина.**

(Продолженіе).

XV.

Между ними водворился миръ. Хмуровъ толковалъ о скачкахъ и на службѣ, и дома; Настасья Сергѣевна съ улыбкою слушала его и глядѣла любовными глазами на его оживленное лицо.

„Развѣ бѣда увлечься?“ думала она съ улыбкою, „и чего это я раньше такъ боялась?“

„Славная у меня Настя“, думалъ Хмуровъ: „она поняла, что я не ребенокъ, что за меня нечего бояться, вѣдь она и сердилась-то любя меня, опасаясь за мое здоровье!“

— Одолжите папиросочку, подошелъ Славинъ къ Хмурову на службѣ,—послѣ-завтра будете?

— Буду! кивнулъ головою Хмуровъ, протягивая портсигаръ.

— У меня къ вамъ просьбица, взялъ Славинъ папиросу,—дайте мнѣ на воскресенье пятишницу?

Хмуровъ пожалъ плечами.

— Радъ-бы, Василій Карловичъ, да у меня нѣтъ. Самъ всего съ девятью рублями поѣду, съоткровенничалъ онъ.

— Съ девятью! воскликнулъ Славинъ,—съ девятью не стоитъ и ѣхать. У меня 13 рублей, да я прошу, потому что мало. Я хочу 3 рубля на каждое отдѣленіе.

Хмуровъ сконфузился.

— Голубушка моя, взялъ его за локоть Славинъ, и лицо его озарилось слащавою улыбкой,—душенька, сдѣлайте дѣло! Возьмите ссуду: мнѣ 5 рублей дадите, да и сами по крупному съиграете. А то что̀ это изъ-за рубля мараться!

Хмуровъ нерѣшительно взглянулъ на Славина.

— Возьмите, возьмите! ей Богу, добро совѣтую! заторопилъ онъ.

— А вы сами что̀?

— Фью! свиснулъ Славинъ,—я, батенька, еще для бѣговъ всѣ 60 рублей выгребъ, по сію пору въ долгу состою!

„Взять что-ли?“ подумалъ Хмуровъ, „вѣдь и правда, мелко играю!“

— Хорошо, сказалъ онъ Славину,—завтра дамъ!

— Вотъ умница, вотъ разумникъ! обрадовался Славинъ, — спасибо, дорогой, спасибо!

„Не всѣ“, рѣшилъ про себя Хмуровъ, — „возьму только 30 рублей“, и онъ направился къ кассѣ.

„Пять рублей Славину, останется двадцать пять“, разсчитывалъ онъ, „да 9 рублей, итого 34—играть, можно и на двойномъ даже!“

Онъ по праву могъ взять ссуду въ размѣрѣ своего мѣсячнаго жалованья, но онъ взялъ только 30 рублей.

„Женѣ не буду говорить“, думалъ онъ, идя домой, „понапрасну взволнуется только. Разумница!“ окончилъ онъ съ доброй улыбкой.

И придя домой, онъ ничего не сказалъ женѣ о взятыхъ на службѣ деньгахъ.

Въ воскресенье онъ игралъ, увеличивъ ставки, и игралъ также счастливо, какъ и прошлый разъ.

— И какой тутъ разсчетъ! говорилъ Хмуровъ Барсову, который съ ожесточеніемъ мялъ въ рукахъ газету,—все дѣло въ счастіи: повезетъ, такъ и кляча первою будетъ!

И правда, для него и плохія лошади приходили первыми. Домой онъ везъ 60 рублей.

„Ничего не скажу женѣ“, опять рѣшилъ онъ, отложивъ въ сторону 25 рублей на всякій случай; но сказать пришлось дома.

— Леша, у меня всѣ деньги вышли, что̀ мы будемъ дѣлать? сказала вечеромъ Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ весело улыбнулся.

— Вотъ покуда 25 рублей, до 20-го хватитъ тебѣ?

Она съ улыбкою кивнула головою:

— Откуда это у тебя?

— Выигралъ, Настя, выигралъ! Откуда-же иначе! отвѣтилъ онъ.

— Съ девяти рублей?

Хмуровъ покраснѣлъ.

— Да, съ девяти, совралъ онъ.

— Не принесли пользы ваши 5 рублей, грустно сказалъ Славинъ на службѣ.

— Проиграли?

— Не все, отвѣтилъ Славинъ,—но изъ 18 рублей одиннадцать.

— Э, отыграетесь! засмѣялся Хмуровъ.

— Да, вамъ везетъ, съ завистью сказалъ Славинъ,—а вотъ мнѣ...

И онъ, не окончивъ, махнулъ рукой.

Когда Хмуровъ принесъ домой жалованье, онъ для видимости взялъ изъ него 10 рублей, скрывая отъ жены свой выигрышъ.

„Окончатся скачки“, съ улыбкою думалъ онъ, „и я сразу всѣ передъ нею выложу“; онъ уже представлялъ себѣ: изумленное лицо жены, трату этихъ денегъ, поцѣлуи и ея радость.

Послѣднія скачки въ Петергофѣ пришлись на 22-е число, и потому народу было больше обыкновеннаго, азартъ былъ сильнѣе.

— Теперя, Савва Митричъ, въ Царское поѣдемъ, смѣялся, проталкиваясь въ толпѣ у тотализатора, засаленный картузъ,—тамъ отъиграемся, потому—знакомство есть.

— Тебѣ чего отъигрываться, и такъ набилъ карманъ! отвѣчали ему смазные сапоги.

— Хе-хе-хе! смѣялся картузъ, — пожалуйте 10 штучекъ на третій нумеръ, обратился онъ за прилавокъ.

— Десять третьихъ! крикнулъ приказчикъ, и машинка защелкала.

— Теперь, катай во всю! поощрялъ студентъ гимназиста, — вѣдь въ Царское не попадемъ!

— Бога ради, Семенъ Яковлевичъ, упрашивала офицера дама въ золотыхъ очкахъ,—вы на 4-й, не позабудьте на 4-й!

— Алексѣй Константиновичъ, здравствуйте! подошелъ къ Хмурову юный Колпинъ подъ руку съ почтеннымъ старикомъ, составлявшимъ съ нимъ поразительный контрастъ. Насколько юный Колпинъ былъ одѣтъ изящно и фатовато—настолько тотъ бѣдно. Онъ былъ безъ пальто, въ одномъ сюртукѣ, на которомъ швы почти побѣлѣли отъ времени; колѣнки брюкъ были вздуты, на головѣ его была немного помятая шляпа-котелокъ. Насколько физіономія юнаго Колпина была пошла, настолько лицо старика съ длинною сѣдою бородою было благородно.

Новый властитель Абиссиніи, Менеликъ, и его полководцы. Съ фот. рис. Ронжа, грав. Гильдебрандъ.

Мюнхенская художественная выставка. На пестромъ коврѣ. Съ карт. Ю. Адама, грав. Брендамуръ.

— Позвольте познакомить, обратился къ Хмурову Колпинъ:— мой папаша—господинъ Хмуровъ.

Старикъ приподнялъ шляпу и раскланялся со Хмуровымъ. Хмуровъ пожалъ его руку.

— Провѣтрить старика привезъ, небрежно уронилъ юный Колпинъ и пошелъ къ будкѣ тотализатора.

Хмуровъ обратился къ старику.

— Никогда не бывали? спросилъ онъ.

Старикъ улыбнулся доброю, широкою улыбкой.

— Нѣтъ, ни разу. Вотъ сынъ затащилъ—провѣтрить, сказалъ онъ съ нѣкоторою горечью.

— Онъ у васъ сильно играетъ.

— Да, да, пожалъ плечами старикъ, — я удивляюсь даже. Я ему даю 5 рублей въ мѣсяцъ изъ пенсіона. Онъ играетъ и такъ счастливо, что замѣтьте: одѣть, можно сказать, со вкусомъ, на рысакахъ катается — и меня балуетъ, знаете, сигаркой, винцомъ. Удивительно счастливъ! Въ мать пошелъ!

И старикъ съ любовью посмотрѣлъ на подходившаго къ нимъ сына.

— Вѣдь вы до Царскаго бросить хотѣли? спросилъ Хмуровъ.

— Не утерпѣлъ! пощипывая губу, отвѣтилъ Колпинъ. — думаю, рискну напослѣдокъ. Я сегодня сильно играю. Вотъ!—и онъ показалъ пять трехрублевыхъ билетовъ.

— Ого! покачалъ головою Хмуровъ.

— Да, ужь куда ни шло! тряхнулъ Колпинъ головою и взялъ старика подъ руку,—пойдемъ, отецъ, я тебѣ мѣсто найду.

Старикъ кивнулъ головою Хмурову и послушно пошелъ за сыномъ. На скачкахъ были и Барсовъ, и Славины, и Зыбинъ.

— Что, батюшка, всосались, и жена не помогла! подошелъ онъ къ Хмурову съ улыбкой.

Тотъ холодно протянулъ ему руку.

Онъ и въ этотъ разъ игралъ необыкновенно счастливо. По окончаніи скачекъ у него составилось съ прошлымъ около 120 рублей. Онъ былъ веселъ; за то Барсовъ и Славины были мрачны, какъ тучи.

— Все проигрываю! съ отчаяніемъ сказалъ Барсовъ.

— Тридцати рубликовъ не хватаетъ! уныло оповѣстилъ Хмурова Славинъ.

— Да, тебѣ смѣхъ! плаксивымъ голосомъ шепталъ одинъ подростокъ другому за спиною Хмурова, —часы-то я закладывалъ. Что теперь дома будетъ? что будетъ? окончилъ онъ почти плачемъ.

— Ну, скажи: потерялъ, уговаривалъ другой.

— Баринъ, баринъ! пристали къ Хмурову оборванные мальчишки,—дай билетиковъ.

— Какихъ билетиковъ? спросилъ Хмуровъ.

— Отъ толизатора, проигрышныхъ! объяснили они.

— Что вы дѣлать съ ними будете?

— Играть будемъ. Раздѣлимъ ихъ и толизаторъ устроимъ! Дай!

— Вонъ у нихъ спросите, указалъ Хмуровъ на Барсова и Славина.

Барсовъ вытащилъ изъ кармана цѣлую пригоршню билетовъ и бросилъ ихъ ребятамъ.

— Все рубли! съ злобою проговорилъ онъ.

— Шабашъ! встрѣтилъ ихъ на платформѣ Колпинъ, — все продулъ; теперь: что въ Царскомъ!..

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ.

— Я сегодня въ первомъ классѣ, ни съ того, ни съ сего заявилъ Колпинъ,—надо старика покоить! и онъ, приподнявъ элегантно шляпу, повернулся на каблукахъ и направился къ одиноко стоявшему въ толпѣ старику-отцу.

— И откуда деньги у него? съ удивленіемъ проговорилъ Барсовъ.

— Богатенькій вѣрно, съ завистью въ голосѣ замѣтилъ Славинъ.

XVI.

Хмуровъ всю недѣлю былъ въ особенномъ волненіи. О Царскосельскихъ скачкахъ онъ много наслышался въ Петергофѣ. Онѣ всегда гораздо оживленнѣе, игра на нихъ всегда крупнѣе и, кромѣ того, вмѣсто ѣздоковъ-охотниковъ, преимущественно гвардейскихъ офицеровъ, скачутъ жокеи, что дѣлаетъ игру еще болѣе азартною.

Все это онъ съ жаромъ толковалъ женѣ, а та слушала его съ ласковою, снисходительною улыбкою. Ее мало интересовали всѣ эти подробности, но она старалась казаться всегда внимательною, любуясь больше оживленнымъ лицомъ Хмурова, чѣмъ вслушиваясь въ его слова.

— И кромѣ того, скачки два раза въ недѣлю, а не разъ, восклицалъ Хмуровъ: — по воскресеньямъ и четвергамъ, не нужно шесть дней томиться.

— Да неужели ты томишься, Леша? съ недовѣріемъ спросила она.

— Еще какъ, Настя! отвѣтилъ онъ, — къ концу недѣли не знаю, куда время дѣвать, чтобы только скорѣе воскресенье пришло.

— Ну, ужь это гадко, Леша, упрекнула она его, — вѣдь это въ родѣ помѣшательства!

Хмуровъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— И откуда у тебя деньги берутся? спросила она,—ты всего у меня 10 рублей взялъ...

Хмуровъ не выдержалъ.

— Выигралъ, все время везло! воскликнулъ онъ, — у меня теперь за сто рублей, Настя.

— За сто рублей! почти съ испугомъ проговорила Настасья Сергѣевна.

— Да, да, кивалъ головою Хмуровъ,—все время везло, Настя, съ того раза, помнишь?

Настасья Сергѣевна повѣрила.

— Вотъ былъ-бы умница, Леша, сказала она,—теперь-бы и остановился.

Хмуровъ сдвинулъ брови.

— Нѣтъ, я до конца хочу, больше наиграю.

— Всѣ проиграешь только!

— Ну, вотъ, напророчишь еще! съ раздраженіемъ замѣтилъ онъ.

Настасья Сергѣевна замолчала.

„Славная она у меня“, подумалъ тотчасъ-же Хмуровъ, „я боялся, что она спроситъ у меня денегъ, а она и не заикнулась.“

Скачки въ Царскомъ Селѣ были, правда, оживленнѣе. Публики стеклось неизмѣримо больше. Въ серединѣ круга гарцовали амазонки и всадники, на скаковыхъ лошадяхъ выѣхали жокеи въ красныхъ, синихъ, желтыхъ, черныхъ камзолахъ, и все это, придавая больше пестроты, живило картину. Игра тоже велась гораздо азартнѣе.

Хмурову счастье измѣнило; онъ проигрывалъ не каждый разъ, но капиталъ его постепенно таялъ и таялъ. Каждое воскресеніе и четвергъ онъ оставлялъ что-нибудь на тотализаторѣ.

Случалось ему выигрывать на одну лошадь—и онъ оживалъ; но тутъ-же проигрывалъ на двухъ другихъ и снова падалъ духомъ, не досчитываясь 10-ти, 15-ти рублей. Безпрерывно проигрывая, онъ сталъ нервенъ, раздражителенъ и дошелъ даже до смѣшнаго.

Идя на скачки, онъ просилъ жену потянуть жребій, какой нумеръ она вынетъ, гадалъ, раскрывая книгу и замѣчая цифры страницъ, ставилъ на число буквъ въ своемъ имени, въ имени жены — но ему ничто не помогало. Разъ-за-разомъ онъ проигрывалъ, и капиталъ его все уменьшался. Но чѣмъ болѣе онъ проигрывалъ, тѣмъ сильнѣе увеличивался его азартъ. Во время игры лицо его блѣднѣло и покрывалось красными пятнами. глаза горѣли, и онъ, весь дрожа отъ волненія, судорожно мялъ въ рукахъ афишу. Лошадь проигрывала—онъ съ проклятіемъ шелъ къ тотализатору и ставилъ на другую, удвоивая ставку. Проигрышъ росъ, капиталъ уменьшался.

Не лучше везло и Славинымъ съ Барсовымъ. Колпинъ даже и не показывался на скачкахъ, не смотря на свое обѣщаніе отъиграться въ Царскомъ. Но въ послѣднее время Хмуровъ ни на кого не обращалъ вниманія, всѣмъ существомъ своимъ отдаваясь игрѣ. Съ замираніемъ сердца онъ предчувствовалъ моментъ, когда его деньгамъ придетъ конецъ до послѣдней копѣйки—и предчувствіе его не обмануло. Въ одинъ изъ четверговъ отъ его наигранныхъ денегъ осталось всего 80 коп.

„Все!“ съ поблѣднѣвшимъ, исказившимся лицомъ думалъ Хмуровъ, „играть не на что!“

И онъ съ грустью вспомнилъ о крупной, выигранной имъ когда-то суммѣ и въ то-же время съ тоскою думалъ о предстоящемъ воскресеньѣ, въ которое ему не на что будетъ играть.

„Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?“ думалъ онъ, идя домой, и лицо его имѣло чисто страдальческое выраженіе.

— Опять проигралъ? встрѣтила его жена.

— Проигралъ! отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ за столъ, но не прикоснулся до ѣды. Жена налила ему стаканъ чаю, но чай успѣлъ простыть, а Хмуровъ все сидѣлъ, попрежнему неподвижно, не сводя глазъ съ одной и той-же точки. Его мучила мысль: „что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?“

— Леша, перестань! не выдержала наконецъ Настасья Сергѣевна при видѣ его растеряннаго лица, — брось тосковать о проигрышѣ! ну въ воскресенье выиграешь—велика бѣда!

Она подошла и, обнявъ его, ласково приникла къ его щекѣ щекою.

Онъ тихо обнялъ ее, и вдругъ лицо его озарилось улыбкою. Онъ горячо поцѣловалъ жену.

— Ну, вотъ и паинька! засмѣялась она, — стоитъ эта дрянь такого огорченія! и Настасья Сергѣевна, довольная, отошла къ самовару, увѣренная, что ея ласка разгладила морщины на лицѣ мужа.

Лицо Хмурова озарилось улыбкою потому, что онъ нашелъ средство продолжать игру. Ссуды въ прошлой разъ онъ взялъ 30 рублей, и за нимъ осталось право еще на тридцать. Онъ теперь радостно улыбался и думалъ: „возьму, понятно, возьму! Отъиграюсь и верну сейчасъ-же!“ И ему тутъ-же пришла въ голову суевѣрная мысль, что прошлымъ выигрышемъ онъ обязанъ ссудѣ, и если проигралъ теперь, то оттого только, что взялъ изъ жалованья; теперь онъ снова возьметъ ссуду и отъиграется.

„И какъ я, дуракъ, сразу объ этомъ не подумалъ?“ съ улыбкою упрекалъ онъ себя.

Его тоска прошла. До глубокой ночи онъ проболталъ съ женой, смѣясь и шутя, и заснулъ, полный твердой увѣренности въ выигрышѣ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Исторія человѣческаго жилища на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г.

(Рис. на стр. 1132 и 1133).

Въ числѣ чудесъ Парижской выставки, наравнѣ съ башней Эйфеля и свѣтящимся фонтаномъ, наибольшія толпы любопытныхъ привлекаетъ доселѣ еще нигдѣ въ мірѣ не виданная наглядная исторія человѣческаго жилища, воспроизведенная архитекторомъ Шарлемъ Гарнье въ 45 постройкахъ, въ натуральную величину, всѣхъ эпохъ, начиная съ первобытной доисторической и до нашего времени, съ соблюденіемъ мельчайшихъ археологическихъ подробностей въ архитектурѣ и обстановкѣ быта. Нашъ рисунокъ изображаетъ главнѣйшія изъ нихъ, причемъ для большей наглядности передъ жилищами нарисованы и типы ихъ обитателей, чего нѣтъ на выставкѣ.

Сравнительно недавно возникшая, наука о доисторическомъ человѣкѣ установила, что въ тѣ отдаленныя времена, когда на берегахъ Нила воздвигались громадныя пирамиды и древнѣйшіе памятники, люди уже имѣли огромное прошлое. Древнѣйшія цивилизаціи, о которыхъ упоминаетъ исторія, создались не вдругъ, а такъ-сказать ощупью, въ теченіе цѣлаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ, и были результатомъ терпѣливыхъ усилій, плодомъ труда безъименныхъ работниковъ, цѣлыхъ расъ человѣческихъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ: ни языка ихъ, ни исторіи, ни самаго имени.

Первобытные люди, конечно, не въ состояніи были построить себѣ постояннаго жилища; къ тому же, они были кочевники, не имѣвшіе понятія о земледѣліи и скотоводствѣ, жили исключительно охотой и рыбною ловлей, а для работы и самозащиты не имѣли никакихъ орудій, кромѣ инструментовъ и оружія изъ осколковъ кремня, грубо разбитаго и едва обработаннаго, или изъ роговъ сѣвернаго оленя. Это такъ-называемая *эпоха неполированныхъ орудій каменнаго вѣка* или *палеолитическая* (древне-каменная). Преслѣдуемый громадными допотопными хищниками, пещернымъ медвѣдемъ, пещернымъ львомъ и другими, а также и травоядными мамонтомъ, вооруженный кремневымъ топоромъ, т. е. кускомъ грубо обитаго кремня привязаннымъ лыкомъ къ деревянной рукояткѣ, или копьемъ съ остроконечнымъ отросткомъ оленьяго рога (см. на рис. № 3), человѣкъ пользовался для ночлега естественными убѣжищами, какія представляла ему неровность почвы. У подножія нависшихъ утесовъ, защищавшихъ его отъ дождя, снѣга и вѣтра, онъ много-много что устраивалъ себѣ грубую изгородь изъ вѣтвей и коры. Этимъ первобытнымъ становищемъ и начинается исторія человѣческаго жилища, какъ видно на рисункѣ № 1.

Позднѣйшій геологическій переворотъ позволилъ человѣку покинуть эти ненадежные пріюты. Воды первобытныхъ рѣкъ, наполнявшія сплошь все ихъ русло и разливавшіяся сверхъ того громадными озерами, мало-по-малу сбыли, понизились, обнажили болѣе или менѣе высокіе берега съ вымытыми въ нихъ пещерами; иныя рѣки и совсѣмъ изсякли, представляя ряды пещеръ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Эти пещеры стали первыми постоянными жилищами троглодитовъ (такъ наука зоветъ жителей пещеръ), которые теперь, благодаря сравнительной безопасности отъ непогодъ и хищниковъ, могли заняться улучшеніемъ своего быта и усовершенствовать орудія, замѣнивъ кремневые осколки инструментами и оружіемъ изъ полированнаго камня. Это вторая эпоха каменнаго вѣка — *неолитическая* (ново-каменная) или *эпоха полированныхъ орудій* (рис. № 4). При помощи орудій изъ полированнаго камня, топоровъ, ножей, пилъ и т. п., человѣкъ могъ уже обрабатывать дерево, выдѣлывать бревна, сваи, и вотъ мало-по-малу отъ грубыхъ шалашей *эпохи сѣвернаго оленя* (рис. № 2), онъ переходитъ къ такимъ постройкамъ, о которыхъ прежде не могъ и подумать.

Возникаютъ цѣлыя озерныя селенія на водѣ на сваяхъ, вбитыхъ невдалекѣ отъ берега, съ помостомъ и построенными на немъ хижинами (рис. № 6). Мы не разъ описывали эти *свайныя постройки* въ *Нивѣ* прошлыхъ годовъ и потому теперь опускаемъ подробности. Достаточно сказать, что эти озерныя селенія доставили еще большую безопасность ихъ жителямъ, въ то же время выведя ихъ изъ мрака пещеръ на свѣтъ Божій съ удобствомъ имѣть подъ рукой и воду, и землю со всѣми ея дарами. Тутъ только начинается настоящая цивилизація: благодаря сочетанію воды и земли (глины) изобрѣтается гончарное дѣло съ утварью изъ глины, возникаютъ начатки земледѣлія и прирученія животныхъ, и наконецъ, благодаря обжиганію глины, открывается плавленіе металловъ. За каменнымъ вѣкомъ слѣдуетъ *мѣдный*, такъ какъ первымъ открытымъ металломъ была мѣдь или вѣрнѣе бронза (никому и въ голову еще не приходило, что изъ ржавой болотной руды можно выплавить желѣзо).

Открытіе металловъ произвело новый переворотъ. Вооруженный теперь несравненно лучше и надежнѣе (рис. № 5) чѣмъ въ каменномъ вѣкѣ, человѣкъ могъ покинуть свои озерныя сваи и поселиться на твердой землѣ. Тогда-то началась постройка настоящихъ домовъ. Конечно, они были далеко не совершенны: грубые срубы изъ неоструганныхъ бревенъ, глинобитныя стѣны, соломенныя крыши, вотъ типъ хижины, которая виднѣется на второмъ планѣ, правѣе свайной, и модель которой изъ обожженой глины была найдена подъ лавами, образующими нынѣ дно озера Альбано къ югу отъ Рима. Къ этому же времени относятся двѣ постройки изображенныя слѣва отъ свайнаго селенія. Одна изъ нихъ (за шалашемъ эпохи сѣвернаго оленя) глинобитная, подъ соломенной кровлей, хижина, до половины вросшая въ землю (остатки ихъ находятъ въ горахъ Оверни, которыя обнажились въ то время, когда большая часть Европы была еще покрыта моремъ); другая, изъ неотесанныхъ каменныхъ плитъ, одинъ изъ тѣхъ такъ-называемыхъ друидическихъ памятниковъ, столь многочисленныхъ въ Бретани, которые, какъ дольмены, менгиры и проч., приписывались древнимъ галламъ, но, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказываются принадлежащими таинственной расѣ, жившей за нѣсколько вѣковъ до галловъ и исчезнувшей не оставивъ другихъ слѣдовъ своего существованія.

На смѣну мѣднаго, настала *желѣзный вѣкъ* (рис. № 7) и съ нимъ начинается собственно исторія. Съ этого времени человѣческое жилище приняло иной характеръ: оно стало разнообразиться для удовлетворенія потребностей дотолѣ незнакомыхъ человѣчеству и притомъ сообразно мѣстнымъ условіямъ климата и обстоятельствъ. Каждая раса налагаетъ свою печать на характеръ своей архитектуры.

Изъ трехъ великихъ расъ, бѣлой, черной и желтой, на которыя обыкновенно дѣлится человѣчество, только первая потрудилась надъ историческимъ развитіемъ цивилизаціи, а слѣдовательно и жилища. Въ свою очередь и она сама подраздѣляется на три группы народовъ: *хамитовъ*, *семитовъ* и іафетитовъ, называемыхъ нынѣ чаще *арійцами*. Эти народы и были труженниками прогресса, но въ разной мѣрѣ и въ разное время. Хамиты и семиты, связанные близкимъ родствомъ, первые и весьма рано достигли высокихъ степеней цивилизаціи, но затѣмъ развитіе ихъ какъ бы остановилось и сила ихъ прирожденныхъ качествъ стала слабѣть. Арійцы, наоборотъ, развились несравненно позднѣе своихъ старшихъ братьевъ, гораздо позднѣе ихъ вступили въ исторію, но ихъ энергія и жизненная сила постоянно возрастали до нашихъ временъ и нынѣ они суть единственные творцы успѣховъ цивилизаціи. Поэтому первыя жилища, встрѣчающіяся намъ въ отдѣлѣ временъ историческихъ, принадлежатъ хамитамъ (египтянамъ) и семитамъ (ассиріянамъ, финикіянамъ, евреямъ, и можетъ-быть, по мнѣнію ученаго географа и филолога Киперта, пеласгамъ и этрускамъ).

У *египтянъ*, которые господствовали въ долинѣ Нила за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. и процвѣтали до завоеванія Египта персами въ 525 г. той же эры, ремесленники жили въ тростниковыхъ и глиняныхъ хижинахъ, но знать и зажиточные граждане строили себѣ дома изъ сырого кирпича, окруженные садомъ съ прудами, снабженные внутреннимъ дворомъ, оканчивающіеся плоскою кровлей въ видѣ террасы, надъ которой шла сквозная галерея (рис. № 8). Яркія краски внутренняго убранства и веселый видъ комнатъ указываютъ на самый характеръ древнеегипетскаго народа.

Ассирійцы, первоначально бывшіе кочевниками и жившіе въ шатрахъ, впослѣдствіи стали строить свои зданія изъ обожженаго кирпича. Гражданская архитектура ихъ, какъ видно на рисункѣ, величественна, но тяжела и массивна (рис. № 9).

Высокій, ярко расписанный домъ, за ассирійскимъ, поднимающій къ небу узорныя, вырѣзанныя деревянныя стропила на каменномъ фундаментѣ, съ полосатыми сторами по окнамъ (рис. № 10) принадлежитъ *финикіянамъ*, этому народу купцовъ, который на своемъ флотѣ, построенномъ изъ великолѣпнаго кедра ливанскихъ лѣсовъ, свозилъ всѣ сокровища извѣстнаго тогда міра въ гавани Тира и Сидона, быть-можетъ еще за два тысячелѣтія до Р. Х. и до разрушенія Тира Александромъ Македонскимъ въ 332 г. той же эры.

Евреи также первоначально кочевали въ шатрахъ изъ войлока, выдѣлываемаго ими въ совершенствѣ, но впослѣдствіи утвердились въ Палестинѣ и стали строить постоянныя жилища изъ камня, сырого кирпича, пальмоваго или оливковаго дерева, отличавшіяся характеристическою простотою. Величайшаго процвѣтанія достигли они при Давидѣ и Соломонѣ, лѣтъ за тысячу до Р. Х. Къ этой эпохѣ и относится домъ на рис. № 11.

До сихъ поръ вы видѣли только плоскокровельные дома съ малымъ числомъ оконъ, въ которыхъ обитатель жаркихъ странъ, незнакомый со снѣгомъ, искалъ лишь прохлады; слѣдующія два жилища, переносящія насъ изъ Азіи въ Европу, имѣютъ иной характеръ.

Пеласги, первобытные жители нынѣшней Греціи, откуда они были изгнаны эллинами около 900 г. до Р. Х., создавали такъ-называемыя циклопическія постройки, свидѣтельствующія о цивилизаціи гораздо древнѣйшей чѣмъ восточная. Дома ихъ строились изъ громадныхъ глыбъ неотесанаго камня, наваленныхъ одна на другую безъ цемента и державшихся лишь собственною тяжестью; часть такого дома видна на рисункѣ (рис. № 12) позади этрускаго.

Жилища *этрусковъ* отличаются уже большими познаніями строителей, изящнымъ балкономъ подъ навѣсомъ четырехскатной кровли, яркими красками внутренняго убранства, и дощечкой изъ обожженой глины съ именемъ владѣльца надъ входомъ (рис. № 13). Это зависѣло отъ того что цивилизація ихъ была гораздо древнѣе пеласгической: осѣвшіе съ незапамятныхъ временъ въ Италіи, этруски создали здѣсь могущественное царство задолго до основанія Рима и сохранили свои таинственные нравы до завоеванія ихъ римлянами около 400 г. до Р. Х.

Въ то время какъ хамиты и семиты процвѣтали по берегамъ Средиземнаго моря въ своихъ эгоистично замкнутыхъ цивилизаціяхъ, третье семейство бѣлой расы, арійцы вели довольно скудное существованіе на плоскихъ возвышенностяхъ между Каспійскимъ моремъ и Гималаями, гдѣ первоначально основались. Затѣмъ они покинули эту колыбель своего племени, но не разомъ и не всѣ вмѣстѣ, а рядомъ послѣдовательныхъ переселеній, которыя начались около 1500 г. до Р. Х. и въ теченіе многихъ вѣковъ направлялись на юго-востокъ, юго-западъ и западъ.

Первыя партіи спустились въ долины Инда и Ганга, въ Индустанѣ, гдѣ ихъ потомки донынѣ составляютъ высшую касту. Поэтому и на выставкѣ первымъ является передъ нами домъ *индусскій* за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Онъ довольно сложной архитектуры—это плодъ довольно чудовищнаго воображенія древней Индіи, новлявшаго на пропорціи и линіи (рис. № 14).

Болѣе трезвымъ изяществомъ отличается другое арійское жилище, персидскій домъ. *Персы* суть арійцы которые при переселеніи, направясь къ юго-западу, разрушили подъ водительствомъ Кира царство ассирійскихъ семитовъ въ 538 г. до Р. Х. и сами съ 330 г. той же эры были покорены греками при Александрѣ Великомъ. Домъ ихъ состоитъ изъ двухъ частей: одной, широко открытой, съ куполомъ изъ кафлей (изразцовъ, глазурованныхъ кирпичей), мужской половины, на которой принимаютъ гостей; и другой, наглухо замкнутой, съ узенькими окнами въ стѣнахъ, высоко поднятыми и за рѣшетками, предназначенной для женщинъ (рис. № 15).

За азіатскими арійцами слѣдуютъ европейскіе. Послѣднія арійскія переселенія направились на западъ сѣвернѣе Каспійскаго моря и Кавказа: сначала пришли галлы, одновременно съ греками и римлянами, затѣмъ германскія племена и наконецъ славянскія.

Европейскіе арійцы вступили на путь развитія позднѣе азіатскихъ, но ихъ энергія оказалась продолжительнѣе и цивилизація ихъ не перестаетъ возрастать донынѣ.

Германцы и галлы, перейдя цѣпь Карпатовъ, продолжали двигаться по прямому пути на западъ. *Германцы* заняли центральную Европу около 1400 г. до Р. Х. и оставались раздробленными на мелкія племена до соединенія ихъ подъ властью Карла Великаго въ VIII в. нашей эры. Въ теченіе этихъ двухъ тысячелѣтій они не выходили изъ варварства, какъ можно судить и по внѣшнему виду германскаго селенія, окруженнаго плетнями и частоколами; передъ деревянными хижинами стоитъ вышка, съ которой сторожили враговъ (рис. № 16).

Галлы, зашедшіе на конецъ материка Европы, гораздо раньше германцевъ вышли изъ варварства, будучи покорены Юліемъ Цезаремъ и принявъ римскую цивилизацію въ 50 г. до Р. Х. Гальская хижина (рис. № 17), круглой формы, построена изъ дерева, камня и глинобитнаго матеріала. Центръ ея занятъ водостокомъ, а очагъ устроенъ на возвышеніи, обходившемъ вокругъ всей постройки. Въ соломенной крышѣ продѣлывалось отверстіе для дыма. Этотъ типъ жилища сохранялся также въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Греки и италіоты или римляне заняли южные полуострова средней Европы. Лѣтъ за тысячу до нашей эры *греки* начали вытѣснять пеласговъ и достигли величайшаго блеска при Периклѣ, къ эпохѣ котораго относится и греческій домъ на выставкѣ. Онъ довольно простъ. такъ какъ народъ эллинскій посвящалъ свой художественный строительный геній преимущественно храмамъ и общественнымъ зданіямъ. Небольшой флигель передъ дворомъ служилъ пріютомъ для гостей и странниковъ (рис. № 18).

Въ то время какъ греки замѣняли пеласговъ, *римляне* замѣнили этрусковъ. Римъ, основанный въ 752 до Р. Х., постепенно завоевалъ весь бассейнъ Средиземнаго моря и достигъ величайшей славы при Августѣ. Римскій домъ на выставкѣ (рис. № 19) есть точное воспроизведеніе помпейскаго, съ лавочкой, внутреннимъ дворомъ окруженнымъ портикомъ, съ ярко раскрашенными стѣнами, имплювіемъ, комнатами перваго этажа, гдѣ жили господа, и маленькими каморками подъ кровлей, предназначенными для рабовъ. Стѣны покрыты куріозными надписями, избирательными афишами, объявленіями объ отдачѣ внаймы, о зрѣлищахъ и проч. Въ теченіе многихъ вѣковъ Римъ былъ владыкою извѣстнаго міра и далъ ему цивилизацію несравнимую ни съ одною изъ предшедшихъ. Но съ IV вѣка нашей эры Римскій міръ былъ опрокинутъ нашествіями варваровъ. Онъ только что передъ тѣмъ (въ 395 году) раздѣлился на двѣ половины: западную и восточную римскія имперіи, какъ началось такъ-называемое великое переселеніе народовъ.

Кибитка гунновъ и скандинавскій домъ отмѣчаютъ начало и конецъ этого періода на западѣ Европы.

Гунны, свирѣпыя орды Аттилы, именно и дали толчокъ великому переселенію народовъ: это были по всему вѣроятію азіаты желтой расы, кочевники, гнавшіе передъ собою громадныя стада, везшіе въ кибиткахъ (рис. № 20) женъ, дѣтей и добычу, а сами не слѣзавшіе съ коня. Они проходили Европу опустошительною грозой.

Возвышающійся за кибиткой гунновъ, домъ *галло-римлянъ*, современный Хлодвигу (ок. 500 г.), показываетъ намъ, каковы были послѣдствія этихъ страшныхъ нашествій. Это жилище (рис. № 21), чрезвычайно живописное и довольно комфортабельное, но построенное изъ архитектурныхъ обломковъ, разрушенныхъ памятниковъ древности, капителей колоннъ, остатковъ аркадъ и т. п., — доказательство разрушенія, которому подвергся весь западъ Европы.

Вторженія норманновъ (IX вѣкъ) завершили этотъ печальный періодъ. Эти *скандинавскіе* морскіе разбойники, обязанные своимъ флотомъ лѣсамъ Норвегіи и Швеціи, изъ этихъ же лѣсовъ почерпали и строительный матеріалъ для своихъ жилищъ — деревянныхъ домовъ на гранитномъ фундаментѣ (рис. № 22).

По окончаніи варварскихъ вторженій, западная цивилизація окрѣпла, и усвоивъ путемъ долгой переработки новые элементы внесенные вѣками опустошительнаго хаоса, произвела новые архитектурные типы, распространившіеся почти по всей западной Европѣ, а именно во Франціи, Англіи, Италіи и Германіи. Три дома за скандинавскимъ соотвѣтствуютъ тремъ наиболѣе интереснымъ періодамъ этой переработки. Первый (рис. № 23) принадлежитъ *романской* эпохѣ (наслѣдники Карла Великаго, IX и X вѣка); второй (рис. № 24)—собственно такъназываемымъ *среднимъ вѣкамъ* (XIII столѣтіе); третій (рис. № 25)—образчикъ гражданской архитектуры временъ Возрожденія (XVI вѣкъ, эпоха Франциска I и Генриха II).

Въ то время какъ бывшая Западная римская имперія преобразовывалась такимъ образомъ подъ вліяніемъ нашествія варваровъ, Восточная римская имперія продолжала существовать еще тысячу лѣтъ съ V по XV вѣкъ· это *византійская эпоха*, которой цивилизація была смѣсью древне-греческой и древне-римской съ немногими оригинальными особенностями. Домъ изображенный на нашемъ рисункѣ (№ 26) относится къ самымъ блестящимъ временамъ византійской имперіи, къ царствованію Юстиніана (VI вѣкъ).

Византійское вліяніе, благодаря сосѣдству, отразилось и на славянскихъ племенахъ восточной Европы. Этой послѣдней группѣ арійцевъ принадлежатъ два жилища за византійскимъ домомъ. Одно, на второмъ планѣ, *сербское* XI вѣка (рис № 27); другое—*русскій* домъ конца XV вѣка (рис. № 28) изъ окрестностей Москвы (довольно, впрочемъ, фантастичный) Не смотря на сравнительную бѣдность перваго и богатство орнаментаціи втораго, между ними есть характерное сходство. во-первыхъ, оба они деревянные, какъ всегда въ странахъ обилующихъ лѣсами; во-вторыхъ, въ обоихъ нижній этажъ разъединенъ съ верхнимъ, къ которому ведетъ наружная лѣстница. Это расположеніе соотвѣтствуетъ восточнымъ нравамъ, требующимъ отдѣленія мужской половины дома отъ женской, которая называлась теремомъ.

Слѣдующій домъ переноситъ насъ въ совершенно иной міръ, въ другую цивилизацію — мусульманскую. Въ то время какъ византійское вліяніе распространялось по сѣверу восточной половины Европы, на югѣ, въ Азіи, оно было парализовано вторженіемъ *аравитянъ* или арабовъ, которые въ VII вѣкѣ двинулись со своего полуострова, проповѣдуя мечомъ новую религію Магомета. Первое изъ мусульманскихъ жилищъ есть арабскій домъ XI вѣка (рис. № 29). Характерныя черты архитектуры его объясняются какъ климатомъ, такъ и религіозными предписаніями: такъ, запрещеніе мусульманамъ изображать живыя существа породило живописную орнаментацію арабесками, которые вначалѣ были не чѣмъ инымъ, какъ разнообразною комбинаціею арабскихъ буквъ; такъ-называемыя *мушарабіэ*, эти окошечки приноровленныя къ тому, чтобы глядѣть изъ нихъ не будучи видимымъ, изобрѣтены народомъ, у котораго женщины не могутъ открыто показываться всѣмъ.

Второй мусульманскій домъ (рис. № 30) взятъ въ Суданѣ, этой таинственной африканской странѣ, занятой различными расами, но въ которой исламъ получилъ наибольшее преобладаніе, проникнувъ туда въ XI вѣкѣ. Одного онъ не могъ измѣнить— мѣстной архитектуры, обусловленной жаркимъ климатомъ: массивныя постройки съ возможно малымъ количествомъ отверстій были наилучшей защитой отъ палящихъ лучей солнца.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ исторіи жилища соединены постройки тѣхъ различныхъ расъ, дикихъ или цивилизованныхъ, которыя по доброй волѣ и въ силу обстоятельствъ остались изолированными (оторванными) отъ остальнаго и не участвовали въ общемъ поступательномъ развитіи человѣчества. Отдѣлъ этотъ распадается на три главныя группы: первая посвящена желтой расѣ и происшедшимъ отъ нея; вторая—черной или негритянской, а третья—туземцамъ американскаго материка.

Представителями первой группы прежде всего являются *японцы*. Невозможно опредѣлить эпохи этого японскаго дома (рис. № 31), такъ какъ Японія, сдѣлавшая въ послѣднее время изумительные успѣхи на пути цивилизаціи, въ теченіе цѣлыхъ столѣ-

тій оставалась неподвижною, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ первые европейскіе мореплаватели посѣтили ее въ 1542 г.

Тоже можно сказать и о другихъ представителяхъ той же группы — *китайцахъ* (рис. № 32). Когда европейскіе путешественники впервые проникли въ Китай въ XIV и XVI вѣкахъ, они съ изумленіемъ открыли въ немъ цивилизацію чрезвычайно развитую, даже утонченную, но какъ бы окаменѣвшую въ безусловной неподвижности. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х. она уже облеклась въ свои существенныя формы и съ тѣхъ поръ не измѣняла ихъ.

Что касается второстепенной гиперборейской расы, по всему вѣроятію происшедшей отъ желтой, — эскимосовъ и лопарей, то характеръ ихъ жилищъ обусловленъ климатомъ (рис. № 33 и 34). У насъ изображены два рода жилищъ, служившихъ пріютомъ этой расѣ въ теченіе вѣковъ: одно, лѣтнее, изъ шкуръ тюленей или сѣвернаго оленя; другое, зимнее, изъ ледяныхъ глыбъ, въ которое можно проникнуть лишь ползкомъ. Таковы были жилища эскимосовъ, когда въ X вѣкѣ скандинавскіе мореплаватели впервые вошли съ ними въ сношенія; таковыми-же были вѣроятно и спокон вѣка.

Та же неподвижность проявляется и во второй группѣ этого отдѣла, у *негровъ*, населяющихъ безчисленными племенами экваторіальную Африку. Изъ трехъ главныхъ типовъ выбранныхъ въ безконечномъ разнообразіи негритянскихъ хижинъ, стоящая на первомъ планѣ, коническая (рис. № 35), наичаще встрѣчается въ описаніяхъ современныхъ путешественниковъ по Африкѣ, а между тѣмъ она же изображена на одной египетской фрескѣ XV вѣка до Р. Х., изображающей подвиги Рамзеса II (Сезостриса). Эти африканскія хижины, изъ дерева и соломы, обыкновенно небольшихъ размѣровъ и по внѣшнему виду похожи на улей. Неимѣніе надежныхъ затворовъ нерѣдко заставляетъ туземцевъ строить эти хижины на сваяхъ, на значительной высотѣ надъ землею.

Наконецъ, третья и послѣдняя группа этого отдѣла, краснокожихъ туземцевъ Америки, напоминаетъ намъ объ общежитіяхъ нынѣ исчезнувшихъ съ лица земли.

Прежде всего мы видимъ хижину (вигвамъ) *краснокожихъ дикарей* Сѣверной Америки (рис. № 36) того времени, когда Христофоръ Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ (конецъ XV вѣка). За нею слѣдуетъ странное жилище *ацтековъ* (рис. 37), этой расы завоевателей, которую Фердинандъ Кортесъ нашелъ утвердившеюся въ Мексикѣ, въ началѣ XVI вѣка, съ ея куріозною цивилизаціей, въ которой самое утонченное изящество соединялось съ ужасающимъ варварствомъ и жестокостью.

Послѣдняя постройка въ точности воспроизводитъ жилище *инковъ* (рис. № 38), сыновей солнца, мирныхъ властителей Перу въ началѣ XVI столѣтія, въ то время какъ ихъ цивилизація погибла въ потокахъ крови благодаря завоеванію Пизарро. Какъ въ этомъ домѣ, такъ и въ ацтекскомъ, массивный характеръ постройки, незначительное число отверстій, плоскія террасообразныя кровли—все это напоминаетъ намъ отличительныя черты жилищъ въ жаркихъ странахъ Стараго Свѣта.

Джузеппе Верди. По поводу его 50 лѣтией дѣятельности. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Уменьшенныя копіи премій „Нивы" на 1890 г.

„Сосновый лѣсъ" и „Запущенный паркъ".

Картины проф. Шишкина.

(Рис. на стр. 1116 и 1117).

И. И. Шишкинъ—знаменитый живописецъ-поэтъ русскаго лѣса—написалъ для „Нивы" двѣ новыя картины, которыя въ совокупности смѣло могутъ быть названы поэмой въ двухъ пѣсняхъ.

Первая картина изображаетъ уголокъ русскаго бора въ знойный лѣтній полдень. На ярко-синемъ небѣ выдѣляются стройныя мачты „красныхъ" сосенокъ, сверху сплошь залитыя лучами солнца, понизу испещренныя тѣнями собственной хвои. Бархатная бахромчатая зелень ея, темнѣя въ глубинѣ лѣса, осѣняетъ песчаное русло ручейка, любимую почву сосноваго лѣса. Родникъ чистой, студеной воды въ полной затишья, таинственной сѣни дремучаго бора всегда соединялся въ понятіяхъ русскаго человѣка съ нѣкоторой святыней — и художникъ образно указываетъ намъ эту сторону народнаго быта, помѣстивъ на одномъ изъ столѣтнихъ деревьевъ, икону въ простомъ самодѣльномъ кіотикѣ, съ подвѣшеннымъ къ ней полотенцемъ, убогимъ даромъ усердныхъ богомольцевъ. Такія святыни подъ открытымъ небомъ часто встрѣчаются въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣверной и средней полосъ Россіи. На корняхъ этой

вѣковой сосны прикурнула крестьянка, пришедшая сюда съ двумя дѣтьми за грибами. Крошечный мальчуганъ весь разнѣжился на солнцѣ, переступая ножками по жаркому песку по направленію къ сестренкѣ, полоскающейся въ срубѣ, ограждающемъ глубокую впадину, изъ которой сочится родникъ, мало-по-малу переходящій въ журчащій ручеекъ. Наклонно уходя въ небо, мачтовый стволъ сосны какъ будто поскрипываетъ въ общемъ затишьѣ... Это adagio maestoso живописной сонаты.

Какимъ живымъ, веселымъ контрастомъ ему является allegretto второй картины!.. Молодая, свѣжая зелень запущеннаго парка, еще сквозящаго въ своемъ весеннемъ уборѣ, глядится въ зеркало пруда, какъ-бы любуясь юною красотой... Всѣ породы русскаго чернолѣсья перемѣшались здѣсь точно въ пестромъ хороводѣ, отвѣчая рѣзвымъ шепотомъ листвы на заигрыванія вѣтерка, нѣжно покачивающаго верхушки деревъ на голубомъ небѣ съ легкими, тающими въ немъ облаками. Кудрявая, бѣлоствольная березка, вѣчно трепещущая осина, густолиственные клены и липы, словно громадною семьей въ сопровожденіи кустарныхъ подростковъ, тѣсно обступили манящую ихъ воду и всѣ заглядываютъ въ нее на свои опрокинутыя въ прозрачной глубинѣ отраженія... Этому ликованію природы какъ-бы вторитъ звонкій голосокъ дѣвочки и лай собачонки, разрѣзвившихся на просторѣ дѣдовскаго парка...

Само собою разумѣется, что прилагаемыя гравюры могутъ дать лишь слабое понятіе объ изяществѣ рисунка и перспективы; что-же касается несравненной гармоніи красокъ, отличающей кисть профессора Шишкина, то на нее не можетъ быть и намека въ ксилографической копіи.

Поэтому мы выставили въ книжныхъ магазинахъ важнѣйшихъ городовъ Россіи самыя олеографіи, а въ редакціи „Нивы" рядомъ съ ними и оригинальныя картины профессора Шишкина, дабы желающіе могли сравнить копіи съ оригиналами и убѣдиться въ совершенствѣ ихъ передачи.

Кромѣ того, для нагляднаго доказательства, что картины эти испечатаны дѣйствительно одна 22-мя, а другая 16-ю красками, т. е. 38 разъ съ 38-ми отдѣльныхъ литографскихъ камней, мы выставили въ помѣщеніи редакціи „Нивы" коллекцію всѣхъ послѣдовательныхъ 38-ми оттисковъ разными красками, которую всѣ желающіе и могутъ обозрѣвать тамъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

Къ рисункамъ.

Съ чего ходить? (Рис. на стр. 1121).

Въ небольшомъ салонѣ, убранномъ со всею роскошью стиля рококо, собралось общество изъ четырехъ лицъ, въ богатыхъ придворныхъ костюмахъ второй половины прошлаго вѣка. У столика усѣлись двѣ дамы и играютъ въ карты съ однимъ изъ присутствующихъ кавалеровъ, въ то время какъ другой, стоя, внимательно смотритъ за игрой, можетъ-быть, ломберомъ. Эта игра въ карты со времени Франциска I была занесена изъ Испаніи во Францію, гдѣ быстро распространилась, преимущественно среди людей знатныхъ и богатыхъ. На картинѣ Швенингера передана та минута, когда ловкія партнерки поставили втупикъ красиваго щеголя, о чемъ не трудно догадаться по сосредоточенному выраженію его лица.

Менеликъ. (Рис. на стр. 1124).

Въ Абиссиніи, послѣ внезапной смерти негуса Іоанна, какъ извѣстно, власть захватилъ Менеликъ, король Шоы, одной изъ вассальныхъ областей, входящихъ въ составъ Абиссиніи. Шоа страна гористая. Въ геологическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ она мало отличается отъ сосѣдней Абиссиніи. Нравы, обычаи и религія жителей Шоы совершенно схожи съ абиссинскими.

Въ 1875 году Менеликъ былъ въ числѣ противниковъ умершаго Іоанна, но послѣ военныхъ успѣховъ и въ особенности вслѣдъ за побѣдой Іоанна при Гурѣ въ 1876 году надъ египтянами, а затѣмъ по подавленіи возстанія князя Ульдъ-Михаила въ Гамазахъ, Менеликъ вмѣстѣ съ королемъ Годжамскимъ Расъ-Адаломъ, признали надъ собою главенство Іоанна. Нынѣ, послѣ его несчастной смерти, Менеликъ считаетъ себя властителемъ всей Абиссиніи, и называясь негусомъ заключилъ даже договоръ въ Римѣ съ Итальянскимъ королемъ Гумбертомъ, но въ Африкѣ власть у него оспаривается Расъ-Алулой. Въ Римѣ же надѣются, что Менелику удастся покорить Расъ-Алулу мирными средствами и что вслѣдъ затѣмъ состоится вѣнчаніе его негусомъ-негести въ священномъ городѣ Аксумѣ. Свѣдѣнія, полученныя парижскою газетою *Temps* изъ Каира, представляютъ положеніе дѣлъ въ иномъ видѣ. Вслѣдствіе повсемѣстнаго голода и осенней эпидеміи ни Менеликъ, ни Расъ-Алула не въ состояніи содержать многочисленнаго войска. Имъ пришлось ограничиться отрядами отборныхъ войскъ, человѣкъ до 1,500, а прочихъ людей распустить по домамъ. Власть Менелика на дѣлѣ не распространяется далѣе предѣловъ Шоы, другими словами, положеніе его приблизительно такое же, какъ до смерти негуса Іоанна. Всѣ старшины попрежнему группируются вокругъ Расъ-Алулы, который нисколько не утратилъ своего вліянія въ Абиссиніи. Расъ-Алула обвиняетъ Менелика въ намѣреніи предать Абиссинію чужеземцамъ. Менеликъ, со своей стороны, издаетъ манифесты, въ которыхъ утверждаетъ, что итальянцы, убѣдившись въ слабости своего оружія, обѣщали ему за его дружбу несмѣтныя богатства, за которыми онъ и послалъ въ Римъ Маконена.

На стр. 1124 Менеликъ изображенъ среди своихъ полководцевъ и приближенныхъ.

На пестромъ коврѣ. (Рис. на стр. 1125).

Какъ граціозна и красива кошачья семья на помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ картинѣ Юлія Адама! Съ какою жизненною правдою переданы лукавыя мордочки всѣхъ трехъ котятъ, пріютившихся около своей матери, въ то время какъ четвертый потомокъ, ощетиня горбатую спинку и порывисто подергивая хвостомъ, заигрываетъ съ кусочкомъ бумаги на пестромъ коврѣ!

Джузеппе Верди. (Портр. на стр. 1129).

Едва-ли существуетъ и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ такая оперная сцена, которая не видала бы наиболѣе извѣстныхъ произведеній Верди, этого плодовитаго и талантливаго композитора, имя котораго чрезвычайно популярно и у насъ въ Россіи. Кто не восхищался его операми „Трубадуръ", „Эрнани", „Риголетто", „Травіата", „Балъ-Маскарадъ", „Аида"? Этими операми его заполнились долгое время всѣ европейскія сцены, безчисленные мелодическіе отрывки изъ нихъ бродячіе музыканты и шарманщики разнесли по всѣмъ уголкамъ и нашего отечества. Въ Италіи успѣхъ произведеній Верди, въ особенности его оперы „Аида", почти безпримѣренъ—и оваціи, устраиваемыя этому композитору, принимали самые грандіозные размѣры, характеръ настоящаго народнаго торжества. Можно себѣ представить поэтому, какими выходящими изъ ряду торжествами во всей странѣ будетъ отпразднованъ юбилей Верди въ ноябрѣ текущаго года, когда исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня постановки на Миланской сценѣ его первой оперы. Юбиляръ теперь уже маститый старикъ, ему минуло 75 лѣтъ. Джузеппе Верди родился 9 октября 1814 года въ деревушкѣ Ле-Ронконе, близь Пармы, въ трехъ миляхъ отъ мѣстечка Буссето, куда отецъ Верди, очень бѣдный крестьянинъ, отдалъ сына въ общественную школу. Ему было тогда семь лѣтъ, и онъ не столько интересовался науками, сколько увлекался музыкой, имѣя отъ природы очень тонкій слухъ и музыкальныя способности. Ему страстно хотѣлось учиться музыкѣ, и случай помогъ ему въ этомъ. Органистъ коллегіальной церкви въ Буссето, маэстро Провези предложилъ ему заниматься съ нимъ даромъ. Онъ училъ Верди игрѣ на органѣ и элементарной теоріи, и очень скоро ученикъ превзошелъ своего наставника. Будучи предоставленъ самому себѣ, Джузеппе ревностно сочинялъ разныя музыкальныя вещицы, которыя исполнялись товарищами его по школѣ и обратили на себя вниманіе одного богатаго купца-меломана Антоніо Барецци, предложившаго Верди средства для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія. Окончивъ 17-ти-лѣтнимъ юношей школу, гдѣ преподавались разныя науки, начиная съ азбуки и кончая риторикой, Верди отправился въ Миланъ для поступленія въ консерваторію. Но здѣсь съ нимъ случилось то, что уже не разъ случалось въ жизни великихъ людей: его не приняли въ консерваторію за „неспособность къ музыкѣ". Верди, однако, не упалъ духомъ и, по совѣту капельмейстера театра La Scala, сталъ брать частные уроки у Лавиньи, репетитора при этомъ театрѣ. Три года съ самоотверженіемъ и настойчивостью трудился Верди, изучая по цѣлымъ днямъ контрапунктъ, а вечерами читая Библію и итальянскихъ классиковъ. Жилъ онъ на чердакѣ, отказывая себѣ во всемъ, избѣгая людей и изрѣдка посѣщая театръ, что было для него истиннымъ праздникомъ. Когда умеръ его первый наставникъ Провези, Верди вернулся на родину и поступилъ на его мѣсто — органистомъ коллегіальной церкви. Это уговорилъ его сдѣлать его благодѣтель Барецци, любившій его какъ сына и выдавшій тогда же за него свою дочь. Отправляя должность органиста, Верди обязанъ былъ также обучать музыкѣ мѣстныхъ дѣтей, а въ немногіе свободные часы писалъ марши, увертюры, серенады, кантаты, Stabat Mater и сочинялъ оперу „Oberto conte di San Bonifazio". Эта опера поставлена была на сценѣ Миланскаго театра La Scala, 17 ноября 1839 года, и произвела прекрасное впечатлѣніе своими сценическими эффектами. Импрессаріо Мерелли поспѣшилъ заключить съ молодымъ композиторомъ контрактъ, по которому Верди обязался написать для него три оперы-буффъ, на либретто доставленныя самимъ импрессаріо. Однако двѣ изъ этихъ оперъ „Un giorno di regno" и „Il finto Stanislao" потерпѣли полное фіаско, и импрессаріо упросилъ великодушнаго Верди уничтожить контрактъ. Неудачи эти нисколько не уменьшили энергіи Верди, находившагося тогда въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и онъ, по заказу того-же Мерелли, написалъ новую оперу „Навуходоносоръ" (Nabuco), которая шла на театрѣ въ мартѣ 1842 года. Успѣхъ этой оперы, которую хвалитъ даже извѣстный знатокъ музыки

Фетисъ, не принадлежавшій къ поклонникамъ Верди, былъ чрезвычайный и послужилъ основаніемъ его композиторской славы. Эффектный хоръ въ „Навуходоносорѣ" „Va pensiero", живо изображая надежды порабощенныхъ евреевъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ надеждамъ тогдашней Италіи; угнетенная нація, желающая гибели чужеземному властителю, не могла не найти отклика въ сердцахъ зрителей,—вотъ въ чемъ надо искать причины той необыкновенной популярности, какую столь быстро пріобрѣла эта опера въ Италіи. Имя Верди сдѣлалось моднымъ, оно было у всѣхъ на устахъ; импрессаріи всѣхъ итальянскихъ театровъ осаждали композитора просьбами написать что-нибудь. И Верди, отчасти подгоняемый нуждой, отчасти по артистическому влеченію, каждый почти годъ сочинялъ по одной оперѣ, изъ которыхъ большинство пользовалось всегда большимъ успѣхомъ, а нѣкоторыя возбуждали даже сенсацію. Таковы, напримѣръ, „Ломбардцы", „Эрнани", „Трубадуръ", „Риголетто", „Травіата", „Балъ-Маскарадъ". Послѣдней оперой Верди думалъ закончить свою музыкальную карьеру, тѣмъ болѣе, что онъ добился къ этому времени и широкой славы, и большихъ денегъ, но любовь къ искусству пересилила практическіе разсчеты. Такимъ образомъ явились еще оперы: „Донъ-Карлосъ", „Сила судьбы", „Аида", „Отелло" и кромѣ того „Requiem", написанный въ память Манцони, знаменитаго автора романа „Обрученные". Теперь Верди—владѣлецъ богатаго помѣстья съ великолѣпнымъ домомъ и паркомъ. Онъ — членъ палаты депутатовъ Итальянскаго королевства, членъ Парижской академіи изящныхъ искусствъ, въ которой онъ занимаетъ мѣсто по смерти Мейербера; у него множество орденовъ. Джузеппе Верди—страстный любитель природы, ея величественныхъ красотъ, особенно моря; онъ большой поклонникъ Данте и Аріосто, а также хорошій знатокъ въ живописи, почитатель Гвидо Рени и Болонской школы, и въ особенности Корреджіо. Музыкальная дѣятельность Верди началась въ сороковыхъ годахъ, среди особенныхъ условій, въ эпоху броженія и стремленій къ объединенію Италіи; на его долю выпало возбуждать народныя массы, изрядно уже подготовленныя къ дѣйствію, и справедливость требуетъ сказать, что Верди въ сильной степени обладалъ всѣми данными, необходимыми для такой задачи. Критики Верди намѣчаютъ въ его дѣятельности три теченія, три періода. Оперы относящіяся къ первому періоду страдаютъ отсутствіемъ мелодическихъ речитативовъ; мелодія въ нихъ всегда исполняется голосами, форма отдѣльныхъ нумеровъ нѣсколько шаблонна и создана исключительно по общеизвѣстному типу итальянскихъ арій, дуэтовъ; оркестръ грубый, шумный, играющій роль только акомпанимента, и вообще здѣсь композиторъ является подражателемъ своихъ предшественниковъ. Во второмъ періодѣ речитативы построены на мелодическомъ фонѣ, оркестровка гораздо тоньше, изящнѣе и при этомъ довольно эффектна; здѣсь онъ обнаруживаетъ стремленіе къ музыкальнымъ характеристикамъ и отчасти подчиняется вліянію Мейербера и французской школы. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, оставаясь вѣрнымъ своей музыкально-итальянской натурѣ, онъ пытается приблизиться къ типу нѣмецкой оперы, въ значительной степени сочувствуя Вагнеру; начиная совершенно новую эру своей дѣятельности, радикально измѣняетъ свое направленіе и какъ бы создаетъ новую итальянскую школу. Въ общемъ музыка Верди производитъ сильное впечатлѣніе; его оперы прежде всего красивы, эффектны и отличаются высокимъ драматизмомъ. И что бы ни говорили хулители его, имя Верди все-таки займетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду итальянскихъ композиторовъ нашего времени.

П. Б—овъ.

А. Л. Гензельтъ. (Портр. на стр. 1136).

28 сентября въ Вармбрунѣ скончался хорошо извѣстный всей музыкальной Россіи, виртуозъ, композиторъ и замѣчательный педагогъ Адольфъ Львовичъ Гензельтъ, занимавшій въ послѣднее время мѣсто инспектора по музыкальной части въ столичныхъ институтахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

А. Л. Гензельтъ родился 12 мая 1814 г. въ баварскомъ городкѣ Швальбахѣ, и рано проявилъ выдающіяся музыкальныя способности. Шести лѣтъ онъ началъ учиться на скрипкѣ, которую вскорѣ оставилъ, избравъ фортепіано. Вскорѣ на его способности обратила вниманіе ученица Мейербера и Вебера, госпожа Фладъ, которая не мало потрудилась надъ музыкальнымъ развитіемъ юнаго піаниста. 17-лѣтнимъ юношей Гензельтъ, благодаря матеріальной поддержкѣ, оказанной ему королемъ Лудвигомъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ и поступилъ ученикомъ къ извѣстному Гуммелю. Не удовлетворенный, благодаря своей поэтической натурѣ, своимъ учителемъ, обращавшимъ вниманіе главнымъ образомъ на блескъ исполненія, изъ Веймара Гензельтъ поѣхалъ въ Вѣну и тамъ занимался подъ руководствомъ Зехтера и Тальберга. Усиленныя занятія тяжело отозвались на молодомъ организмѣ даровитаго музыканта, и Гензельтъ, по совѣту врачей, отправился концертировать по Европѣ. Съ этихъ поръ слава Гензельта, какъ виртуоза-піаниста, распространилась далеко за предѣлами его родины, и всюду, гдѣ ни появлялся молодой піанистъ, онъ дѣлался предметомъ восторженныхъ оваццій. Въ 1838 г. Гензельтъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Этотъ пріѣздъ вызвалъ переломъ въ жизни артиста.

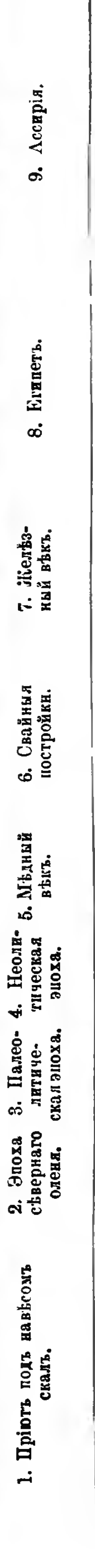
Приглашенный ко Двору, Гензельтъ игралъ въ присутствіи императрицы Александры Ѳеодоровны, назначившей его придворнымъ піанистомъ и инспекторомъ музыки всѣхъ институтовъ Россіи, которая стала для него вторымъ отечествомъ.

Принявъ русское подданство, Гензельтъ горячо принялся за новый трудъ, и съ усердіемъ и знаніемъ отдался обширной педагогической дѣятельности. Въ этой сферѣ Гензельтъ навсегда стяжалъ себѣ почетное имя въ Россіи; русское общество обязано покойному образованіемъ множества хорошихъ піанистовъ и піанистокъ, прошедшихъ строгую, но прекрасную школу Гензельта; онъ же образовалъ и хорошихъ піанистовъ-педагоговъ, разсѣянныхъ по всему нашему отечеству.

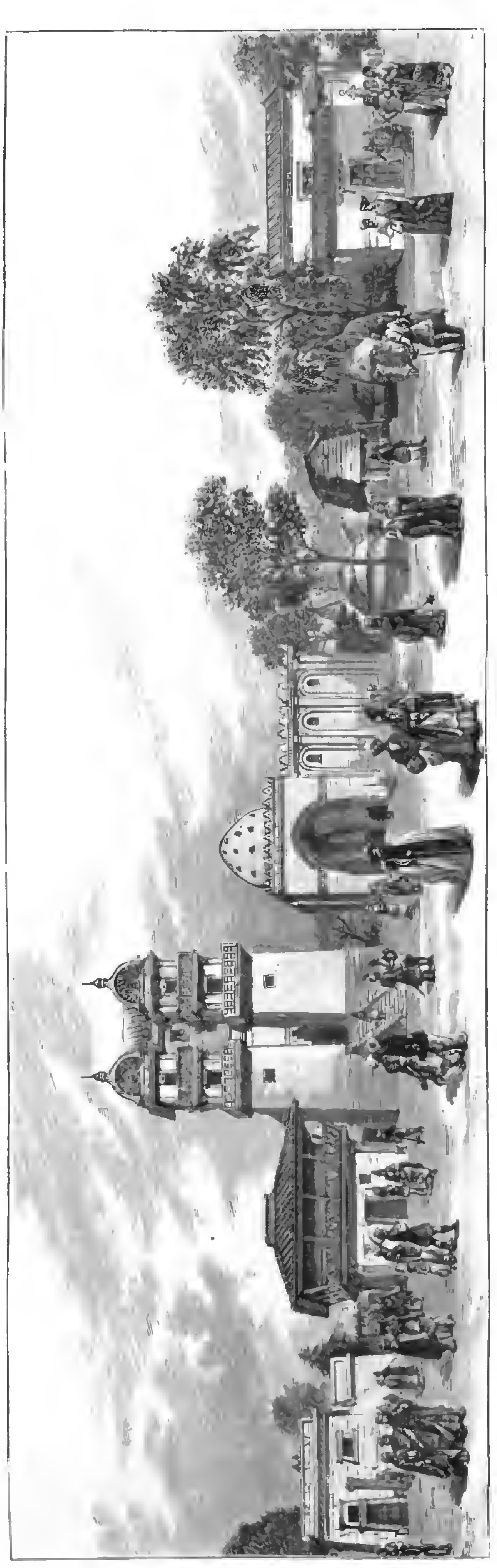
Какъ композиторъ, Гензельтъ оставилъ по себѣ не много произведеній, но завѣщанныя имъ пьесы обличаютъ мелодическое дарованіе и художественный вкусъ. Какъ исполнитель, Гензельтъ мало извѣстенъ современникамъ, но всѣ, кому приходилось слышать его, отзываются съ неподдѣльнымъ восторгомъ объ изяществѣ, элегантности, благородствѣ и пѣвучести его игры. Благодаря своимъ замѣчательнымъ педагогическимъ способностямъ, Гензельтъ былъ приглашенъ А. Г. Рубинштейномъ въ профессора консерваторіи; но преклонные годы и разстроенное здоровье не позволили ему отдаться съ обычнымъ усердіемъ новой и почетной для него дѣятельности и, спустя годъ, онъ отказался отъ профессуры, выйдя изъ петербургской консерваторіи, избравшей его своимъ почетнымъ членомъ.

Ѳ. А. Клагесъ. (Портр. на стр. 1136).

Статскій совѣтникъ Ѳедоръ Андреевичъ Клагесъ родился въ Петербургѣ 22 января 1814 г., первоначальное образованіе получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Биттона, находившемся тамъ, гдѣ теперь Святѣйшій Синодъ, а потомъ въ Екатерининской школѣ на Васильевскомъ Островѣ. Въ 1830 году онъ поступилъ къ архитектору А. П. Брюллову въ ученики и считался постороннимъ ученикомъ Академіи Художествъ, посѣщая рисовальные ея классы; въ то же время, подавая на экзаменъ архитектурныя программы, получилъ за нихъ малую и большую серебряныя медали, а за проектъ театральнаго училища получилъ малую золотую медаль и тогда же былъ назначенъ адъюнктъ-академикомъ и долженъ былъ посѣщать архитектурный классъ для присмотра за работами младшихъ учениковъ Академіи. Клагесъ помогалъ А. П. Брюллову при составленіи проектовъ Михайловскаго театра, Гвардейскаго штаба, готической церкви въ Парголовѣ, и другихъ. Первая его коронная служба была въ качествѣ архитекторскаго помощника при строеніи Пулковской астрономической обсерваторіи, и продолжалась съ самой закладки строенія, три года; но по случаю пожара Зимняго Дворца А. П. Брюлловъ, строившій обсерваторію, перевелъ Клагеса на службу при возобновленіи дворца, гдѣ онъ наблюдалъ за работами и составлялъ рисунки всѣхъ тѣхъ частей дворца, которыя были поручены А. П. Брюллову. По окончаніи возобновленія дворца Клагесъ получилъ въ знакъ Монаршей милости чинъ, годовой окладъ жалованья и золотую медаль на Андреевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Послѣ этого Ѳ. А. Клагесъ былъ приглашенъ г. Штакеншнейдеромъ участвовать при строеніи въ Петербургѣ дворца Е. И. В. Вел. Кн. Маріи Николаевны и загороднаго Ея Высочества дворца, такъ какъ у г. Штакеншнейдера не было ни одного помощника, который бы могъ сдѣлать акварелью необходимые для этихъ построекъ рисунки; въ это время г. Штакеншнейдеръ взялъ Клагеса съ собою на поѣздку въ Оріанду, гдѣ тогда строилъ дворецъ для въ Бозѣ почивающей императрицы Александры Ѳеодоровны и гдѣ Клагесъ также составлялъ акварельные рисунки. Клагесъ состоялъ преподавателемъ пейзажнаго рисованія при Военно-топографическомъ депо въ Главномъ штабѣ. Послѣ этого Клагесъ былъ приглашенъ К. А. Тономъ служить въ Москвѣ при строеніи храма во имя Христа Спасителя, въ качествѣ помощника, гдѣ оставался 5 лѣтъ (съ 1846—1851); тамъ же былъ преподавателемъ архитектуры, теоріи тѣней, перспективы и акварельной живописи при Московскомъ архитектурномъ дворцовомъ училищѣ; въ это же время исполнилъ нѣсколько акварельныхъ рисунковъ по порученію Особъ Императорскаго Дома, за которые получилъ подарки отъ Высочайшихъ Особъ. Въ 1851 г., взявъ отставку отъ занимаемыхъ имъ должностей и получивъ, въ награду за 5-ти-лѣтнюю службу при храмѣ Христа Спасителя, годовой окладъ жалованья, отправился на свой счетъ за-границу, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ и занимался снятіемъ рисунковъ съ разныхъ зданій въ Римѣ, Венеціи, Падуѣ и друг., а сверхъ того, занимался особенно акварельною и масляною живописью, изображая виды мѣстностей и внутренностей церквей. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ пріобрѣтены Академіею для архитектурнаго класса и для библіотеки Академіи. Въ послѣдніе 14 мѣсяцевъ пребыванія Клагеса за-границею, онъ былъ приглашенъ участвовать въ Высочайше учрежденной Аѳонской коммисіи, для снятія рисунковъ съ византійскихъ древнихъ монастырей, церквей, утвари и разныхъ украшеній; рисунки эти хранятся въ академической библіотекѣ. Возвратившись изъ-за границы въ 1861 г., Клагесъ занялъ прежнюю свою должность при Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, но по прошествіи трехъ лѣтъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ Академіею Художествъ занять въ



1. Пріютъ подъ навѣсомъ скалъ. 2. Эпоха сѣвернаго оленя. 3. Палеолитическая эпоха. 4. Неолитическая эпоха. 5. Мѣдный вѣкъ. 6. Свайныя постройки. 7. Желѣзный вѣкъ. 8. Египетъ. 9. Ассирія. 10. Финикія.



11. Евреи. 12. Пеласги. 13. Этруски. 14. Индія. 15. Персы. 16. Германцы. 17. Галлы. 18. Греки.

19. Римъ. 20. Гунны. 21. Галло-римляне. 22. Скандинавы. 23. Романскій стиль. 24. Средніе вѣка. 25. Эпоха Возрожденія. 26. Византія. 27. Сербы. 28. Русь.

29. Арабы. 30. Суданъ. 31. Японія. 32. Китай. 33. Эскимосы. 34. Лопари. 35. Негры. 36. Краснокожіе. 37. Ацтеки. 38. Инки.

Парижская всемірная выставка 1889 г. Исторія человѣческаго жилища.

ней предварительно должность помощника хранителя музея, а въ скоромъ времени былъ назначенъ библіотекаремъ Академіи, устроилъ всю библіотеку въ новомъ ея помѣщеніи, составилъ 4 каталога библіотеки. Съ 1864 г. онъ состоитъ въ Академіи преподавателемъ начертательной геометріи, теоріи тѣней и перспективы, и издалъ учебники этихъ предметовъ.

Въ 1861 г. Клагесъ удостоенъ совѣтомъ Академіи званія академика, въ 1866 г. званія почетнаго вольнаго общника за выставленныя имъ масляныя картины, а въ 1883 г. удостоенъ званія профессора перспективной живописи за картину масляными красками, изображающую внутренній видъ храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Отказавшись отъ должности библіотекаря, Клагесъ занимаетъ теперь должность хранителя музея Академіи Художествъ. По освященіи храма Христа Спасителя въ Москвѣ, Клагесъ получилъ золотую медаль на Александровской лентѣ для ношенія въ петлицѣ, кромѣ того, онъ имѣетъ ордена: Св. Станислава III и II степени и II степени съ короною, Св. Анны III и II степени и Св. Владиміра IV и III степени. Въ послѣднія 15 лѣтъ Клагесъ выставлялъ на Академическія выставки акварели и картины масляными красками, и даже теперь, имѣя весьма мало свободнаго времени, пишетъ картины для ближайшей Академической выставки.

Политическое обозрѣніе.

По окончаніи аоинскихъ празднествъ, императоръ Германскій отправился въ Константинополь. Константинопольская газета *Тарыкъ*, привѣтствуя визитъ Германскаго императора, какъ счастливое событіе, говоритъ, что въ фактѣ посѣщенія императоромъ султана—Турція видитъ доказательство, что Германія одобряетъ мудрую политику султана.

О пребываніи императора Вильгельма, газеты сообщаютъ слѣдующія подробности. Въ 6 часовъ пополудни, 20 октября, высокіе гости прошли Дарданеллы, и на другой день въ 11 часовъ утра прибыли въ столицу Турціи. Когда на рейдѣ показалась германская эскадра, батареи открыли огонь и привѣтственная пальба не прекращалась, пока германскія суда, сопровождаемыя турецкими броненосцами и нѣмецкой колоніей на частныхъ пароходахъ, не вошли въ портъ. Императоръ и императрица со свитой пересѣли на собственный катеръ и, имѣя впереди султанскій каикъ, подошли къ воротамъ Долма Бахче. Здѣсь императорская чета высадилась на берегъ. Султанъ, въ ожиданіи прибытія Германскаго императора, вышелъ, въ сопровожденіи высшихъ турецкихъ сановниковъ, членовъ германскаго посольства и германскихъ офицеровъ, изъ тронной залы на лѣстницу, которая ведетъ къ Босфору. На пути слѣдованія разставлены были шпалерами чины лейбъ-гвардіи. Султанъ сердечно привѣтствовалъ прибывшихъ императора и императрицу Германскихъ. Музыка играла прусскій гимнъ. Султанъ подалъ императрицѣ руку, и, въ сопровожденіи императора Вильгельма, бывшаго въ гусарскомъ мундирѣ съ большой лентой ордена Имтіазъ, принца Генриха и свиты, прослѣдовалъ въ тронный залъ, гдѣ состоялось взаимное представленіе сановниковъ. Султанъ милостиво обратился къ графу Герберту Бисмарку съ вопросомъ о здоровьѣ имперскаго канцлера. Затѣмъ ихъ величества отправились въ богато убранномъ экипажѣ въ Ильдизъ-Кіоскъ. Во главѣ эскорта ѣхали четыре кавалерійскихъ генералъ-адъютанта; вдоль пути стояли шпалерами тысячи зрителей всѣхъ національностей, привѣтствовавшія ихъ величествъ одушевленными кликами. По прибытіи въ Ильдизъ-Кіоскъ, передъ ихъ величествами началось прохожденіе войскъ, продолжавшееся часъ съ четвертью. Тутъ-же присутствовали всѣ иностранные военные агенты и послы. Императоръ Вильгельмъ съ похвалою отозвался о превосходной выправкѣ войскъ, особенно артиллеріи. Вечеромъ сервированъ былъ обѣдъ на 120 кувертовъ, къ которому приглашены были послы съ ихъ супругами. На обѣдѣ императоръ Вильгельмъ сидѣлъ по лѣвую, а императрица — по правую сторону отъ султана.

22 октября утромъ, императоръ и императрица Германскіе посѣтили протестантскую церковь. У входа они встрѣчены были придворнымъ проповѣдникомъ, который произнесъ надъ ними благословеніе. Затѣмъ ихъ величества поѣхали въ посольскій дворецъ въ Перѣ, гдѣ императоръ принялъ депутацію отъ германской колоніи. Въ половинѣ перваго тамъ же состоялся завтракъ, а потомъ былъ пріемъ германскихъ офицеровъ состоящихъ на турецкой службѣ. Послѣ пріема императоръ осматривалъ достопримѣчательности города. Вечеромъ у императора былъ обѣдъ, къ которому приглашено было много турецкихъ сановниковъ.

23 октября, Германская императорская чета совершила пополудни поѣздку въ Теранію, посѣтила посольскій садъ, осматривала памятникъ Мольтке и вечеромъ вернулась въ Константинополь, гдѣ состоялся обѣдъ у султана. Затѣмъ императрица посѣтила султанскій гаремъ, который показывали ей султанъ и нѣсколько дамъ. Императрица провела въ гаремѣ три четверти часа. Двѣ изъ дочерей султана, по желанію императрицы, исполнили на роялѣ нѣсколько пьесъ Шопена и прусскій народный гимнъ. Въ тотъ же день у султана состоялся обѣдъ въ кругу близкихъ лицъ. Императоръ и султанъ обмѣнялись великолѣпными подарками. Султанъ поднесъ императрицѣ драгоцѣнное колье, а императору подарилъ роскошную саблю, мебель съ украшеніями изъ мозаики и украшенныя драгоцѣнными каменьями принадлежности письменнаго стола. Императоръ выразилъ величайшее удовлетвореніе по поводу гостепріимства султана и вручилъ султану цѣпь ордена Гогенцоллернскаго дома, которую собственноручно надѣлъ на него. Этотъ рѣдкій знакъ отличія глубоко тронулъ султана.

24 октября утромъ, императоръ Вильгельмъ посѣтилъ дворецъ Беглербегъ, гдѣ въ 1869 г. жилъ его отецъ, затѣмъ Скутари и Хайдеръ-Паша — исходный пунктъ анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ чего моремъ отправился въ Семибашенный замокъ и сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ вокругъ древней городской стѣны. На другой день, 25 октября, послѣ утренней прогулки, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ султану прощальный визитъ. Въ 11½ час. султанъ заѣхалъ за императоромъ, и государи отправились вмѣстѣ въ Долма-Бахче, къ ожидавшимъ судамъ. Около 2-хъ часовъ пополудни султанъ проводилъ императрицу къ пристани. При прощаніи съ султаномъ императоръ сказалъ, что онъ никогда не забудетъ проведенное имъ въ Константинополѣ время, неоднократно благодарилъ султана и нѣсколько разъ пожалъ ему руку. Императрица переѣхала на яхту „Hohenzollern“, а императоръ съ принцемъ Генрихомъ—на корабль „Kaiser“. Въ 2 часа пополудни германская эскадра вышла изъ Босфора въ Венецію.

Одновременно съ пребываніемъ Германской императорской четы въ гостяхъ у султана, графъ Кальноки посѣтилъ имперскаго канцлера въ Фридрихсруэ. По поводу этой поѣздки *Fremdenblatt* заявляетъ, что она вызвана не однимъ какимъ-нибудь конкретнымъ поводомъ. „Оба государственные человѣка — говоритъ газета — всегда стремились достигнуть того, чтобы общая картина политическаго положенія стала ясною, и старались привести дѣла къ вожделѣнной цѣли — сохраненію міра“. Далѣе *Fremdenblatt* говоритъ, что недавнее свиданіе Императоровъ въ Берлинѣ оказало разъясняющее и успокоительное дѣйствіе. Въ заключеніе газета замѣчаетъ: „Стремленіе обоихъ государственныхъ людей сохранить миръ имѣетъ наилучшія надежды на успѣхъ“. Въ берлинской телеграммѣ *Kölnische Zeitung* сообщается, что пріѣздъ графа Кальноки въ Фридрихсруэ и посѣщеніе императорскою четою Константинополя находятся въ тѣсной связи и имѣютъ одинаковую конечную цѣль. Султанъ вынесетъ убѣжденіе, что онъ принялъ друга, который желаетъ соблюдать заключенные договоры. О попыткѣ присоединенія Турціи къ тройственному союзу нѣтъ, повидимому, рѣчи, но нынѣшній визитъ послужитъ султану поощреніемъ слѣдовать попрежнему политикѣ подъема экономическихъ силъ. Изъ иностранныхъ газетъ *Times* высказываетъ о политическомъ значеніи посѣщенія Константинополя Германскимъ императоромъ мнѣніе, что присоединеніе Турціи къ тройственному союзу было бы ненормально, опасно и безполезно для практическихъ цѣлей. „Германія—говоритъ газета—стремится только къ тому, чтобы убѣдить султана въ важности его стараній сохранить миръ и содѣйствовать такому преобразованію турецкаго управленія, которое усилило бы способность Турціи къ оборонѣ“.

Смѣсь.

Новый орденъ. Сербскому королю Александру, въ день его рожденія, митрополитъ Михаилъ надѣлъ новый орденъ князя Лазаря, недавно учрежденный, который могутъ носить только монархи сербскаго происхожденія. Орденъ сдѣланъ въ старинномъ сербскомъ вкусѣ, изъ золота, серебра, эмали, бриліантовъ, рубиновъ и сапфировъ. Онъ имѣетъ видъ креста, который носится на длинной цѣпи и долженъ лежать на груди. Крестъ въ византійскомъ стилѣ и покрытъ красною и голубою эмалью; по красной эмали расположены девять крупныхъ и мелкихъ бриліантовъ, а по голубой эмали три мелкихъ бриліанта. Въ срединѣ креста серебряные лучи, усѣянные рубинами; по бокамъ его по сапфиру. Посреди сіянія эмальированный ликъ князя Лазаря въ царскомъ одѣяніи. Крестъ въ поперечникѣ имѣетъ десять сантиметровъ. Онъ прикрѣпляется къ цѣпи посредствомъ таблички изъ эмали, на которой начертаны два года: 1389 и 1889, а выше изображены скипетръ, мечъ и корона стараго византійскаго стиля. Художественно сдѣланная изъ эмали, золотая цѣпь ордена состоитъ изъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое составляетъ самостоятельное художественное цѣлое съ вырѣзанными военными аттрибутами. Орденъ исполненъ по рисунку профессора Сербской великой школы Вальтровича. Изготовленіемъ его занимались мастера Николаи и Дункеръ въ городѣ Гессенѣ. Помѣщается орденъ въ особомъ ковчежцѣ весьма оригинальной работы. На этомъ

ковчежцѣ сдѣлана надпись по сербски: „Орденъ князя Лазаря. 1389—1889“. Цифры эти обозначаютъ: первая—годъ смерти Сербскаго князя Лазаря, вѣнчаннаго царскою короною Сербіи, въ 1376 г., вторая—годъ основанія ордена. (в.)

Замѣчательная рыба. Близкою и родственною тунцу, играющему столь важную роль въ рыбопромышленности Средиземнаго моря, является замѣчательная рыба держиладья (Echeneis), у которой спинные плавники образуютъ нѣчто въ родѣ присасывательнаго кружка, покрывающаго голову и часть спины. Обыкновенный видъ этой рыбы (E. remora) имѣетъ 25—40 сантиметровъ длины; другой (E. naucrates) достигаетъ 80 сантиметровъ. Съ помощью присасывательныхъ кружковъ Echeneis прицѣпляется къ болѣе крупнымъ рыбамъ, именно къ акулѣ, меченосу и тунцу, а также къ судамъ. Относительно цѣли такого своеобразнаго образа дѣйствій, можно предположить, что рыбѣ при такихъ условіяхъ легче схватывать мелкихъ раковъ и раковины, будучи въ то же время въ безопасности отъ собственныхъ враговъ. Замѣчательно употребленіе этой рыбы для ловли мелкихъ черепахъ въ тропическихъ странахъ. Способъ этотъ, замѣченный еще Колумбомъ на островѣ Кубѣ, описывается и въ новѣйшее время многими путешественниками, между прочими и Макгиллифрайемъ, путешествовавшимъ на кораблѣ „Rattlesnake“. Согласно его разсказу, для ловли черепахъ живую держиладью привязываютъ къ веревкѣ и пускаютъ въ воду. Рыба крѣпко присасывается къ черепахѣ и вмѣстѣ съ нею вытаскивается изъ воды. Это кажется страннымъ, и знаменитый ихтіологъ д-ръ Гюнтеръ въ Лондонѣ усомнился въ употребленіи рыбы для ловли черепахъ; вслѣдствіе чего Альфредъ Гаддонъ прислалъ изъ Thursday-Island (Торресовъ проливъ) въ англійскій журналъ *Nature* интересное письмо объ данномъ предметѣ. Въ Торресовомъ проливѣ ловля черепахъ производится въ два періода: первый, въ октябрѣ и ноябрѣ, во время спариванія, когда черепахи плаваютъ на поверхности воды и ихъ легко можно убивать острогами; другой—въ остальные мѣсяцы года, когда животныя уходятъ въ болѣе глубокую воду и въ протоки между подводными камнями. Въ этотъ періодъ для ловли ихъ употребляется Echeneis или, какъ называютъ ее туземцы, „гапу“. Въ хвостѣ рыбы просверливаютъ отверстіе, продѣваютъ въ него конецъ веревки, и закрѣпляютъ его. Другую, короткую, бичевку продѣваютъ сквозь пасть и жаберное отверстіе. Укрѣпленная такимъ образомъ рыба опускается въ воду рядомъ съ лодкой. Замѣтивъ въ глубинѣ воды черепаху, ловецъ выдергиваетъ переднюю веревку, а продѣтую въ хвостъ отпускаетъ свободнѣе. Гапу тотчасъ устремляется къ черепахѣ и присасывается къ спинному щиту пресмыкающагося. Вслѣдъ затѣмъ въ воду погружается человѣкъ, верхняя часть руки котораго обвита длиннымъ канатомъ; по веревкѣ, прикрѣпленной къ гапу, онъ выслѣживаетъ черепаху, вскакиваетъ ей на спину и обхватываетъ ее руками и ногами. Послѣ того его быстро вытаскиваютъ на поверхность воды. При поднятіи на поверхность, гапу обыкновенно переходитъ со спиннаго щита на грудной. По окончаніи дневнаго лова, гапу съѣдаютъ. У туземцевъ рыба эта пользуется большимъ почетомъ, и ей приписываютъ сверхъестественныя свойства. Если, напримѣръ, гапу прицѣпляется къ черепахѣ въ томъ а не другомъ мѣстѣ, то это означаетъ, что нѣкоторыя части лодки неисправны. Уже древніе разсказывали о держиладьѣ удивительныя вещи. Плиній говоритъ слѣдующее: „Какъ бы ни бушевали вѣтры, какъ бы ни свирѣпствовали бури, она укрощаетъ ихъ ярость, обуздываетъ ихъ силу и останавливаетъ корабли тогда, когда уже не дѣйствуютъ ни канаты, ни огромнѣйшіе якоря. Она укрощаетъ ярость и неистовство стихій безъ борьбы, безъ усилій, единственно только тѣмъ, что прицѣпляется къ кораблю. Это крошечное созданіе способно оказывать такую силу сопротивленія, что суда не могутъ сдвинуться съ мѣста... Разсказываютъ, что во время морскаго сраженія при Акціумѣ, она до тѣхъ поръ задерживала главный корабль Антонія, на которомъ онъ намѣревался обойти и поджечь своихъ собратій, пока Антоній не пересѣлъ на другой корабль, а къ императорскому флоту подоспѣли уже большія силы. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что корабль императора Кая, возвращавшагося изъ Астуры въ Антіумъ, точно такъ же былъ ею задержанъ; рыба эта, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ является предсказательницей судьбы, потому что вышеназванный императоръ тотчасъ по возвращеніи въ Римъ былъ умерщвленъ его же собственнымъ оружіемъ. Причина задержки во время пути была скоро открыта; а именно, когда изо всего флота отсталъ одинъ только пятивесельный корабль, нѣсколько гребцовъ выскочили въ море, осмотрѣли корабль со всѣхъ сторонъ, нашли висящую на рулѣ рыбу и показали ее Каю, который былъ раздосадованъ тѣмъ, что причиною задержки была рыба, дерзнувшая оказать противодѣйствіе его приказанію, данному четыремъ-стамъ гребцовъ. Въ особенности же онъ дивился тому, что рыба, такъ долго задерживавшая корабль, лишилась этой способности когда ее взяли на бортъ.“ Разсказъ этотъ свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи у римскихъ ученыхъ критическаго отношенія къ фактамъ. (с.)

Приготовленіе искусственнаго шелка. Ученому de Chardonnet, недавно удалось приготовить искусственный шелкъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ настоящаго. Вслѣдствіе трудной растворимости клѣтчатки, Chardonnet дѣйствіемъ азотной кислоты на хлопчатку приготовилъ октонитро-клѣтчатку. Эфирный растворъ послѣдней подвергался давленію въ нѣсколько атмосферъ въ мѣдномъ сосудѣ, въ дно котораго была вставлена цѣлая система стеклянныхъ, вытянутыхъ въ волосяныя трубочки трубокъ. Эти трубки окружали другія, сквозь которыя протекала вода. Вдавленный въ трубки растворъ октонитро-клѣтчатки въ мгновеніе соприкасанія съ водою свертывается и уносится вытекающею водою въ видѣ нитей, которыя механическимъ приспособленіемъ подхватываютъ и наматываютъ. При нагрѣваніи нитей въ азотной кислотѣ удѣльнаго вѣса въ $1{,}32$ до 35^0 и медленномъ охлажденіи послѣдней до 25^0, октонитро-клѣтчатка теряетъ большую часть кислоты и становится невзрывчатой. Физическія свойства искусственнаго шелка вполнѣ сходны со свойствами настоящаго. Нити выносятъ грузъ отъ 25 до 35 килограммовъ на квадратный миллиметръ, между тѣмъ какъ настоящій отмотанный съ кокона шелкъ—30 до 45, а кипяченый лишь 15 до 20 килогр. Блескъ сильнѣе чѣмъ у настоящаго шелка. Окрашиваніе хорошее, вслѣдствіе легкаго всасыванія нитями красильныхъ и соляныхъ растворовъ. Въ большихъ массахъ Chardonnet шелка пока не приготовилъ; пробы же выставлены на Парижской выставкѣ. (N.)

Зоологическая достопримѣчательность. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, французское правительство послало коммисію изъ ученыхъ въ завоеванный Алжиръ, съ тѣмъ чтобы произвести тамъ естественно-научныя и другія изслѣдованія. По прибытіи ея туда, и въ началѣ ревностной дѣятельности по изслѣдованіямъ, „зефиры“ оказывали ей большія услуги.

Такъ назывались штрафованные солдаты мѣстнаго войска, состоявшаго вообще изъ продувныхъ французской арміи, между которыми многіе, очень способные, занимались прежде, доведшими ихъ до крайности, оригинальными мошенничествами, за что въ наказаніе и были сосланы въ знойную Африку.

Однажды зоологу упомянутой коммисіи принесъ зефиръ клѣтку; въ ней весело бѣгало маленькое черное животное. Это была крыса, никогда до тѣхъ поръ не виданная, съ двигающимся хоботомъ на носу, примѣрно на томъ мѣстѣ, гдѣ у носорога находится рогъ. За исключеніемъ этого ненормальнаго явленія, животное было похоже на обыкновенную крысу.

Ученый былъ внѣ себя отъ новаго открытія въ области зоологіи и съ удовольствіемъ заплатилъ требуемые сто франковъ за „хоботную крысу“, такъ какъ зефиръ увѣрялъ, что подобный видъ крысъ встрѣчается рѣдко и ловится трудно. Уважаемый профес-

Рѣшеніе географической задачи № 58 (помѣщ. въ № 37).

,••,,• **Лютихъ** 12	••••,,,, **Стрелицъ** 5	,,•,•••,, **Черноводы** 10
•,,,,••,,, **Маріуполь** 9	,•, **Упа** 2	,•,•• **Фюртъ** 7
,,•,,,,• **Вычегда** 6	,,•• **Унжа** 11	•,,,,•, **Юхновъ** 4
,••••,, **Елатьма** 3	••,,,,,•,, **Портсмутъ** 8	•• **По** 1

„По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.:** Байкова, Свенторжецкаго, Стронскаго, Низани, Кочергиной, Пайкова, Эссеръ, С—въ, Боронива, Поспѣева, Осипова, Мацієвской, Евтихіева, Мірославскаго, Кузьминскаго, Кратирова, Сидорскаго, Михель, Никель, Гумилевскаго, Мецлеръ, Манаева, Нагаева, Горлова, Михайловой, Шафрановой, Таубе, Загвоскина, Іорсъ, Сипиной, **Москвы:** Калабашкина, Комова, Лазаревой, Сахарова, Верховскаго, Шеръ, Добросердока, Котлова, Покровскаго, Воронцова, Фишеръ, Покровской, Куманина, Соболева, Свѣшниковой, Кравцова, Вановской, Милинскаго, Цвѣткова, Кн. Г—на, **Б. Коровина** — В. К. Терскаго, **Борисова** — Баскиндъ, Моргенштернъ, **Бахчисарая** — Дремджи, **Бѣлгорода** — Мазуръ, **Бахмута** — Бутовскаго, **Баку** — Рутковской, **Б. Бѣлозерки** — Лиховицеръ, **Брестъ-Литовска** — Кульчицкой, **Варшавы** — Львова, Семеновскихъ, **Вилкоміра** — Вершилло, **Валдая** — Дьячкова, Коневой, Глаголевскаго, **Воронежа** — Улеватова, **Гельсингфорса** — Поповой, Култашева, **Гжатска** — Смирягиной, **Глухова** — Бурновскаго, **Гродно** — Сафронова, **Грязи** — Борейша, **Дебальцево** — Новацкаго, **Елисаветполя** — Когновицкой, **Жиздры** — Бѣльскаго, **Златоуста** — Метенкова, **Клина** — Горшкова, **Ковно** — Кеппенъ, Аюрій, **Кишинева** — Крупковскаго, **Казани** — Зоммеръ, **Кіева** — Киричинской, Шилохвостова, Семенцова, Шульженко, Пушакова, Богачевой, **Лебедяни** — Чурилина, **Михайлова** — Чистякова, **Моршанска** — Ковѣшникова, **Новосиля** — Ворогушиной, **Нижнетагильска** — Смольниновой, **Нижняго Рыбинска** — Н—ной, **Николаева** Шишкиной, **Орла** — Маруси Г., Байковской, **Оренбурга** — Миронова, **Одессы** — Рапопорта, Рейжевскаго, Богоявленскаго, Банкетова, **Прены** — Вимеръ, **Перми** — Матвѣева, **Петронова** — Менскаго, **Россіенъ** — Подлясской, **Ростова** — Щербакова, **Саратова** — Заборовскаго, **Сергіева посада** — Стромынцева, **Сергіевской** — Ворохова, **Сасова** — Шаховцева, **Стародуба** — Кибальчича, **Тамбова** — Конюхова, Ананьева, Коржавиной, Мурашко, Шкель, **Твери** — Назаровой, **Уфы** — Корнилова, **Харькова** — Штаммъ, Ивановой, **Херсона** — Тотешъ, **Чернигова** — Дмитревскаго, **Шаргорода** — Станкевича, Банковскаго, **Шацка** — Филимоновича, **Щигръ** — Краснопольскаго, **Юрьева** — Карицкаго, **Ярославля** — Власьевской, Мосягиконъ, **Янишенъ** — Кучелисъ, **Янова** — Эбергъ.

Рѣшеніе ребуса № 59 (помѣщеннаго въ № 37).

„Всякій трусъ о храбрости бесѣдуетъ“.

Рѣшеніе шашечной задачи № 60 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлыя.	Черныя.
1) h 6 — g 7	1) f 8 — h 6
2) d 6 — c 7	2) b 6 — d 8
3) e 3 — g 5	3) a 7 — g 1
4) e 7 — f 8	4) h 6 — f 4
5) f 8 — h 6	5) d 8 — g 5
6) c 3 — a 1	6) a 5 — c 3
7) a 1 — g 3	7) h 4 — f 2
8) h 6 — c 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — А. А. Поспѣева, А. Кузнецова, Ф. А. Боронина, **Москва** — Н. Н Смирнова-Садовина, **Бѣлгородъ** — О. З. Мазуръ, **Пермь** — Н. Ф. Матвѣева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 61 (помѣщенной въ № 39).

Бѣлые.	Черные.
1) C d 5 — c 6	f 5 — e 4
2) K d 6 — f 5+	Кр. e 7 — e 6
3) C c 6 — e 8	куда угодно.
4) K f 5 — g 7 или C e 8 — d 7++	
2)	Кр. e 7 — f 7
3) C c 6 — d 7	K g 8 — e 7
4) K f 5 — h 6++	

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. А. А. Поспѣева — **СПБ.**

соръ написалъ ученое разсужденіе о ново-открытой зоологической достопримѣчательности, которое, какъ только было обнародовано, возбудило живѣйшій интересъ у европейскихъ изслѣдователей, и даже происходили безчисленные дебаты по сему поводу. Черезъ три недѣли зефиръ принесъ второй экземпляръ и получилъ за него еще сто франковъ. Но вотъ, пожелали имѣть нѣсколько экземпляровъ для зоологическаго отдѣленія Ботаническаго сада въ Парижѣ, и „хоботныя крысы“ стали поразительно часто доставляться въ коммисію, такъ что цѣна имъ дошла до двадцати-пяти франковъ. Наконецъ тайна разъяснилась. При большемъ спросѣ, продувной зефиръ не справлялся съ дѣломъ, и принялъ нѣкоторыхъ товарищей въ помощники. Одинъ-то изъ нихъ, подпивши, и проболтался. „Хоботная крыса“ была не природная, но искусственно измѣненная и именно такимъ образомъ: кончикъ хвоста у обыкновенной крысы отрѣзывался, прививался къ приготовленному носу другой такой-же крысы и утверждался смолистою камедью, совершенно такъ, какъ садовникъ прививаетъ благородную вѣтку къ дико растущему растенію. Потомъ пеленали животное какъ ребенка, чтобы оно не двигалось и не сдвинуло перевязки, а затѣмъ старательно заботились о немъ нѣкоторое время. Черезъ двѣ недѣли фокусъ былъ готовъ.— прививокъ вполнѣ былъ приросшимъ. Животное бѣгало такъ же весело, какъ и прежде, не ощущая, казалось, ни малѣйшей неловкости. Остроумный фокусникъ этотъ былъ причиною осмѣянія ученой коммисіи, которая дала себя обмануть. Ученый зоологъ сжегъ написанное разсужденіе о „хоботной крысѣ“, нѣкоторыя копіи съ котораго еще до сихъ поръ сохраняются въ разныхъ библіотекахъ какъ куріозъ, и всю свою жизнь проклиналъ мошенника-зефира. (А).

Журналъ, издаваемый Бельгійскою королевой. По словамъ иностранныхъ газетъ, къ сословію журналистовъ примкнула Бельгійская королева Марія-Генріетта и ея младшая дочь, принцесса Клементина, сестра вдовствующей Австрійской кронпринцессы. Съ начала текущаго года королева издаетъ ежемѣсячный журналъ *La jeune fille*, по вопросамъ искусствъ, литературы и домашняго хозяйства, для молодыхъ дѣвушекъ высшаго круга. Всѣ статьи по домашнему хозяйству пишутся самою королевой и подписываются псевдонимомъ Madame Reyer. Отдѣлъ критики въ области литературы и искусства ведется принцессой Клементиной, которая подписывается именемъ Marthe d'Orey. Театральную критику взяла на себя королева Марія-Генріетта —усердная посѣтительница оперы и горячая поклонница Рихарда Вагнера. Журналъ для молодыхъ дѣвушекъ, само собою, не можетъ обойтись безъ отдѣла стихотвореній, а потому издательница заручилась сотрудничествомъ поэтессы Карменъ Сильва (Румынской королевы Елизаветы), которая обязалась доставлять по одному стихотворенію въ каждый нумеръ журнала. Кромѣ того велись переговоры съ Австрійскою кронпринцессой Стефаніей о присылкѣ нѣсколькихъ иллюстрацій и въ сотрудницы завербована эрцгерцогиня Марія-Валерія. (с).

Первая извѣстная птица. Проф. Лундгренъ въ Стокгольмѣ переслалъ г. Дамесу остатки ископаемой птицы; послѣдній назвалъ ее Scaniornis Lundgreni. Такъ какъ эти остатки были найдены въ Салтголмскомъ известнякѣ, составляющемъ въ Швеціи высшій пластъ мѣловой формаціи, то этимъ въ первый разъ доказано существованіе птицъ въ столь древнюю эпоху. (N.)

Новый портативный приборъ для печатанія писемъ, бланокъ, приказовъ и проч., изобрѣтенъ недавно нашимъ гальванопластомъ и электротехникомъ А. Н. Ковако. Его приборъ удобнѣе существующей машинки Ремингтона и имѣетъ передъ ней много преимуществъ. Посредствомъ новаго прибора можно получить одновременно нѣсколько оттисковъ, кромѣ того, первый оттискъ, переведенный на цинкъ, даетъ, въ свою очередь, массу оттисковъ, чѣмъ устраняется потребность въ гектографѣ или литографскомъ камнѣ. Наконецъ, приборъ сосредоточиваетъ въ себѣ до 4000 шифрованныхъ знаковъ и при всемъ этомъ стоитъ дешево, не болѣе 30 рублей. Приборъ испытывался въ артиллерійскомъ учебномъ комитетѣ и испытаніе это дало хорошіе результаты. (в.)

Адольфъ Львовичъ Гензельтъ. † 28 сентября 1889 г. Съ фот. грав. Барановскій.

Профессоръ Имп. Акад. Худ. Өедоръ Андреевичъ Клагесъ. По поводу 50-лѣтняго юбилея. Съ фотогр. Лоренса, грав. Шюблеръ.

О выставкѣ первыхъ двухъ главныхъ премій „НИВЫ" на 1890 годъ.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ. съ персоналомъ выписанныхъ нами извѣстныхъ заграницей мастеровъ для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ увеличить **главную живописную премію** на будущій годъ и вмѣсто обычной одной **дать двѣ** картины. Это новыя произведенія любимца русской публики, **проф. И. И. ШИШКИНА**, подъ названіемъ:

„СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ" и „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ",

писанныя имъ по нашему заказу для „НИВЫ". Обѣ картины (въ **16** вершковъ длины и **12** вершковъ ширины каждая), помѣщены въ этомъ № „Нивы" въ уменьшенныхъ копіяхъ, чтобы дать о нихъ хотя приблизительное понятіе, такъ какъ наилучшія художественныя гравюры не въ состояніи передать блеска и чудной гармоніи красокъ.

Картины будутъ разосланы **гг. годовымъ подписчикамъ (безъ всякой особой доплаты за пересылку)** по обыкновенію въ **октябрѣ** мѣсяцѣ, но чтобы каждый желающій могъ **теперь-же** ознакомиться съ ними, мы выставили ихъ **въ помѣщеніи конторы журнала „Нива"** (Невскій пр., д. № 6) и кромѣ того разослали для выставки въ нижеоименованные книжные магазины и библіотеки, а именно:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы" и у книгопродавцевъ: И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Битепажа, А. И. Бортневскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цвылева), Н. Г. Мартынова, А. Я. Панафидина, М. В. Попова, Карла Риккера, И. Д. Тяпина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Феню, Цинзерлинга, Эггерса и К°., Эриксона, въ кн. маг. „Новаго Времени", „Народная Польза", въ конт. объяв. Матисенъ и въ Центральн. конторѣ объявленій Петрина.
„ **Москвѣ:** въ отд. конторы „Нивы" у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), и у книгопродавцевъ А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, И. Ф. Папкова, Девяткина, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина, Земскаго, въ кн. маг. насл. бр. Салаевыхъ и „Новаго Времени".
„ **Архангельскѣ:** въ Обществен. библ.
„ **Астрахани:** въ „Прикаспійск. книжн. магаз."
„ **Баку:** у книгопродавца Тараева.
„ **Батумѣ:** у книгопр. М. Николадзе.
„ **Бердянскѣ:** въ кн. маг. Гаврилицы и К°.
„ **Борисоглѣбскѣ:** у кн. А. Ф. Пустовалова.
„ **Брестъ-Литовскѣ:** въ кн. маг. Варгафтига.
„ **Варшавѣ:** у книгопр. В. М. Истомина и въ книжн. магазинѣ Карбасникова.
„ **Вильно:** въ кн. маг. Сыркина и Странуна.
„ **Витебскѣ:** у книгопродавцевъ Минделъсона и О. К. Іогансона.
„ **Владикавказѣ:** въ кн. маг. Червинской.
„ **Владимірѣ:** въ книжн. магазинахъ А. А. Бѣлянкина и И. П. Иванова.
Вологдѣ: въ маг. Д. 8. Волоцкаго.
„ **Воронежѣ:** въ кн. маг. М. П. Савостьянова, М. С. Селингъ и В. В. Юркевича.
„ **8яткѣ:** въ кн. маг. А. И. Залѣсской.
„ **Гомелѣ** (Мог. г.): у книг. Я. Г. Сыркина.
„ **Гродно:** въ кн. маг. „Народная Польза".
„ **Дерптѣ:** въ Русской Библіотекѣ.
„ **Динабургѣ:** у кн. К. Іозеса и у Я. Паденжина.
„ **Екатеринбургѣ:** въ книжныхъ маг. Пономарева и Н. В. Пироговскаго.
„ **Екатеринодарѣ:** у кн. П. Т. Галладжіанца.
„ **Екатеринославѣ:** у книгопродавца Шафермана и въ кн. маг. Ульмана и К°.
„ **Елисаветградѣ:** въ кн. маг. И. И. Золотарева.

8ъ Житомірѣ: у книгопр. Савчука.
„ **Иркутскѣ:** у книгопродавца Синицына.
„ **Казани:** у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, К. П. Алексѣева и въ муз. маг. „Восточная лира."
„ **Калугѣ:** въ кн. маг. А. А. Мантейфеля и въ магаз. наслѣдн. Мясникова.
„ **Кишиневѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго.
„ **Кіевѣ:** въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, Корейво, гг. Гинтера и Малецкаго. Іогансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз." и у И. А. Розова.
„ **Керчи:** въ кн. маг. А. Г. Дервисье.
„ **Ковно:** въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія". и въ магаз. І. С. Мандельштама.
„ **Козловѣ:** въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново.
„ **Костромѣ:** въ кн. маг. Бекенева, Д. П. Бѣлянина и Соколова.
„ **Кременчугѣ:** въ библ. И. М. Саддъ.
„ **Кронштадтѣ:** въ кн. маг. „Кроншт. Вѣсти." и въ магаз. Бр. Чеяуновыхъ.
„ **Курскѣ:** въ кн. маг. Кашкина, Переплетенко и М. Н. Дружинина.
„ **Кутаисѣ:** въ кн. маг. Бр. Чиладзе.
Кѣльцахъ: въ магаз. Леонъ и К°.
„ **Либавѣ:** въ кн. маг. Р. Пуце.
„ **Лебедянь** (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чурилина.
„ **Лодзи:** у кн. Р. Шатке и Г. М. Странуна.
„ **Ломжѣ:** въ магаз. А. Рихтера.
„ **Люблинѣ:** у кн. Кизеветтера.
„ **Минскѣ:** въ кн. маг. А. Городенскаго, въ библ. С. Ф. Савицкой и Е. Френкеля.
„ **Митавѣ:** у книгопр. Бестгорна.
„ **Могилевѣ:** въ кн. маг. Сыркина.
„ **Моршанскѣ:** въ кн. маг. М. Прокофьева.
„ **Немировѣ** (Под. г.): у книгопр. Р. Шера.
„ **Нижн. Новгородѣ:** въ кн. маг. „Первая Нижегор. артель" и библ. Лебедева.
„ **Николаевѣ** (Херс.) у М. О. Шаха и М. А. Ефанова.
„ **Новгородѣ:** въ кн. маг. И. И. Дорреръ.
„ **Новочеркаскѣ:** въ кн. маг. П. В. Ананьевой и въ маг. Прокофьева.
„ **Одессѣ:** у кн. Е. П. Распопова, въ кн. маг. „Новаго Времени", Ансюка, В. И. Бѣлаго, И. А. Розова и В. Г. Суворова.
„ **Омскѣ:** въ кн. маг. В. М. Орлова.
„ **Орлѣ:** въ кн. маг. В. Д. Кашкина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника".

Въ Оренбургѣ: въ кн. маг. Н. П. Кудрина.
„ **Острогожскѣ:** въ библ. Рѣдкина.
„ **Пензѣ:** въ кн. маг. Н. А. Магницкаго, В. Н. Алексѣева и И. И. Добровольнаго.
„ **Перми:** въ кн. маг. О. П. Петровской.
„ **Петрозаводскѣ:** въ „Алексѣевск. Общ. Библ."
„ **Полтавѣ:** въ кн. маг. Бойно-Родзевича и Е. Ф. Богоявленскаго и К°.
„ **Полоцкѣ:** въ кн. маг. М. А. Екатова.
„ **Псковѣ:** въ кн. маг. Ю. Вольфрама.
„ **Радомѣ:** въ магаз. Р. Чарнецкой.
„ **Ревелѣ:** въ кн. маг. Клуге и Штремъ и у кн. Вассермана.
„ **Ригѣ:** въ кн. маг. А. В. Витлина и Н. Киммеля.
„ **Ростовѣ-на-Дону:** въ кн. маг. Теръ-Абраміана, Ф. В. Жуби и В. С. Романовича.
„ **Рязани:** въ кн. маг. С. С. Шемаева.
„ **Самарѣ:** въ кн. маг. Плотникова и Грау.
„ **Саратовѣ:** въ кн. магаз. „Приволжская книжн. торг."
„ **Севастополѣ:** въ кн. маг. О. А. Протопоповой.
„ **Симбирскѣ:** въ кн. маг. К. И. Юргенса.
„ **Симферополѣ:** въ кн. маг. Н. Туманова и у Н. Н. Шматько.
„ **Скопинѣ** (Ряз.): въ кн. маг. М. Л. Сафонова.
„ **Славянскѣ** (Хар.): у А. В. Мандрыкина.
„ **Смоленскѣ:** въ кн. маг. В. Ѳ. Лаврова.
„ **Ставрополѣ:** въ кн. маг. М. Т. Тимофѣева.
„ **Сувалкахъ:** въ магаз. С. Лезиновской.
„ **Таганрогѣ:** въ книжномъ маг. Покровскаго и Линицкаго.
„ **Тамбовѣ:** въ кн. маг. Зотова.
„ **Ташкентѣ:** въ кн. маг. Шварца.
„ **Твери:** въ кн. маг. Ахматова (быв. Кашкина).
„ **Тифлисѣ:** въ кн. маг. „Центральная кн. торг.", Л. Б. Хидденель. въ кн. торг. К. А. Бебутова и А. А. Іоаннисіани и въ конт. А. И. Евангулова.
„ **Томскѣ:** въ кн. маг. Манушина и Михайлова.
„ **Тулѣ:** въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго и А. Д. Львова.
„ **Уфѣ:** въ кн. маг. Блохина.
„ **Харьковѣ:** въ книжн. маг. „Новаго Времени", Полуехтова, въ магаз. Н. П. Овсянникова, въ библ. Бирюкова и въ конт. Ф. Н. Константинова.
„ **Херсонѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха.
„ **Черниговѣ:** въ кн. маг. Данюшевскаго.
„ **Череповцѣ:** въ кн. маг. Ф. Н. Лаговскаго.
„ **Ярославлѣ:** въ кн. маг. И. Н. Соболева.

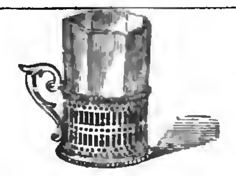
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакціею журнала „Нива" принято на увеличеніе капитала, подносимаго **А. Г. РУБИНШТЕЙНУ:**

От **С. Г. Эмануэль 25 руб.** и отъ **А. Ф. Маркса 25 руб.**, а всего **50 руб.**, которая сумма внесена въ распорядительный комитетъ по устройству чествованія юбилея А. Г. Рубинштейна, по квитанціямъ за №№ 20 и 21.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**



ФАБРИКА
МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ
въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 4111 3—2

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты хриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
Д-ръ Михаёлисъ med. pract. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо. **Главный складъ для Россіи у В. Ауриха** въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12—4

АСПАЗИНЪ
МИНЬО

Безвредныя растительныя бѣлила
для цвѣта лица

ПУДРА
АСПАЗИНЪ
для цвѣта лица

Требовать подпись
МИНЬО

Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ
ED. PINAUD, парфюмеръ
PARIS
BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОБРѢТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К°,

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8—5

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ**

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ
въ С.-Петербургѣ
ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.
Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года
„ВНѢ КОНКУРСА"
Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (33)

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4053 9—2

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ
ОБЩЕПОНЯТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„НАУКА и ЖИЗНЬ".
Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія.
4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предполагается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

ЦѢНА:

съ пересылкой и доставкой на годъ	5 р. — к.
„ „ „ „ „ полгода	3 „ — „
безъ пересылки и доставки на годъ	4 „ — „
„ „ „ „ полгода	2 „ 50 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печковской, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ.

П. № 4099 4—2 Редакторъ-Издатель Д-ръ М. И. Глубоковскій.

Вышли въ свѣтъ двѣ новыя книги, переведенныя на русскій языкъ и одобренныя Московскимъ цензурнымъ комитетомъ.

— БЕЗПЛАТНО —

для ознакомленія публики съ содержаніемъ обѣ первыя части обѣихъ книгъ.

КАКЪ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМЪ? Философія жизни и права на жизнь. Указанія занятій соотвѣтствующихъ средствамъ, познаніямъ и положенію каждаго. Ремесло, наука и искусство. **Десять тысячъ примѣровъ** лицъ, воспользовавшихся указанными способами и достигшихъ самыхъ блестящихъ результатовъ. **Рукодѣльница** найдетъ работы и указанія сбыта ихъ. Тотъ счастливъ и богатъ, кто, ознакомившись съ книгой, послѣдовалъ ея указаніямъ. Рисунки и планы.

КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ? Послѣднее эхо Всемірной Парижской выставки 1889 года. Сборъ всего, изъ чего всякій можетъ извлечь значительную пользу безъ затраты капиталовъ, а при исключительномъ трудѣ. Финансовая статья, дающая полное и отчетливое понятіе о хозяйствѣ, торговлѣ, промышленности и проч., статья, которую съ пользою прочтетъ всякій капиталистъ, желающій увеличить свои доходы. Планы, рисунки, образцы, чертежи и карты.

Для полученія этихъ 2-хъ частей книгъ безплатно писать издателю **Г-ну Туръ**
№ 4136 **M. Tour, 69, Rue Manin, Paris.**

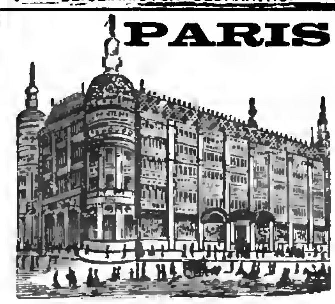
ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

МАССА БЛАГОДАРН. и ОТЛИЧН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ
ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДОВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЪ.
МОСКВА, АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.
ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОЛН. ГАРАНТІЯ УСПѢХА — ПРЕДОСТЕР. ОТЪ ПОДРАЖ.

PARIS



GRANDS MAGASINS DU
Printemps
NOUVEAUTÉS

Demander
le catalogue général illustré renfermant **580 Gravures** (modèles inédits) pour la **SAISON d'HIVER,** dont l'envoi est fait *gratis* et *franco* contre demande affranchie adressée à

MM. Jules Jaluzot & Cie
PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. Mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

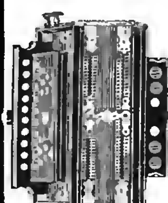
Le Catalogue indique les conditions pour l'envoi *franco de port et de douane.*

Interprètes dans toutes les Langues
à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

А. № 4087 3—3

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
ГАРМОНІИ.



Однорядныя въ $2^1/_2$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, $5^1/_2$, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя въ 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 руб.
Трехрядныя въ 30, 50, 60 и 75 р.
Самоучитель Сокотова по 1 руб.
Ноты его же по 75 коп и 1 р. за тетрадь

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4130
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва. Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

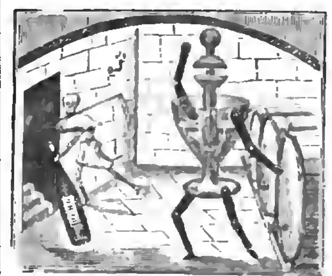
МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 9 р. 50 к.
съ пересылкою . . 10 „ — „
„Лилипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

ПОДДѢЛКА ВИНЪ.



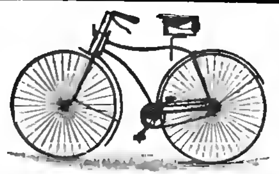
Аппаратъ, которымъ легко узнать поддѣлку виноградныхъ винъ. Цѣна 2 рубля.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С.-Петербургъ. Складъ фотографическихъ принадлежностей.
У Казанск. моста, входъ съ Екатерининскаго канала, № 30—16. № 4119 2—2

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и др.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Дѣлаетъ табачный дымъ неощутимымъ.

Освѣжаетъ комнатный воздухъ.

СЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ КУРИТЕЛЬНОЙ ЛАМПОЙ ДЛЯ НЕГО
ОСВѢЖАЕТЪ ВОЗДУХЪ, ДѢЛАЯ ЗАПАХЪ ТАБАЧНАГО ДЫМА НЕОЩУТИМЫМЪ.

Флаконъ Озогена приготовленнаго 80 к., 1 р. 25 к.
съ пересылкой за 2 фунта. за 3 фунта.
Лампа № 1 — 2 руб. 25 к. | Лампа № 2 — 3 руб.
съ пересылкою за 2 фунт. | съ пересылкою за 3 фунт.
Лампа № 1, и 1 флаконъ Озогена приготовленнаго въ 80 к. съ перес. за 3 фунт.
„ № 2, „ 1 „ „ „ въ 1 р. 25 к. за 5 фунт.
ОЗОГЕНЪ экстрактъ, малый флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою за 2 фунт.

1. 2.

А. М. РУЗАНОВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
№ 40, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 40.
Pt. № 4126 4—1

ИСПЫТАЙТЕ
обувь Товарищества С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО механическаго производства обуви.

№ 4131 8—1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
продающихся имѣній, домовъ, дачъ. Адрес. Харьковъ, около Биржи, Константинову.

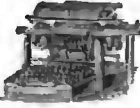
АДРЕСЫ всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Никел. открыт. часы	отъ	7	руб. и дороже.
Стальн. черные	„ „	14	„ „ „
Серебрян. закр.	„ „	15	„ „ „
Зол. дамск. закр.	„ „	30	„ „ „
Зол. мужск. закр.	„ „	50	„ „ „

Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—10

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ.
d'Angleterre.
Рекомендую господамъ проѣзжимъ мою увеличенную и заново отдѣланную гостинницу.
Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6—3

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

EAU DE SUEZ Депо въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40. Въ Москвѣ — А. Сіу и К°., Тверская, д. Варгина. **ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ**
Pt. № 3887 Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13—13

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ А. М. Рузанова въ С.-Петербургѣ.

Дозвол. ценз., СПБ., 1 ноября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 46 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 ноября 1889 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ромео и Юлія. Съ карт. Минны Штокс, грав. Кренеръ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VI.

Все, что когда-то въ большомъ и унылемъ Березопольскомъ домѣ грезилось въ мечтахъ ссыльной княжнѣ Полинѣ и казалось лишь волшебною сказкой, безсмысленною по своей несбыточности, стало теперь дѣйствительностью. И все совершилось просто, такъ просто, что изумляло ее самое. Она забывала, или просто не сознавала, что очень мудреное дѣло совершилось лишь только благодаря ея собственной сильной волѣ, унаслѣдованной отъ предковъ.

Правда, она смутно упрекала себя въ томъ, что между ея грезами о счастьи и этимъ достигнутымъ счастіемъ произошло какъ бы нравственное убійство. Умеръ отецъ, сраженный ея поступками. Полина не обманывала себя, сознавалась мысленно, что ускорила смерть отца и была причиной, прямою, а не косвенною, вторичнаго удара, отъ котораго князь умеръ. Умысла не было у нея—и этимъ она утѣшалась, но все-таки считала себя неумышленно виновною.

Въ захолустномъ городишкѣ, гдѣ она узнала о внезапной смерти князя, она не могла ощутить сильнаго горя. Эта смерть слишкомъ измѣняла ея собственную судьбу и помогала достиженію того, что считала она своимъ единственнымъ счастіемъ на землѣ.

Въ Москвѣ на похоронахъ она искренно оплакивала отца и, конечно, предпочла бы, чтобы отецъ былъ живъ, но съ условіемъ, чтобы онъ согласился на ея бракъ. А сочетаніе и того и другаго вмѣстѣ было невозможно.

Вернувшись въ Березополье и намекнувъ о своемъ бракѣ съ собственнымъ крѣпостнымъ, Прасковья Андреевна увидѣла настоятельную необходимость тотчасъ же уѣхать и подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ этотъ бракъ казался всѣмъ чудовищнымъ дѣломъ. Она понимала, что повсюду, только не тутъ у себя, этотъ бракъ и это счастіе будутъ имѣть совершенно другой характеръ. И чѣмъ дальше, не только отъ Березополья, но даже отъ родины, тѣмъ легче, тѣмъ радостнѣе будетъ ея существованіе.

Дѣйствительно, уже въ Москвѣ она почувствовала себя подъ меньшимъ гнетомъ окружающихъ. Дворня московскаго дома, хотя тѣ же березопольцы, глянула на нареченнаго своей княжны какъ-то иначе. И для нихъ это былъ Егоръ, крѣпостной столяръ; но въ качествѣ городскихъ жителей, много чего видавшихъ и много къ чему привыкшихъ, они, очевидно, были менѣе поражены. А главное, они не стыдились, ни за свою княжну, ни за себя.

Въ Москвѣ княжна пробыла не долго. Конечно, не видѣлась ни съ кѣмъ и никого не принимала. Она узнавала только стороной, въ какой ужасъ пришла при вѣсти объ ея бракѣ та среда, въ которой она родилась и провела всю жизнь. Но такъ какъ Полина ограждала себя отъ всѣхъ знакомыхъ и дальней родни, запретила даже Ильѣ Петровичу передавать себѣ всѣ толки и пересуды, которые ходили по столицѣ, то она чувствовала себя сравнительно легче чѣмъ въ Березопольѣ.

На первыхъ же порахъ, разумѣется, возникли затрудненія къ ея браку. Ни одинъ изъ московскихъ священниковъ не рѣшался вѣнчать княжну съ ея собственнымъ крѣпостнымъ, боясь отвѣтственности.

Раздраженная неожиданнымъ препятствіемъ, княжна, съ чисто женскою односторонностью, устремила всѣ свои силы на его преодолѣніе—и совершенно упустила изъ виду обстоятельство громадной важности, которое не приходило въ голову и князю Ильѣ Петровичу, по врожденной добродушной его безпечности и незнанію формальностей.

Разумѣется, послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ нашли такой храмъ, гдѣ священникъ согласился обвѣнчать княжну Березопольскую съ дворовымъ. Священникъ этотъ согласился очень легко, такъ какъ приходъ его былъ бѣденъ и потерять его было бы небольшою бѣдой, а сумма, которую ему предлагали, для него была громадная: двѣ тысячи рублей. На это можно было купить очень порядочный домъ въ томъ же кварталѣ.

Послѣ вѣнчанія, не смотря на всякія хлопоты Ильи Петровича предъ властями,—возникло новое затрудненіе: полученіе вида на выѣздъ за границу. Но благодаря такой же суммѣ денегъ, документъ былъ выправленъ, и въ немъ были прописаны имена Милованова и его законной жены безъ указанія ихъ званія.

Чиновникъ, обдѣлавшій все, получившій себѣ тысячу рублей и болѣе тысячи, якобы, для раздачи другимъ лицамъ, поступилъ относительно Миловановыхъ весьма добросовѣстно. Онъ предупредилъ тотчасъ Полину, что, при возвращеніи въ Россію, она наживетъ себѣ много хлопотъ, сдѣлавшись теперь сама крѣпостною... на казенной бумагѣ.

Когда Полина пожелала разъяснить дѣло, то чиновникъ самъ отчасти сбился съ толку, находя этотъ казусъ такимъ мудренымъ, что его разрѣшить по законамъ совершенно невозможно. Выходило, что бывшая княжна Березопольская, нынѣ госпожа Милованова, становится собственною своею крѣпостною, если не теряетъ своихъ дворянскихъ правъ на владѣніе имуществомъ. Въ случаѣ же потери этихъ правъ, она становилась государственною крестьянкой или того хуже—крѣпостною своихъ наслѣдниковъ, ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ права на ея имущество.

Исходъ былъ одинъ и очень простой, но къ несчастію уже утраченный. Надо было ранѣе спохватиться. Слѣдовало прежде брака дать Милованову отпускную, сдѣлать его вольнымъ, приписать въ городскіе мѣщане, или въ купцы. Теперь же это стало невозможно. Теперь Полина не могла выдать такого рода документъ и подписать его именемъ Миловановой, а подписаться, какъ княжна Березопольская, она уже потеряла право. Оставалось только одно: при будущей продажѣ Березополья выговорить, чтобы новый помѣщикъ-пріобрѣтатель, при совершеніи самой купчей, непремѣнно далъ отпускную дворовому Милованову.

Но главный вопросъ оставался все-таки вопросомъ и неразрѣшимымъ: сохраняла-ли теперь Полина дворянскія права на свое имущество, можетъ-ли она считаться владѣлицей крѣпостныхъ душъ, будучи сама крѣпостною по мужу. Князь Илья Петровичъ наводилъ справки въ Москвѣ, но ничего не добился. Власти только разводили руками.

Многіе изъ властей совѣтовали князю уговорить сестрицу Прасковью Андреевну оставаться въ Москвѣ, чтобы разъяснить все это дѣло и узаконить свое положеніе. Полина сначала рѣшилась было, но потомъ какая-то необъяснимая суевѣрная боязнь строгихъ распоряженій новаго императора заставила ее спѣшить покинуть скорѣй и Москву, и Россію.

Ей все чудилось, что кто-то, или что-то изъ Петербурга, вдругъ отниметъ у нея съ трудомъ добытое счастіе. Ей казалось, что разъ за предѣлами Россіи, она скорѣй и легче устроитъ все. А главная надежда ея была та, что князь Илья Петровичъ явится якоремъ

спасенія. Онъ, какъ ближайшій наслѣдникъ, можетъ со временемъ, при бѣдѣ, предъявить свои права на все ея имущество, но при этомъ, конечно, не ограбитъ своей пріятельницы-сестры. И если даже предполагать, что князь теперь—уже чрезъ одинъ ея бракъ—сталъ по закону полнымъ собственникомъ всего, то конечно выплатитъ ей все со временемъ что̀ слѣдуетъ, а Милованову дастъ отпускную на волю.

Если-бы не Илья Петровичъ, то Полина, конечно, постаралась-бы до въѣзда узаконить свое новое общественное положеніе; но „троякій якъ", явившійся по закону ея грозою, не внушалъ ей никакого страха, а внушалъ одно полное довѣріе.

Самъ Илья Петровичъ соглашался съ мнѣніемъ сестры: бѣды нѣту!

И едва только очутился въ рукахъ Полины документъ, въ которомъ она значилась законною женой любимаго человѣка и съ которымъ она могла покинуть Россію, какъ тотчасъ-же Миловановы сѣли въ дорожную карету и покатили на почтовыхъ по Смоленской дорогѣ.

Теплая, чудная весна пошла имъ навстрѣчу.

Граница Россійскаго государства, которая была еще недавно такъ близко, теперь, уже на памяти Полины, отдалилась. Но она, какъ и многіе россіяне, еще привыкла смотрѣть на Литву и Польшу какъ на отдѣльный, заморскій, хотя родственный, но чужой край.

Черезъ двѣ недѣли спѣшнаго и утомительнаго пути, Миловановы уже въѣхали въ Варшаву, и отдохнувъ дня три, тотчасъ двинулись далѣе. А ровно черезъ три недѣли, въ тотъ-же день, въ который выѣхали они изъ Москвы, они переѣзжали границу Прусскаго королевства. Здѣсь была та-же Польша, но они, миновавъ заставу съ прусскими значками, прусскими солдатами и чиновниками, очутились внѣ предѣловъ русской власти. А это для Прасковьи Андреевны было счастьемъ. Переѣздъ русской границы имѣлъ огромное вліяніе и на ея спутника. Миловановъ, до сихъ поръ чувствовавшій себя, особенно въ Москвѣ, а отчасти и въ пути, въ какомъ-то ему самому необъяснимомъ состояніи виноватости, потерянности и гнета отъ вѣчныхъ опасеній, вдругъ почувствовалъ себя свободно, вполнѣ счастливымъ, потому что вполнѣ спокойнымъ. Онъ иначе смотрѣлъ, иначе говорилъ. Переѣхавъ границу, онъ перекрестился и вымолвилъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Вотъ теперь я счастливъ. И теперь я не боюсь и не стыжусь любить тебя. Теперь я знаю—меня у тебя не отымутъ! Вѣдь ты вѣрно сказываешь, что здѣсь нѣтъ крѣпостныхъ—всѣ свободны?

И съ этой минуты Полину ожидало новое счастіе, заключавшееся въ томъ, что ея мужъ неожиданно преобразился, выросъ на цѣлую голову, глядѣлъ, говорилъ и даже двигался какъ-то иначе.

Тамъ, въ Москвѣ и въ дорогѣ, Полину коробило отъ того, что рядомъ съ собой она видѣла человѣка страстно ею любимаго, а между тѣмъ по виду, по всему—не ровню ей. Этотъ человѣкъ, котораго она называла мужемъ и Юріемъ, какъ-бы продолжалъ быть ея крѣпостнымъ; не желая, или не имѣя возможности подняться до нея, онъ унижалъ ее. Онъ ѣхалъ не съ женою, а съ барыней-помѣщицей. И то, что̀ видѣла поневолѣ Полина, возмущало ее, оскорбляло, а главнымъ образомъ—печалило... до тайныхъ слезъ, на которыя она однако была скупа. Въ иныя минуты она дорого дала-бы, чтобы этотъ человѣкъ поссорился, побранился съ ней, разбранилъ-бы ее, хотя-бы даже обидѣлъ ее—и тѣмъ сравнялся-бы съ ней. А онъ между тѣмъ былъ такимъ-же, какимъ когда-то приходилъ въ ея горницу чинить мебель, умышленно сломанную ею. И то, что̀ видѣла и чувствовала Полина, грызло ея сердце. Полное счастіе немыслимо при такихъ отношеніяхъ, въ какія поставилъ было себя съ ней ея мужъ.

И вотъ, миновавъ границу, очутившись внѣ предѣловъ Россіи, внѣ власти русскихъ законовъ, Полина, благодаря виду своего Юрія, почувствовала себя сразу безумно счастливою. Около нея очутился вдругъ не крѣпостной и не дворовый столяръ, а мужъ, который, казалось ей, сразу сравнялся съ ней и сразу сталъ любить ее вдвое болѣе.

— Вотъ теперь ты мнѣ жена, сказалъ онъ.—Теперь все это правда, а не скоморошество. Теперь насъ не разлучатъ. Я могу любить тебя, не опасаясь, что завтра на утро ты опять станешь княжной Березопольской, а я столяромъ Егоромъ.

И это удивительное преображеніе, случившееся сразу съ Миловановымъ, сказалось даже въ мелочахъ. Онъ тотчасъ-же взялъ на себя, безъ всякихъ просьбъ со стороны жены, совершенно безсознательно, всѣ хлопоты и распоряженія въ дорогѣ.

На первой-же станціи въ Пруссіи, гдѣ мѣняли лошадей и приходилось объясняться съ нѣмцемъ-почтаремъ и мѣстными обывателями, Миловановъ, не понимая ихъ и не говоря ни слова по-нѣмецки, все-таки распорядился. А главное, онъ держалъ себя добродушно-важно, и всѣ, кто видѣлъ его тутъ, дивились, какой удивительный красавецъ, но и какой добрый этотъ русскій бояринъ.

А Полина, глядѣвшая на его статную и красивую фигуру, распоряжавшуюся перекладкой лошадей, вдругъ ощутила внутренно, что на сердце ея хлынуло какое-то восторженное чувство радости, свѣта и счастья. И слезы ручьемъ полились у нея изъ глазъ.

Садясь въ карету, Миловановъ замѣтилъ эти слезы и даже испугался.

— Что̀ съ тобой? выговорилъ онъ, схвативъ жену за руки.

— Ничего... отозвалась Прасковья Андреевна.

— Да ты плачешь?!

— Отъ радости.

— Какая-же радость?

— Ты!.. Ты—моя радость! Я думала, что ты навсегда останешься... такимъ... А ты вдругъ другой... Нѣтъ... не надо... не надо и говорить объ этомъ...

— Тутъ, Параша, я вольный! отозвался онъ восторженно, отгадавъ мысль жены.

VII.

Отъ прусской границы и до Рима Миловановы пробыли около мѣсяца въ пути, благодаря совершенно инымъ средствамъ передвиженія и благоустроеннымъ почтовымъ порядкамъ. Они бросили свой тяжелый дорожный экипажъ во Франкфуртѣ и поѣхали дальше въ почтовыхъ дилижансахъ.

По дорогѣ въ Италію, они остановились отдохнуть только въ Дрезденѣ, Веймарѣ и въ Бернѣ. Остальные города по пути они миновали послѣ однодневнаго отдыха. И только въ Генуѣ пробыли три дня, въ ожиданіи корабля, на которомъ должны были ѣхать въ Чивита-Веккію.

Путешествіе, длившееся мѣсяцъ, показалось обоимъ, по крайней мѣрѣ, годомъ, вслѣдствіе массы новыхъ впечатлѣній, новыхъ мѣстъ и лицъ, и всѣхъ случайностей въ диковинномъ пути, гдѣ диво было на каждомъ шагу.

Не одинъ бывшій столяръ озирался кругомъ себя лихорадочно радостными глазами; бывшая княжна тоже смотрѣла на все съ восторгомъ удивленія и что̀ могла—объясняла мужу. И все понималъ онъ съ полуслова.

Узаконенная, страстная, взаимная любовь и эти всѣ чудныя, почти волшебныя, смѣнявшія одна другую картины новыхъ странъ, новаго неба, новаго солнца, свѣтлыя грёзы о нихъ будущемъ,—все вмѣстѣ сливалось въ какую-то волшебную сказку или чудную пѣсню. Обоимъ казалось, что они не живутъ, не существуютъ, а бредятъ на яву, что имъ грезится чарующій сонъ, что они безконечно несутся по какому-то сіяньемъ и счастьемъ околдованному міру.

Игра въ чурки. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Пиковый король. Съ картины **А. Корзухина**, по фот. Якобія, грав. Барановскій.

И какъ далеко кажется теперь, не только далеко, но даже мало, ничтожно—все что дѣлало ихъ несчастными, все что грозило ихъ счастію, грозило даже ихъ существованію!

Однажды, уже въ Италіи, въ Генуѣ, они отправились прогуляться и очутились въ прелестномъ городскомъ саду *Aqua Sola*. И здѣсь, чуднымъ вечеромъ, подъ звѣзднымъ и теплымъ куполомъ неба, близь серебристаго фонтана, высоко бившаго вверхъ, среди аромата померанцевыхъ деревьевъ, при дальнихъ звукахъ дивной серенады, они долго просидѣли въ какомъ-то очарованіи, и не сказавъ другъ другу ни слова, въ одинъ и тотъ-же мигъ они вспомнили иное, далекое...

Высокіе, морозомъ скованые сугробы. Оголёные стволы и прутья деревьевъ. Фигурка добраго Макара Макаровича, говорящаго: „Спаси Господи!“ Новый управитель—ихъ гроза. Уѣздный городишко, стрекулисты и солдаты. И онъ самъ, съ обритымъ лбомъ, сдаточный солдатъ...

Все это было, все это пережито. А между тѣмъ, все это прошлое кажется лихимъ сномъ, а настоящее—чуднымъ пробужденьемъ. Вся окрестность говоритъ это имъ... Даже этотъ серебристый фонтанъ, среди темныхъ лавровъ и померанцевъ, бьющій высоко въ синее, вѣчно теплое небо, говоритъ, что все горько пережитое было сномъ, что оно—все неправда, бредъ, обманъ; что они просто заснули здѣсь на этой самой *Aqua Sola*, а теперь пробудились... И эти струи фонтана журчатъ и поютъ про небылицы въ лицахъ, а они, будто очарованные, слушаютъ и вѣрятъ. А струи, серебрясь, все подпрыгиваютъ, все падаютъ и все, безъ конца, напѣваютъ имъ, что никакого Березополья на свѣтѣ нѣту; что Макаръ Макаровичъ и Джаншіевъ—тѣни, а не люди; что крѣпостной столяръ и дворянка-княжна—все это выдумка людская. Ничего этого нѣтъ и не было... Одно, что было и есть и будетъ—это великій двигатель всего въ мірѣ, то, что живо въ нихъ теперь, то, что все творитъ, надъ всѣмъ властвуетъ, все злое сокрушаетъ—любовь. Во всемъ, повсюду, такъ-же какъ и въ нихъ. Вотъ эта любовь—правда, дѣйствительность. А все остальное—ложь, обманъ, сонъ преходящій, тѣни, призраки...

Миловановы просидѣли рядомъ на скамейкѣ въ *Aqua Sola* часа два, не проронивъ ни слова. Вспомнивъ объ одномъ и томъ-же, они чувствовали одно и то-же, а говорить не хотѣлось.

Ничтожное, крошечное Березополье съ его крошечными жителями и дрянными радостями и бѣдами, будто подползало къ нимъ, точно какой-то гномъ, противный и гадкій; но они молча отогнали его. Ни Полинѣ, ни Миловановy не хотѣлось произнести вслухъ, назвать и какъ бы вызвать изъ тьмы въ жизнь все что выражалось однимъ, теперь ужаснымъ для нихъ словомъ: „Березополье“.

Они вышли изъ саду, вернулись въ свою гостиницу Золотаго Якоря и ни въ этотъ день, ни послѣ не сообщали другъ другу о томъ, что думалось имъ тамъ...

Выѣхавъ изъ Генуи моремъ, они, благодаря попутному вѣтру, черезъ двое сутокъ пути были уже въ Чивита-Веккіи, и съ отличнымъ „веттурино“ на рѣзвыхъ лошадяхъ, въ открытой коляскѣ, проскакали небольшое разстояніе до вѣчнаго города, цѣли ихъ пути.

Въ Римѣ они тотчасъ-же наняли бель-этажъ въ домѣ на площади Барберини, около монастыря капуциновъ, а черезъ недѣлю уже обошли, вѣрнѣе сказать, обѣжали все и видѣли все, что можно было видѣть.

И Миловановъ почувствовалъ себя близкимъ къ умопомѣшательству, отъ восторженнаго опьяненія. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ пьянъ...

Однажды, онъ помнилъ, лѣтъ пять назадъ, въ одной сосѣдней отъ Березополья усадьбѣ его обманомъ напоили какимъ-то крѣпкимъ виномъ. Онъ цѣлый вечеръ безсмысленно хохоталъ, прыгалъ, говорилъ какія-то безсвязныя рѣчи, а затѣмъ, на утро, не зналъ, что съ нимъ было. Воспоминаніе объ этомъ состояніи было ему всегда гадко, а между тѣмъ теперь онъ чувствовалъ себя тоже будто пьянымъ; онъ тоже зря смѣялся и говорилъ женѣ какую-то безсмыслицу. Онъ увѣрялъ про видѣнныя имъ сотни статуй:

— Онѣ всѣ живыя. Говорятъ... По ночамъ небось бѣгаютъ...

Когда-то мерещились ему такія большія куклы, большія изображенія людей и звѣрей. А сколько за нѣсколько дней перевидалъ онъ ихъ здѣсь, не только во дворцахъ, но и на улицахъ!.. даже на крыльцѣ ихъ дома стоялъ каменный истуканъ. Единственнымъ помысломъ Милованова было теперь: скорѣй учиться и учиться. Скорѣе самому дѣлать такіе-же истуканы и куклы, которые называются и которыхъ онъ самъ называетъ теперь—статуями.

Черезъ пять дней по пріѣздѣ уже былъ найденъ профессоръ ваянія, и въ его мастерской появился новый ученикъ, русскій, притомъ такой статный красавецъ, что профессоръ выразилъ желаніе и съ него самого слѣпить какую-то статую. Вмѣстѣ съ тѣмъ явился нѣмецъ-живописецъ и сталъ убѣдительно просить русскаго боярина позволить писать съ него картину, изображающую Савла на конѣ въ моментъ его душевнаго преображенія.

Жена ученика ваятеля торжествовала...

Жизнь Миловановыхъ какъ-то разомъ, удивительно быстро и хорошо наладилась. Они будто попали въ какую-то, судьбой приготовленную для нихъ заранѣе, рамку или колею. Имъ казалось, что они не пріѣхали въ Римъ въ первый разъ въ жизни, а вернулись домой къ себѣ, въ свое гнѣздо, въ прежнія горницы, и вошли въ старыя привычки.

— Вотъ я опять, какъ въ Березопольѣ!.. воскликнулъ Миловановъ, съ глиной въ обѣихъ рукахъ.

Вскорѣ у нихъ оказался цѣлый кругъ знакомыхъ, конечно, все художники, живописцы и скульпторы, всевозможныхъ націй, но главнымъ образомъ итальянцы и нѣмцы, и всѣ одинокіе...

Богатая русская чета—мужъ и жена сразу сдѣлались какъ-бы центромъ всего кружка. У нихъ была большая квартира, денегъ они не жалѣли, устраивали вечера, завтраки, прогулки за городъ. Мужъ начиналъ быстро мараковать изрядно по-итальянски, такъ какъ два часа въ день посвящалъ исключительно изученію языка. Жена очень хорошо говорила по-нѣмецки и по-французски. Его страсть къ искусству и въ особенности къ скульптурѣ, его несомнѣнное дарованіе и привѣтливая, симпатичная внѣшность; ея умъ, образованность и начитанность; наконецъ, ихъ открытый домъ и всегдашній радушный пріемъ—сдѣлали то, что вскорѣ весь артистическій Римъ зналъ русскихъ—не Миловановыхъ, а какъ ихъ звали: милыхъ друзей.

— Cari amici della Piazza Barberini.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ мѣстная газета уже объявила, что въ Римѣ находится талантъ-самородокъ, происхожденіемъ русскій, который, никогда не лѣпивъ, не бравши въ руки глины, принялся сразу лѣпить не уши, носы и глаза, а цѣлую статую, и что на первое произведеніе русскаго ученика уже бѣгаютъ смотрѣть, не вѣря, что можно сразу, безъ техники, однимъ внутреннимъ священнымъ огонькомъ произвести такую талантливую вещь, какую онъ уже кончилъ.

И газета не лгала. Не деньги заплатили ей за эту статью. Дѣйствительно, въ русскомъ ученикѣ оказался, по искреннему завѣренію всѣхъ, скрывавшійся и сразу проявившійся могучій талантъ-самородокъ.

Многіе скульпторы другихъ націй сначала не вѣрили, что Миловановъ почти впервые взялся за глину, а затѣмъ единодушно предсказывали, что русскій станетъ, со временемъ, славой своей родины.

А Полина? Видя и слушая все, чтò происходило кругомъ нея, она становилась тревожна и печальна. Ей казалось, что подобная сказка, волшебная и чудесная, не можетъ длиться. Вотъ вдругъ явится нѣчто и сокрушитъ все. Такое громадное счастье не можетъ быть продолжительно. И ей сталъ чудиться Дамокловъ мечъ надъ ихъ головами, а сердце больно сжималось отъ необъяснимаго и суевѣрнаго страха.

Ей грезилось иногда во снѣ, почти мерещилось даже на яву, что покойный отецъ встаетъ изъ гроба и грозитъ ей. Онъ отмститъ, онъ невидимо явится и сокрушитъ во прахъ все, чѣмъ живетъ она, чѣмъ счастлива, чѣмъ безконечно дорога стала ей жизнь.

— Не остаться-ли намъ навсегда здѣсь или въ иной странѣ, но не возвращаться въ отечество? спрашивала она мужа.

— Не знаю, отзывался Миловановъ. — Покуда надо тутъ жить... Но совсѣмъ остаться... какъ-то кажетъ— неподходящимъ. Да кромѣ того, есть еще одно обстоятельство... самое мудреное, къ которому и ума не приложишь.

И Миловановъ долго не хотѣлъ объяснить, чтò онъ подразумѣваетъ. Оказалось, что все для него отравлено вѣчнымъ, тоскливымъ помысломъ о брошенной и одинокой матери.

Римъ, искусство, его занятія, успѣхи, его любовь къ женѣ—на всемъ легла одна тѣнь: желаніе видѣться съ матерью. А это могло со временемъ неудержимо потянуть его туда, гдѣ онъ не художникъ-ваятель и гражданинъ, а дворовый холопъ, бывшій столяръ.

Исходъ былъ одинъ. Надо было овладѣть скорѣе своимъ даромъ и произвести что-либо такое, съ чѣмъ стало бы безопасно возвращаться въ Россію.

VIII.

Березонолье стояло все въ зелени, подъ знойнымъ небомъ. Былъ уже іюнь мѣсяцъ. Усадьба въ это время года бывала особенно красива. Большой, правильно разбитый паркъ, березовая роща съ просѣками, расходившимися радіусомъ отъ большой, средней поляны, всѣ улицы и дороги къ церкви, обсаженныя деревьями, наконецъ, всѣ строенья, которыя казались новыми, съ иголочки,—все производило впечатлѣніе не только богатой, но и чрезвычайно живописной вотчины. Образцовый порядокъ и чрезвычайная чистота повсюду—послѣдствіе заботъ Макара Макаровича—придавали Березонолью видъ какого-то нѣмецкаго городка, гдѣ густая зелень ярко мѣшалась съ бѣлыми, какъ снѣгъ, стѣнами домовъ.

Жизнь въ Березонольѣ шла тѣмъ же чередомъ, какъ и всѣ послѣдніе годы. Снова все наладилось по старому. Господъ не было, а Макаръ Макаровичъ попрежнему былъ на лицо и попрежнему заѣзжими людьми считался владѣльцемъ образцовой богатой вотчины.

Обыватели, вспоминая все, чтò произошло за зиму: пріѣздъ княжны, изгнаніе любимаго управителя съ замѣной его другимъ, внезапную кончину князя и, наконецъ, бракъ барышни-владѣлицы съ крѣпостнымъ, едва вѣрили, что все это дѣйствительно приключилось за какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ.

Перемѣнъ въ самомъ Березонольѣ не произошло никакихъ. Со времени вторичнаго отъѣзда помѣщицы, березонольцы уже не видали ее, не видали и своего новаго столяра-барина.

Только при въѣздѣ въ богатую вотчину, насупротивъ храма Божьяго, стоялъ столбъ съ доской, привлекавшій вниманіе грамотныхъ. Столбъ этотъ издавна стоялъ здѣсь. Доска, гласившая прежде, что вотчина со столькими дворами и душами принадлежитъ его сіятельству князю Андрею Ивановичу Березонольскому, теперь гласила нѣчто иное. Сначала это иное было удивительно для многихъ, теперь же и къ этому привыкли.

Новая надпись на доскѣ оповѣщала, что село Березонолье со столькими-то дворами и душами, принадлежитъ госпожѣ Парасковіи Андреевнѣ Миловановой.

Эти три имени, вмѣстѣ съ сомнительнымъ званіемъ, представляли для всѣхъ какое-то безсмысленное сочетаніе, которое въ продолженіе цѣлой весны служило предметомъ споровъ и пересудовъ, не только въ усадьбѣ, не только въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ, но и во всей губерніи и даже во всей Москвѣ.

Были люди, въ томъ числѣ и Макаръ Макаровичъ, которые знали, что бракъ березонольской помѣщицы со своимъ крѣпостнымъ надѣлалъ столько шуму, что молва добѣжала даже до Петербурга.

Слухъ о диковинномъ бракѣ достигъ до самого государя Павла Петровича.

Кто-то изъ петербургскихъ друзей писалъ князю Ильѣ Петровичу, что государь, при извѣстіи о невѣроятномъ поступкѣ московской дворянки, приказалъ навести справку, бывали-ли на Руси подобные случаи и какъ на это смотритъ законъ.

Государю доложили, что подобные случаи, хотя бывали и прежде, но въ крайне-ограниченномъ числѣ. Гдѣ-то въ присутственныхъ мѣстахъ отрыли три случая за царствованіе государыни Екатерины Алексѣевны и одинъ случай въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Предполагалось однако, что подобнаго рода браки случались въ большемъ количествѣ, но ихъ тщательно скрывали сами виновные. Что же касается того, какъ смотритъ законъ на подобные браки, то оказалось, что законъ молчитъ объ нихъ: не разрѣшаетъ, и не воспрещаетъ.

Березонольцы знали, что ихъ помѣщица со своимъ мужемъ находится гдѣ-то въ заморскихъ земляхъ. Но это никого не интересовало, такъ какъ ходилъ упорный слухъ, что не нынче-завтра вотчина перейдетъ въ другія руки, продажей, наслѣдствомъ или отписью въ казну. Столяру не быть ихъ бариномъ.

Около полудня, въ концѣ липовой аллеи, которая упиралась къ берегу рѣки, сидѣла на скамейкѣ молодая дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ, простомъ, но нарядномъ, благодаря свѣтло-голубому цвѣту. Красивая дѣвушка казалась еще наряднѣе и красивѣе, такъ какъ пришпилила себѣ на грудь, прицѣпила въ голову и держала въ рукахъ кучу васильковъ, нарванныхъ на сосѣдней нивѣ.

Блѣдное лицо, нѣсколько худое, съ легкимъ румянцемъ, съ задумчивымъ взглядомъ синихъ глазъ, казалось еще красивѣе. Дѣвушка эта, не кто иная какъ Евгенія, была теперь въ Березонольѣ тѣмъ, чтò называется притчей во языцѣхъ.

Всѣ обыватели заняты были преимущественно Евгеніей, или отъ праздности и неимѣнія другихъ любопытныхъ вопросовъ, или потому, что судьба ея была не заурядная. Березонольцы дивились перемѣнѣ, происшедшей въ дѣвушкѣ, которую всѣ они знали съ дѣтства.

Дѣйствительно, эта выздоровѣвшая Евгенія мало была похожа на прежнюю, не только лицомъ, похудѣвшимъ и похорошѣвшимъ, но и нравомъ своимъ.

Это была другая Евгенія. Болѣзнь, долгая и опасная, отъ которой она едва осталась въ живыхъ, сдѣлала ее неузнаваемою.

Евгенія сильно похудѣла, но при этомъ какъ-то вытянулась, будто выросла немножко. Она держалась прямѣе, смотрѣла иначе, серьезнѣе или суровѣе, будто уязвленная или холодно-гордая. Удивительно похорошѣвъ, Евгенія стала какъ-то важнѣе ходить, поворачиваться, говорить, будто не дворовая дѣвушка, будто барыня какая мелкопомѣстная или городская купчиха.

— Чудно, чтò отъ иной хворости приключается съ человѣкомъ! говорили по двору.

Судьба, не допустившая Евгенію умереть, не пощадила ее однако...

Дѣвушка потеряла все, чтò было ей дорого.

Евгенія была еще въ постели, когда пришло извѣстіе о смерти князя-барина и возвращеніи княжны съ Егоромъ въ Березопольѣ.

Евгенія сердцемъ почуяла все, чтò будетъ... Она тотчасъ же рѣшила подняться, несмотря на слабость, какъ только княжна вернется изъ городка.

Когда барышня-владѣлица явилась, Евгенія черезъ часъ уже была предъ ней и просила увольненія отъ должности горничной, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенія поступить въ ближайшій монастырь.

Князь Илья Петровичъ, присутствовавшій при этомъ, громко ахнулъ, но не сказалъ ни слова. Лицо его выражало крайнее недоумѣніе.

Княжна въ нѣсколько мгновеній на все согласилась и даже обѣщала денежную и всяческую помощь. Евгенія немедленно, не теряя ни минуты, захватила въ Дуняшиной комнатѣ, гдѣ болѣла, узелокъ со своими вещами и тотчасъ отправилась въ тотъ домъ и въ ту горницу, гдѣ жила прежде, по смерти отца.

И здѣсь оставалась она безвыходно, сидѣла и лежала, но ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривала и молчала упорно отъ зари до зари.

Однажды, когда княжна уже выѣхала въ Москву на похороны, а Миловановъ, возвращенный изъ Рязани, сидѣлъ одинъ дома, такъ какъ старушка Лукерья Егоровна была въ гостяхъ,—Евгенія, ни разу не видавшаяся съ нимъ, рѣшилась идти въ „первый" домикъ.

Съ трепетомъ на душѣ переступила она порогъ дома. Егоръ, увидя ее въ горницѣ, вскочилъ со стула и остановился передъ дѣвушкой, какъ вкопаный.

Она молчала и потупилась точно виноватая.

— Зачѣмъ пришла?.. чтò тебѣ?.. выговорилъ онъ наконецъ угрюмо.

— Проститься... отозвалась тихо Евгенія.

— Ну, прощай!..

— И говорить не хочешь? И спросить стало ничего нельзя?.. Ну, что-жь, прощай! глухо проговорила Евгенія.—Не поминай лихомъ. Я ни въ чемъ неповинна... Хотѣла умереть... не съумѣла. Теперь Богу молиться попробую... Пожалуй тоже не дастся!.. Желала бы тебѣ отвѣтить тѣмъ же—разодрать твое сердце на части, душу твою загубить, да мудрено: и умѣнія нѣтъ, и случая не будетъ... Ну, прощай, баринъ! А чтобы ты, вскорости, барствуя тутъ у насъ, не сталъ меня кнутомъ сѣчь, я въ богомолки ухожу... Только не за тебя Бога молить. На тебя у меня одна злоба ехидная есть и будетъ во-вѣки... Прощай! Будь счастливъ, коли этакое полагаешь себѣ подходящимъ.

Съ этой минуты Евгенія уже не видала Егора ни разу, ибо чувствовала, что не можетъ видѣть равнодушно „предателя".

Княжна вернулась изъ Москвы, затѣмъ березопольцы узнали доподлинно то, чтó давно носилось какъ слухъ, а затѣмъ барышня-невѣста и женихъ-столяръ выѣхали снова въ Москву и за море...

Евгенія не поѣхала въ сосѣдній монастырь, отложивъ свое постриженіе до лѣта. Макаръ Макаровичъ настоятельно потребовалъ этого отъ дѣвушки, грозя, что просто не выдастъ ей разрѣшенія. Она согласилась и осталась.

Съ тѣхъ поръ она передумала и уже не собиралась въ монахини, а въ Березопольѣ ходилъ новый, диковинный слухъ про Евгенію и еще про одного человѣка, часто навѣдывавшагося въ усадьбу.

— Видно еще не всѣ чудеса изъ рѣшета повытаскаю! говорили березопольцы.

Евгенія сидѣла въ саду на скамьѣ уже съ полчаса, задумчивая, почти грустная. Изрѣдка она приходила въ себя и взглядывала на берегъ, гдѣ бѣлѣла большая купальня изъ свѣжаго теса. Она ждала очереди выкупаться.

Купальня была занята нѣсколькими дворовыми дѣвушками, а Евгенія уже давно перестала купаться съ другими. Дѣвушки всегда возились въ водѣ, барахтались, ныряли, кричали на весь садъ. Евгенію раздражало теперь все, и она предпочитала одна влѣзть въ воду, посидѣть и вылѣзти—такъ, какъ еслибы ей было лѣтъ шестьдесятъ, а не двадцать.

Наконецъ изъ купальни вышли двѣ дѣвушки, прошли мимо нея и крикнули насмѣшливо:

— Иди, царевна! Онѣ тамъ ужь одѣлись.

Евгенія собралась было встать, но взглянувъ по направленію куда побѣжали обѣ дѣвушки, увидала вдали фигуру Макара Макаровича.

Появленіе въ саду управителя въ эту пору—удивило ее. Трубецкой жилъ такою правильною жизнью занятаго и дѣятельнаго человѣка, что можно было всегда знать, въ какое время гдѣ его встрѣтишь и гдѣ никогда не встрѣтишь его. Въ этой части вотчины онъ никогда не бывалъ, такъ какъ гулять безъ дѣла по саду не любилъ, а купаться боялся.

„Зачѣмъ онъ сюда идетъ?" подумала Евгенія. „Удивительно! Что-нибудь приключилось. Не меня ли ему?!."

И она осталась на лавкѣ, поджидая Трубецкаго.

IX.

Макаръ Макаровичъ завидѣлъ тоже дѣвушку еще издали, махнулъ ей рукой и, наконецъ, быстро приблизившись, улыбнулся и сѣлъ около нея, слегка запыхавшись.

— Ужь не меня-ли вы, Макаръ Макаровичъ? спросила дѣвушка.

— Фу! Помилуй Богъ, задохся! Охъ, старъ становлюсь! Чуть въ жару пройдуся—самъ не свой. Нѣтъ, тебя не тебя искалъ, по дѣлу пришелъ. А коли ты здѣсь—и того лучше. Есть-ли кто въ купальнѣ?

— Наши дѣвушки. Я ихъ пережидаю.

— Ну, я ихъ выгоню, а ты ужь обожди. Я за этимъ пришелъ. Надо приказать купальню вымыть, очистить. Небось какъ забрызгали. А черезъ часъ, спаси Боже, прибудетъ къ намъ гость и первымъ дѣломъ захочетъ, пожалуй, выкупаться.

— Кто же такой? вымолвила Евгенія, слегка удивляясь.

— Кто у насъ тутъ часто бывалъ, да давно уже не былъ?.. Ну о комъ тебѣ пуще всего уши прожужжали за лѣто? Ну-т-ка!

— Что вы? Зачѣмъ? Да онъ-ли?

— Да. Онъ самый.

— Да вѣдь онъ хотѣлъ быть только недѣли черезъ три? сурово выговорила Евгенія.

— А вотъ катитъ... Далъ знать мнѣ...

— Да вѣдь онъ же обѣщалъ, вѣрно... не пріѣзжать.

— Точно такъ-съ, сударыня. На васъ разсердившись, хотѣлъ быть черезъ три недѣли, мѣсяцъ, а то и совсѣмъ не быть. А теперь вотъ, не прошло недѣли—пріѣзжаетъ.

— Почему же это? уже тревожно произнесла Евгенія.

— А ты, сударыня, не пугайся! Дѣло теперь не о тебѣ идетъ. Дѣло важное! Такое, спаси Господи, важное, какого еще никогда не бывало. Пріѣзжаетъ Илья Петровичъ со мной побесѣдовать и вмѣстѣ въ уѣздный городъ ѣхать.

— Зачѣмъ?! Чтò приключилось?

— А видишь-ли, довѣренность мнѣ писать, на управленіе тоже и Прачешнымъ его, странно усмѣхнулся Макаръ Макаровичъ.—А потому довѣренность, что уѣзжаетъ онъ на пять лѣтъ въ чужіе края.

И Макаръ Макаровичъ пристально приглядѣлся къ лицу Евгеніи.

Дѣвушка опустила глаза и ни единая черта лица ея не дрогнула.

Литературный альбомъ. „Валленштейнъ“ Шиллера. Текла. Карт. Шмихена, грав. Шваникке.

Наступило молчанiе.

— Что̀ скажешь, сударыня?

— Ничего, отозвалась Евгенiя чуть слышно. — Хорошее дѣло! Онъ вѣкъ въ заморскихъ земляхъ живалъ, ему туда и ѣхать. И затѣи негодныя всякiя съ собой увозить.

— Такъ, такъ. Стало-быть, ты рада?

— Рада не рада, а что же? Такъ лучше. Прискучило мнѣ краснобайство, да всякiе вздоры, всякiй соръ. Покрайности наша вся дворня замолчитъ и меня въ покоѣ оставитъ.

— Чудная ты дѣвушка, помилуй Богъ. Диковинная!

Макаръ Макаровичъ положилъ руку на плечо Евгенiи и выговорилъ съ чувствомъ:

— Я тебя за это больше полюбилъ! Я тебя, какъ говорится, Господи благослови, уважать сталъ, но все-таки...

Макаръ Макаровичъ принялъ руку, махнулъ и прибавилъ:

— Не пойму, помилуй Богъ, ничего.

— Чего же тутъ не понять? Дѣло простое.

— Нѣтъ, Евгеньюшка, не простое. Я, видишь-ли, такъ разсуждаю. Становлюсь я на твое мѣсто, якобы вотъ ты сама, и начинаю разсуждать. Ну, вотъ я — дворовая дѣвушка, молодая, красивая, а онъ—князь богатый, помѣщикъ, человѣкъ доброты неописуемой, такой доброты, помилуй Богъ, какой не видано. Младенецъ онъ новорожденный. Да и лицомъ-то — новорожденный! Губами вѣдь пузыри пускаетъ, въ ладошки хлопаетъ, у-лю-лю кричитъ. И дѣлай съ нимъ что̀ хочешь: хочешь — засмѣется сейчасъ, хочешь — заплачетъ. Вотъ онъ какой! И вотъ я такъ съ твоего-то мѣста глядючи и сказываю: какъ же это я не пошелъ бы на все то, что онъ мнѣ, сiя доброта неописуемая, предлагаетъ. Вѣдь ты бы изъ него всякiя веревочки и тесемочки вить начала. А въ твоемъ состоянiи крѣпостномъ, это что̀ же такое? Рай земной! А ты вотъ, будто какая царевна-недотрога. Ну, вотъ я тебя хоть и уважаю, а все-таки дивлюся.

— Мы съ вами, Макаръ Макаровичъ, столько разовъ объ этомъ толковали, вымолвила Евгенiя вздохнувъ, — что, право, прискучило. Ужь сказала я ему и вамъ, что не желаю, сказала, чтобы меня въ покоѣ оставили... Ничего мнѣ не нужно кромѣ этого покоя. Ну, что же толковать опять?

— Такъ противенъ онъ тебѣ, отвратенъ, спаси Господи?

— Нѣтъ. И объ этомъ тысячу разовъ мы съ вами толковали. Такого добраго человѣка нельзя не любить. А за всю его ласку ко мнѣ, я не могу къ нему ничего, кромѣ хорошаго, на сердцѣ держать. И каменную бы тронуло! А у меня, слава Богу, душа есть.

— Ну, вотъ тутъ, стало-быть, помилуй Богъ, и вертись, какъ бѣлка въ колесѣ. Вотъ этого разъясненiя я добиться отъ тебя и хочу. Пойти — не пойду, говоришь, а любить—люблю.

— Да, не пойду! Что̀ онъ мнѣ? Мало-ль баръ по сосѣдству. Есть и помоложе его... А я хоть и крѣпостная, да, полагаю, въ любви своей вольна.

— Ну, вотъ что, Евгенiя, вымолвилъ Трубецкой улыбаясь. — Сейчасъ я тебѣ скажу такое, что ты съ этой лавки вскочишь какъ полоумная. Я знаешь, помилуй Богъ, никогда не лгу.

— Что̀ же такое? неспокойно спросила дѣвушка.

— А то, что ни въ какiе заморскiе края Илья Петровичъ не ѣдетъ. Прiѣзжаетъ онъ сюда обсудить со мною важнѣющее дѣло. Княжна... Тьфу, прости Господи... Прасковья Андреевна, наша госпожа, бывшая княжна, продаетъ ему Березополье, такъ какъ больше жить въ Россiи стало не хочетъ. Ну, а князь покупаетъ, и такъ-сказать долженъ купить. Родовое оно!

Евгенiя выпрямилась, слегка измѣнилась въ лицѣ и широко раскрывшимися глазами глянула на Трубецкаго.

— Что? поняла? Князь купитъ Березополье и, стало-быть, всѣ вы будете его крѣпостными. А я тебѣ вольной отпускной не выдамъ.

Евгенiя помолчала мгновенiе, потомъ усмѣхнулась и вдругъ выговорила ядовито:

— Ну, а рѣчку высушите? Веревочки да перекладины всѣ изведете?

— Ужь и не пойму, отозвался Макаръ Макаровичъ,— что̀ ты болтаешь.

— А болтаю я то, что покупай онъ хоть сто разъ Березополье, и будь я его завтра крѣпостная, все-жъ-таки утопиться я могу.

— Да совсѣмъ не объ этомъ рѣчь. Онъ тебя и крѣпостную свою — все равно не обидитъ. А ты сама разсуди. То былъ сосѣдъ, а то Березопольскiй ужь не князь только, а и владѣлецъ-баринъ!

— Что же изъ этого?

— Поразсуди. Раскинь мыслями, помилуй Богъ.

Евгенiя не отвѣтила, тяжелое раздумье напало на нее. Трубецкой тоже задумался.

Извѣстiе, переданное имъ дѣвушкѣ и полученное имъ наканунѣ, было совершенно вѣрнымъ.

Князь, изрѣдка переписывавшiйся съ сестрицей, жившей попрежнему въ Италiи, уже давно узналъ объ ея намѣренiи продать родовое имѣнiе, носящее вдобавокъ имя сходное съ ихъ фамилiей, и всячески отговаривалъ, но Прасковья Андреевна настаивала теперь на этомъ желанiи. Она рѣшила, въ случаѣ возвращенiя въ Россiю и въ случаѣ возможности по закону сохранить свои права, все-таки никогда не поселяться на жительство въ томъ мѣстѣ, гдѣ мужъ ея былъ для всѣхъ и останется навсегда дворовымъ столяромъ Егоромъ.

Князь мысленно соглашался что желанiе сестрицы совершенно естественно, а разсужденiе совершенно правильно. Мужъ и жена Миловановы будутъ всегда въ Березопольѣ предметомъ пересудовъ, а пожалуй и насмѣшекъ.

Когда сестрица отписала князю, что какой-то петербургскiй сановникъ уже изъявляетъ желанiе купить Березополье, князь немедленно отвѣчалъ, что самъ хочетъ прiобрѣсти родовую вотчину, дастъ ту же цѣну и проситъ только, изъ дружбы и въ уваженiе его родственныхъ правъ, разсрочить уплату.

Прасковья Андреевна тотчасъ отвѣчала согласiемъ и просила скорѣе оформить дѣло. И вотъ теперь князь Илья Петровичъ ожидался Трубецкимъ для переговоровъ и для поѣздки въ губернскiй городъ, чтобы разузнать, какъ совершить покупку, въ виду отсутствiя за границей самой владѣлицы, да еще жены крѣпостнаго человѣка.

Макаръ Макаровичъ поглядѣлъ молча на Евгенiю и отправился хлопотать. Прогнавъ дѣвушекъ и приказавъ скорѣе вычистить и вымыть купальню, онъ пошелъ заказать для гостя обѣдъ, а затѣмъ приказать въ оранжереяхъ выбрать получше вишенъ, персиковъ и абрикосовъ для стола.

Евгенiя, разставшись съ управителемъ, медленною походкой направилась тоже ко двору, но, пройдя нѣсколько шаговъ, она круто повернула назадъ и нѣсколько быстрѣе пошла по направленiю къ березовой рощѣ, гдѣ обыкновенно почти никогда не бывала.

Дѣвушка была взволнована. Бѣлое лицо покрылось яркимъ румянцемъ, какъ еслибы ей сейчасъ сказали что-нибудь особенно радостное, или оскорбительное.

Дойдя до круглой полянки, съ которой звѣздой расходились во всѣ стороны просѣки, Евгенiя сѣла въ тѣни на траву, прислонилась спиной къ стволу высокой березы и выговорила вслухъ:

— Ну, что жь, надо разсуждать! Надо мыслями раскинуть, какъ сказываетъ Макаръ Макаровичъ ..

(Продолженiе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Окончаніе).

XVII.

Хмуровъ, веселый, пришелъ на службу.

— Что, выиграли вчера? спросилъ его съ кислою улыбкою Славинъ.

— Съ чего вы взяли! отвѣтилъ Хмуровъ,—наоборотъ, вдребезги продулся.

— А я думалъ... оживился Славинъ,—вообразите: и мы тоже! Не идетъ, хоть убей. Я, напримѣръ, теперь принялъ за систему на жокеевъ ставить, а не на лошадей — и все-таки проигрываю. Жена азартничаетъ. Говорю: „играй тише“;—„мои деньги!“ говоритъ. Просто, хоть волкомъ вой! Одолжите, батенька, папиросочку, окончилъ онъ свои жалобы.

Хмуровъ направился къ кассѣ и взялъ ссуду—остальные 30 рублей.

— Говорятъ, скачками увлеклись, Алексѣй Константиновичъ? спросилъ съ улыбкою кассиръ.

— Да, есть малость, невольно смутясь, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Что это вы, Алексѣй Константиновичъ! съ серьезнымъ лицомъ подошелъ къ нему Зыбинъ.

— А что? спросилъ Хмуровъ.

— Да помилуйте, голубчикъ, такъ увлекаться! покачалъ Зыбинъ головою, — одну ссуду взяли—проиграли, теперь другую! Бросьте! вѣдь вы не знаете еще, какой это ядъ, страшный ядъ!

„Что ему за дѣло?“ подумалъ Хмуровъ, „всегда съ наставленіями лѣзетъ“, и сухо отвѣтилъ Зыбину:

— Я, Ѳедоръ Петровичъ, не мальчикъ и знаю что дѣлаю.

Онъ хотѣлъ пройти, но Зыбинъ удержалъ его за локоть. Хмуровъ вспыхнулъ и остановился.

— Алексѣй Константиновичъ, поймите, я вамъ добра желаю, съ волненіемъ заговорилъ Зыбинъ,—вѣдь я знаю этотъ азартъ; я изъ-за него чуть нечестнымъ не сдѣлался. Милый, не сердитесь на меня, я уже старикъ—могу совѣтовать. Бросьте, пока еще всего не проиграли!

Хмуровъ не выдержалъ:

— Я не знаю, насколько вы добра мнѣ желаете, Ѳедоръ Петровичъ, но знаю, что вы постоянно преслѣдуете меня своими совѣтами. Мнѣ ихъ вовсе не надо! а вы мало того, что преслѣдуете меня, вы мою жену начинили вздоромъ и страхами, и благодаря вамъ я узналъ оборотную сторону семейнаго счастія. Вы для меня уже такъ много сдѣлали, что пожалуй пора подоброжелательствовать и другому!

Онъ все это сказалъ рѣзко, запальчиво, съ вызывающимъ взглядомъ. Зыбинъ отодвинулся отъ него и въ изумленіи широко раскрылъ глаза.

— Извините, Алексѣй Константиновичъ, больше не обезпокою васъ, тихо отвѣтилъ онъ Хмурову, и по лицу его скользнула горькая усмѣшка,—простите меня, старика.

Онъ отошелъ отъ Хмурова.

— Давно-бы такъ, проворчалъ Хмуровъ и пошелъ къ своему столу.

Размолвка съ Зыбинымъ разстроила его. Недовольный собою, онъ задумчиво шелъ по улицѣ, возвращаясь домой, когда позади себя услышалъ голосъ.

— Милостивый государь! милостивый государь!

Онъ остановился и оглянулся. Къ нему подошелъ красивый старикъ. Хмурову лицо его показалось знакомымъ. Онъ гдѣ-то видѣлъ потертый сюртукъ, въ который былъ одѣтъ старикъ, видѣлъ и эти брюки съ вздутыми колѣнками. Старикъ приподнялъ помятый котелокъ-шляпу и проговорилъ:

— Колпинъ, на скачкахъ...

Хмуровъ вспомнилъ.

— Ахъ, здравствуйте! протянулъ онъ старику руку и спросилъ:—какъ вашъ сынъ поживаетъ? Его не видно вовсе.

— Нѣтъ у меня сына! рѣзко сказалъ старикъ, и лицо его помрачилось.

Хмуровъ съ удивленіемъ взглянулъ на старика.

— Я васъ, милостивый государь, для одного вопроса остановилъ, продолжалъ старикъ,—будьте добры, не можете-ли вы сказать, сколько примѣрно проигралъ онъ въ Петергофѣ?

И старикъ впился глазами въ Хмурова. Тотъ смутился. Его удивилъ и вопросъ старика, и его отреченіе отъ сына.

— Я право не знаю, заговорилъ Хмуровъ, — онъ говорилъ, рублей двѣсти... Что съ вами? испугался онъ, увидѣвъ вдругъ поблѣднѣвшее лицо старика.

Старикъ въ изнеможеніи прислонился къ фонарному столбу. Спустя минуту онъ оправился и грустно улыбнулся.

— Что же скрывать теперь... извольте, тихо заговорилъ онъ,—сынъ мой, милостивый государь, арестованъ за кражу... единственный сынъ! Онъ укралъ часы въ домѣ своихъ знакомыхъ.

Хмуровъ вздрогнулъ и даже отшатнулся.

Старикъ заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Но вѣдь онъ и выигрывалъ... Вѣдь онъ игралъ счастливо, неправда-ли? Скажите, онъ выигрывалъ?

— Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ въ выигрышѣ около 80 рублей.

— Вотъ видите! оживился старикъ,—можетъ еще?

Хмуровъ молчалъ.

— Нѣтъ, заговорилъ старикъ, — это я такъ... я только обольщался. Это онъ все кралъ, кралъ... Воръ! сынъ—воръ! О, о!..

Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Хмуровъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

— А я, старый дуракъ, вѣрилъ ему! вполголоса говорилъ старикъ, — ѣлъ краденое, курилъ крадeное, радовался, глядя, какъ онъ ворустъ... А теперь сынъ арестованъ—и я догадался. Ахъ, зачѣмъ я не задушилъ его раньше!

Онъ поднялъ голову и вдругъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ подлѣ себя недвижно стоящаго Хмурова.

— Прощайте, милостивый государь, сухо проговорилъ старикъ, приподнимая шляпу и, не подавъ руки, быстро сталъ переходить на другую сторону улицы.

Хмуровъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и грустный пошелъ домой. Эта встрѣча окончательно разстроила его. Передъ нимъ въ поношенномъ платьѣ стоялъ старикъ со страдальческимъ лицомъ и ему слышался его ужасный крикъ: „воръ! сынъ—воръ!“

„Неужели это отъ тотализатора?“ съ ужасомъ подумалъ онъ и тутъ-же успокоилъ себя: „нѣтъ, такъ дрянный мальчишка; много такихъ по Питеру“.

— Леша, что съ тобою? спросила жена, увидѣвъ его снова разстроенное лицо.

Хмуровъ разсказалъ женѣ свою встрѣчу.

— Боже, какое несчастіе! вздохнула Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ подумалъ, что и она приписываетъ это тотализатору и заговорилъ съ жаромъ:

— Сами виноваты! Мальчишка хлыщетъ, ходитъ играть, подарки носитъ, а отецъ и не поинтересуется—откуда сіе? даже самъ идетъ съ нимъ, да его расхваливаетъ, вмѣсто того чтобы выпороть хорошенько... А потомъ плачется: сынъ—воръ... А кто виноватъ?!

Взволнованный встрѣчею съ Колпинымъ, Хмуровъ не сказалъ женѣ ни о взятой ссудѣ, ни о размолвкѣ съ Зыбинымъ.

XVIII.

Хмуровъ весь отдался мыслямъ о предстоящемъ воскресеньѣ. Пятницу и субботу онъ только и говорилъ дома, что о скачкахъ.

— А ты все не уялся? сказала съ улыбкою Настасья Сергѣевна, слушая въ двадцатый разъ его планы предстоящей игры.

— Пойдетъ такая-то и такая-то лошадь, говорилъ онъ,—эта безъ сомнѣнія лучше той, но на первой одинъ изъ лучшихъ наѣздниковъ, тогда какъ на второй... и т. д.

— Эхъ, Настя, вѣдь это послѣдніе дни, отвѣтилъ онъ на ея замѣчаніе,—завтра, потомъ въ четвергъ, а тамъ опять воскресенье, четвергъ—и конецъ! Всего четыре скачки!

— Ну, и слава Богу! вздохнула Настасья Сергѣевна.

— Да, Настя, ужь въ слѣдующемъ году—дудки! не поѣду! Я и теперь больше изъ принципа, а то „струсилъ“ скажутъ! прихвастнулъ онъ, желая показать себя съ характеромъ.

Настасья Сергѣевна нѣсколько времени молчала. Хмуровъ прихлебывалъ изъ стакана чай. Она сидѣла у лампы, низко наклонивъ свою голову надъ работой.

— Неужели ты еще отъ выигрыша играешь? спросила вдругъ она и подняла голову.

Хмуровъ покраснѣлъ.

„Она что-то подозрѣваетъ“, мелькнуло у него въ головѣ.

— Да, еще есть остаточки! совралъ онъ.

Настасья Сергѣевна замолчала и, облегченно вздохнувъ, опустила голову къ работѣ.

„Завтра, завтра“, замиралъ въ волненіи Хмуровъ.

Наконецъ пришло и воскресенье. Хмуровъ игралъ опять несчастливо и оставилъ въ Царскомъ Селѣ 12 рублей. Онъ совсѣмъ растерялся. Слѣдующій разъ былъ такъ-же несчастливъ. Онъ выигрывалъ, проигрывалъ, но въ результатѣ отъ 18 рублей у него осталось всего восемь, и онъ съ отчаяніемъ въ душѣ шелъ къ вокзалу, грустно опустивъ голову.

— Алексѣй Константиновичъ, окликнулъ догнавшій его Барсовъ.

Хмуровъ обернулся и равнодушно поздоровался съ нимъ.

— Вы выиграли? взволнованно спросилъ его Барсовъ.

Хмуровъ грустно улыбнулся и, вынувъ изъ кармана 8 рублей скомканными ассигнаціями, отвѣтилъ:

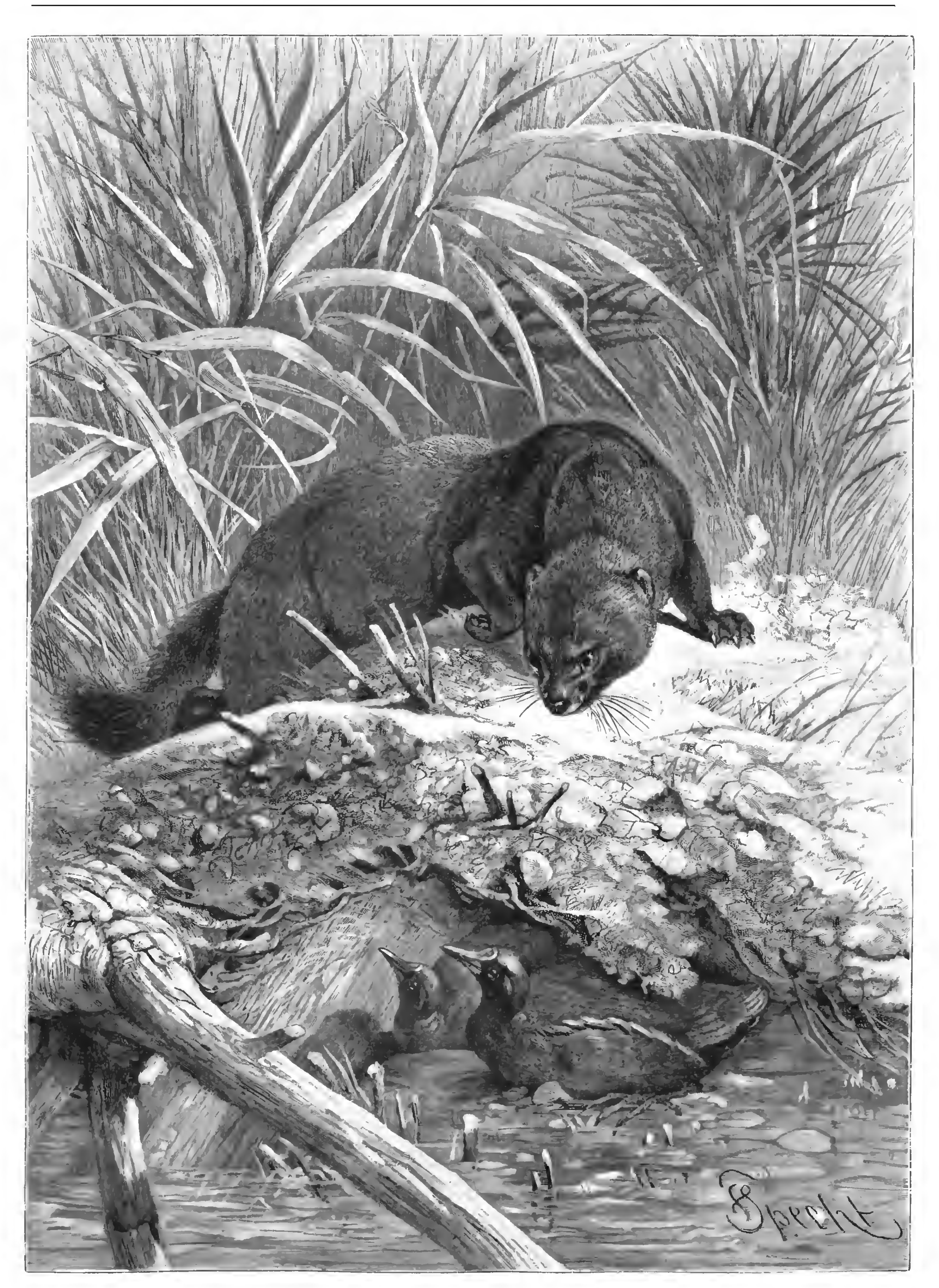
— Отъ тридцати рублей.

— О, Боже! воскликнулъ Барсовъ, и въ его возгласѣ послышалось столько отчаянія, что Хмуровъ невольно взглянулъ на него внимательнѣе. Барсовъ былъ почти неузнаваемъ. Лицо его поблѣднѣло и осунулось; прежде франтоватый, теперь онъ былъ одѣтъ почти неряшливо.

— Что съ вами? съ участіемъ спросилъ Хмуровъ.

— Что, что? взволнованно заговорилъ Барсовъ. — То, что я совсѣмъ, до нитки, проигрался! Сперва пошли деньги на Волгу, потомъ занялъ, потомъ въ двухъ редакціяхъ взялъ авансы, потомъ заложилъ всѣ вещи, потомъ... и остался нищимъ! О, про-

„Moriamur pro rege nostro, Maria Theresia!“ Съ карт. нынѣ выставленной въ Лондонѣ Л. Д. Потта, грав. Джемсъ.



Норка, подстерегающая лысухъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

клятье! поднялъ онъ руку, словно нанося ударъ,—сколько разъ я давалъ слово кончить, но наступалъ канунъ, меня тянуло, сосало, я, какъ оглашенный, бѣгалъ добывать деньги, унижался, лгалъ — для того, чтобы проиграть, и потомъ снова проклиналъ себя, давалъ слово и опять мучился, метался наканунѣ—и опять проигрывалъ... Я горѣлъ эти три проклятые мѣсяца!

Хмуровъ не предполагалъ возможности такого увлеченія и съ ужасомъ смотрѣлъ на Барсова.

— И теперь до конца долженъ унижаться, продолжалъ Барсовъ.—Алексѣй Константиновичъ! обратился онъ къ Хмурову, и на его лицѣ выступили красныя пятна,— одолжите мнѣ три рубля! Я не могу показаться домой, меня заѣстъ квартирная хозяйка...

— Господи! воскликнулъ Хмуровъ,—возьмите, возьмите!

И онъ, вынувъ деньги, подалъ ему три бумажки.

— Спасибо! пожалъ ему Барсовъ руку,—кругомъ задолжалъ, кругомъ! окончилъ онъ и грустно опустилъ голову.

„Зачѣмъ я показалъ деньги!“ на минуту подумалъ Хмуровъ и тутъ-же покраснѣлъ.

„Съ этой игрой подлецомъ сдѣлаешься!“ плюнулъ онъ съ досадою.

Въ вагонѣ, въ который они вошли, сидѣли Славины.

— Я вамъ кивала головой, кивала, заговорила Славина, улыбаясь и протягивая руку Хмурову,—а вы—нуль вниманія! вѣрно проигрались?

— Проигрался, отвѣтилъ сухо Хмуровъ.

— Вотъ и мы тоже, вздохнулъ Славинъ, — и вы? обернулся онъ къ Барсову.

Тотъ кивнулъ молча головою.

— Вотъ, вотъ! закричалъ, словно обрадовавшись, Славинъ,— всѣ проиграли! Но какъ не везло, какъ не везло!.. ударилъ онъ кулакомъ по лавкѣ.

— Знаете, заявила Славина, — мы съ нимъ ужь больше не поѣдемъ. Развѣ послѣ 20-го...

— Неужели! изумился Хмуровъ.

— Да, да, мы рѣшили, кивнулъ головою Славинъ и, наклонившись къ Хмурову и Барсову, заговорилъ конфиденціальнымъ шепотомъ:—все, рѣшительно все проиграли, не только играть не на что—не знаешь на что обѣдъ состряпать. Вотъ до чего дошли. До нитки! Все, что можно заложить—заложили, даже рухлядь татарамъ продали!..

„Что-же это такое?“ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ думалъ Хмуровъ, „неужели это игра все?“

И они всѣ четверо, мрачные, унылые, ѣхали домой, съ разстроенными нервами, съ пустыми карманами, каждый думая свою думу. Славины думали, на какія средства имъ обѣдъ „сготовить“; Барсовъ думалъ, какъ, вмѣсто 18 рублей, хозяйка приметъ три цѣлковыхъ; Хмуровъ думалъ о нихъ о всѣхъ, думалъ о своей ссудѣ, думалъ о женѣ и, по мѣрѣ приближенія къ городу, становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

Поѣздъ остановился. Они вышли изъ вагона и, молча пожавъ другъ другу руки, разошлись въ разныя стороны.

XIX.

Хмурова, не смотря на дурное расположеніе духа, непріятно поразила равнодушная холодность жены, когда онъ пришелъ домой. Она не встрѣтила его, не предложила обычныхъ вопросовъ и только при входѣ крикнула въ кухню:

— Подавайте, Аннушка!

Аннушка внесла самоваръ, и Настасья Сергѣевна такъ-же холодно, спокойно, словно не замѣчая присутствія мужа, подошла къ самовару и стала заваривать чай. Хмуровъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Лицо ея было безстрастно, и только легкое подергиваніе брови выказывало ея волненіе.

„Что это значитъ?“ подумалъ Хмуровъ и тихо спросилъ:

— Что съ тобою, Настя?

— Что со мною? холодно повторила Настасья Сергѣевна; и вдругъ, не выдержавъ, заговорила горячо и громко: — со мною то, что ты оказался нечестнымъ человѣкомъ. Да! ты меня все время обманывалъ. Ты проигрывалъ деньги, взятыя изъ ссуды, и говорилъ о какихъ-то выигрышахъ. Потихоньку брать деньги и играть, таясь отъ меня! Это нечестно! если ты боялся сказать, значитъ, самъ сознавалъ, что ты дѣлаешь! Доиграться до этого! О, я знала тебя, я знала, что ты можешь до всего дойти, слабый, безъ характера, охваченный этимъ гнуснымъ „азартомъ!“ О, какъ это гадко! окончила она и тяжело перевела духъ. Глаза ея сверкали, и грудь тяжело подымалась.

Въ первую минуту Хмуровъ былъ смущенъ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ; но, по мѣрѣ словъ жены, онъ приходилъ въ себя и мало-по-малу въ сердцѣ его накоплялась злоба.

„Наговорилъ дуракъ, этого надо было ожидать. Но какое ей дѣло, какъ она смѣетъ такъ говорить!“ раздражался онъ все сильнѣе. Губы его искривились злобной усмѣшкой.

— Ты кончила? холодно спросилъ онъ, когда Настасья Сергѣевна замолчала.

Та ничего не отвѣтила.

— Тебѣ насплетничалъ Зыбинъ, заговорилъ Хмуровъ, дрожа отъ волненія,—да, это правда, я взялъ ссуду и проигралъ ее. Но скажи, какое тебѣ до этого дѣло; почему я долженъ былъ доложить тебѣ объ этомъ? почему нечестно это? Нечестно, возвысилъ онъ голосъ,—говорить со мной такимъ тономъ! Ты одѣта, сыта, ты должна понять, что я въ своемъ домѣ хозяинъ, что это мои деньги—и не тебѣ указывать мнѣ, что и какъ дѣлать! Я трачу, но я ихъ самъ заработалъ, а ты сидишь, ничего не дѣлая, и смѣешь упрекать меня! Вотъ что нечестно, а не то, что я играю!!

Онъ совершенно вышелъ изъ себя. Губы его дрожали отъ волненія, онъ покраснѣлъ и почти бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Настасья Сергѣевна сперва широко раскрыла глаза и слушала его, готовясь возразить, но когда въ запальчивости онъ унизился до упрека—она не выдержала и, опустивъ голову, тихо заплакала.

Хмуровъ увидѣлъ ея слезы, но не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Онъ слишкомъ былъ взволнованъ и продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ, уже ни о чемъ не думая, ничего не говоря, чувствуя только какую-то тупую, щемящую боль въ сердцѣ.

Съ этою болью онъ легъ спать, съ нею-же проснулся утромъ, и она не покидала его въ теченіе всего времени ссоры съ женою. Но онъ старался скрывать это чувство. Долгимъ вечеромъ, оставаясь съ нею глазъ-на-глазъ, онъ видѣлъ ее, грустную, унылую, нерѣдко съ заплаканными глазами, и чувство раскаянія закрадывалось въ его сердце, но онъ подавлялъ его и, стараясь казаться спокойнымъ, равнодушно начиналъ насвистывать мотивы изъ оперетокъ.

На слѣдующій день, встрѣтясь на службѣ съ Зыбинымъ, онъ холодно отвернулся отъ него, и гнетущая боль усилилась въ его сердцѣ при этой встрѣчѣ. Пятница и суббота прошли мучительно монотонно для него, но настало воскресенье, и вдругъ мысль о скачкахъ внезапно проснулась въ его головѣ и заслонила собою все остальное. Скачки — и его не будетъ! Можетъ быть будетъ большая игра, и ему суждено отъиграться, — но онъ тутъ-же вспомнилъ, что у него всего 5 рублей.

„Съ ними не разъиграешься“, подумалъ онъ и печально опустилъ голову. Время шло. Онъ не выдержалъ и, молча надѣвъ шляпу, вышелъ изъ дому.

„На что играть?“ томился онъ, и вдругъ голову его озарила мысль: „Барсовъ закладывалъ, Славины тоже, отчего и мнѣ не поступить такъ-же?“

Онъ оглянулся. Въ двадцати шагахъ передъ нимъ синими буквами по бѣлому фону красовалась надпись: „Ссуда денегъ“. Онъ нащупалъ часы въ карманѣ и торопливымъ шагомъ направился къ вывѣскѣ.

За часы ему дали 17 рублей.

„Семнадцать да пять“, уже радостно улыбался Хмуровъ, пряча въ карманъ квитанцію и деньги, „22 рубля! Можно и на двойномъ, и на простомъ играть! Можетъ и отъиграюсь!“

Онъ въ нетерпѣніи крикнулъ извозчика и помчался къ Царскосельскому вокзалу.

Но счастье окончательно измѣнило ему.

Сперва онъ выигралъ, но потомъ разъ-за-разомъ сталъ проигрывать—и къ послѣднему отдѣленію у него оставалось всего шесть рублей. Онъ растерянно стоялъ съ афишкою и съ отчаяніемъ думалъ „на кого поставить?“ „Дизраэли“—жокей Пончъ, „Альфонсина“—жокей Клапсъ, „Кречетъ“—жокей Грей, „Казакъ“—жокей Крюкинъ, читалъ онъ въ двадцатый разъ и не зналъ, на комъ остановиться.

— И вы тутъ! окликнулъ его Славинъ, весело улыбаясь.

Хмуровъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Я-то тутъ; а вы какъ, вѣдь не хотѣли больше?

— Хе-хе-хе, засмѣялся Славинъ,—не утерпѣли мы, батенька. Вчера взяли и швейную машину заложили! Чего вы смотрите такъ? Всего вѣдь до 20-го пять дней, и взяли-то только 20 рублей. Пріѣхали—билеты, на игру всего 15 рублей осталось и то успѣли ужь 8 проиграть. И вы проиграли? а? спросилъ онъ и продолжалъ:—да, да, всѣмъ не везетъ. Ну, да ужь это послѣднія! махнулъ онъ рукою,—вы на кого?

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ и тутъ-же рѣшилъ про себя,— поставлю на „Дизраэли!“

— Вы, батенька, на „Казака“ махните, шепталъ Славинъ,— читайте-ка: изъ степныхъ табуновъ, да и ѣдетъ Крюкинъ какой-то, вѣрно, удалецъ русскій. Я на него пять рублей поставилъ.

Хмуровъ кивнулъ головою и подошелъ къ тотализаторской будкѣ.

— Четыре вторыхъ, два четвертыхъ, проговорилъ онъ, протягивая послѣдніе 6 рублей.

— Четыре вторыхъ, два четвертыхъ, защелкали машинкой.

„Или „Казакъ“, или „Дизраэли“, кто-нибудь да вывезетъ“, думалъ Хмуровъ, блѣдный отъ волненія.

— Идемте, идемте, побѣжалъ Славинъ,—ужь звонокъ былъ.

Хмуровъ занялъ мѣсто. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и глаза его горѣли сухимъ блескомъ. Ему казалось, что теперь рѣшается его участь.

„Что-то будетъ?“ съ замираніемъ сердца подумалъ онъ, когда лошади, одна за другою, вступили въ кругъ.

XX.

На высокой, чудно сложенной лошади сидѣлъ маленькій Пончъ, въ красномъ казакинѣ, синемъ картузѣ и, нагнувшись впередъ, гладилъ морду „Дизраэли“, который, весь сотрясаясь

отъ волненія, широко раздувалъ кровавыя ноздри и встряхивалъ гривою. Рядомъ съ Пончемъ выѣхалъ Крюкинъ, весь въ бѣломъ, на бѣлой неказистой лошади, которая остановилась при едва замѣтномъ движеніи повода и стала понурая, тихая, въ ожиданіи сигнальнаго звонка. Хмуровъ на этихъ двухъ лошадяхъ сосредоточилъ свое вниманіе.

— Вы не смотрите, что она понурая, говорилъ кто-то позади его,—увидите, какъ пойдетъ! Вѣдь 4 версты, почтенный!

„Да, да, какъ пойдетъ!“ волновался Хмуровъ.

Звонокъ ударилъ, и четыре всадника сорвались съ мѣста. Хмуровъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Результатъ скачки выяснился сразу. Пончъ на огромномъ „Дизраэли“ выдвинулся впередъ почти на 10 саженей и, перелетая препятствіе за препятствіемъ, несся, далеко оставивъ за собою противниковъ. Крюкинъ на своемъ „Казакѣ“, напротивъ, остался позади всѣхъ. Куртка его надулась вѣтромъ, онъ весь подался впередъ, словно желалъ перегнать свою лошадь, и немилосердно билъ ее, но „Казакъ“, изъ „степныхъ табуновъ“, хотя и летѣлъ во всю степную силу, не могъ все-таки догнать ускакавшихъ и, наконецъ, остановился передъ широкою канавою съ изгородью, съ твердымъ намѣреніемъ повернуть назадъ.

Въ публикѣ раздался свистъ и смѣхъ. Крюкинъ не могъ этого перенести. Хлыстъ съ силою взмахнулъ два раза въ воздухѣ, „Казакъ“ постоялъ, подумалъ; потомъ вдругъ поднялъ передніи ноги, сдѣлалъ неуклюжій скачекъ и, переваливши черезъ изгородь, вмѣстѣ со всадникомъ покатился въ канаву. Въ публикѣ раздались свистъ, шиканье, хохотъ.

— Браво „Казакъ!“ къ чорту Крюкина! вонъ! Браво! Бисъ! ревѣли на тысячи голосовъ, и веселый смѣхъ смѣшивался со злобнымъ крикомъ.

„Два рубля потопилъ!“ съ злобой подумалъ Хмуровъ и крикнулъ, что есть силы:

— Вонъ!

Крюкинъ вылѣзъ изъ канавы со своей лошадью. Весь бѣлый, теперь онъ былъ покрытъ тиною и грязью изъ канавы. Лошадь, мокрая, опутанная тиною, вышла и стала опять понуривъ голову. Съ злостнымъ жаромъ Крюкинъ снова вскочилъ на лошадь и заработалъ хлыстомъ. Лошадь удивленно повернула къ нему морду и, словно понявъ непобѣдимое упорство всадника, грустно взмахнула хвостомъ и пошла неторопливою рысью. Крюкинъ, мокрый, грязный, съ стеблями травы на спинѣ и плечахъ, сконфуженно припрыгивалъ на сѣдлѣ.

— Вонъ, вонъ Крюкинъ! Стыдно! Дуракъ! среди свиста и шиканья раздались озлобленные голоса. Крюкинъ внялъ имъ и свернулъ съ круга. Публика успокоилась и, не обращая на него больше вниманія, стала слѣдить за состязающимися. „Дизраэли“ былъ настолько-же впереди, насколько былъ вначалѣ. Вдругъ на одномъ препятствіи Пончъ покачнулся. Хмуровъ замеръ: „что это?“ Но черезъ мгновеніе Пончъ снова усѣлся прямо и несся къ призовому столбу. Далеко за нимъ скакалъ „Кречетъ“, а еще дальше „Альфонсина“. Пончъ дошелъ первымъ до столба. Хмуровъ улыбнулся и тутъ-же поблѣднѣлъ: звонокъ не зазвонилъ, и Пончъ пронесся мимо. Онъ сидѣлъ такъ-же ровно на сѣдлѣ, но правая нога крѣпко сжимала бокъ лошади, не поддерживаемая стременемъ.

— Обронилъ стремя! пронеслось въ публикѣ.

— Что-же ему не звонили? отчего-же? вѣдь онъ первый? съ возрастающимъ волненіемъ обернулся Хмуровъ къ сосѣду.

— Уронилъ стремя, холодно отвѣтилъ сосѣдъ и закричалъ: — браво, браво!

Къ столбу подошелъ „Кречетъ“, звонокъ звякнулъ, и призъ остался за нимъ.

— Значитъ, давать не будутъ на „Дизраэли“? не вѣрилъ еще Хмуровъ.

— Не будутъ, теперь на „Кречета“! поднялся съ сидѣнія сосѣдъ.

— Да почему-же? почти съ отчаяніемъ спросилъ Хмуровъ.

— Ахъ, Господи! да вѣдь стремя вѣситъ что-нибудь! отвѣтилъ сосѣдъ и замѣшался въ толпу.

„Проигралъ, все проигралъ, до копѣйки“, не двигаясь съ мѣста, думалъ Хмуровъ.

— Вотъ, вотъ, можно ожидать было? подскочила къ Хмурову женщина въ золотыхъ очкахъ.

— Чего? нетерпѣливо спросилъ Хмуровъ.

— Что Пончъ стремя потерялъ?

— Не потерялъ, сударыня, а уронилъ, поправилъ ее проходящій франтъ.

— Все равно, отвѣчала она.

— Нѣтъ! не все равно: потерять — значитъ уронить съ ноги стремя, уронить—значитъ потерять съ лошади!

— Чортъ васъ знаетъ, уронить—потерять, а потерять—уронить.

Хмуровъ не слушалъ ихъ спора и вошелъ въ толпу.

— Да-съ, будутъ денежки на „Кречета“! говорилъ кто-то.

— Подлость какая! не умѣть осѣдлать! восклицалъ другой голосъ.

— Нѣтъ, выѣхать на клячѣ! Вѣдь это нахальство просто! басилъ третій.

— Изъ степныхъ табуновъ, ха-ха-ха! заливался кто-то въ толпѣ.

Хмуровъ былъ ко всему безучастенъ. Онъ понималъ теперь только, что проигралъ все до послѣдней копѣйки, до послѣдняго рессурса. Рука его машинально мяла въ карманѣ проигранные билеты. Онъ вынулъ ее изъ кармана и вдругъ увидѣлъ въ рукѣ кучу билетовъ. Злоба охватила его.

— Будьте вы прокляты! прошепталъ онъ и съ силою швырнулъ ихъ объ землю.

— Проигрались? подошелъ Славинъ, — ну, а мы еще лучше! объяснилъ онъ.

— Ужъ ты-бы не говорилъ! съ злобою перебила его жена,— вообразите, Алексѣй Константиновичъ, обернулась она къ Хмурову,—мой дуракъ на „Казака“ поставилъ!

— Такъ что-же? возразилъ Славинъ.

— То, что дуракъ! обрѣзала его жена.

— Ну, Васька, раздался за ними голосъ,—не тужи, братецъ. Конецъ скоро. Въ четвергъ послѣднія будутъ!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Славинъ,—хитрые! нарочно къ 20-му числу пригнали!

Хмуровъ вздрогнулъ при этихъ словахъ и, торопливо простившись со Славиными, быстро пошелъ впередъ.

Онъ съ отчаяніемъ думалъ о своемъ проигрышѣ.

— На „Кречета“ 26 рублей выдали, радостно произнесъ за нимъ кто то.

„Ну что-бы мнѣ поставить на „Кречета“, вѣдь рядомъ были!“ подумалъ Хмуровъ, и завистливое чувство ожгло его своею жгучею болью.

Онъ сѣлъ въ вагонъ.

„Хорошо еще, что обратный билетъ купилъ!“ желчно усмѣхнулся онъ про себя.

XXI.

Хмуровъ вернулся домой мрачный и молчаливый. Онъ съ четверга поссорился и не говорилъ ни слова съ женой, но теперь это не тяготило его болѣе. Онъ весь былъ погруженъ въ мысли о своей неудачѣ. Шутка-ли, проигралъ всю ссуду, громадный выигрышъ и даже часы. Жена такъ-же, какъ и онъ, повидимому равнодушно относилась къ ихъ размолвкѣ, хотя втайнѣ плакала, не въ силахъ выдерживать холоднаго, напускнаго спокойствія. Когда онъ вернулся со скачекъ, она тревожно взглянула на него и вдругъ поблѣднѣла. Въ первый разъ ей такъ рѣзко бросилась въ глаза страшная въ немъ перемѣна.

Лицо его похудѣло и осунулось; съ болѣзненной нервностью онъ сбросилъ съ себя пальто и шляпу; изъ-подъ сдвинутыхъ бровей тревожно глядѣли лихорадочно блестѣвшіе глаза, а поблѣднѣвшія губы что-то шептали.

— Леша, что съ тобою? не выдержала она и подошла къ нему.

Онъ почти злобно взглянулъ на нее.

— Что со мною? ничего, какъ всегда! и тутъ-же раздражительно сказалъ,—обѣдать дашь или хочешь голодомъ заморить?

Она не обратила вниманія на его рѣзкую фразу.

— Милый Леша, прижалась она къ нему,—зачѣмъ ты такой хмурый, страшный! Ну, если проигралъ, что-же изъ этого? Ты, можетъ, на меня сердишься? Прости, дорогой, я такъ тогда, я не выдержала, прости меня! Ну, улыбнись, милый!

И она потянулась его поцѣловать.

Хмуровъ смягчился.

— Не сердитъ я, а такъ.. разстроенъ. Просто нервы; за послѣднее время я сталъ ужасно нервенъ. Перестань, Настя, поцѣловалъ онъ ее, — я все такой-же, лучше будемъ обѣдать!

И ему вдругъ, лаская жену, захотѣлось плакать, такъ были натянуты его нервы.

Онъ все-таки не говорилъ съ женою. Онъ ее цѣловалъ, ласкалъ, слушалъ ея разсказы, но не могъ говорить съ нею, не находя темъ, занятый исключительно одной мыслью о проигрышѣ.

Иногда вдругъ у него мелькала другая мысль, и при этомъ онъ краснѣлъ, а въ ушахъ его раздавался голосъ Славина:

„Хитрые, какъ разъ 20-го!“

Когда Хмуровъ проснулся въ четвергъ, первою его мыслью было: „сегодня скачки!“

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и осунулся.

— Что съ тобою? тревожно спросила жена.

— Такъ, ночь провелъ дурно, нехотя отвѣчалъ Хмуровъ.

На службу онъ пошелъ, какъ приговоренный къ казни.

— Поѣдете? встрѣтилъ его Славинъ и прибавилъ: — послѣдній день!

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ. Желаніе ѣхать какъ червь сосало его еще съ самаго воскресенія; но онъ старался подавить его при мысли, насколько это нечестно. Взять жалованье и бѣжать на скачки, когда дома нѣтъ ни копѣйки; но по мѣрѣ того какъ приближалось время выдачи жалованья, желаніе быть на скачкахъ брало верхъ. Хмуровъ дрожалъ отъ волненія.

— Что съ вами, Алексѣй Константиновичъ? спросилъ казначей, когда Хмуровъ дрожащей рукою еле выводилъ свою фамилію, росписываясь въ полученіи денегъ.

— Такъ, нездоровится, сдѣлалъ попытку улыбнуться Хмуровъ.

— Что-же, ѣдемъ что-ли? какъ искуситель подвернулся Славинъ.

— Ѣдемъ! не выдержалъ Хмуровъ.

— Такъ скорѣе, скорѣе, заторопился Славинъ,—а то опоздаемъ; мы на извозчикѣ, обернулся онъ.

Хмуровъ кивнулъ головою.

Они сѣли на извозчика и понеслись къ вокзалу.

„Я не всѣ“, успокоивалъ себя Хмуровъ, „я рублей десять, пятнадцать, ну двадцать; а можетъ выиграю, какъ тогда!“ припомнилъ онъ свой выигрышъ и улыбнулся.

Славинъ что-то оживленно говорилъ ему.

— Вы одни? удивился Хмуровъ.

Славинъ вздохнулъ.

— Развѣ отъ нея уйдешь? Она уже на вокзалѣ стережетъ! и продолжалъ: — да, чтò-то будетъ, чтò будетъ! Дома ни гроша, даже на обѣдъ нѣту. Завезъ-бы ребятишкамъ теперь, да опоздать боюсь, мы и то едва поспѣемъ, да, едва поспѣемъ! Торопись, почтенный, пріударь клячу-то! началъ онъ уговаривать извозчика.

Они подъѣхали къ вокзалу. На площадкѣ, правда, уже дожидалась жена Славина, и перья ея шляпы величаво колыхались по воздуху.

— А я ужь боялась, что ты домой заѣдешь и опоздаешь, бросилась она къ мужу.

Хмурову вдругъ стали противны эти люди, и онъ поспѣшилъ отойти отъ нихъ, и все время избѣгалъ съ ними встрѣтиться.

День былъ прекрасный, какіе нерѣдко выпадаютъ въ августѣ мѣсяцѣ. Народу была масса, и игра была очень оживленна. Хмурову не везло. Онъ проигралъ другъ за другомъ 3 ставки по пяти рублей и растерялся совершенно. Жажда отъиграться охватила его съ безумною силою.

„Ну что же, что-же?“ растерянно думалъ онъ, „можетъ повезетъ?“

Онъ поставилъ 15 рублей и проигралъ. Съ какимъ-то остервенѣніемъ онъ поставилъ еще 15 и проигралъ ихъ опять. У него оставалось въ карманѣ 12 рублей съ копѣйками. Онъ тупо глядѣлъ на афишу. Оставалось еще одно отдѣленіе.

„Ну пропадать, такъ пропадать!“ съ отчаяньемъ рѣшилъ онъ и поставилъ 10 рублей на „Жоконду.“

— Вы на кого? подошелъ къ нему Славинъ.

Лицо его было блѣдно и растерянно.

— На „Жоконду“! отвѣтилъ Хмуровъ.

— Перро ѣдетъ, лучшій жокей, сказалъ тотъ,—только выдавать мало будутъ. На него всѣ. А я, усмѣхнулся онъ, — на „Казака“.

Хмуровъ вспомнилъ свой на немъ проигрышъ и насмѣшливо сказалъ:

— Изъ степныхъ табуновъ!

— Что-же! слабо улыбнулся Славинъ, разводя руками, — по крайней мѣрѣ дадутъ много, если возьметъ. Мы вѣдь все проиграли, вотъ чтò осталось! и онъ съ грустью вытащилъ изъ кармана трехрублевую ассигнацію.

Хмуровъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Ну, идемте! уныло позвалъ его Славинъ, когда ударилъ первый звонокъ.

Хмуровъ, дрожа отъ волненія, съ исказившимся лицомъ, пошелъ въ мѣста.

XXII.

Лошади понеслись. „Жоконда“ шла впереди всѣхъ, смѣло перелетая черезъ барьеры. Разъ, два; разъ, два! мелькалъ синій картузъ Перро, то поднимаясь, то опускаясь.

— Тутъ и играть нечего! сказалъ кто-то сзади.

— За то и грошъ выдадутъ. Всѣ на нее! отвѣтилъ другой, и вдругъ все смолкло.

Синій картузъ Перро высоко взвился надъ барьеромъ и скрылся. У барьера поднялось облако пыли, и первое мгновеніе ничего не было видно. Черезъ секунду за барьеромъ показалась „Жоконда“, и быстро понеслась по кругу, но уже безъ всадника, который безсильно ворочался по землѣ, поднимая пыль.

Деньги Хмурова пропали.

— Дурракъ! пронеслось въ толпѣ.

— Негодяи! берутъ деньги, а сами усидѣть на лошади не могутъ! рѣзко проговорилъ кто-то.

Къ мѣсту паденія побѣжалъ докторъ и пронесли носилки. Публика уже позабыла о катастрофѣ и слѣдила за окончаніемъ скачки. Лошади капризничали: однѣ обходили препятствія, другія долго артачились и ихъ принуждали хлыстомъ, только „Казакъ“ неуклюже, но исправно скакалъ черезъ всѣ барьеры и тяжелымъ галопомъ несся дальше, лѣниво потряхивая головой.

— Браво Крюкинъ! браво! браво! неистово кричала толпа и, чѣмъ неожиданнѣе былъ его выигрышъ, тѣмъ одушевленіе толпы было больше.

Хмуровъ мрачно пошелъ къ выходу.

— Пропадай вы, анаѳемы, пропадай! изступленно вскрикивало какое-то драповое пальто въ высокихъ сапогахъ, горстями вынимая взъ кармана билеты и швыряя ихъ на землю. Они кружились и падали, устилая землю, словно снѣгомъ.

„Здорово проигрался!“ подумалъ Хмуровъ.

— Батюшки, помогите! родимые, помогите! раздались съ боку отчаянные крики.

Хмуровъ бросился на эти крики.

— Я тебѣ покажу, какъ на тализаторѣ играть! рычалъ высокій, плечистый мужчина, таская за волосы бившуюся землѣ женщину.

Ихъ окружила толпа.

— Помилуйте, нешто такъ можно! разводилъ мужчина руками, когда его оттолкнули отъ женщины, и въ дѣло вмѣшалась полиція,—теперь, господинъ околоточный, я штучникъ по портновскому дѣлу и по субботамъ, выходитъ, ей выручку приношу, а она, подлая, на тализаторъ и—проигрываетъ! Нешто такъ можно, чтобы она играла, а я съ ребятами не обѣдамши!—и онъ злобно покосился на жену.

— Везутъ, везутъ! пронеслось въ толпѣ.

Хмуровъ не досмотрѣлъ конца сцены и бросился за толпою. Къ главному подъѣзду трибуны шагомъ подъѣхала полуколяска, и изъ нея бережно вынимали тѣло несчастнаго жокея. Докторъ и какой-то офицеръ несли его голову. Два солдата обхватили туловище и ноги. Перро былъ недвижимъ и лежалъ съ закрытыми глазами. Худое лицо его было блѣдно, какъ бумага, и огромные рыжіе усы еще страшнѣе оттѣняли эту блѣдность. Длинный, худой, съ безсильно свѣсившейся рукой, онъ казался трупомъ и его желтый съ синимъ камзолъ, штиблеты и атласныя бѣлыя рейтузы, порванныя, перепачканныя грязью и кровью, представляли ужасный контрастъ съ блѣднымъ, искаженнымъ страданіями, лицомъ. Хмуровъ съ ужасомъ закрылъ глаза и поспѣшилъ отойти въ сторону.

— Пустяки! картавилъ какой-то франтъ, махая перчаткой,—переломъ ключицы, двухъ реберъ и сотрясеніе мозга.

— И какой дуракъ! вставилъ молоденькій студентъ,—говорятъ, въ первый разъ на „Жокондѣ“ ѣхалъ!

Хмуровъ ускорилъ шагъ, чтобы не слышать продолженія ихъ бесѣды. Краска стыда за этихъ людей залила ему лицо.

— Милый-ты человѣкъ, плакалъ какой-то купчикъ, положивъ голову на плечо пріятеля,—вѣдь все, все до нитки! Чтò мнѣ теперь дѣлать? Чтò со мною будетъ!

— Здорово мы съ тобой съиграли сегодня! смѣясь хлопалъ по плечу засаленный картузъ пріятеля въ смазныхъ сапогахъ.

— Да-съ! встряхивая головою отвѣчали смазные сапоги,—сотенки три вывезли за-нынче!...

— Теперь бѣгамъ очередь! говорилъ рыжій господинъ черному господину,—бѣга, по моему, несравненно занимательнѣе!

— Гмъ!.. согласился съ нимъ черный господинъ.

— Несравненно! еще разъ повторилъ рыжій...

— Если мы въ долѣ были, такъ ты еще 3 рубля долженъ, спорили два юнца.

— Довольно съ тебя!

— Какъ довольно! вѣдь я 10 рублей далъ!

— Ты еще благодари, что отцу не говорю ничего.

— На „Казака“-то, объясняла женщина въ золотыхъ очкахъ офицеру,—17 рублей давали. По моему, тутъ просто мошенничество. Я думала, рублей тридцать...

— Скажите! восклицалъ офицеръ...

— Все до гроша! шепталъ студентъ своему товарищу,—съ уроковъ впередъ взялъ, занялъ, часы, мундиръ, пальто заложены—ничего не осталось...

— Надежда, другъ мой, надежда! засмѣялся громко другой.

Они громко засмѣялись и прошли мимо Хмурова.

— Чортъ знаетъ что! усмѣхнулся Хмуровъ и машинально опустилъ руку въ карманъ. Изъ кармана онъ вынулъ кучу билетовъ и двѣ скомканныхъ рублевыхъ ассигнаціи. Онъ равнодушно взглянулъ на нихъ.

„Отъ всего жалованья!“ мелькнуло въ его головѣ, и онъ, тихо идя къ вокзалу, почти безсознательно сталъ считать свой проигрышъ: „ссуды 60 рублей, жалованья 58, 60 (два рубля считать нечего, поправилъ онъ себя)—раньше 12, еще раньше 15; въ первый разъ 14,—всего, всего“, напрягалъ онъ умъ,—„159 рублей!“ И онъ вдругъ ужаснулся этой цифрѣ. За три мѣсяца онъ заработалъ—180 рублей, изъ нихъ проигралъ—159! Это ужасно! И потомъ сегодняшній поступокъ!—Онъ въ смущеніи остановился,—какъ онъ придетъ домой, какими глазами посмотритъ на жену, чтò скажетъ? Какъ они проживутъ этотъ мѣсяцъ?—и онъ покраснѣлъ при этихъ мысляхъ. Ворочаться домой сейчасъ ему казалось немыслимо.—„Проѣду въ Павловскъ“, рѣшилъ онъ и съ этой мыслью сѣлъ въ вагонъ подходившаго изъ Петербурга поѣзда. Ему хотѣлось удалить по возможности минуту страшнаго свиданія съ женою.

Такъ запуганный мальчуганъ, получивъ свидѣтельство съ единицею, боится показаться на глаза отца и не идетъ изъ класса домой, а въ уныломъ томленіи, голодный, бродитъ по улицамъ, желая отдалить страшную минуту отчета передъ суровымъ родителемъ.

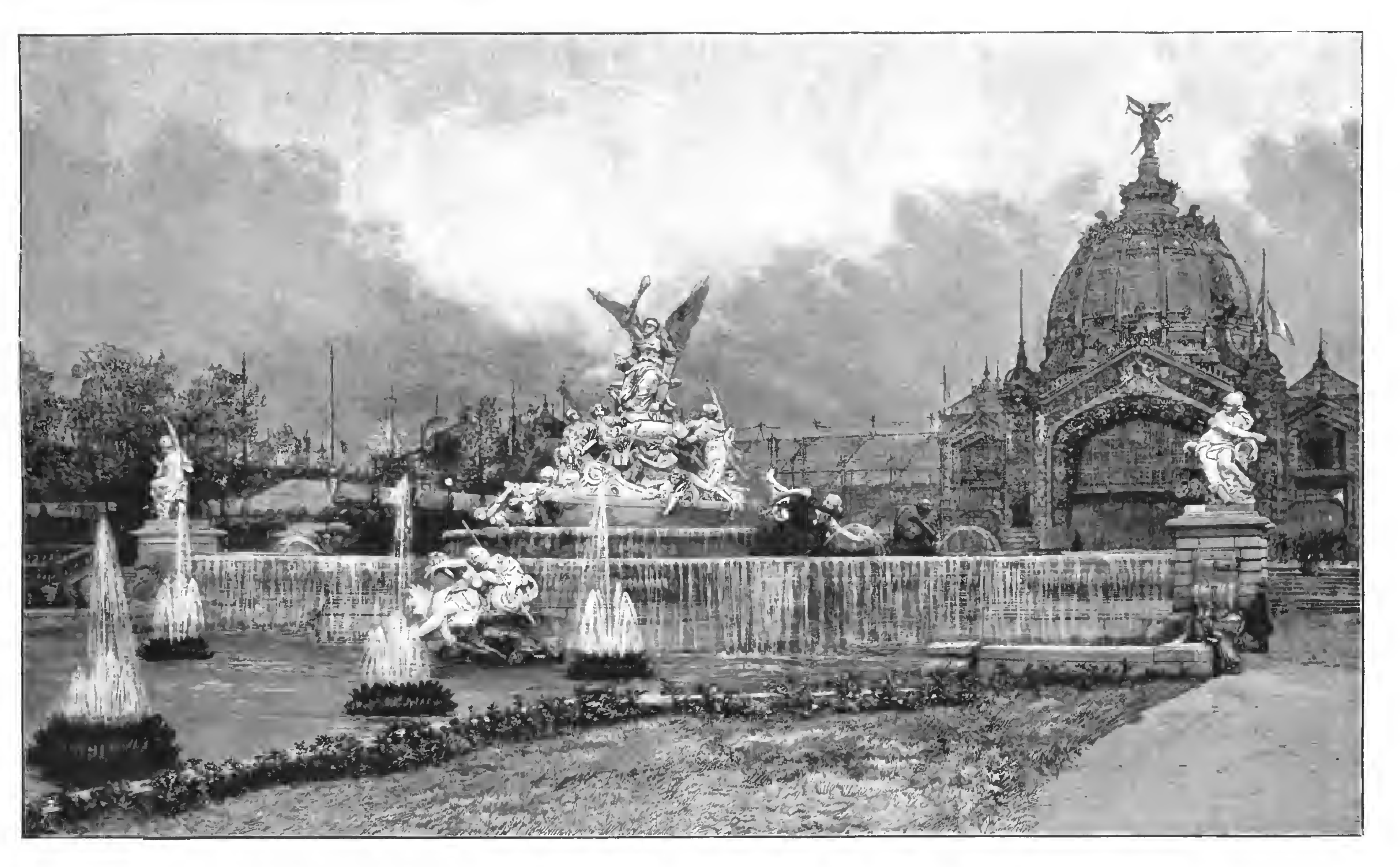
XXIII.

Хмуровъ пошелъ въ вокзалъ. Музыка гремѣла съ открытой сцены, но онъ мало обращалъ на все вниманія и тихо прошелъ черезъ залъ; но дорогѣ его перегнали два купчика со скачекъ. Тотъ, который съ плачемъ признавался въ проигрышѣ, теперь громко говорилъ:

— Жги, Андрюшка! кутнемъ напропалую! за одно въ отвѣтѣ передъ тятенькой!

— Не робѣй, Митя, все въ лучшемъ видѣ сойдетъ! увѣщевалъ пьянымъ голосомъ его пріятель.

„Вѣрно въ выручку лапу запустилъ!“ мелькнуло у Хмурова,



Монументальный свѣтящійся фонтанъ (скульптора Кутана) на Парижской всемірной выставкѣ 1889.

Съ фотогр. Годефруа, фотохемиграфія Яблонскаго въ СПБ.

и онъ шелъ дальше, черезъ площадку, по которой съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ сновали взадъ и впередъ веселыя, довольныя лица, черезъ мостикъ, черезъ дорогу, на которой стояли роскошные экипажи и гуляли горничныя съ лакеями, пока не вышелъ въ паркъ.

Опредѣленныхъ мыслей у него не было, но его мучило сознаніе проигрыша, нечестнаго поступка и страхъ объясненія съ женою. Онъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ и шелъ все дальше и дальше по пустыннымъ дорожкамъ. Вдругъ онъ остановился и замеръ на мѣстѣ. Невдалекѣ отъ дорожки, по которой онъ шелъ, на небольшой лужайкѣ, скрытой отчасти соснами, стоялъ человѣкъ и что-то старательно дѣлалъ, поднявшись на цыпочки, вытянувъ кверху руки, у толстаго сучка высокаго дерева.

Заходящее солнце освѣщало площадку, и Хмуровъ въ занятомъ человѣкѣ узналъ того самаго, который съ такимъ отчаяніемъ швырялъ проигравшіе билеты на землю. Подлѣ него Хмуровъ увидѣлъ сложенное пальто. Онъ тихо подкрался и похолодѣлъ отъ ужаса. Человѣкъ этотъ старательно привязывалъ къ сучку ремень.

— Что̀ вы хотите дѣлать? не выдержавъ вышелъ Хмуровъ на площадку.

Человѣкъ съ испугомъ опустилъ руки и отскочилъ въ противоположную сторону. Нѣсколько времени они стояли молча.

— Что̀ вы дѣлать хотите... что̀? дрожа отъ волненія повторялъ Хмуровъ.

— Повѣситься, тихо отвѣтилъ тотъ и сдѣлалъ шагъ къ своему пальто. Онъ не смотрѣлъ на Хмурова.

— Развѣ можно... развѣ можно? я не позволю! растерянно забормоталъ Хмуровъ.

— Тоже спасителя чортъ принесъ! ворчалъ тотъ недовольно, встряхивая свое пальто и собираясь надѣть.

— Изъ-за чего это вы? успокоившись, тихо, сочувственно спросилъ Хмуровъ.

— А тебѣ что? вдругъ озлился тотъ,—помѣшалъ, сдѣлалъ доброе дѣло, — онъ усмѣхнулся, — ну и проваливай!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Хмуровъ,—вы со мною! Я не могу!

— Говорю, проваливай! сверкнулъ тотъ глазами, натягивая пальто,—дорогу и безъ тебя знаю!

Хмуровъ въ нерѣшительности остановился.

— Помочь вѣдь не поможетъ, доброта писанная, а туда-же лѣзетъ: изъ чего? ворчалъ человѣкъ застегивая пуговицы.

— Я такъ, смущенно сказалъ Хмуровъ.

— Такъ! Изъ-за того, вотъ, что на лошадяхъ 200 рублей хозяйскихъ спустилъ, вотъ съ чего! Понялъ?—И онъ уже не сдерживая себя, крикнулъ:—а теперь иди, иди, нечего тебѣ тутъ!

„Что мнѣ дѣлать?“ подумалъ Хмуровъ и въ нерѣшительности стоялъ на мѣстѣ.

— Совѣсти вотъ порѣшился, воромъ сталъ, а теперь разсчетъ требуется, прибавилъ человѣкъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

— Да какъ же это? не утерпѣлъ Хмуровъ.

— Такъ-же вотъ! смягчился тотъ и заговорилъ грубо, отрывисто:—изъ Москвы сюда съ товаромъ пріѣхалъ, продалъ товаръ, а деньги на лошадей снесъ. Понялъ, что-ли?—и онъ усмѣхнулся,—ну, идемъ, баринъ! пошелъ онъ,—спасъ значитъ, отъ смерти на поворъ, спасибо тебѣ!

И съ насмѣшкою поклонился Хмурову.

Хмуровъ пошелъ за нимъ, опустивъ голову. Не прошли они тридцати шаговъ, какъ тотъ остановился и вдругъ строго сказалъ:

— Слушай ты! коли хочешь добромъ, иди себѣ прямо, а меня не тронь—хуже будетъ! Иди себѣ!

И быстро повернувшись, онъ побѣжалъ, оглядываясь и грозя Хмурову кулакомъ.

Тотъ на минуту остановился въ изумленіи и вдругъ, махнувъ рукою, быстро пошелъ къ вокзалу.

— Мнѣ-то что, мнѣ-то что! бормоталъ онъ, — вѣдь все равно не удержишь! Не нынче — завтра! Его дѣло!

Запыхавшись отъ усталости, онъ подходилъ къ вокзалу. Оркестръ игралъ какой-то вальсъ, по площадкѣ съ говоромъ и смѣхомъ ходили взадъ и впередъ довольные и счастливые люди.

„Ужасно, ужасно!“ торопился къ выходу Хмуровъ, „это скачки, тотализаторъ!“

Славины, Колнинъ, Барсовъ, онъ самъ, этотъ несчастный, Перро—пронеслись передъ нимъ.

„Правъ, правъ Зыбинъ, все нажива, корысть, а рядомъ подлость! и я съ ними!“ онъ покраснѣлъ при этой мысли. Теперь ему хотѣлось скорѣе увидѣть жену, все разсказать ей и успокоиться дома.

„Вѣдь она догадалась, навѣрное, догадалась и теперь безпокоится“, торопился онъ, и передъ нимъ вставалъ ея образъ. Она сидитъ теперь у окошка и, безсильно опустивъ руки, съ тоскою смотритъ на улицу своими кроткими карими глазами. „Я все скажу; она пойметъ; пойметъ и проститъ“, и Хмуровъ мысленно уже просилъ у нея прощенія: „я не знаю, что̀ это со мною было?“ оканчивалъ въ мысляхъ онъ свою рѣчь, „я ничего не помнилъ, ни о чемъ не думалъ; мнѣ хотѣлось только играть и играть, а между тѣмъ я вѣдь все понимаю, вѣдь не негодяй же я, Настя!..“

Среди шума, смѣха и музыки до Хмурова доносились разговоры:

— И незло вѣдь, говорилъ кто-то,—каналья Перро все дѣло испортилъ!

— Онъ, говорятъ, шею сломалъ?

— Чортъ его душу знаетъ, онъ у меня 5 рублей укралъ—это вѣрно! отвѣтилъ тотъ-же голосъ.

Два купчика сидѣли въ залѣ за столикомъ, уставленнымъ бутылками.

— Андрюшка, другъ! вѣдь не везло-то какъ, какъ не везло! кричалъ одинъ пьянымъ голосомъ.

— Не робѣй, Митя, на бѣгахъ отъиграемся! лепеталъ его пріятель.

— Домой, домой! бормоталъ Хмуровъ, подходя къ вагонамъ. Сезонъ скачекъ кончился.

Электрическое освѣщеніе фонтана на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г.

Пятивѣковой юбилей русской артиллеріи.

(Рис. на стр. 1160 и 1161).

Въ нынѣшнемъ году положено отпраздновать пятисотлѣтіе русской артиллеріи, подвиги которой занимаютъ много блестящихъ страницъ въ геройской исторіи нашей арміи. Днемъ празднества избрано 8-е ноября, хотя, по изслѣдованіямъ спеціалиста-археолога *), юбилей артиллеріи слѣдовало бы уже отпраздновать весною нынѣшняго года, такъ какъ первыя орудія явились у насъ на Руси именно весною 1389 года, въ послѣдніе мѣсяцы княженія Дмитрія Ивановича (Донскаго). Эти первыя орудія — „арматы“ — ввезены были къ намъ „изъ нѣмецъ“ и, какъ полагаютъ, ввезены были черезъ Новгородъ, стоявшій въ тѣсныхъ связяхъ съ Ганзою, которая прилагала много стараній къ усовершенствованію своей артиллеріи, столь необходимой для защиты ея полуторговыхъ, полувоенныхъ кораблей отъ нападенія пиратовъ. Весьма естественно предположить, что вмѣстѣ съ первыми орудіями на Русь были выписаны и мастера „огненной стрѣльбы“, которые научили русскихъ обращенію съ арматами, почему лѣтописецъ и добавляетъ: „и отъ того часа уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“.

Новыя орудія быстро принялись на Руси и введены были въ боевую практику, какъ при защитѣ городовъ, такъ и при нападеніи на города. Уже въ 1408 году, при нападеніи на Москву Эдигея, стѣны московскія были вооружены грозной артиллеріей, которая внушала серьезныя опасенія татарамъ и вынуждала ихъ держаться подальше отъ стѣнъ и башенъ. Въ борьбѣ Московскихъ князей съ Новгородомъ и Тверью, какъ и въ борьбѣ Василія Темнаго съ Шемякою, артиллерія уже играла очень важную роль. Есть основаніе думать, что орудія, въ это

*) См. статью артиллеріи генералъ-маіора Н. Е. Бранденбурга въ *Артиллер. журналѣ* (май, 1889). Изъ этой прекрасной статьи и изъ другихъ трудовъ почтеннаго Н. Е. Бранденбурга почерпнули мы большую часть фактовъ, приводимыхъ нами въ нынѣшней замѣткѣ.

время, уже не выписывались изъ-за границы, а дѣлались у насъ на Руси, русскими мастерами, какъ выдѣлывался въ Москвѣ и порохъ, и снаряды.

Окончательно и прочно установлено было въ Москвѣ литейно-пушечное дѣло въ концѣ XV вѣка, когда, при Іоаннѣ III, пріѣхалъ къ намъ изъ Италіи знаменитый зодчій и литейщикъ того времени Аристотель Фіоравенти, подъ руководствомъ котораго обучились этому дѣлу и русскіе мастера. Имена многихъ изъ этихъ мастеровъ сохранились на уцѣлѣвшихъ древнихъ орудіяхъ; въ спискѣ ихъ одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ имя *Андрея Чехова*, отлившаго, между прочимъ, и знаменитую московскую *Царь-Пушку*.

Въ XVI вѣкѣ артиллерія пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе во время войнъ Іоанна Грознаго. Царь Московскій, направляясь съ сильнымъ и многочисленнымъ войскомъ подъ стѣны Казани, уже везетъ съ собою 150 орудій тяжелаго калибра, которыя и оказываютъ ему важныя услуги при осадѣ города, окруженнаго толстыми стѣнами и высокими башнями. Еще болѣе орудій (около 200) видимъ мы въ войскѣ Іоанна Грознаго во время Ливонскаго похода, гдѣ, при осадѣ нѣкоторыхъ городовъ и замковъ, наша артиллерія наводила ужасъ на гарнизоны и производила страшныя разрушенія въ стѣнахъ. При защитѣ Пскова (во время осады Стефаномъ Баторіемъ), при защитѣ Троице-Сергіевой обители отъ полчищъ Лисовскаго и Сапѣги, равно какъ и во время геройской обороны Смоленска въ ту-же эпоху Смутнаго времени — русская артиллерія наносила страшный ущербъ непріятелю и дѣйствіями своими доказывала, что русскіе люди уже совершенно успѣли освоиться съ новымъ родомъ оружія и управлялись съ нимъ отлично.

Въ XVI и XVII вѣкахъ, насколько мы можемъ судить по сохранившимся у насъ образцамъ тогдашнихъ орудій,—наша артиллерія состояла изъ желѣзныхъ, чугунныхъ и, преимущественно, изъ мѣдныхъ орудій самыхъ разнообразныхъ формъ, величинъ и калибровъ. Каждое орудіе носило особое названіе—особое собственное имя—и особую физіогномію. Это, конечно, составляло большое неудобство въ военной практикѣ и указывало на младенческое состояніе артиллеріи; но это разнообразіе вовсе не было явленіемъ исключительно-русскимъ, такъ какъ то же самое видимъ и въ современной европейской артиллеріи. Напротивъ, спеціалисты, судя по сохранившимся отъ XVI и XVII вѣковъ орудіямъ, приходятъ къ тому заключенію, что артиллерійское дѣло у насъ на Руси стояло въ эту отдаленную эпоху выше, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ нашихъ артиллеристовъ видимо занимало рѣшеніе нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, — болѣе удобнаго заряжанія орудій (съ казенной части) и болѣе усиленнаго ихъ дѣйствія (при помощи нарѣзовъ въ дулѣ орудія).

Въ нашемъ богатомъ Артиллерійскомъ музеѣ сохранились два рѣдчайшихъ орудія: одно — гладкостѣнная желѣзная пищаль XII вѣка, заряжающаяся съ казенной части; другое—бронзовая пищаль, съ крупными спиральными нарѣзами, заряжающаяся также съ казенной части. Послѣднее орудіе, по надписи, относится къ 1615 г.—и слѣдовательно явилось почти на полвѣка ранѣе самыхъ раннихъ образцовъ нарѣзныхъ орудій въ Западной Европѣ.

Русская артиллерія XVII вѣка, не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи представляла грозную силу. Посолъ императора Максимиліана II, въ 1576 г. посѣтившій Московію, доносилъ своему государю, что великій князь Московскій обладаетъ огромными запасами всякаго оружія, а „огнестрѣльный снарядъ“ у него такой, что невидавшій его своими очами, пожалуй, не повѣритъ описаніямъ. Сохранилось и отъ XVII вѣка другое, весьма важное извѣстіе, а именно воеводскія донесенія, составленныя одновременно и для свѣдѣнія государя присланныя изъ разныхъ концовъ Россіи въ Москву. Изъ этой такъ-сказать „общей артиллерійской переписи“ мы узнаемъ, что уже и въ то время во владѣніяхъ государя Московскаго насчитывалось до 2730 орудій.

При такой громадной артиллеріи, конечно, былъ и весьма многочисленный личный персоналъ артиллеристовъ, мало-помалу обособившихся въ отдѣльное сословіе *пушкарей*, *пищальниковъ* и *затинщиковъ*, которые въ городахъ владѣли особыми участками земли, иногда селились около городовъ цѣлыми слободками и получали отъ государя жалованье и довольство. Въ это обособленное, замкнутое сословіе не легко было проникнуть — новые члены могли въ него вступать только при поручительствѣ со стороны своихъ сотоварищей. Подобно стрѣльцамъ, пушкари подлежали вѣдѣнію особаго *Пушкарскаго Приказа*, который одинъ могъ ихъ судить; подобно стрѣльцамъ, пушкари, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, занимались ремеслами, промыслами и мелочнымъ торгомъ. Служба пушкарей была пожизненною, и освободиться отъ нея было можно только за старостью, болѣзнью или увѣчьемъ. Въ началѣ XVII вѣка, въ 82 городахъ, подвѣдомыхъ Пушкарскому Приказу, насчитывалось до 3500 человѣкъ.

Сословіе пушкарей и ихъ товарищей, уже и въ то отдаленное время, относилось къ своимъ обязанностямъ вполнѣ сознательно и съ тѣмъ самоуваженіемъ, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ къ геройству и подвигамъ самоотверженія. Въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ извѣстный случай изъ осады Вендена (1578 г.), когда воеводы Голицынъ и Шереметевъ покинули на произволъ судьбы свой укрѣпленный станъ и ушли изъ него ночью... Но пушкари не покинули своихъ пушекъ, и когда, на другой день, непріятель (литовцы и поляки) сталъ наступать на окопы густыми толпами, пушкари рѣшили умереть, но не сдаваться: въ глазахъ непріятеля они повѣсились на своихъ пушкахъ.

По отношенію къ старому, до-Петровскому періоду нашей артиллеріи, слѣдуетъ еще сообщить двѣ подробности, которыя не маловажны въ смыслѣ историческомъ. Съ одной стороны, извѣстія иностранцевъ и русскіе источники сообщаютъ намъ любопытныя описанія артиллерійскихъ *смотровъ*, производившихся подъ Москвою въ зимнее время, когда за городомъ, на Ваганьковѣ, выстраивались деревянные срубы, набитые землею, и артиллерія эти срубы разбивала, сосредоточивая на нихъ огонь многихъ орудій. Изъ этого мы можемъ заключить, что надъ дѣйствіями артиллеріи существовалъ нѣкотораго рода высшій надзоръ или контроль, и что наши пушкари, вѣроятно, обучались стрѣльбѣ по извѣстнымъ правиламъ. Съ другой стороны, нельзя упустить изъ вида, что уже и до Петра существовала у насъ двоякаго рода артиллерія: — одна, тяжелая, *осадная*, состоявшая подъ главнымъ вѣдѣніемъ Пушкарскаго Приказа, и другая—легкая, *полковая*, при стрѣлецкихъ и солдатскихъ полкахъ, которая подлежала вѣдѣнію полковаго начальства.

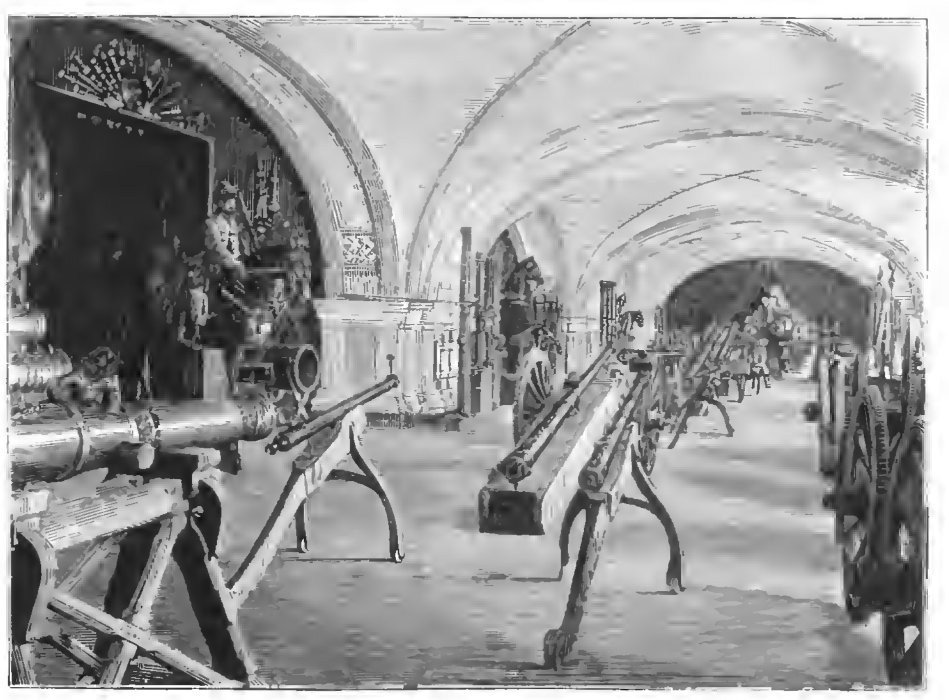
Великій Преобразователь Россіи внесъ коренныя и чрезвычайно важныя реформы въ организацію русской артиллеріи и притомъ реформы, не заимствованныя имъ съ Запада, а созданныя его собственнымъ творческимъ умомъ. Прежде всего онъ переустроилъ неопредѣленное сословіе пушкарей въ регулярный родъ войска, а затѣмъ обратилъ вниманіе на калибры орудій, которыя приказалъ отливать не иначе какъ опредѣленной величины и по весьма точнымъ чертежамъ, имъ самимъ провѣреннымъ и утвержденнымъ. Во главѣ всего артиллерійскаго дѣла явился сначала особый „надзиратель“ артиллеріи, а потомъ и „генералъ-фельдцейхмейстеръ“. Въ русскую артиллерію внесено чрезвычайно важное начало: упрощеніе и единообразіе орудій, установленное строжайшими указами Петра Великаго, который требовалъ, чтобы изготовленные для артиллеріи орудія и снаряды *„ни чертою болѣе или менѣе назначеннаго не были“*. Эти реформы Петра въ области русскаго артиллерійскаго дѣла далеко опередили Европу, гдѣ первая правильная система калибровъ орудій вводится во Франціи лишь въ 1732 году.

Петръ Великій, всегда почитавшій неудачи за важнѣйшее указаніе для будущаго, принялъ особенно энергическія мѣры для усиленія нашей артиллеріи послѣ той несчастной Нарвской осады 1700 г., при которой онъ потерялъ 170 орудій, захваченныхъ Карломъ XII. Желая какъ можно скорѣе загладить этотъ пробѣлъ въ вооруженіи русской арміи, Петръ въ теченіе одного 1701 г. приказалъ вылить вновь 268 орудій. Новая Петровская артиллерія дала себя знать въ бояхъ со шведами подъ Эрестферомъ, подъ Лѣснымъ, подъ Нарвою (въ 1704 г.), и въ особенности подъ Полтавою (27 іюня 1709 г.), гдѣ желѣзные полки Карловой пѣхоты жестоко пострадали отъ убійственнаго огня русской артиллеріи, которая громомъ своихъ новыхъ орудій возвѣстила Европѣ о вступленіи Россіи въ среду великихъ европейскихъ державъ.

Прилагая заботы объ улучшеніи матеріальной части артиллеріи, Петръ не менѣе заботился и объ ея правильной организаціи. Онъ раздѣлилъ ее на артиллерію *полковую* (по 2 трехъ-фунтовыя пушки при каждомъ пѣхотномъ и драгунскомъ полку) и артиллерію *полевую*, которая представляла собою „движимый арсеналъ и магазинъ войскъ“; при этой части артиллеріи постоянно находился и *Артиллерійскій полкъ*, распадавшійся съ 1712 г. на *Артиллерійскій* и *Инженерный*. Остальная артиллерія была подраздѣлена на *осадную* и *гарнизонную*. Придавая такую организацію артиллеріи, Петръ озаботился и о томъ, чтобы наглядно выдѣлить ее изъ остальнаго состава войскъ, какъ особое цѣлое, и потому не только далъ ей особое артиллерійское знамя, но еще и парадную „телѣжку“ или „коляску“, на которой это знамя возилось, вмѣстѣ съ артиллерійскими литаврами. Эта „телѣжка“ продержалась при русской артиллеріи до 1738 года, участвовала во многихъ походахъ и подвигахъ русской арміи, но до нашего времени, къ сожалѣнію, не сохранилась. Мы знаемъ о ней только, что строевыя регаліи возились на ней подъ знаменемъ, что пара литавровъ была украшена шелковыми кистями и красными завѣсами, обшитыми серебрянымъ кружевомъ, а на завѣсахъ были изображены орлы. Знаемъ также, что и знамя Артиллерійскаго полка было бѣлое атласное, съ изображеніемъ пушки на колесахъ, и облечено было въ бѣлый суконный чехолъ.

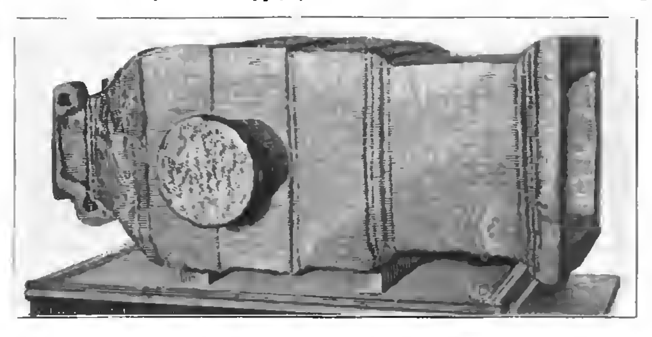
Плодотворная преобразовательная дѣятельность Петра Великаго выразилась тѣмъ, что къ концу его царствованія русская артиллерія обладала уже 5000 орудій полевой, полковой, осадной и крѣпостной артиллеріи. Но за то, вслѣдъ за царствованіемъ Петра Великаго, до самаго воцаренія его дочери, Елисаветы Петровны, наступилъ періодъ полнаго застоя въ артил-

500-лѣтіе русской артиллеріи. 1. Манекенъ бомбардира. Съ фотогр. грав. Флюгель.



500-лѣтіе русской артиллеріи. 2. Видъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Отдѣлъ старинныхъ орудій, мѣдныхъ и желѣзныхъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

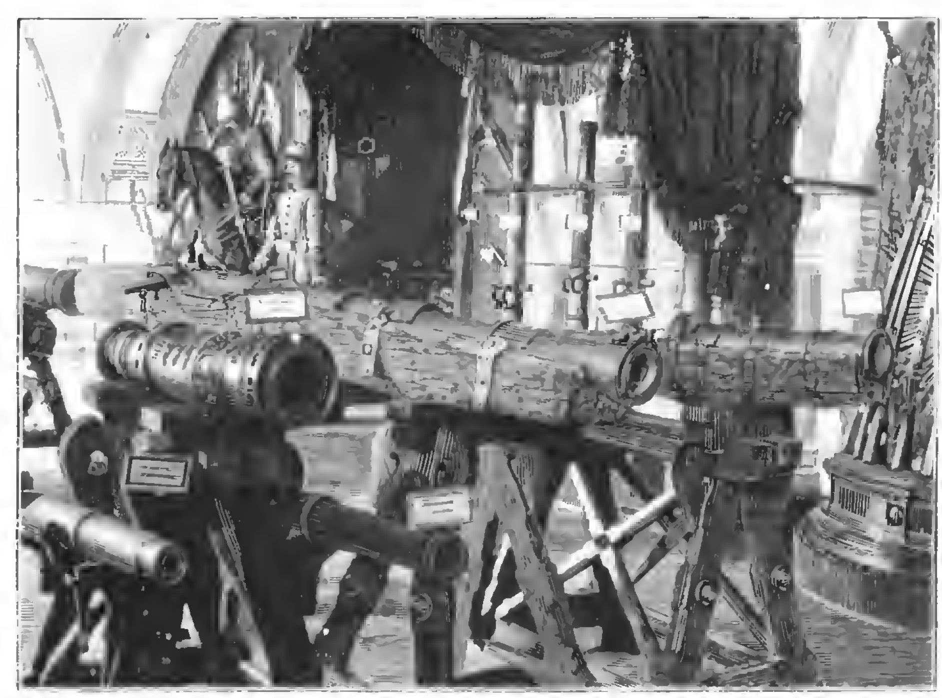
лерійскомъ дѣлѣ,—періодъ, въ теченіе котораго главное управленіе артиллеріею находилось въ рукахъ нѣмцевъ-фельдцейхмейстеровъ, не умѣвшихъ даже подписать свою фамилію по-русски. Только въ 1756 г., эта трудная и отвѣтственная должность была поручена графу П. И. Шувалову—одному изъ выдающихся дѣятелей Елисаветинскаго царствованія. Въ



500-лѣтіе русской артиллеріи. 3. Мѣдный камкеметъ XVI вѣка.

указѣ о его назначеніи, правительство прямо высказываетъ, что вслѣдствіе „неисправностей и упущеній, артиллерія нынѣ пришла въ слабое и невыгодное состояніе"... Шуваловъ же, и до назначенія своего, пріобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность изобрѣтеніями по части артиллеріи; а именно, онъ изобрѣлъ

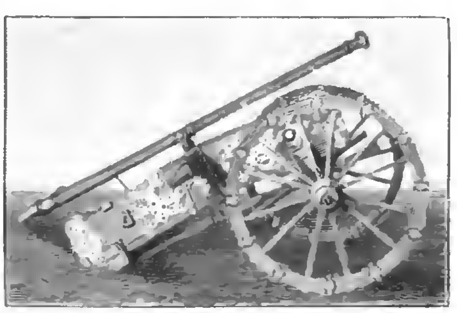
500-лѣтіе русской артиллеріи. 4. Входъ въ кабинетъ засѣданій СПБ. Артиллерійскаго Музея. Съ фотогр. Н. Полеваго, грав. Флюгель.



500-лѣтіе русской артиллеріи. 5. Древнѣйшія орудія. мѣдныя и желѣзныя конца XVI и начала XVII вв. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

500-лѣтіе русской артиллеріи. 6. **Манекенъ фузелера.** Съ фотогр. грав. Флюгель.

такъ-называемыя *секретныя гаубицы*, весьма удобныя для стрѣльбы картечью, и затѣмъ еще новое орудіе, подъ названіемъ „*близнята*“, состоявшее изъ двухъ, вмѣстѣ слитыхъ, гаубицъ, помѣщавшихся на одномъ лафетѣ. „Близнята“ должны были служить для стрѣльбы гранатами и картечью. Но въ особенности важно было третье, введенное Шуваловымъ орудіе, надолго удержавшееся въ нашей артиллерійской практикѣ и тогда уже получившее названіе „*единорога*“. Въ какой степени всѣ эти изобрѣтенія были



500-лѣтіе русской артиллеріи. 7. **Древняя карѣзная пищаль конца XV вѣка.**

важны и новы, видно изъ того, что тогдашняя союзница Россіи, Австрія, приняла ихъ въ составъ своей артиллеріи, и Шуваловскія орудія были доставлены въ Вѣну, вмѣстѣ съ русскою командою и офицерами, которые должны были обучать австрійскихъ военныхъ обращенію съ новыми орудіями. Русская артиллерія, благодаря своимъ новымъ ору-

500-лѣтіе русской артиллеріи. 8. **Видъ СПБ. Артиллерійскаго Музея. Отдѣлъ новѣйшихъ орудій и изобрѣтеній.** Съ фот. Н. Полеваго. гр. **Рашевскій.**

діямъ и новому, лучшему устройству, успѣла блистательно выказать себя въ кровавой борьбѣ съ Фридрихомъ Великимъ, во время Семилѣтней войны, въ особенности въ бояхъ подъ Кюстриномъ, Пальцигомъ, Франкфуртомъ и при занятіи Берлина въ 1760 году. Но особенно прославилась наша артиллерія въ знаменитомъ сраженіи подъ *Кунерсдорфомъ*, гдѣ мы обязаны были побѣдою удачному и своевременному дѣйствію нашей артиллеріи. Въ то самое время, когда Фридрихъ, превосходно составившій планъ сраженія, уже успѣлъ привести въ безпорядокъ лѣвое крыло нашей арміи и захватить въ плѣнъ 70 нашихъ орудій, остальная артиллерія съ центра и съ праваго фланга вовремя прискакала на помощь лѣвому крылу *съ одними единорогами*, и открыла такой убійственный огонь по наступавшему непріятелю, что разстроила его ряды и дала возможность нашимъ войскамъ оправиться. Фридрихъ былъ отброшенъ, разбитъ на голову и при поспѣшномъ отступленіи потерялъ 165 орудій.

Кромѣ вышеномянутыхъ, крупныхъ нововведеній и улучшеній въ общемъ составѣ нашей артиллеріи, Шуваловъ ввелъ въ артиллерійское дѣло много второстепенныхъ, но весьма важныхъ приспособленій, оказавшихся чрезвычайно полезными на практикѣ. Такъ напр., введено употребленіе картузовъ съ зарядами, скорострѣльныхъ трубокъ, свѣтящихся ядеръ; артиллеріи даны собственныя, приспособленныя къ дѣлу лошади, вмѣсто прежнихъ наемныхъ; учреждена особая фурштадтская команда, въ составъ которой вошли и обозные погонщики, и всякаго рода мастеровые, столь необходимые при артиллерійскихъ орудіяхъ въ походѣ. Наконецъ, Шуваловымъ въ нашей артиллеріи уничтожено и весьма большое зло: привилегированное положеніе нѣмцевъ по отношенію къ повышеніямъ и назначеніямъ на новыя должности...

Екатерининское время, полное грома побѣдъ и военныхъ подвиговъ, широко раздвинувшее предѣлы Россіи на югъ и на западъ, не было однако же благопріятно для дальнѣйшаго и правильнаго развитія артиллерійскаго дѣла. Артиллерія была значительно усилена въ личномъ составѣ своемъ (въ особенности конная), военныя лѣтописи нашихъ Турецкихъ войнъ переполнены цѣлымъ рядомъ заслугъ артиллеріи и блестящихъ военныхъ эпизодовъ; но, собственно говоря, наша артиллерія ни на шагъ не двинулась впередъ, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ смыслѣ.

Только уже съ началомъ XIX вѣка начинается въ области нашей артиллеріи та усиленная работа, которая сначала проявилась въ улучшеніи организаціи и устройства всего артиллерійскаго вѣдомства, а потомъ, съ начала 60-хъ годовъ—въ томъ переворотѣ, который выразился введеніемъ новыхъ, нарѣзныхъ орудій, заряжающихся съ казенной части.

Важныя реформы въ управленіи артиллеріею были внесены неутомимымъ графомъ Аракчеевымъ, который въ теченіе 20 лѣтъ (до 1819 г.) работалъ надъ улучшеніемъ технической части своего любимаго рода оружія и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно много. По справедливому замѣчанію одного изъ глубокихъ знатоковъ историческаго прошлаго нашей артиллеріи, „дѣятельность графа Аракчеева почти не оставила пробѣловъ въ томъ, что могло послужить на пользу артиллеріи“. Онъ издалъ новые штаты, онъ развилъ боевыя средства артиллеріи, поднялъ образовательный цензъ ея личнаго состава, учредилъ Ученый артиллерійскій комитетъ, положилъ основаніе *Артиллерійскому журналу*, а также и разнымъ классамъ и школамъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, установилъ нормальные образцы и размѣры орудій и всей матеріальной части, и улучшилъ всѣ техническія заготовленія. Имя графа Аракчеева — въ другихъ областяхъ дѣятельности пользующееся довольно печальной извѣстностью — въ лѣтописяхъ нашей артиллеріи всегда будетъ вспоминаться съ признательностью.

Благодаря тому блестящему положенію, въ которое была приведена артиллерія графомъ Аракчеевымъ, она играла чрезвычайно важную роль во всей нашей борьбѣ съ Наполеономъ до Тильзитскаго мира, и затѣмъ, въ періодъ Отечественной войны и войнъ за освобожденіе Европы (въ 1813, 1814 и 1815 гг.), покрыла себя безсмертною славою.

Рядъ подвиговъ нашей артиллеріи въ этотъ періодъ начинается съ несчастной для насъ битвы подъ Аустерлицомъ, проигранной нами, но не по нашей винѣ. Здѣсь особенно отличилась конная рота гвардейской артиллеріи, подъ командою своего героя-полковника Костенецкаго, который въ центрѣ нашей позиціи поддержалъ атаку конногвардейцевъ и лейбъ-гусаръ и уничтожилъ два полка французской пѣхоты. При отступленіи, послѣ битвы, этотъ же самый Костенецкій, отбиваясь отъ непріятеля, насѣдавшаго на его орудія, которыя еле тащились по вязкой почвѣ — два раза бросался въ атаку противъ французовъ и навелъ на нихъ такой ужасъ своею геркулесовскою силою и неустрашимостью, что они его прозвали „знаменитымъ рубакой“ (le grand sabreur).

При томъ-же отступленіи, не менѣе Костенецкаго прославился и въ пѣшей артиллеріи подпоручикъ Демидовъ, который, послѣ одного изъ залповъ, очутился одинъ при своемъ орудіи, такъ какъ вся прислуга была положена на мѣстѣ. Французы бросились къ орудію; но юноша, не задумываясь, выхватилъ шпагу и рѣшился умереть, защищая орудіе. Его-бы, вѣроятно, подняли на штыки, еслибы онъ, случайно, не былъ спасенъ отъ неминуемой смерти самимъ Наполеономъ.

Въ кампанію 1806 года, побѣдою одержанною надъ французами подъ Пултускомъ въ значительной степени были мы обязаны удачному дѣйствію нашей пѣшей артиллеріи, на которую нарвалась вся французская кавалерія, и безумно смѣлому подвигу полковника Ставицкаго, который со своею конной артиллеріей заскакалъ во флангъ непріятельской пѣхоты и совершенно ее опрокинулъ и разсѣялъ.

Не менѣе громки были подвиги пѣшей артиллеріи въ знаменитой битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ дѣйствіемъ центральной батареи въ 70 орудій цѣлый корпусъ Ожеро былъ совершенно разгромленъ... „Онъ пересталъ существовать“—по выраженію военнаго историка. Въ то время, когда это происходило въ центрѣ, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи появился корпусъ Даву, двинутый Наполеономъ въ обходъ нашихъ батарей. Наши войска были сломлены неожиданнымъ натискомъ французовъ и побѣда была уже почти въ рукахъ Наполеона; но въ эту роковую минуту, съ праваго фланга, во весь опоръ прискакали три конно-артиллерійскія роты — Ермолова, Яшвиля и Богданова — и грянули въ наступающаго непріятеля картечью изъ 36-ти орудій. Этимъ орудіямъ пришлось дѣйствовать въ такомъ пылу сраженія, что Ермоловъ не нашелъ возможнымъ оставить передки (зарядные ящики) вблизи и отослалъ ихъ назадъ, выложивъ заряды прямо на снѣгъ. Онъ рѣшился или отразить непріятеля, или погибнуть. Но французы не выдержали огня, отступили—и военное счастье склонилось на нашу сторону.

Минуя подвиги нашей артиллеріи на другихъ театрахъ войны (около того-же времени, напр. въ Турціи и въ Финляндіи), переходимъ прямо къ 1812 году и останавливаемся преимущественно на Бородинской битвѣ (26 августа), которая послужила превосходнымъ доказательствомъ безпримѣрнаго мужества и высокихъ качествъ нашей артиллеріи.

Прекрасною характеристикою современныхъ артиллеристовъ служитъ знаменитый приказъ начальника артиллеріи, графа Кутайсова, отданный имъ наканунѣ Бородинскаго сраженія. Въ приказѣ значилось:

„Подтвердить отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобы онѣ съ позиціи не снимались, пока непріятель не сядетъ верхомъ на пушки. Сказать командирамъ и всѣмъ гг. офицерамъ, что, отважно держась на самомъ близкомъ картечномъ выстрѣлѣ, можно только достигнуть того, чтобы непріятелю не уступить ни шагу нашей позиціи. Артиллерія должна жертвовать собою; пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустить въ упоръ, и батарея, которая такимъ образомъ будетъ взята, нанесетъ непріятелю вредъ, вполнѣ искупающій потерю орудій“.

Артиллеристы буквально исполнили приказъ своего любимаго начальника. Такъ какъ Наполеонъ направилъ главную силу своего натиска на наше лѣвое крыло у села Семеновскаго, то здѣсь и закипѣлъ самый жаркій бой, при грохотѣ 300 орудій, съ той и другой стороны. Наши укрѣпленія въ этой мѣстности нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Но вскорѣ наступилъ рѣшительный моментъ, который могъ дать опасный перевѣсъ противнику. Маршалъ Ней направилъ лѣсомъ цѣлую дивизію Жюно въ обходъ нашей укрѣпленной позиціи. Полковникъ Козенъ, командовавшій гвардейскою конною артиллеріей, первый замѣтилъ этотъ обходъ и приказалъ капитану Захарову огнемъ остановить наступающаго непріятеля. Захаровъ, безъ всякаго прикрытія, пустился съ мѣста въ карьеръ, и, подъѣхавъ къ озадаченному непріятелю на самое близкое разстояніе, открылъ убійственный огонь картечью, которая вырывала цѣлые ряды изъ строя французовъ. Вся первая колонна обхода, выступившая изъ лѣса, была уничтожена огнемъ батареи Захарова, а между тѣмъ къ мѣсту боя прискакали наши кирасиры и окончательно опрокинули дивизію Жюно. Затѣмъ батарея Захарова вернулась къ нашимъ укрѣпленіямъ, продолжала здѣсь жаркій артиллерійскій бой съ 30-ю непріятельскими орудіями и полегла почти вся: храбрый Захаровъ былъ, однимъ изъ первыхъ, убитъ гранатою.

Не менѣе Захарова и его батареи отличились въ томъ же бою и другія части артиллеріи, причемъ очень многіе командиры и офицеры полегли костьми за родину. Многимъ изъ нихъ, при страшной убыли въ нижнихъ чинахъ, приходилось самимъ заряжать и банить орудія; иные, вмѣстѣ съ орудійною прислугою, вступали въ рукопашную съ налетавшими на орудія всадниками непріятельской конницы *). Въ донесеніи Кутузова императору Александру о Бородинскомъ боѣ упоминаются съ большою похвалою поразительные подвиги мужества, выказанные артиллерійскими офицерами: Горчаковымъ, Сумароковымъ, Дунинымъ-Барковскимъ, Раллемъ, Корфомъ и Щепотевымъ; но за то и потери артиллеріи были громадны. Въ числѣ жертвъ этого безпримѣрнаго боя, на батареѣ Раевскаго, геройски палъ храбрый начальникъ всей артиллеріи, графъ Кутайсовъ, отдавшій наканунѣ знаменитый приказъ, приведенный нами выше.

Объемъ нашей статьи не дозволяетъ намъ дать здѣсь хотя

*) На одной изъ батарей извѣстный уже намъ Костенецкій (онъ былъ подъ Бородинымъ въ чинѣ генерала) бросился первый на французовъ, съ банникомъ въ рукахъ, и бился имъ, пока банникъ не разлетѣлся вдребезги.

какое-нибудь мѣсто упоминанію о дѣйствіяхъ артиллеріи подъ Малымъ-Ярославцемъ (12 октября 1812 г.), подъ Краснымъ (5 ноября), подъ Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Фершампенуазомъ и Парижемъ (во время кампаній 1813 и 1814 гг.). Отмѣтимъ только одинъ, весьма любопытный фактъ. Когда союзники наши, послѣ неудачнаго сраженія при Дрезденѣ, стали въ безпорядкѣ отступать къ Тёплицу, бросая по пути оружіе и даже взрывая зарядные ящики, русская армія отступила въ полномъ порядкѣ и государь, на другой же день послѣ Кульмскаго сраженія, произведя смотръ нашей артиллеріи, нашелъ ее въ полной исправности и полной боевой готовности.

Сильнѣйшій переворотъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ былъ произведенъ во второй половинѣ XIX в., и въ Европѣ, и у насъ, быстрымъ развитіемъ техники, которая сначала способствовала введенію нарѣзныхъ орудій, а затѣмъ—и скорострѣльныхъ орудій, заряжающихся съ казенной части. Эти нововведенія въ области артиллеріи привели къ полному перевооруженію нашихъ полевыхъ батарей, которое совпало со вступленіемъ въ управленіе артиллеріей Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича (1856 г.). Въ теченіе же двадцатилѣтія 1869—89 капитальныя преобразованія произошли и въ составѣ нашей крѣпостной и осадной артиллеріи, вслѣдствіе той борьбы между бронею и артиллерійскимъ снарядомъ, которая не окончилась и въ настоящее время. Въ результатѣ этой борьбы мы пришли теперь уже къ тому, что проектированы и изготовляются 11-ти-дюймовыя длинныя пушки, вѣсомъ въ 2600 пудовъ, выбрасывающія 21-пудовый снарядъ со скоростью полета около 2000 футовъ въ секунду, и 13½ дюймовыя пушки, въ 5200 пудовъ вѣса, выбрасывающія снарядъ въ 40 пудовъ съ начальною скоростью около 2000 футовъ въ секунду.

Постоянныя, не прекращающіяся вооруженія Европы вынудили и Россію, съ самаго начала 60-хъ годовъ, выступить на тотъ-же путь непрерывнаго развитія ея военныхъ силъ, и, по отношенію къ артиллеріи, это выразилось необычайно быстрымъ возрастаніемъ боевыхъ средствъ нашей полевой артиллеріи Это возрастаніе ежегодно выражается слѣдующими цифрами: въ 1863 г. у насъ числилось 147 батарей при 1176 орудіяхъ; въ 1870 г.— уже 231 батарея съ 1848 орудіями; въ 1876 г.— 331 батарея съ 2048 орудіями; въ настоящее-же время — 414 батарей и болѣе 4000 орудій. *)

Въ послѣдніе мѣсяцы, незадолго до празднованія славнаго пятисотлѣтняго юбилея этой артиллеріи, ея силы еще значительно возросли отъ введенія въ ея составъ новаго типа орудій — стальныхъ полевыхъ мортиръ 6-ти-дюймоваго калибра, которымъ знатоки военнаго дѣла придаютъ весьма важное значеніе въ грядущихъ войнахъ.

Но всѣ эти быстрые успѣхи артиллерійскаго дѣла, конечно, могли быть достигнуты въ такой, относительно короткій, періодъ времени только потому, что, рядомъ съ крупными нововведеніями, преобразованіями и перемѣнами въ общемъ составѣ нашей артиллеріи, шла невидная и незамѣтная работа другаго рода—научная, теоретическая, выполняемая превосходно-подготовленнымъ контингентомъ ученыхъ спеціалистовъ, воспитанныхъ нашею Артиллерійскою Академіею. А эта работа, въ свою очередь, опиралась на непрерывный рядъ практическихъ опытовъ, примѣненій и изысканій, которыя, мало-по-малу, поставили нашу артиллерію настолько высоко, что она можетъ совершенно спокойно относиться къ лихорадочной военной дѣятельности европейскихъ великихъ державъ. Когда-бы ни пришлось нашему отечеству испытать страшныя бѣдствія военной грозы—мы твердо убѣждены въ томъ, что наша артиллерія, опираясь на свои вѣковыя традиціи, окажется вполнѣ подготовленною къ той выдающейся роли, которая предназначается современною тактикою этому роду оружія.

Всѣ рисунки, помѣщенные нами на стр. 1160 и 1161, сняты были, по нашему порученію, въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ.

Рисунокъ № 4 представляетъ художественно-украшенный арматурами входъ въ кабинетъ засѣданій Артиллерійскаго Музея. Здѣсь, въ арматурахъ, собраны вооруженія и оружія различныхъ временъ и народностей, и эта смѣсь указываетъ отчасти на составъ самаго Музея, въ которомъ существуетъ два одинаково-цѣнныхъ отдѣла: русскій и иностранный.

Рисунокъ № 8 представляетъ новѣйшую половину русскаго отдѣла Музея, въ которомъ собраны разныя диковинки артиллерійской техники за послѣднія 20—25 лѣтъ. Въ соотвѣтствіе ему, рисунокъ № 2 изображаетъ старѣйшую половину русскаго отдѣла, въ которой собраны древніе образцы нашей тяжелой и легкой артиллеріи: пушки, пищали, мортиры и гаубицы. Важнѣйшія диковинки этого отдѣла собраны нами на рисункѣ № 5, гдѣ мы видимъ древнѣйшіе образцы желѣзныхъ и мѣдныхъ орудій, заряжаемыхъ съ казенной части, а также и мѣдную мортиру временъ перваго Лжедмитрія, съ обозначеннымъ на ней годомъ 1606 и съ именемъ мастера Андрея Чехова.

Одинъ изъ рисунковъ (№ 6) нашихъ изображаетъ манекенъ въ костюмѣ солдата *фузелера* начала прошлаго вѣка, т. е. вооруженнаго *фузеей* (ружьемъ); другой (№ 1)—манекенъ, въ костюмѣ *бомбардира*, вооруженнаго ручною мортирой, стрѣляющей гранатами.

Наконецъ, рисунокъ № 3 изображаетъ мѣдный *камнеметъ* XVI вѣка, съ квадратнымъ каналомъ. Подобные камнеметы дѣйствовали каменною картечью или просто мелкимъ щебнемъ.

П. Полевой.

*) До начала нынѣшняго царствованія. большая часть орудій заказывалась заводу Круппа въ Германіи; нынѣ заказы орудій выполняются Обуховскимъ и Уральскимъ казенными заводами.

Къ рисункамъ.

Ромео и Юлія. (Рис. на стр. 1141).

Изображая животныхъ, нѣкоторые художники не только стараются по возможности передать какъ можно жизненнѣе самыя фигуры звѣрей и птицъ, но и воспроизводятъ ихъ при обстановкѣ чѣмъ-либо интересной. Къ числу такихъ живописцевъ принадлежитъ Минна Стоксъ, какъ это можно судить по гравюрѣ съ ея картины, помѣщенной на стр. 1141. У открытаго окна, мы видимъ на ней кошачью парочку, нѣжно бесѣдующую, точно шекспировскіе влюбленные изъ Вероны во второмъ дѣйствіи безсмертнаго произведенія поэта. Можно надѣяться, что ихъ приключенія окончатся менѣе трагически и нашимъ героямъ угрожаетъ самое большее метла или ведро холодной воды, если ихъ признанія будутъ раздаваться слишкомъ громко.

Игра въ чурки. (Рис. на стр. 1144).

Это одна изъ весьма распространенныхъ въ крестьянскомъ быту игръ, которыя развиваютъ мѣткость глаза и руки,—нѣчто среднее между бабками и городками. На задворкахъ, на новой стройкѣ, гдѣ при заготовкѣ лѣса, ничего не стоитъ напилить чурокъ, собралась кучка ребятишекъ, съ увлеченіемъ предающихся любимой забавѣ; въ отдаленіи, на доскахъ, прикурнулъ, повидимому, плотникъ съ меньшими подростками, коротая послѣобѣденный досугъ на припекѣ и вѣроятно вспоминая свое безпечальное дѣтство.

Пиковый король. (Рис. на стр. 1145).

Не только въ провинціи, но и въ столичныхъ захолустьяхъ въ родѣ Песковъ или Замоскворѣчья, пиковый король донынѣ не утратилъ своей печальной репутаціи: это завѣдомый злодѣй, старый ревнивецъ, всегда готовый строить всевозможныя каверзы прочимъ королямъ и дамамъ въ ихъ сердечномъ интересѣ. Это ужъ такъ испоконъ вѣка устроено „и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.“ По крайней мѣрѣ ни одному изъ нихъ не удалось-бы разубѣдить въ этомъ купеческую вдову не первой молодости, изображенную на картинѣ г. Корзухина. Вздумалось ей погадать о своей „судьбѣ“, услужливая Арефьевна немедленно разложила карты— и сначала все шло прекрасно, интересный бубновый король, несомнѣнно марьяжный, палъ уже къ ногамъ дамы, какъ вдругъ — откуда ни возьмись, пиковый—Арефьевна такъ и вскрикнула, показывая его не менѣе обезкураженной вдовѣ... Таки замѣшался старый каверзникъ— теперь ужъ, само собой разумѣется, проку не жди!

Литературный альбомъ. „Валленштейнъ“, Шиллера. Тэкла. (Рис. на стр. 1149).

Въ грозно величественной трилогіи Шиллера, посвященной Тридцатилѣтней войнѣ и трагической судьбѣ первенствовавшаго въ то время полководца, посреди мощныхъ, словно изъ бронзы навѣки отлитыхъ типовъ самого Валленштейна, Октавія Пикколомини, Квестенберга, Терцкихъ и др., на мрачномъ фонѣ безграничнаго честолюбія, придворныхъ интригъ, алчности къ наживѣ и всѣхъ ужасовъ войны, выдѣляется чета двухъ любящихъ сердецъ, напоминающихъ Ромео и Юлію Шекспира. Это—сынъ Октавія, графъ Максъ Пикколомини, выросшій въ лагерѣ Валленштейна, вдали отъ дипломатическихъ тонкостей и козней Австрійскаго двора, юный паладинъ, безъ страха и упрека, и Тэкла, дочь Валленштейна, съ восьмилѣтняго возраста не видавшая своего отца, который провелъ это время въ непрерывныхъ походахъ, а теперь прибывшая въ его лагерь. Максъ Пикколомини сопровождалъ Тэклу на этомъ переѣздѣ; дорогой они узнали и полюбили другъ друга такъже внезапно какъ Ромео и Юлія. Голубиная чистота Тэклы и рыцарскій духъ Макса не могутъ ужиться въ средѣ преисполненной всяческой фальши, честолюбія, коварства и злодѣяній, гдѣ нѣтъ мѣста идилліи. Оба гибнутъ жертвой своего чувства. Картина на стр. 1149 прекрасно передаетъ идеальный образъ Тэклы.

Moriamur pro rege nostro Maria Theresia!

(Рис. на стр. 1152).

Настало 8 сентября 1741 года.

Никогда Австрія не была въ болѣе затруднительномъ положеніи. Молодая и прекрасная дочь императора Карла VI, наслѣдовавъ ему въ силу прагматической санкціи въ 1740 году, видѣла теперь свое отечество отовсюду окруженнымъ врагами. Фридрихъ II, король Прусскій, вступивъ также недавно на престолъ, напалъ на Силезію; Испанія, Сардинія и Баварія домогались части австрійскихъ земель, какъ наслѣдствъ. Съ Баваріей была въ союзѣ Франція. Въ концѣ марта армія молодой императрицы была разбита въ Силезіи при Мольвицѣ. Это усилило мужество ея враговъ. Курфюрстъ Баварскій дошелъ со своимъ войскомъ до Линца, французы придвигались къ Богеміи, испанцы и сардинцы изъ Ломбардіи. Тяжело было отовсюду тѣснимой дочери Карла VI; одна надежда у нея оставалась на Венгрію. Туда она и поспѣшила. Изъ Пресбурга еще не успѣла разъѣхаться венгерская знать, собравшаяся туда въ маѣ 1741 года для коронованія Маріи Терезіи.

Прибывъ въ этотъ городъ 30 августа, Марія обратилась къ своимъ подданнымъ за помощью, описывая имъ съ высоты своего трона дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, тяжелое положеніе государства. „Покинутая всѣми, мы прибѣгаемъ къ давно испытанной вѣрности и храбрости Венгровъ“.

Девять дней спустя, въ той же тронной залѣ королевскаго замка, повторилась подобная, но еще болѣе торжественная сцена. По предложенію Маріи Терезіи, супругъ ея, Францъ Лотарингскій, былъ избранъ со-регентомъ въ Венгріи и въ этотъ день онъ приносилъ присягу.

Всѣ собрались въ тронной залѣ. Королева появилась въ немъ со своимъ супругомъ, за нею слѣдомъ шла кормилица съ маленькимъ ея сыномъ, шестимѣсячнымъ Іосифомъ, одѣтымъ въ національный венгерскій нарядъ. Онъ только наканунѣ прибылъ въ Пресбургъ. Громовые „эльенъ“ встрѣтили королевскую семью. Когда великій герцогъ Францъ произнесъ слова присяги и заключилъ ихъ словами: „Кровь и жизнь за королеву и государство“, королева при нескончаемыхъ кликахъ магнатовъ высоко подняла своего наслѣдника. „Умремъ за нашего короля Марію Терезію!“ раздалось въ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ, и венгерцы, потрясая саблями, клялись постоять за свою родину и государыню.

Въ концѣ октября въ Пресбургъ собрались до 15,000 конныхъ дворянъ и отовсюду стекались туда многочисленные отряды. Два войска могла изъ нихъ составить Марія Терезія, чтобы вступить въ борьбу со врагами.

Домъ-Луисъ I, почившій король Португаліи.

Норка, подстерегающая лысухъ.

(Рис. на стр. 1153).

Этотъ небольшой хищникъ составляетъ переходъ отъ куницъ къ выдрамъ. По походкѣ съ выгнутою спиной, по способности пролѣзать въ маленькія отверстія, норка еще вполнѣ сходна съ куницами; но бѣгаетъ она плохо, не лазитъ по деревьямъ, за-то какъ выдра плаваетъ превосходно и можетъ надолго нырять подъ воду. Ее обыкновенно и находятъ на берегу небольшихъ текучихъ водъ. Норка любитъ уединеніе и тишину вокругъ своего жилья. Но какъ ни избѣгаетъ она человѣка, тѣмъ не менѣе частенько забирается въ прибрежные курятники и душитъ домашнюю птицу. Обыкновенная пища ея состоитъ изъ рыбы, лягушекъ, раковъ и улитокъ, а также болотной и водяной дичи. Не одинъ молодой бекасъ или водяная курица (лысуха) становятся ея добычей въ теченіе лѣта.

Заманчивая цѣна мѣха норки чрезвычайно усиливаетъ преслѣдованіе этого животнаго, и оно становится все рѣже и рѣже.

Португальскій король Домъ-Карлосъ I, и его супруга, королева Амалія. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Парижская всемірная выставка 1889 года.

Свѣтящійся фонтанъ.

(Рис. на стр. 1157 и 1158).

Между башней Эйфеля и центральнымъ павильономъ скульп-

торъ Кутанъ соорудилъ водометъ особаго рода. Триста водяныхъ струй разомъ поднимаются на значительную высоту, и зрѣлище это, величественное даже днемъ, вечеромъ становится совершенно волшебнымъ, когда вся эта масса воды, какъ-бы изнутри, освѣщается разноцвѣтнымъ электрическимъ свѣтомъ. Вотъ словно огненные снопы бьютъ изъ нѣдръ водоема, разсыпая вокругъ раскаленныя искры; вдругъ декорація мѣняется— изъ огненно-красной масса воды становится зеленою, потомъ желтою, фіолетовою, голубою, рубиново-алою; потомъ цвѣта эти сливаются, переходятъ одни въ другіе, производя впечатлѣніе какой-то феэріи изъ тысячи и одной ночи.

Такіе цвѣтные фонтаны въ маломъ видѣ устраивались не разъ и въ Россіи, напр. въ Павловскѣ или въ Зоологическомъ саду Роста въ СПБ. Рис. на стр. (1158) показываетъ устройство самаго освѣщенія. Въ толщѣ пьедестала фонтана помѣщается проекторъ (снарядъ выпускающій струю электрическаго свѣта), изъ котораго выходитъ снопъ электрическихъ лучей; свѣтъ ихъ до того ослѣпителенъ, что управляющій проекторомъ долженъ защищать свои глаза закопченымъ или чернымъ стекломъ. Выше въ хвостѣ дельфина помѣщенъ рефлекторъ (вогнутое зеркало), который отражаетъ лучи подъ угломъ для горизонтальной струи воды; для вертикальныхъ струй не требуется рефлектора.

Домъ-Луисъ I, почившій король Португальскій.

(Портр. на стр. 1164).

7 октября скончался король Португальскій, домъ-Луисъ I. Продолжительное, безъ малаго тридцатилѣтнее царствованіе его прошло сравнительно мирно и благополучно и сопровождалось всего только однимъ переворотомъ въ 1870 г., который устроилъ извѣстный маршалъ Сальданья, ради изгнанія министерства герцога Лоле, сокращенія числа депутатовъ и продажи духовныхъ имѣній. Домъ-Луисъ не былъ особенно популяренъ среди своего народа, хотя онъ старался улучшить финансы, конвертировать долгъ страны, строить желѣзныя дороги и привлекать какъ можно болѣе иностранныхъ капиталистовъ. Кромѣ того, домъ-Луисъ сдѣлалъ не мало попытокъ къ уничтоженію рабства въ португальскихъ колоніяхъ и значительно успѣлъ въ этомъ освобожденіи невольниковъ. Король былъ нѣсколько причастенъ литературѣ: онъ сдѣлалъ отличный переводъ „Гамлета" Шекспира на португальскій языкъ; онъ также имѣлъ большую склонность къ искусствамъ, любилъ музыку, живопись, театръ и игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ. Домъ-Луисъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ, ему было только 51 годъ. Онъ происходилъ по женской линіи изъ дома Браганцскаго, а по мужской изъ Саксенъ-Кобургскаго герцогскаго семейства и родился 31 октября 1838 г., отъ брака короля Фердинанда съ Маріею да Глоріа, дочерью Дона-Педро I, императора Бразильскаго. При крещеніи онъ получилъ, согласно законамъ страны, слѣдующіе имена и титулы: Домъ-Луисъ-Филиппъ-Марія-Фердинандъ-Педро д'Алькантара-Антоніо-Михаилъ-Рафаилъ-Гавріилъ-Гонзаго-Ксаверій-Франциско-д'Ассизи-Іоаннъ-Юлій-Августъ-Вальфандо-де Браганца-Бурбонъ; къ этому при вступленіи его на престолъ прибавились слова: король Португаліи и Альгарвіи, по эту и по ту сторону моря въ Африкѣ, владѣтель Гвинеи, герцогъ Саксонскій и проч. На престолъ онъ вступилъ, довольно молодымъ, совершенно неожиданно, 11 ноября 1861 года, по смерти старшаго брата своего домъ-Педро V, который умеръ скоропостижно и, какъ ходили слухи, палъ жертвою интригъ герцога Лоле. Въ слѣдующемъ году, 6 октября, состоялся его бракъ съ принцессою Маріею-Піей, дочерью Виктора Эммануила, короля Италіи. Отъ этого брака у него родились дѣти: 28 сентября 1863 года, наслѣдный принцъ Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Браганцскій, и 31 іюля 1865 года второй сынъ, Альфонсъ-Генрихъ-Наполеонъ, герцогъ Опортскій. Будучи мирнаго характера, покойный король избѣгалъ какихъ бы то ни было поводовъ къ ссорамъ и столкновеніямъ; поэтому когда горячіе приверженцы домъ-Луиса въ Испаніи намѣревались доставить ему испанскую корону, онъ отказался отъ нея. Благоразумный король понялъ, что соединеніе Пиринейскаго полуострова подъ однимъ скипетромъ вызоветъ самую ожесточенную борьбу, результатомъ которой явится несомнѣнное ослабленіе Португальскаго королевства, даже въ случаѣ успѣха. Въ виду такихъ соображеній покойный король рѣшилъ сохранить свободу дѣйствій Португаліи, которая при ея соединеніи съ Испаніей только потеряла бы эту свободу, и не увлекся честолюбивыми мечтами. Не смотря на то, что король былъ преисполненъ благихъ намѣреній, онъ все-таки не могъ привести свою страну въ цвѣтущее состояніе. Сельское населеніе и при немъ бѣдствовало и принуждено было нерѣдко эмигрировать за океанъ, а дворянство, давно уже обѣднѣвшее, лишилось при немъ всякаго значенія.

Португальская королевская чета.

(Портр. на стр. 1164).

Домъ-Карлосъ I, нынѣшній король Португаліи, сынъ покойнаго домъ-Луиса I и королевы Маріи-Піи, дочери короля Виктора-Эммануила Итальянскаго, родился 16 (28) сентября 1863 года. На 23 году своей жизни, 10 мая 1886 года, онъ вступилъ въ бракъ со старшею дочерью графа Парижскаго, Амаліей, родившейся въ 1865 году того же числа, какъ и ея вѣнценосный супругъ. У многихъ еще сохранился въ памяти праздникъ, который справлялъ графъ Парижскій по случаю помолвки своей дочери съ наслѣдникомъ Португальскаго престола. Королевская роскошь и присутствіе на немъ членовъ дипломатическаго корпуса придали ему характеръ придворнаго торжества, что не могло пройти незамѣченнымъ со стороны республиканскаго правительства и было одною изъ причинъ удаленія графа Парижскаго и другихъ принцевъ крови изъ предѣловъ Франціи.

Являясь сама по себѣ государствомъ не имѣющимъ вліянія на политическій строй Европы, Португалія тѣмъ не менѣе не можетъ остаться незамѣченною, когда рѣчь идетъ о ея колоніяхъ, въ особенности съ 1884 года, когда значеніе Португаліи въ Африкѣ постоянно увеличивается. Въ этомъ отношеніи ей должно быть отведено подобающее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

Годфридъ Годфридовичъ Корсовъ. Съ фот. Ренара, грав. Шюблеръ.

Г. Г. Корсовъ. (Портр. на этой стр.).

Въ концѣ октября мѣсяца въ Москвѣ состоялось артистическое торжество въ честь Корсова, извѣстнаго нашего пѣвца, по случаю окончившагося двадцатипятилѣтія его службы на оперныхъ сценахъ Императорскихъ театровъ, петербургскаго и московскаго. Обладая прекраснымъ голосомъ (баритономъ), огромнымъ сценическимъ талантомъ и весьма счастливой наружностью, этотъ замѣчательный артистъ-художникъ давно составляетъ истинное украшеніе русской оперной труппы и имѣетъ многочисленныхъ и горячихъ почитателей. Артистическая дѣятельность Корсова достойна и уваженія, и удивленія. Рѣдкій изъ представителей нашихъ лирическихъ сценъ относится съ такою добросовѣстностью къ своему дѣлу, рѣдко кто вноситъ столько труда, безкорыстія и горячей любви въ свое служеніе искусству, какъ Корсовъ. Онъ постоянно работаетъ надъ собой, онъ внимательно до тонкостей старается изучить каждую свою роль, для чего ему часто приходится прочитывать цѣлые томы научныхъ, психологическихъ или посвященныхъ искусству, сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, ему превосходно знакомыхъ. Будучи человѣкомъ всесторонне и серьезно образованнымъ, нашъ артистъ безукоризненно владѣетъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскомъ, итальянскомъ и внимательно слѣдитъ за литературами, имѣя обширную и богатую библіотеку. Если прибавить къ этому прекрасныя вокальныя средства: выразительность въ голосѣ, безукоризненную дикцію и музыкальную фразировку, отличную школу, основательное знакомство со всѣми условіями сцены, весьма выдающійся драматическій талантъ, то становится понятнымъ мастерское исполненіе ролей Корсова. Изъ этихъ ролей особенно выдается роль Олоферна въ оперѣ Сѣрова „Юдиѳь", въ которой Корсовъ все до послѣднихъ мелочей обдумалъ, изучилъ и является такимъ художникомъ, что многіе знатоки искусства ставятъ его на ряду съ первоклассными исполнителями роли Олоферна — Росси, Ольдриджемъ и другими трагиками. Камиллъ Сенъ-Сансъ, извѣст-

ный французскій композиторъ, дававшій концерты и у насъ въ Петербургѣ, отзывался съ особеннымъ восторгомъ о Корсовѣ-Олоферпѣ. Русское искусство многимъ обязано Корсову. Почти ни одна изъ оперъ, даваемыхъ у насъ, не обходится безъ его личнаго участія или безъ его содѣйствія. Благодаря его стараніямъ, его основательнымъ познаніямъ въ исторіи костюмовъ, въ живописи, въ архитектурѣ, у насъ было поставлено много новыхъ оперъ и на столичныхъ сценахъ, и въ провинціи. Особенно плодотворна его дѣятельность и въ этомъ отношеніи, и въ дѣлѣ развитія національной оперы, для Москвы, гдѣ талантливому артисту нашему пришлось со всею присущею ему энергіей и беззавѣтной преданностью искусству, довольно долго бороться съ „итальянщиной“, ибо московская публика, сильно увлеченная оперой итальянской, относилась болѣе чѣмъ равнодушно къ оперѣ русской. Въ началѣ артистической карьеры Корсовъ самъ былъ горячимъ приверженцемъ итальянской музыки и, не смотря на знакомство съ П. И. Чайковскимъ и А. Н. Сѣровымъ, долго не измѣнялъ своихъ взглядовъ. Но послѣ одного изъ представленій „Юдиѳи“ въ его музыкальномъ развитіи произошелъ переломъ. Онъ сдѣлался пламеннымъ поклонникомъ Сѣрова и оставался его другомъ до самой кончины композитора. Хотя Сѣрову пришлось видѣть Корсова только въ „Фаустѣ“, „Травіатѣ“ и „Трубадурѣ“, но онъ всегда съ полнымъ уваженіемъ отзывался о талантѣ нашего артиста-художника. Корсовъ—это сценическій псевдонимъ. Настоящая фамилія артиста—Герингъ, Годфридъ Годфридовичъ. Онъ сынъ довольно извѣстнаго доктора-гомеопата и родился въ Петербургѣ, 19 февраля 1843 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пансіонѣ Келлера и очень рано обнаружилъ любовь къ изящнымъ искусствамъ. Десяти лѣтъ онъ сталъ брать уроки пѣнія у извѣстнаго въ то время профессора Пиччіоли. Готовясь сдѣлаться архитекторомъ, онъ, по окончаніи ученія въ пансіонѣ, въ 1856 году, поступилъ въ Строительное училище (нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) и пробылъ въ немъ четыре года, послѣ чего, въ 1861 г., перешелъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1864 г. со званіемъ свободнаго художника по архитектурѣ. Въ 1867 г. онъ получилъ званіе классиаго художника за проектъ дачи. Съ цѣлью усовершенствованія въ своей профессіи архитектора онъ еще ранѣе, въ 1864—65 гг., ѣздилъ за границу, и увидавъ на миланской сценѣ Эрнесто Росси, а затѣмъ баритона Котоньи, почувствовалъ неодолимое влеченіе къ сценѣ. Въ 1865—66 гг. онъ слушалъ курсы въ „École des beaux-arts“, въ „Сорбоннѣ“, въ „Collège de France“ и въ „Conservatoire des arts et métiers“. Послѣ этого онъ вернулся въ отечество, но въ 1867 г. снова уѣхалъ на выставку въ Парижъ, и здѣсь цѣлую зиму учился пѣнію у баритона Делле-Седіе. По его совѣту, Корсовъ окончательно посвятилъ себя сценической дѣятельности и съ этою цѣлью болѣе года занимался въ Миланѣ подъ руководствомъ Джованни Корси (отсюда и псевдонимъ—Корсовъ). Въ 1868 г. Корсовъ дебютировалъ въ „Лючіи“ на сценѣ театра Альфіери въ Туринѣ, а въ слѣдующемъ году въ январѣ былъ ангажированъ въ Геную, въ театръ „Carlo Felice“, гдѣ пѣлъ съ огромнымъ успѣхомъ. Въ октябрѣ того же года директоръ театровъ Гедеоновъ предложилъ ему ангажементъ. Дебютъ Корсова состоялся въ ноябрѣ въ роли графа Луна въ „Трубадурѣ“ — и съ этого времени онъ становится любимцемъ публики. Въ лѣтній сезонъ 1873 и 1874 гг. онъ съ большимъ успѣхомъ пѣлъ въ Одессѣ, въ труппѣ Бергера, а въ 1875 г. въ труппѣ А. Г. Меншиковой и г. Раппопорта. Кромѣ того онъ концертировалъ съ г-жей Скальковской въ 1876 г. въ Одессѣ, и лѣтъ девять подъ-рядъ участвовалъ въ концертахъ въ Петербургѣ. Съ 1879 по 1882 г. дирекція посылала его пѣть въ Москву, гдѣ затѣмъ онъ былъ оставленъ окончательно. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, Корсовъ исполнялъ самыя отвѣтственныя партіи, выказывая всегда удивительную художественную силу. Талантъ г. Корсова находится нынѣ въ полномъ расцвѣтѣ и въ свое исполненіе артистъ вноситъ столько же страстности и жизни, какъ и въ первые годы своей артистической дѣятельности.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Съ возвращеніемъ императора Германскаго на родину заканчивается рядъ свиданій, встрѣчъ и бесѣдъ. Всѣ они, начиная съ посѣщенія Государемъ Императоромъ императора Вильгельма II въ Берлинѣ, и кончая встрѣчами главы Германіи со своими союзниками, королемъ Итальянскимъ и императоромъ Австрійскимъ на обратномъ пути въ Берлинъ, даютъ безконечную пищу толкамъ и предположеніямъ объ ихъ политическомъ значеніи. Между прочимъ, въ газетѣ *Hamburger Correspondent* помѣщено слѣдующее сообщеніе изъ Берлина: „Въ здѣшнихъ политическихъ кругахъ весьма довольны ходомъ дипломатической дѣятельности за послѣднее время. Пребываніе же Царя въ Берлинѣ оказалось въ высокой степени благопріятнымъ для шансовъ мира, а теперь визитъ графа Кальноки имперскому канцлеру въ Фридрихсруэ можно считать какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ усилій, направленныхъ къ сохраненію мира. Результатъ этой поѣздки можно представить въ томъ смыслѣ, что она значительно содѣйствовала усиленію существующихъ залоговъ мира“. Что-же касается пребыванія императора Вильгельма въ Константинополѣ, то, по словамъ того-же *Correspondent'*а, „изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что константинопольская поѣздка императора вовсе не имѣетъ характера косвенной демонстраціи противъ Россіи. Напротивъ, можно считать за достовѣрное, что и поѣздка графа Кальноки въ Фридрихсруэ имѣла, главнымъ образомъ, цѣлью убѣдить австро-венгерскую дипломатію въ необходимости предоставить русскимъ стремленіямъ на юго-востокѣ Европы въ извѣстныхъ предѣлахъ болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ до сихъ поръ“. Относительно результатовъ константинопольской поѣздки, въ *Times* сообщаютъ изъ Вѣны, что они сводятся къ тому, что императоръ старался убѣдить султана въ мирныхъ цѣляхъ тройственнаго союза, что ему и удалось. Такимъ образомъ, указываетъ въ концѣ концовъ *Fremdenblatt*, между Россіей и тройственнымъ союзомъ возникло обоюдное довѣріе относительно ихъ миролюбія, чѣмъ и обезпечено сохраненіе мира.

Быть-можетъ это обезпеченіе мира и вынудило маркиза Солсбери высказаться на банкетѣ Лондонскаго лорда-мэра въ выраженіяхъ, необычныхъ для главы англійскаго министерства. Поздравивъ лорда-мэра со вступленіемъ въ должность, маркизъ замѣтилъ, что оно совершилось въ такое время, когда давно исчезнувшее благоденствіе начинаетъ возстановляться. Коснувшись въ своей рѣчи иностранныхъ дѣлъ, ораторъ замѣтилъ, что, къ счастію, ему трудно подыскать заслуживающіе вниманія предметы. „Африка — присовокупилъ онъ — занимаетъ Европу больше всего, всѣ націи обнаруживаютъ великодушное соревнованіе въ дѣлѣ распространенія культуры въ этой части свѣта. Великобританія въ этомъ отношеніи отъ другихъ державъ не отстала“. Съ чувствомъ удовлетворенія маркизъ Солсбери упомянулъ о брюссельской конференціи противъ торга невольниками, назвавъ ее эпохою во всемірной исторіи и выразивъ при этомъ благодарность Занзибарскому султану за декретъ объ освобожденіи рабовъ. „Въ Египтѣ — продолжалъ премьеръ — существуютъ попрежнему опасенія нашествія махди, власть котораго, какъ свидѣтельствуетъ побѣда надъ Эминъ-пашой, еще сильна. Вотъ почему время для очищенія Египта еще не наступило. Другія державы могли бы содѣйствовать намъ въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ подъему благосостоянія Египта“. Относительно Европы маркизъ Солсбери замѣтилъ, что ему остается сказать не много. Затрудненія на Критѣ клонятся къ скорому улаженію, другихъ же причинъ тревоги въ Европѣ не существуетъ. По поводу слуха о томъ, что британская политика связана особыми обязательствами, ораторъ замѣтилъ: „Англійская политика относительно Европы и Средиземнаго моря извѣстна всему свѣту. Это политика мира, политика поддержанія существующихъ вещей. Никакая перемѣна не могла бы быть пагубнѣе територіальнаго увеличенія какой бы то ни было изъ великихъ державъ, что̀ навѣрно ускорило бы катастрофу. Было бы безуміемъ, даже невозможностью, заставить насъ принять на себя обязательство относительно какихъ бы то ни было специфическихъ шаговъ въ будущемъ. Въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ странахъ произошли событія, направленныя къ сохраненію мира, и искреннія стремленія монарховъ въ пользу мира пріобрѣли большую силу. Барометръ ясно поднимается къ миру. Наиболѣе компетентные въ дѣлѣ европейскіе государственные люди считаютъ, что шансы на сохраненіе мира увеличились противъ прежняго“.

Франція, занятая болѣе внутреннимъ миромъ, отпраздновала закрытіе выставки и открыла засѣданія палаты депутатовъ. Праздникъ по случаю закрытія выставки, благопріятствуемый хорошею погодою, превзошелъ всѣ предшествовавшія празднества. Не смотря на громадное стеченіе народа, отъ 400,000 до 500,000 человѣкъ, произошло лишь нѣсколько случаевъ, не имѣвшихъ серьезнаго значенія. Президентъ Карно поѣхалъ на выставку, но у Іенскаго моста встрѣтилъ такія сплошныя массы народа, что вынужденъ былъ вернуться обратно при кликахъ: „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Карно!“

Открытіе палаты депутатовъ совершилось менѣе благополучно. Засѣданіе палаты было открыто въ 2 ч. 30 м. 31 октября. Предсѣдавшій по старшинству лѣтъ Бланъ произнесъ обычную въ подобныхъ случаяхъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ республиканцамъ единеніе, и выразилъ надежду, что нынѣшняя палата съумѣетъ избѣгнуть ошибокъ предшествовавшей. Затѣмъ приступлено къ избранію временнаго президента, которымъ 348 голосами на 510 участвовавшихъ въ голосованіи избранъ Флокэ. Вице-президентами палаты избраны Казимиръ-Перье и Девель. Флокэ благодарилъ палату за свое избраніе рѣчью, которой много аплодировали. Засѣданія палаты отложены до четверга для повѣрки полномочій. Засѣданіе было открыто въ 5 ч. При разъѣздѣ произошло нѣсколько инцидентовъ. Вслѣдствіе неповиновенія предложеніямъ полиціи расходиться — произведено было нѣсколько арестовъ. Въ числѣ арестованныхъ оказались буланжистскіе депутаты Деруледъ, Ле-Гериссе и Будо, а также редакторъ *Drapeau* Турсенъ, но къ вечеру ихъ выпу-

стили. Арестованіе было просто мотивировано отказомъ повиноваться полицейскому комиссару, который, на основаніи приказанія не допускать скопищъ, запрещалъ собираться толпою. Число всѣхъ произведенныхъ арестовъ простирается до 158, причемъ 60 арестованныхъ предоставлены въ распоряженіе судебной власти.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 октября, въ 4 часа дня, по Варшавской жел. дорогѣ со ст. Александровской изволила прибыть въ Павловскъ ея королевское высочество Принцесса Марія Ганноверская и Великобританская.

Дѣла церкви.

— 29 октября, въ Гатчинѣ, происходило освященіе построенной въ память въ Бозѣ почивающаго императора Александра II кладбищенской церкви. Освященіе совершалъ придворный сакелларій о. Толмачевъ съ придворнымъ духовенствомъ.

— Епископъ Рижскій и Митавскій вернулся съ начальникомъ губерніи въ Ревель. Пять церквей освящены епископомъ въ Гапсальскомъ уѣздѣ. Вслѣдствіе бурной переправы на острова, освященіе построенныхъ тамъ трехъ православныхъ церквей не состоялось.

— Въ Москвѣ, 1 ноября, торжественно праздновалось 75-лѣтіе существованія духовной академіи.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно пріостановить временно во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, дальнѣйшее открытіе отдѣленій сихъ совѣтовъ.

Финансы.

— Подписка на закладные съ выигрышами листы Государственнаго дворянскаго земельнаго банка, объявленная на 21, 22 и 23 октября въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, а также въ Волжско-Камскомъ банкѣ съ его отдѣленіями, С.-Петербургскомъ международномъ коммерческомъ банкѣ съ Кіевскимъ его отдѣленіемъ и Петербургскомъ учетномъ и ссудномъ банкѣ, дала слѣдующіе результаты. Всего подписалось 258,200 лицъ на 26.146,965 листовъ, или на сумму 5.621.597,475 рублей, по назначенной подписной цѣнѣ въ 215 руб. за закладной листъ въ сто рублей нарицательнаго капитала. Такимъ образомъ, подписная сумма перевысила въ 32,7 раза сумму займа. Наибольшую сумму подписки, а именно, слишкомъ 91%, далъ Петербургъ, затѣмъ слѣдуетъ Москва—6,6%.

Военное дѣло.

— По случаю 500-лѣтія нашей артиллеріи, на 8-е ноября сего года назначено празднованіе въ залѣ близъ Артиллерійскаго музея, помѣщающагося въ Кронверкѣ С.-Петербургской крѣпости.

— Въ текущемъ году, въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба изъявило желаніе держать экзаменъ въ младшій классъ академіи 202 офицера. Явилось къ экзамену 198, изъ коихъ, по словамъ *Русскаго Инвалида*, выдержало экзаменъ 139 офицеровъ, а принято 70 штатными и 10 сверхштатными слушателями.

— 22 сентября, въ гор. Чемкентѣ, Сыръ-Дарьинской области, происходило освященіе и открытіе памятника воинамъ, павшимъ при взятіи крѣпости Чемкента, въ 1864 году.

Промышленность.

— Въ послѣднее время фирмою Густава Листа производится въ Елисаветпольской губерніи разработка нефтяныхъ залежей въ урочищѣ „Нафталанъ“. Буровыя работы дали удовлетворительные результаты, такъ какъ нефть показалась въ достаточномъ количествѣ на незначительной, сравнительно, глубинѣ.

— 9 октября, въ гор. Тифлисѣ, въ саду „Муштаидъ“, состоялась закладка зданія главной кавказской шелководственной станціи.

— На четвертой недѣлѣ великаго поста будущаго 1890 года, въ СПБ., въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній (въ зданіи Соляного Городка) открывается первая въ Россіи выставка дѣтскихъ игрушекъ.

Торговля.

— Въ Одессѣ за послѣднее время замѣчалось усилившееся движеніе хлѣбныхъ грузовъ воднымъ путемъ. Въ Практическую гавань ежедневно прибывало съ Днѣпра до 20 тыс. четвертей хлѣба различныхъ сортовъ, преимущественно, такъ-называемой, никопольской гирки и ячменя, доставляемыхъ изъ приднѣпровской полосы Екатеринославской и частью Таврической губерній.

— Въ Харьковѣ закончилась Покровская ярмарка. Общій оборотъ ярмарки, сравнительно съ прошлымъ годомъ, считаютъ ниже на 40%. Мануфактуристы особенно потерпѣли. Продано наполовину менѣе.

Искусства изобразительныя.

— 31 октября, рисовальная школа при Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ праздновала въ Высочайшемъ присутствіи пятидесятилѣтній юбилей своего существованія.

— Въ Императорскомъ Эрмитажѣ выставлены недавно двѣ замѣчательныя картины Андреа дель-Кастаньо.

— 28 октября, въ Варшавѣ, въ зданіи музея „промышленности и сельскаго хозяйства“, состоялось открытіе выставки произведеній древняго и новаго прикладнаго искусства. Выставленными предметами заняты всѣ залы музея.

Литература и наука.

— 27 октября, въ Имп. Географич. обществѣ, въ засѣданіи отдѣленій географіи физич. и матем. А. В. Вознесенскій сдѣлалъ весьма интересное сообщеніе объ успѣхахъ сейсмическихъ изслѣдованій.

— 29 октября, въ актовой залѣ СПБ. духовной академіи, преподаватель Холмской духовной семинаріи М. Н. Саввантскій защищалъ свою диссертацію, подъ заглавіемъ: „Исходъ израильтянъ изъ Египта“, представленную имъ въ совѣтъ академіи на соисканіе степени магистра богословія.

— Съ 6 ноября, въ СПБ., въ залѣ Педагогическаго музея, начнутся публичныя лекціи профессора СПБ. университета С. П. Глазенапа, на тему: „Міръ и вселенная“.

Спортъ.

— С.-Петербургское общество любителей бѣга на конькахъ устраиваетъ предстоящею зимою большое международное состязаніе на конькахъ, по случаю 25-лѣтняго юбилея существованія катка въ Юсуповомъ саду.

Изъ губерній и областей.

— Въ Харьковѣ, 30 октября, попечитель учебнаго округа объявилъ студентамъ университета о Всемилостивѣйшей надписи на докладѣ министра Народнаго Просвѣщенія по поводу отслуженнаго студентами 17 октября молебствія въ Спасовомъ скитѣ. Слова Государя Императора вызвали громкое „ура“, сопровождавшееся народнымъ гимномъ, исполненнымъ всѣми студентами.

— Дворянъ Михаила Чхоларія, Чончори Морганія, крестьянъ Тура Чиквятія и Маркоза Киритадзе, преданныхъ суду за разбойническое нападеніе и убійство директора бельгійской лѣсопильной компаніи Филиппи и ограбленіе приказчиковъ торговаго дома Дрейфусъ, временный военный судъ въ Кутаисѣ приговорилъ къ повѣшенію, постановивъ ходатайствовать о смягченіи участи Чиквятія.

— Въ Вѣрномъ, вечеромъ 29 октября былъ сильный подземный ударъ.

Смѣсь.

31 октября, членъ торговаго дома Блокъ, Ю. И. Блокъ, показывалъ въ Петербургѣ, въ гостинницѣ Франція, новѣйшій типъ изобрѣтеннаго Эдиссономъ *фонографа*, врученнаго ему лично изобрѣтателемъ, — во время послѣдняго пребыванія г. Блока въ Америкѣ, — исключительно для научныхъ цѣлей. Демонстрированіе этого фонографа въ гостиницѣ Франція произведено въ присутствіи приглашеннаго г. Блокомъ, многочисленнаго общества ученыхъ и писателей. Здѣсь были, между прочимъ, редакторы и сотрудники періодическихъ изданій: *Нивы, Свѣта, Недѣли, Новостей, Русской Старины, Гражданина, Врача, Journal de St.-Pétersbourg, Правительственнаго Вѣстника* и др., — писатели А. А. Потѣхинъ, Я. П. Полонскій и др. Кромѣ воспроизведенія музыкальныхъ пьесъ, исполненныхъ на различныхъ инструментахъ и человѣческимъ голосомъ, фабричнаго шума и пр., г. Блокъ воспроизвелъ на фонографѣ человѣческую рѣчь—декламированіе стиховъ и пр. Чтобы дать понятіе о томъ, какое громадное количество колебаній воздуха дѣлаетъ человѣческая рѣчь, а подъ ея вліяніемъ и чувствительная къ звукамъ пластинка аппарата, оставляющая посредствомъ штифта на пріемномъ восковомъ цилиндрѣ углубленія, посредствомъ которыхъ потомъ другой аппаратъ принимаетъ и воспроизводитъ на этомъ цилиндрѣ звуки, г. Блокъ объяснилъ, между прочимъ, что Эдиссону, при помощи сильнаго микроскопа, удалось сосчитать углубленія восковаго цилиндра, оставленныя на немъ лишь однимъ извѣстнымъ, при употребленіи телефона, словомъ: *aló!* и этихъ углубленій оказалось до 75,000,—изъ нихъ 15,000 крупныхъ и въ каждомъ еще до 5 мелкихъ.

Отрывокъ изъ „сумасброднаго времени“ въ Веймарѣ

Подъ „сумасброднымъ временемъ“ надо подразумѣвать годы юности и проказъ великаго герцога Карла-Августа, проведенные имъ со своимъ любимцемъ Гёте. Въ иныя зимнія ночи, добродушные веймарцы, строго придерживавшіеся гражданскаго часа, во время перваго безмятежнаго сна бывали испуганы хлопаньемъ бича, звономъ колокольчиковъ и лаемъ собакъ, когда веселые господа придворные возвращались съ загородной прогулки въ быстро несущихся саняхъ.

Въ лѣтнее и осеннее утро, грохотъ охотничьихъ каретъ и звуки охотничьихъ роговъ замѣняли степеннымъ гражданамъ—будильникъ. Разъ, при подобномъ выѣздѣ на охоту, герцогъ и его поэтъ отдѣлились отъ свиты и зашли въ уединенную крестьянскую усадьбу, чтобы утолить жажду.

Старая крестьянка, усердно работая, стояла у кадки съ масломъ; но просьбѣ гостей она тотчасъ-же прервала свою дѣятельность и пошла въ погребъ за свѣжимъ молокомъ. Въ простой охотничьей курткѣ она не узнала мѣстнаго герцога: ея услужливость относилась только къ двумъ жаждущимъ и заблудившимся охотникамъ. Какъ только она вышла изъ комнаты, великій герцогъ быстро схватилъ за шиворотъ жирнаго кота, котораго онъ передъ этимъ замѣтилъ на лежанкѣ, сунулъ его въ кадку и покрылъ крышкой.

Вскорѣ послѣ того, ничего не подозрѣвая, крестьянка возвратилась съ молокомъ и была обоими гостями до такой степени засыпана всевозможными вопросами, что не только не замѣтила исчезновенія своего кота, они не обратила вниманія на шумъ производимый имъ въ его темницѣ. Потомъ оба Мелеагра, доро-

гою вспоминали и потѣшались мыслью объ томъ, какіе глаза сдѣлаетъ ихъ хозяйка при открытіи ея любимаго кота въ пахтаньѣ. Августъ намѣревался въ другой разъ щедро наградить хозяйку за убытокъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда опять состоялась охота въ этой мѣстности,—герцогъ съ Гёте снова посѣтили этотъ домикъ:

— Ахъ, Господи, вскрикнула хозяйка, встрѣчая ихъ еще издали, въ то время какъ котъ ея удиралъ во всю прыть,—вотъ тѣ самые господа!

— Это мы, матушка, перебилъ ее великій герцогъ,—сыгравшіе съ вами тогда маленькую продѣлку; но за то возьмите себѣ вознагражденіе,—съ масломъ, вѣдь, вы ничего не могли подѣлать!

Добрая старуха молча спрятала предложенный золотой, лукаво моргнула и смѣясь сказала:

— Вы ни капельки не принесли мнѣ убытку, господа; масло пошло ко двору въ Веймаръ, и тамъ оно оказалось достаточно хорошо!

Дорого стоившій фидибусъ *). Въ 1858 году въ Лондонѣ, спустя нѣсколько дней по извѣщеніи о благополучномъ опущеніи трансатлантическаго кабеля, вошелъ въ только что устроенное телеграфное бюро одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ палаты пэровъ и пожелалъ послать депешу въ Ст.-Джонъ, въ Ньюфаундлендѣ, и дождаться отвѣта.

— Милорду извѣстно, возразилъ чиновникъ,—что его свѣтлости придется ждать около трехъ часовъ пока получится отвѣтъ?

— Я подожду!

— Угодно вамъ будетъ продиктовать?

— Лондонъ, 5 ч. вечера. Пустите самую сильную искру, какую только вы можете извлечь изъ вашего аппарата. Увѣдомьте меня объ этомъ за минуту.

Лордъ спокойно сѣлъ и сталъ ждать появленія искры. Въ 7 ч. 45 м.—почти послѣ трехъ-часоваго ожиданья—телеграфъ отвѣчалъ: „Ст.-Джонъ, въ Ньюфаундлендѣ. Черезъ минуту вы получите требуемую электрическую искру“. Лордъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, взялъ гаванскую сигару лучшаго сорта (Trabucos), приблизилъ кусочекъ трута къ электрической проволокѣ, который вспыхнулъ отъ перескочившей на него искры, закурилъ сигару, заплатилъ слѣдуемые 120 ф. ст. (около 1200 р.) и ушелъ.

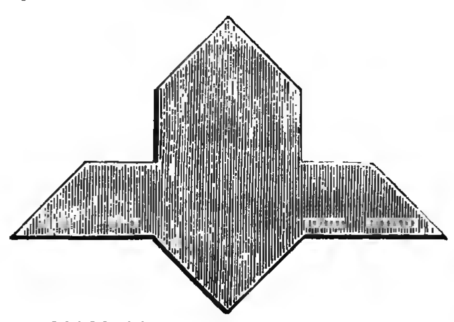
Какъ только лондонскіе фаты провѣдали о новомъ способѣ добыванія огня съ другой половины земнаго шара, то каждый пожелалъ сдѣлать то же самое. Въ продолженіе многихъ дней ими осаждалось телеграфное бюро, чтобы за 120 гиней зажечь сигару, пока наконецъ имъ эта шутка не обошлась слишкомъ дорого. (А.)

Еще великанъ. Въ настоящее время въ Петербургѣ находится великанъ почти невѣроятнаго роста—3 арш. 3½ вершка. Великанъ этотъ—отставной унтеръ-офицеръ Николай Семеновъ, уроженецъ Калужской губерніи, Масальскаго уѣзда. Ему сорокъ лѣтъ. Служилъ онъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, имѣетъ Георгія, и во время недавней войны состоялъ въ сводномъ баталіонѣ конвоя въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича. Въ 1881 году Николай Семеновъ былъ за границей—въ Вѣнѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Берлинѣ, гдѣ предпріимчивые прожектеры-иностранцы показывали его за деньги. Теперь, однако, по возвращеніи въ Россію онъ не намѣренъ праздно существовать и непремѣнно желаетъ поступить куда-нибудь на службу. (Б.)

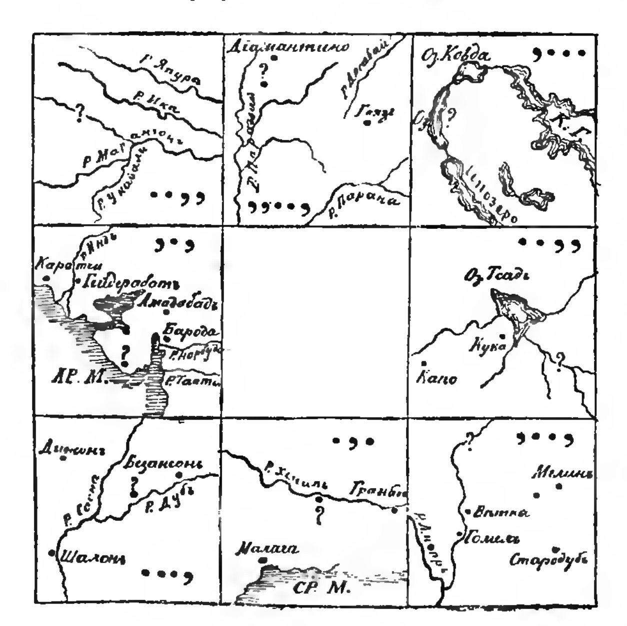
О вредномъ вліяніи сахарина (Saccharin) на здоровье человѣка. Это, открытое въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ докторомъ К. Фальбергомъ въ Нью-Іоркѣ, въ каменноугольномъ дегтѣ, вещество есть производное ангидро-орто-сульфаминъ-бензойной кислоты. По сладкости оно въ 300 разъ превышаетъ сахаръ, не разлагаясь къ тому еще въ желудкѣ. Въ видахъ этихъ свойствъ начали имъ замѣнять сахаръ, какъ въ общежитіи, такъ и въ медицинѣ, особливо въ тѣхъ случаяхъ гдѣ запрещается употребленіе этого послѣдняго. Два года тому назадъ однако уже проф. Iегеръ (Jäger) въ Штутгартѣ указалъ на вредныя свойства этого каменноугольнаго сахара. Далѣе наблюдали, что разныя насѣкомыя, особливо пчелы, а также и собаки, легко отличаютъ пищу къ которой прибавленъ сахаръ отъ подслащенной сахариномъ — послѣднюю не трогаютъ. Въ прошломъ году Франція и Португалія вполнѣ запретили ввозъ сахарина, а въ Англіи не дозволяется болѣе его примѣненіе въ пивоваренномъ дѣлѣ. Въ самое послѣднее время и въ Германіи начинаютъ говорить противъ употребленія сахарина. Важны для разъясненія вопросы о вредности сахарина изслѣдованія А. Штифта. Послѣдній подтвердилъ, что онъ не представляетъ питательнаго средства, такъ какъ выдѣляется изъ тѣла вполнѣ неизмѣненнымъ. При употребленіи до 3 граммовъ въ день, сахаринъ дѣйствуетъ нѣсколько слабительно и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ позывъ къ ѣдѣ. Исходя далѣе изъ того предположенія, что обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ обусловливается въ основѣ дѣйствіемъ ферментовъ, Штифтъ также изслѣдовалъ вліяніе сахарина на ферменты желудочнаго и панкреатическаго соковъ. На обоихъ сахаринъ оказалъ весьма замедляющее вліяніе; точно такъ же и д-ръ Гаисъ въ Карлсбадѣ свидѣтельствуетъ, что большое количество порошка сахарина замедляетъ пищевареніе бѣлка и мутитъ желудочный сокъ. Коротко сказать, сахаринъ, въ противоположность сахару, не только не имѣетъ никакого питательнаго значенія, но въ то же время весьма вреденъ для здоровья. (N.)

Геометрическая задача № 70.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на 4 части такъ, чтобы изъ нихъ составился квадратъ.



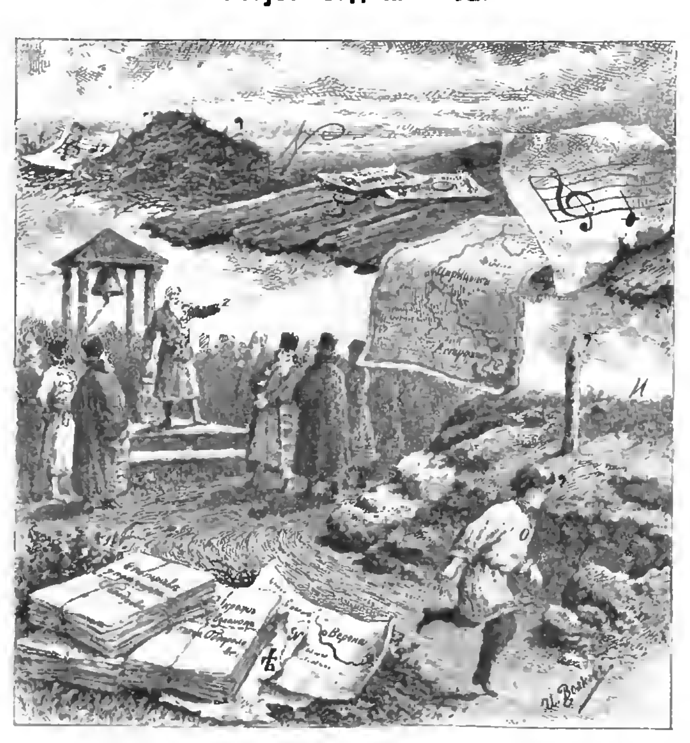
Географическая задача № 71.



Найти по атласу городъ или рѣку, не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

*) Предметъ которымъ зажигаютъ трубку: бумага, лучинка и пр.

Ребусъ. Задача № 72.



ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Н. И. П—ву, Москва. Намъ весьма пріятно было узнать изъ вашего письма, что „Сборникъ романовъ и повѣстей“, безплатно разосланный гг. подписчикамъ при 44-мъ № „Нивы“, превзошелъ, какъ вы пишете, ваши ожиданія, и мы очень благодарны за вашъ лестный отзывъ о немъ.

Для отдѣльной продажи мы „Сборника“ не печатали, но у насъ осталось нѣсколько экземпляровъ его, которые и продаются по 2 р., съ перес. по 2 р. 50 к.

Выставка преміи „НИВЫ“ на 1890 годъ.

Въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, №. 6), выставлены двѣ

НОВЫЯ КАРТИНЫ ПРОФ. И. И. ШИШКИНА:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,

ОРИГИНАЛЫ и олеографическія копіи съ нихъ, предназначенныя **ВЪ БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ** годовымъ подписчикамъ **„НИВЫ“ 1890 года.**

Дабы дать наглядное понятіе о весьма сложномъ способѣ печатанія олеографій, тамъ-же выставлена коллекція всѣхъ 38 послѣдовательныхъ оттисковъ разными красками, въ порядкѣ ихъ печатанія.—Картины можно обозрѣвать ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 3-хъ до 6-ти часовъ пополудни, при электрическомъ освѣщеніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 года.

Начиная въ 1890 году **третье десятилѣтіе** своего существованія, „НИВА“ остается вѣрна своей многосторонней и твердо установленной программѣ чисто-русскаго журнала, благодаря которой въ теченіе **двухъ первыхъ десятилѣтій** успѣла обратить на себя вниманіе всего русскаго общества и занять выдающееся положеніе въ средѣ нашихъ періодическихъ изданій, ставъ наиболѣе распространеннымъ и любимымъ журналомъ русской семьи. Россія, русскій народъ, русская исторія и русская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ — вотъ что попрежнему будетъ главною основой помѣщаемаго въ „НИВѢ“ литературнаго и художественнаго матеріала.

Что касается **литературнаго матеріала** имѣющаго появиться въ „НИВѢ“ 1890 г., то съ 1-го нумера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, **разсказъ въ прозѣ**, подъ заглавіемъ **„Маркъ Петровичъ Петровъ“**. Около двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ ничего не писалъ въ прозѣ, и мы убѣждены, что этотъ высоко-художественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфелѣ редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати:

Н. Д. Ахшарумова: **„НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“** и **„НЕ ТОТЪ“**, разсказы.

К. А. Бороздина: **„ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛІИ“** и **„ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“**, очерки.

В. И. Бибикова: **„ПЕРВАЯ ГРОЗА“**, повѣсть.

А. Ѳ. Брандта: профессора Харьковскаго Университета: **„ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ** изъ міра животныхъ“. Популярно-научныя статьи.

А. И. Введенскаго: **„Литературно-критическія миніатюры“ (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ).**

Кн. М. Н. Волконскаго: **„КНЯЗЬ НИКИТА ѲЕДОРОВИЧЪ“**, историческ. романъ въ 3-хъ ч. и **„СУДЬБА“**, разсказъ.

В. П. Желиховской: **„ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДІИ“**, повѣсть.

А. Я. Максимова: **„ПОПЪ СИМЕОНЪ“**, разсказъ.

В. И. Немировича-Данченко: **„НА РУССКОМЪ ЮГѢ“**, очерки.

П. Н. Полеваго: **рядъ историч. разсказовъ.**

Гр. Е. А. Саліаса: **„ПАНЪ КРУЛЬ“**, историч. романъ.

Н. Северина: **„ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“**, повѣсть.

А. К. Сизова: **„СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“**, историч. разсказъ XVI в.

А. А. Смирнова: **„СКЛИРЕНА“**, историческій романъ.

А. Соколовой: **„СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“**, разск.

К. Тхоржевскаго: **„МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“**, разсказъ.

Ѳ. Ѳ. Тютчева: **„АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“**, разск.

Кн. Д. Н. Цертелева: **„ИНКОГНИТО“**, комедія въ 2-хъ дѣйств.

Стихотворенія **П. И. Вейнберга, В. Величко, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго,** Кн. **Д. Н. Цертелева, I. I. Ясинскаго,** и друг.

Въ нашемъ **художественномъ отдѣлѣ**, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1890 г. появится множество портретовъ русскихъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ **Художественныхъ выставокъ** — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Постоянно обогащая **отдѣлъ безплатныхъ приложеній** „НИВЫ“, мы и въ 1890 г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: **гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы** и пр. — драгоцѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** — вмѣщающее до **500 модныхъ гравюръ въ годъ** и до **350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, образцы выпильныхъ работъ** и проч.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, **мы нашли возможнымъ** на будущій годъ, **вмѣсто одной**, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“, — два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. **И. И. ШИШКИНА,** — писанныя имъ по нашему заказу для „Нивы“.

Обѣ картины (въ **16** вершковъ вышины и **12** вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противуположность: величественнаго бора, осѣненнаго бархатистою хвоей, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разнотѣнной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніемъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, мы въ будущемъ 1890 году, выдадимъ **третью — литературную премію, ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанію.**

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . **5 р.**	Безъ доставки въ **Москвѣ**, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи . . . . . **6 р.**	Съ перес. въ **Москвѣ** и въ друг. город. и мѣст. Имперіи. **7 р.**
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . **6 р. 50 к.**		За границу . . . . **9 р.**

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просятъ адресовать въ **Главную Контору редакціи „НИВЫ“** (А. Ѳ. Марксу), въ **С.-Петербургъ**, Невскій проспектъ, д. № 6.

Редакція и издатель „Нивы“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 8 ноября 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 ноября 1889 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Аннунціата. Рис. Казиміра Тромба, грав. Кренъ.

Литературный альбомъ.
„Римъ" Гоголя.
Аннунціата.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя какъ уголь тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска. Таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсною косою вознеслась въ два кольца надъ головою... Куда ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица—образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ—дивнымъ благородствомъ дышетъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце...

Н. Гоголь.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

X.

Многіе когда-то знали про неравнодушіе Евгеніи къ красивому столяру, но никто не зналъ, что это была страсть которая пережила все и жжетъ дѣвушку и теперь. Макаръ Макаровичъ, видя что Евгенія молчитъ про монастырь, тоже думалъ, что ея увлеченіе давно прошло.

А Евгенія продолжала мучиться мыслями о разбитомъ счастіи. И за это время, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, она старалась всячески примириться со своею горькою долей, но не могла. За это же время баринъ-князь, добрѣйшей души человѣкъ, неотступно, упорно ухаживалъ за ней, ласкалъ ее, дарилъ всякую мелочь. Вскорѣ послѣ отъѣзда владѣлицы-сестрицы князь вызвалъ Евгенію къ себѣ въ Прачешное, якобы для починки бѣлья. Евгенія долго пробыла въ имѣніи князя. въ его домѣ, и почти цѣлые дни была вмѣстѣ съ нимъ, но замѣтно скучала.

Однажды князь прямо предложилъ дѣвушкѣ оставаться у него полною хозяйкой.

Князь самъ не зналъ, не понималъ, да и не давалъ себѣ труда объяснить почему и какъ въ свои годы онъ вдругъ привязался къ простой дворовой дѣвушкѣ. Правда, слегка она напоминала ему его первую и серьезную привязанность, тамъ, за границей. Онъ мысленно называлъ Евгенію именемъ Оттиліи.

Ему казалось, что въ этой россійской обстановкѣ, въ такомъ помѣщичьемъ гнѣздѣ, какъ Прачешное, была необходима хозяйка и подруга, непремѣнно такая же простая. Молодая дѣвушка, или женщина изъ его среды, на которой бы онъ могъ жениться, казалась ему чѣмъ-то совершенно неподходящимъ, ни къ нему, ни къ усадьбѣ.

Онъ чувствовалъ, что сталъ старъ, вдругъ распустился, облѣнился, обрюзгъ и физически, и умственно. Разумѣется, опытъ говорилъ ему, что, благодаря большому состоянію, ему легко жениться въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Но будетъ-ли та, которую отдадутъ за него не иначе какъ поневолѣ, счастлива съ нимъ? Будетъ-ли любить его? А именно этого-то ему и хотѣлось. Простая крѣпостная, или дворовая дѣвушка можетъ его полюбить. Онъ для нея если и старымъ покажется, то все-таки будетъ бариномъ, княземъ, не ровней.

И все, что̀ думалъ, все о чемъ разсуждалъ самъ съ собой Илья Петровичъ, приводило его все болѣе къ этой мысли.

Князь конечно не могъ ожидать того отпора, что встрѣтилъ со стороны Евгеніи. Дѣвушка отказалась наотрѣзъ съ первыхъ же словъ объясненія. И съ тѣхъ поръ отношенія между ними завязались странныя.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Прачешномъ, Евгенія вернулась въ Березополье и не согласилась принять отъ князя ни одного подарка и ни гроша денегъ, кромѣ двухъ кусковъ ситцу на платья.

Князь сталъ ѣздить раза по два въ недѣлю въ Березополье, подъ предлогомъ повидаться съ Макаромъ Макаровичемъ, но исключительно затѣмъ, чтобы повидать дѣвушку. Онъ останавливался въ двухъ горницахъ барскаго дома, гдѣ когда-то жила Прасковья Андреевна. При этомъ, по распоряженію управителя, Евгенія смотрѣла за горницами, подавала ему чай и кушанье. Это она дѣлала съ полной охотой и предупредительностью.

Князь постоянно говорилъ ей все объ одномъ и томъ же; предлагалъ выкупить ее у Прасковьи Андреевны на волю, приписать въ городскія мѣщанки, или въ купчихи. и затѣмъ сдѣлать полною хозяйкой у себя.

Евгенія съ тѣмъ же упорствомъ отвѣчала отказомъ. Она насмѣшливо предлагала князю купить ее у Прасковьи Андреевны, насильно увезти въ Прачешное, причемъ обѣщала, при первой возможности, удавиться. или утопиться. И чѣмъ болѣе упорствовала Евгенія. тѣмъ ласковѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнѣе становился добрѣйшій „трoякій якъ“.

Макаръ Макаровичъ, все видѣвшій и замѣчавшій, сначала моталъ головой, а потомъ сталъ искренно жалѣть князя.

— Ишь, какое мѣсто наше диковинное Березополье! думалъ и говорилъ Макаръ Макаровичъ.— Все неподходящія привязанности образуются.

Но при этомъ Трубецкой сознавался, что послѣ брака бывшей княжны съ крѣпостнымъ человѣкомъ, ничему уже нельзя удивляться.

Видя, наконецъ, что привязанность князя становится чѣмъ-то серьезнымъ, Макаръ Макаровичъ сталъ уже открыто на его сторону.

Когда Макаръ Макаровичъ намекнулъ однажды Евгеніи, что вѣроятно въ ней еще крѣпко сидитъ та прежняя любовь, изъ-за которой она въ монастырь собиралась, то Евгенія горячо и краснорѣчиво стала убѣждать старика, что привязанность ея къ Милованову была пустая, отъ нечего дѣлать, о которой она теперь и думать забыла. И при этомъ дѣвушка съумѣла такъ убѣдительно налгать, что Макаръ Макаровичъ поневолѣ повѣрилъ.

И вотъ теперь, при извѣстіи, что князь покупаетъ Березополье, Евгенія была поражена, потрясена до глубины души. Ей чудилось что-то роковое въ сочетаніи этихъ обстоятельствъ. Илья Петровичъ становился по закону и обыкновеннымъ порядкомъ ея владѣльцемъ. Она же—его рабой волей-неволей.

Князь—владѣлецъ Березополья—являлся ей въ иномъ свѣтѣ.

Быть хозяйкой тамъ, въ Прачешномъ, не казалось ей привлекательнымъ; но здѣсь, гдѣ она родилась,— здѣсь, гдѣ всѣ кругомъ ей знакомы давно, гдѣ иные дворовые выше ея по своему положенію,—здѣсь быть полною хозяйкой, здѣсь всѣмъ завѣдывать, всѣмъ повелѣвать—это представлялось ей въ иномъ видѣ.

Если князь дѣйствительно такъ полюбилъ ее, какъ говоритъ, какъ сама она видитъ, то, конечно, она безъ труда можетъ совершенно завладѣть имъ. Недаромъ самъ Макаръ Макаровичъ говоритъ, что всякій, а тѣмъ наче она, можетъ изъ князя веревочки и тесемочки вить. Онъ душой младенецъ неповинный.

Да, это правда! И она это чувствуетъ. А если это такъ, то чѣмъ же будетъ она здѣсь, въ Березопольѣ? Тѣмъ, чѣмъ никогда не бывала сама Прасковья Андреевна. Она жила здѣсь какъ въ ссылкѣ, въ опалѣ, въ ежовыхъ рукавицахъ своего отца, освободившись-же тотчасъ уѣхала. А она, Евгенія, будетъ если не по закону, то на дѣлѣ, настоящею барыней-помѣщицей. И все кругомъ будетъ въ ея рукахъ, а люди во двору и на селѣ будутъ какъ бы ея холопы.

XI.

Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ разсудить и рѣшить тотъ вопросъ, который нежданно сталъ предъ ней, она невольно вернулась мысленно въ свое прошлое, стала вспоминать многое и многое горькое, мучительное... все что̀ пережила за послѣднее время.

Съ тѣхъ поръ, что любимый ею человѣкъ сталъ лю-

бимцемъ ея помѣщицы, а затѣмъ и мужемъ, съ тѣхъ поръ, что она неудачно покушалась на свою жизнь, ея душа будто уходившая и едва не ушедшая изъ тѣла, вернулась въ нее иная.

Да, въ ней теперь иная душа!

Евгенія чувствовала, что отъ этой роковой пробы умереть—она страшно перемѣнилась. Она, во-первыхъ, замѣчала, что стала какъ бы много умнѣе. Это замѣчали и другіе. Но они не знали еще другой перемѣны въ ней, которую дѣвушка сердцемъ своимъ невольно чувствовала и сознавала.

Сердце подсказывало ей, что она стала злая. Цѣлый мѣсяцъ послѣ того, что княжна Прасковья Андреевна выѣхала въ Москву со своимъ возлюбленнымъ и стала госпожей Миловановой, Евгенія, остававшаяся здѣсь, день и ночь думая о нихъ, день и ночь страшно мучилась и изнывала. И всѣ ея ощущенія, всѣ мысли, всѣ желанія сводились только къ одному—къ жаждѣ мести.

Отмстить имъ обоимъ — вотъ чего желала она и на что изыскивала средства.

Разумѣется, дѣвушка видѣла ясно, что ей, крѣпостной и сиротѣ, не было и тѣни возможности отомстить этимъ врагамъ. И даже посовѣтоваться было не съ кѣмъ. У нея не было даже ни одного родственника, который бы могъ быть ей въ помощь.

Да и какъ отмстить? Соперница и измѣнникъ живутъ, какъ сказываютъ, за двѣ или за три тысячи верстъ отъ нихъ, у синяго моря.

Да если-бъ они были и въ Россіи, что можетъ она? Вѣдь не взять же ей ножъ и зарѣзать барыню-соперницу!..

Разумѣется, бывали минуты, въ которыя Евгеніи представлялось убійство Прасковьи Андреевны дѣломъ возможнымъ. Сгорая отъ страсти, ревности и злобы, Евгенія порой чувствовала въ себѣ достаточно силъ броситься на ненавистную ей Прасковью Андреевну хоть съ топоромъ въ рукахъ. Но спустя часъ или два, послѣ порыва, она начинала только плакать и рыдать, и видѣла себя въ совершенно безвыходномъ положеніи.

Разумѣется, теперь она относилась ко всему прошлому нѣсколько спокойнѣе.

— Вернуть ничего нельзя, а убиваться зря по немъ—много чести будетъ! все чаще уговаривала Евгенія сама себя.

И вотъ вдругъ теперь надо рѣшить нѣчто роковое, что само наступаетъ на нее и требуетъ рѣшенія.

Князь ее любящій—березопольскій помѣщикъ!..

Евгенія сидѣла теперь на травѣ подъ деревомъ совершенно недвижно, вполнѣ забывъ все окружающее. Всякій посторонній, увидавъ ее въ эту минуту, догадался бы, что съ ней происходитъ что-то особенное. Она тяжело дышала, лицо ея то блѣднѣло, то алѣло, глаза вспыхивали и потухали, голова ея клонилась на грудь, и она то сидѣла понурившись, какъ бы подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей, то вдругъ выпрямлялась и оглядывалась надменно и горделиво кругомъ себя, но безсознательно. Глаза ея видѣли въ чащѣ лѣсной Богъ вѣсть что—все то, что роилось въ горячей головѣ.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, что дѣвушка пришла сюда. И когда она вполнѣ очнулась, то поднялась, тяжело и глубоко вздохнувъ. Ей показалось, что она приходила сюда похоронить что-то; здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла, будто оказалась какая-то могила. Ей чудилось, что двинувшись отсюда, она пойдетъ на другую жизнь. Здѣсь произошелъ какой-то новый разрывъ съ прошлымъ, и съ этого мгновенія начинается иное, если не вполнѣ радостное, то и не печальное, во всякомъ случаѣ лучшее.

— Да, тихо выговорила Евгенія вслухъ.—Если здѣсь, въ Березопольѣ, то это—другое дѣло.

И вдругъ улыбнувшись, гордо выпрямившись и сверкнувъ глазами, дѣвушка прибавила:

— Да неужели это правда? Неужели это будетъ? Неужели я могу?.. готова?.. согласилась?

И вдругъ въ сердце ея закралась боязнь, такая боязнь, о которой еще утромъ не было и помину. Она удивилась бы, еслибы ей наканунѣ предсказали подобное чувство. Она испугалась, что именно теперь, сегодня, въ этотъ часъ, когда рѣшается на важный, роковой шагъ, онъ, князь, именно теперь встрѣтитъ ее холодно и высокомѣрно.

Быть-можетъ и онъ порѣшилъ все вновь и иначе. Она отрицается отъ недавняго прошлаго и хочетъ забыть его; быть-можетъ и онъ точно такъ же отрѣшился отъ всѣхъ своихъ мечтаній и встрѣтитъ ее насмѣшливой улыбкой, жесткими словами и глянетъ на нее, какъ князь Березопольскій на „свою“ дворовую дѣвку Евгенію.

„Нѣтъ, пустое!“ подумала она. „А если и есть перемѣна, такъ съумѣй вернуть недавнее... Вонъ *она* съумѣла взять, что хотѣла, а ей было много мудренѣе моего. Празднуетъ теперь! Ну, и ты съумѣй!“

И Евгенія двинулась изъ рощи, загадочно улыбаясь.

Вернувшись въ усадьбу, дѣвушка вышла на дорогу отъ дома къ церкви, обсаженную съ боковъ большими липами. Дорога эта, вѣрнѣе аллея, была чрезвычайно красива. Разросшіяся деревья почти сходились верхушками посрединѣ, нижнія вѣтви тщательно подрѣзались и густая зелень накрывала какъ бы куполомъ гладкую и твердую дорогу.

Этою аллеей отъ усадьбы до храма особенно съ любовью занимался Макаръ Макаровичъ. Именно этотъ въѣздъ въ Березополье клалъ на всю усадьбу особый отпечатокъ не русскаго, а иностраннаго мѣстечка.

Евгенія вышла на аллею неподалеку отъ „перваго“ домика; остановилась и прислушалась. Все было тихо. Не было никакихъ признаковъ, чтобы ожидаемый гость находился уже въ усадьбѣ. Глаза Евгеніи случайно упали на домикъ, который красиво ютился между большими деревьями со стороны дороги и зеленью прилегающаго къ нему цвѣтника.

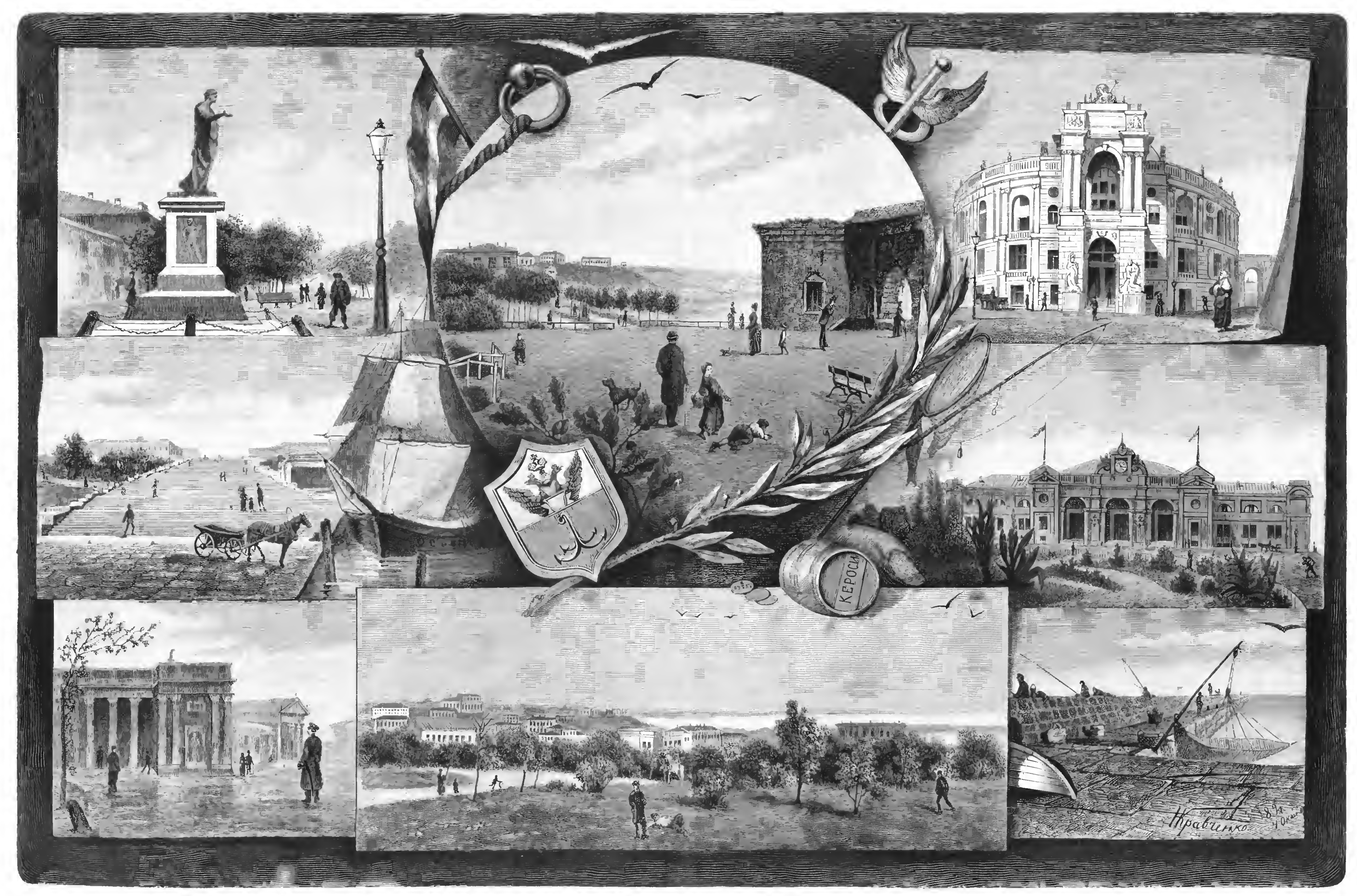
Въ этомъ домикѣ была однако большая перемѣна. Онъ былъ не таковъ, какимъ привыкли видѣть его обыватели уже за нѣсколько лѣтъ. Теперь домикъ былъ выкрашенъ розовою краской, какимъ бывалъ когда-то, во времена оны, еще при дѣдѣ теперешней владѣлицы. Къ нему теперь вело другое крыльцо, большое, просторное, съ деревянными стѣнами и съ большими окнами, нѣчто въ родѣ будки. Въ окнахъ виднѣлись горшки съ цвѣтами. Теперь, въ ненастное время года, холодъ ужь не могъ попрежнему врываться сразу прямо въ горницу.

Съ противоположной стороны домика была тоже пристроена большая терраса, съ которой шли ступеньки въ отдѣльный палисадникъ съ клумбами сплошь покрытыми цвѣтами. Часть барскаго цвѣтника была отдѣлена для домика и огорожена красивою зеленою рѣшеткой. Съ боку тоже была пристройка, но каменная. Въ ней помѣщалась новая кухня и жила прислуга.

Какъ снаружи, такъ и внутри, домикъ былъ отдѣланъ заново, просто, но красиво. Внутри все измѣнилось—отъ стѣнъ до мебели. Теперь это не былъ домикъ, въ которомъ могла жить дворовая женщина съ сыномъ-столяромъ. Въ немъ могла бы теперь поселиться любая помѣщица.

Разумѣется, все это было сдѣлано для той старушки, которая жила попрежнему здѣсь, но уже не въ качествѣ дворовой женщины, а въ качествѣ свекрови самой владѣлицы.

Евгенія, стоя теперь и глядя на этотъ домикъ, разглядывала и крыльцо, и террасу, и палисадникъ такъ, какъ если бы увидѣла все это въ первый разъ. Или,



Сотая годовщина присоединенія Одессы къ Россіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Кравченко**, грав. Рашевскій.

Памятникъ первому градоначальнику Одессы, герцогу Ришелье.
Лѣстница съ Николаевскаго бульвара на Приморскую улицу.
Городская Дума, Музей древностей и Публичная библіотека.

Видъ на городъ съ новаго бульвара, устроеннаго барономъ Витте.
Видъ на городъ съ пороховаго погреба (въ Александровскомъ паркѣ).

Новый городской театръ.
Желѣзнодорожная станція.
Новопостроенный молъ, называемый „Сахалнномъ“.

быть-можетъ, иными глазами смотрѣла она теперь, съ иными мыслями. Или прежде ей не приходило на умъ внимательнѣе присмотрѣться къ преобразившемуся домику, который свидѣтельствовалъ о преобразившемся общественномъ положеніи его обитательницы.

„Да“, думалось Евгеніи, „только деньги имѣть, да власть имѣть—и все будетъ! Иное покажется чудомъ, а смотришь—совсѣмъ не чудо, такъ все просто выходитъ. А люди дивятся, кричатъ, и думаешь, что они вѣки-вѣчные кричать будутъ. Смотришь — привыкли, старое забыли, а новое кажетъ имъ совсѣмъ не чудеснымъ, а что ни на есть простымъ. Скажи вотъ кому годъ назадъ, какой этотъ домикъ будетъ и какъ въ немъ будетъ жить Лукерья Егоровна, и чѣмъ будетъ Егоръ, и гдѣ будетъ? Мужемъ княжны и съ ней въ заморскихъ земляхъ. Что-бы на это отвѣтили? А теперь все такъ, и всѣ привыкли, и никому не диковинно. И къ тебѣ привыкнутъ!“

— Да, но этакого мнѣ мало! вдругъ добавила Евгенія вслухъ, какъ будто предъидущимъ разсужденіемъ хотѣла себя убѣдить въ чемъ-то. — Нѣтъ, мнѣ мало этого! прошептала она снова.—Онъ—въ барскомъ домѣ, а я — въ этакомъ флигелькѣ! Право, лучше бы ничего. И иначе нельзя.. покуда... А тамъ видно будетъ!..

XII.

Евгенія двинулась вдоль аллеи къ барскому дому и вдругъ остановилась. До слуха ея долетѣли звуки бубенчиковъ на дворѣ. Она прислушалась внимательнѣе и убѣдилась, что это — не обманъ слуха. Дѣйствительно, вѣтерокъ, пахнувшій въ ея сторону, принесъ ей ясно брянчанье и звяканье бубенчиковъ и голоса людей.

— Пріѣхалъ! вымолвила она шепотомъ.

И медленной походкой двинулась она снова къ дому, чтобы пройти мимо, вернуться къ себѣ и ждать обычнаго приглашенія Макара Макаровича явиться служить пріѣзжему князю.

Въ эту же минуту изъ воротъ дома показалась дорожная карета шестерикомъ красивыхъ сѣрыхъ лошадей. Экипажъ, слѣдуя на конный дворъ, двинулся къ ней навстрѣчу и наконецъ поравнялся съ нею. Форейторъ и кучеръ, завидя ее, тотчасъ же низко раскланялись, поспѣшно снимая шапки и наклоняясь такъ, какъ привыкли кланяться только господамъ.

— Евгеніи Степановнѣ, наше почтеніе! крикнулъ толстый, бородатый кучеръ съ высокихъ козелъ и, не надѣвая шапки, выговорилъ:

— Сто лѣтъ вамъ здравствовать и хорошѣть!

Евгенія кивнула головой ласково, но отчасти снисходительно улыбаясь, и вымолвила:

— Здравствуйте!

Но такъ тихо, что не только кучеръ, но и форейторъ, поравнявшійся съ ней въ это мгновеніе, не разслышали привѣтствія.

Не успѣла дѣвушка пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ тѣхъ же воротъ выбѣжалъ лакей князя, изрѣдка пріѣзжавшій вмѣстѣ съ нимъ. Онъ быстрыми шагами приблизился къ ней, еще издали снялъ шапку и тоже предупредительно раскланялся. По поклонамъ этихъ людей видно было, что они будто чуютъ нѣчто, не только возможное, но почти вѣрное въ недалекомъ будущемъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьи? произнесъ лакей, льстиво пригибаясь и продолжая держать снятый картузъ въ рукахъ, не смотря на то, что прорвавшійся сквозь зелень лучъ солнца палилъ ему лысую голову.

— Слава Богу. Что̀ князь?

— Ничего-съ. Здоровы и веселы. Сейчасъ у Макара Макаровича о васъ спрашивали, гдѣ вы и какъ поживаете. И что вышло-то! прибавилъ онъ, смѣясь. — Потѣшно! Макаръ Макаровичъ отвѣтилъ, что вы, якобы, уѣхали въ губернію и невѣдомо когда будете назадъ. Князь такъ и потемнѣлъ. Сейчасъ издохнуть, коли вру. А Макаръ Макаровичъ говоритъ: „не серчайте, я пошутилъ.“ А князь его по плечу рукой и цапнулъ, ажно Макаръ Макаровичъ присѣлъ. „Убьете,“ говоритъ.—„А вы, говоритъ князь, такъ не шутите!“ Ну, разсмѣялись оба и пошли. Виноватъ-съ, мнѣ некогда—на конный дворъ послали, прибавилъ лакей, какъ если бъ Евгенія задерживала его.

И, снова поклонившись, онъ пустился далѣе на рысяхъ.

А Евгенія осталась на томъ-же мѣстѣ, лицо ея оживилось радостнымъ блескомъ. Эти нѣсколько словъ, слышанныхъ отъ лакея о шуткѣ Трубецкаго, имѣли для нея теперь громадное значеніе. Все слышанное сразу уничтожило чувства боязни и сомнѣнія, которыя закрались ей въ душу послѣ ея долгаго раздумья въ рощѣ.

— Потемнѣлъ! повторила она слова лакея.—„А вы такъ не шутите...“ Стало-быть, шутка Макаровича его хватила по сердцу. Стало-быть новаго и бѣдоваго — ничего нѣтъ. Все по старому. Ну, если такъ, то надо его малость самую потревожить, помучить. Мужчины, что дворяне, что холопы — всѣ на одинъ покрой. Что больше служишь, то больше мытарятъ. Что больше противничаешь, то больше ластятся.

И затѣмъ, постоявъ мгновеніе, Евгенія прибавила:

— Что жь надумать? Куда спрятаться? Вездѣ разыщутъ въ полчаса времени. Вѣдь не уходить же въ рощу. Да вонъ, кажется, и гроза собирается.

Дѣйствительно, въ воздухѣ пекло, было особенно душно и тихо. Изрѣдка только проносился порывомъ вѣтерокъ. А на небосклонѣ за церковью выступала туча темною полосой. И на этомъ сизомъ небосклонѣ ярко сіяли кресты храма.

„Вотъ бы тутъ и вѣнчаться!“ вдругъ мелькнуло въ головѣ Евгеніи, совершенно противъ ея воли, какъ если бы чей-то голосъ ей шепнулъ это и такъ внезапно, что она сама будто испугалась.

— Все пустое! И это еще далече. Теперь съумѣй свить веревочку изъ него, какъ сказываетъ Макаръ Макаровичъ, а остальное все само въ руки пойдетъ.

Дѣвушка повернула назадъ, думая о томъ, куда ей уйти, чтобы въ продолженіе часовъ двухъ или трехъ управитель не могъ нигдѣ разыскать ее и позвать къ князю. Но идти было окончательно некуда. И въ ту минуту, когда Евгенія уже рѣшалась поневолѣ идти домой, глаза ея снова упали на крылечко перваго домика.

— Вотъ куда! проговорила она, но остановилась и помотала головой.

Уже цѣлыхъ четыре мѣсяца, какъ перестала она бывать у старушки, къ которой когда-то приходила чуть не всякій день. Это отчужденіе отъ матери того, кто сдѣлалъ ее несчастною, явилось само собой, поневолѣ, не изъ мести, а съ горя.

Послѣ брака Милованова, Евгенія не находила въ себѣ силы войти въ этотъ домикъ, гдѣ когда-то она проводила лучшія минуты своей жизни.

Только разъ весной, узнавъ, что Лукерья Егоровна уже болѣетъ второй день, очень плоха, пожалуй, можетъ умереть, Евгенія рѣшилась и пошла къ старушкѣ. Она нашла ее въ постели, въ полузабытьи, и посидѣла у нея около часу. Но Лукерья Егоровна почти не открывала глазъ и не замѣтила присутствія дѣвушки.

Съ тѣхъ поръ Евгенія видѣла старушку только издали на крыльцѣ и въ палисадникѣ, иногда изрѣдка кланялась ей, но не подходила.

Однажды, отправляясь къ обѣднѣ, случилось ей встрѣтиться съ ней на этой самой аллеѣ. Лукерья Егоровна садилась въ свою пролетку, чтобы ѣхать тоже въ церковь, и увидя Евгенію, позвала съ собой.

— Нѣтъ, спасибо! огрызнулась дѣвушка.—Я и пѣш-

комъ дойду. Вамъ подобаетъ въ господскихъ пролеткахъ ѣздить, а мы, дворня, должны пѣшкомъ ходить, или въ телѣгахъ ѣздить.

Старушка свѣтлымъ, кроткимъ и лишь отчасти укоризненнымъ взоромъ отвѣтила на эти слова и прибавила вздохнувъ:

— Евгеньюшка, никто тутъ не виноватъ. Одинъ одного любитъ, а другой — другаго. Такъ на мірѣ. Дѣвушка одного полюбитъ, а онъ—другую. А что ты меня бросила—грѣхъ тебѣ! Я вашего счастья съ Егорушкой не желала, но и не перечила. Такъ думала и полагала, будь что Господу угодно. Вышло вотъ совсѣмъ негаданное и нечаянное. Ну, стало-быть, такъ и быть должно. А тебѣ на меня сердце имѣть не приходится. Вотъ тебѣ, голубушка моя, Евгеньюшка, моя отповѣдь по сердцу, по правдѣ. Не хочешь ко мнѣ ходить—не ходи. Богъ съ тобой!

И уставъ отъ длинной рѣчи, отъ такого количества словъ, какихъ давно сразу не выговаривала старушка, она слегка задохнулась. Потомъ, отдышавшись, доплелась она къ пролеткѣ, ожидавшей ее въ аллеѣ, съ трудомъ влѣзла и уѣхала.

Евгенія стояла истуканомъ. Она ничего не отвѣтила старухѣ, потому что нечего было отвѣчать. Она знала, что все это — правда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она знала, что не бываетъ въ этомъ домикѣ не ради злопамятства, или мести, а просто потому, что невыносимо тягостно самое себя видѣть въ тѣхъ же горницахъ, гдѣ все говоритъ о пережитомъ и похороненномъ счастіи.

Послѣ этой встрѣчи уже прошло много времени. Евгенія нѣсколько разъ видѣла Лукерью Егоровну, но издали, и кланялась ей только тогда, когда видѣла, что старушка замѣчаетъ ее. И вдругъ теперь ей пришло на умъ войти въ этотъ домикъ.

Удивясь сама себѣ, Евгенія мысленно спросила себя, почему теперь, именно сегодня, она рѣшается на это въ первый разъ послѣ отъѣзда и брака Милованова.

Стало-быть, то, о чемъ думала она такъ долго въ рощѣ, имѣло дѣйствительно вліяніе на нее. Стало-быть, дѣйствительно она похоронила что-то на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла въ рощѣ. Стало-быть, дѣйствительно начинается и даже чувствуется начало новой жизни.

— Да, чудится, прошептала Евгенія,—какъ-будто вдругъ оборвалось на душѣ и затерялось все это, прежнее.

XIII.

Евгенія бодро и смѣло вошла на крыльцо, отворила двѣ двери одну за другой и очутилась въ первой горницѣ, гдѣ когда-то стояла кровать старушки, но теперь была уже совершенно другая комната, нѣчто въ родѣ гостиной. Во второй горницѣ, гдѣ прежде работалъ и спалъ Миловановъ, была теперь спальня старушки. И изъ этой же комнаты слышался слабый голосъ ея, что-то приказывавшій ея собственной служанкѣ. А женщина, ходившая за Лукерьей Егоровной, была не кто иная, какъ та же Марѳа, которая когда-то, вмѣстѣ съ Евгеніей, была приставлена къ бывшей княжнѣ.

Когда Евгенія появилась на порогѣ, старушка невольно ахнула.

— Что такое? озабоченно произнесла она. — Съ худыми вѣстями что-ли?

— Нѣтъ, я къ вамъ въ гости, проговорила Евгенія, невольно смущаясь и краснѣя.

— Ну, слава Богу! Давно пора! отозвалась веселѣе Лукерья Егоровна. — Иди, садись. Ты не подумай чего, это такъ у меня вдругъ сказалось, а не то, чтобы я сердилась на тебя. Давно не бывала, вотъ мнѣ и померещилось. Марѳа, тащи-ка ей вонъ стульчикъ побольше.

Марѳа, странно, печально-недружелюбнымъ взглядомъ смѣривъ Евгенію, взялась подвигать тяжелый стулъ, но дѣвушка быстро бросилась сама за этимъ стуломъ. Взглядъ Марѳы много сказалъ ей...

— Ну, что жь? Стало-быть ты перестала на меня гнѣваться? добродушно выговорила Лукерья Егоровна.— Положила гнѣвъ на милость? И хорошо это, дѣвушка. Ты противъ меня ничего имѣть на сердцѣ не можешь. Помнишь, что я тебѣ тогда, по веснѣ, на дорожкѣ сказывала. То-же и опять скажу.

— Не надо, не надо, Лукерья Егоровна. Оставимъ это... Что объ этомъ вспоминать?

И говоря это, Евгенія оглянулась въ горницѣ. Теперь здѣсь было уже все не то, что въ тѣ дни, когда здѣсь жилъ рѣзчикъ по дереву. А между тѣмъ сколько воспоминаній соединяются съ этой горницей, сколько возникло въ ея памяти отрадныхъ минутъ, проведенныхъ здѣсь, вмѣстѣ съ нимъ!..

Старушка будто почуяла мысли Евгеніи и вдругъ вымолвила:

— А помнишь, Евгеньюшка, тутъ мой соколикъ бывало все ковыряетъ, да соритъ, въ этой самой вотъ комнатѣ. Помнишь, бывало, ты придешь, и начинаете вы съ нимъ полѣно какое ковырять, якобы изъ него кошку, или птицу дѣлать. А теперь-то онъ, мой родной, гдѣ?.. За тысячу верстъ и болѣе. А помнишь какъ я васъ ввечеру накрыла ненарокомъ и какъ вы перепужались меня?.. А тоже помнишь, бывало...

Но старушка не договорила, потому что Евгенія вдругъ схватила себя за голову, и закрывъ вспыхнувшее лицо, выговорила совершенно упавшимъ голосомъ:

— Ахъ, бросьте, бросьте... Не надо поминать...

Но черезъ минуту дѣвушка снова выпрямилась, почти гордо откинула голову, глянула на старушку сухими непріязненно сверкнувшими глазами и произнесла странно звенящимъ голосомъ:

— Стóитъ-ли всякую пустяковину вспоминать! Я тогда съ дуру втемяшила себѣ въ голову, что, якобы, Егоръ Ивановичъ приглянулся мнѣ. Глупа была... Теперь что же грѣха таить: я бы, пожалуй, по дѣвической глупости своей и замужъ за него собралась, да спасибо вы не допустили. Все блажь одна была.

— Что ты? Что ты? кротко изумляясь проговорила Лукерья Егоровна. — Вонъ какъ теперь...

— Ну, какъ вы поживаете? продолжала Евгенія, какъ бы не понимая ни изумленія, ни словъ старушки. — Какія вѣсти имѣете отъ скороспѣлаго своего барина-сына изъ-за моря синяго, Хвалынскаго?

И Евгенія сухо, отчасти раздражительно разсмѣялась, будто въ насмѣшку надъ чѣмъ-то.

Вѣроятно въ лицѣ Евгеніи, въ ея голосѣ, въ смѣхѣ и даже въ этомъ одномъ рѣзкомъ словѣ было что-нибудь особенное, потому что Лукерья Егоровна молчала и пристально смотрѣла на нее, какъ бы слегка озадаченная. Но тотчасъ же она поняла все.

— Лгешь ты стало, Евгеньюшка! закачала наконецъ головой старушка. — Не спроста все это. Сидитъ въ тебѣ бѣсъ... Не вылазаетъ, все сидитъ. А пора бы ему вылѣзти. Ходи чаще въ храмъ Божій, молись больше. Или замужъ, что-ли, выходи скорѣе. Злоба-то и уходится, стаетъ...

— Что вы, Лукерья Егоровна! притворно удивилась Евгенія.

— Знаю я, голубушка, что я Лукерья Егоровна! воскликнула старушка, горячо и взволнованно. — А вотъ ты не знаешь, Евгенья-ли ты, али другая какая! Бѣсъ въ тебѣ застрялъ, обуялъ тебя, надъ тобой, стало-быть, владычествуетъ. И гдѣ теперь дѣвушка Евгенія, куда дѣвалась—никому невѣдомо. Ты не ухмыляйся! Я тебѣ умное сказываю. Я никогда дурой не была. Теперь старость меня одолѣла, болѣсти да хворости. А вотъ, бываетъ, толкнетъ меня кто словомъ какимъ нехорошимъ, я опять на минуточку умная сдѣлаюсь. А вотъ теперь, Евгеньюшка, ты меня толконула и больнехонько. Бѣсъ въ тебѣ сидитъ! Ты — не Евгенья, какая была, а другая. Сказываю тебѣ: или въ монастырь

иди, Богу молиться, или замужъ выходи, дѣтей наживай. Съ другимъ человѣкомъ слюбится, тогда все позабудется... Бѣсъ-то этотъ самый изъ тебя и выйдетъ. Охъ, устала! Много наговорила...

И старушка, которой было вредно волненье, такъ какъ она страдала легкими припадками удушья, прислонилась къ спинкѣ своего кресла, закрыла глаза и начала тяжело дышать.

Евгенія не отвѣчала ни слова и стала смотрѣть въ окно на цвѣтникъ, который былъ передъ домикомъ.

„Бѣсъ сидитъ!“ мысленно повторяла она. „Да, истинная правда. Золотая правда! Да, во мнѣ бѣсъ сидитъ. Но я не хочу, чтобы его выгоняли изъ меня, чтобы вышелъ онъ. Пускай сидитъ! Онъ мнѣ—не помѣха, а въ помощь, чтобы натворить все то, что̀ я хочу“.

Молчаніе длилось довольно долго, покуда старушка не отдышалась совсѣмъ.

— Ну, вотъ что̀, дѣвушка, произнесла Лукерья Егоровна.—Мы съ тобой больше объ этомъ поминать не будемъ. Мало-ли о чемъ другомъ можно говорить! Ты ко мнѣ ходи. У меня теперь, знаешь, и чаю, и сахару вволю. И сливочекъ приказано со скотнаго двора доставлять. Я теперь барыней живу. Этакъ я, пожалуй, еще годика два лишнихъ протяну на свѣтѣ. Не то что прежде. Помнится мнѣ, давно ли, всего годика за три назадъ, сама съ ведромъ за водой бѣгала, и въ морозъ. Помнится мнѣ, какъ Егорушка меня за это разъ чуть не побилъ, разсмѣялась вдругъ дряблымъ смѣхомъ старушка.—Помнится, разъ онъ, поковырявши, уснулъ, а мнѣ воды надоть. А нѣтъ ея. А на дворѣ—морозъ. Я ведерко взяла, да и сходила до колодца. Тащусь назадъ, замерзла, а онъ меня ищетъ. Да какъ увидалъ меня съ ведромъ-то, да всю посинѣлую, какъ шаркнетъ навстрѣчу мнѣ! „Я, говоритъ, тебя, матушка, бить буду, исколочу до полусмерти, коли ты въ другой разъ за водой пойдешь“,—ей Богу! Какъ теперь вотъ помню. Съ тѣхъ поръ я и перестала.

И помолчавъ, старушка вымолвила:

— Ну, вотъ что, дѣвушка, ты вѣдь теперь стала, говорятъ, грамотная: можешь-ли ты мнѣ прочесть писаное письмецо отъ Прасковьи Андреевны?

— Извольте, выговорила Евгенія нерѣшительно.

— Ну, вотъ встань-ка, возьми... Вонъ на постели-то подъ подушкой. Я, какъ получу, такъ всегда ночки двѣ, три сплю на писаньи этомъ, а потомъ ужь въ шкатулочку запру. И отъ этихъ самыхъ писемъ мнѣ по ночамъ чудно грезится, что я съ ними, либо здѣсь въ домикѣ, либо гдѣ въ невѣдомыхъ краяхъ.

Евгенія поднялась, достала изъ-подъ подушки сложенный листокъ бумаги и, снова усѣвшись, съ разстановкой, нетвердымъ голосомъ начала читать четкій почеркъ Прасковьи Андреевны.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій здоровья и спокойствія, Прасковья Андреевна писала своей свекрови, что они живутъ попрежнему тихо и мирно, въ томъже городѣ, гдѣ много иновѣрныхъ церквей и духовенства. Мужъ ея продолжаетъ учиться и водится все съ такими-же учащимися, какъ и онъ самъ. Люди это все хорошіе, хотя и не русскіе, а изъ разныхъ другихъ земель. Онъ много работаетъ и скоро предстоитъ ему окончить большую куклу, за которую онъ можетъ получить похвалу и награду.

Все письмо Прасковьи Андреевны къ старушкѣ было положительно объ ея сынѣ, объ его занятіяхъ и успѣхахъ. Все оно было писано въ особыхъ выраженіяхъ, какъ-бы приноравливаясь къ пониманію ребенка. Вездѣ стояло слово: „кукла“ и только разъ было прибавлено въ скобкахъ: „или статуя“.

Когда Евгенія прочла все письмо, оно ей сообщило мало новаго. Все это слыхала она вскользь въ разговорахъ съ Макаромъ Макаровичемъ. Она знала, что Миловановъ въ Римѣ, что онъ учится дѣлать изъ глины большія изображенія людей, а рѣзьбу свою по дереву совсѣмъ бросилъ. Было однако нѣчто, что̀ удивило дѣвушку при чтеніи письма. И окончивъ его, она спросила у старушки съ оттѣнкомъ удивленія въ голосѣ:

— Что-жъ это такое, Лукерья Егоровна? Какъ она называетъ Егора Иваныча?

— Кто то-есть? не поняла старушка вопроса.

— Прасковья Андреевна. Какъ она называетъ его... ну, вашего сына? прибавила Евгенія, какъ-бы не имѣя силы произнести словъ: „своего мужа“.

— Не пойму я, дѣвушка... это что-жъ—Юрья что-ль?

— Да-съ.

— А это она его такъ звать стала уже давно. Еще въ Москвѣ. Сейчасъ, какъ повѣнчались. Я ужь и привыкла. А это тебѣ вновь. Какъ они за море поѣхали, такъ я оттудова получила письмо, а въ немъ Прасковья Андреевна и прописала, что не будетъ больше Егора, а будетъ Юрья или Юрья Иванычъ. Такъ и вы, говоритъ, приказывайте отписывать и снаружи велите писать: Юрьѣ Ивановичу, стало-быть, Милованову.

— Да это чудно. Нешто Юрья и Егоръ одно?

— Ужь не знаю, голубушка. Батюшка сказываетъ, что слѣдъ-бы лучше звать Георгіемъ Ивановичемъ, а а это, говоритъ... по каковски-то... не упомню. По татарски, что-ли.

XIV.

А въ Березонольѣ была легкая сумятица.

Пока Евгенія сидѣла у Лукерьи Егоровны, пять человѣкъ дворовыхъ, разосланныхъ управителемъ, цѣлый битый часъ бѣгали и искали дѣвушку, обшаривая все Березонолье. Они обошли всѣ надворныя строенія и службы и даже ткацкій корпусъ, и явились съ отвѣтомъ что ея нѣтъ нигдѣ. Тогда снова посланные, двое отправились на село разспрашивать крестьянъ, не видали-ли они Евгенію; другіе двое обошли весь садъ и рощу, непрерывно клича Евгенію Степановну. Пятый отправился къ церкви, въ томъ предположеніи, что дѣвушка въ гостяхъ у священника. Всѣ пятеро вторично вернулись съ тѣмъ-же отвѣтомъ: „Нѣтъ нигдѣ!“

Макаръ Макаровичъ, уже слегка смущаясь, передалъ извѣстіе князю. Илья Петровичъ смутился еще болѣе.

— Да, знаетъ-ли она, спросилъ онъ,—про эту новость, что я покупаю Березонолье?

Макаръ Макаровичъ собирался было солгать, ради успокоенія князя, но духу у него не хватило, и онъ вымолвилъ виновато:

— Знаетъ-съ... Я ей сегодня объ этомъ сказалъ.

— Ну, Макаръ Макарычъ... произнесъ князь, подпимая руки, и не договорилъ.

Онъ сѣлъ на ближайшій стулъ. Его голосъ и жестъ какъ-бы говорили:

„Что̀ вы надѣлали! Вы все погубили!“

— Успокойтесь! Полноте, заговорилъ Трубецкой.—Что же можетъ быть? Гдѣ-нибудь, помилуй Богъ, просто въ рощѣ... Не разыскали лѣнтяи. Черезъ полчаса сама окажется! Что-же можетъ быть?

— Что́ можетъ быть?! воскликнулъ князь.—Да все! Пошла, да и утопилась! Вы не понимаете! Вѣдь она воображаетъ, что я, въ качествѣ будущаго ея барина, послѣ покупки Березонолья, могу съ ней сдѣлать все, что̀ хочу. Она будетъ моя крѣпостная. Сколько разъ я ни говорилъ ей, что если куплю ее у сестрицы, то дамъ ей отпускную и даже припишу въ мѣщанское общество,—она никогда не вѣрила. Вотъ теперь испугалась, что будетъ крѣпостная моя, да и наложила на себя руки. Ахъ, Макаръ Макарычъ, что̀ вы надѣлали! Вѣдь если къ ночи она не найдется, то я тогда... И не знаю самъ, тогда что̀ будетъ! Вы вѣдь ничего...

— Да, полноте, успокойтесь! Ради Создателя успокойтесь! Спаси Боже, ничего нѣту. Найдется! Сама явится черезъ часъ. Богомъ божусь вамъ.

— Вы ничего не знаете, продолжалъ князь, не слу-

А. Г. Рубинштейнъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фот. Ясвойна, грав. для „Нивы" Геданъ въ Лейпцигѣ.

шая.—Вы ничего не видите и не понимаете, не хотите понимать! Вы думаете: такъ это... прихоть... придурь?... Ошибаетесь! Я и самъ не знаю, что̀ такое! Пророчество треклятое дядюшки моего покойнаго. Онъ мнѣ, будто гадалка какая, все расписалъ, какъ на картахъ, или на кофейной гущѣ. И вотъ, какъ говорилъ князь Андрей Ивановичъ, такъ вотъ точка въ точку все и исполняется. Помню, какъ теперь, говорилъ: „Ошалѣешь ты въ одиночествѣ, пожелаешь жизни семейной отвѣдать, да на цыганкѣ на какой или на вѣдьмѣ и женишься!“ Ну, покуда дѣло идетъ, благодаря Бога, не о цыганкѣ и не о вѣдьмѣ, да и не о женитьбѣ. А все-таки похоже. Что-жь теперь?! Поднимайте всѣхъ на ноги... Всю дворню... Пойдемъ всѣ искать. И я пойду... Ахъ, Макаръ Макарычъ!..

Видъ князя, его потемнѣвшее лицо, тусклый взглядъ, совершенно сразилъ Трубецкаго. Онъ быстро двинулся въ швейцарскую чтобы приказать созвать дворовыхъ людей для поисковъ дѣвушки, уже не обращая никакого вниманія на то, что это произведетъ общій соблазнъ. Но первая же личность, которую увидѣлъ Трубецкой, была сама Евгенія. Онъ вскрикнулъ на весь домъ и бросился къ ней.

Евгенія сидѣла на лавкѣ въ прихожей, и при восклицаніи Макара Макаровича удивилась и смутилась.

— Гдѣ ты пропадаешь? Тебя, спаси Богъ, цѣлыхъ сто часовъ шукали вездѣ. Чуть рѣчку всю не приказали черпаками вычерпать, думая, что ты утонла. Гдѣ ты была, помилуй Богъ?

— У Лукерьи Егоровны, отозвалась Евгенія.

Макаръ Макаровичъ взялъ дѣвушку за руку и потащилъ въ горницы.

— Иди, иди! проговорилъ онъ, какъ если-бъ Евгенія упиралась.—Не мое дѣло! Приказано и тащу! Богъ съ вами совсѣмъ, съ обоими! Одурѣешь, спаси Боже!

Макаръ Макаровичъ отворилъ дверь комнаты, гдѣ сидѣлъ князь, впустилъ туда Евгенію и, затворивъ за ней дверь, вышелъ изъ дому.

Когда дѣвушка появилась вдругъ на порогѣ, втолкнутая управителемъ, Илья Петровичъ, не смотря на свою тучность, вскочилъ и бросился къ ней почти бѣгомъ.

— Слава Богу! воскликнулъ онъ.—Господи помилуй, до чего напугался я!

И онъ закидалъ Евгенію вопросами, гдѣ она была, гдѣ пропадала и что̀ съ нею приключилось.

— Я все время просидѣла у Лукерьи Егоровны, отозвалась Евгенія, лукаво заглядывая своими зеленоватыми глазками въ лицо князя.

Его оторопѣлая и растерянная фигура сразу многое сказала дѣвушкѣ.

Князь взялъ ее за руку, посадилъ въ кресло и сѣлъ около нея.

— Какъ ты меня напугала! повторилъ онъ нѣсколько разъ, не выпуская ея руки.

— Да отчего же такъ?

— Да вѣдь я думалъ, ты на себя руки наложила.

— Что вы! Зачѣмъ же? тихо произнесла Евгенія.

— А затѣмъ, что я Березополье покупаю... Испугалась, что будешь моя крѣпостная, ну, стало быть, и надо—бултыхъ въ воду.

— И все это вы напрасно! отозвалась Евгенія лукаво.—Зачѣмъ мнѣ топиться? Всѣ радуются въ Березопольѣ, что вы будете нашимъ бариномъ. И я тоже... А то мало хорошаго, что помѣщица наша теперь сама якобы крестьянка, да уѣхала въ заморское государство и не вѣсть когда вернется. А вы будете здѣсь жить—всѣмъ хорошо будетъ. Всѣ знаютъ, что такого добраго да ласковаго по всему свѣту не разыщешь другаго. Вотъ теперь купите вотчину, будемъ мы ваши крѣпостные, и я тоже...

— Нѣтъ, ты не будешь крѣпостною. Тебя я, при совершеніи купчей, отпущу на волю.

— Не нужно мнѣ этого! Что̀ мнѣ въ этой волѣ? Куда я съ ней пойду? По міру болтаться, христорадничать или въ услуженіе наниматься къ какой-нибудь барынѣ, которая драться будетъ. Здѣсь я жива, сыта и довольна. Ничего мнѣ не нужно!

— Ну, здѣсь будешь жить, но только вольная.

— Да зачѣмъ это?

— А затѣмъ, чтобы ты не помышляла, что ты крѣпостная и отъ меня зависишь. Теперь ты меня терпѣть не можешь, а тогда, можетъ быть, будучи вольною, совсѣмъ иначе чувствовать будешь.

— Полноте, Илья Петровичъ! Что вы, будто махонькій! Если васъ всѣ въ Березопольѣ любятъ, то я еще пуще всѣхъ и всѣхъ послушливѣе буду...

Князь выпрямился, зорко глянулъ въ лицо дѣвушкѣ...

— Да не смѣй ты мнѣ про это сказывать! закричалъ князь визгливо.—Тысячи разовъ я тебѣ сказывалъ— не послушанія мнѣ надо! Больше я съ тобой никогда и говорить не стану. Какъ купчая совершится, такъ тебя на волю—и подальше отсюда, чтобы мнѣ не видать тебя! Не хочу я тебя и видѣть. Пойми ты, не изъ мести, а съ глазъ долой—легче станетъ.

— Грѣхъ это вамъ будетъ, отозвалась Евгенія.— Куда я пойду?

— Куда хочешь! Я тебѣ денегъ дамъ! Ну, приданое, что-ли... Выйдешь за кого захочешь замужъ. За городскаго мѣщанина какого-нибудь. Только сюда ни погой, чтобы мнѣ тебя не видѣть. Пойми ты. Вѣдь ты не глупая. Вѣдь мнѣ тяжело видѣть тебя! А будешь ты замужняя—еще того горше.

Князь крѣпко стиснулъ руку ея своими обѣими толстыми руками, затѣмъ поднялся и, быстро отойдя къ окну, сталъ смотрѣть въ садъ.

Евгенія осторожно, искоса глянула на его толстую фигуру, заслонившую весь свѣтъ изъ окна, и стала приглядываться, не понимая, зачѣмъ убѣжалъ онъ и что̀ дѣлаетъ тамъ. Онъ стоялъ, опершись руками на подоконникъ, будто внимательно разглядывалъ что-то въ саду, но вмѣстѣ съ тѣмъ, плечи его какъ-то слегка подергивались или встряхивались.

И Евгенія вдругъ внутренно ахнула. Ей почудилось, что Илья Петровичъ, этотъ пожилой, почти старый толстякъ, просто плачетъ, какъ малый ребенокъ. И въ первый разъ съ той минуты, что она знала князя, у нея сказалось что-то къ нему на сердцѣ. Что-то шевельнулось хорошее, теплое, участливое.

Она быстро поднялась съ мѣста, тихо приблизилась сзади и убѣдилась вполнѣ.

Илья Петровичъ всхлипывалъ.

Евгенія положила руку ему на плечо и заглянула ему въ лицо.

— Что̀ же это вы? вымолвила она, изумляясь.

Князь вздрогнулъ, обернулся къ ней.

— Что же это вы? повторяла Евгенія, невольно смущаясь и не зная, что̀ сказать.—Зачѣмъ плакать? Я думала...

— Что ты думала?! воскликнулъ князь.— Ты думала—шутки, прибаутки, прихоти, барскія затѣи! А я и самъ не знаю, что̀ во мнѣ къ тебѣ... Самъ не знаю, какъ и когда и что̀ такое приключилось. Одно помни, Евгенія, что изо-всѣхъ березопольскихъ служителей, самый покорный къ тебѣ будетъ вотъ этотъ— Илья Петровичъ князь Березопольскій. Что захочешь—то и будетъ. Хоть жизнь бери! Моя жизнь никому ни на что̀ не нужна и мнѣ не нужна, такъ нечего мнѣ ею дорожить!

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и голосъ Трубецкаго.

Евгенія испуганно рванулась отъ князя и отскочила на нѣсколько шаговъ.

— Подите, умойтесь! нехорошо! увидятъ!.. Уходите! шаловливо и смѣясь прошептала она, махая на него руками.

Илья Петровичъ, уже смѣясь радостно, повернулся и шибко, чуть не на рысяхъ, побѣжалъ изъ комнаты въ противоположныя двери.

(Продолженіе будетъ).

Въ современной Одессѣ.

Вас. И. Немировича-Данченко. (Рис. на стр. 1176 и 1177).

Правду говоря, какіе несчастные люди — мы, сѣверяне, съ нашими холодами и туманами, дождями и неожиданными сюрпризами, на которые такъ щедра русская равнина! Мнѣ не разъ приходилось думать объ этомъ, сидя на Одесскомъ приморскомъ бульварѣ и любуясь безконечною далью голубаго моря, такъ привольно во всѣ стороны раскидывающагося за здѣшними молами. Солнце свѣтитъ во всю, не боясь никакихъ предостереженій со стороны покрытаго мглою и тучами полюса. И какъ свѣтитъ—въ каждой волнѣ отраженное, играетъ оно передъ вами въ безконечномъ разнообразіи тоновъ и бликовъ. То почти серебряною глазурью покрытое море стелется и чуть колышется у тихихъ береговъ, то забѣгаютъ и заколышутся на немъ голубыя тѣни... Колышутся, сливаются и скоро все—и небо, и море, и берегъ тонутъ въ какомъ-то царствѣ призрачной воздушной лазури. Не знаешь даже, миражъ это или дѣйствительность. Боишься, вотъ-вотъ повѣетъ вѣтеръ и унесетъ съ собою и эти фантастическія краски, и это спокойствіе—идиллическое спокойствіе „свободной стихіи“. А надъ тобою шепчутся вѣтви громадныхъ акацій, тихо шепчутся, точно имъ страшно нарушить эту задумчивую дрему. И лица кругомъ — не наши. Подвижныя, веселыя, открытыя. Ни подозрительныхъ взглядовъ, ни робкихъ точно недодѣланныхъ движеній, ни этой анемической блѣдности, ни этихъ глазъ безъ всякаго выраженія, точно съ заснувшаго судака перенесенныхъ на людскія лица. А вспомните нашу Балтику съ ея грозно сѣрыми волнами, съ ея нахмурившимся небомъ, съ котораго и солнце-то смотритъ точно исподлобья. Памятною становится при этомъ и сѣверная раздражительность, и наши больные, измученные нервы, и нашъ вѣчный разладъ, усугубляемый еще зудомъ безпричинной злости, которая поѣдомъ ѣстъ насъ всѣхъ.

Говорятъ, что здѣсь нѣтъ общественной жизни. Я думаю, что это вѣрно для тѣхъ кто является сюда съ предвзятымъ высокомѣрнымъ представленіемъ о провинціи. Для тѣхъ здѣсь дѣйствительно нѣтъ общественной жизни. Но какъ же ея можетъ не быть въ городѣ, гдѣ такъ *много* и *всѣ* работаютъ, гдѣ главнымъ образомъ на *общественныя* сооруженія, *общественные* интересы, *общественные* вопросы обращается вниманіе? Ея не можетъ не быть тамъ, гдѣ съумѣли за какія-нибудь сто лѣтъ пересоздать улицы, площади, выстроить великолѣпный театръ, изящное зданіе для музея и библіотеки, гдѣ наконецъ только для мѣстной публики и для сравнительно небольшаго района появилось столько крупныхъ газетъ. Впрочемъ, что-жь я говорю „появилось!“ Появиться—не диво. Появлялось и умирало вездѣ не мало и дурныхъ, и хорошихъ изданій — но здѣсь создалась, окрѣпла и держится „большая пресса“, къ которой—безъ различія направленій—принадлежатъ: *Одесскій Вѣстникъ, Одесскій Листокъ, Новороссійскій Телеграфъ* и другія. Что-жь, и это тоже признаки отсутствія общественной жизни? Значитъ она есть, но ея не умѣютъ понять. Если подъ общественною жизнью понимать наши петербургскіе клубы, — то, слава Богу, что *такой* общественной жизни здѣсь меньше чѣмъ у насъ. Ею дорожить нечего. Наконецъ, не говоря уже о газетахъ—здѣсь развивается и крѣпнетъ университетъ—что-жь, развѣ и это одно изъ доказательствъ отсутствія общественной жизни? Нигдѣ, въ остальной Россіи такъ ярко и рѣзко *не* высказываются общественныя симпатіи и антипатіи, нигдѣ не относятся такъ дружно къ тому чтò заслуживаетъ осужденія или похвалы. Неужели и это признакъ застоя и омертвѣнія? Право, въ этомъ отношеніи не разъ приходилось защищать Одессу противъ недовольныхъ ею одесситовъ. Впрочемъ, самое недовольство это проистекаетъ изъ весьма почтеннаго источника. Дѣло въ томъ, что требовательность одесситовъ только доказываетъ что они могутъ сдѣлать гораздо большее, чѣмъ то чтò сдѣлали,—ну, и слава Богу! Будущее, значитъ, за ними и оно очень не далеко. Очень недалеко то время, когда Одесса явится на Югѣ такимъ-же крупнымъ факторомъ, какимъ на Сѣверѣ у насъ оказываются Москва и Петербургъ. Что въ данномъ случаѣ я не преувеличиваю—могутъ убѣдиться тѣ, кто лѣтъ десять здѣсь не былъ. Милости просимъ—пріѣзжайте и посмотрите! Будьте только добросовѣстны, и вы сами скажете, что одесситы и ихъ городское управленіе не теряли своего времени даромъ. Сами одесситы даже не въ состояніи такъ оцѣнить совершеннаго ими прогресса. Мужъ, видящій свою жену ежедневно, не замѣчаетъ перемѣнъ, совершающихся въ ней исподволь. Вѣдь въ жизни большаго города—восемь, десять, двѣнадцать лѣтъ вовсе ужь не такая крупная цифра чтобы многаго требовать отъ такого короткаго времени... Тѣмъ не менѣе здѣсь вы можете потребовать многаго—и ваши требованія будутъ удовлетворены полностью.

Возьмемъ хоть одесскую улицу: она дѣйствительно интересна...

Здѣсь все живетъ на ней. Въ каменныхъ тюрьмахъ домовъ остаются немногіе, за то улица кишмя-кишитъ народомъ, живетъ во всю, не зная мѣры и устали. Здѣсь всѣ чувствуютъ себя дома и ловко, всѣ у себя и всѣмъ хорошо. Вглядитесь въ эти толпы мелькающія подъ густою тѣнью пышно разростающихся акацій. Кого вы только здѣсь не найдете! Локоть о локоть—итальянцы, греки, евреи, греки, молдаване, чехи, персы, армяне, турки, нѣмцы, французы—все это суетится, шумитъ, о чемъ-то безпокоится, неистово жестикулируя, невѣдомо чтò и кому объясняя, тутъ-же на ходу совершая крупныя сдѣлки. Въ кофейняхъ—итальянскія и греческія газеты, французскія, нѣмецкія, англійскія, — не говоря о нашихъ, возбуждаютъ споры, толки. Все чуткое, все впечатлительное, все на лету схватывающее и на лету глотающее, все умѣющее во „времени“ отыскать не только деньги, но и удовольствіе, все преувеличенное, какъ преувеличеннымъ кажется для насъ сѣверянъ и это солнце, и это небо, и это море... Типъ одессита тоже очень рѣзкими штрихами вырисовывается передъ вами. Онъ совсѣмъ особый, *свой*, выросшій здѣсь, на этой горячей лѣтомъ и холодной зимою почвѣ. Поэтому въ немъ вмѣстѣ съ увлеченіемъ южанина живутъ и растутъ внутренняя энергія и крѣпость чисто стальныя. Онъ легкомысленъ *повидимому*, его легкомысліе *кажущееся*; онъ легкомысленъ потому, что остроуменъ, потому что точно помимо его самого въ немъ рождаются всевозможныя удачныя сопоставленія, мѣткія фразы, смѣшныя опредѣленія, часто противорѣчивыя но всегда взнуздывающія васъ, встряхивающія вашу сѣверную апатію. Одесситъ привыкъ считать и мѣрить по своему. Его счетъ начинается не съ единицы, а прямо съ тысячи—въ этомъ отношеніи этотъ русскій Тартаренъ ждетъ своего Альфонса Доде. Но зная это, вы никогда не обманетесь. Привычка быть постоянно на улицѣ на глазахъ у всѣхъ — вызываетъ въ немъ нѣкоторую презрительную, пренебрежительную ко всему сухость. Въ сущности же онъ чувствуетъ и чувствуетъ сильно—только не выдаетъ этого. Способъ его выраженій поражаетъ сѣверянина не только образностью и яркостью красокъ, но и смѣлостью оборотовъ, быстротой ихъ. Вы чувствуете что въ этихъ смуглыхъ и курчавыхъ головахъ, мозговой аппаратъ работаетъ несравненно живѣе, чѣмъ у насъ. Оно и понятно. Здѣсь солнце не только въ небесахъ—но и въ крови у людей. Этимъ объясняется въ Одессѣ многое. Всѣ недостатки одесситовъ и ихъ достоинства...

Не стану толковать о направленіи одесскихъ газетъ. Я скажу только что за Одессой—громадная заслуга. Печать не только здѣсь пустила корни, но и поднялась на невиданную въ провинціи высоту. Говорятъ, она страдаетъ различными недугами. Будемъ же справедливы—ну, а мы чужды имъ? Говорятъ, тамъ мало талантовъ—ну, а у насъ ихъ много? Говорятъ, случается, онѣ преслѣдуютъ цѣли не всегда заслуживающія одобренія,—ну, а наша столичная печать вполнѣ безгрѣшна? Надо помнить одно: въ сравнительно небольшомъ уголкѣ Россіи, съумѣли вырости и завоевать себѣ мѣсто нѣсколько большихъ газетъ, которыя ведутся хорошо. Репортерская часть ихъ, напримѣръ, поставлена отлично, корреспондентовъ много и письма ихъ обстоятельны. Въ предѣлахъ возможности — мѣстные интересы разработываются прекрасно. Здѣсь есть все чтò есть у насъ—различіе только въ одномъ. У насъ все это получить легко, потому что лучшія силы провинціи стремятся въ Петербургъ, и выбирать есть изъ чего; а здѣсь все надо было создавать на мѣстѣ. Одесская печать своимъ сотрудникамъ даетъ уже средства къ жизни—а этого мало? Въ ней есть нѣсколько именъ живущихъ въ литературѣ, литературою и для литературы исключительно. Въ одной изъ газетъ редакцію которой случалось посѣщать мнѣ—вся редакція не знаетъ ни городской, ни коронной службы. Она служитъ только печати. Это симптомъ не маловажный, когда имя: „сотрудникъ такой-то газеты“ изъ названія дѣлается званіемъ.

Ростъ провинціальной печати—явленіе, симпатичнѣе котораго я не знаю. Мы можемъ только привѣтствовать его отъ всей души, пожелавъ ей устоять отъ всякихъ климатическихъ перемѣнъ, не поблекнувъ и не обезлиствѣвъ преждевременно...

У меня оказалось въ Одессѣ очень много знакомыхъ—и я нашелъ у нихъ то, чего не находилъ въ Петербургѣ. Здѣсь много библіотекъ у частныхъ лицъ—и дѣло книжныхъ магазиновъ идетъ весьма успѣшно. Послѣднее въ провинціи есть дѣло чисто *любительское*. Стою за это названіе. Надо очень *любить* книгу, чтобы служить ей такимъ образомъ. Книготорговля не даетъ барышей. Если она позволяетъ жить — слава Богу; въ большинствѣ случаетъ она *разоряетъ* любителя. Послѣдній вмѣстѣ съ книгами долженъ продавать бумагу, чернила, куклы, помаду, духи, чтобы какъ-нибудь извернуться. И въ Петербургѣ мало покупаютъ книги—что-жь говорить объ областныхъ читателяхъ! Всякій образованный человѣкъ въ западной Европѣ. разъ онъ имѣетъ свою квартиру, обзаводится своею библіотекой. Квартира безъ книжнаго шкапа тамъ то же, что костюмъ безъ жилета, напримѣръ; чего-то недостаетъ, есть какое-то неприличіе, бьющее въ глаза, пробѣлъ, пустота, которую надо поскорѣй заполнить... У насъ совсѣмъ иное дѣло. Мы, не бывши охотниками, навѣсимъ у себя ружей, охотничьихъ роговъ, патронташей, заведемъ даже необыкновенно уродливыя кресла въ видѣ семинарскихъ рогатыхъ силлогизмовъ, но чтò касается книги, то скажите на сколько петербургскихъ квартиръ приходится хотя бы по одному книжному шкапу? И если стоитъ такой, то онъ именно „среди долины ровныя на гладкой вы-

Пятидесятилѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна. Сцены изъ важнѣйшихъ оперъ А. Г. Рубинштейна. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Полякова, грав. Шюблеръ.

„Купецъ Калашниковъ". Актъ II, сцена III.
„Купецъ Калашниковъ". Актъ I, сцена V.
„Маккавеи". Актъ III, сцена II.

„Горюша".
„Демонъ".

„Демонъ". Актъ III, сцена I.
„Демонъ". Актъ III, сцена II.
„Неронъ". Актъ II, карт. II, сцена III.

сотѣ“,—спротствуетъ такъ жалостно, что за него больно: и съ чего ты влѣзъ сюда, голубчикъ, думается, кому ты здѣсь нуженъ?

Наша индустрія, къ тому-же, въ послѣднее время придумала ужъ совсѣмъ великую, особеннымъ ароматомъ пахнущую глупость — это фиктивные книжные шкапы. Въ самомъ дѣлѣ существуютъ не только фиктивныя биржевыя и конкурсныя сдѣлки, фиктивные векселя, фиктивные браки, — существуютъ — и фиктивные книжные шкапы, гдѣ вмѣсто книгъ стоятъ только пышные корешки для нихъ, съ красиво отпечатанными именами авторовъ—причемъ, по вдохновенію какого-нибудь столяра Гаврилова—поставщика сей умственной пищи— А. Пушкинъ обращается въ Апушкина, Гоголь въ Гегеля; для меня подобный книжный шкапъ является всегда нѣкоторымъ патентомъ рекомендующимъ его обладателя. Смотришь и думаешь: зачѣмъ, душа моя, понадобились тебѣ эти футляры гг. Апушкиныхъ и Гегелей написавшихъ „Мертвыя души“?..

И при такихъ условіяхъ, сравнительно, въ Одессѣ—книжная торговля обрѣтается въ нѣкоторомъ авантажѣ. Тамъ, напримѣръ, недавно открыто отдѣленіе одного петербургскаго магазина и въ первый годъ оно сдѣлало оборотъ на 42,000 рублей. Тамъ существуютъ старинныя и почтенныя фирмы Распопова, Бѣлова и другихъ. А этого много, очень много, особенно если принять въ соображеніе, что значительная часть одесскаго населенія принадлежитъ къ иностранцамъ, что тутъ масса грековъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и другихъ, удовлетворяющихъ свои умственныя потребности въ магазинахъ иностранныхъ литературъ (коихъ здѣсь не мало)...

Герцогъ Арманъ де-Ришелье-Фронсакъ, первый градоначальникъ Одессы.

Герцогъ Арманъ де-Ришелье, родившійся въ Бордо 14 (25) сентября 1766 года, былъ сынъ извѣстнаго своими любовными похожденіями маршала Лудовика-Франциска де-Ришелье, сына Армана де-Ришелье, который, въ свою очередь, приходился внучатнымъ племянникомъ знаменитому кардиналу Ришелье и унаслѣдовалъ имя, титулъ и богатства послѣдняго. Молодой герцогъ получилъ прекрасное образованіе. Первыя его сношенія съ Россіей относятся къ 1790 году. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, онъ узналъ, что русскіе, которые въ то время вели войну съ турками, собираются штурмовать крѣпость Измаилъ. Вмѣстѣ со своими друзьями, княземъ де-Линь и графомъ Ланжерономъ, молодой герцогъ отправился къ Потемкину, находившемуся въ то время въ Бендерахъ. Послѣдній не только принялъ ихъ самымъ любезнымъ образомъ, но и разрѣшилъ принять участіе въ штурмѣ. Молодой Ришелье такъ отличился въ этомъ дѣлѣ, что былъ награжденъ орденомъ Георгія IV ст. и золотымъ оружіемъ. Императрица Екатерина писала о немъ другу своему Гримму: „Отзывы о нынѣшнемъ Ришелье единодушны. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы онъ игралъ во Франціи такую же роль какую игралъ когда-то кардиналъ Ришелье, но безъ его недостатковъ. Я люблю достойныхъ и выдающихся людей, а потому желаю ему всякаго добра, хотя не знаю его лично. Я написала ему любезное письмо, когда посылала орденъ, и хочу, вопреки Національному Собранію, чтобы онъ остался герцогомъ Ришелье и помогъ возстановить монархію во Франціи“.

Однако послѣднему желанію не суждено было осуществиться; Ришелье не имѣлъ возможности оставаться въ революціонномъ Парижѣ 1789 года и долженъ былъ обратиться къ императрицѣ съ просьбой принять его въ русскую службу, на что послѣдовало ея согласіе. Ришелье былъ принятъ въ русскую армію полковникомъ и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. При императорѣ Павлѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ л.-гв. кирасирскаго его величества полка, но вскорѣ, вслѣдствіе сдѣланной на парадѣ ошибки, онъ навлекъ на себя неудовольствіе государя, — который вообще не благоволилъ къ этому полку,—и долженъ былъ оставить службу.

Когда во Франціи воцарился Наполеонъ Бонапарте, герцогъ снова попыталъ счастія въ своемъ отечествѣ, но долго не выдержалъ тамъ и въ январѣ 1802 года обратился къ императору Александру I, съ просьбой принять его вторично въ русскую службу. Государь отвѣчалъ: „Вамъ извѣстны Мои чувства и Мое уваженіе къ вамъ; вы можете заключить изъ нихъ, какъ Я буду доволенъ видѣть васъ въ Петербургѣ и знать, что вы служите Россіи, которой можете принести такъ много пользы“. Въ слѣдующемъ году герцогъ Ришелье, указомъ отъ 27 января, былъ назначенъ начальникомъ города Одессы, гдѣ онъ могъ развернуть свои замѣчательныя административныя способности.

Одесса представляла въ то время ничтожный городишко съ 4 — 5 тысячами жителей, большею частію поляковъ, грековъ, армянъ, евреевъ и татаръ. Съ трудомъ отыскали для вновь назначеннаго градоначальника сколько-нибудь сносную квартиру, состоящую изъ пяти комнатъ; но на первое время ему пришлось довольствоваться простыми бѣлыми столами и деревянными скамейками; другой мебели въ городѣ нельзя было найти. Градоначальнику пришлось все выписывать изъ Херсона и просить о высылкѣ мастеровъ изъ Петербурга. Государь приказалъ послать въ Одессу одного столяра съ нѣсколькими рабочими, одного булочника и одного слесаря и при каждомъ изъ двухъ послѣднихъ по одному рабочему. — „На первое время этого будетъ вѣроятно достаточно“, писалъ графъ Румянцевъ герцогу, сообщая ему объ отсылкѣ мастеровыхъ, „если же они найдутъ тамъ выгодную работу, то примѣръ ихъ не преминетъ привлечь и другихъ“.

Изъ этого уже можно видѣть, какъ ничтожна была Одесса того времени. Герцогъ Ришелье энергично взялся за дѣло и озаботился конечно прежде всего увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ города. Онъ выхлопоталъ у государя разрѣшеніе отчислять въ пользу города 1/5 таможенныхъ сборовъ вмѣсто прежде взимавшейся 1/10 и, кромѣ того, брать въ пользу города 2 1/2 коп. съ каждаго вывозимаго пуда ржи. Впослѣдствіи было дано разрѣшеніе, „дабы поднять торговлю Одесскаго порта“, направлять черезъ Одессу всѣ товары идущіе въ Молдавію и Валахію, Австрію и Пруссію и обратно. Для склада этихъ товаровъ были воздвигнуты магазины. Вмѣстѣ съ тѣмъ была основана вексельная контора и введенъ особый коммерческій судъ, для иностранныхъ купцовъ, боявшихся какъ огня обыкновеннаго русскаго суда. Вслѣдствіе всего этого торговля быстро поднялась, содѣйствуя со своей стороны развитію и росту города. Въ то же время была реорганизована городская администрація, преобразована полиція и гарнизонъ увеличенъ двумя баталіонами; основаны школы и все, что относится къ общественному благосостоянію, приведено въ образцовый порядокъ. „Не было ни одной отрасли управленія и общественной жизни“, пишетъ г. Половцевъ, „на которую не распространилась бы заботливость герцога. Ему-же обязаны своимъ процвѣтаніемъ многочисленныя, основавшіяся во ввѣренномъ ему краѣ, иностранныя колоніи. Содѣйствуя развитію земледѣлія и овцеводства, онъ облегчалъ кочующимъ татарскимъ племенамъ переходъ къ осѣдлой жизни.... Въ Крыму имъ положено основаніе виноделію и вмѣстѣ съ тѣмъ начато собираніе остатковъ классическихъ древностей Тавриды и приняты мѣры къ ихъ сохраненію“.

Къ концу 1804 года населеніе Одессы возросло до 8 тысячъ душъ, причемъ въ то же время расширилась и торговля: въ 1805 году въ Одессу прибыло уже 600 судовъ. Особое вниманіе было обращено герцогомъ на колоніи, все устройство которыхъ совершалось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Онъ лично входилъ въ сношенія съ иноземными колонистами и своимъ простымъ, ласковымъ обхожденіемъ привлекалъ ихъ сердца.

Съ особенною силой выказалась энергія и дѣятельность герцога Ришелье въ 1812 году, когда въ Одессѣ появилась чума и его столькими трудами и заботами взлелѣянному дѣтищу, насчитывавшему уже 35 тыс. жителей, грозила опасность опустѣть на многіе годы. Около 2700 человѣкъ сдѣлались жертвою чумы, по въ концѣ концовъ герцогу удалось побѣдить заразу и помѣшать дальнѣйшему ея распространенію. Такова великая заслуга, оказанная герцогомъ Россіи въ тяжелое время войны съ Наполеономъ.

Для борьбы съ чумой, Ришелье прибѣгъ къ дѣйствительно радикальному средству, къ общему карантину... Цѣль его была отыскать самое гнѣздо заразы и затѣмъ пустить въ ходъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства, для предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія. Карантинъ былъ введенъ съ 22 ноября 1812 года. Всѣ общественныя заведенія были закрыты; каждому жителю, подъ страхомъ строгаго взысканія, запрещалось не только выходить на улицу, но даже показываться на порогѣ своего дома. Патрули все время ходили по городу; жизненными припасами каждый долженъ былъ запастись заранѣе; бѣднѣйшимъ жителямъ управленіе города выдавало съѣстные припасы безвозмездно на недѣлю впередъ; прочія насущныя требованія жителей исполнялись съ величайшими мѣрами предосторожности особыми, съ этой цѣлью назначенными, агентами: они дѣлали мелкія покупки, доставляли письма, исполняли другія, нетерпящія отлагательства, порученія, и т. д. Казалось, вся Одесса вымерла; на улицахъ не видно было ни души, за исключеніемъ патрулей, агентовъ-комиссіонеровъ, носильщиковъ гробовъ и санитаровъ. То было тяжелое время для герцога, который во время одного изъ постоянныхъ обходовъ города — все совершалось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ — въ изнеможеніи опустился на скамью во дворѣ дома одного изъ агентовъ и воскликнулъ: „Сердце мое обливается кровью! Употреблять весь свой авторитетъ на то, чтобы поддерживать пустоту на тѣхъ самыхъ улицахъ, которыя я въ продолженіе 10 лѣтъ всѣми силами старался оживить!“

Выполняемый со всею строгостью, карантинъ достигъ однако своей цѣли. Уже начиная съ двѣнадцатаго дня по учрежденіи карантина, въ городѣ не было вновь зараженныхъ домовъ; кругъ, въ которомъ свирѣпствовала чума, постепенно съуживался; заболѣвавшихъ тотчасъ эвакуировали въ нарочно воздвигнутые бараки; лицъ здоровыхъ, но жившихъ въ зараженныхъ домахъ и потому могшихъ подвергнуться заболѣванію, помѣщали въ другіе бараки; самые же дома дезинфицировали. *Сорокъ шесть* дней длился карантинъ, но въ результатѣ чума была подавлена, и въ февралѣ слѣдующаго года могла считаться окончательно уничтоженною. Единичные случаи въ окрестно-

стяхъ города не представляли уже опасности и вскорѣ прекратились вовсе.

Въ небольшомъ мемуарѣ, написанномъ въ 1813 году, герцогъ Ришелье не безъ чувства удовлетворенія разсказываетъ о своей дѣятельности на пользу г. Одессы и Новороссійскаго края. Число домовъ въ городѣ, достигавшее въ 1802 году едва до 400, возросло до 2000, причемъ позднѣйшіе далеко превосходили первые по величинѣ и красотѣ. Торговля, простиравшаяся въ 1796 году во всѣхъ портахъ Чернаго и Азовскаго морей до $1^1/_2$ милліона рублей, увеличилась до 45 милліоновъ, изъ которыхъ 25 милл. приходились собственно на долю Одессы. Не менѣе быстрые успѣхи замѣчались во всѣхъ другихъ отрасляхъ: въ администраціи, народномъ образованіи, промышленности и т. д. Лучшей характеристикой огромнаго шага, сдѣланнаго въ послѣднемъ отношеніи, могутъ служить лаконическія слова герцога, въ концѣ его мемуара: „Когда я, въ 1803 году, пріѣхалъ въ Одессу, мнѣ пришлось ждать шесть недѣль, чтобы получить дюжину самыхъ простыхъ стульевъ, которыя я къ тому же долженъ былъ выписать изъ Херсона; а въ 1813 году изъ Одессы было вывезено въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая почти не уступала петербургской и московской.“

1813 г. былъ послѣднимъ годомъ дѣятельности Ришелье въ Одессѣ. Послѣ паденія Наполеона, герцога потянуло на родину. Императоръ Александръ I не только милостиво отпустилъ его, но и позаботился о томъ, чтобы герцогъ Ришелье былъ назначенъ во Франціи министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто Талейрана, который, на Вѣнскомъ конгрессѣ, прогнѣвилъ императора и долженъ былъ покинуть свой постъ. Ришелье принялъ это назначеніе только по настоятельной просьбѣ императора Александра I, но и здѣсь не забывалъ Россію и Одессу. Во время пребыванія Александра I въ Парижѣ, герцогъ вернулся къ своей заботѣ о Новороссійскомъ краѣ, съ которымъ, по его словамъ, „онъ думалъ навсегда связать свою жизнь“, и старался выхлопотать у государя двѣ милости: объявленіе Одессы порто-франко и основаніе въ Одессѣ высшаго учебнаго заведенія. И то, и другое было исполнено. Манифестомъ отъ 10 мая 1817 года Одесса была объявлена вольнымъ портомъ и въ томъ же году тамъ былъ основанъ Ришельевскій лицей, преобразованный впослѣдствіи въ Новороссійскій университетъ. Основнымъ мотивомъ объявленія Одессы порто-франко было у герцога желаніе поднять еще болѣе торговлю близкаго его сердцу города и доставить ему еще большую степень процвѣтанія. Другой мотивъ—не выдерживаетъ строгой критики: Ришелье думалъ, искоренивъ этою мѣрою въ Одессѣ контрабанду, устранить возможность вторичнаго появленія чумы въ краѣ, на томъ основаніи, что въ первый разъ, въ 1812 году, чума была занесена въ Одессу контрабандистами.

Въ 1818 году императоръ Александръ посѣтилъ южныя губерніи Россіи и былъ пораженъ огромными успѣхами, сдѣланными Одессой. Удивленіе это ясно выразилось въ письмѣ, посланномъ изъ Москвы, на возвратномъ пути, герцогу Ришелье, вмѣстѣ съ орденомъ Андрея Первозваннаго. Государь писалъ:

„Обозрѣвая южныя провинціи Моего государства и въ особенности ту область, которая была ввѣрена вашимъ попеченіямъ, господинъ герцогъ, Я на каждомъ шагу, съ чувствомъ полнаго удовольствія, замѣчалъ плоды вашихъ трудовъ, и восхищался всегда чистыми и справедливыми намѣреніями, приведенными въ исполненіе благодаря вашей неутомимой дѣятельности. Одесса въ особенности привлекла Мое вниманіе. Видъ этого прекраснаго города, коего цвѣтущее состояніе свидѣтельствуетъ о столь же честномъ, сколь просвѣщенномъ и дѣятельномъ правленіи, еще болѣе усилило во Мнѣ тѣ чувства уваженія, которыя Я всегда питалъ къ вашему высокому призванію. Давно уже Я имѣлъ желаніе выразить вамъ мою признательность какимъ-либо видимымъ знакомъ отличія. Минута, въ которую Я лично увидѣлъ услуги, оказанныя ввѣренной вашимъ попеченіямъ области, показалась Мнѣ къ тому наиболѣе благопріятною. Независимо отъ того высокаго назначенія, которымъ почтило васъ довѣріе вашего государя и вашей родины, Мнѣ пріятно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провозгласить васъ кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, знаки котораго съ удовольствіемъ препровождаю вамъ, повторяя увѣреніе въ Моемъ высокомъ къ вамъ уваженіи.“

Министерская дѣятельность Ришелье была довольно терниста. Во Франціи господствовала въ то время ненависть къ Россіи, и потому оппозиція не могла терпѣть министра, политика котораго основывалась на дружескихъ отношеніяхъ къ Русскому государству. Ришелье удалился отъ дѣлъ, и взоры его, какъ онъ писалъ императору Александру, „снова обратились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ такъ долго находилъ почетное убѣжище“. Не отказываясь отъ служенія своей родинѣ, онъ ощущаетъ, по его словамъ, сильнѣйшее желаніе еще разъ посѣтить берега Чернаго моря и испрашивалъ на то разрѣшеніе императора. Разрѣшеніе, конечно, было дано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но путешествіе тѣмъ не менѣе не могло состояться. По убіеніи герцога Беррійскаго, Ришелье вторично былъ призванъ въ составъ министерства и оставался во главѣ его до конца 1821 года, когда, по тѣмъ же причинамъ какъ и въ первый разъ, былъ снова низвергнутъ оппозиціей.

И снова взоры его обратились на югъ Россіи. Онъ писалъ въ январѣ 1822 года къ своему другу Сикару, въ Одессу:

„Я имѣю намѣреніе посѣтить васъ будущимъ лѣтомъ. Не могу сдѣлать этого теперь, ибо у насъ не преминутъ сказать, какъ уже говорили раньше, что я ѣду продавать Россіи французскіе интересы. Въ то время какъ въ Россіи насъ упрекаютъ въ излишнемъ тяготѣніи къ Англіи, люди, которые сдѣлались моими врагами, обвиняютъ меня, что я предалъ Францію Россіи... Поэтому я долженъ остаться нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, но весною думаю отправиться въ Вѣну, а оттуда на Черное море.“

Однако всѣмъ этимъ предположеніямъ опять не суждено было осуществиться: 4 (16) мая 1822 года нервный ударъ внезапно положилъ конецъ плодотворной дѣятельности и жизни герцога, на 56-мъ году отъ рожденія. Императоръ Александръ I былъ глубоко потрясенъ извѣстіемъ о смерти Ришелье. „Я оплакиваю герцога Ришелье, какъ единственнаго друга, отъ котораго слышалъ правду. Онъ былъ образцомъ честности и прямодушія. Услуги, которыя онъ оказалъ, увѣковѣчиваютъ благодарность къ нему Россіи, какъ ко всему благородному и честному.“

Въ Одессѣ до сихъ поръ живетъ благодарное воспоминаніе о герцогѣ Ришелье, *дюкѣ*, какъ его тамъ называютъ. (С.)

А. Г. Рубинштейнъ.

Очеркъ **П. В. Быкова.**

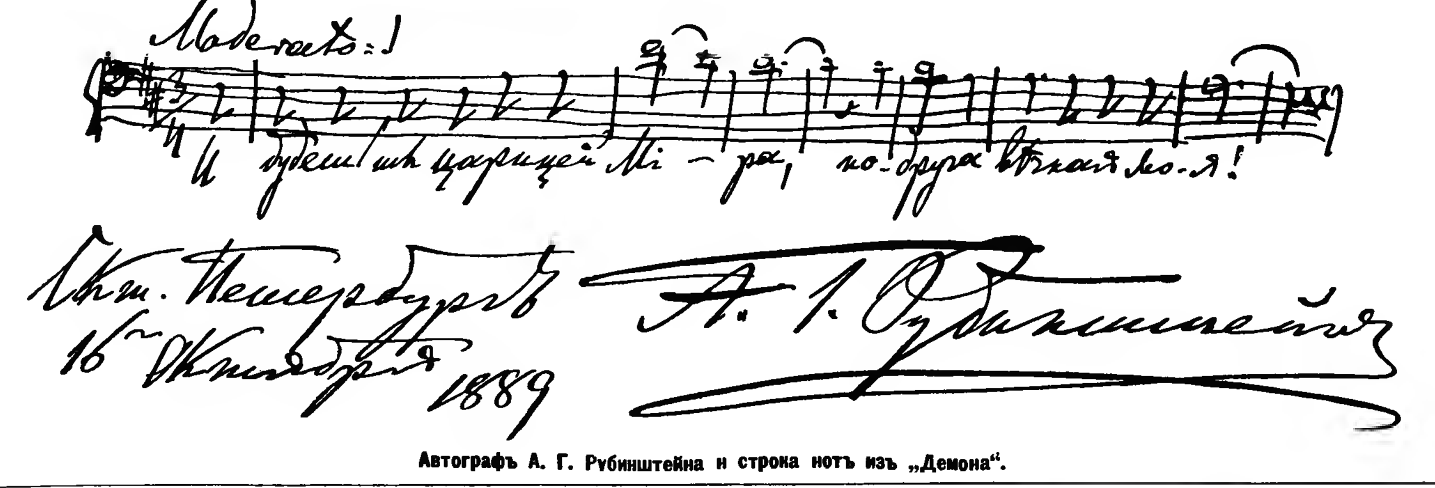
(Портр. и рис. на стр. 1181, 1184, 1185 и 1188).

Назадъ тому ровно полвѣка, 11 іюля 1839 года, въ одной изъ подмосковныхъ концертныхъ залъ передъ публикой выступилъ юный девятилѣтній піанистъ. Большая характерная голова съ открытымъ, широкимъ лбомъ, блестящіе глаза, умное выраженіе всего лица и чрезвычайно осмысленная игра, все это заставляло невольно видѣть въ малолѣтнемъ концертантѣ далеко не обыкновеннаго ребенка. И дѣйствительно, онъ представлялъ собою выходящее изъ ряду явленіе. Когда на слѣдующій годъ онъ игралъ въ Парижѣ въ присутствіи Шопена, Листа и другихъ извѣстныхъ виртуозовъ, всѣ пришли въ восторгъ отъ его игры, полной чувства, силы и выраженія, а Францъ Листъ поднялъ мальчика на руки, расцѣловалъ его и предсказалъ ему свѣтлое грядущее, будущность великаго артиста. И онъ не ошибся: имя Антона Рубинштейна—этого много обѣщавшаго, необыкновеннаго ребенка—покрыто нынѣ неувядаемою славою, гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ и стоитъ высоко среди музыкальныхъ знаменитостей второй половины текущаго столѣтія. Его не иначе называютъ какъ царемъ піанистовъ, ему рукоплещетъ весь міръ. Трудно передать словами то неизгладимо-дивное впечатлѣніе, какое производитъ игра Рубинштейна на каждаго, кто хотя разъ въ жизни слышалъ эту игру, вдохновенную, чарующую, дѣйствующую точно магически. Рубинштейнъ—великій художникъ. Онъ обладаетъ священнымъ огнемъ искусства, онъ именно творитъ, созидаетъ, являясь великимъ истолкователемъ великихъ творцовъ мелодіи.

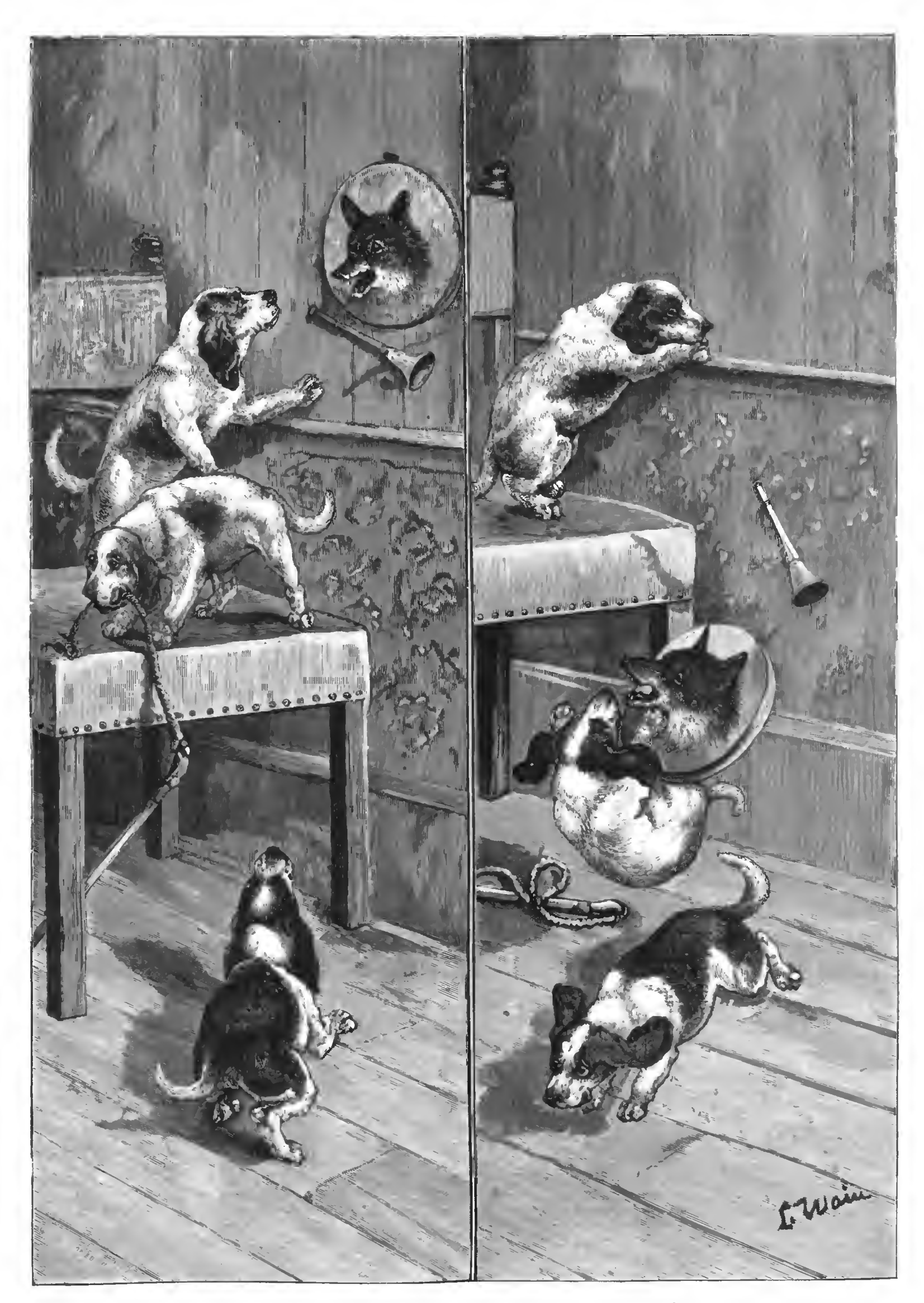
Смѣло можно сказать, что никто изъ піанистовъ послѣдняго пятидесятилѣтія не владѣетъ такою изумительною техникой, какъ Рубинштейнъ, никто столь вѣрно не угадываетъ вамысловъ тѣхъ авторовъ-классиковъ, которые словно оживаютъ въ его неподражаемомъ исполненіи. Его игра полна изящества; нашъ геніальный піанистъ обладаетъ рѣдкимъ тушэ, и оно-то и помогаетъ ему извлекать изъ фортепіано удивительные звуковые эффекты, такъ что подъ его волшебными пальцами этотъ, въ строгомъ смыслѣ далеко не благодарный инструментъ, какъ будто преображается и становится пѣвучимъ какъ скрипка. Чистота, отдѣлка и общій характеръ его игры—поразительны. Рубинштейнъ, какъ высокій художникъ, всецѣло проникаясь идеями и чувствами, которыя нерѣдко глубоко сокрыты въ исполняемыхъ имъ произведеніяхъ, идетъ рука объ руку съ авторомъ той или другой пьесы, словно продолжаетъ творить съ нимъ. Но его исполненіе не рабское: передавая какое-либо произведеніе, онъ сообщаетъ ему вполнѣ оригинальную окраску, вноситъ въ него частицу своего „я“, истолковываетъ своеобразно. Оставляя мелочи и частности на второмъ планѣ, онъ, главнымъ образомъ, заботится объ общемъ характерѣ исполненія, о цѣльности впечатлѣнія. Эта оригинальность пріемовъ, одному ему свойственная, вноситъ въ его игру бездну жизни и невольно подкупаетъ каждаго. При всемъ томъ онъ обладаетъ огромною памятью и поразительною неутомимостью. Какъ всякій геній искусства, Рубинштейнъ властвуетъ надъ толпой вполнѣ, ведетъ ее за собою, а не угодничаетъ предъ ней. И вотъ почему, высоко держа знамя искусства, онъ дѣлаетъ выборъ произведеній для своихъ концертовъ руководясь единственно своими соображеніями, даетъ то, что дѣйствительно прекрасно, что способно развить вкусы публики. Въ силу этого его игра получаетъ строго-педагогическое значеніе.

Таковъ Рубинштейнъ какъ піанистъ. Но онъ не менѣе замѣчателенъ и какъ композиторъ, симфоническій и оперный. Еще въ первой оперѣ своей, „Куликовская битва", въ которой онъ воспользовался восточными напѣвами и симфонически развилъ ихъ, онъ обнаружилъ недюжинный талантъ. Съ каждою новою оперой этотъ талантъ росъ и развивался, и нынѣ такія его произведенія какъ „Демонъ", „Неронъ", „Маккавеи", имѣвшія у насъ и на западно-европейскихъ сценахъ огромный успѣхъ, завоевали ему одно изъ первыхъ мѣстъ между современными композиторами. Въ этихъ операхъ его, особенно въ „Маккавеяхъ", замѣчается отсутствіе сухихъ, монотонныхъ речитативовъ, въ нихъ чувствуется величественность, напоминающая Мендельсона, энергія и сила Мейербера. Пѣвучесть и мелодичность, инструментовка блестящая, полная красокъ, эффектные, звучные хоры, вполнѣ гармонирующіе съ речитативами, дуэтами и аріями, свѣжій источникъ мелодіи и высшій драматизмъ, какого достигаетъ музыка во многихъ мѣстахъ, и вообще мастерство техники — все это неотъемлемыя качества оперъ Рубинштейна, въ которыхъ, также какъ въ прочихъ своихъ произведеніяхъ, онъ старается гораздо болѣе держаться классическихъ образцовъ, чѣмъ прокладывать новые пути въ музыкѣ. Рубинштейнъ всегда умѣетъ придать силу своимъ мотивамъ и согласовать ихъ въ то-же время вполнѣ съ общимъ ходомъ дѣйствія. Музыкальная плодовитость автора „Демона" достигаетъ очень почтенной цифры; едва-ли сыщется такой жанръ музыкальнаго творчества, въ которомъ Рубинштейнъ не попробовалъ-бы свои силы съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Онъ писалъ симфоніи, квартеты, тріо, музыкально-характерныя картины, фантазіи, увертюры — для скрипки, віолончели и прочихъ инструментовъ, ноктюрны, баркаролы, этюды, сонаты, фантазіи для фортепіано, романсы, хоралы и проч. Всѣ эти произведенія отличаются про-

А. Г. Рубинштейнъ 11-ти лѣтъ. Съ рисунковъ профессора А. Т. Маркова.



Автографъ А. Г. Рубинштейна и строка нотъ изъ „Демона".



У страха глаза велики. Рис. Уайнъ, грав. Ольшевскій.

стотой, ясностью мысли, общедоступностью, отсутствіемъ теоретическихъ цѣлей тѣхъ курьезныхъ новаторовъ, которые видятъ въ музыкѣ не искусство, а науку. Особенно цѣнны заслуги Рубинштейна въ области фортепіанной литературы. Глубоко, всесторонне изучивъ фортепіано, онъ сдѣлалъ для этой литературы очень много и безспорно заложилъ фундаментъ національной фортепіанной музыки.

Не менѣе плодотворна дѣятельность его и въ области музыкально-педагогической. По его иниціативѣ, его стараніями основаны въ Россіи „Музыкальное Общество", возникшее въ 1859 г., и первая консерваторія, открытая въ 1862 г. Назначенный ея директоромъ, онъ стоялъ десять лѣтъ во главѣ этого учрежденія, давшаго блестящіе результаты, чему нагляднымъ доказательствомъ служитъ цѣлая плеяда артистовъ и артистокъ, музыкантовъ, учителей музыки и пѣнія, воспитавшихся подъ руководствомъ и вліяніемъ Рубинштейна. Онъ чрезвычайно безкорыстно относился и относится къ своему дѣлу, жертвуя значительную часть своего директорскаго и профессорскаго содержанія на уплату за уроки лицъ, учившихся играть на духовыхъ инструментахъ и другихъ, безвозмездно дирижировалъ концертами Общества, и часто крупныя суммы, вырученныя съ концертовъ, отдавалъ на благотворительныя дѣла. То дирижируя симфоническими собраніями, то читая лекціи, то, наконецъ, устраивая свои знаменитые „историческіе концерты", имѣвшіе несомнѣнно воспитательное значеніе, Рубинштейнъ всегда, въ теченіе всей своей пятидесятилѣтней артистическо-педагогической дѣятельности, неуклонно оставался вѣренъ задачамъ обожаемаго имъ искусства. Онъ старался облагородить вкусы публики, знакомя ее съ лучшими произведеніями классической и современной музыки и, ставъ уже давно во главѣ отечественной музыкальной жизни, употреблялъ всѣ силы къ возможному поднятію уровня музыкальнаго образованія въ нашемъ обществѣ. Значеніе многочисленныхъ и разностороннихъ заслугъ Рубинштейна увеличивается еще и тѣмъ, что онъ всячески заботился о распространеніи русской музыки далеко за предѣлами своего отечества, и въ этомъ отношеніи онъ между отечественными композиторами—единственный. За эту одну заслугу онъ достоинъ высокаго уваженія и почестей.

Не безъ треволненій прошла жизнь Антона Григорьевича Рубинштейна. Было достаточно терній на его честномъ, прямомъ пути, но загорѣвшаяся надъ нимъ, со дней его ранняго дѣтства, звѣзда славы не переставала озарять этотъ не легкій путь.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ родился 16 ноября 1829 г., въ мѣстечкѣ Выхватинцѣ, въ Бессарабіи, въ достаточной семьѣ. Отецъ его имѣлъ въ Москвѣ карандашную фабрику, но скоро дѣла его разстроились, и семейству грозила нищета. А какъ разъ въ это время младшій сынъ Антонъ началъ обнаруживать удивительныя музыкальныя способности. Шестилѣтнимъ ребенкомъ смастерилъ онъ изъ щепокъ и ниток нѣчто въ родѣ скрипки и наигрывалъ на этомъ оригинальномъ инструментѣ знакомыя мелодіи, слышанныя имъ на улицѣ. Мать печалилась, что не можетъ дать дѣтямъ сколько-нибудь сноснаго образованія; она боялась что музыкальныя способности Антона могутъ заглохнуть. Сама она слыла отличною музыкантшей, обладала замѣчательнымъ слухомъ, но ни о музыкальной теоріи, ни о методѣ преподаванія не имѣла никакого понятія. И вотъ при помощи нѣсколькихъ „Школъ для фортепіано", пріобрѣтя очень плохонькій инструментъ, она принялась учить сына музыкѣ. За два года онъ успѣлъ много, и когда знакомые матери юнаго Рубинштейна показали его піанисту Виллуану, послѣдній такъ былъ и удивленъ, и восхищенъ игрою восьмилѣтняго мальчика, что предложилъ давать ему безплатные уроки музыки. Подъ его руководствомъ юный піанистъ оказалъ такіе быстрые успѣхи, что съ девяти лѣтъ сталъ давать концерты и въ продолженіе двухъ лѣтъ совершилъ по всей Европѣ артистическое путешествіе, удивляя всѣхъ своимъ необычнымъ талантомъ. Вернувшись въ отечество въ 1843 г., онъ пріобрѣлъ еще бо́льшую извѣстность съ тѣхъ поръ, когда о немъ заговорили при Дворѣ. Императоръ Николай Павловичъ и его Августѣйшая супруга обласкали ребенка-виртуоза, и государь, нерѣдко оставаясь съ нимъ одинъ въ залѣ дворца великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ давались музыкальные вечера, во время антрактовъ, задавалъ ему различныя, любимыя темы свои, на которыя Рубинштейнъ тутъ же импровизовалъ. Пожавъ не малые лавры на концертахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, Антонъ Григорьевичъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ мать обоихъ Рубинштейновъ совѣтовалась съ Мейерберомъ и Мендельсономъ насчетъ дальнѣйшаго музыкальнаго образованія сыновей. Окончивъ занятія теоріей музыки съ профессоромъ С. В. Деномъ, бывшимъ учителемъ Глинки, Рубинштейнъ перебрался въ Вѣну и пробылъ тамъ съ 1846 до 1849 года, развивая свое дарованіе вполнѣ самостоятельно. Въ это время у него умеръ отецъ, и юный артистъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ради хлѣба насущнаго онъ принужденъ былъ давать уроки музыки и даже участвовать въ качествѣ пѣвчаго въ церковныхъ хорахъ. Къ этому-же времени относятся и его первыя попытки въ музыкальномъ творчествѣ, заслужившія лестные отзывы Шумана. Вернувшись въ Россію, Рубинштейнъ написалъ первыя оперы свои и цѣлый рядъ симфоній, концертовъ и мелкихъ пьесъ. Съ этого времени начинается его неутомимая дѣятельность и педагогическая, и композиторская, причемъ каждый его концертъ составлялъ событіе и сопровождался шумными оваціями. По выходѣ изъ консерваторіи, Рубинштейнъ въ продолженіе трехъ лѣтъ разъѣзжалъ по Европѣ и годъ жилъ въ Америкѣ. Возвратясь на родину въ 1873 году, онъ вскорѣ пріобрѣлъ дачу въ Петергофѣ, гдѣ и проводитъ лѣто. По смерти Давыдова онъ снова взялъ подъ свое покровительство консерваторію и какъ прежде лелѣетъ и холитъ это любимое дѣтище свое. Рубинштейнъ имѣетъ русскіе и иностранные ордена за свои музыкальныя заслуги. Но эти награды все-таки блѣднѣютъ передъ тѣмъ высокоторжественнымъ чествованіемъ „царя піанистовъ", какимъ почтено его полувѣковое служеніе русскому искусству, въ исторіи котораго имя Рубинштейна достойно занять одну изъ яркихъ, самыхъ свѣтлыхъ страницъ.

Литературно-критическія миніатюры.

Пушкинская проза.

Еще въ 1827 году и даже ранѣе, когда поэтическій геній Пушкина приблизился къ порѣ своего высшаго развитія, великій поэтъ выказалъ склонность къ прозаической рѣчи и написалъ знаменитыя главы неоконченнаго историческаго романа „Арапъ Петра Великаго". Въ тѣ времена такой переходъ отъ стиховъ къ прозѣ былъ явленіемъ не особенно обыкновеннымъ, потому что рѣчь стихотворная тогда прямо предпочиталась прозаической, поэзія предполагалась принадлежностью преимущественно стиховъ, которые, какъ извѣстно, по-французски и вообще на иностранныхъ языкахъ и назывались именемъ „поэзіи", въ противоположность „прозѣ", — рѣчи не мѣрной, не стихотворной. Для Пушкина этотъ переходъ былъ тѣмъ неожиданнѣе, что онъ владѣлъ стихомъ въ совершенствѣ, писалъ стихами съ тою же легкостью, какъ и прозой. Между тѣмъ, за „Арапомъ Петра Великаго" послѣдовали въ 1830 г. „Повѣсти Бѣлкина" („Выстрѣлъ", „Метель", „Гробовщикъ", „Станціонный смотритель", „Барышня-крестьянка"), „Исторія села Горохина", два года спустя — „Дубровскій", въ 1833 г. „Капитанская дочка" и т. д. Въ то же время занятія исторіей привели Пушкина къ составленію монографіи „Исторія Пугачевскаго бунта", а изданіе журнала *Современникъ* привело его къ необходимости написать нѣсколько журнальныхъ статей и замѣтокъ, нерѣдко совершенно чуждыхъ его поэтической натурѣ. Такъ создалось нѣсколько томовъ Пушкинской прозы, имѣющей весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы.

Конечно, наибольшее значеніе среди этихъ „прозаическихъ" произведеній Пушкина принадлежитъ повѣстямъ и романамъ, проникнутымъ роскошною поэзіею. Съ момента ихъ появленія и, въ сущности, до настоящаго времени на нихъ русская критика смотрѣла и смотритъ съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, приходя и къ двумъ несогласнымъ мнѣніямъ. Одно изъ нихъ, основанное Бѣлинскимъ, гласитъ, что повѣсти Пушкина „недостойны ни таланта, ни имени Пушкина". Конечно, оно признаетъ и достоинства въ этихъ произведеніяхъ великаго поэта, свидѣтельствующія о геніальности автора. Такъ, предъ семью главами неоконченнаго „Арапа Петра Великаго" Бѣлинскому казались „бѣдны и жалки" даже талантливыя и не лишенныя достоинства произведенія другихъ авторовъ того времени; онъ отдаетъ справедливость удивительно вѣрному изображенію въ „Пиковой дамѣ" старой графини, ея воспитанницы и ихъ отношеній; многія картины и изображенія въ „Капитанской дочкѣ" кажутся ему „чудомъ совершенства" по вѣрности, правдивости содержанія и мастерству изложенія и т. д. Словомъ, за Пушкинымъ признается великое превосходство передъ русскими писателями, его современниками и предшественниками, но это не считается даже и похвалой, потому что „великому не большая честь быть выше пигмеевъ, — а больше его у насъ не съ кѣмъ сравнивать"; такъ сказалъ Бѣлинскій по поводу собственныхъ своихъ похвалъ „Арапу Петра Великаго". Невысокая сравнительно оцѣнка повѣстей Пушкина основывалась на ихъ содержаніи. „Повѣсти Бѣлкина", напр., сравнивались съ повѣстями Карамзина и объявлялись ниже своего времени; „Барышня-крестьянка" признавалась разсказомъ неправдоподобнымъ, водевильнымъ, представляющимъ помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія; „Пиковая дама" — не повѣстью, а анекдотомъ, хотя разсказана де она мастерски. Во всякомъ случаѣ „Арапъ Петра Великаго", „Капитанская дочка", „Дубровскій" и „Лѣтопись села Горохина" считались замѣчательнѣйшими произведеніями русской литературы, при чемъ послѣднія два, какъ изображенія тяжелыхъ сторонъ помѣщичьяго быта, даже и содержаніемъ своимъ казались значительными критикѣ этого направленія.

Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на прозаическія произведенія представитель другаго критическаго направленія, Ап. Григорьевъ. Именно въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, считавшихся наиболѣе слабыми и незначительными по содержанію, онъ увидѣлъ выраженіе особаго, новаго направленія Пушкина, которое ему было необыкновенно симпатично. По его воззрѣнію, Пушкинъ, въ теченіе всего своего литературнаго поприща, своею мыслію и симпатіями постепенно переходитъ отъ навѣянныхъ на него иностранными литературами идеаловъ къ идеаламъ русскимъ, болѣе простымъ и обыкновеннымъ, болѣе свойственнымъ русскому народному характеру. Вмѣсто героевъ въ родѣ кавказскаго плѣнника, Алеко, наконецъ даже Онѣгина, страдающихъ какими-то непонятными разочарованіями и страданіями, не мирящихся съ обыкновенною долею всѣхъ людей и ищущихъ для себя какого-то исключительнаго положенія, исключительныхъ подвиговъ,—вмѣсто этихъ героевъ Пушкину стали представляться болѣе интересными самые обыкновенные люди, люди милліонныхъ массъ, которые собственно и дѣлаютъ жизнь; стали для него болѣе интересными не выдуманныя, а настоящія, дѣйствительныя, реальныя радости и страданія, наполняющія жизнь обыкновенныхъ людей. Въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, какъ и въ другихъ прозаическихъ произведеніяхъ, преимущественно и высказались эти симпатіи Пушкина къ простому человѣку, къ „мирному“ типу людей. Въ этомъ, по воззрѣнію Ап. Григорьева, сказалась русская душа, особенности русскаго характера, наше „типовое“, какъ онъ выразился, — стремленіе къ простому и доброму.

Таковы два воззрѣнія на Пушкина, преимущественно высказанныя именно по поводу его прозаическихъ произведеній. Какъ ни противоположны они повидимому, но въ нихъ обоихъ есть черты истины, усматриваемой съ разныхъ сторонъ, и сама противоположность эта есть скорѣе не отрицаніе однимъ воззрѣніемъ такихъ свойствъ въ произведеніяхъ Пушкина, которыя признаются другимъ воззрѣніемъ, а скорѣе разница воззрѣній на одни и тѣ же свойства, признаваемыя обѣими сторонами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Пушкинѣ дѣйствительно совершался тотъ медленный переворотъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и на ея идеальныя стороны, который указывается Григорьевымъ. И самъ же Пушкинъ выразилъ это въ стихахъ (въ „Евгеніи Онѣгинѣ“), гдѣ онъ говоритъ, что прежнія чувства его „прошли иль измѣнились...“, что „въ ту пору“ ему „казались нужны пустыни, волнъ края жемчужны, и моря шумъ, и груды скалъ, и гордой дѣвы идеалъ, и безъименныя страданья“ — вообще — „высокопарныя мечтанья“, а что теперь ему нужны „иныя картины“:

„Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи“... и проч.

Словомъ, Пушкинъ пережилъ обращеніе отъ „высокопарныхъ мечтаній“ къ самой будничной, немножко печальной дѣйствительности. И теперь ему „мила балалайка да пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака“... Естественно, что онъ внесъ въ свои прозаическія беллетристическія произведенія эту любовь къ простотѣ, къ обыкновенной жизни, столь сильной и столь иногда страшной, въ ней сталъ онъ находить интересъ животрепещущій. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ это стремленіе въ большей степени, чѣмъ хотѣлъ высказать. „Если бы слушался я одной своей охоты,—говоритъ онъ въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“, — то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія“... За этими полушутливыми словами скрывается правда.

Новое настроеніе, выразившееся, конечно, и въ стихотвореніяхъ, съ особенной силой должно было сказаться именно въ прозаическихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Сжатая стихотворная рѣчь, въ немногихъ строкахъ выражающая сложныя чувства и душевныя движенія, требуетъ гораздо большаго вдохновенія, и уже потому отдалается отъ повседневности. Въ стихи вообще трудно укладываются простыя детальныя описанія простыхъ событій; стихи всегда захватываютъ сжато сущность событій, не претендуя на подробный анализъ ихъ. Быть-можетъ именно поэтому вошелъ въ моду и вытѣснилъ все остальное во всѣхъ литературахъ романъ, когда направленіе умовъ стало реальнѣе, когда въ литературахъ являлась потребность „натуралистическаго“ описанія жизни, ея анализа. Пушкинъ, въ своемъ стремленіи къ простотѣ изображеній жизни, нужно думать, почувствовалъ потребность къ прозаическому изложенію, и далъ въ немъ болѣе рѣзкое отраженіе своего настроенія.

Съ другой стороны, невозможно не признать, что выборъ такихъ сюжетовъ, какъ „Барышня-крестьянка“, „Метель“, и др. не всегда былъ удаченъ для Пушкина и ставилъ прозаическія произведенія его ниже стихотворныхъ. Это, однако, можно сказать лишь о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Пушкина. „Арапъ Петра Великаго“, этотъ неоконченный романъ, не смотря на свою неоконченность, принадлежитъ къ свидѣтельствамъ, что и въ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній Пушкинъ могъ занять недостижимое для другихъ мѣсто. Еще большимъ свидѣтельствомъ тому служитъ „Капитанская дочка“, — произведеніе удивительное, полное невыразимой простоты одновременно съ значительностью содержанія. Исторія переплетается въ ней съ жизнью будничною и лицъ обыкновенныхъ въ такой строгой соразмѣрности, что передъ вами дѣйствительность, выдающая тайные законы жизни въ ея двухъ сторонахъ — исторической, общей, — и частной.

Значеніе прозаическихъ произведеній Пушкина, однако, не въ содержаніи ихъ, не въ фабулахъ, не въ событіяхъ, описываемыхъ въ нихъ. Исторія русской литературы должна придать имъ огромное значеніе въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ данныхъ Пушкинымъ образцовъ, *какъ* должны писаться художественныя произведенія въ прозѣ. Не только до него, а и долго послѣ него и даже до настоящаго времени въ читающей публикѣ и среди писателей есть склонность къ вычурности въ замыслѣ содержанія и въ изложеніи. Кто не помнитъ Марлинскаго съ его трескучими фразами, полными неестественности, извращавшими дѣйствительность, выражаемую имъ, кто не знаетъ какъ великъ былъ его успѣхъ въ публикѣ уже послѣ Пушкина? Въ Карамзинѣ, не смотря на его великій умъ и вѣрное чувство мѣры, мы найдемъ подобныя же черты. Герои историческіе являлись въ поэтическихъ произведеніяхъ именно „героями“, не похожими на обыкновенныхъ людей, сильныя страсти приподнимались на ходули... Пушкинъ, своими небольшими повѣстями, въ сущности сдѣлалъ невозможнымъ въ будущемъ развитіе вкусовъ въ этомъ направленіи. И критика вышла на прямой путь отрицанія Марлинскихъ и ему подобныхъ вычурныхъ писателей. По отношенію къ историческому роману заслуга Пушкина въ русской литературѣ огромна. Въ „Арапѣ“ и „Капитанской дочкѣ“ историческія личности являются совершенно простыми, слабыми и добрыми людьми, ни мало не теряя отъ того своего историческаго величія или значенія. Геніальное чувство мѣры указало Пушкину ту, необычайно трудно уловимую границу, на которой лицо историческое сливается съ обыкновеннымъ человѣкомъ, и онъ дѣлаетъ ее понятною и для читателя. Лучшіе историческіе романисты русскіе имѣютъ въ Пушкинѣ учителя, урокамъ котораго остаются вѣрны.

Все сказанное о беллетристическихъ произведеніяхъ примѣнимо и вообще къ Пушкинской прозѣ, правдивой и искренней, чуждой эффектовъ и преувеличеній. Такъ написана „Исторія Пугачевскаго бунта“, которую Бѣлинскій не даромъ назвалъ „образцовымъ произведеніемъ, и со стороны исторической, и со стороны слога“.

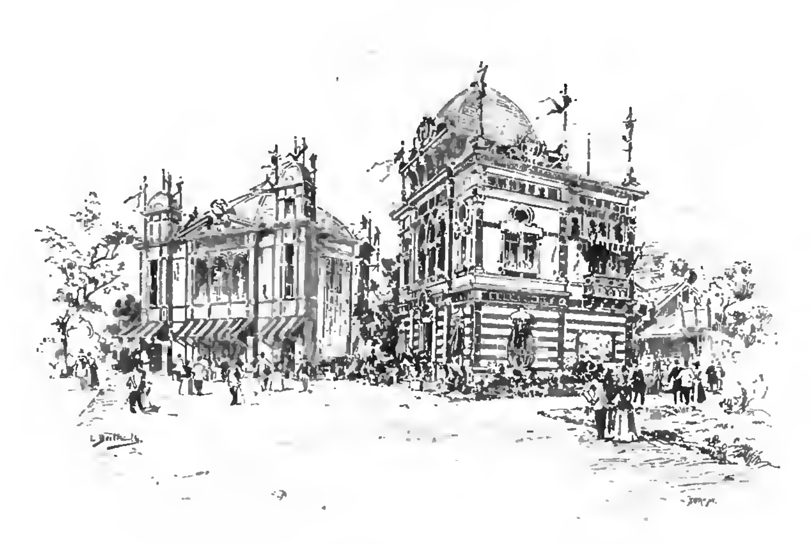
Арс. Веденскій.

Къ рисункамъ.

Одесса. (Рис. на стр. 1176 и 1177).

На мѣстѣ нынѣшняго Одесскаго порта уже въ глубокой древности находились гавани, между прочимъ греческой колоніи Одессоса. Въ XIV вѣкѣ по Р. Х. татарскій Бекъ-Хаджи основалъ на мѣстѣ нынѣшней Одессы татарское селеніе, а на мѣстѣ нынѣшняго городскаго бульвара — укрѣпленіе Хаджи-бей. Въ 1764 турки построили здѣсь крѣпость Яни-Дунья (Новый Свѣтъ). Въ 1789 году 14 сентября она взята русскими подъ начальствомъ бригадира де-Рибаса, и сотую годовщину этого событія праздновала Одесса въ нынѣшнемъ году, хотя собственно присоединеніе Хаджи-бея къ Россіи послѣдовало лишь по Ясскому миру, заключенному въ 1791 году. Благодаря выгодному положенію, приморское мѣстечко начало быстро процвѣтать и превращаться въ городокъ, вслѣдствіе чего Екатерина II въ маѣ 1794 г. повелѣла преобразовать его въ городъ съ наименованіемъ Одессою (1795), въ память древнегреческой колоніи. Подъ руководствомъ де-Рибаса началась постройка форта для защиты рейда. Приказано было устроить гавань, карантинъ и таможню, и Одесса объявлена первымъ военнымъ портомъ на Черномъ морѣ. Впослѣдствіи Одесса, сдѣланная, какъ извѣстно, градоначальствомъ, особенно процвѣла при первомъ ея градоначальникѣ, герцогѣ де-Ришелье.

Нынѣ Одесса, уѣздный городъ Херсонской губерніи, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европейской Россіи и представляетъ важнѣйшую торговую гавань на Черномъ морѣ, соединенную желѣзными дорогами съ Харьковомъ, Кіевомъ, Брестъ-Литовскомъ и Яссами. Улицы проложены правильно (большая часть ихъ пересѣкается подъ прямымъ угломъ) широки и длинны. Гордость Одессы составляетъ Николаевскій приморскій бульваръ, который расположенъ на высокомъ берегу моря и усаженъ акаціями; длина его около версты; посрединѣ его стоитъ *памятникъ Дюку-де-Ришелье* (по свидѣтельству старожиловъ около этого мѣста находилась цитадель крѣпости Хаджи-бей). У правой стороны пьедестала ввинчена французская бомба, врѣзавшаяся въ памятникъ въ Крымскую кампанію



Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильоны Земнаго глобуса и Санъ-Сальвадора.

ей роскошью; освѣщеніе электрическое. Замѣчателенъ также городской садъ.

У страха глаза велики. (Рис. на стр. 1189).

Разыгрались, развозились щенята въ охотничьемъ кабинетѣ, забрались на стулъ, и вдругъ видятъ — изъ стѣны выглядываетъ лисья мордочка. Проснулся охотничій инстинктъ, и самый смѣлый изъ пёсиковъ полѣзъ добывать звѣря. Отважно схватилъ онъ врага за горло, теребитъ... вдругъ — лисья голова сорвалась со стѣны и мимо нападающаго кубаремъ завертѣлась въ воздухѣ, сшибла другаго щенка, спѣшившаго было на подмогу къ брату, который застрялъ у стѣны, въ страхѣ прижавшись къ ней какъ можно крѣпче. Третій удираетъ во всѣ лопатки... Батюшки мои, спасайся кто можетъ!

Парижская всемірная выставка 1889 года. Американскіе и др. павильоны.

(Рис. на стр. 1192 и 1193).

Въ заключеніе нашего живописнаго обзора Парижской выставки, намъ остается указать нѣсколько павильоновъ, отличающихся какъ оригинальностью постройки, такъ и своеобразіемъ выставленныхъ предметовъ.

У подножья башни Эйфеля скромно пріютилось небольшое четырехугольное зданіе, напоминающее какъ бы языческій храмъ: это павильонъ южноамериканской республики Экуадоръ. Четыре громадныя лягушки, а можетъ-быть черепахи, высѣченныя изъ гранита, оберегаютъ входъ въ эту не особенно привлекательную постройку, на фризѣ которой изображены фантастическія птицы и какія-то сплющенныя маски.

Гораздо пріятнѣе на взглядъ павильонъ республики Венецуэлы, выстроенный архитекторомъ Поленомъ. Его граціозные бѣлые фасады съ башенками въ испанскомъ стилѣ придаютъ ему видъ фламандскаго ларца во вкусѣ прошлаго вѣка.

Далѣе, павильонъ Санъ-Сальвадора, центрально-американской республики, выстроенный архитекторомъ

Яванскія танцовщицы на Парижской выставкѣ 1889 года. Грав. Тиріа.

1854 г. Отъ памятника внизъ къ морю спускается *гранитная лѣстница—Ришельевскій спускъ*—имѣющая 200 ступеней; устройство ея обошлось городу въ 300,000 р. У подножія этой лѣстницы стоитъ маленькая церковь во имя святителя Николая, построенная въ 1855 г., посѣщаемая массою богомольцевъ. По одной сторонѣ бульвара тянется рядъ прекраснѣйшихъ зданій; другая сторона оканчивается почти обрывомъ. Въ концѣ бульвара находятся биржа и дума вмѣстѣ; миновавъ думу, вы встрѣчаете *Публичную библіотеку съ музеемъ*. Библіотека открыта въ 1829 г. и имѣетъ довольно много рѣдкихъ книгъ; посѣтителями ея является главнымъ образомъ учащаяся молодежь; среднимъ числомъ библіотеку посѣщаетъ 100 чел. въ день; входъ безплатный. Музей Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, существуетъ съ 1839 г. и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Замѣчателенъ отдѣлъ эллинскихъ древностей.

Одно изъ выдающихся зданій города—*театръ*, построенный недавно и обошедшійся городу въ милліонъ руб. Театръ построенъ на Театральной площади и выходитъ на Ришельевскую улицу и Пале-Рояль. Грандіозное зданіе театра построено по плану архитекторовъ Фельнера и Гельмера и украшено множествомъ статуй. Внутренняя отдѣлка поражаетъ сво-

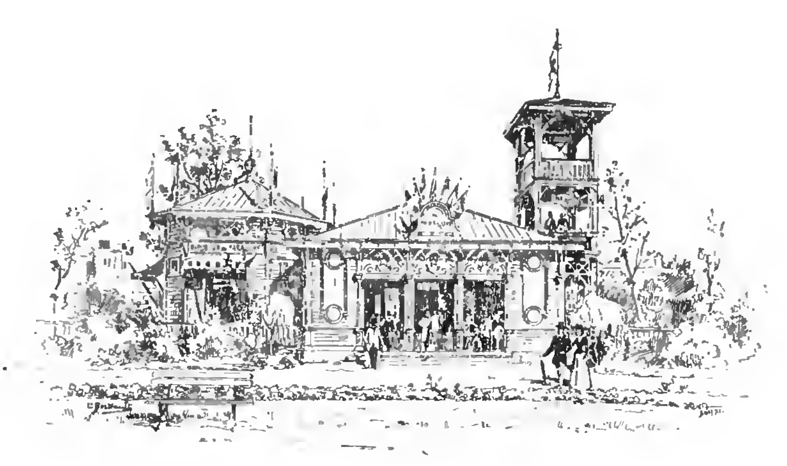
Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Экуадора.

Лёкё, является настоящимъ ребусомъ. Всѣ четыре фасада выложены фаянсовыми изразцами, изъ которыхъ каждый снабженъ загадочнымъ рисункомъ—это іероглифы и символы заимствованные изъ древне-мексиканской цивилизаціи.

Внутреннее содержаніе всѣхъ этихъ павильоновъ, такъ же какъ и чилійскаго и парагвайскаго, почти тождественно: богатства американской почвы поразительно однообразны—это кожи, дерево, шерсть и опять то же и то же. А главное — всевозможные консервы: мясные, фруктовые, хлѣбные, сои и т. д.

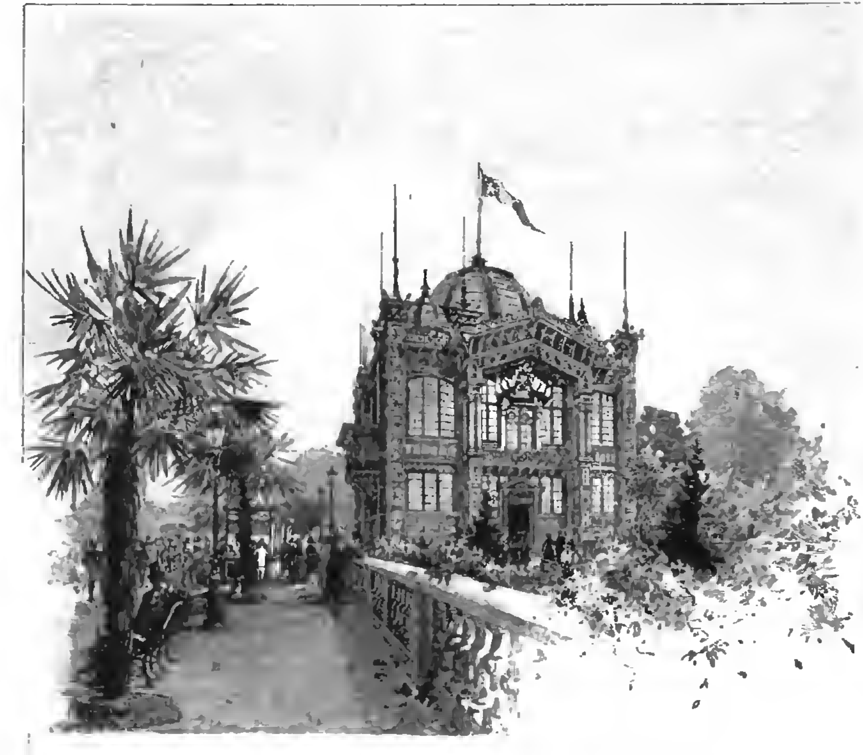
Рядомъ съ Санъ-Сальвадорскимъ расположенъ павильонъ, въ которомъ помѣщается громадный земной глобусъ (см. „Нива" № 11, стр. 295).

Наконецъ, норвежскій павильонъ отличается тѣмъ своеобразнымъ стилемъ, который въ западной Европѣ получилъ названіе *деревяннаго* и такъ напоминаетъ древне-русскій стиль, вѣроятно перешедшій къ намъ отъ скандинавскихъ варяговъ.

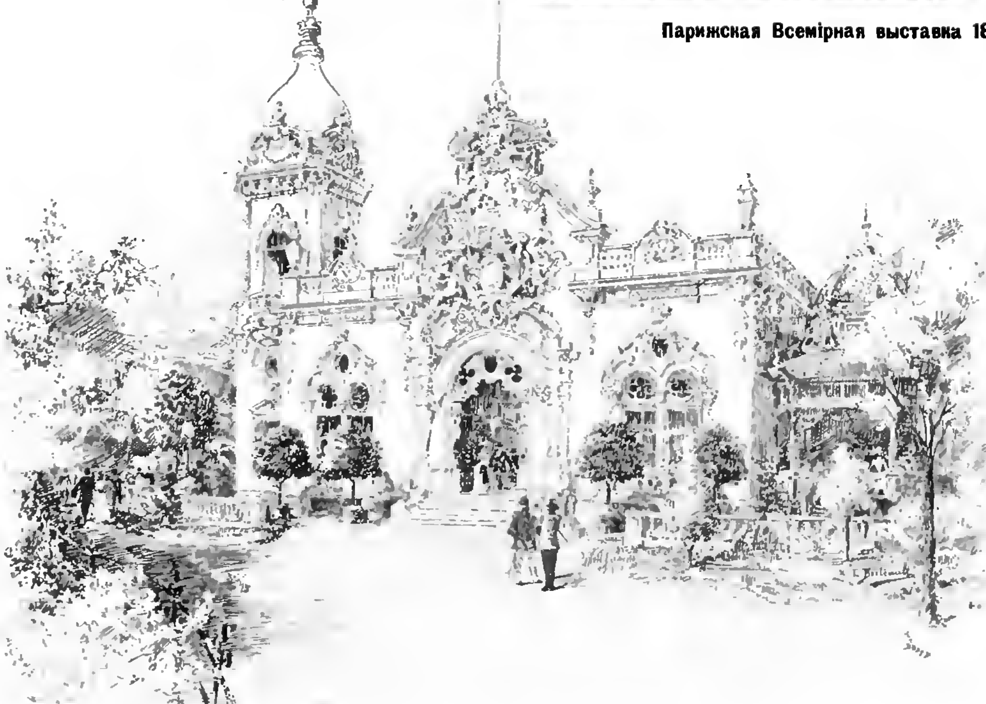


Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Парагвая.

Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Норвегіи.



Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Чили.



Парижская Всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Венецуэлы.

Парижская всемірная выставка 1889 года. Яванскія танцовщицы.

(Рис. на стр. 1192).

Посѣтителей Колоніальной выставки на эспланадѣ Инвалидовъ особенно привлекалъ яванскій *кампонъ* — такъ называются поселки туземцевъ на островѣ Явѣ. Въ одномъ изъ бамбуковыхъ павильоновъ здѣсь помѣщались нарочно привезенныя съ Явы въ Парижъ туземныя танцовщицы. Танцы ихъ, какъ и большей части азіатскихъ народовъ, состоятъ лишь въ красивыхъ

позахъ, медленныхъ и плавныхъ движеніяхъ рукъ и ногъ, преимущественно рукъ, такъ какъ ноги остаются почти неподвижными. На Явѣ танцуютъ не для собственнаго удовольствія, а для забавы зрителей. Танцы эти исполняются молодыми женщинами или дѣвушками со временъ глубочайшей древности—сами яванцы не помнятъ ихъ происхожденія.

Различаютъ три танца: *серимпи*, исполняемый четырьмя танцовщицами, наиболѣе граціозный на взглядъ яванца; танецъ этотъ исполняется только во дворцахъ владѣтельныхъ князей Суракарты и Джокьокарты и имѣетъ соотношеніе съ какимъ-то эпизодомъ героическихъ миѳовъ Явы. Танцовщицы одѣты по древне-яванской модѣ. Разноцвѣтная шелковая юбка (*тапи*), нерѣдко расшитая золотыми цвѣтами, ниспадаетъ до ступней; вокругъ стана обмотанъ широкій шелковый поясъ съ висячими концами. Грудь стянута небольшимъ корсетикомъ, называемымъ *помакакъ*. На шеѣ тройное ожерелье, а на рукахъ большіе золотые браслеты въ видѣ колецъ. На головѣ родъ золотой тіары, осыпанной драгоцѣнными камнями. *Крисъ* (кинжалъ) въ роскошныхъ ножнахъ заткнутъ за поясомъ. Въ волосахъ красивые цвѣты, на пальцахъ перстни. Музыка, сопровождающая этотъ танецъ, медленна и торжественна.

Другой танецъ, *бедажа*, исполняется большимъ числомъ танцовщицъ (до девяти) — это *серимпи* вельможъ или дворянства. Танцовщицы болѣе скромнаго происхожденія и костюмъ ихъ менѣе роскошенъ. Наконецъ, танцы третьей категоріи, *ронджени*, исполняются плясуньями принадлежащими къ подонкамъ общества и не отличающимися нравственностью. Костюмъ ихъ еще вульгарнѣе, хотя сохраняетъ ту же внѣшность. Въ этомъ послѣднемъ танцѣ плясуньи и поютъ, чего никогда не бываетъ въ первыхъ двухъ.

На Парижской выставкѣ исполняется только *серимпи*, какъ видно на нашемъ рисункѣ.

Эмиль Ожье. (Портр. на стр. 1196).

Телеграфъ принесъ недавно печальную вѣсть о кончинѣ, почти въ 70-лѣтнемъ возрастѣ, академика Эмиля Ожье, наиболѣе выдающагося французскаго драматурга за періодъ послѣдняго 40-лѣтія, во всякомъ случаѣ наиболѣе оригинальнаго и едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ собратій по искусству цѣнимаго въ другихъ странахъ.

„Послѣдній галлъ", какъ называли Ожье за его суровую мораль и неумолимую сатиру, родился въ 1820 г. въ Валансѣ и уже въ 1844 г. дебютировалъ въ качествѣ драматическаго писателя на сценѣ *Odeon* двухъ-актною комедіей „La ciguë", которая имѣла блестящій успѣхъ и впослѣдствіи вошла въ репертуаръ Comédie française; впрочемъ, съ теченіемъ времени, почти всѣ произведенія Ожье сдѣлались репертуарными вещами на подмосткахъ этого театра. Затѣмъ, до 1850 г. быстро слѣдовали одна за другой комедіи характеровъ: „Un homme de bien", „L'Aventurière", „Gabrielle" (доставившая автору половину Монтіоновской преміи) и „Le joueur de flûte", тогда какъ впослѣдствіи онъ перешелъ на комедіи нравовъ и комедіи интриги, хотя и не въ Скрибовскомъ родѣ. Изъ комедій характеровъ, принадлежащихъ къ позднѣйшему періоду, заслуживаютъ быть упомянутыми: „Philiberte" (1853 г.), „Le gendre de M-r Poirier" (1864 г.) и „Maître Guérin" (также 1864 г.), а изъ комедій интриги: „Paul Forestier" (1868 г.) и въ особенности „Les Fourchambault" (1878 г.). Но наиболѣе выдвинулся Ожье своими комедіями нравовъ, какъ напр. „Les Effrontés" „Les fils de Giboyer", „Contagion", „Les lionnes pauvres" и друг., которыми онъ заявилъ себя какъ боецъ морали и безпощадный сатирикъ нравовъ второй имперіи. Имѣя родственныя черты какъ съ Ал. Дюма-сыномъ, самодовольнымъ моралистомъ-фразеромъ, такъ и съ Понсаромъ, отцомъ школы здраваго смысла (du bon sens), онъ стоялъ выше ихъ обоихъ, превосходя перваго серьезностью и нравственною глубиной своей морали, втораго—большею силой таланта. Значеніе, жизнь и дѣятельность Эмиля Ожье конечно далеко не исчерпываются тѣмъ, что сказано нами въ этой бѣглой замѣткѣ. Мы желали только занести на свои столбцы печальную вѣсть и выразить надежду, что нашъ французскій Императорскій театръ почтитъ достойнымъ образомъ память умершаго писателя.

Эмиль Ожье скончался 14 (26) октября въ Кроасси, гдѣ и провелъ послѣдній годъ своей жизни.

А. Д. Градовскій. (Портр. на стр. 1196).

Уже съ полгода ходили слухи о тяжкой болѣзни, постигшей А. Д. Градовскаго, по едва-ли кто-нибудь предполагалъ тогда, что эта болѣзнь приведетъ его къ могилѣ. Александръ Дмитріевичъ скончался 6 ноября, въ 7½ часовъ вечера. Безспорно это былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ людей, много и плодотворно поработавшій въ области юридической науки, обратившій на себя вниманіе цѣлымъ рядомъ интересныхъ статей научнаго и публицистическаго характера, каковы, напримѣръ, его статьи: „Россія и Славяне", „Политическія теоріи XIX вѣка", помѣщенныя въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, критическіе этюды по поводу трудовъ Щеглова „Исторія соціальныхъ системъ" (въ *Зарѣ*), Чичерина „О народномъ представительствѣ" (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*), Горчакова „Монастырскій приказъ" (тамъ-же), Сергѣевича „Князь и вѣче" (тамъ-же) и друг. Но, конечно, извѣстность его, главнымъ образомъ, зиждется на такихъ капитальныхъ работахъ его, какъ „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры" и „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", въ которыхъ онъ обнаружилъ много оригинальныхъ воззрѣній, всестороннее знакомство съ предметомъ изслѣдованія, огромную начитанность. До появленія трудовъ Градовскаго по наукѣ русскаго государственнаго права, сочиненія по этой спеціальности не представляли ничего выдающагося, были довольно слабы, такъ что изслѣдованія Градовскаго, съ появленіемъ ихъ въ свѣтъ, быстро отодвинули на задній планъ всѣ эти сочиненія. Вотъ почему Градовскаго можно по справедливости назвать создателемъ у насъ каѳедры русскаго государственнаго права. Въ своихъ ученыхъ трудахъ Градовскій является не только спеціалистомъ своего дѣла, но и весьма серьезнымъ мыслителемъ съ историко-философскими взглядами. Что касается до его статей, въ которыхъ онъ обсуждалъ многіе вопросы, интересовавшіе наше общество за послѣдніе четверть вѣка, или касался текущихъ явленій, то эти статьи очень часто шли въ разрѣзъ со взглядами людей желавшихъ дѣйствительно добра своей родинѣ, людей строго консервативнаго направленія, короче сказать, отличались оппозиціоннымъ духомъ. Особенно ярко высказалъ онъ свои убѣжденія въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Голосѣ*, этой не только антиправительственной, но и совершенно антирусской газетѣ. А между тѣмъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. Я. Данилевскій считали его „своимъ", близкимъ, по ихъ симпатіямъ, человѣкомъ, основываясь на тѣхъ работахъ, которыя онъ помѣщалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Зарѣ*, *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и другихъ органахъ, враждебныхъ „либеральному" лагерю. Съ одной стороны, Градовскій скорбѣлъ, что „скептицизмъ, опустошавшій религію и политику, опрокинулся на нравственность и вызывалъ современное разложеніе", съ другой—онъ поселялъ броженіе въ молодыхъ умахъ, проповѣдуя тѣ формы правленія, которыя причинили столько вреда на Западѣ Европы и безусловно были бы гибельны для отечества нашего.

Сынъ воронежскаго помѣщика, извѣстнаго селитровара, Александръ Дмитріевичъ Градовскій родился въ 1841 году, въ Валуйскомъ уѣздѣ, въ имѣніи отца. Первоначальнымъ своимъ образованіемъ онъ былъ почти исключительно обязанъ отцу, который затѣмъ помѣстилъ его во 2-ю харьковскую гимназію, гдѣ Градовскій кончилъ курсъ въ 1858 году. Поступивъ въ томъ же году въ Харьковскій университетъ по юридическому факультету, онъ, подъ вліяніемъ профессоровъ С. В. Пахмана и Д. И. Каченовскаго, сталъ съ любовью изучать политическія науки. Университетскій курсъ онъ окончилъ въ 1862 году, со степенью кандидата, и нѣсколько мѣсяцевъ редижировалъ *Харьковскія Губернскія Вѣдомости*; затѣмъ, въ 1863 году опредѣлился на службу въ канцелярію харьковскаго губернатора, а въ слѣдующемъ состоялъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ. Занимался онъ также сельскимъ хозяйствомъ, но ни эти занятія, ни служба не мѣшали ему серьезно думать о профессорской дѣятельности, къ которой онъ усердно приготовлялся при помощи выписываемыхъ имъ книгъ. Съ этой же цѣлью онъ прибылъ въ концѣ 1865 года въ Петербургъ и цѣлыхъ полгода работалъ въ Имп. Публичной библіотекѣ надъ магистерской диссертаціей, которую блестяще защитилъ въ 1866 году. Эта диссертація „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры", произвела на весь составъ юридическаго факультета такое благопріятное впечатлѣніе, что Градовскій немедленно былъ приглашенъ преподавать въ университетѣ государственное право и вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ того же года, избранъ штатнымъ доцентомъ по этой каѳедрѣ. Въ 1868 году, по защитѣ диссертаціи: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", онъ удостоенъ былъ степени доктора государственнаго права и избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а также назначенъ орд. профессоромъ Александровскаго лицея. Въ 1869 г., утвержденный членомъ университетскаго суда, онъ былъ командированъ съ ученою цѣлью въ Москву и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ университета, а въ 1887 г. имѣлъ командировку въ разныя губерніи Россіи. А. Д. Градовскій умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ имъ 1 января 1889 г. Только за нѣсколько дней до смерти утверждена была его отставка.

Улей-двоякъ. (Рис. на стр. 1197).

Истребленіе лѣсовъ, дикой растительности, измѣненіе народнаго быта, появленіе сахара, разныхъ сластей и освѣтительныхъ матеріаловъ привели обширное первобытное пчеловодство къ упадку, и добываніе меда,—этой самой благородной и питательной части растеній,—призвало на помощь знанія и изобрѣтательность человѣческаго ума. Естествоиспытатели и просвѣщенные пчеловоды создали цѣлую науку и обширную литературу пчеловодства, и эта промышленность сдѣлалась самою прибыльною отраслью сельскаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь пробудился въ обществѣ вкусъ къ меду и признаніе его санитарныхъ достоинствъ, благодаря которымъ потребители меда жили за сто лѣтъ и пользовались

отличнымъ здоровьемъ. Примѣромъ тому служитъ врачъ Гиппократъ и другія знаменитости древняго міра.

Улей, какъ главное орудіе или приборъ пчелопромышленности, обращаетъ на себя особенное вниманіе практиковъ и имѣетъ за собою множество изобрѣтателей. Наиболѣе распространенный улей принадлежитъ къ системѣ американской, придуманной ученымъ Лангстротомъ (Langstroth), оказавшимъ этимъ изобрѣтеніемъ величайшую услугу своимъ соотечественникамъ и вообще пчеловодству. Благодаря Лангстроту, Америка въ послѣдніе три-четыре десятка лѣтъ покрылась многими сотнями тысячъ пчельниковъ, дающихъ милліарды рублей дохода. Также быстро увеличивается въ Новомъ Свѣтѣ и потребленіе меда.

Почти одновременно съ Сѣверною Америкою, та-же система ульевъ, съ нѣкоторыми улучшеніями, быстро распространилась въ Англіи, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы. Въ 1886 г. типъ англо-американскаго улья принятъ состоящею при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ пчеловодною коммисіею. Изображенный здѣсь улей составленъ согласно съ этимъ типомъ и построенъ на двѣ семьи пчелъ (двоякъ). На основаніи его чертежа, подобные ульи, подъ названіемъ близнецовъ (jumelles), недавно начали строить и получать за нихъ преміи въ Швейцаріи; а въ этомъ году на достоинство ихъ обратилъ въ Германіи вниманіе знаменитый Дзержонъ, прозванный нѣмцами Vater von Bienenzucht.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Е. И. В Генералъ Фельдцейхмейстеру Вел. Князю Михаилу Николаевичу, по случаю исполнившагося 8 ноября 500-лѣтняго юбилея Русской артиллеріи.

Ваше Императорское Высочество.

Въ 1856 году, въ юные годы Ваши, Августѣйшій Родитель Мой, назначая Ваше Высочество на должность Генералъ Фельдцейхмейстера, вручилъ Вамъ высшее руководство артиллеріею и заботы объ ея благосостояніи и усовершенствованіи. Вы приняли близко къ сердцу возложенныя на Васъ обязанности, и съ тѣхъ поръ дальнѣйшія судьбы и процвѣтаніе Русской артиллеріи стали предметомъ Вашихъ истинно душевныхъ попеченій. Со свойственными Вашему Высочеству энергіею и просвѣщеннымъ взглядомъ на дѣло, Вы неустанно заботились объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей артиллерійскаго дѣла,—боевой, технической, научной и матеріальной, всегда памятуя необходимость держать эти отрасли на высотѣ современнаго развитія и громадныхъ успѣховъ, достигнутыхъ всѣми европейскими арміями. Вы имѣете утѣшеніе видѣть, что артиллерія Наша съ 1856 года преобразилась и усовершенствовалась во всѣхъ отношеніяхъ, сохраняя неизмѣнными свой боевой духъ и стремленія къ дальнѣйшему развитію научному и техническому.

Сегодня, въ день празднованія 500-лѣтняго юбилея Русской артиллеріи, Ваше Высочество имѣете достойное основаніе обозрѣть съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія пройденное поприще и гордиться достигнутыми успѣхами.

Съ своей стороны, Я ощущаю сердечную потребность привѣтствовать Васъ съ этимъ днемъ и выразить Вашему Императорскому Высочеству Мою душевную признательность за Ваши многолѣтніе труды и заботы на пользу и славу Русской артиллеріи.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Искренно любящій Васъ Племянникъ „АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ.
8 ноября 1889 года.

— Ихъ Величества, 9 ноября, въ 3½ час. пополудни, выѣхали изъ Аничкова Дворца въ Гатчину.

Дѣла церкви.

— 2 ноября, въ Спасовомъ Скитѣ, близъ станціи Борки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, высокопреосв. Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, освящена новая зимняя церковь. Церковь устроена настоятелемъ Святогорскаго монастыря, архимандритомъ Германомъ, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ большомъ деревянномъ домѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята церковью, другая братскою трапезою.

— Миссіонерская дѣятельность среди калмыковъ-язычниковъ, кочующихъ въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи, и изъ крещеныхъ калмыковъ уже составилось особое поселеніе, которое будетъ наименовано Князе-Михайловскимъ. Въ новомъ селеніи живутъ уже 70 крещеныхъ калмыковъ, которые построили для себя избы, и текущею осенью засѣяли 15 десятинъ земли озимымъ хлѣбомъ. Въ селеніи строится церковь. Тамъ же организованъ первый миссіонерскій станъ, руководителемъ котораго назначенъ бывшій алтайскій миссіонеръ, о. игуменъ Антоній, весьма опытный въ дѣлѣ проповѣди Евангелія среди язычниковъ.

Военное дѣло.

— 8 ноября, въ Петербургѣ, въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости, торжественно праздновалось, въ Высочайшемъ присутствіи, пятисотлѣтіе Русской артиллеріи. Торжество происходило въ особой, приспособленной для него залѣ. Описаніе его будетъ помѣщено въ ближайшемъ № *Нивы* съ рисунками.

Въ Москвѣ, 500-лѣтній юбилей артиллеріи начался 6 ноября панихидой въ Архангельскомъ соборѣ по Димитріи Донскомъ, Петрѣ Великомъ, Императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II. 8 ноября совершена въ манежѣ литургія. Къ началу богослуженія прибыла первая артиллерійская бригада и расположилась развернутымъ фронтомъ передъ церковью. По окончаніи литургіи, на площадкѣ манежа было совершено торжественное молебствіе.

Торжественныя празднованія происходили также въ Тифлисѣ, Одессѣ и др.

— Въ *„Моск. Вѣд.“* сообщается о новомъ случаѣ дальней поѣздки верхомъ. 1 ноября проѣхалъ черезъ Москву корнетъ 16-го драгунскаго глуховскаго полка Ѳедоровъ, направлявшійся изъ Остроленки, Ломжинской губерніи, въ Петербургъ. Корнетъ Ѳедоровъ выѣхалъ изъ Остроленки 1 октября, направляясь на Бѣлостокъ, Волковыскъ, Слонимъ, Игуменъ, Мстиславль, Рославль, Юхновъ, Медынь, Боровскъ и Москву. Лошадь, на которой ѣхалъ корнетъ Ѳедоровъ, самая обыкновенная степная, неизвѣстнаго завода, купленная г. Ѳедоровымъ изъ фронта. Лошадь осѣдлана полнымъ вьюкомъ и форменнымъ офицерскимъ сѣдломъ новаго образца. Самъ корнетъ Ѳедоровъ одѣтъ въ мундиръ, подбитый мѣхомъ. Вмѣсто пальто онъ имѣетъ съ собою бурку.

Торговля.

— Мелитопольское земское собраніе рѣшило устроить въ Мелитополѣ, Геническѣ, Михайловкѣ, Каменкѣ и Большой Лепетихѣ ссыпку хлѣба, подъ который хозяева могли бы получать ссуду изъ Государственнаго банка въ размѣрѣ до 50%.

— Съ 1 января по 1 ноября сего года вывезено изъ Одессы за границу разнаго зерна 85.725.472 пуда, въ томъ числѣ пшеницы 48.000.000 пудовъ.

— Покровская ярмарка въ гор. Новоузенскѣ, Самарской губерніи, въ текущемъ году, вслѣдствіе скуднаго урожая хлѣба и въ особенности травъ, какъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, такъ и въ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ, прошла вяло. Товаровъ было привезено на ярмарку на 686.780 руб., — менѣе прошлогодняго на 180.010 руб., а продано на 184.270 руб., — менѣе прошлогодняго на 263.610 руб.

Литература и наука.

— Въ общемъ собраніи Имп. рус. географич. общества, 1 ноября, были сообщены слѣдующія свѣдѣнія объ экспедиціяхъ, предпринятыхъ членами Общества и его Восточно-сибирскаго отдѣла. На дальнемъ Востокѣ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и прилегающей къ нему части Манджуріи, путешествовалъ членъ-сотрудникъ А. В. Елисѣевъ, которому удалось собрать въ названныхъ странахъ небольшой антропологическій матеріалъ, а также интересныя свѣдѣнія объ инородцахъ края и переселенцахъ изъ Россіи. Восточно-сибирскій отдѣлъ общества въ нынѣшнемъ году снарядилъ нѣсколько экспедицій,—между прочимъ одну въ долину р. Орхона, въ сѣверной Монголіи, для изслѣдованія той мѣстности, къ которой лѣтописцы средней Азіи пріурочиваютъ мѣстонахожденіе города Каракорума, а также для собиранія свѣдѣній о китайской колонизаціи въ долинѣ р. Орхона по близости съ русскою государственною границею. Экспедиція въ долину р. Орхона, подъ начальствомъ члена-сотрудника общества Н. М. Ядринцева, уже возвратилась. Экспедиціею были найдены развалины древнихъ дворцовъ и монгольскихъ кладбищъ, сняты планы двухъ древнихъ городовъ и въ томъ числѣ Каракорума. Членъ-сотрудникъ Мартэнъ, при содѣйствіи россійскаго посланника въ Пекинѣ, производилъ физико-географическія изслѣдованія въ провинціи Ганьсу, которая была уже частью изслѣдована экспедиціями гг. Пржевальскаго и Потанина. Въ сѣверной Монголіи, въ Урянхайской землѣ, среди племени сойотовъ, трудился надъ собираніемъ памятниковъ народнаго творчества членъ-сотрудникъ общества Н. Ѳ. Катановъ. Въ Закаспійской области лѣтомъ текущаго года члены-сотрудники А. Н. Семеновъ и А. А. Антоновъ производили изслѣдованія на протяженіи линіи желѣзной дороги отъ Узунъ-Ада до Чарджуя, причемъ былъ собранъ обширный біологическій матеріалъ, относящійся до этихъ, еще мало извѣстныхъ мѣстностей. На сѣверномъ Кавказѣ нынѣшнимъ лѣтомъ производилъ гео-ботаническія изысканія командированный обществомъ членъ-сотрудникъ Н. И. Кузнецовъ, которому удалось изучить въ ботаническомъ отношеніи восточную часть Терской области. Тѣмъ же лицомъ были изслѣдованы и нѣкоторые ледники Кавказскаго хребта, до сего малоизвѣстные.

Некрологъ.

— 2 ноября, скончался въ Петербургѣ директоръ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, бывшій профессоръ медицинской академіи, тайный совѣтникъ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ.

Новыя книги.

Публичныя лекціи о гомеопатіи, читанныя въ большой аудиторіи Педагогическаго музея 10 февраля, 10 и 17 ноября 1887 г. доктора-медицины Л. Е. Бразоля. Съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ преній и дополнительныхъ примѣчаній автора. Изданіе второе. Ф. К. Флеминга. СПБ. 1889 г. 160 стр.

Возникновеніе гомеопатіи и борьба противъ ея распространенія, доктора Вильгельма Амеке. Перев. съ нѣмецкаго М. Н. Куманиной, съ предисловіемъ доктора-медицины Л. Бразоля. Изд. Ф. К. Флеминга. СПБ. 1889 г. 491 стр.

Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Для чтенія юношества. Составилъ Викт. Острогорскій. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1889 г. 174 стр.

Политическое обозрѣніе.

Въ то время, какъ въ Европѣ только и было рѣчи, что положеніе дѣлъ ясно говоритъ о полномъ обезпеченіи мира, изъ Америки была получена телеграмма, всѣхъ поразившая своею неожиданностью. Изъ Нью-Іорка сообщалось, что одна торговая фирма получила изъ Ріо-де-Жанейро депешу о революціи въ Бразиліи. Извѣстіе это подтвердилось, и телеграфъ доставлялъ одно за другимъ сообщенія объ этомъ печальномъ событіи. Такъ Товарищество западно-бразильскаго подводнаго телеграфа получило изъ Ріо-де-Жанейро слѣдующую телеграмму отъ 3-го (15-го) ноября: „Военный бунтъ имѣетъ весьма серьезный характеръ. Морской министръ Ладарисъ опасно раненъ. Магазины закрыты, дѣла пришли въ застой. По слухамъ, министры арестованы. Провозглашена республика. Временнымъ президентомъ республики избранъ генералъ Деодоро-да-Фонсека. Новое правительство заботится о безопасности императорской фамиліи. Императоръ находится въ Петрополисѣ. Общественному порядку никакая опасность не угрожаетъ“.

Въ республиканской Америкѣ Бразилія была единственнымъ государствомъ съ монархическимъ образомъ правленія, если не считать незначительнаго королевства Арауканіи. Принадлежа Португаліи чуть-ли не съ 1500 года, Бразилія въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставила пріютъ королю Португальскому Іоанну VI, когда онъ, преслѣдуемый Наполеономъ, удалился въ 1808 году изъ Европы. По возвращеніи въ 1821 году королевской семьи на родину, Бразилія, согласно волѣ народнаго собранія, была провозглашена независимымъ государствомъ и на престолъ вступилъ сынъ тогдашняго Португальскаго короля, домъ-Педро I. Черезъ десять лѣтъ онъ отрекся отъ престола, въ пользу своего сына, нынѣшняго императора домъ-Педро II, которому въ то время было шесть лѣтъ. Высокій умъ императора, его всестороннее обширное образованіе и превосходныя качества сердца привлекали всеобщую къ нему любовь, а потому никто не ожидалъ, что при жизни его могла совершиться перемѣна въ образѣ правленія. Отсутствіе наслѣдника мужскаго пола, и непопулярность супруга наслѣдницы престола, графа д'Э, между прочимъ вслѣдствіе нескрываемаго имъ покровительства іезуитамъ, и съ другой стороны преобладаніе и стремленіе повсюду въ Америкѣ къ республиканскому образу правленія, наводили на мысль о возможности правительственнаго переворота, но только въ отдаленномъ будущемъ. Но республиканскія стремленія, къ сожалѣнію, пересилили любовь и расположеніе къ маститому и гуманному императору, который долженъ искать теперь пріюта въ Европѣ. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Бразиліи, временное правительство обнародовало манифестъ, коимъ провозглашается уничтоженіе въ Бразиліи монархической формы правленія, выражается намѣреніе избѣгать всякихъ безпорядковъ и сообщается, что изъ провинціи получены многочисленныя заявленія, одобряющія совершенный переворотъ. Бывшій президентъ совѣта министровъ арестованъ. Съ императоромъ поступали съ величайшею почтительностью. Сперва императоръ содержался во дворцѣ подъ стражею, а затѣмъ, какъ сообщаетъ герцогъ Немурскій телеграммою къ королевѣ Викторіи, вмѣстѣ со всею семьею отплылъ въ Европу, причемъ никакимъ непріятностямъ не подвергался.

Эмиль Ожье. († 14 октября 1889). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Населеніе, впрочемъ, спокойно, но торговля парализована. Въ провинціи назначены новые губернаторы, принадлежащіе исключительно къ военному сословію. Въ обнародованной новымъ правительствомъ прокламаціи сказано, что провинціи Бразиліи связаны между собою федеративными узами и образуютъ „Соединенные Штаты Бразиліи“. Каждый штатъ учреждаетъ у себя мѣстное управленіе и посылаетъ представителей въ конгрессъ, который будетъ вскорѣ созванъ и рѣшеній котораго ожидаетъ временное правительство; пока же губернаторы должны заботиться о поддержаніи порядка, а временное правительство будетъ завѣдывать внутренними и внѣшними дѣлами Бразиліи“.

Въ Парижѣ палата депутатовъ, послѣ провѣрки полномочій, начала свою дѣятельность 7 ноября. Флокэ, вступая въ исправленіе обязанностей президента палаты, произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что постарается заслужить довѣріе коллегъ и забыть личныя предпочтенія для того, чтобы обезпечить за всѣми свободу слова. Затѣмъ президентъ констатировалъ, что республиканская Франція выразила требованіе, чтобы между ея представителями господствовало согласіе. Послѣ того, Тираръ прочелъ правительственное сообщеніе. Министръ-президентъ напомнилъ, что нынѣшнее министерство стало у дѣлъ въ трудный моментъ, но думаетъ, что ему удалось довести благополучно до конца возложенную на него задачу. Упомянувъ затѣмъ о выставкѣ, къ участію въ которой приглашены были всѣ народы, Тираръ сказалъ, что результаты выборовъ свидѣтельствуютъ, что страна желаетъ успокоенія. Правительство будетъ избѣгать возбужденія раздражающихъ вопросовъ. Перечисливъ затѣмъ извѣстные законопроекты, которые правительство предполагаетъ внести на разсмотрѣніе парламента, министръ сказалъ въ заключеніе: „Повергая на

Александръ Дмитріевичъ Градовскій. † 6 ноября 1889 г. Съ фотогр. Шапиро, грав. Шюблеръ.

ваше усмотрѣніе всѣ эти вопросы, мы представляемъ новыя доказательства непоколебимыхъ чувствъ, одушевляющихъ республиканскую Францію и правительство послѣ выставки 1889 года. Никто въ мірѣ не имѣетъ права сомнѣваться въ миролюбивыхъ чувствахъ нашего отечества, и не переставая трудиться надъ дѣломъ нашего военнаго устройства, мы все-таки можемъ громогласно заявить, что республиканская Франція желаетъ мира, но мира достойнаго великой націи — народа, увѣреннаго въ своей силѣ и въ своемъ правѣ. Будемъ-же трудиться вмѣстѣ надъ дѣломъ организаціи нашего демократическаго строя. Для исполненія столь великой задачи вы имѣете право требовать отъ насъ твердости и выдержки, мы же въ свою очередь нуждаемся въ вашемъ довѣріи. Мы указали на наши дѣйствія и сообщили наши проекты, а потому не страшимся просить вашего содѣйствія отъ имени республики и Франціи". Эта министерская декларація одобряется всею печатью, обществомъ и въ дипломатическихъ кружкахъ.

Библіографія.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. СПБ. 1889.

Русскія древности представляютъ самый разнородный интересъ. Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи жило не мало народностей. Скиѳы, генуэзцы, византійцы, арабы,—всѣ внесли свою лепту. Свидѣтелями этихъ событій являются курганы и многочисленные памятники русской старины. Изданіе сдѣлано весьма тщательно, украшено множествомъ прекрасно выполненныхъ рисунковъ и отличается крайне доступною цѣною — 1 руб. за выпускъ. Пока выпусковъ два. Въ первомъ помѣщено описаніе классическихъ древностей Южной Россіи, во второмъ—древности Скиѳо-Сарматскія.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. И. Шляпкина. Т. I — II. СПБ. 1889. 8°.

Новое изданіе сочиненій Грибоѣдова значительно отличается отъ предыдущихъ по своей полнотѣ. Г. Шляпкинъ вложилъ очевидно не мало труда и далъ не мало до сихъ поръ неизвѣстныхъ данныхъ о жизни и произведеніяхъ Грибоѣдова. Въ первомъ томѣ собраны свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ и его сочиненіяхъ (родословная, хронологическая канва, переписка, указатель произведеній Грибоѣдова и литература о немъ), а также помѣщены прозаическія статьи. Во второмъ томѣ помѣщены поэтическія сочиненія, начиная съ „Горе отъ ума". Къ изданію приложены 3 хорошо исполненныхъ портрета и ноты вальса, написаннаго Грибоѣдовымъ въ 1823 году.

Замѣтовскій. Уходъ за больными, ранеными, и первая помощь до прибытія врача. 4-е изд. Тверь. 1889. 8°.

Въ 4-мъ изданіи авторомъ сдѣланы многія дополненія. Напр. приготовленіе лѣкарствъ домашнимъ способомъ и указанія мѣръ помощи до прибытія врача, что весьма важно для лицъ живущихъ внѣ городскихъ условій жизни. Кромѣ этихъ, авторомъ сдѣланы и другія дополненія. Изданіе украшено многими рисунками.

Улей-двоякъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Смѣсь.

Анекдотъ изъ жизни Сѣрова. Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ, въ воспоминаніяхъ В. Т. Соколова, автора безчисленныхъ романсовъ и пѣсенъ, приведенъ любопытный анекдотъ объ А. Н. Сѣровѣ. Александръ Николаевичъ носилъ длинные волосы, прямыми прядями лежавшіе у него на плечахъ. Цвѣтъ ихъ былъ льняной, или какъ нѣкоторые называютъ: чухонскій. Авторъ „Рогнѣды" весьма рѣдко ихъ причесывалъ. Какъ-то, въ сороковыхъ годахъ, шелъ онъ со своей матерью по Литейной и, сильно утомясь, сталъ нанимать извозчика. По обыкновенію тотъ заломилъ и Сѣровъ предложилъ ему свою, несравненно меньшую цѣну. Тогда извозчикъ, принявъ его за разночинца, сказалъ съ презрѣніемъ: „Ахъ, ты чухна этакій! Нанимаетъ извозчика, а у самого въ карманѣ-то должно быть пусто". Вспыльчивый отъ природы и молодой тогда, Сѣровъ не выдержалъ и ударилъ дерзкаго мужика, прибавивъ: „Вотъ тебѣ и чухна — будешь теперь помнить меня!" — „Караулъ! Помогите!" заоралъ извозчикъ. Какъ изъ-подъ земли выросъ городовой. Онъ связалъ вспыльчиваго композитора и его мать по рукамъ веревочкой и повелъ „въ кварталъ". Откуда-то появилось съ десятокъ уличныхъ мальчишекъ, которые, припрыгивая и приплясывая вокругъ плѣнниковъ, хлопали въ ладоши и кричали: „Вотъ попались! вотъ попались! Обоихъ вздерутъ!" Сѣровы такъ и прошли

въ кварталъ. Здѣсь они долго ожидали надзирателя. Когда онъ пришелъ, онъ оказался знакомымъ Сѣрова, очень удивился, встрѣтивъ его въ такомъ видѣ, и велѣлъ немедленно освободить арестованныхъ. Сѣровъ разсказывалъ про это приключеніе такъ живо и комично, что его слушатели буквально покатывались со смѣху. (в.)

Развитіе человѣка. Обыкновенно думаютъ, что ростъ взрослаго человѣка не измѣняется и бываетъ одинаковъ какъ утромъ, такъ и вечеромъ. Но это большая ошибка. Если бы мы могли измѣрять себя утромъ и вечеромъ, то убѣдились бы, что къ концу дня мы дѣлаемся меньше. Профессоръ Мартель сообщаетъ о своихъ частыхъ и точныхъ измѣреніяхъ, изъ которыхъ видно, что ростъ человѣка замѣтно измѣняется въ теченіе дня. Одни теряютъ въ день 3—4 миллиметра, другіе-же отъ 5—6; потеря возстановляется къ слѣдующему утру. D-r Parville разсказываетъ объ одномъ велосипедистѣ, который поутру имѣлъ 1,72 метра вышины, а къ вечеру, послѣ сдѣланнаго имъ на велосипедѣ переѣзда въ 40 километровъ,—только 1,70 метра. Личности мало трудящіяся, или въ продолженіе дня много сидящія, меньше теряютъ въ ростѣ, чѣмъ люди много движущіеся и отправляющіе тяжелую физическую работу. Мы объясняемъ себѣ этотъ фактъ тѣмъ, что тѣло, утомленное усиленною работой, уплотняется, съеживается, — оно утрачиваетъ часть своего вещества и жира; хрящи потеряли свой объемъ и растяжимость; жирныя и волокнистыя части, поддерживающія органы движенія, не имѣютъ болѣе прежней плотности; но органическая потеря эта вполнѣ вознаграждается во время сна.

Наше развитіе продолжается приблизительно 25 лѣтъ. Предполагаютъ, что трехъ-лѣтнее дитя достигаетъ половины своего будущаго роста. Вѣсъ взрослаго индивидуума въ 20 разъ больше, чѣмъ вѣсъ новорожденнаго, а величина, приблизительно, въ $3^1/_4$ раза болѣе, чѣмъ при рожденіи. Дитя, которое при своемъ рожденіи бываетъ, среднимъ числомъ, 490 мм., выростаетъ на первомъ году на 20 сантиметровъ, т. е. почти $^1/_{16}$ всего своего будущаго роста. На второмъ году оно выростаетъ только на 10 сантиметровъ; съ четвертаго года до зрѣлаго возраста развитіе составляетъ приблизительно $^1/_{21}$ всего прибавленія въ ростѣ. Это только средняя норма, такъ какъ бываютъ организмы быстрѣе и медленнѣе развивающіеся. Точно такъ же многіе не оканчиваютъ развитія въ 25 лѣтъ, а растутъ до 30 и даже до 32 лѣтъ.

Развитіе обоихъ половъ не одинаково. Въ общемъ мальчики въ 11—12 лѣтъ больше и тяжеловѣснѣе дѣвочекъ тѣхъ-же лѣтъ; а съ этихъ лѣтъ развитіе дѣвочекъ совершается быстрѣе, чѣмъ мальчиковъ. Послѣ того, съ 16 лѣтъ, мальчики снова опережаютъ дѣвочекъ вѣсомъ и ростомъ, а дѣвочки съ этихъ лѣтъ уже медленнѣе развиваются.

Съ 25 лѣтъ развитіе прекращается до 55-ти, и только съ 60 лѣтъ начинаются опять перемѣны, которыя зависятъ отъ сгибанія позвоночнаго столба. Этотъ фактъ подтверждается даже у очень крѣпкихъ стариковъ, сохранившихъ прямую осанку. Ростъ можетъ такимъ образомъ уменьшиться на 4,5 и даже 7 сантиметровъ. Эта убыль происходитъ частью отъ сплющенія жирныхъ, мягкихъ частей, хрящей въ суставахъ и позвоночномъ столбѣ, частью же отъ перемѣны формы шейки бедренной кости, которая у взрослаго составляетъ уголъ почти въ 135°, между тѣмъ какъ у старика этотъ уголъ приближается къ прямому, что̀, понятно, способствуетъ сокращенію вышины человѣка.

Искусство пауковъ. Вопросъ, какъ прикрѣпляютъ пауки съ одного мѣста, находясь при томъ въ висячемъ положеніи, свои нити въ разныя точки, В. Куловъ въ Ростокѣ разъяснилъ весьма просто. Бралъ онъ маленькій пузырекъ, на нижнюю сторону дна котораго онъ приклеивалъ дискъ изъ папки, соотвѣтствующихъ дну размѣровъ, затѣмъ подвѣшивалъ бутылку горломъ вверхъ къ потолку, а на полъ подъ нею ставилъ чашку съ водою. Наконецъ ловилъ паука и сажалъ его на папку. Очевидно вверхъ паукъ не могъ всползти, ибо этому препятствовала гладкая поверхность стекла; равно при опусканіи внизъ паукъ не могъ попасть на полъ, чему препятствовала вода. Такимъ образомъ паукъ былъ принужденъ показать свое искусство. Наблюдая теперь за нимъ, Куловъ замѣтилъ какъ паукъ спускался внизъ, поддерживаемый восемью, десятью тонкими нитями, а не одною, какъ обыкновенно кажется. На небольшомъ разстояніи отъ пола сжиманіемъ паутинныхъ железъ паукъ отдѣлялъ всѣ нити кромѣ одной, по которой онъ снова подымался до диска; другія же нити разлетались во всѣ стороны, вслѣдствіе своей легкости (замѣтимъ, что нѣкоторые изъ пауковъ, выпуская паутинную нить, могутъ помощью этой, послѣдней перелетать даже съ одного мѣста на другое, переносимые воздухомъ). Свободные концы этихъ паутинныхъ нитей очевидно должны были сами собою прикрѣпиться при случайномъ прикосновеніи къ чему-нибудь. По одной изъ такихъ случайно прикрѣпившихся нитей паукъ добѣжалъ до мѣста прикрѣпленія этой послѣдней, откуда и началъ прясть новую нить, съ которою снова возвращался къ исходной точкѣ; но не останавливаясь здѣсь, паукъ тянулъ за собою эту нить до конца мѣста прикрѣпленія другой нити, гдѣ наконецъ уже прикрѣплялъ тянущуюся за собою нить. Такимъ образомъ получился треугольникъ — начальная форма для дальнѣйшей паутинной сѣти. (N.)

Орденъ Золотаго Руна. Изъ Мадрида пишутъ: Какъ все въ Испаніи, странѣ столько вѣковъ страдавшей подъ самымъ безобразнымъ произволомъ, теперь подведено подъ строжайшіе законы, которые по своей многочисленности, по крайней мѣрѣ, столько-же обходятся, сколько исполняются,—такъ и раздача орденовъ подведена подъ строгую норму. Даже орденъ королевскаго дома—Золотое Руно—можетъ быть жалуемъ не болѣе какъ въ сорока экземплярахъ, включая въ это число и иностранныхъ кавалеровъ ордена. Другая, съ давнихъ поръ существующая особенность Золотаго Руна заключается въ томъ, что каждый орденъ имѣетъ свою исторію, обладаетъ какъ бы собственною индивидуальностью. Получающій Золотое Руно, получаетъ не просто орденъ, а *извѣстный* орденъ, въ патентѣ на который весьма точно сказано, чью грудь онъ украшалъ въ предшедшіе вѣка. Орденъ обыкновенно носитъ имя своего перваго или наиболѣе знаменитаго владѣльца: такъ напримѣръ, до сихъ поръ еще существуютъ ордена: Карла V и Филиппа II, Жуана Австрійскаго, герцоговъ Альба и Медина Сидонія, точно такъ же, какъ Годоя и другихъ извѣстныхъ благородныхъ мужей. Въ настоящее время свободны пять орденовъ Золотаго Руна, въ томъ числѣ и принадлежавшіе двумъ покойнымъ Германскимъ императорамъ. Въ отличіе отъ австрійскаго Золотаго Руна, съ которымъ оно, впрочемъ, имѣетъ общее происхожденіе, испанское Руно, со времени введенія конституціи въ тридцатыхъ годахъ, жалуется также и не католикамъ. Въ Пруссіи, кромѣ нынѣ царствующаго императора и брата его, принца Генриха, орденъ Руна имѣетъ одинъ только князь Бисмаркъ. Испанское Руно, принадлежавшее императору Фридриху и по орденскому статуту возвращенное послѣ его смерти обратно, дано, въ качествѣ свадебнаго подарка, отъ имени Испанской королевы, герцогу Спартанскому по случаю бракосочетанія его съ дочерью покойнаго императора. Но при этомъ было сдѣлано нѣкоторое нововведеніе, которое произведетъ брешь въ Cosa de Espana. До сихъ поръ каждый получавшій орденъ, будь онъ испанецъ или нѣтъ, долженъ былъ уплачивать служащимъ въ капитулѣ орденовъ *8,000 франковъ вознагражденія*, что̀ нерѣдко вело къ непріятностямъ, такъ какъ сумма эта часто уплачивалась неохотно, а иногда и вовсе не выплачивалась. На этотъ разъ служащіе, по приказанію министерства, отказались отъ вознагражденія и, такимъ образомъ, Греческій наслѣдный принцъ первый получилъ орденъ Золотаго Руна безвозмездно. (с).

Лѣченіе подвѣшиваніемъ при спинно-мозговой сухоткѣ—русское изобрѣтеніе. Этотъ новый способъ лѣченія изобрѣтенъ нашимъ русскимъ докторомъ Мочутковскимъ въ Одессѣ и былъ имъ же опубликованъ уже въ 1883 году; однако получилъ должную оцѣнку лишь недавно, благодаря тому, что о немъ оповѣстилъ міру извѣстный французскій ученый Шарко въ своей лекціи. Съ легкой руки Шарко лѣченіе это быстро распространилось во Франціи, а затѣмъ начали говорить о немъ и у насъ; такъ напр. докторъ фонъ-Штейнъ (въ рѣчи, читанной имъ въ засѣданіи Русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ), который, между прочимъ, испробовалъ это лѣченіе начиная съ марта сего года съ большимъ успѣхомъ въ собственной практикѣ, въ своей электро лѣчебницѣ въ Москвѣ.

Необходимый аппаратъ состоитъ изъ прочнаго коромысла, которое подвѣшивается посредствомъ блока на цѣпяхъ къ крючку, вбитому въ потолокъ, и можетъ подниматься и опускаться помощью веревки, обходящей блокъ и висящей до-низу. На двухъ концахъ коромысла выпилены крючья для подвѣшиванія плечевыхъ петель и вдоль всего ребра также выпилены углубленія, на которыя надѣваются ремни для ошейника, сдвигаемые на равномъ разстояніи, ближе или дальше отъ средины, смотря по надобности. Больной такимъ образомъ виситъ на плечахъ, а въ ошейникъ упирается подбородкомъ и затылкомъ. Что касается до ощущеній испытываемыхъ при подвѣшиваніи больными, то, по словамъ д-ра фонъ-Штейна, первые сеансы у нѣкоторыхъ вызываютъ невольное чувство страха: какъ бы чего не случилось. Затѣмъ большинство больныхъ держится на рукахъ, которыя скоро ослабѣваютъ; начинается сильное трясеніе рукъ, иногда чувство онѣмѣнія въ нихъ; также и ошейникъ, сдавливая нижнюю челюсть и затылокъ, производитъ подчасъ даже боль, особенно если онъ неловко надѣтъ. Самый тяжелый моментъ — первая минута, а затѣмъ, когда больной начинаетъ висѣть больше на головѣ, чѣмъ на рукахъ, самоощущеніе гораздо легче и пріятнѣе. Вскорѣ, однако, больной совсѣмъ свыкается съ этимъ лѣченіемъ, особенно если аппаратъ ему внушаетъ уже полное довѣріе. Подвѣшиванія дѣлаются черезъ день, а нѣкоторымъ и ежедневно, но не долѣе 2—5 минутъ и только изрѣдка, въ исключительныхъ случаяхъ, до 10 минутъ. Шарко, какъ онъ объ этомъ сообщалъ въ своей лекціи въ больницѣ Сальпетріэръ въ январѣ сего года, получилъ хорошіе результаты относительно разныхъ нервныхъ болѣзней, но по преимуществу при лѣченіи спинно-мозговой сухотки (Tabes). Успѣхъ въ этихъ случаяхъ поразительный: уже послѣ нѣсколькихъ сеансовъ подвѣшиванія невыносимыя страданія такихъ больныхъ вполнѣ исчезали.

Объяснить научно вліяніе лѣченія подвѣшиваніемъ во всѣхъ частностяхъ пока невозможно. Пока знаемъ, что длина человѣка — не всегда постоянная; послѣ спанья и вообще лежанія удлиняется нашъ позвоночный столбъ, какъ въ этомъ легко каждый можетъ убѣдиться измѣривъ длину своего тѣла вечеромъ и снова утромъ; самое большое удлиненіе достигается подвѣшиваніемъ, при чемъ несомнѣнно удлиняется и самый позвоночникъ. При подвѣшиваніи ускоряется дыханіе, съ 16 — 18 разъ оно возрастаетъ до 22—24 разъ въ минуту, равнымъ образомъ начинаетъ струиться быстрѣе кровь, пульсъ съ 64 доходитъ до 86 черезъ 9 минутъ висѣнія. Разсуждая далѣе уже теоретически, можно предположить, что, кромѣ связочной и мышечной системъ позвоночнаго столба, вытягиваются также и нервы. Механическое вытяженіе нервовъ, равно и усиленіе

кровообращенія и, какъ результатъ послѣдняго, улучшеніе питанія бѣлыхъ волоконъ спиннаго мозга здѣсь вѣроятно являются исцѣляющими условіями. (N).

Твердый керосинъ. Бюро патентовъ Людерса въ Герлицѣ сообщаетъ, что въ Парижѣ снова появился твердый керосинъ въ формѣ брикета. Этотъ препаратъ легко рѣжется ножомъ и сгораетъ постепенно, подобно дереву, не будучи при томъ совершенно взрывчатымъ. Замѣтимъ кстати, что уже восемь лѣтъ тому назадъ у насъ Шандоръ кипяченіемъ керосина съ корнемъ мыльнянки (Saponaria officinalis) получалъ плотную студенеобразную массу. (N.)

О смертельной болѣзни короля Португальскаго извѣстны теперь нѣкоторыя подробности. Уже съ довольно давняго времени король страдалъ нервными болями, которыя перешли въ особую болѣзнь кожи—гангрену кожи,—причемъ замѣчалось совершенное омертвѣніе отдѣльныхъ частицъ наружныхъ слоевъ кожи. Девять профессоровъ Лиссабонскаго медицинскаго факультета было созвано на консультацію, на которую приглашенъ былъ также д-ръ Нейманъ изъ Вѣны. По единодушно поставленному всѣми докторами діагнозу, страданія кожи развились на невропатической почвѣ и осложнились водянкой и начинающимся пораженіемъ легкихъ. Въ виду сильнаго развитія болѣзни, надежда на выздоровленіе была сразу признана незначительною. То же самое мнѣніе было уже раньше выражено нѣсколькими профессорами различныхъ государствъ, но королева, для большей достовѣрности и собственнаго успокоенія, пожелала созвать новый консиліумъ. Было составлено письменное мнѣніе, разработанное профессоромъ Нейманомъ и подписанное всѣми консультировавшими врачами. Вотъ эти подписи: I. Нейманъ, I. Эдвардо Маратахо Кулинхо, Ант. Марія Барбоза, Карлосъ Май Фигуерра, Мануэль Бенто де-Суза, Каспаръ Гомесъ, I. Т. де-Суза, Мартинсъ, Артуръ Равара, Франциско Аугусто д'Оливейра, д-ръ Антоніо Марія де-Ленкастра, I. Виценте Барросъ де-Фонсека.

Нѣкоторые изъ врачей-консультантовъ подавали свой приговоръ со слезами на глазахъ, и сцена эта производила, говорятъ, потрясающее впечатлѣніе. Самъ король не подозрѣвалъ опасности своего положенія. Всѣ собравшіеся врачи проявили рѣдкое единогласіе какъ въ діагнозѣ, такъ и въ способѣ лѣченія и въ выборѣ медикаментовъ (с).

„Преподобіе" Колумбъ. По случаю четырехъ-вѣковаго празднованія открытія Америки, восемьсотъ архіереевъ, епископовъ и патріарховъ римско-католическаго духовенства Испаніи и испанской Америки, переслали папѣ прошеніе о позволеніи присвоить Колумбу титулъ „venerable" (преподобіе). Свои требованія духовенство оправдываетъ тѣмъ, что открытіемъ Америки Колумбъ привелъ въ лоно римско-католической церкви нѣсколько милліоновъ туземцевъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ графу de Reselly de Lorques, автору многихъ книгъ объ этомъ великомъ морякѣ. (N).

Задача буквъ № 73.

Найти слѣдующія 8 словъ.

1) Индійскій жрецъ 16. 32. 44. 4. 33. 19. 3.

2) Греческій поэтъ 34. 5. 38. 13. 24. 37.

3) Городъ въ Италіи 21. 15. 6. 47. 17. 42.

4) Напитокъ боговъ 2. 8. 40. 28. 35. 14. 11.

5) Верховное божество у скандинавовъ 29. 12. 48. 27. 18.

6) Метеорологическое явленіе 10. 49. 22. 1.

7) Русскій писатель 20. 46. 9. 41. 23. 30. 43. 25.

8) Мѣсто для стоянки судовъ 31. 26. 45. 39. 36. 7.

		1	2	3		
	4	5		6	7	
8	9	10		11	12	13
14	15	16		17	18	19
20	21	22		23	24	25
	26	27	28	29	30	
	31	32	33	34	35	
36	37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48	49

Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ цифръ указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ данную фигуру наполненную буквами, разрѣзать на 7 частей, изъ которыхъ слѣдуетъ составить заглавную букву фамиліи извѣстнаго русскаго современнаго композитора, а въ буквѣ имя, отчество, фамилію и названія его трехъ произведеній.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 64 (помѣщ. въ № 41).

1) A.	$\sqrt[3]{z} = D.$	A = 14 = Н
2) B.	$\sqrt{o} = L.$	B = 6 = Е
3) C.	$N + D = H - C.$	C = 7 = Ж
4) D.	$I = A.$	D = 1 = А
5) E.	$D : K = N : Z.$	E = 12 = Л
6) F.	$A + Z = I + K.$	F = 29 = Ь
7) G.	$R = C + B.$	G = 3 = В
8) H.	$Q = R + M.$	H = 9 = И
9) I.	$P - F = A - I.$	I = 14 = Н
10) K.	$\sqrt{k + o} = B - L.$	K = 1 = А
11) L.	$E = G^4$	L = 1 = А
12) M.	$B = 2 . O.$	M = 7 = Ж
13) N.	$O : F = M : P.$	N = 1 = А
14) O.	$E + O = I + H + N$	O = 12 = Л
15) P.	$M : N = C : D.$	P = 29 = Ь
16) Q.	$G : \frac{B}{2} = \frac{H}{3} : \frac{E}{4}$	Q = 20 = У
17) R.	$A : I = R + Z : Q - B$	R = 13 = М
18) Z.	$EL = O.$	Z = 1 = А.

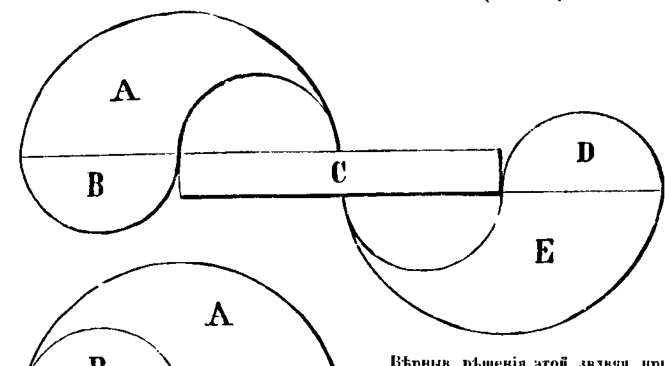
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** —Ф. А. Боронина, М. Ваганова, Н. Панкова; **Москва** — Н. Я. Романова, **Бердичевъ** — Р. Тартановскаго, **Вильна** — М. А. Клецкинъ, **Елецъ** — Х. Розенфельдъ, **Одесса**—Д. С. Раппопортъ, **Рыпинъ**—Ермолаева, **Сердобскъ**—А. С. Оранскаго, **Смѣла**—Антоновскаго-Клигеръ, **Тамбовъ**—Гикеле, **Тоисово**—Д. Д. Ламина.

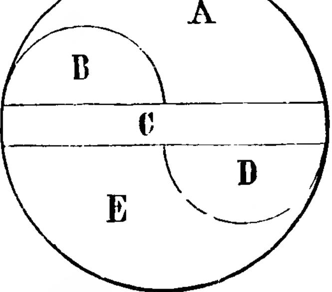
Рѣшеніе шарады № 65 (помѣщ. въ № 41).
Картина.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг, **СПБ.**: Н. Демидова, М. Г., А. И. Фруктова, Гроссъ, Ф, А., В. А. Верентинова, А. Панкова, Ф. Михель, Ф. А. Боронина; **Москва**—Вовримсъ, Е. и М. Смирновыхъ, А. Соболева, И. Я. Романова, Семенова, А. Г. Алексѣева, В. И. Салтыкова, А. Н. Воробьева, Е. Е. Николаева, **Бѣжецкъ**—С. Н. Вейцъ, **Вологда**—С. И. Лебединова, **Гатчино**—Рѣпина, **Горы-Горки**—М. Демьянова, **Гапсаль**—Л. Горстъ, **Кременчугъ**—Г. Вильбербергъ, **Кам.-Подольскъ**—К. В. Бѣльчанскаго, **Керчь**—А. А. Люцндорскаго, **Лебедянь**—В. И. Чурилова, **Нолинскъ**—Л. Стрижева, **Одоевъ**—Д. Звиарзина, **Одесса**—А. Погорѣльскаго, **Самара**—Е. Н. Летягиной, М. А. Смирнова, **Судогда**—В. М. Голубева, **Тула**—А. Власова, Н. Добрынина, **Тифлисъ**—Ю. Дакшевича, **Харьковъ**—А. Пашкова, **Шацкъ**—А. Филимоновича, **Ярославль**—Н. М. Тягорева, К. Мосягина.

Рѣшеніе ребуса № 63 (помѣщеннаго въ № 41).
„Блюди хлѣбъ до обѣда, а слово до отвѣта".

Рѣшеніе геометрической задачи № 62 (помѣщ. въ № 39).





Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Кочергина, Карпова, Свенторжецкаго, Панкова, Маруси Г., Лелянова, Кузнецова, Манаева, Васильева, Овечкина, Озерова, Вишневскаго, Ульянова, Кузминскаго, Михель, Мясникова, Синева, Старкова, Черцель, Таубе, Милкова, Стронскаго, Шинкаренко, Круглова, Трей, Филатова, Соболевой, Тріумфова, В. Гр. Г., Ипполитова, **Москва**—Кондырева, Логинова, Халаева, Быкова, Романова, Подкопаева, Рещикова, Алексѣева, Бурдаковой, Горбылевой, Сытова, В. Волгина, И. Волгина, Воронкова, Подобѣдова, Волкова, Иванова, Каблукова-Жильцова, Подруцкой, Гречишкина, Попова, Верентинова, Левина, Соболева, Лаврентьева, Михайлова, Шкробова, **Алексинъ** — Губина, **Александровскъ** — Кацина, **Арзамасъ**—Хомутинникова, **Бѣлгородъ**— Мазуръ, **Бердичевъ** — Фридвальда, **Бердянскъ**— Беньяшъ, **Бахчисарай**— Дремджи, **Валдай**—Коневой, Глаголевскаго, **Вилномиръ**— Вершилло, **Вязьма**—Романенкова, **Варшава**—Львова, Меркушкина, **Гнивань**—Подвысоцкаго, **Гавриловка**—Ивины, **Гельсингфорсъ**—Бѣлугина, **Горы-Горки**—Демьянова, **Гулькевичи**—Богатько, **Динабургъ** — Кляцкина, Загера, Янскалька, **Донщицы** — Карницкой, **Дрезна**—Зубрилкина, **Елисаветградъ** — О. Л—ва, Принутенко, **Екатеринославъ** — Шмулянскаго, Ильяшевича, **Елецъ**—Никуленко, **Злынка** — Макарова, **Зимаровъ**—Аблова, **Кременчугъ** — Добровицкаго, Доброvenскаго, **Кіевъ**—Шульженко, Адлера, Васильченко, Зелинскаго, **Казань** — Леонтьева, Теренина, **Кишиневъ** — Комарницкаго, Гринбаума, **Калишъ** — Геринга, **Каменецъ-Подольскъ** — Чепѣги, **Кобелякъ** — Вакулинскаго, **Ковровъ**— Мытарева, **Кронштадтъ**— Матье, **Лугансъ**— Петроновича, Игаенко, **Лебедянь** — Чурилина, **Ласкъ** — кн. Чагвадзе, **Мотовилиха** — Рылова, **Малоярославецъ** — Трофимова, **Михайлово** — Чистякова, **Минскъ** — Ярмоловича, **Мценскъ** — Павлова, Максимова, **Новогрудокъ** — Котарскаго, **Николаевъ**- Шишкиной, **Новосиль**—Зябрева, **Орелъ**—Овечкиной, **Ольгополь**—Чарномской, **Одесса**—Рейжевскаго, Ратнеръ, **Пенза** — Полюшкина, Иванова, **Петровичи** — Маева, **Пинега**—Кокина, **Полтава** — Шиманскаго, **Павловскъ** - Протопоповой, **Петроковъ** — Цунге, **Плоцкъ** —Баеръ, **Ревель**— В. Д., **Рига**—Бѣликова, **Рязань**—Постникова, **Ростовъ на Дону**— Полякова, **Рыпинъ**—Ермолаева, **Самара**—Писарева, **Сергіевъ посадъ**—Заботина, Стромынцева, **Судогда**—В. Голубева, С. Голубева, **Сумы**—Овчаренко, **Сергіевская**—Ворохова, **Смѣла** — Готлибойма, **Севастополь**—Ландшафта, **Старобѣльскъ**—Листопадова, **Сасово**—Пультрокъ, **Самара**—Смирнова, **Сорочи**—Вассерманъ, **Тамбовъ**—Ананьева, Гикель, **Таганрогъ**—Акимова, **Тула**— Н. М. М., Шишкина, **Уфа**—Боннье, **Хлѣвное**—Константинова, **Холмъ**—Котелевскаго, **Харьковъ**—Ржевскаго, **Царицынъ** — Синко, **Черниговъ** —Савицкаго, **Ченстоховъ** — Древингъ, **Шацкъ**—Филимоновича, **Щигры**—Краснопольскаго, Бордакова, **Юрьевъ-Польскій**—Карицкаго, **Юрьевъ** — Никольскаго, **Юхновъ** — Олицкаго, **Ярославль**— Мосягина, **Яковъ**—Муравьева, **Софія**—Кутинчева.

СОДЕРЖАНІЕ: **Литературный альбомъ. „Римъ", Гоголя. Аннунціата** (съ рис.).— **Барыни-крестьянки.** Историческій романъ **графа Е. А. Саліаса.** Часть II. (Продолженіе).— **Въ современной Одессѣ. Вас. И. Немировича-Данченко.** — **Герцогъ Арманъ де-Ришелье-Фронсакъ, первый градоначальникъ Одессы.**- **А. Г. Рубинштейнъ** (съ портр., 4 рис. и автографъ.). — **Литературно-критическія миніатюры. Пушкинская проза.** — Къ рисункамъ: **Одесса** (съ рис.). — **У страха глаза велики** (съ рис.). — **Парижская всемірная выставка 1889 г. Американскіе и др. павильоны** (съ 6 рис.). — **Парижская всемірная выставка 1889 г. Явансія танцовщицы** (съ рис.) — **Эмиль Ожье** (съ портр.). — **А. Д. Градовскій** (съ портр.).—**Улей-дворъ** (съ рис.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Библіографія. —О подпискѣ на „Ниву" 1890 г. съ разсрочкою платежа. — Смѣсь. —Задачи и рѣшенія задачъ.—О подпискѣ на „Ниву" 1890 г.—Объявленія.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

„Съ 1-го нумера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, **разсказъ въ прозѣ**, подъ заглавіемъ „**Маркъ Петровичъ Петровъ**“. Около двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ ничего не писалъ въ прозѣ, и мы увѣрены, что этотъ высоко-художественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфелѣ редакціи, между прочимъ, приготовленъ къ печати цѣлый рядъ произведеній (**заглавія были напе**чатаны въ предшедшихъ №№ „Нивы“) **Н. Д. Ахшарумова, кн. М. Н. Волконскаго, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, графа Саліаса** и пр. и пр.

Въ нашемъ **художественномъ отдѣлѣ**, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе **1890** г. появится множество портретовъ русскихъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами **заготовлено** также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками **и** граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь **выдающихся** явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ **Художественныхъ выставокъ** — **въ** видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Въ **1890** г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ **выдающихся** предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: **гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы** и пр. — драгоцѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, **мы нашли возможнымъ на будущій годъ, вмѣсто одной, дать ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“, — два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. **И. И. ШИШКИНА**, — писанныя имъ по нашему заказу для **„Нивы“**.

Обѣ картины (**въ 16** вершковъ вышины и **12** вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя одна другой, **представляютъ** исполненную художественной гармоніи противуположность: величественнаго бора, осѣненнаго **бархатистою хвоей**, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разнотѣнной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніемъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, **мы въ будущемъ 1890 году,** выдадимъ **третью — литературную** премію, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанію.**

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“ показана на 1-й страницѣ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просятъ адресовать въ **Главную Контору Редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Марксу). **въ С.-Петербургъ,** Невскій проспектъ, д. № 6.

Редакція и издатель „Нивы“.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. Павленкова:**

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ

Ар. Заблоцкаго.

Съ примѣненіемъ къ черченію и землемѣрію. 312 рис. въ текстѣ. **Ц. 60 к.**

ШКОЛЬНАЯ ДІЭТЕТИКА. ОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ УЧАЩИХСЯ ДѢТЕЙ.

По Кленке изложилъ **В. Фармаковскій.** Изданіе 7-е, дополненное и переработанное по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ у книгопродавца **Е. П. Распопова въ Одессѣ.** № 4161

Произведенія моей фабрики удостоены на **Парижской Всемірной Выставкѣ**

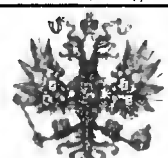
•БОЛЬШОЮ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЬЮ.•

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ часовъ моей фабрики высылается по требованію безплатно. № 4089

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.

ПАВЕЛЪ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.



МАГАЗИНЫ ФАРФОРОВАГО ЗАВОДА БР. КОРНИЛОВЫХЪ

С.-Петербургъ: Невскій просп., № 62.
Гостиный дворъ, № 37 (Садовая, близь Невскаго).
Москва: Петровка, противъ Кузнецкаго моста.
Paris: Chez M-rs Nebel & Seelhoff, Rue de Paradis, 27.
New-York: Chez M-rs Tiffany & C°. Union Square.

Большой выборъ фарфоровыхъ, опаковыхъ и фаянсовыхъ столов. и чайн. сервизовъ, умывальныхъ и туалетн. приборовъ и всякаго рода посуды для домашняго хозяйства, ресторановъ и аптекъ. Хрусталь заводовъ Баккара, Нечаева-Мальцева и богемскихъ. Вазы. цвѣтники и статуэтки. Маіолика. Ножи. подносы, судки и проч.

Выпущены въ продажу фарфоровые чайные сервизы новыхъ моделей (право собственности утверждено правительствомъ).

Вновь устроенъ отдѣлъ дешевыхъ фарфор. сервизовъ.

Коллекція превосходнаго бѣлаго фарфора для занимающихся живописью по фарфору. № 1162

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“. ЛОЗЕ „ДИКІЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9—3

46. Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ **уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:**

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭВА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англіи и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, печатался въ **„Русскомъ Курьерѣ“** и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. **Цѣна: съ пересылкой на города — 1 р., въ Москвѣ — 75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ убористаго и четкаго шрифта.** Романъ этотъ можно имѣть во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10—4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ.

d'Angleterre.

Рекомендую господамъ проѣзжимъ **мою увеличенную и заново отдѣланную** гостиницу.

Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6—5

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. Проф. **П. Мантегацца.** Перев. съ 5 итальянск. изданія д-ра Лейненберга. 400 стр. въ двухъ частяхъ. **Ц. 1 р. 50 к.**

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Сост. **В. Острогорскій.** 180 стр. съ 20 портр. **Ц. 50 к.**

СВѢТЪ БОЖІЙ. Общедоступное міровѣдѣніе, 5-е изд., въ первый разъ иллюстрир. 60 рис. **Ц. 30 к.**

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. Сост. **В. Селезневъ.** 70 рис. **Ц. 1 р. 50 к.**

МЕТЕОРОЛОГІЯ и КЛИМАТОЛОГІЯ. Профессора Лѣсного Института **Д. Лвчинова.** Съ 122 рисунками и 6 раскрашенн. картами. (Одобрено Минист. Нар. Просвѣщенія). **Ц. 2 р.**

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика. Съ 13 рис. Общедоступн. изложеніе. **И. Вавилова.** (Одобрено Академіей Наукъ). **Ц. 30 к.**

Главный складъ всѣхъ этихъ книгъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова (СПБ., Лештуковъ переулокъ, 2). Mt. № 4164

Дозвол. ценз., СПБ., 15 ноября 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 48 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 ноября 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій.

Пріятно дожить до глубокой старости. Но еще пріятнѣе сознать при этомъ, что долголѣтнее наслажденіе Богомъ дарованною жизнью все время было связано съ трудовою, плодотворною и безупречною дѣятельностью. Истинно счастливъ тотъ, кому удалось соединить это долголѣтіе съ богоугодными дѣлами, съ прекрасными подвигами. Къ числу такихъ немногихъ счастливцевъ принадлежитъ теперь маститый іерархъ — высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій, которому 1 октября текущаго года исполнилось девяносто лѣтъ и которому отрадно вспомнить нынѣ, что двѣ трети этой столь долголѣтней жизни посвящены были ревностному служенію церкви, соединенному съ подвигами благочестія, неутомимыми трудами на пользу православія, на пользу ближнихъ, заботами о паствѣ и о духовенствѣ и дѣлами благотворительности. Имя маститаго архипастыря неразрывно связано со всѣми важнѣйшими событіями, совершившимися въ нашей церкви за послѣднія пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ. Въ качествѣ архіепископа Могилевскаго, защищая православіе отъ тайныхъ и явныхъ враговъ его, онъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ, а позднѣе, уже какъ членъ высшаго церковнаго управленія, дѣятельно содѣйствовалъ рѣшенію Синода относительно присоединенія къ православной церкви остатковъ уніи, причемъ ему выпало счастіе торжественно вручить архипастырскій жезлъ первому православному епископу объединенной Холмской епархіи. Далѣе, будучи экзархомъ Грузіи, онъ положилъ прочное основаніе развитію православія на Кавказѣ, постоянно заботясь о возобновленіи старыхъ и постройкѣ новыхъ храмовъ преимущественно въ мѣстахъ разноплеменнаго, разновѣрнаго населенія, среди полудикаго народа, о благоустройствѣ епархій, путемъ живой, горячей проповѣди привлекая новыхъ адептовъ къ христіанской церкви и просвѣщая ихъ въ православной вѣрѣ. При этомъ онъ еще содѣйствовалъ основанію Об-

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій. Съ фотогр. А. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

щества распространенія христіанства на Кавказѣ. Призванный затѣмъ „руководить дѣяніями высшаго правительства Церкви Всероссійской", первоприсутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ, умудренный опытомъ архипастырь, какъ говорилось въ данномъ ему рескриптѣ, „лично изучившій нужды духовенства, потребности духовнаго образованія и недостатки церковнаго хозяйства и управленія, направлялъ труды Синода на устраненіе замѣченныхъ имъ несовершенствъ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ церковныхъ вопросахъ и реформахъ, касающихся быта духовенства, къ которымъ относятся: полное преобразованіе духовныхъ учебныхъ заведеній, созываніе частыхъ соборовъ православныхъ епископовъ для борьбы съ ученіемъ сектантовъ, особенно со штундою, учрежденіе совѣтовъ благочинныхъ, открывшихъ духовенству способы къ самоуправленію и улучшенію многихъ сторонъ ихъ жизни, преобразованіе духовныхъ судовъ, основаніе церковно-приходскихъ попечительствъ, школъ, библіотекъ, епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ и проч. Занявъ первенствующее мѣсто въ Синодѣ, высокопреосвященный Исидоръ, — по словамъ, поднесеннаго ему лѣтъ четырнадцать тому назадъ, адреса отъ петербургскаго духовенства, — сталъ достойнымъ представителемъ Всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи, несъ великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-правственной жизни русскаго народа, касающихся быта не только духовенства, но и всего общества. За время своего управленія С.-Петербургскою епархіей и въ званіи предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, высокопреосвященный Исидоръ оказалъ неисчислимыя услуги неимущему нашему духовенству. Едва вступивъ въ управленіе епархіею, онъ тотчасъ сталъ изыскивать средства для попеченія о бѣдныхъ изъ духовнаго званія, о призрѣніи ихъ вдовъ и сиротъ, о воспитаніи послѣднихъ. Съ этой цѣлью онъ построилъ въ Петербургѣ обширный и во всѣхъ отношеніяхъ благоустроенный „Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія" съ училищемъ для сиротъ, а при женскомъ монастырѣ близъ Новгорода учредилъ дѣвичье училище для бѣдныхъ дочерей служителей церкви. Онъ указалъ средства для обезпеченія въ будущемъ этихъ благотворительныхъ учрежденій и самъ пожертвовалъ на нихъ не одну сотню тысячъ. Вообще, митрополитъ Исидоръ извѣстенъ какъ одинъ изъ щедрыхъ благотворителей столицы: на его счетъ воспитывается нѣсколько бѣдныхъ дѣтей; многимъ бѣднякамъ онъ даетъ пенсію. Наконецъ, онъ много сдѣлалъ и для Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ онъ трудится безъ малаго тридцать лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта; за свои труды на пользу его, митрополитъ Исидоръ не разъ удостоивался „Высочайшей душевной благодарности". Насколько плодотворна дѣятельность нашего маститаго архипастыря какъ предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, это видно, между прочимъ, изъ того, что до его предсѣдательства введены были въ штатное положеніе съ назначеніемъ жалованья 17,615 церквей, на которыя отпускалась сумма въ $3^1/_2$ милліона слишкомъ, а нынѣ, черезъ двадцать семь лѣтъ, эта цифра почти утроилась. Не маловажны заслуги митрополита Исидора и въ области духовной науки, выразившіяся въ изданіи замѣчательныхъ поученій архипастыря и въ непосредственномъ участіи его въ переводѣ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на русскій языкъ. За этотъ тяжелый и обширный трудъ, увѣковѣчившій его имя, была пожалована доблестному архипастырю высокая награда, украшенная драгоцѣнными каменьями митра, съ водруженнымъ на ней крестомъ, по кіевскому обычаю. Таковы въ высшей степени благотворные и полезные труды митрополита Исидора, за которые въ исторіи церкви нашей онъ займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Замѣчательно, что митрополитъ Исидоръ, въ мірѣ Яковъ Сергіевичъ Никольскій, родился въ одинъ годъ съ А. С. Пушкинымъ, т. е. въ 1799 году, и притомъ 1 октября, въ самый день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Божія Матерь точно осѣнила покровомъ Своимъ новорожденнаго малютку, благословивъ его жизненный путь. Мѣсторожденіе архипастыря — село Никольское, Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, гдѣ его отецъ, Сергій Ивановичъ, былъ псаломщикомъ, а затѣмъ діакономъ. Въ 1807 г. состоялось преобразованіе духовныхъ училищъ въ имперіи, и Яковъ Никольскій поступилъ тогда же въ одно изъ этихъ училищъ — тульское, откуда перешелъ въ тульскую духовную семинарію. По окончаніи курса въ ней въ 1821 г., однимъ изъ лучшихъ учениковъ, онъ былъ принятъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Здѣсь своими способностями и рвеніемъ къ наукѣ онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго Филарета, митрополита Московскаго, который ему покровительствовалъ и воспиталъ въ немъ для отечественной церкви „достойнаго своего ученика, благовѣстника, и доблестнаго воина Христова, мощнаго защитника православія и дѣятельнаго насадителя Св. вѣры и благочестія". Кончивъ курсъ Академіи въ 1825 г. со степенью кандидата, Яковъ Никольскій спустя нѣсколько времени былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Исидора, опредѣленъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ ту же Академію, потомъ рукоположенъ въ іеродіаконы; 5 сентября того же 1825 года посвященъ въ іеромонахи, а 10-го назначенъ библіотекаремъ. На слѣдующій годъ въ октябрѣ онъ быть удостоенъ степени магистра богословія. Послѣ четырехлѣтняго профессорства своего въ Академіи, онъ былъ, въ августѣ 1829 г., опредѣленъ въ Орловскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословія, черезъ мѣсяцъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря, а въ ноябрѣ — присутствующимъ въ Орловскую духовную консисторію. 21 іюля 1833 года архимандритъ Исидоръ былъ переведенъ ректоромъ въ Московскую духовную семинарію и сдѣланъ настоятелемъ ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря, а на слѣдующій годъ, 11 ноября, по Высочайшему указу, рукоположенъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Тотъ самый Филаретъ, который 9 лѣтъ назадъ зналъ его студентомъ Академіи, теперь вручилъ ему въ историческомъ Чудовомъ монастырѣ епископскій жезлъ, какъ будущему „сотруднику и содѣйствователю". Въ 1837 г. началась его самостоятельная дѣятельность на каѳедрѣ Полоцкой епархіи, которую онъ продолжалъ на каѳедрѣ Могилевской. 5 іюня 1841 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а черезъ три года, 12 ноября, назначенъ на высокій постъ экзарха Грузіи и возведенъ въ званіе члена Св. Синода. За „ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами" въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, экзархъ Грузіи былъ лично возведенъ, императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ санъ митрополита. Это важное событіе въ жизни нашего архипастыря произошло 26 августа 1856 года, въ день коронаціи государя. По смерти Кіевскаго митрополита Филарета, высокопреосвященный Исидоръ, 1 марта 1858 года, вступилъ въ управленіе Кіевскою митрополіею, гдѣ цѣлыхъ два года въ полномъ смыслѣ украшалъ древнѣйшую каѳедру Св. Софіи. Наконецъ, 1 іюня 1860 года онъ былъ призванъ на каѳедру митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго и назначенъ первоприсутствовать въ Св. Синодѣ. Уже четвертому царю земли Русской служитъ доблестный архипастырь и уже отпраздновалъ два юбилея своихъ — пятидесятилѣтній священства и таковой же, полувѣковой, рѣдкій юбилей архіерейства. При немъ смѣнилось семь оберъ-прокуроровъ Св. Синода, не малое число іерарховъ Россійской церкви рукоположено имъ. Всѣ россійскіе ордена высшихъ степеней, украшенные алмазами, и многіе иностранные имѣетъ митрополитъ Исидоръ; онъ удостоенъ также особенныхъ наградъ и отличій, каковы, напримѣръ, вторая панагія и предпесеніе выноснаго креста во время служенія митрополита — отличіе всѣхъ Россійскихъ патріарховъ. Кромѣ того, русскія и иностранныя академіи, университеты и всякія ученыя общества считаютъ его въ числѣ своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Не смотря на свои девяносто лѣтъ, митрополитъ Исидоръ и тѣломъ, и духомъ удивительно бодръ. Онъ совершаетъ еще во всѣ главные праздники въ Александро-Невской лаврѣ или въ Исаакіевскомъ соборѣ, а въ прочіе праздничные дни отправляетъ рано утромъ литургію въ своей домовой церкви, а недавно, въ день своего рожденія, предпринималъ даже путешествіе въ Новгородскую губернію, гдѣ праздновалъ этотъ день освященіемъ храма.

П. Быковъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XV.

Миловановы жили обыкновенною жизнью артистическаго Рима, такъ же, какъ художники всѣхъ другихъ національностей. Они поднимались часовъ съ восьми утра. Въ десять—Миловановъ уже отправлялся въ студію работать къ своему профессору ваянія, а Полина въ то же время садилась читать или работать въ пяльцахъ.

Около полудня она отправлялась въ ту же мастерскую на минуту посмотрѣть на работу мужа.

Въ четыре часа, иногда и ранѣе, они садились обѣдать, а послѣ обѣда тотчасъ отправлялись кататься за городъ верхомъ или въ экипажѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они приглашали съ собой кого-либо изъ тѣхъ художниковъ, съ которыми Миловановъ наиболѣе сблизился.

По вечерамъ у нихъ собирались гости, преимущественно художники. Сначала время проходило въ праздной болтовнѣ. Вечеръ начинался рано, длился долго и случалось, что праздная болтовня доводила до утомленія и скуки. Полина придумала новую затѣю—соединить полезное съ пріятнымъ. Она предложила устроить по вечерамъ рисовальные классы подъ говоръ болѣе лѣнивыхъ.

Разумѣется, предложеніе было принято съ восторгомъ. Предполагалось, что это будутъ не серьезные классы, а рисованіе и бесѣды вмѣстѣ.

И вскорѣ въ самой большой комнатѣ, ярко освѣщенной, появились пюпитры и столы, стулья и скамейки, а впереди на возвышеніи чередовались гипсовыя фигуры, снимки съ извѣстнѣйшихъ статуй.

Иногда, для разнообразія, на мѣсто статуи появлялась итальянка-натурщица или натурщикъ, иногда первый пойманный на улицѣ пиферари или нищій. Однажды контрабандой залучили капуцина.

Въ этихъ вечернихъ классахъ участвовала, конечно, и Полина. Подъ вліяніемъ-ли окружающаго міра артистовъ или самого вѣчнаго города, гдѣ искусствомъ и поклоненіемъ ему былъ, казалось, пропитанъ воздухъ, или по инымъ причинамъ, но Полина со страстью отдалась рисованію, къ которому въ Россіи относилась хладнокровно, какъ къ простой забавѣ. И она тоже стала дѣлать замѣчательные успѣхи.

Миловановъ, мастеръ-самородокъ когда дѣло шло о глинѣ, рисовалъ плохо. Онъ сознавался стыдливо и грустно, что чуетъ всѣмъ сердцемъ что̀ нужно, а какъ сдѣлать—не можетъ. Онъ видѣлъ, сознавалъ, или просто глубоко чувствовалъ, что рука не слушается, что карандашъ идетъ не туда, куда слѣдуетъ. дѣлаетъ не то, что̀ онъ хочетъ,—но овладѣть рукой не можетъ.

И не замѣчая, конечно, какіе быстрые онъ дѣлалъ успѣхи въ рисованіи, онъ отчаявался и, по выраженію Полины, хныкалъ, что никогда рисовать не выучится. Напрасно товарищи и пріятели-художники увѣряли его, что ему, какъ русскому самородку, законъ не писанъ, что, не умѣя совсѣмъ рисовать, онъ можетъ отлично лѣпить, провидя и чувствуя тѣ линіи, которыя ищетъ душа его.

Такъ прошло два мѣсяца мирнаго существованія и пришлось на время, волей-неволей, перемѣнить образъ жизни и отдохнуть отъ работы. Въ кружкѣ артистовъ всѣхъ странъ уже существовалъ издавна обычай устраивать въ эту пору своеобразное ребячески-наивное торжество. Это былъ праздникъ художниковъ, Богъ вѣсть когда и кѣмъ занесенный или учрежденный, которому суждено было ежегодно повторяться и впослѣдствіи.

Этотъ праздникъ отрывалъ всѣхъ художниковъ отъ занятій, заставлялъ ихъ заботиться совершенно о другихъ вещахъ и служилъ отдыхомъ послѣ зимнихъ занятій, предъ началомъ лѣтнихъ. И такъ какъ на лѣто большая часть художниковъ расходилась и разсыпалась по окрестностямъ Рима, даже по всей Италіи, а иные возвращались на родину, то этотъ международный праздникъ артистовъ служилъ тоже и пиршествомъ предъ разлукой.

Артистическій праздникъ заключался въ томъ, что всѣ художники всѣхъ націй наряжались въ разные костюмы и отправлялись за городъ черезъ Траяновы ворота въ маленькое урочище, часахъ въ двухъ разстоянія отъ Рима. Люди пожилые предпочитали, нарядившись, ѣхать на разукрашенныхъ зеленью и цвѣтами колесницахъ и фурахъ. Молодежь отправлялась всегда верхомъ.

Такъ какъ итальянцы Папской области, подъ властью святаго отца—монарха-великопостника и вообще священниковъ и монаховъ, были не набалованы зрѣлищами и свѣтскими празднествами, то, разумѣется, праздникъ артистовъ ожидался всѣми всегда съ большимъ нетерпѣніемъ, и всегда несмѣтная толпа народа верхомъ и пѣшкомъ отправлялась тоже за-городъ, въ Campagna di Roma.

Миловановы узнали объ этомъ обычномъ праздникѣ вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Полина не обратила особеннаго вниманія на то, въ чемъ заключается праздникъ, что̀ и гдѣ будетъ происходить, но запомнила хорошо одно обстоятельство: что каждый изъ художниковъ долженъ имѣть костюмъ.

И едва только удалось устроиться и войти въ колею художнической жизни, Полина, ни слова не сказавъ мужу, занялась его костюмомъ. Она сама выбрала мысленно средневѣковый характерный костюмъ, заказала рисунокъ, затѣмъ выбрала всѣ нужныя матеріи. А когда весь артистическій кружокъ бросилъ работать, заволновался и принялся за приготовленіе праздника, на квартирѣ Миловановыхъ уже появился великолѣпный и, конечно, крайне дорогой костюмъ.

Полинѣ въ первый разъ пришло самолюбивое желаніе какъ-бы похвастать красотой своего мужа. Ей хотѣлось, чтобы онъ былъ по костюму тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ лицомъ своимъ въ кружкѣ артистовъ—первымъ по красотѣ. Ей хотѣлось, чтобы онъ сталъ какъ бы центромъ всего празднества, чтобы всѣ взоры были устремлены на него и чтобы его фигура, статная и безукоризненно красивая, въ этомъ великолѣпномъ костюмѣ, надолго осталась въ памяти всѣхъ, кто будетъ на праздникѣ.

Миловановъ, увидя вдругъ, разложенный по стульямъ, костюмъ, гдѣ перемѣшивались бархатъ, атласъ, золото и шитье, смутился и вспыхнулъ.

— Я не посмѣю этого и надѣть, выговорилъ онъ.— Вѣдь этакъ, небось, въ прежнія времена цари одѣвались заморскіе!

Однако, начавъ примѣривать одну часть костюма за другой, Миловановъ сталъ восторгаться какъ малый ребенокъ и кончилъ тѣмъ, что пылко и радостно расцѣловалъ жену за сюрпризъ.

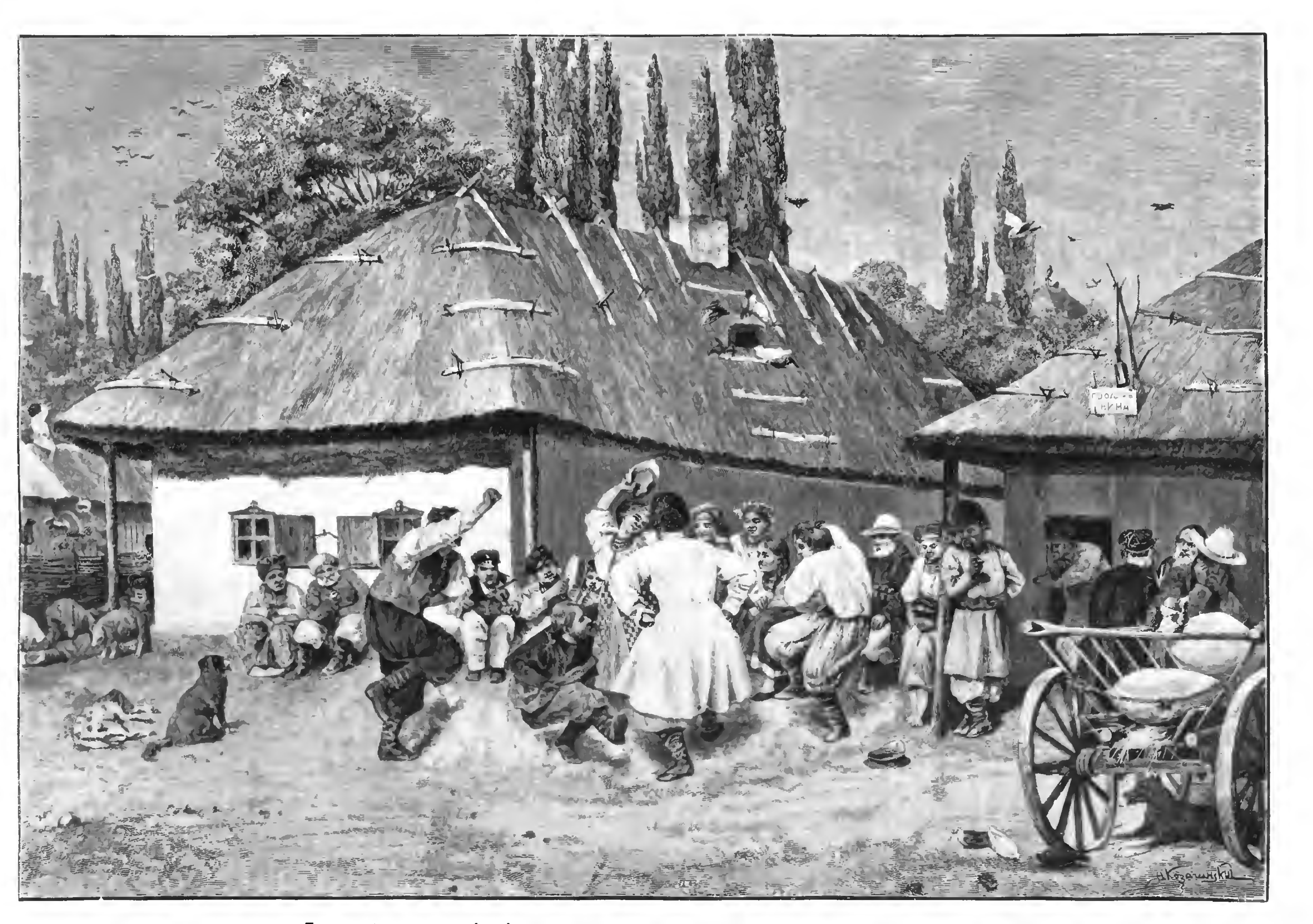
До праздника оставалось нѣсколько дней, когда Полина, изрѣдка получавшая письма изъ Россіи, получила въ отсутствіе мужа одно письмо и, прочитавъ его, встревожилась и опечалилась.

Макаръ Макаровичъ писалъ ей, что старушка Лукерья Егоровна вдругъ захворала и находится въ опасномъ положеніи. Полина знала, что мужъ ея настолько любитъ мать, что отъ дурныхъ вѣстей способенъ отказаться отъ участія въ праздникѣ. Миловановъ часто говорилъ, что единственною причиной, которая побудила-бы его немедленно скакать въ Россію, была-бы опасная болѣзнь старушки, которую онъ прямо и искренно ставилъ рядомъ съ женой, говоря, что онъ не знаетъ, кого любитъ больше.

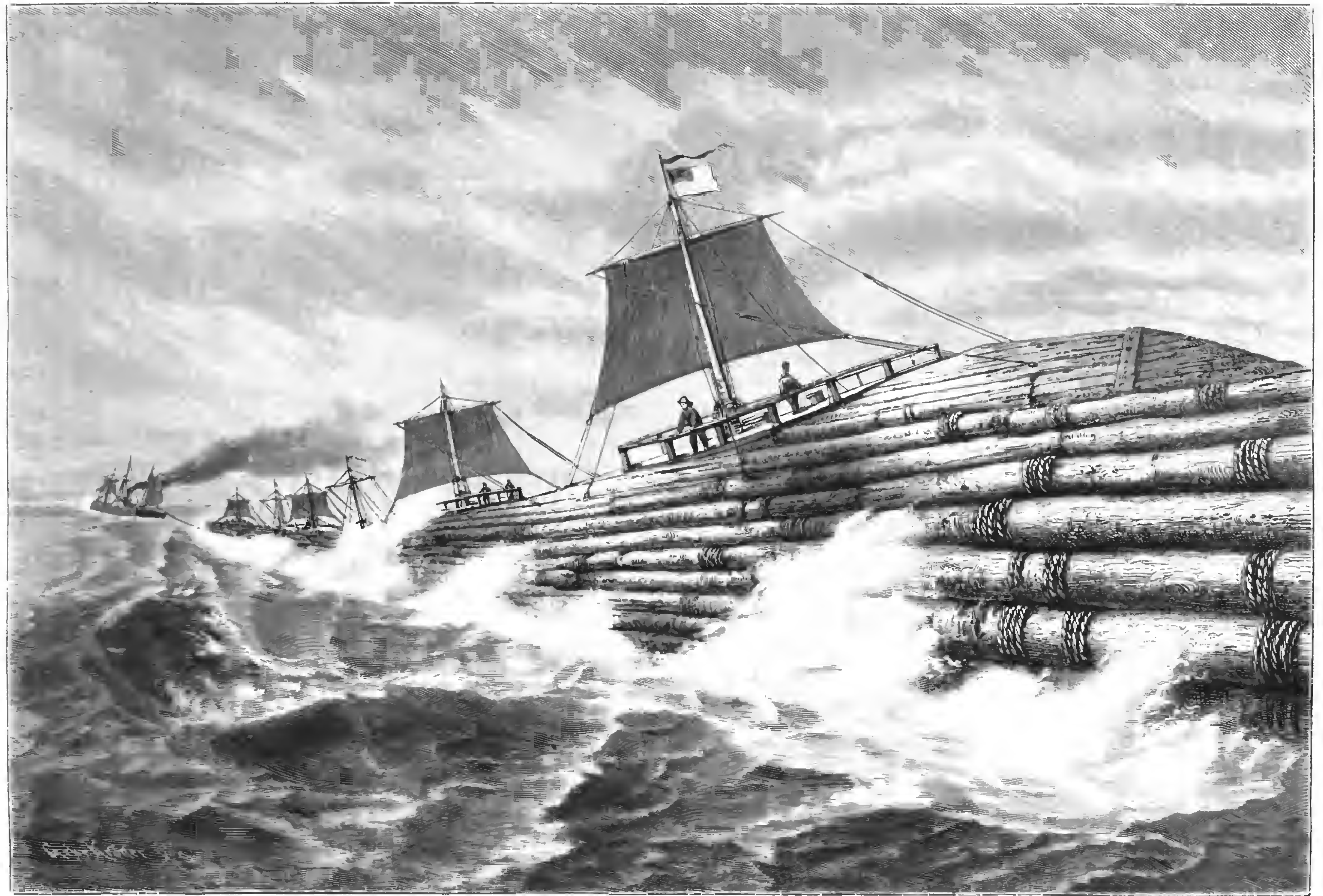
Полина была почти увѣрена, что старушка долго не проживетъ и во всякомъ случаѣ скончается прежде, чѣмъ имъ возможно будетъ вернуться въ Россію. Теперь-же возвращеніе на родину и затѣмъ новый отъѣздъ были-бы сопряжены съ извѣстнаго рода затрудненіями, въ особенности въ дѣлѣ полученія новаго паспорта. Полина поэтому рѣшила заранѣе, въ случаѣ чего, скрыть все отъ мужа и сказать ему объ серьезной болѣзни его матери настолько поздно, чтобы онъ не могъ и думать собираться къ ней.

Наканунѣ праздника Миловановъ замѣтилъ нѣсколько угрюмое или озабоченное настроеніе жены и сталъ выпытывать что̀ съ ней.

— Письма что-ли? Вѣрно худыя? спросилъ онъ наконецъ.—Коли что худое объ матушкѣ, ты не скрывай. У меня по ней такая тоска всѣ эти дни, что просто—



„Гопакъ“, малороссійскій танецъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Казачинскаго**, грав. Флюгель.



Плотъ-великанъ, по системѣ Робертсона, въ Атлантическомъ океанѣ. Съ рис. Штёвера, грав. Кренеръ.

страшно становится. Только и утѣшенье мнѣ что сонъ мой. Видѣлъ я, она уѣзжаетъ въ барской вашей каретѣ во храмъ...

— Ахъ, не говори такъ! воскликнула Полина.

— Что? какъ?

— Въ вашей... въ барской... И это здѣсь, въ Римѣ! Даже дико слышать.

— Ну, въ твоей каретѣ, усмѣхнулся добродушно Миловановъ.—Да по правдѣ и не въ твоей теперь, коли и имѣніе отходитъ въ другія руки. Ну вотъ я и вижу, что матушку удерживаю. Прошу не ѣздить. А она отбилась отъ меня. Я заплакалъ, а она и крикнула: „Егорушка, не плачь, я сейчасъ назадъ!"

— Это сонъ не хорошій, но съ хорошимъ концомъ, сказала Прасковья Андреевна. — Будетъ Лукерья Егоровна хворать, но выздоровѣетъ.

— Помилуй Богъ, вздохнулъ онъ. — Одинёхонька. Былъ одинъ сынокъ—вся ея радость... И того умчало за тридевять земель. А зачѣмъ? Ничего изъ меня не выйдетъ путнаго. Былъ столяръ, а буду такъ... пачкунъ.

— Опять за старую пѣсенку! разсмѣялась Прасковья Андреевна.—Ну, пачкунъ, такъ пускай такъ и будетъ. Этакій пачкунъ какъ ты—покуда только одинъ на весь Римъ. А вотъ баба ты, плакса, кисляй — это все вѣрно. И не будь меня, то я и не знаю что сталось бы съ тобой...

— Вотъ это точно, оживился вдругъ Миловановъ и началъ радостно смѣяться.—Это ты вѣрно сказала, что не будь тебя, я бы по сю пору мебель въ Березопольѣ чинилъ. А то хуже—стойла въ конюшнѣ да подвалы строилъ бы, да тесалъ бы доски и ладилъ заборы.

И онъ подошелъ къ женѣ, сѣлъ около нея на полъ и сталъ цѣловать ея руки.

XVI.

На одной изъ лучшихъ улицъ города Рязани остановилась предъ гостиницей дорожная карета шестерикомъ, а за ней бричка тройкой. Пріѣзжіе вошли въ домъ, а люди начали таскать сундуки и важи.

Тотчасъ по всей гостиницѣ, а затѣмъ и по всему кварталу разнеслась вѣсть, что пріѣхалъ князь Березопольскій съ княгиней, а съ ними родственникъ ихъ, по фамиліи Трубецкой. Но затѣмъ, черезъ часъ, пошла уже другая молва, болѣе вѣрная. Пріѣхалъ князь Березопольскій со своимъ управителемъ, господиномъ Трубецкимъ, при которомъ прибыла управителева племянница—дѣвица, а совсѣмъ не княгиня.

Пріѣзжіе заняли каждый отдѣльную комнату и при этомъ еще три: для прихожей, гостиной и столовой. Но съ этого-же дня вся гостиница уже была къ услугамъ князя, существовала только для него. Началась такая суета и сумятица, что какой-то отставной капитанъ, не могшій въ продолженіе трехъ часовъ добиться самовара, уложился и выѣхалъ въ другую гостиницу. Хозяинъ, провожая разсердившагося гостя, только улыбался. Онъ не испугался бы, если бы и всѣ другіе проѣзжіе тотчасъ съѣхали со двора. Съ первыхъ же двухъ часовъ пребыванія князя въ гербергѣ, хозяинъ уже увидѣлъ, что если веселый, радостный князь проживетъ только одну недѣлю, то дѣла его, пришедшія въ маленькое разстройство, сразу поправятся.

Разумѣется, на другой-же день вся Рязань уже знала, что въ городъ пріѣхалъ князь Илья Петровичъ Березопольскій для совершенія купчей, такъ какъ онъ покупалъ имѣніе у своей двоюродной сестры, не мало прошумѣвшей нѣсколько времени тому назадъ.

Говору и толковъ было не мало среди дворянъ города. Общее мнѣніе, почти единодушное, было таково, что князь, начавъ дѣло въ столицѣ, могъ бы пріобрѣсти родовое имѣніе даромъ, могъ бы добиться, чтобы оно было конфисковано у его двоюродной сестры, вышедшей замужъ за своего крѣпостнаго.

Всѣ, разумѣется, восхищались честностью дворянскою и благородствомъ князя. И все поспѣшило тотчасъ-же явиться, представиться и познакомиться. Началось въ гостиницѣ то, что Макаръ Макаровичъ съ перваго дня прозвалъ: „водяная толчея". Гости являлись безпрерывною вереницей къ князю, по мнѣнію Трубецкаго, только воду толочь.

Князь принималъ всѣхъ, со всѣми былъ радушенъ и на всѣхъ производилъ одно и то же впечатлѣніе—то же самое, какое произвелъ на хозяина гостиницы, даже на лакеевъ и коридорныхъ, когда появился въ первый разъ изъ кареты.

Всякій, смотрѣвшій на него, невольно думалъ: „Вотъ человѣкъ доволенъ, счастливъ! Что значитъ князь, да богатъ, да вотчину родовую заполучаетъ!" И всѣ ошибались.

Этотъ-же самый князь, тому назадъ нѣсколько дней, въ своемъ, вновь купленномъ Прачешномъ, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ угрюмый и задумчивый, охалъ и вздыхалъ и производилъ впечатлѣніе человѣка или хвораго, или захваченнаго тихою грустью, томительною и безъисходною. Никто не зналъ, конечно, почему Илья Петровичъ теперь только ожилъ, недавно, предъ выѣздомъ своимъ изъ Березополья въ Рязань.

Нѣкоторыхъ изъ гостей князь принималъ одинъ, другихъ же—въ присутствіи Евгеніи, которую рекомендовалъ племянницей своего управителя, господина Трубецкаго. И князь сталъ здѣсь еще счастливѣе, даже восторженно счастливъ, убѣдившись собственными глазами въ томъ, что случилось съ Евгеніей. Дворовая дѣвушка, никогда не выѣзжавшая изъ усадьбы, гдѣ родилась, теперь принарядившаяся не очень богато и крикливо, но все-таки лучше и изящнѣе, чѣмъ тамъ въ Березопольѣ, вела себя такъ, какъ еслибы въ самомъ дѣлѣ была племянницей бѣднаго дворянина Трубецкаго, какъ еслибы и прежде жила въ губернскомъ городѣ и бывала въ обществѣ.

Евгенія держала себя осторожно, порядливо, скромно, мало говорила, но когда обращались къ ней, отвѣчала разумно, привѣтливо, съ легкимъ оттѣнкомъ чего-то, чему и имени еще не было выдумано. Только нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе прозвали это кокетствомъ, а тогда называли—лукавою миловидностью.

Глядя на Евгенію, разговаривавшую съ губернскими знакомыми, князь приходилъ въ такой восторгъ, чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что иногда велъ себя самъ какъ малый ребенокъ. Если-бы не это преображеніе съ Евгеніей, то, разумѣется, онъ не пустилъ бы къ себѣ ни души, не пожелалъ бы знакомиться ни съ кѣмъ. Теперь-же, наоборотъ, онъ самъ сталъ звать къ себѣ. И уже прошелъ слухъ, что князь Березопольскій черезъ недѣлю задастъ новымъ знакомымъ цѣлый пиръ горой.

Разумѣется, въ той же средѣ его новыхъ знакомыхъ, да и вообще во всемъ городѣ, уже начали подсмѣиваться и подшучивать надъ племянницей управителя.

Но всѣ, однако, вполнѣ вѣрили въ то, что управитель Березополья, многимъ хорошо извѣстный за пятнадцать лѣтъ, дворянинъ Трубецкой, дѣйствительно, приходится дядей молодой и красивой дѣвушкѣ. Внезапное появленіе ея объясняли пріѣздомъ къ нему погостить, а пребываніе вмѣстѣ съ дядею въ городѣ—нежеланьемъ оставаться одной въ усадьбѣ, когда онъ по дѣлу выѣхалъ. А что самъ князь постоянно не спускаетъ съ нея глазъ ни минуты и по всему влюбленъ въ нее по-зарѣзъ, послужило только поводомъ нѣкоторымъ барынямъ явиться съ мужьями тоже познакомиться и съ княземъ, а равно и съ управителевой племянницей... А вдругъ станетъ княгиней—лучше загодя...

И за нѣсколько дней пребыванія въ Рязани князь, какъ былъ, такъ и оставался тѣмъ-же радующимся, сіяющимъ, всѣми довольнымъ человѣкомъ. Но Макаръ Макаровичъ и Евгенія нѣсколько перемѣнились.

Трубецкой сталъ молчаливѣе, угрюмѣе, замѣтно не въ духѣ, но, однако, ни единымъ словомъ не обмолвился о причинѣ своей угрюмости.

Причина же была простая.

Честному Макару Макаровичу не нравилось, что сомнительная молодая дѣвица, пріѣхавшая съ ними, прикрывается здѣсь именемъ его племянницы. Всѣ подумаютъ, стало-быть, что онъ—Трубецкой—чѣмъ-нибудь при этомъ пользуется, наживается, играетъ неподходящую для честнаго человѣка роль. И Макаръ Макаровичъ втайнѣ раскаивался, что позволилъ дорогой князю объявить Евгенію племянницей.

Евгенія, наоборотъ, пріѣхавъ въ Рязань, смущалась, какъ-то боязливо озиралась кругомъ себя, недоумѣвала... Во всякомъ ея движеніи была нерѣшительность, опасеніе. Она стѣснялась того положенія, въ которое вдругъ попала, перенесенная, будто въ сказкѣ, изъ пустаго барскаго дома или изъ надворнаго строенія въ Березопольѣ, въ гостиницу губернскаго города и въ цѣлое общество.

Тамъ шумѣли и галдѣли дворовые обоего пола, и ткацкіе: парни-ткачи, бабы и дѣвки-ткачихи. А здѣсь кругомъ нея, почти отъ зари до зари, кишѣли все одни дворяне, люди равные князю по происхожденію. И не только всѣ люди въ гостиницѣ, но даже и эти новые знакомые, относились къ ней съ особымъ уваженіемъ, съ ласковымъ привѣтомъ, именуя ее Евгеніей Степановной и раскланиваясь передъ ней, какъ передъ барыней.

Къ этому, вдобавокъ, каждый разъ что Евгенія случайно могла увидать себя въ зеркалѣ, каждый разъ (и это длилось довольно долго) она сразу не узнавала себя и дивилась, видя предъ собой какую-то красивую барышню въ красивомъ платьѣ, со страшно блестящими глазами, со счастіемъ, облегчающимъ всѣ черты лица.

— Господи, и это я же! говорила про себя дѣвушка, а иногда и восклицала вслухъ, но шепотомъ.—Да я-ли это? прибавляла она.

И разглядывая себя въ зеркало, вспоминая то что̀ было сегодня, было вчера, что̀ она видѣла, слышала и перечувствовала, что̀ вновь узнала и вновь поняла, она чувствовала, что голова слегка кружится у нея. И иногда ей вдругъ представлялось, что она сходитъ съ ума, потому что она уже не одна на свѣтѣ.

— Ей Богу, не одна! говорила она себѣ. — Меня — двѣ! Вотъ я здѣсь, а вонъ тамъ, въ Березопольѣ, тоже Евгенія осталась.

И изрѣдка дѣвушка брала себя за голову и шептала полутревожно, полурадостно:

— Съ ума сойти можно!

Но и въ эти дни полнаго довольства, почти счастья, изрѣдка налетала на нее какая-то тѣнь, какое-то черное пятно, черное облако... Иногда ей чудилось какое-то черное и страшное чудовище съ лапами, которое искало захватить ее, задушить...

Это были мгновенія, въ которыя предъ умственнымъ взоромъ дѣвушки являлся высокій, красивый малый, котораго она долго любила, обожала и котораго на вѣкъ потеряла безвозвратно. Но каждый разъ дѣвушка силилась стряхнуть съ себя эту тѣнь, или это чудище, въ видѣ горькаго и тяжкаго воспоминанія о потерянномъ счастіи.

XVII.

Между тѣмъ, не смотря на пріемъ гостей, всякія бесѣды, завтраки, катанья по городу и отдачу визитовъ, которые отдавалъ, конечно, князь одинъ, дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, шло своимъ чередомъ. Покуда князь ѣздилъ по новымъ знакомымъ, вездѣ привѣтливо и радушно принимаемый, Макаръ Макаровичъ почти не выходилъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и возился съ разными чиновниками, стряпчими, засѣдателями и совѣтниками. У него тоже ужъ оказался цѣлый кругъ знакомыхъ, и однажды въ его комнатѣ сошлись заразъ двѣнадцать человѣкъ изъ мелкихъ чиновниковъ города.

„И который же предатель?“ подумалось ему.—„Всѣ, помилуй Богъ!“

Евгенія, за то же время, въ маленькой коляскѣ парой ѣздила по Рязани по разнымъ магазинамъ и лавкамъ и накупала пропасть вещей, все что̀ только попадалось ей на глаза. Но при этомъ, привозя все въ гостиницу, она ничего не разсматривала. Всѣ эти покупки дѣлались не по собственной волѣ, а по ежедневному, прихотливому, но строгому приказанію князя.

Всякій день поутру князь давалъ Евгеніи денегъ и требовалъ, чтобы она поѣхала и вернулась съ цѣлымъ ворохомъ всего, что̀ только попадется ей на глаза. И теперь вся горница дѣвушки была завалена, какъ магазинъ, всевозможными покупками. Ей казалось, что и въ двадцать лѣтъ не переносить ей всего того, что̀ она накупила.

Но у Евгеніи было свое дѣло, своя забота, не покидавшая ее по цѣлымъ днямъ. И это были не покупки нарядовъ. Разъѣзжая по городу, Евгенія почти каждый день заѣзжала въ одинъ маленькій сѣрый домикъ съ палисадникомъ и просиживала тамъ около часу, иногда и долѣе. При этомъ она каждый день давала на чай кучеру и, грозясь пальцемъ, приговаривала:

— Смотри же, не болтать!

— Помилуйте, барышня, отзывался кучеръ. — Не приказали—и шабашъ!

Визиты эти Евгенія тщательно скрывала и отъ князя, и отъ Макара Макаровича. Бывала же дѣвушка въ сѣромъ домикѣ по дѣлу, которое наиболѣе озабочивало ее. Въ этомъ домикѣ жилъ тотъ самый чиновникъ, Иванъ Леонтьевичъ Скоровъ, съ которымъ зимой въ уѣздномъ городишкѣ совѣщались бывшая княжна Прасковья Андреевна и самъ Илья Петровичъ, по дѣлу о солдатствѣ Егора Милованова.

Ѣдучи въ Рязань, Евгенія уже знала Ивана Леонтьевича по наслышкѣ. Старушка Лукерья Егоровна разсказала ей, что чиновникъ съ этимъ именемъ много помогъ княжнѣ, когда приключилась бѣда съ Егоромъ.

И велико было удивленье Евгеніи, когда она нашла его въ Рязани. Точно судьба перевела его сюда нарочно. Познакомившись въ присутствіи князя съ Иваномъ Леонтьевичемъ, Евгенія сначала стала опасаться его. Хитрая фигура съ поразительнымъ профилемъ, похожимъ на волчью морду, не внушила Евгеніи никакого довѣрія. Но затѣмъ Иванъ Леонтьевичъ сталъ обращаться съ ней настолько почтительно и вѣжливо, съ такою особенною предупредительностью, что Евгенія за два, за три дня, привыкла къ его лицу и перестала его бояться.

Иванъ Леонтьевичъ — геніальный пройдоха и пройдоха — сразу почуялъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ лицѣ племянницы Трубецкаго, у котораго, онъ зналъ, никогда никакой не бывало.

Однажды, оставшись наединѣ случайно, такъ какъ князь вышелъ въ другую горницу, Иванъ Леонтьевичъ въ одну минуту времени съумѣлъ вполнѣ расположить Евгенію Степановну въ свою пользу и пригласить ее къ себѣ, чтобы познакомиться съ его женой и дочерью.

— Сдѣлайте мнѣ сію великую честь, Евгенія Степановна, заявилъ чиновникъ. — Осчастливьте!

И на другой же день Евгенія Степановна отправилась въ гости.

Жена чиновника оказалась полуживымъ, толстымъ и какъ бы вѣчно спящимъ существомъ. Дочь—живой портретъ отца — смотрѣла тоже волченкомъ и дичилась гостьи до-нельзя.

Просидѣвъ и пробесѣдовавъ съ Иваномъ Леонтьевичемъ около часу, Евгенія намекнула, что у нея есть

маленькое дѣльце или забота, но только очень щекотливое, мудреное, такое, про которое говорить никому нельзя.

Иванъ Леонтьевичъ отнесся къ этому заявленію съ такою лаской, любовью, предупредительностью и при этомъ съ такимъ восторгомъ, какъ если бы это дѣльце касалось прямо его семьи или было его собственное сердечное дѣло.

И на другой же день, снова приглашенная имъ, Евгенія Степановна сидѣла уже не въ гостиной, а въ другой горницѣ, гдѣ стоялъ большой письменный столъ, заваленный всякими бумагами изъ того присутственнаго мѣста, куда Иванъ Леонтьевичъ былъ недавно переведенъ и гдѣ былъ уже не послѣдней спицей въ колесницѣ. И здѣсь произошло сразу откровенное объясненіе между стрекулистомъ-пройдохой и молодою, неопытною, но дерзко-рѣшительною дѣвушкой.

Иванъ Леонтьевичъ много народу перевидалъ въ свою жизнь, узнавалъ людей быстро, опредѣлялъ ихъ тотчасъ же—и уже узнавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, обращался со всякимъ человѣкомъ такъ, какъ музыкантъ со своимъ инструментомъ. Онъ самъ говорилъ, что на всякомъ человѣкѣ можетъ разыграть всякую музыку, какую только желаетъ.

— Скрипка-ли мнѣ попадется, труба-ли, барабанъ-ли— все одно, смѣялся Иванъ Леонтьевичъ. — Я на всякомъ разыграю, что́ угодно. Даже молоточками по стеклышкамъ умѣю стукать! А есть такіе люди которые — прямо стеклышки! Не то чтобы звукъ у нихъ былъ какой, а такъ какая-то жалобная и горемычная пискотня. Это тѣ, знаете-ли, которыхъ суды засудили!

Дѣло, съ которымъ обратилась Евгенія къ чиновнику, было, дѣйствительно, и мудреное и щекотливое, которое конечно приходилось скрывать. По странной случайности или по волѣ судьбы, дѣвушка напала именно на того человѣка, который былъ тутъ нуженъ.

Иванъ Леонтьевичъ былъ именно чиновникъ-стрекулистъ, именно судейская піявка, ябедникъ и крючкотворъ и, разумѣется, Іуда до мозга костей. Поручить ему какое-либо простое и законное дѣло было бы пожалуй и невыгодно. Но поручить ему тяжбу, ябеду и все то, гдѣ необходимо сутяжничество, капканство и стрекулистскіе подвохи—на это онъ былъ единственный человѣкъ на всю губернію. Не даромъ онъ быстро шелъ въ гору!

Прежде всего Евгенія пожелала узнать отъ Ивана Леонтьевича, въ какомъ положеніи находится съ точки зрѣнія законовъ, Егоръ Миловановъ и его жена, бывшая княжна и дворянка.

На это Иванъ Леонтьевичъ отвѣчалъ, что положеніе Прасковьи Андреевны Миловановой въ полномъ смыслѣ слова „сумнительное“, шаткое и валкое. А положеніе ея мужа — прежнее. Какой онъ былъ крѣпостной, такой и остался. Теперь крѣпостной жены своей, или же ничей. Это смотря потому, какъ разсудитъ сенатъ и государь императоръ. А когда Березополье, покупаемое теперь княземъ, будетъ ему принадлежать, то Егоръ Миловановъ, вмѣстѣ со своей женой и будущими дѣтками, будутъ просто крѣпостными князя Ильи Петровича.

— Да такъ-ли это? воскликнула Евгенія, и яркій, алый румянецъ запылалъ на ея лицѣ.

И этимъ восклицаньемъ, и этимъ румянымъ лицомъ все сразу объяснила она стрекулисту. Онъ видѣлъ и зналъ, отгадывалъ впередъ и ожидалъ бо́льшаго, чѣмъ сама она.

Бесѣды и совѣщанія между Евгеніей и чиновникомъ продолжались всякій день, вслѣдствіе того, что Иванъ Леонтьевичъ взялъ на себя нѣкоторое дѣло, за успѣхъ котораго онъ вполнѣ ручался, если только Евгенія Степановна будетъ слѣдовать его совѣтамъ. Дѣло это было пустое и заключалось въ томъ, чтобы невиннымъ образомъ обмануть князя Илью Петровича и Макара Макаровича.

При покупкѣ Березополья князь долженъ былъ, въ силу стародавняго обычая и по соглашенію съ сестрицей, отпустить на волю и дать отпускную нѣкоторымъ московскимъ служителямъ ея отца, въ количествѣ тридцати слишкомъ человѣкъ. А въ числѣ прочихъ былъ и одинъ дворовый столяръ съ матерью-старухой.

Задача стрекулиста, чтобы услужить Евгеніи Степановнѣ за условленное большое вознагражденіе, заключалась лишь въ томъ, чтобы этотъ дворовый со своей матерью остались крѣпостными. Какъ это сдѣлать, какъ обмануть князя и дѣловитаго, осторожнаго Макара Макаровича, стрекулистъ еще не надумался, но все-таки обѣщалъ.

И вотъ за этимъ изрѣдка ѣздила Евгенія въ домикъ съ палисадникомъ и, возвращаясь оттуда въ гостиницу, давала на чай кучеру, строго наказывая никому не говорить объ ея визитахъ.

Однажды Иванъ Леонтьевичъ явился къ князю и, не заставъ его дома, спросилъ барышню. „Барышня“ тотчасъ приняла чиновника.

Иванъ Леонтьевичъ заявилъ ей, что дѣло ея уладится отлично, неожиданно хорошо...

— Но изволите видѣть, достопочтенная Евгенія Степановна, прибавилъ стрекулистъ тревожно, — я опасаюсь что мы не вполнѣ понимаемъ другъ дружку, такъ какъ вы не изволите знать законовъ. Извѣстно-ли вамъ что владѣтель душъ крѣпостныхъ, можетъ всегда, когда захочетъ, любую душонку, женску и младенческу, а тѣмъ паче мужеску — освободить на волю, давши отпускную.

— Я это знаю, Иванъ Леонтьевичъ! удивилась Евгенія.

— Слѣдовательно знаете, что князь можетъ и послѣ, какъ только вздумается ему, отпустить и столяра сего...

— Знаю... Но это ужь мое дѣло...

— Ахъ, ваше-съ... Такъ-съ! Простите...

— Лишь бы теперь оно не случилось, а послѣ, тамъ, въ Березопольѣ, чрезъ нѣсколько дней... я уже отвѣчаю... Въ моей власти все будетъ!

— Такъ-съ.. усмѣхнулся чиновникъ громаднымъ ртомъ. — И самъ Илья Петровичъ въ числѣ прочаго?

Евгенія разсмѣялась и не отвѣтила.

— Позвольте поцѣловать драгоцѣнную ручку! воскликнулъ Иванъ Леонтьевичъ восторженно.

XVIII.

Прошелъ мѣсяцъ. Князь Илья Петровичъ уже давно вернулся изъ Рязани и поселился на жительство въ своемъ собственномъ имѣніи — Березопольѣ.

Всѣ формальности были исполнены. Довѣреннымъ лицомъ для продажи вотчины отъ имени владѣлицы Березополья былъ Макаръ Макаровичъ. Одно время возникало затрудненіе, какъ именовать продающую сторону. Нарочный, посланный въ Москву, выправилъ документъ, въ которомъ владѣлица значилась просто Прасковьей Андреевной, по мужу Миловановой. Довѣренность Трубецкому, присланная изъ Италіи и засвидѣтельствованная въ русскомъ посольствѣ, точно такъ же не упоминала къ какому сословію принадлежитъ довѣрительница.

Во всемъ дѣлѣ продажи и покупки были точно выполнены законы, и только въ одномъ случаѣ переходъ имѣнія въ руки князя могъ бы оказаться сомнительнымъ, если бы бракъ бывшей княжны Березопольской могъ быть объявленъ недѣйствительнымъ.

Впрочемъ, со стороны двоюродной сестры князь не могъ ничего опасаться.

Только одна маленькая неточность произошла при совершеніи купчей, которую упустили изъ виду и не досмотрѣли ни князь, ни Трубецкой. Но ошибка эта казалась имъ маловажною.

Баядера. Съ карт. Н. Зихеля, грав. Девисъ.

При совершенiи купчей были отпущены по обычаю на волю до тридцати человѣкъ заслуженныхъ дворовыхъ, и каждому была дана отдѣльная именная вольная. Между прочими людьми оказался отпущеннымъ и свободнымъ человѣкомъ тотъ, который и не просилъ объ этомъ, не помышлялъ, да которому и жить осталось на свѣтѣ быть-можетъ лишь нѣсколько дней.

Это былъ нѣкто Сергѣй Миловановъ.

Уже вернувшись въ Березополье, и князь, и Макаръ Макаровичъ, при раздачѣ отпускныхъ, ахнули оба. Въ первую минуту они подумали, что такъ какъ Сергѣя Милованова вовсе не существуетъ въ Березопольѣ, то имя—*Сергѣй*—было ошибкой и слѣдовало поставить: *Егоръ*.

Такимъ образомъ одинъ изъ главныхъ поводовъ продажи имѣнiя былъ какъ-то странно и какъ бы умышленно обойденъ. Подозрѣвать рязанскихъ чиновниковъ не было, конечно, никакого основанiя, такъ какъ была простая лишь ошибка въ имени.

Но однако черезъ сутки дѣло вышло хуже: оказалось, что Сергѣй Миловановъ давнымъ-давно существуетъ въ Березопольѣ и всѣ его знаютъ хорошо. Тотъ же Макаръ Макаровичъ знаетъ его уже пятнадцать лѣтъ. Носитель этого имени и фамилiи не кто иной, какъ старикъ по прозвищу Азовскiй.

Какъ произошла вся путаница,—конечно, ни князь, ни Трубецкой понять теперь не могли. Что касается до разныхъ подьячихъ рязанскихъ, то имъ, разумѣется, не было никакого повода перепутать такъ, чтобы столѣтнiй старикъ очутился на волѣ, а мужъ бывшей княжны — оставался крѣпостнымъ.

Такъ какъ бѣды въ этомъ особенной никакой не было и князь сохранялъ право всегда дать волю Егору Милованову, то, посмѣявшись надъ этимъ страннымъ приключенiемъ, и князь, и Макаръ Макаровичъ порѣшили дѣло такъ и оставить. Когда прiѣдутъ изъ чужихъ краевъ супруги Миловановы, то Егоръ и получитъ отъ князя отпускную.

Илья Петровичъ даже собирался было тотчасъ же написать эту отпускную и выслать ее въ Италiю, но нашлась личность, которая отсовѣтовала дѣлать это, объясняя, что Милованову эта отпускная за границей совсѣмъ не нужна. Тамъ онъ живетъ по документу, выданному ему съ женой въ Москвѣ.

Этого было достаточно. Все, что говорила эта личность, было теперь для князя Ильи Петровича закономъ.

Съ тѣхъ поръ, что онъ съѣздилъ въ Рязань и вернулся, во всемъ окружающемъ было мало перемѣнъ. Все шло и пошло по старому, но только въ одномъ отношенiи много, какъ говорится, воды утекло.

Князь Илья Петровичъ, освободившiй тридцать человѣкъ на волю, самъ сталъ чуть не крѣпостнымъ, а нравственно былъ положительно рабомъ. Онъ и тѣломъ, и душой, и всякимъ помысломъ своимъ, каждымъ бiенiемъ сердца принадлежалъ не себѣ самому, а другому существу.

Исполнялось предсказанiе покойнаго князя Андрея Ивановича. Племянникъ его, „троякiй якъ“, былъ въ полной зависимости и подъ властью несокрушимою той первой женщины, которую полюбилъ.

Изъ Березополья въ Рязань выѣхала дѣвушка „Евденья“, умная, ласковая, шустрая, вострая на языкъ, но болѣе или менѣе скромная и тихая. Вернулась изъ Рязани въ Березополье „Евгенiя Степановна“, смѣлая, не громко, но твердо совѣтующая, мягко и какъ бы невидимо повелѣвающая.

Власть Евгенiи надъ княземъ сказывалась такъ странно, такъ подспудно, или тайно, что не только березопольцы, но даже Макаръ Макаровичъ не догадывался откуда происходитъ нѣкоторая перемѣна въ Ильѣ Петровичѣ, въ его характерѣ.

Князь сталъ другимъ человѣкомъ, менѣе добрымъ и снисходительнымъ, чѣмъ прежде. Распоряженiя его бывали хотя не очень строги, но гораздо строже, чѣмъ бывали прежде. Даже въ нѣкоторыхъ привычкахъ своихъ перемѣнился князь Илья Петровичъ.

Долго обыватели Березополья и управляющiй вотчиной не догадывались, откуда проистекаетъ новая твердая и упорная власть надъ ними.

Конечно, Макару Макаровичу могло бы придти на умъ, что Евгенiя забрала въ руки князя, но никакихъ поводовъ или доказательствъ не было, чтобы это предполагать.

Тихая, скромная, задумчивая, ласковая Евгенiя Степановна, казалось, воды не замутитъ. А между тѣмъ прежнiй добродушный баринъ-помѣщикъ, еще недавно распустившiй все въ Прачешномъ до-нельзя, теперь подобралъ въ ежовыя рукавицы все Березополье. Распоряженiя его и наказанiя были таковы, отъ какихъ уже давнымъ-давно отвыкли березопольцы.

Однако строгая, невидимая рука была отгадана всѣми послѣ трехъ случаевъ.

Одинъ наивный парень изъ ткацкаго корпуса, въ воскресенье, подъ пьяную руку, обидѣлъ Евгенiю Степановну въ саду. Подошелъ, обнялъ и чмокнулъ. Подобное случалось и прежде, когда сирота Евгенiя жила въ надворномъ строенiи.

На другой же день, князь Илья Петровичъ, переминаясь съ ноги на ногу, кисло распуская губы, учащенно мигая и дряблымъ голосомъ заявилъ Макару Макаровичу, чтобы этого малаго тотчасъ же свезти въ въ городъ и сдать въ солдаты.

Трубецкой ахнулъ и даже тотчасъ же сѣлъ на ближайшiй стулъ.

— Не такое же это дѣло, помилуй Богъ! Ну, обидѣлъ, былъ не трезвъ... Но какъ же за это идти подъ солдатскую лямку на двадцать-пять лѣтъ?

Князь согласился, что дѣйствительно мѣра черезчуръ строгая, и они порѣшили, что малаго можно просто хорошенько высѣчь и засадить на хлѣбъ и воду въ чуланъ. А затѣмъ, когда Макаръ Макаровичъ былъ у себя во флигелѣ и радовался, что не крѣпокъ и не дологъ порывъ гнѣва въ такомъ добродушномъ человѣкѣ, какъ князь, онъ получилъ съ посланнымъ письменное подтвержденiе перваго приказанiя: сдать ткача тотчасъ въ солдаты.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сдачи, одна изъ горничныхъ, прислуживавшихъ въ барскомъ домѣ, совершенно неизвѣстно за что̀, была послана въ сосѣднюю вотчину—Прачешное—на скотный дворъ, съ приказанiемъ держать ее какъ можно строже. И никто не зналъ причины наказанiя. Сама женщина не знала.

И уже сосланная, она вспомнила, что ей случилось разъ вечеромъ поболтать съ другой горничной и разсказывать, какъ Евгенiя была „влѣпившись“ въ Егора Милованова, какъ хворала и чуть не померла, когда объявилось, что Егоръ женится на Прасковьѣ Андреевнѣ.

Наконецъ одному красивому парню, который часто прiѣзжалъ изъ сосѣдняго городка въ качествѣ приказчика, поставщика всякой всячины для хозяйства, было строжайше запрещено являться въ Березополье. Ужь пять лѣтъ приказчикъ прiѣзжалъ, привозилъ товаръ, получалъ разсчеты и вообще былъ посредникомъ между купцомъ-лавочникомъ и управителемъ. И Макаръ Макаровичъ его любилъ.

Недавно парень былъ очень неравнодушенъ къ дворовой дѣвушкѣ Евгенiи, но теперь, съ тѣхъ поръ что она жила въ барскомъ домѣ и всѣмъ было извѣстно на какомъ она положенiи, приказчикъ только издали кланялся Евгенiи Степановнѣ. Кланялся онъ почтительно, изрѣдка только заглядывая ей въ лицо и ухмыляясь не то поздравляя съ новымъ положенiемъ, не то подсмѣиваясь.

(Продолженiе будетъ).

Русскій полонянникъ.

Историческій разсказъ

П. Н. Полеваго.

I.

Дворянинъ Лукьянъ Ивановичъ Мясновъ и товарищъ его, подьячій Θеодоръ Постниковъ, отправленные царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ въ посольство къ кесарю Римскому Матθею—справивъ службу царскую, возвращались изъ Цесарской земли въ отечество. Прибывъ въ городъ Гамбургъ, они стали наводить справки о торговыхъ нѣмецкихъ и голландскихъ корабляхъ, собиравшихся плыть на Сѣверъ, въ далекое, непривѣтное, Бѣлое море. Оказалось, что пойдутъ въ Бѣлое море три корабля; но пойдутъ не скоро:—дней пять они будутъ оснащиваться, да съ недѣлю грузиться; за то ужь прямо доставятъ государевыхъ людей въ самый Архангельскій городъ, и возьмутъ не дорого. Дѣлать нечего—приходилось ждать поневолѣ...

Это ожиданіе тѣмъ болѣе было тягостно для Мяснова и Постникова и для всѣхъ ихъ людей и спутниковъ, что они уже почти два года мыкались на чужбинѣ, то переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, то справляя свое посольское дѣло, которое требовало постояннаго напряженія, постоянныхъ заботъ и хлопотъ. Почти два года питались они нѣмецкой стрянней, неподходившей къ потребностямъ русскаго желудка; вынуждены были пить кисленькое винцо, вмѣсто русскаго кваса, и обходиться безъ ржанаго хлѣба. Почти два года — страшно и вымолвить! — не причащались, не исповѣдывались, въ церкви не маливались, да и посты-то соблюдали съ грѣхомъ пополамъ. „Корой обросли“, какъ выражался Лукьянъ Ивановичъ, „потому русскому человѣку, въ банѣ не парившись, совсѣмъ жить на свѣтѣ невозможно“. И вотъ тутъ, когда ужь и дѣло покончили, и къ морю, сквозь всю Нѣмечину прошли, когда ужь душа по „матушкѣ Русіи великой“ такъ встосковалась, что вотъ бы только на корабль ступить да ѣхать скорѣе — тутъ вдругъ: „подожди!“... Сиди у моря да жди погоды!...

И вотъ пошли русскіе люди сокрушаться да жаловаться. Сидятъ подъ окномъ, сложа руки, скулятъ, какъ собаки въ сѣняхъ на морозѣ; жалуются да негодуютъ на невзгоды дальняго странствія, гнѣвятъ Господа Бога своимъ безумнымъ ропотомъ... Не знаютъ, со скуки, какъ и на чемъ сорвать свое сердце и клянутъ тотъ несмолкаемый шумъ, то кипучее движеніе богатаго торговаго города, которые въ весеннее время, передъ открытіемъ навигаціи, не смолкаютъ, не затихаютъ ни днемъ, ни ночью. У одного, отъ этого шума голова трещитъ; другому—онъ спать не даетъ; третьему нѣмецъ такъ опротивѣлъ своею суетней да муравьинымъ трудомъ, что на него и въ окно-то смотрѣть тошно... Ну, однимъ словомъ, всѣ такъ растосковались да расхныкались, такія развели жалобныя пѣсни, къ какимъ бываетъ способенъ только русскій человѣкъ, избалованный удачей и счастьемъ, домашнимъ покоемъ и привольемъ.

— Господи Боже! ноетъ одинъ.—Да будетъ-ли этому конецъ? Сколько шатались по чужбинѣ,—а тутъ и еще таки жди да сиди!

— Ужь хоть бы одинъ конецъ! А то всю душу чужбина-то эта постылая вымотала!.. Кажись, хуже этой напасти, какъ вотъ теперешняя—и не бывало съ нами!

— Да это—если бы къ примѣру—еще недѣли три такъ заставили сидѣть здѣсь сложа руки въ этомъ Амборхѣ проклятомъ, такъ, кажись, въ тюрьмѣ бы лучше...

— Голову объ стѣну отъ тоски разбить можно—вотъ оно каково!...

Какъ разъ въ этомъ патетическомъ мѣстѣ сокрушеній, дверь отворилась и одинъ изъ слугъ доложилъ „его милости“ Лукьяну Ивановичу, что къ нему пришелъ русскій полонянникъ и слезно молитъ „его свѣтлыхъ очей видѣть“.

— Полонянникъ? Русскій? спохватился Лукьянъ Ивановичъ.—Да откуда онъ здѣсь взялся?

— Говоритъ, что ужь девятый годъ пошелъ его полону, какъ его татары на Руси полонили... А самъ такъ и разливается—плачетъ...

— Татары полонили? Видно въ Турскую землю его и продали?.. И онъ—оттуда... Зови его сюда скорѣе!

И Лукьянъ Ивановичъ, простой и добродушный русакъ, разомъ встрепенулся и ожилъ, въ виду возможности помочь чужому горю. Оживились и всѣ его спутники, ожидая увидѣть новаго человѣка, услышать изъ устъ его разсказъ о его похожденіяхъ.. Забытъ былъ и ропотъ, и жалобныя пени,—и тоску сразу какъ рукой сняло.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, высокій и статный, сухаго, но чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Густые темнорусые волосы длинными, мягкими прядями спадали съ головы его почти на самыя плеча. Лицо, почернѣвшее отъ загара и пыли, во время долгаго и тяжелаго пути, носило на себѣ слѣды страшнаго изнуренія. Пыльныя и грязныя лохмотья—жалкіе остатки какой-то безъимянной, не то нѣмецкой, не то турецкой одежды—прикрывали могучее тѣло бездомнаго скитальца, а на босыя ноги его, распухшія и растрескавшіяся, страшно было и взглянуть непривычному человѣку. Но въ голубыхъ, умныхъ и добрыхъ глазахъ пришельца яркимъ, неугасимымъ пламенемъ горѣла несокрушимая твердость духа и сила воли.

Какъ онъ вошелъ въ комнату, такъ и бухнулъ въ землю передъ Лукьяномъ Ивановичемъ, то кланяясь ему въ ноги, то обхватывая его колѣна.

— Господинъ посолъ! шепталъ онъ едва слышно. — Спаси!.. Заставь за себя Богу молиться... Не дай, какъ псу, помереть безъ покаянія на чужбинѣ... Три дня и три ночи я шелъ пѣшкомъ, не присаживаясь, глазъ не смыкая, чтобы тебя здѣсь застать!.. Зналъ, что ты меня не погубишь, не покинешь...

— Да что̀ ты? Что ты—полно! Вставай, объявляй свою нужду!—утѣшалъ его Лукьянъ Ивановичъ, котораго тѣмъ временемъ обступили его спутники. — Вставай —разскажи все толкомъ: откуда ты теперь идешь, и какъ въ полонъ попалъ?

— Не встану, господинъ посолъ! Спаси, дай способъ опять на Русь святую попасть... А то ужь не видѣть мнѣ солнца краснаго...

— Да полно! полно! Возьмемъ тебя—не покинемъ здѣсь! заговорили одновременно всѣ спутники Мяснова.

— Не покинете! возьмете!.. воскликнулъ полонянникъ, всѣмъ кланяясь въ ноги.—Господи! Девять лѣтъ я только тѣмъ и живу, что въ Бога вѣрю и въ Его святую волю! Вѣрю, что не забылъ Онъ меня, что выведетъ изъ бусурманщины на Русь православную... что не дастъ мнѣ погинуть...

И онъ не могъ продолжать: рыданья душили его.. Онъ закрылъ лицо руками и плакалъ какъ ребенокъ. Наконецъ, коекакъ, общими силами, несчастнаго успокоили, ободрили, приласкали; разыскали ему и бѣлье, и одежду. Каждый тащилъ ему свое: кто шапку, кто рубаху, кто кафтанишко. Даже скупой Θеодоръ Постниковъ выискалъ ему въ своей коробьѣ преизрядный терликъ. Только обуви для полонянника никакой подыскать не могли: его ноги были такъ раздуты и изранены, что никакіе сапоги на нихъ бы не влѣзли... Но такъ какъ этотъ Божій гость возбудилъ къ себѣ во всѣхъ общее состраданіе и участіе, то и ногами его занялись преусердно, и о нихъ позаботились. Царскій цѣловальникъ [1]), степенный московскій купецъ, и царскій собольщикъ—вмѣстѣ обмывали ноги полонянника, смазывали его раны какимъ-то травянымъ снадобьемъ и бережно ихъ перевязывали.

И вотъ, часа два спустя послѣ прихода на посольскій дворъ, полонянникъ, обмытый, расчесанный, подстриженный и пріодѣтый въ чистое платье, сытый, довольный и счастливый, сидѣлъ на коврѣ въ пріемной комнатѣ Лукьяна Ивановича, окруженный всѣми его спутниками и служней... Онъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что видѣлъ кругомъ себя родныя лица, слышалъ родную рѣчь, ощущалъ на себѣ добрые, ласковые взгляды, которые смотрѣли на него съ участіемъ и вниманіемъ, ожидая услышать изъ устъ его дивную повѣсть его похожденій и странствованій. Здѣсь, даже и на чужбинѣ, онъ уже предвкушалъ то счастье, которое даетъ каждому изъ насъ только родина! И вотъ, оживленный, проникнутый сознаніемъ своего счастья, онъ уже могъ спокойно оглянуться на свое страшное прошлое и спокойно началъ свой разсказъ.

II.

„Родомъ я изъ-подъ Курска, такъ началъ онъ,—и зовутъ меня по крещенью Григорьемъ, а по отцу-то Харламовымъ. Слобода наша тянется на три версты по Муравскому шляху [2])—разсыпаны бѣлыя хатинки по косогорамъ да по яругамъ, а между тѣхъ косогоровъ, по мягкому, зеленому лугу, что жемчугъ скатный по бархату, вьется ручей серебристою лентой, и къ ручью, словно змѣйки, сбѣгаютъ яругами, пѣнясь и журча, ключи-студенцы. Вѣрите-ли—въ вѣкъ не пивалъ ни слаще, ни чище той воды, что въ этихъ ключахъ... Бывало наклонишься къ ней въ жаркій день, да губами прильнешь къ струѣ—и тянешь, и тянешь, и даже отстать не охота! Тянешь и слушаешь, какъ студенецъ-то журчитъ и кипитъ, изъ-подъ земли вырывается. А какъ напьешься до-сыта, да встанешь потомъ на рѣзвыя ноги—кажется: силы-то, силы въ тебѣ что̀ прибавилось!

Вся слобода наша сплошь—народъ служилый, строевой. Въ двухъ верстахъ поюжнѣе отъ насъ, пролегаютъ валы да засѣки, на которыхъ мы несемъ службу—сторожимъ святую Русь отъ налета лютаго врага, Крымца-татарина. И отъ тѣхъ засѣкъ и валовъ, верстъ на тридцать еще, а то на полсотни, рыщутъ по степи наши разъѣзды, и чуть что увидятъ недоброе, скачутъ къ вышкамъ—мигомъ зажгутъ на тѣхъ вышкахъ солому да хворостъ — и всѣхъ тревогой поднимутъ на ноги. Такъ и живемъ: пашемъ—а сабли на поясѣ; косимъ—а мушкеты у насъ заряжены, составлены въ козлы, кони осѣдланы, привязаны къ копьямъ; послѣ работы, спать полегли—а сторожъ ѣздитъ дозоромъ, степь глазомъ окидываетъ... Тревожно живемъ; а при-

[1]) Цѣловальникъ—т. е. присяжный купецъ, который при посольствѣ посылался съ царской казной.—Собольщикъ—оцѣнщикъ, который опредѣлялъ цѣну соболей, отправляемыхъ за границу съ посольствомъ.

[2]) *Шляхъ*—дорога проѣзжая. *Муравскій шляхъ*—дорога, пролегавшая изъ южныхъ степей и Крыма на Сѣверъ Руси.

Цвѣты на пиръ. Рис. Ганцогъ, грав. Кирмзе.

Бой турухтановъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

вольно, богато и весело: ни съ кѣмъ-то свое то житье не смѣняемъ...

Отцы наши при Борисѣ-царѣ это мѣсто избрали, облюбовали и поселились на немъ, а мы ужъ и церковку надъ ихъ могилками построили презнрядную, и благолѣпно украсили ее иконами, ризами, всякою утварью; книги священныя самъ патріархъ Филаретъ въ даръ намъ прислалъ...

Былъ и я у себя въ слободѣ не послѣдній—крѣпокъ, силенъ, почти выросъ на конѣ; саблей, копьемъ-ли, мушкетомъ-ли — всѣмъ могъ управиться. Въ степь сталъ съ разъѣздами ѣздить, какъ еще на усахъ-то и пуху не было... Чуть гдѣ поопаснѣе, гдѣ удаль да сметка нужна — всё: „Гриша“ да „Гриша“... Вотъ я и зачванился: думалъ, нѣтъ мнѣ и равнаго! Первый въ ночную засаду иду; одинъ-на-одинъ выхожу на татарина... Много ихъ загубилъ!.. Двоихъ однажды привелъ на арканѣ въ самую слободу!.. Да гдѣ ужъ — всего не припомнишь!

Какъ вошелъ я въ лѣта, говоритъ мнѣ какъ-то покойникъ-отецъ:

— Пора-бы жениться тебѣ, молодецъ! Полно гулять да полевать. Угомонись, да заведись домкомъ... Вонъ, чего тебѣ лучше?—сосѣдка, вдова молодая, Аѳониха? Кровь съ молокомъ, работница-баба—да есть и достатокъ. Пойдетъ за тебя...

— Знаю я, что пойдетъ! И такъ глазъ не сводитъ съ меня. Да она мнѣ не по-сердцу. Есть на примѣтѣ другая...

— Ужь не попова-ли племянница? Той не бывать за тобой... Не гонись! Тѣ—богатаго ищутъ...

— Богатаго? я говорю.—Что-жь? Будемъ богаты — а Марья отъ насъ не уйдетъ... Марья насъ подождетъ.

— Что-жь ты? Кладъ, что-ли, намѣтилъ въ степи, въ заклятомъ курганѣ, подъ каменной бабой, али душу задумалъ чорту продать? Я, вѣкъ трудившись, не нажилъ богатства; а ты такъ сразу голой рукою жаръ хочешь загресть?

— Нѣтъ! Клада-то я не намѣтилъ, и душу чорту не продалъ, а слышалъ, что нынче весною сбираются съ Дону добрые молодцы въ Крымъ, за тулупами [1]), такъ вотъ и я хочу съ ними удаль попробовать, плечо поразмять...

— Грабить сбираешься?.. Кровь проливать?.. Грабежный прибытокъ—не въ прокъ... Смотри, берегись!

— Кровь бусурманскую лить не грѣшно! Они вонъ, собаки, пьютъ нашу кровь, грабятъ добро наше!.. Ну, и мы на ихъ счетъ поживимся!

— Ну, Григорій! Дѣлай, какъ знаешь... Только такъ ты и помни: нѣтъ тебѣ на то моего благословенія!

Я со старикомъ не спорилъ... А мѣсяцъ спустя, онъ вдругъ захворалъ, покряхтѣлъ, постоналъ сутки двои на лавкѣ — да Богу душу и отдалъ... И-и-и! загрустилъ, встосковался я безъ моего старика—свѣта не взвидѣлъ. Тутъ пришла весна-красная, я съ Марьей простился, сказалъ ей: „жди меня!“—да на Донъ и махнулъ.

А ужъ Донъ-то весь какъ варомъ парилъ: собирались ватаги удалыхъ, строили челны, запасы копили, сабли точили, парусы правили, въ круги собирались, сговаривались... И чуть только Донъ и Донецъ вскрылись и вздулись отъ вешнихъ снѣговъ, спустили и мы всѣ бусы [2]), и слѣдомъ за льдомъ съ пѣснями двинулись къ морю. Поплыло насъ тысячъ до трехъ—молодецъ къ молодцу на подборъ! Каждый могъ за троихъ постоять! Приплыли къ Святымъ Бѣлымъ горамъ, къ Успенской обители—вкладъ богатый инокамъ дали, пѣли молебны, освятили оружіе, окропили Святою водою суда, со слезами простились съ красотою тѣхъ мѣстъ несказанной, и поплыли дальше. Темною, бурною ночью проплыли мы, тайкомъ, подъ самымъ Азовомъ—выбрались гирлами въ море, на широкій вольный просторъ, расправили парусá—и бусы наши, словно лебеди бѣлыя, полетѣли по синему морю.

И привалило-жь намъ счастье, на первыхъ порахъ! Два корабля турецкихъ врасплохъ захватили, сожгли, потопили; шесть фелукъ съ товаромъ, съ запасомъ—пограбили; восемь мѣстечекъ прибрежныхъ съ землей сравняли, не оставили въ нихъ бусурманъ и на-сѣмена, и поплыли къ самой узмени, что у выхода въ Черное море.

Вдругъ видимъ: съ моря идутъ намъ навстрѣчу восемь большихъ кораблей, да всѣ съ тяжелымъ нарядомъ! Мы отъ нихъ на-утёкъ, а они за нами въ погоню, и давай по насъ бить изо всѣхъ пушекъ... Такъ и топятъ бусы — въ щепы разбиваютъ; покрылось все море Донцами: кто еще плыветъ, кто на помощь зоветъ, кто ко дну идетъ. Рванулись мы къ берегу, встащили суда, залегли за нихъ, ждемъ, что турки съ судовъ сойдутъ на берегъ—въ честной бой съ нами вступятъ... Не тутъ-то было! Врагъ-то у насъ за спиной оказался! Слышимъ — несется на насъ татарва некрещеная, сила несмѣтная... Сбились мы въ кучу, кое-какъ окопались—да сутокъ четверо бились на смерть, пока зелья хватило и гороху свинцоваго. А какъ вышелъ запасъ — мы другъ-другу въ грѣхахъ исповѣдались, братски простились и всѣ поклялись умереть а не сдаваться врагамъ. Слово сдержали. Грудью встрѣтили мы натискъ; рѣзались съ самаго ранняго утра далеко за полночь—издыхали отъ жажды... Рѣзались въ лужахъ крови своей и татарской; какъ змѣи сплетались съ врагомъ, разрывая, терзая его зубами, какъ дикіе звѣри... И сила татарская насъ раздавила! Всѣ мы полегли до единаго—всѣхъ сосватала сабля вострая, уложила спать калена стрѣла. Не сдался я и живой бусурманамъ въ руки: оглушилъ меня какой-то батырь обухомъ по темени, а другой полоснулъ булатомъ поперекъ лица (рубецъ и теперь еще виденъ), и рухнулъ я какъ снопъ на землю—и свѣтъ вонъ изъ глазъ...

Сколько я такъ пролежалъ—самъ не знаю! Только и помню, что очнулся отъ холода... Головы приподнять не могу, ни рукой шевельнуть, ни очи открыть... Такъ и лежу—и трясусь, и вдругъ слышу, какъ воронъ степной закружилъ надо мною и спустился прямо мнѣ на голову... Думаю:

„Господи, Боже! заживо очи мнѣ выклюетъ птица проклятая!“

И вотъ я съ силой собрался, рванулся, тряхнулъ головою—и слышу воронъ слетѣлъ и закаркалъ. Я очи кое-какъ открылъ и вижу: лежу я, нагой, окровавленный, въ грудѣ другихъ тоже окровавленныхъ труповъ... Тучами носятся вôроны черные надъ грýдами тѣлъ, и клюютъ ихъ, терзаютъ, спѣшатъ свѣжинкой поживиться... И тотъ, что слетѣлъ съ моей головы, отлетѣлъ недалеко: чиститъ свой кровавый клювъ и смотритъ мнѣ въ очи, и ждетъ, терпѣливо ждетъ добычи. И дождался бы, если-бы Богъ не послалъ мнѣ на спасенье добрую душу... Видно, есть и межъ ними, собаками, добрыя души! Бабы-татарки пришли поглазѣть на поле битвы;—бродятъ межъ трупами, смотрятъ, ахаютъ, головами качаютъ... Я ихъ увидѣлъ—маню ихъ къ себѣ, кажу имъ на уста, чтобы мнѣ ихъ смочили хоть каплей воды... Онѣ было бросились прочь, врассыпную; но одна, видно одумалась, вернулась ко мнѣ, принесла мнѣ воды, напоила меня, лицо мнѣ обмыла, прикрыла меня чьей-то кровавою свиткой и ушла, приложивши палецъ къ устамъ. Подъ вечеръ пришла она снова ко мнѣ со своимъ старикомъ (мужъ-ли, отецъ-ли онъ ей—и досель не знаю!), взяли меня, положили на какой-то коверъ и снесли въ свою хату. Тамъ, въ клунѣ, меня на соломѣ они продержали безъ малаго мѣсяцъ: ходили за мною, поили, кормили, лѣчили, раны мои перевязывали—Богъ ихъ спаси за добрую душу!

Только я сталъ оправляться, только на ноги всталъ, къ старику съ молодицей татаркой явились какіе-то двое—начальники, что-ли?—и давай ихъ ругать, давай ихъ стыдить... Руками машутъ, кричатъ, кулаками грозятъ мнѣ! Взяли меня отъ хозяевъ, свели за деревню — въ цѣпи заковали и къ морю погнали съ полсотней другихъ полонянниковъ: русскихъ, поляковъ, литвы и евреевъ. Тамъ ужъ ждало насъ судно; насъ на него погрузили, какъ скотъ, приковали къ полу, къ стѣнамъ, въ темной, душной конурѣ... Судно снялось съ якоря и помчало насъ вдаль, по шумящимъ, синимъ волнамъ, къ Цареграду.

III.

Съ недѣлю носило и било насъ на морѣ. Чего натерпѣлись мы тамъ, чего насмотрѣлись — и сказать, такъ вы мнѣ не повѣрите! Шестеро пытки не выдержали — Богъ всѣхъ принялъ... Покоются косточки ихъ въ пучинѣ морской. Наконецъ, сталъ корабль. Отворили и нашу темную, смрадную келью... Сковали цѣпями попарно, наверхъ повели. Отъ яркаго свѣта, отъ чуднаго воздуха—я просто одурѣлъ; голова пошла кругомъ, словно съ похмѣлья; иду и качаюсь, какъ пьяный. А какъ къ свѣту привыкъ и воздухомъ-то надышался—взглянулъ я кругомъ—ужъ и глазъ оторвать не могъ отъ той неописанной красоты! Много я видалъ городовъ на вѣку на своемъ: видѣлъ Москву бѣлокаменную, видѣлъ Ливурну, Флоренскъ, Виницею, владычицу морскую, видѣлъ и Вѣйну, и Дрезню, и Любокъ, и Амборхъ... Да что они всѣ предъ Царьградомъ!

Море — какъ зеркало тамъ: такъ и замерло въ берегахъ; на морѣ лѣсомъ дремучимъ стоятъ корабли, имъ и конца не видно! Тысячи лодокъ и челновъ снуютъ между ними и взадъ и впередъ. А поверхъ того лѣса деревъ корабельныхъ высятся зубчатыя бѣлыя стѣны, съ башнями, дворцы, терема, и столпы островерхіе, и все это тонетъ въ зеленыхъ садахъ, да въ рощахъ купресовыхъ... Стою да любуюсь. А тутъ мой товарищъ мнѣ шепчетъ:

— Гляди-ко! Вонъ тамъ-то, на взгорьи, всѣхъ выше, храмъ-то громадный, съ круглымъ куполомъ — вѣдь это святая Софія!

— Гдѣ? Гдѣ? Покажи, Христа ради?

— Вонъ! Или не видишь? Они осквернили его, въ мечеть обратили, проклятые...

— Ну! Чего зазѣвались, собаки! рявкнулъ на насъ тотъ торговецъ, что вывезъ насъ изъ Крыма въ Царьградъ, дернулъ за цѣпь-то, да плетью обоихъ насъ и погналъ.

Согнали насъ на берегъ; въ какомъ-то дворѣ, за стѣнами, держали съ недѣлю, кормили, поили до-сыта, потомъ пообмыли, почистили, волосы всѣмъ намъ обрили, тѣло натерли масломъ пахучимъ и вывели какъ-то на рынокъ. Господи Боже! Ввѣкъ не забыть мнѣ того, что тамъ я увидѣлъ... Тысячи двѣ насъ пригнали туда — и кого только тутъ не было! Люди всякихъ цвѣтовъ, всякаго возраста, всякаго пола! Мужчины, женщины, дѣти... И народъ-то все молодой, на подборъ, крѣпкій, здоровый, красивый. Мужчины въ цѣпяхъ и ручныхъ и ножныхъ; иные въ ошейникахъ, словно псы на сворахъ, иные въ колодкахъ съ замками. Посажены всѣ кучами, и надъ каждою кучею турокъ съ длиннымъ бичемъ, либо черный, дюжій арапъ,

---

1) „Ходить за зипунами“—„ходить за тулупами“—такъ называли Донцы свои набѣги на Крымъ и на калмыковъ.

2) Бусы—большія рѣчныя суда. Ходили и по морю.

съ шестихвостною плеткой. Черные дьяволы, съ тѣми жъ плетьми, и бабъ стерегутъ съ ребятишками — а выводятъ ихъ напоказъ старушенки, дряхлыя, сгорбленныя, на видъ точно вѣдьмы съ Лысой горы. И сколько тамъ видѣлъ я красавицъ, сколько слезъ! Сколько стоновъ тамъ слышалъ, когда ихъ продавали, сестру отъ сестры разлучали, или мать отъ ребенка... Ну, да то-ли я видѣлъ потомъ!

Торгъ начался. Нахлынули турки, курды, персы, армяне, жиды. Всякій по себѣ товаръ выбираетъ: — смотритъ, велитъ повернуться, присѣсть, въ зубы заглянетъ, въ грудь кулакомъ постучитъ, руку согнетъ, опуститъ. Стоишь передъ нимъ, какъ болванъ деревянный... Достался я турку богатому, въ бѣлой чалмѣ — бородища сѣдая по поясъ; пестрымъ платкомъ опоясанъ сверхъ широкихъ штановъ, а за той опояской натыканъ всякій запасъ: пистоли, кинжалище, два ятагана. Облюбовалъ онъ меня, смѣрялъ ростъ, плеча; ощупалъ грудь, руки покоикалъ — и головой закачалъ, и языкомъ защелкалъ. Что хозяинъ спросилъ, то онъ сейчасъ и отсыпалъ, безъ торгу; а хозяинъ ему плеть въ руки даетъ, говоритъ:

— Ударь! Покажи свою власть надъ урусомъ.

Турокъ взглянулъ на него, плеть отбросилъ, вынулъ свой ятаганъ изъ ноженъ, да какъ взмахнетъ имъ надъ самой моей головой — такъ всѣ и ахнули! А я, руки сложилъ — да и смотрю ему въ очи: „будь, молъ, что будетъ!“

Турокъ зубы оскалилъ, вложилъ ятаганъ обратно въ ножны, потрепалъ меня по плечу и сказалъ по-татарски торговцу-хозяину:

— Зачѣмъ мнѣ надъ нимъ плеть, когда я и такъ въ его животѣ и въ смерти воленъ?

И повелъ меня за собою.

Какъ привелъ къ себѣ въ домъ, такъ велѣлъ снять съ меня оковы, и слуга изъ татаръ показалъ мнѣ, что̀ долженъ я дѣлать, и какъ угождать господину. Вымыли меня въ банѣ, чисто одѣли, дали мнѣ заступъ въ руки и указали въ саду работу. Работа пустая, а слугъ было много. Жилось хорошо и никто не тѣснилъ, не неволилъ. Кормили до-сыта; а вечеромъ, въ томъ же саду, гдѣ работалъ, бывало, стану я на колѣни, лицомъ обернусь на св. Софію, и долго молюсь, и поклоны кладу, и плачу вспоминая о Святой Руси. Думаю, хоть они тотъ святой храмъ и осквернили, и крестъ съ него сняли, а святыня въ немъ все же святыней осталась...

Такъ жилъ я долго у турка: пожалуй, съ полгода иль больше того — и всѣмъ былъ доволенъ, и онъ былъ мною доволенъ же. Сталъ я понимать по-турецки—и слышу, онъ, что ни день, по саду ходитъ, и хвалитъ работу мою, и ею любуется, я ко мнѣ подойдетъ, по плечу потреплетъ, и скажетъ, какъ-бы въ шутку:

— Хоть и песъ (гяуръ), и урусъ (русскій)—а хорошій, сильный работникъ!

И всѣмъ бы житье у него ничего, и привыкъ бы я, пожалуй, къ своей неволѣ, да Богъ мнѣ послалъ испытанье...

Въ томъ саду, гдѣ я работалъ, гуляли и жены хозяина-турка. Фатами закрыты до глазъ, закутаны легкою дымкой кисейной—выйдутъ вдали на крылечко, присядутъ, поджавши ноги, и пьютъ свое черное пойло—а дѣвушки (тоже невольницы) по цымбаламъ бьютъ, въ мусику играютъ, бубномъ вертятъ и пляшутъ. Я на нихъ и глазкомъ не взгляну: работаю, роюсь въ грядахъ, цвѣты поливаю, деревья подрѣзываю... Крупными каплями потъ со лба такъ и катится; ну, встряхнешься, лобъ утрешь рукавомъ да опять за работу. Вотъ и вижу я, что старшая надъ женами (ее звали Фатьма-Ханымъ) стала меня подзывать, мнѣ приказы давать, ко мнѣ подходить... Станетъ, и смотритъ, какъ я работаю—и долго стоитъ. Тамъ, смотрю ужь, мнѣ какъ-то сластей съ чернымъ слугою прислала; а тотъ мнѣ сласти принесъ на подносѣ, и шепчетъ по-своему:

— Такъ молъ и такъ! Поздравляю! Ты къ госпожѣ нашей въ милость попалъ! Будешь большимъ человѣкомъ — и меня не забудь!

Я на него посмотрѣлъ исподлобья, да ему наотрѣзъ и сказалъ:

— Отнеси эти сласти твоей госпожѣ... Скажи ей, что я далъ обѣтъ: ни плодовъ, ни сластей не вкушать, пока я въ неволѣ.

День-другой минулъ, сплю я въ саду, подъ навѣсомъ, послѣ полудня — умаялся!—вдругъ кто-то легонько меня за плечо. Я очи открылъ: вижу Ханымъ у меня подъ навѣсомъ. Я со страхомъ вскочилъ, поклонился ей, сказалъ:

— Что̀ угодно моей госпожѣ? Приказывай!

— А все-ли исполнишь, что̀ я прикажу?

Я поклонился ей и молча руками развелъ.

— Ну, говори же? Все-ли исполнишь? сказала она и топнула ножкой.

— Нѣтъ! не все... Противъ Бога и совѣсти не пойду.

Она оглянулась, повыше локтя ухватила меня за рукавъ (а руки-то стройныя, пухлыя, бѣлыя что сахаръ, и ногти у нея желтою вохрой покрашены), да и шепчетъ:

— Ты мнѣ по-сердцу пришелся... Понравился... ничего для тебя не пожалѣю... Хочешь? Вотъ тебѣ—на! Возьми...

Перстень сняла съ руки, мнѣ за пазуху суетъ, и все держитъ меня за рукавъ — а сама дрожитъ вся, такъ что сережки брекочутъ въ ушахъ.

Я отъ нея отшатнулся... Перстень упалъ на песокъ и покатился къ грядамъ. А я безъ оглядки—изъ сада бѣжать! Да сказался больнымъ, да два дня лежалъ, притаившись, у себя въ коморкѣ. Думаю: какъ мнѣ тутъ быть? Какъ бѣды избѣжать? а вижу—бѣда-то неминучая!..

Сталъ я опять работать въ саду—и ухо ужь востро̀ держу. Чуть завижу Ханымъ, сейчасъ заступъ взмахнулъ на плечо, да сторонкой, сторонкой, изъ саду вонъ. Вдругъ, слышу приказъ— явиться къ хозяину. Я тотчасъ явился. Хозяинъ, ноги подкорчивъ, сидитъ на мягкой подушкѣ, сосетъ трубку съ своимъ проклятымъ табачищемъ, и мнѣ такъ говоритъ:

— Я тобою доволенъ. Вижу, ты вѣрный слуга. Жди отъ меня всякой милости... Отнынѣ, будь ты мой старшій садовникъ, и дамъ тебѣ изъ невольниковъ, кого захочешь, въ подмогу; пусть они за тебя днемъ работаютъ, а ночью ты стереги садъ и спи на крылечкѣ у гарема. Видишь, какъ я тебѣ вѣрю! Будь же и ты мнѣ вѣренъ, урусъ, и всего жди хорошаго!

Замерло мое сердце... Чуетъ, что это все штуки Фатьмы-Ханымъ. Дѣлать нечего, сталъ я сторожить по ночамъ въ саду. Дали мнѣ шитую куртку, ипанчу съ кистями, поясъ и два ятагана. Лежу на ступенькѣ въ растяжку, или сижу и мурлыкаю пѣсенку и дивлюсь на царьградскія звѣзды.

Вдругъ слышу шорохъ: крадется кто-то ко мнѣ по крылечку, и коснулся меня... Вижу: *она* подошла ко мнѣ, оперлась на плечо и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Видишь теперь, какова моя власть надъ моимъ господиномъ? Что̀ прикажу ему, то онъ и сдѣлаетъ. Это я ему приказала, чтобы ты здѣсь сторожилъ... *Мнѣ* это такъ *нужно*.

Я молчу; сижу, какъ будто не слышу. А она все мнѣ шепчетъ:

— Захочу—подниму тебя и въ управители. Въ золотѣ будешь ходить... Посмотри на меня, чего ты боишься?—Вѣдь я хороша... не хуже твоихъ урусянокъ?

Я взглянулъ на нее—и вижу стоитъ она предо мною (фату откинула)—вся въ бѣломъ, облита свѣтомъ луны: черныя косы, какъ змѣи, скользятъ по плечамъ, а черныя очи блистаютъ какъ звѣзды.

Я отвернулся — молчу, а самъ про себя читаю потихоньку молитву: „не введи меня во искушеніе... Избави отъ лукаваго...“

А она, рядомъ присѣла ко мнѣ на ступеньку, шею мнѣ обвила рукой, и жмется ко мнѣ, и ластится—ну, словно кошка лукавая...

Я отъ нея вырвался, палъ передъ ней на колѣни, ударилъ челомъ ей въ сырую землю, говорю:

— Пощади ты меня, госпожа, коли точно ужь я тебѣ милъ! Не вводи меня во грѣхъ—не подводи подъ гнѣвъ господина.

А она-то хохочетъ, чертовка,—оскалила зубы, какъ жемчугъ...

— Чего ты боишься, глупый урусъ! Только сдѣлай по моему—только мнѣ угоди, и забудь Мустафу...

— Не могу я забыть! Онъ зла мнѣ не сдѣлалъ... Какъ-же могу я его обмануть?

На другую ночь—то же; на третью—не вытерпѣлъ я: разгорѣлося сердце... Думаю: все равно пропадать, а *ей* не поддамся!..

Пришла она; стала на шею мнѣ вѣшаться, стала меня обнимать, цѣловать... Я зубы стиснулъ, терплю эту муку, а злоба на сердцѣ такая кипитъ, что бѣда! И вотъ говорю ей:

— Послушай, отстань, окаянная! Не добьешься ты отъ меня ничего. Лучше—добромъ отойди!

А чертовка опять за свой противный, бѣсовскій хохотъ. Тутъ я, не помня себя, схватилъ ее за плеча, поднялъ какъ перышко и отшвырнулъ отъ себя, какъ котенка... Слышу, упала въ кусты, и тихохонько стонетъ... Думаю: „нѣтъ! Не надуешь! Не сманишь меня!“ Сижу—и ни съ мѣста... Вижу, сама кое-какъ поднялась, еле-еле ко мнѣ добрела и шепнула мнѣ:

— Отъ тебя мнѣ и толчки, и побои пріятны... Бей меня—мнѣ будетъ сладко! Убей меня—я все не перемѣнюсь!..

Съ тѣмъ и ушла. И долго потомъ не бывала. Говорили: больна, ушиблась, въ постели лежитъ... Такъ, съ недѣлю я прожилъ покойно; а тутъ опять она вышла, сошла ко мнѣ на крыльцо и говоритъ:

— Слушай, урусъ, каменное сердце! я пришла къ тебѣ нынче въ послѣдній разъ и вотъ что̀ спрошу у тебя: что̀ тебѣ лучше — свобода или тюрьма? Хочешь-ли ты быть богатымъ и жить на волѣ—или хочешь сгнить на катаргѣ турецкой?

Я молчу, смотрю на нее. Вижу только, что очи у ней такъ и пылаютъ, искрятся словно во тьмѣ...

— Такъ вотъ тебѣ мое послѣднее слово: или сейчасъ ты мнѣ покоришься, или сгніешь на катаргѣ. Ну, что-же ты молчишь? Говори! Выбирай!

— Госпожа! Воли твоей не могу исполнить—и вѣрю, что Богъ не попуститъ моей напрасной погибели...

— А! такъ? Завтра увидишь—кто больше можетъ: Фатьме-Ханымъ, или Богъ твой гяурскій?

И скрылась... Сотворилъ я молитву, земной поклонъ положилъ на Св. Софію, и ночь просидѣлъ на крыльцѣ. Меня ужь никто не тревожилъ до самаго утра.

IV.

На завтра, едва я успѣлъ рабочимъ въ саду указать ихъ урокъ и пришелъ въ коморку свою отдохнуть, слышу—поднялся въ домѣ содомъ. Всѣ шумятъ, всѣ кричатъ, всѣ бѣгутъ... Я

думалъ—пожаръ? Выскочилъ. Вижу, слуги идутъ толпой, прямо ко мнѣ, и кричатъ:

— Вотъ онъ, воръ! Вотъ онъ, злодѣй! Вотъ онъ, обманщикъ-гяуръ! Вотъ онъ, проклятый урусъ!

— Что такое? я говорю.—Зачѣмъ вы меня браните?

— Какъ тебя не бранить? Казнить тебя мало! Нашъ господинъ Мустафа, какъ тебя отличилъ—какъ довѣрился! А ты—обокралъ его!

— Да что-жъ я укралъ у него? Скажите мнѣ.

— А вонъ! Вонъ! Ведите его къ господину... Онъ покажетъ тебѣ!

Привели меня въ садъ. Вижу, стоитъ Мустафа, а рядомъ какая-то цыганка, старая вѣдьма. Онъ мнѣ сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты по ночамъ сталъ гаремъ сторожить, у женъ моихъ стали то серьги, то перстни, то обручи, то жемчуги пропадать. Фатьма приказала позвать колдунью — и та на тебя указала... Что скажешь?

— Я никогда ничего не кралъ.

Мустафа обратился къ колдуньѣ:

— А ты навѣрно знаешь, что онъ моихъ женъ обокралъ?

— Знаю навѣрно, что онъ.

— И укажешь, гдѣ онъ вещи зарылъ?

— Да, погадаю—тогда укажу.

— Ну, что-же ты скажешь, подлый гяуръ?

— Все то-же скажу, господинъ. Я ничего не укралъ!..

Мустафа кивнулъ головою цыганкѣ; та порылась въ какомъ-то мѣшкѣ, вынула четыре стрѣлы, на нихъ пошептала, потомъ приказала себѣ глаза завязать и стала кружить по всему огороду, по всему саду. Покружитъ, побѣгаетъ, да стрѣлу потомъ и воткнетъ. И воткнувши всѣ четыре стрѣлы, повязку сдернула съ глазъ.

— Вотъ, говоритъ, — господинъ Мустафа! Прикажи-ка порыть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волшебныя стрѣлки увидишь.

Онъ приказалъ—и точно: подъ каждой стрѣлою нашли—гдѣ обручъ, гдѣ жемчугъ, гдѣ перстень...

Вскипѣлъ Мустафа. Подскочилъ ко мнѣ, словно звѣрь, и кричитъ:

— Собака! Обманщикъ! Ты смерти достоинъ! Сознайся сейчасъ—не то ятаганъ мой...

— Знаю я, что воленъ ты въ моемъ животѣ и въ смерти—и дѣлай со мною, что хочешь! А я, еще разъ, тебѣ говорю:—я ничего не укралъ, клянусь именемъ Божьимъ!

Махнулъ онъ рукою слугамъ. Отвели меня въ судъ—допросили. Я все то-же твердилъ... Пытали — я на томъ-же стоялъ. Продержали съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ—потомъ порѣшили: дать сто плетей на базарѣ и сослать на катаргу.

А знаете-ли вы, други, что такое у Турскихъ людей катаргой зовется? Адъ кромѣшный—и тотъ не такъ страшенъ!.. Катарга—большущій корабль—въ два жилья; а надъ верхнимъ, въ носу и въ кормѣ—чердаки. Въ нижнемъ и въ среднемъ жильѣ темно, какъ въ гробѣ. Тамъ, съ обѣихъ сторонъ, лавки подѣланы и, противъ тѣхъ лавокъ, дыры въ боку у корабля; а въ тѣ дыры весла вставлены, съ добрую потесь [1]) отъ волжскаго судна. Въ нижнемъ жильѣ весла короче—такъ саженъ въ пять; а въ верхнемъ длиннѣе—саженъ семь и съ залишкомъ. На каждомъ веслѣ посажены пять-шесть гребцовъ, пять-шесть горемычныхъ, прикованныхъ къ лавкѣ цѣпями. Сидятъ и гребутъ, напрягая всѣ силы, грудь надрывая съ натуги. Гребутъ и поютъ—жалобно голосомъ тянутъ, и цѣпями звякаютъ въ ладъ пѣснѣ... Ни дать, ни взять, какъ вотъ о грѣшникахъ сказываютъ, что сидятъ въ преисподней—и воютъ, и цѣпи грызутъ... А чуть только кто зазѣвался, или двинулъ веслищемъ не въ ладъ—такъ тотчасъ дозорщикъ подходитъ и плетью для бодрости учитъ... Кормъ такой, что собака не всякая станетъ тѣмъ кормомъ питаться — а иная и станетъ, да сдохнетъ. Ну, и мрутъ-же люди — какъ мухи... Случалось, что день и другой, рядомъ съ тобою товарищъ померъ; а ты не допросишься, чтобы его отъ весла отцѣпили, да вынесли. Такъ и гребешь съ мертвецомъ за-одинъ! Такъ вотъ что такое катарга! И въ такомъ кромѣшномъ аду шесть лѣтъ я проплавалъ...

И гдѣ только, гдѣ ужь мы не перебывали! въ какія моря не носили насъ буйные вѣтры! Гребешь, да поешь свои пѣсни, да слезы глотаешь, и все вспоминаешь о родинѣ...

Я все крѣпился, все молилъ, чтобъ Господь меня спасъ отъ отчаянья — все надѣялся! И Господь не оставилъ меня...

Насъ всѣхъ было на катаргѣ съ пятьсотъ человѣкъ, а турскихъ людей, сторожей и солдатъ, пушкарей съ корабельщиками, было немного побольше сотни. Вотъ товарищи и стали сговариваться:—какъ бы ихъ всѣхъ перебить, какъ ихъ врасплохъ захватить? Сговорились, надумали, да ко мнѣ и приходятъ:

— Такъ молъ и такъ. Ты, урусъ-батырь, всѣхъ насъ крѣпче, всѣхъ ты сильнѣе, всѣхъ здѣсь на катаргѣ давнѣе — ты насъ научи, какъ бы намъ ихъ всѣхъ загубить? Ночью-ли ихъ придушить?—днемъ-ли ихъ перерѣзать?

Я имъ напрямикъ и сказалъ:

— Вы не дѣло задумали. Я вамъ не товарищъ. Господу Богу далъ я обѣтъ не проливать ничьей крови! Захочетъ Онъ насъ избавить — избавитъ! А такъ-то, насильемъ, да зломъ, да кровопролитіемъ—не сдѣлать бы хуже!

Проф. Ѳ. П. Ландцертъ. † 29 сентября 1889 года. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Закричали они на меня, заспорили, стали грозить... А я имъ опять:

— Я васъ не выдамъ, хоть жги на огнѣ... Но и съ вами, тоже—ни-ни! Заодно не пойду, хоть убейте!

Поворчали они, — однако стихли, смирились... Понурили головы. Гребутъ, да поютъ, да слезы глотаютъ.

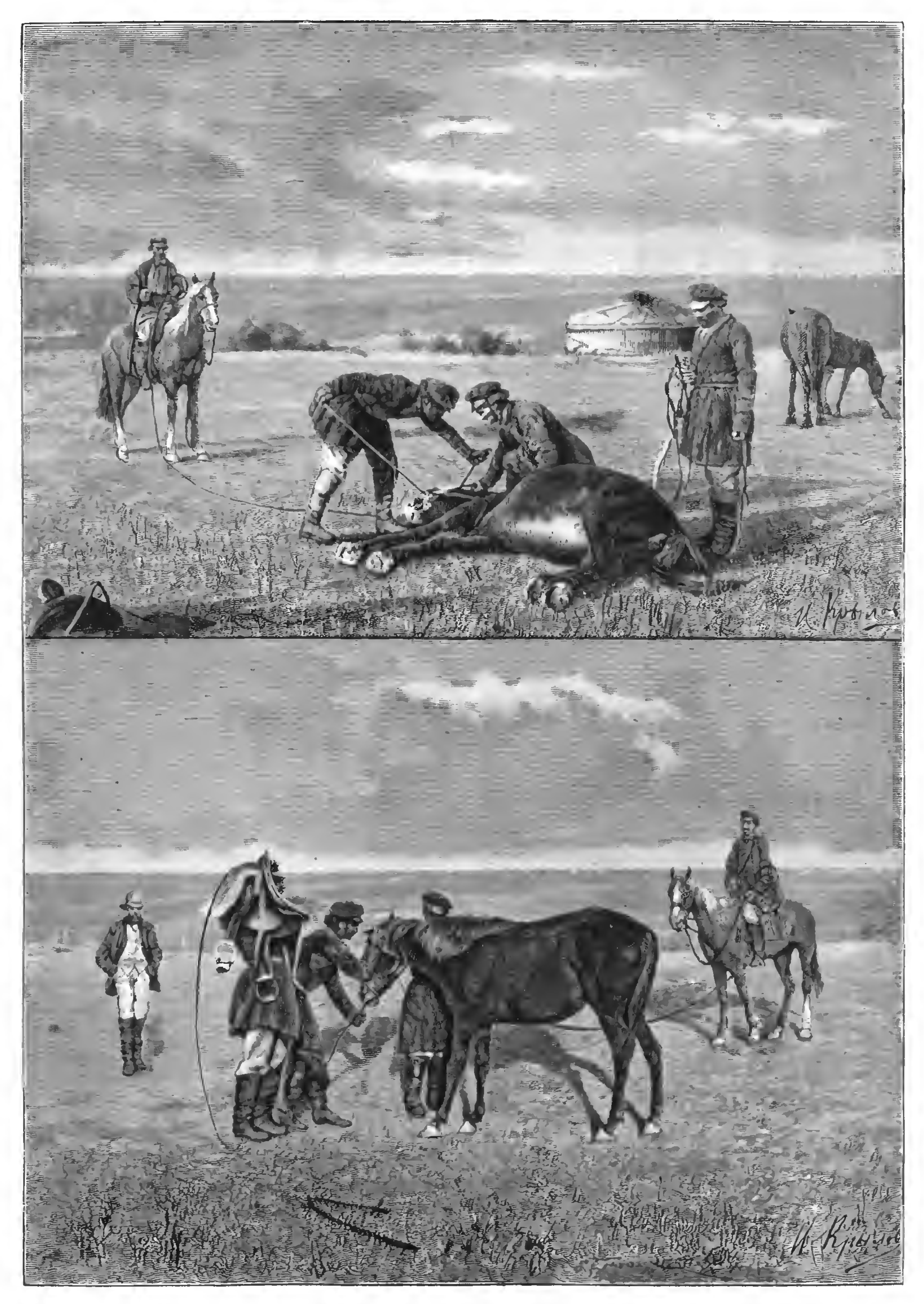
Вотъ, какъ-то, плывемъ мы; вдругъ, слышимъ, забѣгали что-то наверху, заметались... Слышимъ—тревога! Трубы трубятъ, бьютъ въ бубенъ... И вдругъ, слышимъ, пушка, гдѣ-то по близости грохнула, а тамъ и другая, и третья... Турскіе люди тоже стали палить изъ большаго наряда... Бумъ-бумъ!.. Бой загорѣлся... Поняли мы, что на нашу катаргу кто-то напалъ; и всѣ, сколько насъ ни было, кто какъ умѣлъ, принялись мы молиться:

„Господи, молъ, смилуйся надъ грѣшными нами! Пошли врагу одолѣнье, а намъ избавленье!"

А бой-то кипитъ! Слышимъ, какъ ядра бьютъ въ чердаки, какъ крушатъ и ломаютъ снасти и дерево... Слышимъ и громкій голосъ капудана-баши, и стоны раненыхъ. А гулъ отъ пальбы словно громъ, и все ближе, и все ближе—ядра-то такъ и сыплются: два и къ намъ залетѣли—пятерыхъ въ лоскъ положили! Прежде всѣхъ насъ избавилъ ихъ Господь отъ нашей тяжкой неволи...

Вдругъ смолкли выстрѣлы,—а крики все громче, все громче! И слышимъ, на нашу катаргу вражій корабль налетѣлъ—и насѣлъ, и сцѣпился. Затрещала наша катарга, бокъ у нея проломился, доски посыпались... Въ нашемъ жильѣ еще осьмерыхъ придавило. А вверху-то что? Адовы челюсти разверзлись!.. Крикъ, визгъ, выстрѣлы, стоны, ругательства — идетъ рукопашная свалка не на животъ, а на смерть! Видимъ: по-

[1]) *Потесь*—громадное бревно, обтесанное весломъ съ одного конца. Служитъ вмѣсто руля на большихъ волжскихъ судахъ.



Первая узда и первое сѣдло. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Крылова, грав. М. Рашевскій.

сыпались турки сверху, словно горохъ въ море! Вотъ ужъ ни криковъ, ни стоновъ не стало слышно: видно всѣхъ перебили... Слышимъ, открылись двери наверхъ, и къ намъ по лѣстницѣ, въ нашу преисподнюю, сходятъ словно ангелы Божьи... Всѣ въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ шапкахъ съ перьями, и лица такія добрыя, веселыя! Мы имъ въ поясъ поклонъ, и они намъ поклонъ-же. Кое-какъ объяснили, что пришли насъ избавить—и давай съ насъ цѣпи срывать и въ море кидать ихъ, проклятыя, съ веслами вмѣстѣ. Вывели всѣхъ насъ наверхъ, осмотрѣли; раненыхъ всѣхъ перевязали, стали лѣчить. Видимъ, что около нашей катарги ихъ кораблей собралось съ полдесятка: стройные, любо взглянуть! По тѣмъ кораблямъ всѣхъ насъ развезли, умыли, одѣли въ чистое платье, стали кормить, ласкать... Потомъ подняли паруса и поплыли... А нашу катаргу зажгли, и видѣли мы, какъ она еще долго курилась вдали.

V.

Поплыли мы на тѣхъ корабляхъ, а сами не знаемъ, куда насъ везутъ. Потомъ, кое-какъ осмотрѣвшись, прислушавшись, стали мы разговаривать съ тѣми, кто насъ отъ турокъ избавили. Они говорятъ намъ:

— Мы, молъ, Тальянцы всякіе. Есть тутъ корабли виницейскіе, есть изъ Ливурны города. Ходили на поискъ за туркомъ: тридцать катаргъ его потопили.

И точно—поплыли мы въ Виницею. Дивно сказать вамъ, други, а не видавъ—не повѣрите. Городъ построенъ прямо на морѣ—въ самой водѣ. У насъ въ городѣ дома-то по улицамъ, въ тупикахъ, въ переулкахъ—а тутъ, вмѣсто улицъ—рѣка, и у самыхъ пороговъ причаливаютъ черныя крытыя лодки, и зовутъ ихъ *гундулами*. А домовъ въ томъ городѣ вовсе и нѣтъ: всѣ палаты высокія, аспидныя, а то изъ темнаго камня; а посрединѣ соборъ преогромный—что городъ. И живутъ въ той Виницеи все купцы да корабельщики, и все больше живутъ на водѣ, и ихъ сила морская во всемъ свѣтѣ славна. Кораблей высылаютъ они отъ себя, пожалуй, поболыне чѣмъ сотню. Да такъ и зовутъ свой городъ — Виницея Владычица Морская.

Ну, приняли насъ всѣхъ тамъ хорошо. Покормили съ недѣлю, дали оправиться; а тамъ и стали расписывать — кто куда годенъ. Или — кому гдѣ родина близко — на родину тѣхъ повезли. Стали меня допрашивать (толмачъ у нихъ отыскался изъ чеховъ):

— Ты куда хочешь? Гдѣ твоя родина?

Я имъ и сказалъ, что я изъ Руси, изъ-подъ Курска.

— Ну, говорятъ,—объ Руси мы слыхали, и царство Московское знаемъ, только туда отъ насъ корабельнаго хода пять мѣсяцевъ... А вотъ, коли хочешь пробраться на родину, ступай ты Флоренскою землей, да на Францовскую землю, а тамъ Цесарской землею, въ Голандскіе Статы — оттуда къ вамъ, въ Московское царство, слыхали мы, ходятъ торговые люди. А мы тебѣ отъ себя и грамоту дадимъ опасную и списокъ, какъ тебѣ гдѣ проходить.

И точно: одѣли, обули, грамоту дали и денегъ дали, три золотыхъ на дорогу. Я имъ отвѣсилъ земной поклонъ, простился съ ними, взвалилъ себѣ на плечи котомку съ дорожнымъ запасомъ — перекрестился, да въ путь и отправился.

Шелъ я да шелъ — самъ не знаю какою дорогою, и города проходилъ съ пригородками и села съ приселками; все Тальянскою землей (по говору слышу). На заставахъ вездѣ я показывалъ грамотку — вездѣ пропускали. Во многихъ мѣстахъ давали и кормъ; видятъ, что странникъ — денегъ и взять не хотятъ. Наконецъ, на 8-й день, мнѣ говорятъ, что Флоренскъ тутъ и есть: вотъ гору пройдешь, да мостомъ черезъ рѣку, тутъ и Флоренскъ.

И только я въ эту гору вошелъ, вышли навстрѣчу мнѣ какіе-то недобрые люди. Лица шапкой прикрыты, мушкеты въ рукахъ, ножища за поясомъ.

„Стой!" кричатъ. Въ грудь мнѣ уперли мушкетомъ... Я сталъ. Почали рыть въ карманахъ, въ котомкѣ — все растрепали; добрались до денегъ, а тамъ и до грамоты. Стали читать. Вижу, старшій изъ нихъ, атаманъ, подозвалъ одного, а потомъ съ другимъ пошептался. Всѣ вещи, какъ были, въ котомку сложили, золотые мнѣ тоже вернули; а тамъ, я смотрю, атаманъ сталъ рыться въ карманахъ, да вынулъ мнѣ отъ себя двѣ какія-то деньги, такъ алтынъ въ шесть—и подалъ, и шапку мнѣ снялъ... Я то же имъ всѣмъ отвѣсилъ по поклону: „спасибо, молъ, добрые люди! хоть вы и разбойнички, а не обидѣли Божьяго странника!"

Путь мнѣ очистили — я и побрелъ, и добрелъ до Флоренска. Тутъ я вдругъ разнемогся, слегъ въ постель, а ужъ дальше не помню, что и было со мною. Помню только, что чудилось мнѣ: будто я на катаргѣ опять, и плетьми меня бьютъ, и цѣпями гремятъ, и веслами ударяютъ въ ладъ подъ тѣ же пѣсни... И вижу я, что катарга наша горитъ — и всѣ мы горимъ, и насъ заливаютъ горячія волны. Хочу помолиться — а цѣпь и руки приподнять не даетъ.

Долго-ли такъ я лежалъ — и самъ не знаю. А какъ очнулся — смотрю, я лежу не одинъ; тутъ же лежатъ и другіе, такіе же хворые; и ходятъ за нами монахи ихніе, въ долгихъ рясахъ, веревка на поясѣ, сами босые, головы бритыя... А добрый, хороший народъ! Къ каждому подойдетъ: изголовье поправитъ, прикроетъ, пить подастъ, ѣсть принесетъ, да самъ и врачуетъ. А чуть только справилъ все дѣло — сидетъ на лавочку тутъ же, книжку съ полки возьметъ и молитвы читаетъ и пальцемъ по четкамъ водитъ... Выискался между этою братьею какой-то одинъ, что немного по-нашему грамотѣ зналъ. Какъ я сталъ оправляться, принесъ онъ мнѣ книжку, раскрылъ; смотрю: наша, церковной печати. Я такъ ей обрадовался, что и къ сердцу сталъ прижимать, и къ устамъ... Раскрылъ, и прямо напалъ на „Молитву Господню". И всю-то, духомъ ее и прочелъ. Прослушалъ меня братъ Лаврентій, взялъ книгу и ту же молитву такъ же точно прочелъ—оказалось, что онъ изъ Сербской земли, тоже намъ соплеменный, только съ издѣтства въ латынскую вѣру крещенъ.

Сталъ онъ кое-какъ со мной говорить, сталъ о Руси разспрашивать, какъ тамъ живутъ, какъ съ туркомъ воюютъ (а турки ихъ Сербское царство совсѣмъ загубили!); сталъ меня обучать по-тальянски. Началъ и я кое-что понимать, кое-какъ говорить. И сдружились мы съ братомъ Лаврентіемъ такъ, что ужъ намъ не разстаться. Онъ мнѣ говоритъ:

— Поживи здѣсь. Здѣсь хорошо. Здѣсь всего вдоволь. Я тебя кое-съ-кѣмъ познакомлю — дамъ тебѣ и заработокъ хорошій. Есть тутъ мастера, которые пишутъ иконы, такъ имъ ты пригодишься. Станутъ писать съ тебя—станутъ за это деньги платить.

— Какъ же такъ? говорю. — Развѣ по вашему пишутъ святыхъ съ человѣка? Да вѣдь это же грѣхъ — и великій.

— Нѣтъ, говоритъ,—никакого грѣха! Пойдемъ—самъ увидишь.

Вывелъ меня онъ изъ кляштора, гдѣ я лежалъ, поселилъ у родни у своей, далъ комнату, окошками въ садъ, — а подъ окошками дули, и груши, и сливы, и лоза, какъ янтарь, наливная, такъ и ползетъ вверхъ по стѣнѣ... Познакомилъ онъ меня и съ мастерами. Стали они писать съ меня лики; стали ласкать меня, деньги платить — уговаривать, чтобъ я съ ними жилъ и дружилъ...

Да нѣтъ! не могу! Только я силу почуялъ — такъ меня и потянуло на Сѣверъ, къ родимой сторонкѣ. Загрустилъ я, отъ хлѣба отсталъ, все мнѣ не мило стало; сталъ я горевать, что тамъ пропаду въ окаянствѣ... Сталъ говорить брату Лаврентію:

— Другъ, отпусти ты меня... Не могу я здѣсь безъ родины жить! Пусть у васъ хорошо, и тепло, и всего вдоволь—я здѣсь съ тоски помру! И такъ—цѣлый годъ я здѣсь промаялся...

Онъ и слышать не хочетъ. Плачетъ, руки цѣлуетъ мнѣ; проситъ: „останься, родимый!"

Ну, бился я, бился — и съ нимъ, и съ собою, — да ночью однажды вылѣзъ въ окно, а тамъ черезъ стѣну, — и бѣжалъ безъ оглядки. Мѣсяцъ шелъ по Францовской землѣ, да мѣсяцъ Цесарской землею. Питался Христовымъ именемъ, и обиды нигдѣ не видалъ... Въ Дрезнѣ прослышалъ что отъ Цесаря въ Любку ѣдетъ наше русское посольство... Въ Любку пришелъ, говорятъ: ужъ уѣхали въ Амборхъ... Еще трои сутки я шелъ — ноги, думалъ, отнимутся. Вишь, какъ раздулись, растрескались — еле ступалъ... Да Богъ-то вѣдь силенъ! Богъ-то поддержитъ—вѣры только въ Его волю святую! Вотъ, и привелъ къ вамъ — и спасъ и на Русь святую путь мнѣ открылъ! Спасибо вамъ, добрые русскіе люди!"

Полонянникъ замолкъ. Разсказъ былъ оконченъ; а всѣ еще ждали: не скажетъ-ли онъ и еще что-нибудь? Не добавитъ-ли слова, не дополнитъ-ли повѣсти о долгихъ скитаньяхъ?.. И никто ужъ не смѣлъ заикнуться о прежней тоскѣ, о жалобахъ, о дерзкомъ ропотѣ, о смѣшномъ недовольствѣ судьбою...

Литературно-критическія миніатюры.

Предшественники Пушкина.

Прежде чѣмъ въ русской литературѣ могъ появиться великій поэтъ Пушкинъ, необходимъ былъ длинный рядъ дѣятелей, подготовившихъ ему идеи и формы литературныхъ произведеній, тѣ средства, которыми могъ бы воспользоваться его геній. Въ Пушкинѣ въ первый разъ русская душа, русскій умъ и чувство получили самостоятельное, независимое выраженіе: Пушкинъ — это первый представитель русскаго самосознанія, самосознанія русскаго общества, вступавшаго въ періодъ возмужалости. Но какъ отдѣльный человѣкъ, такъ еще болѣе цѣлое общество — не приходятъ къ этому самосознанію иначе, какъ годами умственной работы, условій и стремленій понять себя и окружающій міръ. И этотъ общій законъ, неизбѣжный и необходимый, не могъ миновать и русскаго общества.

Русское общество въ этомъ отношеніи находилось въ положеніи нѣсколько исключительномъ. Когда, по волѣ Петра Великаго, Россія сблизилась съ европейскими странами, тогда въ ту часть, въ тотъ слой общества, который долженъ былъ руководить умственною жизнью русскою, вмѣстѣ съ иностран-

ными языками, проникъ цѣлый міръ новыхъ понятій и представленій, для которыхъ на русскомъ языкѣ не было словъ и выраженій, — русская жизнь до того времени протекала въ слишкомъ узкой, сравнительно съ европейскою, сферѣ умственныхъ потребностей. Такимъ образомъ, первое дѣло, которое представлялось тогда русскому небольшому образованному кругу людей, — было расширить русскій языкъ, найти въ немъ средство создать новыя слова и новыя выраженія для новыхъ понятій и представленій. Это было дѣло неимовѣрной трудности; если и теперь, при уже развитомъ языкѣ, такъ рѣдки люди выражающіе свои мысли ясно и просто, дѣлающіе мысли эти понятными всякому, то что же сказать о тѣхъ временахъ, когда самая простая, повидимому, мысль, прекрасно выраженная на иностранномъ языкѣ, не имѣла въ русскомъ никакой формы для выраженія? Къ тому же, русское образованное общество тогдашнее, воспитываясь на французскомъ языкѣ, совсѣмъ забывало русскій, родной языкъ, и этимъ дѣлало развитіе языка еще болѣе труднымъ; потому что языкъ можетъ развиваться и улучшаться только цѣлымъ обществомъ и народомъ, и отдѣльныя личности, литераторы сами безсильны сдѣлать то, что подъ силу только многимъ, — писатели по большей части только подмѣчаютъ, впитываютъ въ себя и потомъ передаютъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ измѣненія въ языкѣ, которыя медленно и постепенно производитъ общество, дѣлая всѣ эти измѣненія и нововведенія общимъ достояніемъ. Но этого существеннаго условія, большаго образованнаго слоя, который бы могъ развивать языкъ, въ тогдашней Россіи не было, а былъ только сравнительно незначительный кругъ образованныхъ, но оставшихся вѣрными родному языку, людей, и слѣдовательно на ихъ долю доставалась задача огромной важности и весьма трудная.

Изъ вышесказаннаго ясно, что каждое имя въ томъ ряду забытыхъ нынѣ литературныхъ дѣятелей, которые въ теченіе восемнадцатаго вѣка трудились на неблагодарной и упорной почвѣ русской литературы, заслуживаетъ благодарной памяти. Но между ними блеститъ нѣсколько именъ, имѣющихъ особое значеніе. Если говорить собственно о литературѣ художественной, т. е. именно о той литературѣ, которая и имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ развитіе языка и общихъ идей, не преслѣдуя никакихъ спеціальныхъ, напр. научныхъ цѣлей, то это будутъ имена Ломоносова, Державина, фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго. Но и они, на длинномъ и утомительномъ пути совершенствованія русскаго языка, представляютъ собою только вѣхи, только главные пункты, указывавшіе направленія, объединившія предыдущія работы. И дѣятельность ихъ была бы непонятна безъ указанія на другихъ, менѣе счастливыхъ дѣятелей.

Обстоятельства, указанныя нами выше, сдѣлали необходимымъ въ русской литературѣ весьма характерное явленіе. Такъ какъ образованное общество не шло въ сторону изученія и развитія своего роднаго языка, а напротивъ забывало его, то представители его, какъ Кантемиръ, создавали языкъ тяжелый, неповоротливый, мало согласованный съ характеромъ русскаго ума; а основателями новаго русскаго языка явились люди простонародья русскаго, усвоившіе родной языкъ на его непосредственной и безыскусственной почвѣ, въ народѣ, и потомъ случайно получившіе образованіе. Таковы были Тредьяковскій, сынъ священника, случайно попавшій въ Парижъ и получившій тамъ незаурядное научное образованіе, и Ломоносовъ, сынъ архангельскаго мужика, необыкновенной энергіей и геніемъ добившійся огромнаго нѣмецкаго образованія.

Кантемиръ (1708 — 1744), сынъ Молдавскаго господаря, человѣкъ замѣчательнѣйшаго по тому времени образованія, но „не русакъ", по его собственному выраженію, написалъ, какъ извѣстно, 9 сатиръ. Въ нихъ онъ является поборникомъ европейскаго просвѣщенія въ Россіи, имѣвшаго не мало враговъ, обличителемъ невѣжества. Просвѣтительныя идеи сдѣлали его сатиры всѣмъ извѣстными и замѣчательными. Но въ смыслѣ литературномъ, въ смыслѣ формы, онѣ мало подвигали дѣло впередъ. Кантемиръ писалъ совсѣмъ не свойственными русскому языку стихами (силлабическими) и въ самомъ изложеніи подражалъ и древнимъ и новымъ иностраннымъ писателямъ. Этотъ „не русакъ", жившій при томъ все время за границей, на дипломатической русской службѣ, не могъ почувствовать оригинальныхъ свойствъ русскаго языка и русскаго ума, и его сатиры служатъ лучшимъ доказательствомъ высказанныхъ нами выше мыслей. Но Тредьяковскій является уже созидателемъ новаго русскаго языка, если не практическимъ, то теоретическимъ.

Тредьяковскій (1703 — 1769) долгое время за свои неудачные стихи былъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ русской литературѣ. Въ дѣйствительности онъ ихъ не заслуживалъ. Стихи его дѣйствительно и безспорно плохи, — онъ не обладалъ совершенно литературнымъ, стихотворнымъ дарованіемъ, но, въ качествѣ профессора элоквенціи, онъ обнаружилъ такое теоретическое пониманіе русскаго языка, какого никто не имѣлъ въ его время. Онъ указалъ несвойственность русскому языку употреблявшагося тогда стихосложенія; разбирая русскія пѣсни, онъ же нашелъ и тѣ стихотворныя формы (тоническія), которыя понынѣ и остаются въ русскомъ языкѣ. Тредьяковскій же первый у насъ ясно понималъ, что поэтъ и стихотворецъ не одно и то же, что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ. Словомъ, заслуги осмѣяннаго профессора въ высокой степени замѣчательны.

То, что Тредьяковскій понималъ теоретически, чему онъ училъ, какъ профессоръ, удалось осуществить практически Михаилу Васильевичу Ломоносову (1712 — 1765). Ломоносовъ, по всему складу своего ума, подобно Тредьяковскому, былъ ученый, его привлекали преимущественно естественныя науки. Но и въ сферѣ науки нельзя было не натолкнуться на мысль о крайней скудности, неразвитости тогдашняго русскаго языка; и Ломоносовъ не могъ не обратить на это самаго пристальнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, какіе богатые источники лежатъ въ русскомъ языкѣ для развитія. Ломоносовъ былъ истинно русскій человѣкъ, патріотъ въ самомъ лучшемъ и разумнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его душа болѣла за униженія, которыя сопровождали дорогую ему родину на ея трудномъ пути усвоенія европейскаго образованія. Его оскорбляло пренебрежительное отношеніе господствовавшихъ въ русской академіи нѣмцевъ, и онъ велъ съ ними всю свою жизнь борьбу; его оскорбляло выведенное нѣмцами о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей, и онъ велъ изысканія и писалъ доказательства чисто русскаго происхожденія Рюрика, писалъ о дальней древности словенскаго народа и пр., въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которые „высматривали пятна на одеждѣ россійскаго тѣла"... и т. п. Это же страстное отношеніе онъ внесъ и въ изученіе русскаго языка, который онъ хотѣлъ сдѣлать способнымъ для выраженія всего, что онъ зналъ, всего его богатаго душевнаго содержанія. И онъ создалъ и богатую стихотворную рѣчь, и языкъ, нужный для изложенія знаній. Языкъ его отличается ясностью, точностью, выразительностью. Ломоносовъ самъ говорилъ о себѣ, что его „разнаго рода надлежащими до наукъ сочиненіями стиль россійскій вычистился и сталъ способенъ къ выраженію идей трудныхъ". Стихотворная рѣчь Ломоносова, теоретическія основанія для которой онъ изложилъ въ „Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства", была для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ. Но образовывавшаяся литературная рѣчь была, конечно, еще далека по своимъ свойствамъ отъ разговорной, простой, единственно истинной, наиболѣе точно, безъ преувеличеній и украшеній выражающей мысли. Содержаніе Ломоносовскихъ произведеній, въ общемъ опредѣленіи своемъ, было защитой науки, теоретическою мыслью; слѣдовательно въ немъ не могло быть того что называется „поэзіей", отраженія типическихъ явленій жизни, настоящаго предмета художественнаго слова.

Прошло не много лѣтъ, и на сценѣ литературной стали возможны Фонъ-Визинъ и Державинъ. Послѣ многихъ попытокъ создать драматическую литературу (Сумароковъ), двѣ комедіи Фонъ-Визина, „Бригадиръ" и „Недоросль", не были новостью по формѣ, но въ высокой степени живы по содержанію. Въ нихъ не было поэзіи, но была въ первый разъ настоящая русская дѣйствительность на сценѣ,—правда, въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, съ ясными ярлыками на нихъ, указывающими, что они собою изображаютъ, но фигуръ, уже ясно говорящихъ о типическихъ особенностяхъ русской жизни. И такъ какъ въ то-же время комедіи были проповѣдью просвѣщенія и выставленіемъ на позоръ невѣжества русскаго, создававшаго тогда явленія весьма типическія, то значеніе ихъ въ исторіи русской литературы и въ исторіи русскаго развитія весьма велико.

Въ Державинѣ русская литература получила уже поэта, служившаго доказательствомъ, что формы для русской мысли сдѣлали огромный шагъ впередъ, что русскій языкъ уже способенъ служить для поэтическаго выраженія дѣйствительности. Державинъ обладалъ огромною фантазіею, воображеніемъ; справедливо мнѣніе, что воображеніе его было выше его ума,— и въ его поэтическихъ произведеніяхъ уже появились то колоссальные, то нѣжные образы, большинство которыхъ онъ создавалъ подъ вліяніемъ чисто народныхъ представленій. Кто не помнитъ его одъ „Богъ", „На смерть князя Мещерскаго" и пр.? Кто не знаетъ его „Водопада"? Державинъ, какъ и всѣ тогда въ Россіи, не чуждъ подражательности; но эта подражательность блѣднѣетъ въ лучахъ оригинальности поэта. Языкъ его— уже смѣсь важнаго съ простымъ; установленное даже Ломоносовымъ дѣленіе языка на высокій, средній и низкій въ немъ почти исчезаетъ.

Наступила эпоха, когда могли появиться Карамзинъ и Жуковскій, уже непосредственные предшественники Пушкина, связанные съ нимъ многообразными связями.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Гопакъ. (Рис. на стр. 1208).

Это любимый танецъ малороссіянъ. Въ лѣтнее время, подъ вечеръ, когда кончены дневныя работы, молодежь высыпаетъ на *улицу*, т. е. на обычное мѣсто сборищъ, гдѣ нибудь на выгонѣ или на широкой дорогѣ между порядками хуторскихъ

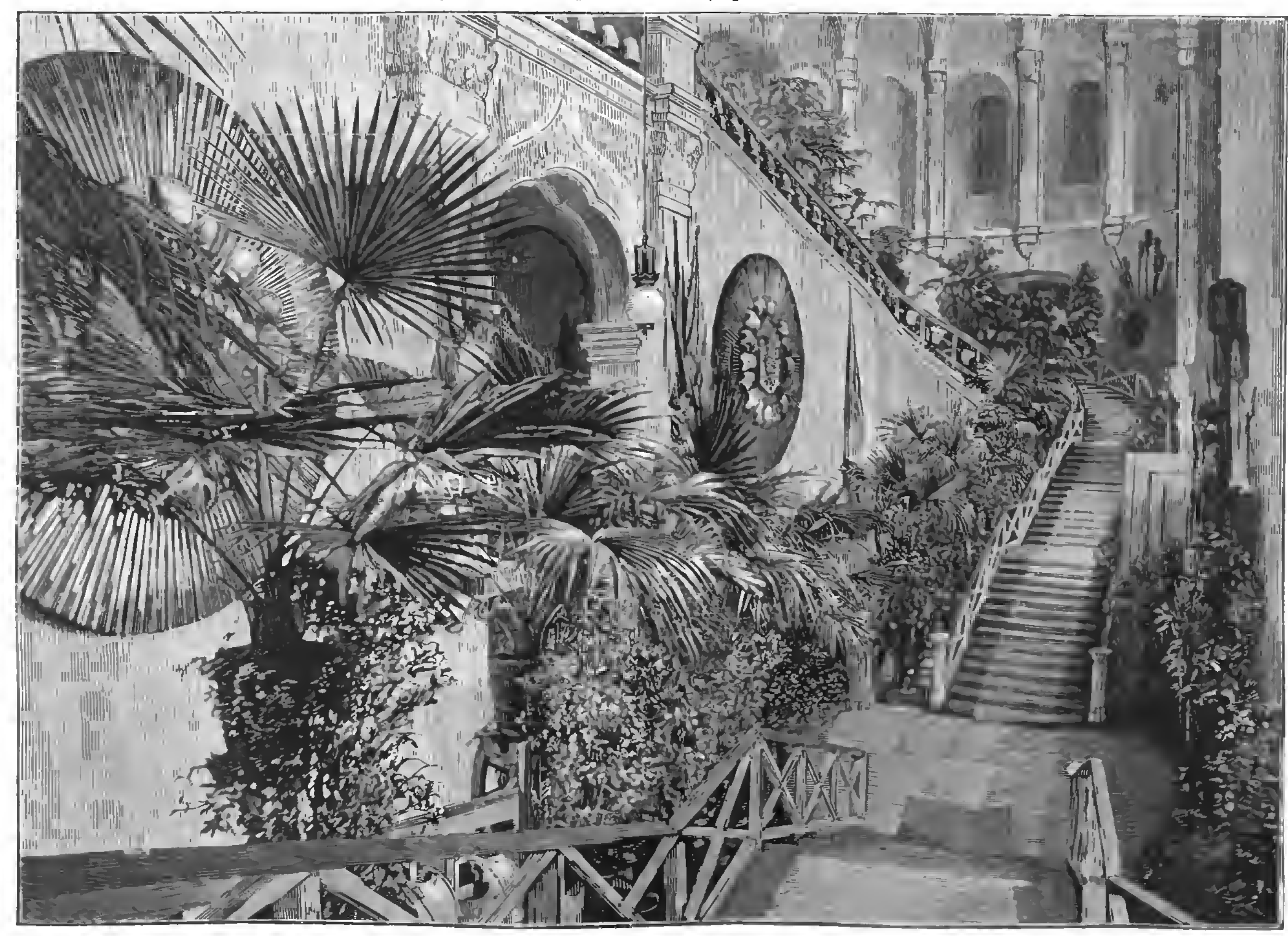
хать, поближе къ околицѣ. Затѣваются пѣсни, сначала протяжныя, потомъ все веселѣе, переходятъ въ плясовую, раздается скрипка—и вслѣдъ затѣмъ вся окрестность оглашается дробнымъ топотомъ чоботовъ и черевиковъ (башмаковъ) съ подковками... Гопакъ въ полномъ разгарѣ.

Плотъ-великанъ системы Робертсона.

(Рис. на стр. 1209).

Плоты, эти древнѣйшія суда, упоминаемыя уже у античныхъ писателей, до сихъ поръ употреблялись только по рѣкамъ. Въ послѣднее же время въ Сѣверной Америкѣ стали устраивать громадные плоты для сплава лѣса моремъ (вѣрнѣе океаномъ), что грозитъ въ будущемъ полнымъ переворотомъ въ вывозной торговлѣ лѣсомъ. Изъ канадскихъ гаваней ежегодно отправляются на корабляхъ грузы драгоцѣнныхъ сортовъ дерева и строеваго лѣса на восточные берега Соединенныхъ Штатовъ. Въ видахъ уменьшенія провозной платы, чрезвычайно поднимавшей цѣну дерева, и особенно потому что древесные стволы болѣе 20 метровъ длины не могли грузиться на суда, а посылались лишь по желѣзной дорогѣ, кораблестроитель Д. Лири изъ Нью-Іорка напалъ на мысль — связать закупленный имъ въ Канадѣ лѣсъ въ громадный плотъ и сплавить его по Атлантическому океану въ Нью-Іоркъ съ помощью буксирнаго парохода. Первый плотъ этого рода былъ сооруженъ по плану инженера Робертсона, задумавшаго связать 27,000 древесныхъ стволовъ въ форму громадной сигары, и былъ отправленъ на буксирѣ парохода „Миранда"; но буря, которою онъ былъ застигнутъ въ океанѣ, разорвала скрѣпы и разнесла лѣсъ. Не падая духомъ, Лири заказалъ Робертсону новый плотъ, еще громаднѣе, который и былъ оконченъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Этотъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, плотъ состоялъ изъ 30 тысячъ древесныхъ стволовъ отъ 5 до 30 саженъ длины. Они были связаны между собою крѣпкими цѣпями и проволочными канатами. Плотъ имѣлъ 105 саженъ длины, 10 саженъ ширины, 5 саженъ высоты и сидѣлъ въ водѣ на $6^1/_2$ метровъ. На случай разрыва буксира въ бурю, плотъ снабдили шестью мачтами и экипажемъ изъ 16-ти матросовъ, которымъ на заднемъ концѣ плота было выстроено особое помѣщеніе. На этотъ разъ плотъ благополучно прибылъ въ Нью-Іоркъ съ пароходомъ „Морзе". Отправка этой массы дерева на судахъ потребовала бы ста шкунъ, а по

№ 1. Артиллерійская группа орудій, поднесенная Государю Императору Техническою Артиллерійскою Школой, по поводу 500-лѣтія русской артиллеріи. Съ фот. Полевого, грав. Рашевскій.



№ 3. 500-лѣтіе русской артиллеріи. Декорированный входъ въ залу Кронверка, гдѣ происходило юбилейное торжество. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. М. Рашевскій.

желѣзной дорогѣ — пятидесяти поѣздовъ, въ 50 вагоновъ каждый.

Баядера.

(Рис. на стр. 1213).

Баядеры, называемыя въ Индіи *девадашами* (служительницами боговъ), а на Цейлонѣ и въ Сіамѣ *арамбхами* (отъ богини танцевъ Рамбхи), какъ извѣстно, съ дѣтства посвящаютъ свою жизнь служенію при храмахъ, танцамъ и пѣнію въ честь божествъ. Онѣ распадаются на два класса: однѣ, знатнѣйшія, служащія главнымъ божествамъ Вишну и Шивѣ, должны жить въ оградѣ храма и не могутъ отлучаться безъ дозволенія жрецовъ; другія, служащія второстепеннымъ божествамъ, живутъ въ городахъ и деревняхъ и пользуются полною свободой, ведутъ часто кочевую жизнь, странствуя по десятку вмѣстѣ, со своими музыкантами, и танцуя на праздествахъ (натчахъ) по приглашенію въ частныхъ домахъ. Зихель изобразилъ одну изъ этихъ послѣднихъ, въ тотъ моментъ когда

Небрежно кудри бѣлою рукою
Она откинула назадъ;
Они разсыпались, и съ плечъ душистой,
Тяжелой падаютъ волной,
Подъ ними складки ткани серебристой
Сжимаетъ поясъ золотой.
Вотъ оглянулась — пламеннаго взора
Огонь, сверкнувъ изъ-подъ рѣсницъ,
Дрожитъ и снова гаснетъ такъ-же скоро,
Какъ пламя бѣглое зарницъ.
Порой такая чудится въ ней сила,
Любви восторга, красоты,
Какъ будто въ ней лишь небо воплотило
Всѣ грезы страсти, всѣ мечты.

(Кн. Д. Н. Цертелевъ).

Цвѣты на пиръ.

(Рис. на стр. 1216).

Въ древнемъ Римѣ цвѣты составляли необходимую принадлежность пира—и въ видѣ вѣнковъ на головахъ гостей, и въ видѣ гирляндъ свѣшивавшихся съ колоннъ и свѣщниковъ, и наконецъ въ видѣ сплошнаго ковра на столѣ или цвѣточнаго дождя, ниспадавшаго съ потолка...

Розу нѣжную эротовъ
Съ Діонисомъ сочетаемъ:
Красолиственною розой
Наши чѣла увѣнчаемъ
И нальемъ съ веселымъ смѣхомъ
Въ чаши нектаръ винограда.
Роза—лучшій цвѣтъ весенній,
Небожителей услада!

Вотъ стихи Анакреона, которые любилъ слушать древній римлянинъ на пиру, конечно не въ переводѣ нашего поэта, а на благозвучномъ греческомъ языкѣ, бывшемъ въ такой модѣ у римлянъ эпохи цесаризма...

Благовонныхъ розъ вѣнками
Увѣнчавши чѣла наши,
Мы съ веселою улыбкой
Пьемъ вино изъ полной чаши. **Л. Мей.**

№ 2. 500-лѣтіе русской артиллеріи. 6-тидюймовая мортира на лафетѣ Энгельгарда. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Флюгель.

№ 4. 500-лѣтіе русской артиллеріи. Пирамида изъ ядеръ и артиллерійскихъ снарядовъ, на дворѣ Кронверка. Современный бомбардиръ и старинный пушкарь XVII в. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Флюгель.

№ 5. 500-лѣтіе русской артиллеріи. Литавренная коляска съ артиллерійскими клейнодами 1760 г. Съ фотогр. Полевого, грав. Рашевскій.

Бой турухтановъ.

(Рис. на стр. 1217).

Турухтанъ хорошо знакомъ петербуржцамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ многочисленному сословію „воскресныхъ егерей“. Въ недальнее доброе старое время (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) турухтановъ стрѣляли еще на Канонерскомъ, Вольномъ и другихъ подстоличныхъ островахъ, преимущественно гаваньскіе чиновники и другіе жители Галерной гавани. Дичь это неважная, но нравы ея довольно любопытны. У пѣтушковъ весною отрастаетъ на шеѣ родъ ожерелья или кружевнаго воротника изъ длинныхъ перьевъ, снова пропадающаго къ осени. Въ этомъ брачномъ уборѣ турухтаны ведутъ между собою ожесточенную борьбу, какъ истые рыцари, выбирая для боевъ особыя мѣста, на которыя и слетаются по нѣскольку разъ въ день, причемъ единственнымъ оружіемъ служитъ имъ довольно мягкій, какъ у всѣхъ куликовъ, длинный клювъ. Причина этихъ поединковъ до сихъ поръ еще не изслѣдована, но повидимому вовсе не ревность.

Ѳ. П. Ландцертъ.

(Портр. на стр. 1220).

Смерть продолжаетъ безжалостно опустошать ряды дѣятелей науки и литературы. 28 сентября скончался главный военно-медицинскій инспекторъ Н. И. Козловъ, еще недавно праздновавшій свой пятидесятилѣтній юбилей, а вслѣдъ за нимъ на другой день сошелъ въ могилу бывшій профессоръ Медико-Хирургической Академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Петровичъ Ландцертъ. Онъ родился 23 марта 1833 года, въ мѣстечкѣ Бѣлоостровѣ (по Финляндской желѣзной дорогѣ) въ семьѣ лютеранскаго пастора. По смерти отца, послѣдовавшей въ 1837 году, четырехлѣтній сирота переѣхалъ съ матерью и братьями и сестрами въ Петербургъ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе дома, а затѣмъ продолжалъ его въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1850 году. Въ училищѣ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и, между прочимъ, обнаружилъ довольно большія способности къ ри-

сованію. Эти способности сослужили ему службу, когда онъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Умѣнье рисовать сблизило молодаго студента съ знаменитымъ Груберомъ, тогдашнимъ прозекторомъ Академіи, и благодаря этому сближенію Ландцертъ принялся съ особенною любовью изучать анатомію, спеціально занимаясь ею подъ руководствомъ Грубера. Онъ настолько преуспѣвалъ въ этихъ занятіяхъ, что еще третьекурсникомъ-студентомъ удачно демонстрировалъ анатомическіе препараты трудно изучаемыхъ частей тѣла, напримѣръ, паховаго и бедренаго канала, мозга и друг., и, самъ будучи на школьной скамьѣ, преподавалъ анатомію другимъ, а именно учителямъ гимнастики въ гимнастическомъ заведеніи де-Роопа. Окончивъ курсъ въ 1855 году и получивъ степень лѣкаря, онъ былъ тогда же опредѣленъ врачемъ въ рижскій госпиталь, гдѣ пробылъ не болѣе полугода и затѣмъ переведся въ Петербургъ лѣкаремъ во второй сухопутный госпиталь. Прослуживъ военнымъ врачемъ пять лѣтъ, онъ былъ приглашенъ въ Медико-Хирургическую Академію читать лекціи описательной анатоміи студентамъ 1-го и 2-го курсовъ, на мѣсто П. А. Парановича, который занялъ каѳедру хирургіи. Въ 1864 году Ландцертъ утвержденъ былъ въ званіи адъюнктъ-профессора, получивъ за два года передъ этимъ степень доктора по защитѣ диссертаціи „о лѣченіи аневризмы прижатіемъ". Будучи адъюнктомъ, онъ читалъ безвозмездно, по вечерамъ, частныя лекціи хирургической анатоміи студентамъ и прикомандированнымъ врачамъ. Онъ читалъ прекрасно и умѣлъ даже такому сухому предмету какъ анатомія придать особую живость, заинтересовать слушателей. Отъ этихъ слушателей онъ нѣсколько разъ получалъ благодарственные адресы. Въ 1868 году Ландцертъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ, а черезъ пять лѣтъ избранъ ученымъ секретаремъ Академической конференціи. Прослуживъ установленное трехлѣтіе, онъ былъ вновь избранъ на эту должность, но отказался отъ нея по причинѣ болѣзни. Около этого времени между нимъ и между бывшимъ его учителемъ Груберомъ возникли недоразумѣнія. Они длились довольно долго и, къ сожалѣнію, не мало тормозили дѣятельность Ландцерта, какъ преподавателя анатоміи въ Академіи. Въ 1874 году онъ получилъ каѳедру анатоміи въ Императорской Академіи Художествъ и занималъ ее до самой кончины, читая также лекціи на высшихъ женскихъ врачебныхъ курсахъ и въ училищѣ фельдшерицъ при Рождественской больницѣ. Еще ранѣе, при открытіи высшихъ женскихъ курсовъ при Маріинской гимназіи и съ основанія фребелевскихъ курсовъ, Ландцертъ преподавалъ на тѣхъ и другихъ анатомію, физіологію и гигіену, и кромѣ того отправлялъ обязанности ученаго секретаря при женскихъ врачебныхъ курсахъ. Выслуживъ опредѣленныя дзадцать пять лѣтъ, онъ оставилъ Военно-Медицинскую Академію и занимался, главнымъ образомъ, преподаваніемъ въ Академіи Художествъ. Онъ читалъ также интересныя публичныя лекція въ 1879 и 1883 гг. „Объ органахъ голоса и рѣчи" и „О костномышечномъ снарядѣ въ примѣненіи къ физическому воспитанію", которыя были потомъ изданы отдѣльно. Въ 1885 году дѣятельный, разносторонне образованный и всѣмъ интересовавшійся профессоръ Ландцертъ учредилъ Русское общество птицеводства и принималъ въ немъ горячее участіе, будучи президентомъ этого общества. Помимо всего, онъ очень любилъ рисовать, и его наброски и этюды карандашемъ, особенно рисунки лошадей во всѣхъ видахъ, пользуются извѣстностью среди любителей. Изъ трудовъ Ландцерта извѣстностью пользуются сочиненія „О забрюшной грыжѣ", „Курсъ нормальной анатоміи человѣка", къ сожалѣнію остановившійся на 1 томѣ, и „Сборникъ сочиненій по анатоміи, физіологіи и клинической медицинѣ", предпринятый имъ вмѣстѣ съ профессоромъ Э. Э. Эйхвальдомъ и докторомъ Шмулевичемъ. Ландцертъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ. Онъ умеръ далеко еще не старымъ человѣкомъ. **П. Б.**

Первая узда и первое сѣдло. (Рис. на стр. 1221).

Отецъ Валента былъ Вадимъ, извѣстная лѣтъ пятнадцать тому назадъ скаковая лошадь, перешедшая потомъ черезъ многія руки Донскихъ коннозаводчиковъ и гдѣ-то теперь уже въ искалѣченномъ видѣ доживающая свой вѣкъ. Мать была чистокровная англичанка, надѣлившая его всѣми качествами свойственными ея благородной породѣ. Словомъ, на Валента можно было возложить нѣкоторыя надежды, и о немъ слѣдовало позаботиться, какъ о будущей быть-можетъ знаменитости спорта.

Когда онъ появился на свѣтъ Божій и лежалъ возлѣ своей матери, приподнявъ только голову, какъ-бы разсматривая уходившую отъ него въ разныя стороны, безконечную, подернутую легкой дымкой утренняго тумана степь и щурясь отъ ослѣпляющаго зарева восходящаго солнца, противъ котораго ему пришлось лежать мордой,— къ нимъ не спѣша подъѣхалъ верхомъ на лошади калмыкъ-табунщикъ и разсмотрѣвъ его внимательно со всѣхъ сторонъ, взглянулъ еще на мать, какъ-бы вспоминая ея имя, что для него, впрочемъ, не составило труда, такъ какъ въ своемъ табунѣ, гдѣ было до тысячи лошадей, онъ зналъ каждую не только по имени, но и со всею родословною; затѣмъ, повернувъ своего половаго, то есть буланаго съ свѣтлой гривой и хвостомъ, коня, отправился къ зимовнику, который находился въ верстѣ отъ табуна, извѣстить хозяина о новой прибыли. Новорожденному, по заведеннымъ порядкамъ, надо было дать имя на ту же букву, съ которой начиналось имя отца—и *Валентъ* оказалось подходящимъ именемъ. Въ тотъ-же день на Валента пріѣхалъ взглянуть и самъ коннозаводчикъ, но жеребенокъ прятался за мать, бѣгая кругомъ, и не поддавался любопытному разсматриванію; а затѣмъ ему предоставлено было расти и развиваться до поры до времени. Разъ только въ этотъ годъ объ немъ вспомнили и обстригли ему хвостъ; это было еще весной, — пріѣхалъ табунщикъ и лишилъ его и его сверстниковъ этого украшенія, правда, въ степи совершенно лишняго. Изъ этого волоса табунщикъ дѣлаетъ длинный—саженей въ шесть-семь — арканъ, на одномъ концѣ котораго привязываетъ деревянное кольцо, а иногда, для большей прочности, изъ рога, и затѣмъ ловитъ имъ лошадей, выказывая въ этомъ дѣлѣ удивительную ловкость. Стрижку хвоста продѣлали и на другой годъ, но на третьемъ году хвостъ Валента оставили въ покоѣ, такъ какъ онъ уже былъ не жеребенокъ, а довольно порядочная лошадка, и порѣшили познакомить его съ уздой.

Въ одинъ прекрасный вечеръ прискакалъ въ табунъ главный табунщикъ, и отбивъ нѣсколько трехлѣтокъ, въ томъ числѣ и Валента, погналъ ихъ къ зимовнику. Какъ ни старались они разбѣжаться и увернуться отъ преслѣдованія, ловкіе маневры калмыка заставляли ихъ опять сомкнуться и бѣжать по его волѣ—и, такимъ образомъ, Валентъ со своими товарищами очутился въ базу *), за ними въѣхалъ табунщикъ съ арканомъ въ рукѣ, и ворота база были заперты и завязаны. Набравъ арканъ на лѣвую руку большими кольцами и держа въ правой большую петлю, взятую тоже кольцами, табунщикъ сталъ подъѣзжать къ оторопѣвшимъ, сбившимся въ одну кучу лошадямъ; но, чтобы удобнѣй было заарканить по выбору, ихъ пришлось разогнать. Испуганныя животныя заметались въ разныя стороны, ища выхода, стуча копытами о доски забора и взбрасывая пыль; но привычная рука калмыка, прожившаго тридцать-сорокъ лѣтъ при табунѣ и метавшаго можетъ-быть не одинъ десятокъ тысячъ разъ арканъ, не ошиблась расчетомъ—и Валентъ, мчавшійся по базу съ кучей своихъ товарищей, увидѣвъ брошенный въ его сторону грозный арканъ, не успѣлъ и отвернуть головы, чтобы скрыться отъ бѣды, какъ крѣпкая, эластичная петля, свитая можетъ-быть изъ его-же собственнаго хвоста, упала къ нему на шею и захлестнулась. Какъ ни упирался онъ до удушья, до хрипоты, крѣпкій арканъ, взятый табунщикомъ подъ ногу, заставилъ его покориться тяжкой необходимости дать себя вывести изъ база и допустить надъ собой дальнѣйшія операціи. Накинувъ петлю, табунщикъ сейчасъ беретъ арканъ подъ стремя, которое подъ брюхомъ его лошади крѣпко соединено съ другимъ стременемъ и съ самымъ сѣдломъ, такъ что вся сила сопротивленія приходится уже не на человѣка, а на лошадь; и гдѣ-же было Валенту, молодой еще, слабой лошадкѣ, мѣряться силою съ хорошо выѣзжанною и сильною лошадью, на которой былъ табунщикъ. Вытащенный изъ база, онъ еще нѣсколько минутъ метался и прыгалъ, изо всѣхъ силъ натягивая арканъ, какъ-бы силясь перервать его, пока къ нему не подкрался, держась аркана, помощникъ табунщика и не схватилъ его за ухо. Всякая возможность сопротивляться была теперь уже потеряна для него: нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства укротить самую дикую лошадь какъ овладѣвъ ея ушами; пригнутая къ землѣ голова не позволяетъ ударить передними ногами, а рискнуть бить задними, во-первыхъ, некого, значитъ безполезно, а главное, что съ пригнутой головой легко опрокинуться на спину. Валентъ все это чувствовалъ съ присущимъ ему, какъ животному, чуткимъ инстинктомъ, и потому остановился какъ вкопаный; но долго стоять ему не пришлось,—подошелъ еще одинъ калмыкъ (надо сказать, что при донскихъ табунахъ вся прислуга состоитъ исключительно изъ калмыковъ,—это ихъ спеціальность) и схвативъ Валента за другое ухо, сильнымъ движеніемъ заставилъ бѣднягу со всѣхъ ногъ грянуться на землю. Въ то время, какъ одинъ навалился ему на грудь, другой, давъ немного успокоиться лошади, сталъ осторожно надѣвать уздечку—и желѣзныя удила въ первый разъ загремѣли въ зубахъ Валента; онъ походилъ на школьника, котораго въ первый разъ отправляютъ въ школу и надѣваютъ сумку съ азбукой. Его отдали въ науку понимать малѣйшее движеніе этой уздечки—и дорого-же обойдется ему эта премудрость, много бою вынесутъ его бока отъ тяжеловѣсной нагайки калмыка, пока онъ смирится и будетъ двигаться по прихоти своего сѣдока.

Надѣвъ уздечку, прочно застегнувъ всѣ ремни и затянувъ въ петлю, сдѣланную изъ повода, нижнюю губу лошади, чтобы отъ боли при малѣйшемъ движеніи заставить ее стоять смирно, табунщики немного отступили, давая возможность ей подняться на ноги. Но Валентъ, должно быть, побоялся новаго подвоха и остался лежать, такъ что пришлось прибѣгнуть къ помощи нагайки, и первый, довольно чувствительный ударъ заставилъ было его заметаться, но завязанная губа и арканъ, который не снимался съ него все время до конца операціи и былъ въ рукахъ главнаго табунщика, заставили его мгновенно опомниться. Пока, такимъ образомъ, держали его за уши, за губы и на арканѣ, словомъ вполнѣ лишеннаго возможности сопротивляться, — подошелъ еще одинъ табунщикъ, неся наготовѣ сѣдло, и ловко набросилъ его на спину Валента; онъ

*) Огороженное мѣсто саж. въ 50 квадр.

только вздрогнулъ, чувствуя, что ничего инаго не можетъ предпринять, и не прошло двухъ минутъ какъ онъ былъ осѣдланъ; прочныя подпруги туго стянули ему брюхо, стремена укрѣплены, и на Валента оставалось только сѣсть, освободить его отъ аркана и отъ петли на губѣ, и предоставить его бѣшенымъ усиліямъ сбросить сѣдока. Ловкій молодой калмыкъ, большой охотникъ объѣзжать „неуковъ", передавъ ухо Валента въ руки своего товарища, приготовилъ висѣвшую у него на рукѣ нагайку пальца въ 1½ толщиною, взялъ короче повода и въ одинъ моментъ очутился на сѣдлѣ; и еще не успѣлъ Валентъ почувствовать себя на свободѣ безъ аркана и съ отпущеннымъ предательскимъ ухомъ, не успѣлъ еще проявить хотя чѣмъ-нибудь свое неудовольствіе отъ тяжести обхватившей его кругомъ, какъ безпощадная нагайка закружилась въ воздухѣ и пошла хлестать его справа налѣво. Отъ боли онъ въ первую минуту закрутилъ головой, потомъ сталъ бросать то передними, то задними ногами, какъ-то неуклюже выгибая спину и тряся ею, желая сбросить съ себя чудовище, жигавшее его во всѣ бока, и билъ зубами объ удила, точно хотѣлъ перегрызть.

Это была дикая борьба человѣка съ животнымъ, и сколько надо было ловкости и умѣнья понимать характеръ животнаго, предвидѣть всѣ его движенія и толчки, чтобы удержаться на сѣдлѣ! Съ дѣтства лихіе наѣздники, калмыки нерѣдко бываютъ сбрасываемы и даже убиваются. Невольно припоминается разсказъ про калмычку, которая отмстила дикою, оригинальною местью лошади, убившей ея мужа,—какъ она поймала ее арканомъ въ степи и скакала на ней до тѣхъ поръ, пока лошадь не повалилась мертвою.

Валентъ однако не выдержалъ побоевъ несокрушимаго калмыка—и птицей понесся по степи, поминутно измѣняя направленіе, и долго еще была видна болтавшаяся въ воздухѣ, то вправо, то влѣво, нагайка, пока ихъ совсѣмъ не стало видно. Черезъ полчаса Валентъ, измученный, весь въ мылѣ, рысцей несся по направленію къ зимовнику; нагайка безъ употребленія болталась на рукѣ калмыка.

Безъ малѣйшаго упрямства давъ разсѣдлать себя и получивъ полную свободу, онъ вихремъ унесся въ степь къ табуну, а на другой разъ его сѣдлали уже безъ всякихъ ухищреній — безъ уха и безъ подвязанной губы.

Съ такого-то тяжкаго урока началась дѣятельность Валента, а черезъ мѣсяцъ, имѣя своимъ сѣдокомъ уже не табунщика, а самого хозяина, онъ понималъ и трензели. **Кр—овъ.**

500-лѣтній юбилей Русской артиллеріи.

(Рисунки на стр. 1224 и 1225).

По поводу совершившагося уже юбилея нашей артиллеріи, помѣщаемъ еще нѣсколько любопытныхъ рисунковъ.

Рисунокъ № 1. Группа орудій, поднесенная Государю Императору отъ Технической Артиллерійской Школы, по поводу 500-лѣтія Русской артиллеріи, представляетъ скалу изъ артиллерійскаго металла, съ выдающимися сглаженными уступами, на которыхъ установлены орудія разныхъ временъ, отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ, отъ первыхъ „арматъ" — желѣзныхъ, кованыхъ пушекъ, привезенныхъ въ Московское великое княжество при Дмитріи Донскомъ, до совершеннѣйшихъ типовъ орудій, изготовленныхъ въ Россіи при нынѣ-благополучно царствующемъ Императорѣ Александрѣ III. Каждое орудіе обозначаетъ собою отдѣльную историческую эпоху, пережитую русскою артиллеріею, и служитъ для нея типическимъ выраженіемъ той степени развитія, на которой находилось артиллерійское искусство. Надъ каждымъ изъ этихъ историческихъ орудій, въ особомъ щитѣ, помѣщенъ вензель царствующаго монарха и годъ, къ которому орудіе относится. Древнѣйшія орудія—иноземныя *арматы*, нарѣзныя пищали XV и XVI столѣтій — собраны около основанія скалы; выше, по уступамъ расположены орудія Петра Великаго, Шуваловская гаубица Елисаветинскихъ временъ, орудія временъ Александра I, Александра II и новѣйшій типъ орудій, недавно введенныхъ въ нашу артиллерію. Этимъ орудіемъ скала и завершается: оно стоитъ подъ тѣмъ двуглавымъ орломъ государственнаго герба, который широко раскинулъ свои крылья надъ вершиною скалы. На угловомъ выступѣ вершины вырѣзаны надписи: „*Дмитрій Донской*", „*Александръ III*"; на одномъ изъ среднихъ уступовъ поставлена прислоненная къ скалѣ скрижаль, на которой начертано: „Въ память 500-лѣтія русской артиллеріи"; внизу, около основанія скалы, на особой доскѣ: „Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III".

Отдѣлка подробностей этой группы замѣчательна по своей изящной тонкости и чрезвычайной точности въ выработкѣ мельчайшихъ деталей. Не смотря на то, что вся группа не превышаетъ размѣромъ 1¾ аршина, каждый винтикъ каждаго орудія отдѣланъ въ совершенствѣ; даже всѣ замки орудій, заряжаемыхъ съ казенной части, вынимаются и движутся, какъ у настоящихъ орудійныхъ моделей. Такая отдѣлка частностей дѣлаетъ честь нашей Технической Артиллерійской Школѣ.

Рисунокъ № 2 изображаетъ, если можно такъ выразиться, послѣднее слово нашей артиллерійской науки:—это 6-ти-дюймовая полевая мортира, недавно введенная въ нашу артиллерійскую практику. Эта мортира представлена здѣсь на чрезвычайно-удобномъ, спеціально для нея приспособленномъ лафетѣ Энгельгарда. Главныя отличительныя свойства новыхъ мортиръ заключаются въ томъ, что онѣ обладаютъ, при легкости и удобствѣ перевозки, превосходными боевыми качествами: могутъ служить и какъ простыя полевыя орудія для настильной стрѣльбы, и какъ бомбическія орудія, для навѣсной стрѣльбы разрывными снарядами.

Рисунки №№ 3 и 4. Рисунокъ № 3 изображаетъ украшенную тропическими растеніями лѣстницу того помѣщенія въ Кронверкѣ Петропавловской крѣпости, гдѣ происходила главная часть торжества въ день пятисотлѣтняго юбилея артиллеріи. Рисунокъ № 4 изображаетъ пирамиду ядеръ и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которая была воздвигнута среди двора Кронверка, въ видѣ украшенія, въ день юбилейнаго празднества.

Тутъ же изображены наглядно двѣ эпохи нашей артиллеріи: древнѣйшая и новѣйшая. Первую представляетъ собою одинъ изъ нашихъ бомбардировъ, одѣтый въ служилую одежду стариннаго русскаго пушкаря XVI—XVII вѣка. На груди у него *мишень* (нѣчто въ родѣ герба) съ изображеніемъ львиной морды, держащей въ зубахъ пушку; въ правой рукѣ у него — *жагра*, т. е. шестъ, съ рогатымъ крюкомъ, на которомъ наматывался фитиль (пальникъ). Новѣйшую эпоху представляетъ другой бомбардиръ въ современной артиллерійской формѣ, съ банникомъ въ рукѣ.

Рисунокъ № 5 изображаетъ одну изъ археологическихъ диковинокъ нашего прекраснаго Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, а именно: такъ-называемую „*литавренную коляску*", на которой въ былыя времена, начиная съ царствованія Петра Великаго, возились вслѣдъ за нашею артиллеріею артиллерійскіе клейноды, дарованные Петромъ первому изъ учрежденныхъ имъ „артиллерійскихъ регулярныхъ полковъ". Клейноды эти состояли изъ артиллерійскаго знамени,—бѣлаго атласнаго, съ изображеніемъ пушки на колесахъ и съ вензелемъ Петра I—и изъ пары литавръ, украшенныхъ красными шелковыми завѣсами, съ писанными на нихъ золотыми орлами; завѣсы эти были обшиты серебряною бахромою съ серебряными кистями. Самая коляска, во времена Петра и въ фельдцейхмейстерство Брюса, была вызолочена и украшена рѣзьбою, запрягалась цугомъ рыже-пѣгихъ лошадей, а литаврщики, находившіеся при коляскѣ, были одѣты въ красные кафтаны, обшитые серебрянымъ галуномъ, въ нѣмецкіе сапоги, перчатки и епанчи, накинутыя поверхъ кафтановъ. Эта литавренная коляска и знамя при Петрѣ и при ближайшихъ наслѣдникахъ Петра Великаго, возилась вслѣдъ за артиллеріею во всѣ походы, вслѣдствіе чего пришла въ ветхость, и при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1745 г., было построено для артиллеріи новое знамя, а позднѣе (въ 1760 г.) и новая роскошная *литавренная коляска*, которая и сохранилась до настоящаго времени въ нашемъ Артиллерійскомъ Музеѣ. Это—громадная колесница, вызолоченная и украшенная богатѣйшею, весьма художественно-исполненною рѣзьбою. Надъ спинкою колесницы возвышается изображеніе „Беллоны", богини войны, въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ и щитомъ въ рукѣ. На заднемъ сидѣньѣ помѣщены парадныя литавры. Надъ переднимъ сидѣньемъ, представляющимъ богатую арматуру, составленную изъ орудій, ядеръ и различныхъ воинскихъ принадлежностей, укрѣпленъ двуглавый государственный орелъ. Около передняго сидѣнья, въ особо-устроенномъ гнѣздѣ, вставлено древко артиллерійскаго знамени. Знамя построено изъ бѣлой шелковой матеріи; на немъ шелками расшито поле, а на полѣ золотая пушка съ лафетомъ; надъ пушкой — парящій двуглавый орелъ съ перунами въ когтяхъ и девизъ: *Tuetur et terret* (охраняетъ и устрашаетъ).

Эта парадная колесница уже не слѣдовала за артиллеріею въ походахъ и являлась только принадлежностью различныхъ военныхъ торжествъ и парадовъ. Изготовленіе ея обошлось очень дорого—4,000 руб. (сумма огромная по тому времени!); но Шуваловъ принялъ этотъ расходъ на себя и пополнилъ его изъ своего жалованья. Казнѣ пришлось потратить только 500 рублей „на мундиры 9 фурлейтовъ, сопровождавшихъ коляску". Судя по стоимости этихъ мундировъ, надо полагать, что они были очень роскошны.

Бразильская императорская семья. (Рис. на стр. 1228).

Разразившаяся въ Ріо-Жанейро революція заставила императора домъ-Педро II покинуть Бразилію. Имя этого государя хорошо извѣстно въ Европѣ, которую онъ посѣтилъ трижды. Во время своего втораго и третьяго путешествія, въ 1876 году, а затѣмъ въ 1887 году, онъ посѣтилъ также Россію. Тогда-же нашъ журналъ, помѣстивъ портреты императора и императрицы Бразильскихъ, сообщилъ подробныя ихъ біографіи. Нынѣ укажемъ только, что царствованіе домъ-Педро продолжалось 58 лѣтъ, и въ теченіе этого времени государственная жизнь Бразиліи сдѣлала громадные успѣхи. Родившись 2 декабря 1825 года, домъ-Педро на шестомъ году вступилъ на престолъ, по отреченіи своего отца, домъ-Педро I, 7 апрѣля 1831 г. Спустя 9 лѣтъ, 23 іюля 1840 года, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, принялъ бразды правленія и короновался 18 іюля 1841 года. Въ 1843 году онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью умершаго въ 1830 году короля обѣихъ Сицилій, Франциска I, Терезой-Христиной-Маріей, родившейся 14 марта 1822 г. Изъ дѣтей императора осталась въ живыхъ только старшая дочь, наслѣдни-

ца престола, принцесса Изабелла, родившаяся 17 іюля 1846 г. Въ 1864 году она вышла замужъ за сына герцога Немурскаго, Лудовика-Филиппа графа д'Э (d'Eu), которому тогда было 27 лѣтъ. Младшая дочь императора, Леопольдина, родилась въ 1847 году и умерла въ 1871 году. Она была замужемъ за принцемъ Лудвигомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ.

Большая непопулярность принцессы Изабеллы и ея супруга, графа д'Э, вслѣдствіе ихъ открытаго покровительства іезуитамъ, были однимъ изъ поводовъ совершившагося переворота. Съ другой стороны, эманципація рабовъ съ 1871 года, вызвала не мало недовольныхъ среди самаго зажиточнаго въ Бразиліи сословія плантаторовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ снисходительный и мягкій характеръ императора не препятствовалъ появленію и сплоченію недовольныхъ также среди другихъ классовъ населенія, которые, какъ только успѣли привлечь на свою сторону войско, тотчасъ совершили переворотъ, лишивъ престола одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ государей настоящаго вѣка.

Домъ Педро II, императоръ Бразильскій.

Гастонъ графъ д'Э, мужъ наслѣдницы Изабеллы.

Наслѣдница Изабелла Бразильская.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Э. Э. Эйхвальдъ.

(Портр. на стр. 1229).

Тяжелую утрату понесъ недавно русскій медицинскій міръ. 2 ноября скончался бывшій профессоръ Медико - Хирургической Академіи и директоръ Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, тайный совѣтникъ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. Въ его лицѣ медицинская наука лишилась одного изъ крупнѣйшихъ и блестящихъ своихъ представителей, а общество потеряло замѣчательнаго дѣятеля, талантливаго, энергичнаго, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ терапевтовъ, человѣка пытливаго ума и независимаго характера, съ горячей любовью относившагося къ своему дѣлу, которымъ была полна вся жизнь покойнаго. Какъ ученый, онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ трудовъ, обогатившихъ науку, среди которыхъ особенно цѣнны были его изслѣдованія по физіологической и патологической химіи, какова, напримѣръ, изданная имъ на нѣмецкомъ языкѣ работа „Beiträge zur Chemie der Globulinbildenden Substanzen". Его клиническія лекціи, имѣвшія громадный успѣхъ, цитируются лучшими учеными врачами, а небольшое, но вѣское сочиненіе о „Грудной жабѣ" представляетъ необходимое руководство для каждаго врача-спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ. Профессоръ Эйхвальдъ писалъ немного, но это немногое, особенно изъ трудовъ его въ послѣднее время, „цѣнилось на вѣсъ золота". Огромныя услуги оказалъ онъ и какъ педагогъ, какъ лекторъ, масса учениковъ котораго разсѣяны теперь по всей Россіи. На его лекціяхъ врачи и медицинскіе студенты, жадно ловившіе каждое слово профессора, обладавшаго чрезвычайно богатыми научными и практическими свѣдѣніями, пріобрѣтали множество цѣнныхъ указаній, такъ какъ Эйхвальдъ постоянно и ревниво слѣдилъ за наукой, и не отставалъ ни на іоту отъ ея послѣднихъ изобрѣтеній, сообщая слушателямъ своимъ то, чего нельзя было отыскать въ извѣстныхъ учебникахъ и руководствахъ. Эти слушатели профессора живо помнятъ его талантливыя лекціи о разстройствахъ кровообращенія, его клиническій разборъ отдѣльныхъ формъ заболѣваній, лекціи по общей терапіи, отличавшіяся и научнымъ содержаніемъ, и практическими указаніями. Онъ всегда держался анатомо-физіологической основы и мало давалъ цѣны отвлеченнымъ теоріямъ, настаивая на научной точности изслѣдованія, съ удивительнымъ талантомъ мотивируя назначеніе лѣкарствъ. Памятны и его чтенія о гомеопатіи, когда онъ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ и присущимъ ему критическимъ талантомъ, на основаніи работъ гомеопатовъ, разбиралъ основы этого ученія, отклонившагося отъ научнаго пути. Вотъ почему лекціи Эйхвальда привлекали массу слушателей. Но еще болѣе важную услугу оказалъ онъ учащимся спеціалистамъ, врачамъ и студентамъ въ дѣлѣ устройства высшаго медицинскаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ, а именно Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, основаннаго въ 1885 году. Основанный съ цѣлью усовершенствованія начинающихъ врачей обоего пола въ различныхъ спеціальностяхъ, путемъ практики и для подготовки ихъ къ самостоятельной дѣятельности, институтъ получилъ вполнѣ образцовое устройство, благодаря удивительной энергіи Эйхвальда, который, такъ сказать, положилъ въ него всю душу свою, заботился о каждой мелочи, о лабораторіи, о выборѣ состава преподавателей, профессоровъ и врачей, и, кромѣ личныхъ трудовъ, въ качествѣ директора института, въ которомъ онъ читалъ клиническія лекціи терапіи и внутреннихъ болѣзней, оказалъ ему большую матеріальную поддержку, пожертвовавъ на это учрежденіе 75,000 рублей. По почину Эйхвальда, была также устроена при институтѣ первая въ нашей столицѣ лабораторія для бактеріологическихъ изслѣдованій. Не смотря на свои служебныя обязанности и обширную врачебную практику, Эйхвальдъ много занимался наукой, и его огромная медицинская библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ можетъ считаться единственною въ своемъ родѣ. Не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, профессоръ Эйхвальдъ былъ настоящимъ русскимъ гражданиномъ и умѣлъ цѣнить даровитыхъ русскихъ людей, которыхъ онъ всегда старался отыскивать и всегда отличалъ. Да и женатъ онъ былъ на русской.

Безъ сомнѣнія, профессоръ Эйхвальдъ и талантливость свою, и любовь къ наукѣ унаслѣдовалъ отъ отца, извѣстнаго естествоиспытателя-палеонтолога и путешественника. Эдуардъ Ивановичъ Эйхвальдъ объѣздилъ почти всю Европу, Кавказъ вплоть до Персіи, Алжирію и другія страны и притомъ былъ профессоромъ зоологіи и минералогіи въ Медико - Хирургической Академіи, а въ Горномъ институтѣ читалъ палеонтологію. За годъ до назначенія его профессоромъ, въ 1837 году, у него родился, здѣсь-же въ Петербургѣ, сынъ Эдуардъ Эдуардовичъ, который первоначально воспитывался дома. Ученый отецъ старался дать ему хорошее образованіе, особенно по естествовѣдѣнію, и помѣстилъ его затѣмъ въ Анненскую школу, по окончаніи курса которой Эйхвальдъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Выдающіяся способности, обнаруженныя имъ еще въ школѣ, обратили на него вниманіе профессоровъ и въ Академіи, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1859 году, первымъ. Оставленный при Академіи, онъ занимался сначала въ клиникѣ Бессера, а потомъ состоялъ ассистентомъ профессора Н. Ѳ. Здекауэра, и читалъ лекціи по діагностикѣ; а съ выходомъ послѣдняго изъ Академіи былъ ассистентомъ при извѣстномъ профессорѣ В. Е. Эккѣ. Въ 1863 году Эйхвальдъ защищалъ диссертацію на степень доктора медицины, — диссертацію вызвавшую большія похвалы извѣстнаго ученаго Риндфлейша въ его учебникѣ патологической анатоміи, — и тогда-же былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Возвратившись въ Россію, онъ былъ избранъ, въ 1865 г., адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ общей терапіи при профессорѣ Эккѣ, а впослѣдствіи занялъ его каѳедру, въ качествѣ ординарнаго профессора въ госпитальной клиникѣ внутреннихъ болѣзней. Въ 1866 г. Эйхвальдъ получилъ назначеніе состоять врачемъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а въ послѣдующіе годы, по производствѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, сдѣланъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, совѣщательнымъ и затѣмъ непремѣннымъ членомъ ме-

дицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и непремѣннымъ членомъ Ученаго военно-медицинскаго комитета. Во время появившейся въ Ветлянкѣ чумной эпидеміи, въ 1878—1879 гг., онъ былъ командированъ въ распоряженіе временнаго астраханскаго генералъ-губернатора, гр. Лорисъ-Меликова, причемъ отнесся крайне скептически въ тревогѣ, объявшей и Россію, и Западную Европу, считая опасность черезчуръ преувеличенною. Перейдя въ 1883 году въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, онъ занялъ мѣсто инспектора медицинской части этихъ учрежденій, а съ открытіемъ въ 1885 году Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны сдѣланъ его директоромъ и оставался въ этой должности до самой кончины. На смертномъ одрѣ интересовался онъ дѣлами этого, созданнаго имъ, учрежденія и давалъ разныя указанія относительно дальнѣйшей судьбы института. Въ 1886 г. Эйхвальдъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Онъ состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ учрежденій и обществъ. Въ позднѣйшее время онъ помѣщалъ свои интересныя работы въ журналахъ „Врачъ“ и „Практическая Медицина“, гдѣ обратили на себя вниманіе его прекрасныя статьи по поводу задачъ и дѣятельности коммисіи по вопросу объ устройствѣ санитарной части въ Имперіи и по поводу появленія въ Европѣ холеры въ 1883—84 гг. Эйхвальдъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ, и тѣмъ горестнѣе для насъ эта потеря замѣчательнаго практическаго врача и ученаго теоретика, создавшаго цѣлую школу учениковъ.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

Миролюбивое настроеніе Европы является знаменіемъ настоящаго времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявлялось дважды при открытіи палатъ: въ Италіи и Румыніи. Въ королевскомъ посланіи, которымъ открыты засѣданія палатъ въ Бухарестѣ, въ началѣ говорится, что утомленная борьбою страна требуетъ представителей труда, людей просвѣщенныхъ, чтобы упрочить цвѣтущее финансовое положеніе и облегчить благотворную задачу общественныхъ службъ. Далѣе въ посланіи съ удовольствіемъ упомянуто о существованіи добрыхъ отношеній между Румыніей и всѣми державами, и сказано, что довѣріе къ Румыніи основано на ея благоразумномъ поведеніи. Король съ удовольствіемъ заявилъ при этомъ объ успѣхѣ, увѣнчавшемъ единодушныя усилія державъ сохранить миръ.

Тронная рѣчь короля Гумберта отличалась необычнымъ оптимизмомъ. Прежде всего въ ней указано, что всѣ итальянцы могутъ раздѣлить чувство гордости по поводу упрочившагося единства и свободы Италіи, такъ какъ теперь нечего опасаться ни препятствій, ни риска. „Италія — говорится далѣе — сдѣлала въ тридцать лѣтъ то, на что у другихъ націй потребовался трудъ цѣлаго столѣтія“. Король заявляетъ далѣе о своемъ заботливомъ отношеніи къ общественнымъ задачамъ и выражаетъ желаніе, чтобы его царствованіе послужило на пользу особенно благоденствію низшихъ классовъ. Затѣмъ въ рѣчи объявлено о внесеніи различныхъ законопроектовъ и сказано, что правительство не потребуетъ новыхъ налоговъ и предложитъ упразднить дифференціальный тарифъ между Италіей и Франціей. „Моя политика — говорилъ король — имѣетъ въ виду спокойствіе умовъ, которое соотвѣтствуетъ спокойному характеру итальянскаго народа и служитъ наиболѣе прочнымъ залогомъ мира. Въ настоящее время миръ, повидимому, обезпеченъ Европѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь, благодаря совѣту великихъ державъ. Мое дѣло есть также дѣло и моихъ союзниковъ. Вопросы, могущіе нарушить спокойствіе, не всѣ еще разрѣшены; будемъ же съ бодрствующею заботливостью, но не слишкомъ обременяя бюджетъ, давать попрежнему все нужное для арміи и флота, которые составляютъ защиту нашего единства и независимости и, вмѣстѣ съ нашимъ правомъ, краснорѣчиво поддерживаютъ наши интересы въ мірѣ. Но я увѣренъ, что, благодаря мудрости правительствъ и благоразумію народовъ, приготовленнаго всѣми оружія не придется употребить въ дѣло. Мы приложимъ его въ Африкѣ, гдѣ политикѣ нашей предвидится успѣхъ и гдѣ для нашего вліянія открыта отнынѣ обширная сфера дѣйствій. Вліяніе это я желаю употребить на пользу цивилизаціи, чтобы имя новой Италіи было повсюду благословляемо“. Рѣчь эта была встрѣчена сильными рукоплесканіями.

Профессоръ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. † 2 ноября. Съ фотогр. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Въ Германіи и во Франціи палаты депутатовъ заняты вопросами внутренней политики.

Въ Парижѣ въ первые же дни дѣятельности палаты, министерству пришлось понести пораженіе, направленное, правда, не прямо противъ него, но скорѣе противъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Однимъ изъ депутатовъ, Лэде, было внесено предложеніе о свободѣ спичечнаго производства. Министръ Рувье сильно оспаривалъ это предложеніе, которое, тѣмъ не менѣе, было принято палатой, какъ подлежащее немедленному обсужденію, и затѣмъ, не смотря на сопротивленіе Рувье, палата, большинствомъ 292 голосовъ противъ 232, приняла статью 1-ю проекта Лэде. Вслѣдствіе такого оборота дѣла Рувье намѣревался выйти въ отставку, но по настояніямъ Тирара остался. На другой день, 11 ноября, Тираръ, вмѣстѣ съ Рувье, снова сдѣлали нѣсколько возраженій противъ предложенія Лэде, и затѣмъ палата отвергла статью третью проекта. Тогда Лэде взялъ назадъ свое предложеніе. Вслѣдъ затѣмъ Рувье заявилъ, что спичечною монополіею будетъ завѣдывать само правительство. Инцидентъ этотъ, самъ по себѣ незначительный, можно думать, послужитъ предостереженіемъ министерству.

Въ Германскомъ рейхстагѣ произошло событіе совершенно другаго свойства, но чрезвычайно знаменательное. При обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, Рихтеръ спросилъ—правда-ли, какъ то утверждаетъ часть печати, что начальникъ генеральнаго штаба оказываетъ вліяніе на направленіе внѣшней политики. Военный министръ назвалъ относящіяся къ этому газетныя статьи пустою болтовнею. „Армію оскорбляютъ—сказалъ онъ—предположеніемъ, что между офицерами можетъ существовать духъ оппозиціи противъ правительства и императора“. Графъ Бисмаркъ присоединился къ словамъ военнаго министра и назвалъ всѣ эти толки мифомъ. „Иностранною политикою—присовокупилъ министръ—руководитъ императоръ, который совѣщается при этомъ съ компетентными лицами“.

Подробности о бразильскомъ переворотѣ до сихъ поръ весьма незначительны. Тѣмъ не менѣе, теперь уже съ достовѣрностью можно сказать, что одною изъ главнѣйшихъ его причинъ была отмѣна рабства. Плантаторы, люди съ большими средствами, были чрезвычайно недовольны этою мѣрою. Рядомъ съ ними, республиканцы, по многимъ причинамъ, въ особенности за послѣднее время, были настроены враждебно правительству. Союзъ этихъ двухъ партій, успѣвшихъ привлечь на свою сторону войска, и далъ имъ возможность совершить пе-

давній переворотъ. Полученныя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Парижѣ, телеграммы изъ Бразиліи удостовѣряютъ, что ни одно изъ правительствъ и ни одна изъ американскихъ республикъ не признали еще бразильскаго правительства, которое, впрочемъ, ждетъ рѣшенія учредительнаго собранія прежде, чѣмъ потребовать признанія. Для охраны французскихъ и англійскихъ подданныхъ посланы одно французское и два британскихъ военныхъ судна. Относительно посылки германскихъ судовъ, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* пишутъ: „Судя по телеграфнымъ сообщеніямъ, нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Бразиліи едва-ли можетъ дать державамъ поводъ къ безпокойству. Временное правительство, повидимому, не имѣетъ недостатка ни въ силѣ, ни въ желаніи сохранить порядокъ; поэтому не представляется надобности посылать въ Ріо-Жанейро германскія военныя суда“.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ прибылъ 11 ноября въ 6 час. утра въ Варшаву. Въ вокзалѣ Варшавско-Вѣнской дороги Его Императорское Высочество встрѣтили н. д. главнаго начальника края генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и другія власти. Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ генералъ-адъютанта графа Мусина-Пушкина, а оттуда въ открытой коляскѣ прослѣдовалъ на мѣсто расположенія лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Полкъ былъ выстроенъ развернутымъ фронтомъ. Поздоровавшись съ полкомъ, Его Императорское Высочество посѣтилъ полковую церковь, затѣмъ офицерское собраніе. Послѣ завтрака въ собраніи, Его Императорское Высочество, въ сопровожденіи и. д. главнаго начальника края, послѣдовалъ въ варшавскій каѳедральный соборъ и со станціи Петербурго-Варшавской дороги отбылъ при громогласномъ „ура“.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 21 октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: вызвать преосвященныхъ митрополитовъ: Кіевскаго—Платона и Московскаго—Іоанникія и архіепископа Холмско-Варшавскаго—Леонтія въ Петербургъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

— 4 ноября, въ гор. Казани, въ каѳедральномъ соборѣ, было совершено, Крещеніе татарина Гибадуллы Гибадуллина, 26 лѣтъ, по занятію литографщика, который при Крещеніи получилъ имя Павла.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ, 8 ноября 1889 г., Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы принятіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій подлежащими судебными установленіями и совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускалось не иначе какъ съ разрѣшенія Министра Юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей означенныхъ установленій и совѣтовъ.

— Лифляндскій губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о неблагонадежныхъ, въ правительственномъ отношеніи, дѣйствіяхъ члена рижской городской управы статскаго совѣтника фонъ-Эттингена и о допускаемыхъ нерѣдко въ тамошней городской думѣ неумѣстныхъ сужденіяхъ. По всеподданнѣйшему о семъ докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Государь Императоръ, 9 ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Рижскому городскому головѣ, дѣйствительному статскому совѣтнику фонъ-Эттингену, за непринятіе мѣръ къ устраненію допускаемыхъ въ означенной городской думѣ неумѣстныхъ сужденій, сдѣлать строгій выговоръ. 2) Члена городской управы статскаго совѣтника фонъ-Эттингена удалить не только изъ состава городской управы, но и изъ состава учрежденій городскихъ общественныхъ управленій вообще, съ воспрещеніемъ ему и впредь вступать въ общественную службу.

Военное и морское дѣло.

— 10 ноября, въ $12^1/_2$ часовъ утра, во дворцѣ Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича состоялся завтракъ, на который были приглашены всѣ артиллерійскіе генералы, находящіеся въ Петербургѣ, и всѣ представители артиллеріи, прибывшіе въ Петербургъ на праздникъ 500-лѣтія артиллеріи.

— Изъ Баку телеграфируютъ, что военный пароходъ „Насръ-Эдинъ-шахъ“, сидѣвшій на камнѣ около острова Живаго, разбитъ послѣдними бурями и пошелъ ко дну. Военный пароходъ „Геокъ-Тепе“ потерпѣлъ крушеніе въ 11 миляхъ отъ Сулака. Днище пробито въ машинномъ отдѣленіи, вода стоитъ по наружный горизонтъ, надежды на спасеніе парохода нѣтъ. Посланную съ парохода лодку съ офицеромъ перевернуло буруномъ, причемъ погибли поручикъ Шилинъ и пять матросовъ; остальная команда и офицеры живутъ на ватагахъ. Тѣла погибшихъ, за исключеніемъ одного матроса, найдены и погребены на берегу.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ, 10 ноября, открытъ, въ предсѣдательствѣ д. с. с. Таскина, четырнадцатый съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи. Занятія продолжатся около двухъ недѣль.

— Въ Тифлисѣ, 12 ноября, во дворцѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ происходила торжественная раздача наградъ экспонентамъ кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставки. Всѣхъ наградъ присуждено болѣе тысячи, въ томъ числѣ золотыхъ медалей 48, серебряныхъ большихъ 82, малыхъ 179, бронзовыхъ 247, почетныхъ дипломовъ, замѣняющихъ медали — золотыя 8, серебряныя 27, бронзовыя 47. Золотыя медали, между прочимъ, получили: Мургабское Государево имѣніе по земледѣлію, удѣльныя имѣнія Абрау и Кахетинское по винодѣлію, графъ Шереметевъ по виподѣлію же; владѣлецъ Боржомскаго имѣнія Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ по лѣсоводству. Три заграничныя фирмы: Эккертъ въ Берлинѣ, Рамсонъ въ Англіи и Марсъ во Франціи по отдѣлу земледѣльческихъ орудій и машинъ. Торжество закончено народнымъ гимномъ и громкимъ „ура“.

— Варнавинское земское собраніе постановило открыть въ селѣ Баки въ 1890 г. ремесленные классы для изученія столярнаго, слесарнаго и кузнечнаго мастерства.

— Недавно, компанія колонистовъ пріобрѣла въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, около с. Британо, 1,000 десятинъ земли, для разведенія тамъ аккерманскаго винограда.

— Вслѣдствіе морозовъ, съ 18 по 22 октября, третья часть урожая хлопка въ Туркестанскомъ краѣ погибла, а морозомъ 18 сентября уничтожена часть перваго сбора хлопка за Сыръ-Дарьей. Въ орошенныхъ мѣстахъ голодной степи оканчивается третій и послѣдній сборъ хлопка. Въ этой мѣстности урожай хлопка обильный.

Пути сообщенія.

— Работы по сооруженію Сурамскаго туннеля идутъ въ настоящее время весьма успѣшно. Воды показывается мало; рабочихъ рукъ и запаса матеріаловъ имѣется достаточно. Каменная кладка туннеля должна закончиться въ апрѣлѣ или въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года, если не произойдетъ какихъ-нибудь осложненій при работахъ.

— Изъ Кучана сообщаютъ, что работы по проведенію мешхедо-кучанскаго колеснаго пути подвигаются крайне медленно, вслѣдствіе недостаточнаго техническаго надзора со стороны персидскаго правительства и затруднительныхъ каменныхъ работъ въ горахъ. Открытіе колеснаго пути не можетъ послѣдовать раньше лѣта будущаго года.

Наука.

— Участникъ экспедиціи полковника Пѣвцова, В. И. Роборовскій, сообщаетъ письмомъ изъ Хотана, что экспедиція прибыла въ Хотанъ 25 сентября, пробывъ почти мѣсяцъ въ горахъ для отдыха вьючнымъ животнымъ. Изъ Хотана выступили 28 сентября въ Нію, гдѣ будутъ зимовать и искать прохода въ Тибетъ черезъ пограничный хребетъ Куенъ-Лунь. Этотъ хребетъ названъ покойнымъ Пржевальскимъ „Хребетъ Русскій“. Въ Тибетѣ надѣются провести лѣтніе мѣсяцы; какъ пойдутъ обратно — еще не рѣшено.

Изъ губерній и областей.

— Въ Одессѣ, 13 ноября, сгорѣла до тла единственная проволочная и штифтовая фабрика Шполянскаго.

— Изъ Симферополя отъ 14 ноября телеграфируютъ, что Бѣлозерская сберегательная касса похищена чрезъ разобранный потолокъ; тяжело раненъ кассиръ и сторожа кассы.

— Во время пребыванія въ Керки генерала Матвѣева съ офицерами, производившими военно-полевую поѣздку, въ пограничной бухарско-афганской деревнѣ Босага, къ генералу явился офицеръ, начальникъ афганскаго поста, съ выраженіемъ дружбы, питаемой эмиромъ Абдурахманомъ и афганцами къ русскимъ, и просилъ принять угощеніе для офицеровъ и фуражъ для лошадей.

— Въ Бухарѣ скончался на 86 году жизни великій визирь Бухары. Изъ двухъ внуковъ покойнаго одинъ — главный сборщикъ податей въ Бухарѣ, а другой—губернаторъ Чарджуя. Покойный пользовался общимъ уваженіемъ мѣстнаго населенія и русскихъ властей. Онъ происходилъ изъ рабовъ-персіянъ, былъ проданъ туркменами Бухарскому эмиру за 80 руб.

Смѣсь.

Вся Вѣна, по словамъ иностранныхъ газетъ, нетерпѣливо ждала Эдиссоновскаго фонографа, чтобы собственными ушами убѣдиться въ достовѣрности приписываемыхъ ему чудесъ. А между тѣмъ, по словамъ тѣхъ же газетъ, успѣлъ появиться другой волшебный аппаратъ, также американскаго происхожденія, который, по увѣренію представителя фирмы, даетъ то же, что и фонографъ Эдиссона, но превосходитъ его простотой конструкціи и давностью изобрѣтенія. Имя изобрѣтателя — *Чарлзъ Семнеръ Тэнтеръ*; названіе прибора — *графофонъ*, въ отличіе отъ Эдиссоновскаго фонографа. Новый аппаратъ, равно какъ и фонографъ, былъ выставленъ на Парижской выставкѣ, но о немъ до сихъ поръ не было рѣчи. Первое демонстрированіе прибора въ Вѣнѣ происходило въ клубѣ Конкордія, въ присутствіи членовъ послѣдняго. Приборъ прежде всего поражаетъ безпритязательностью внѣшняго вида. Онъ напоминаетъ собою швейную машину и также приводится въ движеніе посредствомъ колеса и педали. Электричество не играетъ здѣсь никакой роли, ни въ видѣ двигательной силы, ни для пріема или передачи звуковъ. Представитель нью-іоркскаго об-

щества, взявшаго привилегію на изготовленіе графофона заводскимъ способомъ, объяснялъ устройство механизма, дѣйствительно отличающагося, повидимому, крайнею простотою. Слова, сказанныя въ воронку (Trichter), въ ту часть аппарата, которая предназначена для пріема звука, производятъ колебанія пластинки (Glimmerplättchen), передающіяся штифтику, который оставляетъ слѣдъ на валикѣ, покрытомъ слоемъ воска. Когда желаютъ, чтобы произнесенный или принятый звукъ былъ повторенъ аппаратомъ, все вышесказанное совершается въ обратномъ порядкѣ. Валикъ поворачиваютъ, полученные на немъ знаки дѣйствуютъ посредствомъ штифта на слушательный приборъ въ родѣ телефона, изъ котораго можно слышать рѣчь или пѣніе посредствомъ приложенныхъ къ ушамъ трубокъ. Само собою, при такомъ способѣ передачи звуковъ графофономъ, слушать можетъ одновременно лишь одно лицо. Представитель фирмы говорилъ хотя, что при большемъ размѣрѣ резонансныхъ воронокъ (Schalltrichter) звуки могутъ быть слышаны во всей комнатѣ, цѣлымъ обществомъ, но такихъ опытовъ произведено не было. Каждое изъ собравшихся лицъ выслушивало поочередно отдѣльныя части той рѣчи, которую повторялъ графофонъ. Окончательнаго сужденія о пригодности и практичности новаго аппарата пока не было произнесено. Представитель обращалъ вниманіе присутствующихъ на то, что восковыя гильзы могутъ быть пересылаемы по почтѣ въ легкихъ деревянныхъ ящичкахъ, что уже и практикуется, по его словамъ, въ Америкѣ. Общество, предпринявшее фабричное изготовленіе графофоновъ, намѣрено отдавать ихъ на прокатъ по 40 долларовъ въ годъ, какъ уже отдаются телефоны. (с.)

Ружье Жиффара. То, о чемъ я собираюсь говорить, пишетъ одинъ парижскій корреспондентъ,—не химера, не басня, выдуманная по случаю закрытія всемірной выставки, а новое изобрѣтеніе, испытанное на моихъ глазахъ, и на которое взяты привилегіи отъ государствъ всего земнаго шара. Я говорю о чудесномъ *ружьѣ безъ пороха*, испробованномъ въ моемъ присутствіи его изобрѣтателемъ, г. Полемъ Жиффаромъ. Пріобрѣвшій уже извѣстность воздухоохладительною машинкой для сохраненія съѣстныхъ припасовъ и учрежденною уже правительствомъ *Парижскою пневматическою почтой* для доставленія мѣстныхъ денешъ, г. Жиффаръ, послѣ долголѣтнихъ трудовъ на этомъ поприщѣ, придумалъ ружье, въ основаніи котораго лежитъ принципъ сжатаго и приведеннаго въ жидкое состояніе воздуха. Въ залѣ, гдѣ происходили опыты, не было ни станка (Schiesstand), никакихъ приспособленій для безопасности. Несмотря на громкую извѣстность изобрѣтателя, я усомнился нѣсколько въ успѣхѣ его опыта, когда г. Жиффаръ показалъ мнѣ ружье, весьма похожее по наружному виду на существовавшія до сихъ поръ, и объявилъ, что оно можетъ произвести 300 выстрѣловъ, безъ перезаряжанія. Ружье очень легко, гораздо легче всѣхъ извѣстныхъ доселѣ военныхъ ружей. Оно напоминаетъ магазинное въ томъ отношеніи, что къ стволу его также привинчивается небольшая коробка въ дюймъ толщиною. Коробка эта заключаетъ въ себѣ 300 зарядовъ, которые могутъ быть выпущены по произволу, одинъ за другимъ, безъ перезаряжанія. Такъ какъ для выстрѣла не требуется ни пороха, ни другаго какого-либо взрывнаго вещества, а лишь устроенный на самомъ ружьѣ механизмъ для сжатія воздуха и приведенія его въ жидкое состояніе, то здѣсь нѣтъ ни дыма, ни огня, а слышится только нѣкоторый трескъ. Ружье названо изобрѣтателемъ ballistique. Пули, попадающія съ величайшею точностью, глубоко врѣзались въ стѣну залы и отскакивали назадъ. По израсходованіи всѣхъ 300 зарядовъ, навинчивается новая коробка. Г. Жиффаръ объявилъ, что онъ можетъ приготовлять такія коробки на 300 выстрѣловъ по 10 сантимовъ.

Кромѣ отсутствія дыма и огня, которое дѣлаетъ дѣйствіе ружья, бьющаго на 2,000 метровъ, абсолютно невидимымъ (а на извѣстномъ разстояніи почти неслышнымъ), г. Жиффаръ приводитъ слѣдующія преимущества своего изобрѣтенія:

Мѣткость выстрѣла абсолютна, такъ какъ прицѣлъ можетъ быть регулируемъ по желанію; ружье не имѣетъ ни малѣйшей отдачи (стрѣлять можно одною рукою), не допускаетъ никакихъ несчастныхъ случаевъ при заряжаніи; стволъ не нагрѣвается даже послѣ 300 выстрѣловъ; коробки, содержащія жидкій газъ на 300 выстрѣловъ, легки, могутъ быть переносимы въ большомъ количествѣ и, равно какъ и самое ружье, выдерживаютъ всякую непогоду и перемѣну температуры. Ружье дѣлается для пуль разной формы, какъ круглыхъ, такъ и коническихъ, и можетъ быть изготовляемо по 25 франковъ за штуку.

Г. Поль Жиффаръ того мнѣнія, что его изобрѣтеніе, развѣнчивающее порохъ, сдѣлаетъ войны невозможными. Противъ войскъ, дѣйствующихъ съ величайшею мѣткостью, абсолютно невидимыхъ и стрѣляющихъ по 300 разъ безъ перезаряжанія, на протяженіи 2,000 метровъ, устоять нельзя, а такъ какъ обѣ стороны будутъ обладать одинаковыми преимуществами, то какъ нападеніе, такъ и оборона станутъ невозможными. Прежде всего сдѣлается немыслимою кавалерія.

Не придавая этимъ объясненіямъ бо́льшаго значенія, чѣмъ могла требовать вѣжливость относительно геніальнаго изобрѣтателя, я только выразилъ ему сожалѣніе, что самая сущность его ружья, какъ составляющая секретъ, не можетъ быть обнародована. По желанію г. Жиффара, изобрѣтеніе его было испытано экспертами различныхъ государствъ, въ томъ числѣ и въ Берлинѣ. До сихъ поръ имъ изготовлено три ружья ballistique, калибра 6, 8 и 12 мил.

Какъ бы то ни было, можно сказать съ увѣренностью, что изобрѣтеніе это причинитъ не мало безсонныхъ ночей государственнымъ людямъ, высшимъ военнымъ чинамъ и, въ особенности, владѣльцамъ оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ. (с.)

Землетрясенія въ Россіи. По историческимъ даннымъ, первое землетрясеніе въ Кіевѣ наблюдали въ 1086 г. при великомъ князѣ Всеволодѣ. Затѣмъ въ 1091 г. Въ 1106 г., во время приготовленія Святополка Милославовича къ походу противъ Половцевъ, Владиміръ Залѣсскій наблюдалъ, какъ вслѣдствіе землетрясенія кресты валились съ церквей. Послѣ того какъ нѣсколько разъ были засвидѣтельствованы подземные удары, въ 1197 г. послѣдовало, особливо въ Кіевской области, надѣлавшее много вреда, сильное землетрясеніе. Такое же сильное землетрясеніе распространилось по всей Россіи 3 мая 1230 г., но лишь на Югѣ надѣлало много вреда. Слабое землетрясеніе 1 октября 1445 г. въ Москвѣ, благодаря ночному времени, большинствомъ было проспано. Второй разъ въ Москвѣ наблюдалось землетрясеніе 28 августа 1471 г. при велик. князѣ Іоаннѣ III. Въ среднней и южной Россіи повторяются землетрясенія, вѣроятно, періодически каждыя 20—30 лѣтъ и именно весною или осенью послѣ сильныхъ морозовъ или ужасныхъ жаровъ. Зимою же землетрясеній никогда не наблюдалось. (N.)

Директоръ Царскосельской Николаевской гимназіи Л. А. Георгіевскій, при сотрудничествѣ нѣкоторыхъ учителей гимназіи и преподавателей древнихъ языковъ, предпринимаетъ иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ поясненіями. Сборникъ, пользующійся поддержкой министра Народнаго Просвѣщенія, будетъ выходить отдѣльными выпусками. (с.)

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода.

Отъ 3 ноября 1889 г. № 2516 о сборѣ пожертвованій въ пользу голодающихъ черногорцевъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ имѣли сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей единовѣрной и единоплеменной намъ страны Черногоріи. Приказали: Попущеніемъ Божіимъ доблестный въ православной вѣрѣ Черногорскій народъ угнетенъ великимъ бѣдствіемъ—голодомъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ бездождіе породило въ странѣ засухи, сопровождавшіяся повсемѣстными неурожаями, а въ нынѣшнемъ году положеніе жителей еще болѣе ухудшилось—крайній недостатокъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ вызвалъ голодъ; больные и дѣти нуждаются въ кускѣ насущнаго хлѣба, и родители, дабы найти средства пропитанія въ странахъ чуждыхъ, вынуждаются оставлять родную страну, для защиты которой нѣкогда не щадили ни имущества, ни самой жизни. Княжеское правительство прилагало и прилагаетъ всемѣрное попеченіе объ облегченіи несчастной участи страждущихъ, но народное бѣдствіе такъ велико, а средства правительства такъ ограничены, что настоитъ неотложная надобность въ сторонней помощи. Въ твердомъ уповаціи, что возлюбленныя о Господѣ чада нашей Святой Соборной и Апостольской Церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впавшимъ въ несчастіе братьямъ нашимъ по вѣрѣ, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на посильную помощь бѣдствующимъ жителямъ Черногоріи, Святѣйшій Сѵнодъ за благо признаетъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Сѵнодальнымъ Конторамъ—Московской и Грузино-Имеретинской, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ Духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ и Главному священнику Гвардіи, Гренадеръ, Арміи и Флота: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго распоряженія, воскресные или праздничные дня, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ отъ голода жителей Черногоріи, вмѣнивъ при семъ духовенству въ обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображеніи съ церковными средствами и мѣстными нуждами, возможное пособіе голодающимъ и изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церквей, безъ замедленія, были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности, въ Консисторіи, Конторы и Канцеляріи Духовника Ихъ Величествъ и Главнаго священника, которыя обязываются немедленно доставлять таковыя деньги въ Хозяйственное при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Управленіе для отсылки по принадлежности, о чемъ и опредѣляетъ: для зависящихъ къ исполненію распоряженій напечатать настоящее постановленіе въ журналѣ *Церковныя Вѣдомости*.

Пріемъ пожертвованій принимается также конторою журнала *Нива*, СПБ., Невскій пр., № 6. Имена жертвователей будутъ публиковаться въ *Нивѣ*, а деньги передаваться по принадлежности.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Начиная въ 1890 году **третье десятилѣтіе** своего существованія, „НИВА“ остается вѣрна своей многосторонней и твердо установленной программѣ чисто-русскаго журнала, благодаря которой въ теченіе **двухъ первыхъ десятилѣтій** успѣла обратить на себя вниманіе всего русскаго общества и занять выдающееся положеніе въ средѣ нашихъ періодическихъ изданій, ставъ наиболѣе распространеннымъ и любимымъ журналомъ русской семьи. Россія, русскій народъ, русская исторія и русская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ — вотъ что попрежнему будетъ главною основой помѣщаемаго въ „НИВѢ“ литературнаго и художественнаго матеріала.

Что касается **литературнаго матеріала** имѣющаго появиться въ „НИВѢ“ 1890 г., то съ 1-го нумера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, **разсказъ въ прозѣ**, подъ заглавіемъ **„Маркъ Петровичъ Петровъ“**. Около двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ ничего не писалъ въ прозѣ, и мы убѣждены, что этотъ высоко-художественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфелѣ редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати:

Н. Д. Ахшарумова: **„НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“** и **„НЕ ТОТЪ“**, разсказы.
К. А. Бороздина: **„ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛІИ“** и **„ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“**, очерки.
В. И. Бибикова: **„ПЕРВАЯ ГРОЗА“**, повѣсть.
А. Ѳ. Брандта: профессора Харьковскаго Университета: **„ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ** изъ міра животныхъ“. Популярно-научныя статьи.
А. И. Введенскаго: **„Литературно-критическія миніатюры“** (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ).
Кн. **М. Н. Волконскаго:** **„КНЯЗЬ НИКИТА ѲЕДОРОВИЧЪ“**, историческ. романъ въ 3-хъ ч. и **„СУДЬБА“**, разсказъ.
В. П. Желиховской: **„ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДІИ“**, повѣсть.
А. Я. Максимова: **„ПОПЪ СИМЕОНЪ“**, разсказъ.
В. И. Немировича-Данченко: **„НА РУССКОМЪ ЮГѢ“**, очерки.
П. Н. Полеваго: **рядъ историч. разсказовъ.**
Гр. **Е. А. Саліаса:** **„ПАНЪ КРУЛЬ“**, историч. романъ.
Н. Северина: **„ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“**, повѣсть.
А. К. Сизова: **„СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“**, историч. разсказъ XVI в.
А. А. Смирнова: **„СКЛИРЕНА“**, историческій романъ.
А. Соколовой: **„СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“**, разск.
К. Тхоржевскаго: **„МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“**, разсказъ.
Ѳ. Ѳ. Тютчева: **„АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“**, разск.
Кн. **Д. Н. Цертелева:** **„ИНКОГНИТО“**, комедія въ 2-хъ дѣйств.

Стихотворенія **П. И. Вейнберга, В. Величко, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго.** Кн. **Д. Н. Цертелева, I. I. Ясинскаго**, и друг.

Въ нашемъ **художественномъ отдѣлѣ**, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1890 г. появится множество портретовъ русскихъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ **Художественныхъ выставокъ** — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Постоянно обогащая **отдѣлъ безплатныхъ приложеній** „НИВЫ“, мы и въ 1890 г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: **гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и пр.**—драгоцѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей **каждой семьи**, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, **мы нашли возможнымъ** на будущій годъ, **вмѣсто одной**, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,
два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. **И. И. ШИШКИНА**,—писанныя имъ по нашему заказу для **„Нивы“**.

Обѣ картины (въ 16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противуположность: величественнаго бора, осѣненнаго бархатистою хвоей, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разнотѣнной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніямъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, **мы въ будущемъ 1890 году**, выдадимъ **третью — литературную премію**, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанію.**

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . .	5 р.	Безъ доставки въ **Москвѣ**, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Петровскія линіи	6 р.	Съ перес. въ **Москвѣ** и въ друг. город. и мѣст. Имперіи.	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . .	6 р. 50 к.			За границу	9 р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просятъ адресовать въ **Главную Контору редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Марксу), въ **С.-Петербургъ**, Невскій проспектъ, д. № 6.

Редакція и издатель „Нивы“.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

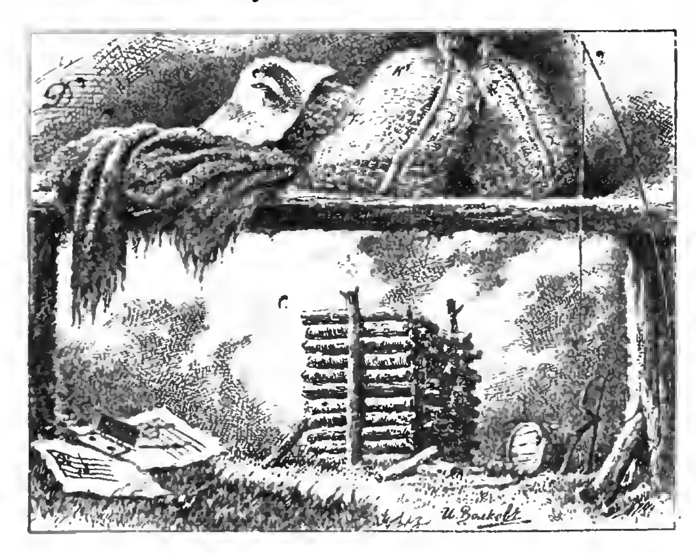
Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою **О РАЗСРОЧКѢ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА.** Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му іюня 1890 г. 3 р.

При аккуратной высылкѣ втораго взноса, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—**наравнѣ съ годовыми подписчиками.**

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Ребусъ. Задача № 74.



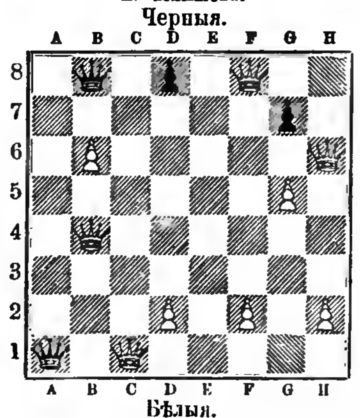
Шарада. Задача № 75.

Когда бильярдную игру
Ты знаешь—въ ней ищи *начало*,
Оно отважнаго Леру,
Аэронавта доканало...
Мои *средина*, это — край
Стенаній, муки и печали, —
Конецъ въ рединѣ ты узнай,
Онъ не въ концѣ ея — въ началѣ.
А *цѣлое* встрѣтивши въ „Нивѣ“ своей,
Конечно, постигнуть ты хочешь скорѣй.

Шашечная задача № 76.

А. Челышова.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Видѣніе Фауста у вѣдьмы.

Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ", Гёте

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста".

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ" **Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА". СПБ., Невскій пр., № 6.

При этомъ № прилагаются 2 приложенія: 1) отъ Страховаго Общества „Россія" о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ (для городскихъ и иногородн. подписчиковъ); 2) отъ книгопродавца С. И. Леухина въ Москвѣ, для иногородныхъ подписчиковъ (за исключ. московскихъ).

Дозвол. ценвур., СПБ., 22 ноября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 49 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис).
Выданъ 2 декабря 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1889 г., съ 31 рисункомъ и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 27 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Евгенія Туръ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ русской литературѣ выступила впервые писательница, которая сразу обратила на себя вниманіе публики и критики. О ея повѣсти „Ошибка“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Современника* 1849 года, всѣ говорили какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ области изящной словесности за этотъ годъ. Чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ вѣяло отъ нея; въ повѣсти чувствовались далеко недюжинныя творческія силы, много искренности, граціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезной мысли, художественной правды. Послѣдующія произведенія автора „Ошибки“ еще болѣе поддержали прекрасное впечатлѣніе, произведенное первымъ опытомъ, и мало-по-малу новая писательница заняла одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Эта писательница, такъ сознательно выступившая на литературное поприще—была Евгенія Туръ, мать извѣстнаго романиста, автора „Пугачевцевъ“, бывшая издательница журнала *Русская Рѣчь*, написавшая цѣлый рядъ статей публицистическаго и историко-литературнаго содержанія и сдѣлавшая не мало цѣнныхъ вкладовъ въ нашу дѣтскую литературу. Имя Евгеніи Туръ, подъ которымъ очень долго скрывалась солидно образованная, умная и талантливая женщина высшаго круга, извѣстно всей читающей Россіи, и ея романами и повѣстями „Племянница“, „Три поры жизни“, „Двѣ сестры“, „Заколдованный кругъ“, „Старушка“, „Долгъ“ и др. положительно зачитывались въ пятидесятыхъ годахъ. Послѣ появленія „Ошибки“, каждое новое произведеніе еще болѣе располагало публику въ пользу автора, обнаруживая все ярче и ярче признаки таланта зрѣлаго и глубокаго, и вызывало самые лестные отзывы критики. Евгенія Туръ высказала въ своихъ первыхъ произведеніяхъ все, что накипѣло у нея на сердцѣ, все, что занимало ея мысль и чувство, все на что только способенъ былъ граціозный талантъ ея; она показала богатство, твер-

Евгенія Туръ. Съ фот. Мечковскаго въ Варшавѣ, грав. Шюблеръ.

дость и серьезность мысли. Г-жа Туръ — говорилъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ — знаетъ жизнь не по наслышкѣ, не по книгамъ, которыя удалось ей прочесть урывками, между баломъ и визитами, отъ скуки, отъ бездѣлья. Нѣтъ, каждое слово ея понято помощію сознательной опытности; ни выѣзды, ни балы, ни книги не ускользнули отъ ея вдумчивости; она вглядывалась въ явленія ежедневной жизни, какъ въ дѣло важное для всякаго, кто хочетъ жить, а не тратить отсчитанные ему дни и ночи; для нея каждая минута жизни должна быть дѣйствительно прожита, то есть продумана, прочувствована, сознана. Тотъ же критикъ находитъ сходство ея первой повѣсти съ произведеніями Бальзака, принадлежащими къ первой половинѣ его литературной дѣятельности. То же обиліе мыслей о жизни, и преимущественно свѣтской, то же вниманіе къ самымъ мелкимъ подробностямъ нравственнаго развитія описываемыхъ лицъ, та же наблюдательность. Но Бальзакъ, будучи наблюдателемъ хладнокровнымъ, рисуется самъ и нерѣдко бьется изъ одобрительнаго отзыва, улыбки, тогда какъ Евгенія Туръ ищетъ не одобренія, а сочувствія, высказывая то, что вошло въ ея убѣжденія, готова защищать каждое свое слово и всѣми силами добивается уяснить окончательно то, что ее занимаетъ. Другой критикъ, при разборѣ романа „Племянница", сравнивалъ произведеніе нашей писательницы съ прекрасными романами миссъ Эджвортъ, „которой родъ, тонъ и способъ изложенія она сильно напоминаетъ", и находитъ, что Евгенія Туръ смотритъ на все смѣшное и безобразное въ жизни очень серіозно, и никогда не улыбается, и, будучи мастерицею группировать и отдѣлывать подробности, охотно предается этой филигранной работѣ и часто заставляетъ ждать себя съ главнымъ интересомъ сочиненія. Кромѣ того, критикъ замѣтилъ, что авторъ „Племянницы", зная человѣчество во всѣхъ его видахъ, ничто человѣческое не считаетъ недостойнымъ своего злаго пера. „Племянница" — романъ умный, увлекательный и страдаетъ лишь нѣкоторой растянутостью, излишествомъ подробностей; за то какимъ живымъ интересомъ, какою прелестью картинъ, какою нѣжною отдѣлкою характеровъ вознаграждается читатель за эти недостатки! Романъ „Племянницу" привѣтствовалъ также Аполлонъ Григорьевъ, находившій, что „давно уже ни одинъ романъ не возбуждалъ такого сильнаго интереса въ минуту своего появленія, какъ „Племянница", и что ея авторъ — мыслящая и живо-чувствующая женская натура, одаренная талантомъ, лучшее качество котораго заключается въ способности мыслить и чувствовать по-женски. Анализъ свѣтскихъ отношеній, изображеніе обаятельной для автора сферы составляетъ, по мнѣнію Григорьева, блестящую сторону этого романа Евгеніи Туръ. Еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ отнесся къ ея дарованію Тургеневъ, написавшій нѣсколько блестящихъ страницъ по поводу „Племянницы". По его мнѣнію, этотъ романъ „написанъ сердцемъ и говоритъ сердцу; отъ него вѣетъ чѣмъ-то благороднымъ, искреннимъ, горячимъ". Все прекрасное, все симпатическое, истинное, все, что мы такъ любимъ подъ перомъ женщины, находится и у г-жи Туръ. Звуки то невольно потрясающіе, то глубоко трогающіе, часто попадаются у ней среди самыхъ незначительныхъ страницъ. Характеровъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у нея нѣтъ, но есть прекрасно очерченныя лица, которымъ нельзя не сочувствовать; эти лица, конечно женскія. Въ общемъ, дарованіе г-жи Туръ критикъ относитъ къ талантамъ чисто лирическимъ, тѣсно связаннымъ съ личностью самого писателя, такимъ, которые столько же способны передавать малѣйшія движенія души автора, его собственный жизненный опытъ, сколько неспособны создавать самостоятельные характеры и типы. Хотя произведенія даровитой разсказчицы имѣли несомнѣнный успѣхъ, вполнѣ заслуженный, но, вѣроятно, онъ далеко не удовлетворилъ писательницу, слишкомъ строгую и требовательную къ себѣ, — по крайней мѣрѣ писательница, помѣстивъ свою повѣсть „Старушка" въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 года, оставила на долгіе годы беллетристику и обратилась къ дѣятельности публицистической и критической, на которую и раньше указывали ей ея замѣчательный литературный тактъ и тонкое эстетическое чувство. Ея критико біографическіе очерки, выдержки изъ текущей литературы, путевыя замѣтки и политическія обозрѣнія читались съ живымъ интересомъ, особенно ея парижскія письма и такіе этюды, какъ, напримѣръ, „Г-жа Свѣчина", „Миссъ Бронте", „Вильямъ Чаннингъ", „Нравы, люди и обычаи первой республики", „Госпожа Рекамье", „Сисмонди, графиня Альбани, Альфіери и г-жа Сталь" и проч.

Псевдонимъ „Евгенія Туръ" долго интриговалъ читателей и поклонниковъ даровитой писательницы. Первый обнаружилъ его А. Д. Галаховъ въ своихъ воспоминаніяхъ о профессорѣ П. Н. Кудрявцевѣ, сказавъ что этотъ псевдонимъ принадлежитъ графинѣ Саліасъ. Затѣмъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 года, кн. Н. Н. Голицынъ въ спискѣ писательницъ упомянулъ, что подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ пишетъ графиня Елисавета Васильевна Саліасъ, рожденная Сухово-Кобылина. Какъ видно изъ ея собственной замѣтки, напечатанной въ книгѣ „Знакомые", Елисавета Васильевна Сальясъ-де-Турнемиръ родилась въ Москвѣ, 12 августа 1815 года, и воспитывалась дома. Отецъ ея, почтенный, заслуженный генералъ, старался обставить насколько можно лучше воспитаніе дочери, для чего и пригласилъ давать ей уроки людей весьма талантливыхъ. Такъ, напримѣръ, русскую исторію преподавалъ ей профессоръ Морошкинъ, литературу — С. Е. Раичъ, извѣстный поэтъ, физику — профессоръ Максимовичъ. Свое образованіе графиня довершила за-границей, гдѣ она часто и долго путешествовала и гдѣ вышла замужъ. Она много времени прожила въ Парижѣ и, между прочимъ, была почти свидѣтельницей покушенія на жизнь Наполеона III, и однажды, по болѣзни, провела за-границей цѣлыхъ семь лѣтъ. Въ домѣ графини Саліасъ, въ Москвѣ, бывалъ весь цвѣтъ русской литературы и науки сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ и со многими изъ блестящихъ представителей этой эпохи она находилась въ тѣсной дружбѣ, какъ напримѣръ съ Т. Н. Грановскимъ, П. Н. Кудрявцевымъ, А. Н. Афанасьевымъ. Въ 1861—62 гг. гр. Саліасъ издавала журналъ *Русская Рѣчь*, въ которомъ участвовали профессора и многіе талантливые литераторы. Къ послѣднему періоду литературной дѣятельности нашей почтенной писательницы принадлежатъ главнымъ образомъ ея повѣсти и разсказы для дѣтей и книги духовно-нравственнаго содержанія. Изъ дѣтскихъ книгъ ея особеннымъ успѣхомъ и популярностью пользуются: „Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства", сказка „Жемчужное ожерелье", „Хрустальное сердце", „Мученики Колизея". Теперь графинѣ Саліасъ ровно 75 лѣтъ, но не смотря на этотъ почтенный возрастъ, она продолжаетъ трудиться на литературномъ поприщѣ и еще въ прошломъ году издала въ прекрасномъ изложеніи „Священную исторію Ветхаго Завѣта".

П. Быковъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XIX.

И наконецъ Трубецкой додумался...

„Спаси Боже, телятина ты какая! Вотъ ужь, помилуй Богъ, малый ребенокъ проницательнѣе тебя! сказалъ онъ себѣ. — Теперь только, спустя сколько времени, дочухался до того, что понялъ, кто теперь всѣми дѣлами вершитъ: Евгенія Степановна! Сирота Енденья! Вонъ что на свѣтѣ бываетъ! Думалось-ли это? Господи помилуй, что тутъ, въ Березопольѣ, за такое малое время понатворилось! Сколько событій, происхожденій новыхъ, перемѣнъ! И меня выгоняли, и опять вернули. Другой какой-то, азіятъ или арапъ, тутъ управлялъ. И княжна стала не княжной, а столяршей. И Егорушка бариномъ-господиномъ сталъ и въ какомъ-то живетъ Итальянскомъ государствѣ. И Илья Петроничъ — баринъ вдвойнѣ березопольскій. И Андрей Иваноничъ на томъ свѣтѣ. И дѣвушка Енденья, на которой приказчикъ изъ лавочки, честь ей дѣлаючи, жениться мѣтилъ, расположилась теперь чуть не княгиней!.. И, помилуй Богъ, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ не княгиня Березопольская? Вотъ ужъ, спаси Боже, чудеса въ рѣшетѣ! Когда разсказываютъ этакое, не вѣрится. Думаешь, врутъ люди. а вотъ тутъ своими глазами видишь... А что же будетъ? Чую я, что будетъ... Вотъ сейчасъ началъ чуять... И вѣрно, спаси Боже, совсѣмъ вѣрно! Чую я это, вотъ какъ будто носомъ слышу..."

Макаръ Макаровичъ ударилъ кулакомъ по столу, чего съ нимъ за всю жизнь быть-можетъ никогда не бывало.

А почуялъ онъ нѣчто имѣющее громадное значеніе для него самого. Ему пришло на умъ, что Евгенія захочетъ его выжить изъ этой вотчины, гдѣ пятнадцать лѣтъ онъ былъ настоящимъ бариномъ, управлялъ всѣмъ и всѣми полновластно.

И чѣмъ больше думалъ Макаръ Макаровичъ о князѣ и Евгеніи, тѣмъ болѣе дивился себѣ самому, что до сихъ поръ не видѣлъ ничего и не догадывался. Перебирая крупные и мелкіе факты за послѣднее время, онъ приходилъ только къ одному и тому же выводу.

Евгенія—полный владыка надъ всѣмъ, и самый покорный рабъ ея, конечно, не онъ, Макаръ Макаровичъ, и не дворовый какой, и не мужикъ съ села, а самъ князь Илья Петровичъ.

— Какая ты, спаси Боже, телятина! Раньше ничего не видала! восклицалъ Макаръ Макаровичъ, то садясь, то вставая, то хватая себя за голову, то махая руками по воздуху.

И эти догадки Трубецкаго вскорѣ стали общимъ достояніемъ. Всѣ березопольцы, наконецъ, увидѣли, кто ими властвуетъ, въ чьихъ рукахъ судьба каждаго.

Дѣйствительно, мѣсяца черезъ полтора, судьбы березопольцевъ, отъ барина-князя до послѣдняго мальчугана на селѣ, были въ рукахъ Евгеніи Степановны, которыя теперь стали мягкими, бѣленькими, раздушеными, съ красивыми пальчиками, на которыхъ сіяли золотые колечки и перстни. Эти руки уже давно не знали всего того, съ чѣмъ сжились прежде. Онѣ давно уже не прикасались не только къ утюгу, къ ведру, къ ухвату, но не прикасались даже и къ иголкѣ.

Евгенія еще въ Рязани, во время своихъ совѣщаній съ единственнымъ въ своемъ родѣ Иваномъ Леонтьевичемъ, преобразилась совершенно. Воля, твердая и непоколебимая,—которая была въ ней прежде, но безъ простора и почвы не могла сказываться, будто дремала въ ней, — теперь проснулась и раскинулась на широкомъ полѣ. Эта воля царила надъ двумя тысячами душъ двухъ крупныхъ вотчинъ: Березополья и Прачешнаго.

Но владычество это было для Евгеніи дѣломъ второстепеннымъ и не близкимъ сердцу ея. Главная цѣль, которую она себѣ поставила и которой достигала упорно съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, почти съ каждымъ мгновеніемъ,—была совершенно иная.

Какъ страшно изумился бы князь, еслибъ зналъ, что̀ теперь у себя на умѣ держитъ эта скромная и повидимому любящая женщина!

Цѣль Евгеніи была — захватить князя вполвѣ въ свои руки, подчинить своей волѣ, до послѣдней степени, до безгласнаго ребяческаго повиновенія въ чемъ бы то ни было, безъ исключенія, и въ мелкихъ, и въ самыхъ важныхъ вещахъ.

Это былъ первый намѣченный шагъ, и онъ былъ почти уже совершенъ. Князь еще ни разу, за цѣлый мѣсяцъ и болѣе, не воспротивился ни одной просьбѣ Евгеніи.

Цѣлый вечеръ внутренно и скрытно отъ Евгеніи промучился князь, когда пришлось сдавать въ солдаты добраго малаго за его грубую, но невинную шутку съ Евгеніей въ саду. А тѣмъ не менѣе, онъ не посмѣлъ воспротивиться ея желанію — жестоко наказать парня.

Второй намѣченный шагъ былъ много серьезнѣе. Но Евгенія не унывала и видѣла, что и этотъ, въ свой чередъ, удастся ей легко. Это было, разумѣется, замужество. И здѣсь, въ Березопольѣ, оно казалось и ей, показалось бы и всѣмъ другимъ, совершенно простымъ дѣломъ. Здѣсь, гдѣ дѣвица-княжна вышла замужъ за столяра, много моложе ея годами, никого бы не удивилъ бракъ пятидесяти-лѣтняго холостяка-князя съ красивою, молодою дѣвушкой изъ дворни, но уже приписанною въ мѣщанство.

Такихъ примѣровъ бывало не мало въ прежніе годы по сосѣдству. Прасковья Андреевна прошумѣла на всю губернію своимъ поступкомъ, а бракъ князя даже и не удивитъ никого.

Наконецъ, у Евгеніи было еще нѣчто на умѣ. Иная цѣль, пустяшная, маленькая, но для нея, быть можетъ, самая близкая къ сердцу. Если эта цѣль была не самая главная, для которой дѣлалось все остальное, то, во всякомъ случаѣ, она была ярко намѣчена впереди. И Евгенія знала, что будущая княгиня Березопольская достигнетъ этой цѣли непремѣнно, во что̀ бы то ни стало.

Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы вотчина Прачешное принадлежала лично ей въ качествѣ княгини Березопольской по дарственной записи, а къ этому имѣнію были приписаны, крѣпостными людьми ея, нѣсколько лицъ изъ Березополья. Десятокъ, дюжина, но, конечно, по ея выбору.

И Евгенія, постоянно занятая своими неотступными мыслями и мечтами, часто глубоко задумывалась, чѣмъ не мало удивляла князя.

— И объ чемъ тебѣ такъ думать? спрашивалъ добрякъ, простой до наивности. — Какія такія у тебя заботы?

А Евгенія отвѣчала тонкою ложью, ловкою и полезною.

— Думается, что грѣхъ такъ жить, безъ Божьяго благословенія.

Князь на это ничего не отвѣчалъ и задумывался.

Наконецъ, у Евгеніи была еще маленькая задача, съ которой она не спѣшила. Сдѣлать это, рѣшенное ею, было не трудно. Нужно было удалить изъ Березополья человѣка, который стоялъ предъ ней какимъ-то укоромъ совѣсти. Она ничего худаго не сдѣлала ему, и онъ тоже кромѣ добра никогда ничего не дѣлалъ ей. Но тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ смущалъ ее. Его сѣрые глазки, часто устремленные на нее, становились ей невыносимыми. Онъ ничего не говорилъ, ни въ чемъ не противорѣчилъ, не осуждалъ и не порицалъ, обращался съ ней вѣжливо, но немножко холодно, а между тѣмъ онъ становился ей съ каждымъ днемъ все ненавистнѣе.

Человѣкъ этотъ былъ, конечно, Макаръ Макаровичъ.

И по мѣрѣ того, что Евгенія начинала все чаще подумывать о томъ, чтобы удалить Трубецкаго изъ Березополья, Макаръ Макаровичъ, со своей стороны, ясно чувствовалъ и предвидѣлъ, что̀ врагъ затѣваетъ,— врагъ нежданный...

За что эта месть — Макаръ Макаровичъ рѣшить не могъ. Но вѣдь и врагъ этотъ тоже почти не могъ рѣшить за что̀...

Видно эти два существа были совершенно разнаго поля ягоды и трудно имъ было теперь ужиться вмѣстѣ.

XX.

Время шло тихо, однообразно, буднично. Прошло лѣто. Князь былъ счастливъ вполнѣ. Евгенія стала еще самовластнѣе и малѣйшее возраженіе раздражало ее. Князь уже боялся противорѣчить любимицѣ, которую теперь боготворилъ. Онъ всячески заботился чтобы никто не сердилъ и не раздражалъ Евгенію, боясь, что гнѣвъ повредитъ ея здоровью.

Порядки въ Березопольѣ нѣсколько измѣнились. Былъ уже новый управитель, дворовый, а Макаръ Макаровичъ управлялъ Прачешнымъ и пріѣзжалъ лишь разъ въ недѣлю съ докладомъ. Во всемъ была бо̀льшая строгость. Ткацкіе притихли, такъ какъ пѣсни, пляски, хороводы были давнымъ-давно запрещены, а рабочіе часы были прибавлены. Изъ дворовыхъ многихъ уже не было. Одни были отпущены на волю при покупкѣ имѣнія, другіе постепенно выселены въ Прачешное или сосланы на поселеніе за какіе-либо проступки. Лукерья Егоровна была давно выселена изъ перваго домика и переведена въ Прачешное, даже приписана къ нему ради какого-то удобства.. Нѣсколько новыхъ дворовыхъ были возвращены въ вотчину изъ проданнаго госпожей Миловановой кому-то ея московскаго дома. Но всѣ эти люди, видавшіе не мало, сжившіеся когда-то и съ Устиньей Савельевной, были столичные обыватели, „тертые калачи московскіе“, какъ прозвала ихъ дворня усадьбы. И всѣ они сразу и какъ-то незамѣтно стали любимцами „матушки Евгеніи Степановны“. Къ нимъ она относилась гораздо ласковѣе и

Екатерина II и Ломоносовъ. Съ карт. И. Өедорова, рис. самъ авторъ, грав. Флюгель.

Гуцулы на охотѣ. Съ карт. Вѣрушъ-Ковальскаго, грав. Крёнеръ и Кёнлейнъ.

привѣтливѣе, такъ какъ они, столицей вышколенные настоящіе хамы, знали какъ подступиться, какъ говорить и кланяться любимицѣ новаго барина.

Прошелъ и первый осенній мѣсяцъ.

Наступилъ праздникъ Покрова Богородицы.

Поутру, пріѣхавъ изъ церкви послѣ обѣдни, Илья Петровичъ вошелъ въ домъ и сѣлъ къ столу чай пить, какъ-бы озабоченный, не въ духѣ. Дурное расположеніе духа бывало у него рѣдко, но сказывалось въ толстякѣ всегда одинаково. Онъ какъ-то распускалъ свои толстыя губы, прищуривалъ глаза и чаще мигалъ ими. Вообще принималъ какой-то не сердитый, а обиженный видъ.

Въ этотъ день въ церкви случилась маленькое обстоятельство, которое сильно повліяло на князя. Обыкновенно за обѣдней онъ становился на господское мѣсто, около окна за клиросомъ, на двѣ ступени выше пола церкви и огороженное рѣшеткой. Евгенія, пріѣзжавшая въ храмъ отдѣльно, послѣ него, на своей пролеткѣ, становилась всегда впереди всѣхъ, посрединѣ у амвона.

Князь давнымъ-давно собирался за обѣдней ставить Евгенію около себя, на то же господское мѣсто, но все не рѣшался. Сколько разъ во время литургіи хотѣлось ему подойти къ Евгеніи и позвать ее, но каждый разъ, оглянувшись на своихъ крѣпостныхъ рабовъ, онъ вздыхалъ и не двигался.

На этотъ разъ при началѣ обѣдни будто судьба захотѣла помочь ему, порѣшить съ этимъ вопросомъ.

Случилось дѣло простое, а имѣло важное послѣдствіе.

Евгенія, пріѣхавшая послѣ князя и ставшая на свое мѣсто, обернулась въ его сторону и улыбнулась ему. И князю вдругъ нестерпимо захотѣлось чтобы она перемѣнила мѣсто, перешла и стала около него. Бытьможетъ и на этотъ разъ, какъ уже много разовъ, все кончилось-бы тоже однимъ желаніемъ.

Но въ ту минуту, когда Евгенія привѣтливымъ взоромъ окинула Илью Петровича и начала было креститься, какой-то огромный, лохматый мужикъ, изъ сосѣдней деревушки, пролѣзъ сквозь толпу со свѣчкой въ рукахъ. Шагая лошадинымъ шагомъ, будто соху таща за собой по пашнѣ, онъ вынырнулъ изъ толпы, шагнулъ мимо Евгеніи, и, нечаянно задѣвъ ее, съ маху ткнулъ настолько сильно плечомъ, что она, откинутая въ сторону, едва удержалась на ногахъ, испугалась и поблѣднѣла...

Князь, видѣвшій все, вспыхнулъ, побагровѣлъ и губы его задрожали. Онъ тоже испугался... Единымъ махомъ, въ три-четыре шага, онъ раздвинулъ стоящихъ своимъ могучимъ и толстымъ тѣломъ, взялъ Евгенію за руку и потянулъ къ себѣ. И прежде чѣмъ она вполнѣ опомнилась, она уже стояла около него на господскомъ мѣстѣ. Она что-то заговорила ему, даже умоляла, но князь ничего не слышалъ и повторялъ:

— Стой здѣсь... Ну, садись вотъ... Ну, стой...

Когда порывъ—и гнѣва, и боязни—прошелъ, а Илья Петровичъ обернулся на молящихся въ церкви, то увидѣлъ, что всѣ головы повернулись къ нимъ. Никто изъ рабовъ не смотритъ на алтарь, никто не молится и не крестится, а все глядитъ сюда, на ихъ мѣсто, на нихъ двоихъ. А затѣмъ каждый пожелалъ наивно сказать словечко сосѣду, или сосѣдкѣ, и вышло, что вся церковь заразъ заговорила, перешептываясь.

— А! удивительно! пробурчалъ добрякъ сердитымъ шепотомъ.—Такъ я васъ не такъ удивлю!

Чрезъ нѣсколько мгновеній батюшка вышелъ изъ алтаря съ Евангеліемъ и, увидя Евгенію стоявшую около князя, а не на своемъ обычномъ мѣстѣ, тоже наивно уставился на нихъ на мгновеніе и тоже будто удивился. И хотя онъ тотчасъ-же отвелъ глаза въ сторону, князь запомнилъ его взглядъ на себѣ. И всякій, на кого изрѣдка взглядывалъ теперь Илья Петровичъ, казалось ему, смотритъ на него другими глазами, съ мыслями осужденія.

„Хорошо, хорошо...“ отвѣчалъ мысленно князь. „Ладно! Погодите! Увидите!“

И вотъ теперь, вернувшись домой, князь, молча, сопя и отдуваясь, напился чаю, ни слова не сказалъ Евгеніи, которая сидѣла рядомъ, и даже не отвѣтилъ на два вопроса ея.

Она проницательнымъ взглядомъ присматривалась къ князю. И озабоченность, и лукавство сказывалось въ ея красивомъ лицѣ, которое еще болѣе похорошѣло за послѣднее время. Она будто чуяла внутренно въ чемъ дѣло, но боялась, что ошибается. Она догадывалась, какой вопросъ бушуетъ теперь на душѣ этого человѣка, чѣмъ онъ взволнованъ и что̀ собирается сказать и сдѣлать. Но вѣдь этакое бывало сколько разъ и проходило безъ послѣдствій... Авось теперь боязнь за ея здоровье наведетъ его на рѣшеніе жгучаго роковаго вопроса. Онъ черезчуръ взволнованъ на этотъ разъ... Дѣйствительно, хитрая и проницательная Евгенія не ошибалась. Князь рѣшался...

Онъ допилъ молча чай, вздохнулъ, положилъ обѣ руки на столъ, погладилъ скатерть и выговорилъ вдругъ, странно усмѣхаясь:

— Евгенія, дошли-ка къ батюшкѣ, къ отцу Симеону... Прикажи сказать ему, что я прошу его пожаловать ко мнѣ тотчасъ. Пусть идетъ прямо въ кабинетъ, а ты сама пообожди приходить. Будетъ у насъ съ нимъ маленькое совѣщаніе. О чемъ, спросишь? Да такъ! О суетѣ міра сего. О пророчествахъ и о прорицателяхъ. Потолкую я съ нимъ о томъ, что̀ мнѣ, году нѣтъ, предсказалъ дядюшка, покойный Андрей Ивановичъ. Смѣялся я тогда шибко, во все горло хохоталъ. А вотъ теперь хоть плакать! Да, вру я!.. вру! Зачѣмъ плакать! Глупое слово сказалъ. Радоваться надо, что дядюшкино предсказаніе сбывается. Ну, такъ дошли и посылай его ко мнѣ.

Князь поднялся и, не подходя къ Евгеніи, чтобы поцѣловать ее за разливаніе чая, какъ дѣлалъ всегда, двинулся къ дверямъ кабинета.

Евгенія проводила его глазами и улыбнулась, лицо ея сразу оживилось. Она стала смотрѣть на самоваръ, но не онъ теперь видѣлся ей.

Вмѣсто самовара глазамъ ея представился тотъ самый храмъ, изъ котораго она только-что пріѣхала, этотъ самый амвонъ, около котораго ее толкнулъ лохматый мужикъ и чуть не сшибъ съ ногъ. А у этого амвона сто̀итъ она около Ильи Петровича, а предъ ними въ ризѣ батюшка березопольскій и аналой.

— Да! вдругъ вымолвила она.—А какъ просто! Вѣдь и не старалась! А такъ, какъ-то, само собой... Будто, бывало, въ сѣренькій денекъ, сидишь, чулокъ вяжешь. Думается о другомъ, мысли летаютъ не-вѣсть гдѣ, а чулокъ прибавляется да прибавляется... Посмотришь— а онъ ужь и готовъ! Вотъ и это. Чулокъ такой-же... Да, ужь именно, взаправду, чулокъ!

И Евгенія вдругъ разсмѣялась искреннимъ, ребячески-веселымъ смѣхомъ.

Священникъ, разумѣется, явился тотчасъ-же вмѣстѣ съ посланнымъ и, раскланявшись привѣтливо и боязливо съ „Евгеніей Степановной“, которой давно всѣ боялись, прошелъ къ князю. Бесѣда ихъ длилась недолго, но Евгеніи показалась безконечною. Когда батюшка вышелъ обратно, то простился съ ней еще вѣжливѣе и боязливѣе. И въ глазахъ священника она прочла то, чего ждала, чего хотѣла... Онъ чѣмъ-то пораженъ.

Но когда Евгенія собралась идти къ князю, чтобы убѣдиться скорѣе, рѣшается-ли, рѣшилась-ли ея судьба, то нашла дверь запертою на ключъ... Это удивило и разсердило ее. Постоявъ и подумавъ мгновенье, она пошла къ себѣ, не окликнувъ князя...

Напрасно до сумерекъ прождала она Илью Петровича на своей половинѣ дома, въ той самой горницѣ, гдѣ когда-то вечеромъ видѣлась тайкомъ съ Егоромъ въ день пріѣзда княжны. Это была теперь ея любимая комната.

За обѣдомъ, едва только сошлась она съ княземъ и сѣла за столъ, явился нежданый и незваный гость и почудился Евгеніи „хуже татарина“.

Пріѣхалъ изъ Прачешнаго Макаръ Макаровичъ, тайно увѣдомленный о чемъ-то своимъ другомъ-священникомъ.

Князь обрадовался ему, а Евгенія, сухо поздоровавшись, замѣтила, къ своему удивленью, какое-то незнакомое ей особенное выраженіе на лицѣ Трубецкаго.

„Ты пріѣхалъ не спроста“, подумалось ей.

Макаръ Макаровичъ за весь обѣдъ былъ говорливъ и будто въ духѣ, но Евгеніи казалась въ оживленіи старика какая-то фальшь. Онъ былъ возбужденъ и встревоженъ и хотѣлъ будто скрыть это напускнымъ весельемъ и пустою болтовней.

Въ концѣ обѣда князь объяснилъ—а этого и ждала Евгенія, даже опасалась безсознательно,—что онъ хочетъ побесѣдовать съ Макаромъ Макаровичемъ глазъ-на-глазъ.

— Что-жь, идите... сухо отозвалась она. И когда оба скрылись за дверями, она проговорила усмѣхаясь:

— Съ міра по указкѣ, глупому умишко. Совѣтуйся, коли своего разума не нажилъ.

Князь и управитель бесѣдой своей встревожили Евгенію болѣе чѣмъ она могла предполагать.

Часа четыре просидѣли они вмѣстѣ. Былъ уже вечеръ когда Макаръ Макаровичъ появился въ столовой, гдѣ накрыли вечерній чай и вновь сидѣла замѣтно взволнованная Евгенія.

„Кабы не дура я была, давно бы тебя и духу тутъ не было“, подумала она при видѣ задумчиваго лица Макара Макаровича.

Князь явился, тоже, почти самъ не свой, сумрачный и возбужденный. Онъ странно взглянулъ на Евгенію. И боязливо, и грустно, и будто укоризненно...

И день прошелъ не принеся ничего новаго.

„Распущу чулокъ и опять свяжу, да потуже!“ раздражительно думала Евгенія, уже ложась спать. Князь ни единаго слова не сказалъ ей за весь вечеръ и былъ грустенъ.

XXI.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, у подъѣзда одного изъ домовъ на Караванной улицѣ въ Петербургѣ, нѣсколько рабочихъ вытаскивали всякую мебель изъ двухъ фуръ, разставляли вдоль панели и затѣмъ вносили по лѣстницѣ па второй этажъ, въ просторную и пустую квартиру.

Здѣсь устраивалась вновь нанятая квартира.

По готовившейся обстановкѣ въ нѣсколькихъ большихъ горницахъ бель-этажа, видно было, что тутъ будутъ жить люди со средствами.

Нанявшіе эту квартиру и теперь ее устраивавшіе жили еще въ гостиницѣ, гдѣ остановились по пріѣздѣ. Будущіе жильцы этого дома были тутъ раза два или три, ради распоряженій, и никто ихъ, кромѣ завѣдующаго домомъ, не видалъ. А между тѣмъ всѣ другіе жильцы того-же дома были сильно заняты своими будущими сосѣдями. Много страннаго разсказывалось про этихъ будущихъ жильцовъ. Хотя все казалось выдумкой и сочинительствомъ, но тѣмъ не менѣе обитателей дома крайне волновали всѣ эти розсказни. Всѣ ожидали нетерпѣливо когда все разъяснится и окажется, что досужіе языки сдѣлали изъ мухи слона, или-же и совсѣмъ наклеветали.

Разсказывали, будто-бы богатый баринъ, нанявшій квартиру, замѣчательный красавецъ собой, за недѣлю предъ тѣмъ пріѣхалъ изъ заграничнаго путешествія. Онъ очень богатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный якобы искусникъ, ваятель, и привезъ съ собой статую своей работы, которую намѣренъ представить въ Академію Художествъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ богатый баринъ, будто-бы, простой мужикъ, крѣпостной человѣкъ. Кажется, для всякаго сочинителя этого всего и достаточно было-бы, но на дѣлѣ на этомъ не ограничивалась выдумка. Прибавляли, что жена этого барина-крестьянина — княжна или графиня родомъ и бывшая его барыня-помѣщица. Однимъ словомъ, выходила настоящая диковина.

Одинъ изъ жильцовъ дома, крупный столичный чиновникъ, человѣкъ серьезный и разумный, узнавъ, въ свою очередь, все что толковали въ домѣ жильцы, чуть не плюнулъ и рукой махнулъ.

— Правду сказываютъ, порѣшилъ онъ,—что всему на свѣтѣ предѣлъ есть; даже земному шару—предѣлъ. Только небесамъ да вранью людскому—предѣла нѣтъ.

Но черезъ недѣлю послѣ того, что вся квартира была устроена и нанявшіе ее переѣхали на жительство, многіе сосѣди убѣдились, что вранья про новыхъ жильцовъ никакого не было. А чиновникъ, плюнувшій когда-то на это вранье, развелъ руками и рѣшилъ:

— Видно и не выдумаешь того, что на свѣтѣ бываетъ! Всяко бываетъ.

Въ квартирѣ поселились люди неизвѣстнаго званія, не то мѣщане, не то купцы, по фамиліи Миловановы—мужъ и жена съ новорожденнымъ, трехъ-недѣльнымъ ребенкомъ-сыномъ. При немъ состояла нѣмка, принявшая его со дня его рожденія въ Дрезденѣ, и нанятая уже въ Россіи нянюшка. Кромѣ того, въ услуженіи новыхъ жильцовъ было еще четверо людей.

Вскорѣ стало уже всѣмъ вѣрно извѣстно, что госпожа Милованова дѣйствительно урожденная княжна Березопольская, а мужъ ея, дѣйствительно, бывшій ея же крѣпостной, и что, пріѣхавъ прямо изъ Италіи, они привезли нѣсколько ящиковъ, въ которыхъ были только лѣпныя фигуры, какъ купленныя, такъ и собственной работы, а главное—большая статуя въ ящикѣ, изображающая ангела.

Миловановы поселились и зажили чрезвычайно мирно и скромно. У нихъ никого не бывало гостей кромѣ двухъ-трехъ лицъ изъ Академіи Художествъ, да кромѣ того, двухъ чиновниковъ изъ Сената. Одно семейство, жившее въ томъ же домѣ и пожелавшее, ради простаго любопытства, познакомиться съ господами Миловановыми, не смотря на всѣ старанія, не достигло своей цѣли.

Черезъ двѣ недѣли послѣ переѣзда на квартиру, Миловановыхъ оставили всѣ въ покоѣ и перестали судить и пересуживать все до нихъ касающееся.

За все это время — лѣто, осень и половину зимы, покуда въ Березопольѣ происходило столько новыхъ перемѣнъ, въ жизни Миловановыхъ не случилось ничего новаго, что могло бы нарушить ихъ счастіе. Напротивъ, рожденіе первенца еще въ пути принесло ту перемѣну, что теперь была уже на свѣтѣ не чета, а семья Миловановыхъ.

Теперь они вернулись въ Россію и поселились въ Петербургѣ лишь временно. Прасковья Андреевна пожелала убѣдиться и убѣдить, главнымъ образомъ, своего мужа въ томъ, что у него, дѣйствительно, огромное дарованіе.

Миловановъ продолжалъ, какъ истый художникъ въ душѣ, совершенно не вѣрить и сомнѣваться въ своихъ силахъ. Не смотря на страшно быстрые успѣхи въ Римѣ, на похвалы и восторги со всѣхъ сторонъ, онъ не вѣрилъ въ то, что онъ, дѣйствительно, перестала быть тѣмъ, чѣмъ прежде называлъ самъ себя: „ковырялкой“. Ему казалось, что работая со страстью и безъ устали въ Римѣ, онъ нисколько не подвигается впередъ, что техника, самое ремесло, попрежнему не дается ему въ руки. Эти руки не слушаются того, что приказываетъ душа. Тотъ огонекъ, что пылаетъ въ немъ, сгораетъ зря, безъ цѣли и смысла. Огню въ душѣ нужны вѣрные слуги — руки и пальцы, а ихъ нѣту. Они отказываются и безсильно упадаютъ.

И Миловановъ, какъ многіе художники, не замѣчалъ самаго простаго психическаго процесса, происходившаго въ немъ. По мѣрѣ того что онъ усвоивалъ ремесло,

по мѣрѣ того что его пальцы, даже глазъ обучались и становились опытнѣе и искуснѣе, требованія отъ самого себя на душѣ росли неномѣрно въ свой чередъ. Полгода назадъ онъ былъ бы счастливъ, восхищенъ, если бы сдѣлалъ хоть сотую долю того, что̀ дѣлалъ теперь. Но теперь онъ былъ совершенно недоволенъ и падалъ духомъ.

Прасковья Андреевна понимала это, но смутно... Она тоже боялась, тоже подчасъ сомнѣвалась. Она боялась, что чувство ослѣпляетъ ее, страстная любовь къ мужу заставляетъ видѣть крупное дарованіе въ томъ, что собственно—искусничество малое и заурядное.

Всеобщимъ похваламъ кружка художниковъ въ Римѣ она довѣряла мало, имѣла основанія не вполнѣ вѣрить. Все это были люди разныхъ національностей, кто искренно, а кто и лукаво относившіеся къ нимъ. Одни могли ошибаться, по мнѣнію Прасковьи Андреевны такъ же, какъ и они сами, вслѣдствіе ихъ дружбы къ ея Юрію; другіе льстили изъ разныхъ мелкихъ видовъ, хотя бы ради того, чтобы водить съ ними знакомство, бывать на ихъ вечеринкахъ и ужинахъ.

Что̀ же могло рѣшить этотъ жгучій вопросъ? Разумѣется, только одно. Надо было пріѣхать въ Петербургъ и привезти съ собой самое крупное произведеніе Милованова, чтобъ оно могло быть оцѣнено въ Академіи Художествъ. Здѣсь, строгій и нелицепріятный судъ академиковъ долженъ былъ рѣшить безповоротно, дѣйствительно-ли человѣкъ этотъ обладаетъ даромъ свыше, и, дѣйствительно, такимъ даромъ, какой признали въ немъ многіе спеціалисты и знатоки въ самомъ вѣчномъ городѣ, въ центрѣ искусства.

И съ первыхъ же дней прибытія въ Петербургъ у Миловановыхъ начались сношенія съ Академіей. Но помимо этихъ хлопотъ у Прасковьи Андреевны была другая, особая забота, не покидавшая ее уже давно и по цѣлымъ днямъ и невыразимо ее смущавшая.

Послѣ продажи Березополья она ждала отъ братца перевода по частямъ крупной суммы денегъ и присылки документа, который для нея былъ важнѣе всякихъ денегъ, а именно—вольноотпускной ея мужа.

Первая присылка тысячъ десяти не замедлила достигнуть Рима. Вторая такая же сумма послѣдовала уже зимой. Третья все еще запаздывала. Но о документѣ не было даже и рѣчи.

Прасковья Андреевна писала нѣсколько разъ князю, и въ первыхъ же письмахъ его онъ отвѣчалъ о немедленной высылкѣ документа. Затѣмъ, по прошествіи мѣсяца, на новое письмо изъ Рима, онъ отвѣчалъ, что въ дѣлѣ есть маленькое затрудненіе, такъ какъ Егора Ивановича Милованова спутали со старикомъ Сергѣемъ Миловановымъ, по прозвищу Азовскимъ. Нужно бы теперь личное свидѣтельство столѣтняго старика, что Лукерья Егоровна не мать ему, что въ дѣлѣ ошибка,—а это невозможно, ибо онъ скончался.

Это письмо лишь слегка смутило Прасковью Андреевну. Она вѣрила въ какую-нибудь простую чиновничью ошибку, но, однако, все-таки не могла понять, причемъ тутъ старикъ Азовскій, якобы тоже Миловановъ, и къ чему его свидѣтельское показаніе о Лукерьѣ Егоровнѣ, невозможное теперь за его смертью.

Спустя нѣсколько времени Прасковья Андреевна снова написала братцу все о томъ же дѣлѣ: выслать немедленно отпускную, дабы она могла, еще не въѣзжая въ предѣлы отечества, записать мужа въ Петербургѣ въ купцы въ какую-нибудь гильдію.

На это письмо, и на другое, и на третье, которое, однако, по общему счету, выходило, быть-можетъ, уже двѣнадцатое, Прасковья Андреевна не получила никакого отвѣта.

Такъ прошла осень, наступила зима и пришлось ворочаться въ Россію съ тѣмъ же паспортомъ, который становился недѣйствителенъ въ Россіи тотчасъ по пріѣздѣ. И едва только Миловановы переѣхали на квартиру, какъ у нихъ уже потребовали какихъ-либо документовъ помимо этого заграничнаго паспорта.

Выпросивъ отсрочку, Прасковья Андреевна снова написала князю, объясняя ему свое щекотливое положеніе, такъ какъ она съ мужемъ и ребенкомъ не имѣла теперь уже никакихъ ровно законныхъ бумагъ на жительство. Она приписала все лѣни и безпечности братца, умоляла его войти въ ея положеніе и какъ можно скорѣй, хотя бы даже съ нарочнымъ, прислать документъ.

XXII.

Одновременно Прасковья Андреевна завязала новыя знакомства, преимущественно съ академиками и художниками. И снова иногда по вечерамъ собиралось у нихъ маленькое общество, преимущественно живописцевъ и скульпторовъ. Нѣкоторые являлись съ женами. Этотъ новый кружокъ странно поразилъ не только Прасковью Андреевну, но и самого Юрія Ивановича.

Это были люди далеко не похожіе на ихъ римскихъ знакомыхъ. Хотя тѣ были преимущественно итальянцы, французы и германцы разныхъ государствъ, а эти были свои — русскіе, но дѣло было не въ этомъ... На этихъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ, чего-то чуждаго искусству.

Одни изъ нихъ относились къ Миловановымъ и къ его произведенію, стоявшему теперь на пьедесталѣ, посреди самой большой горницы, какъ-то сухо, чопорно, снисходительно. Они не хвалили и не хулили особенно произведеніе Милованова, а относились къ нему такъ же, какъ если бъ онъ показывалъ имъ хорошо сшитый на немъ сюртукъ, или какую-нибудь шляпу.

— Что жь, ничего! говорили ихъ лица.—Но вы чего-то ждете. Чего же? Ждать нечего. Занимайтесь—худаго тутъ ничего нѣтъ. Особенно важнаго тоже ничего. У всякаго свое дѣло, занятіе...

Другіе относились къ четѣ Миловановыхъ дружелюбно, подобострастно, восхищались мраморнымъ ангеломъ кто искренно, горячо, правдиво, а кто лукаво, льстиво и лживо. Но во всѣхъ этихъ людяхъ было что-то особенное. Они сами всѣ казались приниженными, обиженными, подъ гнетомъ чего-то, или кого-то. Они завидовали Милованову, и въ каждомъ словѣ ихъ чувствовалась эта зависть. Но, къ великому недоумѣнью Прасковьи Андреевны, эта зависть сказывалась не къ дарованію ея мужа, а къ его нравственной свободѣ, къ его обезпеченному положенію, его непринадлежности къ корпораціи.

— Что жь, вамъ можно! говорили они. — Есть чѣмъ жить. Работайте себѣ всласть. А ждать, что̀ тутъ скажутъ — плевать вамъ! Коли признаютъ мысленно въ васъ большое дарованіе, то непремѣнно задушатъ, затоптатъ. И не изъ зависти, а это ужь такъ полагается. Они — начальство. А на то и начальство, чтобы власть свою всячески показывать. Деньгами вотъ развѣ. .

И какъ-то незамѣтно для Миловановыхъ, вдругъ появился на первомъ планѣ, совершенно не идущій къ дѣлу вопросъ, кому и сколько дать. Мнѣнія не раздѣлялись о томъ — дать-ли, а о томъ — кому дать. Одни называли дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пимена Ильича, другіе утверждали, что Онуфрій Савичъ возьметъ гораздо меньше и протрубитъ статую на весь Петербургъ, даже до всѣхъ сильныхъ міра, до государя императора доведетъ дѣло.

Прасковья Андреевна начала теряться. Она не чувствовала почвы подъ ногами. Ей все чудилось, что она вмѣстѣ съ мужемъ на воздухѣ, между небомъ и землей, и что ея представленіе, которое она дѣлала себѣ о пріѣздѣ въ Петербургъ и о самомъ городѣ, совершенно не подходило къ тому, что̀ оказалось въ дѣйствительности.

А о чемъ только не мечтала она? Иногда казалось

На поискахъ за счастьемъ. Карт. М. Шевалье, грав. Тэйлоръ.

ей, что едва только „летящій ангелъ“ появится въ Петербургѣ—весь городъ бросится взглянуть на него. Ей мерещилось, что ея Юрій представляется императору и послѣ милостивыхъ словъ монарха, его похвалы, — Юрій Миловановъ сразу сталъ другой человѣкъ. Это имя и фамилія сразу зазвучали иначе. Это знаметость! Это — первый ваятель въ Россіи!

Разумѣется, бывали минуты, когда Прасковья Андреевна сознавалась сама себѣ, что она мечтаетъ, какъ наивная дѣвочка. Но все-таки вѣра въ то, что хоть десятая часть всего исполнится, крѣпко держалась на сердцѣ.

И вдругъ теперь, здѣсь, съ первыхъ дней не только явилось разочарованіе, но и все обступившее ихъ обмануло ожиданія: и люди, и рѣчи, и факты—все не то. Въ первый разъ, что человѣкъ пять художниковъ явились въ ихъ квартиру и перешли въ залу, гдѣ наканунѣ устроили статую на постаментѣ, Прасковья Андреевна почувствовала первую жгучую боль на сердцѣ.

Еще поутру, она сидѣла цѣлый часъ передъ произведеніемъ мужа и восхищалась имъ. Ей казалось, что и въ Римѣ, въ разныхъ галереяхъ и музеяхъ, она не видѣла ничего подобнаго, такого въ чемъ было бы столько силы, жизни и еще чего-то...

Въ ясномъ лицѣ ангела, въ его властно развернувшихся крыльяхъ, въ этомъ могучемъ взмахѣ крыла и въ кажущемся полетѣ — было столько мощи и столько спокойствія, величія, святости...

А эти цѣнители, впервые впущенные сюда, обошли постаментъ, оглядѣли летящаго ангела со всѣхъ сторонъ и стали хвалить, и пуще всего мраморъ, его качество... Но много хвалили они и самую работу, хотя вдругъ, въ концѣ концовъ, оказалось, что одно крыло длиннѣе другаго, одно плечо, сравнительно, слишкомъ толсто. Поднятая правая рука этого ангела не благословляетъ, а будто хватаетъ что-то въ воздухѣ. Длинная, волочащаяся одежда, или саванъ, слишкомъ тяжелъ, слишкомъ длиненъ и подъ нимъ чудятся такія же, безконечно - длинныя, ноги. А это производитъ странное и уродливое впечатлѣніе. Не достаточно одной оголенной ноги, надо бы обѣ показать. И потомъ, куда ангелъ смотритъ?!

И затѣмъ тотчасъ же цѣнители заговорили о скверномъ мраморѣ въ Петербургѣ, вдобавокъ дорого стоющемъ, и стали хвалить итальянскій климатъ, распрашивать про папу... А одинъ сейчасъ же сталъ предлагать другому испробовать новыя лепешки отъ кашля.

Прасковья Андреевна, присутствовавшая молча при этой первой оцѣнкѣ произведенія мужа, чувствовала, что у нея все — и на сердцѣ, и въ головѣ — мутится, все застилается какою-то безобразною и глупою пеленою. А вмѣстѣ съ тѣмъ, она падаетъ куда-то, далеко и глубоко. Она чувствуетъ, что вернется обратно, поднимется, но теперь она падаетъ...

Самъ Миловановъ былъ тоже молчаливъ. Но когда гости-художники уѣхали, онъ подошелъ къ женѣ, сталъ предъ ней и вымолвилъ кротко:

— Знаешь что, Параша, закупоримъ-ка ангела опять въ ящикъ, сдадимъ его здѣсь гдѣ-нибудь на сохраненіе, а сами поѣдемъ повидаться съ матушкой. Заберемъ ее съ собой, да опять и отправимся на пьяццу Барберини. Тамъ будто дышать свободнѣе. Тамъ живя, чуешь, что и на душѣ такъ же жарко, какъ въ небѣ синемъ. А здѣсь у меня на сердцѣ стало такъ же холодно, какъ вотъ и на дворѣ. Не знаю почему, а этотъ Петербургъ кажетъ мнѣ будто какимъ склепомъ, гдѣ все покойники. Кажутъ-то они живыми, да врутъ! Это они ломаются, представляютъ. Они мертвые. Можетъ я чепуху сказываю, да такъ мнѣ сдается.

И весь этотъ день Миловановъ спокойно, скромно, кротко доказывалъ женѣ, что они вмѣстѣ обманывались въ его силахъ, что можетъ-быть изъ него ковырялка какая и выйдетъ порядочная, да не теперь, а лѣтъ черезъ десять, а то и двадцать. И онъ приводилъ женѣ примѣры: въ Римѣ было много художниковъ, скульпторовъ, уже извѣстныхъ каждый въ своемъ отечествѣ, но всѣ они были много старше его годами.

— А чтобы въ мои годы, говорилъ Миловановъ,—да сразу стать настоящимъ мастеромъ, это рѣдко бывало и въ Римѣ.

Вечеромъ та же бесѣда снова возобновилась, но уже перешла въ горячій споръ. Юрій Ивановичъ доказывалъ женѣ, что онъ не только не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ Римѣ, но даже сталъ хуже работать, чѣмъ прежде, когда-то, въ Березопольѣ. Онъ сталъ увѣрять, что ему слѣдовало бы всегда оставаться рѣзчикомъ по дереву, а не мѣтить въ ваятели. Онъ сталъ доказывать женѣ, что въ его летящемъ ангелѣ куча самыхъ грубыхъ недостатковъ. И при этомъ онъ повторилъ все то, что слышалъ поутру: и о хватающей воздухъ рукѣ, и о толстомъ плечѣ, и о тяжеломъ саванѣ съ одной безконечно длинной ногой.

Прасковья Андреевна разсердилась на мужа такъ, какъ съ ней никогда еще почти не случалось. Она обозвала его глупымъ, дряблымъ, бабой, тряпицей, просто-на-просто дуракомъ.

— Но это еще ничего, прибавила она,—а ты самъ кукла изъ воску! Въ тебѣ нѣтъ вѣры въ самого себя, и поэтому нѣту твердаго убѣжденія въ своихъ силахъ. Съ весны и до сихъ поръ ты вѣрилъ въ себя, работалъ и сдѣлалъ громадные успѣхи, почти невѣроятные, а теперь, послѣ глупой болтовни пяти дураковъ, сразу рѣшилъ, что ты ковырялка по дереву.

Кончилось тѣмъ, что мужъ и жена взяли канделябръ, зажгли на немъ всѣ свѣчи и отправились въ темную комнату, посмотрѣть на предметъ своей распри и ссоры.

Снѣжно-бѣлый ангелъ, изъ великолѣпнаго мрамора, съ распростертыми крыльями и одной поднятой рукой, среди большой и пустой горницы, освѣщенной теперь колеблющимся свѣтомъ канделябра, выступилъ сразу изъ полумрака, будто взлетѣлъ и поднимался, парилъ прямо на нихъ.

Случайно, конечно, но мужъ и жена впервые увидѣли свою статую при вечернемъ освѣщеніи. И вдругъ теперь обоимъ сразу показалось, оба почувствовали сердцемъ, что всѣ толки, разговоры и пересуды—вздоръ и вздоръ!

Вотъ онъ летитъ и самъ за себя имъ отвѣчаетъ, въ немъ есть что-то, что̀ говоритъ имъ:

„Полно вамъ болтать, я отъ васъ не завишу. Вы — сами по себѣ, а я — самъ по себѣ. И та жизнь, которая есть во мнѣ—выше, безконечнѣе вашей. Ваша пройдетъ, отъ васъ останется прахъ, а я вѣчно буду летѣть, вѣчно жить, вѣчно властвовать надъ людьми на меня смотрящими.“

Прасковья Андреевна вдругъ почти вырвала порывомъ изъ рукъ мужа канделябръ и высоко подняла его надъ головой.

— На̀, смотри! выговорила она.—Ничего не видишь? Ничего не чувствуешь? Что-жь мы—ребята, дикіе или звѣри? Что̀ развѣ мы не люди съ душою, и съ сердцемъ, и съ глазами? Смотри на него! Смотри ему въ лицо! Вѣдь онъ движетъ крыльями! Онъ смотритъ и видитъ... Онъ благословляетъ насъ... Говори же, Юрій! Говоритъ онъ тебѣ что-нибудь? Или ничего не говоритъ? Здѣсь-то, здѣсь вотъ... на сердцѣ? Чувствуешь ты что-нибудь?!..

Миловановъ понурился, закрылъ лицо руками и выговорилъ виновато:

— Кто-жь его знаетъ! Самъ себѣ не судья. Мнѣ онъ дороже всего на свѣтѣ—помимо тебя, извѣстимо, да Андрюши. А иной разъ сдается мнѣ, что онъ мнѣ

даже дороже Андрюши. Тотъ еще маленькій, а этому, мраморному, ужъ полтора мѣсяца, улыбнулся Миловановъ.—Этого я родилъ—и онъ поэтому мнѣ дороже...

— Ужъ будто дороже? произнесла Прасковья Андреевна, посмѣиваясь.

Но въ ту же минуту, за нѣсколько горницъ, раздался визгливый, дѣтскій плачъ. Миловановъ сразу повернулся и пустился бѣжать изъ горницы. Прасковья Андреевна поставила канделябръ на полъ и бросилась за нимъ. И оба — мужъ и жена, побѣжали на этотъ плачъ черезъ всю квартиру, какъ на пожаръ.

Андрюша проснулся и кушать захотѣлъ...

Болѣе часу просидѣли отецъ и мать въ дѣтской, позабывъ о своемъ спорѣ и о другомъ дѣтищѣ.

А тамъ, въ большой горницѣ, освѣщенной колеблющимся свѣтомъ огней канделябра, оставленнаго на полу, парилъ и будто уносился тихо вверхъ, чудноликій, благословляющій ангелъ. И среди тиши пустой, полуосвѣщенной горницы, этотъ ангелъ будто жилъ своею жизнью. Какою-то странною, невѣдомою, чуждою земному, торжественной жизнью...

XXIII.

Прошло около мѣсяца съ тѣхъ поръ, что Миловановы поселились въ Петербургѣ, а два главныхъ насущныхъ вопроса, которые ихъ озабочивали, все еще не были разрѣшены.

Обратить особое вниманіе Академіи Художествъ, а равно кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ въ столицѣ на произведеніе русскаго самородка-ваятеля, положительно не удавалось. Съ другой стороны, изъ Березополья не было ни слуху, ни духу. Илья Петровичъ даже не отвѣчалъ, не только не присылалъ никакихъ бумагъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ полиціи надоѣдали Миловановымъ, требуя обмѣны заграничнаго паспорта на другой, какой бы то ни было, документъ. Выдать же имъ какой-либо видъ на жительство, какъ крѣпостнымъ людямъ, было невозможно безъ разрѣшенія отъ помѣщика на свободное проживательство или хожденіе по оброку.

Какой-то полицейскій объяснилъ Прасковьѣ Андреевнѣ, что ей бы слѣдовало хотя эту бумагу выхлопотать себѣ отъ „ея барина“.

— Простая бумажка, объяснялъ онъ,—гдѣ сказано, что можете проживать гдѣ вздумается и платить столько-то оброку въ годъ, ну, хоть двадцать рублей.

Этотъ наивный полицейскій даже разсердилъ Прасковью Андреевну, потому что простодушнѣйшимъ образомъ не вѣрилъ ея баснямъ о томъ, что она—бывшая княжна Березопольская.

— Это мы отлично знаемъ... заявилъ онъ.—Мы ежеденно, матушка моя, такія турусы на колесахъ слышимъ въ полиціи, что всему не переудивляешься. Будьте вы хоть принцессой какой Задунайской, а письменность намъ пожалуйте! Вотъ вчерась еще мы за безписьменность въ холодную посадили на три дня Аглицкаго императора.

Замедленіе присылки бумаги, а главное, упорное молчаніе братца уже начинало сильно безпокоить Прасковью Андреевну. Мысль, которая не приходила ей прежде на умъ, которая затѣмъ поневолѣ возникла въ ней, но которую она отгоняла какъ недостойную клевету на честнаго Илью Петровича, теперь возвращалась все чаще и чаще, и уже страшно тревожила ее.

Въ первое время она не хотѣла думать, чтобы князь затѣвалъ по отношенію къ ней какой-нибудь безчестный поступокъ. Теперь уже его молчаніе ничѣмъ инымъ объяснить было нельзя.

Но что́-жь затѣваетъ онъ? Что́ можетъ онъ сдѣлать? Считать ея мужа, ее самоё и ихъ ребенка своими крѣпостными! Зачѣмъ?..

И Прасковья Андреевна сознавалась, что въ концѣ концовъ разумъ ея отказывается понимать смыслъ и значеніе всей этой безконечно-длящейся исторіи съ документомъ. Когда она говорила объ этомъ съ мужемъ,—а случалось это за послѣднее время часто,—Миловановъ пожималъ плечами и постоянно повторялъ одно и то же:

— Совершенно непонятно! Что-жь! Сами виноваты! Тогда надо было, не выѣзжая за-границу, все устроить.

И за послѣдніе дни Миловановы уже мало думали и хлопотали по поводу своего старшаго дѣтища, какъ называли они летящаго ангела. Молчаніе изъ Березополья и приставаніе столичной полиціи уже слишкомъ озабочивало ихъ.

(Продолженіе будетъ).

Дворняшка.

Разсказъ **Н. Станицкаго.**

Въ самомъ дальнемъ углу Петербургской стороны, въ глухомъ немощеномъ переулкѣ, въ старенькомъ домикѣ о четырехъ окнахъ, зимнимъ позднимъ вечеромъ, въ небольшой комнатѣ съ покривившимся поломъ и съ низкимъ потолкомъ, сидѣла худенькая старушка у длиннаго простаго стола, обитаго черной клеенкой и заваленнаго разными бумагами и книгами. Столъ стоялъ въ простѣнкѣ двухъ оконъ. Старушка хмуро вязала шерстяной чулокъ при небольшой лампочкѣ съ зеленымъ абажуромъ.

Обстановка комнаты была плохонькая: старинный диванъ съ деревянною спинкой, на которомъ была приготовлена постель, надъ диваномъ небольшое зеркало; вовлѣ дивана — овальный небольшой столъ на тумбочкѣ, нѣсколько креселъ и стульевъ съ деревянными спинками, обитые пестрою клеенкой, пузатый комодъ съ бронзовыми ручками у ящиковъ, на комодѣ также бумаги и туалетныя принадлежности. Огромная изразцовая печь должно-быть мало нагрѣвала комнату, температура въ ней была очень прохладная и на стеклахъ наросли толстые слои льда, такъ что старушка смѣло могла, кромѣ байковаго платка, надѣть и пальто.

Слѣва за перегородкой, не доходящею до потолка, свѣтился огонь и оттуда слышался юный голосокъ монотонно перечислявшій изъ географіи проливы и мысы.

Справа, изъ-за глухой перегородки, какъ бы акомпанировалъ этому голоску рѣзкій мужской кашель, который видимо раздражалъ старушку.

— Варя, гаси свѣчу! ворчливо проговорила старушка.

— Сейчасъ, бабушка, только еще разъ повторю урокъ, отвѣчала Варя.

— Слава Богу, съ которыхъ поръ твердишь! сказала старушка.

— Ахъ, бабушка, не одинъ урокъ надо было приготовить къ завтрему! обидчиво отвѣтила Варя.

За глухою перегородкой раздался визгливый лай собаченокъ и мужской голосъ унимавшій ихъ.

Старушка раздражительно крикнула:

— Семенъ Ивановичъ, терпѣнія моего нѣтъ слушать визготню вашихъ собаченокъ, и сами-то вы безъ передышки бухаете, такъ что голова у меня трещитъ.

— Изволите сами знать, Арина Никитишна, что въ зимнее время завсегда меня одолѣваетъ кашель, заискивающимъ тономъ отвѣчалъ мужской голосъ.

— Полно вамъ сваливать на зимнее время, сердито возразила старушка, — нѣтъ, это все отъ вашихъ собаченокъ, которыхъ вы по цѣлымъ часамъ носите на морозѣ! Свалитесь, что́ тогда будетъ?

— Маленькая-съ перхота щекотитъ въ горлѣ, Арина Никитишна, проговорилъ Семенъ Ивановичъ, и закашлялся.

А старушка, пожимая плечами, ворчливо произнесла:

— Это маленькая перхота! бухаетъ, бухаетъ, чай все нутро у него перевернулось... перхота! и суровымъ тономъ громко продолжала:—Покоя нѣтъ отъ вашихъ собаченокъ, извольте-ка ихъ въ чуланѣ держать!

— Ахъ, Арина Никитишна, возможно-ли нѣжныхъ собачекъ въ холоду держать-съ—простудятся, жалобнымъ тономъ произнесъ Семенъ Ивановичъ.

— Туда и дорога, если всѣ поколѣютъ! крикнула старушка,— что́ выдумалъ, псарню разводить! Просто вы съ ума спятили, Семенъ Ивановичъ, богачъ какой! тратится на прокормъ какихъ-то собаченокъ, возится съ ними, какъ съ ребятами: моетъ, расчесываетъ ихъ!

— Нельзя же-съ, Арина Никитишна, въ грязи ихъ держать-съ,

Джорджоне. Карт. А. Вольфа, грав. Бойгъ.

На лося наткнулись. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **А. Земцова**, грав. Шюблеръ.

вдругъ публикація въ газетѣ окажется—я долженъ въ своемъ видѣ собачку представить. Я... говорилъ Семенъ Ивановичъ, но старушка не дала ему сказать и крикнула:

— Ждите, ждите! какъ бы изъ-за этихъ собаченокъ настоящимъ манеромъ не попасть вамъ въ полицію.

— Ахъ-съ, Арина Никитишна, тогда-съ мнѣ вышла непріятность изъ-за мопсика по моей неопытности, проговорилъ Семенъ Ивановичъ.

— Хорошо, хорошо! сказала старушка, и пророческимъ тономъ добавила: — Помяните меня, Семенъ Ивановичъ, не миновать вамъ полиціи изъ-за вашихъ собаченокъ.

Пророчество старушки было заглушено огрызнувшеюся собаченкою, визгомъ другой, и сильнымъ кашлемъ Семена Ивановича.

Старушка въ сердцахъ отбросила въ сторону чулокъ, услышавъ унѣщаніе Семена Ивановича своимъ собаченкамъ:

— Ай, ай, барышня, зачѣмъ обижать товарища по несчастью! А ты, Жучекъ, долженъ понимать, какого ты низкаго происхожденія.

— Семенъ Ивановичъ! крикнула гнѣвно старушка, — тошно слушать ваши разговоры, какъ-будто съ людьми! Право, вы, кажется, разума лишились.

— Жучка-съ, Арина Никитишна, какъ человѣкъ понимаетъ всякій разговоръ. Такой сообразительности — на рѣдкость-съ, даромъ что собачка.

— Господи, ей Богу онъ рехнулся! проговорила старушка и крикнула: — гдѣ у васъ глаза-то, Семенъ Ивановичъ, были, когда вы такую подворотню притащили! Неужьто вы думаете, что кто-нибудь дастъ хоть грошъ за нее?

— Я-съ, Арина Никитишна, единственно изъ жалости взялъ ее, смиренно отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ, — такъ она смотрѣла мнѣ въ глаза—словно говорила: „скорѣй, накорми меня, бѣдную!“

— Перестаньте, кажись вы считаете меня за дуру! гнѣвно крикнула старушка. — Какъ знаете, Семенъ Ивановичъ, а я больше не желаю, чтобъ у меня въ домѣ псарню заводили! Желаете жить у меня, такъ живите попрежнему; а если намѣрены собаченокъ держать при себѣ, такъ ищите себѣ комнату!

Старушка страшно разгорячилась, и Семенъ Ивановичъ сильно закашлялся.

— Варя, гаси свѣчу! говорила старушка, — просто покоя нѣтъ: съ одной стороны она точно шмель жужжитъ, съ другой — бухотня, визгъ-лай собачій. Что же это такое?.. Хлебните хоть воды-то, Семенъ Ивановичъ! взволнованнымъ голосомъ сказала старушка.

— Пройдетъ-съ! проговорилъ Семенъ Ивановичъ.

— Какъ же, пройдетъ въ наши-то годы... нѣтъ, батюшка, и въ молодости-то болѣзнь пудами входитъ въ человѣка, а золотниками уходитъ изъ него. Мы съ вами не богачи, чтобы хворать, и безъ хворостей жизнь-то наша не сладка, говорила въ сердцахъ старушка.—Нечего въ подушку утыкаться! Лучше бы на морозѣ не стояли, словно неразумный ребенокъ, который не знаетъ, что этого дѣлать нельзя.

Старушка умолкла, кашля и юнаго голоска болѣе не было слышно, водворилась тишина въ комнатѣ, нарушаемая только чиканьемъ дешевыхъ часовъ съ гирями, висящихъ на стѣнѣ.

Старушка, понуривъ голову, сидѣла въ задумчивости, и по морщинистымъ ея щекамъ катились слезы. Она тяжко вздохнула, вытерла глаза, высморкалась, достала изъ кармана засаленныя карты и стала гадать, покачивая головой шептала:

— Все одно выходитъ — успокоитъ меня неожиданная радость. Какъ же! такъ и жди радости: копѣйки нѣтъ, а надо вносить въ гимназію за Варю. Господи, Господи, Володя убивается на работѣ съ утра до поздней ночи, а толку мало, не хватаетъ да и только чѣмъ платить за Варю!

Старушка понурила голову, и снова потекли слезы изъ ея глазъ, но она торопливо ихъ вытерла, собрала карты, спрятала въ карманъ и принялась вязать чулокъ, по временамъ поглядывая на часы.

Старушка была владѣтельница старенькаго домика, доставшагося ей по наслѣдству; она давно уже вдовствовала. Ирина Никитишна принадлежала къ классу мелкаго чиновничества. Въ молодости это была энергическая женщина, она не допускала нищеты въ свое семейство, день и ночь занималась шитьемъ бѣлья и на свои трудовыя деньги дала гимназическое образованіе своему сыну; но далѣе продолжать его образованіе у ней уже не хватило силъ, потому что ея мужа разбилъ параличъ и надо было его содержать. Отъ усиленной работы и отъ слезъ ослабѣло зрѣніе, да и старость пришла, а тутъ еще новое горе: у замужней дочери супругъ—тоже изъ мелкихъ чиновниковъ—запилъ горькую, его прогнали со службы, дочь съ ребенкомъ поселилась у матери, но недолго прожила. По смерти ея, у Ирины Никитишны на рукахъ осталась пятилѣтняя внучка. Сынъ Ирины Никитишны содержалъ семейство, получая скудное жалованье: утромъ онъ ходилъ на казенную службу, а вечеромъ—на частную...

Біографія Семена Ивановича была очень проста: онъ также принадлежалъ къ обширному классу петербургскихъ чиновниковъ. Его дѣдъ и отецъ были также мелкіе чиновники, какъ и самъ Семенъ Ивановичъ. По своему робкому характеру и неумѣнью заискивать расположеніе своихъ непосредственныхъ начальниковъ, Семенъ Ивановичъ хотя и считался самымъ лучшимъ переписчикомъ бумагъ, но награды и чины проходили мимо его носу, а онъ даже никогда не роптал на это; но когда неожиданно для него онъ получилъ отставку — это страшно его убило. По счастію, онъ, съ пятнадцати лѣтъ поступивъ на службу, выслужилъ пенсію. Привычка ходить на службу въ немъ такъ была сильна, что онъ первое время каждый день отправлялся въ извѣстный часъ къ зданію департамента и бродилъ около него. Чтобъ чѣмъ-нибудь развлечь себя, Семенъ Ивановичъ переписывалъ самъ для себя черновыя бумаги, которыя у него остались отъ службы.

Часто бываетъ съ людьми одинокими, что они имѣютъ привычку выражать вслухъ свои мысли. Переписавъ бумагу, Семенъ Ивановичъ, любуясь ею, говорилъ:

— Оставили меня за старостью лѣтъ, ну-съ, пусть сравняютъ мое писаніе съ молодыми? Самъ директоръ изволили приказывать за недѣлю до моей отставки „дать Васюточкину переписать эту бумагу“, значитъ же я былъ годенъ для службы... Племяннику столоначальника надо было дать мѣсто, меня и похерили!.. Ну, Богъ съ ними! Не я первый, не я послѣдній!

Съ Ириной Никитишной Семенъ Ивановичъ давнымъ-давно былъ знакомъ. Онъ сидѣлъ за однимъ столомъ на службѣ съ ея мужемъ и бывалъ часто у нихъ въ домѣ; когда же сослуживца разбилъ параличъ, то Семенъ Ивановичъ каждый вечеръ навѣщалъ его, а послѣ его смерти переѣхалъ жильцомъ ко вдовѣ и платилъ ей за комнату и обѣдъ. Володя, сынъ Ирины Никитишны, выросъ на глазахъ Семена Ивановича, а также и внучка Ирины Никитишны.

Семенъ Ивановичъ былъ одинокъ, росъ онъ безъ матери, отецъ только вечеромъ бывалъ дома; а когда отецъ умеръ, то Семенъ Ивановичъ уже находился на службѣ. Пить, играть въ карты и ходить по трактирамъ Семенъ Ивановичъ не любилъ, сослуживцы не желали знаться съ нимъ. Семенъ Ивановичъ какъ сурокъ сидѣлъ въ своей крохотной комнаткѣ въ мезонинчикѣ, гдѣ долженъ былъ сгибаться—такъ низокъ былъ потолокъ. Но онъ долго прожилъ въ мезонинчикѣ, потому что дешево платилъ за него. Въ гости ходилъ онъ единственно къ Иринѣ Никитишнѣ. Конечно, былъ маленькій романчикъ въ молодости Семена Ивановича. Онъ влюбился въ дочь тоже одного мелкаго чиновника, но дѣвица съ презрѣніемъ смотрѣла на своего робкаго обожателя и не поцеремонилась ему прямо въ глаза сказать, что за такого урода никогда не выйдетъ замужъ. Семенъ Ивановичъ самъ не заблуждался насчетъ своей наружности и иногда разсуждалъ:

„Хоть-бы я уродился поменьше ростомъ, такъ меня и не замѣчали-бы, а то словно шестъ какой передъ всѣми“.

Точно, Семенъ Ивановичъ бросался въ глаза большимъ ростомъ, не смотря даже на то, что держался сгорбившись. На его длинномъ-предлинномъ лицѣ, сѣровато-желтаго цвѣта, очень смѣшонъ былъ маленькій носикъ, слегка вздернутый кверху, и его небольшіе желтовато-сѣрые глаза, съ дѣтскимъ, пугливымъ выраженіемъ. Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ, не смотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ, но душѣ былъ дитя, да и по разуму и по робости своей также походилъ на ребенка. Онъ страшно боялся Ирины Никитишны, и только за обѣдомъ сидѣлъ съ нею вмѣстѣ.

Все семейство обѣдало въ кухнѣ. Семенъ Ивановичъ ѣлъ только одинъ разъ въ день, потому что завтраки и ужины были невозможны при его скудной пенсіи. За обѣдомъ Семену Ивановичу было не до разговоровъ, надо было утолять голодъ, да Ирина Никитишна и не любила, чтобы долго прохлаждались за обѣдомъ, потому что ей надо было самой вымыть посуду и прибрать кухню. Прислуги она не имѣла средствъ держать, все дѣлала сама; только бѣдный старикъ по сосѣдству за полтинникъ въ мѣсяцъ носилъ ей воду. Семену Ивановичу не съ кѣмъ было поговорить: Варя ходила въ гимназію, послѣ обѣда садилась за свои уроки; Володя съ утра былъ на службѣ, приходилъ обѣдать, снова уходилъ на частную службу и возвращался поздно вечеромъ домой. Такъ что у Семена Ивановича страшно усилилась привычка разсуждать съ самимъ собой. За неимѣніемъ общества, онъ, сидя въ своей маленькой комнаткѣ, такъ иногда увлекался разсужденіями, точно велъ оживленную бесѣду съ кѣмъ-нибудь. Ирина Никитишна сама имѣла привычку тоже вслухъ выражать свои думы, но только когда находилась въ нехорошемъ настроеніи; она не замѣчала за собой этой привычки, и ворчала на Семена Ивановича изъ своей комнаты:

— Лепечете-лепечете сами съ собой, Семенъ Ивановичъ, даже смѣшно слушать васъ.

— Извините, Ирина Никитишна, невдомекъ, что вамъ слышно, отвѣчалъ изъ-за перегородки Семенъ Ивановичъ, — глупая-съ такая у меня-съ привычка-съ.

— Кто не знаетъ, можетъ подумать, что вы колдунъ, заговоры шепчете. Въ моей молодости, одинъ нашъ знакомый старичокъ такъ же все лепеталъ самъ съ собой и долепетался до того, что съ ума спятилъ, свезли въ больницу, онъ вскорѣ тамъ и померъ.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, Ирина Никитишна, обидчиво отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.

Но онъ еще болѣе бы обидѣлся, если-бъ видѣлъ насмѣшливое киваніе головы старушки и слышалъ ея ворчавшій шепотъ: „Всякій рехнувшійся думаетъ, что у него голова въ порядкѣ".

Комнатка Семена Ивановича была узенькая: просто одно окно было отгорожено легкою досчатою перегородкой отъ сосѣдней комнаты. Мебели было въ ней немного: клеенчатый диванъ, на которомъ и спалъ Семенъ Ивановичъ, маленькій комодъ простаго дерева, на комодѣ разостланы чистые листы бумаги и аккуратно разставлены были: маленькое складное зеркальце, щетка, гребенка, банка помады. На стѣнѣ прибиты были двѣ простыя полки; на одной лежали нѣсколько книгъ въ старенькихъ переплетахъ и безъ переплетовъ, очень засаленныхъ. На другой полкѣ стояла чайная посуда: два чайничка, сахарница, стаканъ съ блюдечкомъ и чашка. Семенъ Ивановичъ пилъ свой чай. Въ углу висѣлъ на гвоздяхъ его небогатый гардеробъ, прикрытый дырявою простыней. На стулѣ, на диванѣ была сложена его подушка, одѣяло, у окна стоялъ ломберный старенькій столъ и на немъ размѣщались въ порядкѣ чернильница, перо, карандашъ, старенькій-престаренькій портфель для бумагъ, съ которымъ онъ ходилъ на службу тридцать лѣтъ, и большія тетради въ сѣрой оберткѣ, еще остатки отъ его служебныхъ занятій. У двухъ образовъ висѣла лампада.

Однообразная жизнь Семена Ивановича неожиданно оживилась. Разъ, поздней осенью, въ одно утро, онъ возвращался домой, совершивъ обычную прогулку къ департаменту, гдѣ прежде служилъ,—къ нему пристала очень маленькая собачка; ея длинная шерсть вся была мокрая, мохнатыя лапки и хвостикъ въ грязи. Собачка дрожала отъ холода и визжа бѣжала за нимъ. Семенъ Ивановичъ говорилъ ей:

— Вижу, что ты озябла, да что̀ мнѣ-то съ тобой дѣлать? Лучше отстань, поищи побогаче прохожаго и иди за нимъ.

Но собачка продолжала бѣжать за нимъ, забѣгала впередъ, карабкалась на его ноги, жалобно пища, какъ бы прося взять ее на руки. Семенъ Ивановичъ остановился и сказалъ собаченкѣ:

— Глупенькая, отстань ты отъ меня!

Но собачка не слушала его словъ. Подходя къ дому, Семенъ Ивановичъ опять остановился и проговорилъ:

— Отвяжись, понапрасну бѣжала этакую даль за мной, и онъ подошелъ къ дому, отворилъ калитку и съ досадою произнесъ:—бѣги назадъ, здѣсь народъ живетъ бѣдный, самимъ едва хватаетъ чѣмъ кормиться, а не токмо васъ еще прокармливать.

Собаченка завыла.

Семенъ Ивановичъ остановился въ раздумьи и прикрикнулъ:

— Не вой! Ну, обогрѣйся у меня, переночуй, а завтра я тебя вынесу на хорошія улицы, тамъ навѣрно кто-нибудь и возьметъ тебя къ себѣ жить!

Собаченка юркнула въ калитку, Семенъ Ивановичъ въ испугѣ крикнулъ:

— Куда ты, шальная! Оборони Боже, увидитъ тебя Ирина Никитишна—бѣда! Иди сюда!

И Семенъ Ивановичъ вынулъ носовой пестрый бумажный платокъ изъ кармана, обернулъ грязныя лапы собаченки, спряталъ ее подъ шинель, говоря:—Ни-гу-гу, будь нѣма какъ рыба, а то вышвырнутъ тебя вонъ, да еще и мнѣ достанется за тебя.

Передъ входомъ въ дверь, обитую рогожей, онъ тщательно вытеръ ноги о разостланную рогожу, робко отворилъ дверь и вошелъ въ кухню, опять вытеръ о тряпку ноги, сказавъ Иринѣ Никитишнѣ, стоявшей у печки:

— Скверная-съ погода сегодня.

— А какая неволя со двора была выходить! ворчливо отвѣчала старушка.

Семенъ Ивановичъ проворно юркнулъ въ свою комнату и плотно приперъ дверь; онъ бережно развернулъ собаченку, пустилъ ее на полъ,—она стала встряхиваться. Семенъ Ивановичъ погрозилъ ей. Собаченка вскочила на диванъ и виляла мокрымъ хвостомъ. Семенъ Ивановичъ шепталъ, разсматривая собаченку:

— Экая каплюшка! видно балованная, сейчасъ на диванъ... Постой, дай лапки оботру.

Собаченка лизала ему руки, а онъ продолжалъ:

— Ладно, ладно, мадамъ, нечего радоваться—только отогрѣю тебя. Завтра опять придется тебѣ на холоду, да по мокротѣ шляться. Тс!.. Посмѣй только подать голосъ...

Семенъ Ивановичъ развѣсилъ аккуратно свою шинель, снялъ очень поношенный пиджакъ, надѣлъ старенькій бумажный въ заплатахъ халатъ и туфли. Собаченка сидѣла на диванѣ не спуская съ него глазъ.

— Пить вѣрно хочешь послѣ такого променажа? спросилъ собаченку Семенъ Ивановичъ, и налилъ воды на блюдечко.

Собачка съ жадностью стала лакать, а Семенъ Ивановичъ сѣлъ на диванъ и, смотря на нее, шепталъ:

— Можетъ сливочки пила? что̀ дѣлать, попей теперь и водицы!.. Эхъ, превратности судьбы бываютъ не съ одними людьми, а и съ вами: можетъ на бархатномъ диванѣ лежала, да въ бантикахъ ходила, а теперь и на голомъ полу поспишь... И я служилъ, а теперь въ отставкѣ, мое мѣсто надо было другому... ну, да Богъ съ ними!

Все это нашептывалъ Семенъ Ивановичъ собаченкѣ, которая вскочила ему на колѣна и улеглась спать.—Ну, засни, чай намаялась отъ бѣготни. А зачѣмъ сбѣжала, мадамъ? думала невѣсть какая радость по улицамъ бѣгать? небось теперь охоту отобьетъ отъ такихъ прогулокъ.. Кабы отъ меня зависѣло, я бы оставилъ тебя, но Арина Никитишна не дозволитъ, она терпѣть не можетъ ни собакъ, ни кошекъ.

— Что̀ вы шепчете? спросила старушка изъ комнаты.

Семенъ Ивановичъ, погрозивъ собаченкѣ приподнявшей голову, отвѣчалъ:

— Такъ-съ, по привычкѣ-съ, Арина Никитишна.

— Не приключилось-ли чего съ вами? Я запримѣтила, когда вы много лепечете сами съ собой, такъ значитъ что-нибудь не ладно съ вами. Не лопнулъ-ли и другой сапогъ?

— Завѣряю васъ, Арина Никитишна, торопливо отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.—Все обстоитъ благополучно съ сапогами-съ.

Для такихъ бѣдняковъ, какъ Семенъ Ивановичъ и Ирина Никитишна, обувь играетъ важную роль въ ихъ жизни, потому что затрата денегъ на нее очень значительна въ ихъ крохотномъ бюджетѣ.

Все обошлось благополучно, Ирина Никитишна и не подозрѣвала о присутствіи въ ея домѣ собачки и возилась въ кухнѣ, готовя обѣдъ. Семенъ Ивановичъ дремалъ на диванѣ, а собачка, согрѣвшись, сладко заснула возлѣ него. Но вдругъ раздался стукъ въ окно. Это былъ знакъ, чтобы отворили калитку, если она заперта, когда возвращались домой сынъ вдовы или ея внучка. Собаченка визгливо залаяла. Семенъ Ивановичъ въ испугѣ вскочилъ съ дивана, пихнулъ собаченку къ себѣ за пазуху, проговоривъ въ отчаяніи:

— Эхъ, мадамъ, загубила ты и себя, и меня!

Ирина Никитишна распахнула дверь и воскликнула:

— Господи! Собачка у васъ? гдѣ она?

Семенъ Ивановичъ жалобно произнесъ:

— Махонькая-съ!

— Хоть размахонькая, вонъ ее! Это что̀ выдумали!

Семенъ Ивановичъ умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Жалость было смотрѣть-съ, такая крохотная, намокла, вся дрожитъ... Только переночуетъ-съ.

Но Ирина Никитишна повторяла: „вонъ, вонъ!"

Семенъ Ивановичъ вынулъ собаченку и, показывая ее Иринѣ Никитишнѣ, добавилъ:

— Посмотрите-съ, какая миленькая! разсчитывая разжалобить суровую старушку.

— Ахъ, какая собачка! раздался юный голосъ за Ириною Никитишной, и одиннадцати-лѣтняя дѣвочка въ короткомъ драповомъ пальто и черной круглой шляпѣ съ сумкою въ рукахъ, юркнула въ комнату, схватила собачку на руки и прижимая ее къ себѣ произнесла:—Бабушка, оставь собачку!

И дѣвочка убѣжала съ ней изъ комнаты.

— Варя, переобуйся, ноги навѣрно мокры! идя за внучкой говорила старушка.

Семенъ Ивановичъ остался въ своей комнатѣ и улыбаясь произнесъ:

— Теперь не выбросите-съ собачку, Ирина Никитишна, слезъ-то своей внучки не захотите видѣть-съ.

Явился къ обѣду сынъ старушки; годами онъ былъ еще молодъ, но на его лицѣ лежала печать утомленія отъ работы. Увидавъ собачку, онъ замѣтилъ Семену Ивановичу, что это очень дорогая болонка и навѣрно будетъ объявленіе въ газетѣ о ея пропажѣ.

Варенька ни за что̀ не хотѣла отдавать собачку, если и сыщутся ея хозяева. Дядя сталъ ей доказывать, что нечестно держать чужую собачку у себя.

— Да полно вамъ спорить изъ-за дрянной собаченки, ѣшьте! прикрикнула Ирина Никитишна на сына и внучку, которая весь вечеръ не спускала собачку съ рукъ, вмѣстѣ съ нею учила и уроки.

Бабушка настойчиво дала приказаніе ей отнести собаченку къ Семену Ивановичу на ночь.

Семенъ Ивановичъ, улегшись спать на диванѣ, сказалъ болонкѣ:

— Извольте-ка, мадамъ, прилечь на диванъ, нельзя-же вамъ на голомъ полу спать, если вы важной породы. Милости просимъ, не взыщите, если жестковато. Завтра и узнаемъ изъ газетъ ваше имя и вашъ адресъ, гдѣ вы изволите проживать. Я васъ и водворю на мѣсто вашего жительства.

На другое утро, какъ только Ирина Никитишна ушла въ рынокъ, Семенъ Ивановичъ немедленно по ея уходѣ притащилъ изъ сѣней корыто въ свою комнату, поставилъ самоваръ и принялся готовить ванну для болонки.

— Пожалуйте-съ, мадамъ, примите ванну,—ставя собачку въ корыто,—дайте смыть съ васъ грязь-то, вы вѣдь чай къ чистотѣ привыкли... Не кочевряжьтесь, мадамъ, надо же мнѣ васъ въ приличномъ видѣ доставить къ вашимъ хозяевамъ... Не вертитесь... прохлаждаться намъ долго нельзя, мадамъ, надо все прибрать до возвращенія Арины Никитишны... Нечего дрожать, вода тепленькая! вчера хуже было, какъ по мокрымъ улицамъ изволили бѣгать-съ.

Семенъ Ивановичъ, въ первый разъ въ жизни занимаясь мытьемъ собаки, дѣлалъ это и неумѣло, и очень копотно. Очень было смѣшно смотрѣть на его озабоченное длинное лицо и его высокую фигуру, облеченную въ старый бумажный халатъ, опоясанный веревочкой, а полы заткнутыя за поясъ.

Окончивъ мытье, онъ весь былъ въ испаринѣ, точно самъ

приилялъ горячую ванну. Бережно завернулъ онъ въ простыню болонку, уложилъ ее на диванъ и, прикрывъ ее одѣяломъ, сказалъ ей:

— Лежите смирно, мадамъ, пока я приберу все.

Семенъ Ивановичъ сталъ подтирать полъ.

— Все надо привести въ порядокъ, говорилъ онъ, — чтобы Ирина Никитишна не узнала, а то бѣда мнѣ будетъ. Она вѣдь нечистоты и безпорядка не любитъ. Оборони Боже, если-бы увидала, что я вамъ ванну дѣлалъ.

Семенъ Ивановичъ понесъ корыто во дворъ, чтобы вылить воду, и только что вышелъ въ сѣни, какъ вошла въ комнату Ирина Никитишна. Онъ такъ и замеръ съ корытомъ въ рукахъ. Старушка воскликнула:

— Это что за стирку вы затѣяли безъ меня? и грозно подошла къ Семену Ивановичу.—Что вы дѣлали?

— Собачкѣ ванну... оторопѣвъ проговорилъ онъ, какъ школьникъ пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Ахъ, ты, Господи! мылъ въ моемъ корытѣ блошивую собаченку! крикнула Ирина Никитишна.—Да въ умѣ ли вы? весь домъ вверхъ дномъ подняли съ вашей собаченкой. Дѣвочка покоя мнѣ не дала со своимъ приставаньемъ: „оставь собачку", а онъ еще нарочно съ ней затѣялъ.

— Я-съ, Арина Никитишна, въ своей комнатѣ мылъ-съ собачку...

— Чтобы духу ея не было! гнѣвно крикнула старушка.— Извольте сейчасъ-же тащить ее куда угодно.

— Какъ-съ?.. она-съ мокрая! дайте ей хоть обсохнуть-съ; хотя животное-съ, а все-таки жаль-съ, робко протестовалъ Семенъ Ивановичъ.

Старушка укоризненно воскликнула:

— Ополоумѣли вы съ этой собаченкой! На холоду стоите, весь распахнутый!

Она толкнула дверь въ кухню и гнѣвно захлопнула за собой.

Семенъ Ивановичъ уныло поплелся съ корытомъ въ уголъ двора, выплеснулъ воду, возвратился въ сѣни, поставилъ корыто на свое мѣсто и въ нерѣшеніи стоялъ у двери, бормоча:

— Вотъ стряслась какая бѣда! Надо же ей было сегодня вернуться такъ скоро съ рынка? Тащи вонъ изъ дому мокрую собачку на такой холодъ.

Семена Ивановича передергивало самого отъ холода, онъ перекрестился и тихонько отворилъ дверь. О, счастье! Ирины Никитишны не оказалось въ кухнѣ, и онъ проворно шмыгнулъ въ свою комнату и, смотря на закутанную собачку, трагически произнесъ:

— Попались мы съ вами, мадамъ!.. Теперь я и не кажись ей на глаза! хоть бы безъ корыта меня увидала—какъ нибудь вывернулся-бы, а то на! такъ и наскочила!.. Проходу теперь мнѣ не дастъ!

Долго шепталъ Семенъ Ивановичъ о своемъ несчастіи, а потомъ взялъ гребенку и, подходя къ болонкѣ, сказалъ:

— Ну-съ, мадамъ, позвольте теперь васъ расчесать... фу. ты какая пушистая да мягкая шерстка у васъ, и шкурката розовенькая! Нѣтъ-съ, мадамъ, вамъ не житье у отставнаго чиновника Васюточкина, а вамъ слѣдуетъ жить въ богатыхъ комнатахъ, гдѣ диваны шелковые, а не клеенкой обитые. Узнать васъ теперь нельзя, мадамъ, а вчера-то какая вы были грязненькая, жалконькая... Да, вотъ и для животнаго много значитъ довольство и холя, а не токмо для человѣка.

Окончивъ расчесывать болонку, онъ спустилъ ее на полъ и любуясь ею шепталъ:

— Уши-то до полу достаютъ, шерстка-то что твое серебро. Важной породы вы изволите быть-съ... И такую-то дорогую собачку, мокрую на холодъ выкинуть! Ай, Арина Никитишна, это жестокосердно! Очень ужь въ послѣднее время вы гнѣвны стали-съ... Ну, да и заботъ-то!—Семенъ Ивановичъ тяжко вздохнулъ и добавилъ: — печалей у ней много, а подъ старость-то силенокъ нѣтъ бодриться. А бывало какимъ козыремъ выглядывала!..

Семенъ Ивановичъ благоговѣлъ передъ Ириной Никитишной. Когда лѣтъ двадцать пять тому назадъ познакомился съ ней, самъ отъ природы робкій, онъ поражался ея смѣлымъ характеромъ, ея энергіей. Сослуживцы Семена Ивановича подтрунивали надъ нимъ, что онъ женится на Иринѣ Никитишнѣ, когда она овдовѣла. Эти шутки сначала пугали его страшно, но постоянно слыша вопросъ шутниковъ: „Когда же, Васюточкинъ, будетъ ваша свадьба?" онъ сталъ подумывать: а почему-бы ему и не жениться на вдовѣ? Хотя она была старше его, Семенъ Ивановичъ на видъ казался десятью годами старше ея. Но у Семена Ивановича духу не хватило сдѣлать предложеніе вдовѣ. Онъ самъ посмѣялся надъ своими мечтами, разсуждая въ слухъ: „Нѣтъ, Васюточкинъ, куда тебѣ жену! — жилъ бобылемъ и умри имъ!"

(Продолженіе будетъ).

Животная и растительная жизнь вѣчныхъ снѣговъ.

Съ листопадомъ, когда наши георгины и астры въ садахъ, будучи побиты утренниками, съ поникшей головой и почернѣвшими, засохшими верхушками, да еще резеда, теряющая отъ холода свой запахъ, свидѣтельствуютъ о бренности всего существующаго; когда осенью пропадаютъ столь надоѣдливыя, особенно къ концу, мухи, и въ полѣ уже не видать больше ни бабочки, ни другаго крылатаго гостя лѣта, тогда житель города полагаетъ, что жизнь природы въ общей сложности прекращается, такъ сказать, замерзаетъ, — многіе даже считаютъ лѣсъ и поле лишенными и всѣхъ крупныхъ животныхъ, хотя въ курятныхъ лавкахъ легко убѣдиться въ противоположномъ. Люди болѣе близко стоящіе къ природѣ разсуждаютъ уже иначе; такъ, напримѣръ, земледѣлецъ не только знаетъ, что не мало насѣкомыхъ подъ опавшей листвою, даже подъ сугробомъ грѣющаго ихъ снѣга, ждутъ только того мгновенія, когда солнышко, хотя бы лишь на часокъ, заставило нѣсколько стаять снѣгъ, но также боится онъ тѣхъ маленькихъ незваныхъ гостей, которые точатъ и портятъ его зимніе запасы. Плодоводъ печальнымъ опытомъ извѣдалъ, что и холодъ его не освобождаетъ отъ крылатыхъ враговъ. Столь вредныя плодовымъ деревьямъ кровавыя тли, высасывающія лучшіе соки изъ дерева, отнюдь не боятся нѣсколькихъ градусовъ холода, если яйцескладываніемъ приходится позаботиться о потомствѣ; а нѣкоторыя бабочки изъ пяденицъ (Geometrida), которыхъ и плодоводъ, и также лѣсоводъ знаетъ очень хорошо къ своему прискорбію, летаютъ лишь въ октябрѣ или даже въ декабрѣ. Такъ напримѣръ, самцы зимней пяденицы (Cheimatobia s. Acidalia brumata) и разныхъ гиберній (Hibernia) только при наступленіи морозовъ начинаютъ появляться въ большой массѣ, чтобы облетать безкрылыхъ самокъ, откладывающихъ именно въ это время на стволахъ свои яйца. Точно такъ и извѣстный родъ комаровъ (Chironomus) нисколько не стѣсняется холодомъ, и если этому не препятствуетъ какъ разъ вьюга и метель, роемъ носится надъ проталиной; а еще другой родъ комаровъ—снѣжанки (Chionea araneoïdes), въ видѣ пауковъ, быстро разбѣгаются по снѣгу передъ глазами закутаннаго путешественника. Изъ растительнаго царства укажемъ только на два цвѣтка. Изрѣдка попадающійся у насъ на Югѣ (начиная съ Кіевской губерніи) морозникъ (Helleborus niger) обязанъ своимъ именемъ цвѣтенію зимою; его большіе, сверху бѣлые, а снизу слегка красноватые, цвѣты высовываются изъ снѣга около Рождества. Въ Тирольскихъ Альпахъ, на высотѣ 7,000 футовъ, альпійскій колокольчикъ (Soldanella pusilla) цвѣтетъ даже въ фирнѣ (въ снѣгу, припявшемъ, вслѣдствіе дневнаго таянія и ночнаго смерзанія, зернистое, полуплотное строеніе). Растеніе это развиваетъ тепло, достаточное слѣдовательно не только для успѣшной борьбы противъ вымерзанія, но и для того, чтобы растопить покрывающій его фирнъ, сквозь который часто просвѣчиваютъ предъ глазами изумленнаго путешественника голубые цвѣты, совершенно напоминающіе цвѣтныя вкрапленія въ стеклянныхъ шарикахъ.

Если такимъ образомъ и оказывается, что холодъ вовсе не убиваетъ всякую жизнь, то съ другой стороны нельзя отрицать, что извѣстная доля теплоты, свѣта и влажности необходима для существованія какъ животнаго, такъ и растительнаго міра. Ежегодный опытъ учитъ насъ, что продолжительный холодъ вредитъ растительности точно такъ же, какъ сухость воздуха и почвы или сильное отѣненіе, то-есть недостатокъ въ свѣтѣ. Въ общемъ то же самое можно сказать и относительно животныхъ.

Однако, строго разсуждая, теплота и холодъ суть понятія относительныя. Войдите съ улицы въ сѣни, — зимою вамъ покажется тепло, лѣтомъ, напротивъ, васъ знобитъ. Обозначенія „тепло" и „холодно" должны передавать не настоящую противоположность, а лишь различіе по степени: холодъ—незначительная степень теплоты, между тѣмъ какъ жаръ будетъ ея избытокъ. Три градуса холода по Цельзію значитъ, что за нулевую точку принимаютъ температуру замерзанія воды; если же за нуль считать температуру застывшей ртути (замерзающей при -50° Ц. или $\frac{-50:4}{5} = -40^{\circ}$ Реомюра), то -3° Ц. будутъ еще градусами тепла. Не удивительно поэтому, что для нѣкоторыхъ животныхъ и растеній будетъ уже температурою смерти та, при которой другія даже только что начинаютъ прозябать, и наоборотъ. Равнымъ образомъ существованіе описанныхъ формъ въ зимнее время нисколько не опровергаетъ вышесказаннаго, что каждое существо требуетъ извѣстной доли тепла, ибо лишь только по нашимъ обычнымъ понятіямъ это будетъ градусами холода. Лучшимъ доказательствомъ служатъ съ одной стороны извѣстныя змѣи и ящерицы тропическихъ странъ, которыя уже при 12° Ц. цѣпенѣютъ. Все искусство укротителей змѣй обыкновенно и заключается въ томъ, что, до представленія, этихъ несчастныхъ гадовъ, окутанныхъ въ шерстяныя покрывала, кладутъ на нѣкоторое время на ледъ. Точно такъ общеизвѣстно, что не мало растеній, даже въ самое жаркое время лѣта, прозябаютъ у насъ исключительно въ теплицахъ. Не удивительно поэтому, съ другой стороны, что нѣкоторые виды опять-таки переносятъ такую высокую степень тепла, слѣдовательно жару, которая для остальныхъ смертельна. Такъ напримѣръ, водящіеся и у насъ изрѣдка въ пру-

дахъ два рода листоногихъ (Phyllopoda) изъ ряда мягкихъ ракообразныхъ (Entomostraca), такъ-называемый прудовой жабреногъ (Branchipus stagnalis) и щитень (Apus cancriformis) чувствуютъ себя наилучше при температурѣ воды въ 30° Ц. Что касается ихъ внѣшняго строенія, то оно достойно упоминанія. Удлиненное членистое тѣло жабренога, покрытое го-

Дельфины-косатки нападающіе на кита. Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

лою кожею, состоитъ изъ ясно отдѣленной головы, туловища или брюха и хвоста. Впереди на шлемовидно-приплюснутой головѣ, находится съ обѣихъ сторонъ, какъ у рѣчнаго рака, по глазу на длинномъ подвижномъ стебелькѣ; изъ двухъ паръ усиковъ, верхняя—щетиновидная, а вторая имѣетъ

видъ загнутыхъ внизъ и назадъ рожковъ. На нижней сторонѣ головы, наконецъ, лежитъ ротъ, снизу и сверху покрытый выступомъ, верхнею и нижнею губою, между которыми, по бокамъ рта, сидятъ двѣ пары челюстей, движущихся, какъ у насѣкомыхъ, въ сторону. Расчлененное туловище постепенно переходитъ въ удлиненный круглый хвостъ и обладаетъ один-

надцатью парами листоватыхъ, окаймленныхъ жабрами ногъ—отсюда и названіе группы. Хвостъ состоитъ изъ восьми члениковъ (сегментовъ), изъ коихъ послѣдній, болѣе длинный, снабженъ двумя пластинками. Щитень построенъ нѣсколько иначе: онъ покрытъ на спинѣ щитомъ, изъ-подъ котораго вы-

ставляется конецъ брюха и хвостъ въ видѣ двухъ нитей. Изъ усиковъ отсутствуетъ у взрослыхъ недѣлимыхъ вторая пара, но за-то имѣются до тридцати паръ „листоногъ“. При плаваніи животное щитомъ поворачивается вверхъ.

Кромѣ описанныхъ двухъ листоногихъ, еще нѣкоторыя другія животныя, даже весьма высоко организованныя, переносятъ такую температуру. Въ Венгріи, напр., въ теплыхъ ключахъ водится пьявки, а Шмарда на Цейлонѣ въ горячихъ родникахъ около Тринкомали видѣлъ черепаху. Наконецъ въ Алжирѣ около города Тугурта открыли даже рыбъ изъ хромовъ и гемихромовъ и проч. въ большихъ и малыхъ теплыхъ водовмѣстилищахъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіемъ бегуръ (отъ bahr множ. ч. behour) и хріа (chria, гнѣздо). Мало того, другія ракообразныя (crustaceae) личинки насѣкомыхъ, черви и паливочныя выдерживаютъ температуру воды, заходящую нѣсколько за 60° Ц. Докторъ Поповичъ (Poppovich), напр., нашелъ въ минеральныхъ ключахъ Мехадіи, температура которыхъ 57° Ц., видъ волосатика (Gordius) *), одного изъ круглыхъ или струновидныхъ червей (струнцовъ, Nematodes), къ которымъ относятся многіе кишечные черви, напр. трихина. Касательно растеній оказывается, что болѣе сложно организованныя весьма чувствительны, на зато нѣкоторыя дробянки (бактеріи) переносятъ еще болѣе высокую температуру, особенно споры этихъ растеній, которыя погибаютъ лишь при 125° Ц. Такъ напр., видъ бегіатоа (Beggiatoa) водится въ сѣрнистыхъ горячихъ водахъ, а антраксная дробянка (бактерія сибирской язвы) сохраняетъ свои заразныя свойства еще при 75—80° Ц. Нахожденіе подобныхъ организмовъ въ горячихъ водахъ остается для насъ пока физіологическою загадкой, тѣмъ болѣе что животное и растительное вещество — плазма — обыкновенно свертывается и отмираетъ уже при 45° Ц. Вѣроятно имѣемъ мы здѣсь случай приспособленія; такъ напр. бегіатоа и низшія ціановыя, зеленыя водоросли (Schizophyceae s. Cyanophyceae) постепенно подвигались, по мнѣнію Хр. Гоби, изъ нижележащихъ, болѣе охлажденныхъ мѣстъ горячаго источника— къ вышележащимъ, болѣе теплымъ. Конъ низшія ціановыя, благодаря ихъ нечувствительности къ высокой температурѣ, а также весьма простой организаціи, считаетъ первыми организмами первобытнаго моря, охладившагося уже настолько, что вообще органическая жизнь могла появиться.

Противоположность представляютъ тѣ животныя и растенія, которыя были открыты въ снѣгахъ Альповъ, въ расщелинахъ ледниковъ и въ странахъ вѣчнаго снѣга. Хотя представители этого царства весьма немногочисленны, но ихъ существованіе теперь уже неоспоримо, точно такъ же какъ фауна и флора штоленъ и шахтовыхъ колодцевъ или гротовыя животныя Крайны и Кэнтукки, или наконецъ причудливые обитатели морской пучины и бездны. Слова Гёте, которыя онъ влагаетъ Мефистофелю въ первомъ его разговорѣ съ Фаустомъ, пріобрѣтаютъ все большее значеніе:

„Въ землѣ, въ водѣ и въ вѣтрѣ даже
„Кишитъ зачатковъ милліонъ,
„Сушь, влагу, стужу наполняя!
„Не захвати себѣ огня я,
„Такъ бы остался обдѣленъ **).

Представителями растительности и здѣсь являются наиболѣе просто организованныя водоросли. Но за то особенно одна изъ нихъ попадается въ такомъ изобиліи, что снѣгъ окрашивается въ ярко-красный цвѣтъ. Хотя уже въ 1760 году извѣстный французскій ученый Сосюръ (Saussure) описалъ это явленіе на Савойскихъ Альпахъ, но лишь въ 1818 г. англичанинъ Браунъ (R. Brown) объяснилъ причину краснаго цвѣта. Подъ микроскопомъ такой снѣгъ оказывается покрытымъ множествомъ мельчайшихъ пузырьковъ, содержимое (плазма) которыхъ какъ бы подвѣшено на короткихъ нитяхъ. Плазма не вполнѣ красная, эта окраска распространяется болѣе или менѣе далеко лишь отъ средины къ окружности, гдѣ замѣняется зеленою; подчасъ первая является едва замѣтнымъ пятнышкомъ. На одномъ мѣстѣ окружности, гдѣ плазма безцвѣтна, отходятъ двѣ, прободающія оболочку рѣсницы, которыя находятся въ постоянномъ движеніи — ими то и обусловливается подвижность этихъ организмовъ на мокрой подкладкѣ или въ водѣ. Унгеръ, первый открывшій въ 1842 году самопроизвольное движеніе у водоросли Vaucheria clavata, думалъ, что онъ засталъ растеніе во мгновеніе перехода его въ животное—этотъ взглядъ нѣсколько напоминаетъ мнѣніе А. Кирхера, утверждавшаго въ своемъ сочиненіи „Подземный міръ“ (Mundus subterraneus, 1664), что насѣкомыя и другія животныя могутъ возникать вслѣдствіе гніенія мясистыхъ и растительныхъ веществъ.—Дальнѣйшія же изслѣдованія обнаружили, что и другія, несомнѣнно уже растенія (почти всѣ споровыя, нецвѣтущія) обладаютъ на извѣстной ступени своего развитія, подобно животнымъ, самостоятельнымъ движеніемъ; этимъ было уничтожено одно изъ различій между двумя органическими царствами. Цѣлая группа водорослей волвоксовъ (Volvocineae), которыхъ нѣкоторые ученые еще теперь считаютъ животными, сохраняютъ подвижность навсегда; къ нимъ относится и описанная красная снѣжная водоросль (Haematococcus s. Sphaerella nivalis). Послѣдняя, судя по всему ходу развитія, не можетъ уже быть признанною животнымъ. Если описать ходъ развитія сферелы, понятнымъ станетъ неимовѣрно быстрое ея размноженіе. Плазма при этомъ распадается на 4 (рѣже 2 или 8), либо 32 части, которыя покидаютъ материнскую оболочку какъ зоогонидіи, т. е. въ видѣ голыхъ комочковъ плазмы, движущихся также помощью рѣсницъ. Изъ нихъ, происшедшія распаденіемъ плазмы—всего на 4 части—макрозоогонидіи постепенно преобразуются въ вышеописанный организмъ; микрозоогонидіи также высачиваютъ оболочку, но плотно облекающую, и лишь послѣ сбрасыванія рѣсницъ онѣ превращаются въ неподвижные шарики. Послѣдніе снова даютъ разрастаясь макрозоогонидіи;—послѣ нѣсколькихъ ихъ поколѣній, одно изъ нихъ даетъ опять микрозоогонидіи и т. д. Однако этимъ еще не вполнѣ обезпечено дальнѣйшее существованіе сфереллы—и объ этомъ позаботилась природа. При измѣненіи условій, при засухѣ или наступленіи трескучаго мороза,—содержимое, становясь кроваво-краснымъ, покрывается внутри болѣе плотною оболочкой. Въ этомъ такъ-называемомъ состояніи покоя остается организмъ пока не попадаетъ въ благопріятныя условія: въ водѣ снова образуются макрозоогонидіи, а во влажной атмосферѣ содержимое распадается лишь на отдѣльности, которыя, не превращаясь въ зоогонидіи, окружаются собственною оболочкой и только по разрушеніи материнской становятся самостоятельными, но неподвижными организмами. Такое размноженіе совершается и далѣе, пока неподвижные шарики, попавъ въ воду, не дадутъ подвижную стадію сфереллы.

Кромѣ красной снѣжной водоросли, открыли въ Альпахъ и въ арктическихъ странахъ еще другія водоросли. Основательно можно теперь говорить о цѣлой снѣжной флорѣ, которая заселяетъ какъ необитаемыя холодныя страны, гдѣ царствуютъ полярныя ночи, такъ и вѣчный снѣгъ и ледники нашихъ высокихъ горъ. Съ наступленіемъ лѣтней поры, на растаявшей поверхности льда и снѣга, слѣд. при самыхъ скудныхъ условіяхъ, послѣ зимняго „состоянія покоя“ воскресаютъ къ новой жизни до 32 видовъ, а именно 12 Desmidiaceae, 8 Confervaceae, 6 Chroococcaceae, 3 Scytonemeae, 2 Palmellaceae и 1 Oscillaria. Подъ этими названіями приходится себѣ представить большей частью мутовчатые или нитевидные растительные организмы самаго простѣйшаго строенія, которыхъ мы подробно не будемъ описывать. Важнѣе рѣшить, чѣмъ питаются они. Извѣстно, что каждое растеніе для своего произрастанія нуждается въ минеральныхъ соляхъ, которыхъ здѣсь очевидно нѣтъ — земля (материкъ) покрыта мощнымъ слоемъ льда. Питаніе растеніямъ этимъ доставляетъ космическая пыль, осѣдающая изъ небеснаго пространства повсюду на нашу землю, хотя вслѣдствіе ея смѣшенія съ земною пылью, космическая долго могла ускользать отъ вниманія ученыхъ. На Сѣверѣ же путешественникъ Норденшельдъ даже на самыхъ высокихъ ледяныхъ буграхъ—стало-быть на такихъ мѣстахъ куда не могла попадать теченіями воздуха земная пыль изъ нашихъ широтъ,—нашелъ тончайшій слой сѣроватой пыли, которая несомнѣнно должна была быть космическаго происхожденія.

Эта флора въ свою очередь является причиной существованія весьма интересныхъ, мельчайшихъ животныхъ. Особенно часты ногохвостовыя (Podurida), засѣвающія подчасъ густо снѣжную поверхность въ видѣ мелкихъ точекъ, часто мѣняющихъ мѣсто. Это суть безкрылыя насѣкомыя, голова которыхъ ясно обособлена и снабжена, какъ у жуковъ, жевательными ротовыми частями; передъ простыми, скученными по 6 до 10 съ каждой стороны, глазами имѣется пара длинныхъ, направленныхъ впередъ усиковъ. Самый отличительный ихъ признакъ (откуда и названіе)—суть двѣ щетинки на концѣ шестичленнаго брюха, которыя ногохвостовыя подгибаютъ всегда подъ брюхо; выпрямляя ихъ съ силой, онѣ дѣлаютъ всегда скачекъ вверхъ и назадъ. Великаномъ между ними является ледяная блоха (величиною до двухъ линій, т. е. меньше четверти дюйма), названная въ честь швейцарскаго ученаго Дэзора, открывшаго ее въ 1840 году, Desoria glacialis. Она туземна въ Альпахъ и вполнѣ нечувствительна къ большому холоду,—вѣроятно отчасти благодаря густоволосистому покрову тѣла. Другимъ видомъ этого семейства будетъ дегеэрія (Degeeria nivalis); еще другой ногохвостикъ былъ найденъ въ 1873 году Кьельманомъ у насъ на Шпицбергенѣ, вмѣстѣ съ массою разсѣянныхъ по снѣгу яицъ. Если весною тихо подойти къ краю стоячей воды, то передъ вашими глазами подчасъ что-то разбѣгается— обыкновенно это бываетъ пушистый ногохвостъ (Podura villosa), который тысячами ютится у берега или на поверхности воды въ зелени водныхъ растеній. Въ Гренландіи встрѣчается также одинъ видъ извѣстнаго намъ щитня (Apus glacialis). Особенно нужно указать на одинъ видъ струнцовъ (Apheleurhus nivalis), открытый въ 1882 г. Натгорстомъ (Nathorst) также въ снѣгахъ Шпицбергена. Этотъ червь, подобно нѣкоторымъ другимъ струнцамъ (напр. рѣчной угрицѣ Anguillula fluviatilis), обладаетъ способностью снова оживать въ сырости послѣ его полнѣйшаго высыханія; однако лишь взрослыя недѣлимыя страннымъ образомъ у афелеуруса сохраняютъ эту способность. Здѣсь же упомянемъ, что яица щитней и брюхонога сохраняютъ указанное свойство чуть ли не вѣками. Въ холодной смѣси снѣга и воды Сѣвера встрѣчаются еще и дру-

*) Волосатики подчасъ перепутываются между собою до того, что ихъ трудно распутать; отсюда именно латинское названіе, напоминающее Гордіевъ узелъ.

**) „Фаустъ“ въ переводѣ Фета. Изд. Маркса 1889 г., стр. 58.

гіе черви, масса микроскопическихъ коловратокъ (Rotatoria), у которыхъ наверху рта находится вѣнецъ движущихся мерцательныхъ волосиковъ, при посредствѣ которыхъ они направляютъ токъ воды съ плавающими въ ней тѣлами къ ротовому отверстію,—нѣмцы ихъ называютъ колесными животными (Räderthiere), ибо мерцательный кружокъ при движеніи производитъ впечатлѣніе колеса, вращающагося около оси. На противоположномъ концѣ туловища находятся такъ-называемыя ножки, которыми коловратки временно, а нѣкоторыя навсегда прицѣпляются. Изъ коловратокъ часто встрѣчается въ альпійскомъ таломъ снѣгѣ филодина (Philodina), названная розовою (roseola) по окраскѣ ея пищи—красной снѣговой водоросли.

Заканчивая статью, упомянемъ объ одномъ не вполнѣ вѣрномъ предположеніи. Во время ледниковаго періода (или вѣрнѣе—періодовъ), какъ думаютъ, вымерло все живое на нашей землѣ. Еще мало изслѣдованная флора и фауна снѣговъ учитъ насъ иному. Да уже простой опытъ дѣлаетъ приведенное воззрѣніе мало правдоподобнымъ: прорубите зимою аршинный ледъ прудовъ—и вы можете въ водѣ кисейной сѣткой наловить не мало ракообразныхъ, червей, личинокъ и проч., не говоря уже о томъ, что и зимою рыба продолжаетъ жить въ нашихъ рѣкахъ.

Къ рисункамъ.

Посѣщеніе Ломоносова императрицей Екатериной II. (Рис. на стр. 1240).

Художникъ изобразилъ въ предлагаемомъ нами рисункѣ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ царствованія императрицы Екатерины Великой. Незадолго до смерти Ломоносова, когда онъ уже начиналъ часто и тяжко хворать, императрица Екатерина Алексѣевна, вполнѣ умѣвшая оцѣнить значеніе Ломоносова для русской науки и литературы, захотѣла выказать особенное вниманіе и расположеніе къ геніальному русскому академику. Она, вмѣстѣ со своею тогдашнею провожатою, княгинею Екатериною Романовною Дашковой, и нѣсколькими изъ числа близкихъ ей придворныхъ, отправилась изъ дворца на Васильевскій островъ, въ скромную квартирку Ломоносова у Тучкова моста, и посѣтила маститаго ученаго въ его непригля́дной ученой кельѣ. По свидѣтельству записокъ Е. Р. Дашковой и современныхъ „Вѣдомостей", Екатерина провела у Ломоносова болѣе часа, въ бесѣдѣ съ нимъ, и милостиво изволила выслушивать его объясненія различныхъ физическихъ опытовъ, преимущественно по части электричества. Ломоносовъ, польщенный Высочайшимъ вниманіемъ, оживился, говорилъ горячо, объяснялъ и истолковывалъ все съ тою поразительною ясностью пониманія, которая была ему свойственна. При отъѣздѣ, Екатерина благодарила Ломоносова и протянула ему руку, которую Михаилъ Васильевичъ облобызалъ съ самою искреннею признательностью. Онъ понялъ, что великая императрица хотѣла этою особенною милостью загладить печальное воспоминаніе о тѣхъ первыхъ дняхъ ея царствованія, когда враги Ломоносова успѣли оклеветать его передъ Екатериною, и даже выхлопотали у нея указъ объ отставкѣ Ломоносова. Прозорливая и мудрая императрица очень скоро (черезъ нѣсколько дней) поняла свою ошибку и поспѣшила ее исправить, возвративъ Ломоносова на службу и даже повысивъ его чиномъ... Но воспоминаніе объ этой временной несправедливости ее видимо тяготило, и она усладила послѣдніе дни генія, подаривъ его тою нѣжною и теплою ласкою, которою Великая Екатерина умѣла такъ обаятельно вліять на своихъ окружающихъ.

Гуцулы на охотѣ. (Рис. на стр. 1241).

Какъ только выпадетъ первый снѣгъ въ Карпатахъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Галиціи, у гуцула, обитателя этой мѣстности, начинается охота, или, скорѣе, война со смертельными врагами его стада,—съ волками. Одѣтый въ грубую, самодѣльную шерстяную ткань, опоясанный широкимъ кожанымъ поясомъ, у котораго привѣшены ножъ, заряды и кисетъ съ табакомъ, обутый въ непромокаемыя войлочныя портянки и кожаные постолы, въ большой широкой шапкѣ, съ наброшеннымъ овчиннымъ полушубкомъ за плечами, и вооруженный старымъ ружьемъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе—отправляется гуцулъ на охоту. Нѣсколько собакъ трусятъ по сторонамъ его лошади, присматриваясь къ добычѣ, и самъ охотникъ, ни на минуту не разставаясь съ „носогрѣйкой", зорко посматриваетъ по сторонамъ. Если удастся напасть на слѣдъ, то никакія уловки и хитрости звѣря не спасутъ его отъ мѣткой пули стрѣлка, съ молодости привыкшаго къ охотѣ на волка.

На поискахъ за счастьемъ. (Рис. на стр. 1245).

Въ западной Европѣ, гдѣ густота сельскаго, земскаго населенія дошла почти до крайняго предѣла, младшіе члены семьи нерѣдко вынуждены оставлять родительскій кровъ и искать счастья въ большихъ городахъ. На картинѣ Шевалье изображенъ одинъ изъ такихъ малолѣтнихъ искателей счастья, отправляющійся на кораблѣ со своей скринкой, на которую очевидно возлагаетъ большія надежды.

Джоржоне. (Рис. на стр. 1248).

Георгій Барбарелли, прозванный Джоржоне, жилъ въ великую эпоху Возрожденія, въ то славное время когда Италія, охваченная какою-то новою силою, возродилась обновленною и прекрасною изъ мрачныхъ и тяжелыхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за упадкомъ Римской имперіи.

Родившись въ 1477 году въ Кастель-Франко, онъ жилъ въ Венеціи, гдѣ имъ созданы большинство его твореній, преимущественно по фресковой живописи, нынѣ отчасти совсѣмъ исчезнувшихъ, отчасти сильно попорченныхъ временемъ. Блестящій въ краскахъ, энергичный по рисунку, смѣлый въ выраженіяхъ лицъ и драпировкахъ, онъ былъ однимъ изъ основателей школы извѣстной подъ именемъ венеціанской. Джоржоне умеръ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1511 году.

Картина А. Вольфа изображаетъ Джоржоне въ блестящую пору его таланта, когда славный живописецъ, окруженный почестями и богатствомъ, дарилъ свои досуги любви и красотѣ.

Наткнулись на лося. (Рис. на стр. 1249).

Лось, какъ извѣстно, слышитъ и видитъ превосходно, но чуетъ не такъ хорошо. Поэтому въ густомъ лиственномъ лѣсу, съ подвѣтренной стороны къ нему довольно легко подкрасться. Да и вообще онъ менѣе пугливъ чѣмъ олень; если охотникъ промахнется, то лось часто отбѣгаетъ недалеко и останавливается. Осенью же, во время размноженія, сохатые (самцы) становятся даже опасными для человѣка. Лось—громадное животное, длина взрослаго значительно больше сажени (8—8½ футовъ), высота у загривка почти 6 футовъ, т. е. безъ малаго сажень. Рога вѣсятъ до 40 фунтовъ и составляютъ страшное оружіе, но еще опаснѣе переднія ноги, которыми лось топчетъ противника, ломая его кости. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Орловской, Калужской и друг. губерній, крестьянскіе ребятишки, ходя за грибами и ягодами, нерѣдко натыкаются на лося, какъ изображено на рисункѣ.

Дельфины-косатки нападающіе на кита. (Рис. на стр. 1253).

Эти страшные рыбовидные морскіе звѣри, достигающіе болѣе 4 сажень длины, превосходятъ своей смѣлостью и прожорливостью даже акулъ. Они живутъ въ сѣверныхъ моряхъ, спускаясь съ одной стороны до Франціи, съ другой до Японіи, а въ древности были довольно многочисленны и въ Средиземномъ морѣ. Живутъ они небольшими стайками, и уже древніе писатели разсказывали, что косатки съ особеннымъ увлеченіемъ охотятся за китами, вырывая у послѣднихъ большіе куски жира изъ тѣла. Кювье наблюдалъ, какъ они преслѣдуютъ кита, и какъ только онъ откроетъ ротъ—рвутъ у него языкъ; Рондле говоритъ что китъ при этомъ ревётъ какъ быкъ котораго травятъ. Они не брезгаютъ и болѣе мелкою добычей, каковы тюлени, рыба и проч. Въ желудкѣ одной косатки Эшрихтъ нашелъ 13 морскихъ свиней (обыкновенный дельфинъ) и 15 тюленей, отчасти проглоченныхъ цѣликомъ, отчасти разорванныхъ. Ужасъ внушаемый косаткой тюленямъ, разсказываетъ Ванъ-Бенеденъ, такъ великъ, что одинъ видъ ея характернаго спиннаго плавника на поверхности воды заставляетъ ихъ разбѣгаться на подобіе куръ отъ ястреба. Рыбаки хорошо знаютъ это и для удаленія тюленей отъ своихъ сѣтей выставляютъ на льду доску обструганную въ форму этого плавника—этого достаточно для того чтобъ ни одинъ тюлень не появлялся въ окрестности.

Станлей и Эминъ-паша. (Портр. на стр. 1256).

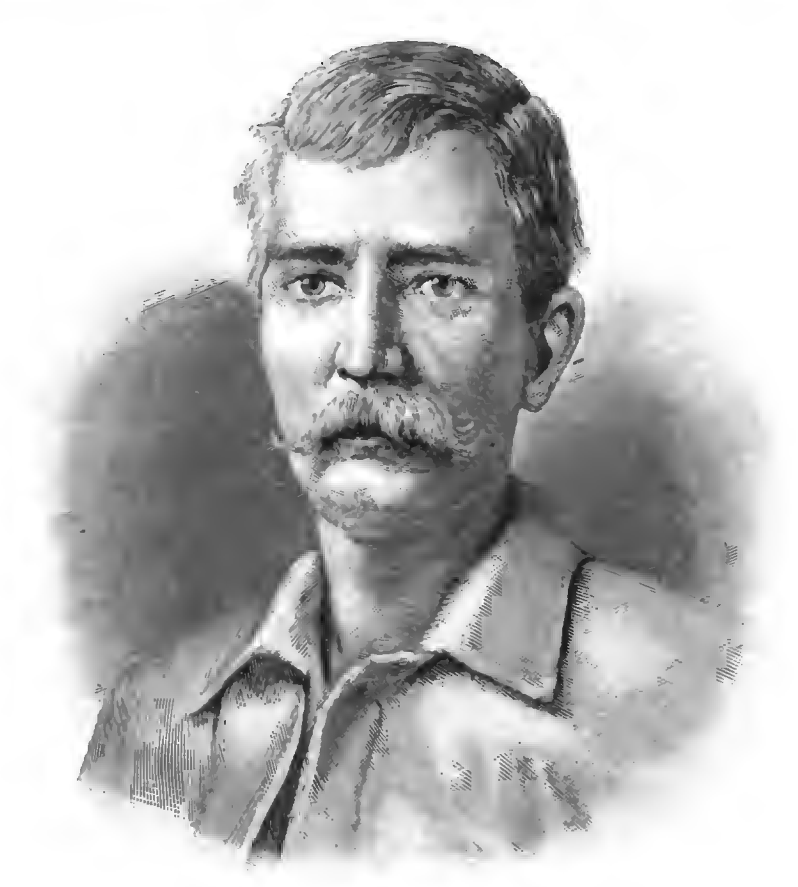
Знаменитый путешественникъ по Африкѣ, Эдуардъ Шнитцеръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Эминъ-паши, сынъ нѣмецкаго купца, родился 16 (28) марта 1840 г. въ Оппельнѣ, воспитывался въ Нейсенской гимназіи, изучалъ медицину въ Бреславлѣ, Берлинѣ и Кенигсбергѣ, затѣмъ отправился въ Турцію, гдѣ былъ сначала окружнымъ врачемъ въ Антивари, а потомъ въ качествѣ военнаго врача дѣлалъ походъ въ Сирію и Аравію, съ 1871 года при губернаторѣ Измаилъ-пашѣ былъ въ Трапезунтѣ, Эрзерумѣ, Янинѣ, оставался при немъ до смерти паши, въ 1873 году, и женился на вдовѣ его. Изучивъ за это время множество европейскихъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, а также турецкій, арабскій и персидскій, онъ до такой степени усвоилъ себѣ восточные нравы и обычаи, что никто на Востокѣ не принималъ его за европейца. Въ 1876 году онъ прибылъ въ Египетъ, послѣдовалъ за Гордономъ въ Суданъ, гдѣ былъ назначенъ главнымъ врачемъ съ титуломъ Эминъ-эфенди, посѣтилъ озеро Укереве и изслѣдовалъ Сомерсетъ (истокъ Нила изъ озера Викторіи) и окрестности, причемъ доходилъ на югъ до Рубаги, резиденціи короля Мтезы. Сдѣланный беемъ и въ 1878 году назначенный губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій, онъ, въ 1879 г., предпринялъ путешествіе по невѣдо-

мому доселѣ западному берегу озера Мвутанъ; въ 1880 г. посѣтилъ землю Макрака. Въ 1881 г. къ провинціямъ Эминъ-паши были присоединены часть страны Ніамъ-Ніамовъ и вся земля Момбутту, и онъ занялся было организаціей ихъ, какъ вдругъ возстаніе махди, разбившаго египетскія войска, отрѣзало его отъ Египта и поставило его въ чрезвычайно опасное положеніе. Снаряженной въ 1886 г. экспедиціи Фишера не удалось дойти на выручку Эминъ-паши, который попрежнему оставался на своемъ посту въ Ваделаѣ, на Бѣломъ Нилѣ, близъ озера Альбертъ-Ніанца. Тогда для освобожденія его была организована въ Англіи новая экспедиція, во главѣ которой сталъ извѣстный искатель Ливингстона, изслѣдователь Африки и основатель государства Конго, Генри Мортонъ Стэнлей, и которая направилась изъ Занзибара въ Конго. Никогда еще не бывало столь хорошо снаряженной экспедиціи. Станлей велъ съ собой 9 европейцевъ, 61 суданца, 13 сомали и 620 занзибарцевъ, при 50 вьючныхъ ослахъ, со множествомъ оружія и одной пушкой Максима. Между тѣмъ извѣстному путешественнику по Африкѣ Юнкеру удалось снабдить Эминъ-пашу обильными запасами изъ Уганды, и паша, получивъ извѣстіе объ экспедиціи Станлея, продолжалъ держаться на своемъ посту, и даже предпринялъ изслѣдованіе Какибби, одного изъ притоковъ Альбертъ-Ніанцы, надѣясь въ то-же время поддержать порядокъ въ своихъ провинціяхъ. Но такъ какъ объ экспедиціи Станлея не было никакихъ вѣстей до 1888 года и она считалась даже погибшею вмѣстѣ съ вождемъ, а съ другой стороны, въ Европу стали доходить слухи о завоеваніи лже-пророкомъ провинціи Шнитцера, получившаго между тѣмъ титулъ паши, и о взятіи его въ плѣнъ, то стали снаряжаться въ помощь ему новыя экспедиціи: изъ Америки лейтенанта Шуфельда, изъ Англіи лейтенанта Свайна, изъ Германіи Петерса.

Между тѣмъ въ Европу пришли первыя извѣстія о томъ, что Станлей живъ и идетъ на помощь Эминъ-пашѣ, противъ котораго возмутились собственныя его египетскія войска. Наконецъ, въ послѣднее время получены были письма самого Станлея, изъ которыхъ дѣло представляется такимъ образомъ. Въ сентябрѣ прошлаго года Станлей выступилъ изъ Баналіи въ Край Озеръ, на соединеніе съ Эминъ-пашой и Джефсономъ. То на лодкахъ, то сухимъ путемъ, то сражаясь съ враждебными туземцами, то пользуясь гостепріимствомъ дружелюбно расположенныхъ, съ величайшими лишеніями и опасностями, Станлей прошелъ вдоль берега рѣки Итури, царствомъ воинственныхъ пигмеевъ, дружественною страной Маніемовъ, землей враждебныхъ карликовъ Вамбутти, въ декабрѣ освободилъ оставленный имъ въ маѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Стера въ Бадо и двинулся далѣе на выручку бѣлокожихъ Большаго Озера, т. е. Эминъ-паши и его гарнизона, отправивъ за ними своего спутника, Маунтенея Джефсона.

16 января 1889 г. пришелъ гонецъ изъ Кавалли и принесъ письма Джефсона, содержаніе которыхъ подтверждалось нѣсколькими строками Эмина-паши. Джефсонъ писалъ изъ Дуфиле отъ 7 ноября, что возмущеніе противъ Эмина произошло 18 августа 1888 г. и что зачинщиками бунта были около дюжины египетскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Слабость отряда Станлея дала заговорщикамъ поводъ дискредитировать Станлея и Эмина. Они распускали слухъ, что Станлей не болѣе какъ авантюристъ, что полномочія его отъ хедива—подложные документы, извѣстіе о паденіи Хартума — ложь. Станлей и Эминъ намѣреваются-де вывести египтянъ съ женами и дѣтьми изъ края съ тѣмъ, чтобы предать Экваторіальную провинцію махдистамъ. Многіе имъ вѣрили и, наконецъ, заговорщики устроили многолюдную сходку, на которой сторонники Эмина подверглись оскорбленіямъ и было рѣшено низложить пашу. Мятежники заняли всѣ военные посты и собирались даже надѣть на Эмина оковы, но этому рѣшительно воспротивились солдаты. Эмина и Джефсона отправили въ Реджафъ, но почти въ тотъ же день многочисленное войско махдистовъ вступило въ Ладо и ихъ полково-

Эминъ-паша (Эдуардъ Шнитцеръ) во время похода въ Суданъ (Африка).
Съ наброска I. L. N., грав. Шюблеръ.



Генри Мортонъ Станлей, изслѣдователь Средней Африки и основатель государства Конго. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Финскій Заливъ

Рѣка Большая Нева

Островъ Гуцуевскій

Спб. Морской Каналъ

Элеват.

ПЛАНЪ

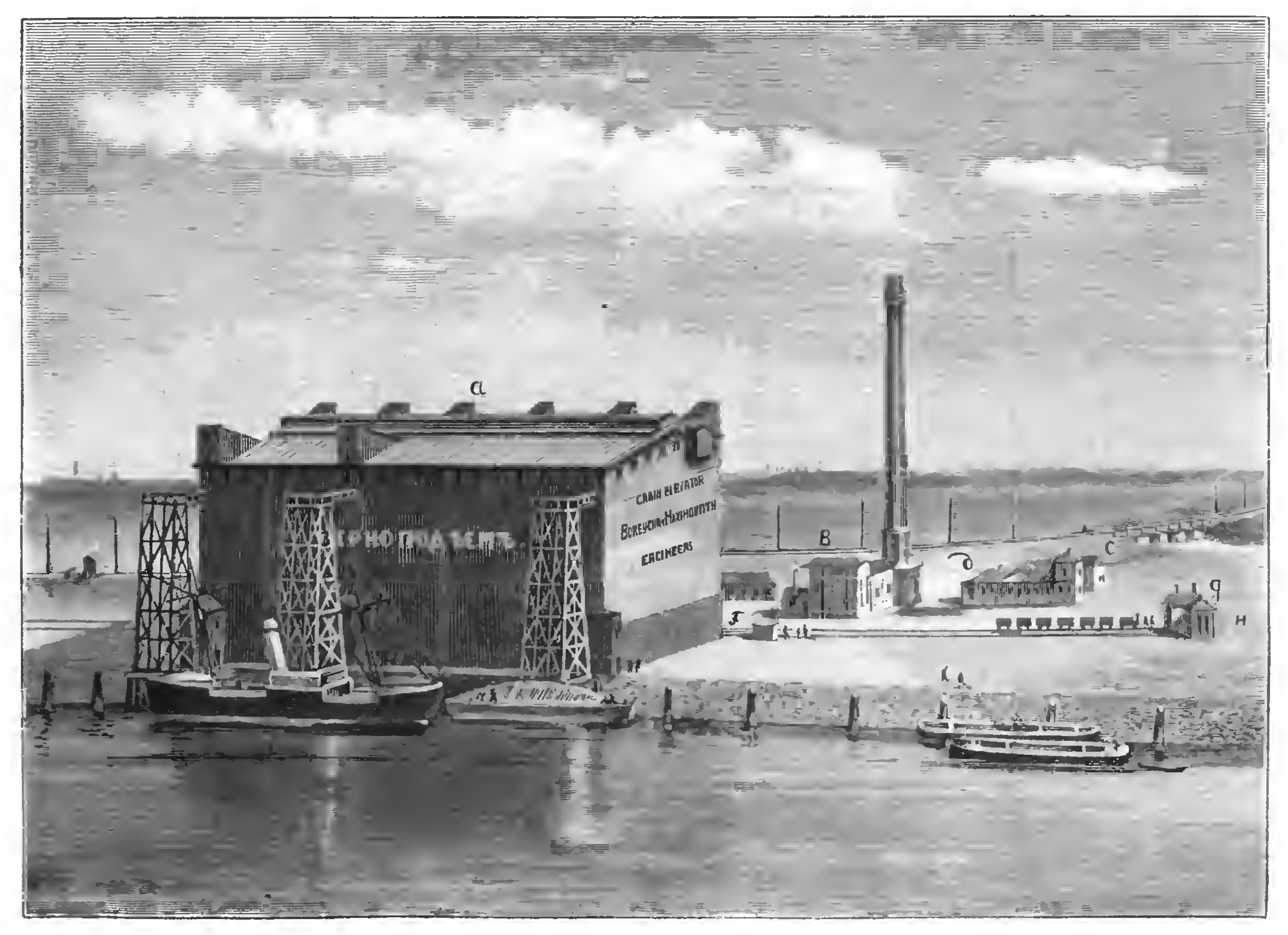
мѣстоположенія и окрестностей

ЗЕРНОПОДЪЕМА

(ЭЛЕВАТОРА)

на С.-Петербургскомъ Морскомъ каналѣ,

снятый съ высоты птичьяго полета.



Новый зерноподъемъ (элеваторъ) на С.-Петербургскомъ Морскомъ каналѣ. Рис. Максимовичъ, грав. Рашевскій.

децъ Омаръ-Силехъ послалъ трехъ дервишей къ Эмину, требуя сдачи области. Египетскіе офицеры рѣшили сопротивляться, посадили въ тюрьму дервишей, а Эмина съ Джефсономъ отправили въ Дуфилэ. Нѣсколько дней спустя махдисты взяли Реджахъ приступомъ, вырѣзали мужчинъ, а женщинъ и дѣтей увели въ плѣнъ. Всѣ бѣжали въ Лагоръ, гдѣ солдаты энергично стали требовать, чтобы Эмина освободили и возвратили ему командованіе. Пришлось уступить этимъ требованіямъ, и вскорѣ Эминъ разбилъ дервишей и заставилъ ихъ отступить. Но такъ какъ ожидали вскорѣ возобновленія нападенія, то египетскіе офицеры желали покинуть область и слѣдовать за Эминомъ. Большая часть солдатъ этому противилась. Джефсонъ присовокуплялъ, что теперь, однако, солдаты питаютъ довѣріе къ Станлею и вполнѣ убѣждены въ томъ, что онъ уполномоченный хедива. Поэтому Джефсонъ просилъ Станлея идти къ Кавалли и оттуда дать знать, что онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы взять съ собою его и Эмина. Въ заключеніе Джефсонъ высказалъ мнѣніе, что Эминъ все еще колеблется и что ему трудно оставить страну.

18 января 1889 г. Станлей прибылъ въ Кавалли и послалъ письмо, въ которомъ буквально умолялъ Эмина послѣдовать за нимъ. „Я преклоню колѣна предъ Эминомъ — писалъ онъ — и буду молить его, но на этотъ разъ ни о какихъ колебаніяхъ уже рѣчи быть не можетъ: да или нѣтъ?“ 6 февраля въ Кавалли прибылъ Джефсонъ. Эминъ все еще колебался, хотя былъ вполнѣ свободенъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. „Только Гордонъ и Эминъ — замѣтилъ Станлей—способны оставаться на своихъ постахъ и не искать спасенія при подобныхъ обстоятельствахъ“. Но уже 13 февраля пришло извѣстіе, что пароходы съ Эминомъ и съ первымъ отрядомъ его людей находятся въ недалекомъ разстояніи отъ Кавалли. Къ этому же времени сталъ подходить къ Кавалли и арріергардъ Станлея.

Этимъ заканчивается донесеніе Станлея. Эминъ колебался, повидимому, до послѣдней минуты. Джефсонъ грозилъ даже увести его силою.

До выступленія обратно къ побережью Станлей былъ опасно боленъ въ теченіе одного мѣсяца.

Наконецъ, сэръ-Вильямъ Маккинонъ, предсѣдатель комитета помощи Эминъ-пашѣ, получилъ письмо послѣдняго отъ 23 (11) августа 1889 года, въ которомъ Эминъ-паша предоставляетъ краснорѣчивому перу Станлея разсказать подробности (подтверждая такимъ образомъ его слова) и выражаетъ величайшія похвалы Станлею и его офицерамъ, а также и всю благодарность которою считаетъ себя имъ обязаннымъ. Такимъ образомъ, все повидимому шло наилучшимъ образомъ, какъ вдругъ телеграфъ принесъ слѣдующія, совершенно неожиданныя, вѣсти:

Занзибаръ, 23 ноября (5 декабря) (Тел. *Агентства Рейтера*). Вчера вечеромъ въ Багамойо Эминъ паша упалъ изъ окна, которое онъ, по своей близорукости, принялъ, вѣроятно, за дверь, и при паденіи получилъ проломъ черепа. Состояніе здоровья Эмина-паши весьма серьезное, но докторъ Пэркъ надѣется спасти его.

Лондонъ, 24 ноября (6 декабря). По болѣе подробнымъ извѣстіямъ, оказывается, что Эминъ-паша упалъ съ балкона, съ высоты 20 футовъ, причемъ получилъ въ высшей степени серьезныя повреждения. Лѣвый глазъ у него закрытъ, а изъ ушей идетъ кровь. На тѣлѣ ушибы ужасные.

Германскій корветъ „Sperber“ доставилъ Станлея и его офицеровъ въ Занзибаръ. Люди Эмина-паши слѣдуютъ за корветомъ на британской канонеркѣ.

— *Агентству Рейтера* передаютъ изъ Каира, что по полученному сообщенію изъ Багамойо, Эмину-пашѣ немного лучше, хотя онъ и получилъ тяжкія внутреннія поврежденія.

Тому же агентству сообщаютъ изъ Занзибара, отъ 24 ноября, что Станлей со своими спутниками прибылъ въ Занзибаръ.

Новый зерноподъемъ на С.-Петербургскомъ Морскомъ каналѣ. (Рис. на стр. 1257).

Очень трудно прививалось дѣло устройства зерноподъемовъ въ Россіи. Первое предложеніе объ устройствѣ ихъ американскими капиталистами, само собою разумѣется, должно было быть отклонено какъ несогласное съ выгодами Россіи, ибо нельзя же было отдать русскую хлѣбную торговлю въ руки иностранцевъ; затѣмъ имѣлось въ виду устроить зерноподъемъ на средства удѣльнаго вѣдомства, которое, съ этою цѣлью, въ апрѣлѣ 1887 года, и обратилось въ министерства Путей Сообщенія и Финансовъ съ просьбою объ отводѣ ему, для устройства элеватора, участка земли при СПБ. морскомъ каналѣ на южной (восточной) его дамбѣ. Оба названныя министерства отнеслись вполнѣ сочувственно къ этому предложенію и тогда-же былъ назначенъ къ передачѣ удѣльному вѣдомству просимый имъ участокъ земли. Впослѣдствіи, однако, мысль объ устройствѣ элеватора на средства удѣльнаго вѣдомства была оставлена и признано болѣе цѣлесообразнымъ предоставить это дѣло частной инициативѣ. Въ маѣ 1888 года явились и частные предприниматели, готовые взять на себя дѣло, оставленное удѣльнымъ вѣдомствомъ. Этими предпринимателями явились два инженера--дѣйств. стат. сов. Борейша и надв. сов. Максимовичъ.

Выстроенный означенными инженерами зерноподъемъ представленъ à vol-d'oiseaux на прилагаемомъ планѣ, гдѣ *A*—собственно зерноподъемъ, *B*—машинное и котельное фахверковое зданіе съ дымовой трубой въ $20^1/_2$ саж. высоты, *C* и *D*—зданія для помѣщенія служащихъ; *E*—ледникъ при помѣщеніяхъ C и D; *F*—будка при вѣсовомъ помостѣ, гдѣ вагоны взвѣшиваются цѣликомъ. Будка назначена для защиты вѣсовщиковъ отъ непогодъ. *G*—локомотивное фахверковое зданіе для помѣщенія локомотива-тендера, для маневрированія вагоновъ; *H*—теплая фахверковая пристройка, гдѣ помѣщается насосъ для питанія водою локомотива и для помѣщенія кочегара и сторожей.

Собственно зерноподъемъ *A* выстроенъ, по американскому способу, изъ досокъ уложенныхъ плашмя и прибитыхъ гвоздями, снаружи выкрашенъ огнеупорнымъ, изобрѣтеннымъ г. Бабаевымъ, составомъ отъ огня и затѣмъ обшитъ желѣзомъ. Внутри онъ раздѣленъ на 240 квадратовъ по $1^1/_2$ сажени въ сторонѣ. Эти квадраты составляютъ основаніе силосовъ или закромовъ, высотою отъ $4^1/_2$ до 5 сажень и помѣщаютъ каждый отъ $4^1/_2$ до 5,000 пуд. зерна. Нѣкоторая часть помѣщенія зерноподъема занята подъ автоматическіе вѣсы, чистительныя и сортировальныя машины, а также подъ шастальную машину для овса. Приводы, установленные въ зерноподъемѣ, получая необходимую силу отъ паровой машины помѣщенной въ фахверковомъ зданіи, даютъ возможность приходящее зерно вагонами и барками поднимать въ силосы или закромы. Изъ любаго силоса можно перевести зерно въ другой силосъ, взвѣсить, очистить, сортировать зерно, провѣять и, когда нужно, выгрузить на корабль. Принимать зерно въ зерноподъемъ по желѣзной дорогѣ можно по 25 вагоновъ въ часъ, съ барокъ по 7,000 пуд. въ часъ, а выгрузить на корабль 15,000 пудовъ въ часъ. Машина и приводы поставлены извѣстнымъ заводомъ Лютера въ Брауншвейгѣ; машина замѣчательная, съ патентомъ Кливиша. Все механическое устройство въ зерноподъемѣ поражаетъ замѣчательною цѣлесообразностью. Предприниматели должны были все заказать за границей, такъ какъ портовые зерноподъемы—предметъ въ Россіи совершенно новый; примѣръ Елецкаго зерноподъема не могъ быть принятъ во вниманіе. Интересно примѣненіе фахверковыхъ строеній, а въ особенности для жилья, гдѣ фахверковая наружная оболочка отъ внутренней оболочки, положенной американскимъ способомъ изъ досокъ, плашмя, отдѣлена слоемъ воздуха; также интересны мѣры противъ того чтобы громадная осадка зданія не выпучила желѣзную обшивку. Всѣ означенныя постройки начаты въ маѣ 1889 года и окончены въ концѣ октября того-же года.

Новый храмъ во имя Покрова Богородицы въ селѣ Покровскомъ (Новгородской губ., Крестецкаго уѣзда). (Рис. на стр. 1260).

Въ глубинѣ одной изъ древнѣйшихъ новгородскихъ пятинъ, въ глухой части Крестецкаго уѣзда, Новгородской губ., въ обширномъ приходѣ, доселѣ обходившемся небольшою церковкой, на только-что расчищенной лѣсистой мѣстности, воздвигнутъ новый каменный храмъ, построенный по плану академика Парланда и освященный 1 октября 1889 года самимъ Высокопреосвященнымъ Исидоромъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ въ девяти-десятый день его рожденія. Новая церковь очень красива: она объ одномъ луковичномъ куполѣ на кубическомъ основаніи, съ изящною колокольней надъ папертью, и снабжена всѣмъ необходимымъ въ изобиліи. Подлѣ церкви красуется новенькая церковно-приходская школа. При освященіи многія тысячи народа дневали и ночевали подлѣ церкви. Свыше десяти тысячъ образковъ, крестиковъ и религіозно-нравственныхъ брошюръ розданы были богомольцамъ. Освятивъ служеніемъ молебна новую школу, маститый іерархъ посѣтилъ и домъ молодаго, только что посвященнаго имъ священника, а по выходѣ изъ него, болѣе двухъ часовъ благословлялъ устремившійся къ нему народъ.

Отраженія трехъ человѣкъ въ трехъ зеркалахъ. (Рис. на стр. 1261).

Интересный опытъ этотъ показывался въ теченіе минувшаго лѣта въ особомъ помѣщеніи неподалеку отъ Парижской всемірной выставки.

Представимъ себѣ три большихъ зеркала образующихъ прямую призму, основаніемъ которой служитъ равносторонній треугольникъ. Лицо стоящее внутри этой призмы увидитъ свое изображеніе отраженнымъ безконечное множество разъ кучками по 6 человѣкъ. Три или четыре человѣка поставленные въ одинъ изъ угловъ призмы дадутъ изображеніе громадной толпы, какъ бы выстроившейся на тротуарахъ въ ожиданіи какой-либо процессіи. Если двое снимутъ шляпу и станутъ махать ею, покажется что вся толпа производитъ внушительную демонстрацію. На рисункѣ нашемъ воспроизведена эта многотысячная толпа, образуемая всего двумя мужчинами и одной дамой, помѣщенными въ углу зеркальной призмы, образуемой двумя зеркалами — третьяго зеркала не можетъ быть видно на рисункѣ, такъ какъ оно находится между зрителемъ и рисункомъ.

Весь опытъ есть не что иное какъ всѣмъ извѣстный калейдоскопъ, увеличенный до такихъ размѣровъ, что роль цвѣтныхъ стеклушекъ въ немъ играютъ живые люди. Пять-шесть человѣкъ могутъ легко помѣститься въ призмѣ, каждая сторона косй имѣетъ сажень длины; если эти пять-шесть человѣкъ начнутъ прохаживаться въ разныхъ направленіяхъ, зрителю покажется что безчисленная толпа волнуется и переговаривается о какомъ-то важномъ событіи.

Политическое обозрѣніе.

Въ политикѣ полное затишье.

Палаты депутатовъ въ разныхъ странахъ Европы занимаются преимущественно дѣлами внутренней политики, причемъ засѣданія происходятъ довольно спокойно, если не считать неизбѣжныхъ въ парламентской жизни столкновеній представителей различныхъ партій. Болѣе другихъ шумятъ венгерцы и чехи. Въ Венгерскомъ сеймѣ опозиція старается всячески вырвать власть изъ рукъ ненавистнаго ей Коломана Тиссы и при всякомъ случаѣ нападаетъ на президента совѣта венгерскихъ министровъ. Въ Чехіи партія младочеховъ постоянно пріобрѣтаетъ новыхъ сторонниковъ, чему не мало способствуютъ безтактныя выходки ея политическихъ противниковъ. 13 ноября въ Чешскомъ сеймѣ обсуждался вопросъ о расходахъ на новый національный музей, причемъ младочехъ Шилль указалъ, что въ числѣ великихъ людей, изображенія которыхъ украшаютъ зданіе музея, нѣтъ Яна Гуса. Замѣчаніе это вызвало горячія возраженія, причемъ одинъ изъ опонентовъ, князь Карлъ Шварценбергъ, съ негодованіемъ осуждалъ тѣхъ, кто превозноситъ Гуса какъ героя и святаго. Онъ говорилъ, что чешскій народъ питаетъ къ Гусу отвращеніе за событія, вызванныя дѣятельностью проповѣдника. „Между гуситами, замѣтилъ князь, было мало достойныхъ уваженія людей и вскорѣ они превратились въ шайку разбойниковъ и поджигателей“. Выходка князя Шварценберга вызвала страшное волненіе. такъ что засѣданія сейма временно пріостановлены, но агитація продолжается внѣ стѣнъ собранія. По всей Чехіи открыта подписка на сооруженіе статуи Гусу въ Прагѣ. Шестеро старочешскихъ депутатовъ собираются перейти на сторону младочеховъ.

Экс-король Миланъ, проживая въ Парижѣ, не даетъ сербскому правительству покоя. Его бесѣды и разсказы различнымъ корреспондентамъ газетъ отличаются такимъ характеромъ, что совѣтъ министровъ, обративъ вниманіе регентовъ на волнующія общество заявленія Милана, опубликованныя раньше въ *Journal des Débats*, а недавно также въ *Times* и въ *Correspondance de l'Est*, просилъ Ристича сообщить Милану, что въ случаѣ повторенія подобныхъ фактовъ правительство будетъ вынуждено объявить Милана вреднымъ для Сербіи и династіи. Послѣ того Миланъ посѣтилъ г. Спюллера и, по словамъ *Temps*, намѣренъ жить въ Парижѣ какъ частное лицо и воздерживаться отъ участія въ политическихъ событіяхъ.

На Критѣ, по словамъ *Times*, порядокъ вполнѣ возстановленъ. Мѣсто Шакиръ-паши займетъ бывшій губернаторъ, христіанинъ Костаки Антропулосъ. Въ Канею отправился адмиралъ Ахметъ-Ратибъ-паша съ султанскимъ фирманомъ относительно амнистіи. По слухамъ, на основаніи этого фирмана, критяне будутъ лишены нѣкоторыхъ дарованныхъ имъ прежде вольностей.

Новое правительство въ Бразиліи остается непризнаннымъ Европейскими государствами. По поводу событій въ этой странѣ, во французской палатѣ депутатовъ Юббаръ обратился къ правительству съ вопросомъ. Министръ Спюллеръ отвѣтилъ: „Депеши передаютъ, что порядокъ нарушенъ не былъ и что правительство обѣщаетъ охранять всѣ интересы и соблюдать всѣ обязательства. Существующее de facto въ Ріо-де-Жанейро правительство вошло въ сношеніе съ французскимъ агентомъ, которому послано приказаніе продолжать дружественныя отношенія, существовавшія съ правительствомъ императора. Рѣшеніемъ этимъ новое правительство осталось очень довольнымъ. Оффиціальныхъ сообщеній относительно перемѣны формы правленія не послѣдовало ни съ той, ни съ другой стороны. Прежде чѣмъ сдѣлать такое сообщеніе, новое правительство предполагаетъ, вѣроятно, сдать свои полномочія палатѣ“.

Императоръ домъ-Педро со своей семьей, какъ сообщаютъ изъ Сентъ-Винцента, прибылъ туда 18 ноября въ полночь на пароходѣ „Alagos“. По прибытіи, Бразильскій императоръ телеграфировалъ Португальскому королю, что онъ прибудетъ въ Лиссабонъ и остановится по своему обыкновенію въ гостинницѣ. При этомъ онъ благодарилъ за предложеніе отвести ему аппартаменты въ королевскомъ дворцѣ.

Жизнь за океаномъ за послѣднее время все болѣе и болѣе начинаетъ интересовать Европу. Недавно въ газетахъ появилось подробное сообщеніе объ открытіи конгресса въ Соединенныхъ Штатахъ 21 ноября. На другой день избранія въ президенты палаты представителей республиканца Рида, было прочитано посланіе президента Гаррисона. Въ немъ сказано, что въ текущемъ году не много международныхъ вопросовъ осталось безъ разрѣшенія. Возникшіе въ послѣднее время между Великобританіей и Соединенными Штатами вопросы либо лежатъ подъ спудомъ, либо находятся на пути къ полюбовному улаженію. Въ посланіи возвѣщается внесеніе законопроекта относительно болѣе широкаго примѣненія договора съ Англіею о выдачѣ преступниковъ. Отношенія къ Германіи весьма сердечнаго свойства. Вопросы о подданствѣ разрѣшены къ обоюдному удовлетворенію. Подобные-же вопросы неоднократно возникали съ Франціей, Италіей, Россіей, Турціей и Швейцаріей. Президентъ Гаррисонъ предлагаетъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ заключеніе особыхъ конвенцій. Дружественныя отношенія съ Бразиліей не прерывались; посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Ріо-де-Жанейро предписано, однако, формально и сердечно признать республику, коль скоро большинство выразитъ согласіе на установленіе въ Бразиліи республиканской формы правленія.

Библіографія.

Вышли слѣдующіе календари на 1890 годъ, съ отрывающимися на каждый день листами:

1) *Эдуарда Гоппе „Календарь-ежедневникъ“* (годъ XIX) съ 2 безплатными приложеніями: а) Справочною книжкой и б) Табель-календаремъ, заключающими въ себѣ всѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія.

Календарь приклеенъ къ папкѣ съ изящною литографіей въ 5 красокъ по рисунку въ русскомъ стилѣ художника Брожа. Цѣна 75 коп., съ перес. въ Европ. Россіи 1 руб. 25 коп. На веленевой бумагѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп.

2) *Календарь для хозяекъ* (годъ VIII) съ 2 безплатными приложеніями: а) Поваренною книжкой и б) Табель-календаремъ. Содержаніе и форматъ этого календаря тѣ-же что и въ Календарѣ-Ежедневникѣ, съ тою разницей, что на оборотѣ каждаго отрывающагося листка напечатано меню на слѣдующій день со ссылками на поваренную книжку. Цѣна 1 руб., съ перес. въ Европ. Россіи 1 руб. 50 коп.; на веленевой бумагѣ 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

3) *Большой ежедневникъ* (годъ II), коего содержаніе одинаково съ ежедневникомъ, но размѣръ вдвое больше послѣдняго. Цѣна 1 руб. 25 коп., пересылка за 4 фунта.

Распространяться о достоинствахъ этихъ изданій, давно извѣстныхъ публикѣ, считаемъ излишнимъ.

Появились въ продажѣ и обыкновенные календари на 1890 годъ, изъ коихъ обычными качествами выдаются:

Русскій Календарь Суворина (XIX годъ) и *Всеобщій Календарь* книгоиздательства Германа Гоппе, къ которому приложены карта желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и пароходныхъ сообщеній Россійской Имперіи, пастѣнный календарь и нѣсколько портретовъ въ некрологахъ.

Наконецъ и *Записная книжка К. Риккера* вышла по обыкновенію въ нѣсколькихъ изданіяхъ, на этотъ разъ украшенныхъ, кромѣ обычныхъ двухъ картъ Россійской Имперіи, картою Европы съ показаніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по прочтеніи представленныхъ Его Величеству всеподданнѣйшихъ адресовъ: Екатеринославскаго, Полтавскаго и Новооскольскаго, Курской губерніи, дворянствъ и Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, земства, по случаю преобразованія крестьянскихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: благодарить означенныя дворянства и земство.

Правительственныя распоряженія.

— Въ пятницу, 17 ноября, министръ Юстиціи выѣхалъ въ Прибалтійскій край для открытія новыхъ судовъ. Его высокопревосходительство сопровождали: завѣдующій канцелярiей министерства Юстиціи А. А. Казембекъ, вице-директоръ Кобылинскій, чиновникъ особыхъ порученій Булдаки, старшій юрисъ-консультъ Гасманъ и секретарь А. В. Малома. 20 ноября, въ 11 часовъ состоялось освященіе помѣщенія для мироваго съѣзда. Въ 1 часъ дня, во времениомъ помѣщеніи окружнаго суда послѣдовало торжественное открытіе новыхъ судебныхъ установленій Эстляндской губерніи. По прочтеніи Высочайшаго указа о введеніи судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ и приказовъ о лицахъ назначенныхъ на судебныя должности, министръ Юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на значеніе вводимаго преобразованія, совпадающаго съ днемъ 25-й годовщины учрежденія судебныхъ установле-

ній 20 ноября 1864 года, и обратился къ вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства съ пожеланіемъ, чтобы они оправдали свою дѣятельность на мѣстѣ новаго служенія и надежды, возлагаемыя на нихъ правительствомъ. Послѣ объявленія министромъ ревельскаго окружнаго суда и мировыхъ учрежденій Эстляндской губерніи открытыми, было отслужено торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему дому и о нисполаніи благословенія на вновь назначенныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Вслѣдъ за симъ предсѣдатель и члены окружнаго суда, а также мировые судьи, были приведены къ присягѣ; предсѣдатель объявилъ первое общее собраніе отдѣленій ревельскаго окружнаго суда открытымъ.

— Учрежденная при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисія по поводу паденія цѣнъ пятилѣтняго періода, истекающаго со времени завоеванія края.

— Южно-русскими овцеводами организуется товарищество для устройства въ Петербургѣ шерсточесальной и прядильной фабрики, съ цѣлью отправки за-границу вычесанной шерсти и пряжи. Это предпріятіе вызвано желаніемъ поднять вывозъ за-границу русской шерсти, когда-то занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской отпускной торговлѣ.

Торговля.

— Недавно въ Либавѣ состоялось открытіе и освященіе зерноваго магазина съ элеваторомъ, устроеннаго купцомъ В. Ринге, въ компаніи съ другими мѣстными капиталистами. Магазинъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, двухъ и четырехъ-этажныхъ, и имѣетъ четырнадцать отдѣленій. Шесть изъ нихъ предназначены для разнаго товара въ кипахъ, а дей, въ красивыхъ позахъ, среди живописнаго итальянскаго пейзажа, предъ надгробнымъ памятникомъ своихъ отца и матери.

Музыка.

— 18 ноября, въ залѣ дворянскаго собранія, въ $1^1/_4$ часа дня, происходило чествованіе *пятидесятилѣтней дѣятельности* директора с.-петербургской консерваторіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антона Григорьевича Рубинштейна. Зала была наполнена избранною публикою; на эстрадѣ заняли мѣста представители разныхъ учрежденій и депутацій, привѣтствовавшія юбиляра. Позади ихъ помѣщались хоръ и оркестръ СПб. музыкальнаго общества. Въ царской ложѣ заняли мѣста И. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, Вел. Кн. Екатерина Михаиловна съ сыномъ Герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ Михаиломъ Георгіевичемъ и дочерью Еленою Георгіевною. Ложи и эстрада

Новый храмъ во имя Покрова Богородицы въ селѣ Покровскомъ, освященный 1 октября Высокопреосвящ. Исидоромъ митрополитомъ Новгородскимъ и СПБ. и выстроенный по плану академика Парланда. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

на сельско-хозяйственные продукты выработала проектъ общаго государственнаго страхованія скота, при участіи и содѣйствіи правительства.

— На разсмотрѣніи министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи находится предложеніе объ окончательномъ устраненіи кочевой жизни цыганъ повсемѣстно въ Россіи.

— Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ симъ доводитъ до свѣдѣнія гг. кавалеровъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, что подробное объявленіе Капитула о тѣхъ изъ нихъ, кои въ настоящее время вошли въ комплектъ на полученіе орденскихъ пенсій, напечатано въ № 245 газеты *Правительственный Вѣстникъ* и № 243 газеты *Русскій Инвалидъ*.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ настоящее время, по почину одного изъ углепромышленниковъ донецкаго бассейна, И. С. Кошкина, приступлено къ организаціи на Черномъ морѣ правильной перевозки каменнаго угля.

— Лѣтомъ 1890 года въ г. Ташкентѣ предположено устроить выставку предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности Туркестанскаго края. Одна изъ главныхъ цѣлей предстоящей выставки заключается въ томъ, чтобы наглядно представить дѣятельность Россіи въ Средней Азіи въ теченіе двадцати-остальныя восемь—для хлѣба. Въ общемъ, магазинъ можетъ вмѣщать въ себѣ около 2000 вагоновъ.

— 20 ноября, состоялось, въ присутствіи начальника Закаспійской области, освященіе и открытіе узунъ-адинской таможни, главной для всего Закаспійскаго края.

Искусства изобразительныя.

— Первый дамскій художественный кружокъ разослалъ отчетъ о своей дѣятельности за сезонъ 1888—1889 г. Состоя изъ 78 членовъ, почетныхъ (4), сотрудницъ (73) и корреспондента (1), кружокъ продолжалъ свою интересную и полезную дѣятельность, собираясь по средамъ въ залахъ Михайловскаго дворца. Плодомъ этихъ собраній была выставка и лотерея, что дало возможность кружку попрежнему помогать нуждающимся художникамъ и ихъ семьямъ.

— Съ 6 ноября, въ залахъ Императорскаго общества поощренія художествъ, открылась выставка двухъ картинъ Г. И. Семирадскаго. Одна изъ нихъ: „Чаша или женщина“ (La coupe ou la femme),—бывшая еще на Парижской всемірной выставкѣ 1878 года и извѣстная большинству любителей искусства по фотографическимъ и политипажнымъ снимкамъ. Другая картина, меньшая размѣромъ, называется „Элегіей“ и представляетъ, такъ-же какъ и первая, сцену изъ древне-римскаго быта: на ней изображены двое молодыхъ людей были убраны тропическими и экзотическими растеніями, хоры залы были заняты учениками и ученицами консерваторіи. А. Г. Рубинштейнъ, при входѣ въ залу, былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ; музыка заиграла тушъ. Юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ; по правую его руку сѣлъ предсѣдатель юбилейнаго комитета Е. В. Герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, по лѣвую руку—предсѣдатель Имп. русск. музыкальнаго общества, сенаторъ Марковичъ. Юбилейный актъ начался маршемъ, сочиненнымъ для этого дня бывшимъ ученикомъ консерваторіи г. Аренскимъ, который самъ и дирижировалъ. Предсѣдатель юбилейнаго комитета Его Высочество Герцогъ Георгій Георгіевичъ привѣтствовалъ юбиляра рѣчью. Затѣмъ сенаторъ А. И. Марковичъ сообщилъ о Высочайше пожалованныхъ юбиляру изъ Кабинета Его Величества 3000 руб. ежегодно. Послѣ того, помощникъ предсѣдателя юбилейнаго комитета, А. А. Герке, сообщилъ о томъ, что Е. И. В. Вел. Кн. Александра Іосифовна прислала юбиляру Свой портретъ съ собственноручною подписью; затѣмъ были прочтены привѣтственныя письма отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Вслѣдъ за этими привѣтствіями были поднесены юбиляру: выбитая, съ Высочайшаго разрѣшенія, на с.-петербургскомъ Монетномъ Дворѣ золотая медаль отъ Имп. рус. музы-

кальнаго общества (съ изображеніемъ портрета юбиляра и съ надписью на оборотной сторонѣ: „отъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества“), и дипломъ на званіе почетнаго члена Императорскаго с.-петербургскаго университета (депутаціей отъ университета). Затѣмъ слѣдовали поздравленія и поднесенія адресовъ отъ многочисленныхъ депутацій. Большинство адресовъ было художественной работы; особенно выдѣлялся адресъ фортепьянной фирмы Шредера, поста-терина Михаиловна, Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, Ихъ Высочества Герцоги Георгій и Михаилъ Георгіевичи Мекленбургъ-Стрелицкіе и Герцогиня Елена Георгіевна Мекленбургъ-Стрелицкая. Программа состояла исключительно изъ сочиненій А. Г. Рубинштейна. Главный интересъ концерта заключался въ участіи въ качествѣ исполнителя самого юбиляра, который со времени своихъ знаменитыхъ историческихъ концертовъ, происходившихъ зимою 1885—1886 гг., по желанію публики, сыграть еще двѣ изъ своихъ пѣсенъ безъ словъ. Вообще концертъ былъ рядомъ самыхъ задушевныхъ и искреннихъ овацій, которыми публика чествовала столь любимаго и почитаемаго всѣми геніальнаго художника-піаниста.

Въ понедѣльникъ, 20 ноября 1889 г., въ Дворянскомъ собраніи, состоялся вокально-инструментальный концертъ при участіи г-жъ Е. А. Лавровской (кн. Цертелевой), А. В. Карцовой-Панаевой и др., а также оркестра

Отраженія трехъ человѣкъ въ трехъ зеркалахъ (третьяго зеркала, находящагося между зрителемъ и рисункомъ, не видно).

новившей въ день рожденія юбиляра — дарить лучшему выпускному ученику консерваторіи рояль.

Фирма Шредера, а также фирма Беккера поднесли юбиляру великолѣпные рояли; отъ внуковъ графа Вьельгорскаго юбиляру присланы портреты братьевъ Рубинштейновъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Актъ кончился около 4 часовъ пополудни.

19 ноября, въ залѣ с.-петербургскаго Дворянскаго собранія состоялся юбилейный симфоническій концертъ. На концертѣ присутствовали Н. Имп. Выс. Велик. Кн. Екане выступалъ передъ публикою. Въ концертѣ принималъ участіе оркестръ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, организованный въ началѣ текущаго сезона, по почину и стараніями А. Г. Рубинштейна, а дирижеромъ выступилъ П. И. Чайковскій, окончившій курсъ с.-петербургской консерваторіи въ первомъ выпускѣ ея учениковъ 1865 г. и нынѣ уже пріобрѣвшій своими многочисленными сочиненіями всемірную извѣстность. По окончаніи программы концерта, возобновились безконечные аплодисменты и вызовы юбиляра, который былъ принужденъ, с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

21 ноября состоялось первое представленіе оперы юбиляра „Горюша“ въ Маріинскомъ театрѣ, а 22 балъ въ Дворянскомъ собраніи.

Новыя книги,

изданныя А. С. Суворинымъ, СПБ., Невскій, № 38.

Струэнзе, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ и прозѣ Михаила Бэра, переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Плещеева. СПБ. Ц. 1 р.

Маруся. Старый портретъ. Первая побѣда. Мыслитель. Изъ дневника. Литературный вечеръ. Забытая тетрадь. Разсказы Виктора Бибикова. СПБ. Ц. 1 р.
Лѣсная волшебница (The lady of the forest), повѣсть для юношества. Перев. съ англ. СПБ. Ц. 75 к.
Набережный. Бурсакъ. Романъ. Изд. 3-е. СПБ. Ц. 35 к.
В. Шекспиръ. Коріоланъ. Траг. въ 5 дѣйств. Переводъ А. В. Дружинина. СПБ. Ц. 25 к.
Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго т. 7. Ц. 20 к.; тоже т. 8. Ц. 20 к.
Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, съ портретами и рисунками. Цѣна 20 к.

Смѣсь.

Инфлуэнца. Нынѣшнею позднею осенью въ разныхъ мѣстахъ Россіи появился эпидемическій гриппъ, быстро распространившійся среди населенія. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, въ Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ, а также въ Москвѣ, Казани, Симферополѣ и другихъ городахъ, масса лицъ переболѣла этимъ неопаснымъ, но тяжкимъ и непріятнымъ видомъ болѣзни, называемой инфлуэнцой. Чтобы судить о числѣ заболѣвшихъ, достаточно сказать, что въ Петербургѣ свыше 1/3 всѣхъ жителей подверглись припадкамъ этой болѣзни, причемъ она была распространена съ одинаковою силою среди всѣхъ возрастовъ и классовъ населенія. Нѣкоторыя учебныя заведенія прекратили занятія, такъ какъ до 50% учащихъ и учащихся были больны инфлуэнцой. Всѣ больницы были переполнены больными, а доктора и аптеки были завалены работой.

Инфлуэнца наступаетъ, можно сказать, внезапно. Температура быстро подымается до 40° и даже до 40,5° и такъ же быстро спадаетъ. Продолжительность лихорадки длится 1—3 дня, рѣдко 5—6. Кромѣ лихорадочнаго состоянія, больной чувствуетъ большую слабость, боль во всѣхъ суставахъ и головѣ, иногда головокруженіе и различныя нервныя страданія. При этомъ наблюдается почти всегда увеличеніе селезенки.

Первая эпидемія инфлуэнцы, о которой извѣстно въ исторіи медицины, по словамъ *Новаго Времени*, была на островѣ Мальтѣ въ 1510 году. Въ 1577 году эпидемія прошла изъ Азіи въ Европу и въ Америку. Въ 1580 г. новая эпидемія гриппа обошла Европу, Азію и Африку, убивая стариковъ, слабыхъ и больныхъ. Въ Римѣ отъ нея умерло 9,000, въ Мадридѣ смертность была еще болѣе. Въ 1590 г. инфлуэнца являлась въ Германіи, въ 1593 г. во Франціи и Италіи, въ 1658—1663 г. въ Италіи, въ 1669 г. въ Голландіи, въ 1675 г. въ Германіи и Англіи, въ 1691 г. въ Германіи и Венгріи.

Въ 1729 г. вся Европа пострадала отъ инфлуэнцы, и въ Лондонѣ отъ нея на одной недѣлѣ умерло 908 человѣкъ, въ Вѣнѣ число больныхъ превзошло 60,000. Въ 1732 и 1733 гг. новая эпидемія гриппа въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Почти такая же общая эпидемія была въ 1737 и 1743 годахъ, когда въ Лондонѣ въ одну недѣлю умерло болѣе 1,000 человѣкъ. Въ 1762 году инфлуэнца свирѣпствовала среди англійской арміи въ Германіи. Въ 1775 г. эта болѣзнь убила множество домашнихъ животныхъ. Въ 1782 году отъ инфлуэнцы заболѣло *въ одинъ день* 40,000 человѣкъ въ Петербургѣ. Въ 1830 г. инфлуэнца обошла весь свѣтъ, предшествуя холерѣ. Она появилась вновь въ 1833—1837 гг. Въ 1847 году она уморила въ Лондонѣ людей болѣе чѣмъ холера. Во Франціи она вновь имѣла эпидемическій характеръ въ 1858 году.

Вообще Гиршъ насчитываетъ съ 1510 по 1850 г. болѣе 300 крупныхъ эпидемій гриппа или инфлуэнцы, какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ, жестокихъ и слабыхъ.

Почти всѣ человѣческія расы одинаково страдаютъ отъ этой болѣзни; она, впрочемъ, чаще является на сѣверѣ, особенно въ Исландіи (гдѣ называется quef) и на Ферерскихъ островахъ (гдѣ называется krugus). Поражаются ею не только люди, но и животныя, преимущественно птицы и лошади.

Судя по даннымъ, нынѣшняя эпидемія въ Петербургѣ относительно очень слабая. Дѣйствуетъ гриппъ или инфлуэнца съ быстротою поразительною, почему въ Вѣнѣ въ 1782 г. эту болѣзнь и прозвали Blitz-catarrhe. Инфлуэнца, или эпидемическій гриппъ, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновеннымъ гриппомъ, постоянно наблюдаемымъ въ сырую погоду. Эпидемическій гриппъ характеризуется общею слабостью и дѣйствіемъ болѣзнетворнаго начала на нервную систему, особенно на нервы легкихъ.

Болѣзнь эта эпидемическая, но не заразительная; распространяется она безъ всякаго опредѣленнаго плана и направленія и безъ очаговъ заразы, чѣмъ рѣзко отличается отъ холеры. Она распространяется сразу, какъ воздушный потокъ, охватывая цѣлыя страны и даже части свѣта, поражая и агломераціи людей и отдѣльныхъ людей — моряковъ на корабляхъ среди океановъ, одинаково города и деревни, богатыхъ и бѣдныхъ, людей всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ.

Такимъ образомъ, инфлуэнца не похожа вовсе на эпидемическія болѣзни паразитнаго происхожденія, объясняемыя микроскопическими микробами. По всей вѣроятности, причины инфлуэнцы космическія: въ измѣненіи нормальныхъ соотношеній въ атмосферѣ, окружающей земной шаръ; такъ многіе врачи-наблюдатели уже давно объясняютъ эту болѣзнь избыткомъ въ воздухѣ озона, т. е. кислорода, получившаго подъ дѣйствіемъ электричества большую энергію.

Способная спаиваться универсальная сталь Габерланда. До сихъ поръ предполагали, что для разныхъ орудій требуется и чугунъ, т. е. желѣзо съ разнымъ содержаніемъ угля, и далѣе, что сталь (также желѣзо содержащее уголь, но гораздо меньше чѣмъ въ чугунѣ, не болѣе одного процента), которая сдѣлалась очень твердою, не обладаетъ болѣе способностью спаиваться. Открытіемъ Габерланда то и другое опровергается. Изъ его стали можно выдѣлывать всевозможные инструменты, лезвія которыхъ выковываются при температурѣ сварки. Послѣдняя притомъ почти совершенно безгранична, такъ какъ если сталь перегораетъ, то стоитъ лишь перегорѣвшее мѣсто засыпать пескомъ и снова накалить. Благодаря песку, легко довести нагрѣваніе до температуры сварки, а послѣ выковки сталь снова становится хороша и годна для употребленія. (N.)

Эпизодъ изъ дѣтства Некрасова. Въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Головачова-Панаева передаетъ разсказъ Некрасова объ одномъ эпизодѣ изъ его дѣтства. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его вмѣстѣ съ братомъ привезли въ Ярославль и поселили на квартирѣ съ крѣпостнымъ менторомъ, который обязанъ былъ присматривать за ними обоими, чтобы они аккуратно ходили въ классъ къ учителю, готовившему ихъ въ гимназію, а также готовить имъ обѣдъ. Но крѣпостному ментору, послѣ деревни, представлялось столько соблазновъ въ Ярославлѣ, что онъ, не желая возиться со стряпней, выдавалъ барчукамъ на руки тридцать копѣекъ, оставляя на ихъ произволъ продовольствовать себя. Мальчики были очень довольны своимъ менторомъ и, въ свою очередь, нашли лучшимъ, вмѣсто ученья, съ утра отправляться на загородныя прогулки, запасаясь хлѣбомъ и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крѣпостнаго ментора и его питомцевъ продолжалась не долго. Разъ, вернувшись вечеромъ съ прогулки, мальчики пришли въ ужасъ: ихъ встрѣтилъ отецъ, до котораго дошли слухи о ихъ привольной жизни. У крѣпостнаго ментора обѣ скулы были сильно припухши, и онъ былъ отправленъ въ деревню, а къ мальчикамъ приставили другаго ментора, тоже крѣпостнаго, но болѣе стараго и строгаго. Однако, они очень скоро подмѣтили, что и этотъ строгій менторъ, уложивъ ихъ спать, дозволялъ себѣ, послѣ дневныхъ трудовъ, выпить. Некрасовъ съ братомъ вылѣзали изъ окна и отправлялись въ трактиръ, гдѣ маркеромъ былъ тоже крѣпостной ихъ отца, отпущенный по оброку, и практиковались въ игрѣ на билліардѣ. Въ ней они пріобрѣтали большія познанія, но зато въ наукахъ успѣхи ихъ были плохіе. Некрасовъ разсказывалъ все это очень комично, особенно описывая двухъ дворовыхъ, возведенныхъ отцомъ въ менторы. (в.)

Брачные обычаи въ Лапландіи. Въ Лапландіи считается преступленіемъ женитьба на дѣвушкѣ противъ ея воли или противъ воли ея родителей. Когда мужчина желаетъ вступить въ бракъ, онъ приглашаетъ своихъ и невѣстиныхъ родныхъ на „бѣгъ взапуски“. Дѣвушка имѣетъ право пройти заранѣе треть назначеннаго пространства, такъ что догнать ее, если она того не пожелаетъ, нѣтъ никакой возможности, и если она достигнетъ цѣли раньше жениха, то это несомнѣнный знакъ, что онъ ей не нравится. Отверженный женихъ уже никогда болѣе не смѣетъ свататься за эту дѣвушку. Напротивъ того, если дѣвушка расположена къ жениху, она сначала, конечно, тоже бѣжитъ, но постепенно замедляетъ шагъ и, наконецъ, даетъ себя поймать и отвести къ его роднымъ, которые тутъ же даютъ свое согласіе. Этому обычаю, благодаря которому дѣвушекъ никогда не принуждаютъ къ замужеству противъ воли, лапландцы обязаны домашнимъ миромъ и согласіемъ, несмотря на бѣдность и всѣ проистекающія изъ нея лишенія. (с).

Средство отъ англійской болѣзни. Много существуетъ прекрасныхъ простыхъ народныхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней, остающихся большинству неизвѣстными. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ и лѣченіе англійской болѣзни листьями манжетки. Манжетка (Alchemilla vulgaris) растетъ у насъ на Сѣверѣ вездѣ и всюду, и знакома каждому своими круглыми, словно сплоенными листьями и странными цвѣточками въ видѣ мелкихъ зеленыхъ звѣздочекъ. Пучекъ свѣжихъ листьевъ этого растенія слѣдуетъ обварить кипяткомъ и дать настояться; слить отваръ и въ немъ купать ребенка. Такую ванну, теплую, но отнюдь не горячую, надо дѣлать ежедневно. Сообщающій это средство вологодскій житель разсказываетъ въ мѣстной газетѣ, что одно грудное дитя, совершенно искалѣченное англійской болѣзнью, состояніе котораго врачи признали безусловно безнадежнымъ, вполнѣ оправилось отъ болѣзни послѣ такихъ ваннъ. (в.)

Средство отъ банкротства. Въ Китаѣ, въ продолженіе 900 лѣтъ ни одинъ банкъ не прекращалъ платежей. Это объясняется указомъ императора Хи-Флуича, по которому, въ случаѣ объявленія банка несостоятельнымъ, управляющему его, кассиру и директорамъ должны быть отрублены головы и вывѣшены на углу улицы, вмѣстѣ со счетными книгами. Указъ этотъ все еще остается въ силѣ, и китайскіе банкиры до сихъ поръ пунктуальнѣйшимъ образомъ исполняли свои обязательства. (с.)

Часы изъ бумаги. Въ Дрезденѣ, въ Саксоніи, одинъ часовыхъ дѣлъ мастеръ изобрѣлъ особую бумажную массу, которая легче металловъ разрабатывается и дозволяетъ даже изготовленіе колесъ идущихъ правильнѣе и точнѣе чѣмъ нынѣ употребительныя металлическія колеса. (N.)

Рѣшеніе ребуса-шарады на преміи

(помѣщен. въ № 44 „Нивы“).

Тайнъ никакихъ не любитъ человѣкъ
  Съ тѣхъ поръ какъ выгнанъ былъ изъ рая;
Шамполіонъ трудился цѣлый вѣкъ,
  Гіероглифы разбирая.
Сомнѣнья нѣтъ, что голову ломать
  И надъ загадкой будутъ нашей
И съ дѣдомъ внукъ, и съ дочерями мать,
  Съ женою мужъ, и сынъ съ папашей.
И такова загадка: взять предлогъ,
  То чѣмъ кишатъ всегда болота
И букву на послѣдній выбрать слогъ,
  Чтобъ вышла для ума работа. **(П. Быковъ.)**

Разгадка шарады—„Загадка“.

Всѣхъ рѣшеній этого ребуса получено отъ **2107 лицъ**, изъ которыхъ 1496 рѣшеній оказались болѣе или менѣе не вѣрными, а остальныя 611 совершенно вѣрны. Опубликованныя въ 44 № *Нивы* 18 **премій** пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

1) **Н. В. Панкова**, СПБ., Калашниковск. прист., д. 47 **(Фаустъ, соч. Гете)**.

2) **Г-жи Москальской**, СПБ., уголъ Невск. и Калашн. пр., д. 8, кв. 23 **(Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

3) **И. С. Голикова**. СПБ., Вас. Остр., уг. 5 л. и Больш. пр., д. 14—16, кв. 2 **(Сочинен. Майкова, 3 т.)**.

4) **А. А. Тимофѣева**, СПБ., Д-тъ Общ. Дѣлъ Мин. Госуд. Имущ. **(Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

5) **П. А. Семенова**. СПБ., В. О., 4. л., д. 57 **(Въ Старой Москвѣ, ром. Е. А. Саліаса)**.

6) **И. М. Иванова**, СПБ., плош. Александр. театра, д. 5, СПБ. Город. Кред. Общ. **(Разсказы Лебедева)**.

7) **П. Д. Малейнъ**, Зацѣна, д. Шурыгина, въ **Москвѣ (Фаустъ, соч. Гете)**.

8) **А. А. Цынбаллъ**, 3-я Мѣщанская ул., д. Соколова, въ **Москвѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

9) **Г-на Морскаго**, Срѣтенка, Большая Московская гостин., № 26, въ **Москвѣ (Соч. Майкова, 3 т.)**.

10) **П. О. Савичъ**, Морская часть, въ **Кронштадтѣ (Разсказы Лебедева)**.

11) **Н. П. Голяшкина**, г. **Елецъ**, Орл. губ. **(Соч. Майкова, 3 т.)**.

12) Священ. **Влад. Кедрова**, г. **Яранскъ**, Вятск. губ. **(Въ Старой Москвѣ, Саліаса)**.

13) **Л. А. Добровлянской**, Нѣжинская ул., д. 41, въ **Одессѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

14) **Е. Т. Шевлягиной**, г. **Коломна**, Моск. губ. **(Разсказы Лебедева)**.

15) **М. Г. Сухова**, г. **Ливны**, Орл. губ. **(Въ Старой Москвѣ, ром. Е. А. Саліаса)**.

16) **М. М. Кусакова**, село Толкачевка, г. **Льговъ**, Курск. губ. **(Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

17) **Эмиліи Витте**, Хмѣльная, д. 62, въ **Варшавѣ (Разсказы Лебедева)**.

18) **Н. Левицкаго**, въ с. Лѣсничемъ, г. **Ольгополь**, Подол. губ. **(Въ Старой Москвѣ, Саліаса)**.

Въ виду массы присланныхъ рѣшеній, издатель журнала *Нива* нашелъ возможнымъ **увеличить количество премій** для иногородныхъ гг. подписчиковъ, и прибавилъ еще 2 экз. **Сочиненія А. Н. Майкова, 3 т.**, въ переплетахъ, и 3 экз. **„Исторія Искусствъ“, Гнѣдича**, тоже въ переплетахъ. Преміи эти пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

19) Миров. суд. **В. Н. Терскаго**, с. Больш. Коровино, г. **Зарайскъ**, Ряз. губ. **(Соч. Майкова, 3 т.)**.

20) **А. Н. Шульженко**, Первая гимназія, г. **Кіевъ (Соч. Майкова, 3 т.)**.

21) Шт.-кап. **Семенова**. 16 гренад. Мингрельск. полкъ, г. **Тифлисъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

22) **Н. В. Пушкарева** (Жандармск. полковн.), г. **Черниговъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**

23) **А. Н. Воскресенскаго**, Похвалинская ул., д. Дьячкова, **Нижн.-Новгородъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича)**.

Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали премія, благоволятъ пожаловать за полученіемъ ихъ (подъ росписку) въ помѣщеніе конторы *Нивы* (Невскій, д. 6), а гг. **иногороднымъ подписчикамъ** преміи высылаются почтою.

Затѣмъ остальныя вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: **СПБ.**: В. В. Алексѣева, В. Андреева, М. А. Александрова, М. П. Алтухова, М. Л. Афанасьева, В. Алексѣева, Арчакова, капитана Ам...., Антоновича, А. Ѳ. Андреева, Е. А. Алекина, М. Аганови, Г. А. Александрови, К. Барелла, Ф. Букинича, А. С. Баранова, Э. Э. Боде, К. П. Бончевскаго, А. А. Бѣлокурова, А. М. Борисова, Благовѣщенскаго, Бутковской. Ю. Г. Бесекерскаго, Волуева, В. А., Н. А. Викторова, С. Васильева, М. А. Виноградова, Н. С. Вѣтринскаго, Е. А. Вишневской, П. Ю. Ворожейкина, С. А. Витковскаго, Ѳ. Геккера, Д. Н. Гласфельда, А. М. Гусятникова, Н. Граве, В. А. Гаврилова, Н. Н. Григорьева, А. Гиндреусъ, А. Н. Григорьева, А. Е. Гернгъ, Е. Гамдорфъ, Л. Гартманъ, Н. М. Грошева, Н. Горайскаго, Н. В. Граве, А. Гусельникова, Дементьева, В. Дѣдова, Дюшенъ, Дебольскаго, А. Долгова, А. В. Дюфуръ, Д. Н. Деревнина, Дылева. Добровольскаго. Н. Н. Дмитріева, Н. Дѣдова, П. Н. Елизова, М. А. Евтюгиной, М. Ефимова, Егорова, А. Е. Заборовскаго, В. Зыбина, Г. А. Ивнова, Изенбергъ, Д. С. Иванова, П. Ильина, В. Іогихесъ, Б. Кемвицъ, А. А. Краснопѣвцена, Г. Кондратьева, А. Кожевникова, А. Н. Корвинъ-Коссаковскаго, К. Кушель, Козыревой, А. Калатцъ, К. И. Каткова, Н. Карманова, В. Н. Корниенкова, В. Комиссарова, В. С. Кроткова, Е. Козлянинова, Н. Кузьминой, Н. Л. Козловской, Н. Н. Кроткова, Е. Калановской, М. Колоколовой, Лебедева, А. Лейневицъ, А. Лерхе, Л. Лебедева, Л. А. Любимова, П. Н. Лѣха, Н. З. Лебедева, Л. Лоренковичъ, А. И. Любимова, В. М. Лагоаскаго, Ф. С. Матвѣева, Р. И. Мараевича, М. А. Молодой, А. Митропольсквго, Е. Г. Мнлеантъ, Г. Н. Мокѣева, К. Н. Мавроди, А. Мелентьева, А. А. Маркъ, Я. А. Малашева, Н. А. Мясникова, Н. Н. Муханова, А. Мохова, Мѣняева, М. Д. Миромановой, Н. Н. Московскаго, Н. Т. Николаева, Н. Носкова, Т. Ф. Новаковв, Н. Н. Николвевв, Ѳ. Г. Недзевецкаго, Н. Я. Никитина, Нюмвнъ, К. К. Оллонгренъ, Плвменевскаго, А. Петрова, А. Н. Пестовскаго В. Н. Парышева, А. А. Петерсонъ. А. Претро. П. Е. Попова, М. Н. Поварнина, В. Преображенскаго, Пономарева. Паульсенъ, Н. Петровскаго, А. А. Посиѣева, В. Н. Пантелеймонова, А. В. Пѣшкова, В. В. Посникова, К. Рынкевичъ, Рейнботъ. Н. Родичена, Рындина. М. Г. Романовскаго, А. Родныхъ. Н. Д. Рычкова, Ситникова, Н. Савельева, Сергѣева, Н. Н. Сазонова, Е. В. Сарычевой, В. Д. Савинова, В. Смирновой, В. Страхова, Смыслонскаго, Семенова, Н. Н. Семенова, В. Соколова, А. В. Савицкаго, М. В. Семенова, А. М. Свѣтлова, Н. М. Смирнова, В. Серебряника, В. А. Смерчинскаго, А. А. Толочко, Тизенко, Г. П. Тупиньмкой, Трушлевичъ, Г. В. Финиковой, Ф. В. Фомина, Ю. А. фонъ-Зассенъ, В. В. Ф., М. М. Федорова, В. Филиппенв, Ф. К. Фреберъ, Л. Хижнякова, А. А. Чекомвсова, Н. Чистякова, В. В. Чупина, Н. Ф. Чуриловскаго, А. К. Ч., С. Чистовичъ, В. Шнеура, М. Шевлягина, В. Шамрай, Е. Н. Шлюшниковой, А. Н. Шигалева, В. В. Эймана, М. Ф. Энгельке, Ф. К. Извина, В. С. Ѳедорова, Подписч. за №№ 38927, 74429, 34703, 42814. **Москва**—А. Ф. Ахшарумовой, Н. С. Андреева, В. Н. Адзеропулло, В. Алексѣевой, Ф. Р. Бибичева, Бурцова, Н. А. Булочкина. Бурхардь, Бабушкина, А. Барановскаго, Н. В. Бакастова, А. Я. Бѣлоновича, Биб. I гренад. Арт. бригады, А. Бѣлозерова, поруч. Викторова, Введенскаго, С. Д. Владиславлева, Я. В. Власова. А. Воронцова. С. Е. Внукова, Е. К. Горнаго. А. Д. Губаняго, С. А. Гамбурцева, Горвицъ. А. Ѳ. Голубовскаго. П. Дѣева, Н. К. Декъ, Н. Н. Дешина, Н. Докучаева, В. Н. Доброклонской, В. Я. Егорова, Егорова, Кн. Енгалычева, Н. Зорина, Т. Н. Знаменской, Н. Игнатьева. А. Н. Иванова, Н. Н. Игнатьева, Н. Н. Ильинскаго, Н. А. Ипатова, Н. Н. Каневскаго, Б. А. Каплуновскаго, А. К. Кельбереръ, С. А. Крюкова, Куманина, Н. Кедрова, А. А. Котова, Н. Н. Китвева, С. Ѳ. Каннив, В. И. Колгушкина, С. Н. Котова, С. Н. Калабашкина, Китаева, Н. Н. Кулакова, Л. П. Леонтьевой, Н. Ѳ. Лосицкаго, М. Лопухиной, А. Лопухина, М. Ласковсквго, Н. Мясникова, Н. В. Матюшина, Е. М. Михайловской, Я. Никольскаго, Н. А. Норбекова, М. В. Обухова, подполк. Осѣцкаго, К. Я. Оральниковой, С. Н. Потановой, А. Н. Петрова, М. М. Писарева, Д. С. Потемкина, К. Ю. Ромейко-Гурко, Суслова, А. Сурина, А. Н. Селитренникова, Н. Н. Старова. Е. Н. Сыщаевскаго, М. Д. Свуратова, А. В. Сѣнцова, В. Ѳ. Сѣрикова, М. К. Сисалина, Б. М. Сухамель, В. Н. Тихомирова, М. Н. Таппенберга, Н. В. Талицкаго. Л. Троицкой, Н. А. Ушатина, С. Н. Успенскаго. В. В. Фреймавъ. Хотяинцева, I. Цирцъ, В. Н. Цирульниковой, В. Я. Шингера, Н. Черкинсквго. А. Шорина. М. И. Щапова, **Александровъ**—Н. А. Алѣевскаго, Н. Н. Красавина, Н. Н. Дмитріева, **Арзамасъ**—А. М. Чеченова, К. П. Скоблина, Н. Н. Николаева, Н. А. Суворова, Т. А. Коньева, **Архангельская**—Б. Казачекъ, **Бараново**—Н. Н. Макарова, **Бахчисарай**—М. М. Дремджи, **Березна**—А. М. Бурова, **Бологое**—В. Н. Петерсонъ, **Болховъ**—Н. Е. Соломко, **Брестъ**—поруч. Пыженскаго, **Верхотишанка**—Н. В. Медвѣдева, Т. М. Новиковой, **Варшава**—подпор. Быкова, подпор. Гринбергъ, Н. Колшевскаго, М. А. Дормвиъ, Д. Н. Чаплина, Г. Витте. Г. Ц. Набокова, **Верховсное**—свящ. Р. Колосова, **Вильно**—свящ. Н. Изнѣкова, **Витебскъ** подпор. Николаева, **Владикавназъ**—Н. Н. Богданова, **Владиміръ**—Е. Н. Райской, **Вологда**—Е. Соболевской, А. А. Александрова, Н. Д. Колосова, А. А. Витушешниковой, М. Протогенова, Н. Д. Зубовой, **Воронежъ**—Г. Г. Ливнева, В. Золотарева, Н. А. Авдѣева, Н. Е. Агафонова, К. А. Рогова, М. М. Волковича, А. А. Клочкова, А. А. Кюи, К. А. Сакина, **Вязовая**—Г. Н. Лаппа-Старженецкаго, **Вятна**—Столбова. **Гатчино**—Шаронъ. Н. Шлякова, т-жи Мео, **Давыдново**—О. Н. Алексѣевой. **Динабургъ**—Н. Н. Жуковскаго, **Дросноно**—Е. Ф. Софроновой. **Дурновсная** А. М. Снигирева. **Енатеринославъ**—А. М. Творолскаго, Гамзачурди. М. Н. Сосновской. А. Г. Овчинникова, В. Н. Логвиненко, Н. М. Бобіевскаго, В. Ф. Чемоицева, А. С. Щероцкой. **Елецъ**—М. Э. Грузиновой. Н. А. Москалева, М. Валуйскаго, М. М. Никуленко, Н. Е. Дмитріева, Н. В. Макарьева, Н. Н. Касаткина. Бортошевича, Д. Ф. Качкина, О. Н. Недокучаевой, **Елисаветградъ**—А. М. Шамогульскаго, **Елисаветполь**—Региной-Когновицкой, **Епифань**—Г. К. Оводова, **Ефремовъ**—Н. С. Сахарова, С. Рябинина, В. А. Кузнецова, свящ. М. Мерцалова, **Задонскъ**—А. М. Чешокова, **Измаилъ**—Н. Зазулинскаго, **Казань**—Ф. Н. Леонова, В. М. Суханова, В. Н. Разумовскаго. Г. Г. Терегуловой, **Калуга**—Н. А. Федорова, Е. Н. Липкиной, В. Н. Фалькъ, Я. Я. Громова, кн. маг. Мясниковыхъ, М. М. Курбатова, Н. I. Спасскаго, **Касторное**—В. В. Гемельмана, **Калязинъ**—А. Я. Труневой, **Кашинъ**—М. С. Доманиной. С. Стратоницкой, **Кіевъ**—О. Н. Орловой. А. Н. Толпыгиной, К. М. Акинфіева, Р. М. Семенкова, М. В. Орвбинской, К. В. Суходольскаго, Я. О. Анте, А. Брѣева, генер. Гамалѣя, Н. Е. Сафкина, В. В. Бѣляева, А. Ф. фонъ-Руктешель, О. Н. Гогель, **Кишиневъ**—М. Н. Потапова. М. С. Свадковскаго, Конорскаго. А. Сахаровой, Л. Сувака, **Климовка**—бвр. Штемпель, **Ковно**—А. Э. Бартельсенъ, В. В. Соколова, В. К. Верещагиной, **Колонтаевка**—Д. Д. Ермакова. **Коломна**—В. Е. Симановскаго, Е. Панина, А. А. Щукиной, **Кострома**—Библ. почт. телегр. к-ры, А. Ф. Чунилевой, Н. Н. Стайновскаго, **Кременчугъ**—Е. Нестеренко, **Кронштадтъ**—К. Н. Василиевна, Алиньева, Кроткова, О. Н. Огородниковой, **Курскъ**—Ф. Ф. Мальцова, № 72,107, М. Н. Кузьмина, **Кѣльцы**—С. А. Коленцъ, **Лаишевъ**—Н. А. Ашихминой, **Лебединъ**—М. С. Дояренко, **Лебедянь**—В. Н. Чурилина, **Ливны**—Н. Н. Головина, В. Н. Злобина, **Ломжа**—Д. В. Теплова, **Льговъ**—М. Дьяконова, М. Н. Башинсквго, **Люблино**—В. Недумова, **Меленки**—К. Н. Леошкевича, **Михайловъ**—А. Н. Давыдова, **Могилевъ**—Е. Банина, **Немировъ**—В. Я. Міончинскаго, **Нижній-Новгородъ**—Островской, А. В. Олигеръ, Л. А. Веселовой, В. А. Знаменскаго, А. А. Штюрмерв, О. В. Крымовой, Н. К. Попова, С. Ф. Цитаринской, **Николаевъ**—С. Беклешовой, Г. Н. Кортацци, Н. Коняева. Л. Н. Бѣлянина, **Новая Чигла**—С. С. Шквркна, **Новгородъ**—Рудольфв, Н. К. Кузьмина, Ф. Я. Богданова, **Новгородъ-Сѣверскій**—I. Г. Бакуревичъ, **Новоржевъ**—А. Н. Соловскаго, А. Н. Чуйкиной, **Нѣжинъ**—В. Н. Курчинскаго, Е. А. Черноусова, М. К. Фальковскаго, **Одесса**—М. М. Рукавишникова, О. Штехеръ, Н. Н. Драго, **Ораны**—Н. А. Кучиной, **Орелъ**—Т. М. Красиной, Н. Н. Григорьева, О. Ратковской, А. Вавилова, В. Н. Мальчвковскаго, В. Э. Ромеръ, Н. К. Бахтина, А. А. Шутовой. Бейерманъ, **Оренбургъ**—Н. М. Миронова, А. Н. Ильинской, **Пенза**—Н. М. Муранича, М. А. Щукина, А. Н. Панафутина, М. И. Роговскаго, Е. Н. Щиберь, Н. А. Цельсова, С. Н. Мошкова, Д. Н. Полякова, Н. Н. Хвостова, **Пермь**—Н. А. Валеріусъ, **Песоченсній заводъ**—Н. Тарбѣевой, **Петергофъ**—А. С. Мамонтова, А. Г. Ушакова, В. Н. Алексѣевскаго, А. М. Лимаренко, **Пинскъ**—Я. П. Ильяшенко. **Плоцкъ**—А. Н. Зологова, **Погаръ**—Синицкой, А. К. Рогова, **Подольскъ**—Е. А. Андреевой, Н. Г. Мальцова, **Полтава**—М. В. Поповой, **Праснышъ**—Н. Н. Янова, **Прилуки**—Н. Госсойтонскаго, **Путивль**—Н. А. Мальченко, **Пятигорскъ**—поруч. Климова, **Роднини**—В. М. Краснльщикова, **Ростовъ на Дону**—С. Н. Щукина. Ф. Н. Мвльцина, **Рыбинскъ**—Д. Н. Фирсанова, генер. Величко, **Рязань**—Н. А. Кутукова, В. А. Дюзингъ, Н. Щеткиной, **Самара**—А. С. Лямина, Н. Н. Виноградовой, Е. Ф. Кони, О. Г. Аксаковой, **Саратовъ**—Е. Д. Коваленковой, **Сердобскъ**—В. А. Черкаева, **Серпуховъ**—Н. Михайлова, А. Вочарникова, А. Селезнева, М. А. Леницкаго, **Сестрорѣцкъ**—Н. Е. Дмитріева, **Симбирскъ**—А. В. Пожарскаго (по телеграфу). О. Н. Баранцевича, **Сивира**—И. Пидольскаго. В. Н. Павловича. **Смоленскъ**—Н. Е. Энгельгардта, Н. Тимошинина, В. Рачинской. **Сосница**—В. Колокольцовой, **Спассная Полисть**—В. Н. Буяаева, А. А. Мацкевича, **Старый Осколь**—Н. Волчанскаго, А. Н. Синдѣева, **Сумы**—И. А. Зайцева, **Тавастгусъ**—шт.-кап. Молчанова, поруч. Плюсса, **Таганрогъ**—М. И. Жеребцова, С. I. Бланской, **Тамбовъ**—А. Гонорской, Я. Н. Алексѣева, Гикеля, Е. Ф. Комовской, М. Ф. Прозоровой, Н. Н. Звонарева, Ф. С. Мвзеровскаго, **Тверь**—поруч. Семашко, А. Н. Николаевой, З. М. Наваровой, Я. Н. Петропавловскаго, Оскара, Л. Н. Никифорова, **Ст. Тверь**—С. Малинникова, **Тифлисъ**—Л. Е. Иргара, К. Н. Фаге, Н. П. Смиттевъ, Свистунъ-Ждановича, шт.-кап. Лукина, Офицеровъ 152 пѣх. Владик. п., подпоруч. Семенова, Шмакова, Л. Кобіевой, поруч. Ловенъ, Ш. К. Ствльницкаго, Е. Ѳ. Калишевской, **Торжонъ**—Н. Н. Вавудяна. Бѣляева, **Тула**—Е. С. Томашевича, Н. Д. Фортунатова, А. Е. Лебедева, **М. Тульчинъ**—Ѳ. Добржанскаго, **Усмань**—Ѳ. Корнѣева. **Фатежъ**—нотар. Антропова, **Харьковъ**—В. Ф. Домбровсквго, **Царсное Село**—Дейхманъ, Петрова, **Череповецъ**—Т. Ѳ. Ѳаддеева, А. С. Судакова, Б. И. Липина, **Черниговъ**—Токарева, О. Н. Вербицкой, Ф. К. Лвйко, И. Н. Подгорскаго, В. Е. Давидоаскаго, поруч. Шлегель, К. Н. Ходотъ, А. И. Мезенцова, **Шацкъ**—А. А. Тюменева, **Шуя**—С. А. Щеколдина, **Эривань**—Н. Пламяновскаго, **Ярославль**—И. Н. Никольскаго. **Ѳеодосія**—полков. Афанасьева.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

СОДЕРЖАНІЕ:

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Фаустъ и Мефистофель въ погребкѣ Ауэрбаха.
Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, **„Фаустъ“ Гёте** представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“. СПБ., Невскій пр., № 6.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года

„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ. ГРИНВАЛЬДТЪ.

ЭЛЕОПАТЪ

Провизора КИНУНЕНА.

1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ въ употребленіи. **1890**

Средство противъ перхоти головы.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.

Цѣна флакона 1 рубль 50 коп.

№ 4197 (1) *Пров. КИНУНЕНЪ.*

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева. Изданіе. 3-е.** СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

Приключенія контрабандиста. **С. Ворисгофера.** Романъ для юношества въ двухъ частяхъ: I. Среди контрабандистовъ. II. Походъ въ Россію въ 1812 году. Съ 10 эстампами. Цѣна **1** руб. **50** коп., въ папкѣ — **1** руб. **75** коп., въ переплетѣ — **2** руб. **25** коп. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., 2). Mt. № 4201

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КУРСЫ КРОЙКИ и ШИТЬЯ ПЛАТЬЕВЪ

по французскому методу, преподаются **въ 4 мѣсяца за 20 руб. съ выдачею свидѣтельства.** Пріемъ учениць ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. у. до 5 час вечера. Офицерская, д. 22, кв. 13.

Руководство къ изученію практич. **ФОТОГРАФІИ.** Для начин. и любителей.

Изд. **третье,** перераб. и **значительно** дополненное. И. Карпова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. СПБ. Загородный пр., 4, кв. 3, И. И. Карпову, а также во всѣхъ значит. фотогр. и кн. магаз. № 4190

МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николая Александровича Курбатова,

въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно - дѣйствующіе винокуренные аппараты, виноочистительные аппараты новѣйшей конструкціи, ректификаціонные аппараты. Паровые и для привода. Бражные и водяные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи.

Заказы изготовляю быстро и аккуратно. Цѣны умѣренныя. Смѣты, планы и чертежи высылаю по первому требованію. 5—3

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

„Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ,** какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ,** равно какъ и **холостымъ** и **военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ,** и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Вѣсомъ** она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р 25 к., пересылка 75 к.** Въ Азіатскую Россію за 4 фунт.

Главный складъ **въ Москвѣ,** въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“.** Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 4196

! НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ !

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева.** СПб. **Изд. 2-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя **лучшія** и **дешевыя въ настоящее время,** неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** $1\frac{1}{2}$—50 мар. **Футляры** $3\frac{1}{2}$—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразете, Сорл, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

Ц. № 4121 **Крейцнахъ.** 9—3

На общихъ основаніяхъ торговли разрѣшенъ врачебнымъ отдѣленіемъ Калужскаго губернскаго правленія

КАКЪ НЕ СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СВОЕМЪ СОСТАВѢ ВРЕДНЫХЪ ЗДОРОВЬЮ ВЕЩЕСТВЪ.

Разрѣшенный Калужск. врач. управ.

ПЛАСТЫРЬ провизора **Ѳ. И. ШЕПФЪ** для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ** и **БОРОДАВОКЪ** Цѣна 35 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, МАГАЗИНАХЪ ОБУВИ И РЕЗИНОВ. ИЗДѢЛІЙ.

Выписывающимъ не менѣе 3-хъ пенальчиковъ, пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ѳ. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патріаршіе пруды, д. Браткина. Ц. № 4182 10—1

Для ФОРТЕПІАНО

въ 2 руки рекомендую мелодіи нерасклассныхъ авторовъ и лучшія народныя, въ превосходномъ переложеніи I. Пагеля, общедоступномъ по степени трудности всѣмъ играющимъ на фортепіано, въ коллекціи **„Boutons de roses"**, отдѣльными піэсами к. т. **Бортнянскій**, Херувимская, 25 к. **Гуно**, Серенада, 40 к. **Варламовъ**, Ангелъ, 40 к. **Денцъ**, Любила-ль я, 25 к. **Бизе**, Гвбанера изъ Кармена. 25 к. **Брага**, Серенада, 40 к. Среди долины ровныя, 40 к. **Цибульна**, Чудный уголокъ, гавотъ, 40 к. **Кушелевъ-Безбородно**, Тебя здѣсь нѣтъ, 40 к. **Махотинъ**, Помолись милый другъ за меня, 25 коп. **Штраусъ**, Дуэтъ изъ Цыг. барона, 25 к. **Даргомыжскій**, Разстались мы, 40 к. **Фора**, Crucifix, 40 к. **Гурилевъ**, Матушка голубушка, 25 к. **Гуно**, Весною, 40 к. Віютъ вѣтры, 25 к. **Зорина**, Воспоминаніе, 40 к. **Рубинштейнъ**, Желаніе, 40 к. Вальсъ-фантазія изъ цыг. пѣсенъ: Конавэла, Ты мое сердце и душа и Праздникомъ свѣтлымъ, 40 к. **Гумбертъ**, Прошу васъ птички объ одномъ, 40 к. **Ротшильдъ**, Зачѣмъ стоите предо мною, 25 к. **Глинна**, Въ крови горитъ огонь желанья, 40 к. **Понкіэлли**, Дуэтъ изъ Джіоконды, 25 к. **Бизе**, Пѣсня тореадора изъ Кармена, 40 к. **Вальтеръ**, Лебединая пѣсня и свадебное шествіе изъ Лоэнгрина, 40 к. **Гуно**, Жизнь улыбалась, изъ Фауста, 25 к. Гальзя, 25 к. **Вагнеръ**, Вечерняя звѣзда, изъ Тангейзера, 40 к. **Пфейль**, Озеро спитъ, 25 к. Вальсъ-фантазія на цыг. пѣсни: Слушайте если хотите, Для меня ты все и Помню отрадно, 40 к. **Ренаръ**, Колыбельная пѣсни, 40 к. Всѣ 31 піэса продаются отдѣльно. Вмѣстѣ онѣ стоятъ 10 руб. 60 коп. Гг. иногороднымъ выписывающимъ непосредственно отъ издателя, музыкальнаго магазина

К. ЛЕОПАСА,

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 80, высылаются по почтѣ и съ налож. платежомъ всѣ 31 сочин. за пять руб. № 4186.

1890 годъ „ОСКОЛКИ" X годъ

Подъ редакціей **Н. А. Лейкина.**

Еженедѣльный **иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ карикатурами** (въ краскахъ и черными). № 4199 3—1

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; **ребусы, шарады, загадки на премію.**

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу **Н. А. Лейкина**

„ПОДЪ ОРѢХЪ",

сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.**

Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. **8** р., на годъ безъ перес. и дост. **7** р., на полгода съ перес. и дост. **5** р., на полгода безъ перес. и дост. **4** р., на три мѣс. съ перес. и дост. **3** р.

◆ **На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки" въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА

еженедѣльное изданіе. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

◆ *Совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ, со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особыхъ листахъ) разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства. Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ и для школъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 г.

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой. № 4181

☞ **РЕМ. ГАЗ.** одобрена Учен. Ком. Мин. Народ. Прос.

При Конторѣ изданія **„Русскаго Курьера"** имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ **уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:**

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА".

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300,000 экз. Печатался въ **„Русскомъ Курьерѣ". Цѣна: съ пересылкой на города—1 р., въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА" по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ.**

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10—6

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(съ приложеніемъ **картъ и рисунковъ**)

подъ редакціей

профессора **И. Е. Андреевскаго**

(въ XVI—XVIII томахъ) поступитъ въ продажу съ будущаго 1890 года. Въ первый годъ выйдетъ въ свѣтъ **пять полутомовъ** (каждый въ 30 печ. листовъ (480 страницъ) убористой печати), а все изданіе предполагается окончить въ **пять лѣтъ**. Первый полутомъ будетъ выпущенъ въ **февралѣ 1890 года.** № 418

Цѣна за полутомъ въ изящномъ переплетѣ—**три** руб.

Желающіе получать означенное изданіе соблаговолятъ прислать свой адресъ въ контору редакціи, при **Семеновской типографіи**, С.-Петербургъ, Фонтанка, 84.

Чаи съ казенной бандеролью

собственной выписки изъ Китая, развѣшанные подъ наблюденіемъ контролера Департамента Таможенныхъ сборовъ, поступили въ продажу въ магазинахъ торговаго дома Р. № 4192

„МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ БРАТЬЯ ПОПОВЫ"

въ С.-Петербургѣ: 1) **Невскій пр., № 18, у Полицейскаго моста,** 2) **Литейный пр., № 26, д. Мурузи,** 3) **Кадетская линія, № 7.** 4) **у Кашина моста, д. Петровыхъ,** и въ Москвѣ: **на Кузнецкомъ мосту, домъ Санъ-Галли.**

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1890 годъ.

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу:	
на 12 мѣс.	10 р. — к.	на 12 мѣс.	11 р. — к.	на 12 мѣс.	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ" будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"**. Чернышевскій переулокъ, близъ Никитской, д. № 7. № 4188 3—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

историческій ежемѣсячный журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1890 Г.

съ гравированными портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ годъ изданія. Цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкой.

Городскіе подписчики въ **С.-Петербургѣ** благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостинаго двора. Въ **Москвѣ** подписка принимается у **Н. И. Мамонтова** на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

☞ **Иногородные исключительно** обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ", С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Подписчики на „Русскую Старину" 1890 года получаютъ за ОДИНЪ рубль (вмѣсто 4 руб.) книгу: **Альбомъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей**, *третій выпускъ*, каковая книга немедленно высылается по требованіямъ.

Печатается **ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ** гравюръ „Русской Старины". Гравюры исполнены на мѣди профес. **И. П. Пожалостинымъ** и художникомъ **Ѳ. А. Мѣрнинымъ**. Сборникъ этотъ высылается подписчикамъ „Русской Старины" на 1890 г. за **ОДИНЪ** руб., для прочихъ лицъ цѣна альбома **ЧЕТЫРЕ** руб.

Кромѣ того можно получить за *семь почтовыхъ марокъ* или 49 коп. превосходно напечатанный въ Парижѣ большой (¾ аршина высоты) **портретъ императора Александра II**, гравировалъ въ 1866 году академикъ **Сѣряковъ**, удостоенный за этотъ, вполнѣ художественный, трудъ званія гравера Его Величества. Портретъ высылается въ картонномъ свертkѣ, вполнѣ бережно.

Открыта подписка на „Русскую Старину" изд. **1890** г., цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ перес. № 4187 Изд.-ред. **Мих. Ив. Семевскій.**

Открыта подписка на 1890 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

Въ слѣдующемъ году газета „День" будетъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, въ количествѣ **360** выпусковъ въ годъ. Повѣсти, разсказы и очерки будутъ помѣщаемы въ газетѣ два раза въ недѣлю въ формѣ приложеній, съ особымъ счетомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ 12 книжекъ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ заграничн. жизни; мнѣнія печати, фельетонъ—разсказы и очерки, стихотворенія; журнальное обозрѣніе, критика и библіографія; научное обозрѣніе; письма изъ провинціи; внутренняя хроника: петербургская лѣтопись, московская лѣтопись, провинціальная лѣтопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія.

СОТРУДНИКИ: М. Н. Альбовъ, А. А. Бахтіаровъ, В. В. Бирюковичъ, К. Говоровъ, проф. А. А. Исаевъ, А. Киренинъ, В. С. Кротковъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Н. Медвѣдскій, В. В. Стасовъ, А. Г. Сахарова, М. М. Филипповъ, К. М. Фофановъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересылкой: на годъ—**5** руб., на 8 мѣс.—**4** руб., на 6 мѣс.—**3** руб., на 4 мѣс.—**2** руб., на 2 мѣс.—**1** руб., на 1 мѣс.—**60** к. За-границу на годъ—**10** руб. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрѣля, 1-му Іюня и 1-му Августа—по 1 руб. Отдѣльные №№ по 3 коп.

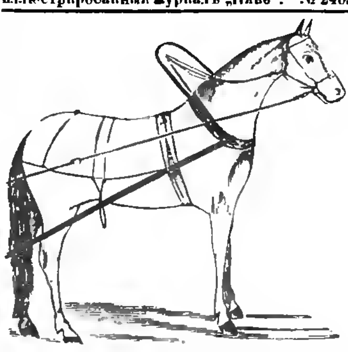
ОБЪЯВЛЕНІЯ: по 10 к. за строку петита (35 буквъ). № 4187 2—2

АДРЕСЪ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ *Н. В. Скворцовъ.*
Издатель *А. А. Греве.*

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405



Полная одиночная городск. или бѣгов. упряжь съ бѣл. или томпак. прибор. и неломающейся дугой, самаго новѣйшаго рисунка, очень нарядная, прочная и изящная 30 р. съ металлич. подвѣск. съ кистью къ уздечкѣ 33 р. перес. по жел. дор. 3 р. Почтою за 32 ф. Фабрика М. и И. Малышевыхъ Саратовъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

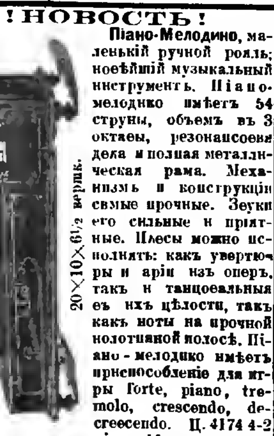
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время продавы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (16) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

! НОВОСТЬ !



Піано-Мелодино, маленькій ручной рояль; новѣйшій музыкальный инструментъ. Піано-мелодико имѣетъ 54 струны, объемъ въ 3 октавы, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкція самые прочные. Звуки его сильные и пріятные. Пьесы можно исполнять: какъ увертюры и аріи изъ оперъ, такъ и танцовальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноты на прочной полотняной полосѣ. Піано-мелодико имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174 4-2

Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за метръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ безплатно. Вѣсъ съ упаковк. 2 пуда.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
Москва, Петровка, домъ Волкова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1890 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ РАСКРАШЕННЫМИ КАРРИКАТУРАМИ

СВЕРЧОКЪ.

Потребность въ веселомъ чтеніи возрастаетъ ежегодно, но русскіе юмористическіе журналы, при своей десятирублевой цѣнѣ, недоступны большинству публики; между тѣмъ за границей существуетъ много дешевыхъ юмористическихъ изданій, расходящихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. **Сверчку** принадлежитъ первый починъ созданія въ Россіи дешеваго юмористическаго журнала, доступнаго всѣмъ по цѣнѣ, живаго, веселаго и забавнаго по содержанію.

Отказавшись отъ общепринятаго, отжившаго свой вѣкъ литографскаго способа воспроизведенія рисунковъ, примѣнивши къ **Сверчку** болѣе усовершенствованные пріемы, создавши кружокъ талантливыхъ артистовъ и каррикатуристовъ, редакція сумѣла придать каждому номеру **Сверчка** благородное cachet вкуса и изящества. Понимая хорошо, что главнѣйшій интересъ и центръ тяжести всякаго юмористическаго журнала заключается въ рисункахъ, редакція **Сверчка** даетъ болѣе рисунковъ, чѣмъ любой изъ юмористическихъ журналовъ, стоющій въ три раза дороже, чѣмъ **Сверчокъ**.

То же вниманіе обращено и на текстъ, и читатель встрѣтитъ въ **Сверчкѣ** такое же бойкое перо какъ и карандашъ. Все это сдѣлало **Сверчокъ** самымъ любимымъ и самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи.

Въ числѣ художниковъ **Сверчокъ** имѣетъ своими сотрудниками: Н. А. Богданова, Л. Порфирьева, А. И. Левитана, К. Н. Чичагова, Н. Чехова, А. Лабудзя, Ф. О. Шехтеля и многихъ другихъ. Портреты извѣстныхъ русскихъ дѣятелей исполняются для **Сверчка** въ Парижѣ извѣстнымъ каррикатуристомъ *Люкомъ*.

Сверчокъ, будучи самымъ дешевымъ изъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи, даетъ 50 №№ въ годъ, изобилующихъ рисунками, каррикатурами и бойкимъ текстомъ. Каждый нумеръ состоитъ изъ тетради въ одинъ печатный листъ и заключаетъ въ себѣ 10 колоннъ юмористическаго текста, состоящаго изъ хроники событій недѣли, разсказовъ, очерковъ, сценокъ, анекдотовъ, пародій, шутокъ, стихотвореній, остротъ и т. д. и отъ 10 до 12 раскрашенныхъ и черныхъ каррикатуръ, исполненныхъ всѣми способами, какіе даетъ намъ современное состояніе графическаго искусства.

Большой успѣхъ нашего изданія позволяетъ намъ въ 1890 г. дать своимъ подписчикамъ, кромѣ журнала, премію—**большую олеографическую картину „АЛЬМЭ“** Зихеля, исполненную въ 30 красокъ—въ артистическомъ заведеніи Отто Трончъ въ Берлинѣ. **Премія эта превосходитъ всѣ олеографіи, которыя когда-либо выдавались подписчикамъ русскими журналами, и значительно больше и роскошнѣе прошлогодней преміи „Жемчужины Гарема“, имѣвшей громадный успѣхъ.** Иногородные благоволятъ присылать на пересылку преміи по почтѣ **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Чтобы дать нашимъ читателямъ возможность ознакомиться съ этой великолѣпной картиной, она будетъ выставлена во всѣхъ лучшихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна на журналъ „СВЕРЧОКЪ“ съ доставкой и пересылкой во всѣ города и съ ПРЕМІЕЙ:

Ц. № 4183

3 р. въ годъ, | 2 р. на ½ года, | 1 р. на 3 мѣс.

Лица, желающія получить премію, прилагаютъ на пересылку ея 1 рубль.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, домъ Каринской.

Въ виду громаднаго требованія на нашъ журналъ просимъ подписываться заблаговременно.

Премія высылается гг. подписчикамъ въ порядкѣ поступленія подписки. Такимъ образомъ подписавшіеся заранѣе раньше другихъ получатъ премію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ
ОБЩЕПОНЯТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУКА и ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія.
4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предполагается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

ЦѢНА:		
	съ пересылкой и доставкой на годъ	5 р. — к.
	" " " " полгода	3 " — "
	безъ пересылки и доставки на годъ	4 " — "
	" " " " полгода	2 " 50 "

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печковской, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ.

П. № 4099 4—4 Редакторъ-Издатель Д-ръ М. Н. Глубоковскій.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Ц. 4122 13—3

Находится во всѣхъ аптекахъ. (требовать собственноручную подпись).

съ 1858 г. Открыта подписка на 1890 г.
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

Журналъ даетъ въ годъ **200** картинъ крашеныхъ, всѣхъ родовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и повѣстямъ, массу каррикатуръ и **12** большихъ ежемѣсячныхъ картинъ—приложеній и иллюстрированный

КАЛЕНДАРЬ.

Всякій годовой подписчикъ на **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“** получитъ **при подпискѣ-же** премію—большую картину, исполненную масляными красками:

ИЗУВѢРЫ РАСКОЛА

П. № 4198 4—1

(БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА у протопопа Аввакума).

За пересылку преміи, въ виду увеличенія почтамтомъ пересылочной платы почти вдвое, гг. подписчики прилагаютъ **одинъ** рубль.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ въ Москвѣ безъ доставки съ преміей	6 р. с.
На пересылку преміи въ Москвѣ	" " 50 к.
На годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города	6 р. с.
На пересылку преміи во всѣ города	1 " "
На полгода въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкой во всѣ города	4 р. с.
На 3 мѣсяца	2 р. с.
За границу	8 р. с.

Адресъ редакціи **„Развлеченія“** Москва, Зацѣпская ул., д. П. П. Щеглова.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Зацѣпская ул., д. Щеглова,** въ конторѣ Н. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и др. городахъ Россіи.

Изд. **П. Щегловъ.**

„НЕДѢЛЯ“.

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *двухъ* изданій: *газеты*, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ), и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

Годовое содержаніе *газеты* „НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *шести* главнѣйшихъ частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) научно-практической, 4) литературно-критической, 5) общественно-житейской и 6) редакціонной.

Въ ежемѣсячн. „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ помѣщ. романы, повѣсти, бытовыя очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать *беллетристикой*.

Въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ 1889 г. напечатано, между прочимъ, слѣдующее: ВЪ СУТОЛОКѢ, повѣсть, и ДѢЛО И СЛОВО, разсказъ **Ѳ. С. Стулли.** ПАРИЖЪ И ЕГО ВЫСТАВКА, шесть статей, и ЭКСКУРСІЯ КЪ ПОЛЯКАМЪ, двѣ статьи, **В. Л. Дѣдлова.** ДѢТИ ОТКАЗАЛИ, разсказъ **Ольги Шапиръ.** ЛИЛИ и др. стих. **А. Н. Майкова.** РАТМИРОВЪ, романъ **Д. Л. Мордовцева.** ГОРОДЪ БУГОРСКЪ. I. Въ періодъ варварства. II. Въ эпоху цивилизаціи. **Евгенія Маркова.** ВЕЧЕРОМЪ и др. стих. **П. И. Вейнберга.** ОБИТАТЕЛИ СТЕПЕЙ. Разсказъ изъ Астраханской жизни. У АНГЛИЧАНЪ и ВЪ ЦАРСТВѢ ФИНИКОВЪ И АПЕЛЬСИНЪ, очерки **А. Н. Краснова.** ИДИЛЛІЯ ВЪ СВѢТѢ, повѣсть **С. Долгиной.** „О, СЫНЪ МОЙ“ и др. стих. **Я. П. Полонскаго.** БАВІЙ ГОРОДОКЪ, изъ пут. очерк. **Л. Рускина.** БРАВИ, стих. **К. К. Случевскаго.** ПО ВРЕМЕНИ, и ГОЛОВА МЕДУЗЫ, разсказы **О. П. Руновой.** ДОЛИНА СНОВЪ и др. стих. **К. М. Фофанова.** СТЕПНЫЕ СЛУГИ, очерки **Е. И. Раевской.** ВЪ ЭРМИТАЖѢ и др. стих. **С. Г. Фруга.** ОТЩЕПЕНЕЦЪ (Робертъ Эльсмеръ), романъ **Гемфри Уардъ.** ПРИКЛЮЧЕНІЯ СТЭНЛИ, **Адольфа Бюрдо,** и проч.

Въ газетѣ „НЕДѢЛЯ“, кромѣ статей по текущимъ вопросамъ, были напечатаны: МЫСЛИ О ЖИЗНИ, **графа Л. Н. Толстого** (пять статей); СЕАНСЫ А. Г. РУБИНШТЕЙНА, **Ц. А. Кюи** (десять статей), а также рядъ статей по отдѣламъ научно-практическому, литературно-критическому, общественно-житейскому и др., принадлежащихъ Я. В. Абрамову, Н. Н. Ветцелю, Ѳ. Ѳ. Воронову, В. А. Гайдебурову, бар. Р. А. Дистерло, В. Л. Дѣдлову (Кигну), П. Н. Краснову, В. О. Португалову, В. А. Тимирязеву и мн. др.

ЦѢНА газеты „НЕДѢЛЯ“, вмѣстѣ съ журналомъ „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“, **ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ, съ пересылкой.

Подписка на 1890 годъ открыта.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2.

№ 4156 2—2

Редакторъ-издатель **П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 29 ноября 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. [illegible] Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX
№ 50 | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 9 декабря 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій.

Послѣднія событія внутренней жизни Сербскаго государства, духовная реформа и обсужденіе церковнаго законопроекта, снова выдвигаютъ на первый планъ личность митрополита Михаила. Высокопреосвященный Михаилъ, сынъ бѣдныхъ родителей, родился въ Крагуевцѣ, въ 1830 г., и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной народной школѣ. Какъ разъ въ то время правительствомъ рѣшено было послать шестерыхъ наиболѣе способныхъ учениковъ со стипендіей въ Кіевскую духовную академію. Это опредѣлило для юноши какъ выборъ поприща, такъ и направленіе его дѣятельности. Возвратясь на родину, Михаилъ былъ уже проникнутъ горячею любовью къ пріемному отечеству, Россіи, на которую возлагалъ всѣ свои надежды относительно дальнѣйшихъ судебъ Сербіи.

Рукоположенный во священническій санъ, Михаилъ получилъ каѳедру при Бѣлградской духовной семинаріи.

Князь Михаилъ Обреновичъ, вторично занявъ Сербскій престолъ въ 1858 году, взамѣнъ преданнаго Карагеоргіевичамъ митрополита поручилъ митрополію Михаилу, въ то время едва достигавшему тридцатилѣтняго возраста. Съ тѣхъ поръ высокопреосвященный Михаилъ не переставалъ стоять во главѣ истинныхъ патріотовъ, ожидающихъ благоденствія Сербіи единственно отъ мощнаго покровительства Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за интересами и прочихъ южныхъ славянъ. Съ первыхъ же дней Герцеговинскаго движенія 1875 года, онъ явился представителемъ предъ Европой за несчастныхъ мучениковъ звѣрскаго, безпощаднаго гнета турокъ. Честный голосъ его, защищавшій человѣческое достоинство подавленныхъ славянъ, былъ услышанъ не одною Россіей; даже въ Англіи образовалась „христіанская лига помощи турецкимъ христіанамъ“, избравшая своимъ почетнымъ покровителемъ, между прочимъ, митрополита Сербскаго. Онъ же въ 1876 году благословилъ, въ то время еще не ставшаго ренегатомъ, князя сербскаго Милана на борьбу за независимость. „Ты, любящій Христа народъ Сербскій, говорилъ митрополитъ въ напутственномъ словѣ князю

Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій. Рис. и грав. А. Нейманъ.

и войскамъ, — идешь во имя Господа на бой, дабы защищать свое племя и имя, свою землю, свободу и православную вѣру... Будьте благословенны всѣ, грядущіе во имя Господне!" Но времена перемѣнчивы—едва прошло 7 лѣтъ со времени завоеванія независимости Сербіи отъ турокъ, какъ тотъ-же Миланъ, ставъ королемъ, продался Австріи и подъ ея эгидою счелъ возможнымъ нарушать даже каноническіе уставы Православной церкви, въ угоду австро-фильскому „напредняцкому" министерству ставя церковь въ зависимость отъ свѣтской власти въ дѣлѣ избранія духовныхъ властей. Митрополитъ Михаилъ въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ отечества выказалъ ту же твердость какъ и относительно внѣшнихъ, и не уступилъ ни пяди на священной почвѣ, не допускающей никакихъ сдѣлокъ. Истощивъ всѣ усилія, тогдашній сербскій министръ исповѣданій Стоянъ Новаковичъ беззаконно смѣстилъ митрополита, и каѳедру его занялъ самозванецъ, лже-митрополитъ Ѳеодосій Мраовичъ, вслѣдствіи совершившій не менѣе беззаконное, къ счастію мнимое, расторженіе брака Милана съ королевою Наталіей Сербскою.

Митрополитъ Михаилъ, само собою разумѣется, вполнѣ сохранившій свой санъ въ глазахъ всего православнаго міра, удалился въ Россію, гдѣ и нашелъ подобавшій ему почетный пріютъ.

По часъ справедливаго возмездія кощунственнымъ оскорбителямъ его былъ недалекъ... Ренегатъ Миланъ палъ вынужденный отказаться отъ престола, вмѣстѣ съ нимъ пало и австрофильское министерство, и лжемитрополитъ Мраовичъ, а высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ торжественно вернулся на свою каѳедру, вступивъ 17 мая 1889 г. въ Бѣлградъ среди привѣтственныхъ ликованій народа, выказалъ свойственное высшимъ избранникамъ великодушіе относительно бывшихъ враговъ его, и 20 іюня (2 іюля) 1889 г. возложилъ сербскую корону на главу юнаго короля Сербіи Александра.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Однажды утромъ Миловапову доложилъ лакей, что въ прихожей какой-то господинъ спрашиваетъ его, фамиліи-же своей не сказываетъ. Миловановъ вышелъ къ незнакомцу и спросилъ, что̀ ему угодно.

Средняго роста старикъ, худощавый, въ очкахъ, лѣтъ уже семидесяти, но съ добродушнымъ лицомъ и прекрасными глазами, сразу располагавшими въ его пользу, тихо и не только вѣжливо, а какъ-то особенно привѣтливо и ласково, вымолвилъ звучнымъ голосомъ, почти молодымъ:

— Вы-ли Юрій Ивановичъ Миловановъ?

— Точно такъ-съ.

— Позвольте познакомиться и позвольте просить доставить мнѣ удовольствіе видѣть ваше произведеніе, о которомъ дошли до меня слухи.

— Сдѣлайте милость, пожалуйте! засуетился Миловановъ.

Это былъ первый незнакомый посѣтитель, который являлся самъ, безъ приглашенія. И это обстоятельство особенно подѣйствовало па Милованова. Онъ еще не успѣлъ обдумать все значеніе этого случая, но смутно радовался.

Когда-то, въ Римѣ, не разъ представлялось ему и его женѣ, что въ Петербургѣ будутъ являться посѣтители даже съ улицы, понаслышавшись о его статуѣ... Такъ бывало, по крайней мѣрѣ, въ Римѣ, всякій день со всѣми художниками. Миловановымъ представлялось, что нѣчто подобное возможно и въ Петербургѣ.

Но здѣсь оказалось, что даже спеціалистовъ по этому дѣлу, знатоковъ, меценатовъ—и тѣхъ надобно приглашать—и не разъ,—чтобы заставить посмотрѣть на квартирѣ произведеніе неизвѣстнаго начинающаго художника. И вдругъ теперь является какой-то господинъ, уже старичокъ, на видъ почтенный, съ умными и хорошими глазами,—является самъ.

Миловановъ провелъ незнакомца въ гостиную, попросилъ садиться, а самъ побѣжалъ къ женѣ. Прасковья Андреевна тоже самодовольно улыбнулась.

— Кто-жь такой? спросила она.

— Не знаю, отозвался Миловановъ.

— Какъ-же ты не спросилъ его?

— Забылъ. На умъ не пришло.

— Иди! Прими его.

— Что-жь я одинъ? Иди и ты... А я покуда за ключемъ схожу... Не помню куда засовалъ.

Прасковья Андреевна вышла въ гостиную къ посѣтителю. Она хотѣла ужь отрекомендоваться гостю и сказать, что она жена Милованова, но тотъ не далъ ей заговорить и, протянувъ руку, вымолвилъ:

— Очень радъ видѣть васъ! Радъ поглядѣть на васъ! Я въ моей жизни встрѣчалъ такъ мало особъ съ твердымъ характеромъ и непреклонною волей, что, зная обстоятельства вашей жизни, мнѣ пріятно—не скрою этого — полюбопытствовать теперь познакомиться съ вами лично.

— Вы, вѣроятно, намекаете на мое замужество? произнесла, садясь около него, Прасковья Андреевна, но поневолѣ нѣсколько сухо, такъ какъ все сказанное гостемъ по своей формѣ, а главное неожиданности, непріятно подѣйствовало на нее.

— Точно такъ-съ! отозвался тотъ, кланяясь. — Но убѣдительно прошу васъ не принимать въ дурную сторону. Я говорю что̀ думаю. Повторяю вамъ, что вашимъ поступкомъ вы доказали твердость характера и воли. Вы ничего худаго не сдѣлали, но изо ста женщинъ девяносто девять побоялись бы поступить такъ, какъ вы. Всякій хочетъ быть счастливымъ на свѣтѣ, но счастье не дается, а завоевывается. И вотъ именно воевать-то ни у кого смѣлости и нѣтъ. Всякій ждетъ, какъ герой въ сказкѣ, чтобы ему на коврѣ-самолетѣ какая-нибудь жаръ-птица все принесла. А надо, чтобы коверъ-то самолетъ былъ у насъ вотъ здѣсь, показалъ онъ себѣ на грудь. — А вотъ у вашего супруга, какъ я слышалъ, коврикъ-то этотъ ужь и завелся... Сказываютъ, что вашъ ангелъ, обратился незнакомецъ къ Милованову,—такъ летитъ, что своимъ полетомъ предсказываетъ, что и вы сами далеко залетите. И давай Богъ! А вотъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами я и являюсь.

Незнакомецъ говорилъ тихо, но звучно,—медленно, но не потому чтобы искалъ словъ, а потому что оттѣнялъ каждое слово. И вся рѣчь его лилась какъ-то особенно. Неуловимые переливы въ голосѣ звучали гармонично.

— И такъ, сударыня, позвольте надѣяться, прибавилъ онъ,—что вы не гнѣваетесь на меня за мое откровенное слово.

— Нисколько! отозвалась Прасковья Андреевна.— Но я ничего, повторяю, особеннаго не совершила. Я, княжна Березопольская, вышла замужъ не за простаго дворового столяра, какъ про меня говорили въ Москвѣ, а за даровитаго художника. Да наконецъ, это былъ такой поступокъ, котораго я нисколько не скрываю, чѣмъ я, пожалуй, даже горжусь, тогда какъ всѣ всячески стараются избѣгать въ разговорѣ всего, что̀ можетъ быть намекомъ на мой поступокъ. И вотъ это умолчаніе, или избѣганіе больше оскорбляетъ меня. При мнѣ не говорятъ вообще о неравныхъ бракахъ, какъ не говорятъ о веревочкѣ въ домѣ повѣсившагося.

— Да! разсмѣялся гость и тотчасъ произнесъ чистымъ французскимъ выговоромъ ту же поговорку, а затѣмъ прибавилъ:—Не только объ веревочкѣ, но даже о пенькѣ и о льнѣ запрещается говорить.

Въ эту минуту вернулся Миловановъ, ходившій за ключемъ, чтобы отпереть горницу, гдѣ стояла статуя. Она бывала всегда заперта изъ боязни, чтобы прислуга не надѣлала какой-либо бѣды.

— Пожалуйте! произнесла Прасковья Андреевна, и въ ту-же минуту рѣшилась наконецъ вымолвить ту фразу, которая давно просилась на языкъ, но которую до сихъ поръ не удавалось ей сказать:

— Позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Гость, поднявшійся въ эту минуту съ кресла, опустилъ немного голову, слегка развелъ руками, помолчалъ мгновеніе и произнесъ:

— Убѣдительно, всепокорнѣйше, такъ сказать, душевно прошу васъ, сударыня, разрѣшить мнѣ не называть себя. Я знаю, что я обязанъ благоприличіями назваться, и если-бъ я предполагалъ, что буду имѣть честь познакомиться съ вами, то—говорю прямо—не пришелъ-бы... Мой разсчетъ былъ иной: придти въ качествѣ прохожаго съ улицы, спросить г. Милованова, поглядѣть на его ангела и уйти. Такъ дѣлается за-границей. Такъ дѣлалъ и я всегда во Франціи и въ Германіи. Тамъ можно смѣло стучать въ дверь всякаго художника, и онъ не заставитъ васъ показывать паспортъ. Такъ я и хотѣлъ поступить. И вотъ попалъ впросакъ! Но я надѣюсь на ваше снисхожденіе, убѣдительнѣйше прося васъ не заставлять меня назваться. Разрѣшите, по Соломоновски, вопросъ. Или же рѣшите его, какъ Александръ Македонскій съ хитроумнымъ узломъ. Если вы потребуете непремѣнно мое имя, то я долженъ буду уйти, не видавши вашего ангела, такъ какъ назваться я не могу. Позвольте прибавить, что я не останусь для васъ навсегда невѣдомымъ посѣтителемъ, нѣчто въ родѣ masque-de-fer. Со временемъ быть-можетъ все разъяснится...

Полина удивилась, но тотчасъ же нѣсколько измѣнила обращеніе съ гостемъ. Она сразу сообразила двѣ вещи, или сочетаніе двухъ обстоятельствъ. Предъ ней стоялъ несомнѣнно тонко-благовоспитанный и весьма просвѣщенный человѣкъ, какихъ она встрѣчала мало. А если онъ при этомъ не хочетъ сказаться, то имя его, вѣроятно, довольно, а то и слишкомъ громкое. Тѣмъ не менѣе, Прасковьѣ Андреевнѣ былъ непріятенъ его отказъ. Отъ него возникали какъ бы неравныя между ними отношенія. Незнакомецъ становился выше хозяевъ.

„Чтожь! такъ и слѣдуетъ! Вѣдь мы крѣпостные князя Березопольскаго!“ съ горечью подумалось ей вдругъ.

XXIV.

Всѣ трое прошли въ залу. Незнакомецъ сталъ предъ ангеломъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, постоялъ немного, потомъ тихо обошелъ кругомъ и, взявъ одинъ изъ стульевъ, стоявшихъ у стѣны, сѣлъ противъ статуи такъ, чтобы видѣть ее въ три четверти. Лицо его стало сосредоточенно, серьезно. Не смотря на то, что Прасковья Андреевна вся перешла въ глаза и силилась что-либо прочесть на лицѣ загадочнаго гостя, она ничего не могла узнать. Гость былъ только сосредоточенъ. Ни порицанія, ни похвалы, ни удивленія, ни пренебреженія—ничего не было на лицѣ его. Онъ только внимательно разглядывалъ статую.

— Говорятъ что взмахъ крыльевъ нѣсколько удался, произнесла Прасковья Андреевна.

Она нетерпѣливо желала получить хоть одно слово или подтвержденія, или отрицанія. Хоть что-нибудь, хорошее, или дурное, хотѣлось ей скорѣй узнать. Незнакомецъ внушалъ ей какое-то невольное къ себѣ уваженіе. Но онъ не отвѣтилъ...

— Какъ вамъ кажется правая рука? выговорила она снова.

Но, къ своему величайшему удивленію, даже нѣсколько уколотая, Прасковья Андреевна снова не получила никакого отвѣта. Сидѣвшій на стулѣ незнакомецъ бровью не двинулъ, какъ будто не къ нему обращались, даже болѣе: какъ будто онъ совсѣмъ не слыхалъ этихъ словъ.

Прошло около пяти минутъ. Въ горницѣ царило гробовое молчаніе. Прасковья Андреевна стояла уже задумавшись, понурившись, и безсознательно вертѣла на пальцѣ свое вѣнчальное кольцо.

Миловановъ стоялъ тоже, взглядывалъ по-очередно на сидящаго незнакомца, на своего ангела, на плечо и голову жены, стоявшей предъ нимъ, и изрѣдка тихо вздыхалъ. Онъ самъ не могъ понять, откуда и почему явилось вдругъ въ немъ тревожное ожиданіе, что̀ скажетъ этотъ невѣдомый посѣтитель. Онъ самъ не понималъ, почему мнѣніе этого господина для него будетъ важнѣе всего того, что̀ говорили или могли сказать прежніе посѣтители, художники-спеціалисты.

Неужели потому, что этотъ не сказываетъ своей фамиліи, является какъ-бы подъ личиной? Нѣтъ! А потому, что онъ внушаетъ что-то къ себѣ. Даже его лицо теперь, когда онъ смотритъ молча и сосредоточенно на этого ангела, говоритъ что-то Милованову. Онъ бы желалъ, чтобы всѣ всегда такъ-же смотрѣли на его дѣтище. Пускай они будутъ судить его произведеніе вкривь и вкось, осуждать, но пускай всѣ будутъ внимательно разглядывать его и „такъ“ смотрѣть, какъ „вотъ этотъ“ смотритъ. Этому можно потомъ даже и повѣрить, если онъ скажетъ, что одна рука толще, одно крыло короче, одна нога длиннѣе. Если онъ это скажетъ, то будетъ не обидно, а только страшно. Сердце забьется, потому что будешь чувствовать, что надо вѣрить и надо подчиниться этому суду.

Гость всталъ, тихо двигаясь обошелъ снова кругомъ статуи и наконецъ такъ вздохнулъ вдругъ, какъ если-бъ онъ все лѣзъ на высокую гору, достигъ макушки и можетъ наконецъ вздохнуть свободнѣе. Онъ поднялъ глаза на Милованова, потомъ подошелъ къ нему, протянулъ ему руку, крѣпко пожалъ и выговорилъ очень тихимъ голосомъ:

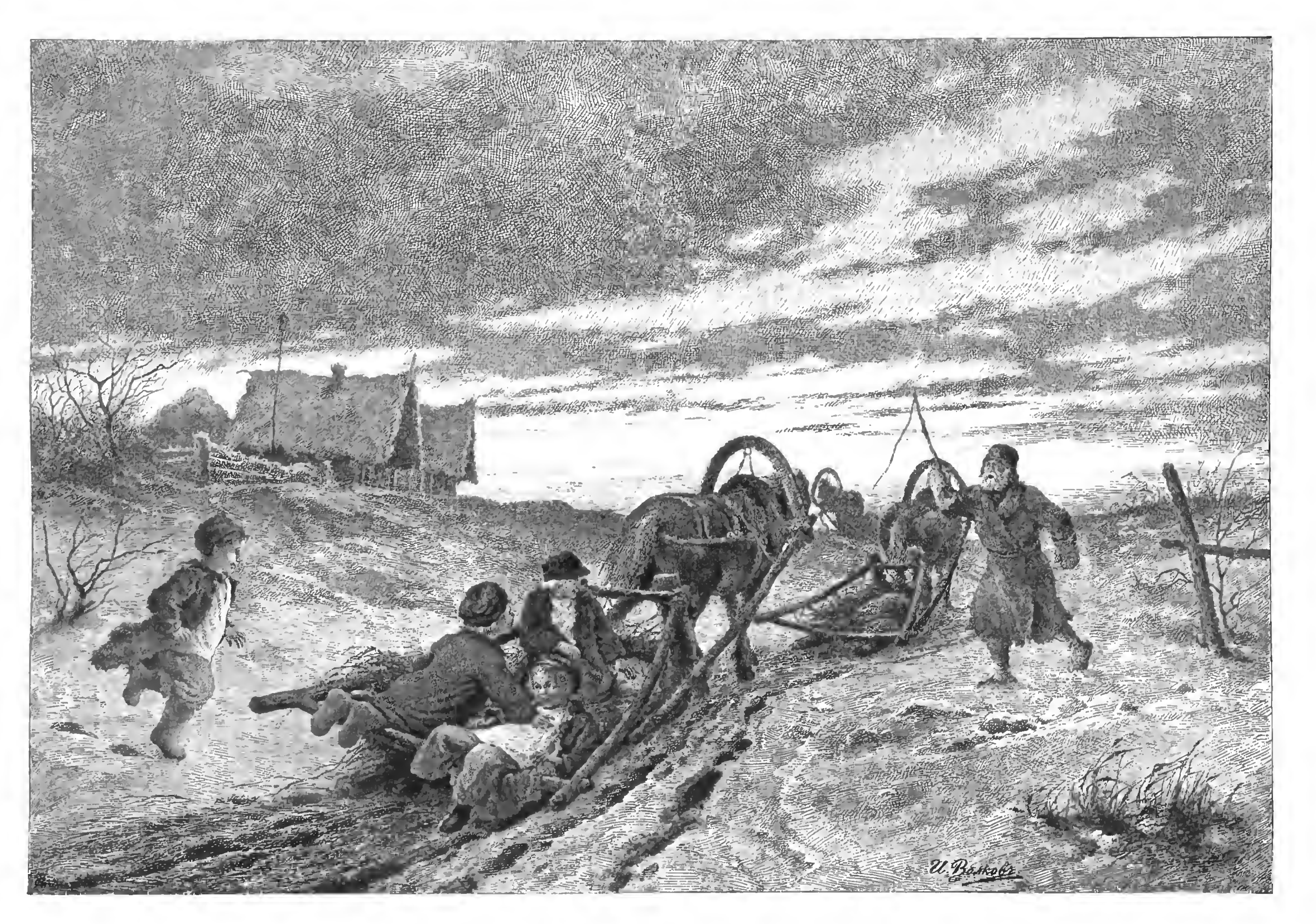
— Я не знатокъ настоящій, цѣнитель записной, что-ли... Я только со страстію люблю искусство, люблю и скульптуру, и живопись, и музыку. Кое-что въ жизни видалъ, подолгу, годами за-границей живалъ. И я безъ всякаго опасенія, смѣло говорю вамъ и утверждаю, что у васъ большой талантъ. Въ этомъ произведеніи есть недостатки, но я о нихъ говорить не хочу... Было-бы безстыдно и безчестно говорить о нихъ. Скажу вамъ почему безчестно и прошу не удивляться, прошу не считать мои слова безсмыслицей. Часто въ недостаткахъ начинающихъ художниковъ кроются тѣ будущія особенности таланта, которыя и дѣлаютъ ихъ великими художниками. То-же самое, что̀ является сначала въ видѣ недостатка, потомъ является въ видѣ качества. Есть одна особенность въ вашемъ ангелѣ, про которую всякій понимающій вамъ скажетъ, что она есть недостатокъ, порокъ, нѣчто не удавшееся, портящее общее впечатлѣніе. Но я ужь рѣшилъ этотъ вопросъ совершенно иначе. Если я мысленно избавлю вашего ангела отъ этого порока, то сразу отниму у него всю ту прелесть, которая разлита во всей фигурѣ, все то очарованіе, которое онъ производитъ. Такъ-ли, сякъ-ли, молодой человѣкъ, а вамъ надо работать, что-бы когда-нибудь мы — россіяне — могли вами гордиться, похвастать. А это будетъ!

Когда незнакомецъ кончилъ и поднялъ глаза на мужа и жену, то сразу смолкъ и отчасти удивился.

Миловановъ стоялъ предъ нимъ съ пылающимъ лицомъ; яркій румянецъ горѣлъ на его щекахъ, глаза блестѣли. А рядомъ съ нимъ стояла Прасковья Андреевна, которая именно и поразила гостя.

Женщина стояла мертво-блѣдная, съ помутившимся взоромъ и слегка вздрагивавшею губой. Прошло мгновеніе, посѣтитель приблизился къ ней, подалъ ей руку и вымолвилъ:

— Очень радъ! Не заслужилъ этой чести! Вы меня не знаете, а между тѣмъ мнѣ вѣрите. Именно не за-



На порожнякахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **И. Волкова,** грав. Ангереръ.

Находка. Рис. Шмитсбергенъ, грав. Аде.

служилъ я этой чести. И давай Богъ, чтобы я не ошибался! Да и не ошибаюсь я... Что жь, былъ всегда зрячій, а теперь ослѣпъ? Какъ можно? Да что̀ тутъ говорить! Вотъ онъ,—протянулъ гость руку на статую,—онъ самъ за себя говоритъ! Спасибо скажите, что зима на дворѣ, что двойныя рамы, а то пришли бы какъ-нибудь поутру, а его и нѣтъ! Улетѣлъ туда, гдѣ ему и быть слѣдуетъ! Въ синія небеса! И это, молодой человѣкъ, обернулся гость къ Милованову, — это главное въ вашемъ произведеніи. Главное то, что ангелъ вашъ не распустилъ крылья, стоя на одномъ мѣстѣ. Онъ летитъ, несется... И какъ это происходитъ на свѣтѣ, Господи помилуй! воскликнулъ онъ вдругъ оживляясь. — Вѣдь не видали же вы въ жизни летящихъ ангеловъ! Вѣдь не ворона же какая-нибудь, или голубь показали вамъ, какъ надо крылья расправлять!

И затѣмъ, помолчавъ мгновеніе, гость обернулся отъ статуи снова къ хозяйкѣ и выговорилъ тихо, слегка наклоняясь къ ней, будто по секрету отъ мужа:

— А вы глубоко чувствуете... Вы глубже чувствуете, чѣмъ вашъ супругъ.

Прасковья Андреевна вопросительно взглянула на него.

— Кто отъ радости блѣднѣетъ, кто отъ счастія мертвѣетъ, сударыня, тотъ глубже чувствуетъ, нежели тотъ, который зарумянится да скакать учнетъ. Горе бьетъ, а счастье гладитъ... Первое легче почуять. Ну-съ, позвольте просить у васъ позволенія побывать еще одинъ разъ, все-таки инкогнито, и привезти съ собой одного моего пріятеля. А теперь извините, мнѣ пора.

И черезъ нѣсколько минутъ гостя уже не было въ квартирѣ. Миловановъ, проводивъ его, заперъ комнату на ключъ и, положивъ его въ карманъ, пошелъ къ женѣ, которая уже была въ дѣтской. Онъ сѣлъ около нея, и нѣсколько минутъ они не проронили другъ другу ни слова.

Прасковья Андреевна была сильно взволнована, она не обманывала себя. Этотъ незнакомецъ внушилъ ей полное, безграничное довѣріе еще прежде своего сужденія. И это его сужденіе было для нея теперь судомъ академическимъ. Онъ сказалъ немного, не разбиралъ, какъ тѣ художники, красоту или уродство линій, не критиковалъ руки, ноги, складки савана. Онъ сказалъ только, что есть какой-то недостатокъ, который есть особенность таланта и изъ котораго можетъ выработаться главное качество этого таланта. Затѣмъ онъ сказалъ то, что̀ она сама и видитъ, и знаетъ, и чувствуетъ,—что ангелъ летитъ!..

Ей припомнилась шутка его о двойныхъ рамахъ, мѣшающихъ ангелу улетѣть на небо.

Она улыбнулась наконецъ, поглядѣла на мужа и вдругъ слезы полились по лицу ея.

— О чемъ же ты? произнесъ Миловановъ, испугавшись.

— Страшно, Юрій! упавшимъ голосомъ произнесла она. — Просто страшно! Я хочу вѣрить ему и боюсь... Чѣмъ больше я ему повѣрю, тѣмъ ужаснѣе будетъ потомъ узнать, что онъ, нехотя, такъ жестокосердно обманулъ меня. Когда разныя человѣческія мечтанія сбываются въ жизни, то страхъ душу охватываетъ! Точно будто привидѣніе, котораго, боясь, ожидалъ и которое вотъ оно... вдругъ мелькнуло, зашевелилось и идетъ на тебя.

— И кто онъ такой? вдругъ прибавила Прасковья Андреевна. — Кто онъ такой? снова почти вскрикнула она.—Вотъ что̀ бы знать надо! Мнѣ чудится, что онъ... не знаю, какъ и сказать... Онъ не простой какой-нибудь столичный обыватель. Онъ кто-нибудь... Можетъ-быть онъ... Ну, да что объ этомъ! Опять мои римскія мечтанія. Не государь же императоръ переодѣлся въ партикулярное платье, да пришелъ къ намъ пѣшкомъ поглядѣть на ангела!..

И Прасковья Андреевна глубоко задумалась. Миловановъ спросилъ у нея, пойдетъ-ли она, по обыкновенію, погулять пѣшкомъ, но жена не слыхала его и не отвѣтила ни слова. Она сидѣла въ такой позѣ и съ такимъ лицомъ, какъ еслибъ гость объявилъ прямо, что у ея мужа нѣтъ и тѣни дарованія, или если бы статуя вдругъ была найдена въ залѣ на полу, въ кускахъ, разрушенная и обезображенная невидимою рукой...

Незнакомецъ былъ правъ въ своемъ сужденіи и объ ней самой. Она глубже чувствовала. Счастье поражало ее какъ ударомъ...

XXV.

На другой день, въ ту же пору, въ квартиру Милованова явился другой гость. Точно такъ же вызвалъ онъ хозяина въ прихожую, такъ же вышелъ къ нему Миловано̀въ и точно та̀къ же получилъ вопросъ, но этотъ вопросъ озадачилъ и укололъ его.

Гость произнесъ:

— У васъ въ услуженіи находится дворовый человѣкъ Егоръ Миловановъ?

— Я самъ — Миловановъ, невольно и безъ причины смущаясь отозвался онъ.

— Вы сами? Такъ я и полагалъ. Изволите видѣть, дѣльце маленькое... Позвольте войти и объяснить.

И точно такъ же, какъ вчера, Миловановъ проводилъ гостя до гостиной.

Этотъ гость былъ противоположностью вчерашняго, антиподомъ. Онъ былъ высокій, плотный, съ грубыми чертами бритаго лица, остриженный подъ гребенку, съ синими очками на носу въ видѣ толстой красноватой фиги и съ глазами неизвѣстнаго цвѣта, скрывавшимися за очками. Но не смотря на темно-синія стекла, глаза эти глядѣли и непріятно пронизывали. Они будто спрятались тамъ, чтобы хитрѣе оттуда видѣть, лучше подглядывать, высматривать. Въ нихъ было что-то хищническое.

Прежде всего Миловановъ невольно замѣтилъ огромныя, грубыя, красноватыя руки гостя. На немъ были грязноватыя брыжжи у рубашки и довольно засаленный черный галстухъ, повязанный немного на-бокъ, высокій и тѣсный, сидѣвшій на шеѣ, какъ собачій ошейникъ. Сюртукъ былъ сильно потертъ по швамъ, съ сизымъ отливомъ на груди и плечахъ, съ пятнами на локтяхъ. Такіе же два сизыхъ кружка будто свѣтились на колѣнахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Миловановъ невольно чувствовалъ, что вмѣстѣ съ гостемъ появился въ горницѣ какой-то особенно непріятный запахъ, чего-то будто залежавшагося, плѣсенью отдающаго. Наконецъ, голосъ незнакомца былъ сиповатый, или отъ простуды, или отъ перепоя. Сѣвши на кресло у стола, онъ вынулъ изъ боковаго кармана сложенный листъ бумаги, положилъ его на столъ и разгладилъ толстою ланой.

Поднявъ на Милованова не глаза свои, едва видимые, а лишь синіе очки, онъ заговорилъ протяжно, будто мыча, а не произнося каждое слово. Милованову вдругъ показалось, что гость безобразно подражаетъ вчерашнему гостю. Ему показалось, что этотъ гость — не что иное, какъ каррикатура вчерашняго.

— Дѣльце простое, сударь мой, или дѣльце совсѣмъ необыкновенное—такъ доложу я вамъ. Все будетъ зависѣть отъ вашихъ показаній: разъясните вы намъ всѣ обстоятельства, или въ окончательномъ форменномъ видѣ все запутаете. Позвольте васъ просить отвѣчать правду, самую настоящую правду. Облыжнымъ маneромъ горю не пособите. Такъ ужь на чистоту все прямо и выкладывайте!

Миловановъ вспыхнулъ. Заграничная жизнь уже давно воспитала его настолько, что многое, чего прежде, въ Березопольѣ, онъ просто не замѣтилъ бы, теперь уже оскорбляло его.

— Я не понимаю, признаюсь, какой вы имѣете по-

водъ, холодно возразилъ онъ, — не слыхавъ отъ меня еще ни единаго слова, уже предполагать, что я отъ природы лгунъ? Желаю вамъ столько же лгать, сколько я лгу.

— Вы не обижайтесь, сударь. Съ вами о дѣлѣ толковать надо, а въ дѣлахъ нѣжности не допускаются. Позвольте опять спросить: вы Миловановъ? Вы сами...

— Да-съ.

— Егоръ, Ивановъ сынъ?

— Да-съ.

— Крѣпостной дворовый человѣкъ Рязанской губерніи, вотчины Березополье, помѣщика князя Березопольскаго, а нынѣ—по дарственной — приписной дворовый-же человѣкъ Рязанской-же губерніи, вотчины Прачешное, помѣщицы княгини Евгеніи Степановны Березопольской.

— Что?!.. проговорилъ Миловановъ, но такъ тихо, что гость не слыхалъ.

— Такъ-ли я сказываю? Отвѣчайте! спросилъ онъ.

— Что?!.. громче повторилъ Миловановъ, какъ-бы задохнувшись на мгновеніе.

Лицо его настолько измѣнилось, голосъ былъ такой странный, такъ дико прозвучалъ, что гость сталъ глядѣть на него, ничего не говорилъ и не отвѣчалъ, а только дивился перемѣнѣ въ сидящемъ передъ нимъ.

— Чему-же вы, позвольте спросить, удивились?

— Вы сказали, что я крѣпостной человѣкъ княгини Евгеніи Степановны?

— Да-съ.

— Откуда-же такая взялась? Когда?

— Кто?

— Откуда взялась такая княгиня Евгенія Степановна и какимъ образомъ могу я ей принадлежать?

— А вотъ-съ бумага! Тутъ все прописано. Я вамъ по бумагѣ и сказываю. Бумага изъ Рязанской палаты, пришла сюда къ намъ въ полицію. Съ ней вмѣстѣ и указъ вашей барыни, съ ея даже собственноручною подписью.

— Княгиня Евгенія Степановна! проговорилъ Миловановъ тѣмъ-же дикимъ голосомъ и какъ будто не гостю, а себѣ самому.—Евгенія!.. Какъ! дѣвчонка Евгенья, которая висла ко мнѣ на шею, отъ которой я насилу отвязался!.. Да какая-же она княгиня?.. Чья-же она жена?.. Неужто-же она вышла за Илью Петровича?

— Этого, сударь мой, я не знаю и это все совсѣмъ не любопытно. Какъ именуется супругъ княгини—мы не знаемъ и это до насъ не касается. У насъ бумага отъ Рязанской помѣщицы княгини Евгеніи Степановны Березопольской, а какъ именуется ея сынъ, братъ или дѣдушка, это до насъ не касается. Ну-съ, теперь извольте выслушать! Эта самая ваша помѣщица объявляетъ, что вы находитесь въ безвѣстной отлучкѣ безъ всякаго ея разрѣшенія, такъ сказать, въ бѣгахъ. И поэтому она проситъ разыскать васъ и водворить на жительство. И вотъ-съ я являюсь къ вамъ затѣмъ, чтобы объявить вамъ, что вы должны отправляться, не медля ни мало, домой по требованію вашей помѣщицы. Не исполнить сего приказанія вы не можете. Вы у насъ будете подъ наблюденіемъ—и въ случаѣ вашего укрывательства, или побѣга, мы васъ съ глазъ не спустимъ. Но тогда будетъ ужь много хуже! Теперь вы можете отправляться, какъ желаете. Денежки, я вижу, у васъ есть. Можете ѣхать хоть въ каретѣ. Если-же окажется на сихъ дняхъ, что денежки ваши и вся эта квартира и все такое добыто вами неправильно, убійствомъ или грабежомъ, то мы васъ совсѣмъ здѣсь прихлопнемъ и къ помѣщицѣ вашей не отпустимъ, а ужь будемъ судить.

— Что вы бѣлены объѣлись? вдругъ воскликнулъ Миловановъ такъ, что огромный чиновникъ даже вздрогнулъ на креслѣ.

— Позвольте! выговорилъ онъ, точно зарычавъ.—Я не позволю никому, а тѣмъ паче крѣпостному человѣку такъ со мной разговаривать.

— Такъ и вы не разговаривайте такъ, какъ вы сейчасъ говорили! Вы меня воромъ назвали... Жена моя—княжна Березопольская — бывшая моя, правда, помѣщица, и не только что здѣсь... а у нея огромное состояніе. И она княжна Березопольская, рожденная, настоящая, а не дворовая дѣвка, висѣльница, которая теперь попала въ княгини!

Миловановъ замолчалъ, но слегка поблѣднѣлъ и руки его дрожали. Чиновникъ тоже помолчалъ мгновеніе, но вдругъ тихо присвиснулъ.

— Фи-у!.. протянулъ онъ. — Какая исторія! Я думалъ, тутъ все спроста, а тутъ, такъ сказать, цѣлое жизнеописаніе Плутархово! И умомъ-то не прикинешь... Такъ вы сказываете, что ваша жена—княжна Березопольская, а эта самая княгиня, какъ ее тамъ, Евлампія Степановна—дворовая дѣвка? Могу сказать! Вотъ такъ промеморія! Тридцать семь лѣтъ на службѣ нахожусь, а этакой промеморіи не читывалъ и не слыхивалъ!.. Вотъ въ разныхъ жизнеописаніяхъ о приключеніяхъ всякихъ книжныхъ особъ обоего пола—подобное читывалъ... Такъ изволите видѣть, это все такъ оставить нельзя. Нѣтъ-съ. Вы говорите, иждивеніе у васъ есть. Состояніе у вашей жены большое. Коли была княжна,—понятно, большое! Стало-быть, денежки у васъ водятся. Ну-съ, такъ вы, сударь, не будьте, извините, дуракъ, себя не давайте въ обиду этой самой княгинѣ изъ дворовыхъ дѣвокъ. Это надо все обдумать! Вотъ что-съ! Я вамъ теперь ничего не скажу... А во-первыхъ-съ, позвольте вамъ доложить, что я желаю съ вами полнаго сердечнаго знакомства.

Чиновникъ протянулъ свою лапу. Миловановъ подалъ руку и тотъ крѣпко стиснулъ ее.

— Мы съ вами теперь стало-быть друзья! Я у васъ буду завтра, или, того лучше, приходите ко мнѣ, и мы потолкуемъ. Васъ, сударь мой, какъ крѣпостнаго человѣка, требуетъ къ себѣ помѣщица, княгиня. А сія вышереченная княгиня—дворовая дѣвка бывшая, такъ-ли-съ?

— Такъ.

— Ну-съ, вѣрю! Въ этомъ во всемъ я моимъ проницательнымъ служебнымъ окомъ вижу такую загвоздку, какихъ не видано и не слыхано. Это, сударь мой, такая загвоздка, отъ которой великое злополучіе и великое благополучіе произойти можетъ!

И лицо чиновника вдругъ засіяло, глаза такъ запрыгали, что даже сквозь синія стекла видно было ихъ ликованіе.

— Ну-съ, до завтра! Будете у меня?

— Непремѣнно, выговорилъ Миловановъ.

И невольно, самъ того не желая, прибавилъ вслухъ:

— Евгенія—княгиня Березопольская!..

— Такъ-съ, такъ-съ... Вотъ вы не вѣрите! Да и я бы вашей исторіи не повѣрилъ! А я, такъ сказать, не словамъ вашимъ, а голосу вашему и физіономіи вашей вѣрю. Больно ужь вы озадачились, да и опѣшили! Такъ милости просимъ ко мнѣ. Завтра мы съ вами придумаемъ для княгини этой... Степановны, ахтительные дуплетъ и карамболь... Это такъ у бильярдныхъ игроковъ прозывается. А я на бильярдѣ—мастеръ, какихъ нѣту. Я, сударь мой, желтаго съ карамболемъ по тремъ краснымъ и по двумъ бѣлымъ въ седьмую лузу кладу!

И гость громко, грубовато, но вмѣстѣ съ тѣмъ сиповато, расхохотался своей остротѣ. Черезъ минуту онъ уже спускался по лѣстницѣ дома, а Миловановъ шелъ къ женѣ, но остановился на полдорогѣ, схватилъ себя за голову и произнесъ вслухъ:

— Говорить-ли сейчасъ, или обождать? Перепугаешь на-смерть. А вѣдь она кормитъ... Такъ вотъ оно—ни слуху, ни духу не было отъ князя... Княгиня Евгенія Степановна!.. Да что-жъ это такое?.. Чертовщина какая-то! Князь женился на дворовой...

Но Миловановъ вдругъ запнулся и вымолвилъ упавшимъ голосомъ:

— А ты-то—что́?..

Пройдя къ женѣ, онъ пересилилъ себя, принялъ спокойный видъ и началъ исподволь готовить ее услышать страшную вѣсть.

Черезъ нѣсколько времени Миловановъ, не умѣя лгать или скрывать что-либо его волнующее, прямо передалъ извѣстіе женѣ.

Прасковья Андреевна не сразу поняла въ чемъ дѣло, а понявъ вскочила съ мѣста, измѣнившись въ лицѣ. Она долго стояла пораженная вѣстью, затѣмъ снова молча опустилась на стулъ, но лицо ея было искажено и блѣдное, какъ-бы перепуганное на смерть.

— Княгиня Евгенія Степановна Березопольская! Наша помѣщица! выговорила она наконецъ глухо.—Требуетъ насъ къ себѣ? Насъ? Своихъ дворовыхъ!

— Да, выговорилъ Миловановъ.—Вотъ и я такъ-то все повторяю. Кажется все это нелѣпицей. А какъ просто... Побывали въ храмѣ, помѣнялись кольцами... Вотъ и все... Да и ждать этого слѣдовало.

— Юрій, да знаешь-ли ты, что́ изъ этого можетъ выйти? Это погибель наша! Она тебя любила и любитъ. Теперь я все понимаю. Она... она не дала ему послать намъ документы... Да и замужъ за него пошла она, т. е. заставила на себѣ жениться, чтобы мстить тебѣ и мнѣ... Что-же будетъ теперь?

— Но почему-же мы ейные числимся, а не князевы? Вотъ чего я не пойму.

— Онъ продалъ ей, или подарилъ насъ... Тебя съ женой и... съ нимъ... съ нимъ!

Прасковья Андреевна показала на ребенка, и лицо ея исказилось гнѣвомъ.

— Она можетъ теперь продать насъ трехъ въ разныя руки, уморить его...

— Тогда я ее прирѣжу, выговорилъ Миловановъ, тихо и мѣняясь въ лицѣ.

— Ахъ, полно... Развѣ въ этомъ спасеніе!

Наступило молчаніе и длилось долго.

— Я кругомъ виновата. Я одна. Я вела себя какъ малое дитя. И теперь я должна спасти васъ, хотя-бы цѣною жизни. Васъ двухъ...

— Ты тоже не вѣсть что̀ болтаешь! вспылилъ Миловановъ.—Цѣною жизни... Умирать что-ли тебѣ?.. Мнѣ ее зарѣзать, если она насъ распродастъ въ разныя руки—еще понятное дѣло. А тебѣ что-то смертельное надумывать на себя—совсѣмъ даже неподходяще.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Прасковья Андреевна воскликнула раздражительно и странно смѣясь:

— Жениться на горничной дѣвкѣ, сдѣлать крестьянскую бабу—княгиней! Ай да просвѣщенный человѣкъ!

— Э-эхъ-ма!.. вздохнулъ укоризненно Миловановъ.— А мы-то?..

XXVI.

Разумѣется, на другой-же день Миловановъ отправился на совѣщаніе къ чиновнику. Столичный подьячій, или приказная строка, по имени Иванъ Захаровичъ Павлиновъ, у себя на квартирѣ оказался чѣмъ-то инымъ. Миловановъ не ожидалъ того, что́ онъ увидѣлъ. Онъ нашелъ большую квартиру, отдѣланную проще чѣмъ была его собственная, но все-таки, сравнительно съ фигурой подьячаго, богатую и щегольскую.

Войдя въ первую горницу, онъ былъ принятъ барыней лѣтъ пятидесяти, расфранченною въ пухъ. На порогѣ смежной комнаты онъ увидѣлъ двухъ уже не молодыхъ дѣвушекъ, высокихъ, худыхъ, чрезвычайно похожихъ на отца. Однако и въ горницахъ, и въ ихъ убранствѣ, въ фигурахъ и туалетахъ барыни и дочерей былъ какой-то особенный, странный отпечатокъ, сочетаніе чего-то крикливо-показнаго съ фальшивымъ и двусмысленнымъ. Никогда еще не случалось Милованову видѣть нѣчто подобное.

Хозяинъ вышелъ изъ своей комнаты въ темномъ халатѣ и туфляхъ и попросилъ гостя съ особенною любезностью и предупредительностью пожаловать къ нему въ кабинетъ.

Переступивъ порогъ и затворивъ за собой дверь, Миловановъ очутился въ грязной, закоптѣлой комнатѣ, гдѣ на столахъ, въ шкапахъ и на подоконникахъ лежали кипы бумагъ въ синихъ обверткахъ. Эта комната казалась какой-то канцеляріей, или даже архивомъ. Посрединѣ всего, предъ большимъ столомъ стояло большое, допотопное кресло. Въ него усѣлся хозяинъ, пригласивъ гостя сѣсть противъ себя.

Иванъ Захаровичъ объяснилъ Милованову, что онъ много обсуждалъ со всѣхъ сторонъ его „случай“, какъ онъ выразился, и пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло еще не пропащее. Только хлопотъ будетъ много и, конечно, предвидятся кое-какія траты. Онъ освѣдомился вскользь, какъ-бы мимоходомъ, сколько Миловановъ не пожалѣетъ за то, чтобы оказаться свободнымъ человѣкомъ. Такъ какъ этотъ не вполнѣ понималъ смыслъ рѣчей подьячаго, то Иванъ Захаровичъ объяснился на чистоту.

— Можно все уладить, сказалъ онъ,—но все дѣльце влетитъ вамъ тысченокъ въ пять непремѣнно, и если вы ихъ не желаете дать, такъ лучше и не начинайте. Все-таки истратите поневолѣ тысячу рублей, а она пропадетъ зря. Или на всѣ идите, или ни гроша не теряйте, а собирайтесь въ путь-дорогу, да, по добру, по здорову, съ супруженькой и ребеночкомъ отправляйтесь въ Рязанскую губернію на мѣсто жительства.

Миловановъ, разумѣется, отвѣтилъ, что средства у жены достаточныя и что они ничего не пожалѣютъ для того, чтобы избавиться отъ того невѣроятнаго положенія, въ какое попали.

Иванъ Захаровичъ повеселѣлъ сразу и сталъ подробно объяснять, гдѣ, у кого и какъ онъ считаетъ нужнымъ хлопотать. Но ему необходимо имѣть для смазки не менѣе тысячи рублей.

— А то и начинать ничего не стоитъ! Никакого толку не будетъ! заключилъ онъ.

Миловановъ отвѣтилъ, что скажетъ женѣ и, по всей вѣроятности, на другой-же день доставитъ деньги.

— Вы не безпокойтесь, не трудитесь. Я завтра къ вамъ самъ заѣду, весело заявилъ чиновникъ.—Ну-съ, больше намъ съ вами и разсуждать не о чѣмъ. Начнемъ кампанію, будемъ сражаться, какъ доблестные воины, и всѣ крѣпости штурмомъ возьмемъ!

На другой-же день Павлиновъ, дѣйствительно, явился къ Милованову и получилъ тысячу рублей на хлопоты.

И съ этого дня началось мытарство. Съ этого дня, почти каждый день являлись въ квартиру Миловановыхъ разные посланцы отъ коллежскаго асессора Павлинова; но все, съ чѣмъ они являлись, казалось Прасковьѣ Андреевнѣ какимъ-то вздоромъ, совершенно не нужнымъ и къ дѣлу не идущимъ.

Дней черезъ пять явился, однако, самъ подьячій спросить Прасковью Андреевну, имѣетъ-ли она понятіе о рязанскомъ чиновникѣ Иванѣ Леонтьевичѣ Скоровѣ. Она ничего не могла отвѣчать, но Миловановъ вспомнилъ, что это былъ тотъ самый чиновникъ, который когда-то хлопоталъ при сдачѣ его въ солдаты.

— Ну, вотъ-съ, въ этомъ вся и бѣда! заявилъ Иванъ Захаровичъ.—Этотъ самый Скоровъ—тамошняя рязанская піявка, пройдоха самый сущій, Іуда и антихристъ, взяточникъ, сутяга, изъ тѣхъ, знаете-ли, чиновниковъ, которыхъ-бы вѣшать слѣдовало...

— Но что-жъ намъ до него за дѣло? спросила Прасковья Андреевна.

— А такое намъ, сударыня, дѣло, что онъ пожало-

Финскій крестьянинъ. Съ карт. (право воспроизвед. въ гравюр. и проч. принадлеж. „Нивѣ“) Н. Кошелева, грав. Шюблеръ.

валъ сюда и здѣсь онъ находится! И ходатайствуетъ, по порученію княгини Березопольской, вашей помѣщицы.. Извините, на бумагѣ-то она все-таки-жъ помѣщица ваша. И вотъ онъ здѣсь приглядываетъ, подглядываетъ и разнюхиваетъ. И все то, что я подвизаюсь благоустроить, какъ честный исполнитель законовъ правосудія, влекомый сердцемъ къ справедливому разрѣшенію обстоятельствъ, удручающихъ мирныхъ гражданъ,—онъ, сутяга и ябедникъ, все мнѣ портитъ. Вотъ ужъ два дня, что мы съ нимъ, какъ два пѣтуха, уткнувъ головы въ землю, стоимъ и ждемъ кто первый подпрыгнетъ и кто кому шпорой глазъ выткнетъ. Въ этомъ-то теперь и все затрудненіе. И ждетъ онъ. Іуда Искаріотскій, что я первый подпрыгну, а онъ меня хлопнетъ. Мнѣ-то нельзя ждать, а онъ выжидаетъ, проклятый. Начни онъ дѣйствовать, мнѣ-бы было легче васъ защищать, а онъ ничего не дѣлаетъ. А какъ я что сдѣлаю, такъ онъ разстроитъ. Вотъ я и являюсь вамъ доложить подробно, какъ тутъ быть.

И Иванъ Захаровичъ объяснилъ, что этого самаго взяточника и подлеца Ивана Леонтьевича надобно закупить, а безъ этого ничего сдѣлать нельзя. И поэтому Павлиновъ, ссылаясь на свое безкорыстіе, попросилъ еще тысячу рублей на „закупку" рязанскаго стрекулиста.

Деньги, разумѣется, были ему тотчасъ-же переданы. Съ этого дня прошло около недѣли, и Миловановы не имѣли никакихъ извѣстій о томъ, въ какомъ положеніи находятся ихъ дѣла.

Наконецъ, однажды какой-то юный чиновникъ явился въ квартиру и передалъ Милованову приглашеніе отъ господина Павлинова пожаловать на другой день около полудня въ полицейское управленіе.

Миловановъ отправился и встрѣтилъ тамъ своего ходатая, а вмѣстѣ съ нимъ и рязанскаго подьячаго, котораго когда-то мелькомъ видѣлъ два раза. Они сѣли въ отдѣльную горницу и стали толковать о дѣлѣ.

Присмотрѣвшись къ обоимъ подьячимъ, губернскому и столичному, Миловановъ никакъ не могъ рѣшить вопроса, что это — два отчаянныхъ, заклятыхъ врага, которыхъ лишь дѣло заставляетъ бесѣдовать вмѣстѣ, или два пріятеля, предатели кого-то третьяго.

Совѣщаніе это кончилось тѣмъ, что Милованова попросили дать подписку о невыѣздѣ изъ города впредь до разрѣшенія. Миловановъ охотно подписалъ поданный листъ. Затѣмъ оба чиновника стали совѣтовать Милованову попросить свою жену явиться лично къ главному начальнику сыскной полиціи, который—лицо очень высокопоставленное и лишь временно завѣдуетъ этой частью.

— Отъ него не то что многое, а все зависитъ, заявилъ Иванъ Захаровичъ.—Онъ у насъ временный командиръ. Отъ него не зависитъ, конечно, чтобы вы получили отъ помѣщицы видъ на жительство, или-бы совсѣмъ стали вольнымъ, но отъ него зависитъ дозволить вамъ остаться въ городѣ. Или, если онъ захочетъ, то можетъ, по чьему либо наущенію, тотчасъ-же послать васъ въ Рязань съ семействомъ по этапу, какъ простаго крѣпостнаго человѣка.

— Такъ я и пойду его просить самъ, вызвался Миловановъ.

— Нѣтъ, сударь, это не годится. Онъ, доложу я вамъ, большой дамскій любезникъ—и лучше чтобы съ нимъ переговорила ваша супруга. Пускай она пожалуетъ сюда, спроситъ меня, а я ужъ устрою, что его превосходительство приметъ ее.

Миловановъ не обѣщалъ ничего положительнаго, но вернулся домой и передалъ женѣ свое впечатлѣніе и совѣтъ подьячихъ. Онъ невольно сознавался, что во всемъ образѣ дѣйствій обоихъ было что-то странное, недосказанное, была какая-то путаница. А главное, что бросалось въ глаза, это отношеніе двухъ стрекулистовъ между собой, невозможность сказать, опредѣлить, враги-ли они, или закадычные друзья.

— О чемъ-же я буду просить генерала? удивилась Прасковья Андреевна.

— О томъ, чтобы намъ позволили здѣсь жить впредь до выясненія всѣхъ обстоятельствъ, а то насъ могутъ выслать въ Рязань, даже по этапу.

— Но вѣдь съ тебя взяли подписку, что ты не выѣдешь, стало-быть, хотятъ насъ заставить здѣсь жить... И въ то-же время я должна просить, чтобы намъ дозволили здѣсь жить. Вѣдь все это странно, темно!

— Все темно... Темнѣе, чѣмъ когда либо. Но что-жъ дѣлать? разсудилъ Миловановъ.

На другой-же день Прасковья Андреевна, грустная, но холодно гордая, явилась въ то-же самое управленіе. Теперь только, въ первый разъ, начиналась сказываться тяжелая сторона того дикаго положенія, въ которое она себя поставила своимъ бракомъ.

Думалось-ли ей, княжнѣ Березопольской, что она будетъ когда-нибудь принуждена являться лично въ грязное, вонючее присутственное мѣсто и сидѣть на лавочкѣ рядомъ съ какимъ-то бродягой, захваченнымъ въ полицію за буйство. А теперь ей даже приходилось терпѣливо ждать, чтобы мелкій подьячій, по своей протекціи, провелъ ее къ какому-то важному генералу, который, во время оно, почелъ-бы себя, быть-можетъ, счастливымъ, еслибъ былъ принятъ въ домѣ ея отца.

XXVII.

Времени прошло не мало...

Иванъ Захаровичъ явился наконецъ и попросилъ госпожу Милованову перейти въ другую горницу, гдѣ была такая-же грязь, духота и вонь. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было разношерстнаго народа въ лохмотьяхъ, со странными, не то пьяными, не то испуганными лицами. Затѣмъ онъ вызвался сбѣгать доложить какому-то Порфирію Матвѣевичу, который во всемъ — властная рука, а тотъ уже устроитъ, чтобы его превосходительство тотчасъ принялъ госпожу Милованову.

Подьячій скрылся. Прасковья Андреевна осталась дожидаться и снова время шло томительно долго. Прошелъ цѣлый часъ. Мимо нея проходили, мелькали и шмыгали разныя фигуры, большею частію чиновники, письмоводители и писаря. Единственное утѣшеніе ея было въ томъ, что никто на нее не обращалъ никакого вниманія.

Наконецъ появился Павлиновъ, пригласилъ Прасковью Андреевну за собой и повелъ по крутой, грязной и вытоптанной ступнями лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ.

Тамъ оказалось нѣсколько чище, просторнѣе, и воздухъ былъ менѣе пропитанъ тѣмъ ѣдкимъ запахомъ невѣдомаго свойства, который, какъ пелена, нависъ въ горницахъ нижняго этажа.

Точь-въ-точь такой-же чиновникъ, какъ и Павлиновъ, тоже въ очкахъ, хотя не синихъ, нѣсколько опрятнѣе одѣтый, съ огромнымъ перстнемъ на пальцѣ, гдѣ сіялъ бриліантъ, принялъ Прасковью Андреевну, не подавая руки, ибо держалъ золотую табакерку и фуляровый носовой платокъ.

Попросивъ ее сѣсть, онъ, глядя черезъ столъ въ окно на сѣрое небо, попросилъ ее разсказать ему вкратцѣ, въ чемъ состоитъ ея дѣло.

Прасковья Андреевна разсказала.

— О чемъ-же вы хотите безпокоить его превосходительство? спросилъ онъ.

— О томъ, чтобы намъ не исполнять требованія госпожи Березопольской и оставаться въ Петербургѣ впредь до благополучнаго разрѣшенія всего этого дѣла. Такъ посовѣтовалъ самъ Иванъ Захаровичъ.

Чиновникъ ничего не отвѣтилъ, понюхалъ табаку, спряталъ табакерку, затѣмъ свернулъ фуляръ въ клубокъ, обтеръ себѣ носъ и, помолчавъ, выговорилъ:

— Да-съ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, „Коварство и любовь“ господина Шиллера. Вотъ, что представляютъ теперь на театрѣ! Извольте-съ. Сейчасъ доложу его превосходительству. Они теперь свободны. Но только я не отвѣтчикъ за то, что изъ всего этого выйдетъ, такъ какъ я въ сторонѣ, прибавилъ онъ, многозначительно взглянувъ въ лицо Прасковьи Андреевны.

Она замѣтила двусмысленность его взгляда, но значенія его не поняла.

А чиновникъ между тѣмъ думалъ:

„Денегъ жаль... На жилу Павлинова одного полагаешься, да на себя... А ничего ты не подѣлаешь. Не казиста больно, да и стара! Поди, небось, къ сорока годамъ уже подъѣхала! Будь смазлива — иное дѣло!..“

— Что жъ, извольте-съ, я пойду доложу! снова произнесъ онъ вслухъ. Но не двигаясь, будто ждалъ чего-то...

Прасковья Андреевна молчала, тоже ожидала и, удивляясь, глядѣла на него.

— Да, съ дамами дѣло имѣть куда непокладно. Все какъ-то трафится неопредѣлительно! Э-эхъ! грѣхи тяжкіе! выговорилъ онъ вдругъ, отодвинулъ свое кресло и, тяжело поднявшись, вышелъ изъ горницы.

Не прошло минуты, какъ онъ ужь вернулся назадъ и, сдѣлавъ движеніе рукой къ дверямъ, въ которыхъ остановился, выговорилъ:

— Пожалуйте, сударыня! Его превосходительство проситъ!

Онъ пропустилъ Прасковью Андреевну мимо себя, показалъ ей слѣдующую дверь и прибавилъ:

— Вотъ сюда пожалуйте! А обратно, будьте добры, вотъ въ эту дверь идите, показалъ онъ на другую.— Такъ прямо по парадной на улицу и выйдете. А коли будетъ вамъ какая нужда, или желаніе меня повидать, прибавилъ онъ, ухмыльнувшись, — тогда, милости просимъ, прежнимъ путемъ. Я завсегда здѣсь присутствую.

Прасковья Андреевна направилась къ двери, отворила ее и вошла въ просторный, просто, но хорошо отдѣланный кабинетъ. Переступивъ порогъ, она обдумывала не то, что̀ будетъ говорить, а въ какомъ тонѣ говорить ей: принимать ли видъ просительницы, или, напротивъ, женщины обойденной ябедниками и сутягами и защищающей свои естественныя права.

Ступивъ нѣсколько шаговъ и поднявъ глаза на фигуру военнаго, который двинулся къ ней навстрѣчу, она ахнула и замерла на мѣстѣ. Военный тоже остановился и вытаращилъ дикіе глаза.

Наступило молчаніе и длилось нѣсколько секундъ.

И тотъ, и другая были, очевидно, поражены чѣмъ-то внезапнымъ и невѣроятнымъ.

— Мое почтеніе! раздался знакомый Прасковьѣ Андреевнѣ голосъ, который невольно заставилъ ее вздрогнуть.

Предъ ней стоялъ не кто иной, какъ ея бывшій женихъ, генералъ Орвадзе. И сразу ей вспомнилась его когда-то безсмысленная и нелѣпая угроза. И вдругъ теперь эта угроза получила полный смыслъ.

— Ну, что жъ, все-таки сядьте! насмѣшливо выговорилъ Орвадзе, возвращаясь на свое мѣсто и показывая стулъ на довольно далекомъ разстояніи отъ себя.

Прасковья Андреевна двинулась, но чувствовала, что ноги у нея подкашиваются, въ головѣ становится темно. Она сѣла, съ трудомъ переводя дыханіе, но, однако, силою воли преодолѣла себя. Въ головѣ ея явилась мысль, что хоть этотъ злѣйшій врагъ ея, человѣкъ теперь власть имѣющій,—именно ту власть, подъ которой нечаянно очутилась она,—но тѣмъ не менѣе, вѣдь не одинъ же онъ на весь Петербургъ могущественный повелитель всего и всѣхъ.

— Ну-съ, княжна, то-бишь, выходитъ ужь не княжна, а какъ-то... что-то такое чудесное... Вѣдь вы, стало-быть, госпожа Милованова?

— Да, выговорила Прасковья Андреевна глухо, но твердо.

— Позвольте же мнѣ узнать... Я ничего и понять не могу! Мнѣ доложили, что какая-то дворянка, замужемъ за своимъ крѣпостнымъ, находится въ бѣгахъ. Помѣщица требуетъ водворенія на жительство. Такъ ли все это?

— Болѣе, или менѣе, произнесла Прасковья Андреевна.

— То-есть какъ это: болѣе или менѣе? Пребезсмысленное выраженіе! сухо вымолвилъ Орвадзе. — Вашъ мужъ — крѣпостной человѣкъ?

Прасковья Андреевна хотѣла было объяснить, какъ все произошло, но Орвадзе рѣзко перебилъ ее и выговорилъ:

— Я — человѣкъ занятой. Мнѣ некогда бабьи сказки выслушивать. Я у васъ спрашиваю: крѣпостной вашъ мужъ?

— Крѣпостной.

— А вы — его жена?

— Да.

— А помѣщица требуетъ, чтобы вы были водворены на жительство по мѣсту рожденія или приписки? Отвѣчайте.

— Да.

— Ну-съ, такъ и ступайте! И такъ какъ въ простомъ холопскомъ состояніи не полагается никакихъ ни вольныхъ, ни почтовыхъ, то вы и прогуляйтесь по образу пѣшаго хожденія...

— Стало-быть, вы хотите мнѣ теперь безчестно мстить, генералъ?

— Точно такъ-съ... Понять не трудно! И доложу вамъ, что я дѣйствую благороднѣйшимъ образомъ. Я бы могъ распорядиться съ вами совсѣмъ иначе. Я бы могъ на сихъ дняхъ, забравши въ полицію вашего бѣглаго мужа, просто выдрать его розгами, да и васъ съ съ нимъ прихватить, якобы по ошибкѣ... А видите ли, я васъ отпускаю. Вотъ то-то, сударыня! Кабы вы не пренебрегли когда-то воиномъ и генераломъ, такъ не были бы въ такомъ положеніи, не допрыгались бы до того чтобы быть холопкой. Вѣдь это только шалая, старая дѣвка могла выйти замужъ за своего крѣпостнаго двороваго! Я слыхалъ про эту вашу исторію, но никакъ не предполагалъ васъ увидѣть. Ну, что жъ — долгъ платежемъ красенъ! Отправляйтесь домой, завяжите узелочекъ на дорогу, да завтра на зарѣ вмѣстѣ съ мужемъ и маршъ по этапу къ своей барынѣ-помѣщицѣ. Верстъ тысячу отмахаете, будете помнить генерала Орвадзе. Ну-съ, милости просимъ!

И генералъ махнулъ рукой, показывая на дверь.

Прасковья Андреевна поднялась, хотѣла что-то сказать, но круто повернулась и пошла изъ горницы.

Выйдя на улицу и чувствуя, что голова у нея кружится, она прошлась немного пѣшкомъ. Когда она вернулась домой, то нашла у себя въ квартирѣ встревоженнаго и бесѣдующаго съ мужемъ Ивана Захаровича Павлинова.

Мужъ сидѣлъ съ измѣнившимся лицомъ.

Прасковья Андреевна сразу поняла, что угроза врага, вѣроятно, приняла уже иной видъ, въ родѣ оффиціальнаго распоряженія.

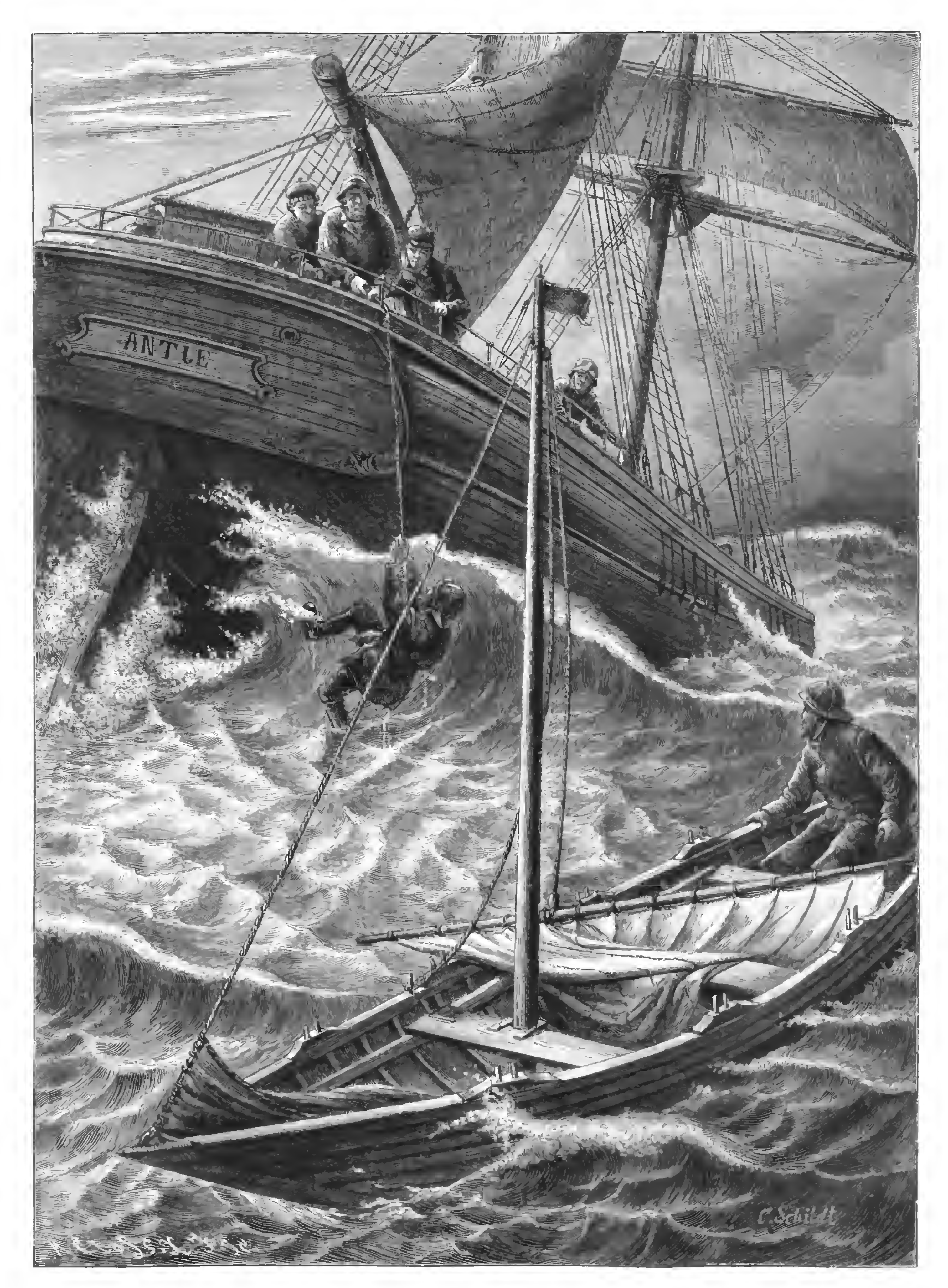
— Кабы знать да вѣдать! воскликнулъ Иванъ Захаровичъ при видѣ ея. — Не слѣдовало вамъ генерала и видѣть... Хуже вышло.

— Вы же посовѣтовали...

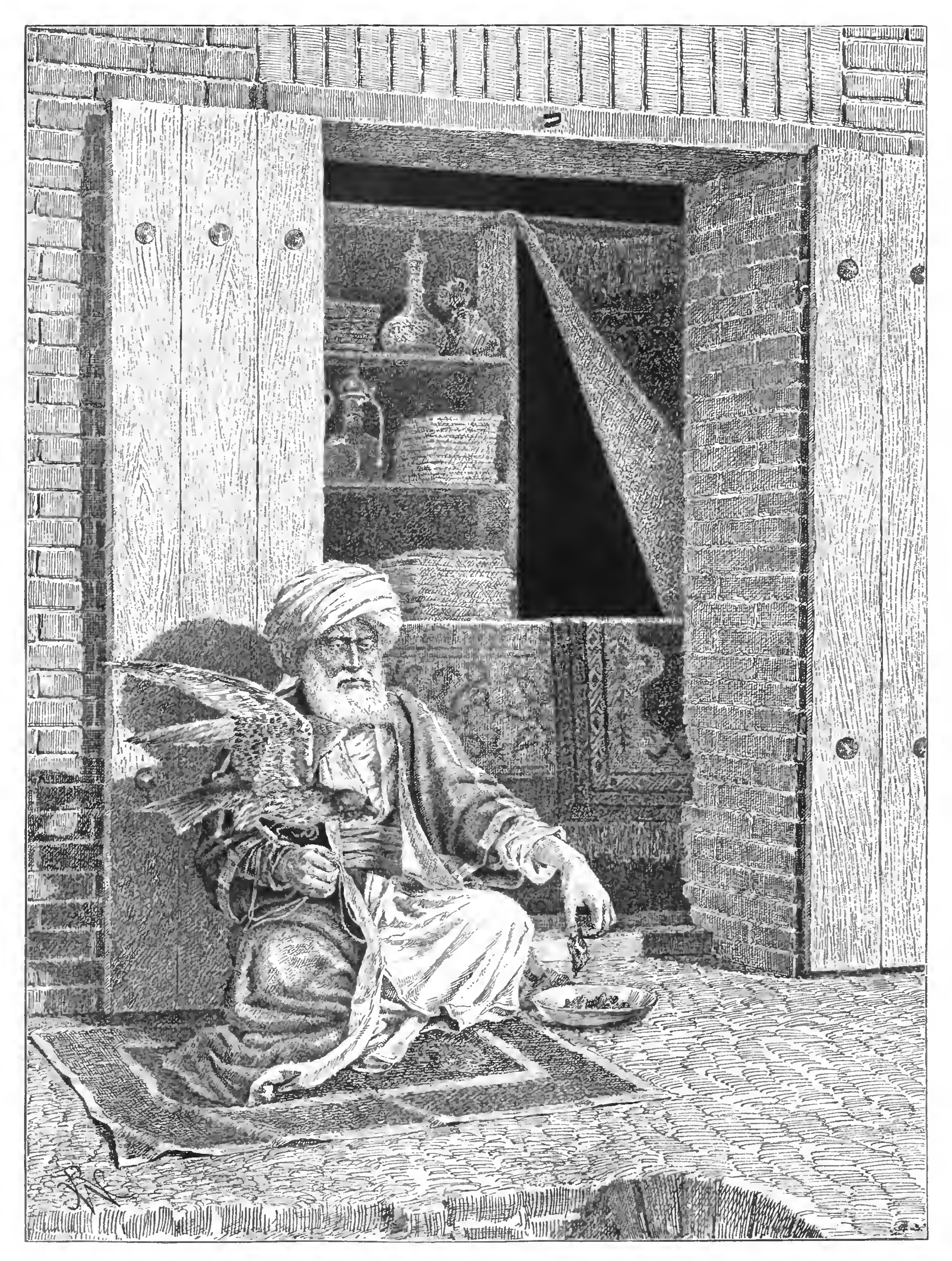
— Да-съ... Но могъ ли я предвидѣть что вы наскажете генералу дерзостей и онъ захочетъ васъ проучить за это, свою власть показать?.. Сами виноваты! Спѣси много...

Прасковья Андреевна удивленно поглядѣла на чиновника и не отвѣтила ни слова.

(Продолженіе будетъ).



Прибытіе лоцмана въ бурю у Норвежскихъ береговъ. Рис. Шильдтъ, грав. Клоссъ.



Мулла-купецъ въ Мервѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Радомскаго, грав. Ангереръ.

Дворняшка.

Разсказъ **Н. Станицкаго.**

(Продолженіе).

Поселясь жильцомъ въ домѣ Ирины Никитишны, Семенъ Ивановичъ боялся чѣмъ-нибудь огорчить ее, а она, сама не замѣчая, обходилась съ нимъ деспотически и срывала на немъ свое раздраженіе въ горестныя минуты своей непригладной старости. Семенъ Ивановичъ съеживался и не смѣлъ лишній разъ выйти въ кухню, когда Ирина Никитишна стирала, поднявшись съ пѣтухами въ тотъ день. А также когда она мыла полы, Семенъ Ивановичъ убѣгалъ изъ дому, чтобы не мѣшать Иринѣ Никитишнѣ, которая любила чистоту и порядокъ въ домѣ. Между тѣмъ Ирина Никитишна и Семенъ Ивановичъ такъ привязаны были другъ къ другу, что еслибы ихъ разлучить, то они пропали бы оба съ тоски.

Что было съ Семеномъ Ивановичемъ—трудно описать, когда, придя къ обѣду, сынъ вдовы принесъ газету, гдѣ было объявленіе о сбѣжавшей болонкѣ и назначена была награда 25 рублей тому, кто доставитъ ее по приложенному адресу.

— Вотъ съ, Ирина Никитишна, за блошивую-то собаченку какую награду даютъ! говорилъ Семенъ Ивановичъ, сидя за обѣдомъ.!

— Не болтайте, а ѣшьте!.. Мало ли полоумныхъ на свѣтѣ, которые швыряютъ деньгами! сердито отвѣчала Ирина Никитишна,—можетъ совсѣмъ не вашу собаченку и ищутъ-то.

Семенъ Ивановичъ читалъ примѣты и радостно повторялъ:

— Она-съ, она-съ, точка въ точку всѣ примѣты-съ!

Семенъ Ивановичъ безъ конца велъ разговоръ съ болонкой, въ этомъ родѣ.

— Хорошо что я вамъ, мадамъ, сегодня сдѣлалъ ванну, а то какъ бы я завтра васъ понесъ бы? Да-съ, опять будете сливочки лизать да по коврамъ бѣгать.. Послушайся я Арину Никитишну, выбрось васъ, и не видать бы мнѣ 25 рублей. Ай да мадамъ, не думалъ, что черезъ васъ такое счастье свалится на меня!

Эту ночь Семенъ Ивановичъ спалъ плохо, онъ часто просыпался, ощупывая съ нимъ-ли лежитъ болонка. Утромъ онъ долго дѣлалъ свой туалетъ, напомадилъ свои рѣдкіе съ проседью волосы, зачесалъ виски и сдѣлалъ хохолокъ. Надѣлъ вицъ-мундиръ и, завернувъ болонку въ полотенце, взялъ ее подъ шинель и, уходя, сказалъ Иринѣ Никитишнѣ:

— Несу-съ болоночку.

— Очень рада что уносите изъ дому эту дрянь!

— За дрянь-то 25 рублей награды даютъ-съ.

— Вилами писано на водѣ эти 25 рублей, морочатъ только такихъ какъ вы! Принесете собаченку, а денегъ не дадутъ, горячась сказала Ирина Никитишна.

— Что вы, что вы, Арина Никитишна, а въ газетѣ было пропечатано! воскликнулъ Семенъ Ивановичъ.

— Мало-ли что въ газетѣ можно печатать! Посмотрю, съ чѣмъ вернетесь, можетъ и рубля не дадутъ! Да если полтинникъ получите и то будетъ много, коли по правдѣ сказать! ворчливо говорила Ирина Никитишна и прикрикнула:—да идите, чего стоите!

Семенъ Ивановичъ однако волновался дорогой, думалъ: „а что если Ирина Никитишна будетъ права?“ Но онъ напрасно мучилъ себя, потому что, когда онъ принесъ болоночку по адресу, то ее встрѣтила хозяйка съ радостными возгласами и вручила ему сполна награду. Семенъ Ивановичъ прибѣжалъ домой какъ угорѣлый; отъ скорой ходьбы и волненія онъ не могъ ничего говорить, когда вошелъ въ кухню, а только махалъ ассигнаціей передъ глазами Ирины Никитишны и едва проговорилъ:

— Что-съ, полтинникъ?

Ирина Никитишна съ досадой отвернулась, проворчавъ:

— Шальныя деньги должно быть у нихъ.

Семенъ Ивановичъ имѣлъ видъ какъ бы хмѣльнаго человѣка; онъ сѣлъ на скамейку и сталъ разсказывать Иринѣ Никитишнѣ, рубившей мясо въ деревянной чашкѣ.

— Вы меня очень изволили смутить-съ, какъ я понесъ болоночку — полтинникъ дадутъ!.. Пришелъ я въ Моховую, нашелъ по адресу домъ-съ — громадный; швейцаръ усатый указалъ мнѣ идти по лѣстницѣ. Какъ дошелъ я до двери, страхъ меня взялъ, позвонилъ, какая-то барыня отворила мнѣ дверь и не чисто порусски спросила: — Кого мнѣ надо?.. Я ей показываю объявленіе въ газетѣ; болоночка какъ забарахтается у меня подъ шинелью, да завизжитъ. Барыня тоже взвизгнула, залепетала что-то, сама распахнула мою шинель, ахнула, отворила дверь, бросилась въ комнату и стала кричать, — звать должно быть кого-нибудь. Вбѣжала другая-съ барыня, схватила у меня болоночку, стала-съ цѣловать ее, у обѣихъ слезы на глазахъ отъ радости-съ. Румяная барыня что-то приказала другой барынѣ, та убѣжала и принесла мнѣ 25 рублей. Обѣ что-то мнѣ лепетали по своему, я ничего не понялъ-съ, раскланялся и ушелъ-съ.

Ирина Никитишна ни единаго слова не проронила, слушая разсказъ Семена Ивановича; ея лицо было хмуро, и она энергично рубила сѣчкой мясо.

Семенъ Ивановичъ всталъ и пошелъ къ выходной двери; Ирина Никитишна остановила его вопросомъ:

— Куда теперь-то идете? кажись не близкая дорога—въ Моховую и обратно!

— Я сейчасъ вернусь-съ, Ирина Никитишна, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.

— Деньги-то хоть оставьте дома, вѣдь у васъ совсѣмъ шальной видъ, долго-ли обронить ихъ, замѣтила Ирина Никитишна.

— Слава Богу-съ, отродясь гроша не обранивалъ, а тутъ такую сумму потеряю-съ. Я сейчасъ сбѣгаю-съ въ два мѣста, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ и скрылся.

Старушка проворчала: „сбѣгаю,—чай ноги-то едва приволокъ домой, сбѣгаю!“

Семенъ Ивановичъ вернулся и положилъ на кухонный столъ передъ Ириной Никитишной два фунта кофе, пять фунтовъ сахару и полфунта чаю, сказавъ при этомъ:

— Это отъ собачки-съ, кушайте-съ на здоровье-съ, Арина Никитишна.

Старушка покраснѣла и сердито на него взглянула, вообразивъ, что онъ хотѣлъ ее уязвить. Но она ошиблась: Семенъ Ивановичъ находился въ такомъ блаженномъ настроеніи, что ему въ голову не приходило язвить.

— Это-съ—показывая на коробку папиросъ — 250 штукъ папиросочекъ Володѣ. А это—кладя на столъ 2 рубля—Варенькѣ на калоши, чтобы ноги не промачивала.

— Мотъ вы, Семенъ Ивановичъ. Лучше бы сапоги себѣ купили, они у васъ давно каши просятъ, да шинель-бы на новую вату положили бы, а то какъ мерзлая кочерыжка приходите домой, все-таки ворчливо сказала Ирина Никитишна, стараясь подавить въ себѣ волненіе отъ подарковъ.

Семенъ Ивановичъ юркнулъ въ свою комнату, раздѣлся, все прибралъ и, облачась въ халатъ, сталъ считать деньги.

— Это на сапоги, это на поправку шинели!—и онъ задумался:—надо безпремѣнно купить бѣлья... все износилось... галстукъ весь истерся... Но вдругъ, спрятавъ деньги въ комодъ, произнесъ:—Нѣтъ, гроша изъ нихъ не потрачу—пусть онѣ лежатъ мнѣ на похороны. А то умру, такъ въ изъянъ введу Арину Никитишну и Володю. Они не захотятъ, чтобы меня какъ нищаго похоронила полиція—затянутся въ долгу, а ужь похоронятъ меня на свой счетъ!..

Съ этого времени Семенъ Ивановичъ, идя по улицѣ, участливо дѣлалъ вопросъ собачкамъ хорошей породы, которыхъ встрѣчалъ:

— Что, потеряла хозяина, ахъ, бѣдная!

Комнатныя собачки чувствительны къ ласкамъ, такъ что одинъ мопсъ отъ такого вопроса сталъ ласкаться къ нему, а Семенъ Ивановичъ сказалъ:

— Твоя воля, иди за мной, можетъ я и найду твоего хозяина.

И привелъ мопса къ себѣ.

Ирина Никитишна только замѣтила:

— Никакъ вы, Семенъ Ивановичъ, собачій притонъ у себя въ комнатѣ хотите устроить?

— Мопсикъ дорогой-съ, Арина Никитишна, навѣрно о пропажѣ его будетъ публикація въ газетѣ, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.

— Ну, батюшка, разлакомились больно, шальныхъ-то людей не много, сказала Ирина Никитишна.

— Кто заводитъ дорогихъ собачекъ-съ, Арина Никитишна, тотъ въ состояніи награды давать за нихъ-съ. Завтра сбѣгаю въ трактиръ и просмотрю объявленія въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*-съ, а Володя въ другихъ газетахъ-съ.

— По трактирамъ еще бѣгать станете? Этого недоставало!

— Да я-съ, Арина Никитишна, не бражничать буду, спрошу бутылочку пива и прочту объявленія-съ.

— Смолоду никогда по трактирамъ не шлялись, а теперь для собачёнокъ хотите бѣгать туда, ворчала старушка.

Съ какой гордостью и радостью черезъ два дня прибѣжалъ изъ трактира Семенъ Ивановичъ и объявилъ Иринѣ Никитишнѣ, что даютъ награды 15 рублей за мопсика, сбѣжавшаго такого-то числа.

— Графская собачка-съ, Арина Никитишна. Вѣдь это будетъ 40 рублей! Чего добраго, я накоплю-съ этимъ манеромъ на выигрышный билетъ, да 200 тысячъ выиграю-съ... вотъ заживемъ-то мы съ вами!

Старушка вскипятилась.

— Вы, Семенъ Ивановичъ, рехнулись, кажется! статочное-ли вамъ, въ вашемъ званіи, дѣло, собачникомъ дѣлаться? просто срамота!

— Чѣмъ же срамота, помилуйте-съ? Я даже доброе дѣло дѣлаю, призрѣваю заблудшихъ собачекъ, доставляю радость ихъ хозяевамъ, защищался Семенъ Ивановичъ.

— Это вы называете добрымъ дѣломъ! набросилась на него старушка. — Постыдитесь! Чинъ имѣете, тридцать пять лѣтъ состояли на государственной службѣ, пенсію получаете, а чѣмъ вздумали заниматься! Чего добраго, вы не найдете страннымъ и на паперти стоять; тоже и этимъ манеромъ наживаютъ себѣ деньги, да еще какія! горячась говорила Ирина Никитишна.

Семенъ Ивановичъ обидѣлся.

— Я-съ на паперти стоять не буду-съ, даже еслибы съ голоду умиралъ-съ! сказалъ онъ. — Спросите Володю, что ничего нѣтъ страннаго отъ богатыхъ людей получить награду за ихъ собачку. Я бы-съ и безъ награды доставилъ бы.

— Что мнѣ Володя! точно у меня своего разума нѣтъ!.. Идите, получайте деньги! срамитесь—не малолѣтній, сами должны знать, какъ свое званіе беречь, гнѣвно проговорила Ирина Никитишна и ушла изъ кухни.

Слова Ирины Никитишны отравили радость Семена Ивановича, и когда онъ понесъ мопса въ графскій домъ, онъ идя дорогой все разсуждалъ о томъ, что срамнаго, если онъ возьметъ 15 рублей награды,—вѣдь добрая воля людей заплатить ему за доставленіе сбѣжавшаго мопса... Радость доставляю. Какъ вонъ барыни обрадовались своей болоночкѣ! На 15 рублей исправлю шинель и куплю новые сапоги!..

И обращаясь къ мопсу, вертѣвшемуся у него подъ шинелью, онъ урезонивалъ его:

— Потерпи маленько, скоро и графскій домъ! обрадуются тебѣ, да и самъ ты обрадуешься, что опять заживешь въ холѣ...

Ирина Никитишна начала безпокоиться, что долго не возвращается домой Семенъ Ивановичъ, и сильно встревожилась, когда онъ не явился къ обѣду.

— Никогда этого не бывало, чтобы онъ даже запаздывалъ, говорила она сыну.

Тотъ успокоивалъ мать, но она въ безпокойствѣ разсуждала:

— Господи, ужь на радостяхъ не сидитъ-ли въ трактирѣ? Чего добраго — во вкусъ вошелъ шляясь по трактирамъ для своихъ собаченокъ.

Ирина Никитишна обрадовалась, увидавъ Семена Ивановича входившаго въ кухню, и сдѣлала ему вопросъ:

— Гдѣ это пропадали?

Семенъ Ивановичъ, ничего не отвѣтивъ, юркнулъ въ свою комнату.

— Семенъ Ивановичъ, идите ѣсть! крикнула ему старушка, наливъ ему тарелку щей.

— Благодарю-съ, я сытъ-съ! отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ какимъ-то необыкновеннымъ голосомъ, такъ что старушка распахнула дверь и увидала Семенъ Ивановича сидящаго въ шинели на диванѣ.

— Что съ вами? воскликнула она, ища глазами мопса.— Вѣрно не та собаченка? или вырвалась она у васъ изъ рукъ? Семенъ Ивановичъ моталъ головой.

— Господи, что такое стряслось! въ испугѣ воскликнула Ирина Никитишна.

— Обидѣли, жестоко обидѣли меня, Арина Никитишна! дрожащимъ голосомъ и со стономъ произнесъ Семенъ Ивановичъ.

— Кто васъ обидѣлъ, говорите! торопливо спросила Ирина Никитишна.

— Графское лакейство, слезливо отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ и несвязно, задыхающимся голосомъ разсказалъ, что когда онъ принесъ мопса, то лакеи взяли у него собаку и унесли наверхъ изъ швейцарской. А когда онъ сказалъ о наградѣ, то швейцаръ и другіе лакеи стали его гнать вонъ.

— И вы ушли? Ахъ вы, мокрая курица! гнѣвно воскликнула Ирина Никитишна.

— Помилуйте-съ, Арина Никитишна, какъ не уйти, когда швейцаръ—съ тамбуръ-мажора ростомъ, косая сажень въ плечахъ—отворилъ дверь и говоритъ: „Не награды тебѣ надо, въ полицію отвести за кражу собакъ". Я краду!..

Семенъ Ивановичъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Ахъ, онъ мерзавецъ! въ ярости вскрикнула Ирина Никитишна.—Что-же вы не пошли сейчасъ-же въ полицію пожаловаться на нахала? Какъ онъ смѣлъ чиновника назвать воромъ! Пойдемте со мной. Нѣтъ! Я покажу какъ онъ смѣлъ чиновника обозвать воромъ! Онъ поплатится за это!

— Нѣтъ-съ, Арина Никитишна, не безпокойте-съ себя. Ничего не подѣлаешь съ нахальнымъ лакействомъ—свидѣтелей постороннихъ не было, какъ я принесъ мопсика, а лакейство отречется.

— Къ самому графу пойдемъ, все разскажемъ.

— Не пустятъ-съ,—ихъ цѣлыхъ трое, кромѣ швейцара.

— Да хоть бы десять было, плевать на нихъ! негодовала старушка, какъ осмѣлились оскорбить честь Семена Ивановича.

— Ради Христа, Арина Никитишна, успокойтесь; я очень усталъ-съ, идти не могу-съ! съ мольбой сказалъ Семенъ Ивановичъ.

— А еще мужчина! проговорила старушка и ушла изъ комнаты, но не смотря на свое пренебрежительное замѣчаніе, она переполнена была жалости къ убитому горемъ Семену Ивановичу. Черезъ полчаса она вышла опять къ нему и повелительно сказала:

— Ну, что нюнить, идите поѣсть...

— Не могу-съ!

— Вздоръ какой! можно-ли оставаться безъ обѣда столько времени, идите! Раскисать-то не съ чего! Извѣстно, лакейство грубо, плевать на него!.. Идите!..

Семенъ Ивановичъ не смѣлъ ослушаться и пришелъ въ кухню, сѣлъ за столъ и дѣлалъ только видъ, что ѣстъ щи.

Ирина Никитишна участливо украдкой поглядывала на него и вздыхала. Она старалась развлечь Семена Ивановича, вспоминая прошлое изъ ихъ жизни. Поставила самоваръ, напоила его чаемъ и посовѣтовала ему лечь спать.

Дожидаясь вечеромъ возвращенія сына домой, Ирина Никитишна вязала чулокъ, прислушивалась и, покачивая головой, шептала:

— Не спитъ, экой бѣдняга! ну, теперь отобьетъ у него охоту таскать къ себѣ собаченокъ!

Но она ошиблась. Прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ случившейся катастрофы съ Семеномъ Ивановичемъ изъ-за мопса, какъ онъ разъ вернулся домой съ черною маленькою дворняжкой, очень уродливой: на коротенькихъ ножкахъ, съ торчащимъ однимъ ухомъ кверху, не по росту большимъ хвостомъ.

Ирина Никитишна въ ужасѣ воскликнула:

— Опять притащили собаченку?

— Вы ужь не сердитесь, Арина Никитишна, это я собственно для себя привелъ-съ, даже не буду и въ газету глядѣть.

— Еще-бы для такой подворотни станутъ тратиться на объявленіе, замѣтила Ирина Никитишна.

— Такъ она жалобно повизгивала, идя за мной, такъ ласкалась ко мнѣ, глаза у ней такіе...

Ирина Никитишна не дала ему болѣе говорить и строго сказала:

— Такъ и знайте, Семенъ Ивановичъ, первый разъ что ваша подворотня нагрязнитъ гдѣ-нибудь, только вы и видѣли ее! Придумалъ что—собаку себѣ заводить!

— Я съ дѣтства-съ, Арина Никитишна, очень собачекъ любилъ-съ.

— Мало что мы любимъ! прожили полвѣка безъ собакъ, а тутъ вдругъ вздумали обзаводиться ими, да еще подворотней! ворчала старушка и сердито добавила: — Проваливайте-ка къ себѣ съ подворотней, и если увижу ее въ кухнѣ, ухватомъ ее попотчую, да и за ворота.

Семенъ Ивановичъ въ своей комнатѣ читалъ наставленіе дворняжкѣ:

— Смотри, носу не показывай въ кухню!.. Да, не казистой ты породы, разсматривая собаченку, говорилъ Семенъ Ивановичъ,— ухо-то одно вишь какъ торчитъ, а другое, какъ тряпка, внизъ.— Дворняжка смотрѣла ему въ глаза и повизгивала. — Вина не твоя, что такой уродилась, не всѣмъ счастье посылается, не отъ насъ зависитъ быть красивыми, да богатыми!

И Семенъ Ивановичъ долго философствовалъ на эту тему.

Отъ скуки Семенъ Ивановичъ занялся обученіемъ дворняжки: заставлялъ ее служить на заднихъ лапахъ. Дворняжка выказала большую понятливость, и ея хозяинъ усердно продолжалъ ея образованіе. При словахъ: „ахъ, бѣдная, лапку тебѣ отдавили", дворняжка скакала на трехъ лапахъ; „умри", говорилъ Семенъ Ивановичъ,—дворняжка растягивалась по полу и не шевелилась. Семенъ Ивановичъ клалъ дворняжкѣ на носъ кусочекъ хлѣба и произносилъ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, ѣсть!" собаченка ловко ловила съ носу кусочекъ. Выучилъ онъ дворняшку подавать себѣ туфли по утрамъ и прятать ихъ въ уголокъ, когда снималъ ихъ. И такъ занимала его дворняжка, что онъ по цѣлымъ днямъ бесѣдовалъ съ ней.

Старушка иногда не вытерпитъ, крикнетъ ему изъ своей комнаты:

— Вы, Семенъ Ивановичъ, словно малый ребенокъ возитесь со своей подворотней! Хоть бы носки выучились вязать, чѣмъ съ подворотней заниматься.

Семенъ Ивановичъ далъ дворняжкѣ имя „Жучекъ".

— Ты изъ простаго званія, такъ не подобаетъ тебѣ мудреной клички: Трезора или Фингала. Ты черный, ну и будь „Жучекъ".

Сынъ старушки снова расшевелилъ въ Семенѣ Ивановичѣ желаніе добывать деньги легкимъ способомъ. Приходя со службы подшучивалъ надъ нимъ, сочиняя ему, что будто бы то одинъ его знакомый получилъ большую награду за приставшую къ нему собаку, то другой.

Семенъ Ивановичъ, къ отчаянію Ирины Никитишны, навелъ къ себѣ еще двухъ собаченокъ, приставшихъ къ нему. Бѣгалъ въ трактиръ читать объявленія, наказывалъ Володѣ просматривать въ другихъ газетахъ—нѣтъ-ли публикаціи о нихъ, но, къ его огорченію, ни объ одной изъ его собачекъ не было объявленіи. Ирина Никитишна злилась и страшно пилила его, хотя собаченки вели себя примѣрно и сидѣли въ комнатѣ Семена Ивановича, ничѣмъ не безпокоя ее.

Вернемся къ позднему вечеру, когда старушка и Семенъ Ивановичъ задремали и очнулись отъ стука въ ставню.

Собаченки залаяли. Старушка торопливо поплелась отворять калитку, а Семенъ Ивановичъ стыдилъ своихъ собаченокъ:

— До сихъ поръ не умѣете отличить, что свой стучится. Вонъ Жучекъ, даромъ что низкаго происхожденія, а давно пересталъ лаять, напротивъ — хвостомъ привѣтствуетъ возвращеніе домой Володи. Барышня, перестаньте, неприлично такъ надрываться. Мнѣ изъ-за васъ достается и такъ отъ Ирины Никитишны, а вы еще лаете!

Когда вошелъ въ комнату Володя и сталъ раздѣваться, то Семенъ Ивановичъ спросилъ его черезъ перегородку:

— Нѣтъ-ли, Володя, подходящаго объявленія?

— Нѣтъ! отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Семенъ Ивановичъ съ участьемъ спросилъ:

— Эхъ, тебя сегодня долго продержали!
— Да еще дали кучу работы, цѣлую ночь просидишь за ней, досадливо сказалъ молодой человѣкъ, двигая стулъ, усаживаясь у письменнаго стола.
— Ты бы бросилъ ходить въ страховое общество; съ твоимъ умомъ, да ученостью, слава Богу, найдешь себѣ другое занятіе, говорилъ Семенъ Ивановичъ.
Горькая улыбка показалась на утомленномъ лицѣ молодаго человѣка, и онъ отвѣчалъ:
— Ну, Семенъ Ивановичъ, теперь люди и съ университетскимъ образованіемъ сидятъ безъ работы, а не только съ моимъ—гимназическимъ.
Семенъ Ивановичъ глухо сталъ кашлять. Вошла Ирина Никитишна съ тарелками, поставила ихъ на столъ и сказала сыну.
— Ты поѣшь, а потомъ садись за работу.
— Послѣ, теперь не хочу! отвѣчалъ молодой человѣкъ и сталъ выкладывать изъ портфеля бумаги и разбирать ихъ.
Старушка усѣлась па кончикъ стула и принялась вязать чулокъ, тревожно и украдкой посматривая на сына, который сталъ писать.
Семенъ Ивановичъ кашлялъ.
— Слышишь, какъ бухаетъ? тихо произнесла старушка.—Все изъ-за блошивыхъ своихъ собаченокъ. Какъ онъ тамъ хочетъ, а я ему сегодня сказала, коли желаетъ псарню имѣть, такъ пусть перебирается отъ насъ куда знаетъ.
— Мама, да что съ вами! укоризненно произнесъ сынъ.—Сослуживецъ отца, столько лѣтъ мы его знаемъ, а вы его гоните?
— Тебя цѣлый день дома нѣтъ, а у меня на глазахъ, что онъ продѣлываетъ: на морозѣ стоитъ по получасу, простуживается. Деньги тратитъ на молоко собакамъ, да на супы, а самъ который день сидитъ безъ чая, да еще хитритъ, въ пустой чайникъ нальетъ изъ самовара кипятку и понесетъ къ себѣ въ комнату.
— Полноте, оставьте его въ покоѣ.
— У тебя тоже много ума! Оставить его въ покоѣ,—да онъ сляжетъ! Изводитъ себя изъ-за собакъ, а его дури потакать?. Нѣтъ, надо его пугнуть, пусть опамятуется!
Сынъ ничего на это не отвѣтилъ и продолжалъ писать. Старушка нѣсколько минутъ молчала и запинаясь спросила:
— Жалованье получилъ?
— Завтра получу... только двадцать рублей, а пять рублей на юбилей..
Старушка не дала сыну договорить громко въ отчаяніи воскликнула:
— Господи, да давно-ли также былъ сборъ, теперь опять! Отецъ служилъ двадцать лѣтъ, никакихъ такихъ поборовъ не было!
— Ахъ, мама! съ досадой отвѣчалъ сынъ — Вице-директору устраиваютъ юбилей, что-же мнѣ одному изъ всѣхъ подымать исторію?
Старушка, подавляя слезы, произнесла:
— Въ лавки надо долгъ заплатить, дровъ нѣтъ, и такъ два дня не топила здѣсь печь при такой стужѣ на дворѣ.
— Получу черезъ недѣлю изъ страховаго общества жалованье, сказалъ молодой человѣкъ.
— А ты забылъ, что черезъ двѣ недѣли за Варю надо внести въ гимназію?
И у старушки потекли слезы ручьями. Сынъ бросилъ перо, облокотился локтями о столъ и сжалъ голову. Старушка, вся дрожа, глотала слезы и въ испугѣ смотрѣла на сына.
Семенъ Ивановичъ кашлялъ въ подушку.
Старушка встала, подошла къ сыну, обняла его голову и, припавъ къ ней губами, проговорила:
— Не сердись! тебѣ тяжело, а мнѣ-то каково? Ну, да Богъ милостивъ, извернемся какъ-нибудь. Ты прости меня, извѣстно подъ старость человѣкъ дѣлается ворчливъ и нетерпѣливъ... Прежде ты не видѣлъ мои слезы изъ-за недостачи денегъ. Это отъ старости,—ты не огорчайся!
И старушка поцѣловала сына въ голову.
— Вы-то сами не огорчайтесь!
— Вотъ поплакала и веселѣе стало! сказала старушка.—Ты бы поѣлъ, заснулъ, всталъ бы пораньше и поработалъ бы.
— Вы бы сами-то пошли да легли. ужь поздно; вы вѣдь раньше всѣхъ встаете.
— Пойду. пойду! сказала старушка, перекрестила сына и поплелась за перегородку.
Молодой человѣкъ принялся опять писать. Было уже два часа ночи, когда молодой человѣкъ окончилъ работу и усѣлся за ѣду: дверь тихо отворилась и Семенъ Ивановичъ, высунувъ голову, шепнулъ:
— Спитъ?
Молодой человѣкъ кивнулъ головой. Семенъ Ивановичъ, въ однихъ носкахъ, осторожно подошелъ къ столу, съ участьемъ заглянулъ въ лицо молодому человѣку и шепотомъ сказалъ:
— Не огорчайся, братецъ, извернемся. Ты чай думалъ, я потратилъ всѣ деньги, что получилъ за мадамъ? Двадцать рублей цѣлехоньки лежатъ,—ты ихъ и возьми.
Молодой человѣкъ отвѣтилъ.
— Вамъ самимъ деньги нужны.
Семенъ Ивановичъ замоталъ руками, чтобы онъ тише говорилъ, и прошепталъ·
— Кровно обидишь, если не возьмешь. лежатъ же онѣ понапрасну. На что мнѣ деньги? и указавши на перегородку. добавилъ:—Успокоится!
— Хорошо послѣ поговоримъ! произнесъ молодой человѣкъ.
И подойдя къ письменному столу, оторвалъ кусокъ отъ газеты, въ которой была завернута въ трубку бумага и, подавая его Семену Ивановичу, сказалъ:
— Возьмите кусокъ говядины своимъ собакамъ. да и ложитесь спать.
Семенъ Ивановичъ, взявъ обрывокъ газеты, завернулъ говядину и прошептавъ·
— Засни спокойно, завтра деньги дамъ, зажалъ себѣ ротъ и, поспѣшивъ уйти въ кухню, сталъ тамъ кашлять.

(Оконч. въ слѣд. №)

Измѣненія характеровъ въ мірѣ животныхъ.

Естественно-историческій очеркъ *Л. Гашерта.*

Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что въ мірѣ высшихъ животныхъ приходится встрѣчаться иногда съ поразительными измѣненіями вкусовъ и склонностей. Въ послѣднее время было обращено особое вниманіе на измѣненія въ области *вкуса*; и дѣйствительно, сдѣланныя наблюденія. какъ надъ животными плотоядными, внезапно обратившимися къ растительной пищѣ, такъ и наоборотъ надъ травоядными, перешедшими отъ растительной пищи къ пищѣ животной, несомнѣнно доказали существованіе любопытнаго явленія, выражающагося въ рѣзкихъ перемѣнахъ склонностей, характера и потребностей животнаго. Приводимые ниже примѣры нагляднѣе всего покажутъ несомнѣнное существованіе такого явленія.

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала La Science держалъ у себя трехъ балтиморскихъ скворцовъ (Icterus Baltimore), принадлежащихъ къ чистѣйшему типу зерноядныхъ. Птицы долгое время находились въ заключеніи и получали въ изобиліи ту пищу, къ которой привыкли отъ рожденія. Но вдругъ онѣ перестали притрогиваться къ поставленному имъ корму; онѣ замѣтно тощали, но тѣмъ не менѣе отказывались отъ пищи. Тогда владѣлецъ, не зная чѣмъ поддержать жизнь птицъ, попробовалъ бросить одной изъ нихъ кусочекъ мяса. Балтиморъ съ жадностью проглотилъ его и сталъ выражать желаніе получить еще. Два другіе послѣдовали его примѣру и, не колеблясь, хватали бросаемые имъ кусочки мяса. Съ этой минуты наклонности птицъ совершенно измѣнились: изъ зерноядныхъ, онѣ сдѣлались плотоядными. Съ тѣхъ поръ, какъ только ихъ владѣлецъ собирался снимать кожу съ какого-либо убитаго животнаго, чтобы приготовить чучело, птицы спѣшили къ нему. Одна садилась на правую руку, другая—на лѣвую, третья—на самое животное, и съ жадностью ожидали перваго удара анатомическаго ножа. Вернуть ихъ къ прежнему образу пищи не удавалось больше никогда.

Другое интересное наблюденіе сдѣлано г. М. Лортэ, надъ живущей въ долинѣ Кедрона породою *амидрусовъ* (Amydrus-Vögeln), отличающихся превосходнымъ пѣніемъ и умными, выразительными глазами. Ученый путешественникъ привезъ нѣсколько такихъ птицъ въ Ліонъ и однажды, мѣняя воду въ акваріумѣ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что птицы съ величайшимъ интересомъ слѣдятъ за его движеніями. Г. Лортэ заключилъ отсюда, что онѣ хотятъ испробовать рыбокъ и далъ имъ нѣсколько штукъ въ видѣ опыта. Амидрусы, никогда до прибытія во Францію не видавшіе рыбы, стали истреблять ее такъ охотно, что съ тѣхъ поръ отказываются отъ всякой другой пищи. Они берутъ рыбу изъ рукъ хозяина, уносятъ ее въ свою ванночку для питья, убиваютъ ударомъ клюва и рвутъ на мелкія части, прежде чѣмъ употребить въ пищу. Лортэ выражаетъ удивленіе, что птицы, происходящія изъ самой сухой и каменистой мѣстности въ мірѣ, гдѣ никогда не водилась рыба, вдругъ стали проявлять такую жадность къ этого рода пищѣ. Но замѣчательнѣе всего то, что онѣ сами по себѣ, безъ всякаго посторонняго давленія, пожелали перейти отъ растительной пищи къ животной.

Если уже два вышеприведенныхъ случая наводятъ на размышленіе, тѣмъ болѣе поражаетъ фактъ, передаваемый I. Романесомъ въ его превосходной книгѣ: „Умственное развитіе въ мірѣ животныхъ“. На Новозеландскомъ архипелагѣ водится особый видъ попугаевъ (Nestor), который вьетъ гнѣзда не на деревьяхъ, а на землѣ, и отличается необыкновенно острымъ, крѣпкимъ, загнутымъ въ видѣ серпа, клювомъ, съ сильно выступающею верхнею челюстью. При помощи этого клюва, который могъ бы служить прекраснымъ орудіемъ нападенія или защиты, Nestor вырываетъ изъ земли сочные коренья, которыми и питается съ придачей различныхъ зеренъ плодовъ и травъ. Одинъ изъ видовъ этой породы попугаевъ, а именно Nestor notabilis или, по мѣстному названію, *кія*, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ пользоваться своимъ клювомъ какъ кинжаломъ. Онъ не-

Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

рестал питаться кореньями и плодами и употребляетъ въ пищу мясо убиваемыхъ имъ жертвъ, сдѣлавшись такимъ образомъ бичемъ всей страны. Перемѣна произошла слѣдующимъ образомъ:

Привезенныя на острова Новой Зеландіи овцы размножались тамъ такъ же сильно, какъ и всѣ вывозимыя изъ Европы въ Океанію животныя. Вслѣдствіе крайняго обилія мяса, имъ мало дорожили и часто выбрасывали куски мяса, вмѣстѣ съ плохо очищенными костями. Кія, одаренный, какъ и всѣ попугаи, необычайной смѣтливостью, быстро сообразилъ какое значеніе можетъ имѣть новая статья потребленія для поддержанія его рода. „Случай дѣлаетъ воровъ", говоритъ пословица.

Впервые, въ 1868 г., было замѣчено, что кія собираются вблизи боенъ и здѣсь, среди отбросовъ мяса, отыскиваютъ куски нѣжнаго сала, находящагося близь почекъ. Зрѣлище это служило забавой и возбуждало удивленіе зрителей; кто могъ предполагать тогда, къ чему приведетъ невинное самоуслажденіе вполнѣ безвредныхъ птицъ, служившихъ до тѣхъ поръ лишь для удовольствія человѣка? А между тѣмъ, птицы успѣли пристраститься къ салу, и уже пренебрегали свойственною имъ отъ рожденія пищей; а такъ какъ выбрасываемые остатки не могли удовлетворить ихъ прожорливости, онѣ стали нападать на живыхъ овецъ. Кія садится на спину несчастнаго животнаго, вырываетъ ему шерсть, разрываетъ своимъ страшнымъ клювомъ кожу и мускулы и добирается наконецъ до лакомаго почечнаго сала. Овцы не переживаютъ конечно такой жестокой операціи.

Мы видимъ здѣсь примѣръ того, какъ извѣстная порода, оставаясь въ той же мѣстности, избираетъ себѣ новый способъ питанія и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣняетъ свой образъ жизни. Къ несчастью, эта перемѣна дѣйствуетъ такъ благопріятно на попугаевъ кія, что они размножаются не менѣе быстро, чѣмъ вывезенныя изъ Европы овцы. Такъ нечаянно создавшаяся хищная птица, по вреду, наносимому ею, заняла уже одно изъ видныхъ мѣстъ. Прежде совершенно безвредный, кія сдѣлался теперь бичемъ мѣстныхъ скотоводовъ, и истребленіе его составляетъ вопросъ общественной важности.

Приведенные выше примѣры ясно доказываютъ съ какою быстротой совершается перемѣна характера въ мірѣ пернатыхъ; намъ остается добавить только, что и среди млекопитающихъ уже замѣчены подобныя же явленія.

Въ американскихъ преріяхъ водится особый видъ грызуна (Cynomys), близко подходящій къ нашему сурку, но получившій названіе *прерійной собаки*, благодаря своему крику, напоминающему собачій лай. Отечествомъ названнаго грызуна являются огромныя преріи къ западу отъ Мексики, гдѣ онъ строитъ цѣлыя подземныя колоніи, посѣщаемыя нерѣдко гремучими змѣями и совами. Парижскій зоологическій садъ обладаетъ небольшой колоніей этихъ своеобразныхъ, живыхъ, хорошенькихъ собачекъ, которыхъ по первому-же взгляду нельзя не признать за несомнѣнно травоядныхъ животныхъ. Не далѣе какъ въ прошломъ году, г. Л. Эръ (Ayres) попробовалъ предложить одной изъ нихъ кусочекъ сырого мяса. Вмѣсто того, чтобы съ отвращеніемъ отвернуться отъ непривычной пищи, сурокъ бросился на кусокъ мяса и съ жадностью проглотилъ его. Такое неожиданное пристрастіе къ мясной пищѣ продолжало проявляться и впослѣдствіи. Хотя животныя попрежнему питаются растительною пищей, но очевидно предпочитаютъ мясную, судя по жадности съ которой они на нее набрасываются. По всей вѣроятности, они совсѣмъ отказались бы отъ растительной пищи и обратились бы въ настоящихъ плотоядныхъ, еслибы имъ предоставить свободу выбора.

Названныя животныя во всякомъ случаѣ находятся на пути къ полному измѣненію образа пищи; въ числѣ же окончательно измѣнившихъ его, мы видимъ самого царя звѣрей — льва.

Г. Эдмондсъ, владѣлецъ знаменитаго звѣринца въ Ливерпулѣ, сообщилъ въ прошломъ году слѣдующій фактъ: За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ его звѣринцѣ родились два львенка, которые, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ — можетъ быть за недостаткомъ молока — были брошены маткой черезъ три недѣли послѣ рожденія. Однажды, одинъ изъ львенковъ былъ найденъ въ клѣткѣ околѣвшимъ отъ голода, а другой — едва живымъ. Сторожъ поспѣшилъ отнести его къ кормившей щенковъ собакѣ, которая не колеблясь приняла львенка и обращалась съ нимъ такъ же самоотверженно-нѣжно, какъ будто онъ былъ ея родное дитя. Львенокъ быстро оправился и сталъ выказывать къ своей кормилицѣ самую трогательную привязанность. Но удивительнѣе всего то, что онъ совершенно измѣнилъ пищѣ своихъ предковъ и относится къ сырому мясу съ полнымъ отвращеніемъ. Хотя онъ охотно ѣстъ все вареное, въ томъ числѣ и вареное мясо, но предпочитаетъ всему остальному—овощи и очень любитъ чай. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ выпиваетъ предлагаемую ему ежедневно чашку чаю. Неудивительно, если при такихъ вкусахъ онъ выказываетъ привязанность ко всѣмъ окружающимъ, кротость и ласковость, а за женой сторожа, къ которой питаетъ особое расположеніе, онъ бѣгаетъ какъ собака.

Такое измѣненіе образа жизни, унаслѣдованнаго отъ многихъ тысячъ поколѣній, должно ли быть признано слѣдствіемъ индивидуальнаго характера? Или ключемъ этой загадки служитъ молоко, уходъ и примѣръ кормилицы — собаки? Или обѣ названныя причины вызвали полученный результатъ? Послѣднее предположеніе кажется наиболѣе вѣроятнымъ, ибо второе изъ названныхъ вліяній могло оказать столь рѣшительное дѣйствіе лишь при особенно благопріятной почвѣ.

Относительно вѣроятности вліянія чужаго молока и окружающей обстановки, г. Марріэтъ разсказываетъ поразительный случай, который можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый нами вопросъ.

Однажды кошкѣ были подложены два щенка, взамѣнъ отобранныхъ у нея новорожденныхъ котятъ. Черезъ двѣ недѣли щенки оказались лучше развившимися, чѣмъ остальные три щенка того же помета, оставленные на вскормленіе маткѣ. Первые проявляли уже большую подвижность и живость движеній, тогда какъ вторые едва-едва неуклюже ползали. Первые отличались веселостью и рѣзвостью настоящихъ котятъ, и кормилица-кошка такъ и обращалась съ ними, какъ съ котятами, весело заигрывая и позволяя играть со своимъ хвостомъ. Они уже ѣли мясо, когда вторые только сосали матку. Щенки быстро подросли и вскорѣ можно было уже раздать ихъ, къ величайшему огорченію кошки. Они навсегда сохранили большие живости, чѣмъ ихъ братья, воспитанные собакой, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли привычку кусаться, которой не имѣли остальные.

Изъ этихъ и другихъ подобныхъ случаевъ можно вывести заключеніе, что въ числѣ вліяній, употребляемыхъ при воспитаніи животнаго съ цѣлью опредѣленія измѣненій въ характерѣ, не надо упускать изъ виду молоко и уходъ животнаго другой породы.

Собака — животное по преимуществу мясоядное. Ея сильные зубы прекрасно приспособлены къ рванію мяса и размалыванію костей. Поэтому, въ дикомъ состояніи, если не считать плодовъ, которые она изрѣдка употребляетъ въ пищу, — вспомнимъ „лисицу и виноградъ",—собака питается исключительно мясомъ. Въ прирученномъ видѣ она ѣстъ все, что попало, но лучшія породы выкармливаются почти исключительно хлѣбомъ и молокомъ. Въ Нижнемъ Египтѣ собака, отъ голода, ѣстъ иногда рыбу. Въ полуденные часы можно наблюдать какъ она осторожно крадется по берегамъ каналовъ, отыскивая уснувшую рыбу, которую ловкимъ ударомъ лапы, перенятымъ отъ кошки, — выбрасываетъ на берегъ. Рыбою питаются также собаки камчадаловъ и др. инородцевъ Сибири.

Пусть анатомическое строеніе зубовъ и желудка предназначаетъ животное къ извѣстнаго рода пищѣ, пусть учебники зоологіи повторяютъ намъ: такое-то животное, по самому устройству органовъ пищеваренія, неминуемо должно быть плотояднымъ, между тѣмъ какъ такое-то вынуждено отыскивать себѣ пищу въ растительномъ царствѣ, — мы конечно не будемъ спорить противъ общаго правила, но укажемъ только на существованіе исключеній даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ повидимому строеніе организма несомнѣнно требуетъ извѣстнаго рода пищи. „Есть-ли животное," говоритъ В. Мёнье, „у котораго зубы были бы болѣе приспособлены къ растительной пищѣ, чѣмъ у жвачныхъ, какъ корова, или у толстокожихъ, какъ лошадь или слонъ? А между тѣмъ, желудокъ послѣднихъ вполнѣ способенъ переваривать мясо, что доказывается историческими примѣрами и различными опытами и наблюденіями." Да наконецъ, развѣ древняя легенда о лошадяхъ, ѣвшихъ мясо, не имѣетъ за собой фактическаго основанія?

Покойный Пржевальскій, во время пребыванія своего на юго-востокѣ монгольской возвышенности, слышалъ разсказы туземцевъ о томъ, что ихъ верблюды ѣдятъ все, что придется, и въ томъ числѣ — какъ туземцы особенно настаивали — мясо и рыбу. Однажды они съѣли цѣлую парусинную палатку. Путешественникъ самъ видѣлъ верблюда, который принялся ѣсть птицъ, изъ которыхъ приготовляли чучелъ.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ легко могло бы быть увеличено, нельзя сомнѣваться, что не одинъ только человѣкъ, но и животныя, подвержены постояннымъ измѣненіямъ какъ въ своихъ склонностяхъ, такъ и въ физической организаціи. (С.)

Ордена и знаки отличія Россійской Имперіи.

Рождественскій сюрпризъ. (Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12-ю красками).

Продолжая серію таблицъ, предназначенныхъ служить пособіемъ при всестороннемъ изученіи нашего отечества, прилагаемъ на этотъ разъ изображенія орденовъ и прочихъ знаковъ отличія въ Россійской Имперіи. Составленіе этой таблицы потребовало не мало труда и усилій, такъ какъ, съ одной стороны, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ полнаго изданія съ изображеніями русскихъ орденовъ, а съ другой стороны, нѣкоторые ордена и высшія степени другихъ не находятся въ продажѣ и слѣдовательно даже для воспроизведенія ихъ не могли быть добыты обыкновеннымъ путемъ. Такимъ образомъ это полное собраніе впервые появляется въ Россіи, и мы надѣемся, что читатели обратятъ вниманіе на художественное

исполненіе, ради котораго издатель не щадилъ обширныхъ средствъ находящихся въ его распоряженіи.

До Петра Великаго въ Московской Руси вовсе не были извѣстны какіе бы то ни было ордена или знаки отличія. Награды за воинскіе подвиги, какъ и за иныя государственныя заслуги, состояли главнымъ образомъ въ пожалованіи новыхъ помѣстій или въ увеличеніи старыхъ прирѣзкою новыхъ земель, или же въ переименованіи помѣстій въ вотчины. Сверхъ того, личное расположеніе государей выражалось пожалованіемъ шубъ съ царскаго плеча или золотыхъ ковшей и кубковъ изъ царской казны. При Іоаннѣ Грозномъ войска иногда получали за свои заслуги золотые (въ 1552 году за Казанскій походъ); правда, эти золотые были не что иное какъ русскія и иностранныя монеты. И только уже въ самомъ концѣ XVII вѣка является у насъ обычай награждать воеводъ золотыми медалями на золотыхъ цѣпочкахъ, для ношенія на шеѣ. Такою медалью былъ, между прочимъ, награжденъ въ правленіе царевны Софьи ея любимецъ, князь В. В. Голицынъ, за свои неудачные походы въ Крымъ.

Первые ордена были у насъ учреждены Петромъ Великимъ; затѣмъ Екатериною II, Павломъ I, Александромъ I и Николаемъ I—учреждены остальные ордена наши и присоединены къ русскимъ орденамъ нѣкоторые ордена польскіе и одинъ голштинскій. Начиная съ царствованія Императора Николая I, новыхъ орденовъ учреждаемо не было; но въ каждое царствованіе бывали вводимы, по поводу тѣхъ или другихъ выдающихся событій историческихъ, новые знаки отличія, въ видѣ различныхъ медалей. Количество этихъ знаковъ отличія возросло въ такой степени, что мы не можемъ ихъ помѣстить въ полномъ составѣ, на нашей таблицѣ, и избираемъ изъ числа ихъ только важнѣйшіе. О каждомъ изъ орденовъ и знаковъ отличія сообщаемъ здѣсь краткія свѣдѣнія, отчасти описательнаго, отчасти историческаго характера:

1) Старѣйшимъ изъ русскихъ орденовъ и первостепеннымъ по важности значенія является орденъ *Св. Андрея Первозваннаго*, учрежденный Петромъ Великимъ 30 ноября 1698 года. У этого ордена только одна степень, въ видѣ серебряной звѣзды, съ надписью по голубому полю: *„За вѣру и вѣрность“*. При звѣздѣ лента голубая, носимая черезъ правое плечо. На концахъ ленты—двуглавый орелъ, имѣющій на груди Андреевскій голубой крестъ и на четырехъ концахъ креста буквы: S. A. P. R. (Sanctus Andreas Patronus Russiae, т. е. Св. Андрей защитникъ Россіи). Этотъ же орелъ подвѣшивается и къ *цѣпи ордена Андрея Первозваннаго*, которая составляетъ общую принадлежность всѣхъ Особъ Императорской Фамиліи, получающихъ право на ношеніе „цѣпи“ со дня рожденія. *Цѣпь* къ ордену Св. Андрея Первозваннаго составляетъ высшую, предѣльную награду государственныхъ людей и дается немногимъ сановникамъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

2) *Орденъ Св. Великомученицы Екатерины* учрежденъ также Петромъ Великимъ, 24 ноября 1714 года, въ честь второй его супруги, Екатерины Алексѣевны. У ордена *двѣ* степени; первая—звѣзда, осыпанная брилліантами; на красномъ полѣ ея—корона изъ брилліантовъ, а кругомъ надпись: *„за любовь и отечество“*. При звѣздѣ лента красная, съ серебряною каймою, носимая черезъ правое плечо. Вторая степень—крестъ, среди котораго на голубомъ полѣ бѣлый крестъ и изображеніе Св. Екатерины; на четырехъ концахъ креста буквы: D. S. F. R. (Domine, salvum fac Regem), т. е. „Господи, спаси Царя!“ (начало 19 псалма Давидова). На бантѣ креста орденскій девизъ: *„За любовь и отечество“*. Орденомъ Св. Екатерины награждаются исключительно Великія Княгини и Княжны и близкія ко Двору особы женскаго пола.

3) *Орденъ Св. Александра Невскаго*, учрежденный въ 1722 г. также Петромъ Великимъ. Полагается только одна степень этого ордена. Лента красная, черезъ *лѣвое* плечо, носится при звѣздѣ; на соединенныхъ концахъ ленты крестъ такой формы, какъ изображенный у насъ на таблицѣ. Внутри звѣзды, на бѣломъ полѣ, сплетенныя вмѣстѣ буквы S. A. (Sanctus Alexander), увѣнчаны короной; а кругомъ, по красному полю, девизъ ордена: *„За труды и отечество“*.

4) *Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія,* учрежденный 26 ноября 1769 года, императрицею Екатериною II. Полагается четыре степени ордена. Первая состоитъ изъ четырехконечной золотой звѣзды; среди нея, въ бѣломъ полѣ, *С. Г.*, переплетенныя (т. е. Св. Георгій); кругомъ, по черному полю, девизъ: *„За службу и храбрость“*. При звѣздѣ лента, состоящая изъ двухъ желтыхъ и трехъ черныхъ полосъ; носится черезъ правое плечо *подъ* мундиромъ; на концахъ ленты бѣлый крестъ, съ изображеніемъ Св. Георгія на бѣломъ конѣ. Вторая степень ордена носится на шеѣ; остальныя двѣ—въ петлицѣ. Этотъ орденъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ дается исключительно за воинскіе подвиги.

5) *Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра*, учрежденный также Екатериною II, въ 1782 году, 22 сентября. Этого ордена полагается также четыре степени. Лента къ нему изъ трехъ полосъ: двѣ черныя по краямъ, красная по срединѣ. Звѣзда ордена состоитъ изъ четырехконечной серебряной, положенной на такую же золотую; на черномъ полѣ, въ центрѣ звѣзды, четырехконечный крестъ и въ немъ по угламъ буквы: С. Р. К. В., т. е. Св. Равноапостольный Князь Владиміръ. Кругомъ, на красномъ полѣ, девизъ ордена: *„Польза, честь и слава“*. Крестъ Св. Владиміра дается одинаково за военныя и гражданскія заслуги, а также и въ вознагражденіе долгой, усердной службы (въ послѣднемъ случаѣ на крестѣ выставляется надпись: „за XXXV-лѣтнюю безпорочную службу“). Орденъ Св. Владиміра дается за военныя отличія „съ бантомъ“ и „съ мечами“, скрещенными позади креста. Орденъ Св. Владиміра 3-й степени, данный за гражданскія или за военныя заслуги не-дворянину, доставляетъ ему права потомственнаго дворянства.

6) *Орденъ Бѣлаго Орла*, учрежденный нѣкогда Польскимъ королемъ Владиславомъ IV, а въ 1829 году присоединенный къ Россійскимъ орденамъ императоромъ Николаемъ I. Существуетъ только одна степень этого ордена, въ видѣ золотой звѣзды, съ бѣлымъ крестомъ въ центрѣ ея, на голубомъ полѣ. Крестъ окаймленъ красною полосою. Кругомъ голубаго поля, на синемъ ободкѣ помѣщенъ девизъ ордена: *„Pro Fide, Rege et lege“* (т. е. *„За Вѣру, Царя и законъ“*). При звѣздѣ полагается лента синяя, носимая черезъ лѣвое плечо. На соединенныхъ концахъ ленты помѣщается черный съ золотомъ двуглавый орелъ, а внутри его, на красномъ крестѣ, бѣлый одноглавый орелъ (гербъ бывшаго Царства Польскаго).

7) *Орденъ Св. Анны* учрежденъ 3 февраля 1635 года герцогомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ Карломъ Фридрихомъ, и введенъ въ Россіи императоромъ Павломъ I-мъ. Орденъ имѣетъ четыре степени. Первая степень въ видѣ звѣзды, серебряной съ золотымъ полемъ въ центрѣ. На этомъ полѣ помѣщается красный крестъ, а кругомъ его, на красномъ ободкѣ, девизъ ордена: *„Amantibus justitiam, pietatem, fidem“* — т. е. *„любящимъ справедливость, благочестіе и вѣрность“*. При звѣздѣ полагается лента красная, съ желтыми тонкими каймами; носится черезъ лѣвое плечо. Остальныя степени ордена—въ видѣ креста, изображеннаго на нашей таблицѣ. Вторая степень носится на шеѣ; третья — въ петлицѣ. Четвертая степень Св. Анны, въ видѣ небольшаго краснаго креста, носится *на оружіи* (на эфесѣ сабли, шашки, шпаги или кортика) и дается только за воинскіе подвиги.

8) *Орденъ Св. Станислава*, учрежденный 7 мая 1765 г. королемъ Польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ, а въ 1815 г. принятый императоромъ Александромъ I-мъ въ число Россійскихъ орденовъ. Существуетъ три степени. Первая степень въ видѣ звѣзды серебряной, съ бѣлымъ полемъ въ центрѣ. На бѣломъ полѣ S. S. (т. е. *Sanctus Stanislaus*) и вокругъ этихъ буквъ девизъ ордена: *„Praemiando incitat“* (т. е. *„награждая поощряетъ“*). При звѣздѣ лента красная, съ бѣлою двойною каймою, носимая черезъ правое плечо. Вторая степень, въ видѣ креста, носится на шеѣ, третья — въ петлицѣ.

Затѣмъ, перечисливъ поочередно всѣ ордена Россійской Имперіи, которыхъ могутъ быть удостоены лица служащія и получившія извѣстный военный или гражданскій чинъ, мы должны перейти къ бѣглому обзору знаковъ отличія и медалей, которыми награждаются нижніе чины за особые подвиги или же за участіе въ кампаніяхъ.

1) *Знакъ отличія Военнаго Ордена*—въ видѣ креста серебрянаго и золотаго, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца на среднемъ полѣ. У знака—четыре степени. Низшая—серебряный крестъ на Георгіевской лентѣ; затѣмъ—тотъ-же крестъ на той же лентѣ съ бантомъ. Имѣющему обѣ эти степени (3-ю и 4-ю) дается золотой знакъ отличія (2-я степень) и, наконецъ, при совершеніи новаго подвига, золотой знакъ съ бантомъ (1-я степень).

2) *Знакъ отличія за службу на Кавказѣ*, установленный въ 1864 г., въ царствованіе императора Александра II.

Изъ медалей за время того же царствованія, слѣдуетъ отмѣтить:

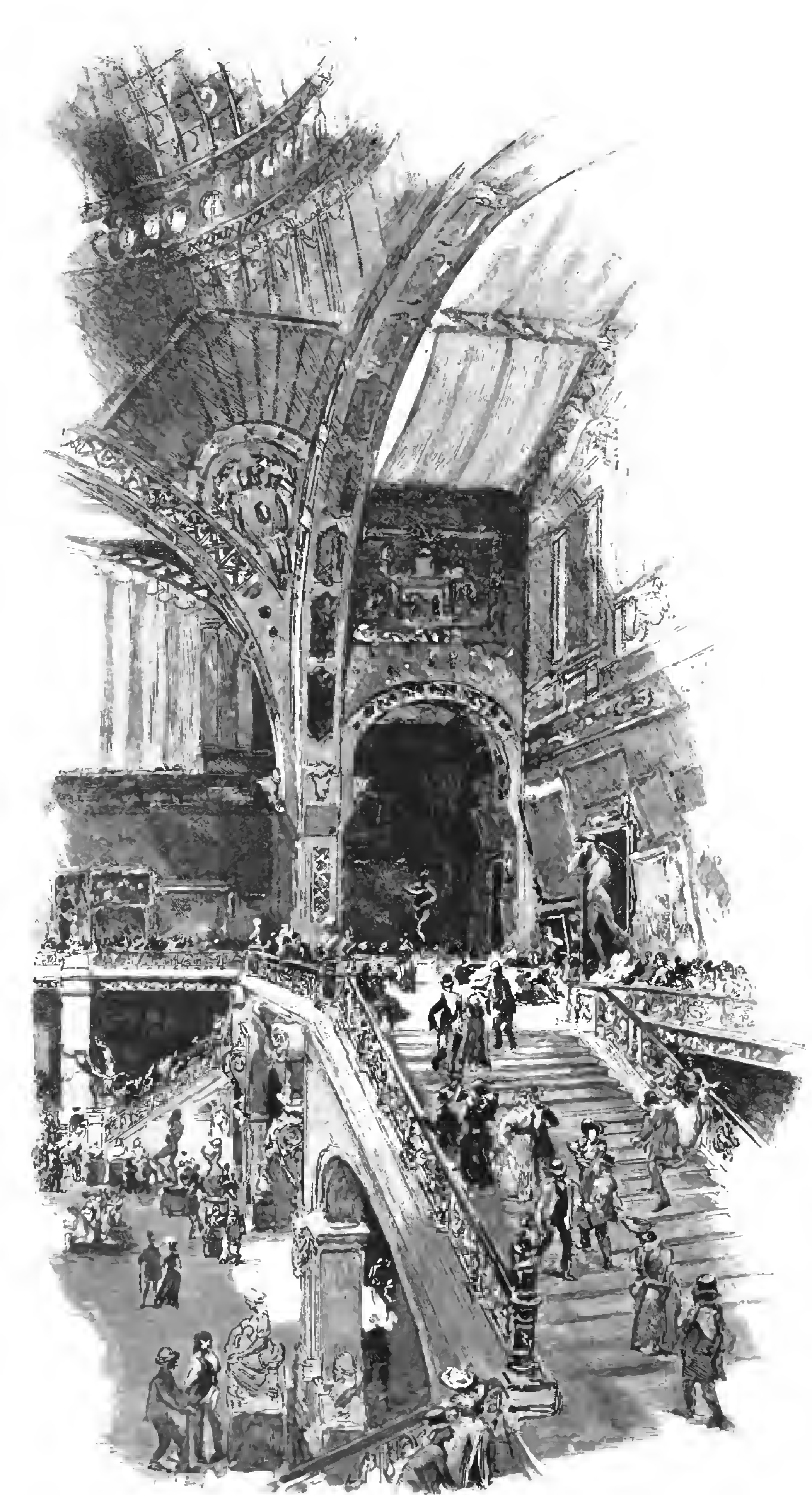
1) Медаль за защиту Севастополя, установленную въ 1856 г.
2) Медаль за покореніе Западнаго Кавказа, въ 1864 г.
3) Медаль за усмиреніе Польскаго мятежа, установленную въ 1867 г.
4) Медаль за Хивинскій походъ, 1873 г.
5) Медаль за Турецкую войну, 1877 и 1878 гг.
6) Медаль за взятіе штурмомъ Геокъ-Тепе, 12 января 1881 г.

Въ нынѣшнее царствованіе установлены для ношенія на шеѣ большія золотыя и серебряныя медали (такъ какъ золотая и серебряная медаль имѣютъ совершенно одинаковую чеканку, то, во избѣжаніе повтореній, мы даемъ одну сторону медали золотою, а другую серебряною):

1) Одна, съ надписью *„за усердіе“*, выдаваемая въ награду за 20-ти-лѣтнюю службу въ унтеръ-офицерскомъ званіи (на красной лентѣ).

2) Другая, *„за спасеніе погибавшихъ“* (на Владимірской лентѣ), выдаваемая всѣмъ за подвигъ спасенія ближнихъ отъ гибели.

Сверхъ вышеисчисленныхъ медалей, мы нашли возможнымъ помѣстить на нашей таблицѣ—еще одну медаль и одинъ знакъ отличія. Мы говоримъ о знаменитой медали 1812 года, которая служитъ постояннымъ напоминаніемъ о подвигахъ русскихъ людей въ Отечественную войну. Такъ какъ эта медаль, по особому установленію, должна была переходить къ старшему въ полу-



Парижская Всемірная выставка. Главная лѣстница въ художественномъ отдѣлѣ.

чившемъ ее дворянскомъ родѣ, то эти медали и до сихъ поръ еще можно встрѣтить во многихъ нашихъ дворянскихъ семьяхъ.

Знакъ-же отличія, такъ-называемый *Маріинскій*, былъ установленъ въ прошлое царствованье для раздачи за долгую и усердную службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Знакъ дается особамъ женскаго пола, служащимъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вышеозначеннаго вѣдомства.

Къ рисункамъ.

На порожнякахъ.

(Рис. на стр. 1272).

Большая радость крестьянскимъ ребятишкамъ — проѣзжающій деревнею обозъ порожняковъ, т. е. крестьянъ распродавшихъ въ городѣ на базарѣ свой товаръ и возвращающихся во-свояси въ пустыхъ саняхъ. Вся мелюзга гурьбой высыпаетъ изъ теплыхъ избъ и бѣжитъ въ перегонки за обозомъ, стараясь вскочить въ розвальни или примоститься хоть стоя на полозьяхъ—и такимъ образомъ прокатиться до околицы на даровщинку. Но и возчики, зная эту повадку, не дремлютъ въ свою очередь — и нерѣдко ловкій ударъ кнутомъ охлаждаетъ слишкомъ рьяныхъ юныхъ спортсменовъ.

Находка. (Рис. на стр. 1273).

На небѣ замерцала утренняя зимняя зорька, и лиса Патрикѣевна подумывала уже о своей теплой норкѣ, какъ вдругъ, при обходѣ задворковъ одиноко стоявшей крестьянской хаты, напала на интересную находку. Это заяцъ, попавшійся въ силокъ, поставленный ему какимъ-то злодѣемъ. Патрикѣевна остановилась въ нерѣшительности и сомнѣніи; она не знаетъ навѣрное: точно-ли заяцъ самъ попался и не служитъ-ли онъ приманкой въ какую-нибудь ловушку, налаженную спеціально для нея, Патрикѣевны-курятницы?

Финскій крестьянинъ.

(Рис. на стр. 1277).

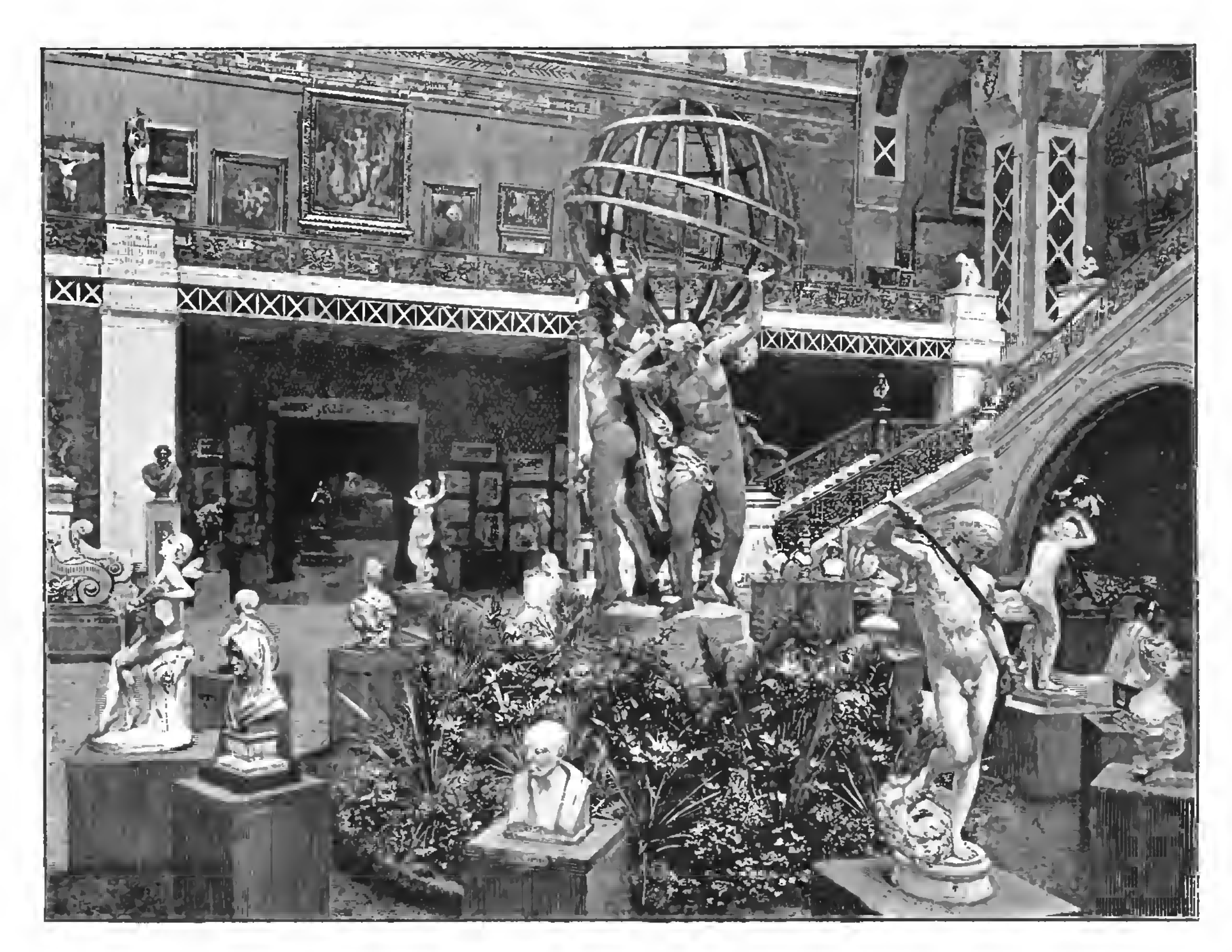
Составляя вѣтвь монгольской рассы, финны при заселеніи Европы индо-европейскими народами, были оттѣснены къ сѣверу и сѣверо-востоку материка, гдѣ и живутъ донынѣ. Прибалтійскіе финны, живущіе въ губерніяхъ Петербургской, Псковской и Эстляндской, а также въ Финляндіи, извѣстны у русскихъ подъ именемъ чухонъ или чухонцевъ. Названіе „чухны“ русскіе знали еще въ концѣ XVI вѣка; такъ по договору со Швеціей у Тявзина въ 1595 году, Швеціи предоставлялось владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ Чухонскимъ (Эстонскимъ) княжествомъ.

Средняго роста, сухопарый, бѣлобрысый, съ плоскимъ желтоватымъ, выбритымъ лицомъ и впалыми щеками, какъ живой сидитъ чухонецъ на нашемъ рисункѣ.

Изъ жизни лоцмановъ.

(Рис. на стр. 1280).

Лоцманами, какъ извѣстно, называютъ испытанныхъ моря-



Парижская Всемiрная выставка 1889. Центральная зала въ художественномъ отдѣлѣ.

Жичскiй монастырь, мѣсто вѣнчанiя на царство Сербскихъ властителей.

ковъ, которые вполнѣ знакомы съ опредѣленною береговою мѣстностью, входомъ въ гавань, рейдъ или портъ, и съ опасными вообще для судовъ мѣстами. Ихъ нанимаютъ, чтобы провести безопасно судно по такимъ мѣстамъ, ввести его въ портъ или вывести оттуда. Приближающійся корабль высматриваютъ лоцманы съ берега, чтобы затѣмъ отправиться къ нему на своихъ лодкахъ, или крейсируютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разсчитываютъ встрѣтить суда, нуждающіяся въ ихъ помощи или содѣйствіи. Занятіе лоцмановъ требуетъ не только большой опытности и знанія, но сопряжено также со значительными опасностями, почему для лоцманскаго дѣла годятся только люди свѣдущіе и испытанные, которые, такъ сказать, выросли на водѣ. Насколько трудно и опасно, напримѣръ, подойти къ кораблю и попасть къ нему на бортъ въ бурную погоду, можно составить себѣ понятіе по рисунку, помѣщенному на стр. 1280 и изображающему прибытіе лоцмана на судно у Норвежскихъ береговъ. Высокое волненіе и сильное покачиваніе корабля въ стороны дѣлаетъ невозможнымъ приближеніе къ нему вплотную лоцманской лодки. Оттого, какъ только завидятъ лоцмана съ корабля, судно поворачиваютъ такъ, что волны ударяютъ съ одной стороны корабль съ боку, зато съ другой волненіе бываетъ нѣсколько потише. Лоцманская лодка понемногу приближается съ этой стороны и съ судна бросаютъ въ нее конецъ. Лоцманъ, охвативъ себя вокругъ туловища петлею, взбирается по веревкѣ, которую тащутъ на судно, гдѣ и принимаетъ команду, чтобы провести корабль по труднымъ или незнакомымъ мѣстамъ.

Мулла-купецъ въ Мервѣ. (Рис. на стр. 1281).

У туркменовъ Ахалъ-Текинскаго оазиса, какъ и у всѣхъ мусульманъ, нѣтъ собственно такъ-называемаго духовенства. Единственный quasi-духовный санъ — молла (мулла) — нѣчто среднее между священникомъ и учителемъ, пріобрѣтается безразлично всякимъ, кто маракуетъ кое-что въ Коранѣ. Обязанности муллы такъ несложны, что ему, какъ и всякому туркмену, доступны всѣ занятія отъ охоты и торговли включительно до аламановъ (набѣговъ), въ недавнее время такъ опустошительно дѣйствовавшихъ на окраины туркменскихъ степей.

Среди своихъ, мулла и въ дѣлѣ, и въ забавѣ занимаетъ почетное мѣсто, ему открыты двери всякой кибитки; къ нему идутъ за совѣтами, если онъ уменъ, опытенъ и обладаетъ столь цѣнимою на Востокѣ прозорливостью судьи, или, съ другой стороны, оставляютъ его совершенно въ покоѣ, если у него нѣтъ никакихъ иныхъ качествъ, кромѣ умѣнья прочесть двѣ-три страницы священной книги магометанъ, да искусно завязать бѣлую чалму, составляющую единственную принадлежность его сана.

Азіатская торговля, вообще болѣе созерцательная, нежели безпокойно активная, оставляетъ ему слишкомъ много свободнаго времени. Въ промежуткахъ между намазами и молитвами, онъ сидитъ у дверей своей запыленной лавчонки, и догадаться, что онъ дѣлаетъ, или о чемъ думаетъ такъ же трудно, какъ и выкупаться въ томъ крошечномъ арыкѣ (ручейкѣ), что течетъ мимо его лавки. Если онъ страстный охотникъ — у него по крайней мѣрѣ есть непрестанная забота о соколѣ, съ которымъ онъ возится, какъ съ любимымъ дѣтищемъ. Сколько заботъ, умѣнья, находчивости и чисто азіатскаго терпѣнья поглощаетъ выучка этой дикой, неукротимой птицы, такъ плохо мирящейся съ неволей! Но если выучка кончена и первые опыты оказались удачными, — счастью охотника нѣтъ предѣловъ. Его на диво выдрессированный соколъ становится грозою не только всѣхъ пернатыхъ обитателей степи, но иногда даже и горныхъ, какъ стрѣла быстрыхъ и стройныхъ какъ газель — козловъ (джайрановъ). Попадались такіе сокола, что съ налету вцѣпятся въ рогатую голову джайрана и выклевываютъ остолбенѣвшему отъ страха животному глаза, отдавая его слѣпымъ въ руки алчнаго охотника. Но такой соколъ — рѣдко осуществляющаяся мечта азіата—цѣнится баснословно дорого: въ Ахалъ-Теке за одинъ экземпляръ предлагали 50 верблюдовъ (верблюдъ стоитъ около 50 руб.) и хозяинъ никакъ не могъ разстаться со своею птицею.

Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ. (Рис. на стр. 1285).

Крестьяне 10-ти губерній Привислинскаго края, движимые глубокимъ чувствомъ вѣрноподданнической благодарности за освобожденіе ихъ отъ панской неволи и дарованіе имъ земельныхъ надѣловъ на правахъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, пожелали соорудить своему Благодѣтелю, въ Бозѣ почивающему Императору Александру II, достойный памятникъ на свои средства, для чего и собрали около 75,000 рублей. Сооруженный памятникъ состоитъ изъ колоссальной бронзовой статуи Царя-Освободителя, отлитой на Петербургскомъ литейномъ заводѣ Морана, по модели академика Опекушина, и утвержденной на гранитномъ пьедесталѣ, исполненномъ по проекту архитектора Гуна. Царь-Освободитель изображенъ стоящимъ въ порфирѣ съ непокрытою, слегка приподнятою головой, съ устремленнымъ вдаль взоромъ и съ опущенною внизъ правою рукою, указывающею на кормилицу-землю. Пьедесталъ украшенъ императорскими регаліями и гербами десяти губерній бывшаго Царства Польскаго. Сооруженіе памятника стоило до 72,000 руб. Памятникъ воздвигнутъ въ г. Ченстоховѣ, на Ясной горѣ, куда собираются ежегодно изъ Привислинскаго края на поклоненіе Ченстоховской иконѣ Божіей Матери сотни тысячъ крестьянъ и гдѣ каждый изъ нихъ можетъ видѣть величественный образъ своего Высочайшаго Благодѣтеля.

Открытіе памятника Царю-Освободителю весьма благовременно было пріурочено ко дню его рожденія, 17 апрѣля, и сопровождалось двумя священнодѣйствіями: освященіемъ памятника и совершеніемъ при немъ панихиды за упокой приснопоминаемаго Императора. Во вниманіе къ тому, что въ пожертвованіяхъ на сооруженіе открывавшагося памятника участвовало значительное большинство римско-католическаго населенія Привислинскаго края, освященіе воздвигнутаго памятника предоставлено римско-католическому духовенству, а православному — совершеніе панихиды, для чего и прибыли въ Ченстоховъ заблаговременно епископъ Куявско-Калишской епархіи Александръ Бересневичъ 15 апрѣля изъ Калиша и преосвященный Флавіанъ, викарій Холмско-Варшавской епархіи, съ духовенствомъ и хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ изъ Варшавы 16 апрѣля, въ 6 часовъ пополудни. Въ назначенный день — 17 апрѣля, изъ Ченстоховскаго монастыря въ часъ пополудни прибыла къ памятнику процессія римско-католическаго духовенства со своимъ епископомъ во главѣ, и епископъ окропилъ памятникъ освященною водой при пѣніи священныхъ пѣсней. По отшествіи римско-католическаго духовенства, прибылъ къ памятнику крестнымъ ходомъ изъ Ченстоховской православной церкви преосвященный Флавіанъ съ двумя архимандритами, шестью протоіереями и священниками, съ тремя діаконами и хоромъ пѣвчихъ, и въ 2 часа дня отслужилъ панихиду за упокой Императора Александра II.

Скульптурный отдѣлъ на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ. (Рис. на стр. 1288 и 1289).

Собраніе скульптурныхъ произведеній за цѣлое столѣтіе было не менѣе замѣчательнымъ на Парижской выставкѣ настоящаго года, какъ и коллекціи графическаго искусства. Изваянія, собранныя отовсюду, украшали не только великолѣпный дворецъ искусствъ, но были живописно разставлены по всей выставкѣ. Можно было видѣть всю исторію французской скульптуры, начиная съ конца прошлаго вѣка, за время революціи, затѣмъ первой имперіи, реставраціи—до работъ скульпторовъ послѣдней имперіи и республики. На выставкѣ были собраны произведенія Пигаля, Гудона, Пажу, затѣмъ работы Шоде, Кановы, Бозіо, Дюпати, потомъ Жерара и Прадье въ ихъ граціозныхъ изваяніяхъ временъ реставраціи; далѣе шли скульптуры Карто, Дюре, Давида Анжерскаго. И какъ вѣнецъ всѣхъ твореній, заключали скульптурную выставку произведенія Родэна, Далу, Шапю, Фальера, Мерсіе и множества другихъ талантливыхъ современныхъ скульпторовъ во Франціи.

Помѣщенные рисунки бойко передаютъ большую лѣстницу изящныхъ искусствъ, украшенную бюстами и статуями, и срединное помѣщеніе зданія, гдѣ были собраны коллекціи искусствъ за 100 лѣтъ.

Жичскій монастырь. (Рис. на стр. 1289).

На зеленой равнинѣ, посреди красивыхъ деревень и плодоносныхъ полей, лежитъ Жичскій монастырь, мѣсто вѣнчанія шести Сербскихъ государей. Вблизи его течетъ быстрый Ибаръ, выбѣгая изъ расположенныхъ къ югу скалъ. Намогильные плиты, памятники и кресты покрываютъ кладбище, окружающее монастырь, который спустя пять столѣтій снова былъ мѣстомъ вѣнчанія Сербскаго короля прошедшимъ лѣтомъ.

Жича основана королемъ Стефаномъ „Первовѣнчаннымъ" и его сыномъ Радославомъ, въ первомъ десятилѣтіи XIII столѣтія, во имя Апостоловъ Петра и Павла. Церковь была окончена постройкою около 1220 года Св. Саввою, который жилъ въ Жичѣ въ бытность свою первымъ архіепископомъ Сербіи. До 1856 г. церковь представляла однѣ развалины: своды и куполы обвалились, а тѣ которые еще сохранились, грозили каждую минуту паденіемъ. Но и въ такомъ видѣ Жичскій монастырь обращалъ на себя вниманіе своеобразною постройкою изъ цвѣтныхъ кирпичей и камня и красивымъ расположеніемъ въ живописной мѣстности. Многочисленныя скульптурныя изваянія говорили о богатомъ нѣкогда внутреннемъ убранствѣ церкви, а замуравленные входы напоминали о сказаніи, что для каждаго вѣнчавшагося короля пробивался особый входъ, который затѣмъ закладывался. Въ силу этого обычая, и для молодаго Сербскаго короля Александра былъ проложенъ новый входъ въ стѣнѣ.

Священное мѵропомазаніе юнаго Сербскаго короля совершилъ 20 іюля при торжественной обстановкѣ митрополитъ Михаилъ, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи всѣхъ сербскихъ властей и представителей иностранныхъ державъ, среди которыхъ русскій посланникъ занималъ первое мѣсто.

Проектъ моста черезъ Ламаншъ. (Рис. на стр. 1292).

Читатели „Нивы" знакомы съ безконечною исторіей предполагаемой постройки туннеля или моста черезъ проливъ Ламаншъ, раздѣляющій Францію отъ Англіи. Исторія эта началась еще при Наполеонѣ I съ его переговоровъ съ англійскими государственными людьми и прошла много фазисовъ, при чемъ почина всегда принадлежалъ Франціи, а Британія ставила всевозможныя препятствія къ осуществленію этого громаднаго предпріятія.

Нынѣ инженеры всего свѣта заняты новымъ проектомъ металлическаго моста, выработаннымъ гг. Шнейдеромъ и К° и Эрсаномъ, съ помощью гг. Джона Фаулера и Бенджамена Багера, строителей моста черезъ Фортъ.

Мѣсто и направленіе моста чрезъ Ламаншъ естественно опредѣляется линіею кратчайшаго разстоянія и наименьшихъ глубинъ. Эта линія идетъ отъ пункта весьма близкаго къ мысу Гри-Нѐ на французскомъ берегу и достигаетъ англійскаго близь Фокстона, пройдя по мелямъ Варна и Кольбарта. Протяженіе всей линіи около 38 верстъ. Она не совсѣмъ прямая и представляетъ двѣ излучины на упомянутыхъ меляхъ, во избѣжаніе значительныхъ глубинъ. Наибольшія затрудненія для постройки представляетъ пространство между Кольбартомъ и французскимъ берегомъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ дно морское лежитъ на глубинѣ 27 саженъ.

Изъ недавнихъ изслѣдованій, произведенныхъ преимущественно г. Томѐ де Гамонъ, оказывается что дно морское почти на всемъ протяженіи линіи моста состоитъ изъ бѣлаго или голубаго мѣла, и слѣдовательно представляетъ достаточную плотность чтобы выдержать давленіе 25—30 фунтовъ на квадратный сантиметръ.

Основаніемъ (фундаментомъ) устоевъ будетъ прочная каменная кладка, скрѣпленная портландскимъ цементомъ. Эти каменные столбы, въ планѣ, представляютъ четвероугольники въ 12 саженъ длины, а ширина ихъ соотвѣтственна каждой системѣ столбовъ. При глубинѣ въ 27 саженъ, поверхность основанія столбовъ будетъ въ 1,604 квадратныхъ метра. При глубинахъ менѣе значительныхъ, поверхность пропорціонально уменьшается.

Каменная кладка будетъ производиться, какъ обыкновенно при мостовыхъ сооруженіяхъ, въ металлическихъ кесонахъ, погружаемыхъ съ помощью сжатаго воздуха, до встрѣчи твердаго грунта.

Часть проекта касающаяся столбовъ принадлежитъ г. Эрсану.

Металлическая часть сооруженія надъ столбами выработана гг. Шнейдеромъ и К°. На платформѣ каменныхъ устоевъ будутъ установлены металлическія цилиндрическія колонны отъ 20 до 21 сажени высоты, на которыхъ будутъ покоиться главныя балки помоста, что съ высотою каменныхъ столбовъ дастъ общую высоту въ 30—31 сажень надъ уровнемъ воды во время отлива и 27—28 сажень во время прилива. Слѣдовательно, за исключеніемъ немногихъ колоссальныхъ кораблей, какъ напр. пятимачтовый *France*, коего мачты достигаютъ 30 саженъ, всѣ остальныя суда будутъ свободно проходить подъ мостомъ.

Въ видахъ соглашенія требованій судоходства съ экономіей, приняты три рода пролетовъ между устоями моста: 1) отъ 150 до 250 саженъ длины, 2) отъ 100 до 175 саж. и 3) отъ 50 до 125 саж. Наибольшіе пролеты соотвѣтствуютъ наибольшимъ глубинамъ.

Высота рельсовыхъ путей—36 саженъ надъ уровнемъ моря во время отлива; путей два, обыкновенной ширины въ 2¼ арш. между рельсами. Эти послѣдніе особаго устройства во избѣжаніе схода колесъ съ рельсовъ.

Съ правой стороны столбовъ могутъ быть мѣстами установлены маяки для обозначенія пройденнаго разстоянія и другихъ надобностей.

На случай войны, крайніе съ каждой стороны пролеты моста могутъ быть разводимы какъ у обыкновенныхъ разводныхъ мостовъ.

Размѣры устоевъ и масса прочаго матеріала потребуютъ устройства гавани въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ начала моста на томъ и на другомъ берегу. Во Франціи таковая будетъ по всей вѣроятности въ Амбльтёзской бухтѣ, въ Англіи—у Фокстона.

Металломъ для верхней постройки послужитъ сталь. Металлическая часть устоевъ состоитъ изъ двухъ колоннъ въ 17 саженъ высоты, соединенныхъ между собою горизонтальными и косыми балками, позволяющими имъ устоять противъ дѣйствія вѣтра.

Цѣна всего сооруженія исчислена въ 860.000,000 франковъ, изъ коихъ 380 милл. приходятся на каменную кладку, а 480 милл. на металлическія сооруженія.

Настольный свѣтящійся фонтанъ. (Рис. на стр. 1293).

Свѣтящійся фонтанъ на Парижской Всемірной выставкѣ вызвалъ массу подражателей; между прочими, извѣстный любитель, Гастонъ Менье, приспособилъ его въ миніатюрѣ для украшенія столовой.

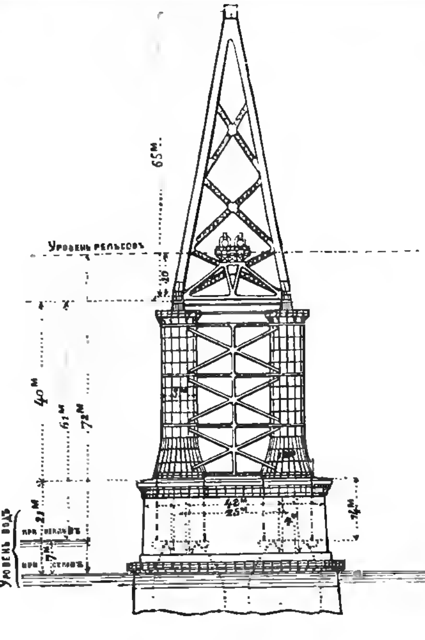
Въ обѣденномъ столѣ, посрединѣ его, прорѣзается отверстіе немного болѣе полутора аршина длины и немного менѣе полутора аршина ширины. Въ это отверстіе вставляется многоугольный цинковый бассейнъ ZZ, съ широкими, загнутыми краями. Въ центрѣ этого бассейна на днѣ находится аппаратъ производящій электрическое освѣщеніе; онъ помѣщается въ круглой металлической коробкѣ, дно которой состоитъ изъ обыкновеннаго зеркала съ амальгамой, а верхняя часть изъ зеркальнаго стекла безъ амальгамы. Въ коробкѣ расположены шесть лампочекъ накаливанія, изъ коихъ три видны на нашемъ рисункѣ. Приняты мѣры во избѣжаніе того чтобы отъ холодной воды не лопнуло верхнее стекло, нагрѣтое лампочками. Для этого придѣлано второе стекло безъ амальгамы надъ первымъ, на нѣсколько сантиметровъ выше, предохраняющее его отъ соприкосновенія съ водой. Надъ этимъ аппаратомъ находится водометъ, состоящій изъ двухъ концентрическихъ, пробуравленныхъ вверху колецъ и центральной лейки. Вода проводится въ него изъ трубы скрытой въ полу подъ столомъ. Три разныя трубочки, проводящія воду въ кольца и лейку, снабжены кранами, которые находятся подъ рукой хозяина, и послѣдній можетъ такимъ образомъ разнообразить струи, отворяя то тотъ, то другой кранъ, то по два вмѣстѣ, то всѣ три разомъ. Измѣненіе цвѣта свѣтящихъ струй достигается помощью цвѣтныхъ стеколъ, расположенныхъ между освѣтительнымъ аппаратомъ и струей воды. Каждое стекло вставлено въ особую рамку, имѣющую около ½ аршина длины. Рамки эти, на рисункѣ наложенныя одна на другую (С,С), двигаются на подобіе кулиссъ въ пазахъ. Онѣ соединены по двѣ, съ промежуткомъ между ними въ 30 сантиметровъ для прохода бѣлаго (не окрашеннаго стеклами) свѣта. Къ каждой парѣ стеколъ прикрѣплена цѣпочка, выходящая изъ закраины бассейна, огибающая его на маленькихъ блокахъ (Р) и проходящая передъ хозяйскимъ мѣстомъ за столомъ. На рисункѣ ясно изображено это устройство: двигая вправо или влѣво рукоятки въ трубочкахъ Т, ставятъ въ центрѣ бассейна то или другое цвѣтное стекло. Стеколъ всего 5 паръ, но комбинируя ихъ между собою, можно достигнуть безчисленнаго разнообразія красокъ. Весь бассейнъ маскируется цвѣтами, такъ что для непредупрежденныхъ столъ представляется покрытымъ скатертью, съ корзиной цвѣтовъ посрединѣ,—и вдругъ изъ средины ея начинаютъ бить разноцвѣтныя свѣтящіяся струи фонтана.

Политическое обозрѣніе.

Приближеніе Рождественскихъ праздниковъ становится замѣтнымъ въ политической жизни западной Европы. Международная политика какъ-бы замерла на время, и даже газеты меньше занимаются пересудами о международныхъ дѣлахъ. Германія, Австро-Венгрія, Англія, Франція и другія государства поглощены всецѣло разрѣшенію стоящихъ на очереди внутреннихъ политическихъ вопросовъ.

Во Франціи палата депутатовъ оканчиваетъ разсмотрѣніе правильности недавнихъ избраній въ ея среду. 27 ноября она постановила свой приговоръ по поводу избранія генерала Буланже, который можно признать если не концомъ буланжіады, то во всякомъ случаѣ устраненіемъ бѣглаго генерала на долгое время отъ общественныхъ дѣлъ во Франціи. Въ это засѣданіе палаты, послѣ многочисленныхъ рѣчей, произнесенныхъ за и противъ утвержденія избранія Жоффрена, поправка Дерулэда, направленная къ признанію избранія Буланже, была отвергнута большинствомъ 370 голосовъ противъ 123, а поправка Клюзере, имѣвшая цѣлью кассированіе монмартрскихъ выборовъ, была отвергнута большинствомъ 311 голосовъ противъ 243. Вслѣдъ затѣмъ избраніе Жоффрена признано было дѣйствительнымъ. Республиканскія газеты и большая часть радикальныхъ органовъ констатируютъ, что палата, утвердивъ избраніе Жоффрена, совершила актъ высшей политики и республиканской дальновидности. Консервативные же и буланжистскіе органы заявляютъ, что всенароднаго голосованія болѣе не существуетъ и что его смѣнило своеправіе олигархіи. Нѣсколько собравшихся вечеромъ буланжистскихъ комитетовъ предложили устроить митингъ негодованія по поводу утвержденія избранія Жоффрена. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе палаты депутатовъ безповоротно завершаетъ дѣло вождя національной партіи. Законодательная власть республики какъ-бы подтверждаетъ рѣшеніе верховнаго суда, лишившаго Буланже всѣхъ политическихъ правъ.

Въ Итальянской палатѣ депутатовъ принятъ внесенный въ нее проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь короля Гумберта, при чемъ итальянскій премьеръ сдѣлалъ нѣсколько заявленій о Франціи, которыя быть-можетъ не особенно понравятся нѣкоторымъ друзьямъ Италіи. Точно желая разсѣять подозрѣнія въ нерасположеніи къ своей сѣверо-западной сосѣдкѣ, г. Криспи, въ отвѣтъ на сдѣланное однимъ изъ депутатовъ замѣчаніе, заявилъ, что взаимныя отношенія между Италіей и Франціей отличныя. Министръ-президентъ присовокупилъ, что между обоими государствами существуютъ разногласія лишь въ экономической области; Италія, однако, проложила дорогу къ



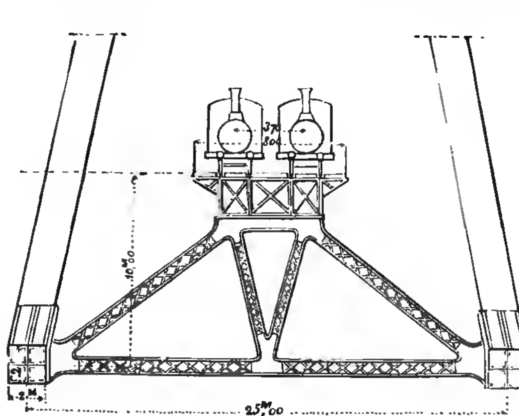
Поперечный разрѣзъ устоя.

улаженію этихъ разногласій отмѣною диференціальныхъ тарифовъ, и онъ надѣется, что добровольная иниціатива Италіи будетъ содѣйствовать установленію между обоими сосѣдними государствами дружескихъ отношеній, что всѣми желается, такъ какъ никто не можетъ не желать, чтобы Франція и Италія оставались друзьями.

Германія снова встревожена движеніемъ рабочихъ въ горнозаводскихъ округахъ западной ея части. Возбужденіе среди рудокоповъ и другихъ рабочихъ, по словамъ депутата Эссенскаго участка Штецеля, произнесеннымъ имъ въ рейхстагѣ, достигло гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ весною. „Агитація эта, замѣтилъ Штецель, вовсе не искусственная, какъ то утверждаютъ нѣкоторые органы печати: никто рабочихъ не подстрекаетъ; а главная вина падаетъ на горнозаводскія общества, видящія въ эксплоатаціи рудниковъ только гешефтъ и вовсе не принимающія во вниманіе законныхъ требованій рудокоповъ“. Послѣднія извѣстія, однако, выражаютъ надежду на мирное улаженіе розни между рабочими и ихъ хозяевами.

Въ Чехіи агитація въ пользу Гуса продолжается. Устроенный младочехами сборъ пожертвованій на памятникъ ему принимаетъ крупные размѣры. Въ сборѣ участвуетъ много старочеховъ и даже князь Карлъ Шварценбергъ.

Въ посланіи президента Сѣве-



Мостъ черезъ Ламаншъ. Поперечный разрѣзъ рельсоваго пути.

Общій видъ моста чрезъ Ламаншъ по проекту Шнейдера, Эрсана, Фаулера и Багера.

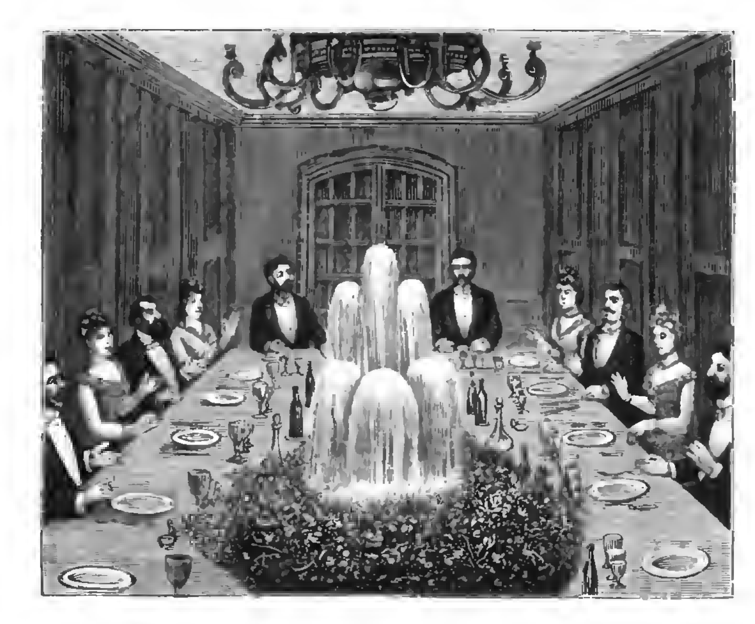
☛ Рождественскій сюрпризъ. ☚

При этомъ №. прилагается для гг. подписчиковъ **СЕДЬМОЕ** безплатное приложеніе:

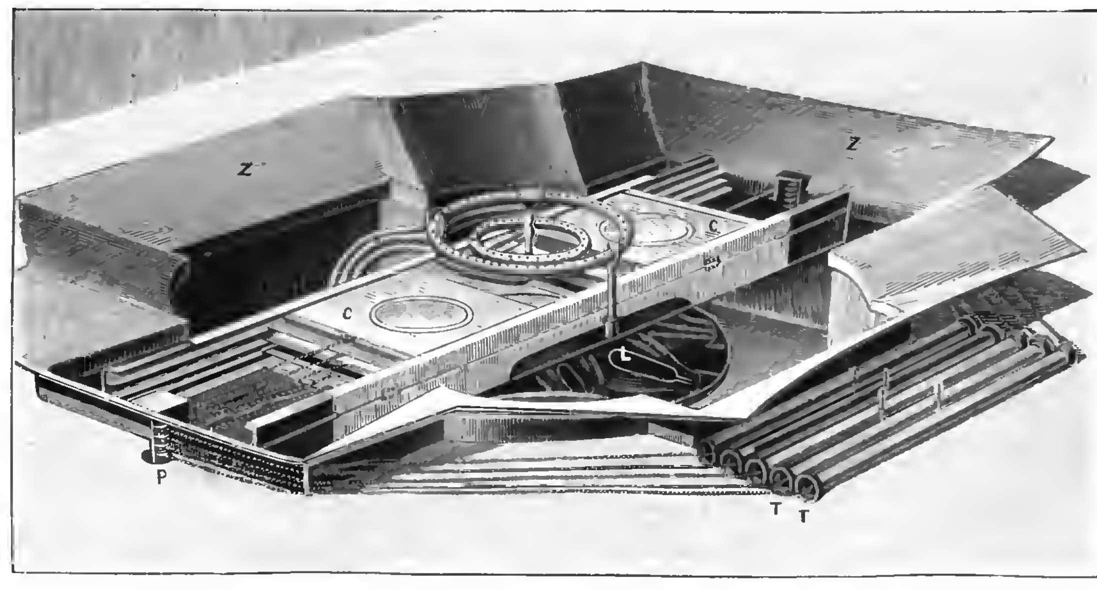
„РОССІЙСКІЕ ИМПЕРАТОРСКІЕ и ЦАРСКІЕ ОРДЕНА и МЕДАЛИ“.

Эта художественно исполненная таблица отпечатана двѣнадцатью красками, золотомъ и серебромъ на лучшей веленевой бумагѣ. Для отдѣльной продажи отпускается настоящій №. безъ этого приложенія, которое продается отдѣльно по 75 коп., а съ пересылкою (на скалкѣ) по 1 рублю.

ро-Американскихъ Штатовъ Гаррисона, о которомъ упоминалось въ прошломъ „Политическомъ обозрѣніи“, особенное вниманіе обращаетъ указаніе на блестящее финансовое положеніе Штатовъ. Въ виду крупнаго излишка государственныхъ доходовъ, говорится въ посланіи, достигшаго въ прошломъ году 57 милліоновъ долларовъ, представляется цѣлесообразнымъ сокращеніе доходовъ до размѣровъ дѣйствительно необходимыхъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Президентъ Гаррисонъ предлагаетъ пересмотръ таможеннаго тарифа и введеніе одинаковой системы оцѣнки стоимости товаровъ во всѣхъ портахъ, но при соблюденіи законныхъ интересовъ отечественной промышленности. Далѣе въ посланіи предлагается улучшеніе береговой обороны, увеличеніе военнаго флота, а также мѣры къ затрудненію перехода въ подданство переселенцевъ-соціалистовъ. Затѣмъ высказывается сожалѣніе, что американскій торговый флотъ сталъ отставать отъ торговыхъ флотовъ другихъ государствъ. Президентъ совѣтуетъ поощрять щедрыми денежными субсидіями американскіе пароходы, совершающіе рейсы въ Среднюю Америку, Южную Америку, Китай, Японію и т. д., а также предлагаетъ образованіе естественнаго резерва изъ торговыхъ судовъ, какъ то дѣлается въ Англіи, равно какъ прогрессивное поощреніе иностранной торговли. Въ годовомъ отчетѣ морскаго министра предлагается постройка двухъ боевыхъ кораблей, 20 броненосцевъ для обороны побережья, 3 канонерскихъ лодокъ, въ 1000 тоннъ каждая, и 5 миноносокъ. Изъ боевыхъ



Настольный свѣтящійся фонтанъ Гастона Меньє.



Механизмъ свѣтящагося фонтана Гастона Менье.

☛ Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ гг. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

☛ Городская почта въ послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени. ☚

судовъ 8 должны войти въ составъ флотиліи Тихаго океана, а 12 — въ составъ флотиліи Атлантическаго океана. На потребности флота требуется ассигнованіе въ будущемъ году 25 599,253 доллара.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 26 ноября, въ день празднованія учрежденія ордена Св. Вел.-муч. и Побѣдоносца Георгія состоялось принесеніе присяги достигшимъ совершеннолѣтія Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣемъ Михаиловичемъ.

Дѣла церкви.

— Святѣйшій Сиподъ опредѣлилъ: возвести Севастіановскую женскую общину, Пошехонскаго уѣзда, въ общежительный женскій монастырь, съ наименованіемъ сего монастыря Преображенскимъ-Севастіановскимъ.

— Въ московскомъ ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ законченъ наружною постройкой новый храмъ, воздвигаемый на средства Е. А. Первушиной, по проекту архитектора Шера, въ русско-византійскомъ стилѣ. Е. А. Первушина пожертвовала въ монастырь 40,000 р.

— Высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, наканунѣ дня своего тезоименитства (4 ноября) и сороковой годовщины служенія въ священномъ санѣ, прислалъ предсѣдателю комитета епархіальнаго училищнаго фонда 10,350 р. съ тѣмъ, чтобы эта сумма поступила въ неприкосновенный капиталъ фонда, а на проценты съ нея содержались по одному бѣдному ученику въ каждомъ изъ духовныхъ училищъ Московской епархіи; проценты даютъ семь полныхъ училищныхъ стипендій. Другое пожертвованіе въ 3,000 руб. въ то же время митрополитъ Іоанникій сдѣлалъ въ дамское попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ, въ которомъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату повелѣно:

1) Въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ употребленіе исключительно русскаго языка обязательно какъ во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ городскихъ общественныхъ управленій, такъ и въ сужденіяхъ мѣстныхъ городскихъ думъ. При этомъ разрѣшается, впредь до особыхъ распоряженій: а) постановленія и распоряженія городскихъ общественныхъ управленій, подлежащія опубликованію во всеобщее свѣдѣніе, излагать, независимо отъ русскаго, также и на нѣмецкомъ языкѣ, а въ случаѣ надобности и на мѣстномъ, по принадлежности, нарѣчіи: латышскомъ или эстонскомъ, и б) резолюціи по частнымъ просьбамъ, поступающимъ въ мѣстныя городскія общественныя управленія, объявлять на томъ языкѣ, на коемъ подана просьба.

2) Изложенныя въ п. 1 настоящаго указа постановленія вводятся въ дѣйствіе въ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ нынѣ же, а въ прочихъ городахъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній — по ближайшему усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ; — и

3) На предстоящіе въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ городскіе выборы, на новое съ 1890 года четырехлѣтіе, дѣйствіе примѣчанія къ ст. 17 городового положенія, т. II, ч. I, изд. 1886 года, пріостанавливается.

— Въ Ригѣ, 27 ноября, въ присутствіи Министра Юстиціи преосвященный Арсеній освятилъ зданіе окружнаго суда, послѣ чего чины новыхъ судебныхъ установленій были представлены Министру. 28 ноября состоялось торжество открытія новаго суда, начавшееся чтеніемъ Высочайшаго указа и приказовъ о назначеніи судебнаго персонала.

Въ Митавѣ окружный судъ открытъ Министромъ Юстиціи 30 ноября.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Недавно въ гор. Самарѣ пущена въ ходъ только что оконченная постройкою громадная паровая мукомольная мельница бр. Башкировыхъ. Главный корпусъ мельницы имѣетъ 7 этажей, съ каменною трубою, достигающею почти 25 саж. высоты. Постройка мельницы обошлась владѣльцамъ около 1.000,000 рублей.

— Въ Ферганской области, нынѣшней осенью вновь подготовлено 52,000 десятинъ орошаемой земли для посѣва американскаго хлопка. Въ случаѣ успѣшности посѣва, производство хлопка въ Средней Азіи увеличится на милліонъ пудовъ.

Торговля.

— 25 ноября, въ С.-Петербургскомъ порту происходило освященіе перваго въ Россіи портоваго зерноподъема (элеватора), построеннаго инженерами гг. Борейшою и Максимовичемъ, бывшими строителями Морскаго канала (описаніе и изображеніе элеватора см. въ № 49 *Нивы*).

— Въ послѣднее время въ гор. Вильнѣ на базарахъ закупается въ большомъ количествѣ, по весьма высокимъ цѣнамъ, солома для вывоза за-границу. За пудъ ржаной соломы платятъ на мѣстѣ не дешевле 15 коп.; доставка до Эйдкунена обходится 12 коп., а за-границею экспортеры еще заработываютъ копѣекъ 10 на пудѣ, такъ что за-границею цѣна соломы идетъ въ 37 коп., по цѣнѣ сѣна.

Народное здравіе.

— По поводу эпидеміи гриппа въ С.-Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ печати высказывалось, между прочимъ, мнѣніе, что эта болѣзнь служитъ предвѣстникомъ холерной эпидеміи, которая должна разразиться въ Россіи, не далѣе какъ весной будущаго года. Но новѣйшимъ изслѣдованіямъ и цифровымъ даннымъ, провѣреннымъ д-мъ мед. Смоленскимъ, оказывается, что обѣ эти болѣзни не представляютъ ничего общаго ни по существу, ни по условіямъ своего возникновенія и распространенія. Если онѣ въ нѣкоторые годы господствовали одновременно или чередовались, то эта связь или послѣдовательность представляется чисто случайною, и гриппъ, въ дѣйствительности, служитъ столь же мало предвѣстникомъ холеры, сколь и послѣдняя—предвѣстникомъ гриппа, или обѣ эти болѣзни — предвѣстниками цѣлаго ряда другихъ болѣзней, чередовавшихся или господствовавшихъ одновременно съ первыми и притомъ совершенно независимо отъ нихъ. Если въ будущемъ году холера и угрожаетъ Россіи, то во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ въ предъидущіе годы. Можно надѣяться, что заботы администраціи и общественныхъ управленій увѣнчаются въ будущемъ году такимъ же успѣхомъ, какъ въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ, то есть со времени появленія холеры въ Египтѣ въ 1883 году.

— По имѣющимся въ Асхабадѣ свѣдѣніямъ, ни въ Тегеранѣ, ни въ персидскихъ прикаспійскихъ провинціяхъ, ни въ Хоросанѣ холерныхъ случаевъ не было; въ центральной же Персіи холера сильна.

— Въ Севастополѣ, заболѣванія инфлуэнцой уменьшились и не имѣютъ характера эпидеміи.

— Въ Тифлисѣ заболѣваніе инфлуэнцой принимаетъ довольно значительные размѣры, сильнѣе между скученнымъ населеніемъ. Во всѣхъ типографіяхъ большинство служащихъ больны.

— Въ Луганскѣ сильная инфлуэнца, въ каждомъ домѣ по 2, по 3 больныхъ.

— Въ Оренбургѣ появился гриппъ; очень часты случаи скарлатины, кори и дифтерита.

Изъ губерній и областей.

— Въ Тифлисскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію бывшаго начальника пухинскаго мѣстнаго лазарета подполковника князя Туманова и старшаго врача Гречанинова въ злоупотребленіяхъ по службѣ, въ присвоеніи казенныхъ денегъ и въ подлогахъ. Судъ приговорилъ, по лишеніи чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинства, всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать Туманова въ Иркутскую, а Гречанинова въ Енисейскую губерніи.

— 10 минувшаго октября, въ портѣ Узунъ-Ада, въ Закаспійской области, былъ сдѣланъ опытъ однодневной переписи жителей. Оказалось, что въ портѣ Узунъ-Ада живетъ нынѣ 1,651 человѣкъ, въ томъ числѣ 241 женщина и 130 дѣтей.

— Въ Семирѣченской области до послѣдняго времени продолжались легкія содроганія земли. Они бывали иногда ежедневно, но нѣсколько разъ въ сутки, а иногда съ промежутками въ нѣсколько дней. Болѣе чувствительные подземные толчки, сопровождаемые гуломъ, были замѣчены 5 сентября, въ $11^3/_4$ ч. дня, 10 сентября, въ 1 ч. 15 мин. дня; на 11 число, въ 4 ч. 55 м. утра, было довольно сильное землетрясеніе. 18 числа, вечеромъ, въ $6^1/_2$ час., раздался сильный подземный гулъ, а затѣмъ послѣдовалъ подземный ударъ, такъ что строенія задрожали, и кое-гдѣ люди выбѣжали изъ домовъ. Затѣмъ, чрезъ минуту, послѣдовало продолжительное дрожаніе земли.

— По донесенію иссыкъ-кульскаго уѣзднаго начальника, по сѣверному и сѣверовосточному берегу Иссыкъ-Куля чувствуются почти ежедневно подземные толчки и колебанія. Въ селеніяхъ Преображенскомъ, Уйталѣ и Сазоновкѣ 7 ноября утромъ сильнымъ толчкомъ повредило трубы.

Некрологъ.

— 22 ноября, въ СПБ., скончался извѣстный картографъ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Алексѣй Аполлоновичъ Ильинъ.

— Въ Кіевѣ, 23 ноября, въ 6 час. вечера, скончался генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ.

Смѣсь.

Японскій праздникъ. Попечительство Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, устраиваетъ въ среду, 13 декабря настоящаго года, художественный балъ-маскарадъ подъ названіемъ „Японскій праздникъ“, подъ наблюденіемъ П. П. Каразина, съ безпроигрышною лоттереею, базаромъ разныхъ вещей и цвѣтовъ, и призами за оригинальные и характерные костюмы. Плата за входъ 5 рублей.

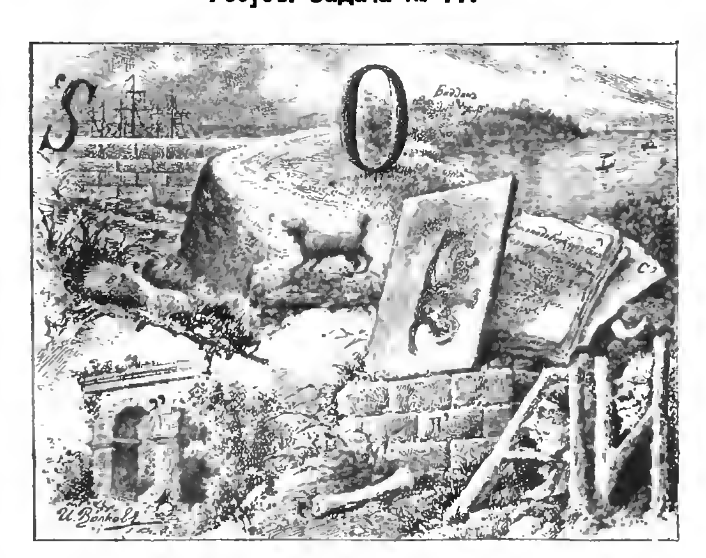
Изъ пребыванія императора Александра 1-го въ Таганрогѣ. Вспоминая исполнившуюся недавно 64-ю годовщину памятнаго для Таганрога дня кончины императора Александра 1-го, *Таганрогскій Вѣстникъ* передаетъ многія малоизвѣстныя подробности послѣдняго пребыванія этого монарха въ Таганрогѣ. У императора было излюбленное мѣсто за городскимъ садомъ — извѣстный всѣмъ пригорокъ, на которомъ росли пять старыхъ дубовъ, посаженныхъ первымъ таганрогскимъ комендантомъ Каннеровымъ при Екатеринѣ Великой. Тамъ, подъ тѣнью этихъ дубовъ, на каменной скамейкѣ императоръ часто сиживалъ одинъ по цѣлымъ часамъ. Есть извѣстіе, что въ это время въ Таганрогъ пріѣзжалъ одинъ изъ злоумышленниковъ съ цѣлью покушенія на жизнь императора. Государь, знавшій о заго-

ворѣ, призвалъ къ себѣ пріѣзжаго и своимъ видомъ и обхожденіемъ произвелъ на него такое впечатлѣніе, что тотъ упалъ на колѣни и просилъ о помилованіи. Императоръ обласкалъ его и отпустилъ, снабдивъ еще и деньгами на дорогу. Изъ Таганрога государь ѣздилъ въ Крымъ. Здѣсь на южномъ берегу свирѣпствовала тогда лихорадка, а между тѣмъ государь часто подвергался всѣмъ случайностямъ погоды, кромѣ того онъ очень много ходилъ и ѣздилъ то на конѣ, то въ экипажѣ, питался гдѣ попало, у татаръ, въ греческомъ монастырѣ, непривычною пищею. Въ концѣ концовъ лейбъ-медикъ Вилліе подмѣтилъ у императора начало болѣзни. Но государь упорно отказывался отъ лѣченія и до самаго прибытія въ Маріуполь, лейбъ-медикъ не получалъ отъ него иного отвѣта: „Я здоровъ, не пичкайте меня лѣкарствами.“ По возвращеніи въ Таганрогъ 5 ноября, на вопросы егермейстера кн. П. Г. Волконскаго, государь отвѣчалъ: „У меня небольшая лихорадка не смотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ расхвалили.“ Къ этому онъ прибавилъ, что эта лихорадка началась у него еще въ Бахчисараѣ. Чувствуя нездоровье и слабость, государь, наконецъ, согласился полѣчиться. Съ этого времени сильный жаръ, чередовавшійся съ обильной испариной, истощали организмъ больнаго до такой степени, что отъ малѣйшаго усилія съ государемъ дѣлался обморокъ. Примѣчательна такая подробность: во все время болѣзни императора, собаки ужасно выли подъ окнами, что было предметомъ общихъ разговоровъ. Въ три дня этихъ собакъ было перебито до 150 штукъ. Вечеромъ 14 ноября Вилліе нашелъ, что государь въ крайней опасности; когда было сообщено о томъ государынѣ, она предложила императору исполнить христіанскій долгъ. „Развѣ я такъ плохъ?“ спросилъ императоръ у Вилліе. Лейбъ-медикъ, заливаясь слезами, объявилъ ему всю правду. Императоръ пожалъ ему руку. На другой день государь исповѣдывался и причащался; скоро силы совсѣмъ оставили его, и незадолго передъ 19-мъ числомъ, днемъ его кончины, онъ потерялъ сознаніе. Онъ скончался на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, изголовьемъ къ камину. Мѣсто это обозначено и теперь еще черною тесьмою на коврѣ въ той комнатѣ которая вскорѣ затѣмъ была превращена въ домовую церковь. Въ Таганрогѣ еще недавно были живы современники императора Александра I, сохранившіе личныя воспоминанія о привѣтливомъ и ласковомъ обращеніи съ ними Благословеннаго. Императоръ съ удивительною простотою проводилъ въ ихъ средѣ свои послѣдніе дни, живо принимая къ сердцу скромные интересы ихъ незатѣйливой будничной жизни. Императору Александру Таганрогъ обязанъ весьма многимъ, и именно не только его времени, его царствованію, но его личному попеченію и заботамъ. (в)

Надъ вліяніемъ чая и кофе на процессы мозга произведены были д-ромъ Дегіо въ Дерптѣ весьма интересныя наблюденія. Посредствомъ измѣренія періодовъ реакціи, т. е. продолжительности вызваннаго тѣмъ или другимъ веществомъ дѣйствія, д-ръ Дегіо установилъ разницу между возбуждающимъ дѣйствіемъ чая и кофе, по сравненію ихъ съ алкоголемъ. Всѣ три средства прежде всего ускоряютъ дѣятельность мозга; но алкоголь, дѣйствуя ускоряюще на процессъ движенія и проявленія воли, напротивъ того—скоро замедляетъ процессы сознанія. Кофеинъ-же, т. е. заключающееся въ кофе дѣйствующее вещество, а еще болѣе чай—вызываютъ ускоренную и въ то же время продолжительную воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, способствуя соединенію ихъ въ сложныя группы представленій. Если алкоголь устраняетъ заботы и затрудненія, возбуждаетъ храбрость и подбиваетъ на неразумныя выходки, дѣлая насъ неспособными къ серьезной мысленной работѣ, то чай, при продолжительномъ умственномъ напряженіи, прогоняетъ сонъ, поддерживаетъ вниманіе и облегчаетъ усвоеніе утомительныхъ подробностей. При хроническомъ злоупотребленіи алкоголемъ, мы видимъ постепенное ослабленіе сдержанности, самообладанія, упадокъ характера и нравственной устойчивости, между тѣмъ какъ привычное, постоянное питье чая никогда не имѣетъ такихъ вредныхъ послѣдствій. (с.)

Перстъ Божій. Въ одной изъ южныхъ газетъ помѣщенъ слѣдующій разсказъ очевидца. Въ хуторкѣ Варваровкѣ, Екатеринославской губ., трое лицъ охотившихся въ имѣніи помѣщика, по окончаніи охоты заѣхали къ арендатору этого имѣнія. Черезъ нѣсколько времени имъ сказали, что въ экономической избѣ, занимаемой приказчикомъ, произошло нѣчто особенное. Охотники направились въ избу и увидѣли въ углу комнаты пожилую женщину, жену приказчика, которая плакала, а посреди комнаты — ея дочь, дѣвушку лѣтъ 15, державшую руку у лѣваго глаза. Оказалось, что за нѣсколько минутъ передъ этимъ дочь начала бранить свою мать, за то что она заставляла ее работать, и, между прочимъ, сказала: „Чтобъ тебѣ — старой вѣдьмѣ—глаза повылѣзли!“ Оскорбленная мать, женщина весьма кроткая, стала плакать и направилась къ выходу. Не успѣла она еще за собою затворить дверь, какъ услышала крикъ дочери. Она вернулась назадъ и увидѣла, что съ лѣвымъ глазомъ ея дочери, до того совершенно здоровымъ, случилось что-то особенное. Охотники, подойдя къ дѣвушкѣ, увидѣли красноватую опухоль, образовавшуюся кругомъ глаза. Зрачекъ упалъ въ глубину, а бѣлокъ остался на своемъ мѣстѣ. Очевидно, глазъ лопнулъ, такъ какъ изъ него текла вода. Онъ имѣлъ ужасный видъ и производилъ подавляющее впечатлѣніе. Плева, гладко покрывавшая зрачекъ, запала въ средину и образовала нѣсколько морщинъ. На разспросы дѣвушка отвѣтила, что въ моментъ выхода матери ея изъ комнаты, она почувствовала въ лѣвомъ глазу зудъ, а потомъ острую боль, но что теперь она, все-таки, этимъ глазомъ видитъ. Это такъ сильно на нее подѣйствовало, что во все время разсказа она дрожала всѣмъ тѣломъ. Въ нашъ вѣкъ невѣрія такое удивительное происшествіе нелишне сообщить. (в.)

Ребусъ. Задача № 77.



Рѣшеніе шашечной задачи № 67 (помѣщенной въ № 43).

Бѣлыя.	Черныя.
1) d 4 — f 6	1) e 3 — g 1
2) a 5 — b 6	2) c 7 — a 5
3) f 6 — d 8	3) g 1 — b 6
4) c 3 — b 4	4) a 5 — c 3
5) d 8 — e 1	5) a 7 — b 6
6) e 1 — a 5	6) b 6 — c 5
7) a 5 — b 4	7) c 5 — a 3
8) a 1 — b 2	Шашка запер.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Н. Панкова, Ф. А. Бородкина, А. А. Поспѣева, **Москва**—А. Матрина, Н. П. Смирнова, **Бѣлгородъ**—Ѳ. I. Мазуръ, **Кузнецкъ** — Батарчукова, **Ромны** — Н. Кузнецова, **Ташкентъ**—Л. Соколова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 68 (помѣщенной въ № 43).

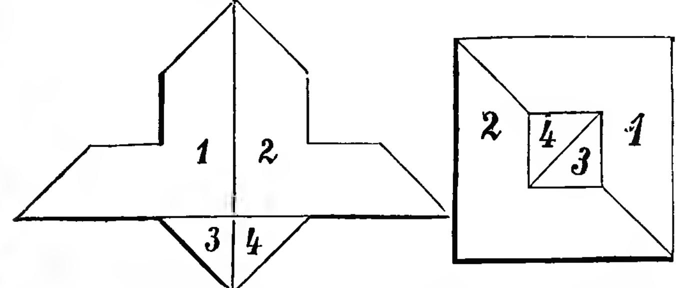
Бѣлыя.	Черныя.
1) К. a 3 — c 2	С. a 6 — c 4
2) Ф. g 5 — c 1	Куда угодно.
3) Ф. c 1 — h 1	
Ф. c 1 — h 6	
К. c 2 — b 4 + +	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—А. А. Поспѣева, **Городичь**—И. Гротковскаго, **Елецъ**—Х. Розенфельдъ.

Рѣшеніе ребуса № 66 (помѣщеннаго въ № 43).

„У Бога всего много“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 70 (помѣщ. въ № 46)



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Н. Панкова, В. А. Смирнискаго, С. П. Александрова, М. Кочергина, Старкова, Б. Постникова, Н. Иванова Г. Павлова, Ф. Михель, В. Кондратьева, А. В. Евтихіева, С. Лкндстремъ, П. Иванова, В. А. Верентинова, С. Петрова, Б. Краткрова, М. Рымкевичъ, А. С. Шведовъ, В. Герцель, Л. Даниклевича, Г. А. Дмитріева, **Москва**—Галкцынскаго. А. Ѳеопемптова, Кравцова, Л. И. Курилова, Гречищкина, С. Покровскаго, В. М. Михайлова, М. Маціевской, Е. Фигурова, П. Г. Лебедева, И. И. Волгина, В. Жаркова, Ф. Ф. Быкова, **Б. Коровино** — Н. К. Терскаго, **Баланово**—Л. М. Скорнякова, **Варшава**—К. Меркушкина, **Горки**—Г. З. У., **Грязи**—Борейта, **Глуховъ**— В. М. Семенникова, **Дрезна** — Зубрилкина, **Динабургъ** — М. Загеръ, Н. Крастингъ, **Екатеринославъ**—Ф. Ильяшевича, **Зимарово**—А. П. Аблова, **Злынка** — Х. Е. Макарова, **Ковровъ**—И. П. Мытарева, **Коломна**—Шевлягина, И. И. Вережнева, **Кіевъ**—И. Васильченко, А. Н. Шульженко, **Кузнецы**—Ф. И. Перова, **Каменская**—В. Е. Севрюгова. **Кременчугъ**—Е. Е. Добровицкаго, Н. Г. Рѣзникова. С. Л. Добровенскаго, **Кишиневъ**—М. Красильщика, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Минскъ** — В. Ярмолоевича, **Мценскъ**—И. Н. Паклова, П. А. Виноградова, Г. Г. Максимова, **Махновка** — Слабодинскаго, **Новочеркаскъ** — И. Каринскаго, **Н. Новгородъ** — Цвксъ, **Одесса** — А. О. Поваки, **Рыбинскъ** — Грызлова, **Рыпинъ**— Ермолаева, **Рожки**—Нѣмцевича, **Рига**—М. Круненниковой, **Самара**—А. Вишнякова, **Сергіевъ пос.**—Стромынцева, **Севастополь**—П. А. Кандаракк, **Шацкъ** — Филимоновичъ, **Юхновъ** — К. П. Олицкаго, **Ямбургъ**—А. Эбергъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ. Невскій, № 6.

Подарки къ Рождеству!

Гёте.

„ФАУСТЪ“

переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравир. на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **Энгельберта Зейбертца.**

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 руб.**, перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

А. Н. Майкова.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб. **Для г.г. подписчиковъ „Нивы“ 5 руб. 50 коп.**, съ пересылкою **6 р. 25 к.**; въ переплетѣ **7 руб.**, съ пересылкою **8 руб.**

Н. П. Гнѣдича.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ.

Большой томъ, in quarto, съ 430 прекрасно исполненными гравюрами. Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 руб.; въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисней. и 3-мя краск. 7 руб., съ перес. 8 р. 50 к.

Н. Морскаго (Лебедева).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

съ 118 рисунками и виньетками **Н. Н. Каразина.**

Цѣна **2 руб.**, **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, съ перес. **2 руб.**, въ коленкор. перепл. съ зол. тисн. **2 руб.**, съ перес. **2 руб. 50 коп.**

Н. Н. Каразина.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ, **съ 20-ю рисунками автора.**

Изданіе 2-е. Цѣна **2 р.**, съ перес. **2 р. 30 к.**; въ коленк. переп. **2 р. 75 к.**, съ перес. **3 р. 25 к.**

Гр. Е. А. Саліаса.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 2 р. 50 коп., **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, въ коленкоровомъ переплетѣ **2 руб. 25 коп.**, за пересылку **50 к.**

Вс. Соловьева.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.

Историч. романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ 2-хъ частяхъ, 711 стр. Цѣна 3 руб.

Для гг. подписчиковъ „НИВЫ“: 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

Н. П. Гнѣдича.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 12 разсказовъ, на 486 стран., украшенный массою виньетокъ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп.**; въ коленкоровомъ переплетѣ **2 руб. 25 коп.**, за пересылку **50 коп.**

Вс. Соловьева.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа XVII вѣка. Изданіе 2-е. Цѣна **2 руб.**, **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, въ коленкоровомъ переплетѣ **2 руб. 25 к.**, за пересылу **50 коп.**;

Вс. Соловьева.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Романъ-хроника XVIII вѣка, въ 3-хъ частяхъ. Романъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. Изд. 2-е. Цѣна 2 руб., **для г. г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, въ коленкоровомъ переплетѣ **2 руб. 25 к.**, **за пересылку 50 коп.**

Вс. Соловьева.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ, 693 стр. Цѣна 3 руб.; **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, въ коленкоровомъ переплетѣ **2** руб. **25** коп., **за пересылку 50** коп.

Вс. Соловьева.

ИЗГНАННИКЪ.

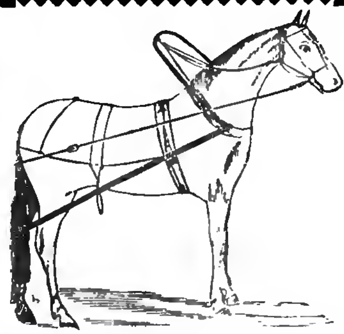
Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 руб., **для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп.**, въ коленкоровомъ переплетѣ **2 руб. 25 коп.**, **за пересылку 50 к.**

УКРАШЕНІЯ для ЕЛКИ.

Высылка по всей Россіи.

Коллекція № 1 содержащ. 90 разнообр. предм. Р. 10.—
Коллекція № 2 содерж. 150 разнообр. предм. Р. 15.— } Цѣна безъ пересылки.

Составленіемъ каждой коллекціи я имѣлъ въ виду удовлетворить всякому по возможности самому разнообразному и разборчивому вкусу и входятъ въ составъ только заграничные великолѣпно блистающіе и вмѣстѣ съ тѣмъ прочные предметы и изъ стекла и металла. Складъ у № 4212
ОСКАРА ЛЕССЕРЪ, Фонтанка, 54.



Полная одиночная городск. или бѣгов. упряжь съ бѣл. или томпак. прибор. и неломающейся дугой, самаго новѣйшаго рисунка, очень нарядная, прочная и изящная 30 р. съ металлич. подвѣск. съ кистью къ уздечкѣ 33 р. перес. по жел. дор. 3 р. Почтою за 32 ф. Фабрика М. и И. Малышевыхъ Саратовъ.

!ДЛЯ ПОДАРКОВЪ!
КОСТЮМЫ

съ роскошной отдѣлкой для бальныхъ и вечернихъ платьевъ.

AU BON MARCHÉ

С.-Петербургъ № 4209
Гостиный дворъ, № 133 и 134.

НОВОСТЬ ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

особенно хорошо **подходящая для подарка**

Элегантный **Дамскій уборъ** съ натуральными **Бразильскими золотистыми жуками** въ самыхъ красивѣйшихъ настоящихъ золотыхъ и серебр. оправахъ 56 и 84 пробы

Браслеты, золотые 13 р. 50 к., серебр позолоч. 4.50, 5, 6.50 и 12 р. (10 жук.)

Брошки, золот. 13 р. 50 к., серебр. позолоч. 4.50, 5.50 и 6 р.

Серьги, золот. 6 р., серебр. позол. 3 р

При заказѣ полнаго гарнитура, состоящаго изъ браслета, брошки и серегъ, дѣлается 5% скидки. Бразильскіе жуки играютъ при солнцѣ и при свѣтѣ различными преимущественно зелено-бронзово-золотистыми цвѣтами. Высылка заказовъ по всей Россіи по полученіи стоимости таковыхъ.

СКЛАДЪ: № 4211

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
С.-Петербургъ, Фонтанка, 54.

САРПИНКА

отъ **12 коп.** аршинъ и дороже.

Собственное приготовленіе изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи.

Новые изящные рисунки, ручное тканье. Хорошо моется.

Продажа партіонная и розничная.

По требованію — высылаются образцы заказной бандеролью за плату (почтовыми марками):

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к.
Въ конвертѣ, пачками, ненумерованные, за 30 копѣекъ.

При нихъ условія и указанія пересылки. Высылка образцовъ начнется съ 15-го декабря с. г.

Адресъ: **Саратовъ, Торговому дому „А. Бендеръ съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ“.**

Московская ул., д. Т. М. Лобанова.

Телеграммы: № 4145 5—3
Саратовъ. Бендеръ—Степановъ.

1890 годъ **„ОСКОЛКИ“** X годъ

Подъ редакціей Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными). № 4199 3–2

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премію.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получать

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу Н. А. Лейкина

„ПОДЪ ОРѢХЪ“,

сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. 8 р., на годъ безъ перес. и дост. 7 р., на полгода съ перес. и дост. 5 р., на полгода безъ перес. и дост. 4 р., на три мѣс. съ перес. и дост. 3 р.

◆ **На пересылку премія заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике*.

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

ЭЛЕОПАТЪ

Провизора КИНУНЕНА.

1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ въ употребленіи. **1890**

Средство противъ перхоти головы.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.

Цѣна флакона 1 рубль 50 коп.

№ 4197 (2) *Пров. КИНУНЕНЪ.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года

„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

НА 1890 ГОДЪ.

Условія подписки:

На 1-е (большое) изданіе:

	На годъ р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Безъ доставки	14 50	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8 —	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Съ дост. по гор. почтѣ	16 —	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —	9 —	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ перес. иногор.	17 —	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30	10 —	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу	26 —	24 50	23 —	21 —	18 50	16 —	14 —	12 —	10 —	8 —	6 —	3 —
Въ страны, не вошедшія въ почтовый союзъ	47 —	44 —	41 —	38 —	35 —	32 —	28 —	24 —	20 —	16 —	11 50	6 —

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородными подписчиками: при подпискѣ—7 р., въ концѣ марта—7 р. и въ началѣ августа—3 р.; городскими: при подпискѣ—5 руб. 50 к., въ концѣ марта—5 р. 50 к. и въ концѣ іюня—5 руб.

На 2-е (малое) изданіе:

	На годъ р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Съ дост. по гор. почтѣ	9 —	8 50	8 —	7 50	7 —	6 50	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
Съ перес. иног.	10 —	9 50	9 —	8 50	8 —	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
За границу	18 —	— —	— —	— —	— —	— —	10 —	— —	— —	6 —	— —	2 —
Въ страны не вошедшія въ почтовый союзъ	39 —	— —	— —	— —	— —	— —	20 —	— —	— —	11 —	— —	— —

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ — по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородными подписчиками: при подпискѣ—4 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюля—3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюня—3 руб.

Подписка принимается **только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.**

Деньги и письма адресуются: въ Петербургъ, въ контору газеты „Новости“ (Невскій, № 10). Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“. № 4217

Открыта подписка на 1890 годъ на новый журналъ

На годъ 3 р.
„ 6 мѣс. 2 „
„ 3 мѣс 1 „

„АКУШЕРКА“

На годъ 3 р.
„ 6 мѣс. 2 „
„ 3 мѣс. 1 „

для акушерокъ, фельдшерицъ и фельдшеровъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала „**Акушерка**“, Брянскъ (Орловск. губерніи).

Въ книжныхъ магаз. К. Риккера, СПБ., Невскій, № 14; А. Лангъ, въ Москвѣ.

№ 4215 2—1 Редакторъ-издатель акушеръ **Амброжевичъ**.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.: въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

СКЛАДЪ ПЕРВОСБОРНЫХЪ ЧАЕВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,

на Кузнецкомъ Мосту, домъ Захарьина, въ Москвѣ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧЕРНАГО ЧАЯ РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

№ 10 „**ЖЕМЧУЖНЫЙ**“, императорскій ароматный черный чай по 1 руб. 60 коп. за фунтъ.

№ 11 отборный „**ИМПЕРАТОРСКІЙ**“ отличнаго качества съ сильнымъ букетомъ черный чай по 2 руб. за фунтъ.

Въ особенности же знатокамъ и любителямъ рекомендуется:

№ 5 Ханскій черный чай необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата „**ЦАРСКІЙ БУКЕТЪ**“ по 2 р. 16 коп. за фунтъ.

ПЕРЕСЫЛКА ЧАЯ

во всѣ города Россійской Имперіи принимается на счетъ торговаго дома.

Условія продажи и прейсъ-курантъ по требованію гг. покупателей высылаются немедленно. Н. № 4204 3–1

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО · ИНОГОРОДНИМЪ

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ. ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

въ 10 УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢГЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой.

А. С. Шиманскій.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ ЛИЛИПУТЪ

безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 9 р. 50 к.
съ пересылкою . . 10 „ — „

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНІИ ФАБРИКИ І. Ф. КАЛЬБЕ.

Однорядныя въ 4½, 5½, 6, 7, 7½, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя въ 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 р.
Трехрядныя въ 30, 50, 60 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 руб. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Продажа оптомъ и въ розницу.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. №4213

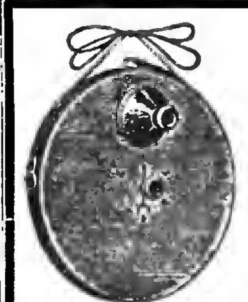
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

КТО

не можетъ пріобрѣсти обувь нашего производства, за неимѣніемъ таковой въ продажѣ на мѣстѣ его жительства, просимъ обратить вниманіе знакомаго, предпріимчиваго торговца на наше издѣліе.

№ 4131 8—6



Весьма легко для каждаго заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.

Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.

Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается безплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касающихся фотографіи.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°** С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николая Александровича Курбатова,

въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно-дѣйствующіе винокуренные аппараты, виноочистительные аппараты новѣйшей конструкціи, ректификаціонные аппараты. Паровые и для привода. Бражные и водяные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи.

Заказы изготовляю быстро и аккуратно. Цѣны умѣренныя. Смѣты, планы и чертежи высылаю по первому требованію. 5—4

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3925

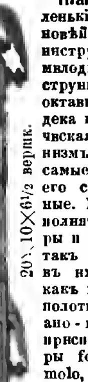
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

! НОВОСТЬ !



20×10×6½ вершк.

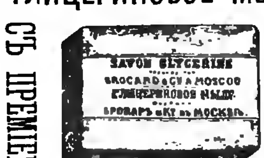
Піано-Мелодино, маленькій ручной рояль; новѣйшій музыкальный инструментъ. Піано-мелодино имѣетъ 54 струны, объемъ въ 3 октавы, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкція самые прочные. Звуки его сильные и пріятные. Пьесы можно исполнять: какъ увертюры и аріи изъ оперъ, такъ и танцовальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноты на прочной полотняной полосѣ. Піано-мелодино имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174 4-3

Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за метръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ безплатно. Вѣсъ съ упаковк. 2 пуда.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,

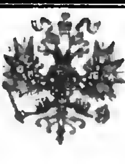
Москва, Петровка, домъ Волкова.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО СЪ ПРЕМІЕЙ СЪ ПРЕМІЕЙ



БРОКАРЪ и К°.

Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8—7



РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, №. 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года. ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ, ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, АНТВЕРПЕНЪ—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 800 руб. Салонные рояли 900 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.

№ 4214 3—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ каталогъ сѣмянъ отъ сѣмянной торговли В. Е. Грачева въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 5 декабря 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 51 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис).
Выданъ 16 декабря 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разл. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Клипперъ „Вѣстникъ“ въ рѣкѣ Тамаръ, въ Тасманіи (Вандименова земля). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXVIII.

Прасковья Андреевна была поражена не тѣмъ что придется выходить изъ Петербурга по Новгородской дорогѣ пѣшкомъ, или ѣхать на крестьянскихъ розвальняхъ съ солдатомъ: ее исключительно пугала мысль о томъ, что можетъ приключиться съ единственнымъ ребенкомъ въ такомъ пути.

Дорогой изъ Саксоніи, гдѣ онъ родился, въ Петербургъ—она дрожала при малѣйшей перемѣнѣ погоды, а между тѣмъ онъ былъ въ люлькѣ, въ большой, всегда закрытой, каретѣ. Люлька помѣщалась между ними двумя на сидѣньи. Изъ-за нея они жались и ѣхали самымъ неудобнымъ образомъ, спали по-очереди и дежурили надъ маленькимъ Андрюшей. А теперь придется въ мятель, въ морозъ держать его на рукахъ подъ шубкой такъ же, какъ часто видала Полина на дорогѣ у встрѣчныхъ бабъ, изумляясь этому способу путешествія. Она не могла безъ ужаса подумать, что ей придется везти ребенка на рукахъ именно такъ, имѣя на себѣ и на немъ одну и ту же шубку... по-крестьянски...

Продумавъ нѣсколько часовъ, но ни слова не сказавъ мужу, который сидѣлъ тоже какъ потерянный и совершенно неспособный разсуждать и рѣшать что-либо, Прасковья Андреевна, наконецъ, пришла къ заключенію, что имъ остается только одно: бѣжать и скрыться, сдѣлаться бѣглыми, попасть въ то положеніе, которое когда-то мерещилось ей еще при жизни отца.

Тогда она хотѣла бѣжать и скрываться со своимъ нареченнымъ, покуда отецъ живъ. Теперь же приходилось дѣлать то же самое. Но ради кого? Вотъ что̀ ужасно и невыносимо оскорбительно! Изъ-за своей же горничной дѣвки, которая теперь — княгиня Березопольская!

Въ сумерки Прасковья Андреевна объяснила мужу, что путешествіе въ Рязань за тысячу верстъ убьетъ ихъ Андрюшу и что если они когда-либо избавятся отъ неволи, въ чемъ она не сомнѣвалась, то все-таки не вернутъ ребенка. Поэтому имъ нѣтъ другаго исхода, какъ немедленно скрыться куда бы то ни было.

Миловановъ не отвѣтилъ ни слова. Но когда черезъ нѣсколько мгновеній Прасковья Андреевна взглянула на мужа, она изумилась. Онъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно.

— Что́ съ тобой? вымолвила она.

— Ничего, отозвался онъ.

— Чего же ты испугался? Быть бѣглымъ? Что̀ же намъ за это будетъ, если бъ насъ и нашли? Покуда мы будемъ скрываться, ходатаи наши будутъ хлопотать, затѣютъ въ судѣ дѣло. И я знаю, что оно кончится въ нашу пользу. Можно начать дѣло объ обманѣ. Мы можемъ скрыться тотчасъ же. Завтра утромъ тайно купить карету и лошадей... Тотчасъ же выѣхать и отправляться въ королевство Саксонское. Кому придетъ на умъ догонять насъ по дорогѣ?

Миловановъ молчалъ.

— Что же ты? Чего-жь ты боишься? Развѣ это невозможно?

— Можно.

— Страшно что-ли?

— Нѣтъ, чего-же страшнаго...

— Такъ что-жь тогда? нетерпѣливо и пылко выговорила Прасковья Андреевна.

Миловановъ робко взглянулъ на жену, глаза его были влажны, и онъ вдругъ выговорилъ едва внятнымъ голосомъ:

— А ангелъ?

Прасковья Андреевна не сразу отвѣтила. За весь этотъ день она промучилась исключительно мыслями о ребенкѣ и ни разу не вспомнила о другомъ дѣтищѣ ея мужа.

— Ну, что-жь, выговорила она.—Квартира останется за нами и статуя будетъ стоять въ той-же горницѣ, покуда мы не вернемся.

— Нѣтъ! отчаянно затрясъ головой Миловановъ.— Нѣтъ! нѣтъ! Сейчасъ-же все имущество, какъ бѣглыхъ крѣпостныхъ. отберутъ въ полицію, а тамъ перешлютъ къ помѣщицѣ. А его, конечно, разобьютъ дорогой... Да и не пошлютъ, а выкинутъ! Что́ имъ каменная кукла, хоть-бы и ангелъ. Да и что̀ она значитъ, коли никто на нее вниманія не обратилъ! Одинъ какой-то старичокъ...

— Ну, такъ пожертвуй ребенкомъ - сыномъ изъ-за каменной куклы! рѣзко, хотя и тихо произнесла Прасковья Андреевна.

— Я этого не говорилъ... Надо такъ придумать чтобы... И онъ не докончилъ.

— Чтобы что̀?.. Самъ не знаешь! Да, наконецъ, если насъ отправятъ пѣшкомъ по этапу, то все равно, наше имущество останется здѣсь на произволъ полиціи, или будетъ описано. Вѣдь не повеземъ-же мы за собой на отдѣльной подводѣ ящикъ со статуей. Мы будемъ идти, а ангелъ—ѣхать! Недурно! Тутъ надо ужь спасать, Юрій, ребенка, спасать себя, а не...

Прасковья Андреевна запнулась, потому что хотѣла сказать то же слово: каменную куклу.

— Какъ знаешь! отозвался Миловановъ. — Только скажи съ вечера. Если завтра бѣжать, то я къ вечеру лучше ужь самъ его покончу...

— Кого?!. Что?!.

— Возьму топоръ, или ломъ, и искрошу на куски. Лучше самъ, чѣмъ другіе!

— Это ребячество! Или ты злишься на кого-то, мстить хочешь! со слезами въ голосѣ вымолвила Прасковья Андреевна.

— Кому? За что? Богъ съ тобой...

— Конечно, я виновата, что когда-то поступила поребячьи. Но что̀-жь теперь дѣлать? Наконецъ, мы можемъ тотчасъ-же уложить статую, а завтра-же рано утромъ свезти ее къ кому-нибудь и отдать на сохраненіе. Это дѣло двухъ часовъ времени. И крѣпостные люди имѣютъ право дарить свое имущество, кому вздумается. Дойди сейчасъ наверхъ въ это семейство... ну, этотъ чиновникъ, что живетъ надъ нами. Объясни ему все и предложи взять статую на сохраненіе въ ящикѣ, за какую-бы то ни было цѣну. Эта семья вся мнѣ очень нравится: и онъ, и жена его, и дочь. Жаль, что мы съ ними раньше не познакомились. Ступай сейчасъ и объяснись.

Миловановъ тотчасъ-же отправился однимъ этажемъ выше, къ сенатскому чиновнику, котораго только изрѣдка встрѣчалъ на лѣстницѣ и съ которымъ уже началъ раскланиваться, но еще не заговаривалъ.

Прасковья Андреевна стала терпѣливо ожидать мужа, сидя въ дѣтской съ ребенкомъ на рукахъ. Изрѣдка, глядя въ лицо младенца, она произносила полушепотомъ:

— Да, бѣжать! Конечно! Бѣжать, спасать! Бѣгаютъже преступники, ихъ ловятъ и не находятъ... А они безъ денегъ!.. А у насъ большія деньги, мы могли-бы корабль купить и въ Швецію уѣхать, если-бы не зима.

Миловановъ долго не являлся, и Прасковья Андреевна начинала уже волноваться и сердиться. Первый разъ въ жизни она негодовала на мужа. Во-первыхъ, за то,

что онъ свое мраморное дѣтище какъ бы предпочиталъ этому херувиму-сыну. Во-вторыхъ, теперь всякая минута дорога, а онъ сидитъ тамъ. Неужели онъ подробно болтаетъ о томъ, гдѣ и какъ сохранять его статую.

Прошло часа два, и Миловановъ появился въ дѣтской.

— Этакъ нельзя! воскликнула Прасковья Андреевна внѣ себя.—Это безсмысленно! Это даже грѣхъ!

Миловановъ изумленно поглядѣлъ на жену.

— Два часа сидѣть, болтать о пустякахъ, когда надобно обдумать малѣйшую подробность! Часовъ черезъ двѣнадцать мы должны уже выходить изъ этой квартиры. А еще надо укладывать эту дурацкую куклу! А ты о ней съ чиновникомъ разсуждалъ двадцать часовъ.

— И совсѣмъ не о... куклѣ! тихо но съ укоромъ отозвался Миловановъ. — Объ статуѣ всего четверть часа толку было. Онъ, конечно, берется и отвѣчаетъ за сохранность. Даже, если полиція будетъ требовать, то не отдастъ. Онъ болѣе важный чиновникъ, чѣмъ мы думали... Я съ нимъ говорилъ о нашемъ дѣлѣ, а не объ ангелѣ. Онъ будетъ у насъ завтра рано утромъ. Онъ берется за все... Онъ говоритъ, что мы попали на мерзавца и сутягу Павлинова.

И Миловановъ разсказалъ женѣ, оживляясь, что чиновникъ этотъ съ нѣмецкою фамиліей, прозывающійся фонъ-Мейеръ, чисто русскій человѣкъ, статскій совѣтникъ и что-то такое особенное въ сенатѣ.

Достаточно было судить о его значеніи по тому обстоятельству, что онъ прямо обѣщалъ Милованову, что распоряженіе генерала Орвадзе о высылкѣ крѣпостныхъ людей княгини Березопольской по этапу будетъ завтра-же непремѣнно отмѣнено.

Прасковья Андреевна, слушая мужа, уже давно положила ребенка въ люльку и теперь съ оживленнымъ и взволнованнымъ лицомъ слушала все, что онъ разсказывалъ.

— Все повторялъ: „какая досада, что раньше мы не познакомились!“ А затѣмъ еще одно, тоже важное. Онъ мнѣ сказалъ, что какъ-же это мы принимаемъ такихъ именитыхъ гостей, какіе у насъ бываютъ, а позволяемъ разнымъ кавказцамъ Орвадзе надъ собой мудрить... Я спросилъ про кого онъ говоритъ, и оказалось, что онъ видѣлъ выходящимъ отъ насъ этого старика, что приходилъ глядѣть ангела...

— Ну?! воскликнула Прасковья Андреевна, схвативъ мужа за руку.

— Ну, я ему сказалъ, что этотъ господинъ не захотѣлъ назвать себя и спросилъ у него, какъ его фамилія. Онъ на это какъ-то замялся и сказалъ, что если тотъ господинъ самъ не пожелалъ сказаться, то и онъ не считаетъ возможнымъ его назвать. И при этомъ сказалъ: „вы успокойтесь, онъ вамъ многое что можетъ устроить. Коли навѣдается теперь, то, конечно, разскажите ему все про ваше положеніе. Отъ него и Орвадзе вашъ полетитъ кверху ногами“.

Прасковья Андреевна закрыла лицо руками и послѣ долгаго молчанія выговорила:

— Господи помилуй! Неужели-же все опять устроится!

Ночь эта прошла, конечно, ужасно для обоихъ. Прасковья Андреевна не смыкала глазъ.

XXIX.

На другой день, рано утромъ, чиновникъ-сосѣдъ явился познакомиться съ Прасковьей Андреевной и сразу внушилъ ей крайнее довѣріе къ себѣ. Онъ поразилъ ее своимъ благообразнымъ и добрымъ лицомъ, порядочностью всей своей фигуры.

Фонъ-Мейеръ спокойно и увѣренно объяснилъ ей, что отправится по мѣсту службы въ сенатъ и черезъ три или четыре часа будетъ снова у нихъ съ хорошимъ отвѣтомъ по ихъ дѣлу.

— А покуда позвольте вамъ доложить, сударыня, сказалъ онъ,—что, на основаніи практики служебной, я васъ завѣряю и докажу всякому начальству, какой угодно коллегіи, а равно всѣмъ господамъ сенаторамъ, что дворянка вышедшая замужъ за крѣпостнаго человѣка—остается дворянкой и никакихъ своихъ правъ не теряетъ. Что касается вотъ этого пискуна, котораго я голосокъ слышу, прибавилъ онъ, указывая на сосѣднюю дверь, — то это, признаюсь вамъ откровенно, для меня вопросъ. Но полагаю однако, что дѣти, рожденныя въ подобномъ бракѣ, должны унаслѣдовать состояніе отца, а не матери.

Княжна уныло потупилась и вымолвила:

— Что-жь толку, г. Мейеръ! Я, дворянка, останусь жить въ Петербургѣ, или, къ примѣру, отправлюсь жить въ Парижъ и буду веселиться, ѣздить на балы, а мой мужъ и ребенокъ будутъ жить въ избѣ на деревнѣ... Такъ-ли? Развѣ тутъ есть смыслъ? Я буду свободна, а помѣщица изъ крѣпостныхъ дѣвокъ будетъ имѣть право не только наказывать розгами моего мужа, но взять и продать, или подарить моего ребенка—кому ей вздумается. Наконецъ, просто, если захочетъ, уморитъ его!

— Да, вы правы. Въ данномъ случаѣ, законъ не достигаетъ цѣли и, отмѣняя ту кабалу, въ которую попала-бы дворянка, не желаетъ и знать о томъ, что всякая женщина сама пойдетъ въ эту кабалу, ради мужа, или дѣтей. Но, Богъ милостивъ, все устроится!

Дѣйствительно, часа черезъ четыре, фонъ-Мейеръ снова былъ у Миловановыхъ и, войдя, произнесъ шутливо:

— Ну, Юрій Ивановичъ, ангела-то укладывать подождите! Никуда вамъ ѣхать не придется. Дѣло ваше такого рода, прибавилъ онъ обращаясь къ Прасковьѣ Андреевнѣ, — что по немъ затѣется цѣлое судейское дѣло съ вашими помѣщиками и протянется, пожалуй, цѣлые полгода, а то и годъ.

— А высылка? произнесла Прасковья Андреевна.

— Ни о какой высылкѣ и рѣчи нѣтъ. Они всѣ тамъ хвосты поджали! А этого мерзавца Павлинова вы прямо таки не пускайте къ себѣ. Я вамъ это говорю. Не опасайтесь. А генералъ Орвадзе, пожалуй, васъ и землю отъ себя избавитъ. Полагаю, какъ-бы съ нимъ удара не приключилось. Такъ онъ побагровѣлъ, когда я ему нѣкоторую бумажку о васъ представилъ, что я думалъ—онъ на моихъ глазахъ отъ апоплексіи хлопнется!

— Но если онъ будетъ мстить намъ?..

— Ничѣмъ не можетъ! А если что случится, сами изволите знать: я тутъ съ вами сосѣдъ. Скажите словечко—и все, что только можно, я сдѣлаю.

Фонъ-Мейеръ поднялся, простился и вышелъ въ переднюю. Прасковья Андреевна и Миловановъ, благодаря его чуть не со слезами на глазахъ, проводили до лѣстницы.

Въ ту минуту, когда Мейеръ собрался подниматься къ себѣ въ этажъ, а мужъ и жена стояли на порогѣ своей квартиры,—немножко ниже ихъ, на ступеняхъ, показался тотъ же загадочный незнакомецъ.

Мейеръ снялъ шляпу и сейчасъ же принялъ такую позу, которая ясно говорила о томъ, почти раболѣпномъ, почтеніи, которое внушаетъ ему прибывшій.

Незнакомецъ быстро оглянулъ всѣхъ и прежде всего, поспѣшно поклонясь Мейеру, произнесъ:

— Я не имѣю чести васъ знать, сударь мой, но догадываюсь, что вы меня знаете. Поэтому будьте столь любезны и снисходительны къ слабостямъ людскимъ, не говорите. до поры—до времени господамъ Миловановымъ, что я за птица такая... Вотъ въ чемъ заключается моя просьба. Не исполните ее—берегитесь! Я человѣкъ злопамятный!.. погрозился онъ пальцемъ, хоть и шутливо, но внушительно.

— Помилуйте, ваше... началъ было Мейеръ.

Но незнакомецъ перебилъ и прибавилъ:

— Благородіе, на время!

Онъ тотчасъ пожалъ руку Прасковьѣ Андреевнѣ и Милованову и прибавилъ:

Концертъ у кардинала Ришелье. Съ карт. И Лейстена, по фотогр. Общества фотографовъ. грав. Крёнеръ

— Я къ вамъ въ гости... или, лучше сказать, къ вашему ангелу. Я въ него совсѣмъ влюбленъ.

Незнакомецъ прямо попросилъ пройти въ залу. Миловановъ бросился снова за ключемъ, чтобы отпереть горницу, а Прасковья Андреевна попросила гостя сѣсть. Она хотѣла сама заговорить о своемъ дѣлѣ, которое теперь поглощало ее, но не знала, какъ начать. По счастію, гость началъ самъ:

— Вамъ нездоровится? Я замѣчаю въ насъ какую-то перемѣну.

— Нѣтъ, но мы пережили страшныя сутки. Теперь, вотъ въ эту минуту, когда вы дѣлаете мнѣ честь сидѣть у меня гостемъ, мы должны были бы уже быть съ мужемъ, а главное съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ, на Новгородской дорогѣ, отправляемые по этапу, какъ простые крѣпостные холопы, къ нашимъ помѣщикамъ.

— Что!.. протянулъ старикъ и вдругъ прибавилъ:— понимаю, хоть и не разсказали еще... Понимаю! Ну, это все пустое! Разскажите-ка мнѣ подробно. Все до мельчайшихъ подробностей. Такъ, чтобы я ваше дѣло зналъ какъ свое собственное.

И обернувшись къ Милованову, который въ эту минуту вошелъ съ ключемъ, онъ прибавилъ:

— Присядьте-ка, Юрій Ивановичъ. Ангелъ, авось, Богъ дастъ, не улетитъ, хоть я очень, повторяю, въ этомъ сомнѣваюсь и нисколько не удивлюсь, если мы отворимъ залу, а ангела не найдемъ. Прежде разскажите мнѣ этотъ любопытный, французскій романъ. Извините, Прасковья Андреевна, а вѣдь, право, это чисто французскій романъ съ русскою подкладкой. Романъ, основанный на крѣпостномъ правѣ, коего въ въ другихъ странахъ уже и въ поминѣ нѣту.

Прасковья Андреевна разсказала все до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ ей приходилось дѣлать это уже не въ первый разъ, то она могла не только толково и послѣдовательно, но кратко и ясно изложить всю свою невѣроятную Одиссею.

Выслушавъ все, незнакомецъ долго молчалъ, сумрачно уставившись глазами на канделябръ, стоявшій предъ нимъ на столѣ.

— Положеніе ваше, выговорилъ онъ наконецъ,—гораздо болѣе мудреное, нежели вы думаете. Этотъ чиновникъ, котораго вы называете Мейеромъ, дѣйствительно, правъ. Мнѣ тоже сдается, что дворянка, выходя за крѣпостнаго, не теряетъ своего дворянства. Но что жь толку-то намъ, если мужъ и дѣти — крѣпостные! А затѣмъ, разрѣшить это дѣло судомъ невозможно. Сдѣлать господина Милованова вольнымъ, противъ желанія его помѣщика или помѣщицы, никакой судъ, никакая коллегія и никто не можетъ. Государь императоръ, конечно, можетъ, но не пожелаетъ. Можно попросить отпустить на волю, но приказать нельзя.

— Стало-быть мы погибли? выговорила Прасковья Андреевна дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, у васъ найдется спаситель. Да, я вѣрю. Онъ васъ изъ бѣды выручитъ! Онъ васъ спасетъ, онъ сдѣлаетъ Юрія Ивановича вольнымъ...

— И этотъ человѣкъ — вы! произнесла Прасковья Андреевна.

— Нѣтъ-съ, не я. Спаситель этотъ не простой смертный...

— Государь! воскликнула Прасковья Андреевна.

— Нѣтъ-съ, и не государь. Онъ даже не человѣкъ. Спасетъ васъ изъ кабалы нашъ летящій ангелъ.

— Какимъ образомъ?! почти вскрикнулъ Миловановъ.

— Объ этомъ не стоитъ вамъ объяснять, да и не хочется мнѣ... Я могу ошибаться... Зачѣмъ же подавать напрасную, обманчивую надежду? Мнѣ такъ думается. И лишь бы дѣло наладилось. А собственно въ его успѣхѣ никакого чуда не будетъ. Дѣло бывалое, виданное! Не вы — первый, и не вы — послѣдній! Да, именно, вашъ летящій ангелъ и явится вашимъ освободителемъ изъ крѣпостной зависимости, улыбаясь прибавилъ незнакомецъ. — Пойдемте-ка его поглядимъ. Я у него, мысленно, еще разъ спрошу, могу-ли я въ этомъ дѣлѣ на его помощь разсчитывать.

XXX.

Прошло нѣсколько дней. Миловановы, которымъ болѣе не грозило нелѣпое, но страшное распоряженіе полиціи, роковое для ребенка, немного успокоились. Но положеніе ихъ все-таки было невыясненное и неопредѣленное. Долго-ли протянется ихъ дѣло, и чѣмъ оно кончится—этого никто не зналъ.

По совѣту Мейера, они рѣшились не принимать болѣе взяточника-подьячаго, уже выманившаго у нихъ зря крупную сумму. Иванъ Захаровичъ навѣдывался два раза и, подсмѣиваясь надъ лакеемъ, который говорилъ, что господъ нѣтъ дома, въ первый разъ ушелъ молча ухмыляясь; но во второй разъ онъ ушелъ со словами:

— Скажи имъ, своимъ господамъ, что они не изъ тѣхъ господъ которымъ можно нашему брату дома не сказываться. А я навѣдаюсь еще разочекъ.

Явившись снова черезъ день, Иванъ Захаровичъ, стоя въ передней, крикнулъ громко:

— Поди, скажи барынѣ, что если я ее сейчасъ не повидаю, то черезъ два дня вызову въ полицію!

Прасковья Андреевна, слышавшая эту угрозу, сразу рѣшилась и вышла въ переднюю.

— Что вамъ отъ насъ угодно? произнесла она внѣ себя.

— Угодно, сударыня, видѣть васъ и спросить, желаете-ли вы моей помощи въ вашемъ дѣлѣ, или не желаете?

— Нѣтъ, не желаемъ. Видѣть даже не желаемъ.

— Ну-съ, такъ извольте сообразить. Если вы мнѣ дадите тотчасъ двѣ тысячи на разные расходы, то я вамъ дамъ подписку, или что хотите, что вы всю зиму спокойно проживете въ Петербургѣ. Если же вы на сіе не согласны и не желаете моихъ услугъ, то черезъ нѣсколько дней отправитесь всенепремѣнно по мѣсту приписки къ своимъ господамъ-помѣщикамъ.

— Избавьте меня, пожалуйста, отъ себя и вашихъ совѣтовъ, произнесла Прасковья Андреевна тихо, но твердо. — Деньгами больше сорить, неизвѣстно зачѣмъ, я не желаю.

— И это ваше послѣднее слово, сударыня?

— Да-съ.

— Ну-съ, вы раскаетесь!

— Можетъ быть.

— Такъ уходить мнѣ? переспросилъ чиновникъ.

Прасковья Андреевна пожала плечами, повернулась къ нему спиной и пошла въ горницы.

Павлиновъ ушелъ, пробормотавъ:

— Я тебѣ докажу, что коли и самая послѣдняя спица изъ колесницы вывалится, такъ всѣ остальныя спицы расшатаются и начнутъ вываливаться.

Ровно черезъ два дня послѣ этого посѣщенія, сенатскій чиновникъ, сосѣдъ Миловановыхъ, вернувшись со службы, зашелъ къ нимъ нѣсколько сумрачный и объяснилъ, что дѣло ихъ снова приняло дурной и крайне странный оборотъ. Ему, какъ человѣку интересующемуся этимъ дѣломъ, дали знать, что указано свыше генералу Орвадзе сдѣлать подробный докладъ обо всемъ по пунктамъ: о поведеніи княжны Березопольской при сдачѣ въ солдаты крѣпостнаго столяра; о причинахъ скоропостижной смерти въ Москвѣ ея отца, князя Андрея Ивановича; объ ея замужествѣ и поддѣлкѣ при этомъ какихъ-то документовъ; объ ея отъѣздѣ за границу съ фальшивымъ видомъ; о принадлежности Милованова въ Римѣ къ франкъ-массонской ложѣ; о неблагоприличномъ поведеніи госпожи Миловановой въ Римѣ, въ мужскомъ обществѣ артистовъ, которое—по-

веденіе—привело къ тому, что св. отецъ, римскій государь, былъ освѣдомленъ о дѣйствіяхъ русской дамы и Миловановы были немедленно высланы изъ Рима, по распоряженію администраціи.

Прасковья Андреевна сидѣла, широко раскрывъ глаза, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы не понимаете, что̀ это значитъ? Это называется клеветой, если хотите—ябедой, если хотите—доносомъ клеветничьимъ, но именуется оно „докладомъ по предложеннымъ пунктамъ“. Докладъ порученъ генералу Орвадзе. А онъ его передастъ своему земляку, графу Кутайсову. Вотъ что́ скверно! А Кутайсовъ теперь фигура важная. И онъ уже доложитъ все дѣло государю. Сказываютъ, что послѣ слуховъ, дошедшихъ до его величества о васъ, государь приказалъ разслѣдовать дѣло и доложить. Но это такъ сказываютъ! Мы скажемъ иначе. Орвадзе—знакомецъ и землякъ графа, любимца государя, и покровительствуемый этимъ такимъ же полутуркой, какъ и самъ, съѣздилъ къ нему и умолилъ заступиться. И вотъ докладъ этотъ будетъ поданъ не оффиціальнымъ, а частнымъ образомъ черезъ графа Кутайсова самому государю. Что воспослѣдуетъ — знать нельзя, но догадываться можно.

— Что же?

— Да, полагаю я, графъ Кутайсовъ своего земляка въ обиду не дастъ. А все дѣло въ томъ, какъ доложитъ онъ. Я считалъ долгомъ васъ объ этомъ извѣстить, но помочь ни я, ни другой кто при этакомъ направленіи дѣла не въ состояніи. Я бы совѣтовалъ вамъ обратиться тотчасъ же за покровительствомъ того лица, что послѣдній разъ я встрѣтилъ у васъ на лѣстницѣ.

— Но мы не знаемъ кто онъ.

— Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я рѣшусь, вопреки его желанію, назвать его. Пускай разсердится на меня. Что-жь дѣлать? Теперь вамъ каждый день дорогъ, а онъ, можетъ-быть, къ вамъ еще недѣли двѣ не навѣдается. Эта личность — особа знаменитая во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣяній государственныхъ за нимъ много — и безсмертныхъ! Хотя бы основаніе Московскаго университета. Это—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ прошлыя два царствованія онъ былъ большою силой. Нынѣ онъ не у дѣлъ, но все-таки пользуется уваженіемъ государя. Пускай Юрій Ивановичъ отправится къ нему немедленно и попроситъ его заступничества.

Разумѣется, на другой же день Прасковья Андреевна собралась и отправилась сама, смущаясь тѣмъ, что съ ея стороны было извѣстнаго рода насиліемъ явиться на домъ къ человѣку, который почему-то желалъ скрыть свое имя. Но съ того мгновенія, что Прасковья Андреевна была принята Шуваловымъ, она увидѣла, что ей опасаться нечего. Онъ встрѣтилъ ее за нѣсколько комнатъ отъ своего кабинета и, поздоровавшись, произнесъ:

— Вотъ что̀ значитъ съ полиціей-то возиться! Вѣдь это вы меня размаскировали и разыскали благодаря какимъ-нибудь сыщикамъ. Ну, да Богъ съ вами! Я и такъ на сихъ дняхъ хотѣлъ объявиться. Какъ видите, не фельдмаршалъ какой, покоритель народовъ, не Минихъ, не Румянцевъ и не Потемкинъ, но все-таки не послѣдній гражданинъ своего отечества.

Прасковья Андреевна объяснила тѣ исключительныя обстоятельства, которыя заставили ее тотчасъ же явиться и при этомъ снова извинилась за нравственное насиліе съ ея стороны.

— Полноте, полноте! воскликнулъ Шуваловъ. — Отлично сдѣлали! Да, дѣйствительно, теперь времена иныя! Къ брадобрею въ руки объ иную пору попадаютъ не кисточка съ мыломъ, а бразды правленія государствомъ. Надо же вамъ такую бѣду, что единственный вашъ врагъ — кавказецъ — быть-можетъ изъ того самаго Кутаиса, изъ котораго и Кутайсовъ. Господи! Подумаешь, если бъ была жива великая монархиня! Свезъ бы я вашего ангела сейчасъ прямо во дворецъ, а черезъ сутки поздравилъ бы вашего мужа... Ну, да что жь объ этомъ! Теперь не тѣ времена. Теперь статуей себя не отличишь! Будь самъ ваятель въ сажень ростомъ, да сажень въ плечахъ, страшенный драбантъ, то, конечно, былъ бы отличенъ и пожалованъ. Не хорошо! Очень не хорошо! Пошло ваше дѣло заднимъ крыльцомъ, лазейкой. Пути и добра не ждать!

И помолчавъ, Шуваловъ прибавилъ:

— Ну, да все-таки постараемся! Сдѣлаемъ, что̀ можемъ, только надежды я вамъ никакой не даю. Времена наши, сударыня, темныя, непроглядныя...

Прасковья Андреевна вернулась домой снова смущенная. Главной мыслью ея было снова то же... не дожидаясь конца всѣмъ мытарствамъ, бѣжать, покуда можно. И каждый разъ, что мысль о бѣгствѣ приходила ей на умъ, она внутренно озлоблялась на мужа, который тайно, скрытно и молчаливо противился этому побѣгу изъ-за своей статуи.

Черезъ три дня ливрейный скороходъ отъ Шувалова явился просить г. Милованова пожаловать для объясненій. Онъ тотчасъ-же отправился, но черезъ часъ былъ уже дома. По его лицу Прасковья Андреевна увидѣла, что все кончено и все погибло.

Дѣйствительно, Шуваловъ передалъ Милованову, что дѣло ихъ окончательно проиграно. На докладѣ генерала Орвадзе была положена резолюція, что если родовитая княжна Рюриковой крови прельстилась мужикомъ и мужицкимъ счастіемъ, то пускай въ мужицкомъ состояніи и пребываетъ. Да будетъ ей дано то, чего она сама пожелала...

Единственное, за что̀ отвѣчалъ Шуваловъ, о чемъ онъ хлопоталъ самъ, было разрѣшеніе семейству Миловановыхъ ѣхать къ своимъ помѣщикамъ на свой счетъ и въ своемъ экипажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ Милованову взять къ себѣ его статую, беречь, какъ зѣницу ока, и что-нибудь предпринять.

Извѣстія, принесенныя Миловановымъ, были совершенно вѣрны. На другой-же день было получено предписаніе изъ полиціи о немедленномъ выѣздѣ изъ Петербурга крѣпостнаго двороваго княгини Березопольской съ его женой и дѣтьми, если таковыя окажутся, при бдительномъ сопровожденіи солдата, и слѣдованіи безъ задержки гдѣ-либо въ Рязанскую вотчину по мѣсту приписки.

Черезъ два дня Миловановы въ той-же каретѣ, въ которой пріѣхали изъ-за границы, двинулись по Новгородской дорогѣ.

При взглядѣ на мужа и жену, можно было подумать, что они ссыльно-каторжные въ Сибирь.

XXXI.

Однажды утромъ, въ сильную мятель, въ Березопольѣ показался возокъ тройкой наемныхъ лошадей.

Немногіе изъ обывателей, бывшіе на улицѣ, съ любопытствомъ приглядывались къ возку, который медленной рысцой подвигался къ барскому дому. За послѣднее время въ Березопольѣ такъ мало пріѣзжало къ господамъ гостей, что прибывшіе удивили многихъ. Болѣе всего озадачилъ всѣхъ солдатъ на козлахъ.

Возокъ въѣхалъ на барскій дворъ и остановился у крыльца. Изъ оконъ выглянули Миловановъ и Прасковья Андреевна. Нѣсколько человѣкъ бросились изъ дома къ экипажу и стали отворять дверцу. Прасковья Андреевна, взволнованная, румяная, со слезами на глазахъ, выговорила черезъ силу:

— Спросите, куда насъ помѣстятъ? У князя спросите...

Люди побѣжали обратно въ домъ.

Прасковья Андреевна, озираясь изъ окошекъ на этотъ домъ и дворъ, гдѣ прошли самые страшные дни ея жизни, но давшіе ей то счастье, о которомъ она всегда

мечтала, невольно взволновалась. Слезы текли по ея лицу. Ребенокъ, котораго она держала на рукахъ, началъ пищать, будто чуя слезы матери...

Миловановъ былъ тоже тревоженъ, но онъ былъ, исключительно, занятъ мыслью о предстоящемъ свиданіи со своей старушкой-матерью. Оглядываясь кругомъ, при въѣздѣ въ Березополье, онъ только думалъ объ одномъ: гдѣ она можетъ быть, и въ какомъ положеніи найдетъ онъ ее. „Первый" домикъ, мимо котораго они проѣхали, пустой, заколоченный, заставилъ больно сжаться его сердце.

Между тѣмъ время шло, возокъ стоялъ у подъѣзда, а съ крыльца никто не появлялся. Такимъ образомъ прошло около четверти часа. Наконецъ появился тотъ-же лакей, что̀ прежде было хотѣлъ отворять дверцу, но видъ у него былъ уже другой, нѣсколько оробѣвшій. И онъ выговорилъ:

— Княгиня приказали, чтобы вы изволили выѣхать за ворота и тамъ-бы дожидались, а что здѣсь на дворѣ не приходится.

Прасковья Андреевна не поняла сразу того, что̀ услыхала.

Лакей, смущаясь и запинаясь, объяснилъ, что княгиня приказала имъ выѣзжать и въ возкѣ дожидаться на улицѣ за воротами, а не во дворѣ. Объ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ сейчасъ объявится.

Это первое распоряженіе княгини Евгеніи Степановны ясно свидѣтельствовало о томъ, чего четѣ Миловановыхъ ждать въ будущемъ.

Возокъ двинулся, выѣхалъ со двора и, миновавъ ворота, сталъ среди улицы. Между тѣмъ мятель все усиливалась. Крупные хлопья снѣга, кружась въ воздухѣ, закрывали все отъ глазъ. Время, которое провела здѣсь въ ожиданіи Прасковья Андреевна, показалось ей вѣчностью. Прошло около получаса, а ей казалось, что они стоятъ въ возкѣ уже цѣлыхъ полъ-сутокъ.

Наконецъ появился какой-то высокій человѣкъ, котораго Прасковья Андреевна прежде никогда здѣсь не видѣла, очевидно новая личность въ Березопольѣ. Поклонившись простымъ кивкомъ головы Прасковьѣ Андреевнѣ, смотрѣвшей въ окно, онъ крикнулъ солдату:

— Вотъ онъ тебѣ укажетъ, куда ихъ свезти! Сдай тамъ и приходи ко мнѣ въ управительскую, бумаги справить!

Возокъ двинулся къ сосѣднимъ службамъ, завернулъ за-уголъ и остановился у послѣдняго крыльца большаго надворнаго строенія. Бѣжавшій около возка дворовый, одинъ изъ московскихъ лакеевъ, котораго признала тотчасъ-же Прасковья Андреевна, отворилъ дверцу, сталъ ее высаживать, украдкой поцѣловалъ у нея руку со слезами на глазахъ и выговорилъ:

— Здѣсь, матушка, здѣсь... грѣхъ одинъ... Пожалуйте!

Миловановымъ была назначена княгиней та самая квартира, или, вѣрнѣе, одна большая комната съ русской печкой, гдѣ когда-то, оставшись сиротой, жила горничная Евгенія. Но эта месть не имѣла значенія и не удалась. Прасковья Андреевна не знала, что это прежнее помѣщеніе ея прежней горничной, а Миловановъ, конечно узнавшій комнату, такъ какъ онъ бывалъ здѣсь въ гостяхъ у Евгеніи, ни слова не проронилъ объ этомъ женѣ.

Когда всѣ пожитки изъ возка были принесены, и ребенокъ, много плакавшій и кричавшій, наконецъ утѣшился и заснулъ, Прасковья Андреевна спокойно сѣла около люльки. И вдругъ, по какому-то странному, тайному, душевному движенію, судьба ея показалась ей менѣе ужасна, чѣмъ прежде представлялась.

Миловановъ сталъ тоже спокойнѣе и бодрѣе. Онъ уже успѣлъ узнать, что хотя его мать переведена на жительство въ Прачешное, но ее не обижаютъ тамъ. Его радость сообщилась и женѣ.

И вдругъ какая-то надежда, ни на чемъ не основанная, мелькнула въ сердцѣ обоихъ, Богъ вѣсть почему. Прасковьѣ Андреевнѣ показалось, что это нелѣпое положеніе якобы крѣпостной у ея-же собственной прежней горничной, положеніе диковинной крестьянки-барыни, принадлежащей тоже диковинной барынѣ-крестьянкѣ, не можетъ длиться. Оно слишкомъ невѣроятно. Подобнаго случая никогда не бывало, а стало-быть, такіе случаи невозможны. Если таковое, до извѣстной степени, мыслимо, возможно, то на краткій срокъ, какъ испытаніе.

Кромѣ того, Прасковья Андреевна надѣялась, что свиданіе съ княземъ и рѣшительный разговоръ съ нимъ, съ этимъ добрымъ и честнымъ человѣкомъ, отъ котораго, собственно говоря, все и зависитъ, сразу перемѣнитъ эту комедію. Разумѣется, Прасковья Андреевна тотчасъ-же послала спросить у князя, когда можетъ онъ ее принять.

Черезъ четверть часа съ отвѣтомъ вернулся старикъ лакей, по имени Титъ, котораго Полина хорошо помнила. Онъ тоже подошелъ къ ручкѣ, но затѣмъ покосился на Милованова.

— Княгиня приказали сказать, что князь хвораютъ и ихъ безпокоить нельзя, произнесъ онъ однозвучно.

— Скажи мнѣ по правдѣ, дѣйствительно-ли князь хвораетъ? спросила Полина.

Старикъ замялся, но послѣ минутнаго колебанія вымолвилъ:

— Да какъ сказать, матушка. Они за послѣднія времена все какъ-то будто прихварываютъ, часто полеживаютъ въ постелькѣ, но все-жь таки всѣхъ видаютъ, разговариваютъ. А это, стало-быть, ейное, противъ васъ, матушка, ухищреніе. Это все Прачешная княгиня творитъ по злобѣ.

— Что̀? удивилась Прасковья Андреевна.— Какъ ты сказываешь?

— А такое, матушка, усмѣхнулся Титъ грустно,— у насъ ей прозвище въ Березопольѣ. Вѣдь вотчина-то Прачешная за ней нынѣ записана, вотъ ее и стали звать Прачешной барыней, да Прачешной княгиней. Но токмо это такъ, втупѣ, а проврись кто—вѣстимо, либо сошлютъ, или запорятъ. Нынѣ, матушка, порядки здѣсь не такіе, какъ при васъ были. Лихо стало житье, куда лихо! Господа изъ нашего званія, сказываютъ, завсегда прежнія свои колотушки на новыхъ холопахъ отколачиваютъ! Простите, матушка, вѣдь и вашъ-то вотъ— тоже изъ нашенскихъ мотнулъ Титъ головой на сидѣвшаго Милованова.—Дай вотъ ему крѣпостныхъ въ лапы—онъ тоже мудрить надъ ними учнетъ.

— Скажи мнѣ... быстро перебила Полина лакея, такъ какъ слова его больно касались ея сердца. — Скажи, князь совсѣмъ во власти Евгеніи?.. Ну, княгини, что-ли, новой?.. со вздохомъ прибавила она, будто почуявъ, что не имѣетъ права не признавать эту перемѣну съ прежней своей горничной.—Онъ дѣлаетъ все что̀ она захочетъ?

— Охъ! совсѣмъ подъ себя подобрала. Слова сказать не дастъ. Онъ только, сердечный, сидитъ да плачетъ.

— Что? какъ плачетъ?! изумилась Прасковья Андреевна.

Старикъ объяснился и разсказалъ столько невѣроятнаго про житье-бытье князя и княгини, что и Полина и Миловановъ не знали даже—вѣрить-ли лакею.

Изъ разсказа стараго Тита выходило, что не только княгиня покорила князя вполнѣ своей волѣ и заставляла безпрекословно исполнять всѣ свои прихоти, не только убила въ немъ всякое проявленіе его личныхъ желаній, но даже привела въ диковинное якобы младенческое состояніе. Вдобавокъ, по неяснымъ и боязливо выраженнымъ намекамъ старика двороваго, человѣка разумнаго, многое видавшаго на своемъ вѣку, приходилось сдѣлать заключеніе что „Прачешная" княгиня систематически губитъ мужа или „изводитъ", какъ выразился онъ.

Румынская крестьянка. Съ картины Ф. Эйсмонда, гр. Геданъ.

— Какъ изводитъ? воскликнули въ разъ Прасковья Андреевна и Миловановъ.

— Это такъ сказывается...

— Чѣмъ-же можетъ она его изводить? прибавила Полина.—Можно изводить только ссорами, непріятностями, разстройствомъ духа.

— Нѣтъ, матушка... Изводитъ... Всѣмъ намъ оно доподлинно извѣстно... Ѣздитъ къ намъ дохтуръ городской, раза по два въ недѣлю. И какъ посѣтитъ, такъ князю хуже. А дохтуръ этотъ изъ христопродавцевъ.

— Жидъ? спросилъ Миловановъ.

— Да-съ... И жидъ къ тому-же коснѣющій...

— Чтò это значитъ? Чтò ты хочешь сказать? вымолвила Прасковья Андреевна, не понявъ послѣдняго слова.

— Жидъ, матушка, стало - быть истинный... Приди Христосъ Господь во второе пришествіе, коснѣющій этотъ опять Его продастъ. Не я говорю. Такъ сказывается. Вотъ этотъ сущій жидъ съ Прачешной княгиней—и опаиваютъ князя зельемъ. Помретъ онъ, она за христопродавца замужъ выйдетъ. И мы всѣ жидовскіе будемъ рабы. Да чтò!.. Помирать всѣмъ намъ старымъ пора... махнулъ рукой Титъ.

— Это, голубчикъ мой, все сказки... выговорилъ Миловановъ.—Если-же и впрямь есть у нихъ грѣхъ какой, то чего-же вы, старики, смотрите? Донесите въ губернію властямъ. Они разберутъ.

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, намъ доносить не рука. Сами въ Сибири обрѣтемся. А вотъ есть у насъ койкто, молодцы, кóи собираются этого дохтура ночью, въ лѣсу, когда ѣхать отсюда будетъ, — малость толикую пожать и помять за князя. Коли и живъ останется— паки не поѣдетъ сюда. Разъ съ человѣка шкуру сняли— онъ опасливъ становится. Новую себѣ наростить, а все смирёнъ будетъ. А ужь до его жидовой шкуры теперь ужь дѣло близкое... Не нонѣ—завтра снимутъ ее...

XXXII.

Прошла недѣля съ пріѣзда Миловановыхъ, а новаго не случилось ровно ничего.

Не смотря на заявленья, просьбы и требованія Прасковьи Андреевны видѣться съ княземъ,—она не видала его. Княгиня приказывала всякій разъ отвѣчать, что князь хвораетъ и тревожить его нельзя, а затѣмъ однажды прислала управителя, который, войдя къ Миловановымъ, рѣзко объявилъ:

— Ея сіятельство прислали меня объявить вамъ, чтобы вы сидѣли смирно. Будете невѣжничать, то васъ, крѣпостную дворянку, посадятъ въ чуланъ. А тебя, столяра, просто выпорютъ. Пора образумиться вамъ и привыкнуть къ своему рабскому состоянію. Чрезъ малое время узнаете свою судьбу конечную.

И управитель ушелъ, не отвѣтивъ на вопросъ Полины.

Людямъ было въ то же время строго запрещено ходить къ Миловановымъ, но человѣкъ пять дворовыхъ постоянно навѣдывались тайкомъ ввечеру и разсказывали все, чтò знали. Главнаго, однако, нельзя было узнать отъ нихъ, такъ какъ они сами были въ полномъ невѣдѣніи. А это главное заключалось въ томъ, чтò думаетъ и говоритъ объ ихъ пріѣздѣ и пребываніи самъ князь.

Наконецъ, однажды этотъ вопросъ былъ выясненъ и поразилъ равно обоихъ, даже несказанно испугалъ.

По догадкамъ старика Тита, а равно по мнѣнію многихъ березопольцевъ — князь Илья Петровичъ просто не вѣдалъ даже о присутствіи сестрицы съ мужемъ и ребенкомъ въ его усадьбѣ.

Какъ ни странно и невѣроятно казалось это предположеніе, а оно походило на правду.

И эта вѣсть конечно должна была испугать Прасковью Андреевну, почти лишивъ надежды на помощь братца и его заступничество.

Дѣйствительно, судя по разсказамъ, надо было предположить, что князь и не можетъ знать ничего. Онъ сидѣлъ безвыходно въ своей спальнѣ, переходя съ постели на кресло и обратно. Людей къ нему не допускали никого уже издавна. Входила только одна горничная княгини, наемная, выписанная изъ Москвы, да раза два въ недѣлю заходилъ управляющій, человѣкъ загадочный, себѣ на умѣ, молчаливый, не сообщавшій людямъ ничего объ ихъ баринѣ.

Помимо этихъ двухъ личностей, запертаго какъ-бы подъ замкомъ князя навѣщалъ только докторъ, большой другъ княгини, правильно пріѣзжавшій изъ города. Слѣдовательно, князю даже не отъ кого было узнать о пребываніи сестрицы.

— Быть-можетъ онъ даже ровно ничего объ насъ не знаетъ, говорила Прасковья Андреевна. — Даже не знаетъ, что мы въ Россіи и вытребованы его женой изъ Петербурга. Не знаетъ даже, чтò намъ предстоитъ по ея волѣ...

Прасковья Андреевна отъ нетерпѣнья, тревоги и гнѣва собиралась сама отправиться въ домъ и заставить насильно себя принять... Она хотѣла дѣйствовать, какъ когда-то дѣйствовала княжна Полина. Это было и не мудрено. Князь Андрей Ивановичъ тогда былъ ей страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ эта Евгенія, хотя и княгиня...

И Прасковья Андреевна начала-бы борьбу, смѣло и стойко, но ее во-время остановило нѣчто. Однажды ей передали тайкомъ письмо. Оно оказалось изъ уѣзднаго города отъ давно забытаго ею стараго друга, попрежнему вѣрнаго... отъ Макара Макаровича...

Трубецкой писалъ прежней покровительницѣ своей, нынѣ очутившейся много ниже его, по обоюдному общественному положенію, и обнадеживалъ всячески... Объ одномъ умолялъ Макаръ Макаровичъ: вести себя тише, не бороться, не злить „поганую Евденью", чтобы только выиграть время. Трубецкой обѣщалъ, что чрезъ мѣсяцъ, не позже, обстоятельства перемѣнятся, что онъ перехитрилъ „Прачешную княгиню" при помощи своихъ новыхъ друзей въ городкѣ.

Прасковья Андреевна рѣшила терпѣть, и хотя не понимала чтò можетъ предпринять Трубецкой въ ихъ пользу, но вѣрила ему.

Наконецъ, однажды утромъ явился какой-то молодой лакей, котораго Миловановы не знали, и объяснилъ:

— Княгиня приказала сказать, что если, молъ, Егору Ивановичу хочется съѣздить въ Прачешное повидаться съ матерью, то пущай, молъ, ѣдетъ. Нынѣ подвода туда идетъ.

— Еще-бы... воскликнулъ Миловановъ вскочивъ съ мѣста. — Понятно, хочу. Скажи: хочу и поѣду хоть сейчасъ.

— А когда подвода назадъ будетъ? спросила Полина глухо и тревожно.

— Не знаю-съ... Про это ничего не приказано.

Лакей ушелъ, а она, помолчавъ, стала было уговаривать мужа не ѣздить... Ей чуялось что-то недоброе...

— Господь съ тобой, Параша!.. отчаянно воскликнулъ онъ. — Да и посуди, могу-ли я... Сижу сколько времени здѣсь... не видалъ матушки цѣлый годъ... Могу увидѣть нынѣ-же... А ты съ привередничаньемъ... Господь съ тобой...

Прасковья Андреевна по лицу мужа увидѣла, что останавливать его нельзя, и напрасный трудъ, и жестокость.

— Ступай, со вздохомъ отвѣтила она.

Миловановъ весело простился съ женой, шутливо отнесся къ ея тревогѣ, и по лицу его видно было, насколько онъ поглощенъ мыслью о свиданіи со старушкой-матерью.

Оставшись одна, Прасковья Андреевна не отходила ни на шагъ отъ люльки ребенка и безъ конца думала и передумывала о своей странной судьбѣ. Теперь ей

снова все представлялось въ мрачномъ видѣ—и единственнымъ лучемъ свѣта являлось неожиданное письмо отъ стараго, неблагодарно забытаго друга. Онъ одинъ, этотъ честный и добрый Макаръ Макаровичъ, заботится объ ихъ судьбѣ... Всему остальному міру нѣтъ до нихъ никакого дѣла. А что̀ обѣщаетъ Трубецкой, что̀ можетъ онъ сдѣлать для нихъ—это было загадкой.

Ввечеру снова явился старикъ Титъ, и Прасковья Андреевна даже обрадовалась ему.

— Я, сударыня, къ вамъ за розгами бѣгаю, шепнулъ онъ, ухмыляясь и подходя къ ручкѣ.

— Что? Я не понимаю.

Старикъ объяснилъ, что ему сейчасъ строжайше подтверждено не бывать у прежней своей барышни-княжны, и что если его разъ еще увидятъ у нея, то нещадно накажутъ розгами.

— Такъ уходи скорѣе и не приходи... сказала Полина.

— Какъ можно! Теперь-то мнѣ и ходить. Были вы барыней, или опять будете, тогда я вамъ не нуженъ буду. А теперь я вамъ нуженъ.

Старикъ, болѣвшій ногами, попросилъ позволенія сѣсть на полъ и сталъ снова болтать. Прасковья Андреевна разспросила его про Трубецкаго и узнала отъ него, что княгиня уже давно выжила управляющаго. Макаръ Макаровичъ поселился въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ нанимаетъ себѣ одну горницу у дьячихи, и по всему видно, что онъ бѣдствуетъ, нуждается.

— Божій человѣкъ! прибавилъ Титъ. — Пятнадцать годовъ тысячами господскими ворочалъ, все было цѣло. А что̀ скопилъ изъ своего жалованья, все отдалъ въ нашъ-же храмъ. А теперь голоденъ, холоденъ, а пуще всего обиженъ...

— Ну, это дѣло еще поправится. Лишь-бы намъ освободиться, вздохнула Полина. — Я Макара Макаровича никогда не оставлю.

Просидѣвъ около часу, Титъ вдругъ вскользь упомянулъ, что съ отъѣздомъ изъ Березополья княгини, какъ-то свободнѣе всѣмъ кажется, легче на душѣ. Однимъ дьяволомъ меньше!

— А гдѣ-же она?

— Уѣхамши въ Прачешное...

— Что? выговорила Полина упавшимъ голосомъ. — Что?! Въ Прачешное? Она уѣхала?! Когда?!

— Сегодня въ сумерки, отозвался удивляясь Титъ, такъ какъ голосъ и лицо Прасковьи Андреевны поразили его.—Чего вы такъ испужались, матушка?

Полина сидѣла не двигаясь, какъ окаменѣлая, только лицо ея, сильно измѣнившееся, говорило о той бурѣ, которая внезапно подымалась въ груди.

— Но что̀-же она можетъ?! вдругъ выговорила Полина вслухъ, громко, какъ-бы отвѣчая на какой-то страшный вопросъ.

„Онъ любитъ меня“, продолжала она мысленно. „Ее онъ никогда не любилъ. Угрозы? Насильемъ? Нѣтъ. Онъ не испугается. Но тогда она мстить начнетъ. Тотчасъ! Тамъ-же... Или она добьется своего, или прикажетъ истязать его. Устоитъ-ли онъ?.. Но вѣдь и то и другое—равно ужасно... А для меня ужаснѣе именно то, что... Да, его истязаніе мнѣ менѣе ужасно, нежели измѣна!“

Прасковья Андреевна была настолько поражена извѣстіемъ объ этомъ одновременномъ отъѣздѣ Евгеніи въ сосѣднюю усадьбу, вслѣдъ за ея мужемъ, что не вымолвила болѣе ни слова, даже не замѣчала присутствія Тита и не отвѣчала на его опросы. Старикъ ушелъ не добившись даже отвѣта на вопросъ: „не хвораетъ-ли барыня и не прислать-ли ей кого изъ женщинъ“.

Прасковья Андреевна всю ночь не ложилась, даже не раздѣвалась. Она сидѣла недвижно на стулѣ, глубоко задумавшись и какъ-бы подъ гнетомъ своихъ думъ. Она приходила въ себя отчасти, когда ребенокъ просыпался и просилъ кушать... Уложивъ его, она снова задумывалась.

Около пяти часовъ, Полина, одѣтая, легла на кровать и слегка забылась, но въ полудремотѣ ей представилась тотчасъ ужасная картина, созданная конечно ревностью, и она вскочила...

— Не могу... шепнула она.—Это еще хуже, чѣмъ я думала. Я думала: рабство, крѣпостничество... Прихоти мстящей барыни-холопки... Всякія прихоти... но не такая! Его я не отдамъ ни на мгновеніе. Я теперь готова ножъ въ руки взять. Да! За это?! За это я смогу ее зарѣзать... А что дѣлать?.. Сегодня-же видѣть братца!.. Да! Видѣться!..

(Оконч. въ слѣд. №).

Дворняшка.

Разсказъ **Н. Станицкаго.**

(Окончаніе).

Придя въ свою комнату, Семенъ Ивановичъ зажегъ свѣчу, которая у него стояла на стулѣ возлѣ дивана, сѣлъ и, смотря на говядину, прошепталъ:

— Всякій разъ оставитъ моимъ собачкамъ кусочекъ! Кабы это знала Ирина Никитишна!.. досталось бы и Володѣ... Что юлишь? обратился онъ къ Жучкѣ,—что нюхаешь? Вкусно пахнетъ? Ну, всѣ поднялись! Завтра получите, — на ночь не слѣдуетъ кушать. Лежать, Мальчикъ! и вы, барышня, извольте лечь на свой тюфячекъ!..

И Семенъ Ивановичъ досталъ подонникъ отъ цвѣтовъ съ полу, положилъ говядину и поставилъ на полку. Жучекъ обнюхивалъ обрывокъ газеты. Семенъ Ивановичъ, ухмыляясь, прошепталъ:

— Любопытствуешь, что̀ здѣсь пропечатано? Ну, давай прочитаемъ. „Опытная нянюшка, пожилыхъ лѣтъ, желаетъ получить уходъ за новорожденнымъ младенцемъ....“ Прекрасно. „Молодая особа изъ благороднаго званія предлагаетъ свои услуги вести хозяйство...“ А-а-а! „Сбѣжалъ сетеръ, рыжей масти, на лбу бѣлое пятно“. Только пять рублей награды. А я-то за мадамъ получилъ какую сумму, даромъ что махонькая собачка. „7-го числа....“ началъ было читать Семенъ Ивановичъ, но голосъ его порвался, онъ впился глазами въ обрывокъ газеты, руки его задрожали, онъ, задыхаясь отъ волненія, свалилъ свѣчу, бросился изъ комнаты и, отворивъ дверь къ молодому человѣку, произнесъ: „Володя, Володя, иди-ка сюда“, и онъ манилъ его къ себѣ длинными своими руками.

Выраженіе лица у Семена Ивановича было до того взволновано, что молодой человѣкъ въ испугѣ спросилъ:

— Горвтъ!?

И вбѣжалъ въ кухню, гдѣ Семенъ Ивановичъ схватилъ его за руку, подвелъ къ столу гдѣ стояла свѣча, поднесъ къ его глазамъ обрывокъ газеты и тыкая пальцемъ на объявленіе, хрипло произнесъ:

— Читай, читай!

Молодой человѣкъ прочелъ указанное мѣсто и сказалъ:

— Да вѣдь это старая газета.

— Знаю, знаю, ты смотри 7-ое, 7-ое число! Мѣсяцъ тому назадъ, 7-го числа ко мнѣ пристала Жучка. У меня записано число каждой изъ нихъ! Примѣты, читай примѣты-то, голубчикъ.

— Да не волнуйтесь, замѣтилъ молодой человѣкъ.—Такія дворняшки, какъ ваша Жучка, всѣ похожи одна на другую.

Семенъ Ивановичъ убѣжалъ въ свою комнату, вернулся съ Жучкой на рукахъ, и захлебываясь отъ кашля, говорилъ:

— Смотри, на груди бѣлое пятнышко, одно ухо торчвтъ, а хвостъ длинный. Ну, что̀, не она?

Семенъ Ивановичъ тормошилъ собаку и поднявъ ее кверху, произнесъ восторженно:

— 30 рублей награды за такую дворняшку! ха, ха! подворотня-то какова!.. Извини меня, Жучекъ, опростоволосился я передъ тобою! другихъ холилъ, а тебя держалъ въ черномъ тѣлѣ, думалъ кому ты нужна... Авъ 30 рублей даютъ за тебя награды. Вотъ что̀ значитъ, Володя, судить по наружности! Въ трактиръ для нея ни разу не пошелъ, чтобы прочесть объявленія въ „Полицейской Газетѣ“... Подворотня.

Семенъ Ивановичъ смѣялся и кашлялъ.

Молодой человѣкъ, смотря на него, съ жалостью сказалъ:

— Семенъ Ивановичъ, заранѣе не радуйтесь. Завтра сходите по адресу и узнайте, можетъ теперь и не захотятъ дать награды за нее, вѣдь мѣсяцъ прошелъ, какъ была публикація.

Дѣдушкинъ портретъ. Съ картины проф. Л. Скаффаи, грав. Ерике.

Добрые друзья. Съ картины П Мейергейма, грав. Брендамуръ.

— Что ты, что ты! въ испугѣ проговорилъ Семенъ Ивановичъ,—это не можетъ быть, — и робко добавилъ:

— А какъ опять лакейство?..

— Вы безъ Жучки идите, потребуйте видѣть хозяина или хозяйку дома:

— Спасибо, голубчикъ; да, да, хорошо, что меня надоумилъ... Вотъ видишь, Володя: голенькій — охъ! а за голенькимъ Богъ!.. Внесемъ, любезный, вмѣстѣ за Вареньку, успокоимъ Арину Никитишну.

Молодой человѣкъ посовѣтовалъ Семену Ивановичу лечь спать и до завтра никакихъ плановъ не строить, и ушелъ изъ кухни, а Семенъ Ивановичъ пошелъ къ себѣ бормоча:

— 30 рублей за подворотню, больше чѣмъ за мадамъ.

Спать онъ не могъ и, лежа на диванѣ, говорилъ Жучкѣ, усѣвшейся около дивана и смотрѣвшей на него:

— Ну, не поминай меня лихомъ, Жучекъ!

Семенъ Ивановичъ безъ конца говорилъ съ Жучкой, которая соскучилась слушать его сидя, легла.

— Спать желаете, пожалуйте на диванъ! пригласилъ Семенъ Ивановичъ Жучку.—Теперь вамъ не слѣдъ валяться на полу-съ.

Жучка радостно вскочила на диванъ и улеглась въ ноги Семена Ивановича, который продолжалъ ей говорить:

— Невдомекъ мнѣ было, что поначалу вы все наровили на диванѣ полежать. Вотъ ужь не ожидалъ такого пассажа съ вами. Мадамъ-то, понятно, была красива, изнѣженная особа, а вы-то какъ есть дворняшка!

Жучка давно спала сладко на диванѣ, а Семенъ Ивановичъ все разсуждалъ съ ней.

На другое утро Семенъ Ивановичъ, войдя въ кухню съ полотенцемъ, чтобы умыться, развязно пожелалъ добраго утра Иринѣ Никитишнѣ; та съ удивленіемъ посмотрѣла на него и подивилась улыбающемуся его лицу.

— Что это, Семенъ Ивановичъ, у васъ лицо, точно въ день Свѣтлаго Праздника? замѣтила она.

— Ничего-съ! загадочно усмѣхнувшись отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ. — Что же-съ въ сущности и куксится-то, Арина Никитишна?

— Кажись не отчего больно и радоваться! отвѣчала старушка. Она еще болѣе удивилась, когда Семенъ Ивановичъ явился со своей оловянной кружкой и сказалъ: — Позвольте-съ мнѣ налить изъ самовара кипяточку-съ.

— Заспались вы вѣрно, сегодня развѣ воскресенье?

Семенъ Ивановичъ брился разъ въ недѣлю.

— Нѣтъ-съ, отлично помню-съ что сегодня среда-съ, отвѣчалъ онъ, видимо наслаждаясь удивленіемъ старушки, и многозначительно добавилъ: — Надо мнѣ по важному дѣлу явиться въ одинъ домъ.

Ирина Никитишна въ недоумѣніи поглядѣла вслѣдъ Семену Ивановичу, когда онъ, наливъ въ кружку кипятку, пошелъ въ свою комнату.

Ирина Никитишна поила чаемъ сына и внучку, а Семенъ Ивановичъ опять явился въ кухню съ сапогомъ въ рукѣ и со щеткой и, усердно чистя сапогъ, подмигивая молодому человѣку, шутилъ съ нимъ и съ Варей. Онъ скрылся взять другой сапогъ, тогда старушка сказала сыну:

— Воля твоя, что-то съ нимъ неладное творится. Ты посмотри, какое у него лицо, какъ дурень все улыбается; посреди недѣли бритье затѣялъ... Ей Богу, страшно за него. Ты бы отговорилъ его выходить со двора!

Сынъ успокоивалъ мать, что Семенъ Ивановичъ въ полномъ разсудкѣ. Ирина Никитишна было успокоилась, когда Семенъ Ивановичъ, одѣтый въ шинель, уходя произнесъ:

— До пріятнаго свиданія, Арина Никитишна! и захихикавъ вышелъ въ сѣни.

— Вотъ еще недоставало такого горя! Ахъ, проклятыя собаченки! вотъ до чего довели человѣка! подохли бы скорѣй.

Занятая стряпней въ кухнѣ, Ирина Никитишна окончательно пришла въ испугъ, когда дверь изъ сѣней съ шумомъ отворилась, въ нее влетѣлъ Семенъ Ивановичъ и прокричалъ со смѣхомъ:

— Прощайтесь съ подворотней, сейчасъ унесу ее!

Онъ бросился въ свою комнату, и громко раздавался его разговоръ съ собаками.

Семенъ Ивановичъ, не снимая шинели и фуражки, приказалъ Жучкѣ вскочить на стулъ, говоря:

— Ну-съ, извольте смирно сидѣть, надо маленько причесать васъ.

И онъ возилъ по спинѣ Жучку своей головной щеткой, а Ирина Никитишна стояла въ дверяхъ и потерянно говорила:

— Батюшка, Семенъ Ивановичъ, фуражку-то сбрось, вѣдь образа висятъ въ комнатѣ!

А Семенъ Ивановичъ, не обращая вниманія на слова старушки, продолжалъ:

— Хвостикъ-то, хвостикъ дайте расчесать.

— Голубчикъ, Семенъ Ивановичъ, произнесла дрожащимъ голосомъ старушка,—куда вы хотите нести собаченку? Оставьте ее, пусть она живетъ, я слова не скажу... И самъ бы остался дома.

— Остаться? Какъ можно-съ, я извозчика нанялъ на Фонтанку—везти туда Жучка! отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ,—больше-съ не увидите его, Арина Никитишна-съ!

— Побойтесь Бога, Семенъ Ивановичъ, воскликнула въ ужасѣ Ирина Никитишна, — утопить хотите собаченку?

— Господь съ вами, Арина Никитишна!

Онъ расхохотался и схватилъ Жучка подъ шинель, говоря:

— Вернусь, все, все узнаете! Жучка, поблагодари за ласку Арину Никитишну!

Онъ быстро выскочилъ въ сѣни. Старушка пошла за нимъ, съ мольбой звала его, потому что не поспѣвала за нимъ, и когда вышла за калитку, то замерла на мѣстѣ, увидавъ Семена Ивановича отъѣзжающаго на извозчикѣ.

Старушка поплелась охая обратно и говорила: — извозчика, извозчика нанялъ!—Сѣвъ въ кухнѣ на скамейку, она расплакалась приговаривая: — Господи, Господи, не повѣрилъ мнѣ Володя, что неладное творится съ Семеномъ Ивановичемъ!—Она только тогда прекратила свои слезы, когда у ней въ печкѣ сильно что-то затлѣло, тогда она бросилась, схвативъ ухватъ, вытащила горшокъ, и снова принялась плакать, продолжая говорить: — Куда я побѣгу за нимъ?.. Натворитъ что-нибудь, его схватятъ въ полицію! Вотъ нежданная напасть свалилась на мою голову.

Одна другой страшнѣе картины рисовались Иринѣ Никитишнѣ о несчастномъ Семенѣ Ивановичѣ.

Въ то время какъ убивалась Ирина Никитишна о Семенѣ Ивановичѣ, онъ находился въ богато-убранной комнатѣ и смотрѣлъ съ умиленіемъ на 11-ти-лѣтняго, худенькаго мальчика, сидящаго на мягкомъ коврѣ; на его колѣняхъ была Жучка и онъ обнималъ ее, радостно повторяя: „Негро, Негро!“

Очень пожилая дама, одѣтая въ черное шелковое платье, стоящая около мальчика, радостно улыбалась, говоря:

— Вотъ ты, Сержъ, плакалъ о своемъ Негро, она нашлась. Видишь, веселая и здоровая. Поблагодари господина, что онъ берегъ твою любимицу.—Обратясь къ Семену Ивановичу она продолжала: — Мой внукъ такъ былъ привязанъ къ своей собачкѣ, что не хотѣлъ и смотрѣть на другую дорогую собачку, которую я ему подарила.

— Осмѣлюсь доложить, ваше высокопревосходительство, Жуч.... т. е., ихняя собачка обширнаго ума-съ, на рѣдкость по своей понятливости-съ, въ короткое время я ихъ выучилъ-съ разнымъ штукамъ. Не угодно-ли посмотрѣть-съ. Жучекъ, сюда!

Собаченка вырвалась изъ рукъ мальчика и подбѣжала къ Семену Ивановичу, виляя большимъ хвостомъ:

— Умри! командовалъ Семенъ Ивановичъ и заставилъ сабаченку продѣлать всѣ штуки, которымъ онъ обучилъ ее.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ, смѣялся и требовалъ повторенія.

Жучка поминутно ласкалась къ Семену Ивановичу.

— Видно вы обращались хорошо съ Негро, что онъ такъ полюбилъ васъ. Очень вамъ благодарна за это! сказала пожилая дама и подала ему пакетъ.

Семенъ Ивановичъ покраснѣлъ, ему вдругъ вспомнились слова Ирины Никитишны, что онъ унижаетъ свое чиновническое званіе, и онъ не бралъ денегъ. Но пожилая дама сунула ему въ руку пакетъ, сказавъ:

— Я вамъ такъ благодарна, что вы такую радость доставили моему внуку. Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, приходите ко мнѣ — я сдѣлаю все, что только могу.

Семенъ Ивановичъ такъ былъ растроганъ и сконфуженъ, что даже не могъ произнести благодарности, поклонился и пошелъ къ двери; Жучка бросилась за нимъ. Онъ сказалъ ей съ укоризной:

— Что ты, что ты! садись ка и ни съ мѣста!

Жучка сѣла и виляла хвостомъ.

— Честь имѣю-съ откланяться! проговорилъ Семенъ Ивановичъ и вышелъ изъ комнаты.

Идя по улицѣ онъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ тѣмъ, что громко разговаривалъ самъ съ собой, смѣялся, натыкался на встрѣчныхъ.

Ирина Никитишна страшно обрадовалась, когда Семенъ Ивановичъ возвратился домой; но ее поразило гордое выраженіе его лица. Онъ очень серьезно произнесъ:

— Подворотня-съ, какъ вы изволили называть-съ Жучка, вноситъ за вашу внучку въ гимназію-съ.—И онъ съ важностью положилъ 40 рублей на столъ, но не могъ долѣе выдержать серьезность, засмѣялся и добавилъ: — Вотъ-съ какова подворотня-то!

— Откуда вы взяли такія деньги? въ ужасѣ спросила Ирина Никитишна.

— Да я вѣдь вамъ объяснялъ, что за подворотню-съ, Арина Никитишна, получилъ награду, да кромѣ того имѣлъ честь съ самой генеральшей разговаривать, получилъ отъ нихъ кромѣ того словесную благодарность. А лакей-съ съ меня снялъ шинель и подалъ ее какъ я уходилъ, а швейцаръ двери отворилъ съ поклономъ-съ. Да-съ... вотъ-съ подворотня-то какова! Можно сказать: прещедро отблагодарила меня, что я призрѣлъ ее въ несчастьѣ-съ...

Ирина Никитишна слушала и смотрѣла на Семена Ивановича такими удивленными глазами, точно не Семенъ Ивановичъ стоялъ передъ ней, а какое-то чудо. Но взглянувъ на деньги, она торопливо произнесла:

— Ваше счастье, только возьмите свои деньги, Семенъ Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ, Арина Никитишна, какъ вчера прочелъ публи-

кацію о Жучкѣ, такъ и рѣшилъ: если получу за нее награду, то эти деньги за Вареньку въ гимназію!

— Господи, да вамъ самимъ надо, проговорила Ирина Никитишна, сдерживая слезы.

— Не возьму-съ гроша изъ нихъ-съ, хоть въ печь бросьте ихъ!

И Семенъ Ивановичъ ушелъ изъ кухни, а Ирина Никитишна начала креститься на образъ, обливаясь радостными слезами, и потомъ воскликнула:

— Не даромъ мнѣ подъ-рядъ на картахъ выходило неожиданная радость!

Семенъ Ивановичъ, войдя къ себѣ въ комнату, произнесъ собаченкамъ:

— Вы вотъ валяетесь кос-какъ по полу, хотя и породистыя, а товарищъ-то вашъ, дворняшка, по мягкимъ коврамъ теперь бѣгаетъ да дичинку будетъ ѣсть!.. Пожалуйте-съ, прогуляйтесь-ка по двору.

Семенъ Ивановичъ облачился въ халатъ и пошелъ съ собаченками во дворъ.

Ирина Никитишна черезъ нѣсколько минутъ заглянула въ сѣни и сказала Семену Ивановичу:

— Хоть бы шинель накинули — простудитесь!

— Ничего-съ! кашель даже куда дѣвался.

Когда къ обѣду явился сынъ Ирины Никитишны, то она разсказала переполохъ и радость по случаю щедрости Семена Ивановича, который самъ разсказалъ Володѣ очень подробно обо всемъ и очень напиралъ на то, что лакей ему подавалъ шинель, а швейцаръ отворилъ ему дверь, и все твердилъ:

— Хоть бы чуточку оробѣлъ, Володя, говоря съ генеральшей!

Молодой человѣкъ сталъ говорить Семену Ивановичу, что достаточно половины его денегъ.

— Не смѣйте и упоминать мнѣ объ этихъ деньгахъ! въ сердцахъ воскликнулъ Семенъ Ивановичъ,—не отравляйте мнѣ радостнаго дня. Ты вѣдь далъ мнѣ вчера обрывокъ газеты? Безъ тебя ничего не было-бы. Думаете, мнѣ легко было смотрѣть, какъ вы оба убивались, какъ внести деньги въ гимназію? что я — жидъ, татаринъ, что-ли?

Долго длилось препирательство между двумя труженниками-бѣдняками изъ-за денегъ.

— Постой! вдругъ сказалъ Семенъ Ивановичъ. — Не хотите одолжаться, извольте: дай мнѣ честное слово, поставить мнѣ крестъ на могилѣ и въ день моей кончины навѣщать ее. А если разбогатѣешь, положи плиту съ надписью, что это-молъ Семенъ Ивановичъ Васюточкинъ, прослужилъ 35 лѣтъ на государственной службѣ... и все такое. Ну, да... ты умный, ученый, съумѣешь прописать какъ слѣдуетъ. Теперь ни слова не упоминать о деньгахъ.

И Семенъ Ивановичъ зажалъ уши.

Черезъ день молодой человѣкъ поздно возвратился домой, мать грустно ему сказала:

— Надо, Володя, отдать деньги Семену Ивановичу. На немъ лица нѣтъ, даже забылъ накормить своихъ собаченокъ.

Сынъ передалъ свой разговоръ съ Семеномъ Ивановичемъ о деньгахъ.

— Мало-ли что, съ горяча-то расщедрился, а теперь и убивается. Нѣтъ, отдай ему. Христосъ съ нимъ! замучаешься глядѣть на него. Какъ-нибудь сами уплатимъ. Вишь въ щель свѣтится огонь, значитъ не спитъ.

Молодой человѣкъ взялъ деньги отъ матери и пошелъ къ Семену Ивановичу, который сидѣлъ на диванѣ, облокотясь локтями о колѣни и держа руками голову,—видно было, что онъ сильно чѣмъ-то огорченъ.

— О чемъ вы такъ задумались? спросилъ его молодой человѣкъ.

— Тоска, голубчикъ, меня гложетъ. Стыдно самому, а что подѣлаешь! Пусто стало. Бывало вернешься, она около тебя ласкается, заглядываетъ тебѣ въ глаза. И не думалъ, что такъ полюбилъ Жучка. Я вѣдь, когда привелъ его къ себѣ, и на умъ не приходила корысть; ну просто жалость одна была, и давнодавно мнѣ хотѣлось имѣть свою собаку.

— Зачѣмъ-же вы отнесли ее?

— Ахъ, какой ты, Володя, не можешь понять, что мнѣ на умъ не приходило, что я такъ затоскую безъ него.

— У васъ остались еще двѣ.

Семенъ Ивановичъ махнулъ рукой на нихъ и произнесъ небрежительно:

— Что онѣ противъ Жучка! Онъ былъ достопримѣчателенъ по своему уму!—Семенъ Ивановичъ тяжко вздохнулъ и продолжалъ:—Хоть-бы взглянуть на него, легче-бы стало! И лицо Семена Ивановича задергалось отъ усилія удержать слезы.

— Полноте, не тоскуйте, урезонивалъ его молодой человѣкъ.

— Радъ бы и самъ былъ, да не могу! Бывало вотъ такъ сидишь, посмотришь на него, какъ онъ на полу лежитъ, онъ сейчасъ своимъ хвостомъ замотаетъ... и... Голосъ у Семена Ивановича оборвался, онъ торопливо вытеръ рукавомъ халата глаза и проговорилъ:—Ты не смѣйся надо мной, Володя! Самъ понимаю, что все это глупо, а поди же ты, не могу совладать съ собой... Ничего! свыкнусь. Господи, жилъ-же прежде безъ Жучки! Баловство одно я на себя напустилъ! Пойду—прогуляюсь.

— Что вы, да двѣнадцатый часъ ночи, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Что ты? воскликнулъ Семенъ Ивановичъ.—Вишь ты, время даже сообразить не могу. Нѣтъ-ли, голубчикъ, чего переписать?

— Нѣту, Семенъ Ивановичъ. А я вамъ дамъ книжку, которую Варѣ купилъ въ подарокъ.

— Дай, дай...

Можетъ-быть еще долго тосковалъ-бы Семенъ Ивановичъ о дворняшкѣ, если-бы дня черезъ два, часовъ въ 11 пополудни, его двѣ собаченки не подняли визгливый лай, заслышавъ въ кухнѣ незнакомый мужской голосъ. Ирина Никитишна распахнула дверь къ нему и впопыхахъ произнесла:

— Семенъ Ивановичъ, отъ генеральши пришли, васъ спрашиваютъ.

Семенъ Ивановичъ бросился въ кухню, и лакей ему сказалъ, что генеральша очень проситъ его придти къ ней, если у него есть время.

— Приду, сейчасъ приду! отвѣтилъ торопливо Семенъ Ивановичъ.

Лакей поклонился и хотѣлъ уйти, но Семенъ Ивановичъ его остановилъ:

— А Жучка... тьфу... собачка, какъ ее?

— Негро! подсказалъ лакей.

— Весела, здорова?

— Здорова-съ.

— Немедленно явлюсь къ ея высокопревосходительству, проговорилъ Семенъ Ивановичъ.

А когда лакей ушелъ, то онъ гордо спросилъ Ирину Никитишну:

— Ну-съ, Арина Никитишна, видали-съ, лакей съ непокрытой головой стоялъ передо мной! Замѣтьте, какъ генеральша приглашаетъ меня: если у меня есть время! Что-съ? сама генеральша желаетъ видѣть собачника-съ!

Ирина Никитишна потупилась и молчала.

— Да-съ, вотъ съ, Васюточкинъ съ генеральшами знакомство-съ завелъ.

— Ну, какое это знакомство, Семенъ Ивановичъ! замѣтила Ирина Никитишна.

— А что же по-вашему? обиженно спросилъ онъ, — присылаетъ генеральша своего лакея, съ приглашеніемъ къ себѣ, да еще наказываетъ ему, чтобъ онъ сказалъ мнѣ: если у меня будетъ время... Вникните хорошенько-съ.

— Ну, съ Богомъ отправляйтесь къ своей генеральшѣ, нетерпѣливо отвѣтила старушка. — Идите въ свою комнату, что вертитесь подъ руками.

— Позвольте-съ, надо прежде мнѣ побриться.

— Берите воды вонъ въ чугунѣ!

Семенъ Ивановичъ лукаво усмѣхнулся, уходя изъ кухни, и брѣясь шепталъ:

— Удивляйтесь, удивляйтесь, Арина Никитишна, что собачника приглашаетъ къ себѣ генеральша.

Ирина Никитишна въ свою очередь бормотала въ кухнѣ:

— Ну, теперь совсѣмъ ошалѣетъ нашъ Семенъ Ивановичъ.

Вернувшись домой отъ генеральши, Семенъ Ивановичъ, не снимая шинели, сѣлъ въ кухнѣ и сталъ разсказывать Иринѣ Никитишнѣ:

— Имѣлъ честь сидѣть-съ за завтракомъ съ самой генеральшей-съ и съ ея внукомъ-съ. Лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ мнѣ блюда подавалъ, вино въ рюмку наливалъ-съ. Все серебро-съ... Жучекъ-то, Жучекъ-то, какъ мнѣ обрадовался!

— Зачѣмъ васъ требовали-то? спросила Ирина Никитишна.

— Приглашали-съ! произнесъ съ удареніемъ Семенъ Ивановичъ,—и доложу вамъ, Арина Никитишна, что получилъ лично отъ генеральши приглашеніе бывать у нихъ чаще-съ! да-съ, завтра опять пойду-съ.

У Семена Ивановича такое было подзадоривающее выраженіе въ лицѣ, что Ирина Никитишна отвернулась и сердито прошептала:

— Блажная твоя генеральша.

— Что-съ?

— Ничего! да, что это вы разсѣлись и въ шинели, не ждете-ли, чтобы и здѣсь лакей снялъ ее съ васъ? прикрикнула старушка.

Семенъ Ивановичъ струхнулъ и поспѣшилъ удалиться въ свою комнату.

Семенъ Ивановичъ не хотѣлъ разсказывать Иринѣ Никитишнѣ, что балованному мальчику захотѣлось, чтобы его дворняшка продѣлывала всѣ штуки, какія заставлялъ ее дѣлать передъ нимъ Семенъ Ивановичъ. Она его не слушалась, и былъ потребованъ учитель дворняшки, чтобы онъ научилъ его командовать дворняшкой. Генеральша-бабушка исполняла всѣ капризы своего внука, и Семенъ Ивановичъ сталъ посѣщать генеральскій домъ и почему-то балованному мальчику онъ понравился, а этого было достаточно, чтобы генеральша-бабушка была ласкова съ тѣмъ человѣкомъ.

Семенъ Ивановичъ говорилъ Володѣ:

— Самъ дивлюсь, ни чуточки теперь не робѣю передъ генеральшей. Ей Богу, больше боюсь Арины Никитишны, чѣмъ ее.

Страшный переполохъ произвело появленіе кареты съ ливрейнымъ лакеемъ въ немощеномъ переулкѣ. Генеральша прислала экипажъ за Семеномъ Ивановичемъ, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ, потому что ея внукъ слегка прихворнулъ и его уложили въ постель, а онъ потребовалъ, чтобы Семенъ Ивановичъ сидѣлъ около него.

Ирина Никитишна и Семенъ Ивановичъ также находились

въ страшномъ волненіи отъ присылки экипажа отъ генеральши. Семенъ Ивановичъ одѣваясь метался изъ угла въ уголъ; онъ долго искалъ галстука, который у него былъ въ рукахъ.

Ирина Никитишна говорила сыну въ этотъ вечеръ:

— Право, точно въ сказкѣ съ нашимъ Семеномъ Ивановичемъ творится. Мало того, что за генеральскимъ столомъ сидитъ, да еще въ ея экипажѣ катается.

— Ну и отлично! отвѣчалъ сынъ, не отрываясь отъ работы.

— А какъ онъ набалуется, а у генеральши капризъ пройдетъ, что тогда съ нимъ будетъ? Смотри-ка, какого онъ форсу набрался. Такимъ-ли онъ былъ завсегда, ворчала Ирина Никитишна; ей было обидно, что столько лѣтъ она деспотически властвовала надъ Семеномъ Ивановичемъ, который раболѣпно подчинялся ей, и вдругъ онъ ускользаетъ изъ-подъ ея власти.

Разъ Семенъ Ивановичъ вернулся отъ генеральши и съ гоноромъ сказалъ:

— Завтра-съ утромъ пріодѣньте-ка вашу внучку, я отвезу ее къ генеральшѣ.

— Варю! Это зачѣмъ?

— А какъ по вашему, Арина Никитишна, если за вашу внучку генеральша будетъ платить въ гимназію до окончанія курса-съ? Что скажете-съ?

И Семенъ Ивановичъ наслаждался ошеломленнымъ видомъ Ирины Никитишны, но потомъ самъ испугался, когда она зашаталась; онъ подхватилъ ее и усадилъ, бормоча:

— Арина Никитишна, Господь съ вами!

Ирина Никитишна уткнулась лицомъ о его руку и истерически зарыдала. У Семена Ивановича также выступили слезы на глазахъ и онъ потерянно успокаивалъ старушку:

— Плакать-то о чемъ же-съ? радоваться намъ надо-съ! благодарить слѣдуетъ-съ Бога, да и молиться за здравіе генеральши.

Придя въ себя, Ирина Никитишна перекрестилась, Семенъ Ивановичъ бросился къ кадкѣ съ водой и въ ковшѣ подалъ воды старушкѣ, говоря:

— Успокойтесь и испейте-съ.

Старушка глотнула воды и проговорила:

— Какъ-то все не вѣрится, голубчикъ, Семенъ Ивановичъ! Ужь не подшутили-ли вы надо мной?

— Вона! могла-ли придти мнѣ въ голову такая шутка!

— Да какъ это случилось? спросила Ирина Никитишна, все еще не вѣря своему счастью.

Семенъ Ивановичъ разсказалъ, что сама генеральша его стала разспрашивать, въ какомъ онъ семействѣ живетъ, и Семенъ Ивановичъ разсказалъ положеніе старушки и ея внучки. Генеральша тогда объявила ему, что она будетъ платить въ гимназію за дѣвочку.

Семенъ Ивановичъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— А что, Арина Никитишна, кабы я прогналъ подворотню-то?

Ирина Никитишна отвѣчала:

— Кто-же могъ думать, Семенъ Ивановичъ, чтобъ такая подв... собачка... И она сконфузилась и замолкла.

— Да-съ, Арина Никитишна, судьба-то что устраиваетъ съ человѣкомъ. Вотъ, я-съ прожилъ пятьдесятъ пять лѣтъ на свѣтѣ-съ, могу сказать въ загонѣ, а теперь Васюточкинъ за генеральскимъ столомъ сидитъ, въ коляскѣ ѣздитъ, и какъ подумаешь—изъ-за подворотни.

Ирина Никитишна терпѣливо слушала длинное разсужденіе Семена Ивановича не такъ, какъ бывало прежде,—сейчасъ его оборветъ и прикрикнетъ на него. Нѣтъ, теперь Васюточкинъ получилъ авторитетъ въ глазахъ ея. Роли ихъ измѣнились, но бывали случаи, хотя рѣдко, Ирина Никитишна, вспыливъ, попрежнему набрасывалась на Семена Ивановича, и мгновенно весь его гоноръ исчезалъ — онъ бѣжалъ въ свою комнату и сидѣлъ въ ней смирнехонько.

Водяная желѣзная дорога.

Въ послѣднее время на эспланадѣ инвалидовъ на Парижской выставкѣ были произведены въ присутствіи многочисленной публики весьма интересные опыты надъ водяною желѣзною дорогой, всю важность которой въ будущемъ пока еще трудно опредѣлить. Новое изобрѣтеніе имѣетъ цѣлью производить движеніе желѣзнодорожныхъ поѣздовъ при посредствѣ воды съ невѣроятною до сихъ поръ скоростью. Пробный поѣздъ состоялъ изъ четырехъ вагоновъ, вмѣщавшихъ до ста пассажировъ. Вагоны эти не имѣли колесъ, но поддерживались по угламъ четырьмя желѣзными брусками, величиною въ кирпичъ; этими брусками вагонъ устанавливался на пути, состоявшемъ изъ двухъ желѣзныхъ полосъ. Между послѣдними были укрѣплены неправильной формы небольшіе столбики, цѣль которыхъ трудно было опредѣлить при поверхностномъ осмотрѣ. Когда мы заняли мѣста и былъ данъ сигналъ отправленія, поѣздъ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ скользилъ съ умѣренною скоростью, которая дальше начала быстро увеличиваться. Мы почувствовали два-три легкихъ толчка, потомъ помчались со скоростью хорошаго желѣзнодорожнаго поѣзда, но такъ плавно, какъ лодка скользитъ по водѣ. Во время движенія слышался нѣкоторый стукъ по рельсамъ, происходившій, какъ намъ сказали, отъ недостатка полозьевъ — недостатка, который легко можно было исправить. Отсутствіе какого либо сотрясенія, дрожанія или качки, было поистинѣ изумительно. Замѣчались развѣ только слабые толчки, почти правильно повторявшіеся черезъ извѣстный промежутокъ времени, которые объяснялись невозможностью на такомъ короткомъ пространствѣ развить должную скорость. Въ гидравлическомъ поѣздѣ полной скорости, т. е. отъ 140 до 200 верстъ въ часъ, движеніе было-бы совсѣмъ неощутимо. Переѣздъ-же черезъ всю длину эспланады занялъ лишь нѣсколько секундъ.

По благополучномъ окончаніи пробной поѣздки, г. Пильтеръ, президентъ общества, купившаго это замѣчательное изобрѣтеніе, далъ намъ болѣе подробное объясненіе. Вагоны на полозьяхъ изобрѣтены уже въ 1868 году инженеромъ Жираромъ, который былъ убитъ въ франко-прусскую войну, и впослѣдствіи усовершенствованы однимъ изъ помощниковъ Жирара, г. Барэ, которымъ и доведены до настоящаго состоянія. Какъ упомянуто выше, гидравлическіе вагоны не имѣютъ колесъ, а помѣщаются на полыхъ полозьяхъ, которые скользятъ по гладкимъ и довольно широкимъ рельсамъ. Когда надо привести вагонъ въ движеніе, то въ полозья его изъ особаго резервуара вгоняютъ, посредствомъ сжатаго воздуха, воду, которая, стекая, распространяется по нижней поверхности полозьевъ, причемъ они поднимаются приблизительно на ½ миллиметра надъ рельсами. Полозья въ сущности лежатъ уже не на рельсахъ, а на тонкомъ слоѣ воды, обусловливающемъ легкость перемѣщенія. И дѣйствительно, весь вагонъ можно сдвинуть однимъ пальцемъ. Движущая сила дается упомянутыми столбиками, расположенными на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга по срединѣ пути. Подъ каждымъ вагономъ находится особый механизмъ, около 15 сантиметр. шириной, снабженный лопатками. Когда первый вагонъ проходитъ черезъ такой столбикъ, то на немъ открывается клапанъ и изъ него выходитъ подъ высокимъ давленіемъ струя воды, дѣйствующая на лопатку вагона. Въ то время, когда послѣдній вагонъ подходитъ къ описанному клапану—первый уже дойдетъ до слѣдующаго клапана и такимъ образомъ дѣйствіе воды остается непрерывнымъ. Развивающаяся сила почти невѣроятна. При началѣ движенія слышится родъ плеска на рельсахъ, но онъ уменьшается при увеличивающейся скорости движенія. Чтобы остановить поѣздъ, достаточно прервать слабый притокъ воды въ полозья; послѣдніе приходятъ въ соприкосновеніе съ рельсами и являющееся треніе почти моментально останавливаетъ поѣздъ. Водяной желѣзнодорожный поѣздъ, летящій со скоростью 160 верстъ въ часъ, можетъ быть остановленъ, какъ утверждаютъ, на 27 метрахъ, точно также же, какъ легко взбирается на подъемы въ ⅙, спускается съ нихъ и преодолѣваетъ кривыя въ 40 метровъ діаметромъ. Система эта весьма пригодна для горныхъ дорогъ, а также для движенія въ городахъ, такъ какъ движеніе происходитъ безъ шума, дыма и вполнѣ можетъ быть управляемо. Опасность схода съ рельсовъ доведена здѣсь до minimum'a, ибо центръ тяжести вагона лежитъ весьма близко къ рельсамъ. Расходы на постройку городской дороги достигаютъ ⅓ расходовъ существующихъ системъ; на открытомъ же мѣстѣ они нѣсколько превосходили бы существующіе. Барэ исчисляетъ ихъ для Франціи нѣсколько болѣе 100,000 марокъ на километръ или версту.

При отсутствіи естественныхъ водяныхъ средствъ пришлось бы приблизительно на каждые 18 верстъ ставить гидравлическіе насосы, которыхъ было бы достаточно, чтобы опезпечить поѣзду полную скорость. Расходъ угля на каждаго пассажира дошелъ бы до ¹/₁₀ настоящаго расхода. Значеніе этого видно изъ расхода угля на Парижско-Ліонской линіи, гдѣ сжигаютъ на 40 милліоновъ марокъ угля. Во всякомъ случаѣ было бы преждевременно предсказывать повсемѣстное введеніе гидравлической системы желѣзныхъ дорогъ.

Одно изъ возраженій, которое мнѣ приходитъ на умъ, заключается въ кажущейся непримѣнимости описанной системы для товарнаго движенія. Персиль, директоръ технической части желѣзнодорожнаго водянаго общества, думаетъ, однако, что она повсемѣстно должна вытѣснить существующій паровозъ. Такъ, напримѣръ, относительно Англіи онъ находитъ, что достаточно нынѣшняго долгаго переѣзда черезъ каналъ, чтобы устранить всѣ сомнѣнія относительно необходимости устройства подводнаго тоннеля.

„Я готовъ идти на какое угодно пари", объявилъ онъ съ энтузіазмомъ, „что по постройкѣ тоннеля и испытаніи нашей системы, переѣздъ изъ Лондона въ Парижъ потребуетъ не болѣе 2-хъ часовъ времени".

Будущее покажетъ, что въ этихъ взглядахъ преувеличено; опытъ во всякомъ случаѣ остается интереснымъ, а устраненіе тренія при помощи воды, окажется, быть-можетъ, еще болѣе важнымъ въ другихъ случаяхъ, чѣмъ для поѣзда-молніи гидравлическихъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ которымъ движеніе обыкновеннаго курьерскаго поѣзда напоминало бы ползущую черепаху. С.

Ишь, пошли сѣрые! Ориг. рис. (собств. „Нивы") Суходольскаго, грав. Аптереръ.

Къ рисункамъ.

Клипперъ „Вѣстникъ“ и его послѣднее кругосвѣтное плаваніе. (Рис. на стр. 1301).

Клипперъ „Вѣстникъ“ принадлежитъ къ серіи легкихъ океанскихъ крейсеровъ втораго класса, на созданіе которыхъ Россія затратила въ послѣднее десятилѣтіе столько энергичныхъ усилій, съ цѣлью увеличить свои рессурсы въ случаѣ войны съ какою-нибудь морскою и при томъ коммерческою державою. Судно это исключительно русской постройки. Корпусъ его построенъ въ 1880 году изъ желѣза, стали и дерева (такъ-называемой смѣшанной системы) въ Петербургѣ, на Невскомъ заводѣ, и обошелся Морскому министерству почти въ шестьсотъ тысячъ рублей. Механизмъ клиппера изготовленъ на Ижорскомъ заводѣ за четыреста тысячъ рублей. Такимъ образомъ общая стоимость этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ клиппера немногимъ превысила милліонъ рублей, считая также расходъ по вооруженію и снабженію всѣми необходимыми запасами. Боевое вооруженіе „Вѣстника“ состоитъ изъ трехъ орудій шестидюймоваго калибра и нѣсколькихъ мелкихъ пушекъ, преимущественно скорострѣльныхъ, на случай отраженія атаки миноносокъ. Кромѣ того, на клипперѣ имѣются необходимыя минныя приспособленія, дѣлающія его достаточно грознымъ и сильнымъ противникомъ.

Съ первыхъ же годовъ своего существованія, „Вѣстникъ“ былъ назначаемъ исключительно въ дальнія плаванія. Въ послѣднее кругосвѣтное путешествіе клипперъ отправился 11 августа 1885 г., подъ командой капитана 2 ранга Ланга. Черезъ четыре дня онъ былъ уже въ Килѣ, откуда прослѣдовалъ въ Гавръ, гдѣ простоялъ болѣе двухъ недѣль. Переходъ изъ Кронштадта до гостепріимнаго французскаго порта былъ сдѣланъ исключительно подъ парами, благодаря постояннымъ противнымъ вѣтрамъ, достигавшимъ иногда значительной свѣжести. 15 сентября клипперъ пошелъ черезъ Атлантическій океанъ въ Ріо-Жанейро, побывавъ по пути на островахъ Мадейра и Зеленаго мыса. Прибывъ въ бразильскую столицу 7 ноября, „Вѣстникъ“ только черезъ мѣсяцъ продолжалъ свое кругосвѣтное плаваніе, вокругъ мыса Доброй Надежды, въ Австралію, Тасманію, Новую Каледонію и Новую Гвинею, причемъ посѣтилъ многіе порта, въ которыхъ ни разу не были до него не только русскія военныя суда, но даже и суда другихъ, болѣе предпріимчивыхъ, націй. Такъ напримѣръ, ему удалось побывать въ портѣ Албани (3 марта 1886 года), въ Кингъ-Джоржъ-Зундѣ, Гобсонъ-Баѣ, Мельбурнѣ, въ Лаунсстонѣ, расположенномъ на сѣверномъ берегу Тасманіи, и въ Велингтонѣ. На нашемъ рисункѣ клипперъ представленъ стоящимъ на якорѣ въ рѣкѣ Тамаръ, на берегахъ которой расположенъ Лаунсстонъ, второй по величинѣ городъ Тасманіи, имѣющій въ настоящее время около двадцати тысячъ населенія. Городъ, совершенно европейской внѣшности, лежитъ въ тридцати пяти миляхъ отъ устья рѣки, текущей по меридіану, съ юга на сѣверъ, среди живописныхъ береговъ, то холмистыхъ, то плоскихъ, ласкающихъ взоры дивнымъ разнообразіемъ роскошной растительности. Лаунсстонъ соединенъ желѣзною дорогою со столицею Тасманіи Гобарттауномъ, расположеннымъ въ южной части величественнаго острова, и телеграфомъ—съ Мельбурномъ. Рѣка Тамаръ отличается ровнымъ, спокойнымъ теченіемъ и доступна для судовъ довольно значительныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, суда съ осадкою до восемнадцати футовъ могутъ свободно подниматься по рѣкѣ на тридцать пять миль и становиться на якорь въ полмилѣ отъ Лаунсстона, а суда съ осадкой только до четырнадцати футовъ могутъ идти гораздо дальше. При устьѣ Тамаръ расположенъ портъ Далримплъ, не имѣющій впрочемъ особеннаго коммерческаго значенія, такъ какъ большинство судовъ предпочитаютъ подниматься по рѣкѣ до Лаунсстона. Въ этой-то рѣкѣ, куда впервые зашло европейское военное судно, и снятъ фотографомъ экипажа прилагаемый видъ.

Во всѣхъ австралійскихъ портахъ клипперъ „Вѣстникъ“ удостоивался самой радушной встрѣчи, какъ со стороны властей, такъ и жителей. 15 мая 1886 года „Вѣстникъ“ вышелъ въ проливъ Кука и 30 мая всталъ на якорь на рейдѣ города Нумэа. Затѣмъ, онъ посѣтилъ Новую Гвинею, Нагасаки и наконецъ нашъ аванпостъ на Великомъ океанѣ — Владивостокъ, куда пришелъ 19 іюня, совершивъ переходъ изъ Кронштадта въ 10 мѣсяцевъ 28 дней. Дальнѣйшая служба клиппера продолжалась исключительно въ водахъ Тихаго океана, при чемъ онъ посѣтилъ корейскій портъ Чемульпо и многіе китайскіе порта. Обратное плаваніе „Вѣстника“ началось съ 30 января 1888 года. Пройдя Суэзскимъ каналомъ въ Средиземное море, онъ зашелъ въ Барселону, гдѣ былъ представителемъ, вмѣстѣ съ крейсеромъ „Забіяка“, русскаго флота при открытіи всемірной выставки и удостоился посѣщенія ея величества королевы Испаніи. Возвратился клипперъ въ Кронштадтъ 29 іюня 1888 года, пробывъ такимъ образомъ въ кругосвѣтномъ плаваніи 2 года 10 мѣсяцевъ 18 дней. На немъ плавало: 2 штабъ-офицера, 19 оберъ-офицеровъ и 174 нижнихъ чина.

А. Максимовъ.

Концертъ у кардинала Ришелье.

(Рис. на стр. 1304 и 1305).

Когда Ришелье, послѣ восемнадцати-лѣтняго управленія Франціей въ должности перваго министра при слабомъ и неспособномъ Людовикѣ XIII, лежалъ на смертномъ ложѣ и духовникъ увѣщевалъ его простить врагамъ, — великій государственный мужъ отвѣчалъ: „У меня никогда не было иныхъ враговъ, кромѣ враговъ государства и короля!“ И дѣйствительно, у Ришелье съ самаго начала политической дѣятельности его, собственная личность была такъ тѣсно связана съ королевствомъ, что онъ, преслѣдуя свои личные интересы, никогда не упускалъ изъ виду главную цѣль своей политики—возвышеніе монархіи во Франціи надъ волею всѣхъ и каждаго и распространеніе авторитета родины надъ всей Европой. Образъ жизни Ришелье велъ блестящій; замки и дворцы, прислуга, обѣды, великолѣпная обстановка—все указывало на могущественнаго и богатаго человѣка, въ рукахъ котораго находилась судьба страны. Причину такого образа жизни нельзя искать въ честолюбіи и тщеславіи кардинала; Ришелье хотѣлъ показать этимъ прежде всего могущество Франціи и стоять наравнѣ, какъ бы дополняя, съ королевскимъ дворомъ въ Луврѣ, который ему казался не достаточно королевски-великолѣпнымъ. Въ Парижѣ кардиналъ воздвигъ малый Люксембургскій дворецъ, потомъ при посредствѣ Лемерсье—кардинальскій дворецъ, названный позже Королевскимъ дворцомъ (Palais Royal), но болѣе всего любилъ онъ проживать въ близь-лежащей деревнѣ Рюэль, гдѣ построилъ обширный дворецъ съ паркомъ, садомъ и разными затѣями. Тамъ жилъ онъ окруженный остроумными и учеными людьми, проявляя свою любовь къ искусствамъ, въ особенности къ драматической поэзіи, и наслаждался своею капеллою, состоявшею изъ превосходныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Прекрасная картина И. Лейстена, гравюру съ которой читатели найдутъ на стр. 1304 и 1305, изображаетъ одинъ изъ такихъ концертовъ у Ришелье. Подъ звуки органа, управляемаго пожилымъ органистомъ въ монастырской рясѣ, поетъ мужской хоръ, акомпанирующій прелестной солисткѣ. Окружающими кардинала являются, кромѣ стоящаго за органистомъ, страшнаго для многихъ отца Жозефа, прозваннаго „сѣрой эминенціей“, — высокопоставленныя свѣтскія и духовныя лица, и нѣсколько дамъ. Самъ кардиналъ, повидимому слабый и разбитый, покоится въ креслѣ, но его противники хорошо знали, что онъ, когда требовали интересы государства, внезапно какъ бы отряхалъ съ себя всѣ недуги и немощи, бодрствуя на стражѣ своего государства. Художникъ чрезвычайно искусно сумѣлъ передать кистью высокое духовное и государственное значеніе Ришелье, такъ что изображеніе его служитъ центромъ богатой фигурами картины, и глазъ зрителя невольно къ ней обращается.

Румынка. (Рис. на стр. 1309).

Румыны, по происхожденію загадочный народъ, какъ говоритъ Нибуръ, составляютъ главнымъ образомъ населеніе бывшихъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, а затѣмъ встрѣчаются въ значительномъ числѣ въ Венгріи, Буковинѣ, Россіи, Сербіи и Болгаріи. Невысокаго роста, стройные, румыны обыкновенно отличаются красотой, особенно дѣвушки и женщины. Форма головы и черты лица напоминаютъ античныя статуи, а темные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, придаютъ лицамъ идеальное выраженіе. Обыкновенную одежду крестьянской дѣвушки составляетъ длинная бѣлая рубаха, пестро вышитая и опоясанная такимъ же передникомъ. Цвѣты на головѣ и монеты на шеѣ — любимое украшеніе и безъ того красивыхъ румынокъ, какъ это можно видѣть на помѣщенномъ нами рисункѣ.

Дѣдушкинъ портретъ. (Рис. на стр. 1312).

Рядомъ съ музыкою древнѣйшимъ искусствомъ надо признать живопись. И донынѣ дѣти, только что выучатся ходить и лепетать, сейчасъ стараются подражать слышаннымъ ими пѣснямъ или не могутъ устоять отъ соблазна разрисовывать все, что подвернется подъ руку. Горе стѣнамъ и заборамъ, которые попадаются на пути такого начинающаго живописца — мигомъ покрываются они его произведеніями, напоминающими рисунки индѣйцевъ или другихъ дикарей.

Профессоръ Л. Скаффаи, въ своей картинѣ, чрезвычайно мило и правдиво изобразилъ такого будущаго Рафаэля, за работой портрета съ дѣдушки.

Добрые друзья. (Рис. на стр. 1313).

Въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ, привязанность крупныхъ хищниковъ къ мелкимъ и слабымъ животнымъ составляетъ явленіе далеко не рѣдкое. Особенно часто встрѣчаются свидѣтельства о нѣжной дружбѣ льва съ крошечными собачками, тѣмъ или другимъ путемъ попадавшими въ клѣтку царя звѣрей. Въ старину, когда нравы были грубѣе и хищныхъ звѣрей нерѣдко кормили живыми собаками, такіе случаи и

повторялись чаще. Левъ нерѣдко щадилъ перепуганную на смерть собачонку, а затѣмъ привязывался къ ней и дѣлился съ нею скудною для него дневною пищей.

Ишь, пошли сѣрые! (Рис. на стр. 1317).

Конецъ декабря самое страшное время для встрѣчи съ волками въ лѣсу. Въ эту пору они ходятъ большими стаями за волчицами и становятся особенно свирѣпы. Часто гонятся они всею стаей за проѣзжающими, и если одинъ изъ нихъ падаетъ подъ выстрѣлами, прочіе немедленно разрываютъ его въ клочки; если же убита будетъ волчица, освирѣпѣлая стая нерѣдко преслѣдуетъ проѣзжихъ до самой деревни. Понятно поэтому серіозное раздумье крестьянина, выѣхавшаго въ лѣсъ нарубить дровецъ и вдругъ увидавшаго вдали походъ подобной стаи...

Памятникъ императору Александру I въ СПБ. Александровскомъ лицеѣ. (Рис. на стр. 1320).

Мысль о сооруженіи памятника основателю лицея возникла въ средѣ его питомцевъ во время празднованія 75-ой годовщины основанія лицея 19 октября 1886 года; въ вхъ-же средѣ была собрана и сумма потребная на сооруженіе памятника. Сооруженіемъ его завѣдывалъ особый комитетъ, въ предсѣдательствѣ члена Государственнаго Совѣта Соломона, поручившій академику И. И. Забѣлло составить проектъ памятника. Нарисованный академикомъ Н. А. Любимовымъ, проектъ удостоенъ Высочайшаго одобренія 15 декабря 1888 г. Стоимость памятника простирается до 10,000 руб. Бронзовый бюстъ основателя лицея, императора Александра I, въ генеральскомъ мундирѣ, въ 1½ аршина высоты, поставленъ на пьедесталѣ изъ сердобольскаго гранита, утвержденномъ на двухъ ступеняхъ изъ питерлакскаго краснаго гранита, всего 4½ аршина. На лицевой сторонѣ пьедестала помѣщено полустишіе Пушкина „Онъ создалъ намъ лицей“ (Александровскій лицей, какъ извѣстно, переведенъ въ нынѣшнее свое помѣщеніе на Каменноостровскомъ проспектѣ въ 1849 году изъ Царскаго Села, гдѣ въ числѣ питомцевъ его былъ и Пушкинъ), а на нижней части изображеніе герба лицея съ девизомъ: „Для общей пользы“. На противоположной сторонѣ пьедестала надпись: „19 октября 1811 года“ (день открытія лицея). На боковыхъ частяхъ пьедестала и на подножіи бюста гирлянды изъ бронзы. Бронзовый бюстъ императора Александра I отлитъ по модели г. Забѣлло, на заводѣ Морана, которымъ приготовлены и бронзовыя украшенія памятника; гранитный-же пьедесталъ исполненъ въ мастерской скульптора Боттье. Памятникъ поставленъ предъ зданіемъ лицея и торжественно открытъ 19 октября 1889 года въ присутствіи всего лицейскаго начальства, бывшихъ и нынѣшнихъ воспитанниковъ лицея. Изъ бывшихъ лицеистовъ присутствовали статсъ-секретари Н. К. Гирсъ и К. К. Гротъ, вице-президентъ Академіи Наукъ Я. К. Гротъ, генералъ-лейтенантъ П. А. Грессеръ и многіе другіе. Весною будущаго года памятникъ будетъ окруженъ гранитными тумбами, съ подвѣсными цѣпями. Остатокъ собранныхъ суммъ на памятникъ, въ размѣрѣ 406 руб., предназначенъ на распланированіе мѣстности и другіе сопряженные съ открытіемъ памятника расходы.

Ѳ. Ѳ. Треповъ. (Портр. на стр. 1320).

Въ скорбные дни процвѣтанія у насъ растлѣвающихъ нигилистическихъ бредней, довольно глубоко пустившихъ корни въ нѣкоторой части общества и литературы и приведшихъ къ покушенію 4 апрѣля 1866 года, явилась крайняя необходимость поставить во главѣ столичной полиціи такого человѣка, который своею энергіей могъ-бы сразу поставить полицейское управленіе на должную высоту и вполнѣ возстановить въ глазахъ распущенной и привыкшей ко всякимъ поблажкамъ умственной черни авторитетъ административной власти. Общій голосъ указалъ на такого дѣйствительно энергичнаго, настойчиваго, съ непреклонною волею человѣка. Онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы занять столь важный въ столицѣ постъ: воспитанный въ строгой военной дисциплинѣ, привыкшій съ молодыхъ лѣтъ стоять за порядокъ, онъ уже проявилъ свои недюжинныя административныя способности въ борьбѣ съ тайнымъ польскимъ революціоннымъ движеніемъ, онъ показалъ свою примѣрную храбрость въ битвахъ. Это человѣкъ былъ недавно скончавшійся Ѳ. Ѳ. Треповъ, чье имя въ исторіи Петербурга должно занять одно изъ самыхъ видныхъ и почтенныхъ мѣстъ. Треповъ, занявъ постъ оберъ-полицеймейстера, явился во всеоружіи власти, водворилъ порядокъ и выказалъ во всемъ блескѣ свои административныя способности, являя собою, можно сказать, идеалъ градоначальника, просвѣщеннаго, неутомимаго, общедоступнаго, вникавшаго въ малѣйшія нужды столицы и ея обывателей. Съ самаго начала онъ занялся кореннымъ преобразованіемъ полиціи, настоялъ на увеличеніи окладовъ, привлекъ къ служенію въ полиціи людей болѣе образованныхъ, вдохнулъ въ это учрежденіе совершенно иной духъ, благодаря чему многіе полицейскіе порядки и даже самый типъ стараго полицейскаго рѣшительно отошли въ область преданій. Затѣмъ онъ принялся за устройство города: учредилъ рѣчную полицію, раздѣлилъ столицу вмѣсто частей на участки, выхлопоталъ выдѣленіе Петербурга изъ губерніи въ особое градоначальство, привелъ наружность города въ самый цвѣтущій видъ. Мостовыя были исправлены, освѣщеніе улучшено, санитарная часть, насколько это отъ него зависѣло, упорядочена и проч. Онъ устроилъ сады и скверы, рынки, обновилъ, почистилъ во всѣхъ отношеніяхъ столицу настолько, что она приняла, наконецъ, видъ настоящаго европейскаго города. Основаніемъ ночлежныхъ домовъ, швейныхъ мастерскихъ для бѣдныхъ женщинъ, улучшеніемъ родильныхъ пріютовъ, устройствомъ чтеній для народа въ такъ-называемомъ Соляномъ городкѣ, получившемъ названіе въ массѣ „Треповскаго университета“, Ѳ. Ѳ. Треповъ довершилъ свои непрестанныя заботы о городѣ, который ему всѣмъ обязанъ и населеніе котораго хранитъ донынѣ самую добрую память о такомъ рѣдкостномъ градоначальникѣ. Онъ съ благодарностью принималъ всякое и устное, и печатное указаніе, дѣльное замѣчаніе; отъ зоркаго, всюду проникавшаго взгляда не укрывалось ничего, такъ что въ народѣ слагались даже цѣлыя легенды о бдительности, необычайной подвижности, настойчивости и нѣкоторомъ всемогуществѣ Трепова. Всѣ обращались къ нему съ твердой увѣренностью получить защиту, совѣтъ, указаніе; всѣмъ было извѣстно, сколько добрыхъ дѣлъ творилъ этотъ человѣкъ, имѣвшій хорошее сердце, но неумолимый, строгій, при исполненіи своихъ обязанностей, не щадившій виновныхъ и все то, что приносило явный вредъ столицѣ и ея населенію. Люди порядка относились къ Трепову съ полнымъ уваженіемъ; простолюдины доводили это уваженіе до какого-то благоговѣнія. Далеко не такъ смотрѣла на Трепова заблудшая въ лжеученіяхъ, привыкшая къ распущенности, проповѣдывавшая полную анархію, нѣкоторая часть общества, считавшая въ своемъ составѣ многихъ вліятельныхъ людей. Эта часть общества, втайнѣ боявшаяся Трепова, ненавидѣла его отъ всей души, гдѣ только можно вредила ему во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ и искала лишь случая избавиться отъ него, какъ отъ человѣка неустрашимаго и твердаго въ преслѣдованіи враговъ законности и существующаго порядка. Исторія покажетъ, что, потерявшая стыдъ и совѣсть, особа темной репутаціи, пресловутая Засуличъ была только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ безпринципныхъ враговъ Трепова. Возмутительно было покушеніе на жизнь Трепова, тогда уже стараго, покрытаго сѣдинами человѣка, свято исполнявшаго свой долгъ, но еще возмутительнѣе было сочувствіе помянутой части общества отвратительному „убійству изъ-за угла“ и дикая радость по поводу удаленія Трепова съ арены его полезнѣйшей дѣятельности. То была настоящая вакханалія нигилистовъ и головорѣзовъ, имѣвшая огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, которая займетъ въ исторіи русскаго общества одну изъ самыхъ мрачныхъ, гнусныхъ страницъ. Покушеніе на жизнь Трепова и связанный съ нимъ процессъ Засуличъ навсегда останутся пятномъ позорнымъ и неизгладимымъ. Треповъ, волей-неволей, принужденъ былъ сойти со сцены, но прекрасная память о немъ сохранилась въ *лучшей части* нашего общества навсегда. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что когда въ мартѣ 1881 г. былъ учрежденъ при с.-петербургскомъ градоначальникѣ выборный совѣтъ, то подавляющее большинство голосовъ со стороны столичнаго населенія получилъ Треповъ, пользовавшійся громадной популярностью въ столицѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ, по происхожденію своему—найденышъ. Онъ пріемный сынъ г. Штернера, чиновника служившаго въ Царствѣ Польскомъ, и здѣсь же и родился въ 1803 году. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ Штернера, затѣмъ воспитывался въ инженерномъ училищѣ, но по болѣзни не кончилъ курса и поступилъ въ 1828 году на службу въ Департаментъ государственныхъ имуществъ. Два года спустя, наканунѣ польскаго мятежа 1831 года, онъ перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ битвахъ съ польскими мятежниками, особенно отличился въ сраженіяхъ при Граховѣ и Нурѣ, и въ послѣднемъ за спасеніе жизни своего полковаго командира получилъ Георгіевскій крестъ. Въ 1854 году, уже въ чинѣ полковника, онъ командовалъ жандармскимъ полкомъ въ Кіевѣ, а въ 1860 г. былъ назначенъ варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Въ этой должности онъ выказалъ бездну энергіи и былъ тяжело раненъ камнемъ въ голову во время одной изъ мятежническихъ манифестацій. Произведенный затѣмъ въ генералъ-маіоры, онъ состоялъ начальникомъ III округа корпуса жандармовъ, при чемъ однажды подвергся нападенію польскихъ кинжальщиковъ и получилъ рану топоромъ въ голову. Въ 1863 г. его назначили генералъ-полицеймейстеромъ, а затѣмъ членомъ Совѣта управленія и учредительнаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь онъ явилъ себя замѣчательнымъ организаторомъ и администраторомъ и оказалъ громадныя услуги въ дѣлѣ успокоенія и замиренія края. Въ 1866 году онъ былъ сдѣланъ оберъ-полицеймейстеромъ города Петербурга и получилъ тогда же чинъ генералъ-лейтенанта, а черезъ годъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Вѣрой и правдой послужилъ онъ столицѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ и вышелъ въ отставку въ 1878 году. Излѣчившись отъ ранъ, онъ перебрался въ Кіевъ, занялся здѣсь дѣлами благотворительности, состоя членомъ многихъ учрежденій и обществъ, и въ этомъ же городѣ скон-

чался, 23 ноября, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи.

П. Быковъ.

Домъ въ усадьбѣ покойнаго А. Н. Островскаго и могила его.

(Рис. на стр. 1321).

Фотографическіе снимки съ дома въ усадьбѣ покойнаго А. Н. Островскаго и съ его скромной могилы были намъ любезно доставлены А. М. Кондратьевымъ, который, по своему положенію при Московскомъ Маломъ театрѣ, былъ постоянно близокъ къ нашему драматургу, и при жизни его принималъ живѣйшее участіе въ постановкѣ его произведеній на нашей классической московской сценѣ.

Въ письмѣ, при которомъ были къ намъ препровождены снимки, А. М. Кондратьевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „домъ въ усадьбѣ А. Н. Островскаго — деревянный, а потому время и тѣмъ болѣе пожаръ", столь обычный гость нашей русской деревни, легко могутъ истребить слѣды этого укромнаго уголка, въ которомъ покойный драматургъ любилъ отдыхать лѣтомъ и „такъ много написалъ художественныхъ произведеній".

Кстати замѣтимъ, что сельцо *Щелыково* (Кинешемскаго уѣзда, Костромской губ), которое собственно и составляло усадьбу Александра Николаевича Островскаго, не было его родовымъ имѣніемъ, а досталось ему по наслѣдству (если не ошибаемся) отъ его мачихи. Затѣмъ, оно состояло въ совмѣстномъ владѣніи Александра Николаевича съ однимъ изъ его братьевъ. Покойный драматургъ очень любилъ удаляться въ эту мирную глушь на лѣтніе мѣсяцы, и здѣсь, весьма гостепріимно открывая домъ свой своимъ близкимъ московскимъ пріятелямъ, любилъ съ ними тѣшиться рыбною ловлею на Волгѣ. Будучи страстнымъ рыбакомъ, онъ любилъ рыболовство во всѣхъ видахъ, отъ простаго, одинокаго уженья и до ловли въ большихъ размѣрахъ, неводомъ и другими закидными сѣтями и рыболовными снарядами. Всѣ мѣстные записные и завзятые рыболовы-любители были Александру Николаевичу знакомы и охотно принимали участіе въ его ловахъ. Радушіе и чрезвычайная простота семейной обстановки Александра Николаевича невольно привлекали къ нему его пріятелей на лѣтній отдыхъ, и въ Щелыковѣ бывало иногда очень весело. Всѣ видавшіе покойнаго Островскаго въ его лѣтней резиденціи находили его неузнаваемымъ и единогласно признавали его поздоровѣвшимъ подъ конецъ лѣта, проведеннаго въ усадьбѣ. Къ сожалѣнію, однако-же, та сложная и трудная дѣятельность по театру, которой онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, побудила его сокращать свои лѣтнія пребыванія въ Щелыковѣ, и это, по общему отзыву, очень дурно отозвалось на здоровьѣ покойнаго драматурга.

Особенная привязанность Александра Николаевича къ Щелыкову сказалась и въ томъ, что онъ завѣщалъ себя похоронить въ мѣстномъ приходѣ. Ему, вѣроятно, также какъ и Пушкину, были противны густо заселенныя покойниками могилы нашихъ столичныхъ кладбищъ... Надъ могилой Александра Николаевича возвышается очень скромный памятникъ (какъ можно видѣть изъ нашего рисунка), на которомъ, по какой-то странной случайности, оказывается чрезвычайно грубая ошибка въ обозначеніи дня рожденія: А. Н. Островскій, по указанію А. М. Кондратьева, родился „не 31 мая, какъ вырѣзано на памятникѣ, *а 31 марта*".

Памятникъ Императору Александру I въ Имп. Лицеѣ въ СПБ.
Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Ѳ. Ѳ. Треповъ. († 23 ноября 1889). Рис. для „Нивы" Бокуръ, грав. Шапонъ.

А. А. Ильинъ.

(Портр. на стр. 1324).

Недавно скончался одинъ изъ полезнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Аѳиногеновичъ Ильинъ, основатель и владѣлецъ единственнаго въ своемъ родѣ картографическаго заведенія въ Петербургѣ. Милліоны экземпляровъ всякихъ картъ и атласовъ выпустило это заведеніе, снабжая своими прекрасными изданіями и ученыхъ спеціалистовъ, и скромныя народныя училища. И нѣтъ такого уголка во всей образованной Россіи, гдѣ бы имя Ильина не было болѣе или менѣе извѣстно по тѣмъ или другимъ картографическимъ работамъ. Свое дѣло Ильинъ началъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и, благодаря рѣдкой энергіи, необыкновенно усидчивымъ трудамъ, терпѣнію и настойчивымъ усиліямъ, довелъ его до самаго широкаго развитія, до самаго блестящаго состоянія. Предпріятію своему онъ посвятилъ лучшіе, цвѣтущіе годы своей

жизни, вложилъ въ него всю душу и занимался этимъ дѣломъ даже въ немолодыхъ лѣтахъ, будучи уже владѣльцемъ крупнаго состоянія; съ прежнею любовью просиживалъ онъ по цѣлымъ днямъ за корректурами своихъ изданій, умѣя внушить эту любовь къ дѣлу и своимъ близкимъ. Теперь картографическое заведеніе А. А. Ильина пользуется широкою извѣстностью не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея; изданія его фирмы вполнѣ оцѣнены за-границей, на многихъ выставкахъ, и заведеніе это смѣло можно поставить на ряду съ извѣстною картографическою фирмою Юстуса Пертеса въ Готѣ. Картографическое заведеніе Ильина получило вполнѣ самостоятельное существованіе двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, а ранѣе оно было очень скромною литографіей, которая была основана въ 1859 году В. А. Полторацкимъ, полковникомъ Генеральнаго Штаба. Штабъ военно-учебныхъ заведеній поручилъ ему въ 1858 году изданіе военно-историческаго атласа войнъ 1812—1815 годовъ, и Полторацкій, вступивъ въ компанію съ А. А. Ильинымъ, открылъ литографію съ цѣлью улучшить и удешевить порученную ему работу. Затѣмъ онъ по служебнымъ дѣламъ долженъ былъ оставить Петербургъ, и литографія перешла въ собственность А. А. Ильина и съ 1864 г. стала называться „Картографическимъ заведеніемъ“. Съ начала семидесятыхъ годовъ положеніе его совершенно упрочилось, заведеніе значительно расширило свою дѣятельность и съ тѣхъ поръ выпустило массу географическихъ атласовъ и картъ, научныхъ, статистическихъ, спеціальныхъ для разныхъ министерствъ, департаментовъ горнаго, почтоваго и телеграфнаго, для ученыхъ обществъ, а также цѣлый рядъ художественныхъ изданій для публики и для Академіи Художествъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Картографическому заведенію принадлежало также изданіе такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ многотомное сочиненіе Элизе Реклю „Земля и люди. Всеобщая географія“, „Географія“ Клодена и друг., и цѣлая серія естественно-историческихъ книгъ и разныхъ учебныхъ руководствъ: „Краткій повторительный курсъ статистики“, „Краткій курсъ тригонометріи“, „Курсъ фортификаціи“, „Курсъ артиллеріи“, „Лекціи динамики“, „Курсъ тактики“, „Краткая справочная энциклопедіи (военныя науки, всеобщая исторія)“ и мног. друг. Кромѣ того, Ильинъ издавалъ двѣнадцать лѣтъ (1867—1878) журналъ популярнаго землевѣдѣнія *Всемірный Путешественникъ* и потомъ такой же журналъ *Природа и Люди*. Оба изданія не принесли ему никакого барыша, стоили большихъ затратъ, и Ильинъ принужденъ былъ прекратить по недостатку подписчиковъ и тотъ и другой журналъ. Алексѣй Аѳиногеновичъ умеръ далеко еще не старымъ человѣкомъ. Онъ родился въ 1835 г. въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ, въ родовомъ имѣніи отца. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ офицеры въ 1852 году. Въ 1856 году онъ поступилъ для пополненія своего спеціальнаго образованія въ Академію Генеральнаго Штаба и по окончаніи въ ней курса состоялъ при Военно-топографическомъ Депо, потомъ въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, а позже занималъ мѣсто старшаго начальника распорядительнаго отдѣленія, былъ при главномъ управленіи Генеральнаго Штаба для особыхъ порученій и, наконецъ, состоялъ при начальникѣ Главнаго Штаба чиновникомъ особыхъ порученій. Въ генералъ-маіоры онъ былъ произведенъ въ 1878 году, а чинъ генералъ-лейтенанта получилъ 30 августа 1888 года. Всѣ близко знавшіе Ильина сохранятъ о немъ память какъ о прекрасномъ человѣкѣ, отличавшемся простотою, прямодушіемъ, необыкновенною добротою и деликатностью. Онъ замѣчательно хорошо относился къ своимъ рабочимъ и всегда заботился объ ихъ участи.

П. Б—овъ.

Могила А. Н. Островскаго близь села Щелыкова (Костромской губ.).
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Усадьба А. Н. Островскаго близь села Щелыкова (Костромской губ.).
Съ фотогр. Кондратьева, грав. Рашевскій.

Рояль поднесенный А. Г. Рубинштейну въ первый день юбилея К. М. Шредеромъ.

(Рис. на стр. 1324).

Въ числѣ юбилейныхъ подарковъ величайшему изъ піанистовъ, выдавались два концертныхъ рояля, поднесенныхъ ему нашими извѣстными фирмами Шредеръ и Беккеръ. Оба инструмента—одинъ изъ свѣтлаго рѣзнаго дуба, другой изъ темнаго полированнаго дерева—нашли себѣ почетное мѣсто въ кабинетѣ А. Г. Рубинштейна, который далъ имъ шутливыя прозвища: „ma blonde“ и „ma brune“. Мы получили портретъ „блондинки“ К. М. Шредера и прилагаемъ его на стр. 1324. Это великолѣп-

ный концертный флигель въ 7¼ октавъ новѣйшей системы. Внутренность инструмента выдѣлана съ необыкновенною прочностью и изяществомъ, всѣ мелкія части, пуговки, винты, колки и проч. изъ никкеля. Рѣзьба внѣшней оболочки изъ русскаго дуба произведена по рисункамъ архитектора Шауба. На пюпитрѣ серебряная монограмма юбиляра. Внутреннія качества инструмента вызвали самый лестный отзывъ вѣнскаго придворнаго фабриканта фортепіанъ—Бехштейна, который, по его словамъ, не думалъ чтобы въ Россіи возможна была такая работа. Читателямъ *Нивы* уже извѣстно о наиболѣе цѣнномъ для юбиляра подаркѣ Шредера—предоставленіи ежегодно права лучшему изъ учениковъ (или ученицъ) Рубинштейна въ консерваторіи выбрать безвозмездно рояль по своему вкусу.

Ежъ на фуражировкѣ. (Рис. на стр. 1325).

Ежи чрезвычайно полезны сельскому хозяину, какъ истребители полевыхъ мышей, саранчи, кузнечиковъ, медвѣдокъ, майскихъ жуковъ, улитокъ и проч. Живетъ ежъ или въ порѣ, устланной сухою листвой, или подъ густыми кустарниками. Отсюда, ежедневно въ сумерки предпринимаетъ онъ свои экспедиціи въ теченіе всего лѣта. Хотя пища его, какъ мы видѣли, по преимуществу животная, тѣмъ не менѣе ежъ очень любитъ лакомиться плодами и овощами, которые добываетъ чрезвычайно своеобразнымъ способомъ. Забравшись въ садъ, гдѣ подъ деревьями обыкновенно скопляется падаль, т. е. сами собой осыпающіеся зрѣлые плоды, онъ начинаетъ кататься по землѣ до тѣхъ поръ, пока на иглы его не наберется довольно много плодовъ, и затѣмъ спѣшитъ со своею добычей домой. Три прилагаемые рисунка изображаютъ всю эту процедуру наглядно. Но причиняемый такимъ образомъ вредъ, если только стоитъ объ немъ упоминать, совершенно ничтоженъ въ сравненіи съ тою громадною пользой, которую онъ приноситъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и другихъ враговъ сельскаго хозяйства, а потому преслѣдовать ежа далеко не расчетливо.

Политическое обозрѣніе.

Французское правительство, кажется, рѣшило раздѣлаться окончательно съ буланжистами. Палата депутатовъ, вотировавъ 2 декабря министерству секретный фондъ, необходимый, по словамъ министра Констана, для защиты республики, 4 декабря признала избраніе буланжистовъ Накэ и Мери недѣйствительнымъ, а на другой день та же участь постигла избраніе одного изъ главарей національной партіи, буланжиста Лора. Въ томъ же засѣданіи министръ Тевенѐ прямо заявилъ, что мятежникамъ, стремящимся произвести смуту въ странѣ и приговореннымъ верховнымъ судомъ, не должно быть оказано пощады, въ видѣ амнистіи, которую требовали депутаты Гранже и Севейль—и палата отвергла послѣднее требованіе.

Національное движеніе въ Чехіи не могло не отозваться въ австрійской палатѣ депутатовъ. Здѣсь предводитель нѣмецкой оппозиціи Пленеръ выступилъ съ сильнѣйшими нападками противъ Таафе по поводу совершаемыхъ имъ, будто бы, насилій надъ нѣмцами въ Чехіи. Пленеръ сказалъ, что нынѣшняя внутренняя политика Австріи составляетъ предметъ сожалѣнія или злорадства всей Европы. На другой день Таафе энергически опровергалъ нападки Пленера, а 5 декабря, какъ бы уступая движенію въ палатѣ, заявилъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ интересъ государства требуетъ спокойнаго развитія конституціи; вотъ почему правительство не можетъ де предложить такихъ перемѣнъ въ конституціи, какою явилось бы вѣнчаніе императора чешскою короною. Правительство относится, однако, съ одинаковою заботливостью къ законнымъ требованіямъ обѣихъ національностей въ Чехіи.

Въ Германіи стачка углекоповъ понемногу благополучно разрѣшается. Такъ, въ Эссенѣ около 3,000 углекоповъ собрались, 3 декабря, на сходку и, выразивъ правительству свою благодарность за оказанную имъ поддержку, постановили отказаться пока отъ стачки и сохранить спокойствіе.

Зато въ Лондонѣ началась новая стачка рабочихъ на газовыхъ заводахъ, и стачка эта угрожаетъ обитателямъ столицы Великобританіи значительными непріятностями. Въ Лондонѣ, какъ извѣстно, вслѣдствіе тумановъ, газъ зажигаютъ обыкновенно очень рано, часа въ три пополудни. Кромѣ того, газовое освѣщеніе значительно распространено въ частныхъ домахъ, гдѣ газъ употребляется также для отопленія и для варки пищи. Если не удастся принять заблаговременно мѣры и прекратить или парализовать стачку, то Лондонъ можетъ остаться въ потемкахъ.

На островѣ Критѣ волненіе, начавшее было затихать, снова усилилось по обнародованіи стѣснительнаго для критянъ султанскаго фирмана и quasi-амнистіи. По этому поводу, какъ телеграфируютъ въ *Standard* изъ Аѳинъ, Греческое правительство разослало великимъ державамъ циркуляръ, въ которомъ заявляетъ, что послѣдній султанскій фирманъ оно признаетъ за нарушеніе правъ критянъ. Далѣе въ циркулярѣ говорится, что несправедливое обращеніе Турціи съ критянами возлагаетъ на Грецію обязанности, которыми никакое эллинское правительство не могло бы пренебречь въ настоящую минуту.

Только недавно получены въ Европѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о переворотѣ въ Бразиліи. По словамъ *Новаго Времени*, правительство, увѣдомленное о проискахъ генерала Фонсеки, рѣшило арестовать его. 3 ноября собрался съ этою цѣлью совѣтъ министровъ въ военномъ министерствѣ. На совѣтѣ присутствовали также генералы Анасъ Флоріано и Пеисото, которые привели съ собою и расположили во дворѣ министерства считавшіяся благонадежными войска. Пока министры совѣщались, воспитанники военнаго училища, находящагося въ окрестностяхъ города, возмутились и вступили въ Ріо-Жанейро, крича: „Да здравствуетъ республика!“ На площади Лапа къ нимъ присоединился расположенный тамъ 10-й стрѣлковый батальонъ, а немного спустя прискакалъ генералъ Фонсека и сталъ во главѣ мятежниковъ. Фонсека двинулся безотлагательно къ военному министерству. Занимавшія министерство войска никакого сопротивленія не оказали, и Фонсека могъ безпрепятственно войти въ залу, гдѣ совѣщались министры, и объявить имъ о совершившемся переворотѣ. Въ этотъ моментъ пріѣхалъ въ каретѣ не участвовавшій въ совѣтѣ морской министръ Ладаріо. Его окружили и объявили, что онъ арестованъ. Ладаріо вынулъ револьверъ и воскликнулъ: „Я умру, исполняя свой долгъ“. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и Ладаріо былъ тяжело раненъ. Вслѣдъ затѣмъ войска, имѣя во главѣ Фонсеку, Бенжамена Констана и редактора республиканской газеты Бокаюва, прошли по главнымъ улицамъ Ріо-Жанейро, крича: „Да здравствуетъ республика!“ Населеніе, пораженное зрѣлищемъ, никакого сопротивленія не оказало, и виновники переворота могли спокойно приступить къ образованію временнаго правительства и завладѣть всѣми вѣдомствами. Душою движенія былъ собственно Бенжаменъ Констанъ, котораго Фонсека слушается во всемъ. Содѣйствовало успѣху движенія и поведеніе сената, который состоялъ главнымъ образомъ изъ прежнихъ рабовладѣльцевъ, а потому не только не протестовалъ, но даже не скрылъ своего удовольствія.

Въ то время, какъ въ Ріо-Жанейро происходили эти событія, императоръ находился въ своей лѣтней виллѣ Петрополисѣ. Утромъ, 3 ноября, домъ-Педро получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Оуро Прето лаконическую телеграмму съ извѣстіемъ, что вспыхнулъ военный бунтъ, что всѣ министры арестованы, а морской министръ раненъ мятежниками. Императоръ безотлагательно отправился въ Ріо-Жанейро. Дворецъ не былъ еще занятъ мятежниками, и императоръ могъ собрать совѣщаніе изъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта. Рѣшено было войти въ переговоры съ инсургентами и предложить имъ, между прочимъ, образованіе новаго либеральнаго министерства подъ предсѣдательствомъ Саральи. На слѣдующее утро явились къ императору два офицера и вручили ему письмо отъ Фонсеки, въ которомъ тотъ выражалъ намѣреніе провозгласить республику. Въ то же время дворецъ былъ оцѣпленъ войсками. Немного спустя императору было объявлено, что онъ долженъ въ 24 часа оставить Бразилію со всѣмъ семействомъ. Въ городѣ, однако, начинали обнаруживаться симптомы неудовольствія, вслѣдствіе чего члены временнаго правительства рѣшили ускорить данный императору срокъ для отъѣзда. Въ первомъ часу ночи домъ-Педро разбудили и объявили ему, что онъ долженъ выѣхать немедленно. Пришлось уступить. Всѣ скоро собрались въ дорогу, причемъ императоръ объявилъ присутствовавшимъ офицерамъ, что онъ уступаетъ только силѣ. Императора и его семью отправили въ Ильхагранде, а два дня спустя, въ бурную ночь, изгнанники отплыли въ Европу на коммерческомъ пароходѣ, конвоируемомъ бразильскимъ военнымъ судномъ. Передъ самымъ отъѣздомъ домъ-Педро вручили декретъ генерала Фонсеки, предоставляющій въ распоряженіе императора 12 мил. фр. Императоръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, сказавъ, что онъ ничего отъ временнаго правительства принять не можетъ.

По утвержденіи новаго правительства, вовсе не было того спокойствія, о которомъ писали нѣкоторыя газеты; напротивъ, *Фоссова Газета* сообщаетъ, что послѣ провозглашенія республики въ Ріо-Жанейро господствовалъ нѣкоторое время терроръ. Было разстрѣлено около 150 матросовъ, которые явно выражали свое сочувствіе императору; помѣщеніе императрицы было ограблено солдатами, и всѣ ея драгоцѣнности расхищены. Правительство республики сосредоточило почти весь флотъ въ Бахіи, гдѣ настроеніе народа было не въ пользу республики, а въ провинціи Санъ-Маоло не приняли назначеннаго правительствомъ новаго губернатора.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 25 ноября, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи архіепископа Волынскаго Палладія, по разстроенному здоровью, отъ управленія ввѣ-

ренною ему епархіею на покой и о бытіи преосвященному Модесту Нижегородскому—епископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, Почаевскія Успенскія лавры священно-архимандритомъ, а преосвященному Владиміру Ставропольскому—епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ.

— Въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* отъ 2 декабря напечатано опредѣленіе Святѣйшаго Синода о мѣрахъ къ предупрежденію распространенія штунды и другихъ еретическихъ лжеученій.

Правительственныя распоряженія.

— Съ открытіемъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ (Эстляндской, Лифляндской и Курляндской) судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи Судебныхъ уставовъ Императора Александра II и Положенія о примѣненіи оныхъ къ губерніямъ Прибалтійскаго края, упразднены: обергофгерихты, обергауптманскіе и уѣздные суды, магистраты городовъ съ низшими судами, а равно должности губернскаго прокурора и его товарищей.

— Разрѣшается пересылать по почтѣ не сполна оплаченныя и вовсе неоплаченныя установленнымъ вѣсовымъ сборомъ простыя закрытыя письма (мѣстныя и иногороднія), за исключеніемъ адресованныхъ на имя правительственныхъ учрежденій, со взысканіемъ съ получателей недостающаго вѣсового сбора въ двойномъ размѣрѣ, причемъ получатели имѣютъ право отказаться отъ принятія такихъ писемъ, не вскрывая оныхъ. Сумма слѣдующаго сбора обозначается на корреспонденціи особымъ доплатнымъ штемпелемъ.

Въ случаѣ, если на корреспонденціи окажутся марки, бывшія въ употребленіи или вообще недѣйствительныя для оплаты, то таковыя въ разсчетъ не принимаются, что обозначается цифрою ноль „0", поставленною возлѣ марокъ.

— Установлены слѣдующія правила объ игрѣ на тотализаторахъ, устраиваемыхъ при скачкахъ и бѣгахъ:

1) Тотализаторы могутъ быть открываемы исключительно для публики, заплатившей за входъ на скачки и бѣга не менѣе одного рубля, и устроиваются такимъ образомъ, чтобы лица, не внесшія упомянутой входной платы, доступа къ нимъ не имѣли.

2) При игрѣ на тотализаторахъ ставки ниже десяти рублей не допускаются.

3) Число скаковыхъ и бѣговыхъ дней въ году, по мѣрѣ дѣйствительной потребности, для каждаго скаковаго и бѣговаго общества опредѣляется главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Кавказское общество сельскаго хозяйства за послѣднее время стали поступать отъ помѣщиковъ южной Россіи просьбы о присылкѣ имъ сѣмянъ гоми — кавказскаго проса-сорго. Опыты культуры гоми въ Полтавской, Екатеринославс. и Кіевс. губ. дали прекрасные результаты. Это растеніе, замѣняющее хлѣбъ въ Гуріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Мингреліи и Имеретіи, очень неприхотливо и можетъ быть акклиматизировано и въ Европ. Россіи. Зерна гоми содержатъ много крахмала и, при удачѣ въ культурѣ, могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для переработки въ крахмалъ и перегонки на спиртъ. Урожай гоми даетъ лучше кукурузы и массу нѣжной соломы.

— Съ іюня по 15 августа 1890 года, Московс. общество акклиматизаціи животныхъ и растеній устраиваетъ въ Москвѣ, по случаю двадцатипяти-лѣтія существованія Измайловской пасѣки, выставку пчеловодства, на которой предполагается произвести рядъ испытаній ульевъ разныхъ системъ и пчелъ разныхъ породъ.

Археологія и древности.

— Въ засѣданіи Имп. рус. археологическаго общества, 18 ноября, были представлены предметы клада, недавно найденнаго въ Кіевѣ и пріобрѣтеннаго въ собственность Имп. эрмитажа. Кладъ найденъ на склонѣ стараго города, на частной землѣ, въ Троицкомъ переулкѣ. Въ кладѣ оказалось семь кіевскихъ гривенъ и нѣсколько драгоцѣнныхъ предметовъ головнаго убора, а именно: обрывокъ поломанныхъ серегъ, ожерелье изъ серебряныхъ цилиндровъ, золотой обручъ, гривна, вѣсомъ въ 69 золотниковъ, перстень съ камнемъ въ родѣ яшмы, и золотой перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ архангела Михаила и съ особенною орнаментаціею подъ чернь, въ характерѣ сложнаго византійскаго орнамента XII в. Кладъ съ точностью опредѣляется двумя золотыми византійскими монетами Алексѣя Комнена (1118 г.) и Іоанна Комнена и безошибочно долженъ быть отнесенъ къ половинѣ XII столѣтія. Самымъ замѣчательнымъ предметомъ въ кладѣ должна считаться золотая діадема, представляющая княжескій женскій вѣнецъ. Діадема состоитъ изъ семи медальоновъ, въ формѣ кіотцевъ, съ арочками надъ каждымъ. Украшающія каждый изъ этихъ медальоновъ эмалевыя изображенія составляютъ всѣ вмѣстѣ извѣстную иконографическую композицію, такъ-называемый Деисусъ. Деисусъ, изображавшійся всегда поверху иконостаса въ церкви, составлялъ украшеніе и первыхъ византійскихъ императорскихъ вѣнцовъ. Найденная діадема, будучи сдѣлана по византійскому шаблону, является, однако, несомнѣннымъ образцомъ мѣстнаго кіевскаго производства XII вѣка.

Искусства изобразительныя.

— 25 ноября въ домѣ СПБ. учетнаго и ссуднаго банка, Общество взаимнаго вспомоществованія художниковъ, совмѣстно со Спасо-казанскимъ отдѣломъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, открыло выставку картинъ. На ней находятся произведенія профессоровъ: В. П. Верещагина, бар. М. К. Клодта и Л. Ф. Лагоріо; академиковъ: Н. С. Васильева, Е. В. Годуна, М. А. Мохова и многихъ другихъ членовъ общества взаимнаго вспомоществованія художниковъ.

Народное здравіе.

— 23 ноября, состоялось въ Петербургѣ засѣданіе совѣщательнаго по врачебно-санитарной части присутствія, подъ предсѣдательствомъ СПБ. градоначальника генералъ-лейтенанта П. А. Грессера. Въ результатѣ сдѣланныхъ спеціалистами сообщеній оказывается, что эпидеміи гриппа не бываютъ предвѣстниками холеры, и что послѣ бывшей части эпидемій гриппа холеры не было. Такіе выдающіеся авторитеты въ исторіи повальныхъ болѣзней, какъ Гезеръ и Гиршъ, признаютъ, что совпаденіе появленія гриппа и холеры случайное, и что эти болѣзни не находятся въ связи другъ съ другомъ. На основаніи вышеизложеннаго, о возможности перехода нынѣшней гриппозной эпидеміи въ холерную не можетъ быть и рѣчи.

— Въ Ялтѣ, работы по сооруженію мола пріостановлены: всѣ рабочіе больны инфлуэнцею, которая сильно свирѣпствуетъ въ городѣ. Ученики и ученицы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе громаднаго процента заболѣвшихъ, освобождены отъ занятій. Въ Мелитополѣ сильная эпидемія инфлуэнцы. Въ Екатеринославѣ инфлуэнца свирѣпствуетъ въ городѣ и по линіи Екатерининской дороги. Въ Тифлисѣ она также сильно распространяется. Болѣзнь осложняется иногда воспаленіемъ легкихъ. Въ Ташкентѣ въ теченіе трехъ дней заболѣло инфлуэнцей болѣе 80 человѣкъ.

Некрологъ.

— 4 декабря скончался въ Петербургѣ профессоръ Военно-медицинской Академіи А. П. Доброславинъ.

Библіографія.

Календарь для фельдшеровъ и фельдшерицъ на 1890 годъ. Подъ ред. Д-ра Б. А. Окса.

Записная и справочная книжка, содержащая кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, слѣдующія рубрики: антисептика, кровотеченіе, первая помощь при поврежденіяхъ, малыя операціи, оспопрививаніе, хирургическія, накожныя и заразныя болѣзни, признаки наступившей смерти, оживленіе мнимоумершихъ, яды и противоядія, первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, кумысъ и кефиръ изъ коровьяго молока, мѣры назначаемыя на сигнатурахъ, переводъ аптечнаго вѣса на десятичный (и обратно) и торговаго вѣса на аптечный, наставленіе Мед. Совѣта о мѣрахъ къ пресѣченію заразныхъ болѣзней, дезинфекція, высшіе пріемы лѣкарствъ, ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ средствъ, наружныя лѣкарства и проч., о ваннахъ, неоффиціальное изложеніе законовъ о фельдшерахъ.

Смѣсь.

Игры и игрушки (передъ елкой). Жизнь большинства людей уходитъ на постоянный трудъ ради существованія; люди-живутъ, чтобы заработать насущный кусокъ хлѣба. Для большинства только то и имѣетъ серьезное значеніе, что такъ или иначе касается этого куска хлѣба. Посмотрите много-ли записано въ годовомъ бюджетѣ, и бѣднаго и богатаго, расходовъ на духовную пищу: книги, журналы, картины, на все то, что служитъ духу?

На что угодно не жаль истратить деньги;—на книгу, какъ можно! Книга — бумага не имѣющая цѣнности — тлѣнъ. Кто тратитъ на платье 100 рублей, на книгу жалѣетъ потратить нѣсколько копѣекъ...

И какая жалкая судьба большинства книгъ: сколько обманутыхъ надеждъ и автора, и издателя!

Намъ всегда больно видѣть, какъ на Невскомъ проспектѣ газетчикъ продаетъ по вольной цѣнѣ часто самыя почтенныя изданія, стараясь привлечь покупателя однимъ, только однимъ: 5 коп. за рубль!

Да, habeant sua fata libelli,—и судьба эта трагическая!

Если на книги, лучшій плодъ человѣческаго генія, смотрятъ такъ, то нельзя же ожидать, чтобы люди серьезно смотрѣли на дѣтскія игрушки.

Это уже окончательно пустыя вещи, не стоящія вниманія „серьезныхъ" людей, занятыхъ „серьезнымъ" дѣломъ.

„Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало"—и на утѣху дитяти въ люлькѣ является грязная соска, разстраивающая въ корень здоровье. Ничего—дитя молчитъ съ нею!

Отроку въ коротенькихъ панталончикахъ мы предложимъ колоду картъ: пусть научится съ дѣтства насиживать себѣ болѣзни...

Тѣшьтесь, чѣмъ ни попало... и тѣшатся.

Прислушайтесь, о чемъ ведутъ разговоры юноши.

Не такъ смотрѣли на игры въ древности, въ Греціи.

Великій Платонъ утверждалъ, что только тогда, когда игры цѣлесообразны и благонравны—изъ дѣтей образуются добрые граждане. Царь Агезилай не стыдился ѣздить съ дѣтьми верхомъ на палочкѣ. Гераклитъ и Сократъ принимали самое горячее участіе въ дѣтскихъ играхъ.

Мы могли бы привести еще массу примѣровъ, показывающихъ

какъ серьезно лучшіе люди Греціи, великіе умы, смотрѣли на игры.

И болѣе поздніе философы, какъ напр. Локкъ, высказывались объ играхъ какъ о серьезномъ дѣлѣ. Локкъ желалъ, чтобы всѣ игры и развлеченія дѣтей имѣли цѣлью *благія* и *полезныя* привычки, потому что дѣти ко всему прилагаютъ привычки, какъ хорошія, такъ и дурныя.

Игра — это серьезная дѣятельность ребенка; поэтому не мудрено, что какъ за границей, такъ и у насъ за дѣло изданія игръ и игрушекъ взялись образованные люди и отнеслись къ этому дѣлу серьезно, не съ одною чисто коммерческою цѣлью, какъ обыкновенные рыночные торговцы, для которыхъ игры и игрушки такой же товаръ какъ ситецъ.

Но дѣло изданія игръ очень трудное, очень сложное и требующее большой любви къ себѣ. Много въ немъ было званыхъ, но мало избранныхъ.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году прекратили свое существованіе три фирмы: фабрика Оскара Лессера въ Петербургѣ, маленькая мастерская Визенталя, здѣсь-же, и мастерская Ферха въ Москвѣ.

Какъ легко такія мастерскія открываются, такъ же легко и прекращаютъ свою дѣятельность.

Одна изъ уцѣлѣвшихъ фирмъ, существующая уже 17 лѣтъ, — энергичное товарищество, извѣстное уже въ Россіи — это: „С. Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ“ (Троицкая ул. 11).

Хотя рѣдкій родитель, мало-мальски интересующійся воспитаніемъ своихъ дѣтей, не знаетъ той мастерской, мы все-таки считаемъ не лишнимъ каждый годъ передъ Рождествомъ, этимъ дѣтскимъ праздникомъ, напомнить о ней, особенно теперь, въ виду имѣющагося открыться въ Петербургѣ съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

Дѣло Мастерской тѣсно связано съ дѣломъ „ручнаго труда“, вопросу о которомъ надлежитъ занять важное мѣсто на съѣздѣ.

Съ самаго начала своей дѣятельности Мастерская преслѣдуетъ въ своихъ изданіяхъ важную цѣль развитія у дѣтей техническихъ навыковъ, необходимыхъ при всякомъ ремеслѣ, на что и въ школахъ теперь обращено такое серьезное вниманіе. Мастерскою изданы, кажется, всевозможныя работы доступныя дѣтямъ, начиная отъ самыхъ легкихъ построекъ изъ карточекъ, изъ коробокъ, изъ кирпичей, брусковъ и проч.; работъ: изъ гипса, стружекъ, жести, изъ проволоки, изъ соломы, изъ моху; рисованія по матовому стеклу на доскѣ, копированія, и кончая „простыми опытами электричества“, „опытами по химіи,“ „сборкой настоящихъ часовъ“ и „маленькимъ механикомъ“, „гальванопластикой“ — всего болѣе 150 изданій.

Рѣдкая заграничная фирма можетъ похвастаться такимъ выборомъ, особенно собственныхъ оригинальныхъ изданій.

Въ нынѣшнемъ году, весьма неблагопріятномъ для торговли, по случаю Парижской всемірной выставки, Мастерская все-таки выпустила нѣсколько новыхъ изданій.

Мы видѣли очень изящное изданіе: плетеніе корзинокъ, рамокъ, украшеній для елки и пр. изъ бумажныхъ звѣздочекъ. Садикъ на столѣ доставитъ истинное наслажденіе дѣтямъ, напоминая имъ лучшее время года — лѣто. Надо видѣть самому, чтобы получить понятіе объ этой прелестной игрушкѣ. Изъ папоротника, вереска, иммортелекъ, засушенныхъ и окрашенныхъ, зеленой матеріи, представляющей лужки и клумбы, по вкусу дѣтей, раскладывается на столѣ садикъ съ заборомъ, бесѣдкой, прудомъ (зеркаломъ), гимнастикой, скамеечками, гигантскими шагами, крокетомъ и пр. Тутъ же метла, лопата и пр. изъ царства Лилипутовъ. Подъ руководствомъ родителей дѣти многое могутъ узнать изъ садоводства, играя въ эту милую игрушку.

Къ другому характеру изданій относится оригинальная общественная игра „Арлекинъ“, очень изящно и не дорого изданная.

Для наученія бѣглаго чтенія нотъ издано лотофортельно Павловой; но это скорѣй учебное пособіе, чѣмъ игра, и можетъ быть полезнымъ даже для взрослыхъ.

Вышла большая подвижная игра — попаданія шаромъ въ извѣстные нумера.

Возобновлены: красивая

Генералъ-лейтенантъ Алексѣй Аѳиногеновичъ Ильинъ. († 22 ноября 1889 г.).
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Рояль, поднесенный А. Г. Рубинштейну въ первый день его юбилея Н. М. Шредеромъ.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

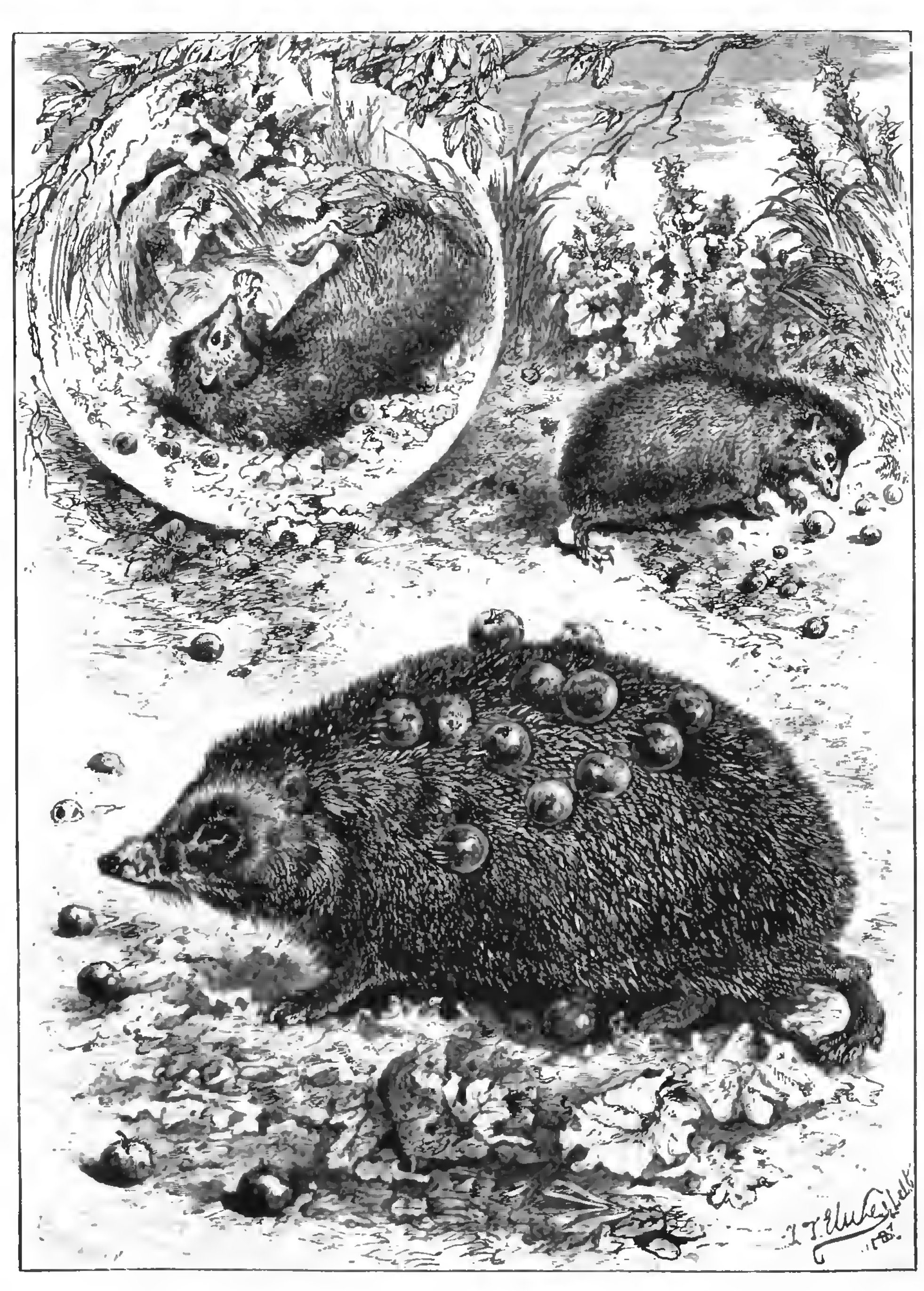
мозаика „Цвѣтные гвоздики" и „Копированіе посредствомъ красочной бумаги" съ новыми раскрашенными рисунками.

Изъ серьезныхъ изданій, какъ въ прошломъ году была издана „Паровая машина" (модель), такъ въ нынѣшнемъ появились „Опыты съ центробѣжной силой."

Въ залахъ Мастерской собрано со смысломъ и любовью все лучшее отъ всѣхъ русскихъ и заграничныхъ издателей, и выставку ея посмотрѣть любопытно. Есть вещи на всякія цѣны: и на копѣйки, и на сотни рублей.

Муміи. Не такъ давно въ самой населенной части города Томска при рытьѣ ямы было открыто очень большое скопленіе гробовъ, сдѣланныхъ не изъ досокъ, а изъ выдолбленныхъ обрубковъ кедра, сосны и лиственницы. Такихъ „колодъ" вынуто изъ ямы въ 9 футовъ глубины, въ 3 сажени длины и $1^1/_2$ сажени ширины—около сорока. Въ этихъ колодахъ находились скелеты и высохшіе трупы, начиная отъ младенца и кончая старухой. Особеннаго вниманія заслуживаетъ совершенно высохшій трупъ вполнѣ развитой женщины лѣтъ 35—40, ростомъ 2 аршина и $4^1/_2$ вершка, съ темнорусыми волосами и совершенно сохранившею естественную форму тѣла. Трупъ остался въ томъ положеніи, въ какомъ былъ похороненъ. Руки сложены на груди. На шеѣ серебряный крестъ. На головѣ повойникъ. Отъ остальнаго платья не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Въ ногахъ у трупа—скелетъ младенца. По словамъ сибирскихъ газетъ, это уже не первыя нахожденія мумифицированныхъ труповъ въ Томскѣ. Такіе трупы найдены были въ 1851 и 1860 годахъ, а также еще весною нынѣшняго года, причемъ на трупахъ даже платье и сапоги уцѣлѣли. На одномъ изъ кладбищъ Томска указываютъ кромѣ того одно мѣсто, гдѣ трупы совсѣмъ не подвергаются тлѣнію, чему, вѣроятно, способствуютъ естественныя почвенныя условія. (в.)

Полный переворотъ долженъ совершиться въ области народохозяйства, благодаря изобрѣтенію американскаго инженера Валтера Джэксона. Недавно сдѣланъ былъ пробный рейсъ,



Ежъ на фуражировкѣ.

на яхтѣ его *Primavista*, при участіи, въ числѣ прочихъ, президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Судно шло съ необычайною быстротою, 35 узловъ въ часъ, тогда какъ наши, наиболѣе быстроходныя миноноски дѣлаютъ не болѣе 23—24 узловъ. По сообщенію техническаго бюро Рихарда Людерса въ Гёрлицѣ, судно, имѣющее 100 фут. длины и 23 ф. ширины, приводилось въ движеніе тонкой, 2 сант. въ діаметрѣ струей воды, дѣйствующей подъ страшнымъ давленіемъ 200 атмосферъ. Изъ двухъ, непосредственно дѣйствующихъ по системѣ Вортингтона паровыхъ насосовъ, въ 1500 лошадиныхъ силъ каждый, выходитъ нагнетательная трубка, которая оканчивается въ кормовой части судна мундштукомъ, соотвѣтствующимъ діаметру водяной струи. Этотъ мундштукъ поворачивается при посредствѣ цапфы во всѣхъ направленіяхъ и управляется посредствомъ рычага изъ шкиперской будки. Къ носу у дна направляется такая же трубка съ мундштукомъ и рулевымъ механизмомъ. Такимъ образомъ судно поворачивается легко и быстро; вообще способность маневрированія въ немъ изумительна. Простымъ поворотомъ рычага, Primavist'у можно было привести въ движеніе, остановить или направить въ противоположную сторону. Поворотный кругъ едва превышалъ 300 футовъ, такъ что казалось почти, что судно поворачивается на собственной оси. Вашингтонское правительство намѣрено снабдить Вальтеровскимъ механизмомъ нѣсколько новыхъ военныхъ судовъ, изъ числа разрѣшенныхъ уже палатами къ постройкѣ. (с.)

Когда появились календари въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Слово *календарь* означаетъ собраніе таблицъ, въ которыхъ дни распредѣлены по недѣлямъ и мѣсяцамъ на цѣлый годъ, съ указаніемъ праздниковъ, фазъ луны и прочихъ астрономическихъ явленій.

Слово *календарь* происходитъ отъ латинскаго calendae; такъ римляне называли первый день каждаго мѣсяца.

Появленіе годовыхъ календарей и альманаховъ, т. е. такихъ, которые касаются одного какого-нибудь года, принадлежитъ довольно близкому прошедшему.

Первый такой календарь, который по всѣмъ даннымъ можно назвать народнымъ, относится къ 1636 високосному году; онъ былъ напечатанъ въ Люттихѣ (Liège) и составленъ каноникомъ этого города Матвѣемъ Ленсбергомъ (Mathieu Laensberg), какъ гласитъ преданіе, хотя существованіе этого лица совершенно неизвѣстно. Своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ люттихскій альманахъ обязанъ заключавшимся въ немъ предсказаніямъ.

Въ Россіи первый календарь напечатанъ въ Москвѣ 28 декабря 1708 года русскимъ шрифтомъ in-4°; это—„Календарь іли мѣсяцесловъ христіанскій по старому стилю, по изчисленію на лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, міробытія же 7217“. Этотъ календарь заключался въ небольшой тоненькой тетрадкѣ, въ которой, послѣ мѣсячныхъ знаковъ и мѣсяцевъ, помѣщены были разныя статьи, напр. о затменіяхъ, о началѣ года, о четырехъ временахъ года, предсказанія о войнахъ и мірскихъ дѣлахъ, о плодоносіи и проч.; книжка заканчивалась указаніемъ чиселъ, въ которыя слѣдуетъ пускать кровь. Съ этого года календари у насъ вошли въ обычай и сначала они носили заглавіе, данное первому календарю на 1709 годъ, а съ 1779 года они приняли нынѣ употребительное названіе „мѣсяцесловъ.“ (о.)

Вѣщій сонъ. Въ любопытныхъ посмертныхъ „Воспоминаніяхъ стараго библіотекаря“, В. И. Собольщикова, бывшаго впослѣдствіи архитекторомъ Императорской Публичной библіотеки, разсказывается объ одномъ необыкновенномъ психическомъ явленіи, испытанномъ авторомъ этихъ воспоминаній. Снилось ему однажды, что въ темномъ углу шестой залы библіотеки происходитъ пожаръ. Сновидѣніе было не страшное, но онъ до того отчетливо запомнилъ всѣхъ людей, которые были на пожарѣ, и всѣ слова, которыя они говорили, что даже разсказалъ свой сонъ женѣ. Черезъ недѣлю сонъ повторился но уже въ другихъ размѣрахъ: Собольщиковъ видѣлъ пожарную команду, государя. Съ крикомъ вскочилъ онъ съ постели и, придя въ библіотеку, отправился прямо въ шестую залу, чтобы осмотрѣть темный ея уголъ. Надъ шкафомъ, по стѣнѣ тянулась темная полоса копоти. Такія полосы бываютъ у душниковъ; однако эта полоса была чернѣе, чѣмъ обыкновенно. Собольщиковъ попросилъ эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей въ подвалѣ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что холода уже прекратились. Когда начались ремонтныя работы, Собольщиковъ разбиралъ шкафъ и, въ соединеніи стѣны съ плитною выстилкою подъ шкафомъ, нашелъ щель, сквозь которую огонь проникалъ изъ дымовой трубы прямо подъ шкафъ. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась въ уголь: недоставало небольшого отверстія, чтобы раздуть пламя. Когда Собольщиковъ поднялъ плиту, онъ нашелъ разбитую шайку, сломанныя носилки и рогожу. Все это было уже сгорѣвшее, и только по группамъ угля можно было угадать, какіе это были предметы. Конечно, опасность была устранена, но экономъ не доложилъ объ этомъ директору, изъ боязни, чтобы не пострадалъ Щедринъ, строитель зданія. (в.)

Разстояніе звѣздъ другъ отъ друга *Journal du Ciel* пробуетъ изобразить слѣдующимъ остроумнымъ образомъ. Представимъ себѣ великана, рука котораго простирается отъ земли до солнца. Если онъ вытянетъ руку и дотронется ею до огненнаго шара, то почувствуетъ боль только черезъ 157 лѣтъ, такъ какъ опытъ учитъ, что ощущеніе передается въ человѣческомъ тѣлѣ съ быстротою 31 метра въ секунду. Если послѣ 157 лѣтъ великанъ вскрикнетъ, то будетъ услышанъ на солнцѣ только черезъ 13 лѣтъ, т. е. звукъ пробѣгаетъ со скоростію 340 метровъ въ секунду. Если же великанъ достанетъ до ближайшей неподвижной звѣзды α Центавра, то почувствуетъ боль отъ прикосновенія къ огненному шару только черезъ 60 милліоновъ лѣтъ. (А.)

Желѣзнодорожныя шпалы. Во Франціи шесть главныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ расходуютъ ежедневно 10,000 шпалъ, слѣдовательно, ежегодно до 3.650,000 штукъ. Такъ какъ среднимъ числомъ одно дерево даетъ 10 шпалъ, то, по разсчету, упомянутыя общества потребляютъ для этой цѣли 1000 деревъ ежедневно. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ желѣзными дорогами расходуется 15.000,000 шпалъ, слѣдовательно истребляется около 6,750,000 акровъ лѣсной площади. Ежегодный расходъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ достигаетъ 40 милліоновъ шпалъ, но, повидимому, цифра эта все еще ниже дѣйствительной. (с.)

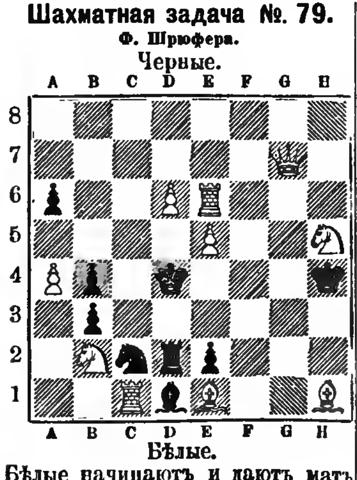
Яйца кукушки. По словамъ новѣйшихъ естествоиспытателей, кукушка кладетъ свои яйца отнюдь не въ гнѣзда другихъ птицъ, какъ это долгое время предполагали, а просто въ траву или вообще гдѣ-нибудь на землю. Потомъ уже, пользуясь тѣмъ, что яйца ея замѣчательно малы, кукушка-самка переноситъ ихъ въ своемъ большомъ, широкомъ клювѣ въ гнѣзда другихъ птицъ и, избранные ею пріемные родители, сами того не подозрѣвая, воспитываютъ ея птенцовъ вмѣстѣ съ собственными. (с.)

Ребусъ. Задача № 78.

Шахматная задача №. 79.

Ф. Шрюфера.

Черные.

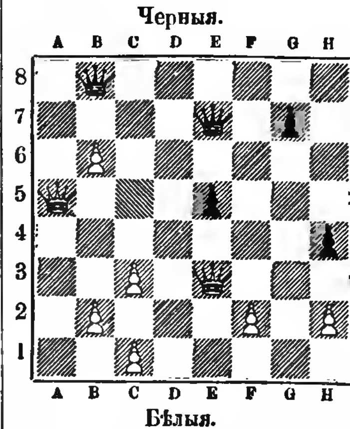


Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 80.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ Ѳ. Клюшниковъ.

Подарки къ праздникамъ.

Въ виду наступающихъ праздниковъ всѣ спѣшатъ запастись и порадовать своихъ близкихъ какими-либо подарками, изъ которыхъ самыми полезными и пріятными нужно считать музыкальные инструменты, такъ какъ никакое веселье не обходится безъ музыки. Дѣйствительно, такіе подарки доставляютъ каждому массу удовольствія. Помѣщенный на этой страницѣ рисунокъ живо передаетъ, какое отрадное впечатлѣніе производитъ музыка какъ на родителей, такъ на дѣтей и на близкихъ знакомыхъ. Посмотрите, напримѣръ, на мальчика, съ какимъ восторгомъ онъ любуется скрипкой, которую давно мечталъ имѣть; желаніе брата его также осуществилось и ему подаренъ корнетъ-а-пистонъ, дѣвочкѣ купленъ новый мелодичный инструментъ Симфоніонъ, а старшей дочери гитара; хорошіе знакомые также не забыты: одному подарена роскошная гармонія извѣстной фабрики Кальбе, другому флейта, а сверстницѣ дѣтей — цитра. Сама виновница торжества — елка, помѣщена въ заводной музыкальной подставкѣ и горделиво вертится, придавая веселью большій эффектъ. Само собою разумѣется, если окружающіе довольны подарками, то это также доставляетъ удовольствіе и радушнымъ хозяевамъ, тѣмъ болѣе что они для общаго, а также и своего удовольствія, пріобрѣли Оркестръ-Манопанъ, подъ который съ такимъ увлеченіемъ танцуетъ приглашенная молодежь, какъ видно на правомъ верхнемъ рисункѣ. На лѣвомъ же верхнемъ рисункѣ изображено, какъ нѣсколько человѣкъ составили компанію и играютъ квартетъ, для чего такъ хорошо подходитъ вошедшая теперь въ моду Американская фисгармонія, дѣйствительно заслуживающая свою популярность. Вообще весь рисунокъ осуществляетъ собою слова извѣстнаго критика В. Бѣлинскаго, что „Вліяніе музыки на человѣка благодатно". Желающимъ пріобрѣсти музыкальные инструменты, могу предложить ихъ лучшаго качества по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Скрипки въ $2^{1}/_{2}$, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 руб. и дороже.
Смычки для нихъ въ 50 к., 1, $1^{1}/_{2}$, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.
Віолончели въ 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
Смычки для нихъ въ 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 р.
Цитры въ 10, 15, 25, 40, 60, 80, 100 и 125 р.
Гитары въ $3^{1}/_{2}$, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.
Корнеты-а-пистонъ въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100, 125, 160 и 275 руб.
Флейты въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.
Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 75 р.
Музыкальныя шкатулки малыя въ 2, $3^{1}/_{2}$, 6, 10, 15 и 18 р.
большія въ 22, 30, 45, 55, 65, 70, 80, 150 и 200 руб.
Симфоніоны малые въ 10 и 20 руб.
большіе въ 40, 60 и 100 руб.
Серафинъ, нов. орг. для дѣтей, съ 6 пьес. 15 р.

Аристонъ-Органъ съ 10 пьесами 25 руб.
Герофоны съ 10 пьесами по 28 и 32 руб.
Фениксъ-Органъ съ 10 пьесами 35 руб.
Оркестръ-Манопанъ съ 10 пьесами 80 р.
Гармоніи лучш. въ мірѣ фабрики І. Ф. Кальбе:
однорядныя въ $4^{1}/_{2}$, $5^{1}/_{2}$, 6, 7, $7^{1}/_{2}$, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 руб.
трехрядн. въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.
Англійскія концертино въ 24, 32, 45, 55, 75, 100, 125, 140, 160, 175, 200, 250 и 275 р.
Фисгармоніи: французскія въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.
американскія въ 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
Піанино въ 400, 425, 450, 500, 550, 300, 400, 950, 1000 и 1200 руб.
Рояли въ 550, 650, 750, 850, 900, 1000, 1200, 1400, 1500, 1600, 1800 и 2000 руб.
Ноты въ переплетахъ.

Всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ, школы и всевозможныя ноты имѣются у меня въ огромномъ выборѣ по дешевымъ цѣнамъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталоги нотъ безплатно.

Въ С.-Петербургѣ,
Большая Морская, № 36 и 42.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Москвѣ,
Кузнецкій Мостъ, домъ Захарьина.

1890 годъ **„ОСКОЛКИ“** X годъ

Подъ редакціей **Н. А. Лейкина.**

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными). № 4199 3—3

52 №№ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премію.

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу **Н. А. Лейкина**

„ПОДЪ ОРѢХЪ“,

сборникъ разсказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.**

Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. **8** р., на годъ безъ перес. и дост. **7** р., на полгода съ перес. и дост. **5** р., на полгода безъ перес. и дост. **4** р., на три мѣс. съ перес. и дост. **3** р.

◆ **На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

XI годъ. Цѣна на **12** книгъ съ **2**-мя даровыми преміями, съ доставкой и пересылкой **3 р.** За границу **5 р.** 1890 г.

Съ 1888 г. въ журналѣ **„ИГРУШЕЧКА“** введенъ отдѣлъ **французскаго языка съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.**

„ИГРУШЕЧКА“
СЪ ОТДѢЛОМЪ
„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
5 рублей. За границу 7 рублей.

II годъ. Отдѣлъ **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“** печатается **крупнымъ** шрифтомъ со многими соотвѣтствующими разсказамъ картинками. II годъ.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются: **пѣсенки съ нотами,** сказки, загадки и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Задача этого отдѣла дать

МАЛЮТКАМЪ

едва начинающимъ **читать** занимательное чтеніе, въ то время когда они скучаютъ **играя въ безотвѣтныя игрушки.**

Отдѣльной подписки на отдѣлъ **„Для малютокъ“ нѣтъ.** № 4231

Требованія адресовать: въ редакцію журнала „Игрушечка“, С.-Петербургъ, Сергіевская, д. № 24.

Редакторъ-издательница
А. Тюфяева-Толивѣрова.

ФОТОГРАФІЯ ЕВНЕВИЧА

въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, домъ № 68, наискось Разъѣзжей.

Спеціально занимается **копіями** и **увеличеніями** съ фотографическихъ карточекъ и портретовъ. № 4219

Иногородные заказы исполняются въ теченіе 10 дней. Цѣны не дорогія, но требов. высылаются. На отвѣтъ 7 к. марку.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. **Альты, віолончели, басы. Смычки** 1½—50 мар. **Футляры** 3½—40 мар. **Цитры** 16—300 мар. **Гитары** 6 — 50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразете, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4121 **Крейцнахъ.** 9—4

ЭЛЕОПАТЪ

Провизора КИНУНЕНА.

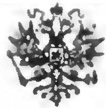
1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ въ употребленіи. 1890

Средство противъ перхоти головы.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.

Цѣна флакона 1 рубль 50 коп.

№ 4197 (3) *Пров. КИНУНЕНЪ.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ  **МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ**

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемірной Парижской Выставкѣ 1889 года

„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur,* **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 9767 (39)

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКІЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9—4

46. Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 валами по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ безплатно. (17) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

ПОСТУП. ВЪ ПРОДАЖУ У ИЗВѢСТН. КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА, 1890

изящно отпеч. на хорош. бумагѣ больш. форм. убор. шрифтомъ на 68 стр., съ портретами, иллюстраціями и съ приложен. **Стѣннаго Календаря и Карты Россіи,** печатанной красками.

Цѣна 15 к., съ перес. подъ бандеролью 28 к.

Календарь **„СОВРЕМЕННЫЙ“** вмѣщаетъ въ себѣ **справочные отдѣлы** (духовные и свѣтскіе), изложен. съ **особенною полнотою и вниманіемъ къ дѣлу,** въ формѣ, вполнѣ удобной для пользованія ими. Справочные отдѣлы дополнены свѣдѣніями о дѣйствующихъ государственныхъ учрежденіяхъ Россіи. Отдѣлы Статистическій и Историческій составлены по послѣднимъ новѣйшимъ даннымъ. **Статьи и замѣтки,** помѣщенныя въ календарѣ, имѣютъ задачею указать на характеръ событій текущей политической жизни въ Европѣ и дать подробную справку о событіяхъ историческихъ.

БИБЛІОТЕЧКА СТУПИНА, изящно иллюстрированныя ДѢТСКІЯ КНИЖКИ.

Первинка.	Чудесныя животныя.	Поздравительн. стихотворенія.	Алеша-Поповичъ.
Азбучка Крошка.	Чародѣй.	Степка Растрепка.	Садко и Васька Буслаевъ.
Дѣтскія пѣсенки.	Приключен. Коли.	Три царст. природы.	Илья Муромецъ.
Книжк.-Малютка.	Забава. | Колосья.	Освобожденіе Руси.	Добрыня Никитичъ.
Бабушк. сказки.	Всего по немногу.	Крѣпость.	О рыбакѣ и рыбкѣ.
Елка. | Балагуръ.	Франц. азбучка.	Красный сарафанъ.	О царѣ Салтанѣ.
Дѣтки-малолѣтки.	Нѣмец. азбучка.	Конекъ-горбунокъ.	О купцѣ Остолопѣ.
Стар.-Годовалъ.	Проказы Мишки Топтыгина.	Царь-богатырь.	О мертвой царевнѣ.
Русскія басни.	Арифмет. крошка.	Лисичка-сестричка.	О золотомъ пѣтушкѣ.
Собака. | Кошка.	Ручныя тѣни.		
Обезьяна.	Малек. рисовал.		
Матушка Москва.			

Гг. торговцамъ дѣлается уступка.

Всѣ вышеозначенныя книжки по **10** к. На рубль высылается **10** книж. ✽ Въ одной изящной папкѣ **10** книж. Ц. **1** р. **20** к., въ коленк. пер. **1** р. **50** к. ✽ № 4226

Адресъ А. Д. Ступину: Москва, Никольская, рядомъ съ Ремесленн. Управой. Въ СПБ. складъ у Тузова и Кузина.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО:

СНѢГУРОЧКА

Кое-что о малюткахъ
Въ стихахъ и шуткахъ.
Въ изящн. перепл. 90 коп., съ перес. 1 руб.

ВОЛГА

отъ Оки до Камы.

Новое сокращенное изданіе извѣстной книги **В. И. Рагозина.** 2 тома, съ картами къ первому тому. № 4222

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 70 к.

ИЗДАНІЯ ПРИДВОРНАГО книжнаго магазина

Г. ШМИЦДОРФЪ
(Р. Гаммершмидтъ).
Невскій пр., 4.

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписчик. два объявленія: 1) отъ книжнаго магаз. А. Я. Панафидина въ СПБ.; 2) отъ А. М. Земскаго въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 13 декабря 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 52 — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 декабря 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

И. И. Шишкинъ.

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ родился 13 января 1831 года въ городѣ Елабугѣ, Вятской губ. Отецъ его, купецъ 2-й гильдіи, Иванъ Васильевичъ, замѣтно выдѣлялся среди своихъ согражданъ любознательностью и настойчиво стремился дать своему сыну возможное образованіе. Съ этой цѣлью, въ 1845 г., мальчикъ былъ отданъ пансіонеромъ въ 1-ю Казанскую гимназію. Въ наше время трудно даже повѣрить, что представляла тогда эта гимназія. Это было заведеніе съ очень жестокими нравами и порядками; воспитанники проявляли полную разнузданность физической силы и иныхъ добродѣтелей; чуть не еженедѣльно старшіе, великовозрастные ученики дрались цѣлой толпой съ сосѣдними гимназистами, а дома, въ заведеніи, немилосердно били и истязали малолѣтнихъ, и особенно новичковъ, заставляя ихъ исполнять порученія самаго возмутительнаго свойства. О тѣхъ жалкихъ отрывкахъ и начаткахъ чего-то болѣе похожаго на школьную грамотность, чѣмъ на образованіе, которые давала своимъ питомцамъ 1-я Казанская гимназія,—и говорить не стоитъ. Съ первыхъ-же шаговъ Шишкинъ встрѣтилъ въ этомъ заведеніи самую горькую участь; до сихъ поръ нашъ художникъ не можетъ говорить спокойно о той массѣ физическихъ и нравственныхъ оскорбленій, которыя ему пришлось вынести въ этомъ заведеніи. Не докончивъ курса въ гимназіи и чувствуя непреодолимое влеченіе къ живописи (что ставилось ему въ тяжкій грѣхъ тогдашнимъ гимназическимъ начальствомъ), Шишкинъ умолилъ своего отца отпустить его въ Москву, съ ѣхавшимъ туда, по своимъ дѣламъ, родственникомъ—Д. И. Стахѣевымъ, принявшимъ на себя попеченіе и о дальнѣйшей судьбѣ юноши. Здѣсь Шишкинъ поступилъ въ Училище Живописи и Ваянія, подъ непосредственное руководство А. Н. Мокрицкаго, и въ 1855 г., пройдя всѣ классы, перешелъ въ Петербургъ, въ Академію.

И. И. Шишкинъ. Профес. пейзажной живописи. Съ фот. Сорокина, грав. Шюблеръ.

Питая склонность къ пейзажной живописи, горячо любя природу своей родины — онъ увидѣлъ

себя въ тогдашней Академіи (1855 г.) почти одинокимъ: не та была пора и не о родномъ пейзажѣ тамъ тогда думали; все было предано изученію слѣдковъ, головокъ, ручекъ и торсовъ у величественныхъ боговъ и полубоговъ сѣдой древности, и пейзажистъ нашъ не нашелъ въ Академіи того, къ чему стремился. Получивъ, затѣмъ, большую золотую медаль, Шишкинъ уѣхалъ за-границу, испросивъ себѣ небывалое право—половину срока посвятить на изученіе русскаго пейзажа, оставивъ остальную половину на изученіе всяческихъ Швейцарій, Тиролей и иной заморщины. Прежде всего Шишкинъ поѣхалъ въ Мюнхенъ, потомъ въ Цюрихъ къ Коллеру и затѣмъ въ Дюссельдорфъ. Въ послѣднемъ городѣ, на какой-то годичной выставкѣ, нашъ художникъ, робко и нехотя, рискнулъ выставить свои рисунки перомъ—и успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. Доходило до того, что совершенно неизвѣстныя лица раскланивались съ нимъ на улицѣ, дѣлали ему оваціи въ разныхъ лавочкахъ, и т. п. Возвратясь изъ-за границы, Шишкинъ, поселился въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ произвелъ множество превосходныхъ пейзажей и рисунковъ перомъ, высоко цѣнимыхъ знатоками. Въ 1865 году онъ получилъ званіе академика, а затѣмъ и профессора. Въ послѣднія десятокъ лѣтъ онъ постоянно участвуетъ въ выставкахъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, членомъ котораго состоитъ съ самаго его учрежденія. Говорить о выдающихся картинахъ нашего художника мы не будемъ: онѣ всѣ на виду и на памяти; ограничимся только указаніемъ, что мы не знаемъ другаго художника, который обладалъ-бы такимъ безупречнымъ рисункомъ и который съ такою правдой, съ такой горячей любовью къ своей родинѣ и къ своему дѣлу заносилъ-бы на свои холсты нашу русскую, близкую всѣмъ намъ природу. Что же касается русскаго лѣса, то въ изображеніи его Шишкинъ не имѣетъ соперниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть воспроизведенныя въ краскахъ факсимиле двѣ картины его: „Сосновый лѣсъ“ и „Запущенный паркъ“, которыя „Нива“ даетъ въ премію своимъ подписчикамъ на 1890 годъ (уменьшенныя копіи въ гравюрахъ помѣщены въ № 45 „Нивы“ 1889 г.).

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ **графа Е. А. Саліаса.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXXIII.

Около десяти часовъ утра Прасковья Андреевна позвала дворовую женщину, жившую рядомъ съ ихъ горницей въ каморкѣ и обращавшуюся съ ними сдержанно, но вѣжливо. Она попросила женщину побыть нѣкоторое время около ребенка и присмотрѣть за нимъ до ея возвращенія.

Одѣвшись и выйдя, Полина быстро направилась къ барскому дому. Попадавшіеся ей навстрѣчу люди кланялись ей, приглядываясь внимательно къ ея лицу, а затѣмъ оборачивались и смотрѣли ей вслѣдъ.

Вся фигура, походка и лицо ея—очевидно говорили что-то и дивили встрѣчныхъ. Она миновала дворъ и вошла въ переднюю... Затѣмъ прошла двѣ горницы и не встрѣтила никого. Всюду было пусто и тихо... также, какъ бывало когда-то, въ первые дни ея ссылки сюда. И опять почудился ей этотъ мрачный домъ— огромнымъ гробомъ.

Полина двинулась наудачу, не зная какія именно горницы занимаетъ князь, надѣясь встрѣтить и спросить кого-нибудь. Отворивъ дверь гостиной, которую она ожидала найти пустою—она вдругъ очутилась въ спальной комнатѣ съ двумя кроватями стоящими у разныхъ стѣнъ... Оглядѣвшись, она мысленно ахнула и остановилась какъ приросшая къ полу. Удивиться было не трудно.

Въ очень большомъ креслѣ обитомъ сафьяномъ, со скамейкой и подушкой въ ногахъ, сидѣлъ въ замасленомъ халатѣ, покачнувшись на-бокъ и закрывъ глаза, толстый, обрюзглый, будто страшно распухшій трупъ.

Да. Это сидѣлъ не человѣкъ. Это было человѣчье грузное и опухшее тѣло, всунутое въ огромное кресло между трехъ подушекъ. Не сразу рѣшилась Полина повѣрить, что предъ ней сидитъ и дремлетъ, громко сопя, самъ князь Илья Петровичъ...

Она двинулась, приблизилась и позвала его. Онъ не очнулся. Она сѣла противъ него и внимательно оглядѣлась кругомъ. Вся комната была заставлена всякою мебелью, но въ ней былъ какой-то особый безобразный безпорядокъ и, помимо этого, еще безсмыслie въ сочетаніи предметовъ. На большомъ столѣ у окна стояло нѣсколько банокъ варенья, какъ въ кладовой. Рядомъ былъ красный большой сундукъ съ оловяною рѣзьбой, тоже, казалось, занимавшій не свое мѣсто. Недалеко отъ постели со множествомъ подушекъ въ кружевныхъ наволочкахъ, лежало на полу что-то круглое, огромное, въ грязной простынѣ съ безобразнымъ узломъ, затянутымъ изъ четырехъ концовъ простыни, какъ-бы съ четырьмя ушами. Въ отверстія и дыры торчало грязное бѣлье. На ближайшемъ столѣ отъ князя было безчисленное множество самой разнообразной рухляди... Пузырьки съ лѣкарствомъ, баночки, грязные стаканы и рюмки, ложки и ножи, тарелки, блюдца, кострюлька, рукомойникъ, мѣдный тазъ, мятая въ комокъ бумага, засаленныя полотенца... А середи всего—до десятка разбросанныхъ скорлупокъ отъ разбитыхъ куриныхъ яицъ. И на всемъ слой пыли, всюду соръ, и по столу, и на посудѣ. Всюду недопитое и недоѣденное, и корки сухаго хлѣба, и обглоданныя кости жаркаго, и половинки лимона.

Общій видъ комнаты имѣлъ подобіе не спальни, не горницы больнаго, а какой-то большой конуры или логовища звѣря, берлоги...

Очевидно, что тутъ никогда по утрамъ не убирали, не мели и не чистили...

Воздухъ былъ спертый, удушливый, но съ гниловатой сыростью, точно въ склепѣ.

— Эхъ, братецъ, братецъ... какая ваша судьба! прошептала Полина и вздохнула.

И снова переведя глаза на дремавшаго Илью Петровича, она снова подивилась отсутствію жизни или жизненности въ чертахъ его жирнаго, опухшаго лица. Только одно тяжелое, трудное сопѣніе служило признакомъ, что въ креслѣ завалился на-бокъ живой человѣкъ, а не трупъ.

Полина поняла, что дожидаться покуда князь очнется— напрасно. Онъ находился очевидно не въ состояніи простой дремоты, а въ болѣзненномъ забытьи, въ которомъ онъ могъ остаться цѣлые часы. Такъ ей казалось...

— Братецъ! громко произнесла она.

Князь дернулъ вѣками едва замѣтно, но не открылъ глазъ.

— Братецъ! Илья Петровичъ! еще громче выговорила Полина, наклоняясь къ нему.

Князь открылъ глаза и сталъ смотрѣть, какъ-то щурясь, будто отъ яркаго свѣта, а взглядъ его былъ тупой, почти неосмысленный, какъ у новорожденнаго.

— Братецъ, это я... Вы узнаете меня?..

Князь шелохнулся, шире открылъ глаза, лицо его слегка ожило. Онъ хотѣлъ выпрямиться и не могъ. Очевидно у него не хватало силъ справляться самому, безъ посторонней помощи, со своимъ грузнымъ тѣломъ.

— Вы узнаете меня, Полину?

— Сестрица... выговорилъ князь тихо.—Да...

— Вы хвораете... Что̀ у васъ болитъ?

— Да. Не болитъ... Такъ... Вы...

И онъ смолкъ, вѣки стали опускаться на глаза. Полина сидѣла уже отчасти испуганная своимъ предположеніемъ.

— Братецъ! Вы знаете что я съ мужемъ въ Березопольѣ? Братецъ! громче и сильнѣе старалась она выговорить.—Вы насъ потребовали какъ крѣпостныхъ людей... Или ваша жена. Мы здѣсь... Давно... Вы знаете?..

— Да... Сестрица... Мы знаете... Ге-ни-чка! безсмысленно протянулъ Илья Петровичъ, тараща глаза.

— Я пришла спросить у васъ, громко и отчаянно заговорила Полина, съ ужасомъ чувствуя, что ея предположеніе все болѣе оправдывается.—Дадите-ли вы мужу, Милованову, моему мужу... отпускную... вольную? Вы ее намъ не прислали! Мы—крѣпостные! Поймите! Да еще крѣпостные вашей жены, которая ненавидитъ насъ... Поймите... Мы погибнемъ. Можете вы... написать... выдать вольную? Сейчасъ... Вы понимаете меня? Мы крѣпостные...

И Прасковья Андреевна вдругъ смолкла. Она не знала что̀ говорить. Она видѣла, что этотъ живой мертвецъ ее не понимаетъ. Она искала словъ болѣе для него доступныхъ и понимала, что слишкомъ сокращаетъ и говоритъ не такъ, какъ нужно. А какъ говорить съ нимъ—она не знала...

— Вы мерзко, подло, предательски поступили! Не какъ дворянинъ! Какъ холопъ поступили! выкрикнула она вдругъ гнѣвно, но не сердясь, а какъ-бы пробуя послѣднее средство для пробужденія этого человѣка.— Вы не дворянинъ, не князь Березопольскій!.. Вы злой и подлый, бездушный и...

И Полина не знала что́ еще сказать. Приглядѣвшись къ лицу князя, она замѣтила, что онъ вдругъ усиленно заморгалъ, губы его расплылись и глуповато-кислое выраженіе смѣнило сопливость...

— Геничка... Геничка... произнесъ онъ плаксиво какъ младенецъ, и слезы показались на отдувшихся толстыхъ щекахъ.

— Боже мой... да вы... да онъ ничего не понимаетъ! воскликнула Полина съ отчаяніемъ.—Да вы не живой! Вы—мертвецъ! злобно прибавила она.—Мертвецъ. Это хоть можете-ли вы понять? Мертвецъ... Мертвый!

— Геничка!.. громче и всхлипывая протянулъ князь.

И слезы полились ручьемъ по его лицу, даже стекали и капали на замасленый халатъ...

— О, Боже мой! прошептала Полина и невольно взялась руками за голову.

XXXIV.

Прасковья Андреевна вернулась къ себѣ въ полномъ отчаяніи.

Когда-то въ Петербургѣ, при первомъ извѣстіи, что Евгенія стала княгиней, ихъ помѣщицей, и требуетъ къ себѣ собственную крѣпостную семью Миловановыхъ—Полина не была такъ потрясена, какъ теперь. Тогда были неясныя надежды на спасеніе. Теперь не было ни тѣни чего-либо подобнаго, не было даже соломенки, за которую хватается утопающій.

Полина всегда, вопреки дѣйствительности, все-таки ждала вмѣшательства князя-братца и вѣрила въ его честность, въ его сердце... Теперь оказалось, что князь уже не живой человѣкъ... Несмотря на ужасъ своего положенія, на тяжкія думы о себѣ—Полина все-таки вспоминала фигуру толстяка-идіота, заживо умершаго, и содрогалась.

„Какъ могъ онъ придти вдругъ въ это состояніе?" думалось ей. „Съ какихъ поръ? Отчего?"

И ей приходили на память слова старика Тита и подозрѣнья всѣхъ березопольцевъ.

„Опаиваетъ? Но это вздоръ. Грудныхъ дѣтей макомъ опаиваютъ, чтобы они спали. Но и дѣти отъ этого не всегда погибаютъ, не всегда наживаютъ слабоуміе. А онъ совсѣмъ разслабленный и слабоумный, то-есть безумный совсѣмъ".

Но не долго думала Полина объ судьбѣ князя-братца. Ея собственное положеніе являлось разуму безнадежно-гибельнымъ, безъисходнымъ.

День прошелъ, второй день... а мужъ не возвращался... Но это было бы еще не страшно, еслибъ не примѣшивалось къ этому нѣчто иное, загадочное... Или загадочное, или вполнѣ простое и ясное.

Княгиня, вернувшаяся къ ночи, рано утромъ опять уѣхала въ Прачешное.

По словамъ Тита, таковаго случая никогда не бывало. Вообще княгиня въ свое собственное имѣніе почти никогда не ѣздила. Эти двѣ поѣздки подъ-рядъ удивили все Березополье. Никто ничего не понималъ.

Но Прасковья Андреевна сразу, вполнѣ и окончательно все поняла—и похолодѣла отъ ужаса.

Она знала вѣрно „что̀" происходитъ тамъ, въ Прачешномъ. Она не знала лишь, „какъ" происходитъ. Что̀ мужъ? Какъ ведетъ онъ себя? Быть-можетъ онъ уже наказанъ, наказываемъ? Его мучаетъ влюбленная злодѣйка... Или наоборотъ?.. Онъ уступилъ предъ страхомъ позорнаго истязанія?.. Горничная Евгенія стало-быть достигла теперь того... изъ-за чего вышла за князя, изъ-за чего потомъ подмѣнила документы, потомъ заставила мужа подарить себѣ Егора и, наконецъ, чрезъ полицію и подьячихъ добыла себѣ его сюда въ полную свою помѣщичью власть.

И думая о томъ, что̀ дѣлается въ Прачешномъ, въ какомъ положеніи мужъ, попавшій какъ-бы въ западню—Прасковья Андреевна была близка къ умопомѣшательству, то отъ ужаса, воображая мужа истерзаннымъ, даже умирающимъ... то отъ ревности.

Среди ночи ее ожидалъ новый испугъ... Ребенокъ, котораго она сама кормила, заболѣлъ. На младенцѣ, конечно, отозвалось потрясеніе матери. Но хворь его облегчила ея положеніе. Полина забыла о мужѣ, о соперницѣ, о ревности, и всѣ ея помыслы и заботы сосредоточились надъ ребенкомъ.

Тамъ, въ Прачешномъ, было воображаемое горе, а здѣсь была дѣйствительная, видимая бѣда.

И цѣлыя сутки Прасковья Андреевна хлопотала надъ сыномъ, всячески нянчилась съ нимъ, дѣлала припарки, поила ромашкой и радовалась, была почти счастлива, когда дѣтскій, злобно-отчаянный, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалостливый крикъ затихалъ хотя на время.

Наконецъ, наступили четвертыя сутки, что Миловановъ былъ въ Прачешномъ, и мученья Прасковьи Андреевны приняли уже опредѣленный видъ и смыслъ. Она уже не мучилась попеременно отъ двухъ разныхъ чувствъ, то отъ состраданія, то отъ ревности... Оставалось лишь первое.

Княгиня, вернувшаяся тотчасъ же изъ своей второй поѣздки, была безвыѣздно въ усадьбѣ.

Старикъ Титъ принесъ тайкомъ извѣстіе, что княгиня „рветъ и мечетъ", выходитъ изъ себя отъ злобы. И невѣдомо почему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старикъ передалъ Полинѣ извѣстіе, прося не пугаться, что Миловановъ сидитъ въ Прачешномъ запертый въ чуланѣ.

— Нагрубилъ онъ княгинѣ, сказываютъ люди тамошніе, объяснилъ Титъ.—Она собралась ужъ приказать было его поучить здо̀рово на конномъ дворѣ, да знать васъ побоялась. Велѣла запереть въ чуланъ и держать безсрочно, покуда онъ предъ ней не повинится и покуда прощенья не попроситъ.

— Охъ, не того ей нужно! воскликнула Полина.— Не прощенья... Не грубилъ онъ ей...

Старикъ приглядѣлся къ Прасковьѣ Андреевнѣ и, смущенно потупившись, вымолвилъ тихо:

— Такъ-то и мы всѣ полагаемъ, матушка. Говорить вамъ мнѣ не хотѣлось... Да, вотъ она какая, наша Прачешная княгиня!

Старикъ ушелъ, а Полина усѣлась въ углу комнаты и предалась своимъ мучительнымъ думамъ... Новое намѣреніе, не покидавшее ее съ утра, упорно шло ей на умъ, и она снова обдумывала его въ подробностяхъ и снова приходила къ полному убѣжденію въ его неисполнимости. Она думала о побѣгѣ... Но зимой, въ деревнѣ, среди глуши полей и лѣсовъ, съ младенцемъ на рукахъ—это было немыслимо. Надо было тогда рѣшаться, въ городѣ.

На слѣдующій день Полину ожидалъ послѣдній, внезапный и страшнѣйшій ударъ.

Рождество Христово. Поклоненіе волхвовъ. Карт. Шрадера, грав. Бонгъ.

Предъ полуднемъ явился къ ней управитель и объявилъ, чтобы она собрала „мальчишку“ и укутала какъ слѣдъ, ради мороза на дворѣ.

— Сейчасъ за нимъ придутъ! сказалъ онъ, странно поглядывая на нее исподлобья, какъ будто положительно стыдясь собственныхъ своихъ словъ и прячась за напускную развязность.

— Кто? Что? тихо вымолвила Полина, ничего не понявъ, но чуя что-то невѣроятно-ужасное.

— Вашего парнишку княгиня продала помѣщику Зубачеву... Искалъ онъ вишь на воспитаніе взять какого-либо, да все... Стойте! стойте! Что вы!.. Ахъ, бабья порода!

Управитель вскрикнулъ невольно, такъ какъ вдругъ понявшая все Прасковья Андреевна тихо ахнула, потомъ покачнулась, зашаталась и упала къ его ногамъ безъ признаковъ жизни.

XXXV.

Прошла недѣля... Была темная ночь, на дворѣ выла вьюга, а мятель окутала всю окрестность на пространствѣ сотни верстъ.

Въ эту ночь, канунъ большаго праздника, три члена семьи Миловановыхъ были далеко другъ отъ друга.

Прасковья Андреевна, переведенная въ другую половину дома, въ одну комнату съ тремя дворовыми женщинами—спала тяжелымъ сномъ, изрѣдка бормоча въ бреду отъ страшныхъ и дикихъ сновидѣній...

Она провела весь день съ метлой въ рукахъ, расчищая отъ снѣга дорожки близъ дома. Это была ея новая обязанность... Отдыхая отъ работы, она видѣла иногда въ окнѣ своей бывшей спальни наблюдавшую за ней фигуру княгини Евгеніи Степановны. И Полина опускала глаза, опускала голову и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ ненависти... Измучившись за день, она крѣпкимъ сномъ засыпала, но бредъ о минувшемъ счастіи преслѣдовалъ ее во снѣ. Ей снились мужъ, ребенокъ...

За сорокъ верстъ отъ Березополья, въ эту же ночь, въ усадьбѣ помѣщика-генерала, сидѣлъ за простою столярною работой Егоръ Миловановъ, вновь купленный очень богатымъ бариномъ, суровымъ и крайне строгимъ къ своимъ рабамъ.

Миловановъ сильно измѣнился лицомъ, похудѣлъ и осунулся. Ему казалось ужь лѣтъ тридцать на видъ. Онъ высидѣлъ десять дней запертый на хлѣбѣ и водѣ, въ холодной избѣ, и захворалъ простудой. Теперь, проданный генералу,—онъ проводилъ день и ночь въ работѣ, отъ которой тоже уже отвыкъ, но которой не покидалъ ни на минуту, чтобы „отгонять мысли грѣшныя“, толкавшія его въ петлю или въ прорубь. Теперь онъ обдумывалъ—покончить ли съ собой, или повидаться прежде съ женой...

Въ эту же ночь въ уѣздномъ городкѣ, верстъ за сто отъ Березополья, въ домикѣ разорившагося въ кутежахъ дворянина Зубачева, пищалъ въ люлькѣ ребенокъ... Баба-кормилица, здоровая и красивая молодуха, спавшая около него, часто заставляла подолгу кричать младенца. Нехотя вставала она къ нему, брала на руки и кормила полусонная, приговаривая:

— Соси, треклятый. На! на! Вишь жаденъ... У, волкъ-те съѣшь!..

Въ эту же ночь, среди тьмы, вьюги и мятели, въ березопольскомъ храмѣ творилось что-то негодное и незаурядное...

Рѣшетка храмоваго окна, выходившаго на кладбище, была отломана, рама разбита... Вѣтеръ и снѣжныя хлопья врывались во внутренность темной церкви.

Въ алтарѣ, въ углу гдѣ висѣли ризы священническія и стоялъ на полу сундукъ, возилась, пыхтя и бормоча, маленькая фигурка, взламывая крышку этого сундука топоромъ... Это былъ ночной грабитель, совершавшій святотатство, кражу церковныхъ денегъ.

Провозившись около получасу, воръ наконецъ сломалъ сундукъ и забралъ оттуда въ карманы все что было ассигнацій — болѣе тысячи рублей... Затѣмъ онъ вышелъ на амвонъ и сталъ креститься и класть земные поклоны... Долго промолившись, онъ приложился къ мѣстнымъ образамъ и пошелъ къ разломанному окну... Съ трудомъ перелѣзъ онъ изъ храма наружу, въ сугробы кладбища...

Воръ этотъ былъ — Макаръ Макаровичъ...

Въ эту же ночь, но далеко, за тысячу верстъ отъ Березополья, въ столицѣ, среди освѣщенной ярко гостиной одного изъ домовъ набережной Невы, гости прощались съ хозяиномъ, именитымъ человѣкомъ.

— Такъ какъ же, Иванъ Ивановичъ? спросилъ одинъ изъ гостей. — Такъ и порѣшимъ — курьера махнуть туда.

— Вѣстимо. Скорѣе и вѣрнѣе! отвѣтилъ хозяинъ— Шуваловъ. — И надо послать губернатору здоровый внушительный ордеръ, чтобы онъ въ тотъ же часъ ноги поднялъ. А то отложитъ въ дальній ящикъ и насъ подъ гнѣвъ Цесаревича подведетъ...

— Ладно. Напишемъ... Строжайше и наиточнѣйше разыскать...

— Нечего и разыскивать. Вотчина князей Березопольскихъ на всю Рязанскую губернію знатна. Лишь бы только онъ умнаго чиновника отрядилъ отъ себя...

Гости разъѣхались, а именитый хозяинъ, улыбаясь добродушно, пошелъ въ свою опочивальню.

Просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего вѣка — славнаго чернорабочаго вѣка — радовался успѣшному концу задушевнаго дѣла и увѣнчанію своихъ долгихъ заботъ и хлопотъ.

„А все-таки я разыскалъ его... Это мой гражданскій крестникъ“, думалъ онъ теперь, кротко улыбаясь.—„Я оцѣнилъ... Я предсказалъ, что онъ самъ высоко взлетитъ во слѣдъ за своимъ „Летящимъ ангеломъ“. Вотъ я и не ошибся... Теперь всѣ они кричатъ и ахаютъ... съ чужаго голосу. А вотъ... первому почуять, первому отличить алмазъ отъ страза, и первому это сказать!.. на душѣ пріятно. И доброе гражданское дѣяніе, и самолюбію своему — ласка...“

XXXVI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этой ночи, роковой для семьи Миловановыхъ, въ Петербургѣ, вокругъ зданія Академіи Художествъ былъ большой съѣздъ экипажей. Внутри зданія была масса публики. Все сидѣло и двигалось въ ожиданіи. Ждали пріѣзда Цесаревича.

Около полудня толпа народа, запрудившая набережную, вдругъ, какъ по знаку, поснимала шапки... Вдали показалась шибко мчавшаяся коляска, въ которой виднѣлась высокая треуголка съ пушистымъ развѣвающимся плюмажемъ.

— Цесаревичъ!.. Александръ Павловичъ! пошло по толпѣ, и все насторожилось...

Чрезъ нѣсколько минутъ въ зданіи Академіи уже наступила полная тишина. Начался актъ. На этомъ торжественномъ засѣданіи рѣшилась судьба семьи крѣпостныхъ людей.

Дворовый человѣкъ помѣщицы княгини Березопольской, въ награду за представленную имъ его работы статую „Летящій ангелъ“, былъ удостоенъ званія художника-скульптора и ему былъ пожалованъ чинъ коллежскаго регистратора, а съ нимъ, слѣдовательно дворянское достоинство.

Въ концѣ засѣданія красивый молодой человѣкъ, герой дня — былъ представленъ президентомъ Его Высочеству.

— Работай... Старайся... Не зарывай таланта въ землю... А тебѣ дано много... много и взыщется... произнесъ Цесаревичъ звучнымъ, мягкимъ голосомъ, ласково оглядывая своими чудными голубыми глазами смущеннаго Милованова.

— Твоя жена — княжна Березопольская?..

— Да-съ...

— Теперь ты дворянинъ... Ангелъ твой тебя высвободилъ изъ крѣпости помѣщичьей...

— Да-съ... наивно шепталъ Миловановъ, замирая и не помня себя передъ особой Наслѣдника и подъ взорами тысячи людей.

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мужа стояла въ числѣ другихъ дамъ Прасковья Андреевна, мертво блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ, страдающая... Неизмѣримое счастье сказывалось въ ней острою болью. Она „глубже чувствовала", какъ сказалъ ей когда-то Шуваловъ.

А онъ, покровитель, не присутствовалъ здѣсь на торжествѣ своего „гражданскаго крестника": Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ при смерти. Оцѣнка по достоинству „Летящаго ангела" — была его послѣднимъ добрымъ дѣломъ.

XXXVII.

— Какъ же, родной мой, не грѣхъ было вамъ запоздать! И всего-то на два часа... Были бы теперь съ ними въ Кадаеміи этой...

— Что́ дѣлать? Не зналъ... помилуй Богъ. Зналъ я — погонялъ бы ямщиковъ... Скажите, что́ же тамъ будетъ?

— Егорушку награждать будутъ... А я-то, дура, все его бывало ругала пачкуномъ да сорилкой... Помните... Вы одни сказывали: „не замай, пачкается въ воскѣ, да въ глинѣ"... А вонъ что́ вышло изъ него... Кульсаптёръ что-ли...

— Скульпторъ. Ваятель, спаси Боже, по нашему россійскому. А скоро-ли они будутъ?

— Теперь ужь скоро. Давно поѣхали. Чрезъ часъ будутъ. А я васъ покуда чайкомъ съ дороги попою съ петербургскими бубликами.

— Ладно... Спасибо... А что мой крѣпостной, какъ поживаетъ?

— Слава Богу. Сейчасъ только уснулъ. Все кричалъ да озорничалъ. Меня прибилъ... Охъ, сердечный!.. Шутка-ли было трехъ кормилицъ перемѣнить. Отъ этого померето можно... Охъ, что́ было-то!.. что̀ было!..

— Лучше, помилуй Богъ, и не поминать... Было со всѣми такое, что повѣрить нельзя... А пуще всѣхъ со мной...

— Съ вами?!... Какъ же такъ? Почитай Егорушкѣ моему да Парашѣ было — хуже нельзя... А вамъ-то...

— Я, матушка, спаси Богъ, въ ночныхъ грабителяхъ состоялъ. Храмъ Божій ограбилъ...

— Охъ, Господи Іисусе! Зачѣмъ?

— А на какія же я деньги вашего внучка то купилъ у пьянаго Зубачева? Вѣдь, онъ, пропоица, смекнулъ все и тысячу рублей съ меня требовалъ. А нынѣ парнишкѣ или дѣвчонкѣ уже годныхъ для услуженія — красная цѣна пятнадцать рублей... Взаймы мнѣ никто не давалъ. Я въ ногахъ, спаси Боже, валялся, просилъ одолжить на годъ. Ну вотъ и пошелъ воровать въ храмъ...

— Въ какой же?.. гдѣ?

— А въ свой, березопольскій. И денежки — тысячу рублей — укралъ. Помилуй Богъ, свои же, прежде мной жертвованныя... За то вашъ внучекъ, благослови Господи, живъ остался...

— А вамъ ничего за это не будетъ?.. за воровство?..

— Ужь отдано краденое обратно и все дѣло подъ спудомъ останется... Новые Березопольскіе помѣщики авось меня въ судъ, помилуй Богъ, за святотатство не потянутъ.

— Новые... Евденья, что-ль?..

— Нѣтъ, матушка, не Евденья... Изъ-за этого я собственно и въ Питеръ прискакалъ... Евденья — вдова... Илья Петровичъ приказалъ долго жить... А Березополье должно переходить по наслѣдству ближайшимъ родственникамъ.

— Парашѣ?.. Опять?..

— Да-съ и нѣтъ-съ, помилуй Богъ. Будь она дворянка — вѣстимо ей... А коли она барыня-крестьянка, да таковой и останется... Да вѣрю я, спаси Боже, что не останется. Сказываютъ законники, что мужъ ея и дѣти — крѣпостные... А она сама не утеряла званія дворянскаго... Увидимъ. Хлопотать будемъ. Что̀ Богъ дастъ!.. А сказываетъ мнѣ сердце, что̀ все будетъ хорошо, все, благослови Богъ, будетъ по Его, по Божьему...

КОНЕЦЪ.

Краденая свадьба.

Святочный разсказъ **П. Полевого.**

I.

Анфиса Ниловна Кузовлева, богатая вдова думнаго дворянина Алексѣя Кузовлева, — женщина уже не молодая, полная и степенная — сидѣла на лавочкѣ въ теплыхъ бѣлыхъ сѣняхъ своего московскаго дома на Варваркѣ, окруженная цѣлымъ роемъ женской прислуги и всякихъ дворовыхъ старухъ, приживалокъ и захребетницъ. Анфиса Ниловна занята была хозяйственными заботами.

Передъ домовитою хозяйкой, на особомъ низенькомъ столикѣ, выставлены были рядами, въ крошняхъ, въ кадушечкахъ и лукошкахъ пробы разныхъ соленій и моченій, а въ ендовахъ, ковшахъ и жбанахъ — пробы разныхъ питій. Съ полдюжины сѣнныхъ дѣвушекъ накладывали эти пробы на особыя блюдца и отливали въ чарочки и стопки; затѣмъ, поочередно, онѣ подходили къ Анфисѣ Ниловнѣ, съ поклонами, прося ее „отвѣдать" и „пригубить". И опытная хозяйка, чуть касаясь яства или питья губами, тотчасъ-же заявляла, какъ слѣдовало поступить съ запасомъ, чтобы онъ годился въ прокъ и не испортился.

— Яблоки и груши въ квасу у тебя ноньче удались, Ѳешенька, — обратилась Анфиса Ниловна къ старой, сѣдой, сгорбленной ключницѣ, почтительно стоявшей около нея. — А вишни и лимоны закисать стали — плѣсенью подернулись... Ты-бы ихъ разсольцемъ долила, что какъ пригоже, да разсытила бы.

— Слушаю, государыня, и разсычу, и долью.

— Да, вотъ еще не забыть-бы, какіе есть у насъ морсы̀, меды̀ и пива̀ — ты всѣ вели въ бочкахъ въ ледъ поглубже засѣчь.

— Такъ и засѣчены, матушка.

— Да которыя моченья и соленья початы — тѣ чтобы дощечкой были пригнетены и каменемъ тяжелымъ; а огурчики — рѣшеточкой, да каменемъ легкимъ. И то еще помни, коли что̀ начнетъ портиться — то впередъ ѣсть, и въ заёмъ давать, и въ милостыню, и нужнымъ людямъ. Ну, а коли ужь очень затхолью отдавать станетъ, то и на базаръ вывезти, и продать можно...

Ѳешенька собиралась отвѣчать своей госпожѣ своимъ обычнымъ отвѣтомъ, но собаки на дворѣ залаяли, заливаясь разными голосами; дѣвушки бросились къ окнамъ, выходившимъ на дворъ, и поспѣшили доложить госпожѣ:

— Матушка-государыня, Богъ гостью дорогую даетъ.

— А кто-же бы такая? степенно спросила Анфиса Ниловна, не поднимаясь съ мѣста и не отрываясь отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ.

— Да должно-быть не Матрена-ли Ивановна изволила пожаловать? прозвенѣла самая бойкая изъ дѣвушекъ.

— Ну, ужь ты, вострŷха, всегда все впередъ всѣхъ знаешь! полушутя замѣтила хозяйка. — А впрочемъ, ктобы ни жаловалъ — гостю рады. Слава Богу, запасисто живемъ: угостить любаго гостя можемъ.

Въ это время полозья саней заскрипѣли подъ самымъ крыльцомъ, а немного спустя дверь внизу сѣней хлопнула, облако бѣлаго морознаго пара ворвалось съ подворья въ сѣни... На крыльцо, кряхтя и охая, стала подниматься какая-то очень тучная женщина, окутанная сверхъ широкой шубы и теплой шапки большимъ пестрымъ бухарскимъ платкомъ. Двѣ дюжія сѣнныя дѣвки почтительно поддерживали гостью подъ локотокъ, между тѣмъ какъ та приговаривала:

— Охъ, старость не радость, голубки мои, го́ды не въ сладость! Бывало я, въ ваши-то лѣта, какъ прыгала! А ноньче вотъ изъ каптаны *) еле вылѣзешь, на крыльцо еле всползешь... Ахъ, матушка Анфиса Ниловна, заговорила гостья, завидѣвъ хозяйку дома, которая поднялась съ лавки ей навстрѣчу,—вѣришь-ли слову: кабы не къ тебѣ мнѣ ѣхать, ни въ жизнь-бы съ мѣста не крянулась.

— Давненько не бывала, Матрена Ивановна! Я ужь по тебѣ и скучать стала.

— Ну, вотъ и здравствуй госпожа въ своемъ дому! Конямъ твоимъ не изъѣзживаться, цвѣтному платью не изнашиваться! Вотъ теперь за госпожею и вы всѣ здравствуйте, проговорила Матрена Ивановна, кланяясь однимъ общимъ поклономъ всѣмъ домочадцамъ Кузовлевой, послѣ того какъ двѣ дѣвки освободили ее и отъ платка, и отъ шубы.

— Да что-же мы въ сѣняхъ-то стоимъ, Матрёнушка! Въ комнату милости просимъ... А ты, Ѳешенька, поскорѣе вели дѣвкамъ на столъ накрыть, да что́ есть въ печи—все на столъ мечи...

— Не хлопочи, Анфиса Ниловна. Великъ еще день впереди. И такъ знаю, что прійдется у тебя ѣсть съ утра вплоть до вечера... Приняла-бы утробушка! А мнѣ, признаться, родимая, и не до хлѣба теперь... О дѣльцѣ о нашемъ съ тобою побесѣдовать душа горитъ...

— Ну, ужь, мать моя, безъ соли безъ хлѣба—плохая бесѣда, замѣтила, смѣясь, хозяйка дома, вводя гостью въ столовую избу и усаживая ее на почетное мѣсто. — Живѣе, дѣвушки, шевелитесь! Да закусочку ставьте и настоечку любимую Матрёнушкину, сорокатравную...

Дѣвушки не заставили себѣ повторять приказанія. Онѣ распорядились такъ проворно, что не прошло и десяти минутъ, какъ передъ хозяйкой и гостьей раскинулась на столѣ скатертка-самовертка, а на ней, въ пестромъ безпорядкѣ разставились латочки, блюдца, горшечки и сковородочки со всякою снѣдью, пузатыя братины съ медомъ и квасомъ, и долговязыя сулеи съ настойками и наливками. Радушной хозяйкѣ было чѣмъ угостить Матрену Ивановну.

— Хороши у тебя настойки, Анфиса Ниловна, больно хороши!.. Чарочка за чарочкой, что мелкія пташечки, такъ и упархиваютъ! Того и гляди голову затуманитъ—пожалуй и о дѣлѣ запамятуешь.

— Не запамятуешь, Матрёнушка. Знаю тебя. Ты ужь такъ уродилась—дѣловита!

— Будешь дѣловита, матушка, какъ муженекъ-то вотчинъ большихъ не оставилъ! Такое ужь наше вдовье дѣло: надо какъ-ни-какъ жизнь комкать. Своихъ дѣлъ нѣтъ — приходится по чужимъ дѣламъ хлопотать. А чужое дѣло—не досни, не доѣшь, а взвившись, сдѣлай. Такъ-то...

— А вотъ этой ты еще не пробовала, Матрёнушка! угощала хозяйка, видимо желая оттянуть подольше разговоры о *дѣлѣ*.

— Спасибо, спасибо! Невмоготу́ больше! отговаривалась гостья, отодвигая свою чарочку, и вдругъ, какъ будто спохватилась и воскликнула, обращаясь къ Анфисѣ Ниловнѣ:— Ахъ, мать моя праведная! Что-же это я? Или ужь впрямь хмѣлѣть стала? И не опомнюсь, не спрошу тебя о доченькѣ твоей возлюбленной, о Настасьѣ Алексѣевнѣ? Все-ли она по-добру, поздорову?

— Спасибо на твоей доброй памяти, Матрёнушка. Здорова доченька — милуетъ Богъ. Въ гостяхъ вотъ ужь третій день...

— Въ гостяхъ?.. Третій день? Что это, сдается мнѣ, матушка, она прежде нигдѣ такъ долго не гащивала?

Анфиса Ниловна поправила концы своего головнаго убруса и сказала съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— То было *прежде*, Матрёнушка; а то—теперь...

— Какъ такъ? Я въ толкъ не возьму, Анфиса Ниловна! съ видимой тревогой заговорила Матрена Ивановна.—Такъ неужли-же и наше дѣльце на кривъ-бокъ пошло̀?

— Твое дѣло съ Васенькой? воскликнула Анфиса Ниловна.—Да объ этомъ дѣлѣ я теперь и вспомянуть не смѣю!

Матрёнушка такъ и подпрыгнула на лавкѣ; даже въ лицѣ измѣнилась...

— Да какъ-же мнѣ-то теперь быть, матушка? горячо вступилась она, размахивая руками. — Сама посуди! Мнѣ Васенька пять сороковъ соболей посулилъ, да кубочекъ серебряный съ кровелькой, коли я ему это дѣло слажу... А не слажу: пять возовъ батожья на мнѣ обломать хотѣлъ! А вѣдь онъ слово-то сдержитъ: сама изволишь знать, каковъ онъ есть!..

— А что-же я-то подѣлаю? Крутенекъ твой Васенька, да и моя Настенька не мяко̀нька! Я и мать ей, а правду всегда скажу: добра, добра, а коли заладила *„не хочу“*, такъ ужь тутъ ты ее ножомъ рѣжь и калеными щипцами жги—все едино! Вся въ покойнаго батюшку уродилась но̀ровомъ.

Матрёнушка откинулась отъ стола къ стѣнѣ, завѣшенной пестрымъ коврикомъ, опустила руки и прошептала:

— Ну, значитъ, пропала моя головушка!

— Да ты пойми, Матрёнушка, поспѣшила ей пояснить Анфиса Ниловна, — и Васенькѣ такъ отъ меня поясни: я бы, то есть, всей душой рада за него дочку отдать, да вѣдь дѣвка-то не груздокъ, не уложишь въ кузовъ, коли сама не полѣзетъ...

— Да откуда-же вдругъ такой вѣтеръ подулъ? Вѣдь я же у тебя о Николинѣ днѣ была, и мы съ тобою при ней-же сговаривались: когда сватовъ засылать, когда рядную запись писать? И она-же сама въ уголку шепоткомъ меня выспрашивала: „а что, молъ, очень я ему приглянулась? а точно-ли онъ меня безъ души любитъ?“ А теперь вотъ тебѣ и съ праздникомъ!.. И что на нее нашло такое? Ужь не околдовалъ-ли кто?

— Не безъ того, Матрёнушка! Чуетъ мое сердце материнское—не безъ того! Мать Маргарита, игуменья-то наша здѣшняя (монастырекъ-то у насъ въ приходѣ), вернулась изъ Володиміра и внучку свою съ собою привезла... Хворенькую — что-ли? Несъ ее принесъ— прости Господи! Съ нею Настенька дружбу свела—и съ той поры съ ней о замужествѣ не заговаривай!.. Я было попытала на нее, какъ мать—и пригрозила, и прикрикнула. А она мнѣ прямо такъ и отрѣзала: „я де замужъ идти отдумала; а будешь нудить — въ монастырь уйду, постригуся“. Вотъ тебѣ и сказъ весь!

— Э-э, матушка Анфиса Ниловна, вотъ оно куда пошло! Такъ я тебѣ скажу, что это мать Маргарита ее испортила... Пронюхала, что за дочкой твоей падѣлокъ не малый водится—вотъ она ее въ обитель и сманиваетъ... А мы ея колдовство отведемъ! Есть у меня такой старичокъ—свѣдущій... Я его къ тебѣ приведу, и онъ эту худбу съ твоей дочки вотъ какъ снимётъ...

— Такъ-ли, полно, Матрёнушка? Да я бы, кажется, всѣмъ тебѣ служить готова! Помоги!

— Помогу, родимая, помогу! Только и ты меня не

*) Каптана - зимняя, крытая повозка.

Рождество Христово. Литературный альбомъ. „Ночь передъ Рождествомъ“, Гоголя. „Оксана“.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

забудь—мое вдовье дѣло безпокровное. Я тебѣ это дѣло какъ разъ съ моимъ старичкомъ обтяпаю... И вотъ мы что́ съ нимъ сдѣлаемъ...

Тутъ Матрёнушка поближе подсѣла къ Анфисѣ Ниловнѣ и стала ей шепотомъ излагать свой планъ.

II.

Анфиса Ниловна, любящая и слабая мать, и Матрена Ивановна, опытная сваха,—обѣ ошибались... Настенька вовсе не прочь была выйти за того жениха, котораго ей прочила Матрена Ивановна. Богатый боярскій сынокъ, красавецъ, Василій Китай пришелся ей по сердцу. Бывало она и сама имъ любовалась съ садовой вышки, украдкою выглядывая изъ-за тына, когда онъ, молодцовато избоченясь и заломивъ алую бархатную шапочку набекрень, скакалъ мимо ея сада на своемъ гнѣдомъ аргамакѣ, звеня серебряными гремячими цѣпями уздечки и озирая острымъ соколинымъ взглядомъ Кузовлевскіе хоромы.

Любовалась она на Василья и сквозь косящатое окошечко своей дѣвичьей горенки, когда знала, что онъ промчитъ мимо по улицѣ на своей вороной, завѣтной троечкѣ. Да было чѣмъ и полюбоваться-то! Кони подобраны—шерстка-въ-шерстку, гривка-въ-гривку; сани-вырѣзни разукрашены, раззолочены, собольками увѣшаны, медвѣдемъ покрыты; сбруя на коняхъ наборная, какъ жаръ горитъ... А самъ Василій Кузьмичъ стоитъ въ саняхъ, конями правитъ... Да какъ правитъ! Пристяжныхъ въ кольца гнетъ, коренника въ комокъ сбираетъ... Да вдругъ какъ гаркнетъ молодецкимъ окрикомъ, какъ присвистнетъ! Взвились кони вихремъ, разметавъ по вѣтру косматыя гривы; залились малиновымъ звономъ бубенцы съ колокольцами—и мигомъ скрылась изъ глазъ тройка, въ бѣломъ облакѣ сверкающей снѣжной пыли...

— Молодецъ этотъ Василій Китай! невольно шепнетъ Настенька, любуясь и сѣдокомъ, и тройкой.

Къ тому-же, всѣ кругомъ Настеньки говорили, что „старый-то Китай — во́ какой бояринъ! Не другимъ боярамъ чета!" Она знала, что сынъ его, Василій— куда-бы ни заслалъ сватовъ, нигдѣ не получитъ отказа... И потому она очень ласково посматривала на Василья Китая изъ-подъ своей шелковой фаты, когда этотъ стройный и высокій красавецъ, встрѣчаясь съ ней на паперти церкви, раздвигалъ передъ нею сѣрую толпу и почтительно кланялся Настенькѣ и Анфисѣ Ниловнѣ.

„Всѣмъ взялъ этотъ Васенька! И красой, и осанкой, и вѣжествомъ!" думала про себя молодая дѣвушка; и ей было очень пріятно, когда „вдова Матреница" (такъ звали ее въ кузовлевской дворнѣ) стала жаловать къ Анфисѣ Ниловнѣ и высватывать Настенькѣ такого славнаго, богатаго и родовитаго жениха. Казалось-бы, вотъ-вотъ еще немножко, и веселымъ пиркомъ да за свадебку; а вышло-то иное, нежданное и негаданное...

Однажды утромъ, въ то время какъ Настенька только усѣлась въ своей чистенькой, нарядной дѣвичьей свѣтелочкѣ за плетенье золотаго кружева, вошла къ ней Анфиса Ниловна и сказала:

— А ну-ка, Настенька, угадай-ка! Кого тебѣ Богъ въ гости дастъ?

Не успѣла Настенька и отвѣтить матери, какъ на порогѣ явилась благообразная старушка-инокиня, и, вступая въ комнату, ласково протянула къ Настенькѣ руки, обмотанныя четками.

— Мать Маргарита! радостно воскликнула молодая дѣвушка, и бросилась обнимать вошедшую.—Давно-ли ты здѣсь? Когда пріѣхала? Не уѣдешь больше? Ахъ, какъ я по тебѣ соскучилась!

— Не уѣду, мое дитятко! Никуда не уѣду. Все здѣсь около тебя буду. Попрежнему съ тобою золотомъ по бархату вышивать станемъ и стихи духовные распѣвать разными гласами, отвѣчала инокиня, нѣжно лаская Настеньку и присаживаясь къ ней на лавочку.

— Ну, ты тутъ посиди, мать Маргарита, поворкуй съ моей доченькой, а я пойду прикажу собрать вамъ полдничекъ.

И Анфиса Ниловна вышла изъ свѣтелки.

Настенька нѣжно взяла мать Маргариту за руку, поглядѣла ей въ очи и вдругъ спросила ее съ тревогой:

— Что́ у тебя на душѣ, голубушка моя? Горе, что-ли, какое? Говори скорѣе—облегчи свою душу... А потомъ, можетъ быть, я тебя и развеселю, и порадую.

— Нѣтъ, милая дѣвонька! Не снять тебѣ тоски-злодѣйки съ моего сердца; не выгнать оттуда кручинушки... Засѣло туда горе лютое, да еще не свое горе-то, а чужое...

— Свѣтъ ты мой ясный, мать Маргарита! Развѣ-же ты не знаешь, какъ тебя Настя Кузовлева любитъ! Ты меня и грамотѣ обучила, и мастерству всякому —и съ дѣтства ты меня ласкала и лелѣяла! И какъ-же не грѣхъ тебѣ отъ меня свое горе скрывать?

— Да говорю же я тебѣ, дитя мое, что не мое, а чужое горе у меня на душѣ! Какъ же я съ тобой чужимъ горемъ дѣлиться стану? Вотъ приходи завтра ко мнѣ въ гости... Сама мое горе воочію увидишь!

Какъ разъ въ это время въ комнату вошла Анфиса Ниловна и съ довольной улыбочкой проговорила:

— Милости просимъ къ нашей трапезѣ, мать игуменья! У насъ все припасено для тебя постное. И ушица налимья, съ печеночками, и груздочки съ рыжичками. И пирогъ-пряженецъ на три угла загнутъ. Пожалуй, матушка, не обезсудь, не побрезгай!..

III.

Дня три спустя, боярскій сынъ, Василій Кузьмичъ Китай, подскакалъ подъ вечерокъ къ воротамъ небольшаго дома на Лубянкѣ и, не слѣзая съ коня, сталъ что-есть-мочи стучать рукоятью плети въ ворота. Злыя дворняшки такъ и залились во дворѣ; ихъ брыластыя, мохнатыя морды съ недобрымъ ворчаньемъ выставились изъ-за подворотни. Изъ-за ихъ ворчанія и лая послышался за калиткой пискливый бабій голосъ:

— Кто тамъ стучится?.. Ишь въ какую пору! Кого тебѣ?

— Отворяй, старая чертовка! Китай къ Матреницѣ пріѣхалъ!

— Ай, батюшки! Не спознала я твоего стука, кормилецъ... Сейчасъ, отмыкаю!

И калитка распахнулась настежь. Китай соскочилъ съ коня, бросилъ поводья на руки бабѣ, и пошелъ прямо на крыльцо, въ избу. Видно было, что эта дорога ему давно знакома.

Въ избѣ, чистенько прибранной и хорошо натопленной, въ углу накрытъ былъ ужинъ, и сама вдова Матреница, принаряженная, ходила по избѣ, видимо поджидая кого-то.

Не ломая шапки, не крестясь на иконы, Василій, какъ вошелъ въ избу, такъ сталъ у порога и крикнулъ на Матреницу:

— Говори скорѣе, старая вѣдьма, зачѣмъ меня звала... Зачѣмъ потревожила? Что еще мнѣ врать станешь?

— Что ты, батюшка, Василій Кузьмичъ, словно нехристь какой—въ избу вошелъ и шапки не снимешь? Такъ-то не водится.

— Молчи, проклятая! Надоѣла ты мнѣ! Измаяла, истомила меня! продолжалъ кричать, не унимаясь, Василій Китай. — И если ты теперь еще меня за носъ водить станешь...

— Да полно тебѣ орать-то, блажно́й! преспокойно отвѣчала ему Матрена Ивановна. — Ну, стану-ли я тебя, экова мудренаго, да тревожить даромъ! Вѣдь у тебя не ровёнъ часъ — и ногъ пожалуй не унесешь... Снимай шапку, разоболокайся, садись за столъ, да слу-

шай что стану сказывать... А такъ-то, стоя да походя, и говорить не стану, хоть лопни отъ крика!

„Блажной“ снялъ шапку со своихъ разсыпчатыхъ кудрей, скинулъ лисій тулупчикъ, оправилъ поясъ на щеголеватомъ кафтанѣ, и, хмурясь и ворча, какъ прихотливый ребенокъ, сѣлъ за столъ.

— Вотъ такъ-то лучше, сказала Матреница.—Вотъ теперь и здравствуй, батюшка, отецкій сынъ! Поздравляю, батюшка, съ удачею.

И она, наполнивъ двѣ чарки старымъ хмѣльнымъ медомъ, съ поклономъ подала одну чарку Василію.

— Убирайся и съ чаркою! Не до нея мнѣ теперь... Говори скорѣе, съ какою удачею!

— Не изволишь отвѣдать изъ чарочки, такъ я тебѣ какъ рыба нѣма. Самъ знаешь, какъ у насъ говорится: коли пить до дна, такъ и видать добра, а не пить...

Китай схватилъ чарку со стола, разомъ ее осушилъ и, стукнувъ ею по столу, крикнулъ Матреницѣ:

— Да ну-же! сказывай! Не мучь ты меня!

— Сказала я тебѣ: *поздравляю съ удачею*—такъ, значитъ, тому и быть! Вѣдь красны дѣвки, что вѣтеръ перемѣнчивы... Сегодня одно заладитъ — потянуло отъ нея сѣверякомъ, какъ съ полуночи; а завтра отъ нея тепломъ несетъ, какъ съ полудня! А только я все-же одно скажу: экого бѣса-дѣвки я и не видывала!

— Да говори толкомъ: что, и какъ? Когда къ ней сватовъ засылать?

— Сватовъ!? Ишь ты—больно прытокъ! Да она ужь о сватахъ-то и слышать не хочетъ!

— Какъ слышать не хочетъ? Да вѣдь ты-же поздравила меня *съ удачею*. Или шутить вздумала?..

— Да я-же тебѣ говорю: бѣсъ-дѣвка! То отъ свадьбы открещивалась—замужъ не шла, въ монастырь постригаться хотѣла; то теперь такой стихъ нашелъ, что сейчасъ ее подъ вѣнецъ веди! *Никакихъ*, говоритъ, *мнѣ сватовъ не нужно; коли мы полюбились другъ дружкѣ, такъ и безъ сватовъ обойдемся!*

Василій Китай вскочилъ изъ-за стола и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Ничего-то я не пойму... Пожалѣй ты меня, Матрена Ивановна! Раскажи мнѣ все по порядку!

— Садись да слушай! Тогда и самъ все поймешь... Одно слово: нравная дѣвка, забалованная—на ней жениться и врагу не пожелала-бы!

— Да ну!.. не ври! Не то говоришь, перебилъ Василій Китай:—жигуча кропива родится, а во щахъ уварится! Разсказывай: какъ было?

— А вотъ какъ: пришла я къ ней, все любовь-то твою расписываю... Она меня слушала, слушала, да и говоритъ мнѣ: „хорошо, Матрёнушка! согласна я за него замужъ идти, да только не такъ, какъ всѣ...“

— Какъ-же не такъ?

— Не хочу, говоритъ, какъ всѣ свадьбу играть... Станутъ, говоритъ, пѣть надъ тобою, да косу расчесывать, да съ поѣзжанами въ церковь повезутъ — ни дать, ни взять какъ мыши кота погребаютъ! Ей-ей, такъ и сказала! Сущій бѣсъ-дѣвка...

— Да ну, дальше-то что?

— А вотъ, говоритъ, пусть онъ краденую свадьбу сыграетъ—тогда пойду за него. Выйду я на перекресточекъ — а онъ подхватитъ меня въ саночки-самокаточки, да въ церковь! А изъ церкви прямо въ домъ къ нему— да вотъ-тѣ и здравствуй, мужняя жена!

— Ну, такъ что-же? И вѣрно — и согласенъ я! радостно воскликнулъ Василій Китай.

— Погоди радоваться! Вѣдь у нея все не по-людски! Она и еще уговоръ одинъ сдѣлала: я, говоритъ, поѣду съ нимъ въ церковь фатою покрытая, какъ невѣстѣ быть должно, и если онъ мою фату хоть пальцемъ тронетъ, пока въ домъ къ себѣ привезетъ—такъ онъ только меня и видѣлъ! Вотъ она какая мудреная!

— Ну что-же? Согласенъ! Уговоръ лучше денегъ... Принимаю! Такъ и скажи ей. Мнѣ съ нею вѣкъ вѣковать—успѣю насмотрѣться. На все согласенъ — пусть только скажетъ, когда да гдѣ.

— Сказала, батюшка, — и это сказала... Да ужь ты не прогнѣвайся... Прежде свой уговоръ со мною исполни, а потомъ и я твою душеньку потѣшу—все тебѣ скажу. Такъ-то!

Василій Китай быстро откинулъ полу кафтана, вытащилъ изъ кармана кожаную кису, досталъ изъ нея горсть голландскихъ корабленниковъ и нѣмецкихъ талеровъ и разсыпалъ ихъ по скатерти передъ Матреницей.

— Это тебѣ сверхъ уговора! А завтра пріѣзжай получать уговорное. Ну, сказывай, что-ли?

— Вотъ и спасибо! Вотъ и ладно! весело проговорила Матреница, поспѣшно огребая червонцы и талеры въ лукошечко и ставя его за иконы, на полицу. Потомъ, съ плутоватой улыбкой, шепнула Китаю на-ухо:

— Послѣ-завтра, чуть смеркнется, припасай коней подъ косогоромъ, около задней садовой калиточки, въ тыну Кузовлевыхъ. У нихъ будетъ святочная вечеринка: станутъ дѣвушки гадать, да въ игры играть... Тѣмъ временемъ я тебѣ ее въ калитку и выведу, быдто-бы на перекрестокъ—прохожаго объ имени спросить... Сажу ее въ санки... да прямо въ церковь и мчи! Пусть ужь попъ тебя ждетъ — и чтобы все на-готовѣ было... А то вѣдь она у насъ мудреная, нравная...

Василій Китай и не дослушалъ Матреницы. Схватилъ ее своими желѣзными лапами за плеча и расцѣловалъ въ обѣ щеки; а потомъ, опрометью бросился изъ избы въ сѣни, на ходу натягивая тулупъ и нахлобучивая шапку.

„Ишь, вѣдь, какой шальной! То все приказывалъ, что онъ-де меня на воротахъ горохомъ разстрѣляетъ... А теперь вонъ ни за что—облапилъ да расцѣловалъ! И выискалъ-же себѣ сокровище—нечего сказать! Еще наплачется онъ съ этимъ бѣсомъ-дѣвкой... Ну, да мнѣ только-бы съ рукъ долой... только-бы своего не упустить“, думала Матреница.

И затѣмъ, заложивъ дверь на крюкъ, она потянулась на полицу за иконы, достала лукошечко и, высыпавъ деньги на скатерть, стала считать ихъ, перебирая каждую монету своими жирными пальцами и любуясь блескомъ червонцевъ.

IV.

Святочная вечеринка въ домѣ Анфисы Ниловны была въ самомъ разгарѣ. Просторная, средняя комната обширнаго дома Кузовлевыхъ была ярко освѣщена: хозяйка не пожалѣла восковыхъ свѣчей и приказала ихъ много разставить на столахъ и по окнамъ, въ тяжелыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и даже по стѣнамъ развѣсить, въ нѣмецкихъ шанданахъ. Не поскупилась хозяйка и на угощеніе; столы, по угламъ комнаты, были завалены всякими лакомствами, заставлены всякими прохладительными напитками. Тутъ были и орѣхи въ меду, и вишни въ соку, и пряники, и смоквы, и пастилы всѣхъ сортовъ. Анфиса Ниловна хотѣла угостить подругъ Настеньки на славу, и сама думала про себя:

„Дай-то Богъ, чтобы это была послѣдняя дочкина вечеринка въ дѣвичествѣ! Кажется, у ней съ Матрёнушкой дѣло опять на ладъ пошло?“

Вѣроятно то-же думали и подруги Настеньки, прослышавшія о сватовствѣ Василія Кузьмича—и веселились въ тотъ вечеръ до упаду. И сама Настенька была развеселая: шутила, смѣялась звончѣе и громче всѣхъ, придумывала игры за играми, запѣвала пѣсни за пѣснями... А тутъ еще и Матрена Ивановна угодила ей: привела съ собою своего знакомца, старичка-забавника, который и на гусляхъ игралъ, и сказки дѣвицамъ сказывалъ, да такія, что кругомъ его звонкій смѣхъ дѣвичій не смолкалъ ни на минуту.

Рождество Христово. Христославы въ Подольской губерніи. Рис. Поцѣха, грав. Швейгель.

Рождество Христово. Рождественская ночь въ средніе вѣка. Съ картины Гаузе.

— Право-слово говорю, боярышни, а вы не вѣрите! говорилъ посмѣиваясь старый шутникъ, — отъ людей старыхъ и бывалыхъ не разъ слыхалъ, что есть гдѣ-то за морями, за горами, роскошная, развеселая сторона, въ которой и зимы не бываетъ, и ночь на землю не сходитъ. Для всѣхъ про всѣхъ по дорогамъ тамъ столы поставлены, преукрашенные, и на тѣхъ столахъ всякихъ яствъ множество; а рядомъ со столами озёра съ разными медами, рѣки съ разными пивàми — бери ковшъ, черпай сколько душа приметъ... А чуть кто охмѣлѣлъ—тутъ и постели рядомъ устланы, и перины пуховыя съ изголовьями: каждый спи въ волю.

— Ну, ужь сторонка! замѣтила смѣясь одна изъ дѣвушекъ;—тамъ пожалуй и мужей-то жены не видятъ, коли имъ такой просторъ да воля.

— Мужьямъ тамъ, боярышня, любо; а женамъ—еще того любѣе. Жены тамъ ни прядутъ, ни ткутъ, ни платья, ни бѣлья не моютъ, потому всякаго платья готоваго вездѣ на шестахъ навѣшано много. Верхняго платья цвѣтнаго сундуки и коробьи до-верху накладены; а сережекъ да запястьевъ, да перстней золотыхъ, да жемчугу—во-какія груды по дорогамъ навалены! Лопатой не прогребешь... Выбирай да рядись, пляши да веселись!..

— Ай да старикъ! Вотъ ужь можно сказать — не любо не слушай! А складно сказываетъ! смѣялись кругомъ сказочника подруги Настеньки.

— Сказывать мастеръ, а дороги въ ту сторону никому не покажетъ! подтрунила надъ старикомъ Матрена Ивановна.

— Отчего не сказать, матушка Матрена Ивановна! отшучивался старикъ. — Только вѣдь если я и укажу дорогу—не многіе туда доѣдутъ...

— Отчего-же? отчего? Тебѣ какое дѣло! Доѣдемъ коли укажешь! закричали со всѣхъ сторонъ старику дѣвушки.

— Доѣхать туда не мудрено—да попасть-то трудно. Ѣхать надо за Дунай, а заѣхалъ за Дунай—домой не бывай; потому тамъ съ проѣзжихъ берутъ пошлины не малыя: съ дуги берутъ по лошади; съ шапки—по человѣку; а съ обоза — по людямъ. За-то ужь кто тамъ побываетъ, тотъ роскошнаго житья во-вѣкъ не забываетъ.

Веселый, звонкій смѣхъ покрылъ слова разсказчика, который сталъ посмѣиваясь перебирать струны гусель. Онъ собирался спѣть дѣвушкамъ былину о Ставрѣ Годиновичѣ и его премудрой женѣ. Но въ сѣняхъ вдругъ послышалась возня и топотъ многихъ ногъ, раздались дикіе голоса, хрюканье и хрипѣнье, звýкъ бубенъ и визжанье гудка. Двери распахнулись настежь—и гурьба переряженыхъ дворовыхъ разомъ хлынула въ комнату... Пискъ и визгъ сѣнныхъ дѣвушекъ и боярышень, которыя показывали видъ, что очень напуганы внезапнымъ появленіемъ наряженныхъ, вскорѣ былъ заглушенъ громкою музыкою гудка и волынки, и звонкими ударами въ бубенъ. Наряженные пустились въ плясъ: медвѣдь, въ вывороченной овчинѣ, презабавно переминался съ ноги на ногу; его вожакъ — бойкая бабенка, наряженная парнемъ, отхватывала присядку; а парнишка, одѣтый въ рядно, съ подвязанной у шапки мутовкой, подпрыгивалъ, изображая козу. Рядомъ съ ними кружился журавль—другой парень, у котораго рука съ веретеномъ была подвязана къ головѣ и обмотана цвѣтными тряпицами. Кругомъ плясали и кружились, то присядая, то прискакивая, толстопузые купцы-молодцы съ лотками товаровъ, пропойцы въ лаптяхъ и въ рогожаныхъ шубахъ, бѣсы на вилахъ и вѣдьма на помелѣ. И не успѣли еще всѣ на ряженыхъ налюбоваться, не успѣли разсмотрѣть, кто и какъ наряженъ—какъ вся ихъ гурьба, съ гикомъ и визгомъ, топчась и приплясывая, ринулась къ двери и такъ же быстро скрылась въ сѣняхъ, какъ неожиданно изъ сѣней высыпала.

Между тѣмъ въ разныхъ углахъ комнаты, среди отдѣльныхъ группъ, у дѣвушекъ заводились ужь новыя игры. Тутъ, около выхода въ сѣни, лили на свѣчкѣ олово; тамъ собрались около чернаго большаго пѣтуха, который очень важно ходилъ между кучками насыпаннаго зерна, озирая всѣхъ своими незрячими глазами. А кругомъ хозяйки и Настеньки кружокъ подругъ собирался „*золото хоронить*“;—всѣ усѣлись въ кружокъ, кто на полу, кто на лавкахъ, и быстро стали передавать другъ другу золото, которое одна изъ подругъ Настеньки, стоя въ кругу, старалась отыскать. Раздалась ея знакомая пѣсня:

Ужь я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, терему;
Я у матушки въ высокòмъ, высокòмъ...

А въ отвѣтъ ей хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ подхватывалъ громко:

Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину...
Гадай, гадай, дѣвицы,
Гадай, гадай, красныя...

И на этотъ призывъ, стоявшая въ кругу дѣвушка отвѣчала тоненькимъ голоскомъ:

Я бы рада отгадала,
Кабы вѣдала да знала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи...
Охъ вы, дѣвушки,
Охъ, подруженьки—
Вы, скажите, не утайте,
Мое золото отдайте.

— Голубушка, Настасья Алексѣевна! шепнула во время этой пѣсни Матрена Ивановна. — Не пора-ли? Чай молодецъ заждался, встосковался; чай и кони-то назяблись?

— Вотъ погоди, еще поиграю, Матрёнушка! Вѣдь ужь больше не видать мнѣ подруженекъ, не слыхать ихъ пѣсенокъ!

— Матушка моя, и надъ нимъ надо сжалиться — о немъ у меня вчужѣ душа изныла...

— Да ну, ладно, ладно! Я сейчасъ пойду одѣнусь, фатой сверхъ шапочки накроюсь—и буду тебя ждать; какъ стукнешь ко мнѣ въ свѣтелку, я къ тебѣ выйду въ сѣни, и веди меня куда знаешь...

— Вы тутъ чего подъ шумокъ разшушукались!—вдругъ раздался позади Настеньки голосъ Анфисы Ниловны.— Вѣрно, Матрена Ивановна какую новую игру затѣваетъ? Выдумщица старая!

— Да... да, матушка! Угадала! спохватилась Матреница. — Хочу дѣвушекъ новой пѣснѣ обучить—а какъ онѣ запоютъ, хочу съ Настенькой на перекрестокъ выйти, суженаго объ имени спросить. Не *Василій*-ли ей навстрѣчу выйдетъ?

И Матреница, посмѣиваясь, поспѣшила отойти отъ Анфисы Ниловны къ кружку дѣвушекъ, которыя все еще *хоронили* золото.

— Голубушки! Не такъ хоронятъ! засуетилась Матреница, вступая въ кругъ.—Я васъ вò какой пѣснѣ научý... Арефьичъ! дай мнѣ костыль-то свой! Я пойду вкругъ дѣвушекъ, бытдо старица-черничка...

И Матреница, пристукивая въ полъ костылемъ, стала обходить кругъ дѣвушекъ, припѣвая весело:

Да не то-то я катиться могу,
Да не то-то я молиться могу!
Я могу-могу по келейкѣ пройти,
Я могу-могу пивца-винца испить,
Изъ виннаго ковшичка,
Изъ злаченой чарочки.

— А тутъ, гдѣ увижу золото, и приставлю костыль... И запою:

Я приставлю свой костыль
Къ золоту, ко серебру,
Ко дѣвичьему терему,
Злато-серебро верну,
Красну-дѣвицу возьму.

— У кого нашлось золото, та и бери мой костыль, и ступай по кругу, и пой пѣсни сначала:

Да не то-то я катиться могу...

— Такъ! такъ! Давайте такъ золото хоронить, по новому! закричали подруги Настеньки.—Такъ веселѣе!

Матреница повторила имъ пѣсню, прослѣдила одинъ кругъ, и когда игра завязалась, она, перемигнувшись издалека съ Анфисой Ниловной, незамѣтно шмыгнула въ сѣни.

— Настенька! а, Настенька! шептала она, потихоньку стучась въ двери Настенькиной свѣтелки, выходившей также на сѣни. — Выходи, матушка! Пора намъ съ тобою на мѣстѣ быть!

Тихохонько скрипнула дверь въ темнотѣ; надъ самымъ ухомъ Матреницы послышался Настенькинъ голосъ:

— Смотри, Матреница, еще разъ скажи ему, чтобы помнилъ нашъ уговоръ!

И сама Настенька, закутанная въ шелковую шубку, накрытая густою бѣлою фатою, скользнула въ темнотѣ изъ двери въ сѣни, крѣпко ухвативъ сваху за руку.

Матреница осторожно свела дѣвушку съ крылечка на задній дворъ, потомъ особымъ палисадничкомъ провела въ садъ, по расчищенной дорожкѣ подвела къ калиткѣ въ тыну—и взялась за скобку. Только тутъ она почуяла, что Настенька дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, что руки ея холодны, какъ ледъ.

— Не бойся, Настенька, не бойся, голубонька... Глянька, ночка-то какая свѣтлая для твоего побѣга выдалась!.. Въ этакую ночь, да съ милымъ дружкомъ на тройкѣ... Такъ бы сама и покатилася!

И она дернула калитку, и вышла съ Настенькой на косогоръ, спускавшійся къ улицѣ.

— Суженый, ряженый—отзовися! крикнула Матреница вполголоса.—Какъ зовутъ тебя—объявися!

— Васильемъ зовутъ, Кузьмичемъ по отчеству величаютъ! произнесъ за угломъ знакомый голосъ, и три молодца мигомъ выросли изъ-за сосѣдняго сугроба.

— Вотъ тебѣ изъ-полы-въ-полу твое золото, Васенька! только смотри: уговоръ Настенькинъ помни...

— Буду помнить! Я съ ней и въ санки не сяду! Впередъ верхомъ поскачу... Эй! Ивашка Звѣнецъ, да Яшка Русалка! Сажай боярышню въ сани! Во весь духъ закатывай слѣдомъ за мною!

— Тпрру! Стой! Шалишь! Держи воронаго! слышались внизу, подъ косогоромъ, голоса людей, прерываемые топотомъ бѣшеныхъ воронковъ и звяканьемъ бубенчиковъ.

Матреница видѣла, какъ пріятели Васеньки бережно свели закутанную Настеньку къ санямъ, какъ усадили, какъ прикрыли теплою полостью и сами сѣли о-бокъ съ нею. Она видѣла, какъ Васенька вскочилъ въ сѣдло и помчался впереди, видѣла, какъ бросились въ сторону Китаевскіе конюхи, а бѣшеная тройка взвилась сначала на дыбы, шарахнулась въ бокъ, потомъ рванулась впередъ, направленная чьею-то умѣлою рукой... Да только и видѣла! Мигомъ все скрылось изъ глазъ—словно наважденіе бѣсовское.

„Ну, вотъ и скатертью дороженька!“ подумала Матреница. „Вотъ и въ добрый часъ, во архангельскій... Хоть и краденую свадьбу, а все своротила!“

И она, самодовольно улыбаясь, повернулась къ тыну, взялась рукою за скобку, и только хотѣла толкнуть калитку, какъ та распахнулась настежь—и Матреница отступила отъ порога въ ужасѣ, трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Съ нами крестная сила! Съ нами крестная сила!.. Да расточатся врази его... да расточатся! шептала она про себя, спѣшно крестясь подъ шугаемъ.

Передъ нею, на порогѣ калитки, явилась Настенька, въ собольей душегрѣйкѣ, накинутой на плечи, и въ бархатной шапочкѣ, молодцовато сбитой на-ухо. Она держалась рукой за верею калитки, да такъ и покатывалась со-смѣху...

— Ха, ха, ха! Сваха умѣлая! славно меня просватала! Сама за рученьку вела, сама въ саночки подсаживала! Ха, ха, ха!

— Тьфу! Пропади! пропади!.. продолжала шептать Матреница, которая все еще никакъ не могла прійти въ себя, не могла опомниться.

— Да ты небось думаешь, что тебя нечистый обошелъ? смѣясь продолжала Настенька. — Нѣтъ, свашенька! сама ты себя опутала! Захотѣла продать меня Васенькѣ, — такъ вотъ теперь, заваривши кашу, ее и расхлебывай! Ха, ха, ха!

— Ахъ, ты... ахъ... ты, змѣя подколодная! Ахъ ты, бѣсъ-дѣвка! Да что̀-же ты надѣлала? Да кого же ты ему на руки навязала?

— Кого ни навязала — не твоя забота. Завтра все узнаешь... Ха, ха, ха!

— Ахъ ты... ахъ ты, разбойница! Да ты думаешь я на тебя суда не найду? Да мы завтра съ Васенькой вмѣстѣ къ патріарху съ жалобой... на твое обманство... Аль ты не знаешь, что̀ за обманныя свадьбы *) по закону положено? Да! Вотъ увидишь!

— Молчи, не грозись, свашенька! насмѣшливо замѣтила Настенька. — Не очень-то я тебя испугалась! Ступай себѣ домой, да знай, что къ нашимъ хоромамъ тебѣ запала дороженька!

И она подъ самымъ носомъ Матреницы захлопнула калитку и съ звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ задвинула ее засовомъ.

— Ну... ну-у! Ужь точно... бѣсъ-дѣвка! злобно пыхтѣла Матреница, еле-еле сползая съ косогора на опустѣвшую улицу.

V.

Вихремъ домчалъ аргамакъ Василья Кузьмича къ маленькой, ветхой старой церковкѣ въ Толмачахъ, на Замоскворѣчьи. За нимъ слѣдомъ, бурею подлетѣла къ церковной паперти завѣтная вороная тройка. Еле сдержали взмыленныхъ коней пріятели Васеньки и тѣ слуги, что ужь давно ожидали своего молодаго господина на церковной паперти. Храмъ былъ уже освѣщенъ, когда Василій Кузьмичъ переступилъ порогъ его со своею нареченною невѣстою. Попъ-старичокъ въ облаченіи давно уже ожидалъ ихъ на амвонѣ. Дьяки тотчасъ запѣли—началось вѣнчаніе...

И Василій Китай, страшно взволнованный, вѣнчался словно въ туманѣ... Онъ не смѣлъ взглянуть въ сторону невѣсты, не рѣшался и въ сторону пріятелей глянуть... Онъ очнулся отъ этого тумана только тогда, когда въ рукѣ его очутилась холодная какъ ледъ, нѣжная рука его будущей подруги жизни; но и эту руку онъ не смѣлъ пожать... Помнилъ онъ потомъ, какъ священникъ надѣлъ на эту бѣлую нѣжную руку обручальное колечко и какъ заставилъ его обмѣняться кольцомъ съ невѣстою... Потомъ все опять смутилось въ головѣ Василья, и если-бы старикъ-священникъ не взялъ его за руку и не повелъ за собою — онъ, кажется, не пошелъ-бы самъ кругомъ аналоя... Вотъ дьяки и „Исайя ликуй“ запѣли — и вѣнчанью конецъ... Подошли къ Василью его пріятели съ поздравленіемъ, подошли слуги съ поклономъ — и къ нему, и къ новой госпо-

*) Обманныя свадьбы, при которыхъ одно лицо выдавалось замужъ вмѣсто другаго, были въ XVII в. столь обычнымъ и частымъ явленіемъ, что жалобы на это явленіе безпрестанно поступали къ патріарху, который сурово каралъ сторону виновную въ обманѣ, и допускалъ въ данномъ случаѣ разводы.

жѣ своей; руки у него и у нея цѣлуютъ... А она стоитъ, какъ вкопанная—словечка не проронитъ, складочкой фаты не шевельнетъ... Только и видно, какъ подъ фатою ея грудь высокая тревожно подымается.

— Пойдемъ, богоданная женушка, сядемъ въ саночки! Пора намъ и къ дому! шепнулъ Василій Китай своей новобрачной. И она, молча, покорно пошла съ нимъ рядомъ, къ санямъ.

Васенька сѣлъ съ нею въ сани — и замеръ въ ожиданіи, что вотъ, можетъ быть, она сама уговоръ нарушитъ: заговоритъ съ нимъ, къ нему приласкается... Но вотъ и кони помчались, взрывая снѣгъ своимъ бѣшенымъ бѣгомъ, вотъ раздались позади взвизгиванья и крики слугъ и пріятелей, скакавшихъ на другихъ тройкахъ... А новобрачная все молчитъ, все таится подъ своей непроницаемою бѣлою фатой, обшитою золотымъ кружевомъ.

Вотъ наконецъ подъѣхали къ крыльцу той подгородной усадьбы, гдѣ Василій Китай думалъ прожить два-три дня послѣ свадьбы.

— Ну, други, не осудите... Сегодня намъ съ женою не до пира! Ступайте изъ сѣней налѣво, тамъ вамъ столъ накрытъ, безъ насъ ужинайте и пейте намъ во здравіе. Завтра и мы отъ васъ въ весельи не отстанемъ — а теперь и отдохнуть пора.

— Въ часъ добрый, въ часъ добрый, Василій Кузьмичъ! отвѣчали въ одинъ голосъ пріятели, кланяясь молодымъ въ поясъ и провожая ихъ до дверей небольшаго боковаго покойчика.

Въ покойчикѣ были накрыты два прибора на столѣ, подъ иконами. Тяжелый прорѣзной мѣдный подсвѣчникъ, съ пятью свѣчами, былъ поставленъ среди стола около обычнаго свадебнаго каравая. Новобрачная прямо подошла къ столу и въ изнеможеніи опустилась на лавку. Василій быстро скинулъ шубу съ плечъ, подошелъ къ новобрачной и трепетною рукою откинулъ фату съ ея лица...

— Ахъ! Богъ мой! не та!... Прасковья, ты-ли это? воскликнулъ онъ въ испугѣ, отступая отъ стола къ стѣнѣ.

VI.

То нежданное и негаданное, что̀ вдругъ заставило Настеньку отшатнуться отъ Василья Кузьмича, было такъ глубоко затаено въ ея душѣ, что никто—ни мать, ни сваха — не могъ-бы понять и объяснить себѣ ея странныя причуды... То собиралась выйти замужъ за Китая, то раздумала и заупрямилась; то вдругъ затѣяла устроить краденую свадьбу... А въ сущности-то дѣло объяснялось очень просто.

На другой день послѣ посѣщенія матери Маргариты, Настенька захотѣла непремѣнно утѣшить инокиню въ ея горѣ. Она выпросилась у матери въ гости къ матери Маргаритѣ — и птичкой впорхнула въ знакомую келью, съ бѣлыми какъ снѣгъ занавѣсочками на окнахъ, съ пучками душистыхъ травъ на стѣнѣ, подъ иконами, съ длинными пяльцами, прикрытыми чистымъ рядномъ, въ углу.

За пяльцами сидѣла молодая дѣвушка и, низко наклонившись надъ вышиваньемъ, медленно и мѣрно вытягивала цвѣтную шелковую нить изъ канвы. Темный, простенькій лѣтникъ обрисовывалъ ея стройный станъ; золотыя пряди волосъ выбиваясь изъ-подъ узкой, шитой дѣвичьей повязки, падали ей на глаза и разсыпались надъ ея вышиваньемъ...

Когда дверь кельи скрипнула, дѣвушка подняла голову и оглянулась на Настеньку.

„Какая красавица!“ подумала Настенька, вглядываясь въ доброе, кроткое и печальное лицо молодой дѣвушки. „Ужь не о ней-ли такъ горюетъ мать Маргарита?“

Дѣвушка иначе поняла пристальный взглядъ Настеньки — и страшно смутилась. Но Настенька быстро подошла къ ней, протянула ей обѣ руки и сказала привѣтливо:

— Я — Настя Кузовлева. Прошу любить да жаловать. А какъ тебя величать—не знаю. Не прогнѣвайся!

— Я—Маргаритина внучка... Прасковья Табалина, тихо промолвила дѣвушка, наклоняясь къ Настенькѣ.

И затѣмъ дѣвушки поцѣловались и разговорились, какъ старыя знакомыя.

Не прошло и недѣли, какъ онѣ ужь сошлись и сдружились, и Настенька узнала печальную исторію Парашеньки. Прошлой весной она встрѣтила своего суженаго: встрѣтила и полюбила безъ ума...

— Онъ въ нашей сторонѣ былъ заѣзжимъ гостемъ: государеву службу правилъ, разсказывала Парашенька.— Чѣмъ онъ меня обошелъ, околдовалъ—и сама не знаю; знаю только, что сразу мною овладѣлъ, и я бы для него отца съ матерью не пожалѣла, на край бы свѣта бѣлаго пошла за нимъ. Свела насъ весна красная—повѣнчала пѣсня соловьиная... Какъ теперь помню: ночь тихонько надъ нами опускается, надъ головою вѣтерокъ вѣтвями покачиваетъ, словно насъ убаюкивая, а надъ самымъ ухомъ пѣсня льется, слаще соловьиной... Клянется мнѣ, божится добрый молодецъ, что онъ на мнѣ женится, что не покинетъ меня, что только на недѣльку въ Москву съѣздитъ за батюшкинымъ благословеніемъ... А у меня и страхъ сердце щемитъ, и жутко мнѣ,—и бѣжала бы... И съ мѣста не встать, словно я цѣпью къ нему прикована...

И Парашенька закрыла лицо руками.

— И что же? неужели обманулъ? нетерпѣливо перебила подругу Настенька.

— Обманулъ... уѣхалъ... И слѣдъ простылъ...

— Да онъ московскій — что-ли? спросила Настенька хватая подругу за руку.

— Московскій... Здѣшняго большаго боярина-сынъ... Красавецъ писаный!

— А какъ звать-то его — злодѣя, обманщика? какъ звать?

— Не брани его, Настенька! Я простила ему... Чай ему не такая, какъ я, а богатая невѣста надобна...

— Да говори же, какъ его зовутъ? настаивала Настенька.

— Зовутъ Васильемъ... Китай, по прозванію.

— Василій Китай?!.. воскликнула Настенька вскакивая съ лавки.

— А ты развѣ знаешь его? тревожно переспросила Парашенька.

— Н-н-ѣтъ... такъ... Слыхала о немъ...

— А что̀ слыхала? разскажи!..

— Да нѣтъ же! Ничего! Только и слыхала, что есть такой боярскій сынъ, съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣтила Настенька. — А вотъ ты-то мнѣ скажи, что̀ ты теперь заведешь дѣлать?

— Бабушка, чай, сказывала тебѣ... Къ постриженію готовлюсь...

— Ну, нѣтъ! рѣшительно сказала Настенька.—Этому не бывать — и не бывать! Слышишь-ли, и думать не смѣй!

— Да что̀ ты, Настенька? куда же я, бѣдная, дѣнусь — покинутая, осмѣянная...

— Говорю тебѣ — не бывать! почти крикнула Настенька. — И вотъ тебѣ моя рука... Или я твою судьбу устрою, или я ему...

Она не договорила: бросилась на шею Парашеньки, чтобы скрыть свое волненіе, крѣпко ее обняла, шепнула ей на-ухо:

— Жди вѣстей отъ меня!—и выпорхнула изъ кельи.

А Василій Кузьмичъ все стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, и самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ... Кровь бросилась ему въ голову; мысли путались и мѣшались.

Рождество Христово. Горе и радость. Рис. Рейсъ, грав. Рау.

Параша сложила руки на груди, и медленно опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Обманула я тебя... любя обманула. Другой уступить тебя не захотѣла! шептала она, трепеща всѣмъ тѣломъ и устремляя на Василія умоляющій взглядъ.

Василій все еще не могъ совладать съ собою. Цѣлая буря самыхъ противуположныхъ думъ и ощущеній боролась въ груди его...

— Обманула я тебя... Сама тебѣ въ жены навязалась... Убей меня, коли я тебѣ постыла! шептала Парашенька, и поклонилась Василію въ ноги.

Сердце заговорило въ его груди...

— Не ты меня обманула, а я тебя обмануть хотѣлъ! воскликнулъ Василій Китай, поднимая Парашу. — Да Богъ не попустилъ... Видно и впрямь — суженую ни обойти, ни объѣхать! Здравствуй-же, супруга богоданная!

И онъ крѣпко обнялъ Парашу, которая, громко рыдая, повисла у него на шеѣ...

Рождество Христово.

Въ Рождественскую ночь я видѣлъ дивный сонъ:
Казалось, демонъ зла съ земли унесся прочь,
На-вѣкъ Евангельскимъ ученьемъ побѣжденъ
Въ Рождественскую ночь...
И ближнимъ ближніе стараются помочь,
На праздникъ міровой сойдясь со всѣхъ сторонъ, —
Въ разладѣ прежнемъ жить имъ долѣе не въ мочь;
То не картину-ли изъ будущихъ временъ
Открыла вѣра мнѣ, небесной правды дочь?
Молился я Христу, — меня услышалъ Онъ
Въ Рождественскую ночь.

С. Бердяевъ.

Къ рисункамъ.

Поклоненіе волхвовъ, картина Шрадера.

(Рис. на стр. 1336 и 1337).

На прилагаемой картинѣ знаменитаго живописца изображенъ тотъ моментъ, когда волхвы, пришедшіе съ Востока за путеводною звѣздой, подошли къ яслямъ и увидѣли Младенца съ Маріею, Матерью Его, и падши поклонились Ему, и открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну.

Оксана. (Рис. на стр. 1341).

Кто на Руси великой не знаетъ Гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, кто не восхищался и страшными, и смѣшными, и трогательными повѣстями, изданными пасѣчникомъ Рудымъ Панькомъ?! Въ чьемъ воображеніи не рисовались образы дѣйствующихъ лицъ на „Сорочинской ярмаркѣ“ или „Заколдованномъ мѣстѣ“, въ „Вечерѣ накануне Ивана Купалы“, или въ „Майскую ночь“? Даровитый молодой художникъ Ижакевичъ изобразилъ на своемъ рисункѣ красавицу героиню „Ночи предъ Рождествомъ“, Оксану.

„Оксанѣ“, говоритъ про нее Гоголь, „не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Паробки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица... „Чудная дѣвка!“ замѣчаетъ про нее кузнецъ Вакула. „Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ...“

Христославы въ Подольской губерніи.

(Рис. на стр. 1344).

На югѣ Малороссіи донынѣ удержался еще обычай въ Рождественскую ночь ходить съ такъ-называемыми вертепами. Задолго до праздника молодежь, будущіе христославы, начинаютъ устраивать вертепъ, т. е. подобіе пещеры, въ которой родился Спаситель міра; это большой ящикъ, оклеенный разноцвѣтною бумагой съ серебряными и золотыми звѣздами, которому въ верхней части придается видъ часовни, а въ нижней, прорѣзной, размѣщаются различныя фигуры, изображающія лицъ и животныхъ, окружавшихъ Предвѣчнаго Младенца въ первый день Его земной жизни. Съ такимъ вертепомъ на плечахъ, кружокъ христославовъ обходитъ родную деревню и сосѣдніе хутора, всюду радушно встрѣчаемый гостепріимными хозяевами. Само собой разумѣется, что христославовъ болѣе или менѣе щедро одаряютъ, смотря по достатку.

Рождественская ночь въ средніе вѣка.

(Рис. на стр. 1345).

Гулко разносится въ старинномъ городѣ надъ моремъ домовъ церковный звонъ, призывая всѣхъ во храмъ. Высоко подымается куполъ его, весь покрытый пушистымъ снѣгомъ, на темномъ небѣ, усѣянномъ звѣздами. По узкимъ и кривымъ улицамъ и закоулкамъ, едва освѣщеннымъ тусклымъ свѣтомъ фонарей, спѣшатъ, неслышно какъ тѣни, усердные богомольцы. Широкая паперть вся залита красноватымъ отблескомъ свѣчъ, широкою полосою падающимъ изъ открытыхъ дверей церкви, откуда едва слышно разносятся въ морозномъ воздухѣ стройные звуки органа и голоса молящихся въ святую ночь Рождества Христова.

Горе и радость. (Рис. на стр. 1349).

Въ счастливую и радостную пору праздниковъ особенно горько и тяжело тѣмъ, кто не можетъ, подъ бременемъ жизненныхъ невзгодъ, повеселиться и порадоваться какъ душѣ угодно. Въ то время какъ у людей зажиточныхъ идетъ пиръ горой, многіе бѣдняки не знаютъ чѣмъ утолить свой голодъ и куда приклонить голову.

Ф. Рейсъ на своей картинкѣ „Горе и радость“ живо и трогательно изобразилъ положеніе бѣдной матери, со слезами на глазахъ протягивающей своего ребенка къ ярко освѣщенному окну, за которымъ виднѣется богато изукрашенная и ярко освѣщенная елка. Дай Богъ, чтобы наша картинка, скромная, но правдивая, напомнила всѣмъ, веселящимся посреди довольства и роскоши, о тѣхъ несчастныхъ, которымъ суровая жизнь-мачиха приноситъ однѣ невзгоды и въ свѣтлый праздникъ. Посильная помощь имъ будетъ какъ разъ кстати — дорого яичко во Христовъ день.

Патріархъ привѣтствуетъ царя въ Крестовой палатѣ. (Рис. на стр. 1352).

Отношенія между патріархомъ и царемъ въ Московской Руси были самыя сердечныя, самыя близкія. Палаты „великаго Государя“ и „государя-патріарха“ были смежны въ Кремлѣ и сношенія были каждодневными. Цари Московскіе обязательно не пропускали въ теченіе года ни одного богослуженія и потому встрѣчались съ патіархомъ въ соборѣ каждое утро; часто цари посѣщали патріарха въ его палатахъ; часто и патріархъ навѣщалъ государей въ ихъ домашнемъ быту. Сверхъ того, и въ промежуткахъ между этими частыми свиданіями, происходили безпрестанныя „обсылки“ и обмѣны любезностей и ласковыхъ услугъ между патріаршимъ и царскимъ дворомъ. То царь, царица и царевны посылали патріарху его любимыя блюда со своего стола, то патріархъ со своими чиновниками посылалъ въ государевъ дворецъ разныя лакомства, угощенія и новинки, полученныя имъ въ даръ съ разныхъ концовъ Московскаго государства. Сверхъ всѣхъ этихъ отношеній, постояннымъ, установившимся обычаемъ было „привѣтствованіе государя“ патріархомъ въ великіе двунадесятые праздники. Для такого „привѣтствованія“ патріархъ, рано утромъ, являлся во дворецъ съ клиромъ и пѣвчими дьяками своего хора, подносся государю и всѣмъ членамъ царской семьи по иконѣ и, благословляя государя, кропилъ его покои святою водой. При этихъ случаяхъ и государь отдаривалъ патріарха и его клиръ, а иногда угощалъ патріаршихъ дьяковъ и „погребомъ“, т. е. приказывая имъ подносить меды и ренское вино. Одно изъ такихъ „привѣтствованій“ изображено художникомъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*.

На слегахъ. (Рис. на стр. 1356).

Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Великобританіи въ первый день новаго года можно наблюдать странный и небезинтересный обычай. По утру 1 января улицы бываютъ переполнены молодыми и стариками изъ низшаго класса общества, которые, можно сказать, насильно усаживаютъ прохожихъ на жерди или слеги, и носятъ ихъ затѣмъ по улицѣ. Сойти со слегъ разрѣшается только за плату. Женщины также не избѣгаютъ этого удовольствія. Для нихъ бываютъ приготовлены корзины, въ которыя усаживаются дамы и дѣвицы, затѣмъ шестъ пропускается сквозь ушки плетенки и прекрасная ноша перетаскивается по улицѣ. Несмотря на странность и стѣснительность этого обычая, онъ встрѣчается до сихъ поръ, и ему безпрекословно подчиняются гордые англичане, обыкновенно очень чопорные и щепетильные.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 10 декабря, въ Гатчинѣ, въ театрѣ Дворца, въ 9 час. вечера, состоялся концертъ, въ которомъ между прочимъ была исполнена кантата, посвященная Ея Императорскому Величеству, соч. П. Кроткова. Въ исполненіи кантаты участвовали артисты Имп. театровъ г-жа Мравина и г. Яковлевъ, хоръ Имп. русской оперы и придворный струнный оркестръ; дирижировалъ авторъ. Въ концертѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ, Е. И. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ и другія Особы Имп. Фамиліи.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Министру Финансовъ, отъ 8 декабря 1889 года, повелѣно предать, въ установленномъ порядкѣ, уничтоженію поступившіе въ платежи и оставшіеся отъ обмѣна билеты Государственнаго Казначейства: на 3 милл. руб. билетовъ срока 1891 года, на 3 милл. руб. билетовъ срока 1895 года и на 12 милл. руб. билетовъ срока 1896 года, а всего на сумму восемнадцать милліоновъ рублей.

Военное дѣло.

— Въ настоящемъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича Шефомъ 2-го военнаго Константиновскаго училища.

— Въ Баку, 7 декабря, въ 2 часа. во время разряженія гранатъ въ артиллерійскомъ складѣ, одна граната упала изъ рукъ работавшаго артиллериста и разорвалась. Произошелъ пожаръ, продолжавшійся болѣе трехъ часовъ; сгорѣлъ навѣсъ и складъ съ ракетами, гранатами и до ста тысячъ ружейныхъ патроновъ. Изъ 12 человѣкъ команды четверо получили обжоги и отправлены въ госпиталь, четверо не найдены, остальные спаслись. Пожаръ артиллерійскаго склада окончательно потушенъ только 12 декабря. Пострадало 11 человѣкъ: двое умерли въ лазаретѣ; одинъ еще живой, съ обгорѣлыми ногами, откопанъ изъ-подъ груды кирпича на другой день пожара; три трупа откопали изъ-подъ развалинъ по прекращеніи пожара; остальные получили тяжкія увѣчья. Слѣдствіе производится.

Промышленность.

— На Черномъ морѣ, въ скоромъ времени, появятся суда, спеціально приспособленныя для перевозки соли, добываемой на югѣ Россіи въ Донецкомъ округѣ. Починъ въ сооруженіи такихъ судовъ дѣлаетъ французская промышленная компанія, которая сдѣлала уже съ этой цѣлью заказы на судостроительныхъ заводахъ.

— Разработка минеральныхъ богатствъ Юга Россіи увеличилась открытіемъ новой спеціальности—ртутнаго дѣла. Въ настоящее время уже имѣется одинъ обширный и хорошо устроенный заводъ (близъ станціи Никитовки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги), на которомъ получается до 12 тыс. пудовъ ртути.

— Громадная паровая мельница въ Саратовѣ братьевъ Рейнеке 11 декабря ночью сгорѣла до основанія. Убытокъ до пятисотъ тысячъ рублей.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Ялты, отъ 10 декабря, городской голова телеграфируетъ, что извѣстіе, будто работы на молѣ, вслѣдствіе инфлуэнцы, прекращены и школы закрыты, невѣрно.

— Въ Батумѣ, 12 декабря, ночью сгорѣли магазины и лавки по набережной около таможни, всего 16 нумеровъ.

— Изъ Нерчинска, отъ 8 декабря, телеграфируютъ, что ночью на 6-е число, въ 2 часа 15 минутъ, было землетрясеніе, которое чувствовалось отъ Читы до Нерчинскаго завода. Въ Верхнеудинскѣ былъ одинъ сильный ударъ.

— Въ ночь на 14 минувшаго ноября, въ 11 ч. 50 м., въ гор. Ташкентѣ ощущалось легкое землетрясеніе, сопровождавшееся слабымъ подземнымъ гуломъ. Направленіе сотрясенія было съ сѣверо-востока на юго-западъ.

— Въ Мервѣ, 6 декабря, въ присутствіи начальника области и чиновъ управленія Мургабскимъ Государевымъ имѣніемъ, состоялась закладка каменныхъ работъ для возстановленія древней Султанбекской плотины, а 7 декабря состоялись освященія и закладка Императорскаго павильона въ Байрамали — центрѣ управленія имѣніемъ.

Количество больныхъ инфлуэнцой въ войскахъ мервскаго гарнизона достигаетъ 35%; среди населенія городовъ Кизилъ-Арвата, Асхабада, Мерва и Чарджуя много больныхъ инфлуэнцой.

Некрологъ.

— 12 декабря, въ городѣ Ментонѣ, во Франціи, скончался лейбъ-медикъ, заслуженный профессоръ военно медицинской академіи, тайный совѣтникъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Политическое обозрѣніе.

Рождественскіе праздники внесли полный застой въ политическую жизнь Западной Европы. Въ Парижѣ чрезвычайная сессія палаты закрыта, депутаты разъѣхались. То же замѣчается и въ другихъ государствахъ. Чешскій сеймъ, прекратившій засѣданія послѣ извѣстнаго событія вызваннаго чествованіемъ Гуса, будетъ созванъ въ январѣ на непродолжительную дополнительную сессію, ходатайство же Галицкаго сейма относительно дополнительной сессіи правительствомъ отклонено.

Послѣднія засѣданія Австрійскаго сейма продолжаютъ быть предметомъ газетныхъ пересудовъ. Объ отвѣтѣ графа Таафе на запросъ относительно чешскаго государственнаго права старочешскіе органы отзываются довольно благопріятно, младочешскіе же, напротивъ, подвергаютъ рѣчь министра сильнымъ нападкамъ. Венгерскія оппозиціонныя газеты говорятъ, что графъ Таафе ловко избѣгнулъ устроенной ему нѣмецкою оппозиціею ловушки.

Во Франціи газеты занимаются обсужденіемъ дѣйствій палаты относительно признанія ею недѣйствительными выборовъ нѣсколькихъ вліятельныхъ буланжистовъ. Самъ Буланже напечаталъ прокламацію, въ которой генералъ протестуетъ противъ кассаціи его избранія и признанія законнымъ избранія Жоффрена. „Придетъ время, говорится въ концѣ манифеста, когда вы, покончивъ съ парламентаризмомъ, разоряющимъ и ослабляющимъ Францію, и образовавъ дѣйствительно демократическую республику, возвратите народу его державныя права. Въ тотъ день вы можете смѣло разсчитывать на мое содѣйствіе, какъ я разсчитываю на ваше.“

Что касается внѣшней политики, *Temps* сообщаетъ, что французское правительство готово согласиться на конверсію египетскаго долга, если Англія выразитъ готовность очистить Египетъ отъ англійскихъ войскъ. Кромѣ того, французское правительство намѣрено посовѣтовать употребить вырученную изъ конверсіи сумму на увеличеніе численности египетской арміи при соотвѣтственномъ сокращеніи численности англійскихъ войскъ.

Сообщенное нѣкоторыми газетами извѣстіе о врученіи представителями державъ въ Аѳинахъ ноты относительно Крита сводится лишь къ тождественнымъ указаніямъ со стороны представителей Греціи при иностранныхъ правительствахъ на плачевное положеніе, созданное на островѣ Критѣ султанскимъ фирманомъ. Объ этомъ фирманѣ *Times* отзывается неодобрительно и говоритъ, что Порта распорядилась безъ великихъ державъ и безъ Греціи, и что поэтому фирманъ не имѣетъ еще поддержки европейскихъ державъ, а Грецію можетъ вынудить выйти изъ нейтральнаго положенія. „Амнистія — прибавляетъ газета — является, съ точки зрѣнія практическихъ цѣлей, иллюзіею“.

Въ орлиномъ гнѣздѣ черногорскихъ юнаковъ продолжаются бѣдствія голода. Газетѣ *Temps* телеграфируютъ изъ Бѣлграда, отъ 9 (21) декабря, что нищета въ Черногоріи увеличивается, несмотря на оказываемую помощь. Голодъ въ странѣ достигъ такихъ размѣровъ, что жители выселяются цѣлыми селеніями. Въ Сербію, какъ извѣстно, выселилось уже болѣе 7,000 черногорцевъ, и сербское правительство оказываетъ имъ посильную помощь, но, къ несчастью, финансы этого государства не въ блестящемъ положеніи и населеніе его также нуждается. Въ виду этого сербское правительство оказалось вынужденнымъ предупредить князя Николая, что оно не можетъ болѣе принимать черногорскихъ переселенцевъ, а потому 2,000 человѣкъ, направлявшихся въ Сербію, должны были возвратиться домой, несмотря на свое ужасное положеніе.

Въ Сербіи бюджетъ, разсмотрѣнный по статьямъ, принятъ въ первомъ чтеніи. Назначена субсидія въ 30,000 пароходному обществу, которое будетъ имѣть связь съ пароходствомъ князя Гагарина; ассигновано 300,000 для поддержанія сербскихъ школъ внѣ предѣловъ королевства. *Одекъ*, привѣтствуя рѣшеніе скупщины относительно дороги Радуевацъ-Нишъ, выясняетъ экономическое значеніе этой линіи, соединяющей страну съ Нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Скупщина занята организаціей государственнаго совѣта.

За океаномъ дѣла обстоятъ не совсѣмъ благополучно. Послѣднія извѣстія иностранныхъ газетъ о положеніи дѣлъ въ Бразиліи не особенно благопріятны для временнаго правительства, которое, для того чтобы удержаться во власти, начинаетъ прибѣгать къ террору. Во многихъ провинціяхъ и городахъ начинаетъ обнаруживаться неудовольствіе. Въ Маракамѣ гражданское населеніе возстало, а на улицахъ города произошла рѣзня. Войска подавили возстаніе, и 20 гражданъ были разстрѣляны. Особенно сильное неудовольствіе сказывается въ обширной и богатой провинціи Ріо-Гранде-до-Суль, населеніе которой отказывается повиноваться Фонсекѣ и предпочитаетъ присоединиться къ Уругваю. Въ то-же время, временное правительство успѣло издать декретъ о производствѣ общихъ выборовъ 15 августа и о созывѣ учредительнаго собранія къ 15 ноября. Тѣмъ же декретомъ императоръ Домъ-Педро и его семья, а также бывшій первый министръ Оуро-Прето и его братъ Карлосъ-Алонсо изгоняются изъ Бразиліи, а Сильвейра, губернаторъ Ріо-Гранде-до-Суль, осуждается на ссылку. Распоряженіе о выдачѣ Домъ-Педро пяти милліоновъ мильрейсовъ отмѣняется и уплата ему ежегодной пенсіи пріостанавливается.

Рождество Христово. Патріархъ здравствуетъ государя въ Золотой палатѣ.
Ориг. рис. (собств „Нивы") Ѳ. Бухгольца, грав. Шюблеръ.

Къ нашимъ читателямъ.

По обычаю прежнихъ лѣтъ, мы заканчиваемъ и нынѣшній годъ—**двадцатый годъ существованія „Нивы“**—бесѣдою съ читателями. Невольно оглядываясь назадъ, по поводу этой годовщины, мы можемъ сказать, что двадцатилѣтній періодъ, пережитый „**Нивою**“, прожитъ нами не даромъ. Мы много трудились и работали за это время, не жалѣя ни силъ, ни издержекъ на то, чтобы придать „**Нивѣ**“ значеніе русскаго семейнаго журнала, въ которомъ каждый членъ семьи могъ бы найти чтеніе по себѣ, занимательное и полезное, нравственно-успокоивающее и развлекающее. Ради этой цѣли мы постоянно старались собрать на страницахъ „**Нивы**“ все, что могли доставить намъ новаго и важнаго — русская литература, русская наука и русское искусство, въ то же время отдавая должную дань и отводя видное мѣсто въ нашемъ журналѣ всѣмъ выдающимся явленіямъ въ области литературы, науки и искусства Европейскаго Запада.

Въ виду нашей долгой, двадцатилѣтней дѣятельности, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что мы принесли извѣстную долю пользы народному просвѣщенію и до нѣкоторой степени способствовали развитію вкуса къ искусству въ самыхъ далекихъ углахъ нашего обширнаго отечества. За этотъ трудъ, тяжелый и упорный, мы были вознаграждены со стороны русскаго общества такимъ вниманіемъ, какого до сихъ поръ еще не удостоивался ни одинъ изъ нашихъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Такое вниманіе общества къ нашей дѣятельности избавляетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ рекламамъ, къ громкимъ фразамъ и трескучимъ заявленіямъ, столь обычнымъ въ объявленіяхъ о подпискѣ на многія иллюстрированныя изданія. Намъ не нужно заманивать читателя неисполнимыми обѣщаніями, не нужно сулить ему чуть не сотню всякихъ премій и приложеній... Мы не расчитываемъ на легковѣріе публики и основываемъ нашу дѣятельность и нашъ успѣхъ на болѣе прочныхъ и болѣе нравственныхъ началахъ; притомъ-же, мы смѣемъ думать, что нашъ подписчикъ свыкся съ нашимъ журналомъ и привыкъ довѣрять намъ настолько, насколько мы уважаемъ его нравственныя и умственныя потребности. Поэтому, вмѣсто всякой рекламы, мы можемъ только заявить, что и въ будущемъ году, неуклонно и твердо, пойдемъ своею, самостоятельною дорогою, и несмотря на то, что нашъ успѣхъ расплодилъ кругомъ насъ очень много неуклюжихъ подражателей, мы сами никому подражать не собираемся.

Нужно-ли упоминать о томъ, что въ прошломъ году мы съумѣли привлечь къ участію въ нашемъ журналѣ лучшія русскія литературныя и художественныя силы, въ лицѣ извѣстныхъ русскихъ писателей: Ахшарумова, Вейнберга, гр. Голенищева-Кутузова, Голицына-Муравлина, Данилевскаго, Крестовской, Майкова, Немировича-Данченко, Полонскаго, гр. Саліаса и многихъ друг., и художниковъ: Бакаловича, Волкова, Дмитріева-Оренбургскаго, Каразина, Кившенка, Клевера, Клодта, Кошелева, Лагоріо, К. и В. Маковскихъ, Позена, Сверчкова, Суходольскаго, Трутовскаго, Шарлеманя, Шишкина и многихъ др. Точно такъ же и въ будущемъ году мы соберемъ на страницахъ нашего журнала произведенія наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ публикою литераторовъ и художниковъ... Читатели наши, вѣроятно, въ этомъ не сомнѣваются, и 20-ти лѣтіе, пережитое „**Нивою**“, можетъ служить имъ достаточнымъ ручательствомъ за будущее.

Но мы долгомъ считаемъ добавить, что успѣхъ, нами достигнутый, нимало не обольщаетъ насъ. Напротивъ, въ данную минуту, болѣе, чѣмъ когда-либо, мы сознаемъ важность нашей задачи и значеніе нашихъ обязанностей передъ обществомъ, и будемъ такъ же ревностно и скромно трудиться на нашемъ поприщѣ, какъ и въ прошлые годы. Всѣ средства, какія современная типографская и литографская техника могла намъ доставить, уже внесены въ послѣдніе два года въ наше дѣло, и мы думаемъ широко воспользоваться всѣми этими усовершенствованіями и приспособленіями для улучшенія нашего журнала. Вступая нынѣ въ третье десятилѣтіе нашей издательской дѣятельности, мы постараемся сдѣлать все отъ насъ зависящее и для насъ возможное, чтобы русская „**Нива**“ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія могла быть достойна того великаго отечества, изученію котораго и въ будущемъ году нашъ журналъ посвятитъ всецѣло свои страницы.

И такъ, съ благодарностью за прошлое и съ спокойною вѣрою въ будущее, мы шлемъ нашимъ читателямъ привѣтъ съ наступающимъ Новымъ Годомъ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Библіографія.

Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ", издаваемый Ф. А. Куманинымъ подъ редакціей А. Р. Гиппіуса. Москва. 1889.

Первыя три книжки ежемѣсячнаго журнала „Артистъ", появившіяся съ октября истекающаго года, обращаютъ на себя вниманіе какъ единственный сколько-нибудь значительный органъ театральнаго дѣла. Любители драматическаго искусства найдутъ въ журналѣ не мало интереснаго, а начинающіе актеры и устроители домашнихъ спектаклей—много полезныхъ указаній, напр. относительно грима (цѣлая статья съ рисунками), устройства домашней сцены (съ чертежами) и т. п. Въ каждой книжкѣ помѣщается 3—4 новыя оригинальныя піесы русскихъ авторовъ, переводныя изъ болѣе или менѣе классическаго репертуара, статьи о драматическомъ искусствѣ, повѣсти и разсказы изъ театральнаго быта, воспоминанія и переписка извѣстныхъ актеровъ, театральная хроника и проч.; а также 2—3 копіи съ извѣстныхъ картинъ. Можно бы пожелать болѣе строгаго выбора печатаемыхъ піесъ и вообще бо́льшей гармоніи во взглядахъ сотрудниковъ на искусство, но нельзя не поблагодарить издателя и за то что́ онъ даетъ.

За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей А. В. Круглова. СПБ. 1889 Какъ многія произведенія этого талантливаго писателя, написанныя для дѣтскаго возраста, повѣсть „За чужимъ горбомъ" написана просто, безъ претензій, интересна по содержанію и не содержитъ никакой предвзятой тенденціи. Авторъ умѣетъ говорить съ дѣтьми и умѣетъ затронуть добрыя чувства ребенка, и оттого-то дѣти съ такимъ удовольствіемъ читаютъ его произведенія. **(П. Б—въ).**

Смѣсь.

Обличительный хвостъ. Въ 1821 году императоръ Александръ I, находясь въ Крыму, посѣтилъ тамошнее военное поселеніе. Около обѣденнаго времени онъ ходилъ по жилищамъ поселенцевъ, съ цѣлью посмотрѣть, хорошо-ли имъ живется. Повсюду находилъ онъ накрытый столъ и на немъ жаренаго поросенка. Сопровождавшій императора князь Волконскій заподозрилъ обманъ. Ни для кого незамѣтно, отрѣзалъ онъ въ одномъ домѣ у поросенка хвостъ и спряталъ въ карманъ. Въ слѣдующемъ жилищѣ, куда они потомъ направились, опять на накрытомъ столѣ стоялъ поросенокъ—но безъ хвоста. „А, это кажется нашъ старый знакомый", замѣтилъ князь Волконскій, указывая на жаркое. Государь потребовалъ объясненія. Князь вынулъ изъ кармана хвостъ и подставилъ къ поросенку: хвостъ какъ разъ пришелся къ мѣсту.

Оказалось, что по мѣрѣ посѣщенія государемъ поселенцевъ, поросенокъ быстро переносился изъ одного дома въ другой. Но князь Волконскій дорого поплатился за свое открытіе. Онъ не только пріобрѣлъ себѣ смертельнаго врага въ лицѣ завѣдывавшаго военнымъ поселеніемъ, но еще навлекъ на себя и гнѣвъ императора. (N.)

Случай съ гр. Л. Н. Толстымъ. Въ воспоминаніяхъ А. Фета разсказывается о случаѣ, который произошелъ съ нашимъ знаменитымъ романистомъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и едва не стоилъ ему жизни. С. С. Громека пригласилъ братьевъ Толстыхъ на медвѣжью охоту въ Вышній-Волочекъ. Охотникамъ рекомендовали пошире отоптать вокругъ себя глубокій снѣгъ, чтобы получить возможно большую свободу движеній. Но Левъ Николаевичъ, становясь на указанномъ мѣстѣ, чуть не по поясъ въ снѣгу, объявилъ отаптываніе лишнимъ, такъ какъ дѣло состояло въ стрѣляніи медвѣдя, а не въ ратоборствѣ съ нимъ. Въ такомъ соображеніи, графъ ограничился тѣмъ, что поставилъ свое заряженное ружье къ стволу дерева такъ, чтобы, выпустивъ два своихъ выстрѣла, бросить свое ружье и, протянувъ руку, схватить ружье сосѣда, которымъ былъ А. А. Шеншинъ (А. Фетъ). Поднятая съ берлоги громадная медвѣдица не заставила себя долго ждать. Спасаясь отъ преслѣдователей, звѣрь внезапно очутился въ самомъ недалекомъ разстояніи на просѣкѣ противъ Толстаго, на котораго стремительно и помчался. Спокойно прицѣлясь, Левъ Николаевичъ спустилъ курокъ, но, вѣроятно, промахнулся, такъ какъ въ клубѣ дыма увидѣлъ предъ собою набѣгающую массу, по которой выстрѣлилъ почти въ упоръ и попалъ пулей въ зѣвъ, гдѣ она завязла между зубами. Отпрянуть въ сторону графъ не могъ, такъ какъ не отоптанный снѣгъ не давалъ ему простора, а схватить ружье г. Шеншина онъ не успѣлъ, получивши въ грудь сильный толчокъ, отъ котораго навзничь повалился въ снѣгъ. Медвѣдица съ разбѣга перескочила черезъ него. „Ну,—подумалъ графъ, — все кончено. Я далъ промахъ и не успѣю выстрѣлить по ней въ другой разъ". Но въ ту же минуту онъ увидалъ надъ головой что-то темное. Это была медвѣдица, которая мгновенно, вернувшись назадъ, старалась прокусить черепъ раннившему ее охотнику. Лежавшій навзничь, какъ связанный, въ глубокомъ снѣгу, гр. Толстой могъ оказывать только посильное сопротивленіе, стараясь по возможности втягивать голову въ плечи и подставлять мохнатую шапку подъ зѣвъ животнаго. Быть-можетъ, вслѣдствіе такихъ инстинктивныхъ пріемовъ, звѣрь, промахнувшись зубами раза два, успѣлъ дать только одну значительную хватку: прорвалъ верхними зубами щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвалъ нижними зубами всю лѣвую половину кожи со лба. Въ эту роковую минуту другіе охотники спугнули криками звѣря, который, покинувъ свою жертву, убѣжалъ безъ оглядки въ лѣсъ. (в.)

Пребываніе въ Петербургѣ Буше. Знаменитый скрипачъ Буше и фигурой, и лицомъ былъ очень похожъ на Наполеона I. Вскорѣ послѣ второй реставраціи онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и давалъ концерты. Однажды вечеромъ онъ игралъ въ избранномъ обществѣ, въ домѣ у Нарышкина. Въ числѣ гостей былъ и императоръ Александръ I. Онъ долго и пристально смотрѣлъ со своего мѣста на артиста, а когда тотъ кончилъ играть, подошелъ къ нему и весьма любезно пригласилъ его на завтра, въ такомъ-то часу, въ Зимній дворецъ. Буше съ точностью явился въ назначенный часъ. Его встрѣтилъ придворный лакей и провелъ въ комнату, гдѣ артистъ, къ великому своему удивленію, увидѣлъ на диванѣ треуголку, шпагу, французскій генеральскій мундиръ и офицерскій крестъ Почетнаго Легіона. Минуту спустя, явился и императоръ Александръ, милостиво привѣтствовалъ Буше и сказалъ ему: „Вотъ въ чемъ дѣло. Всѣ эти вещи принадлежали императору Наполеону и найдены въ Москвѣ. Я много слышалъ о вашемъ сходствѣ съ нимъ, но нахожу его еще поразительнѣе, чѣмъ ожидалъ. Моя матушка очень сожалѣетъ, что никогда не видѣла Бонапарта. Будьте такъ любезны, надѣньте этотъ мундиръ и пойдемте къ ней. Въ васъ она увидитъ вѣрное изображеніе Наполеона и будетъ вамъ очень благодарна".

Буше охотно повиновался и тотчасъ переодѣлся. Императоръ ввелъ его въ комнату царицы и сказалъ ей, что теперь она можетъ быть такъ же довольна, какъ еслибы видѣла самого Наполеона: артистъ былъ, какъ двѣ капли воды, на него похожъ. (N.)

Всѣмъ сестрамъ по сергамъ. Извѣстный нашъ поэтъ А. А. Шеншинъ (Фетъ) въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ упоминаетъ также о разныхъ московскихъ кружкахъ, Станкевича, Грановскаго, Кетчера и другихъ. Къ этимъ кружкамъ принадлежалъ, между прочимъ, и адъюнктъ Московскаго университета, докторъ Никулинъ, весельчакъ и эпикуреецъ, не любившій вдаваться въ метафизическія тонкости и не упускавшій случая подшутить надъ своими друзьями. Обычные гости Никулина собирались на Рождество въ его кабинетѣ къ вечернему чаю. „Теперь, сказалъ хозяинъ, пойдемте въ залу!" И когда гости вошли вслѣдъ за хозяиномъ, послѣдній съ хохотомъ указалъ на елку, убранную какими-то свертками бѣлой бумаги. „Господа, прибавилъ Никулинъ, позвольте раздать вамъ соотвѣтственные подарки." При этомъ, развертывая бумагу, онъ подалъ еще не старому, но совершенно лысому Станкевичу банку розовой помады и конскій гребень, увѣряя, что первая отраститъ у него такіе волосы, которыхъ обыкновенный гребень не прочешетъ. Захохоталъ, разумѣется, громче всѣхъ Кетчеръ, и Никулинъ, развернувъ свертокъ, подалъ ему собачій намордникъ. Е. Ѳ. Коршъ, вѣчно страдавшій отъ холодныхъ квартиръ, получилъ валенки и теплыя рукавицы для чтенія корректуръ. Аѳанасьевъ (А. Н.) получилъ въ подарокъ кусокъ мыла и банную мочалку. Кто-то еще получилъ косушку водки. Когда всѣ подарки были розданы, поднялся Станкевичъ и сказалъ: „Догадываясь о сюрпризѣ, ожидавшемъ насъ со стороны любезнаго хозяина, мы со своей стороны припасли и для него подарокъ." И доставая изъ кармана дѣтскую соску, украшенную розовымъ бантомъ, онъ передалъ ее хозяину. „Такимъ образомъ, замѣтилъ Коршъ, мы, господа, кончаемъ „соцеологіей." (б.)

Проворный архитекторъ. Быстрое возведеніе зданій не составляетъ особенности исключительно нашего времени. И въ прежніе годы, когда того требовали обстоятельства, съ необычайною скоростью воздвигались громадныя зданія и памятники. Напримѣръ, въ 1781 году, архитекторъ Луи выстроилъ въ Парижѣ великолѣпный театръ Porte-St. Martin, въ почти невѣроятно короткій, двухмѣсячный срокъ. Старый оперный театръ сгорѣлъ, и слѣдовало позаботиться о наискорѣйшемъ возобновленіи оперныхъ спектаклей. Это и было поводомъ къ постройкѣ, да еще столь быстрой, театра Porte-St. Martin. Архитектору давали три мѣсяца сроку. „Доставьте мнѣ необходимыя средства, возразилъ онъ, то есть дайте мнѣ столько рабочихъ рукъ, сколько я потребую, и театръ будетъ готовъ не въ три, а въ два мѣсяца." И онъ сдержалъ слово. Составили и подписали контрактъ. Луи потребовалъ 300 работниковъ. Ему поставили ихъ вдвое больше и въ томъ числѣ 400 плотниковъ. Архитекторъ прежде всего приступилъ къ измѣренію, уравненію и укрѣпленію грунта: 200 рабочихъ исполнили это въ первую же ночь. Одновременно 200 плотниковъ было на почтовыхъ отправлено въ Фонтенебло и столько же въ Сенъ-Жерменъ, для заготовки необходимаго лѣса. На третій день въ четыре часа пополудни, въ Парижъ уже въѣзжала первая партія строительнаго матеріала. Пятый день архитекторъ провелъ въ составленіи плана. На слѣдующее утро къ нему, съ восьми часовъ утра, стали являться разные поставщики и мастера. Архитекторъ представилъ имъ совсѣмъ готовый планъ театра, съ залой для зрителей, гдѣ были обозначены ложи, кресла и другія мѣста, съ фойе и т. д. Когда всѣ достаточно ознакомились съ планомъ, было приступлено къ возведенію фундамента. Архитекторъ раздѣлилъ рабочихъ на три группы, которыя, смѣняя одна другую, ни днемъ, ни ночью не переставали работать, каждая по восьми часовъ подъ-рядъ. По истеченіи 58 дней,

все зданіе было возведено. Главный подрядчикъ потребовалъ еще двѣнадцать дней, чтобы снять лѣса и подмостки, ссылаясь на то, что, при большей скорости, нельзя было бы избѣжать несчастныхъ случаевъ. Но это былъ только предлогъ. На самомъ дѣлѣ, онъ хотѣлъ подвести подъ штрафъ архитектора, которымъ, почему-то, считалъ себя обиженнымъ. Еслибы Луи уступилъ этому требованію, ему, по условію, неминуемо пришлось бы заплатить изъ своего кармана за девять лишнихъ (сверхъ двухъ мѣсяцевъ) дней. Но онъ понялъ умыселъ подрядчика и, не вступая съ нимъ ни въ какія объясненія, пригласилъ себѣ на подмогу роту солдатъ, вооружился массой веревокъ, канатовъ, и 20 минутъ спустя зданіе было освобождено отъ лѣсовъ. Прошло еще два дня—и театръ стоялъ совсѣмъ готовый снаружи и внутри. Цѣлый вѣкъ пронесся надъ этимъ зданіемъ. Въ 1881 году его, именно вслѣдствіе давности, подвергли тщательному освидѣтельствованію. Оказалось, что театръ Porte-St. Martin, несмотря на быстроту, съ какою онъ былъ построенъ, нисколько не уступаетъ въ прочности другимъ зданіямъ, на сооруженія которыхъ пошло гораздо больше времени. (N.)

Неравная борьба. Нѣкто Фр. Кохъ разсказываетъ слѣдующее: „Прошлой весной я имѣлъ случай наблюдать крайне интересное зрѣлище правильнаго нападенія двухъ ехиднъ на одного вола. Фактъ этотъ можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что многія животныя инстинктивно сознаютъ ядовитость зубовъ ехидны, что я замѣчалъ уже раньше на своихъ кошкахъ, которыя ловятъ ящерицъ и ужей, но никогда не отваживаются дотронуться до живой ехидны.

„Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Однажды, гуляя въ полдень, я встрѣтилъ одного знакомаго, пахавшаго землю. Онъ выпрягъ своихъ воловъ, чтобы они могли пастись на свободѣ. Одинъ изъ нихъ съ большимъ наслажденіемъ сталъ щипать молодую, сочную траву на краю поля, между тѣмъ какъ мы, усѣвшись на плугъ, болтали о разныхъ разностяхъ. Вдругъ мы услышали громкое, тревожное фырканье вола; онъ свернулъ хвостъ кольцомъ, пригнулъ голову къ землѣ, и вообще приготовился къ битвѣ. Подойдя ближе, мы увидѣли двухъ большихъ — болѣе трехъ футовъ длиною—ехиднъ, которыя, стоя рядомъ на кончикахъ хвоста, медленно, съ шипѣніемъ наступали на вола, между тѣмъ какъ рогатый противникъ ихъ, съ пригнутой головою, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, медленно отступалъ назадъ. Для насъ это было во всѣхъ отношеніяхъ интересное зрѣлище: съ одной стороны, сильный, здоровый волъ, который однимъ ударомъ копыта могъ бы сбросить змѣй на землю и, однако, инстинктивно сознавая опасность, отступалъ и, какъ болѣе благоразумный, уступалъ поле битвы; съ другой стороны, увѣренныя въ побѣдѣ ехидны, выпрямившись какъ два гренадера, твердо и мѣрно двигались впередъ, съ блестящими глазами и вытянутыми въ сторону врага тоненькими головками.

„Я охотно прослѣдилъ бы продолженіе борьбы, но видя безпокойство моего друга о принадлежащемъ ему животномъ, счелъ нужнымъ прекратить зрѣлище и потому сбросилъ обѣихъ ехиднъ на пашню, гдѣ затѣмъ могъ ихъ поймать и сдѣлать безопасными.

„По всей вѣроятности, пасшійся волъ обезпокоилъ ехиднъ, удобно расположившихся подъ теплыми весенними лучами солнца, а потому нельзя имъ поставить въ особый упрекъ, если онѣ пожелали прогнать нарушителя ихъ спокойствія“. (с).

Бездымный порохъ. Въ послѣднее время много толкуютъ о введеніи новаго бездымнаго пороха для ружей уменьшеннаго калибра. Изъ напечатаннаго по распоряженію Главнаго артиллерійскаго управленія ко дню 500-лѣтней годовщины русской артиллеріи „Очерка преобразованій современной артиллеріи,“ видно, что изысканія надъ приготовленіемъ новаго пороха на Охтенскомъ близь Петербурга заводѣ начались въ октябрѣ 1888 года, а къ лѣту текущаго года заводъ уже представилъ въ коммисію по испытанію магазинныхъ ружей первые образцы приготовленнаго имъ бездымнаго пороха, найденные по испытаніи вполнѣ удовлетворительными, такъ что въ настоящее время Охтенскому заводу предстоитъ только выработать и установить валовую фабрикацію бездымнаго пороха. (в.)

Божья коровка. Кто не знаетъ маленькаго, хорошенькаго, полукруглаго жучка, чаще всего краснаго, съ черными или желтыми крапинками, а иногда и совсѣмъ краснаго, желтаго или коричневаго, который носитъ названіе Божьей коровки. Научное имя жучка, Coccinella, прямо указываетъ на его цвѣтъ, напоминающій кошениль. Безвредность Божьей коровки давно всѣми признана, о чемъ свидѣтельствуетъ и наиболѣе распространенное прозвище ея. Но гораздо менѣе извѣстна польза, приносимая ею и которая заслужила ей также названіе *тлеѣда*. Тля, или травяная вошь, съ изумительной быстротой плодится на разныхъ растеніяхъ, изъ которыхъ многія даже имѣютъ свой собственный видъ ея. Тля, въ свою очередь, кормитъ Божью коровку и преимущественно личинку ея, которая въ огромномъ количествѣ пожираетъ это насѣкомое и тѣмъ самымъ противодѣйствуетъ его безконечному распложенію. Вотъ вѣтка розы: она сплошь осыпана тлей блѣдно-зеленаго цвѣта, такъ что издали имѣетъ видъ моховой розы. Всмотритесь попристальнѣе, и вы увидите на ней продолговатую, точно съ зазубринами личинку. Она передними ножками хватаетъ одну за другой тлю и высасываетъ ее: отъ послѣдней черезъ нѣсколько дней на вѣткѣ розы останется только пустая пожелтѣвшая шелуха. Если въ числѣ нашихъ читателей есть любители и любительницы розъ, мы совѣтуемъ имъ снабжать разводимые ими кусты розъ Божьими коровками и предоставлять послѣднимъ безпрепятственно плодиться. Сколько бы на розахъ ни было тли, она въ нѣсколько дней вся исчезнетъ. (N.)

Вопросъ о томъ, сколько времени курица можетъ прожить безъ пищи, разрѣшается слѣдующимъ случаемъ. Въ селеніи Унзебургъ, близь Егельна, подъ тяжелымъ товарнымъ ящикомъ была найдена курица, пропавшая за 21 день передъ тѣмъ. Она была жива, но превратилась въ скелетъ. Очевидно, при паденіи ящика, курица была имъ прикрыта и пробыла все время въ заключеніи, не имѣя возможности добывать пищу. По своемъ освобожденіи, она тотчасъ же принялась за кормъ, и такимъ образомъ удалось сохранить ее въ живыхъ. (с)

Оригинальное страховое общество. Обычай страховать жизнь и имущество въ послѣднее время сильно распространился. Но, несмотря на процвѣтаніе у насъ разныхъ страховыхъ обществъ, обычай этотъ все еще не такъ привился въ Россіи, какъ въ Англіи и въ Америкѣ. Почему — это легко объяснить. Страховка у насъ сопровождается массой формальностей; въ Англіи же это дѣлается очень просто. Напримѣръ: Англичанину, который хочетъ застраховать свою жизнь „противъ несчастныхъ случаевъ на желѣзной дорогѣ, между Дувромъ и Лондономъ,“ достаточно купить за пенни № журнала: „Tit-Bits,“ издаваемаго дѣйствующимъ по этой линіи страховымъ обществомъ. Въ случаѣ несчастія, или самъ пострадавшій, или наслѣдники его получаютъ 100 фунтовъ стерлинговъ (1,000 руб. сер.) за каждый найденный при немъ нумеръ вышеозначеннаго журнала. Это оригинальное общество имѣетъ большой успѣхъ и, право, заслуживаетъ подражанія. (N.)

Средство противъ морской болѣзни. Всякому болѣе или менѣе извѣстны тѣ мучительныя страданія, какія претерпѣваетъ большинство путешественниковъ на морѣ, особенно въ первые дни плаванія. Интересно, что испытываемыя при этомъ случаѣ, въ той или другой степени силы, проявленія болѣзни, головокруженіе и тошнота, не обусловливаются непремѣнно бурею; нѣтъ, всѣ эти явленія морской болѣзни имѣютъ мѣсто даже и при совершенно покойномъ состояніи поверхности морской воды — и разница состоитъ лишь въ томъ, что вообще мучительныя страданія людей въ послѣднемъ случаѣ дѣлаются нестерпимыми, доводящими до совершенной потери сознанія, во время морской бури.

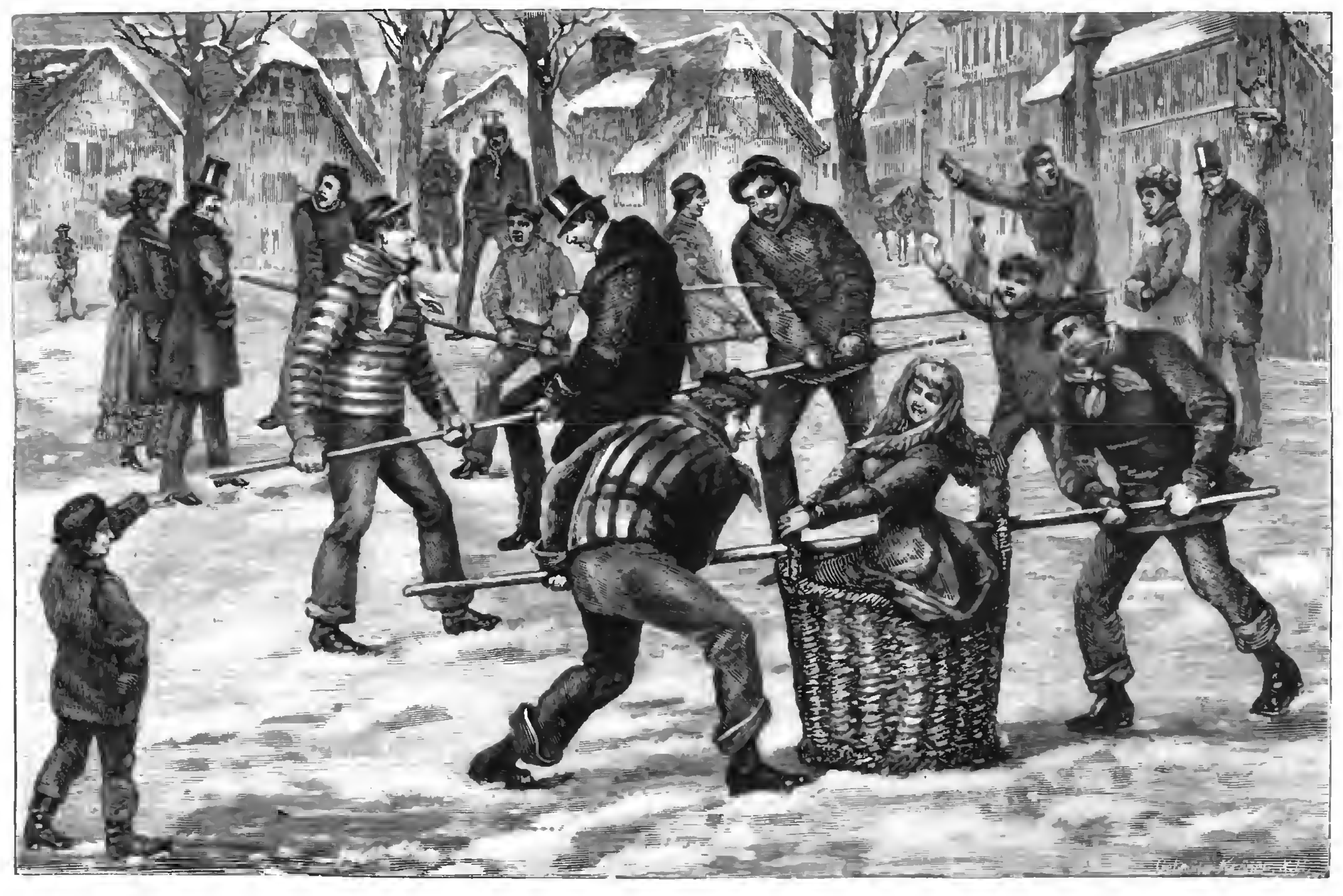
Много извѣстно средствъ отъ головокруженія и тошноты, но всѣ эти пріемы оказываются весьма мало полезными при морской болѣзни, такъ какъ, дѣйствуя не на корень заболѣванія, они лишь временно какъ-бы ослабляютъ силу того или другаго симптома страданія. Отсюда возможно большее наполненіе желудка пищею передъ выходомъ въ море, сосаніе лимона при тошнотѣ или глотаніе кусочковъ льду, лежачее и спокойное положеніе больнаго при головокруженіи, всякіе спирты, компрессы и т. п. средства — недѣйствительны.

По наблюденіямъ врачей, существенною причиною заболѣванія морскою болѣзнью слѣдуетъ признать сотрясенія, претерпѣваемыя, вслѣдствіе качательнаго движенія морскаго судна, брюшными внутренностями и въ особенности печенью, которая, раздражаясь, производитъ изліяніе желчи въ кишки и желудокъ, а отсюда—тошнота и рвота. Совѣтуютъ, поэтому, за 4—6 часовъ до занятія мѣста на морскомъ пароходѣ, ѣсть питательную пищу и потомъ пить только немного чаю, кофе, вина и лишь по прошествіи 24 часовъ вновь начать съ питательной, но легко переваримой пищи, и то лишь въ небольшомъ количествѣ. (о.)

Пѣтушьи бои. Въ Казани, по словамъ мѣстныхъ газетъ, очень много любителей пѣтушиныхъ боевъ. Особенно процвѣтаетъ этотъ спортъ между коренными обитателями Суконной Слободы. Боевые пѣтухи пріобрѣтаются здѣшними любителями за большія деньги; хорошіе экземпляры выписываются даже изъ Москвы, изъ Охотнаго ряда. Самые бои происходятъ слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день, обыкновенно какой-нибудь праздникъ, владѣльцы боевыхъ пѣтуховъ собираются по приглашенію къ какому-нибудь любителю, который устраиваетъ у себя на дворѣ небольшую арену, усыпанную пескомъ. Прежде чѣмъ спустить на арену принесенныхъ съ собою пѣтуховъ, любители тщательно осматриваютъ экземпляры назначенные къ бою. Оцѣнивая ихъ боевыя качества, они держатъ между собою пари, сумма которыхъ бываетъ различна, смотря по состоянію соревнователей. Бьются объ закладъ часто и посторонніе зрители. Наконецъ, пѣтуховъ—за разъ не болѣе одной пары—спускаютъ на арену, и бой начинается. Если спущенные бойцы окажутся равными по силѣ и ловкости, то побоище кончается при сравнительномъ спокойствіи публики, и измученные въ конецъ пернатые враги уносятся съ арены, причемъ заклады возвращаются спортсменамъ. Но когда боевой пѣтухъ, послѣ двухъ-трехъ схватокъ, опрокидываетъ навзничь своего противника, схватываетъ его за гребешокъ и бородку и начинаетъ водить побѣжденнаго рыцаря вокругъ арены, — тогда восторгу публики не бываетъ предѣла и спортсмены Суконной Слободы рукоплещутъ неистово счастливому пѣтуху-побѣдителю. (к.)

Въ извѣстномъ звѣринцѣ Гагенбека, въ Гамбургѣ, дрессируется въ настоящее время молодой львенокъ для ѣзды на велосипедѣ. Это не совсѣмъ легко, и дрессировка продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Велосипедъ употребляется трехколесный; подставки для лапъ имѣютъ форму и величину тарелокъ. Переднее колесо имѣетъ 80 сант. высоты. (с.)

Снотворныя подушки. Вмѣсто пуха набивкою служитъ хмѣль. Утверждаютъ, что особенно цѣлебны подобныя подушки для истерическихъ и вообще нервныхъ женщинъ. (N.)



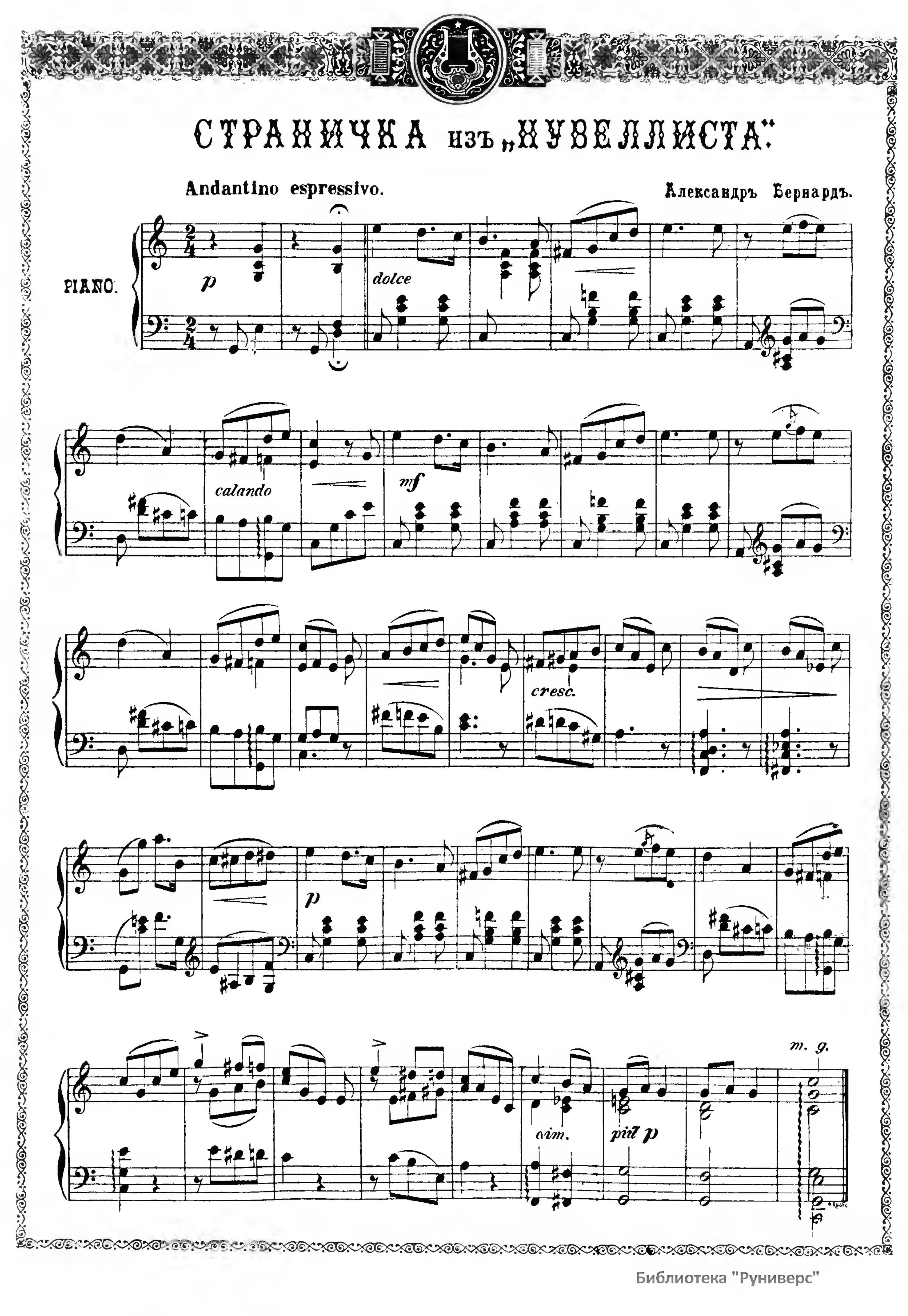
Рождество Христово. На слегахъ (Рождественскій обычай въ Англіи). Грав. Крейеръ.

Рождественская задача № 81.

					1	2	3					
4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	17	18			19	20	21			22	23	
	24	25			26	27	28			29	30	
	31	32			33	34	35			36	37	
38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63
	64	65			66	67	68			69	70	
	71	72			73	74	75			76	77	
	78	79			80	81	82			83	84	
85	86	87	88	89	90		91	92	93	94	95	96

Изъ данныхъ 96 буквъ: 8 а, 7 в, 2 г, 4 д, 7 е, 2 ж, 1 з, 4 и, 4 л, 7 м, 3 н, 6 о, 1 п, 2 р, 6 с, 5 т, 3 у, 2 х, 1 ч, 1 ш, 1 щ, 10 ъ, 2 ы, 1 ь, 2 ѣ, 1 ю, 2 я и 1 й, составить слѣдующія 21 слово:

1) Первый царь Апуліи 6. 8. 9. 15. 4.
2) Извѣстный древне-греческій поэтъ 68. 2. 14. 13. 7. 16.
3) Древній законодатель евреевъ 21. 10. 27. 5. 40. 61.
4) Народное собраніе въ древней Руси 18. 87. 46. 44.
5) Личное мѣстоимѣніе 48. 42.
6) Большая рѣка въ Россіи 29. 54. 36. 17.
7) Рождаемое раньше слова 26. 19. 52. 11. 77.
8) Напѣвъ, распѣвъ 41. 23. 49. 47. 38. 22.
9) Мать жены 64. 62. 91. 24.
10) Часть головы 35. 32. 25.
11) Рыцарскій доспѣхъ 30. 57. 96. 55. 28.
12) Время года 69. 92. 59. 80. 31.
13) Житель дальняго Сѣвера 85. 90. 20. 50. 65. 63. 33.
14) Земледѣльческое орудіе 73. 82. 43. 34.
15) Египетское божество 53. 1. 76. 74. 45.
16) Дерево 83. 12. 3. 56.
17) Принадлежность колеснаго экипажа 66. 72. 37. 58.
18) Одинъ изъ видовъ мебели 79. 70. 89. 95. 60.
19) Оптическій обманъ въ природѣ 84. 81. 67. 71. 39. 75.
20) Общественное учрежденіе 88. 51. 93. 78.
21) Двѣ согласныя буквы русской азбуки 94. 86.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ клѣткахъ предлагаемой фигуры на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 15 частей такъ, чтобы, по соединеніи ихъ, составились четыре цифры, а въ послѣднихъ можно было прочитать слова одной фразы.

СТРАНИЧКА изъ „НУВЕЛЛИСТА".
Andantino espressivo.
Александръ Бернардъ.
PIANO.
p
dolce
calando
mf
cresc.
p
dim.
più p
m. g.

Рѣшеніе задачи буквъ № 73 (помѣщ. въ № 47).

1. Браминъ. 2. Гомеръ. 3. Туринъ. 4. Некторъ. 5. Одинъ. 6. Иней. 7. Шевченко. 8. Гавань.

		й	н	ъ		
	м	о		р	ъ	
с	в	и		ъ	Д	е
Р	у	б		н	ъ	Н
ш	т	е		е	р	о
	А	н	т	о	н	
	Г	р	и	г	о	
п	ъ	М	а	к	ч	ъ
к	а	в	е	и	и	н

А	н	т	о	н	ъ	
Г	р	и	г	о	р	ь
	е	в	и		ч	ъ
	Р	у	б		и	н
	ш	т	е		й	н
	ъ	Д	е	м	о	
	н	ъ	Н			
	е	р	о			
н	ъ	М	а	к		
к	а	в	е	и		

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.
Демонъ. Неронъ. Маккавеи.

Вѣрныв рѣшеніе этой задача присланы отъ гг.: **СПБ.**—П. В. Панкова, С. Клыкова, Володв, Вака, М. Г., А. Яковлева, Ф. Михвль, М. М. Птцигсонъ, Н. Ч., Бар. Таубе, П. Демидова, А. А. Посиѣева, **Москва**—Рымарова, Н. П. Садовина, Л. Милинскаго, С. Покровскаго, А. А. Терентьела, **Б. Коровино**—В. К. Тврскаго, **Батумъ**—А. Бутовскаго, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Вилькомірѣ**—С. П. Вершилло, **Елецъ**—Голофѣвва, **Кіевъ**—Л. Н. Шульженко, Л. Е. Шилохвастова, **Калуга**—С. П. Соколовв, **Лебедянь**—В. П. Чурилина, **Макарьевъ**—М. Лифинв, **Нѣжинъ**—В. П. К—аго, **Ростовъ**—А. П. Щербвкова, **Тамбовъ**—С. Конюховн. И, Ананьевн, Э. П. Гикель, **Царское Село**—П. Н. Виднѣева, **Шацкъ**—А. А. Тюменева, **Шаргородъ**—Ѳ. А. Банковскаго, **Ярославль**—Е. Фальковича.

Рѣшеніе задачи № 75 (помѣщенной въ № 48).
„Шарада“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ **486** лицъ, почему фамиліи ихъ, за недостаткомъ мѣста, не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе Географической задачи № 71 (помѣщ. въ № 46).

..,. Нало 1	,,.., Куяба 4	;... Паво 7
,., Дlу 0		..,. Шари 2
..., Доль 3	.,. Лол 8	,.., Сожъ 5

„Наша доля—Божія воля“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** Ф. А. Боронина, А. А. Посиѣева, Володв, Ф. Михель, К. М. Савилова; **Москва**—В. Иванова, М. Комврова, кн. М. Г—на, А. Покровской, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бахмутъ**—А. Бутовскаго. **Витебскъ**—А. Шиманскаго, **Валдай**—Е. Глаголенскаго, **Вилькомірѣ**—С. П. Вершилло, **Калишъ**—П. Герингъ, **Кіевъ**—Р. М. Семенцова, А. Н. Шульженко, **Ковно**—А. Люрій, **Ковель**—М. А. Пушаковой, **Лебединъ**—В. Н. Чурилина, **Нижнетагильскъ**—Смольниковой, **Полтава**—Н. Борсукъ, **Оренбургъ**—Миронова, **Симферополь**—Л. С. Лусунона, **Тверь**—З. М. Назаровой, **Терны**—В. П. Красинольскаго, **Тамбовъ**—С. К. Конюхова, **Ярославль**—П. Мосягина.

Рѣшеніе ребуса № 72 (помѣщеннаго въ № 46).
„Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.“

Рѣшеніе ребуса № 74 (помѣщеннаго въ № 48).
„Далеко кулику до Петрова дня.“

ПОПРАВКА.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого № на стр. 1337, въ подписи подъ рисункомъ, по недосмотру, въ словѣ *волхвовъ* пропущено второе *в*.

При этомъ № прилагается ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ за 1889 годъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
НА НОВЫЙ
литературно-политическій и научный журналъ
РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ будетъ выходить безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика**, библіографія, корреспонденціи.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИМУТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Незеленовъ, К. Орловскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **Главацкая (Рада-Бей), А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, И. П. Минаевъ, Е. Л. Марковъ, О. К., Э. О. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

Изъ приглашенныхъ редакціей иностранныхъ сотрудниковъ ближайшее участіе примутъ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), Г. Вельшенже (Henri Welschinger), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), Стэдъ (Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГОДА.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 „ — „	8 „ 50 „
Съ пересылкой иногороднымъ	17 „ — „	9 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ, ДОМЪ ЗЫКОВА, № 46,** а также въ книжномъ магазинѣ Думнова (бывшій Салаева), кромѣ того у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

Издатель Н. БОБОРЫКИНЪ. **Редакторъ кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.**

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

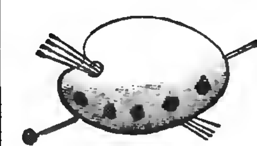
LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (40)

ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ ПАРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО



КРАСОКЪ для гг. художниковъ, живописцевъ, лакировщиковъ, маляровъ, войска, домашняго обихода.

Складъ маселъ, лаковъ, кистей, холста для картинъ и всѣхъ живописно-малярныхъ принадлежностей

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ и СПЕЦІАЛИСТЪ

различныхъ живописныхъ, лакировочныхъ, позолотныхъ и малярныхъ работъ №4242

С.-ПЕТЕРБУРГЪ **К. И. ГОФЕ.** МОЙКА, № 77.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

въ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій.
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. №3847 6—5

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, **безплатно.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

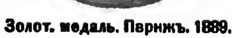
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій пр., № 21.

Фабричная марка.

ДЛЯ

ЕЛКИ



Парафиновыя свѣчи, Бенгальскіе огни приготовленн. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія.

Свѣтъ магнезіумъ для яркаго освѣщенія.

Зажигательная нитка.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ Г. № 4210 3—3

только что полученныхъ изъ Парижа

новѣйшихъ и красивыхъ

ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18—54. **(Оптовая и розничная продажа).**

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА: Петербургъ, Литейный, 46; Москва, Моховая, д. Коха, и Варшава, Новый Свѣтъ, 67,

продаются слѣдующія книги:

ВЫШЛО ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КНИГИ:

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ. ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

СКОРОМНЫЙ и ПОСТНЫЙ СТОЛЪ

О. ПАВЛОВСКОЙ. Руководство для приготовленія **2,800 скоромныхъ и постныхъ блюдъ,** начиная съ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, напитковъ и приготовленій запасовъ въ прокъ; **съ 20-ю РАСКРАШЕННЫМИ РИСУНКАМИ всѣхъ частей быка и теленка, снятыми фотографіею съ натуры** и сопровождаемыми **подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса,** что очень важно въ хозяйствѣ, причемъ въ книгѣ описано **средство для сбереженія припасовъ и исправленія попорченыхъ,** средство **весьма необходимое,** особенно лѣтомъ, при отсутствіи **ледника** или **холоднаго чулана.** Кромѣ того, въ книгѣ находится **реестръ порядка обѣдовъ съ нѣкоторыми примѣрами,** что необходимо имѣть подъ рукой, какъ образецъ послѣдовательнаго подаванія блюдъ. **Мѣра-же и вѣсъ** приняты **общеупотребительные и простѣйшіе, доступные всѣмъ.** Въ книгѣ болѣе **700** печатныхъ страницъ.

ЦѢНА 4 руб., ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 4 руб. 75 коп.

Выписывающіе эту книгу изъ магазиновъ **Карбасникова** за пересылку не платятъ.

О первомъ изданіи этой книги въ газетѣ „Голосъ" 29 Марта 1876 г., былъ помѣщенъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ:

....„Давно уже ощущаемый недостатокъ въ руководствѣ къ раціональному веденію домашняго хозяйства для нашихъ молодыхъ хозяекъ восполненъ въ настоящее время вышедшей на-днвхъ въ свѣтъ книгой „Скоромный и Постный столъ", составл. и издан. г-жею О. Павловской (псевдонимъ). Книга эта, предназначенная преимущественно для небогатыхъ семействъ, состоитъ почти изъ 3000 наставленій для приготовленія кушаній, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, приготовленія запасовъ въ прокъ и средствъ къ сбереженію припасовъ. Сверхъ того, въ книгѣ находится реестръ примѣрныхъ обѣдовъ; каждый отдѣлъ блюдъ начинается скоромнымъ и кончается постнымъ кушаньями, что, безъ сомнѣнія, представляетъ большое облегченіе во время поста, для каждой хозяйки. Одно изъ главныхъ достоинствъ книги г-жи Павловской заключается въ приложенныхъ къ ней 20 раскрашенныхъ рисункахъ всѣхъ частей быка и теленка. Изображенія эти, снятыя съ натуры, сопровождаются подробнымъ описаніемъ употребленія каждой части мяса и отчетливо выполнены художникомъ Борелемъ. Они могутъ оказать большую услугу хозяйкамъ, незнакомымъ съ анатоміей быка и теленка, избавивъ ихъ отъ возможности впасть въ ошибку при покупкѣ того или другаго сорта мяса. Вообще книга „Скоромный и Постный столъ" изобилуетъ массой разнообразныхъ и самыхъ общеполезныхъ свѣдѣній и съ успѣхомъ можетъ служить настольною книгою каждой заботливой хозяйки.

Внѣшность-же изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго".

„ИСКОРКА" Книжка для дѣтей, изданіе журнала „ИГРУШЕЧКА", съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Зимній вечеръ. (Стих.) **А. Н. Плещеева.** Левъ старца Герасима, съ прилож. ориг. рисунка худож. И. Рѣпина, **Н. С. Лѣснова.** Василекъ (сказ.) **О. Чюминой.** Надины туфельки **А. К. Владимировой.** Малютки Петръ и Павелъ **М. Тимофеевой.** Оля Никифорова **А. Толивѣровой.** Царица Моя (Стих.) **Сп. Дрожжина.** Дѣти, недовольныя своей судьбой **А. Холмогеровой.** Неоконченное письмо **Евг. Ольгиной.** Рисун. Элегіи съ карт. худож. Н. А. Сергѣева. Соловей и Лягушки (Басня) **О. Чюминой.** Годъ на Кавказѣ **Е. Анненковой.** (Рисунки Волги, съ карт. проф. И. К. Айвазовскаго и Валъ, съ карт. проф. В. Д. Орловскаго). Японскій мальчикъ То. **В. Марковой.** Храбрый Вальнотъ **М. Эрихсенъ.** Какъ и гдѣ былъ срубленъ городъ Ярославль **М. Васильева.** Полевыя работы **А. Д. Юзефовичъ.** Маленькій барабанщикъ (съ итал.) **Эдм. де-Амичиса.** Петруша (Стих.) **Ник. Шлямбергера.** Хрустальное яичко **А. Тургеневой.** Малахитовая печатка **Ольги Алексѣевой.** Полевой Жаворонокъ **Максимушин.** Надина чашка кофе **А. К. Владимировой.** Путешествіе Филиппа Керью (съ вигл.) **А. Т.**

Новая книга: **УРОКИ РИСОВАНІЯ** для малыхъ дѣтей, съ методическими указаніями для матерей и воспитателей. Сост. Е. ВОЛКОВЪ, съ 26-ю таблицами рисунк. и 4-мя транспарант. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА для родителей и воспитателей на 1889—90 уч. г. Составилъ **Н. И. Игнатовъ.** Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. **Содержаніе:** Полныя и подробныя правила и программы для поступающихъ во всѣ учебныя заведенія, мужскія и женскія (исключ. высшихъ) съ характеристиками учебн. заведеній. Выборъ книгъ. Лучшія книги для дѣтскаго и юношескаго чтенія, имѣющіяся на русскомъ языкѣ, съ описаніемъ содержанія ихъ. Выборъ дѣтскихъ журналовъ. Характеристика существующихъ дѣтскихъ журналовъ (Н. И. Позникова). Выборъ игрушекъ, игръ, занятій и работъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ (И. А. Литвинскаго).

О ВЛІЯНІИ ЖЕНЩИНЪ НА УСПѢХИ ЗНАНІЙ.

А. Х. Михневскаго, автора „Типы душевнаго развитія". „Женственность" и др. Ц. 25 к.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ЕЯ РАДОСТЯХЪ И ПЕЧАЛЯХЪ.

Правила житейской мудрости для мужей и женъ. Составлена по англ., русск. и франц. писателямъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленк. перепл. 2 руб., на пересылку 20 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ быть счастливымъ въ бракѣ.—Быть или не быть, вступать въ бракъ или нѣтъ?—Польза брака для мужчинъ.—Выборъ жены.—Выборъ мужа.—Теорія Платона о неудачныхъ бракахъ.—Брачныя церемоніи.—Медовый мѣсяцъ.—Брачные контракты.—Первые годы брачной жизни.—Устройство квартиры.—Сбереженіе въ хозяйствѣ.—О прислугѣ.—Родительскія обязанности.—Польза отъ дѣтей.—Вліяніе дѣтей на родителей.—Хорошія матери.—Отецъ въ качествѣ няньки.—Вѣжливость въ домѣ.—Спокойствіе въ домѣ.—Семейныя распри.—Дисциплинирующее вліяніе семьи.—Семейное согласіе.—Сѣти и клѣтки.—Обязанности мужей.—Здоровье семейства.—Любовь переживаетъ бракъ.—Вѣчная разлука супруговъ. № 4250

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на литературно-политическій журналъ

ГОДЪ IX. **НАБЛЮДАТЕЛЬ** ГОДЪ IX.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, *перваго числа*, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, *безъ предварительной цензуры*.

Въ книгахъ 1890 года будутъ напечатаны: 1) „**Сердце скажетъ**", романъ *Максима Бѣлинскаго*; 2) „**Малышъ**", повѣсть *Н. Ѳ. Бажина*; 3) „**Закатъ**", разсказъ *К. С. Баранцевича*; 4) „**Пустое зерно**", повѣсть *П. Льтнева*; повѣсти и разсказы: *П. В. Засодимскаго*, *Ф. Д. Нефедова*, *Д. Сибиряка* и мн. др.

Годовая цѣна: **12** р. безъ доставки; **13** р. съ доставкою; **14** р. съ пересылкой иногороднымъ; за границу—**17** р. За полгода **7** р. съ перес. во внутрен. губерніи.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6). № 4228 2—2

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Отпечатаны **3 изданіемъ** и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

Въ 2 большихъ томахъ. Съ **новымъ** портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ **Гедансмъ**, по фотографіи Ю. Штейнберга, и руководящей статьей **Н. Михайловскаго.** Изданіе **Ф. Павленкова.** Цѣна за оба тома прежняя — **3 р.**, въ простомъ переплетѣ **3 р. 50 к.**, въ роскошномъ —**4 р.** Mt. № 4257

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

ЖУРНАЛЪ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.

Выходитъ по три книжки въ мѣсяцъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ — по двѣ. всего 33 книжки въ годъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе преимущественно лица, сами стоящія у практическаго дѣла.

Подписная цѣна: полгода (16 книжекъ) 3 р., на годъ (33 книжки) 6 р., а съ приложеніями 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЙ въ 1890 г. будетъ дано не менѣе, какъ на 9 р. сверхъ журнала.

Подписывающимся высылаются вышедшія уже книжки немедленно.

Съ подписною адресоваться въ журналъ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 66. № 4245

съ 1858 г. Открыта подписка на 1890 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ"

Журналъ даетъ въ годъ **200** картинъ крашеныхъ, всѣхъ родовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и повѣстямъ, массу каррикатуръ и **12** большихъ ежемѣсячныхъ картинъ—приложеній и иллюстрированный

КАЛЕНДАРЬ.

Всякій годовой подписчикъ на **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ"** получитъ **при подпискѣ-же** премію—большую картину, исполненную масляными красками:

ИЗУВѢРЫ РАСКОЛА П. № 4198 4—4

(БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА у протопопа Аввакума).

За пересылку преміи, въ виду увеличенія почтамтомъ пересылочной платы почти вдвое, гг. подписчики прилагаютъ **одинъ** рубль.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ въ Москвѣ безъ доставки съ преміей	6 р. с.
На пересылку преміи въ Москвѣ	„ „ 50 к.
На годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города	6 р. с.
На пересылку преміи во всѣ города	1 „ „
На полгода въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкой во всѣ города	4 р. с.
На 3 мѣсяца	2 р. с.
За границу	8 р. с.

Адресъ редакціи „Развлеченія" Москва, Зацѣпская ул., д. П. П. Щеглова.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Зацѣпская ул., д. Щеглова**, въ конторѣ Н. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и др. городовъ Россіи.

Изд. **П. Щегловъ.**

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ВОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ.

Гигіеническій романъ профессора **П. Мантегацца.** Цѣна **50** коп. **Mt. № 4259.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 г. НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и

ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. № 4264

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой **16 р.**; на полгода — **9 р.**

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Редакторъ-Издатель: Ученый Инженеръ-Механикъ **К. А. Казначеевъ.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

на годъ **5 р.**; на 8 мѣс. **4 р.**; на 6 мѣс. **3 р.**; на 4 мѣс. **2 р.**; на 2 мѣс. **1 р.**; на 1 мѣс. **60 к.**

За границу на годъ **10 р.**

Объявленія по **10 к. за строку.**

Адресъ: С.-Петербургъ, Преображенская, 4. **(360 вып. въ годъ).** № 4142 8—6

Редакт. **И. В. Скворцовъ.** Издатель **А. А. Греве.**

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1890 годъ!

XV ГОДЪ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ XV.

„СТРЕКОЗА"

ОРГАНЪ ЛЮБОМУДРІЯ, ОСТРОСЛОВІЯ и ВЕСЕЛОНРАВІЯ.

Цѣль изданія похвальная и всегда желательная.—Средства благородныя и возвышенныя.—Мораль—строгая и капитальная.—Область компетенціи—мірозданіе. Характеръ шутливый и рѣдкій: никогда не унывающій. Наружность щегольская и представительная.—Языкъ словоохотливый. Правописаніе—академическое.—Галлерея рисунковъ.—Энциклопедія свѣдѣній и фактовъ.—Сокровищница стиховъ.—Электрическое освѣщеніе, телефонъ и безплатная прививка оспы дѣтямъ **годовыхъ** подписчиковъ.—Много медалей со всемірныхъ выставокъ.

Избранная журналомъ для 1890 года **ПРЕМІЯ** будетъ **вполнѣ чрезвычайная.** Ничего, подобнаго ей, не было и не будетъ. Годовые подписчики получатъ большой и роскошный альбомъ подъ названіемъ:

„НАШИ ТЕЩИ"

На исключительную эксплуатацію вопроса о тещахъ взята нашимъ журналомъ особая привилегія изъ департамента мануфактуръ и торговли. Тещи, какъ извѣстно, вездѣсущи, всевѣдущи и всемогущи. Раньше боролись съ ними только описательно—перомъ. Теперь „Стрекоза" изобразитъ ихъ графически—карандашемъ.

Альбомъ „Наши Тещи" будетъ заключать въ себѣ 12 наиболѣе типичныхъ, экспрессивныхъ и характерныхъ тещиныхъ головокъ.

Для составленія Альбома, вмѣстѣ съ этимъ открывается и объявляется всероссійскій конкурсъ. Мы обращаемся съ покорною просьбою ко всѣмъ зятьямъ любезно присылать намъ (разумѣется подъ секретомъ) фотографическія карточки тещъ.

Конкурсъ будетъ закрытъ 15 марта будущаго 1890 года.

Каждая премированная, вошедшая въ составъ альбома, теща получитъ отъ „Стрекозы" благодарственное привѣтствія въ стихахъ, флаконъ восточныхъ духовъ и хромолитографированный дипломъ на званіе почетной образцовой тещи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:	Во всѣ города Имперіи:	За границу:
безъ дост. на годъ 8 р. 50 к. „ „ полгода 4 „ 25 „ съ дост. на годъ. 9 „ — „ „ „ полгода 4 „ 50 „ годовые подписчики безъ доставки, вносящіе по 4 р. 75 к. и годовые съ доставкою, вносящіе по 5 р. за каждое ½-годіе, пользуются тоже преміею.	на годъ съ пер. преміи 10 р. на ½ года безъ преміи 5 р. Годовые подписчики, вносящіе по 5 р. 50 к. за каждое ½-годіе, пользуются тоже преміею.	на годъ съ преміею 12 р. по ½-годіямъ безъ преміи . . . . . 6 „ Годовые подписчики, вносящіе по 7 руб. за каждое ½-годіе, пользуются тоже преміею. № 4227 2—2

Редакція и Контора помѣщаются: 74, Фонтанка, на углу Лештукова пер.

Издатель **Г. К. Корнфельдъ.** Редакторъ **И. Ф. Василевскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.**

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Ц. № 4163 5—4

На рубежѣ восьмаго года существованія нашего изданія намъ не приходится распространяться о цѣляхъ и задачахъ „Нов. Дня". Фактъ тотъ, что распространенность и популярность газеты дали возможность увеличить форматъ ея до размѣровъ большихъ ежедневныхъ газетъ, *не увеличивая подписной цѣны*. Всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала дѣлаютъ „Нов. Дня" газетой одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей.

Изъ беллетристики въ портфелѣ редакціи имѣются между прочимъ: Тушинскій воръ, изъ временъ междуцарствія, больш. историч. пов. Д. С. Дмитріева, Отецъ, ром. въ 4 час. К. В. Назарьевой. Въ заколдованномъ кругѣ, ром. О. Е. Дубровиной. Быльемъ поросло, повѣсть П. И. Богатырева. Отверженные, ром. въ 2 час. В. Курскаго. Семейная путаница, ром. Белло, перев. Охтинской.

Подписная цѣна:

	Въ Москвѣ.	На города.	За границу.
	р. к.	р. к.	р. к.
На 12 мѣс.	8.—.	9.—.	13.—.
„ 11 „	7.50.	8.50.	12.90.
„ 10 „	7.—.	8.—.	12.—.
„ 9 „	6.50.	7.—.	10.90.
„ 8 „	6.—.	6.50.	9.70.
„ 7 „	5.50.	6.—.	8.80.
„ 6 „	5.—.	5.50.	7.90.
„ 5 „	4.50.	5.—.	6.70.
„ 4 „	3.70.	4.—.	5.60.
„ 3 „	2.90.	3.—.	4.70.
„ 2 „	1.90.	2.—.	3.—.
„ 1 „	1.—.	1.—.	1.60.

Адресъ:

Москва, Мясницкая, д. Сытова,

Контора газеты „Новости Дня".

Дозвол. цензур., СПБ., 19 декабря 1889 г. — **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

Россiйскiе Императорскiе и царскiе ордена и медали.

Безплатное приложенiе къ журналу „НИВА“ на 1889 г. Акварель (собственность „НИВЫ“) А. Земцова.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ 18 Ноября 1889 г.
Печ. въ артистическомъ зав. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч. № 1.